

ГАГАУЗЫ В МИРЕ
И
МИР ГАГАУЗОВ

ТОМ I

ГАГАУЗЫ В МИРЕ

Исполком АТО Гагаузия (Гагауз Ери)
Центр по изучению межэтнических отношений Института
этнологии и антропологии РАН
Комратский государственный университет

**ГАГАУЗЫ В МИРЕ
И
МИР ГАГАУЗОВ**

**Гагаузы в мире
Том I**

Комрат–Кишинёв, 2012

Книга подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: грант № 09-01-00012а «Гагаузы: история в культуре и культура в истории»; Грант № 11-01-00534а «Этногенез. Воображаемые прашуры и реальные потомки» (Руководитель грантов – М. Н. Губогло).

Издаётся на личные средства профессора М. Н. Губогло, а также по решению и при поддержке Исполкома Гагаузии (Гагауз Ери).

Автор идеи, составитель и ответственный редактор – М. Н. Губогло

Редакционная коллегия: В. И. Балова, Ф. Н. Гагауз, Е. Н. Квилинкова, А. Г. Нягова, П. М. Пашалы, Н. М. Стоянов, Л. В. Федотова

Редактор: Т. В. Зайковская

К 100-летию профессора М. П. Губоглу

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Гордость гагаузского народа. К 100-летию со дня рождения М. П. Губоглу (<i>М. М. Формузал</i>)	8
Предисловие (<i>М. Н. Губогло</i>)	11

Раздел I БУДЖАК, ГАГАУЗЫ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. П. ГУБОГЛУ

Глава 1 ВОСПОМИНАНИЯ О М. П. ГУБОГЛУ

Родом из Чадыр-Лунги (Штрихи к портрету М. П. Губоглу) (<i>М. Н. Губогло</i>)	18
Учёный, которого не должны забывать (<i>Н. Г. Корлэтяну</i>)	51
Штрихи к биографии Михаила Петровича Губоглу (1911–1989) (<i>С. С. Булгар</i>)	53
История и культура в научном наследии профессора М. П. Губоглу (<i>С. С. Курогло</i>)	57
М. П. Губоглу – почётный гражданин г. Чадыр-Лунга (<i>П. М. Пашалы, М. К. Пашалы</i>)	63
Возвращение М. П. Губоглу в гагаузоведение (<i>И. Ф. Грек</i>)	66
Юбилейная конференция, посвящённая 95-летию со дня рождения М. П. Губоглу (<i>А. Г. Нягова</i>)	73
Dostum rahmetli Mihail Guboğlu / Çadır 1911 – İstanbul, 12 mayıs 1989 (<i>Huseyn Ayan</i>)	76
En Homage a Mihail Guboglu (<i>Petre S. Nasturel</i>)	79
La Bio-bibliographie de Mihail Guboglu (<i>Anca Popescu</i>)	84

Глава 2 ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М. П. ГУБОГЛУ

Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине (<i>М. П. Губоглу</i>)	90
Une Source Historique Turque de 1740 Concernant la Valachie, la Moldavie Et L'Ukraine (<i>М. П. Губоглу</i>)	120
Востоковедение в Румынской Народной Республике (<i>М. П. Губоглу</i>)	124
Bibliographie M. Guboglu (1933–1990)	132

Раздел II ГАГАУЗЫ И ГАГАУЗОВЕДЕНИЕ: КОНТУРЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

Глава 3 ИСТОЧНИКИ

Codex Cumanicus как этнологический источник (<i>М. Н. Губогло</i>)	151
Архивные и историографические данные по общественной жизни и традиционной культуре гагаузов (<i>Е. Н. Квилинкова</i>)	166
Архивные источники начала XIX в. по истории гагаузов (<i>Г. К. Кышлалы, Л. Реулец</i>)	174
Источники по культуре гагаузов в коллекции Российского этнографического музея (<i>Н. М. Калашиникова</i>)	184

Глава 4 ИСТОРИОГРАФИЯ

Из истории изучения Codex Cumanicus (<i>М. Н. Губогло</i>)	202
Историография «Северно-тюркского направления» (печенеги, узы, куманы) (<i>М. Н. Губогло</i>)	219
Молдавская историография гагаузоведения (<i>Е. Н. Квилинкова</i>)	235
Украинская историография гагаузоведения (<i>А. В. Шабашов</i>)	250
Болгарская наука о гагаузах (<i>Г. Б. Григоров</i>)	255
Болгаристика и гагаузоведение в системе Академии наук Молдовы. Как все начиналось... (<i>В. И. Сырф</i>)	259

Раздел III	
ИЗ ИСТОРИИ ВЕРОЯТНЫХ ПРЕДКОВ ГАГАУЗОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА	
Глава 5	
«СЕВЕРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ» ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ КОЧЕВНИКОВ	
Великая степь и Русь в горниле межэтнических отношений (<i>М. Н. Губогло</i>)	264
Общественная и повседневная жизнь вероятных предков гагаузов (<i>М. Н. Губогло</i>)	284
Глава 6	
«ЮЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ» ПЕРЕДВИЖЕНИЙ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ КОЧЕВНИКОВ	
Сельджукские следы в этнической истории гагаузов (Штрихи к жизнедеятельности Изеддина Кейкавуса II) (<i>М. Н. Губогло</i>)	312
Глава 7	
«БАЛКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ» В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГАГАУЗОВ	
Формирование самосознания гагаузов (<i>Е. Н. Квилинкова</i>)	337
Состояние религиозности гагаузов в исторической ретро- спективе (по архивным, историографическим и этнографиче- ским данным) (<i>Е. Н. Квилинкова</i>)	351
Религиозность и религиозная идентичность гагаузов в настоящее время (<i>М. Н. Губогло</i>)	365
Раздел IV	
ГАГАУЗЫ И ДИАСПОРА	
Глава 8	
ГАГАУЗСКИЕ ДИАСПОРЫ	
Доктринальная основа гагаузской диаспоры (<i>М. Н. Губогло</i>)	379
Гагаузы в Болгарии (<i>Е. Н. Квилинкова</i>)	402
Гагаузы в Украине (<i>А. В. Шабашов</i>)	413
Гагаузы в Греции (<i>С. С. Булгар</i>)	421
Гагаузы в Бразилии (история одной эмиграции 1925–1930 гг. XX в.) (<i>С. С. Булгар</i>)	429
Раздел V	
ГАГАУЗЫ В СВЕТЕ ЭТНОДЕМОГРАФИИ. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ	
Переселенческое движение гагаузов в Южную Бессарабию в XVIII – первой половине XIX в. (основные этапы) (<i>О. К. Радова</i>)	448

Раздел VI	
АНТРОПОЛОГИЯ И СРЕДА ОБИТАНИЯ	
Антропологический облик гагаузов (<i>Н. А. Дубова</i>)	467
Природно-географическая и экологическая панорама Буджака – среды обитания гагаузов (<i>Л. В. Федотова</i>)	474
Раздел VII	
ЯЗЫК	
Глава 9	
ЯЗЫК ВООБРАЖАЕМЫХ ПРЕДКОВ	
Лексико-семантические гнёзда (ЛСГ) в Codex Cumanicus – кладовые этнографического знания (<i>М. Н. Губогло</i>)	491
Слова, извлечённые из небытия: кумано-гагаузские этноязыковые параллели (<i>М. Н. Губогло</i>)	497
Межэтнический синтез как основа этнической истории (<i>М. Н. Губогло</i>)	526
Глава 10	
ЯЗЫК: СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ	
Происхождение и строй гагаузского языка (<i>Е. С. Попович-Сороच्याну</i>)	535
Диалекты гагаузского языка (<i>Е. С. Попович-Сороच्याну</i>)	547
Глава 11	
ЯЗЫК: ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
Особенности идентификации своего языка у различных групп гагаузов и становление плоттонима «гагаузский язык» (<i>Е. Н. Квилинкова</i>)	551
Языковая ситуация (стабильность и динамизм) (<i>М. Н. Губогло</i>)	568
Этнополитическое взросление (полувековой опыт гагаузов 1948–1998) (<i>М. Н. Губогло</i>)	585
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	
Гагаузский вклад в развитие и сохранение этнических основ молдавской общности (<i>В. Н. Стату</i>)	591
БИБЛИОГРАФИЯ (<i>М. Н. Губогло, Е. Н. Квилинкова</i>)	606
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	749
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	749

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

ГОРДОСТЬ ГАГАУЗСКОГО НАРОДА.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. П. ГУБОГЛУ

Постановлением Исполкома и Народного Собрания Гагаузии 2011 год был объявлен годом двух выдающихся деятелей, рождённых на Буджакской земле, в связи со 150-летием со дня рождения прославленного священника Михаила Чакира и 100-летием со дня рождения учёного с мировым именем Михаила Губоглу.

В подготовленный к 100-летию юбилею Михаила Петровича Губоглу двухтомник вошли статьи исследователей Республики Молдова, России, Болгарии, Украины, представляющих профессионально подготовленную творческую элиту современной этнологической науки. Проблематика двухтомника представляет огромный интерес не только для самых разных и взыскательных читателей и почитателей таланта своих великих земляков, но и для восприятия, освоения и усвоения культурного наследия и глубокого осознания национального достоинства гагаузского народа.

Одним из важных знаковых событий, символизировавших вхождение гагаузов в мировую историю, стали I и II Всемирные конгрессы гагаузов, в проблематике которых вопросы происхождения, возрождения и развития этнокультурной истории гагаузов занимали видное место. Михаил Петрович Губоглу был одним из тех, кто вложил немало усилий, вдохновения и воображения в инициирование и мобилизацию исследований в области гагаузоведения как части тюркологии в составе гуманитарного знания.

Двухтомник «Гагаузы в мире и мир гагаузов», подготовленный авторским коллективом по инициативе и под руководством заслуженного деятеля науки Российской Федерации, нашего земляка, профессора М. Н. Губоглу, накануне III Всемирного конгресса гагаузов, олицетворяет новый исторический этап становления государственности гагаузов и выражения органической связи научного гагаузоведения с мировой ориенталистикой.

Предлагаемый двухтомник – первое в мире концептуально выдержанное и богато иллюстрированное издание, наиболее полно отражающее этническую историю, традиционные хозяйственные занятия, повседневную жизнь, нравы, обычаи и обряды гагаузского народа и его вероятных предков. Оригинальная особенность настоящего издания в отличие от предшествующих публикаций состоит в том, что часть новых данных из нарративных источников, ряд иллюстраций впервые вводится в научный оборот. Авторский коллектив двухтомника выстраивает великолепную визуальную панораму жизнедеятельности гагаузского народа с впечатляющими зрительными образами.

В книге обстоятельно представлены традиционные для этнографического описания очерки о его поселениях и жилище, одежде и системе питания, календарной обрядности, хозяйственных и художественных промыслах, устном народном творчестве и особенностях современной профессиональной культуры. Специальная глава посвящена этнополитической истории гагаузов во второй по-

ловине XX в. и выдающейся роли русского языка в сохранении самобытности и в борьбе за самоопределение.

Избегая чрезмерной политизации и эмоционального напряжения, учёные излагают общую панораму истории гагаузов, динамику численности и картину их расселения в Молдове, России, Украине, Бразилии, Греции. Важное значение для понимания этнополитического «рывка», результатом которого на закате XX в. явилось создание собственной государственности, имеют очерки, посвящённые соционормативной культуре как «Грамматике жизни» (В. Овчинников), среде обитания, языку и языковой ситуации, основным занятиям и особенно динамике отраслевой и социально-профессиональной структуры гагаузов, в том числе эволюции образовательного уровня населения и вызреванию его профессиональной культуры.

Авторов книги вдохновляла идея, что именно в России, являющейся *Alma Mater* для окончательного осознания гагаузами себя самостоятельным народом, более столетия назад создан труд, в котором освоены и изложены историографические опыты ряда стран и источниковедческая база, очерчены важнейшие этапы этнической истории гагаузов и их предков. Вместе с тем авторы проявили академическую корректность, осторожно определяя некоторые тюркоязычные народы средневековья в качестве вероятных предков гагаузов.

Несмотря на огромную библиографию, в которой прямо или косвенно отражена история и культура гагаузов и их не до конца установленных предков, данное издание вполне можно считать наиболее полным этнографическим и этноисторическим описанием гагаузского народа. Немногим более века прошло со времени публикации в нескольких номерах «Этнографического обозрения» классической монографии В. А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», переизданной в 2004 г. по инициативе и при финансовой поддержке Исполкома Гагаузии, в связи с острым историографическим голодом (с некоторыми не вполне обоснованными купюрами).

С именем М. П. Губоглу связано формирование в Румынии нового научного направления – османского источниковедения. Одними из символов и опредмеченных продуктов его научной деятельности стали несколько томов расшифрованных, прокомментированных и опубликованных им документов; организация и выпуск в качестве главного редактора 8-ми томов журнала «Очерки и материалы по ориенталистике» («*Studia et acta Orientalia*»); воспитание талантливых и преданных науке учеников-тюркологов; участие в нескольких десятках международных конгрессов, в том числе в Болгарии, Польше, Советском Союзе, Турции, Франции; щедрое одаривание своими энциклопедическими знаниями тех, кто обращался к нему за советами и поддержкой.

Без риска ошибиться могу привести концептуальную основу происхождения гагаузов, выношенную М. П. Губоглу за долгие годы размышлений и представленную в докладе «Особенности гагаузского фольклора, его значение и культ волка». Доклад был прочитан им 30 лет тому назад в Бурсе (Турция) на Втором международном конгрессе по тюркскому фольклору. В нём была изложена теория «синтеза», согласно которой основными компонентами этнического ядра гагаузов стали тюркоязычные печенеги, узы (огузы), куманы (половцы) и тюрки-сельджуки. «*Kanimca Hristian Turkleri Gaguzlar, Guney-dogu Avrupada ve Balkan*

yarimadasında (IX–XIII yy.) Pecenek-lezin, Uz (Oguz) larin, Komanlarin ve kismen Anadolu Selcuklularindan II. Sultan Kaykausun evlatlarinin karismasindan meydana gelmislerdir Gagauzlar bunlarin sentezidir».

Вобрав в себя представителей различных народов средневековья, гагаузы избежали вымирания и исчезновения с этнической карты мира. Переселившись в Бессарабию из Османской империи в конце XVIII – начале XIX вв. под именем «болгар, говорящих по-турецки», менее чем за три столетия гагаузы укрепились в своём этнониме, стали самостоятельным, самодостаточным народом, создав на карте XX в. собственную государственность в виде национально-территориальной автономии Гагауз Ери. Представляя собой сложное этническое образование, впитавшее в себя остаток ряда средневековых тюрков Малой Азии и евразийских степей, а также представителей некоторых европейских народов, например, греков и болгар, гагаузы, благодаря ускоренному процессу этнической консолидации, чем-то напоминают судьбу и типологически сходный пример процесса этногенеза американцев, англоканадцев, англоавстралийцев и некоторых других современных народов.

Гагаузский народ сохранил себя, свой этноним и самобытную культуру в непростой межвоенный период (1918–1940 гг.), оказавшись в составе Королевской Румынии. Он добился значительных успехов в социально-экономическом и этнокультурном развитии в советское время во второй половине XX в. За этот короткий по историческим меркам период родилась и окрепла политическая, административная, научная и художественная элита, показавшая в ходе развала Советского Союза пример мирного регулирования межэтнического конфликта и создания регионального самоуправления на демократической правовой основе.

Нельзя не выразить признательность племяннику юбиляра, доктору исторических наук, уроженцу Чадыр-Лунги – М. Н. Губогло, посвятившему одну из 18 своих книг – фолиант «Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки» [Губогло, 2003] – «Светлой памяти Губогло Михаила Петровича – сына Гагаузии, профессора Румынии, академика Турции...» в связи с 90-летием его дяди.

Пронзительную преданность своему учителю выразила его бывшая студентка, известная румынская исследовательница Анка Попеску, издавшая вместе с коллегами специальный сборник статей в память о своём наставнике в связи с его 95-летием: *Enjeux Politiques, Economiques et Iltaires en Mer Noire (XIV–XXI siecles). Etudes a'la memorie de Mihail Guboglu [Bilici, Candea, Popescu, 2007]*.

Уверен, что Михаил Петрович Губогло, посвятивший себя тюркологии и османской тюркологии, был бы удовлетворён и горд, увидев в посвящённых ему изданиях, в том числе в предлагаемом двухтомнике, столь блистательное созвездие специалистов, в том числе взявших в свои руки эстафету изучения происхождения, истории и культуры гагаузского народа.

Надеюсь, что компендиум «Гагаузы в мире и мир гагаузов», издаваемый при поддержке налогоплательщиков Гагаузии, а также на личные средства профессора М. Н. Губогло, станет заметным явлением в молдавской и мировой тюркологии, достойным памятником (*мавзолеем по-восточному*) выдающемуся исследователю и одарённому человеку, отмеченному Божественным знаменем, каким был Михаил Петрович Губогло.

Башкан Гагаузии
июнь 2011 г.

М. М. Формузал

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основу коллективного двухтомника, посвящённого 100-летию со дня рождения выдающегося востоковеда-тюрколога-османиста Михаила Петровича Губогло, родившегося в г. Чадыр-Лунге и прожившего большую часть жизни в Румынии, составили итоги историко-филологических, этнографических, демографических, этносоциологических исследований, проведённых учёными разных стран главным образом на рубеже XX–XXI вв.

На документальном материале нарративных и архивных источников, ведомственной статистики, итогов полевых наблюдений, в том числе впервые вводимых в научный оборот, характеризуются два вектора – *северный* и *южный* – движений вероятных предков гагаузов с Востока на Запад, и их оседания на Балканском полуострове. Монографическое описание институтов соционормативной культуры гагаузов, обширного пантеона их культов, роли выдающихся личностей в их этнической и этнополитической истории, анализ лексикографического материала, извлечённого из выдающегося письменного памятника конца XIII – начала XIV вв. Codex Cumanicus, позволяет восстановить полустёртые страницы этнической истории и отдельные особенности повседневной жизни, хозяйственных занятий, культуры, в том числе речевого поведения вероятных предков гагаузов.

Монографическое описание гагаузов в этнологическом жанре «Гагаузы в мире и мир гагаузов» позволяет показать, что в освоении причерноморской Добруджи, а позднее, в XIX–XX вв., – пустующих земель Южной Бессарабии, в сохранении самобытности, в укреплении этнического самосознания, в приобщении к болгарской, молдавской и русской культуре важную роль сыграли традиционные институты соционормативной культуры и пантеон культов, впервые особо выделенные в отдельный раздел двухтомника.

Решению комплексной задачи по монографическому описанию гагаузов во многом способствовали итоги новейших исследований и весомые публикации Ф. А. Ангели, Георгия Атанасова, Е. Н. Квилинковой, В. Стоянова, А. В. Шабашова и некоторых других авторов. Непосредственной предтечей двухтомника послужил ряд работ. Во-первых, – ротапринтный сборник материалов «Этносоциальные проблемы гагаузов. Опыт монографического описания / «Российский этнограф. Этнологический альманах», № 17, 1993. При его подготовке в начале 1990-х гг. было выявлено множество белых пятен в истории и культуре народа. Для их частичного устранения потребовались дополнительные исследования, дискуссии и творческие обсуждения.

Итоги этой работы отчасти нашли отражение в 10 томах серийного проекта «Курсом развивающейся Молдовы», изданных ИЭА РАН по итогам семи Российско-Молдавских симпозиумов в Республике Молдова в 2006–2010 гг., проведённых Институтом этнологии и антропологии РАН, Институтом культурного наследия Академии наук Молдовы, Комратским государственным университетом при активном содействии Исполкома и Народного Собрания Гагаузии.

Вдохновляющая и вполне реальная помощь авторскому коллективу в проведении этнологических исследований, организации международных научных симпозиумов и в серийной публикации их материалов в десяти томах была оказана Российским Гуманитарным Научным Фондом, благодаря двум грантам: «Оптимизация трансформационных процессов в Республике Молдова» и «Гагаузы: история в культуре и культура в истории» (руководитель грантов – М. Н. Губогло).

Во-вторых, историографические данные и новейшие материалы нашли частичное отражение в коллективной монографии «Гагаузы», подготовленной параллельно с томом «Молдаване» по плану серии «Народы и культуры», и издаваемой Институтом этнологии и антропологии РАН в крайне сжатом виде в Московском академическом издательстве «Наука».

В-третьих, в некоторые разделы двухтомника «Гагаузы в мире и мир гагаузов» включены материалы и отдельные главы из ранее опубликованных книг: М. Н. Губогло. Русский язык в этнополитической истории гагаузов (вторая половина XX в.), М., 2004, 432 с.; его же: Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М., Наука, 2006, 498 с.; его же: Воображаемая вероятность: новейшие размышления о происхождении гагаузов, М., 2010, 352 с., а также из ряда книг Е. Н. Квилинковой, в том числе из ее монографий: Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности (Кишинёв, 2007, 840 с.), Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов (Кишинёв, 2010, 390 с.).

Наряду с сотрудниками ИЭА РАН Н. А. Дубовой, О. О. Лукьяновой, Л. В. Остапенко, А. Н. Ямсковым, известными учёными из Болгарии Георгием Атанасовым и Благовестом Нягуловым, авторитетным учёным из Украины А. В. Шабашовым в создании монографии о гагаузах в той или иной форме приняли участие видные учёные, известные исследователи и общественные деятели из Республики Молдова: И. Д. Банкова, Л. К. Баурчулу, С. С. Булгар, К. К. Василиоглу, И. Ф. Влах, Д. Ф. Гагауз, И. Ф. Грек, В. А. Дергачев, Е. Н. Квилинкова, Э. А. Королёва, С. С. Курогло, Г. К. Кышлалы, Д. Е. Никогло, С. З. Новаков, А. Г. Нягова, П. М. Пашалы, А. К. Папцова, О. К. Радова, Л. Реулец, Е. С. Сорочяну, В. Н. Стати, В. П. Степанов, В. И. Сырф, П. А. Чеботарь, Л. С. Чимпоеш, Л. В. Федотова и др.

Своеобразие, в-четвёртых, структуры двухтомника состоит в том, что он открывается специальным разделом, состоящим из материалов, статей и воспоминаний, посвящённых памяти М. П. Губоглу.

В соответствии с юбилейным жанром в заповном разделе I тома публикуются воспоминания о личности М. П. Губоглу, очерки о его творчестве (С. С. Булгар, И. Ф. Грек, М. Н. Губогло, Н. Г. Корлэтяну, С. С. Курогло), а также несколько его произведений, написанных им в разные годы по итогам исследований или на основе докладов, прочитанных им на крупных международных форумах и конгрессах.

Из воспоминаний зарубежных коллег, учеников и поклонников таланта М. П. Губоглу в двухтомник включены некоторые материалы из юбилейного сборника трудов, посвящённого его 95-летию (Брэила, 2007), в том чис-

ле воспоминания профессоров Петре Настурела (Франция), Анки Попеску (Румыния), а также текст воспоминаний профессора Хусейна Айана (Турция), из сборника материалов 7-го международного симпозиума, проведённого в Киеве в июне 2009 г.

Принципиальное значение имеет впервые публикуемая на родине М. П. Губоглу «Библиография» его трудов, составленная им самим к своему 80-летию, но опубликованная его бывшей студенткой Анкой Попеску, увы, уже после того, как он в возрасте 78 лет ушёл из жизни.

Для развития молдавского востоковедения и этапов его становления важное значение имеет статья М. П. Губоглу «Dimitrie Cantemir – orientaliste», опубликованная полвека тому назад, но не потерявшая актуальности до сих пор. В ней он называет Дмитрия Кантемира «молдаванином, основоположником румынского востоковедения» [SAO, III, 1960 (1961), с. 129-160]. В недавно вышедшей книге в России Дм. Кантемир назван «первым ориенталистом России» [Густерин П. В. Первый Российский востоковед Дмитрий Кантемир. М., 2008, 109 с.]. Сенсацию в научном мире и в общественном мнении вызвала новая книга известного молдавского дипломата, поэта и журналиста Ф. А. Ангели, на основании вновь найденных им архивных документов, установившего тюркское происхождение Дмитрия Кантемира, восходящее к ногайскому племени Мангыт [Ангели Ф. А. Эпоха и новая трактовка родословия Кантемиров: конец XIV – первая половина XVII вв. Кишинёв, с. 216-217].

О неугасающем интересе к творчеству Д. Кантемира, в том числе к его эпистолярному наследию, свидетельствует книга В. И. Цвиркуна «Дмитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах» (СПб., 2010).

Высокий профессионализм, обширная эрудиция и глубокие знания румынской историографии позволили М. П. Губоглу уже на закате жизни создать впечатляющую панораму вклада румынских и отчасти европейских востоковедов в изучение уроков и достижений румынской туркологии за более чем сорокалетний период [Guboglu M. Romaniada Turkoloji calismalarinin meseleleri sonuclari ve gelismeleri. (1948–1988)].

Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность профессорам Анке Попеску (Бухарест) и её коллеге из Турции Айше Кайпынар за солидарное соучастие в подготовке юбилейного издания. С их помощью оказалось возможным включить указанное произведение М. П. Губоглу во 2-й том нашего двухтомника. Слова благодарности – Ф. Арнаут и Е. Квилинковой, стараниями которых была получена статья Хусейна Айана.

Научная деятельность М. П. Губоглу, в том числе его вклад в румынское и молдавское гуманитарное знание, высоко оценивается в научном мире. В статье одного из лидеров молдавской исторической науки В. Н. Стати, завершающей первый том данного двухтомника, подчёркивается, что научное наследие М. П. Губоглу занимает видное место в «гагаузском вкладе», внесённом в развитие и сохранение этнических основ молдавской общности.

Первой к изучению этнорегиональных особенностей в традиционной обрядности и фольклоре гагаузов обратилась Е. Н. Квилинкова. Изучение процесса этнокультурного взаимодействия гагаузов с соседними народами

позволило ей обозначить области традиционной духовной культуры, являющиеся более устойчивыми к иноэтническим влияниям. В результате проведенного исследования ею были выявлены новые элементы в разных областях традиционной духовной культуры у различных групп гагаузов (Молдовы, Болгарии, Греции и Украины – Приазовья). Они классифицированы исследовательницей как региональные особенности, появившиеся в результате длительного проживания в различных регионах в иной этнокультурной среде. Произошедшие изменения связываются ею, с одной стороны, с усилением межэтнических контактов гагаузов с соседними народами, с другой, – с редукцией многих обычаев и обрядов, забвением ряда терминов и народных песен. Так, например, региональная особенность календарной обрядности гагаузов Молдовы наиболее ярко, по мнению Е. Н. Квилинковой, проявляется в наличии некоторых обрядов и терминов, связанных с новогодней обрядностью (колядование с козой, с плугом, с бухаем, со звездой на Рождество, новогодние поздравления «хэй-хэй» и т. д.), с празднованием дня Св. Андрея, с соблюдением специальных дней «от пожара» (Св. Фока, Св. Магдалена) и др. Отмеченные обычаи и обряды были восприняты гагаузами в результате контактов с молдаванами и румынами. Вместе с тем, как она аргументированно доказывает, в фольклоре бессарабских гагаузов появилось больше сюжетов, сходных с болгарскими, при постепенной утрате песен турецкого происхождения (ввиду отсутствия контактов с турками) [Квилинкова, 2000г, р. 136-139; Её же, 2005а. 308 с.; её же, 2007а. 840 с.; её же, 2009ж, с. 375-408; её же, 2010а, 390 с.; её же, 2011а, 568 с. и др.].

Труды Е. Н. Квилинковой и В. Н. Стати выступают надёжной основой для дальнейших исследований молдавско-гагаузских и гагаузско-молдавских культурных взаимовлияний.

В отличие от прежних публикаций, посвящённых гагаузам, в первом томе «Гагаузы в мире» и втором «Мир гагаузов» представлен обширный концептуальный, иллюстративный и библиографический материал, предварительно опубликованный в виде проективной концепции, в соответствии с которой данные, выявленные и собранные во время полевых исследований и в ходе изучения коллекций ряда музеев России и Республики Молдова, включены в разделы каждого тома.

Значительная часть иллюстративного этнографического материала была собрана и подготовлена к изданию во время командировки сотрудниц ИЭА РАН Лукьяновой О. О. и Субботиной И. А. при участии Д. Е. Никогло (Кишинёв) и при активной поддержке В. И. Баловой, А. Г. Няговой и Д. Палачар (Комрат), П. М. Пашалы (Чадыр-Лунга) в июне 2010 г. в Республику Молдова. В каждом из томов представлены материалы из коллекций, хранящихся в фондах Национального музея этнографии и естественной истории (г. Кишинёв, Молдова), Бешалминского историко-этнографического музея (с. Бешалма, Гагаузия), Комратского регионального историко-краеведческого музея (г. Комрат, Гагаузия), Вулканештского историко-краеведческого музея (г. Вулканешты, Гагаузия), Чадыр-Лунгского историко-этнографического музея (г. Чадыр-Лунга, Гагаузия).

Мой приятный долг – выразить признательность директорам указанных музеев: М. В. Урсу (Кишинёв), Л. Д. Мариновой (с. Бешалма), В. Маринову (г. Комрат), С. Стамовой (г. Чадыр-Лунга), В. А. Цынцару (г. Вулканешты) за оказанную помощь и содействие.

Часть иллюстративного материала была заимствована из трех красочных альбомов, подготовленных по инициативе башканов Гагаузии Г. Д. Табунщика и М. М. Формузала при финансовой поддержке Исполкома Гагаузии. Так, например, почти три десятка фотографий храмов Гагаузии, опубликованных в альбоме: «Православные храмы Гагаузии» (авторы текста и составители В. Е. Бойков, С. С. Димогло, редактор Д. Е. Никогло, специальная фотосъемка А. Чипчиу и В. Кысса, художественное оформление Е. Димогло, Д. Палачар. Комрат, 2011), служат убедительным иллюстративным материалом к статье М. Н. Губогло о весомой роли религиозности и религиозной идентичности в понимании и осмыслении состояния современной этнорелигиозной ситуации в Гагаузии на заре XXI в.

Слова особой признательности адресованы д.и.н., профессору Калашниковой Н. М., подготовившей для тома «Гагаузы» очерк, посвящённый описанию редкой коллекции гагаузских вещей в Российском этнографическом музее, и приложенный к нему иллюстративный материал.

На многих этапах исследования, в сборе иллюстративного материала и в организации Российско-Молдавских симпозиумов авторскому коллективу существенную помощь оказали Башкан Гагаузии М. М. Формузала, заместитель Башкана Н. М. Стоянов, начальник главного управления образования Гагаузии В. И. Балова, директор Торгово-промышленной палаты (г. Чадыр-Лунга) П. М. Пашалы, председатель общественного движения «Единая Гагаузия» Ф. Н. Гагауз.

Без поддержки директора Института культурного наследия Академии наук Молдовы д.и.н. Дергачёва В. А., проректора по науке Комратского государственного университета к.с.-х.н. Федотовой Л. В., старшего научного сотрудника Института культурного наследия Академии наук Молдовы, д.и.н., конференциара Е. Н. Квилинковой вряд ли авторский коллектив сумел бы продуктивно обсудить свои доклады и тексты в ходе российско-молдавских симпозиумов и подготовить их к публикации сначала в материалах 10-ти томов серии «Курсом развивающейся Молдовы», а затем в сокращённом, селективном и доработанном виде – в данной монографии.

Отмежёвываясь от лжепатриотических публикаций графоманов и «предпринимателей от исторической науки» (термин В. А. Тишкова), которые склонны к фальсификациям и искусственному удревлению истории гагаузов, а также распространению псевдонаучных теорий этногенеза и лжеисторических мифов (см. «Вести Гагаузии»), создатели предлагаемой книги стремились к беспристрастности и основывали свои тексты исключительно на базе имеющихся в науке убедительных и надёжных данных.

Отдавая должное социальной востребованности и взрывному интересу гагаузов к своим великим предкам, возникшему на заре нового тысячелетия,

авторский коллектив серийного издания «Курсом развивающейся Молдовы» счёл своим долгом посвятить 3-й том серии светлой «памяти великих учёных Молдавского и Российского государств Дмитрия Кантемира и Николая Милеску Спафария» [Курсом развивающейся Молдовы, т. 3, 2007, 505 с.].

Во втором разделе первого тома, посвящённом источниковедению и историографии, предлагаются итоги исследований истории и культуры гагаузов, в том числе статьи авторов, имеющих различные взгляды на сохраняющуюся актуальность проблематики, связанной с происхождением гагаузов. Впервые в истории гагаузоведения в двухтомник включена специальная глава по источниковедению.

В бурном, богатом событиями XIII в. Чёрное море не разъединяло, а соединяло три вектора этнических передвижений, благодаря которым происходили тектонические сдвиги в этнической картине тюркского мира на просторах северочерноморских степей, в пределах Малой Азии и на Балканском полуострове. С запада двигались итальянские купцы, сначала генуэзцы, а вслед за ними и венецианцы. В 1261 г. Константинополь вернулся к византийцам после того, как из него были изгнаны участники IV крестового похода, захватившие его в 1204 г. В соответствии с масштабным пониманием этнических передвижений, связывающих северные и южные берега Чёрного моря, выделены и сведены воедино 3 направления: северное (печенеги), узы (торки), куманы (половцы), южное (сельджуки) и их встреча на «балканском» направлении.

Первые два Всемирных конгресса гагаузов, проведённых по инициативе и при поддержке Исполкома и Народного Собрания Гагаузии в 2006 и 2009 гг., показали возрастающий интерес к гагаузам, проживающим в разных странах мира. Их историческое значение и социальная роль, как показано в небольшой по объёму статье М. Н. Губогло, завершающей двухтомник, заключается в том, что они служат гарантом солидарности гагаузов мира во имя сохранения культурной самобытности народов.

Востребованной стала диаспоральная проблематика, до недавнего времени оставшаяся в тени (С. С. Булгар, М. Н. Губогло, Е. Н. Квилинкова, И. А. Субботина, А. В. Шабашов).

Опубликованная несколько лет тому назад монография И. А. Субботиной об этнодемографических особенностях развития гагаузов вызвала большой общественный резонанс, особенно её прогноз о рисках этнодемографической размываемости гагаузского народа.

С учётом незатухающего интереса к динамике численности гагаузов в раздел включены статьи, в которых раскрываются основные тенденции демографического развития гагаузов с момента их переселения с Балканского полуострова и расселения в южных регионах Бессарабии (О. К. Радова-Каранастас), а также свет и тени современного гастарбайтерства (А. Н. Ямсков).

Сравнительно небольшой VI раздел двухтомника посвящён антропологии и среде обитания (Н. А. Дубова, Л. В. Федотова). Вторая из них корреспондирует с известной статьёй М. П. Губоглу, посвящённой турецкому источнику 1740 г. о территориях Валахии, Молдавии и Украины, на которых

вели полукочевой образ жизни ногайские татары, из чьей среды вышел род Кантемиров [Ангели, 2010].

Первый том завершается тремя главами, посвящёнными отдельным аспектам внешней и внутренней истории гагаузского языка. Впервые проведённое лексикологическое сопоставление словарного состава гагаузского языка с лексикой знаменитого трёхязычного (кумано-персидско-латинского) словаря XIII в. Codex Cumanicus дало возможность выявить отчётливые следы куманской (кыпчакской) лексики в современном гагаузском языке. Обнаруженные сходства позволили внести определённую коррективу в принятое местоположение гагаузского языка в юго-западной группе тюркских языков, относимых с лёгкой руки Н. А. Баскакова к огузской группе языков. Анализ лексики Codex Cumanicus через призму понятий, отражающих различные аспекты официальной, торговой и повседневной жизни носителей куманского языка на рубеже XIII–XIV вв., показал, что неоднородность лексического материала куманского языка в памятнике XIII в., отражает этнически смешанный состав его носителей. Принципиальное значение обнаруженного явления состоит в том, что позволяет определить XIII в. как время синтеза, то есть формирования этнического ядра вероятных предков гагаузов.

Структурному аспекту гагаузского языка и краткой истории создания и развития письменности посвящен раздел Е. С. Попович-Сорочяну. Этнопсихологические и социолингвистические аспекты функционального развития гагаузского языка («внешняя история») раскрывается в разделах М. Н. Губогло и Е. Н. Квилинковой.

Как востоковеда-тюрколога широкого профиля, М. П. Губоглу серьёзно интересовали и увлекали проблемы тюркских заимствований в румынском и других европейских языках, а также особенности гагаузского языка и его местоположение в семье тюркских языков.

Так, например, в докладе «Турки и турецкие элементы в фольклоре румынского народа», прочитанном на Втором международном конгрессе по тюркскому фольклору (22–28 июня 1981 г., г. Бурса), опираясь в свойственной ему манере на добротную румынскую и европейскую историографию публикаций по тюркскому фольклору, М. П. Губоглу представил восприятие турок и элементов турецкого языка и фольклора в румынском песенном творчестве и фольклорном достоянии [Guboglu, 1981d, с. 12].

М. П. Губоглу импонировала семейная легенда о том, что крестивший его священник в Чадыр-Лунгской церкви Св. Димитрия, предположительно Ф. Лисевич или Е. Телиуца, судя по архивным данным, изученным Е. Н. Квилинковой, предсказал ему в качестве альтернативы или судьбу крупного разбойника с большой дороги, или карьеру великого учёного. Не случайно в одном из докладов М. П. Губоглу особое внимание уделил анализу происхождения и распространения разбойничьих песен («Haydut türküleri», «Cîntece Haiduceŭi»), а также преданиям и легендам, в которых воспевалась храбрость турецких воинов («Voi Turcilor, voinicilor...», «Siz Turkler-kahramanlar») [Guboglu, 1981d, с. 12].

Из уважения к памяти юбиляра большинство статей публикуются в авторской редакции.

РАЗДЕЛ I

БУДЖАК, ГАГАУЗЫ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. П. ГУБОГЛУ

ГЛАВА 1

ВОСПОМИНАНИЯ О М. П. ГУБОГЛУ

РОДОМ ИЗ ЧАДЫР-ЛУНГИ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ М. П. ГУБОГЛУ)

*«Во всем мне хочется дойти до самой сути.
В работе, в поисках пути, в сердечной смуте»*

Б. Пастернак

Провидению было угодно...

В октябре 1911 г. в Чадыр-Лунге состоялось торжественное открытие православной церкви Св. Дмитрия. Первым в ней крестили Михаила Петровича Губоглу, родившегося 4 (17) числа этого месяца. Согласно народной легенде, взволнованный священник, окунув новорожденного младенца в купель, предсказал ему альтернативно великое будущее: быть этому ребенку или отчаянным разбойником (головорезом, башибузуком) с большой дороги, или всемирно известным ученым. Провидению, как Божественному предназначению, было угодно, чтобы сбылось второе предсказание романтически настроенного служителя культа.

Воспитанный в православной традиции ребенок вырос и, согласно озарению крестившего его попа, стал выдающимся востоковедом. За пятьдесят лет творческой жизни учёный прославил город Чадыр-Лунгу, в котором родился, православный тюркоязычный народ, к которому относил себя на протяжении всей своей жизни, страну Румынию, в которой сложилась его творческая биография, и обогатил науку тюркологию, которой себя посвятил.

Быть первокрещённым в только что освящённой церкви оказалось символическим. Отвечая в дальнейшем вызовам времени на разных этапах жизненного цикла, М. П. Губоглу много раз бывал первым. И не только первым, но и преданным своим идентичностям, в том числе этнической и творческой, а также однажды избранной тропе и судьбе.

Ребёнку, родившемуся на свет по гагаузскому народному календарю накануне волчьих праздников, манифестирующих наличие культа волка в мировоззренческой системе гагаузов и их предков, суждено было стать всемирно известным востоковедом, особенно по части османской истории. Одновременно с юношеских лет до зрелого возраста он не переставал интересоваться историей гагаузского народа, его происхождением и проявлением

обычаев и обрядов в повседневной жизни гагаузов. В конце 30-х гг. XX в., при подготовке кандидатской диссертации на 409 рукописных страницах, он, по совету священника Михаила Чакира, дал первое систематическое описание социальной инфраструктуры гагаузских сёл в духе всемирно известной школы Дм. Густы и дополнил информацию В. А. Мошкова о религиозности и традиционной культуре гагаузов [Guboglu, 1939, P. 3-4; Guboglu, 1938, рукопись].

К сожалению, рукопись этого труда, написанного на румынском языке с обширным реферативным изложением основных выводов на французском, до сих пор остается неопубликованной, несмотря на то, что многие труды М. П. Губоглу переведены на иностранные языки.

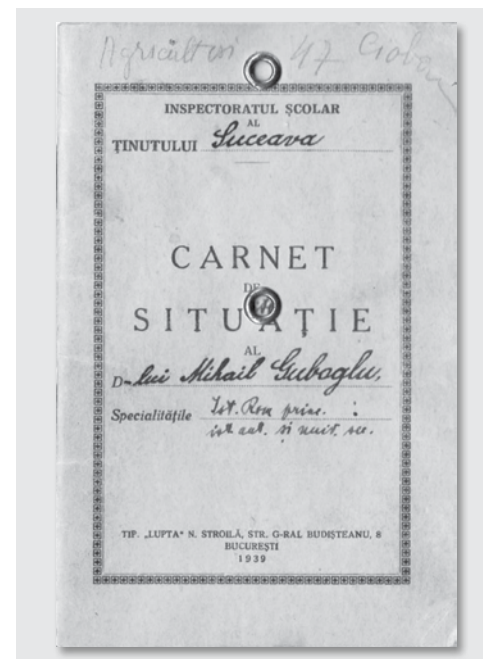
Об этом, в частности, с горечью и сожалением говорил известный турецкий учёный профессор Хусейн Айан на конференции в Киеве в 2009 г., посвящённой, наряду с проблемами литературы и поэтики, этнокультурной истории гагаузов, в том числе вкладу М. П. Губоглу в их изучение (Guboglu'nun calisma ve arastirmalari cesitli dillere cevrilmistir... Merhumun doctora tezi henuz basilmamıştır) [Huseyin, 2009, с. 150].

Окончив начальную школу в родном городе (1921–1925), М. П. Губоглу поступил в лицей им. Стефана чел Маре в г. Бендерах (1926–1933). Со студенческой зачётной книжки на нас смотрит симпатичный юноша с выразительными чертами лица и пронизательным взглядом.

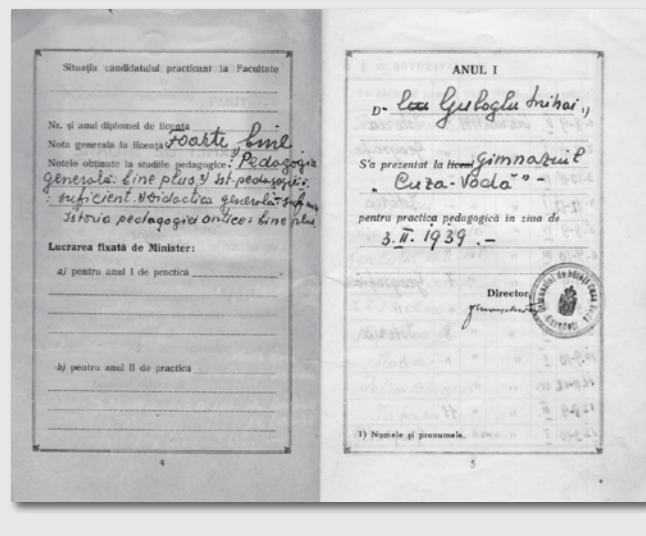
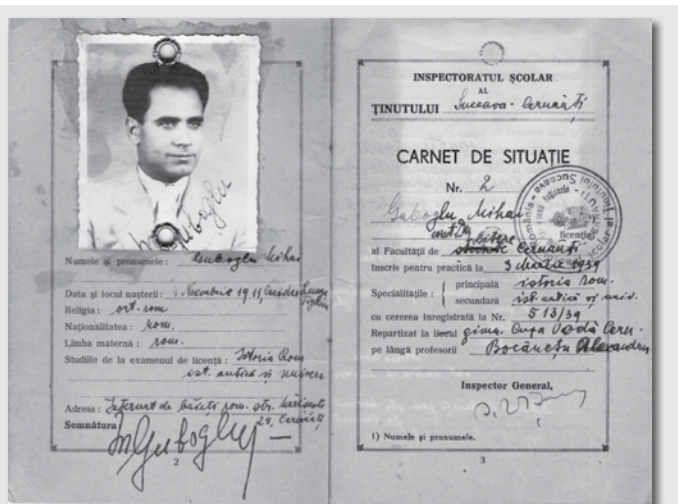
Этой бесценной фотографии много лет, – более 7 десятилетий. Она была сделана накануне получения зачётной книжки, в ту пору, когда Михаил Петрович поступил в Черновицкий государственный университет.

Обращает на себя внимание знаменательная деталь: в анкетных данных, согласно документу, выходит, что М. П. Губоглу по национальности и родному языку «румын», хотя родители были гагаузами. Согласно семейной легенде, его отец в своё время продал двух лошадей и фазтон, чтобы с помощью вырученных денег «румынизировать» фамилию, изменив последнюю букву с «о» на «у», и тем самым облегчить сыну поступление в Черновицкий университет.

Если понимать национальную принадлежность в современном европейском смысле, то М. П. Губоглу действительно был гражданином Румынии. Что же касается родного румынского (? – М. Г.) языка, то к этому, видимо, приложили руку благожелательные чиновники, приписав «румынский» вместо гагаузского.

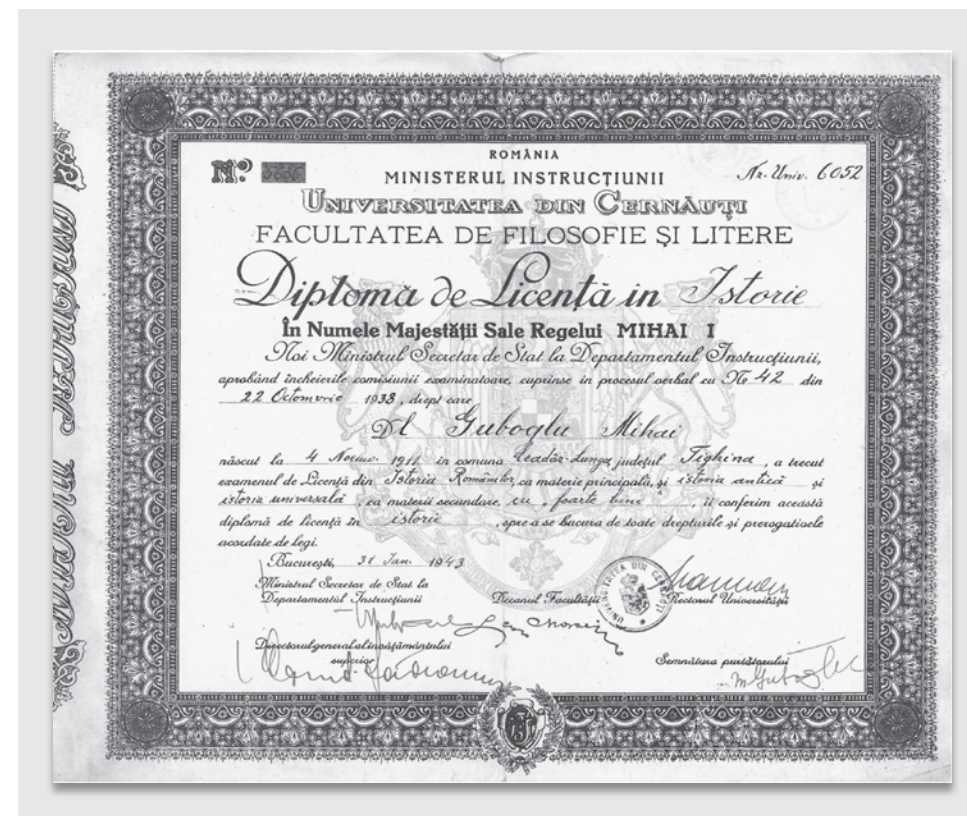
Зачётная книжка студента М. П. Губоглу.
Архив М. Н. Губогло.

Зачётная книжка студента М. П. Губоглу (разворот).
Архив М. Н. Губогло.

Годы, проведённые в Бендерском лицее и в Черновицком университете, оставили у студента противоречивые воспоминания. Отчаянно не хватало денег на оплату жилья, одежду, на книги и путешествия. Но была одна отрада: книги, учёба, страсть к знаниям. О его памяти и ответах на экзаменах ходили легенды. Родом из среднезажиточной крестьянской семьи, своими успехами в овладении знаний, особенно по истории Османской империи, он вызывал зависть у студентов из богатых семей. Согласно семейным преданиям, после одного из успешно сданных экзаменов, его пытались отравить. Он с трудом был выведен из предсмертного состояния.

Однако судьба была к нему благосклонна. Провидению было угодно, чтобы он выжил и стал первоклассным востоковедом-тюркологом. Извлекая из небытия средневековой фирмы османских султанов, указы высших чиновников, постановления и директивы министерств и ведомств Османской

Диплом М. П. Губоглу об окончании Черновицкого университета (1943 г.).
Архив М. Н. Губогло.

администрации, он возвращал румынам и туркам, а вместе с ними и всем другим, когда-то подаренный нам османский мир, полустёртые страницы тюркской истории, позабытые за другими делами.

Уже в студенческие годы он знал биографии и основные деяния всех османских султанов, чем обратил позднее на себя внимание посла Турецкой Республики в Румынии Хамдуллаха Супхи Танновера, предложившего М. П. Губоглу особую стипендию для продолжения образования и профессиональной деятельности в Турции.

Высокая оценка роли личности в этнической и гражданской истории, воспринятая с юных лет будущим востоковедом, служила ему нитью Ариадны в познании истории и корреспондировала в чём-то с идеями Г. В. Плеханова, П. Б. Струве, Л. Н. Гумилёва и других прославленных философов и историков. Замечу попутно, что мой друг, выдающийся американский политолог, профессор Джерри Хафф, автор нескольких нашумевших книг о Советском Союзе и его кадровой политике, обладал феноменальной памятью, прекрасно знал биографии, заслуги и просчёты не только всех секретарей ЦК КПСС, но и основные вехи в партийной карьере секретарей ЦК бывших союзных республик СССР [Hough, 1979; Hough, 1997].

Мысли о происхождении гагаузов

На склоне лет, когда организаторы международных тюркологических конгрессов считали честью пригласить М. П. Губоглу в качестве пленарного докладчика или председателя секционных заседаний, или почетного гостя, он подготовил несколько докладов, в которых прямо или косвенно раскрыл историческое значение культа волка у гагаузов. Так, например, на международном тюркологическом конгрессе по фольклору тюркских народов в июне 1981 г. в Бурсе, он выступил с аргументированным сообщением: «Особенности гагаузского фольклора и культ волка» [Guboglu, 1981d, с. 12].

В сентябре того же года на Тюркологическом историческом конгрессе (21–25 сентября) его доклад: «Мои размышления о гипотезах по происхождению гагаузов» вызвал большой интерес и оживленное обсуждение [Guboglu, 1981b, с. 20].

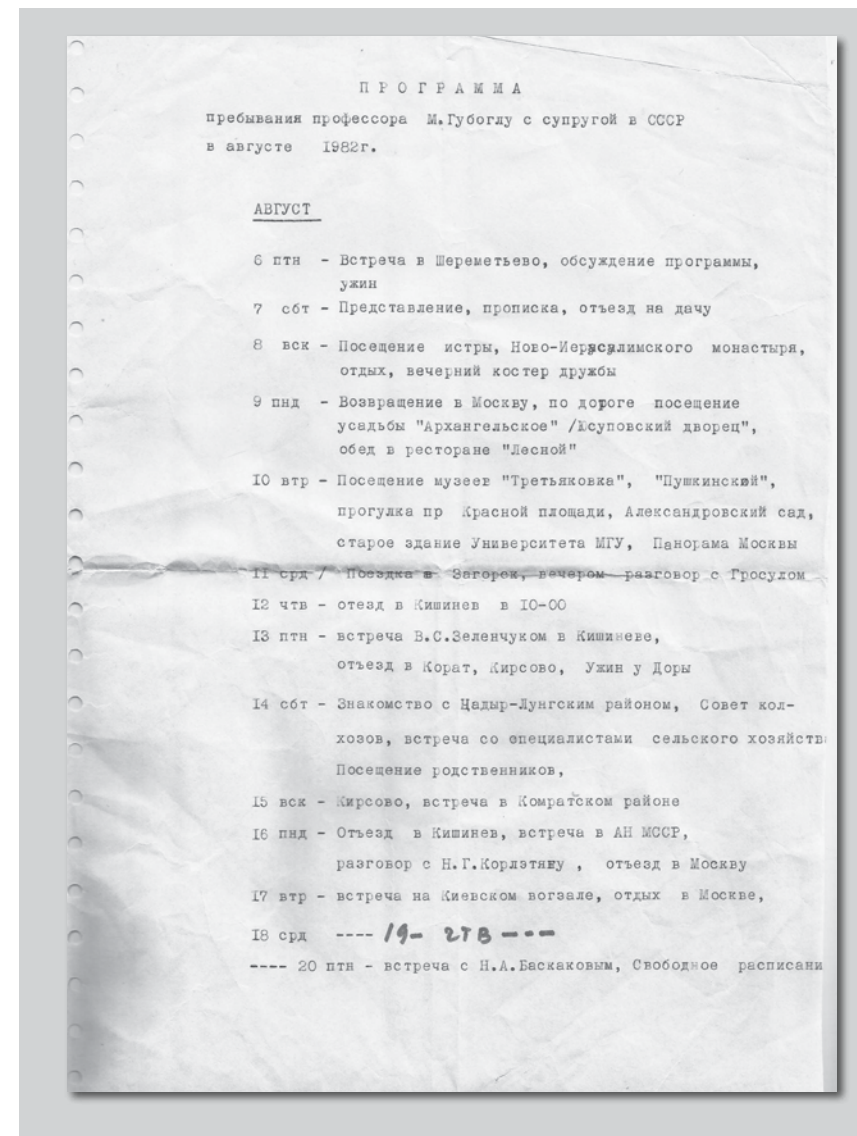
«Что есть истина?» – насмешливо спросил пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат и не стал дожидаться ответа. В отличие от прокуратора М. П. Губоглу готов был всю жизнь пробиваться к истине, непрестанно задавая себе вопросы: «Кто есть гагаузы? В чём истина их происхождения?» Вместе с тем он никогда, в отличие от некоторых современных неофитов-первооткрывателей этногенеза гагаузов, не называл итоги своих исследований «открытиями».

М. П. Губоглу весьма спокойно ощущал и воспринимал свою этническую принадлежность. И хотя он дружил с духовными лицами и даже женился в 1944 г. на дочери священника, вряд ли он согласился бы с известным афоризмом о том, что «наш народ действительно лучше всех». Он не впадал в крайности: ни в комплекс неполноценности, ни в квасной радикализованный патриотизм, подобно некоторым нынешним любителям искусственного удревления истории гагаузского народа. Порой его ирония была направлена в адрес тех, кто исповедовал взгляды о том, что «каждый народ считает, что мужчины у него самые храбрые, а женщины самые красивые» (К. С. Льюис). Рассказывая о ценностях османской истории и цивилизации, он отнюдь не превозносил так называемое «бремя белых» в ущерб «восточной мудрости».

М. П. Губоглу обладал удивительной способностью, даже проживая вдалеке от Чадыр-Лунги, интересоваться гагаузами, их духовной и материальной жизнью, ориентироваться в научных новинках и давать им устную или письменную оценку. В то же время внутреннее и внешнее рецензирование было важной практикой непрерывного расширения и без того его огромной эрудиции.

Замечу попутно, что на рубеже XX–XXI вв. кипели не вполне продуктивные споры между сторонниками примордиализма и конструктивизма подобно тому, как не всегда уместными были односторонние перехлёсты в сторону рационального и иррационального в состоянии этничности и этнической материи, как реальной, так и воображаемой. Лишь благодаря этносоциологическим исследованиям удалось получить эмпирические данные о сочетании рациональной мотивации со стихией волевых, подчас иррациональных влечений душевной жизни в этнической сфере.

Ностальгия – это болезнь и радость, которую испытывают почти все люди, покинувшие свою Малую Родину. Не прошла она мимо и М. П. Губоглу.

«Программа» пребывания профессора М. П. Губоглу в СССР (1982).
Архив М. Н. Губогло.

Похоже, что всю жизнь его не покидало горькое чувство ностальгии по своему родному городу, по Буджаку, родственникам, друзьям детства и юности.

В августе 1982 г. он вместе с супругой Катуш посетил Москву, Чадыр-Лунгу и село Кирсово Комратского района. При этом высоко оценил чудом сохранившуюся в моём архиве полусерьёзную-полушуточную «Программу пребывания профессора М. Губоглу с супругой в СССР в августе 1982 г.».

После возвращения в Бухарест он писал о том, что «с большим, большим трудом отрывался от родных мест», от дорогих ему ровесников детства, от близких родственников и друзей... («Sizden hepinizden çok çok zoog

ayrıldım. Gere Ceadırdan hem gerek Kirsova (Hirsova) dan da zoor ayrıldım. Belki dogudum yerlerde ve gençlimi secirdigim koylerde en az birkaç gün kalmak lâzımdı. Canım kırıldı, ki bizim Deli Mitileri hic goremedim, Lüba kızkardasına yarım saat bile gezintiye gidemedim, bizi al yanklı Variiye bir saat urayamadım, bizim Nicolay Cicunun oollarına Mihalka hemdä Kolinindä evlerine beser onnar minut (dakika) uraymadıklar»).

«Эта книга остаётся...» (П. Б. Струве)

При подготовке списка своих трудов к конкурсу накануне очередного служебного продвижения или представления к награде, которыми, кстати, его не сильно «обременяли» академические и государственные структуры Румынии, М. П. Губоглу вносил только самые важные, по его собственному разумению, работы.

К их числу он, в частности, относил следующие: «Турецко-османская палеография и дипломатика. Очерк и альбом» (Бухарест, 1958. 351 с.), «Каталог турецких документов» (Бухарест, 1960, т. 1, 683 с.; т. 2, 1965, 655 с.), «Турецкие хроники о румынском государстве» (Бухарест, 1966, т. 1; 1974, т. 2), «Турецкая хрестоматия. Нарративные источники по истории Восточной и Центральной Европы (1263–1683)» (Бухарест, 1978, 900 с.). Сюда же, видимо, должна входить опубликованная посмертно обширная историографическая статья «Итоги тюркологических исследований в Румынии (1948–1988)».

Заслуженной наградой, своеобразным «брендом» М. П. Губоглу, бесценной метафорой, удачно найденной его учениками, друзьями, коллегами и поклонниками, взятой в качестве философско-поэтического эпиграфа, выступает уподобление личности М. П. Губоглу Чёрному морю. Подобно тому как на берегах Чёрного моря испокон веков, словно в «плавильном котле», творилась история византийской, романской и славянской цивилизаций, так и в творчестве М. П. Губоглу пересеклись и нашли отражение проблемы и частицы опыта каждой из них.

Около 40 очерков, подготовленных по итогам двух научных симпозиумов, проведённых в Брэиле и Бухаресте в июне 2005 г. и включённых в юбилейный сборник, посвящённый 95-летию со дня рождения М. П. Губоглу, прямо или косвенно в той или иной мере подтверждают, что, подобно Чёрному морю, М. П. Губоглу воплотил в себе контрапункт трёх цивилизаций – романской, тюркской и славянской.

Османология, которой М. П. Губоглу посвятил большую часть своей творческой жизни, оставила глубокий след в его мировоззрении и повседневной жизни. Его речь, письма, короткие записки, открытки, хранящиеся в моём архиве, всегда были насыщены восточными поговорками, пословицами, байками. В начале каждой беседы он приговаривал: «Yığı oturalım, dooğulaf edelim» («Криво посидим, но прямо поговорим»), что примерно соответствует известной поговорке «Сядем рядком да поговорим ладком».

Из Москвы в Бухарест он увозил подаренный ему небольшой пылесос и самовар. Однако на таможне заломили пошлину, едва ли не превышающую

стоимость самих сувениров. В сердцах он написал в письме: «Bir pire için yorgan yaktılar» («Из-за одной блохи одеяло сожгли»). Аналог: «Из-за мышей скирду поджёг».

Едва ли не самой часто повторяемой им пословицей была «Evdeki hesap panayırdan uymaz» («Домашние расчёты не всегда совпадают с теми, что на базаре»). В узком смысле речь в ней шла об элементарной стоимости товаров и продуктов, в широком социальном контексте подразумевалось несоответствие интересов национальных меньшинств (minority) с государственными интересами Румынии. Этот намёк был более чем прозрачен.

Склоняясь в начале творческого пути к «сельджукской» теории происхождения гагаузов, вероятно, под влиянием работ болгарских исследователей Г. Баласчева и И. Димитрова, а также доверительно воспринимая эту концепцию в знаменитых статьях Пауля Виттека, опубликованных на английском и французском языках [Баласчев, 1915; 1917; Димитров, 1915; Wittek, 1952; 1953], он в более поздних трудах счёл возможным полагать наиболее достоверной гипотезу «синтетического» происхождения гагаузов, в сложном этногенезе которых принимали участие печенеги, узы, куманы причерноморских степей, а также южане-соплеменники сельджукского султана Изеддина Кейкавуса II [Guboglu, 1981a].

Итак, М. П. Губоглу волею судьбы суждено было стать известным тюркологом, на склоне лет объяснить смысл и значение культа волка и, вместе с тем, приоткрыть многие страницы жизни гагаузов, а также ряда других народов Балканского полуострова, Малой Азии и Юго-Восточной Европы [Guboglu, 1981d, p. 12].

Направление исследований

Трудно в краткой статье перечислить его заслуги и те сферы предметной области тюркологии и туркологии, в развитие которых он внес значительный вклад. Предварительный количественно-качественный анализ тематики его публикаций даёт основание выделить в его творчестве 3 основных направления.

Вслед за первой публикацией, вышедшей еще в начале 30-х гг. XX в., далее на протяжении 56 лет он опубликовал 215 работ. Каждые две из пяти публикаций (41,4%) носили аналитический, историографический или содержательно-информативный характер.

Основное содержание без малого около трети его публикаций составили источники, извлеченные из малодоступных архивов, прокомментированные и «вписанные» в эпоху, которой они были рождены. Раскрытие внутреннего драматизма эпохи составляло одну из главных задач историзма.

Он писал рецензии, рефераты, а также personalii в честь знаменитых тюркологов мирового уровня, опубликовав при этом 60 работ, что составило около 28,4% его прижизненной научной продукции (см. табл. 1).

Таблица 1

Тематика публикаций М. П. Губоглу

(Количественно-качественная панорама за период 1933–1990 гг.)*

№	Годы	Основная тематика публикаций			
		Источники и об источниках	Аналитика, историография, информатика	Personalia, источники	Всего
1	1933–1949	1	5	4	10
2	1950–1951	1	1	4	6
3	1955–1956	3	4	-	7
4	1957	3	5	1	9
5	1958	4	3	3	10
6	1959	3	1	4	8
7	1960	2	6	-	8
8	1961	2	-	8	10
9	1962–1964	4	4	1	9
10	1965–1966	4	5	-	9
11	1967	3	5	2	10
12	1968–1969	5	3	2	10
13	1970	2	1	2	5
14	1971–1972	4	2	1	7
15	1973	2	4	2	8
16	1974–1975	4	4	2	10
17	1976	4	2	1	7
18	1977–1978	2	3	1	6
19	1979	2	4	1	7
20	1980	1	2	1	4
21	1981	1	7	10	18
22	1982	1	2	3	6
23	1983	2	4	3	9
24	1985	1	1	-	2
25	1986	-	6	3	9
26	1987	-	2	1	3
27	1988	3	3	-	6
28	1989	-	-	1	1
29	1990 (посмертно)	1	1	-	2
30	ИТОГО:	65	89	61	215

* Таблица разработана по источнику: Popescu A. Bibliografie. 2007. P. 36-60. Сам М. П. Губоглу в ряде документов называл не 215, а 300 публикаций.

Разумеется, разработанная нами таблица по Списку его трудов, составленному им самим совместно с его бывшей студенткой Анкой Попеску, не лишена условности. Во-первых, нет уверенности, что полностью собраны и включены в Список все его труды, разбросанные по периодическим изданиям на разных языках в различных странах.

В одной из автобиографических справок («curriculum vitae»), подготовленных к конкурсу в связи с очередным служебным продвижением, М. П. Губоглу упоминает 300 публикаций («...Pe baza cercetărilor făcute în arhive, profesorul Mihail Guboglu a elaborat circa 300 de lucrări personale...») [Копия с оригинала: Mihail P. Guboglu – prof. universitar, с. 2].

Подвижничество М. П. Губоглу по выявлению, осмыслению и обнаружению османских источников, обессмертившее его имя, служит наглядным примером перехода количества в качество, что позволило последующим поколениям распознавать фундаментальную важность источниковой базы для развития исторического знания и совершенствования методов исторического исследования [Korlăteanu, 1996, p. 3].

Во-вторых, включение той или иной его публикации в разряд источниковедения, аналитики, критики или информатики без детального знакомства с содержанием несет определенный риск в решении отнести ее к тому или иному тематическому разряду. В-третьих, многие работы М. П. Губоглу имеют комплексный характер. В них сочетается выявление, дешифровка и публикация документа с попутными комментариями и анализом его качества, значения и ценности для науки. В четвертых, творчество М. П. Губоглу вводит нас в богатую и сложную проблематику интеллектуального освоения духовных материалов прошлого.

Отнесение того или иного труда к числу источниковедческих или теоретических порой бывает также трудно, как, например, в этнологии определить, куда отнести икону или Звезду Героя: к артефактам или ментифактам? С одной стороны, предмет сделан из дерева или из золота, и это значит, что он относится к классу артефактов, но, с другой стороны, его семантика несет в себе важную информацию религиозного или социального содержания, соответствующую религиозным чувствам верующего, или отражает заслуги героя перед Отечеством.

Вместе с тем, представленные в таблице № 1 количественно-качественные показатели впечатляют масштабностью и, даже с учетом их условности, дают важное представление о трёх главных направлениях научной деятельности М. П. Губоглу и об этапах формирования его профессиональных интересов.

Так, например, с одной стороны, обращает на себя внимание, что в иные годы (1934–1938, 1940–1942, 1944–1945, 1952–1954, 1984) не появлялось ни одной публикации. И, наоборот, с другой стороны, были «взрывные» времена, когда собирался рекордный урожай, как, например, в 1981 г., когда в течение года увидели свет 18 работ, или 1958, 1961, 1967 гг., когда ежегодно опубликовалось по 10 работ. Порой «взрывной» характер носила не только количественная сторона, но и содержательная.

Однако (повторюсь, но позволю себе не называть имён: они известны) он никогда, в отличие от некоторых современных исследователей, работающих в предметной области гагаузоведения, не называл итоги своих трудов «открытиями».

Важную роль в формировании профессиональных интересов М. П. Губоглу сыграло его обращение к опыту российского и советского востоковедения. На протяжении ряда лет, на рубеже 1948–1950 гг., он опубликовал несколько историографических обзоров о состоянии востоковедения в СССР, рецензии на публикации восточных источников и на труды видных советских тюркологов таких как А. М. Барабанов, Н. А. Баскаков, А. Ф. Миллер, А. Дьяконов, В. А. Гордлевский, А. Г. Оруджев, Т. С. Райков, В. Д. Греков, А. Якубовский.

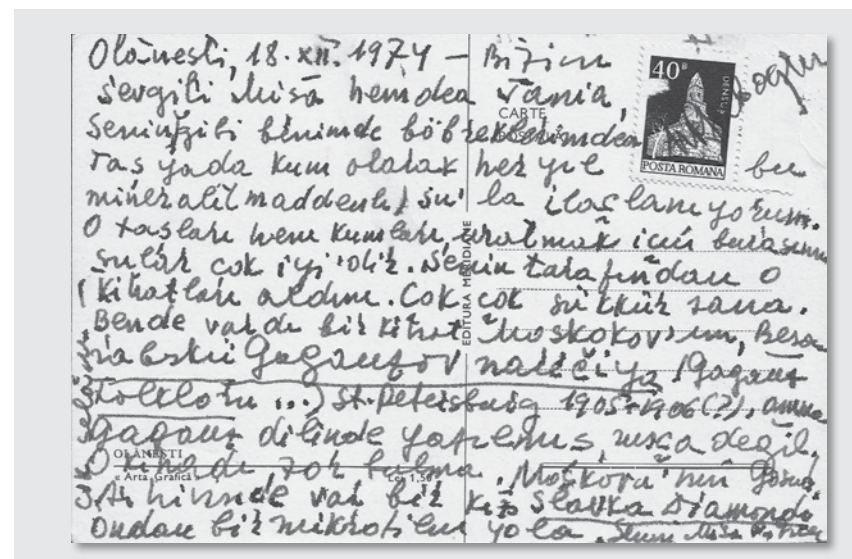
Обогатившись опытом советского востоковедения, он продолжил играть роль посредника между российской и румынской школами востоковедения и написал ряд работ о развитии и состоянии румынской ориенталистики, в том числе обзорную статью на русском языке о востоковедении в Румынии в журнале «Советское востоковедение» (1958, № 3, с. 144–150). Наступившая в Советском Союзе «хрущёвская оттепель» отразилась в его творчестве раскрепощенно-повышенным интересом к восточным рукописям, хранящимся в различных городах Советского Союза.

В нашем постсоветском времени сегодня как-то убавились, если не перевелись развёрнутые рецензии. Нынешние специалисты спешат написать книгу, опубликовать статью, сочинить эссе, отчитаться по скоротечному гранту. Между тем, классическая наука не может успешно развиваться без рефлексий и саморефлексий.

В конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. М. П. Губоглу пережил период активного пополнения багажа своих знаний. Об этом косвенно можно судить по количеству рецензирования. Он не только много читал в этот период, особенно на русском языке, но и серьёзно анализировал прочитанное. Его размышления отливались в форме коротких или развёрнутых рецензий. Между тем, они были предтечами всплеск творческой страсти. В любом случае необычную увлечённость рецензиями можно было объяснить латинской поговоркой «Satis est supervacua discere quam nihil» («Лучше изучить лишнее, чем ничего не изучать»).

Пик его продуктивной деятельности по части усвоения достижений российского востоковедения пришёлся на период 1948–1950 гг. В течение трёх лет он опубликовал, во-первых, обстоятельный обзор «Востоковедение в СССР» («Orientalistica in URSS») [Guboglu, 1948, с. 11–43] и, во-вторых, 9 крупных рецензий на труды видных советских учёных, внёсших значительный вклад в развитие советской тюркологии и туркологии, которые до сих пор не утратили своей актуальности и значимости. В поле его зрения постоянно находились труды Б. Д. Грекова, А. Якубовского, А. М. Барабанова, Н. А. Баскакова, А. Ф. Миллера, В. А. Гордлевского, А. Г. Оруджева.

Особый интерес М. П. Губоглу вызывало творчество академика В. В. Бартольда. По просьбе М. П. Губоглу я оформил подписку на полное

Открытки М. П. Губоглу, адресованные М. Н. Губогло, от 18.12.1974 г. и от 31.08.1984 г. Архив М. Н. Губогло.

собрание сочинений В. В. Бартольда в 9 томах, 10 книгах для себя и для отправки в Бухарест. Под впечатлением публикаций по тюркологии М. П. Губоглу вынашивал идею совместного создания «Библиографии по этнографии тюркских народов». Однако, собрав несколько сот карточек по данной теме, я вынужден был отказаться от этой идеи. Масштаб работы оказался мне далеко не по силам. Жалею, что не смог ему в своё время переправить в соответствии с его просьбой микрофильм тома «Наречие бессарабских гагаузов» в серии, изданной академиком В. В. Радловым, о чём М. П. Губоглу напоминал в одной из открыток [Открытка от 18.12.1974 г.].

Получив мою книгу «Современные этноязыковые процессы в СССР» (М., 1984), он счёл её успешной стартовой позицией для последующих изданий и для того, чтобы имя «Губоглу» стало известным в научном мире [Открытка от 31.08.1984 г.].

В благожелательной оценке, вынесенной М. П. Губоглу трудам советских востоковедов, снискавших себе мировую известность, содержалось предвидение долгой жизни и востребованности их трудов потомками.

Улыбчивая и деликатная манера ведения диалога с собеседником или оппонентом не мешала ему, при рецензировании трудов своих коллег, сохранять принципиальную позицию. Более того, обнаружив источниковедческие ошибки или историографические огрехи, он не жалел ни времени, ни сил на доскональный анализ и готовил публикацию, более похожую на обстоятельную аналитическую статью, чем на реферативную рецензию. Так, например, один из его близких коллег, профессор Сорбонны Петре Настурел, с которым М. П. Губоглу связывали долголетние дружеские отношения, не мог забыть, с какой страстью М. П. Губоглу опубликовал «длинный, очень длинный неблагоприятный отзыв» на сочинение Ф. Бабингера, посвященное султану Мехмету II Завоевателю (1445–1453 гг.) и его эпохе.

«Je suis loin d'avoir oublié avec quelle passion Guboglu a élaboré et publié un long, un très long compte rendu défavorable du livre, pourtant si réputé pour sa science, que Babinger a consacré à Mehmet II-le Conquerant et à son temps» [Nasturel, 2007, с. 18].

Не исключено, что в резко отрицательной оценке нашумевшего произведения одного из крупнейших европейских востоковедов Ф. Бабингера, сказались симпатии М. П. Губоглу к личности султана Мехмета II Завоевателя, прославившегося своим лояльным отношением к национальным меньшинствам Османской империи, представителям христианской религии и деятелям греко-православной церкви [Guboglu, рец. F. Babinger, 1958, с. 195-212].

При содействии Мехмета II Завоевателя в январе 1454 г. пленный монах Геннадий был выкуплен у богатого турка и возведён в сан патриарха греческой церкви под покровительство султана, взявшего на себя функции византийских императоров. Султан лично преподнёс Геннадию артефакты, приличествующие сану патриарха, в том числе мантии, пасторские принадлежности и новый позолоченный нагрудный крест из серебра. Свои дары новому патриарху Султан сопровождал словами: «...Будь патриархом со счастливой судьбой и будь уверен в нашей дружбе, сохраняя все привилегии, которые имели все патриархи до тебя» [Лорд Кинросс, 1999, с. 126].

Мехмет II Завоеватель бережно относился к храму Святой Софии, сохранив её фигурную мозаику наперекор запрету ислама на любое изображение человека в искусстве, хотя и пристроил к православному храму мусульманский минарет. Султан высоко ценил в патриархе Геннадии его образованность и интеллектуальные способности. Он установил с ним добрые отношения, вёл дружеские беседы на богословские темы. По просьбе султана патриарх Геннадий написал изложение истории православной веры, которое было переведено на турецкий язык.

Шаги к сближению догматики ислама и христианской религии в середине XV в. нашли выражение, в частности, в том, что греческий философ Георгий Амирутци подготовил для Мехмета II Завоевателя сочинение, указывающее на наличие общих корней у ислама и христианства. В выводах этого исследования предлагалось объединить ислам и христианство в одну религию, в той мере, чтобы каждая из них признавала родственные отношения с другой.

Широта взглядов Мехмета II Завоевателя, его межрелигиозная и межэтническая терпимость не могли не увлекать М. П. Губоглу.

Пребывая на рубеже по крайней мере трёх цивилизаций – романской, тюркской и славяно-византийской, М. П. Губоглу знал и не забывал догматику и ритуалы православной религии, помня по рассказам своих родителей о своём крещении, носившем знаковый характер.

В 1956 г., оказавшись в Ташкенте в качестве участника Всесоюзной конференции востоковедов, он впервые в послевоенные годы дал о себе знать открыткой в адрес своему отцу, находившемуся в депортации в Западной Сибири с 1949 г. Открытка поступила по почте по адресу: Курганская область, Каргапольский район, село Тамакулье.

Палеография и дипломатика

В заслугу ему, кумиру адептов румынского востоковедения, ставятся созданные им основополагающие труды по палеографии, по истории Османской империи, Румынии и Молдовы, а также сопредельных стран – Болгарии, России, Украины.

Особое место среди его крупных произведений занимают итоги исследования 203-х турецко-османских документов, проливающих свет на важнейшие направления дипломатической деятельности Османской империи за период с середины XV по начало XX вв. (1453 по 1915 гг.) [Guboglu, 1958, р. 331]. Это его исследование, со скромно вынесенным в название огромного фолианта словом «Очерк» («*Studiu*»), основывается не только на приложенных факсимиле, написанных трудночитаемой арабикой, но и на других документах, до него беспорядочно хранившихся в румынских архивах и библиотеках.

М. П. Губоглу неоднократно с обидой сетовал на то, что при подготовке этой книги к печати его заставили сократить рукопись почти вдвое. И хотя у румынских генералов от науки не хватило щедрости для издания двухтомника, тем не менее, 203 факсимильно изданных документа [Guboglu, 1958, р. 163-330] с кратким описанием происхождения, местонахождения каждого документа, его истории, содержания и условия появления на свет, а также исторического значения [Guboglu, 1958, р. 131-162] послужили и еще долго будут служить маяками, ориентирующими источниковедческие исследования новых поколений в обширных турецко-османских документальных фондах, ценных для истолкования истории Румынии и других стран.

В год 100-летия М. П. Губоглу прошло более полувека с момента выхода в свет его книги о палеографии и османско-румынской дипломатии. Она положила начало румынской османологии в области источниковедения и при-

несла славу её автору как основоположнику этого направления. В течение полувека своей творческой деятельности М. П. Губоглу оставался центральной фигурой в румынской источниковедческой османистике, как бы олицетворяя румынский вклад в мировое востоковедение.

Будучи непревзойдённым примером служения Клио и воздействуя на пути развития румынской исторической науки в сфере изучения межгосударственных и межэтнических отношений, М. П. Губоглу заслуживает того, чтобы земляки ближе познакомилась с его творчеством, обаянием и силой его таланта, с его концепцией этногенеза и этнической истории родного гагаузского народа. Его творчество интернационально, а вклад в гуманитарное знание принадлежит не только стране, в которой он жил и творил, но и земле, на которой он родился, гагаузскому народу, достоянием которого он является.

Многие труды М. П. Губоглу поражают обилием научного аппарата и подробнейшими комментариями, составление которых порой подобно подвигу терпения, скромности и настойчивости. «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды», как говорил В. Маяковский. Из способности увидеть и объяснить главное в хитросплетениях османских источников складывалось умение М. П. Губоглу вдохновлять и зажигать молодые сердца. Он работал в единомыслии и в синхронном режиме с понимающими его учениками и последователями. Не в этом ли состояло его счастье?

Разработка комментариев, хотя и является чрезвычайно трудоёмким и хлопотным занятием, однако она пользуется большим уважением и благодарностью коллег, так как кроме всего прочего инкорпорирует документ в историческую эпоху или в судьбу героя.

Он обладал способностью проникать не только в суть текста документа, но и в его подтекст. Сами по себе исторические документы прошлых эпох мало что прибавят к знанию, если не откроют учёному или писателю, что кроется за их строками, интересы чьих и каких общественных сил они выражают или отражают. Информативная и изобразительная сила исторического документа, будь то фирман османского султана, полицейское донесение или связка налоговых документов, может быть огромной, если учёный расшифрует его содержание в контексте создавшей его эпохи. Правильно понятая подлинность документа предстаёт перед читателями как дошедший через века осколок времени.

*В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность
И небо – в чашечке цветка.*

С полным основанием эти давно произнесённые слова английского поэта и художника Уильяма Блейка (1757–1827) можно отнести к бескорыстному труду по составлению комментариев.

Суть концептуального подхода М. П. Губоглу к истории состоит в том, что настоящее нельзя понять без глубоких знаний о прошлом. Отсюда следует его неприятие популярной в западной литературе идеи столкновения этнических культур и их носителей и предлагается идея межэтнического синтеза, в том числе на примере анализа происхождения и этнической истории гагаузов.

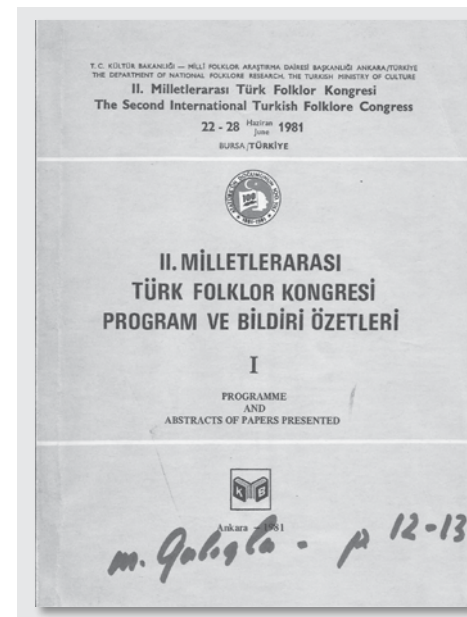
Пожалуй, трудно определить жанр новаторского научного произведения, как и любого сочинения, несущего в себе заряд новизны и оригинальности. Оно одновременно и источниковедческое, и историографическое, аналитическое и учебно-методическое. Высокий профессиональный уровень и его качество определяется не только анализом и комментариями публикуемых документов, обширной библиографией, но и приложенными индексами, свидетельствующими об истинно академическом характере издания и непревзойдённом профессионализме автора.

И хотя М. П. Губоглу уважительно называет имена своих предшественников, внёсших определённый вклад в выявление и в обнародование документов по палеографии и турецко-османской дипломатике (Фр. Краиц, Л. Фекете, А. Зайончковский), его самого по праву считают основоположником румынской школы палеографии в предметной области румынской тюркологии [Popescu, 2008, p. 29-35].

Родившись на юго-западной окраине Российской империи и проведя детство в Бессарабии, в гагаузском селении и в гагаузской семье, М. П. Губоглу стал гордостью румынского востоковедения, но сохранил знание русского языка и пиетет к российскому востоковедению, имеющему общемировое значение. Как вдохновитель румынской тюркологии и османистики, он стал в один ряд с крупнейшими европейскими ориенталистами XX в., создав значительные труды по хронологии оттоманских султанов и высших должностных лиц Оттоманской империи. С присущим ему профессионализмом, вкусом и тактом он выявил, каталогизировал важные документы из книгохранилищ и национальных фондов Болгарии, Румынии и Турции.

Он не только обогащал румынское источниковедение по истории румын документами, извлечёнными из стамбульских архивов [Guboglu, 1967, MI, 1/7, с. 59-60 + facs], но и любил работать в этом городе, умом и сердцем воспринимая красоту состоявшихся в нём кочевых и оседлых, исламских и православных культур, языков и художественных ценностей. О Стамбуле он мог бесконечно рассказывать, не переставая восхищаться городом на Босфоре и удивляться его юности, краскам и красотам.

С обстоятельными докладами по исламской палеографии и нарративным источникам он принял участие в более чем тридцати международных конгрессах, в том числе в СССР, Болгарии, Турции, Франции, порой представляя доклады одновременно в двух разных секциях [Popescu, 2007, с. 35].

Программа Конгресса, посвящённого фольклору тюркских народов. 22–28 июня 1981 г. (г. Бурса).

М. П. Губоглу – руководитель делегации румынских востоковедов на XXV Международном конгрессе востоковедов, август 1960 г., и М. Н. Губогло – студент 3-го курса исторического факультета МГУ. (Фото из архива М. Н. Губогло)

Так, например, на II Международном конгрессе, состоявшемся 22–28 июня 1981 г. в Бурсе и посвящённом фольклору тюркских народов, М. П. Губоглу выступил с двумя докладами [см. ксерокопию обложки материалов].

Сообщая в одном из писем, что он получил визу и через неделю вылетает в Стамбул принять участие в работе IV Международного тюркологического конгресса, он с долей самоиронии писал мне: «Ни один тюркологический конгресс не обходится без моего участия, подобно тому, как ни одна свадьба не может состояться без завсегдатая» («Eski bir laf var: “Kambersiz düün olmaz”. Bensizde Turkologi bir kongres olmaz. Bu bakimdan bana sevinç ve kivanç da vardır») [Из переписки с М. П. Губоглу. Текущий архив М. Н. Губогло].

Однако в этой тонкой самоиронии слышится глубокий смысл самооценки востребованности его знаний и его опыта одновременно с высокой оценкой его обширных знаний и уважения к его творчеству. В моём лексическом репертуаре слова «kamber» не нашлось. Поиски этого слова во всех существующих гагаузско-русских словарях и в одном из новейших турецко-русских словарей оказались безрезультатными. И только в «Турецко-русском словаре», изданном более полувека тому назад под редакцией академика В. А. Гордлевского, обнаружился перевод. Это слово, видимо, взятое М. П. Губоглу из староосманского языка, дословно означало: «вездесущий», «сующий свой нос повсюду», «завсегдатай» [Турецко-русский словарь, 1945, с. 309].

Во второй части вышеприведённой выдержки из письма М. П. Губоглу также содержались слова «sevinç», «kivanç», отсутствующие в гагаузском языке, но выражающие его радость и гордость быть «завсегдатаем», то есть приглашаемым на все текущие тюркологические конгрессы.

Трудно переоценить значение сочинений М. П. Губоглу для изучения истории Молдовы, Румынии и других стран Юго-Восточной Европы. Вду-

маемся в оценку, данную его трудам известным специалистом по истории молдавского народа – Василием Стати. «Без фундаментальных трудов профессора Бухарестского университета М. П. Губоглу (1911–1989) “Каталога турецких документов” (2 т.) и особенно без “Турецких хроник по истории Румынии” (освещающих де-факто определённые периоды из истории Молдовы и Валахии) невозможно со всей полнотой исследовать события, происходившие на Карпато-Днестровских землях в период правления Стефана III Великого (1457–1504 гг.)» [Стати, 2009, с. 346].

Биографии избранных: жизнь, озарённая творчеством

«В биографии крупных представителей науки, искусства и литературы нас интересуют не только реальные достижения данного учёного, артиста, художника, писателя, но его личность, черты его характера, отношение к окружающей жизни, к родине».

П. П. Лазарев,

Слово о науке (М., 1986. с. 69).

Согласно семейным легендам, М. П. Губоглу с жадностью набрасывался на книги. И не только читал, но и в деталях запоминал прочитанное. Его страсть к архивным источникам и жадность к поиску новых знаний, казалось, не знали границ. Будучи несколько раз краткосрочным гостем в Кишинёве, практически проездом, он продолжал неустанно пополнять сведениями свою юношескую работу о гагаузах «Gagauzi în lumina istoriei», исписав поля подаренной мне многостраничной, до сих пор не опубликованной рукописи сведениями о социально-экономическом развитии, извлеченными из «Епархиальных ведомостей», о социокультурной инфраструктуре гагаузских сёл в первой половине и в середине XX в. До конца своих дней он продолжал работу над книгой о гагаузах, написанной при завершении Черновицкого университета на румынском языке, считая, однако, ее не вполне готовой к публикации на уровне, достойном российского востоковедения.

Обладая неистощимой энергией, прекрасной памятью, душевной щедростью и источниковедческим чутьём, он заложил фундамент румынской тюркологии изданием двух томов тщательно подобранных и проанализированных турецких документов, объёмом без малого до 700 страниц каждый, в основном из фондов Турции и Болгарии [Guboglu, vol. I, 1960; vol. II, 1965].

Он хорошо знал, где надо искать и находить важные документы о социально-экономической, политической и дипломатической истории. Щедро делился с коллегами и учениками своими знаниями, он снискал себе репутацию и авторитет не только удачливого и счастливого кладоискателя, но и духовного лидера, кумира румынских востоковедов.

В учёном мире не так часто встречаются авторы, особенно в классических науках о древности и средневековье, выпускающие, как М. П. Губоглу, в свет горы новонайденных документов, предварительно не использовав их для подготовки собственного сочинения.

Еще одним подтверждением бесконечной готовности М. П. Губоглу служить Клио выглядит типологическое сходство пристрастий и техники его вдохновенного труда с изображением той самой древнегреческой покровительницы 9 муз и, прежде всего, истории. Подобно тому, как ее изображали с грифелем и папирусным свитком, для представления «бренда» М. П. Губоглу адекватными были бы свитки документов, сохраненные и вложенные им в «шкатулки», то есть собранные в каталоги документов и в антологии источников.

Смею думать, что антологии, как правило, создаются не столько для «себя», сколько для «других» в качестве методологических или методико-инструментальных пособий и ориентиров. Такова, в частности, вышеупомянутая составленная М. П. Губоглу «Турецкая хрестоматия. Нарративные источники по истории Восточной и Центральной Европы (1263–1683) с факсимильными приложениями документов [Guboglu, 1977]. Трудно переоценить ее коэффициент полезного действия, если иметь в виду не только ее общественное значение, но и востребованность в профессиональной карьере молодых учёных или при решении каких-либо прикладных задач.

В этом отношении могу сослаться на собственный опыт создания трёхтомной антологии «Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика», в пору, когда ее материалы в середине 1995 г. были востребованы в связи с разработкой и принятием федерального закона Российской Федерации «О национально-культурной автономии» [Национально-культурные автономии и объединения, 1995, т. 1, 317 с.; т. 2, 317 с.; т. 3, 303 с.; Губоглу, 2006, т. 2, с. 542-546].

Шатаясь от жары, усталости и бессилия, от обречённости неквалифицированного физического труда на кукурузном поле, М. П. Губоглу, согласно семейным преданиям, ещё в далёкие детские времена дал себе обет обрести профессию, не связанную с прополкой кукурузного поля, безжалостно зарастающего сорняками, особенно в удачный год после очередного живительного дождя.

В местной мифологии сохранилось предание, как однажды, после окончания Черновицкого университета, оказавшись на кукурузном поле, он облегчённо воскликнул: «*Bu benim bitki papşoy kazmam*» («Это была моя последняя прополка кукурузы»). Вспоминался типологически сходный сюжет из биографии Эрнеста Резерфорда. После окончания университета, до отплытия через Индийский и Атлантический океан в столицу империи на Британские острова, случился день, когда он швырнул на землю фермерскую лопату и прокричал окрестным холмам: «Это последняя картошка, которую я выкопал» [Данин, 1967, с. 19, 66].

Единственной свидетельницей этой сцены была мать Э. Резерфорда. Потом в переписке с сыном она вспоминала, как она шла вслед за ним с душой, переполненной гордостью, торжеством и печалью, так как полученная стипендия для поездки из Новой Зеландии в Лондон, означала, что непоседливый сын уходит из отчего дома навсегда, навстречу Нобелевской премии. Последний день на кукурузном поле в Чадыр-Лунге стал для юного Михаила Губоглу первым днём на его длинном пути от родного очага навстречу дню,

когда Чрезвычайный и Полномочный посол Турецкой Республики Нахит Озгур вручил ему диплом в связи с избранием членом-корреспондентом *Türk Tarih Kurumu* («Общества турецкой истории»). Торжественная церемония состоялась на заседании учёного совета Бухарестского Института истории им. Николае Йорги, сотрудником которого М. П. Губоглу являлся с 1948 по 1963 гг., а затем с 1963 по 1968 гг. был ведущим научным сотрудником Института по изучению Юго-Восточной Европы.

В благодарственную телеграмму, направленную в адрес Президента и Президиума *Türk Tarih Kurumu* по случаю вручения диплома «*Türk Tarih Kurumu*» профессору М. П. Губоглу, директор Института истории им. Н. Йорги профессор С. Стефанеску включил знаменательные слова: «*Atenția Dv. prin diploma pe care ați acordat-o este nu numai pentru prof. M. Guboglu, ci și o mare onoare pentru țara noastră – România*» [Копия с оригинала телеграммы]. Вручение диплома профессору М. Губоглу, говорилось в телеграмме, это не только признание его личных заслуг, но и большая честь всему Румынскому государству.

При осмыслении жизненного пути учёного нельзя отделять его жизнь от его творчества и отделять его творчество от эпохи, в которой он жил, а также от истории страны, в которой он родился и в которой проходила его жизнедеятельность.

В моем архиве хранится несколько десятков писем, поздравительных открыток, телеграмм и записок М. П. Губоглу. Перебирая и перечитывая сегодня эти документы, мы можем судить о том, чему учил своих студентов человек, страстно влюблённый в науку. Учёный, издавший несколько томов документов, прежде всего высоко ценил достоверность фактов. «Как ни совершенно крыло птицы, – говорил он афоризмами вслед за кем-то из классиков, – оно никогда не смогло бы поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты – это воздух учёного».

Однако, чтобы собрать урожай фактов, необходимы смелость в постановке новых задач, чёткое осознание того, что ищет собиратель, проникновение в тайну их происхождения, последовательность в их поиске, одержимость и терпение в исполнении черновой работы. Наука требует от человека хорошей памяти, скромности, логики в осознании содеянного и, конечно, страсти, без которой немыслимо преодоление возникающих трудностей.

Трудолюбие и непрестанный труд М. П. Губоглу считал одним из главных достоинств человека. «*Ии ишлемя*, – говаривал он с настойчивостью учителя, – *кадынджа ойнамаа бенземер*» («Работать – не кадынжу танцевать»).

В 1949 г., после депортации его отца в Сибирь, на чердаке дома в Чадыр-Лунге, в котором родился М. П. Губоглу, осталось некоторое количество книг по истории Румынии. Эти книги по просьбе Михаила Петровича хранились в шкафу в одной из больших комнат нашего дома. С приходом Советской власти они были брошены его родителями на чердак и прикрыты тюками необработанной овечьей шерсти.

По рассказам Михаила Петровича, особую страсть к приобретению книг питал его дед, Дмитрий Георгиевич Губоглу. Отец и дед Михаила Петровича привили ему страсть к чтению с детских лет. Эта страсть не погасла в нем до последних дней его жизни. В 1960–1970-е гг. по его просьбе я составлял ему

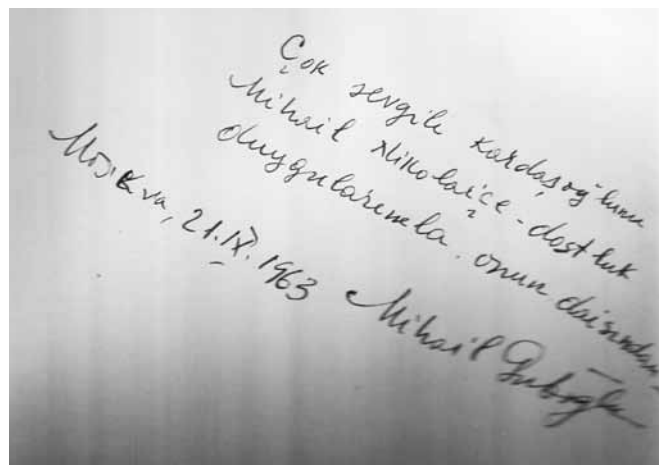
краткие библиографические справки, покупал нужные ему книги по истории и этнографии тюркских народов, оформил подписку и отправил с оказией в Бухарест полное собрание сочинений академика В. В. Бартольда, 9 томов в 10 книгах.

Его лицо светилось глубокой задушевностью, когда он улыбался. Но его улыбка никогда не была насмешкой. От неё никогда не исходила враждебность. У них с его супругой Катюш не было детей, над которыми можно было бы подшучивать или улыбаться при виде детских шалостей. Может быть, поэтому они всегда подтрунивали друг над другом. Если ей казалось, что его настигла очередная романтическая влюблённость, она ласково ворчала: «Е-шь манатки, ши дуги» («Собирай вещички и уходи»). Он нежно отзывался по-русски: «Моя “цыганка” ревнует». Он вместе с ней ездил на курорты. Порой она сопровождала его на международные конгрессы и с упоением в приписках к его письмам рассказывала о его очередном успешном выступлении.

Сентиментальность Михаила Петровича, о которой говорили и писали его друзья и коллеги, проявлялась, в частности, в его любви к Чадыр-Лунге, где он родился, и к обитателям родного города, к местам, где он вырос, к друзьям детства, к знакомым улицам и деревьям, запахам и звукам. Посетив в очередной раз Чадыр-Лунгу в 1982 г., он считал своим долгом навестить своих многочисленных дядей и тётей (братьев и сестёр своего отца). Он не кичился учёностью и научной карьерой, но свои достижения в науке и творчестве считал оправданием своего выбора, оправданием смены места жительства и смены традиционных занятий. Порой он чувствовал себя неууютно перед своим младшим братом (наследником своего отца) из-за того, что, покинув родные поля, оставил брата наедине с кукурузными и пшеничными посевами, виноградниками и домашней живностью.

О его сентиментальности ходили легенды, как отмечает в воспоминаниях П. Настурел. Ему нравилось пировать с друзьями, земляками и коллегами [Nasturel, 2007, с. 22]. Возвращаясь с очередного конгресса из Турции, он привозил, по свидетельству его бывшей студентки Анки Попеску, подарки дамам, делая это изящно, искусно и деликатно [Popescu, 2007, с. 33].

Его излюбленной дарственной надписью на книгах, оттисках статей и

Образец дарственной надписи М. П. Губоглу.
Архив М. Н. Губогло.

брошюр, как пишет Анка Попеску [Popescu, 2007, с. 34], были слова: «На добрую память». Когда я поступил в аспирантуру, он подарил мне свой огромный фолиант «Paleografia și Diplomatica Turko-osmană» с такой надписью: «Любимому сыну моего брата (племяннику) Михаилу Николаевичу с дружескими чувствами от его дяди [21.09.1963, Москва].

В ответ на книги, которые я посылал по его просьбе в Бухарест, он, зная мою студенческую бедность, когда надо было наряду со стипендией иметь какой-то дополнительный заработок, дарил мне кое-что из вещей. На одной из сохранившихся в архиве фотографий, снятой товарищем, «сопровождающим» туристическую группу МГУ, виден подаренный мне чемоданчик «не первой молодости» с сувенирами и подарками от Михаила Петровича. Снимок был сделан летом 1965 г., когда ответственный «товарищ» сопровождал не только официальную туристическую группу профессоров и сотрудников МГУ по городам Румынии и Болгарии, но заодно и меня по дороге в квартиру и из квартиры М. П. Губоглу. В то время я мог посетить родственников только в сопровождении кого-нибудь из состава туристической группы.

Мне не дано коснуться интимной стороны жизни М. П. Губоглу, поскольку сказывалась значительная межпоколенная разница в возрасте. Он был старше моего отца на 5 лет. Поэтому мне мало что известно о принципах его отношения к женщинам и любви. Однако, по отдельным его репликам и высказываниям, могу сказать, что он страстно и бескорыстно увлекался тай-

М. П. Губоглу с племянником М. Н. Губогло в Бухаресте (1965).
Фото из архива М. Н. Губогло.

Катуш — супруга М. П. Губоглу.
Фото из архива М. Н. Губогло.

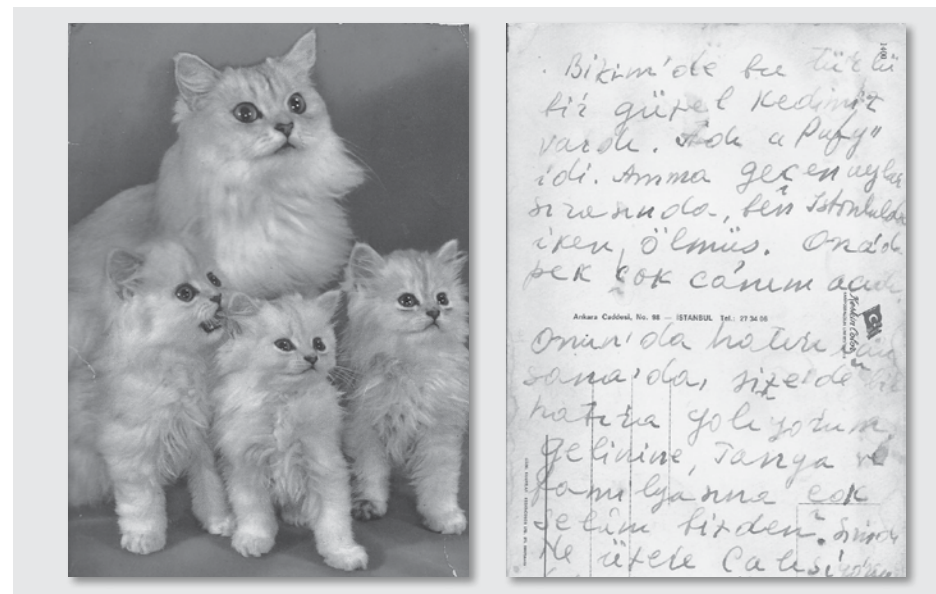
ной женской природы и высоко ценил женскую красоту. В то же время в нём не было ни циничного смакования, ни ханжеского фарисейски-аскетичного или пренебрежительного отношения к неформальной стороне жизни. Красоте женщины он придавал едва ли не религиозное значение. Любовь к женщине он ставил в один типологический ряд со страстью к науке и истине. Любовь к женщине и любовь к научному творчеству для него были одинаково востребованными, одним и тем же чувством. Как и в научном творчестве, в его жизни любовь играла огромную роль. Для него было органически неприемлемо какое бы то ни было легкомыслие в обсуждении интимных сторон жизни.

Он осуждал, например, неравный брак, когда старик женился на молодой девушке. При этом сопровождал своё неприятие образным выражением, метафорой: «*Ихтяр мотан генч сычан имиш*» («Старый кот молодую мышь съел»).

Да, Анка Попеску совершенно права: он любил кошек. Он сам в этом признавался, и это отмечали многие его коллеги, в том числе в юбилейном сборнике статей, посвящённом его 95-летию [Popescu, 2007, с. 33]. И не совсем правы были те, кто тривиально думал, что это была замещённая любовь к домашнему животному в связи с тем, что у него не было своих детей. Я, скорее, готов согласиться с теми французскими мыслителями, считавшими, что в добром отношении людей к некоторым домашним животным — кошкам, лошадям, собакам проявляются признаки лести самому себе. Людям, наделённым страстным отношением к домашним животным, сделавшимся их собственностью, кажется, что животное ублажает их самолюбие. Кошке или собаке такие люди приписывают мысли и чувства, дающие основание верить, будто животные любят их, ценят их доброе отношение к себе, что они полны лояльности или преданности своим хозяевам.

Мне приходилось уже рассказывать, с какой страстью любил лошадей отец Михаила Петровича — Губогло Пётр Дмитриевич [Губогло, 2008a]. В известной мере страсть к этим прелестным животным можно считать наследственной.

Смерть домашней кошки *Pufu* (Пуфи), той, что мурлыкала рядом с его письменным столом, когда он работал, или сидела на коленях его супруги

Открытка из архива М. Н. Губогло.

Екатерины Георгиевны (см. фото), он перенёс с горечью и душевной болью. На лицевой стороне открытки, которую он прислал из Стамбула, на вишнёво-красном фоне изображены светло-серые «сородичи» Пуфи, а на обратной стороне открытки — текст с печальным известием.

Позволю себе привести перевод этого текста: «Какая прекрасная у нас была кошка. Её звали Пуфи. Однако в конце прошлого года, когда я был в Стамбуле, она умерла. Моя душа сильно разболелась. В память о ней я шлю Вам, особенно твоей жене Тане и всей вашей семье, приветствия... от нашей семьи. Интересно, над чем ты сейчас работаешь? Желаю благополучия и крепкого здоровья. Михаил Губоглу».

Меня в детстве М. П. Губоглу и его супруга называли на румынский манер *Mihaița* (Михаица) подобно тому, как, например, для одного из его молодых коллег Михаила Берендея им было придумано душевное прозвище «*Cumaneli*» («Куманёнок») [Nasturel, 2007, p. 17].

О сентиментальной привычке М. П. Губоглу называть своих друзей или родственников уменьшительно-ласкательными именами вспоминает его друг, профессор из Парижа Петре Настурел, мило замечая при этом, что профессор М. П. Губоглу никогда не мог правильно произнести «Пьеро» — французскую уменьшительную форму его имени *Pero* [Nasturel, 2007, p. 23].

Надо думать, что у человека с огромным духовным пространством, как М. П. Губоглу, при его неутолимой потребности жить и творить, руководствуясь крупномасштабными интересами, оставалось мало времени для общественной деятельности, в том числе по концептуальному обоснованию самоопределения родного гагаузского народа.

По характеру М. П. Губоглу походил больше на француза, чем на гагауза или румына. Терпеть не мог скуки, любил шутки, отличался по-восточному тонким юмором, с удовольствием общался с друзьями, в том числе за бокалом вина. Маниакально опрятный, педантичный в делах, на заседаниях многочисленных конгрессов и конференций выступал ярко, приводя в действие им самим придуманные неологизмы. Дружил большей частью с коллегами по работе и земляками из Бессарабии, как своей малой Родины. Интенсивно переписывался с коллегами-тюркологами из академических центров Советского Союза.

Сильное впечатление на слушателей оказывало духовное изящество его облика, матовый цвет и тонкие черты лица, крупный рот и типичные манеры речи, сопровождаемые стремительным погружением пятерни в шевелюру по бокам его седеющей головы. Эта характерная для него манера, неоднократно отмечавшаяся в воспоминаниях его коллег и друзей, надо думать, отражала темпераментное движение его души и постоянное напряжение мысли.

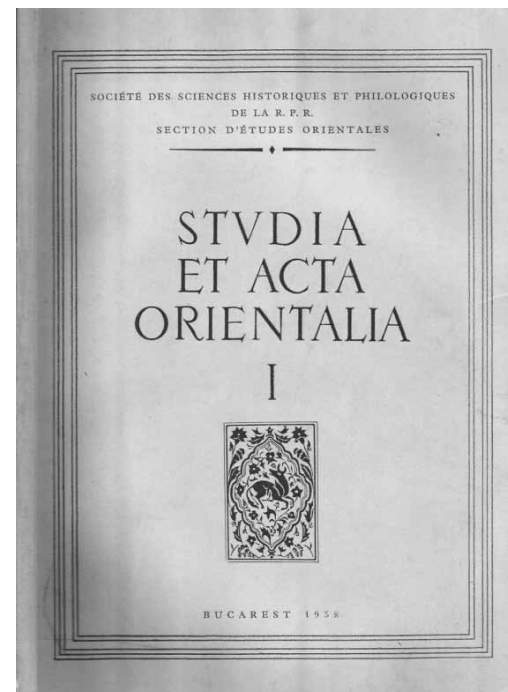
Мне приходилось наблюдать точно такой же характерный жест в беседах с нашим родственником, известным юристом, членом Конституционного суда Республики Молдова – Николаем Михайловичем Кисеевым, мать которого находилась в родственных отношениях с матерью М. П. Губоглу.

В 2004 г. в Чикаго состоялся симпозиум в рамках исследовательского проекта «Язык, национальность и бывший Советский Союз». Там я впервые обратил внимание, что такой же, как у М. П. Губоглу и Н. М. Кисеева, нервный всплеск прорывался во время выступления выдающегося татарского этнографа Евгения Прокопьевича Бусыгина. Позднее он повторял этот характерный жест, рассказывая о поездках во Вьетнам или вспоминая байки времён экспедиций по городам и весям Поволжья. Со стороны это движение талантливой души воспринималось как желание приостановить бег жизни, как стремление замедлить полёт времени.

О Кантемире: сходные поиски родины

Необходимость обширных историографических и библиографических знаний хорошо осознавалась М. П. Губоглу, и он, опираясь на свою великолепную память, постоянно страховал себя, чтобы в своих трудах не попасть пальцем в небо. Об этом наглядно свидетельствуют его работы, посвященные крупнейшим европейским востоковедам и их сочинениям. Особое место в аналитических и историографических произведениях М. П. Губоглу занимают публикации, посвященные творчеству Дмитрия Кантемира. Личность молдавского господаря, ставшего одним из ближайших соратников Петра 1, особенно в решении ряда вопросов, связанных с восточными интересами Российской империи, постоянно находилась в поле творческих интересов М. П. Губоглу [Guboglu, 1957, p. 179-208; Guboglu, 1974, p. 383-390; Guboglu, 1979a, p. 968-981 и др.].

Привлекательность личности Дм. Кантемира для М. П. Губоглу складывалась, прежде всего, из фундаментальности и разносторонности его творчества. Вместе с тем М. П. Губоглу импонировали тюркское происхождение Дм. Кантемира, его служение интересам Молдавского и Российского госу-

«Очерки и материалы по востоковедению», издававшиеся под редакцией М. П. Губоглу.

дарства, маргинальность жизненной судьбы, напоминая в чём-то его собственную судьбу, но наоборот: Кантемир родился на земле будущей Румынии, а жизнь закончил, служа в России, М. П. Губоглу родился в Российской империи, а основную часть своей жизни прожил в Румынии.

Как никто другой, М. П. Губоглу мог адекватно определить и компетентно, со знанием дела, оценить историческое значение сочинений Дм. Кантемира для понимания истории и исторической обречённости Оттоманской империи, для уяснения состояния и сущности догматики и риторики мусульманской религии, воспринимаемых приверженцами ислама в качестве «руководства к жизни» [Дмитрий Кантемир и история Оттоманской империи, 1957; Материалы по ту-

рецкому фольклору в произведениях Дмитрия Кантемира, 1974; Дмитрий Кантемир – первый румынский тюрколог].

Востоковедение (ориенталистика) представляет собой исторически сложившуюся науку, в предметной области которой изучаются вопросы истории, языка, литературы, этнологии, религии, философии, памятники материальной и духовной культуры народов Востока. При этом географические контуры её предметной области весьма расплывчаты, порой до такой степени, что вся африканская тематика включается в её состав, несмотря на то, что её классические рамки ограничены странами, лежащими к востоку от Чёрного моря. В рамках востоковедения успешно развивается множество региональных отраслей: тюркология, иранистика, арабистика, индология, монголоведение, китаеведение и японоведение. Богатый опыт, накопленный востоковедением многих стран, требует огромных усилий для усвоения. Не каждому такой труд оказывается под силу.

Выступив одним из инициаторов и основателей ежегодника «Studia et Acta Orientalia» («Очерки и материалы по востоковедению») и став его главным редактором, М. П. Губоглу приложил немало усилий для развития предметной области румынского востоковедения.

Творчеству Д. Кантемира, особенно его сочинению «Описание Молдовы», за истекшие без малого три столетия посвящены горы литературы, в том числе переводы на русский и на многие языки европейских народов. Однако лишь М. П. Губоглу сумел, во-первых, квалифицированно оценить его реаль-

ный вклад в востоковедение, достойный того, чтобы считать Д. Кантемира «первым румынским востоковедом» молдавского происхождения, и, во-вторых, напомнить, что его не менее знаменитым предшественником был молдавский грек Николае Милеску Спафарий (1636–1708), первым из Молдовы посетившим Китай в 1675 г. в составе Российского посольства и оставившим бесценное описание Сибири, Дальнего Востока и Китая [Путешествие через Сибирь, 1882; Спафарий, 1910; Guboglu, 1960, p. 129; Токарев, 1966, с. 46-48, 61-62, 65-67, 135].

М. П. Губоглу часто любил повторять, что заслуженный успех научная деятельность приносит только тому, кто обладает устойчивой мотивацией к занятиям наукой и жадным интересом к познанию истории.

Историческое значение статьи «D. Kantemir – orientaliste», вместе с другими статьями, посвящёнными Кантемиру, состоит в том, что она оказала большое влияние на формирование концептуальной основы румынского и молдавского востоковедения.

Немаловажное значение при этом имел комплексный подход, в процессе применения которого, находясь в единых концептуальных рамках, М. П. Губоглу показал, в частности, мотивацию и историческую обречённость Османской империи, вытекающую из концепции и материалов Кантемира.

По мысли М. П. Губоглу, не теряет своей актуальности выявленная Д. Кантемиром номенклатура государственных чинов, в том числе военных должностей, и представительный анализ терминологии, обозначающей и раскрывающей функции должностных лиц Османской империи. Сопоставительный анализ эквивалентов и этимологии денежной терминологии, представленный Д. Кантемиром, стал предпосылкой для старта и успешного развития нумизматики, занявшей с течением времени важное место в предметной области тюркологических исследований, освещающих историю народов и стран Юго-Восточной Европы.

Л. Н. Толстой как-то говорил: «Чтобы начистить до блеска самовар, его обмазывают слоем глины, толчёного кирпича и тому подобным, трут в мокром виде, а потом всё отскребают. Так же поступают философы: чтобы добиться блеска истины, они засыпают её толстым слоем своих понятийных конструкций. К сожалению, они часто забывают убрать потом весь сор». М. П. Губоглу в 1960 г. не только высоко оценил понятийно-категориальный аппарат, сопряжённый с функциональным раскрытием социальной структуры иерархии оттоманского чиновничества, охарактеризованный Д. Кантемиром [Guboglu, 1960, 1961b, с. 157-159], но и пятью годами ранее разработал и опубликовал «Синхронные таблицы. Даты хиджры и даты Нового времени, введённые в мусульманской хронологии» [Guboglu, 1955, 330 с.].

Романтику по природе и жизнелюбу по характеру М. П. Губоглу импонировали страницы кантемировской «Истории возникновения и упадка Османской империи», содержащие описание церемоний, приёмов послов в Порте, семейных и общественных обрядов, приводимые примеры пословиц, описание портретов султанов и визирей, то есть информацию, благодаря которой история расцветается яркими красками [Guboglu, 1961, p. 137].

Исключительно важными и интересными М. П. Губоглу считает проницательное сообщение Д. Кантемира о бытовании среди турок, исповедующих ислам, христианских праздников Св. Георгия (Хедерлез) и Св. Димитрия (Касым).

Однако проявляя академическую осторожность и дипломатическую мудрость, М. П. Губоглу воздержался от напрашивающегося вывода о наличии этнокультурных параллелей в весенне-летнем и осенне-зимнем народном календаре сельджуков XIII–XIV вв., турок-осман конца XVII – начала XVIII вв. и гагаузов в XIX–XX вв., уходящих корнями в образ жизни кочевых предков тех, других и третьих.

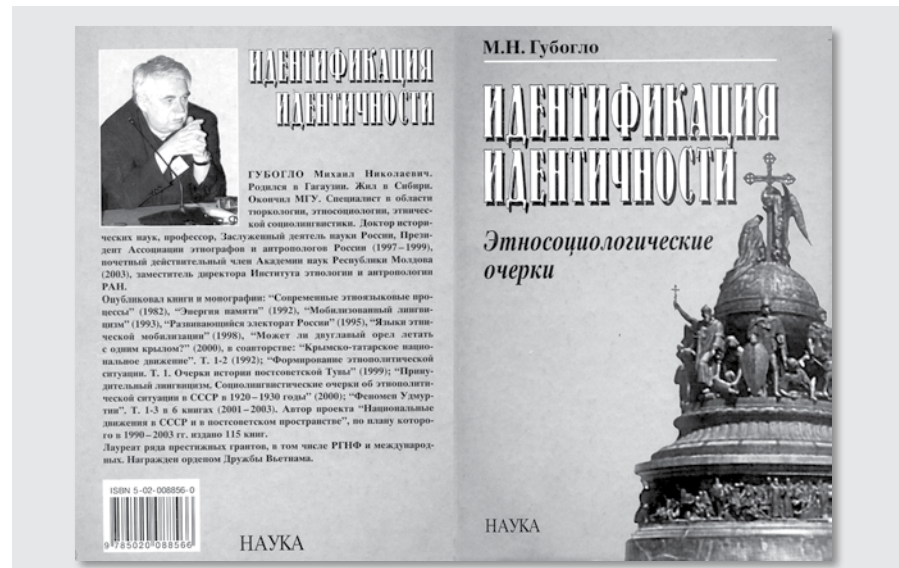
Заслуги и награды

*Ты обойдён наградой? Позабудь.
Дни вереницей мчатся? Позабудь.
Небрежен ветер: в вечной Книге Жизни
Мог и не той страницей шевельнуть...*

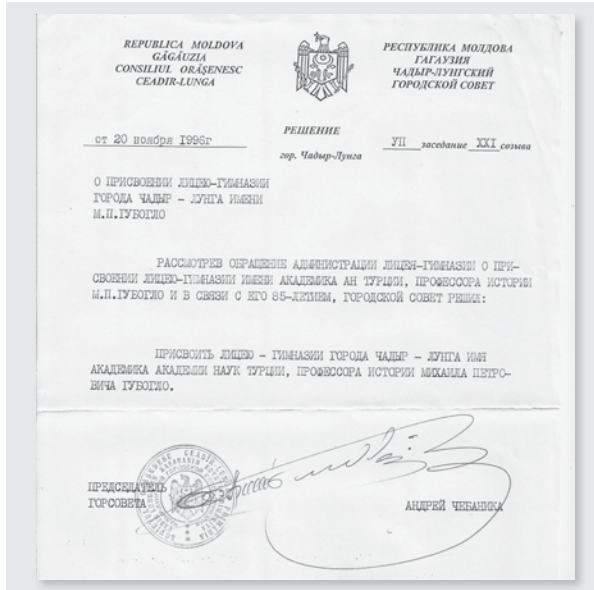
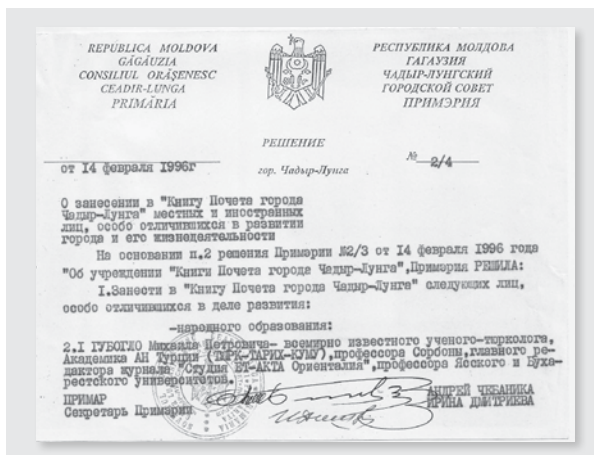
Омар Хайям,
Рубаи (М., 2008. С. 14).

Обозревая жизнь М. П. Губоглу, можно сказать, что в своём непрерывном подвижничестве в поисках исторических документов, всегда влекомый, но не увлекаемый водоворотом политических событий в Румынии и России, он сумел прожить под единым пафосом служения науке, проникнутым единой идеей – «научным творением».

Самой высокой наградой для учёного, особенно посвятившего свою жизнь служению Клио, является память о нём, непреходящая ценность его трудов и востребованность плодов его творчества.

Монография М. Н. Губоглу, посвящённая 85-летию юбилею М. П. Губоглу М., 2003, 764 с.

Решение Чадыр-Лунгского горсовета о присвоении М. П. Губоглу звания Почётного гражданина г. Чадыр-Лунга и о присвоении Чадыр-Лунгскому лицезу-гимназии его имени.
Архив М. Н. Губогло.

Mer Noire (XIV–XXI siècles) Etudes a la Memorie Mihail Guboglu. Sous la Direction de: Faruk Bilic, Jone Candea», Anca Popescu. Brăila, 2007, 763 с., подготовленного его учениками и почитателями его таланта в связи с 95-летним юбилеем учёного*.

* Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность и глубокую благодарность Башкану Гагаузии Михаилу Макаровичу Формузалу за подаренный мне упомянутый сборник статей, посвящённый 95-летию М. П. Губоглу. Храню его как бесценный компендиум для гагаузского народа и особенно для земляков, жителей г. Чадыр-Лунга, почётным гражданином которого является М. П. Губоглу.

Не останавливаясь подробно на перечислении некоторых правительственных наград Румынии, имеющих, к сожалению, скорее дежурный, чем заслуженный и справедливый характер, обратимся к признанию творческого вклада М. П. Губоглу со стороны его коллег – учёных и общественности той земли, на которой он родился и которую любил до конца дней своих.

85-летнему юбилею М. П. Губоглу была посвящена монография М. Н. Губогло «Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки» (М., 1998).

Народное Собрание Гагаузии объявило 2011 год Годом Михаила Губоглу и Михаила Чакира и утвердило план мероприятий, в том числе научно-практическую конференцию, посвящённую памяти М. П. Губоглу.

В части признания его заслуг научным сообществом укажем прежде всего на фундаментальное и вместе с тем роскошное юбилейное издание в виде огромного фолианта «Enjeux Politiques, Economiques et Militaires en

В 1996 г. в связи с 85-летним юбилеем М. П. Губоглу его имя было занесено в «Книгу Почёта города Чадыр-Лунга», а лицезу-гимназии этого города было присвоено его имя. В Решении Чадыр-Лунгского городского совета и примэрии от 14 февраля 1996 г. можно прочитать: «1. Занести в “Книгу Почёта города Чадыр-Лунга (местных и иностранных лиц, особо отличившихся в развитии города и его жизнедеятельности)”... Губоглу Михаила Петровича – всемирно известного учёного-тюрколога, академика АН Турции (Тюрк Тарих Куруму), профессора Сорбонны, главного редактора журнала “Студия ет Акта Ориенталия”, профессора Ясского и Бухарестского университетов».

Ещё в одном знаменательном документе – «О присвоении лицезу-гимназии города Чадыр-Лунга имени М. П. Губоглу» от 20 ноября 1996 г. – говорилось: «Рассмотрев обращение администрации лицезу-гимназии о присвоении лицезу-гимназии имени академика АН Турции, профессора истории М. П. Губоглу и в связи с его 85-летием, городской совет решил: присвоить лицезу-гимназии города Чадыр-Лунга имя академика Академии Наук Турции профессора истории Михаила Петровича Губоглу».

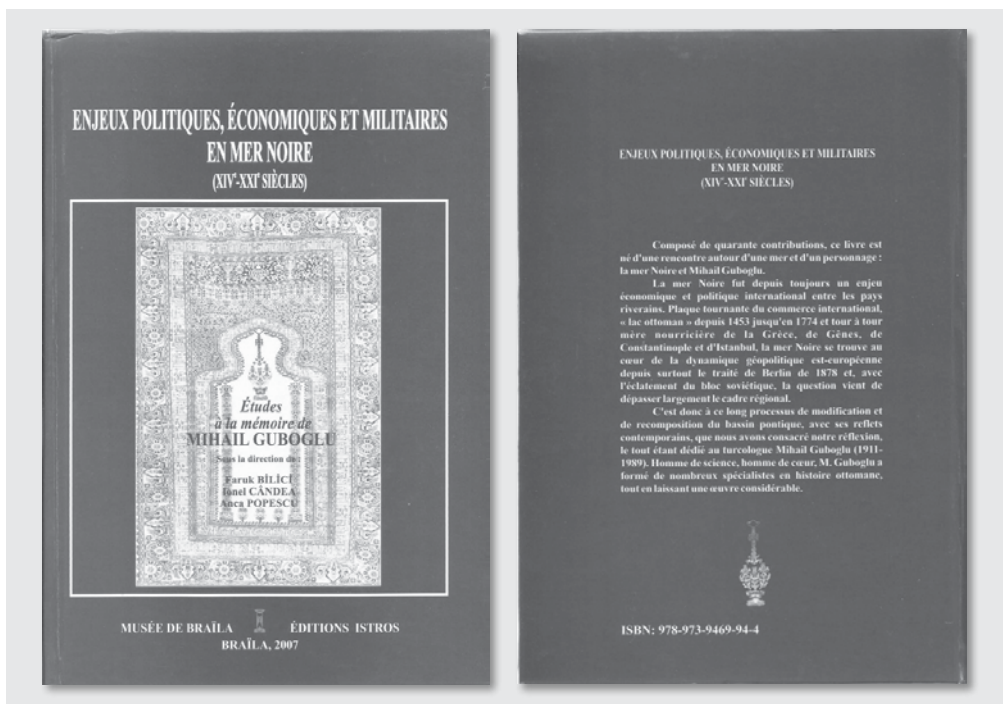
Накануне 95-летия со дня его рождения было проведено два научных форума – 10 июня 2005 г. в музее г. Брэила и 13–14 июня 2005 г. в Институте истории им. Н. Йорги в Бухаресте. Сквозная проблематика каждой из этих встреч – «Чёрное море: политические, этнополитические и военные цели в средневековье и в наши дни» – была призвана символизировать личность М. П. Губоглу и корреспондировать с его творческим наследием, посвящённым истории взаимоотношений стран и народов, расположенных и расселённых по берегам Чёрного моря.

Проблематика Чёрного моря, избранного организаторами юбилейных форумов, подобно бренду, отражала масштабные интересы юбиляра и объединила авторский коллектив из 40 видных учёных, создавший в конечном счёте социокультурно значимый труд в память М. П. Губоглу.

В книге помещены статьи, большинство из которых впервые публикуются, что является искренним признанием заслуг юбиляра, в том числе по 16 статей на английском и французском языках, 3 – на турецком и 2 – на итальянском языке.

Впечатляет география ведомственной и академической принадлежности авторов, представляющих академические и университетские центры Австрии, Болгарии, Польши, Румынии, Турции. К сожалению, в сборнике не представлены российские друзья и коллеги М. П. Губоглу, с которыми он поддерживал научные связи и сотрудничал. Все они, увы, ушли в мир иной, не успев принять участие в подготовке юбилейного сборника.

Назову известные всему миру имена советских тюркологов и туркологов: академика А. Н. Кононова, профессоров Н. А. Баскакова, В. Н. Басилова, А. Ф. Миллера, А. С. Тверитиновой, Л. А. Семёновой, молдавских учёных Н. Г. Корлэтяну и Е. М. Руссева, вместе с которыми М. П. Губоглу в межвоенный период учился в Черновицком университете; И. И. Мещерюка, Я. С. и В. Я. Гросулов, Н. А. Мохова, Д. Н. Танасоглу, С. С. Курогло, с которыми

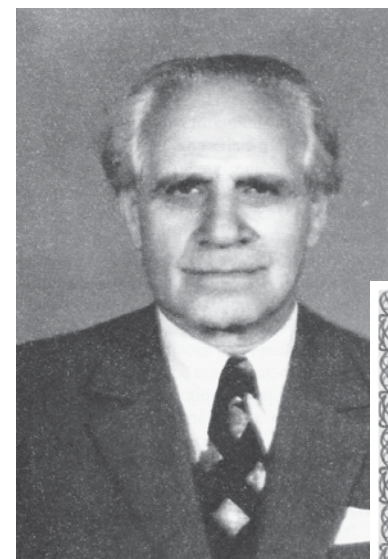

юбилар находился в переписке и обсуждал текущую гагаузскую проблематику, в том числе подготовку кадров из числа гагаузов, способных представлять интересы гагаузского народа.

Особое место в творческом содружестве М. П. Губоглу с советскими и зарубежными коллегами занимала выдающаяся исследовательница средневековой истории Турции, прекрасно владеющая староосманским языком, А. С. Тверитинова. По её приглашению М. П. Губоглу опубликовал в инициированной ею серии «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы» несколько малоизвестных в Советском Союзе турецких источников, в том числе «Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине», а также два указа и «Священный рескрипт» (1802), раскрывающие важные страницы русско-турецко-румынских отношений [Губоглу, 1964, с. 131-161; Губоглу, 1969, с. 238-274; Новосельцев, 1971, с. 202-203].

Как уже отмечалось, Румыния не сильно «обременяла» своего выдающегося гражданина, профессора М. П. Губоглу правительственными наградами, не считая двух дежурных медалей, одна из которых была присуждена в связи с «XXV годовщиной освобождения родины», а другая, аналогичная – в связи с «50-й годовщиной Республики Румынии». «Реальное подтверждение его научной деятельности, – пишет Анка Попеску, – приходило из-за границы» [Popescu, 2007, с. 35].

В связи с 50-летием Турецкой Республики ему был присуждён «Диплом мастерства», а 19.04.1980 г. он был избран действительным членом Общества турецкой истории.

М. П. Губоглу. Фото из книги, посвящённой 95-летию со дня рождения.

Диплом Почётного Гражданина г. Чадыр-Лунга М. П. Губоглу.
Архив М. Н. Губогло.

Решением Чадыр-Лунгского Городского Совета № IV.5.1 от 26 мая 2011 г. М. П. Губоглу был удостоен (посмертно) звания «Почётный Гражданин города Чадыр-Лунга» «за значительный вклад в развитие исторической науки и пропаганду достижений гагаузского народа и г. Чадыр-Лунга».

История не терпит сослагательного наклонения. Не трудно было бы предположить, что М. П. Губоглу с воодушевлением воспримет самоопределение гагаузов и обретение его родным народом – гагаузами на закате XX в. государственности в форме автономно-территориального образования – Гагаузия (Гагауз Ери). Многие из его научных идей в прямой или косвенной форме могли бы послужить перестройке южных районов Молдовы в национально-территориальную автономию; способствовать формированию идеологии гагаузскости, которая содействовала бы целям консолидации гагаузского народа; облегчала бы сохранение и пропаганду культурного наследия гагаузов; поощряла бы развитие межэтнической солидарности; укрепляла бы национальное чувство и союз государственности с православной церковью. М. П. Губоглу хорошо понимал, что православная религия испокон веков была для гагаузов оплотом национального самосознания.

Когда мы оглядываемся на путь, пройденный М. П. Губоглу, и возвращаемся снова и снова к списку его трудов, хотя и не полному, но состоящему из более чем 200 наименований, создаётся впечатление, что он испытывал нечто подобное страху перед проблемой этногенеза гагаузов, как перед изящным, но

всё же опасным зверем. Гиперболизированное чувство долга перед османистикой, основателем которой он по праву считается, заслоняло перед ним его долг перед гагаузоведением. Поэтому он руководствовался тем, что больше всего необходимо было румынскому востоковедению, в какой-то мере в ущерб освещения своим талантом проблематики гагаузоведения, которую он предпочитал лучше всуе не трогать, чтобы не иметь дело с непредсказуемым «зверем».

Избрав в юности османистику в качестве магистральной линии своих профессиональных интересов, М. П. Губоглу не спешил с обнародованием теорий о происхождении родного народа – гагаузов. Вместе с тем, критически воспринимая идеологически выношенные теории, как, например, теорию «отуреченных болгар», он утверждал, что теории в принципе не могут быть благонадёжными или неблагонадёжными, патриотичными или космополитичными, привлекательными или отвратительными. Теории, по его убеждению, могли быть только верными или неверными. Эмоциональные выкладки и оценки профанов в построении теории этногенеза столь же неуместны и смешны, как неуместны были отрицания современников, что Земля вертится вокруг Солнца.

Осторожность, проявленная М. П. Губоглу в раскрытии исторических истоков и этапов развития гагаузского народа, объясняется тем, что он не позволял своему пронизательному таланту эмпирического исследователя увлекаться смелым полётом этноконструктивного воображения. Не случайно на закате жизни он пришёл к твёрдому убеждению относительно «синтеза» – как основополагающей теории, объясняющей происхождение гагаузов и суть их этнической истории [Guboglu, 1981, с. 13; Guboglu, 1981, с. 20].

Эта теория, если воспринимать её крупным планом, подобна коперниковской теории, дарвинизму и фрейдизму, объясняющим, соответственно, движение Земли, происхождение человека и значение бессознательного в душевной жизни человека.

Обобщённой характеристикой его зажигательной энергии может, на мой взгляд, служить одна из любительских фотографий, сделанных в 1965 г. на улицах г. Бухареста, по которой можно судить, что он уверенно и с достоинством прошагал тропой жизни и творчества.

Крепко закрученная природой и провидением жизненная пружина отпустила ему более полувека, как пишет Анка Попеску, для честного и благородного служения Клио, как в связи с осмыслением происхождения тюрков, так и в связи с изложением истории страны, мучительную судьбу которой он разделил [Popescu, 2007, с. 35], но достоинства своего не уронил, а славу своего народа и города, в котором родился, с честью сохранил и приумножил.

К пятидесятилетию Академии наук Республики Молдова была издана интересная книга «Академики из Бессарабии и Приднестровья» (вступительное слово И. Жаркуцкого, библиографические зарисовки В. Коварского и И. Жаркуцкого). Речь идёт о более чем 60 учёных, связанных в разной степени с нашей литературой, культурой, наукой и т. д., которые были удостоены высоких званий. Но, к сожалению, среди них нет такого известного тюрколога, каким является Михаил Губоглу.

Вспоминаю, как я познакомился с М. Губоглу (он был на 4 года старше меня, родился 4 ноября 1911 г.).

В октябре 1936 г., вернувшись с каникул, я зашёл в студенческую столовую, которая работала при Черновицком университете. За отдельным столиком сидел хорошо сложенный юноша, с тёмными волосами, смуглым лицом, умными глазами, представительный. Я подошёл и присел к тому столику. Разговаривая с ним, узнал, что он бессарабец из Чадыр-Лунги. Подружились... Сейчас, в минуту воспоминаний, предпочёл бы уединиться в уголке комнаты и, охватив голову руками, по крупинке собирать воспоминания, разбросанные по полосе многих лет, проведённых вместе в семинарии античной истории Черновицкого университета под руководством профессора, члена-корреспондента Румынской Академии Теофила Саучука-Сэвяну.

Там мы всегда встречались, чтобы поговорить о разном. Вечерами он рассказывал мне отдельные главы своей дипломной работы «Происхождение гагаузов», прислушиваясь к мудрым советам священника Михаила Чакира. Встречались не только на факультете античной истории, но и на факультете славистики, где обучался я, под руководством профессора Надриш. Это был долгий и прекрасный период студенческой жизни. Тогда мы делали первые шаги по овладению наукой, жили большими надеждами на будущее.

Вспоминаю конкретный случай. К концу учёбы в университете в 1939 г. Миша прибежал ко мне на 5 этаж очень взволнованный, но в то же время воодушевлённый новостью, которую сообщил ему Ф. Бабинжер – ассистент профессора И. Нистора, члена Румынской Академии, в тот период ректора Черновицкого университета. У него была беседа с Послом Турции в Бухаресте. Посол знал о существовании гагаузов в Бессарабии и поинтересовался у ректора, есть ли среди студентов представители этой национальности. И. Нистор сказал ему, что на историческом факультете обучается один гагауз из Чадыр-Лунги по имени Михаил Губоглу, который написал для защиты свою дипломную работу «Происхождение гагаузов» (свыше 500 страниц).

– Пусть этот молодой человек придет в Бухарест. Хочу поговорить с ним, – с радостью сказал посол. Эту новость М. Губоглу узнал от ректора.

* Впервые опубликовано: Nicolae Corlăteanu. Un savant ce nu trebuie uitat: Mihail P. Guboglu // Moldova Suverană. 23.10.1996. P. 3; См. также перевод на русский язык в газете: Вести Гагаузии, 23.11.1996.

«С песней по жизни»
М. П. Губоглу с племянником
М. Н. Губоглу в Бухаресте (1965).
Фото из архива М. Н. Губоглу.

– Что делать, Нику? – спросил Миша.

– Не теряй ни одной минуты, отправляйся в Бухарест и узнай, по какому вопросу тебя пригласил посол.

Вернувшись из Бухареста, Миша рассказал мне, что посол Хамдуллах Супхи-Танновор – историк, хороший друг Николая Йорги. После более чем часовой беседы он сказал ему:

– Пойдём, хочу узнать, знаешь ли ты султанов и руководителей-создателей нашего османского государства.

Позднее М. Губоглу написал очерк «Султаны и оттоманские высшие должностные лица» (напечатанный в: «Грамота», III, 1947, с. 19-136). В 1939 г. Посол Турции Супхи был поражён глубокими знаниями молодого гагауза из Бессарабии. Он предложил стипендию для продолжения учёбы в Турции с одним условием: принять турецкое гражданство. М. Губоглу отклонил это предложение, не захотел изменить своей родине, земле, предкам.

После защиты диплома судьба развела нас на долгие годы. Только в 1957 г., когда я был в Румынии в служебной командировке, встретились, обнялись, как настоящие братья, рассказали друг другу о перипетиях жизни за 17 лет разлуки.

Радужный дом Михаила и Катуш на северо-востоке Бухареста я посещал много раз. Миша и Катуш бывали у нас в гостях, познакомились с нашими детьми.

Мы радовались достижениям друг друга в области исторических и филологических наук. Я узнал, что на протяжении ряда лет он работал ассистентом на кафедре Ф. Бабингера в Ясском университете, в качестве главного исследователя Института истории Н. Йорги и Института исследований Юго-Восточной Европы, был старшим лектором и профессором Бухарестского университета, главным архивистом государственного архива Румынии.

Будучи одним из немногих востоковедов Румынии, которые знали турецкую, арабскую историю, язык, литературу, палеографию, М. Губоглу неоднократно бывал в исследовательских командировках, особенно в Турции, а также в СССР, в Болгарии, Франции, Польше.

8 апреля 1981 г. посол Турции в Бухаресте Нахит Озгур вручил М. Губоглу по случаю 70-й годовщины со дня рождения диплом члена-корреспондента Турецкого общества истории за большой вклад, который он внёс в изучение истории турецкого народа. Избрание университетского профессора М. Губоглу членом самого высокого научного форума прославило не только его, но и румынскую историческую науку в полном объёме. Характерной чертой М. Губоглу как человека науки является высокая эрудиция, скрупулёзность и точность в своей деятельности на протяжении всей его жизни.

Что касается его научных трудов, необходимо особо подчеркнуть те инструменты, которые нужны каждому исследователю-тюркологу: описи некоторых турецких документов (о Владе Цепеше, Михе Витязул); каталог рукописей и изданий (2 тома, Бухарест, 1960, 1965, каждый свыше 600 страниц); синхронные таблицы, альбомы и документальные издания; хрестоматии источников восточных рассказов [см.: Георге Е. Журнал архивов, № 3, 1981, с. 377-382].

М. Губоглу снял большое количество копий ряда восточных источников (тюрко-османских, арабских, персидских, татарских и т. д.), имеющих отношение к истории румынского народа, очень ценных для румынских востоковедов. Как учёный он пользовался большим авторитетом не только в национальном, но и в международном плане. М. Губоглу был участником свыше 25 международных конгрессов по специальности. Список его изданий в стране и за рубежом охватывает более 150 крупных работ, которые появились в анналах Румынской Академии (работа «Опись восточных рукописей» – 1946 г.), «Исторический журнал», «Язык и литература», «Журнал архивов», «Восточные исследования и документы», «Апулум», «Периодическое историческое издание» и другие (в Румынии); «Восточный архив», больше всего работ он опубликовал в Турции, а также во Франции, Польше, Болгарии, СССР. Читаем самые интересные заголовки: «Д. Кантемир и история Османской империи», «Турецкий фольклор в произведениях Д. Кантемира», «Востоковедение в Румынии», «Востоковедение в СССР» и т. д.

Следует подчеркнуть, что М. Губоглу интересовался не только историческими проблемами. На своём исследовательском поприще он создал труды по лексикографии и литературе. В последние годы жизни он трудился над гагаузско-румынско-турецким словарём, который не успел завершить. Перевёл на турецкий язык и опубликовал «Лучафэрул» и другие стихи М. Эминеску. М. Губоглу с восхищением говорил о Михе Эминеску на научных конференциях в Стамбуле в мае 1989 г. 12 числа того же месяца ему было суждено уйти в мир иной...

В моём сердце Михаил Губоглу был и остаётся видным учёным, усердным в изучении научных проблем, касающихся истории, языка, литературы, фольклора румынского народа и проживающих в Бессарабии национальных меньшинств. Он был преданным учёным до конца своих дней. Всегда был простым и отзывчивым в общении с теми, кто обращался к нему за помощью.

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ МИХАИЛА ПЕТРОВИЧА ГУБОГЛУ (1911–1989)

М. П. Губоглу родился 4 ноября 1911 г. в Чадыр-Лунге. Учился в школе, а затем в лицее г. Тигина. Окончил Черновицкий университет. В 1940 г. работал ассистентом на кафедре известного историка Франца Бабингера в Ясском университете. Именно в этом университете он раскрылся как учёный-исследователь. Румынский учёный, доктор Анатоли Мэкриш писал о Михаиле Губоглу: «...Профессор истории Бухарестского университета, приглашённый преподавать в университете Сорбонна, тюрколог с огромным авторитетом». [Măcriș, 2005, с. 23]. В фундаментальной монографии Л. Е. Семёновой «Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории)» (Москва, 2006) имеется ряд ссылок на труды

М. П. Губоглу. Ссылки на его труды можно встретить в сотнях публикаций, связанных с историей Османской империи, Румынии, Молдовы, балканских стран и т. д.

Михаил Петрович Губоглу – деятель исторической науки, выдающийся палеограф, специалист по истории Османской империи, румыно-турецких отношений периода средневековья. Им изданы такие фундаментальные труды, как двухтомное издание «Каталог турецких документов» (1960–1965), «Турецкие хроники по истории Румынии» (1966–1974), «Турецкая хрестоматия. Нарративные источники по истории Центральной и Восточной Европы 1263–1683 гг.» (1977), «Османо-турецкая палеография» и альбом, «Каталог турецких наук», описи турецких документов (о Владе Цепеше, Михеа Витязул), каталог рукописей и изданий (в 2-х тт., Бухарест, 1960, 1965, каждый свыше 600 страниц, синхронные таблицы, альбомы и документальные издания, хрестоматии источников восточных рассказов в «Журнале архивов» (№ 3, 1981, с. 377–382), «Д. Кантемир и история османской империи», «Турецкий фольклор в произведениях Д. Кантемира», «Востоковедение в Румынии», «Востоковедение в СССР» и т. д.

М. П. Губоглу был участником многих международных конгрессов. Список его изданий в стране и за рубежом охватывает свыше 150 крупных работ, которые появились в «Анналах Румынской Академии»: «Опись восточных рукописей» (1946), «Исторический журнал», «Язык и литература», «Журнал архивов», «Восточные исследования и документы», «Апулум», «Периодическое историческое издание» и др. Многие работы опубликованы в Турции (Анкара, Стамбул), а также во Франции (Париж, Страсбурге), Польше, Болгарии, СССР (Москва, Ташкент). Ряд трудов вышел в «Восточном архиве» (Прага).

Профессор М. П. Губоглу в докладе на XI Тюркологическом конгрессе, посвящённом развитию румынской тюркологии и исследованию тюркских элементов в румынском словаре (отд. оттиск, Анкара, 1968, с. 265–272), справедливо отмечает, что тюрко-восточнороманские контакты, оказавшие влияние даже на этногенетические процессы, начались задолго до золотоордынской и османской эпох. В течение многих столетий на территории расселения восточнороманского населения развивались исторические, культурные, языковые связи с тюркскими племенами печенегов, узов, куман, чёрных клобуков и др., о чём свидетельствует богатая топонимия тюркского происхождения, как то: Печеняга, Комана, Тузла, Узул, Ойтузул, Йени-кёй и т. п. Об этих фактах свидетельствовали крупнейшие историки и филологи страны: Н. Йорга, К. К. Джюреску, А. Граур, Г. Баритиу, Г. Ползу, П. Испереску, Т. Лёбель, Л. Шаиняну, В. Богря, В. Буеску, К. Петреску и др.

Всю свою жизнь М. П. Губоглу интересовался и занимался проблемами истории гагаузского народа. Начало этому было положено ещё в студенческие годы, когда М. П. Губоглу написал дипломную работу под названием «Происхождение гагаузов». После окончания Черновицкого университета, молодого, но успешного заявить о себе исследователя пригласил к себе Посол Турции Румынии Намдулла Субхи Танрыёвер. Он предложил Михаилу Пет-

ровичу Губоглу продолжить образование и перспективу научной деятельности в Турции. Но молодой учёный отказался, он уже нашёл свой путь в науке, и решил идти по этой стезе в Румынии.

В 1940 г. Михаил Губоглу подготовил рукопись докторской диссертации под названием «Гагаузы в свете истории». Изучив большое количество материалов и библиографических изданий, учёный пришёл к выводу, что гагаузы являются потомками севернопричерноморских тюрков. Рукопись не была защищена как докторская диссертация. В предвоенные годы тематика национальных меньшинств могла принести перспективному учёному в Румынии только одни неприятности.

В своей статье «Gagauzların “türkçä” dili, literaturası hem tarihi temasında araştırmalar» («Гагаузский “тюркский” язык и исследования по литературе и истории») [Guboglu, 2008, с. 24–29] Михаил Губоглу собрал, систематизировал и проанализировал научную и публицистическую литературу о гагаузах конца XIX–XX вв. Он ввёл в научный оборот ряд неизвестных до того времени публикаций и фамилий. Например, впервые рассказал об исследователе гагаузского фольклора Петре Завраке, опубликовавшем образцы гагаузского фольклора в журнале «Varlık» (1939 г.) и статью «Gagauzlar arasında kullanılan halk ilaçları» («Народные способы лечения, бытующие у гагаузов») в журнале «Halk bilgisi haberleri» (Стамбул, 1939 г.).

М. П. Губоглу является первооткрывателем ряда османских документов. Например, он выявил документ султана Селима I о подтверждении прав Молдавского княжества на рыболовство в бассейне нижнего Дуная [Семенова, 2006, с. 27].

Он неоднократно выезжает в Турцию, на международные научные симпозиумы. В 1981 г. М. П. Губоглу выступает на научном форуме в Анкаре, в 1983 г. – в Ескишехире, по гагаузскому фольклору, в 1988 г. – на конгрессе тюркской народной литературы. В турецких периодических изданиях публикуются его научные статьи. Вот названия некоторых из них: «Исследование гагаузского (тюркского) языка, литературы и истории», «Гагаузская народная литература», «Гагаузские маани» и др.

Большую подборку гагаузских четверостиший «маани» М. Губоглу опубликовал в сборнике вместе с татарским фольклором. Несколько фольклорных текстов были напечатаны в сборнике, изданным румынским лингвистом В. Дримбой, который в дальнейшем провёл научные исследования гагаузского языка по текстам изданий Михаила Чакира.

В некоторых своих работах, посвящённых гагаузам, учёный уделил внимание личности и творчеству гагаузского просветителя протоиерея Михаила Чакира. М. П. Губоглу сохранил и пронёс через всю жизнь уважение, возникшее у него в 30-е гг. к Михаилу Чакиру, который по-отечески относился к нему. Эпизод, о котором рассказывает в своих воспоминаниях внук М. Чакира, профессор Н. Чакир, говорит о многом. Однажды, во время службы в румынской армии, в Кишинёве, капрал из старого королевства стал необоснованно придирается к новобранцу М. Губоглу. Когда положение стало невыносимым, солдат обратился к М. Чакиру. Батюшка немедленно пошёл к

командиру гарнизона и объяснил ситуацию, в которой оказался М. Губоглу. Командир избавил М. П. Губоглу от произвола.

Как специалист в области османской палеографии, истории румынско-турецких отношений, М. П. Губоглу оказал огромное влияние на целую плеяду учёных, таких как профессора Николай Чакир, Михай Максим, Константин Щерба, Енвер Махмуд, Али Екрем, Мустафа Мехмед и др. Авторитет историка был велик. С 1955 по 1970 г. М. П. Губоглу занимал должность главного архивиста в Государственном архиве Румынии. Его научную деятельность очень ценили в Турции. В 1980 г. М. П. Губоглу был принят иностранным членом-корреспондентом Ассоциации историков Турции.

У Михаила Петровича Губоглу было много друзей в Турции – учёные, общественные и политические деятели. Профессор, доктор Ирфан Юнвер Насраттиноглу в книге «Romanya uazıları» («Румынские записки») (Денизли, 2006) опубликовал свои воспоминания о Михаиле Петровиче Губоглу. Эти воспоминания являются частным свидетельством о последних днях жизни Михаила Петровича Губоглу. В своих воспоминаниях А. Ю. Настраттиноглу пишет:

«“Общество изучения фольклора” совместно с администрацией губернатора города Ескишехир 11–13 мая 1989 г. организовало IV международный семинар по тюркской народной литературе. Вместе с другими иностранными учёными был приглашен и профессор доктор Михаил Губоглу. В ответ на приглашение М. Губоглу подтвердил своё участие в семинаре и прислал тему своего доклада “Самая старая османская легенда в свете трудов Ходжи Насреддина и поэта Михаила Еминеску”. Данный доклад имел большое значение и для нас, и для Румынии, и для Молдовы. Этот год был объявлен “Годом Еминеску”...»

19 апреля 1989 г. М. П. Губоглу прислал открытку с надписью: “Уважаемый Ирфан бей, я участвую во II научном симпозиуме. Больше месяца живу в университетской гостинице “Балта лиман”. В соответствии с официальным письмом, 10 мая буду в Ескишехире. С уважением. Немного устал. М. Губоглу”.

“Немного устал”, – написал М. П. Губоглу. В Стамбуле он участвовал в другой научной конференции и работал в библиотеках и архивах Стамбула.

27 апреля в отправленной открытке он написал: “Дорогой друг, приветствую Вас в Турции. Почтовую открытку Вашу вчера получил, очень, очень был рад. Больше месяца ждал в Стамбуле. На 10 мая для участия в конференции в Ескишехире нет никаких сил. Очень, очень благодарю. К сожалению, теряю свои силы. Очень плохо себя чувствую. С дружескими чувствами. Поздравляю с праздником. Отель «Клод-Фарер». М. Губоглу”.

Седьмого мая 1989 г. у Михаила Петровича случился сердечный приступ.

10 мая Михаил Петрович Губоглу написал последнее письмо И. Ю. Настраттиноглу: “Дорогой друг Ирфан бей, сегодня я должен был находиться в Ескишехире. Но «домашние расчёты не всегда подходят для рынка». В воскресенье, или на второй день байрама, перенес сердечный приступ (7.5.1989 г.).

Немедленно был приглашен доктор, который поставил укол. Доктору заплатили 80 тыс. турецких лир. Лекарство помогло. Из Кардиологического института Стамбульского университета прибыла скорая помощь. По рекомендации доктора меня должны были два-три дня там обследовать. Но в скорой помощи только несколько часов продержали. Сделали электрокардиограмму, поставили один-два укола. Беседовали со мной. Ничего опасного нет! Сердце немного устало. Необходимо его беречь от холодной и промозглой погоды. К сожалению, стамбульская погода в апреле-мае очень холодная. Эти месяцы – месяцы болезней. Вечером вернулся в отель «Клод-Фарер». Вам отправил сообщение телеграфом. По причине недомогания не смогу участвовать в семинаре в Ескишехире. Всем желаю больших успехов.

По рекомендации доктора Байрама Гюмюштене возвращаюсь в Бухарест (пятница. 12.IV.1989. 18.00). По латинской пословице “Sic transit gloria mundi” (Так проходит земная слава) всегда Вас с вниманием жду в Бухаресте. Мы стали дряхлеть, стареть. Такова жизнь. Ничего не поделаешь. Все в воле Божьей. К сожалению, жизнь для всех ограничена. Последнее мое желание таково: еще на несколько лет продлить научную жизнь. Если есть возможность, пришлите мне программу конференции в Ескишехире и материалы обсуждения на конференции по теме Ходжи Насреддина. По этой теме смогу сделать обзорный материал... К сожалению, мой доклад в Ескишехире не был прочитан. Но если его напечатают, буду очень рад. Некоторые исправления и дополнения можно будет сделать и потом. К письму прилагаю 7–8 страниц моего доклада и отправляю» [Nastratinoğlu, 2006, с. 193-195].

Михаил Петрович Губоглу скоропостижно скончался в Стамбуле 12 мая 1989 г. [Булгар, 2003, 75]. Он умер, как солдат, в бою. Его именем назван лицей в г. Чадыр-Лунга.

Жизнь учёного Михаила Петровича Губоглу – это пример служения науке, верности своим научным интересам. Его научные исследования получили заслуженное признание во всем мире.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ГАГАУЗОВ

В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА М. П. ГУБОГЛУ

В ряду личностей, внёсших весомый вклад в развитие истории и культуры гагаузского народа, достойное место занимает профессор Бухарестского университета Михаил Петрович Губоглу – главный научный сотрудник Института исследований Юго-Восточной Европы имени Н. Йорги, иностранный член-корреспондент Ассоциации историков Турции, уроженец г. Чадыр-Лунги. В период с 1955 по 1970 гг. М. П. Губоглу работал также в Государственном архиве Румынии в должности главного архивиста.

Как неординарная многосторонне развитая творческая личность, М. П. Губоглу, наряду с кропотливой научной работой в архивах и библиоте-

ках Румынии и Турции, Франции и Польши, Венгрии и Болгарии, России и Узбекистана, уделял большое внимание росту научных кадров Румынии, поддержке дружеских отношений с видными деятелями науки и культуры многих стран, со своими земляками в Бессарабии и Румынии, с представителями гагаузской диаспоры в Турции, Канаде, в ряде других регионов мира [см.: Gheorge, 1981, с. 377-382; Корлэтяну, 1996; Дюлгер, 1996; Демир, 1990; и др].

Профессор Михаил Губоглу оказал заметное влияние на формирование целой плеяды специалистов в области истории стран Юго-Восточной Европы, Румынии, Болгарии, Молдовы, Турции, румыно-турецких отношений, истории Османской империи. В их числе – профессора Михай Максим, Али Екрем, Енвер Махмут, Мустафа Мехмет, тюрколог Константин Шербан, Николае Чакир (внук видного просветителя и религиозного деятеля нашей страны Михаила Чакира) и многие другие.

Кропотливый труд в архивах Бухареста и Стамбула, Анкары и Софии, Санкт-Петербурга, Москвы и Ташкента над древневосточными рукописями, написанными арабским письмом на староосманском, персидском, арабском, татарском и других языках, позволили М. П. Губоглу подготовить и издать ряд фундаментальных исторических работ. Наряду с вышеперечисленными, ученый владел также рядом западноевропейских языков.

Участник более 25 международных научных форумов, профессор М. П. Губоглу являлся одним из компетентнейших специалистов по истории Румынии, Османской империи, румыно-турецких отношений. Доброта и внимание к коллегам отличали его как личность высокоинтеллектуальную и эрудированную. Его перу принадлежат капитальные исторические работы, в частности: «Каталог турецких документов» (двухтомное издание в объёме более полутора тысяч страниц, Бухарест, 1960–1965 гг.); «Турецкие хроники по истории Румынии» (в 2-х томах, общий объём – более 1100 страниц, Бухарест, 1966–1974 гг.); «Турецкая хрестоматия. Нарративные источники по истории Центральной и Восточной Европы (1263–1683)» (900-страничное издание, Бухарест, 1977 г.).

Им опубликовано более 150 научных статей в области истории, архивоведения, языкознания, фольклора и литературы. В год 70-летия Н. П. Губоглу (8 апреля 1981 г.) посол Турции в Румынии Нахит Езгюр вручил ему в Институте исследований Юго-Восточной Европы им. Н. Йорги Диплом члена-корреспондента Турецкого общества историков, что явилось достойной оценкой его многолетней научно-исследовательской деятельности [см.: Guboğlu, 1990b, № 64, s. 91-147; Guboğlu, 1971, № 8, p. 209-219; Guboğlu, 1968, s. 265-272; Guboğlu, 1970, p. 275-284; Guboğlu, 1965, № 1-2, p. 81-93 и др.].

Лекции, прочитанные профессором М. П. Губоглу в университетских аудиториях Бухареста, Парижа, Санкт-Петербурга и других городов мира, оставили неизгладимое впечатление у его слушателей. Как учёный-документалист и неординарная личность он снискал уважение многих своих современников в стране и за рубежом. Как гражданин Румынии, М. П. Губоглу сполна выполнил свой долг учёного, подняв на новую ступень ориенталистское направление исторической науки этой страны. Тюрколог с международ-

ным именем профессор Михаил Губоглу при своей жизни получил признание в Румынии, Турции, Франции, России. К сожалению, на его родную землю это признание приходит с некоторым опозданием, но все-таки приходит. Как справедливо заметил академик Н. Корлэтяну по поводу издания памятной библиографической книги, составленной И. Жаркуцким и В. Коварским к 50-летию Академии наук Республики Молдова, включившей более 30 персоналий имен, связанных с молдавской наукой и культурой, «...к сожалению, среди них нет такого известного тюрколога, каким является Михаил Губоглу» [Корлэтяну, 1996].

Присвоение 23 ноября 1996 г. имени профессора М. П. Губоглу гуманитарному лицейу г. Чадыр-Лунга в год 85-летия со дня рождения учёного – один из первых шагов по признанию его научных заслуг. Думается, что появятся и другие возможности увековечить имя М. П. Губоглу. Было бы примечательно, если бы в энциклопедических и библиографических изданиях в Молдове наиболее полно нашли отражение жизнь и творчество столь именитого учёного, чтобы в Комратском государственном университете в соответствующем порядке было принято решение об учреждении стипендии и памятного знака имени М. П. Губоглу наиболее успевающим студентам в области истории. Надеемся, что в комнате-музее гуманитарного лицейа г. Чадыр-Лунга будут собраны опубликованные труды учёного, рукописи, документы и фотографии, воспоминания современников, которые найдут отражение в периодической печати, в специальных публикациях, посвященных его памяти. Творчество М. П. Губоглу еще ждет своих исследователей: студентов университетов, докторантов, ученых с научным стажем.

Как сын своего народа, М. П. Губоглу с начала своей научной деятельности задался целью изучить историю и культуру гагаузов. Академик Н. Корлэтяну в своих воспоминаниях отмечает, что еще в период учёбы в Черновицком университете в конце 30-х гг. М. П. Губоглу, по совету священника Михаила Чакира, была подготовлена дипломная работа объёмом более 500 страниц «Происхождение гагаузов». С содержанием отдельных глав своей работы М. Губоглу ознакомил Н. Корлэтяну, с которым он подружился в период совместной учёбы в Черновицком университете [Корлэтяну, 1996]. Начиная с октября 1936 г. молодые студенты встречались на занятиях по античной истории и славистике.

По окончании университета М. П. Губоглу продолжил изыскания в области гагаузской истории. В 1938–1940 гг. им была начата подготовка докторской диссертации «Gagauzii în lumina istoriei» («Гагаузы в свете истории») [см.: Guboğlu, 1987a, s. 66]. В первой части диссертации им были высказаны отдельные предположения относительно происхождения гагаузов, основанные на известном труде П. В. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII в.», изданном в 1884 г. в г. Киеве. В своей диссертации М. П. Губоглу происхождение гагаузов связывал с севернопричерноморскими племенами тюркок-огузов. Вторая часть работы была посвящена гагаузскому языку и фольклору. Как впоследствии с сожалением признается Михаил Петрович, «к настоящему времени только

часть этих материалов опубликована» [Guboğlu, 1987a, s. 66]. Позже автор отмечал в одной из своих статей: «...Я занялся изучением многовековых турецко-румынских исторических связей. От докторской диссертации, связанной с гагаузами, я отказался. Работать по этой теме возможности не представлялось, да и перспективы были весьма незначительными, а может быть, и никаких не было» [Guboğlu, 1990b, № 64, s. 99].

Независимо от складывавшихся обстоятельств, творческая судьба ещё не раз сводила М. П. Губоглу с гагаузской тематикой, можно сказать, с ней он не расставался до конца своей жизни. Его не покидала мысль о необходимости изучения истории и культуры гагаузского народа. В многочисленных статьях по истории Юго-Восточной Европы, опубликованных им на различных языках, находят освещение отдельные их аспекты: проживание предков гагаузов на Балканах в период раннего средневековья, тюрко-румынские этнокультурные взаимовлияния на протяжении веков, документальные свидетельства различных авторов о Добруджанской деспотии на Балканах и её причастности к истории гагаузов, гагаузско-тюркские параллели в народной мифологии, обрядовой жизни, календарно-праздничной системе, культурно-бытовой лексике.

При написании своих работ М. П. Губоглу использует широкий круг доступных ему источников и литературы и даёт им соответствующую критическую оценку. Им объективно оценивается культурное наследие русского этнографа В. А. Мошкова, гагаузского просветителя Михаила Чакира и многих других, анализируется творческий вклад современных гагаузских учёных и писателей в культуру народа.

Его точка зрения о тюркском, печенежско-огузско-куманском происхождении гагаузов и наличии в названии «гагауз “компонента” огуз» [Guboğlu, 1987a, s. 66], поддерживаемая и многими другими отечественными и зарубежными учёными, является одной из доминирующих в современной исторической науке.

В статье, посвященной историографическому обзору проблем гагаузоведения, М. Губоглу относит В. А. Мошкова к числу известных русских этнографов-фольклористов, считает его «поистине родоначальником гагаузского языкознания и в особенности фольклористики...» [Guboğlu, 1987a, s. 64]. Им высоко оценивается религиозно-просветительская деятельность «главного священника бессарабских гагаузов» – Михаила Чакира [Guboğlu, 1987a, s. 65]. Он приводит наиболее значительные исследования российских, польских, болгарских, турецких, румынских, гагаузских, а также немецких, финских, греческих и других авторов по гагаузской проблематике, среди которых встречаются работы, доселе не изученные отечественными учёными. В частности, упоминается о публикациях гагаузского энтузиаста Петра Заврака – уроженца с. Кубей (ныне – с. Червоноармейское Болградского района Одесской области Украины) в 1937–1942 гг. в журнальной и газетной периодике Турции по проблемам фольклора и народной медицины гагаузов.

М. П. Губоглу подверг сомнению теорию П. Виттека об «анатолийском» происхождении гагаузов, также как и суждение о происхождении этнонима

«гагауз» от «гёк-огуз» («гёк-тюрк») или от имени конийского султана Изедина Кейкавуза [Guboğlu, 1990a, s. 137; Guboğlu, 1987a, s. 71].

Происхождение данного этнонима М. П. Губоглу считал пока невыясненным [Guboğlu, 1990a, p. 137]. Точка зрения профессора М. Губоглу сегодня приобретает особую актуальность в связи с тем, что отдельные зарубежные авторы пытаются реанимировать не так давно опровергнутые «теории» и суждения об этногенезе и этническом наименовании гагаузов [Димитров, 1996, с. 199-219]. Мнение о том, что «гагаузы – потомки султана Кейкавуза...», – пишет М. Губоглу, – является с трудом натянутой гипотезой. По моему убеждению... в происхождении гагаузов участвовали различные племена, и исследование их этногенеза является проблемой комплексной. Его разрешение – одна из самых сложных проблем тюркологии Юго-Восточной Европы» [Guboğlu, 1979, p. 77]. В связи с употреблением отдельными современными авторами названия «гагавуз», «гагоуз», «гэгэуз» применительно к гагаузам небезынтересно заметить, что профессор М. Губоглу и в румынской, и в турецкой литературе этноним «гагауз» передает без изменений и инациональных искажений [см.: Guboğlu, 1981, s. 137-152; Guboğlu, 1990a, p. 137-152; Танасоглу, 1988; Стаматов, 1989]. Им издан ряд статей о румыно-тюркских языковых взаимовлияниях, об изучении и издании в Румынии тюркской народной литературы и фольклора [Guboğlu, 1990b, nr. 64, p. 129 (Прим. 16)]. Касаясь проблем сбора, исследования и издания гагаузского фольклора, он пишет: «Многие давно уже ждут выхода в свет текстов гагаузского фольклора» [Guboğlu, 1990b, nr. 64, p. 96, 129 (Прим. 107)]. В примечании к своей статье о тюркологических исследованиях в Румынии М. Губоглу сообщает, что в приложение к докторской диссертации в 1938–1940 гг. им были включены фольклорные тексты, собранные в гагаузских селах и извлечённые из отдельных изданий. Большинство из них были им сданы в архив фольклорного отдела Министерства культуры и туризма Турции в Анкаре. Отдельные фольклорные тексты, собранные в 1931–1944 г. в Комрате и окрестных гагаузских селах преподавателем турецкого языка Захитом Бостуном, были опубликованы в стамбульском журнале «Varlık» в 1937–1938 гг. Три фольклорных текста, которые были собраны лично М. П. Губоглу, вошли в сборник «Bülbül sesi», изданный румынским лингвистом В. Дримбой и М. А. Екрем в 1981 г.

Профессор М. Губоглу выступал с докладами на научных форумах в Турции (в городах Анкара, Бурса – в 1981 г., Ескишехир – в 1983 г.) по проблемам гагаузского фольклора, его особенностей, бытования у гагаузов культа волка. Историческим песням и преданиям гагаузов был посвящён доклад М. Губоглу на I Международном Конгрессе тюркской народной литературы и фольклора в 1988 г. (г. Конья, Турция). В нём были представлены фольклорные тексты гагаузов об Александре Македонском, греческом императоре Константине как свидетельства древнего происхождения этого народа, об участии гагаузов в русско-турецкой 1828–1829 гг., русско-японской, болгаро-сербской 1886 г., Крымской 1853–1856 гг., Первой мировой и других войнах. Приводятся варианты текстов, по содержанию и социально-политической направленности отличающиеся от ранее изданных в гагаузской литературе

[Буджактан сеслар, 1959; Гагауз фольклору, 1969]. Эти расхождения выявляются при их сопоставлении. Перед исследователями возникает задача определения достоверности, идентичности и вариативности этих произведений гагаузского фольклора.

В песне «*Kavarna türküsü*» описаны события времен русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В ней повествуется о каварненском восстании 1877 г. против черкесов, подвергавших опустошению окрестные гагаузские села. Подробное описание этого восстания оставил Д. К. Крахтоглу, уроженец одного из близлежащих сёл, написавший об этом поэму на греческом языке и издавший её в 1878 г. в Афинах [Крахтоглу, 1984, с. 230-252].

Восстание каварненцев возглавил Амира Василев Джафероглу (Джафароглу), гагауз по происхождению, ставший героем этой войны. Приведём отрывок из текста песни: «*Kavarna içinde al kanler akar, Amira dedikleri saraydan bakar. Amira çerkeze karşı halkını toplar: Bize gagauz derler, gelin, çocuklar. Aman, padişahım, yol askerini, gelâr üstünde diz askerini. Amira oturmuş konak önünde, konaan önünde al kanlar akar, çerkez beyleri Amiraya bakar...*» («В Каварне алая кровь льётся, упомянутые Амирой из дворца взирают. Амира народ свой против черкесов собирает. Нас гагаузами называют, молодцы, собирайтесь. Ради бога, падишах, отзови своих воинов, на галерах выстрой своих воинов. Амира занял позиции перед дворцом, перед дворцом алая кровь льётся, черкесские беи на Амиру уставили взгляд...») [Guboğlu, 1990a, p. 142].

Андрей-Амира Василев Джафероглу (1851–12.IV.1934) вошел в историю как мужественный и свободолюбивый сын своего народа. Он родился в семье народных врачей, пользующихся большим уважением среди местного населения. Амира Джафероглу отличался интеллигентностью, несмотря на недюжинную физическую силу. Прославился не только как руководитель восстания, но и как участник русско-турецкой войны, имеющий боевые награды. В некрологе, посвященном ему, упоминалась другая дата его рождения – 1831 г., следовательно, он прожил 103 г. [Каварна, 1984, с. 227-252].

Подборку из 46 гагаузских песенных миниатюр «маани» и 3 исторических песен М. П. Губоглу опубликовал в одном из румынских изданий татарского фольклора [Guboğlu, 1987b, p. 217-219]. Профессор М. Губоглу вынашивал идею многотомного издания гагаузского фольклора в Турции и не сомневался в полезности этого дела для тюркского мира и его культуры в целом. Он советовал незамедлительно приступить к подготовке этого издания, для большей убедительности употребив гагаузскую народную поговорку: «Сегодняшнее дело нельзя откладывать на завтра» [Guboğlu, 1990, p. 151].

М. П. Губоглу относил гагаузов к одному из древних тюркских народов Юго-Восточной Европы, а гагаузоведение считал отраслью тюркологической науки [Guboğlu, 1979, s. 142]. Думается, что и творчество нашего земляка, известного историка-ориенталиста, профессора М. П. Губоглу предстает перед нами не только как достижение румынской, тюркологической, но и гагаузоведческой науки.

М. П. ГУБОГЛУ – ПОЧЁТНЫЙ ГРАЖДАНИН г. ЧАДЫР-ЛУНГА

Герб г. Чадыр-Лунга.

В городе Чадыр-Лунга, втором по величине районном центре Гагаузии, в июле 2011 г. собрались представители общественности, где местные власти огласили важное решение о присвоении звания «Почётный гражданин г. Чадыр-Лунга» (посмертно) знаменитому учёному Губоглу Михаилу Петровичу (1911–1989), уроженцу данного населённого пункта. Ранее, в 1997 г., власти Гагаузии своим решением присвоили чадыр-лунгскому лицу имя Михаила Петровича Губоглу. Тем самым руководители автономии и родного города узаконили пожелания общественности и увековечили память о своём земляке, выходец из среды трудового крестьянства, сумевшем в сложные межвоенные и послевоенные годы XX в., благодаря своим способностям и несмотря на большие препятствия, получить высшее образование и адаптироваться в науку, стать видным учёным с мировым именем.

О Михаиле Петровиче Губоглу можно рассказывать долго и привести много жизненных эпизодов, описывающих его путь и характеризующих его как легендарную личность. На самом деле он таковым и являлся.

В семейном «архиве» сохранился рассказ о том, что в год рождения Михаила Петровича (1911) состоялось открытие построенной в Чадыр-Лунге церкви, и из Одессы приехал на открытие архиерей. После того как владыка разрезал ленточку, ему передали из рук в руки ребёнка на крещение во вновь освящённом соборе. Архиерей взял его и сказал: «Этот ребёнок будет либо очень опасным, либо очень умным». Люди, которые окружали архиерея, услышали эти слова, некоторые остались в недоумении, многие поверили,

и, как всегда бывает, по всему краю пошла молва, появился интерес к судьбе ребёнка. А жизнь крещённого сложилась по второму сценарию. Он вырос, блестяще окончил школу и поступил в Черновицкий университет. Успешно сдав вступительные экзамены, наш земляк стал выделяться своими способностями. Это вызвало «чёрную зависть» со стороны студентов из местных богатых семей, которые попытались Михаила отравить. Врачам удалось его спасти, однако отцу молодого человека дорого обошлось это вредительство. Пётр Дмитриевич ради спасения сына понёс большие моральные и материальные затраты. Слава Богу, всё обошлось. Михаил Петрович успешно окончил университет, стал трудиться и достиг всемирной известности.

Мы имели счастье с ним встретиться летом 1985 г. Он со своим племянником Губогло Михаилом Николаевичем приехал в Чадыр-Лунгу. М. П. Губоглу сопровождала супруга, с которой он проживал в то время в Бухаресте. Благороднейший был человек, простой, внимательный к людям, интересующийся жизнью, учёбой молодежи, развитием экономики края. Мы организовали ему встречу с его родственниками – двоюродными братьями, с некоторыми из них он не виделся несколько десятков лет. Он был очень доволен. Родственников у него в Чадыр-Лунге много: все братья его отца, Петра Дмитриевича, – Николай, Георгий, Константин, Иван (Хаджи) – имели по 5–7 детей, которые тоже за эти годы повзрослели, а многие, к сожалению, ушли из жизни.

Говоря о родственниках, нельзя не отметить, что представители рода Губогло отличались и отличаются поныне (а это уже третье поколение и даже четвёртое) степенностью характера, умеренностью, мягким отношением к окружающим, рациональностью во всем в жизни. Отец Михаила Петровича, Пётр Дмитриевич, был энергичным, хозяйственным, порядочным и вежливым человеком. Образцово вёл свое хозяйство, имея одиннадцать гектаров земли, занимался в межвоенный период ещё и, как сейчас говорят, «малым бизнесом» – приобретал молодых лошадей, доводил их до рабочего состояния, тренировал для верховой езды и реализовывал. Он, как и остальные предприимчивые крестьяне того времени, тесно сотрудничал с соседями, немцами-колонистами, которые жили в Одесской области, имели свои хозяйства, довольно эффективно использовали землю, выращивали молодняк лошадей, а в несезонное время занимались разными видами ремесленной деятельности: изготавливали бочки, подводы, разные орудия и механизмы для сельского хозяйства. Надо признать, что соседство с немецкими колонистами положительно повлияло на улучшение технологии ведения земледелия в гагаузских селах. Такие предприимчивые крестьяне, каким был Губогло Петр Дмитриевич, образцово вели производство на своих участках благодаря внедрению передовых, по тому времени, методов, орудий производства и технологий.

Присвоение М. П. Губоглу звания Почётного гражданина г. Чадыр-Лунга, а также чадыр-лунгскому теоретическому лицу его имени является

признанием его заслуг*. Этими акциями, как наградами, была выражена дань памяти труду учёного, и оба решения с пониманием и одобрением были восприняты общественностью Гагаузии.

Примечательно то, что племянник Михаила Петровича (сын его брата), Губогло Михаил Николаевич, успешно продолжает дело своего дяди. Окончив Московский государственный университет имени М. Ломоносова, Михаил Николаевич тоже стал известным учёным – профессором, доктором наук, является заслуженным деятелем науки России. Работал около 20 лет заместителем директора Института этнологии и антропологии Академии наук Российской Федерации. Путь его к науке тоже был тернистым, не из лёгких. Его семья (дед Пётр, отец, мать и он с сестрой) была в 1949 г. депортирована в Сибирь, где провела более 8 лет. В жесточайших условиях будущий учёный окончил среднюю школу с отличием. Во время хрущёвской «оттепели» как один из лучших студентов Кишинёвского госуниверситета был направлен на учёбу в Московский государственный университет. Михаил Николаевич своим трудом, благодаря большим способностям, добился широкого признания своих научных работ. Им издано более 480 публикаций.

М. Н. Губогло каждый год бывает в Молдове и обязательно приезжает в Чадыр-Лунгу, жители которой всегда рады встрече с ним. Общественность Гагаузии с одобрением относится к стараниям Михаила Николаевича систематизировать данные о самобытности гагаузов, воссоздать историю народа, показать истоки его культуры.

В 2001 г. И. Н. Кайряк, один из местных предпринимателей, побывавший в Румынии, привез пакет от родственников М. П. Губоглу, переданный землякам в Чадыр-Лунгу. Зайдя в офис Торгово-промышленной палаты, он, зная, о дружеских отношениях семей Пашалы и Губогло, передал эти бесценные документы семейству Пашалы, сопроводив их словами: «Вы, я уверен, распорядитесь ими правильно».

Внимательно изучив всё содержимое пакета, мы с отцом как будто окунулись в те тревожные годы. Естественно, часть документов была передана в Москву, профессору М. Н. Губогло, часть фотографий подарена в музей Чадыр-Лунгского лицея, а ещё одна часть – родственникам. Единственное, что мы позволили себе оставить для изучения, – это набранный на печатной машинке текст, автором которого являлся М. П. Губоглу. Называется сей неполный текст (в нем всего 34 страницы) «Crestomație Turcă. Isoare narative privind istoria Europei orientale și centrale. 1263–1683». Эту работу М. П. Губоглу написал в 1977 г., читая лекции на факультете истории Бухарестского университета. Даже поверхностный взгляд говорит о глубоком исследовательском характере произведения, о его фундаментальности и выдержанном

* Выражаю искреннюю благодарность депутатам Народного Собрания Гагаузии I созыва и советникам Чадыр-Лунгского городского Совета созыва 2007–2011 гг., а также С. С. Булгару и С. Д. Стамовой за понимание важности и поддержку при подготовке и принятии решений о присвоении:

- Теоретическому лицею-гимназии г. Чадыр-Лунга имени профессора истории М. П. Губоглу;
- Звания Почётного гражданина г. Чадыр-Лунга М. П. Губоглу.

историзме. То, что создавал профессор М. П. Губоглу, способны делать не многие люди.

«История – это метаморфоза человеческого духа, развитие великих идей, которые определяют ход событий. Если не представлена череда взаимных превращений человеческой мысли и воли, то исчезает картина мира, она становится набором археологических находок, обрывками воспоминаний и литературных памятников». Знаменитый тюрколог М. П. Губоглу принадлежит к той плеяде учёных, которые умели, благодаря знанию языков, проникать в глубины архивных материалов, хронологически их типологизировать, давая нам, простым смертным, возможность их прочитать, изучать в современных книгах и монографиях.

XX столетие в европейской истории было временем напряжённого поиска ответов на мировые проблемы. Блестящие имена, выдающиеся произведения в литературе, поэзии, музыке и изобразительном искусстве коснулись и наших соотечественников. Одним из них является Почётный гражданин г. Чадыр-Лунга, профессор М. П. Губоглу. Его имя высечено на плите в Аллее славы в столице Гагаузии г. Комрате. Его труды, являясь национальным достоянием, одновременно служат молодым поколениям путеводителем в современном гуманитарном знании, прежде всего в области востоковедения и тюркологии.

ВОЗВРАЩЕНИЕ М. П. ГУБОГЛУ В ГАГАУЗОВЕДЕНИЕ

По-разному складывается судьба человека, учёного в том числе. Одни сверкают при жизни, но стоит им покинуть бранный мир, как их слава затухает. Другие же не блистают столь ярко, но их след в жизни людей надолго сохраняется. Есть и такие, кому на этом свете совсем не везло с признанием, и только после их смерти они приобретали для потомков известность первооткрывателей и авторитетов.

Применительно к Михаилу Петровичу Губоглу, как к человеку и учёному, можно сказать, что жизнь его не слишком баловала, но вместе с тем его научная деятельность ещё при жизни получила всеобщее признание со стороны академической общественности тюркско-румынского языкового, а также балканского и даже евразийского историко-географического пространства. Но это в целом. Что же касается той части научно-го интереса учёного, которая входит в научное определение *гагаузоведение*, то до последнего времени, да, пожалуй, и теперь, Михаил Петрович еще не занял в нём своё достойное место. Между тем, его можно отнести к тем первым из среды гагаузов интеллектуалам, которые, продолжая дело, начатое учёными других национальностей, активно включились в разработку этнического, культурного и исторического прошлого своего народа.

Исходя из этого, важным представляется расширение, углубление, уточнение, а также обобщение вклада учёного Михаила Петровича Губоглу в разработку научных проблем гагаузоведения, которыми он занимался со студенческой скамьи и до конца своих дней. Отметим, что по данной теме имеются публикации как научного [Курогло, 2001; Gheorghe, 1981; Mahmut, 1991b], так и научно-популярного характера [Корлэтяну, 1996; Дюлгер, 1996; Булгар, 2003].

Опираясь в основном на письма М. П. Губоглу, сохранившиеся в личном архиве И. И. Мещерюка, мы попытались раскрыть научному сообществу более глубокое и системное понимание роли уроженца Чадыр-Лунги в этнокультурном познании гагаузов на пути становления их этнической и политической идентичности в Молдове.

История анализируемых ниже писем М. П. Губоглу к И. И. Мещерюку такова. После смерти Ивана Ивановича его жена и дочь передали И. Ф. Греку весь его архив, в том числе и личную переписку. Среди корреспонденции были обнаружены два письма М. П. Губоглу на румынском и гагаузском языках. В середине 1990-х гг. эти письма были переданы Г. А. Гайдаржи для перевода на русский язык с целью написания специальной статьи по вопросу гипотез этногенеза гагаузов. Вскоре, однако, Гаврил Аркадьевич тяжело заболел и умер. Так что сейчас эти письма хранятся в архиве Г. А. Гайдаржи. Теперь перейдем к анализу самих писем.

24 января 1957 г. М. П. Губоглу отправил письмо историку из Кишинёва И. И. Мещерюку. Оно написано на румынском языке (перевод письма на русский язык сделан В. И. Сырфом). Это был ответ на два ранее написанных письма учёного из Молдавии. Мещерюк в то время работал над своей первой монографией «Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812–1820 гг.». Первое его письмо было отправлено, скорее всего, не по почте, ещё в сентябре 1956 г., а попало к Губоглу только 19 января следующего года. Второе письмо адресат получил 22 января 1957 г., но неизвестна дата его написания кишинёвским историком. Михаил Петрович объясняет, почему письма Мещерюка так долго не могли попасть к нему. Первая причина – его долгое отсутствие в Бухаресте в связи с командировками и почти месячным санаторным лечением в Кэлимэнешть (один из самых развитых бальнеологических курортов Румынии) по поводу «мочекаменной болезни» и операции. Михаил Петрович также пишет: «То, что меня не сразу нашли, говорит о том, что я малоизвестен. Товарищ, которая доставила мне письмо, сказала, что несколько раз пыталась найти меня на факультете, где я больше не веду курс по тюркологии. Второе письмо получил в Институте истории Академии СРР, где я нахожусь в штатах; оно уже второй день как у меня. О Ваших увлечённых занятиях с большой симпатией и прекрасным отзывом говорил мне товарищ Сторожук». Все эти причины (командировки, лечение, операция и малоизвестность) имеют под собой основания, но следует также иметь в виду, что в 1956–1957 гг. люди и в СССР, и в Румынии еще ощущали на себе страшные 1940-е гг. и бдительное око секретных служб обеих стран. И это тоже, не исключено, сыграло

свою роль в задержке с доставкой первого письма И. И. Мещерюка бухарестскому учёному.

Иван Иванович, как видно из ответа на его письма Михаила Петровича, интересовался работами последнего по проблемам бессарабских гагаузов, а также просил его указать зарубежные источники по этногенезу гагаузов. Эта проблема нашла отражение в первой монографии И. И. Мещерюка, и помощь М. П. Губоглу оказалась своевременной.

Интересен ответ Михаила Петровича Ивану Ивановичу по поводу своих научных занятий по гагаузской теме. Он пишет: «Возвращаясь к тому, что Вас интересует, сообщаю Вам с сожалением, что моя начальная работа по истории и тюркологии: “Găgăuzii în lumina istoriei” (Гагаузы в свете истории), на основе которой мне присвоено звание лиценциата истории (1938), затерялась во время войны (1944), после того как мною были сделаны некоторые исправления в гранках и первая вёрстка. Первоначальный вариант остался в Черновцах. Потеря не так велика, поскольку сохраняется еще сырой материал, выявить ценность которого собираюсь к концу своей жизни. Есть одна проблема, которая меня привлекает по многим причинам. Как следует из первого письма, Вас интересует только первая половина XIX в. Моя же работа направлена на исследование предшествующего периода, то есть до их (гагаузов – И. Г.) поселения в Бессарабии или создания первых колоний на месте бывших татарских в Буджаке. Вот каким было содержание моей работы в первоначальном варианте:

Часть I. Глава 1. Историческая колыбель и происхождение гагаузов. 2. Миграция из Азии и первые исторические отношения с соседними народами. 3. Поселение в регионе Малой Скифии. 4. Их наименование в Румелии.

Часть II. 1. Формирование княжества или деспотства гагаузов под руководством сельджукида Изз-ед-Дина Кейкауса гагавуса (1281) во время Михаила VIII Палеолога. 2. Ликвидация княжества огузов Баязидом “Йылдырымом” вследствие похода визиря Али-пашы против Каварны и капитуляция “Добриджеоглу” Иванко. 3. Жизнь гагаузов в Добрудже и на Балканском полуострове во времена Османской империи. 4. Русско-турецкие войны XVIII в. и первые болгаро-гагаузские миграции на север Дуная. 5. Создание первых болгаро-гагаузских поселений на юге Бессарабии в начале XIX в. Эта глава содержит общее описание сел: Конгаз, Кючюк-Конгаз, Ени-Кей, Хаджи-Кей, Чадыр, Копкуй (Бешгёз), Томай, Чишме-Кей, Хаджи-Кей, Вулкэнешть, Кобей, Чёлме-Кей, Димитровка, Хасан-Батыр, Селиоглу, Сатылык-Хаджи, Татар-Кыпчак, Табак и т. д. 6. Топонимические соображения, а также гагаузские и болгаро-гагаузские населенные пункты.

Часть III. Была посвящена этнографическим проблемам, включая следующие главы: 1. Религиозная и нравственная жизнь гагаузов. 2. Культурно-художественная жизнь. 3. О говорах или диалектах гагаузов Добруджи и Бессарабии. 4. Занятия и костюм. 5. Из гагаузских обычаев и обрядов. 6. Характерные черты этой этнической группы. 7. Заключение. Далее следует ряд приложений, вместе с которыми [работа] составляет порядка 500 страниц.

Сегодня я понимаю, что некоторые моменты были не до конца достоверны, сомнительны. Несколько фрагментов я опубликовал в 193(9?)–1941 гг. в зарубежных журналах, из числа которых, к сожалению, не все имею и не от всех мне были высланы оттиски. Даже прилагаемая статья, несмотря на то, что опубликована в сентябре 1956 г., имеется у меня в единственном экземпляре, хотя мне было выслано 50 экз. Это ст[атья] “Contributions roumaines aux études orientales” (Румынский вклад в востоковедческие исследования), стр. 468–469. После 1945 г. у нас не появилось ничего из этой области. Румынская историография имеет другие приоритеты. Я работаю над восточными источниками (турецко-арабско-персидскими), которые относятся к истории СРР».

Приведённый текст из письма М. П. Губоглу позволяет сделать некоторые весьма существенные уточнения, относящиеся к его работе над гагаузской проблемой в Черновицком университете. С. С. Курогло, основываясь на воспоминаниях академика Н. Корлэтяну, пишет, что еще в период учёбы в этом университете «в конце 30-х годов М. П. Губоглу по совету священника Михаила Чакира была подготовлена дипломная работа объемом более 500 страниц “Происхождение гагаузов”. С содержанием отдельных глав своей работы М. П. Губоглу ознакомил Н. Корлэтяну, с которым он подружился в период совместной учебы в Черновицком университете [Корлэтяну, 1996]. Начиная с октября 1936 г. молодые студенты встречались на занятиях по античной истории и славистике.

По окончании университета М. П. Губоглу продолжил изыскания в области гагаузской истории. В 1938–1940 гг. им была начата подготовка докторской диссертации “Găgăuzii în lumina istoriei” (“Гагаузы в свете истории”))» [Курогло, 2001, с. 159].

М. П. Губоглу пишет, что его первоначальная работа в качестве дипломной, написанная в 1938 г., а не докторская диссертация, как утверждает С. С. Курогло, называлась «Гагаузы в свете истории», и именно она послужила основанием присвоить ему звание лиценциата истории. Более того, эту же работу он готовил к печати, сделал даже ее корректуру в гранках и в первой вёрстке. Другими словами, название его работы по истории гагаузов по окончании университета и в дальнейшем, когда готовилось ее издание, не менялось. Он не говорит, что данная работа была его докторской диссертацией, хотя не исключено, что было именно так: дипломная работа выпускника университета перешла впоследствии в диссертационное исследование. Иными словами, у М. П. Губоглу, судя по его письму к И. И. Мещерюку, не было отдельной работы объёмом в 500 страниц под названием «Происхождение гагаузов». Видимо, в воспоминаниях Н. Корлэтяну допущена неточность, которая и стала причиной ошибки С. С. Курогло, превратившаяся уже в историографическую [см.: Нягулов, 2010, с. 179]. По поводу «докторской диссертации, связанной с гагаузами» сам М. П. Губоглу указывает, с сожалением, что «отказался» ее писать: «Работать по этой теме возможности не представлялось, да и перспективы были весьма незначительными, а может быть, и никаких не было» [цит. по: Курогло, 2001, с. 160].

Из письма М. П. Губоглу к И. И. Мещерюку видно также, что хотя подготавливаемый к изданию вариант его книги «Гагаузы в свете истории» затерялся в годы военного лихолетья (1941–1944), у автора осталась первоначальная рукопись, с которой осуществлялась подготовка издания. И он приводит ее оглавление, состоящее из трех частей, 16 глав, заключения и приложений, общим объемом 500 страниц. Что собой представляет эта работа?

Первая глава задумана автором как этническая история предтечи гагаузов. Из названий глав рукописи невозможно определить, какие (или какое) тюркские племена автор рассматривает в этом качестве, но можно предположить, что это половцы (куманы), печенеги и огузы.

Вторая глава посвящена начальному этапу формирования гагаузов как особой тюркоязычной общности людей православного вероисповедания в Добрудже и на Балканах, османскому периоду их этнической истории в прежних границах болгарских земель, болгарско-гагаузской миграции севернее Дуная и основанию гагаузских и смешанных гагаузско-болгарских поселений в Буджаке. При этом обращает на себя внимание, что М. П. Губоглу отделяет Добруджу от Балкан. На наш взгляд, это больше связано с политической историей Северной и Южной Добруджи после 1878 г., а не с игнорированием им исторических и географических реалий Добруджи как таковой.

В третьей главе автор рассматривает этнографические аспекты истории гагаузов, а также их языковые особенности в Добрудже и Бессарабии.

У нас нет возможности оценить подходы автора к освещению заявленных им проблем. По всей видимости, они опирались на историографические достижения того времени. Но впоследствии автор, продолжая следить за публикациями по гагаузской проблеме, имел возможность критически оценить отдельные аспекты своей работы. Так, в письме к И. И. Мещерюку в 1957 г. М. П. Губоглу писал, что теперь он понимает, что «некоторые моменты были не до конца достоверны, сомнительны». Трудно сказать, что конкретно не устраивало автора письма в 1957 г. в его работе, написанной в 1938 г. Мы можем только предположить, что это относится прежде всего к первой и второй главам второй части работы, то есть к вопросу о том, имеет ли какое-либо отношение сельджук Изз-ед-Дин Кейкаус к гагаузам и роли Баязида «Йылдырыма» в ликвидации княжества огузов. Не всё, вероятно, его устраивало и в раскрытии четвертой главы первой части работы, но это только наши догадки.

Критический взгляд не только на свою работу 1938 г., но и на оценку некоторых научных публикаций по этнической истории гагаузов, к которым М. П. Губоглу ранее относился позитивно, он сохранил на всю жизнь. Например, в письме к И. И. Мещерюку он писал, что работы Пауля Виттека вносят «серьезный вклад» в изучение проблемы гагаузов. Спустя же 20 лет он отмечал, что мнение Виттека о том, что «гагаузы являются потомками султана Кейкавуза является с трудом натянутой гипотезой. По моему убеждению, в происхождении гагаузов участвовали различные племена и исследование их этногенеза является проблемой комплексной. Её разрешение – одна из самых сложных проблем тюркологии Юго-Восточной Европы» [цит. по: Курогло, 2001, с. 161]. Его мнение о необходимости комплексного подхода к изучению

этногенеза гагаузов перекликается с таковым же И. И. Мещерюка, высказанным им в его первой монографии [Мещерюк, 1957, с. 112].

М. П. Губоглу по чисто житейским обстоятельствам, а также по научным и политическим соображениям (в плане востоковедческих исследований в Румынии после 1945 г. «не появилось ничего из этой области. Румынская историография имеет другие приоритеты», – пишет он в письме к Мещерюку) не мог заниматься гагаузской научной проблемой в послевоенной Румынии. Но проблема привела его в науку, и несмотря ни на что, он сохранил к ней интерес на всю жизнь. (Выскажем еще и такую крамольную мысль, что он занялся восточными турецко-арабско-персидскими источниками, питая не в последнюю очередь надежду найти архивные документы, которые бы проливали свет на зарождение гагаузского этноса в XIII–XV вв. на Балканах.)

В данном письме к И. И. Мещерюку, а также в последующем, написанном спустя полтора года (26 июля 1958 г.), Михаил Петрович несколько раз возвращался к этому своему интересу, высказывая желание продолжить работу в этом направлении. То он вспоминает свою рукопись 1938 г., считая ее сырым материалом, «выявить ценность» которого планировал к концу своей жизни. То отмечает, что «всё собирался просить себе научную командировку от Академии СРР», чтобы поработать «в архивах Кишинёва», где «можно найти много материала относительно проблемы эмигрантов из-за Дуная в начале XIX в.». В письме от 26 июля 1958 г. он писал четко и определённо: «И у меня есть в мыслях и в устремлениях вновь заняться исследованием истории, языка и обрядов гагаузов». Переписка с Иваном Ивановичем Мещерюком укрепила его в этом его желании. Вообще, следует подчеркнуть, что, несмотря на различия во взглядах на этногенез гагаузов, знакомство двух учёных посредством переписки обусловило их определённое взаимовлияние. Так, не без воздействия работ И. И. Мещерюка Михаил Петрович ускорил свое возвращение к гагаузской научной проблематике. В свою очередь, М. П. Губоглу структурой своей работы «Гагаузы в свете истории» повлиял на Ивана Ивановича при определении научных направлений деятельности болгаро-гагаузской мобильной группы, созданной в АН МССР в 1959 г. (см.: Грек, 2010, 227; Сырф, 2010).

Второе письмо Михаила Петровича И. И. Мещерюку датировано 26 июля 1958 г. В отличие от первого, оно написано на гагаузском языке (перевод на русский В. И. Сырфа). Напечатанное на пишущей машинке, письмо вместились в одну страницу, но представляет собой большой интерес, поскольку содержит информацию о том, чем интересовался и какие действия национально-культурного характера предпринимал бухарестский учёный-гагауз за полуторагодичный период времени после первого письма.

Из письма следует, что переписка двух учёных не прерывалась. Михаил Петрович вначале отмечает, что «долго не давал <...> о себе ни одной весточки», и поэтому он чувствует себя перед Иваном Ивановичем «немного виноватым и немного должником»: «Михаил Николаевич, племянник, меня упрекнул в связи с этим». Но в конце письма сообщает, что не сидел сложа руки, а постепенно втягивался в гагаузскую проблематику: «Высланную

Вами в прошлом году книжечку получил, получил несколько месяцев назад и Вашу статью о гагаузах. Обе работы мне очень понравились». Далее он отмечает, что написал на них «короткие рецензии», которые «до сих пор не вышли» по причине того, что «наши журналы в настоящее время подзадержались с выходом».

Но главное содержание письма – это забота Михаила Петровича о подготовке научных кадров из числа молодых гагаузов, выпускников школ гагаузских сёл Молдавии и Украины. На эту проблему он выходит, участвуя в определении судьбы своего племянника, 20-летнего Михаила Николаевича Губогло, ныне всем хорошо известного учёного-этнолога. Михаил Петрович в письме к И. И. Мещерюку отмечает: «Племянник время от времени... писал мне, что от Вас получил для себя много доброго участия и помощи благодаря Вашим стараниям. За это Вас бесконечно благодарю». Не зная конкретики, можно подумать, что Михаил Петрович, пользуясь своими связями, проталкивает племянника Мишу в студенты Кишинёвского государственного университета. На самом деле, это не так. Из книги воспоминаний М. Н. Губогло известны подробности репрессий лета 1949 г., коснувшихся семьи его отца, следовательно, и его самого. В 1957 г. Миша Губогло фактически сбежал с места высылки и вернулся в Чадыр-Лунгу [Губогло, 2008а, с. 337]. В то время, хотя уже и началась реабилитация репрессированных, отношение к ним в обществе было далеко не идилическим. Напомним, что им запрещалось селиться в своих родных селах, откуда их выселили. С биографией Миши Губогло попасть тогда в вуз, не имея ни малейшей поддержки, было невысказано, тем более, что он самовольно покинул место ссылки. Важно отметить, что на просьбу Михаила Петровича откликнулся Иван Иванович, и не только он. Вот что об этом пишет автор письма: «По причине незнания молдавского языка, если он не поступит на исторический факультет, то, может быть, с Вашей помощью сумеет поступить на филологический факультет в наступающем августе-месяце. В своих нескольких письмах к нему я наказал, чтобы он старался учиться как можно лучше. Но из-за того, что он не находится под моим присмотром, то я и не знаю, как он готовится». И далее строгий Михаил Петрович предлагает: если племянник «будет плохо учиться, может, лучше работать ему в Чадыре, в колхозе». Хотя, если он поступит на исторический факультет, то он «мне тем самым окажет честь и доставит радость». В том же 1958 г. Миша Губогло стал студентом первого курса историко-филологического факультета Кишинёвского государственного университета, и уже 30 марта следующего года выступал с докладом «К вопросу о болгаро-гагаузских военных формированиях в войне 1806–1812 гг.» на XII научной студенческой конференции. Его научным руководителем был доцент И. И. Мещерюк [см.: Программа, 1959].

Михаил Петрович проявил заботу не только о своем племяннике, а смотрел на проблему шире и глубже. В последнем письме к И. И. Мещерюку он сообщает: «7–8 месяцев назад говорил с Николаем Григорьевичем Корлэтяну, один–два месяца назад переговорил и с проф. А. Н. (Н. А. – И. Г.) Моховым о том, чтобы из числа наших гагаузов приняли в университет

пять–десять молодых людей». Как известно, эта мысль Михаила Петровича не только была воспринята молдавскими учеными, молдаванином Корлэтяну, русским Моховым и болгаринном Мещерюком, но и реализована в дальнейшем в практической деятельности вузов республики (МССР) и вузов страны (СССР) в целом.

Из писем М. П. Губоглу к И. И. Мещерюку видно, что его интерес к истории, этнографии и устному народному творчеству гагаузов сохранился в нем со студенческих лет. И только жизненные обстоятельства вынудили его на время отложить исследование в области этих отраслей гагаузоведения. По нашему мнению, переписка с кишинёвским исследователем истории бессарабских болгар и гагаузов, знакомство с его работами и написание на них двух рецензий стали тем толчком, который позволил ему ускорить свое возвращение к изучению гагаузоведческих проблем.

ЮБИЛЕЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЁННАЯ 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. П. ГУБОГЛУ*

В ноябре 2006 г. в Чадыр-Лунге в лицее им. М. П. Губоглу состоялась юбилейная конференция, посвященная знаменательному событию – 95-летию со дня рождения великого учёного, талантливому востоковеду-тюркологу, сына гагаузского народа – М. П. Губоглу.

На конференции с докладами, воспоминаниями о жизни, творчестве всемирно известного учёного выступили преподаватели, современники, учёные не только нашей республики. Поделиться своими яркими воспоминаниями о знаменательных встречах и огромном влиянии, глубокими впечатлениями от общения с таким неординарным человеком, оставившим незабываемый отпечаток и осветившим весь их творческий путь, приехали учёные из Болгарии, России и Украины. Работа научного форума прошла в творческой дружеской атмосфере. Каждый из участников пытался передать, донести до присутствующих гордость и восхищение от того, что в их жизни им выпала огромная удача и судьба преподнесла прекрасный подарок, уникальную возможность встретиться и пообщаться с талантливым и одарённым человеком. Впечатления от встреч эти люди пронесли через всю свою жизнь. Когда они рассказывали о событиях «давно минувших дней», их лица озарялись улыбками при воспоминании о мелких, казалось бы, незначительных подробностях от тех встреч, их рассказы были яркими, насыщенными, познавательными. У участников конференции невольно возникало впечатление, что эти встречи произошли совсем недавно.

Михаил Петрович Губоглу родился 4 ноября 1911 г. в г. Чадыр-Лунга, Бендерского уезда. Настало время крестин, значительного и почитаемого

* Статья впервые опубликована в сборнике: Международная научно-практическая конференция, посвящённая 17-летию Комратского государственного университета. Комрат, 2008. С. 235-238.

события в каждой семье. Крестины были назначены в знаменательный и долгожданный день для всех жителей Чадыр-Лунги – в день открытия и освящения новой церкви в городе. Осветив церковь, архиерей приступил к обряду крещения. Первым крестили мальчика. Взяв на руки ребенка и подняв его над купелью, архиерей произнёс: «Этот ребёнок удостоен великой и редкой чести – быть крещённым первым в новой церкви, а значит быть ему первым и в жизни: первым среди разбойников или, как даст Бог, первым среди учёных людей». Пророческие слова архиерея этот ребёнок – маленький в то время человек – полностью воплотил в жизнь. Он стал первым среди первых не только для родной Бессарабии, не только для России, но первым среди великих учёных Турции и Румынии, общепризнанным кумиром востоковедов этих двух стран и Молдовы. В семье Губоглу рассказ о событиях на крестинах передавался из поколения в поколение, но что более значительно, на наш взгляд, – об этом событии на конференции с вдохновением и особым трепетом рассказала директор краеведческого музея г. Чадыр-Лунга Стефанида Стамова.

Окончив начальную школу в Чадыр-Лунге, Михаил Петрович успешно продолжил учебу в лицее им. Штефана чел Маре в Бендерах, получил степень бакалавра и поступил в Черновицкий университет на исторический факультет. Представительного, хорошо сложенного молодого человека, с тёмными волосами, смуглым лицом, умными глазами отмечают преподаватели, о его успехах в учёбе ходят легенды. Его все больше и больше привлекает тюркология, но он не забывает своих корней и с упорством, достойным восхищения, под руководством профессора И. Нистора, прислушиваясь к мудрым советам гагаузского просветителя протоиерея Михаила Чакира, пишет дипломную работу на тему «Происхождение гагаузов» («Гагаузы в свете истории») (свыше 500 страниц), которую с отличием защищает в 1938 г.

В 1940 г. его назначают научным секретарём в звании ассистента и лектора на кафедре тюркологии Ясского университета, где до 1944 г. он преподаёт курс турецко-османского языка. Именно здесь, в Ясском университете, в полной мере проявляется его неординарный талант учёного-исследователя. Под руководством известного тюрколога Франца Бабингера он продолжает работать в области тюркологии, пишет очерк «Султаны и оттоманские высшие должностные лица». Посол Турции в Румынии Супхи, ознакомившись с исследованиями «молодого гагауза из Бессарабии», был настолько поражён его глубокими знаниями, что предложил стипендию для продолжения учёбы в Турции, но с одним условием – принять турецкое гражданство. Однако М. Губоглу отклонил это предложение, оставшись верен своей земле, предкам, религии.

После окончания Второй мировой войны учёный переселяется в Бухарест (1945 г.), где продолжает преподавательскую деятельность в качестве профессора в Бухарестском университете.

С 1948 г. он работает в Институте истории и Институте восточно-европейских знаний при Академии Румынии, работает главным архивариусом Государственного архива Румынии. Проводит исследования также в архивах

библиотек Софии, Парижа, Стамбула. Публикует несколько тысяч турецких документов из румынских архивов, пишет многочисленные статьи и очерки в области тюркологии.

Благодаря широкой эрудиции, упорному и скрупулёзному труду в области турецкой истории, палеографии уже в 50-е гг. Михаил Петрович известен как один из ведущих учёных-тюркологов Румынии, его авторитет как учёного-востоковеда признан не только в стране, но и во всем научном мире.

Он много путешествует, читает спецкурс «Язык и палеография турок-осман» в Турции, Болгарии, Франции, Польше, выступает с научными докладами на многочисленных конференциях и международных конгрессах по востоковедению. Им написано более 150 крупных работ, среди которых, например, «Д. Кантемир и история Османской империи», «Турецкий фольклор в произведениях Д. Кантемира», «Востоковедение в Румынии», «Востоковедение в СССР». Они публикуются в румынских и зарубежных изданиях, таких как «Исторический журнал», «Язык и литература», «Журнал архивов», «Восточные исследования и документы» и др.

В 60–70-е гг. XX в. появляются его фундаментальные труды по тюркологии «Синхронные таблицы», «Палеография и дипломатия турок-осман».

Как итог его десятилетнего труда в 1977 г. выходит в свет монография «Время турок в романских странах» в двух томах, получившая большое признание в научном мире.

В 1980 г. в Анкаре Михаилу Губоглу присваивают звание члена-корреспондента Турецкого общества историков, а чуть позднее – и звание почётного члена-корреспондента Турецкой Академии историков за большой вклад, внесённый им в изучение истории турецкого народа, которой он посвятил 50 лет своей жизни.

Его увлекает не только история, но и лексикография, и литература. Он переводит и публикует на турецком языке «Лучафэрул» М. Эминеску, работает над гагаузско-румынско-турецким словарём, изучает гагаузский фольклор.

Михаил Петрович Губоглу был предан своим научным изысканиям до последних дней. Он скоропостижно скончался в апреле 1989 г. во время Международного конгресса в Стамбуле. Научный мир понёс тяжёлую утрату, как писал журнал «История турецкого мира», ушёл из жизни «большой учёный, хороший человек», но память о нём, его труды и сегодня привлекают интерес исследователей. Гордость М. П. Губоглу – архив, в котором при жизни было собрано более 200 тысяч документов, еще таит в себе немало тайн и возможностей для исследователей в области тюркологии.

Михаил Петрович прожил яркую и насыщенную научными открытиями и событиями жизнь. Сегодня имя великого учёного М. П. Губоглу, отдавшего свой яркий талант востоковеда служению науке двух стран – Румынии и Турции, украшает энциклопедические справочники не только Румынии, Турции, Франции: к величайшей нашей гордости, его имя и труды возвращаются на его родину, которой он оставался верен всю свою жизнь. Имя М. П. Губоглу с гордостью и достоинством носит лицей в его родном городе – Чадыр-Лунге.

Gagauz Türklerinin ve bütün Türk dünyasının iftihar kaynağı olan Mihail GUBOĞLU, orta halli bir ailenin çocuğu olarak 1911 yılında Çadır'da dünyaya geldi. Mensubu olmakla daima iftihar ettiği Gagauzlar gibi, ömrünü Balkanlar'da geçirdi. Öğrenimine doğduğu yer Çadır'da başlayan Mihail GUBOĞLU, Bender'de liseyi okur. Çernautsi (Cerraunti) Üniversitesi'nin Edebiyat ve Felsefe Fakültesi'nin Dil ve Tarih kısmını tamamlayınca da, araştırmalarına devam eder. Kişinev'de askerliğini yaparken Gagauz milliyetçisi Mihail ÇAKIR ile tanışır. Sık sık ziyaretine giderek, Gagauzlar'ın menşei hakkında bilgilendi. Daha sonra da (1938-1940) doktora danışmanlığını üstlenen Mihail ÇAKIR ile ilgisini, onun başarılı bir öğrencisi olarak devam ettirdi». Tarihin ışığında Gagauzlar (Gagauzii in Lumina Istoriei)» adlı doktora tezini savunarak, «Doktor» ünvanını aldı.

Dr. GUBOĞLU, Romence, Rusça, Fransızca, Almanca, Arapça ve Bulgarca biliyordu. Bu kadar dil bilen bir Türk'ün, Türkoloğ ve Şarkiyatçı olmasından daha tabii ne olabilirdi? GUBOĞLU da, Yaş (Romanya) 30 Yaşar Nabi Nayır, Balkanlar ve Türklük, Ulus Basımevi, Ankara, 1936, s. 95. 31 Aynı eser. s 95

Üniversitesinde açılan Türkoloji Enstitüsünde çalışmaya başladı (1940). Daha sonra Bükreş (1945)'te kurulan Balkanoloji Enstitüsü'nde, Romen İlimler Akademisi'nde, Tarih ve Güneydoğu Avrupa Araştırmaları Enstitülerinde öğretim üyesi olarak hizmetlerde bulundu.

Prof. Dr. Mihail GUBOĞLU, çalışma ve araştırmalarını, eserlerinin adlarından da anlaşıldığı üzere, daima Osmanlıların Balkanlara müteveccih fetihlerine ve Balkanlardaki izlerine hasır etmiştir.

GUBOĞLU'nun, İkinci Dünya Savaşı'ndan sonra, Romanya'da öğretim üyeliği devam ederken; bir ayağı da Türkiye'de, özellikle İstanbul'da olmuştur.

Türkiye'deki Tarih ve Türkoloji kongrelerinin, sempozyumlarının veya bu konudaki toplantıların vazgeçilmez katılımcısı idi. Özellikle Romanya (Eflak-Buğdan) ile ilgili Osmanlı arşiv belgelerini araştırıp orijinal tebliğler haline getirerek, tarihe ışık tuttu. Kendileriyle tanışmamız da bu kongrelerde olmuştur. Birlikte çalışmak ve bazı belgeleri birlikte yayımlamak üzere sözleşmiştik. Kader buna fırsat vermedi. Bu kongreyi (Himmatleri ve gayretleri devamlı olsun, Sayın İrfan NASRATTİNOĞLU'nun Gagauzları konu edinen Moldovya'da Gagauz Yeri'nde toplanacağını) duyduğum zaman ilk hatırıma gelen de merhumun adı oldu. Artık, O'nun adını bu kongreye (sempozyuma) taşımak boynumun borcu idi.

GUBOĞLU, Türkiye üniversiteleri çevresinde çok dosta sahipti. Bunlar arasında merhum Prof. Dr. Zeki Veleli TOĞAN, Prof. Dr. Ahmet CAFEROĞLU, Prof. Dr. İbrahim KAFESOĞLU, Prof. Dr. Abdülkadir TİMURTAŞ (ve diğerlerini)'i bu vesile ile anmak isterim.

Mihail GUBOĞLU, kendine has bir aksan ile konuşurdu. Bu aksan Gagauz aksanıydı. Ağzından, samimi ifadeler içeren kelimeler dökülürdü.

Daima güleç yüzlüydü. O'nu, kongre ve sempozyumların dışında kütüphanelerdeki kitap rafları arasında dikkatle bir kitabın üzerine eğilmiş olarak veya kitabın satırları arasında dolaşırken gördüğümüz de çok olmuştur. Biz farkına varmamışsak, o bizim farkımıza varırdı. Kulağımızın dibinden yavaşça hatırımızı sorardı.

Merhum GUBOĞLU'nun iyi bir aile hayatı vardır. 1944 yılında Katüşa (kendisi ona Kadriye derdi) ile evlendi. Çocukları yoktu. Kadriye hanım, GUBOĞLU'nun çalışmalarında baş yardımcısı olmuştur. Eşinden daima övgüyle bahsederek, her fırsat düştüğü yerde ona minnettarlığını ifadeden geri kalmazdı. Benim, merhum GUBOĞLU ile hemşehriliğim de söz konusudur. Onun ailesinin yerleştiği Hırsova ile benim doğup büyüdüğüm Ak Dere (Şumnu-Bulgaristan) Köyü arasında 150 km. kadar mesafe vardır.

Belki bu bakımdan da birbirimize yakınlık duymuştuk.

Gagauzlar, Osmanlı'nın Balkanlardan ve Tuna'nın kuzeyinden çekildikten sonra, arkada kalan Türkler'le aynı kaderi paylaşmışlardır. Osmanlılar etnik konularla pek ilgilenmemişlerdir. Gagauzlarla diğer pek çok etnik grubun farkında olmamışlardır. «Nihayet bunlar da Türkçe konuşan Hristiyan bir cemaattir». gibi görülmüştür. Gagauz'lar Osmanlı'nın Kırım yolu üzerinde yerleşmişler. Yerleşmişler sözü pek doğru değildir. «Kırım yolu üzerinde dağılmışlar» cümlesi daha doğru olmalıdır. Bu yol üzerinde kuzeydoğudan gelen başka gruplar da vardır. Meselâ: Peçenekler, Uzlar, Bulgarlar, Kumanlar, ve diğerleri, Ukrayna'da (geniş Nogay steplerinde) karşılaştıkları Slav unsurlar arasında dağıldılar. Bazı gruplar Slavca'nın derin etkisini hissettiler. Grekçe (Yunanca)nin de etkisi yanında Hristiyanlığın Ortodoks mezhebiyle karşılaştılar.

Romenler de, zayıf da olsa, bu unsurlar üzerinde etkili oldu. Gagauzlar, şimdiki Moldovya (SSCB'nin dağılması esnasında sınırların çizilmesinde) Gagauz yeri olarak adlanan Özerk Bölgede, Ukrayna'nın Güney-Batı yörelerinde, Romanya'nın Tuna deltasında, Dobruca'da ve Bulgaristan'ın Varna-Şumnu vilâyetlerinde, özellikle, Pravadi civarında dağınık olarak yerleştiler.

Gagauzları, Romenler kendilerinden, Bulgarlar da Bulgar saydılar.

Bilindiği üzere, Bulgar Kömünist Partisi sadece Gagauzları Bulgar saymakla kalmamıştı. Bulgaristan'daki bütün etnik unsurları «Bulgar» saymıştı.

Türklerin (Gagauzların, Pomakların, Çingenelerin) adlarını değiştirip Bulgar adları verdiler. Bundan dolayı da pekçok katliam yapıldı. Hâlâ eski adlarını almaya çalışan Türk ve Pomak ailelerini tanımaktayım. Etnik gruplar üzerinde, Bulgaristan'ın işlediği pek çok insanlık suçu vardır.

Bulgaristan'daki Türklerle uyguladığı ise süre gelen bir soykırımdır.

Prof. Dr. Mihail GUBOĞLU velûd bir bilgin ve araştırmacıdır. Sayın Prof. Dr. İrfan NASREDDİNOĞLU, onun 40'tan fazla kitap ve makalesini kaydetmiştir. Bunlar içinde hâlâ basılamamış olanlar da bulunmaktadır.

Merhûmun doktora tezi henüz basılmamıştır. Guboğlu'nun çalışma ve araştırmaları çeşitli dillere çevrilmiştir.

GUBOĞLU'nun adı, semavi dinlerin hepsinde müşterek olan bir addır: Mikâil! Merhuma, «Niçin Müslüman olmuyorsun?» dendiğinde: «Hristiyan bir

* Впервые опубликовано в сборнике: Література, фольклор, проблеми поетики. Випуск 33. Частина 1. Гагаузьска культура). Київ, 2009. С. 148-152.

ailenin çocuğuyum. Sizler gibi, bir Müslüman ailenin çocuğu olsaydım, şimdi Müslümandım!» derdi.

Gagauz Türklerinde iki Mihail vardır: 1. Mihail ÇAKIR, 2. Mihail GUBOĞLU. Bu iki zatın da, gururla Türk dostu olduklarını ifade etmeliyiz.

Yukarıda, «Osmanlı Devlet-i Aliyyesi'nin Gagauzlardan haberi olmamıştır», demiştik Cumhuriyetin kurucusu rahmetli ATATÜRK, Gagauzlar'a özel bir ilgi göstermiştir. Bu vesileyle merhum Bükreş elçimiz Türk Edebiyatı ve Tarihi'nin büyük hatibi Hamdullah Suphi TANRIÖVER'in gayretlerini anmak gerekir. Merhum Mihail ÇAKIR'ı ise Eşim Prof. Dr. Gönül AYAN'dan dinleyeceğiz. Her iki Mihail de Gagauz oluşlarını iyi anlamışlar, Türklükleriyle övünmüşler ve her hareketlerinde Osmanlı'yı ve Türkiye Cumhuriyeti'ni minnetle anmışlardır. Bu iki Mihail'den ÇAKIR, Gagauzlar'ın edebî ve dinî yönünü; GUBOĞLU ise, Tarih yönünü zenginleştirmişlerdir. Bu Mihail'ler olmasaydı bugünkü GAGAUZ YERİ'ndeki özerk cumhuriyet olmazdı. Gagauz Yeri'ndeki pek çok idareci ve bilim adamı, Mihail ÇAKIR'ın ve Mihail GUBOĞLU'nun öğrencileridir.

Gagauz Yeri'ndeki anlaşmazlıklardan rahmetli büyük üzüntü duyardı. Türkiye Cumhuriyeti'nin (Misâk-ı Millî) sınırları dışında kalan Türkler, bu memlekette, yok sayılmıştır. Balkanlardaki, Kıyıdaki, Kıbrıstaki ve dünyanın neresinde olursa olsun, yaşayan Türkler, yok sayılmıştır. «Varsa yoksa Türkler sadece Anadolu'dadır», denilmiştir. Bu düşüncede olanlar «Anadolucular» olarak isim yaptılar. Hayli de etkili olmuşlardır. Bu düşüncenin temsilcilerini, «tarih ve coğrafyadan habersizler» olarak adlandırmak daha doğru olurdu. Devlet kademelerini de yanılta bu «Anadolucular», dünya üzerinde dağılan kardeşlerimizle ilgilenmemizi önlemişlerdir. Çok yakın zamana kadar, sınırlarımız dışındaki kardeşlerimizle ilgilenmek «suç» sayılmıştı. Ama bakınız, dünya ve üzerindeki siyasi rejimler değişiyor. Biz şimdi Ukrayna'nın başkenti KIEV'de Gagauz kardeşlerimizi konu edinen sempozyum düzenliyoruz. Konuyu Uluslararası düzeyde, tartışıyoruz. Gönül isterdi ki, Gagauz sorunlarını Gagauz Yeri'nde tartışalım! Orada ağırlanalım. Gagauz kardeşlerimizi daha yakından tanıyalım! Bu vesileyle, sempozyumu Ukrayna'da toplamayı sağlayanlara, emeği geçenlere teşekkür borcumuz vardır.

Konudan biraz uzaklaştık! Tekrar Mihail GUBOĞLU'na dönelim: Merhum Guboglu'nun çalışmaları, Türk Tarih Kurumu'nun dikkatini çekmiştir. Önce muhabir, sonra da asli üyeliğe alınmıştır. Folklor Araştırmaları Kurumu Onursal Üyeliği ile ödüllendirilmiştir.

GUBOĞLU, 78 yıllık ömrünün sonunda, bizim ulaşamayacağımız belge ve kitaplardan oluşan bir kitaplığa sahip olmuştu. Bu kitaplığın Komrat Devlet Üniversitesi'ne kazandırılmış olması ne kadar iyi olurdu!

Bükreş Üniversitesi Tarih-Felsefe Fakültesi, Mihail GUBOĞLU'nun 76. yaşında bir jübile düzenledi. Fakültenin Dekanı ve aynı zamanda Güneydoğu Avrupa Etüdleri Enstitüsü Müdürü, Osmanlı Etüdleri Laboratuvarı Başkanı olan Prof. Dr. İ. İonista O'nun, hizmetlerini değerlendiren bir konuşma yapmıştır. Merhum GUBOĞLU hakkında ansiklopedilerdeki bilgiler yetersizdir.

Üzerinde ilmi çalışmaların yapılması gereken ve buna layık bir Türkologdur. Mihail GUBOĞLU'nu ve çalışmalarını dile getiren, hakkında bilgi veren Prof. Dr.

İrfan NASRATTINOĞLU'dur. NASRATTINOĞLU, merhumun çalışmalarını ve gayretlerini dile getirmiş ve derin dostluklarını anlatmıştır.

Guboglu hakkında yüksek lisans tezleri ve doktora çalışmaları yapılacak bir bilgin olduğunu yinelemeye fayda mülâhaza ederim. Geniş araştırmacılara haber veriyorum. Onun çalışmalarında ve incelemelerinde doğru hükümler bulacaklardır. Zira, Türkoloji kongre ve sempozyumlarına getirdiği bildirimler, aima dikkat çekmiş ve takdir toplamıştır.

Yukarıda da belirttiğim gibi, kendileriyle birlikte çalışmaya dair yaptığımız sözleşme ve mutabakatı yerine getirmeye, kaderin fırsat vermeyişinden dolayı çok üzgünüm.

Prof. Dr. Mihail GUBOĞLU, biz Türkiyedekilerin, Romanya ve Balkanlarda yaşayanların gören gözü ve işiten kulağı olmuştur. Kongre ve sempozyum aralarında ve oturumlar sonunda, kendisiyle yaptığımız konuşmalarda pek çok konuyu tartıştık. Bazılarında bilgilerimizi yenileyip, O'nun üzerinde çalıştığı konular hakkında bilgiler alırdık.

Merhum GUBOĞLU, bilgi alış verişinde paylaşımcıydı. Bazı bilim adamlarımız gibi, bencil ve kıskanç değildi.

Nûr içinde yatsın!

EN HOMMAGE A MIHAIL GUBOGLU*

«Ce mai face Bizantul?» – «Comment se porte Byzance?». C'est ainsi que Mihai Guboglu me saluait chaque fois que nous nous rencontrions. Dans la rue, à l'Institut balkanique ou encore à l'Institut d'études sud-est européennes. Partout. «Comment se porte Byzance?». A quoi je répliquais que Byzance attendait sa délivrance!

C'est dans les années 1946-47 que nous avons fait connaissance, au siège de l'Institut balkanique créé par le professeur Victor Papacostea, lequel, toujours enthousiaste, me manifestait une vive sympathie, en dépit du fait que je n'avais pas été de ses étudiants. Guboglu, lui, était son assistant et je l'ai écouté plus d'une fois là-bas tenir une communication dans une maison Slătineanu de la rue Nicolae Iorga, dont l'ancien propriétaire étant toléré continuait d'occuper une pièce. Mihai parlait avec beaucoup d'aisance; il était plutôt didactique dans tous ses exposés et toutes les occasions étaient bonnes pour citer de sa mémoire prodigieuse, telle information sans sourciller, en précisant qu'on pouvait la trouver dans tel ouvrage, à telle page, et même à la note une telle... Il vivait ce qu'il disait, car il aimait effectivement la carrière de chercheur qu'il avait embrassée. Plusieurs jeunes ottomanisants ont été formés par lui. Si ce ne fut pas le cas de Nicoară N. Beldiceanu, comme je me l'étais longtemps imaginé, en revanche ce fut celui de Ion Matei à Bucarest et aussi d'Anca Ghiatà. Ils furent tous les deux mes collègues à l'Institut d'études sud-est européennes de l'Académie. Un autre disciple de Guboglu, sauf

* Впервые опубликовано в книге, посвящённой 95-летию М. П. Губоглу: Enjeux Politiques, Economiques et Militaires En Mer Noire (XIV–XXI siècles). Etudes a la memoire de Mihail Guboglu. Sous la direction de: Faruk Bilici, Jonel Candea, Anca Popescu. Brăila, 2007. P. 17-23 (далее – ЕРЕММН).

erreur de ma part, fut le jeune ottomanisant Mihnea Berindei, «Cumànelu» – le Petit Couman –, comme il l'avait surnommé affectueusement. Il y en eut d'autres, mais avec l'âge je ne suis pas très sûr de ne point me tromper, d'autant plus que ma propre discipline, les études byzantines, s'en distingue profondément.

Un jour j'ai demandé à Guboglu l'origine de son patronyme. «C'est Iacu-boglu», me répondit-il. Un de ses prédécesseurs s'appelait donc Jacob, Jacques. Et il me précisa que son père était un Gagaouze de Bessarabie, cette moitié de la Moldavie roumaine si durement maltraitée par l'esprit insatiable d'expansion des Russes en 1812, puis sous les Soviétiques. Sa mère était moitié moldave et moitié «gâgâuzcâ». Sa famille était, bien entendu, chrétienne orthodoxe. On le sait, les Gagaouzes sont un rameau «türk» converti au christianisme byzantin depuis bien des siècles. Le type anthropologique de Mihai le soulignait d'emblée. Sensiblement plus âgé que moi, il était né le 4 novembre 1911 à Ceadr-Lunga, alors que je suis venu au monde une bonne douzaine d'années plus tard. Je me souviens encore qu'il m'a expliqué un jour que son parler natal, la langue gagaouze, lui facilitait beaucoup la lecture des plus anciennes chroniques turques.

Guboglu était resté lié lui aussi à notre professeur Vasile Grecu, originaire de Bucovine, dont il avait suivi les cours de byzantinologie à la Faculté des Lettres de Cernăuți. Quand il eut obtenu sa licence, Mihai s'installa à Jassy. Là, il devint l'assistant du célèbre turcologue allemand Franz Babinger que Nicolae Iorga avait fait venir en Roumanie pour y poser les bases de la turcologie roumaine à l'Université «Mihăileană» de Jassy. Malheureusement, professeur et assistant ne tardèrent pas à se quereller. Jamais ils ne se réconcilièrent. Je suis loin d'avoir oublié avec quelle passion Guboglu a élaboré et publié un long, un très long compte rendu défavorable du livre, pourtant si réputé pour sa science, que Babinger a consacré à Mehmet II le Conquérant et à son temps.

Les retombées, fatales à la Roumanie, de la Seconde Guerre mondiale obligèrent le jeune chercheur à s'installer à Bucarest, car la capitale moldave était cruellement ruinée. Par bonheur, le professeur Papacostea réussit à le faire transférer à son institut et lui ouvrit les colonnes de la revue *Balcania*, où le néophyte eut tout loisir de publier ses premières recherches.

En ce qui me concerne, je fus nommé le 28 octobre 1948 assistant à l'Institut d'Histoire et Philosophie de l'Académie de la RPR, dirigé par Petre Constantinescu-Iași qui me détacha à la section balkanique confiée à l'un de mes professeurs de l'École des Chartes, Emil Condurachi, lequel m'avait pris sous sa garde. Là, j'eus maintes occasions de rencontrer Guboglu qui en faisait partie lui aussi. Et c'est ainsi que notre amitié naissante poussa ses premières racines.

Voici du reste un incident qui en marqua sans tarder la solidité. Début novembre de la même année 1948, les responsables de l'Académie convoquèrent l'ensemble des chercheurs pour le défilé annuel en l'honneur de la Grande Révolution bolchevique de 1917. On nous avait tous convoqués sur la Calea Victoriei, juste en face du siège de l'Académie. Hommes et femmes arrivaient petit à petit. C'était le matin, de bonne heure. Pour assurer le bon déroulement de la mascarade, chaque institut disposait son personnel par groupes porteurs de pancartes, banderoles et drapeaux. Et ne voilà-t-il pas qu'un individu que je ne connaissais

ni d'Eve, ni d'Adam, s'approche de moi et me tend un drapeau. Un rouge! Mon sang ne fit qu'un tour: «Ce n'est pas mon drapeau!» m'exclamai-je. Par bonheur pour moi, Guboglu était présent. Comprenant sur le champ mon émoi spontané, il me remit son propre drapeau, un tricolore roumain, même s'il était affublé des colifichets du régime, gerbes d'épis, puits de pétrole, cimes montagneuses plantées de sapins. «Oui, celui-ci!» m'écriai-je. Mihai me contempla longuement, me donnant ainsi à entendre que je devais me tenir coi. Une heure plus tard, je parvins à placer «mon» drapeau à quelque autre victime et poursuivis la longue route que nous avions à fournir avant d'atteindre dans la cohue, puis en bon ordre les tribunes officielles, le lac Herăstrău et enfin le retour à la maison.

C'est ainsi que Mihai me fit de justesse échapper à un sort qui eût été dramatique si les choses avaient mal tourné. Notre amitié est donc née ce jour-là sur l'asphalte de Bucarest, à la hauteur de l'Académie. Avant de nous séparer, mon nouvel ami m'invita à venir dîner chez lui le soir-même. Il habitait alors rue d'Athènes (devenue sous les communistes la rue Nikos Beloyannis), juste devant la synagogue, à deux pas de la place Amzei, un petit immeuble qui existe encore. J'ignorais qu'il allait fêter son anniversaire (4 novembre) et, par la même occasion, sa fête, la Saint-Michel (le 8 du mois, selon le calendrier orthodoxe). C'est alors que je fis la connaissance de son épouse, la digne Catus (Catherine), fille d'un prêtre orthodoxe de l'éparchie de Buzău, une femme avenante et souriante, doublée d'un cordon bleu imbattable, une parfaite maîtresse de maison.

Pour l'occasion, Mihai avait également invité plusieurs de ses amis ou collègues. Il y avait là, par exemple, l'estimable professeur Traian Ionescu-Nisicov, auquel par la suite m'ont lié des relations d'amitié, un monsieur très bien, formé à Prague et accompagné de sa femme. Je me souviens avoir rencontré alors un Bulgare de Silistra, Pirine Bojagieff, qui enseignait sa langue à l'Institut balkanique. Était présente également Madame Claudia Mihăilescu: nous nous connaissions déjà des Archives de l'État, depuis qu'en 1945 je m'étais inscrit à l'École des Chartes qui relevait de cette institution. Elle en était la secrétaire. Nous étions voisins: elle habitait Aleea Zoe, et moi rue de Sofia. Notre amphitryon me pria, après que la nuit fut tombée, de la raccompagner. En ce temps-là la nuit on risquait, sinon pire, de se faire dévaliser par des «bidasses» soviétiques, grands amateurs de montres-bracelets. Or Guboglu s'était rendu compte que le benjamin d'entre ses hôtes était sérieusement pris de boisson et d'eau-de-vie de prunes, l'exquise *tuică* roumaine. Et c'est moi en réalité qu'il avait tenu à confier à notre collègue... Bref, et pour ne pas m'étendre d'avantage, je ne toucherai mot de l'inquiétude qui rongea mes parents quand je les retrouvai en pleine nuit, non plus que des «souffrances» internes qui se déchaînèrent une fois que je fus arrivé chez nous. Oui, vraiment, quel dommage ce fut, tant étaient bons et choisis les mets auxquels j'avais goûté en abondance, alors que la pauvreté se faisait amèrement sentir à Bucarest comme dans tout le pays livré à l'occupation et au pillage systématique.

Voici encore un autre souvenir qui, chronologiquement, est à placer avant ma mésaventure de la commémoration de la Révolution d'Octobre. Un soir donc de février 1948, alors que j'étais passé à l'Institut balkanique pour m'enquérir une fois de plus de ma nomination constamment ajournée, situation qui nous

condamnait ma famille et moi à vivre de mes petits «boulots» occasionnels ou de la vente d'un certain superflu, je me trouve nez à nez avec Guboglu. Les traits du visage décomposés! Et là de m'apprendre que dans la journée le Parti Socialiste de Titel Petrescu venait de fusionner avec le Parti Communiste. *Ipsa facto*, mon ami se trouvait promu membre du parti de la classe ouvrière. Il était horrifié. «Démissionne!» lui lançai-je. «Mais tu ne te rends pas compte que ce serait comme me suicider?» me rétorqua-t-il. De ce jour-là Mihai faisait partie de la multitude impuissante des membres du parti. Il était devenu officiellement communiste, bien qu'il ne s'identifiait pas à cette idéologie, et il le resta jusqu'à sa mort, survenue en 1989, quelques mois avant l'écroulement du régime.

Après mon mariage en 1958, les époux Guboglu firent bon accueil à Tamara aussi. De temps à autre nous nous réunissions. L'année 1970 allait nous séparer, Mihai et moi, et bien d'autres de mes amis et collègues, quand, à mon tour je restai à l'étranger, en Grèce, en l'occurrence. Alors, la poste se chargea d'assurer la continuité de notre amitié. De temps en temps, je recevais de lui, et d'autres encore, une lettre, un livre, un tiré à part. Un beau jour je trouvais tout un lot d'articles de moi, chacun portant une dédicace affectueuse au professeur Vasile Grecu. Après son décès, à Bucarest, en 1972, Guboglu avait récupéré de son fils, l'ingénieur Viorel Grecu, les recherches que j'avais publiées, et il avait pensé à me les expédier, estimant que je pouvais en avoir besoin à Athènes. C'est là une preuve tangible de la délicatesse de Mihai envers un exilé, auquel il manifestait de la sorte sa fidélité et son estime.

De même, un jour à Paris, mon regretté ami Jean Gouillard dont je suivais les cours à l'École des Hautes Etudes, désireux de m'aider à me refaire une bibliothèque, m'offrit notamment *l'Album de paléographie et diplomatique ottomanes* de Guboglu. Cet exemplaire, il l'avait reçu justement de moi en souvenir, alors qu'il était venu à Bucarest envoyé en mission par le CNRS. Je garde précieusement cet ouvrage qui de plus me rappelle aussi mes liens avec la famille du colonel Barbu Slătineanu, mort prématurément faute de soins dans un cachot communiste. Sa fille avait épousé l'architecte Ion Sturdza. Chaque fois que j'allais leur rendre visite dans leur maison de la rue du docteur Obedenaru, derrière l'église Saint-Elleuthère-la-Neuve, je jetais un coup d'oeil à un superbe firman rédigé à l'encre d'or et décoré de magnifiques fleurs multicolores. Les Sturdza croyaient savoir que le diplôme portait sur la nomination par le Sultan de leur ancêtre Ion-Sandu Sturdza au trône princier de Moldavie. Nous en discussions parfois et je réussis finalement à les convaincre de montrer ce document à Guboglu afin d'apprendre exactement de lui le contenu de l'acte. L'architecte Sturdza y consentit donc et invita Guboglu chez lui. Ce splendide document, où la *toughra* impériale est décorée à son sommet des armes de la Moldavie, *le rencontre d'aurochs*, Guboglu fut autorisé à le photographier. Il figure ainsi dans *Y Album* cité précédemment sous le numéro 175. A la page 158 on en lit un bref résumé: il s'agit en fait d'un *hatt-i humayûn*, d'avril 1827 par lequel le Sultan Mahmud II confirme et complète les privilèges concédés aux deux Principautés roumaines lors de la convention d'Akkerman (Cetatea Albă) conclue en 1826 entre la Sublime Porte et la Russie. Guboglu précise, comme il se devait, que

l'original appartient à l'architecte Sturdza de la capitale et qu'une photocopie figure aux Archives de l'Etat.

Un voyage de Guboglu en Turquie allait me réserver une surprise. Au musée de Topkapı il avait obtenu le microfilm de la *Chronique* que Critobule d'Imbros avait dédiée à Mehmet II et que Vasile Grecu avait publiée en grec avec traduction roumaine. Notre ottomanisant aurait voulu que le professeur reprît l'édition critique du manuscrit. Mais le vieux savant se considérait trop âgé pour assumer ce travail. Guboglu me fit présent du microfilm. Réfugié en Grèce, je parvins à me le faire envoyer à Athènes par ma femme. Je l'offris à mon ami Léandros Vranoussis alors directeur du Centre d'études médiévales de l'Académie d'Athènes qui tint à me faire tirer une copie que j'ai encore à Paris. Depuis, une édition critique de cette source que j'avais heureusement renoncé à éditer a été publiée dans le nouveau corpus international des chroniqueurs byzantins.

C'est à Paris qu'un jour de l'année 1989 une lettre de mon fidèle et très regretté ami et collègue Paul Cernovodeanu m'informa qu'une crise cardiaque avait mis fin, à l'Université d'Istanbul, à la carrière de Mihai Guboglu, le 11 mai. Sa dépouille avait été rapatriée de Constantinople à Bucarest par les autorités turques avec les plus grands honneurs. Voici plus de trois ans et demi déjà, quand nous visitâmes «Byzance» ma femme et moi, nous nous arrê tâmes devant l'université. Par la pensée et avec nostalgie nous replaçâmes à nos côtés pour quelques instants notre ami disparu.

Il y a de cela plusieurs années une amie très chère de Bucarest – et pourquoi ne pas dire qu'il s'agit d'Anca Popescu? – m'a envoyé à Paris un livre dont mon grand-père fut l'auteur: *Steagul. Stema României... (Le drapeau. Les armoiries de la Roumanie...)*, Bucarest 1904. Je l'avais offert autrefois à Mihai Guboglu car cet ouvrage renferme aussi les trophées de la Guerre de l'Indépendance de 1877–78, capturés sur les Turcs et conservés au Musée Militaire de Bucarest et au Château Pele. Leurs inscriptions arabes et ottomanes y sont transcrites et traduites en roumain. Ce livre me manquait justement à Paris. Il porte aujourd'hui l'estampille «Ex-libris Prof. M. Guboglu Benim kitaplanmdan» et aussi le numéro 801. C'est là un présent dont j'entends ne pas me séparer car il me rattache à mon aïeul et à mes deux amis, les turcologues Mihai Guboglu et Anca Popescu.

Il me serait aisé d'énumérer encore d'autres souvenirs sur Guboglu. En voici un, mineur: il concerne le superbe chat, un angora ou un persan, objet de la tendresse du couple Guboglu, lequel n'eut pas d'enfants. Son nom m'échappe après tant d'années, mais j'ai toujours souvenance du surnom dont je l'avais affublé, «Hadâmb-Pisoiu!», (Hadâmb-le-Chat), allusion, plus ou moins fine, à la mutilation que lui avait infligée le bistouri d'un vétérinaire.

Que le lecteur patiente encore un instant. Ma bibliothèque renferme aussi, entre autres travaux de Guboglu, *Le tribut payé par les Principautés roumaines...*, Paris 1969, et aussi le tome II des *Chroniques turques concernant les Pays roumains* sur lesquels leur auteur m'a laissé des autographes qui attestent nos retrouvailles à Paris le 20 mai 1975. Et ce ne fut pas notre seule rencontre: sur l'ouvrage collectif *Râzboieni*, Bucarest 1977, Mihai a également laissé la preuve d'une autre de nos rencontres parisiennes, celle du 7 mai de cette année-là.

Voici encore un souvenir, certes futile: jamais notre ami n'a réussi à prononcer correctement le diminutif français de mon nom de baptême, celui dont usent ma famille et mes intimes: «Pêrô», prononçait-il; il procédait de même quand il m'écrivait une lettre.

Mihai Guboglu était un sentimental. Il aimait sa femme, ses amis, ses parentés, la Roumanie, considérant la Bessarabie comme faisant partie intégrante du corps-même du pays. Il m'a parlé parfois d'un de ses neveux, un autre Mihai Guboglu, si j'ai bonne mémoire, et qui à Moscou étudiait également la turcologie.

Guboglu a profondément aimé la recherche et l'enseignement. Mais s'il éprouvait quelque vindicte à l'endroit de quiconque, il ne ratait aucune occasion de le vilipender. Je m'en suis rendu compte assez souvent et non sans tristesse, car il n'épargnait pas non plus certains des professeurs auxquels il me savait pourtant attaché.

C'est pourquoi, que Dieu lui pardonne! prenant en compte ses bonnes actions, si nombreuses, celles que connaissent ou ignorent les amis, les collègues, qui sont restés fidèles à sa mémoire et qui, avec nous, lui gardent un chaleureux souvenir, tout en continuant de profiter des résultats positifs de bien de ses travaux.

«Comment se porte Byzance?» – «Plutôt doucement, Mihai, en attendant de nous retrouver là où tu es déjà et où nous, tous les mortels, nous devons nous rendre».

Paris, 29 juin 2007

LA BIO-BIBLIOGRAPHIE DE MIHAIL GUBOGLU*

Rappel biographique¹

Mihail Guboglu vit le jour le 4 novembre 1911 à Ceadâr-Lunga² qui faisait partie à l'époque de la *gubernija* de Bessarabie rattachée à la Russie depuis 1812. Fils de Pierre et de Catherine, dont les ancêtres ont été parmi les fondateurs de cette commune sise à l'orée des fameux Bois du Tigheci, à la limite du Boudjak. Sa famille descendait des *Gagaouzes*, Turcs chrétiens orthodoxes (descendants de la lignée des Turcs *ogouzs*). Ceux-ci étaient arrivés vers 1770 de Roumélie, à la suite des guerres russo-ottomanes entreprises sous le règne de Catherine II et d'Alexandre Ier, et transplantés à Eski-Çadir, grand village du département de Lâpusna, dans la principauté de Moldavie. Il suivit les cours de l'école primaire de sa commune natale (1921–1925) qui appartenait de nouveau à l'Etat roumain,

* Впервые опубликовано в книге, посвящённой 95-летию М. П. Губоглу: Ен Jeux Politiques, Economiques et Militaires En Mer Noire (XIV–XXI siècles). Etudes a la memoire de Mihail Guboglu. Sous la direction de: Faruk Bilici, Jonel Candea, Anca Popescu. Braila, 2007. P. 27-35.

¹ D'après les données, biographiques et bibliographiques, qui m'avaient été confiées par le Professeur même en vue de lui préparer «le bilan» pour ses 80 ans qu'il n'a pu voir.

² Ce toponyme est composé de deux mots d'origine différente: l'un turc (*çadir*) qui signifie «tente» et l'autre roumain (*lunga*) qui signifie «longue».

comme toute la Bessarabie, au lendemain de la Première Guerre mondiale. Ensuite il poursuivit ses études au lycée *Çtefan cel Mare*, à Tighina (Bender) (1926–1933). Bachelier en juin 1933, affecté à l'artillerie pendant son service militaire (octobre 1933 – octobre 1934), il devint étudiant à la Faculté des Lettres et de Philosophie de l'Université de Cernâuti, en Bucovine. Inscrit à bonne école, il étudie l'histoire sous la direction de professeurs remarquables comme Ion I. Nistor (histoire de la Roumanie), Vasile Grecu (byzantinologie), Théophile Sauciu-Sâveanu (histoire antique), Romulus Cîndea (histoire universelle) et Alexandru Bocânetu (histoire des relations sud-est européennes). Frais émoulu de la faculté il s'inscrit au doctorat choisissant comme sujet de thèse «Les Gagaouzes à la lumière de l'histoire». La soutenance eut lieu en 1940, et Ion Nistor fut son rapporteur principal.

Professeur au Lycée National de Jassy, Mihail Guboglu eut la chance d'être remarqué par Hamdullah Suphi Tannnôver, ambassadeur de Turquie à Bucarest (entre le 12 juin 1931 et le 5 décembre 1944, succédant à S abri Toprak), personnalité distinguée de la culture turque, ancien professeur d'esthétique littéraire à l'Université d'Istanbul et ministre de l'Education nationale turque. Ce fut un moment décisif pour l'essor de sa carrière, car il fut recommandé (le 10 mai 1939) et nommé en qualité de maître-assistant et de secrétaire scientifique du nouvel Institut de Turcologie, créé en 1940 près l'Université «Mihâileanâ» de Jassy, sur l'initiative du ministre de l'enseignement de l'époque, le philosophe Petre Andrei. La direction de l'institut avait été confiée à Franz Babinger, le réputé turcologue allemand que Nicolae Iorga avait invité occuper cette fonction, afin d'organiser la recherche turcologique en Roumanie. Malheureusement, ce noyau de personnalités qui s'étaient proposées de former des spécialistes roumains en histoire ottomane n'eut pas le temps de bénéficier des fruits de leur travail, car il s'est disloqué, en 1944, après le départ de Babinger de Roumanie.

À l'Institut de Turcologie (qui poursuivait ses activités à la Faculté des Lettres et de Philosophie, au 26 de la rue Carol) Mihail Guboglu dirigeait un séminaire et dispensait un cours spécial sur l'historiographie ottomane. Outre les tâches assumées et accomplies habituellement, il va entreprendre la mise en valeur historique et philologique des sources ottomanes représentant la préoccupation constante de toute sa vie professionnelle. Il présente ses premiers exposés, aux titres à valeur de programme: «Les Roumains dans les chroniques turques du XVe siècle», à l'Institut A. D. Xenopol de Jassy (alors sous la direction d'Alexandru Boldur), et «L'historiographie ottomane et son importance pour les Principautés roumaines», à l'Institut de Turcologie. Toujours à cette époque, il pose les bases d'une bibliothèque spécialisée en langues et civilisations orientales et en turcologie, organisée en «6 armoires et disposant de quelques milliers de livres», d'après une déclaration de Mihail Guboglu: encyclopédies, dictionnaires, bibliographies et catalogues (armoire I); géographie, cartographie et art (armoire II); langue, littérature et folklore des peuples turcs (armoire ni); histoire des Turcs (armoire IV); l'Islam – droit, philosophie, religion, science (armoire V); Byzance, les pays balkaniques dans leurs rapports avec les Turcs (armoire VI). La bibliothèque fut constituée grâce à un fonds annuel d'environ 100 000 lei auquel se sont ajoutées de nombreuses donations. Après la suppression de l'Institut de Turcologie, contrecoup de la ré-

forme de l'enseignement de 1948, une partie de cette bibliothèque est échue à la Bibliothèque de l'Université de Jassy, tandis qu'une autre a été attribuée en 1948 à l'actuel Institut d'Etudes Sud-Est européennes de Bucarest). De nos jours, c'est l'Institut d'histoire Nicolae Iorga de Bucarest qui détient une bonne partie de ce fonds.

En 1945, Mihail Guboglu obtint son transfert comme lecteur de langue ottomane et chercheur scientifique, à l'Institut balkanique de Bucarest, dont le directeur était le professeur Victor Papacostea. Après la suppression de cet Institut (toujours du fait de la funeste réforme de 1948), il détiendra jusqu'en 1963 un poste de chercheur scientifique principal, conseiller scientifique et de chef du bureau d'études à l'Institut d'Histoire de l'Académie de la République Populaire Roumaine (RPR): il s'agit de l'ancien Institut d'Histoire Universelle, fondé par Nicolae Iorga, placé sous la direction de Gh. I. Brătianu avant l'avènement du régime communiste. En 1963, il passe à l'Institut d'Etudes sud-est européennes, en qualité de chercheur scientifique principal, puis, de 1968 à 1970, il travaille à la Direction Générale des Archives de l'Etat, à Bucarest, au titre d'archiviste principal; en même temps Mihail Guboglu, maître de conférences à la Faculté d'Histoire de l'Université de Bucarest, donne des cours de langue et de paléographie turco-ottomanes. Il quitte la Faculté d'Histoire le 1er septembre 1977, officiellement «à sa demande», et prend sa retraite.

Nicolae Iorga parlait, en 1928, de l'urgence de former des spécialistes pour la mise en valeur des immenses fonds de documentation ottomanes, véritables sources fondamentales pour écrire l'histoire médiévale et moderne roumaine. Son initiative avait échoué en raison de la guerre. On peut considérer la mise à la retraite du professeur Guboglu par la Faculté d'Histoire une nouvelle malchance pour le démarrage de l'enseignement turcologique de grande envergure dans la culture roumaine. Elle ne faisait que s'ajouter à tant d'autres cas également néfastes pour les études ottomanes en Roumanie: l'expatriation de Nicoară Beldiceanu, la réclusion de Aurel Decei, la limitation de l'activité de Maria Matilda Alexandrescu-Dersca Bulgaru ou de Ioan Matei, etc.

Mihail Guboglu, animé toutefois par sa passion dévorante pour la mise en valeur des sources ottomanes, doué d'un optimisme irrémédiable, a réussi à maintenir le rythme de l'activité scientifique. En effet, les douze dernières années de la vie de ce grand connaisseur des sources ottomanes ont été, peut-être, les plus intenses, non moins d'un tiers de son activité scientifique s'y retrouvant, sous la forme de nombreux articles et compte-rendus, ainsi que des interventions à différents congrès.

Rien d'étonnant donc que la mort l'a surpris en Turquie, à Istanbul, dans l'effervescence des congrès scientifiques, alors qu'il se rendait au Ier Congrès International consacré à Nasreddin Hodja, qui se déroula à Ankara du 15 au 17 mai 1989.³

³ D'après les souvenirs de M. Sinan Kunalalp, d'Istanbul, que je prie de retrouver ici mes remerciements pour les informations qu'il m'a fournies.

L'HOMME

Issu d'une modeste famille de paysans, il n'est pas surprenant qu'il ait penché vers la gauche dans sa jeunesse. De 1936 à 1940 il a fait partie du Front démocrate estudiantin, et en 1946 il a été affilié au Parti social démocrate. Son adhésion au Parti communiste roumain n'a pas été volontaire, mais déterminée par la contrainte des événements et par la crainte du lendemain, d'après les témoignages de son épouse, Ecaterina Guboglu.⁴ Après la fusion entre le Parti social démocrate et le Parti communiste roumain, en 1947, Mihail Guboglu, s'est trouvé «ersé» dans le «parti révolutionnaire» nouvellement créé, le Parti ouvrier roumain. Bien que «membre du parti» et même, à un moment donné, secrétaire de la cellule du parti à la Faculté d'histoire, il n'a jamais été communiste dans le sens généralement connu, c'est-à-dire faisant des slogans bolcheviques son paravent pour parvenir. Il n'a même pas été athée. C'était un homme juste avant tout autre chose. Je me souviens d'un incident qui fait preuve de son humanité: il a sauvé un «ennemi de classe», actuellement un professeur distingué qui, par imprudence ou suite à des délations des certains collègues, était sur le point d'être soumis à une enquête du «Parti». Assurément ce jeune homme ne serait jamais rentré chez lui sain et sauf, sans l'intervention ingénieuse et courageuse du «camarade» Guboglu.

Membre correspondant de l'Institut d'études roumano-soviétiques, Mihail Guboglu a rédigé, sur commande, toute une série d'articles et des comptes rendus dans la revue de propagande *Analele Româno-sovietice*, série Histoire-Philosophie. Mais, tandis que d'autres signataires rivalisaient de zèle, dissertant sur les «falsifications américaines de l'histoire de la démocratie athénienne», sur la «morale de la bourgeoisie impérialiste anglo-américaine», sur «Staline, le grand maître de la méthode dialectique marxiste», ou sur la «révélation des menées agressives de l'impérialisme», Mihail Guboglu éprouvait en échange une délectation particulière à compulsurer les dictionnaires des langues turques, préoccupé par «l'adjectif numéral 50 en langue turque», produisant d'amples citations de / *Encyclopédie de l'Islam* – alors que tout le monde était censé croire que «toutes les lumières venaient de l'Est» – faisant des commentaires sagaces et érudits sur l'œuvre du savant encyclopédiste iranien Al-Biruni. Les touches de pensée matérialiste – assez accusées dans certains cas – n'étaient pas chez lui un reflet de l'opportunisme, mais plutôt l'expression de l'attachement naïf à ce qu'il croyait le model philosophique de l'objectivité. L'objectivité était sa façon de sincérité intellectuelle. Il était foncièrement honnête. Le Professeur Nicoară Beldiceanu nous racontait qu'il faisait pleine confiance à son ami Mihail Guboglu même si ce dernier vivait dans le système politique qui lui avait toujours inspiré méfiance et répugnance.

Chez lui la vanité ingénue allait de pair avec la générosité authentique. Doué d'une intelligence vive et d'une mémoire prodigieuse, narrateur inné, ses récits sur la Roumanie d'avant et d'après-guerre étaient très précieux et délectables. Il se plaisait à festoyer avec ses amis, à l'orientale, et il aimait les chats. De retour de congrès en Turquie il offrait de menus cadeaux aux dames, avec beaucoup de délicatesse. Il affectionnait ses amis d'enfance, comme le docteur Atanasie Gabrovsky,

⁴ Née Grigoriu, en 1903, native de Bâlesti, département de Buzău.

un de ses pays, établi plus tard à Giurgiu, et ceux de sa jeunesse, comme Osman Abdullah, notaire bucarestois connu et apprécié par les citoyens roumains d'origine turco-tatare. Le professeur Guboglu repoussait les extrêmes, qu'elles fussent politiques ou non, sa personnalité équilibrée s'y refusait. Il détestait l'hypocrisie, le machiavélisme et flétrissait le «byzantinisme» ou le manque de scrupules de certains collègues.

Le gardien de sa santé, le général des fiches et des brouillons, le bénédictin qui peaufinait les traductions en français, qui tenait la balance inébranlable du bon goût, était bien sûr l'épouse du professeur, Ecaterina Guboglu, la fille d'un prêtre de Buzău. Douée d'un humour subtil, elle a su, avec tendresse et beaucoup de sagesse, ordonner la vie de son époux, restant – dans les hauts et les bas de la vie – sa meilleure amie.

«Turc de la Moldavie pontique, d'une belle prestance, avec de beaux cheveux argentés, à la vieillesse, il était resté un oriental, du genre de Nastratin Hodgea» – Sergiu Iosipescu, ami familial du professeur Guboglu, l'évoquait ainsi avec subtilité ; «il aimait la mer et chérissait Istanbul, la rive du Bosphore, à Thérapie, là où, un beau jour de mai 1989, il allait quitter le monde pour rejoindre au ciel tous les héros de ses histoires». Sergiu Iosipescu m'a raconté aussi une histoire très caractéristique, qu'il tenait de Mihnea Berindei, jeune turcologue à l'époque, auquel Mihail Guboglu regardait toujours, même de loin, d'une manière paternelle: «une fois arrivé à Paris, il est allé acheter quelque chose à un *Prisunic* – un véritable bazar, de l'avis du Professeur. Il s'est mis à marchander pour obtenir un prix intéressant, un rabais, jusqu'à ce que le directeur du «bazar parisien», amusé par les démarches de notre Turc, accepte le rabais sollicité». Prodiguant de sages conseils à ses étudiants, guidant dans la bonne voie les débutants en histoire et paléographie turco-ottomanes, jamais porté à la rancune, il était ravi de rendre service à qui que ce soit, même quand il avait affaire à l'injustice, à la méchanceté; alors, il avait l'habitude de dire, en blaguant: «eh ! que voulez-vous, mon cher, il y a... des intrigues». Ceux qui ont eu le bonheur de se trouver à ses côtés les deux dernières décennies de sa vie, ont eu le privilège de bénéficier de ses vastes connaissances, étayées par une mémoire hors du commun, de partager son vif intérêt pour les dernières publications dans le domaine de la turcologie. Cette curiosité insatiable allait des premiers renseignements ottomans sur l'histoire des Roumains jusqu'au firman du sultan Abdul Medjid pour la voie ferrée de Bogazkôy.

La dédicace favorite du professeur Guboglu, sur les extraits de ses articles, généralement répandus surtout aux jeunes, était celle-ci «gardez-en bon souvenir».

Se rendait-il compte, qu'il ancrerait, en toute modestie, sa propre effigie dans le cœur de ceux qui l'ont connu et estimé?

L'ŒUVRE

Promoteur de la turcologie roumaine, il a créé de remarquables instruments de travail, des ouvrages de référence tels que les chronologies des sultans et hauts dignitaires ottomans, les tableaux de transformation de l'ère de l'Hégire en notre ère après Jésus-Christ, les innombrables traductions des chroniques ottomanes

(malheureusement sélectionnées selon les commandements nationalistes de l'époque communiste). Les documents ottomans concernant toutes les périodes de l'histoire roumaine, provenant des fonds nationaux ou de grands dépôts de Turquie et de Bulgarie ont été signalés, catalogués et microfilmés. Même ses rapports sur ses déplacements professionnels recèlent des fonds inattendus, riches en informations documentaires, accompagnés maintes fois de fac-similés d'actes inédits.

Excepté ses contributions nombreuses, extrêmement variées, à d'importants sujets de l'histoire nationale touchant aussi à l'histoire de l'Empire ottoman, son inlassable énergie l'a déterminé à créer, comme membre fondateur et en qualité de premier président, la *Section d'études orientales* près la *Société des sciences historiques et philologiques* (1956–1979); il y a rempli la fonction de rédacteur en chef de la revue *Studia et Acta Orientalia* (vol. I–VIII); de même, il a participé à plus de trente congrès internationaux (URSS, Bulgarie, Pologne, France, Turquie), y présentant souvent deux exposés à la fois.

Mihail Guboglu a reçu plusieurs décorations, de celles que le régime communiste octroyait pour se glorifier, utilisant ce moyen de propagande: comme la médaille du «XXVe anniversaire de la libération de la patrie» (nr. 560 / 1969), et la médaille du «50e anniversaire du PCR» (nr. 137 / 1971). Mais la consécration réelle de son activité scientifique a été obtenue par les initiatives venues de l'étranger: au 50e anniversaire de la République de Turquie (29 octobre 1971) lui fut décerné un diplôme d'excellence; le 19 avril 1980, il fut élu membre correspondant de la Société d'histoire turque d'Ankara (*Türk Tarih Kurumu*). Le diplôme lui a été remis par l'ambassadeur de Turquie à Bucarest, Nahit Özgür, dans le cadre d'une cérémonie qui a eu lieu à l'Institut d'histoire Nicolae Iorga; en 1981, à l'occasion de l'année internationale célébrant la mémoire d'Ataturk, il fut invité en Turquie, à la *Conférence internationale Atatürk* (Istanbul, 9–13 novembre) ainsi qu'aux conférences portant sur le même sujet organisées à Bursa et à Ankara, et on lui a conféré une médaille d'or.

L'œuvre essentielle de Mihail Guboglu est réunie dans les 215 titres suivants. Il ne nous a pas été possible de rassembler la totalité de ce que le Professeur a semé à travers volumes et revues dispersés dans une foule de pays, au cours d'un demi-siècle d'activité scientifique consacrée fébrilement et honnêtement à *Clio*, qu'il s'agisse de son origine «turk», ou du pays où il a vécu et dont il a partagé l'histoire tourmentée.

«Nasrettin Hoca» [Nasrettin Hoca dans la littérature roumaine], I.

Uluslararası Türk Folklor Kongresi Bildirileri [Premier congrès international de folklore turc. Communications], Istanbul, 23-30 Haziran [juin], 1975, t. II, Ankara, Kültür Bakanlığı Milli Folklor Araştırma Dairesi, 1976, p. 67-72.

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М. П. ГУБОГЛУ

ТУРЕЦКИЙ ИСТОЧНИК 1740 г.
О ВАЛАХИИ, МОЛДАВИИ И УКРАИНЕ¹

Среди восточных источников, касающихся истории Юго-Восточной и Центральной Европы, которыми в последние годы занимаются востоковеды многих стран², турецкие источники занимают наиболее важное место не только по своей многочисленности, но и по своей значимости. Их содержание характеризует, с одной стороны, османское господство в Юго-Восточной и Центральной Европе, а с другой – быт поработанных турками народов. Одновременно их содержание дает богатые и интересные сведения о прошлом европейских народов, которые хотя и не входили в состав Османской империи, но находились с турками в определенных сношениях, что придает турецким источникам интернациональное значение. В отношении повествовательных источников известно, что с начала XVIII в. события османской истории представлены в них главным образом официальной историографией³.

Летописцы (Вак'а нювис), как и большинство османских историков, ограничивались описаниями современных им военно-политических событий. Относительно социально-экономической и культурно-художественной жизни их сочинения дают весьма отрывочные сведения.

Кроме официальных хроник перечисленных авторов, сохранились некоторые более мелкие историко-географические описания. Это мемуары, личные впечатления, путевые заметки, которые часто содержат интересный материал частного характера. Такого рода сообщения разносторонне дополняют пробелы хроник, особенно в социально-экономической, культурно-художественной, этнографической и географической областях. Они особенно важны для исследования исторической топонимии. Среди источников этой категории интересны записи, принадлежащие перу турецкого чиновника, в течение многих лет состоявшего в должности секретаря арсенала и финансовой канцелярии в Хотине в первой половине XVIII в. во время княжения

¹ Впервые опубликовано в: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Под редакцией А. С. Тверитиновой. М., 1964. С. 131-161.

² Заходер Б. Н. Изучение в Советском Союзе восточных источников по истории стран Восточной и Центральной Европы // Советское востоковедение, 1958, № 1. С. 107-113; Tveritina A. S. L'importance des sources orientales... // Actes du colloque international de civilisations balkaniques, C. N. R. U., Sinaia, 1962, pp. 49-52.

³ Наиболее известными историографами этого направления были: Мустафа На'има (ум. 1128/1716 г.), Мехмед Рашид (ум. 1148/1735 г.), Сулейман Иззи (ум. 1168/1755 г.), Кючюк Челеби-заде Измаил Асим (ум. 1173/1760 г.), Мехмед Суб (ум. 1183/1769 г.), Ахмед Васыф (ум. 1221/1806 г.), Ахмед Асим (ум. 1235/1819 г.) и др.

молдавского господаря Михаила Раковица¹. В них мы находим подробные описания Валахии, Молдавии, особенно Хотинской крепости, Буджака, Очакова, Крыма, Тамани, Азова и других городов. Кроме европейских городов и областей, автор описывает североафриканские, азиатские и даже американские страны. Он характеризует жизнь султанского двора, сообщает сведения о турецком морском флоте и т. п.

В османской географической литературе широко известны имена блестящих предшественников хотинского неизвестного автора во главе с Али Рейсом, Мустафой-бин Али, Ахмедом Ашаком, Киатибом Челеби (Хаджи Халифе)² и Эвлией Челеби³.

Общее описание восточных историко-географических источников было сделано три десятилетия тому назад немецким востоковедом Францем Тешнером⁴. Однако он не прав, когда, характеризуя работы Эвлии Челеби, утверждает, что «Эвлия является последним и, вероятно, наиболее интересным представителем османской географии»⁵. Публикуемые ниже заметки хотинского автора появились на целое столетие позже.

Рукопись на турецком языке этого ценного труда в трех томах (327 страниц) находилась в собрании ученого государственного советника Субхи-бея⁶, бывшего страстным коллекционером восточных рукописей. Известный австрийский востоковед Оттокар фон Шлехта-Вессерд (1825–1894) (генеральный консул в Бухаресте с 1870 по 1882 г.) получил копию этой рукописи от одного из своих друзей и издал немецкий перевод той ее части, которая посвящена Валахии, Молдавии, Бессарабии и Крыму («Walachei, Moldau, Bessarabien, die Krim, Taman und Azov in der Mitte des vorigen Jahrhunderts...»)⁷. Позже этот

¹ Михаил Раковица – воевода Молдовы в 1715–1726 гг. и Валахии в 1741–1744 гг.

² Джиханнома – «Описание мира», космография закончена в 1058/1648 г.; посвящена султану Мехмеду IV. Работа была переведена И. Гаммером под заглавием «Rumeli und Bosna, geographisch-Beschreiben von Mustafa bin Abdalla Hadschi Chalfa» (Wien, 1812) (См. GOW, S. 197–198 sq.). Рукопись имеется в Библиотеке Академии НРР (см.: M. Guboglu. Inventarul manuscriselor orientale din Biblioteca Academiei Române // Analele Acad. Rom., III. București, 1946).

³ «Im Reiche des Goldenen Apfels». Des Türkischen Weltenbummlers Evliya Celebi denkwürdige Reise in das Giaurenland und in die Stadt und Festung Wien anno 1665, flbersetzt, eingeleitet und erklärt von Richard F. Kreutel, Graz, 1957; «Evliya Celebija putapis», odlomci o jugoslovenskim zemljama, preveo uvod i komentar napisao Hazim Sabanovic, t. I–II. Sarajevo, 1957; Эвлия Челеби. Книга путешествий. Кн. 1, под ред. А. С. Тверитиновой. М., 1961.

⁴ Franz Taeschner. Die geographische Literatur der Osmanen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Bd 2(77). Leipzig, 1923. S. 22–80.

⁵ Ibid., S. 70.

⁶ Субхи-паша Абдул-Алатиф (ум. 1303/1887 г.) – турецкий ученый и государственный деятель. Знал несколько европейских языков. Автор ряда работ (см.: Ch. Samy-Bey Frascbery, Dictionnaire Universel d'Histoire et de Géographie (Kamus ulalam). Constantinople, 1894/1311, pp. 2935–2930).

⁷ «Ein topographisch-ethnographischer Beitrag zur Kenntnis der damaligen Türkei», aus dem Türkischen übertragen von dem C. M. Ottokar Freiherr v. Schlechta-Wssehrd (Sitzung vom 12 November 1862), – «Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien», Philosophisch-historische Klasse. Wien, 1862. S. 550–593.

немецкий текст был переведен на русский язык Ф. К. Бруном (1804–1880¹, первым переводчиком на русский язык сочинения Эвлии Челеби², под названием «Румынские княжества и Бессарабия в середине XVIII века»³. Этот частичный перевод оставался почти неизвестным до настоящего времени [он даже не фигурирует в работе «Библиография Турции» (1713–1917)» под редакцией Б. М. Данцига]⁴.

Румынский перевод этого сочинения, выполненный востоковедом Лазарем Шайняну (1859–1934 гг.)⁵ также с немецкого текста О. фон Шлехта-Весереда, впервые был опубликован под названием «Анонимная хроника о положении в румынских княжествах»⁶.

Этот перевод был использован Н. Йоргой в его «Истории румын по заметкам путешественников»⁷, где он дал ряд комментариев к содержанию турецкого труда. Второй румынский перевод с немецкого был сделан Марчелом К. Караджа под названием «Румынские княжества, как их видел турецкий чиновник в первой половине XVIII в.»⁸. О существовании более раннего румынского перевода он не знал.

Несмотря на то, что эта анонимная «хроника» несколько наивна (правда, она не содержит преувеличений, как это свойственно Эвлии), ее ценность как исторического источника несомненна. При описании румынских княжеств и их жителей автор подчеркивает природные богатства этих мест – наличие соли, селитры и других полезных ископаемых; говорит о доходах от ярмарок, об обилии фруктов; упоминает о материальных обязательствах дунайских княжеств по отношению к Османской империи, начиная с «Харача». Отмечается, что количество торгового скота было так велико, что его хватало для вывоза не только в соседние страны – Россию, Польшу, но даже в Венецию и Рим⁹.

Как и прочие турецкие летописцы, анонимный автор нашего сочинения не питает симпатий, а зачастую проявляет презрение к немусульманскому населению – христианам: румынам, русским, украинцам и т. д.

¹ Биография Ф. К. Бруна была опубликована византиноведом Ф. И. Успенским в «Записках Новороссийского университета» (т. 32, 1881, стр. 279-328).

² Эвлия Челеби, *Книга путешествий*, стр. 323.

³ См.: «Записки Бессарабского статистического комитета», т. III. Кишинев, 1868, стр. 278-300.

⁴ «Библиография Турции». М., 1961.

⁵ О нем см.: Luca Vornea, *Lazăr Şaineanu*. Bucureşti, 1938.

⁶ Lazăr Şaineanu, *Starea Tărilor Române în prima jumătate a secolului al XVIII-lea*. După un cronicar turc contemporan cu D. Cantemir, – «Revista Noua», т. III, fasc. I, Bucureşti, 1890, pp. 19-30.

⁷ N. Iorga, *Istoria Românilor prin călători*, т. II. Bucureşti, 1928, pp. 195-202.

⁸ Marcela C. Karadja, *Principatele Române văzute de un functionar turc din secolul al XVIII-lea // Arhivele Olteniei*, XII, 1933, Mai-August, pp. 263-278.

⁹ Некоторые материалы социально-экономического и политического характера можно встретить и у турецкого историка Мустафы Али (ум. 1599 г.). Так, например, он сообщает относительно дани дунайских княжеств Порте: «Во время Сулеймана [Великолепного] в Валахии насчитывалось 48 000 хозяйств, а в Молдове – 30 000. Но в результате притеснения воевод количество их все время уменьшалось. Всего лишь десять бояр являлись наследственными владельцами всей земли и располагали народом, как рабами». Подобного рода данные относительно жестокой эксплуатации народных масс крупными феодалами заслуживают внимания.

Румынские княжества, сообщает он, «представляют собою прекрасные, соблазнительные и богатые страны, но принадлежат гяурам».

Однако эти обычные для турецких авторов того времени эпитеты понятны: правоверному мусульманину не полагалось писать иначе о христианах. Для нас наибольший интерес представляет тот фактический материал, который дан в этом документе современником и очевидцем описываемых городов и событий.

При всей значительности этого историко-географического источника до настоящего времени он не был использован в достаточной мере ни румынской, ни русской и советской историографией. Так как упомянутые переводы недостаточно точны и содержат много неясностей и прямых ошибок, считаем необходимым дать более полный перевод.

Нам не удалось воспользоваться оригиналом, который, возможно, и утерян. Мы стремились составить более полный текст с рядом поправок, с новыми уточнениями, изменениями стиля и серией примечаний пояснительного характера. Для этой цели использованы и тщательно обработаны как немецкий текст, так и переводы на русский и румынский языки. Приложенный перевод, как мы надеемся, позволит исследователям еще больше оценить значение этого источника.

Историк Н. Йорга и некоторые переводчики датируют этот источник 1742 г. Мы считаем, что его следует отнести к 1740 г., потому что последним годом хиджры (далее – г. х.), на который указывает турецкий анонимный автор, является 1152 г. х., заканчивающийся 28 марта 1740 г.

ВАЛАХИЯ, МОЛДАВИЯ, КРЫМ, ТАМАНЬ И АЗОВ В ТУРЕЦКОМ ОПИСАНИИ 1740 г. (1152 г.)

I

Валахия (Эфлак)

Вначале Валахия и Молдавия представляли собой одно княжество; позднее они разделились на два княжества под сюзеренитетом Порты, управляемые каждый своим господарем (беем), имеющим ранг паши с двойным бунчуком¹. Инвеститура господаря производилась в присутствии султана по жалованию кафтана² и куки³, после чего его провожали два солака⁴ в дом, где тот [господарь] остановился. По этому случаю капуджи⁵ среднего двора (Орта Капу) получал различные подарки (пешкеши). При отъезде к месту назначения его сопровождали султанские пейк⁶, солак и капуджи вплоть до его резиденции.

В древности в Валахии обитала татарская народность скифы [чита]⁷. Император Траян⁸ поселил там 30000 пахарей. Но другой римский император вместо них организовал военные поселения, которые должны были за-

щищать от татарских набегов. В 866 г.⁹ эта страна была завоевана султаном Мехмед-ханом, именуемым Завоеватель [эл-Фатих].

Границы [Валахии]. На востоке – Молдавия, на севере – Польша, на западе – деревня Оршова у подступов к Тимишорскому воеводству и к Трансильвании, на юге – река Дунай.

Города и местности. В Валахии много городов и сел. Главный город Бюкреш [Бухарест] расположен на расстоянии 12 часов пути от Еркёкю (или Иерджеви)¹⁰ на Дунае.

Бухарест расположен на 51° долготы и 44,5° широты, на равнине на берегу реки, называемой румынским именем Дымбовица. Это хорошо построенный город с красивыми и богатыми церквями и величественными домами, в которых проживают неверные и турки. Там имеется много торговцев. У города обширные предместья, хорошо организованные рынки и две бани. В центре города на холме находится похожий на крепость монастырь, окруженный каменной стеной; из него виден весь город. Хорошо построены каменные церкви и, как я уже говорил, богато разукрашены; их купола позолочены и имеют кресты различной формы, которые видны за целый перегон. Через реку построен прочный мост. Вокруг плодородная земля с огородами и виноградниками. Метерханы¹¹ играют перед дворцом господаря ежедневно после обеда. Диван-эфенди¹², его первый ага и начальник кавалерии [татар] – мусульмане, остальные придворные сановники – неверные. Незадолго перед отходом ко сну инструментом, похожим на рожок, называемым туба, подается сигнал, после которого никто не имеет права выходить из дому. Городские корчмы все время открыты. Парни и девушки приглашают каждого встречного удовлетворить свои прихоти за ничтожную цену. Много арабов и турок отказалось от своей веры и осталось в той стране.

Другой валахский город называется Терагоша. Он расположен на равнине, недалеко от границы с Трансильванией, и имеет обширные предместья с виноградниками и садами и большую церковь. Рядом протекает большая река. Каменные дома красиво построены, и там же имеются бани и рынки. Вокруг города обширные виноградники и фруктовые сады. От Трансильвании город отделен горой.

Другая местность по дороге в Молдаву, на расстоянии почтового перегона от Бухареста, называется Куркдж¹³.

Буза¹⁴ расположен на реке с таким же названием. От него до Рущука расстояния 7 миль. Поблизости находится деревня Рымне¹⁵.

Положение страны. Валахия очень плодородная страна, и земли ее очень хорошо обрабатываются. Ее города и села, как и большинство монастырей, окружены, как крепость, каменными стенами. Чистые торговые местечки, построенные как города, обильно разукрашены; в них очень много рек, источников и садов.

В [Валахии] имеются в большом количестве жиры, мед, скот, бараны и лошади; коров и овец джелепы¹⁶ вывозят вплоть до Венеции и Польши. Лошади норовистые, но хорошие для перевозки тяжестей. Пастухов очень много, и если бы не было вывоза за границу, то продуктов страны хватило бы

и для нужд Стамбула. В некоторых селах регулярно организуются ярмарки и базары. Так, в Кырал-Ова¹⁷ и во многих местностях на границе Трансильвании собираются купцы со всех концов.

Ископаемые богатства. В Валахии находится много соляных копей, называемых окна. Под землей соль дробят на куски, а затем поднимают наверх. Эту работу выполняют преступники, которых оставляют там на всю жизнь. В Валахии имеются золотые, серебряные, медные и свинцовые разработки. Имеются также нефтяные колодцы, из которых нефть бьет из земли, как вода. Она грузится в бурдюки и вывозится в другие страны. Вблизи колодцев находятся люди, которые за магарыч в 20 или 30 пара¹⁸ поджигают нефть, и она горит большим пламенем, а дым, расстилаясь различными фигурами, изображает лошадей, верблюдов, беседки и т. д., рисуя странные картины.

Характер народа. По своему характеру валахи очень недоверчивы, а потому совершенно не способны к дружбе. Их женщины чрезвычайно красивы и весьма уважаемы, поэтому большинство дел находится в их руках. Одежда валахов похожа на венгерскую, а язык представляет смесь славянского с русским. Валахи воинственны и храбры. Они хорошо владеют луком и стрелами, ружьем и саблей. Ежегодно уплачивают господарю 100 000 червонцев. Ежегодная дань Высокой Порте равна 100 000 гурушей¹⁹. Раньше каждое десятое хозяйство должно было ежегодно давать господарю по волю или корове. Теперь же берется каждый месяц по одной. Кроме этого, за каждую голову скота уплачивается ежемесячный побор в 20 аспр, называемый окаритом²⁰, а за барана – по 10 аспр. В Валахии так много скота и баранов, что их вывозят в Россию, Польшу, Венгрию, Данциг, Богемию, Силезию, Австрию, Боснию и даже в Рим. Воск, зерно, жиры и соль поставляют исключительно в Константинополь. В начале какой-либо кампании господарь лично отправляется на Дунай для наблюдения за наведением моста. Он наблюдает за доставкой понтонов, балок, лесных материалов и досок. Вместо железных якорей они [валахи] пользуются квадратными поставленными рядом ящиками, загруженными камнями. Эти ящики опускаются на дно Дуная на канатах в 120–150 сажений²¹, переплетенных со стеблями вьющихся растений и закрепленных на понтонах, чтобы держать последние неподвижными. Для перевозки военного снаряжения и багажа турецкой армии валахи и молдаване дают внаймы 6 000 подвод. Во время войны и они вооружены саблями, ружьями, копьями, луками и стрелами.

Голову они покрывают капюшоном. Большинство их воинов конные, а пешие носят лопату и мотыгу и идут во главе армии, чтобы выравнивать дорогу... Они называются балдарами²². Валахи, как и татары, лошадям режут ноздри, чтобы облегчить им дыхание. В прежние времена их армия состояла из 60 000 всадников под водительством господаря. Они храбры и ловки в движениях. Воевода назначается Высокой Портой. Как это уже было сказано, до того, как он займет свой пост, его наделяют в присутствии султана кафтаном и кукой. Один чауш, который впоследствии несет службу знаменосца, два капуджи, пейк и соллак торжественно выступают впереди; такой же церемониал

повторяется и при въезде в Бухарест. Там этот почетный эскорт проживает в специально отведенных домах, получает одежду и деньги на дорогу, а после выдачи обычного вознаграждения отпускается с большим почетом. Воевода должен оплачивать расходы [султана] в сумме 100 000 золотых флоринов [червонцев], а затем, соответственно, он вносит определенную сумму для рейс-эфенди²³ и прочих вельмож. На байрам²⁴ султан получает соболью шубу, валиде-султан²⁵ и его гарем – собольи, лисьи и горностаевые меха, а также и тканое сукно ценою свыше 200 кошелей [кисе]²⁶. В этот же праздник великий везир и другие высокие сановники получают, кроме волчьих и лисьих мехов, сукон и тканей, также и денежные суммы и подношения жирами и медом, в зависимости от времени года²⁷, на которое падает праздник.

Как уже было упомянуто, ежегодно Валахия уплачивает фиску (мирие) 100 000 гурушей. Но так как каждый вновь назначенный воевода должен израсходовать 1 200 кошелей, получается, что этот подбор в четыре раза больше, чем фискальная подать. Во времена султана Сулеймана²⁸ в Валахии было зарегистрировано 48 000 хозяйств, а в Молдавии – 30 000. Вследствие притеснений воевод это число все время уменьшается. Десять бояр, занимающих в стране положение князей (кырал-заде), являются наследственными владельцами всей земли и распоряжаются народом, как рабами. Каждый из этих бояр собирает подать в своем уезде и вносит их в казну в Бухаресте. В стране имеется специально назначенный управляющий финансами и секретарь, учитывающие доходы и расходы. Воевода нечто вроде «великого царя». Валашский воевода по рангу стоит выше молдавского: первый имеет ранг везира, а второй – бейлербея.

II

Богдан [Молдавия]

Богдан сначала называлась Дакия²⁹. Нынешнее ее наименование Богдан происходит от особого сорта пшеницы с цилиндрическим зерном (кара-бог-дай), откуда название Кара-Богдан.

Границы. Характер народа. Города и местность. Молдавия граничит на востоке с Черным морем, на западе – с Трансильванией и Валахией, на юге – частично с Валахией, частично с Дунаем, на севере – с Днестром.

Молдаване – грубые христиане и неверные. Их воевода назначается Портой, как и валашский. Столица Яш (Яссы) расположена на 52° долготы и 47° широты, имеет базары, баню и дворец господаря, который называется курте [«двор»]. Там же находятся хорошо построенные каменные монастыри; но вообще город не так красив, как Бухарест.

В Молдавии имеется еще несколько других хорошо сохранившихся городов и сел: Сучава³⁰, бывшая резиденция [воеводы], красивый город; Яни-адже³¹, расположенный на 10 миль ближе. Затем Калас³² на Дунае, он имеет хорошо застроенные базары и несколько величественных церквей, а бани не

имеет. Там находится резиденция янычарского сердара, поставленного по просьбе начальника рыболовного садка и бояр для наведения порядка среди многочисленных лазов³³, прибывающих туда в качестве чернорабочих. Галацкий порт посещается константинопольскими и египетскими кораблями, доставляющими терновое дерево для чубуков. В Константинополь вывозятся лесные материалы и дробленая соль.

На дороге из Ясс в Хотин, на берегу Прута, расположен Чучора³⁴ – склад зерна оттоманского интендантства. Там складываются запасы зерна, закупленного в Румелии³⁵ и по Дунайскому побережью, предназначенного для снабжения как армии в случае кампании против России или Польши, так и хотинского гарнизона. Зерно грузится на суда в Томарове³⁶, селе при слиянии Прута с Дунаем, и перевозится по воде в Чучору, где и находится специальный инспектор [назыр], ведающий приемкой и хранением зерна. Это место находится от Хотина на расстоянии 42 часов пути. Фактически от Хотина и до Прута [по самой короткой дороге] «всего 6 часов пути, но проход плотов чрезвычайно затруднен массой упавших в воду деревьев, так что плоты не могут идти дальше вверх. Наиболее дальним пунктом, до которого можно добраться, является место, называемое Канлы-кепру³⁷».

Невдалеке от Чучоры на Хан-тепе³⁸ в то время добывалась в большом количестве селитра [салнит]. После смерти лаза Мустафы-аги, разрабатывавшего эти залежи, никто не пытался добывать селитру, так что некоторое время залежи не разрабатывались. Но теперь, как слышно, его сын снова занялся ими и продает селитру Константинопольскому монетному двору и в другие места по 40 аспр за окку. У него не меньше 3 000 человек, исключительно от него зависящих, он не платит молдавскому воеводе никаких податей и копает селитру, где приходится, даже под фундаментом церкви, если ему это потребовалось бы. Молдавские господа открыто восстают против подобной привилегии, но они не могут ничего поделать. Поэтому для них оказалось благоприятным занятие русскими Хотина в 1152 г. х.³⁹, как и смерть Мустафы-аги. Количество добываемой селитры было настолько значительным, что освобождало Высокую Порту от необходимости ввоза ее из других мест, больше того – оставались и излишки. Но для успешной добычи необходимо было снабдить производителя работ достаточными денежными средствами и не принимать во внимание протесты воевод против [использования] этих рудников, [чтобы не озлоблять их], так как они и без этого настоящие враги османского правительства. Разве воевода Михаил не предложил Порте в возмещение за разрушение Хотина 300 000 кошелей, 150 – Мустафе-паше кехайе бывшего диздара⁴⁰ Юсуф-паши, 50 – Мустафе-эфенди, бывшему дефтердару⁴¹ города, ныне ведающему снабжением, и 15 – пишущему настоящие строки, который в то время был секретарем управления арсенала и финансовой канцелярии Хотина; и разве он [воевода Михаил] не передал через своего агента Яманди запечатанный список указанных сумм взяток агенту Порты упомянутого дефтердара в Константинополе, в то время директора столичного архива⁴², за что был в тот же день смещен и вместо него господарем Молдавии был назначен драгоман Порты Лигор⁴³.

Но и этот оказался неверным и более подлым, чем его предшественник. Как только лишь прибыл в Хотин, он устроил так, чтобы крепость попала в руки русских. Что он потерял? Так как он имел многих покровителей [своих] в столице, удовольствовались лишь тем, что отсекли голову его брату, драгоману Порты, а он сам остался и поныне в добром здравии.

Как добывается селитра. Раскапывается земля, и на яму накладывает-ся длинная выдолбленная колода, на которой укрепляются бочонки и трубы, наполнявшиеся выкопанной землей. Сверху наливается горячая вода, которая, стекая, попадает в котел, в котором размещивается и кипит. Затем в котел кладут палочки, на которых за ночь откладывается селитра слоем толщиной в палец. Чтобы добиться лучших результатов, операцию необходимо повторять много раз. Нигде не добывается лучшей селитры, чем здесь. Турецкое казначейство приобретает ее по 40 аспр за одну окку.

Вот это все о Чучоре для того, чтобы обратить внимание в будущем на этот важный пункт.

Города и местности. На молдавской границе по дороге в Хотин, недалеко от почтовой станции Штефэнешти⁴⁴ находится дубовый лесок, называемый Крынгул Лешилор [Лех Коруси]⁴⁵. На этом месте произошла битва между поляками и молдаванами, в которой победили последние и захватили в плен польского гетмана. Его запрягли в плуг и заставили пахать. В вывернутые борозды посеяли желуди, из которых выросли большие деревья; отсюда и произошло упомянутое название.

Хотин на 50° долготы и 48° широты расположен в узкой долине Днестра на молдавском берегу. Ниже старой каменной крепости, поставленной на скале, расположены новые укрепления в форме мешков [редуты? – М. Г.]. Внутри старой крепости находится мечеть, переделанная из старой церкви, жилище джебеджибаши⁴⁶, диздара, артиллерийские казармы и дом имама и муэдзина. Эта старая крепость построена с большим искусством и умением. В погребках находятся склады, из которых имеются выходы в каменные «крытые переходы и коридоры. В прекрасные комнаты гарнизона подымаемся по лестнице, как на минарет. Легенда рассказывает, что в них помещался когда-то гарем. Посреди этой старой крепости находится источник, выкопанный в скале; его глубина 300 сажень, и он питается водой из Днестра. Там имеется талисман, оберегающий крепость, так что в ней не могут жить ни скорпионы, ни змеи, ни опасные пресмыкающиеся, ни даже куры и голуби. Последних необходимо доставлять извне, а если подержать несколько дней внутри, то они дохнут. Так же гибнут и случайно завезенные в крепость вместе с сеном змеи, как только прикоснутся к земле. Башни очень высокие, но они мало полезны, так как над ними господствуют соседние возвышенности и их легко могут достигнуть снаряды с внешних позиций, где расположен дворец паши.

Построенная за старым городом крепость имеет ворота: Константинопольские, Тимишорские, Водяные и Тайные. В наружном дворе находятся две бани, две мечети, а вблизи Константинопольских ворот много лавок; перед внутренней крепостью находится баня и ворота еничер-агаси⁴⁷, вблизи него – мечеть и казармы янычаров; наконец, на краю долины расположен по-

роховой склад. Выше – дворец паши, а перед ним дом дивана-эфенди. Через дорогу расположена богато разукрашенная общественная баня дефтердара Касым-эфенди; она похожа на стамбульские бани; перед ней колодец и мечеть покойной валиде-султан; вблизи от них суд и кладбище, где похоронен Абди-паша. Там же покоится много дефтердаров и мукабеледжиев⁴⁸. Через дорогу от входа в мечеть было расположено жилище автора [этого сочинения], где в 1136 г.⁴⁹ он потерял сына, на смерть которого составил хронограмму и сам выдолбил ее на могильной плите. На том же кладбище покоится много благочестивых мужей. Абди-паша погребен в мраморном саркофаге, красиво высеченном и богато разукрашенном, причем везирский тюрбан позолочен. Во время захвата крепости русскими [31 августа 1739 г. – М. Г.] крыша и пол мечети были разрушены, а саркофаг Абди-паши разбит.

Внутри, справа от Константинопольских ворот, находились артиллерийские казармы и помещение для повозок, темница агалов и дворец дефтердара; слева – хлебный амбар, обширный и хорошо выстроенный, подобно которому нет ни в Румелии, ни в Порте, ни в других крепостях. По указанию автора, на основании высочайшего приказа доски были доставлены молдавским воеводой, вырезаны из тамошнего горного дуба, длиной 24 локтя, шириной 2 ладони и толщиной пол-ладони. Рядом с баней дефтердара Касым-эфенди находится красиво построенная школа и арка. Предместья расположены очень далеко [от города]. Там, вблизи дома Кулчак-паши, находится переделанная из церкви мечеть Айя София, в середине рынка – мечеть дефтердара Мустафы-эфенди, а в предместье, где живут липканы, – мечеть Атак. Учителя, имамы, предсказатели, чтецы Корана, чауши и низамы⁵⁰ мечетей получают жалованье от казны, а именно – из таможенных доходов. За счет тех же доходов производится и освещение храмов. Имеется еще много других небольших мечетей, которые содержатся за счет добровольных пожертвований.

Бань всего девять. На рынке имеются изделия всякого ремесла. В большей своей части рынок крытый. Когда русские захватили крепость, они забрали деньги и товарами 25 000 кошелей. Только у одного лишь купца по имени Симон было взято 600 кошелей. Старая Хотинская крепость была завоевана раньше, султаном Османом II в 1030 г. х.⁵¹, но из-за отдаленности от столицы передана молдавским воеводам. В 1125 г. х.⁵² Абди-паша пошел с 60-тысячным войском против Чучоры, но, не желая нарушать существующие договоры, ничего не предпринял. Тогда древняя Хотинская крепость была окружена новым земляным рвом, который позже был заменен каменным. Хронограммы на воротах из золота по лазури написаны буквами талик⁵³.

Во время окончания работ по укреплению [крепости] автор этих строк был секретарем хотинского департамента боеприпасов. Возвратившийся тогда во второй раз из Египта Абди-паша был назначен, во время своего пребывания в Хотине, комендантом Очакова и сераскером⁵⁴. Он приказал отметить это событие хронограммой в 12 стихов, которая и была составлена мною, высечена на камне и позолочена. Другая хронограмма была написана на мраморе для портала Тайных ворот, за что я получил от гарнизона вознаграждение

в 200 гурушей, полкошеля и красивый кафтан. Из наследства Насух-ланш⁵⁵, обезглавленного при султани Ахмете I, было украдкой доставлено в Хотин и передано в вакф 333 экземпляра ценных книг для пользования тамошними читателями; они были положены в специальные ящики в одной из старых башен над мечетью. Тогда же были назначены библиотекарь и смотритель. В мечети янычар аги находилось под присмотром специального библиотекаря 200 томов, которые были забраны русскими и увезены в Россию, где часть их пропала, а часть попала в руки евреев, которые доставили попавшему в плен Яхье-паше несколько книг по ничтожной цене. Другие от евреев же были куплены липканами⁵⁶ и перепроданы в Константинополь и другие города. Значительная их часть и поныне находится в России. На северо-западе от Хотина, через дорогу от бывшего Сванека⁵⁷, в местности, называемой Атак⁵⁸, хотинский дефтердар Мустафа-ага учредил ярмарку и выстроил для этого на берегу Днестра большой караван-сарай, навесы для торговцев, конюшни для лошадей барышников. Там было 50 корчем, в которых проживали музыканты-поляки и красивые девушки. Двадцать янычаров охраняют там порядок. Ярмарка организуется семь раз в году. Впоследствии, узнав об этом, правительство [турецкое – М. Г.] подарило доход этих таможен секретарю дивана⁵⁹ и другим сановникам. Ныне доходы от хотинского оброка, как и от ярмарки, идут тамошнему правителю.

До прихода русских жизнь в Хотине была дешевой. Так, 2 киле пшеницы стоили 10 пара, 1 500 окка лучшей муки – 1 гуруш, 25 окка масла – 1 гуруш. Локоть польского сукна стоил от 15 до 40 пара максимум. Очень хорошую лисью шубу можно было получить за 20–30 гурушей, а мех выдры – за 2 аспры, соболя – за 8 пара, русскую лисицу – за 40–50 пара. Столько же стоила и лисица нафе [мех с живота – М. Г.]. Куний мех польские купцы продавали по 2 гуруша связку⁶⁰ и еще упрасивали тебя взять, так как на всех углах было полно. Чай, янтарь, имбирь, гвоздика и мускатный орех находились в изобилии. Корица и гвоздика стоили в лавках по 4 гуруша окка. Ткань была трех сортов: лучшая по 80 гурушей, второго сорта по 45–50 гурушей, а третьего еще дешевле. Что касается чая, позументов и янтаря, пишущий эти строки оттуда еще обратил на них внимание Порты. Особенно польский ситец вывозился отсюда в Константинополь. Локоть стоил 10 пара, а самый лучший – 40 гурушей.

Климат в Хотине очень хороший, вода чистая, много источников, холмы зеленые, как изумруд дубравы. Фруктов – яблок, груш, слив – большое обилие и великолепного качества. Имеется сорт чернослива, который так легко переваривается, что утром натошак можно съесть 500 штук. Косточки сами выскакивают наружу. В долинах растет земляника и особый сорт малины. Ее ягода похожа на ягоду шиповника, а листок – на листок крыжовника; у нее приятный мускусный запах; она вывозится в Константинополь, где продается на окка. Дикая вишня велика, как орех, а ствол дикого шиповника имеет толщину пальца. Окрестности Хотина окружены фруктовыми садами и огородами. Черешни и вишни имеются в избытке. Благодаря хорошему воздуху отсутствует лихорадка и другие подобные болезни. Любопытно, что хлеб

здесь хранится невымоленным в амбарах, иначе через месяц он сгниет. Некоторые снопы стоят так и десять лет.

Скота у жителей раньше было так много, что янычары имели по 40 000–50 000 баранов. Правда, баран или овца стоили не больше 8–10 пара. Бараны, как и белый окот, зимуют на снегу. В период отела ягненка можно купить за 8 пара, а шкуру продать скорняку за 20 пара, так что поешь жаркое из барашка и заработаешь 12 пара.

Против форта Акуб⁶¹ на возвышенности расположен Атак (Отток) – на редкость очаровательное место, на склоне которого бьют источники, как в раю. Эти сады устроены по приказу Кеман-Кеша Ахмед-аги, кехайи зятя (дамада) Мустафы-паши. Немного дальше расположена долина Киредж-хане⁶², также очень приятное место с густой тенью от дубов. Соседние возвышенности богаты источниками. Один из источников устроен сигардокибаши⁶³ Ким-оглы Махмед-агой. Имеется хронограмма, мною составленная, написанная и высеченная. Образованная из окрестных источников речка пересекает покрытую лесом долину, охватывая ее с двух сторон. Некоторые тамошние ручьи настолько полноводны, что могут приводить в движение мельницу. В поле растут дикие ирисы, похожие на морковь. Веселые луга перемежаются с садами и покрытыми дубом холмами. Поля засеяны пшеницей (кара-бог-дай) и маком, из семян которого выжимается маковое масло, а из пшеничной муки приготавливается что-то вроде плова, который едят, погружая ложку в маковое масло. Мак иногда так велик, как зерна граната. Дети берут с собой в школу одну-две головки мака и едят семена мака как сладости. Другое местное блюдо, называемое перху [?], распространилось и в Константинополе.

Что касается липканов, то 6 000 их эмигрировали когда-то из Польши в Хотин, где вступили на военную службу под начальством своих байрак-ага⁶⁴.

В 18 часах пути от Хотина, на молдавской земле, у Днестра, находятся Бендеры⁶⁵, Соворика [Соран], небольшая, но сильная крепость, расположенная на высокой горе. Каплан-паша⁶⁶ осадил ее, но не смог взять, так как она очень укреплена. Недалеко находится Ладова⁶⁷, где устраиваются ярмарки.

По дороге в Аккерман находится Левише⁶⁸, где имеется замок. Романия⁶⁹ – это город по дороге в Хотин. Близко от него Бакув⁷⁰, а недалеко от него Аджуд⁷¹.

Между Левише и Дунаем расположено Одобешти⁷², до которого день пути. Такуш⁷³ на одном перегоне от Сирета. Оттуда на одном перегоне находятся Бырлад и Васлуй.

Иснатин⁷⁴, в 12 часах пути от Хотина к границе Трансильвании, имеет большую ярмарку, которая при самых неблагоприятных обстоятельствах дает 200 кошелей. Во время постройки Хотинской крепости доход от этой ярмарки шел в пользу крепости, дефтердар которой получал доходы и со многих других местечек, что составляло еще 80 кошелей. Впоследствии эти доходы были уступлены молдаванам-гяурам⁷⁵.

В Молдавии ярмарки устраиваются в 17 различных местах, а доходы с них покрывают уплачиваемую Порте дань.

Страна между Днестром, Прутом, Хотинем, Бендерами и Измаилом на

Дунае разделена на 16 округов. Если бы передать ее под управление буджакских татар за уплату законной дани, мы были бы обеспечены, с одной стороны, от перехода врагов через Дунай, а с другой – от зловных происков молдаван. При подобном изменении обеспеченность укреплений могла бы лишь выиграть; нисколько от этого не пострадали бы и доходы, которые получает турецкая казна из Молдавии, так как кто бы ни владел страной, сможет получать столько же, и ему еще будет оставаться. Молдавия платит Порте дань в сумме 58 000 гурушей, а одни только ярмарки дают большую сумму. Население молдаван достигает 150 000 райятов. Уплачиваемая ежемесячно подать называется вакарит. Ежегодно Порте дают еще 500 лошадей и соколов.

В отношении войны молдаване похожи на валахов. Они свирепые и способные к битве. Воеводу охраняет гвардия в 500 всадников и столько же пеших, так как народ по природе очень непокорный. Наготове всегда 10 000 всадников. Они имеют свои лены. По направлению к трансильванской границе встречаются залежи золота, серебра и соли; последние называются окна. Соль добывают большими кусками. Повсюду в большом количестве овцы, крупный скот и лошади. Среди фруктов Молдавии имеется особый сорт яблок, называемых домнешти⁷⁸, которые посылают в качестве подношения ко двору воеводы. Эти яблоки крупного размера, и их можно сравнить с самым чистым сахаром. У воевод есть обычай отмечать своих сыновей специальным знаком, чтобы впоследствии делать из них бей-заде⁷⁷. Когда-то Молдавия принадлежала Венгрии, затем Польше, а позже была завоевана Портой.

Расстояния между местностями в Валахии и Молдавии весьма значительны. От Аккермана на Черном море и до Леово, расположенном на границе Молдавии, – один мензил⁷⁸. Там переезжают через Прут, а от Прута до Ясс один переход. Ближайшая затем остановка – Сучава.

От Никополя до Рушика (или Джурджий) один переход, а оттуда до Бухареста 12 часов пути. От Бухареста до Кокорешти⁷⁹ – один переход.

От Силистры, за Дунаем, и до Джукенеш⁸⁰ один переход, а оттуда до Бырлада столько же, от Бырлада до Васлуя столько же, оттуда до Котнари столько же и от Котнари до Сучавы – один переход.

От Джурджиу до Хотина первая остановка в Буданеше, вторая в Бухаресте, третья в Коршешти; оттуда до Бузэу 2 мили, далее до Рымника 3,5, оттуда до Зебруга [?] столько же, а до местечка Фокшаны один перегон. Здесь проходит граница между Молдавией и Валахией, здесь же взимается таможенная пошлина. От Фокшан до Аюда 4 мили, оттуда до Бакэу также 4 мили, далее до Романа столько же, оттуда до Себуса [?]⁸¹ столько же, потом до Сучавы 6 миль, оттуда до Сирета столько же, оттуда до Козу⁸² 11 миль, а оттуда до Хотина, через Прут, 5 миль.

От Бендер до Хотина считается пути 64 часа, от Измаила – 105 часов; столько же от Хотина до Килии. Из Хотина дорога идет через Кауле-Кёпрю в Ак-Месджидю, а оттуда через перевал Яман Йол в Бендеры, Килию и Измаил.

Буджак⁸³ – это отдельная от Молдавии страна, раньше называлась Се-раб, а теперь называется Буджак. В длину она имеет 36 миль, а в ширину 16. Граничит на востоке с Черным морем, на севере с Днестром, на юге с Дунаем, на западе с Молдавией.

Буджак – плодородная низменность. Там живут татары, они очень зажиточны. Каждый из них имеет большие стада баранов, скота, лошадей, кобыл, называемых чялджи, и двугорбых верблюдов. Последних запрягают и пользуются ими, чтобы пахать землю и для перевозок. Там в изобилии произрастают пшеница, ячмень и другие злаковые, которые вывозят на верблюдах в ближайшие местности – Килию, Измаил, Аккерман – на продажу. Овечьей шерсти такое изобилие, что автор [этих строк] в 1134 г. х.⁸⁴ мог купить в Килии за 1 гуруш 120 окка, так что окка стоит не больше 1 гуруша. А теперь ее вывозят в Польшу, так что окка продается по 2 пара. Много из этой шерсти идет на недавно созданную суконную фабрику в Бухаресте, где выделяется хорошее сукно синего цвета, по 30 пара за локоть. Для окраски в красный цвет сукно отправляют в Шиштов.

Там прекрасно, обильно растет так называемая арнаутская пшеница с мелким колосом и обыкновенным зерном. Молоко, простоквашу и топленое говяжье сало⁸⁵ вывозят в Константинополь. Аккерманские, килийские и измаильские армяне и турки, известные под названием кираджи⁸⁶, скупают товары от производителей, а затем перепродают в тех местах. И купцы занимаются продажей топленого говяжьего сала, которое они смешивают с салом курдючных овец, заливают его в банки и бурдюки и отправляют в Константинополь. Некоторые из более предприимчивых татар лично распродают свои товары, не прибегая к помощи посредников. Простокваша самого лучшего качества продается бочоночками по 1 пара за окка.

Страна Буджак представляет собою вход в великую степь Хейхат⁸⁷. На расстоянии 20 перегонов не найдешь камешка величиной даже с перстень, ни деревца длиною в палец. Поэтому тамошние жители зимой согревают печи скотским навозом, смешанным с соломой, выделяют из него кирпичи и сушат их. Другим материалом для отопления служит тростник, в изобилии растущий на болотах и стоячих водах. С наступлением зимы татары его срезают и перевозят на повозках. На верблюдах ездят здесь без седла.

Татар поселили здесь, чтобы обеспечить страну от вражеских набегов. Они находятся под управлением назначенного крымским ханом аги, который носит титул ялы-аги⁸⁸. Они имеют своих собственных султанов и особых бояр – мирза⁸⁹, делятся на различные орды, каждая со своим мирзой. При выступлении на войну идут группами, называемыми казан, под командой мирзы. Подготовка к битве состоит в том, что сгоняют в одно место лошадей, которые пасутся в степи на свободе. Затем в течение 40 дней их кормят

ячменем. Собрания татар называются яниш, то есть «широко», на которых говорят только старики, так как вмешательство молодых считается непристойным. Они очень уважают улемов⁹⁰ и благочестивых людей. В каждом округе имеется назначенный ханом судья, который может быть смещен в случае его осуждения на основании святого закона. Судьи судят справедливо и не взимают поборов под всякими предлогами, как это делают турецкие судьи, и, вынеся решение, довольствуются тем, что им дают добровольно, даже и 5 пара за иск в сумме 1 000 гурушей, к тому же еще и спрашивают, даешь ли и это от чистого сердца. Каждого судью содержит орда, к которой он принадлежит.

Вначале татар-колонистов было не больше 10 000 человек. Теперь же Буджак дает контингент в 30 000 человек, способных носить оружие, а Ногайская степь – 40 000. Численно такая вооруженная сила не представляется значительной, но так как она состоит из храбрых и воинственных людей, то внушает страх русским, полякам и венграм. Набеги на Россию обычно они делают зимой, когда замерзают реки. Захваченные города и местности они безжалостно сжигают, а жителей уводят в рабство. Грабеж называется тойум-лук⁹¹. Когда раздается клич к битве, сразу все спешат явиться. Каждый имеет по две лошади и прибывает к месту сбора часто с расстояния в сотни миль. Тогда проводится общее собрание, называемое хошейниш, а после этого отправляются отдельными группами, но на небольшом расстоянии одна от другой. В центре находится командир, называемый диб-алай⁹², либо сам хан или же один из его султанов. Их обоз (агарлык, то есть «тяжелый багаж», «груз») состоит из просяной муки.

Для добычи языка (дил) разведчики отправляются во все стороны. Так, они проникают в страну казаков, за Днестр и Буг, руководимые специальными проводниками, которые передают свое занятие от отца к сыну. Проводнику сообщается слово [пароль] и дается в руку кнут, и он идет во главе войска. Дойдя до вражеской страны, татары грабят все, что попадает, а затем поворачивают обратно. Иногда казаки для защиты загораживают свой стан составленными вокруг возами, позади которых располагают стрелков с ружьями, чтобы помешать татарам захватывать и уводить пленных. Подобные препятствия татары старались разобрать руками, если это было возможно, или же уничтожали всех находившихся в стане и шли другой дорогой. Видя, что так они ничего не могут поделать, неверные снова освобождали дорогу от заграждений.

На войне татары соблюдают самую строгую дисциплину; [пока идут вперед и] – нитки не возьмут, но при возвращении грабят все, что попадает под руку. Всех захваченных точно учитывают и, по обычаю, распределяют между собой, причем никто [из участников похода] не остается обиженным. Реки они переходят, устраивая плоты из тростника, складывают на них свой багаж и привязывают плоты к хвостам лошадей. Затем садятся голыми верхом и с бичом в руке переплывают на другой берег. Они предпочитают зимние кампании, когда реки покрыты льдом, а врагу труднее передвигаться.

Их одежда состоит из тулупа и штанов из овечьих либо лисьих шкур. Эти татары придерживаются ханефитского обряда и молятся по своим особым предписаниям.

В Буджаке наиболее значительными городами и местностями являются:

Измаил на Дунае, против Тульчи; красивый город. Путешествующие в Румелию, Крым или Россию отправляются из Тульчи, переезжают Дунай, и за островом – первый пункт Измаил. В городе красивый рынок, бани и мечети. Там находятся мутевелли⁹³ и судья. Там берут почтовых лошадей на Бендеры, Очаков и Аккерман. Ближайшая почтовая станция – Татар-Бунар⁹⁴. Оттуда, следуя по течению Дуная, достигают Килии.

Килия – сильная крепость и хорошо построенный город. Она окружена рвом. Внутренняя крепость доходит до Дуная, который подмыл часть крепостной стены. Крепость имеет свой отдельный ров, через который проложен деревянный мост. Султан Баезид Вели⁹⁵, завоевавший город, имел привычку сидеть на стуле у крепостных ворот. По его примеру комендант крепости делает так же. Потому в этом месте собирается все больше и больше нищих. Внешняя крепость имеет четверо ворот: [трое из них] набережные ворота на Дунае, у которых разгружаются плоты с дровами; водяные ворота, у которых собираются люди, продающие молоко и простоквашу в кадках. Кадка стоит 5 пара и достаточна семье на целую неделю. Там же разгружаются и продаются привезенные на лодках фрукты. Третьи ворота, называемые большими, ведут на Татарский рынок. Там между рвом и стенками находится могила, в которую люди бросают монету пара, и если они воодушевлены истинной верой, то обязательно услышат голос, отвечающий на их вопросы.

Султаном Баезидом была выстроена большая мечеть. В предместьях находятся старая баня и несколько богато построенных мечетей.

В Килии имеется свыше 60 заезжих дворов, рынки и красивые кофейни. Недалеко от таможни находятся суд и рыбный рынок под наблюдением балык-эмини⁹⁶. Там же расположены харчевни и казенные кухни, где жаркое можно приготовить бесплатно, только за жир, который стекает на сковородку [и остается в пользу казенной кухни]. Чем больше ты жарил, тем более радовались твоему приходу.

В летние месяцы в Измаиле массовое стечение народа. Здесь встречаются люди всех наций, в городе такой большой рынок, что его можно принять за ярмарку. В теплые времена года здесь все дешево. Положение меняется зимой, которая очень сурова. Основные предметы торговли: овечья шерсть, жиры, соленая рыба, икра и лошадиные шкуры (дубленые, растянутые на земле и покрашенные горчицей, они быстро сохнут).

Выше Измаила Дунай расходится на два рукава: один впадает в море у Сулина, другой протекает у Килии и пятью рукавами также вливается в Черное море. Между этими рукавами находятся покрытые лугами и хорошо обрабатываемые острова с загонами для овец; население привозит оттуда много скота и лошадей. Оттуда же привозят на продажу молоко и простоквашу. Приготовление масла и сыров им неизвестно. А простокваша зато замечательная.

Аккерман расположен у Черного моря на 38° долготы и 47° широты; это очень сильная крепость; она была взята султаном Баезидом Вели одновременно с Килией в 889 г. х.⁹⁷ Вначале комендантом там был паша третьего ранга. По причине низкой воды у пристани суда должны были становиться на якорь за 3 мили до крепости. Крепость окружена очень глубокими и широкими рвами; падающие в них неверные гибнут, турки же, наоборот, остаются невредимыми. Причину объясняет шейх Саади из Шираза⁹⁸, на которого изливается благодать Аллаха. Когда Саади находился в русском плену, был вырыт этот ров 60 благоверными мусульманами, тоже пленниками. По окончании работ они вымолили у бога пощадить упавших в ров мусульман, а смерти предавать неверных. Саади за 10 червонцев выкупил один купец, который затем выдал за него свою дочь с приданным в 40 червонцев. Когда эта женщина упрекнула своего мужа за его прошлое, он ей ответил: «Твой отец выкупил меня от русских за 10 червонцев только для того, чтобы за 40 передать в твои руки, откуда выкупиться никак невозможно».

В окрестностях Аккермана здоровый климат, а вокруг расположены как украшения сады и огороды. Села вокруг Килии в точности как татарские. Население тоже татарское. Поблизости резиденция буджакского правителя. Между Аккерманом и Бендерами две остановки: в паланке Яник и в Татар-Бунарах. По дороге из Бендер в Очаков проезжаешь через них, не заезжая в Аккерман.

Крепость Бендеры, на 58° долготы и 48° широты, расположена у Днестра. Это крайний пункт ислама против России. Раньше Бендеры были менее значительны и служили местопребыванием назначаемого крымским ханом бея с однохвостным бунчуком. В 1122 г. х.⁹⁹ шведский король, побитый русскими у Буга, вынужден был бежать в Очаковскую пустыню. Комендант этой крепости Юсуф-паша, получивший как раз тогда приказ восстановить наружные укрепления Бендер, доложил об этом султану Ахмеду [III]. Султан приказал перевезти короля в Бендеры и содержать его там за счет Порты. Русские воспользовались этим обстоятельством, чтобы объявить войну Порте, вследствие чего Бендеры были больше укреплены. В апреле следующего года русские действительно пришли со всей своей армией, чтобы занять Румелию, а может быть, даже и Константинополь. Вблизи Сорок, между Хотинем и Бендерами, были построены два моста через Днестр, которые связали этот берег с землями за Прутом. Там, у Чучоры, им навстречу выступили, с одной стороны, шведский король с бендерским гарнизоном, с другой – татарский хан Девлет Гирей¹⁰⁰ и великий везир Балтаджи Мехмед¹⁰¹ со святым знаменем.

Таким образом, окруженные со всех сторон, не имея провианта и не в силах достигнуть Прута, [русские] вынуждены были питаться древесной корой вместо хлеба и в конце концов послали министра Шеремет-оглу¹⁰² с платком в турецкий лагерь с просьбой о мире, что им было дано с условием уступки Азова и передачи Таганрога. Из Молдовы, в 16 часах пути от Хотина, и до Днестра у польской границы их сопровождали несколько везиров. Но какая польза? Таким же и остался он [Петр Великий], неверный; в 1148 г. х.¹⁰³ он снова захватил у Порты Азов.

После этого случая со шведом Бендеры стали значительной крепостью с комендантом-везиром. Крепость окружена теперь двойными стенами и глубоким рвом. Ее предместья украшены фруктовыми садами и виноградниками. Питьевую воду дает Днестр. Окрестности Бендер находятся в 18 часах пути от Килии, в 24 – от Измаила. В Бендерах есть красивые бани, мечети и рынки.

Днестр протекает у Акуба (Окопи), Сваньека*, Хотина, Сорок и Бендер и впадает в Черное море у Аккермана. Он так широк, как Шатт-эль-Араб [низовье Тигра и Евфрата], а летом его можно перейти вброд. Один из притоков находится между Сваньека и Хотинем, выше села Браха, которое видно из Хотина. В летнее время настолько мелкий, что вода не доходит до стремена [седла].

Крепость Очаков [Озю]

Расположена под 58° долготы и 46° широты на расстоянии 36 часов пути от Бендер, на реке Днепре [Турла]. Не имеет пристани, и все же корабли останавливаются там. Днепровская вода не имеет сладкого вкуса, так как морское течение проникает по речной воде вверх до крепости. Перед Очаковым находится крепость Килбуруи [Кинбурн]¹⁰⁴. Там находится резиденция коменданта крепости. Один Очаков не в состоянии противостоять набегам казачьих отрядов с Днепра, так как ширина реки там 4 мили, но может служить пристанью для русского флота. Бесчисленные причиняемые казаками неприятности привели к тому, что в 1090 г. х.¹⁰⁵ вблизи Тоган-Хисари¹⁰⁶ были построены две крепости, чтобы закрыть казакам доступ в Черное море. Вследствие постоянных нападений неверных оба укрепления пришлось сдать. Все же имеются еще два укрепленных пункта и пристань (лиман) для судов, называемая Березань¹⁰⁷.

Ниже Очакова течет Буг, называемый Ак-Су. Он течет из России. Вблизи Тоган-Хисари находится лес, называемый Карандашым-орманы¹⁰⁸, где проживают казаки-путкалы¹⁰⁹. Они происходят из владений крымских ханов; позже в Очакове, Аккермане. Бендерах и Килии они стали поденными рабочими. По этой причине их называют теп-оглу [?]. Раньше их иногда продавали в рабство стамбульским и египетским купцам, что вызывало жалобы казачьих гетманов крымскому хану, которого в некоторых районах называли сераскер – предводитель. Но это никого не беспокоило. Эти казаки невероятно воинственны и доблестны, число их примерно 12 000 человек, они носят ружья. Они не хотят иметь у себя женщин и пополняются молодежью из России и Польши, бежавшей отсюда вследствие какого-либо проступка. Однажды они были переданы Высокой Порте. Во время войны это был постоянный, готовый к битве, быстрый, как ветер, отряд легких войск. В 1135 г. х.¹¹⁰, когда крымским ханом был Менгли Гирей¹¹¹, на татар поступило много жалоб за то, что они продали не менее 500 000 казаков из различных городов и сел в Буджак в качестве рабов. Но на жалобы не обратили внимания. Русские исполь-

* См. сноску 57.

зовали недоразумения между [татарами и казаками], чтобы предложить Порте взять казачьи отряды под свою руку. Напрасно татары сопротивлялись этому. Их крик о помощи не был услышан, и, прельщенные неверными, свыше 12 000 воинственных людей были отделены и отданы России. Эта удача повысила желание русских обеспечить себе выход на Черном море. Вскоре русские захватили [Азов] Азак, в 1149 г. х.¹¹² прошли даже в Крым, взяли [крепость] Ор¹¹³, жителей которой захватили в плен и увели в Россию; лишь спустя много времени пленников освободили. Когда турецкое правительство узнало об этом, то отправило с 60-тысячным войском Мехмед-пашу, зятя [дамад] Топала Осман-паши, в качестве сераскера на Дунай. Пройдя через Каргал¹¹⁴ до Исакчи¹¹⁵ и заняв эту крепость, Мехмед-паша, однако, не получил позволения идти вперед. Между тем сюда же пришел и силахдар¹¹⁶ Сейид Мехмед-паша со святым знаменем и стал за Исакчей, где тоже остановился без движения. Тогдашний комендант Очакова Яхья-паша обратился к ним за помощью и сообщил, что русские перешли Буг и полным ходом идут на город. Но Мехмед-паша посчитал это известие чистой выдумкой и оставил без последствий письменное сообщение. Неверные же действительно направились на Очаков и начали его осаду. Их успех был облегчен взрывом порохового погреба. Часть крепости была превращена в руины, все оставшееся население, без всякого исключения, было взято в плен.

Между тем, как в этом мог убедиться и сам автор этих заметок, в Картале была сосредоточена кавалерия не менее чем из 200 000 янычаров¹¹⁷. Не видно, какая от них была польза, если они ничего не сделали для спасения города. Между тем Менгли Гирей был назначен крымским ханом и отправлен из Родоса в Каргал, чтобы снова занять Очаков. За две недели до Рузи касыма¹¹⁸ направился из Бендер к Очакову и новоназначенный сераскер Гендж Али, чтобы объединенными силами [своими и татарского хана] добиться успеха. Но вскоре наступила зима, хан, перейдя Днепр, отправился в Крым, а остаток войска рассеялся. Много раненых погибло от льда и снега. Даже главная армия вернулась в Порту [Стамбул], а русские взорвали очаковские укрепления и сровняли их с землей. После отхода [русских] Порты построила их снова.

Питьевую воду Очаков берет из колодцев на расстоянии часа от города, так как речная вода, находящаяся поблизости, соленая. Расстилающаяся вокруг равнина красива и плодородна, и климат хороший. Степь питает бесчисленные стада крупного рогатого скота, овец и лошадей. В ближайшей степи встречается много диких овец, диких лошадей и одичавших людей. Раньше население имело все необходимое [для мусульман]. Но все же они [жители] много грешили, а потому Аллах покарал их приходом неверных. Чтобы попасть из Очакова в Крым, были наведены понтоны у Килбуруна. Оттуда тянется степь на расстоянии 36 часов, вплоть до Ора [Перекопа], и называется Хейхат, где проезжающие могут оставаться две либо три ночи.

Ор [Перекоп]

У входа в Крым, на 63° долготы и 49° широты, находится полоса Земли, ограниченная с правой стороны Черным морем, а с левой – Азовским, а на расстоянии в 1,5 мили имеются укрепления вышиной с гору и ров глубиной в 6 копий и шириной в 20. У берега моря вблизи поселка находится каменный форт. Питьевую воду достают из колодцев. Цветники и фруктовые сады отсутствуют. Все похоже на остров, но климат здоровый, и зима мягкая. Из-за отсутствия дров жгут навоз. В свое время и Перекоп был взят русскими; позже правители приказали восстановить его. Он порт и бастион Крыма. К сожалению, его недостаточно ценили, иначе из него могли бы сделать самую сильную и важную крепость.

Кырым [Крым]

Это полуостров треугольной формы с поверхностью в 700 миль; на севере он связан с остальной сушей Перекопским перешейком шириной в 1,5 мили. Там живут татары. Столица, резиденция хана, называется Бахчи-Сарай. Под властью хана находятся различные города и другие местности, за исключением города Кафы и крепости Ени Кале, где правителями являются османские паши.

Кафа [Феодосия]

Расположен на 60° долготы и 47° широты; красиво построенный город и красивая крепость на расстоянии 464,5 мили от Стамбула. По правде говоря – это украшение всего острова. Ранее этот город находился под властью генуэзцев. Он был завоеван Османской Портой во времена султана Мехмеда II одновременно с Азовом и крепостью Мен-куб, когда Гедик Ахмед-паша¹¹⁹ отправился в поход на Крым с турецким флотом. Он захватил при этом в плен Менгли Гирея – потомка Хаджи Гирея¹²⁰. Пленника паша отправил в Порту, где султан Мехмед продержал его несколько дней запертым, а потом освободил. После того как Менгли Гирей признал турецкое господство, стремясь сохранить свою хотя бы временную власть, он с большим торжеством был назначен [наместником султана] и отправлен обратно в Крым в сопровождении военного османского отряда. Там его встретил Мирза-бей и с соответствующей церемонией водворил в Бахчи-Сарае. В Кафе, где, как уже было отмечено, имеет свою резиденцию турецкий бей-лербей¹²¹, татарское население относительно незначительно, зато неверных, наоборот, очень много. Они освобождают рабов и гонят их на польскую сторону и в Россию. В Кафе имеется 12 греческих церквей и 32 армянские. Когда город был завоеван Портой, население там исчислялось 6 000 семейств и 3 000 рабов. И сегодня эта местность преуспевает, имеет красивые мечети, бани, рынки и считается торговым центром, весьма притягательным для купцов из Царьграда и Трапезунда. Много тамошних бань и лавок являются собственностью общины «священных городов» Мекки и Медины. Там пребывают муфтий, кади и другие улемы.

Бахчи-Сарай

Расположенный на 64° долготы и 48° широты Бахчи-Сарай – столица Крыма. Очень красиво построенный город со здоровым климатом. Через город протекает река; в городе много цветников, парков и фруктовых садов. Там находится резиденция хана. В 1150 г. х.¹²² при Каплан Гирее¹²³ город был взят русскими, пришедшими с большим войском через Перекоп; были сожжены ханский дворец и мечеть. При этом были разгромлены и другие соседние местности, а население уведено в плен. После ухода русских замок был восстановлен, для чего из Константинополя Порта послала строительные материалы, архитекторов и декораторов. Недалеко от Бахчи-Сарая, на возвышенности, называемой Джедид-Кале¹²⁴ [!], находится называемый фортом укрепленный замок, в котором живут евреи.

Ак-Месджид [Симферополь]

Резиденция калга-султана¹²⁵ со 150 домами. Против Бахчи-Сарая, несколько дальше, находится Яблочный дворец (Эльма-серай) с европейской францисканской церковью и примерно 50 домами.

Гёзлеве [Евпатория]

Это важный город с проливом и хорошим портом. Поблизости расположен другой, маленький, город, где добывается соль. Имеет пристань, называемую Олейта [?].

Баликлава [Балаклава]

Имеет глубокий, хорошо расположенный порт, в котором корабли могут укрыться от бури. Цитадель имеет 150 домов. Дорога оттуда в Каффу каменная.

Керш [Керчь]

Расположен на 67° долготы и 48° широты, на севере от Кафы; это паланка¹²⁸ на Азовском море.

Тамань

Расположена в Азии, в стране ногайцев, против Керчи, на небольшом, но плодородном полуострове. Это город и в то же время цитадель. Она славится своим рынком. В крепости проживает мухафиз¹²⁷. Там имеется также и гарнизон. В городе красивые мечети, бани и рынки. Некоторые тамошние лавки являются вакфами «священных городов». Таманское топленое сало широко известно. В Тамани проживают купцы, которые ведут торговлю с черкесами, абазинцами и великими ногайцами. Перед Таманью находится Акынды-бурну.

Ени Кале

Был перестроен во время правления султана Ахмеда [III], при великом везире Али-паша Чорлу¹²⁸. Там имеется комендант крепости. Город расположен в Крыму, на берегу Азовского моря, которое там вдается глубоко внутрь страны.

Ребат¹²⁹ [Арабат]

Крепость была построена, чтобы препятствовать разливам морской воды во время прилива, а также набегам казаков. Во время прихода русских в Крым часть их проникла в окрестности Ребата и взяла много пленных.

Менкуб [Карасубазар]

Находится в Крыму и называется Карасу. Это укрепленный город примерно с 60 домами; в нем живут и евреи. Окрестности богаты лесом.

Карашка(?)

[Расположена] выше Тамани, в самом конце [полуострова] у пролива Азовского моря; это разрушенная крепость.

Кызыл-Таш

[Находится] в трех часах пути от Тамани на берегу Кубани. Небольшая крепость и место перехода. Считается относящимся к Тамани. У цитадели имеется мост.

Джане [Джанкой]

Это значительное село, расположенное на большой реке, которая впадает в Азовское море. Оно защищено направленным к реке рвом. Там находится Ак-Чибукбег [?], вассальный вождь черкесского хана, который командует войском, составленным из людей 300 черкесских сел; расстояние между Джане и Кызыл-Ташем составляет 6 перегонов [мензил], а оттуда до Азова пути 6 дней. Через упомянутую реку переправляются на плотах. Оттуда до Азова – пустыня.

Хырсова

Находится в 2 перегонах от Азова, по направлению к Черкесии; красиво выстроенный город. Рассказывают, что Тимур стоял здесь лагерем, но не мог взять этот город. Кажется, здесь был заключен мир, а в качестве заложников Тимур потребовал прислать ему живых воробьев. Он привязал под крылья воробьев зажженную серу и выпустил их; птицы бросились искать свои гнезда в домах и так подожгли весь город.

Темрюк

Это укрепленная крепость между Таманью и Кубанью, построена из дерева; больше всего в ней черкесов и абазинцев. Там живет мало мусульман. Оттуда до Кубани расстояния 2–3 перегона. От Тамани на Азов ведут три дороги: одна, через Джане, сделана для переходов войск и имеет 16 перегонов; другая – через Темрюк, вдоль побережья [4 остановки], особенно при замерзшей воде; и, наконец, еще одна – через Джане, средняя между обеими, упомянутыми выше, и имеет 8 перегонов. Часть дороги от Амана до Кубани идет лесом, часть – по открытому полю.

Кубань

Берет свое начало на Кавказе, течет с востока на запад и появляется вблизи Кызыл-Таша, разделенная на два рукава, один из которых впадает в Черное море, а другой – в Азовское. Земля между обоими рукавами похожа на высокий остров. Насколько мне известно, там находится крепость Адчу [Адчуев]¹³⁰, которая была построена взамен Азова. Она расположена между обоими рукавами Кубани и морем. На этом же острове находятся и Темрюк, Тамань, Кызыл-Таш и Корашка, которые представляют собой как бы дополнения к Кафе.

Азов [Aşak]

Азов должен быть описан здесь ввиду расположения его по соседству с Крымом. Азов расположен на 73° долготы и 49,5° широты, на восточном берегу Дона, на равнине и окружен перелесками. Состоит из трех цитаделей, каждая из которых похожа на старый дворец в Стамбуле, между которыми, однако, имеется связь через небольшие ворота. Со стороны суши имеется защитный ров. Все три цитадели имеют всего девять башен. Стены крепости представляют собой простые земляные валы. Цитадели называются: Таш-Кале, в которой живет янычарский ага и имеется мечеть, построенная султаном Баязидом [II]; Орта-Кале, где живет азовский бег [азак-бей], и Топрак-Кале. Азов был красивой и полезной крепостью, но в 1149 г. х.¹³¹ был все же уступлен русским.

Черкес-Керман [Черкассы]¹³²

Это остров на Дону в 7 часах пути от Азова, с земляным фортом и с русским гарнизоном в 1 000 человек.

Дон [Тон]

Это значительная река, течет с севера на юг через страну казаков, протекает перед Азовом и впадает в Азовское море. Вдоль нее казаки имеют 36 защитных рвов. От Черкес-Кермана они плавают на небольших судах [шай-

ха]. Позади этой местности, а именно – между Черкес-Керманом и Азовом, в месте, называемом Беш-Тепе, Дон разделяется на два рукава, из которых один впадает в море прямо перед Азовом, почему и называется Азак-Сую. Другой рукав называется каналыджа. Оба впадают в море через общее устье, по которому проходят в море и русские корабли. Когда-то этот пункт считали прямым выходом в море, поэтому у самого мелкого места на Верхнем Дону, где он разделяется и отходит каналыджский рукав, был построен порт для лоцманов, который был позже покинут, так как гарнизону не выплачивали жалованье. Позже был разрушен гяурами. Упомянутая река в Азове протекает, как это уже было сказано, перед самой крепостью, а через 30 миль впадает в море. У берегов вода мелкая, поэтому в 18 милях от устья мелкая вода отмечена столбами. Там, где нет столбов, грузятся суда перед плаванием на Азов. По этому водному пути, плаывая вдоль берега, суда доходят почти до Ак-Куюлара. При северном ветре морская вода отходит, а при южном ветре, по причине сильного течения, наоборот, проникает в реку, отчего у Азова речная вода делается солоноватой. Зимой река полностью замерзает, и в течение двух месяцев телеги и караваны ее переходят по льду.

Традиции и обычаи крымских татар

Эти татары среднего роста, с широкими плечами, короткой и толстой шеей, большой головой, маленькими черными глазами, в которых искрится живой темперамент, с приплюснутым, вздернутым носом и черными волосами. Они переносят холод и жару, а детей своих купают в рассоле, чтобы закалить их от холода, жары и простуды. Детей в возрасте 12 лет они начинают обучать военному делу. Одежда татар состоит из короткой лисьей шубы и шапки [бук] из лисьего хвоста. Некоторые носят овечьи шкуры мехом наружу, что производит (особенно на лошади) устрашающее впечатление. Их оружие состоит из лука и дюжины стрел в колчане, сабли и ножа. В мешке имеются ремни для ловли пленников и огниво. Мирзы носят железные шлемы и перчатки. Некоторые имеют и деревянные копья с железным наконечником. Татары передвигаются с чрезвычайной быстротой. Каждый ведет с собой по четыре-пять коней, в зависимости от зажиточности; утомив одного, пересаживается на другого. Лошади их так приучены, что как только одна начинает бежать, все остальные следуют за ней; а когда одна останавливается, останавливаются и остальные. Кроме этого, они очень сильные и резвы (несмотря на то, что не выглядят так), и никто их догнать не может.

Любимая еда татар – конское мясо. Им также очень нравится каша из муки и конской крови. Во время набегов они кладут мясо на спину коня, под седло, и когда оно смягчится до того, что из него начинает сочиться кровь, едят его. Зажиточные татары вместо воды пьют кобылье молоко, закисленное в течение двух дней какой-то закваской. Этот напиток называется кумыс. Им нравится и буза¹³³, которая всегда подается на свадьбах и празднествах. Из злаковых в Крыму растет пшеница и ячмень, а также и рис. Крымские татары, как правило, соблюдают ханефитские обряды и очень уважают улемов и бла-

гочестивых людей. Они имеют своих собственных священнослужителей и школы (медресе) независимо от турецких. Софты¹³⁴ иногда насильно отбирают у родителей мальчиков для того, чтобы обучить и сделать из них служителей религии. Все без различия новорожденные отдаются человеку, который заботится о них до достижения 7 или 8 лет. Женщины из народа не носят чадры. Во время праздника байрам парням разрешается обнимать и ласкать любую женщину, которая нравится. Если кто-либо хочет жениться на девушке, то имеет право раньше лишить ее девственности, а если она не забеременела, то он не обязан жениться на ней. Особо почетным друзьям для услаждения дается собственная раба, а если такой нет, то дочь или жена хозяина.

Когда Порты предпринимает какую-либо кампанию и если в поход идет сам хан, то с ним идет войско в 80 000 человек, а если командует калга или нуредин и ханский сын, то только в 40 000 человек. Во время атаки бьют цимбалы. Они не покидают лагерной стоянки, пока не двинется сам командир. Набеги татары обычно предпринимает зимой, потому что в это время замерзают реки, что облегчает передвижение, а неверные – русские и поляки – в это время меньше сопротивляются. Татарские кони не подковываются. В походах татары продвигаются медленно, придерживаются строгой дисциплины и даже молятся пять раз. При возвращении же, наоборот, хотя и делают по пять остановок, а об эзани и молитвах забывают. Затем скачут, быстро, как ветер, вдоль долин, не зажигая огней и не отдыхая больше четверти часа. По первому же сигналу бросаются, как поток. Во время грабежа или ночного набега их мырзаки собираются в установленном месте, где складывается награбленное. Если нет опасности, то в этом месте все отдыхают в течение трех дней. Возвращаясь домой, идут тремя подразделениями. Первое везет добычу, а за ним идут остальные два. При продаже рабов татары бесчеловечны и безжалостны, разлучают мать с дочерью, отца с сыном. Татары имеют своих собственных судей, своего хана, своего кадиаскера¹³⁵.

Всякий может приблизиться к хану и лично подать ему жалобу. Мырзаки и капитаны несменяемы, их ранг наследственный. Ханских детей мужского пола отправляют расти на Кавказ, откуда они возвращаются в родительский дом уже парнями. Дети умершего либо разжалованного хана попадают под покровительство Порты. Она дает им жилище в Стамбуле и других местах. Кому выпадает доля, то он сам становится ханом вместо своего отца. Дочери ханов также растут вне дома, а когда наступает время замужества, то их выдают за мырзаков.

- ¹ Б у н ч у к, или туг, – знак достоинства паши, составлен из двух или трех белых длинных конских хвостов, заплетенных и подвешенных к копыю, древко которого выкрашено в красный цвет, с полумесяцем на верхушке. Султан имел бунчук с семью хвостами, великий везир – с пятью, бейлербей – с тремя, румынский господарь – с двумя, санджакбей – с одним. Бунчуки несли впереди султана, господаря в торжественных случаях и при выступлении на войну. При разжаловании господаря либо паши у него отнимался и бунчук. Был отменен при султানে Махмуде II.
- ² К а ф т а н – долгополая восточная одежда, обшитая по краям золотой и серебряной нитью, с рукавами почти до земли; кафтаном в знак благоволения султан одаривал везиров, пашей и румынских господарей при назначении, в знак благодарности за хорошую службу либо за добрые вести. Официальный кафтан был трех классов: 1) хил'ат-и фахире – давался везирам и пашам с треххвостым бунчуком; 2) ала – давался пашам, румынским господарям и послам; 3) собственно кафтан – давался лицам более низкого ранга.
- ³ К у к а – 1) высокая разукрашенная страусовыми перьями шапка, специально для янычарских ага, и другая, меньшая, специально для солаков; 2) высокая шапка, разукрашенная страусовыми перьями и снаружи отделанная золотистым бархатом, которой султан одаривал румынских господарей при их назначении.
- ⁴ С о л а к – «левый». 400 янычаров (4 отряда) лучников состояли в султанской гвардии. Каждое подразделение находилось под командой солак-баши, которому помогали пейк или рикаб-солак. Начальники и 60 солаков сопровождали султана при его торжественных выходах, идя справа и слева от лошади султана. Солаки и их командиры имели особую форму.
- ⁵ К а п у д ж и – дворцовый привратник; вначале привратников было 300, а позже – 800; они охраняли первые два выхода султанского дворца. Их начальника посылали в румынские княжества при установлении на княжение либо при низложении господаря.
- ⁶ П е й к – солдаты придворной гвардии, которые числом 30 человек сопровождали султана на парадах.
- ⁷ Ч и т а – полагаем, что речь идет о гетах, предках румын, а не о скифах, как утверждают предшествующие переводчики.
- ⁸ Т р а я н – римский император, покоритель Дакии в 106 г. н. э., после сдачи Децебала.
- ⁹ 886 г. х. = 6 октября 1461 г. – 25 сентября 1462 г. Поход же Мехмеда II в Валахию был предпринят весной и летом 1462 г.
- ¹⁰ «Й е р к ё к ю, й е р к ё й» – турецкое название крепости Джурджу на Дунае, происходящее от славянского наименования Юрков. Древние турецкие хроники отмечают, что она была воздвигнута султаном Мехмедом I Челеби во время похода на Валахию в 817–819 гг. х.
- ¹¹ М е х т е р - х а н е – букв.: место, где играет турецкий оркестр. Так назывался военный оркестр, составленный из особого вида цимбал и феесов (своеобразных кастаньет).
- ¹² Д и в а н - э ф е н д и – 1) секретарь султана или великого везира; 2) секретарь-турок у господаря Валахии и Молдавии (личным секретарем господаря был обычно грек), читавший на заседаниях дивана присылаемые из Порты ферманы и редактировавший сообщения (арзухал или арз), направляемые в Османскую Порту; он же регулировал конфликты между турками и румынами, а при разборе наиболее важных дел ассистировал турецкому судье.
- ¹³ К у р к д ж е (по О. фон Шлехту), Джерджечи или Гюрджечине не установлен ни одним из переводчиков, речь может идти лишь о местечке Гергица Плоештской области; известен по восстанию кэлэрашей в 1623 г. против Александра Кокона, сына Раду Михня, воеводы Валахии (см. Marele, Dicționar Geografic al României abr., MDGR, III, pp. 508–509).
- ¹⁴ Б у з а, Б о з а – известный город Бузэу, расположенный на одноименной реке. В настоящее время – районный центр Плоештской области, РНР.
- ¹⁵ Р ы м н е – нынешний город Рымникул-Сэрат, на востоке от Бузэу; расположен на реке Рымник. В настоящее время – районный центр Плоештской области, РНР.
- ¹⁸ Д ж е л е п – чебан, так в древности называли зарубежных купцов – турок, армян, греков и

лазов, а главным образом, торговцев овцами, скупавших их в румынских княжествах, а затем перепродававших их в Константинополь. В учете им помогали румыны, называемые санджий, что означает счетчики.

17 К ы р а л - О в а (Королевская равнина) – современный город Крайова, древняя столица Олтенского воеводства.

18 П а р а – турецкая монета, равная 1/40 гуруша.

19 Г у р у ш – турецкая монета, равная 40 пара или 120 сантимам.

20 О к а р и т (от рум. *văcărit*) – обременительный налог на рогатый скот, введенный еще во второй половине XVII в. и ставший чрезвычайно тягостным по время господарей-греков (так называемых фанариотов), жестоко эксплуатировавших румынские княжества (в конце XVIII – начале XIX в.).

21 По упомянутым выше переводам, это стынжен – древняя мера длины в румынских княжествах. В Валахии были в ходу стынжен господаря Шербана (1,97 м) и стынжен господаря Константина Брынковяну (2,02 м), а в Молдавии стынжен имел 2,23 м и делился на 8 палме, 64 пармаче и 763 линии. У турок наиболее ходовой мерой был зира, то есть аршин.

22 Смысл этого термина неясен.

23 Р е й с у л - к ю т т а б, или р е й с - э ф е н д и – государственный сановник, находившийся в ведении великого везира; до начала XVII в. он был начальником султанской канцелярии, то есть первым канцлером, а впоследствии – министром иностранных дел вплоть до 11 мая 1836 г., когда этот пост был отменен.

24 Б а й р а м – турецкий праздник, продолжающийся 4 дня. Он следует после поста в месяце рамадан (большой байрам), а через 70 дней наступает малый байрам, называемый также курбан байрам, то есть «праздник жертвоприношения».

25 В а л и д е - с у л т а н – титул матери султана, который присваивался на время царствования ее сына; она пользовалась величайшим почтением и привилегиями и имела большое влияние при дворе. Валиде-султан располагала определенными доходами, поступавшими от крупных феодальных владений (хассов и зиаметов), доходившими до 20 000 аспров. Доход, известный под названием башмаклык, представлялся также султанше-фаворитке (хасеки-султан) и другим женщинам султанской семьи.

26 К и с е – 1) кошелек для денег, содержащий 500 гурушей; 2) кисет для табака.

27 Такие подношения назывались плокон байрамы, позже известны под наименованием хедийе.

28 С у л е й м а н Великолепный, или Законодатель (1520–1566).

29 Фактически Молдавия представляла собою лишь восточную часть древней Дакии.

30 С у ч а в а – город в Северной Молдавии, ее древняя столица. В 1560 г. столица была перенесена в Яссы Александром Лэпушняну по требованию турок.

31 Я н и а д ж е, или И ш н и а п р и д ж е – город Нямц [?].

32 К а л а с – главнейший румынский порт по импорту и экспорту.

33 Л а з ы – наименование кавказской народности на юго-восточном побережье Черного моря; лазы занимались торговлей в румынских княжествах, особенно в Молдавии; наименование их до настоящего времени сохранилось в румынской топонимии.

34 Ч у ч о р а, Ц у ц о р а – молдавское местечко, расположенное между Прутом и его притоком Жижней.

35 Р у м е л и я – то есть «Страна ромеев»; вначале это название относилось лишь к Фракии и Македонии, а в дальнейшем означало весь Балканский полуостров и вообще всю Европейскую Турцию.

36 Т о м а р о в а - Р е н и – небольшой город на Дунае в Украинской ССР.

37 К а н л ы - к е п р ю (Кровавый мост) исчез [?]; вероятно, находился на Пруте, у Станилешт (Хушский район).

38 Х а н - т е п е (Ханский холм – татарское наименование холма Рабый у Хуша).

39 1152 г. х. = 10 апреля 1739 г. – 28 марта 1740 г.

40 Д з д а р – комендант крепости, впоследствии стал называться мухафиз.

41 Дефтердар («хранящий реестры») – государственный чиновник, ведавший финансовыми де-

лами. Должность создана еще в конце царствования Мурада I (1359–1389). До Мехмеда II (1451–1481) имелся один дефтердар, затем появился «старший дефтердар» (башдефтердар), получавший в год 600000 акче (дирлик). При Баязиде II (1481–1512) были введены посты: румели дефтердары и анадолу дефтердары. При Селиме I (1512–1520) дефтердарат был введен в Египте (мысыр дефтердалыгы). В конце XVI в., при Мехмеде II, был учрежден дефтердарат на Дунае (туна дефтердалыгы). Начиная с середины XVII в. для них введены три титула: шыкк-и эввел, шыкк-и сани, шыкк-и салис. Все трое участвовали в заседаниях султанского дивана, занимая место слева от великого везира. Дефтердарат был упразднен в 1253/1838 г. и заменен малийе незарети.

42 Директор столичного архива, т. е. дефтеремини – хранитель реестров, архивариус.

43 Л и г о р – Григорий Гика (грек), драгоман Порты (баштерджюман) (1717–1727).

44 Ш т е ф э н е ш т и, И ш т е ф э н е ш т и – молдавское местечко на востоке от Ботошан; в настоящее время Сэвенского района.

45 К р ы н г у л Л е ш и л о р – Косминский лес, где в 1497 г. молдаване и турки сражались против войска поляков. В настоящее время относится к Сторожинецкому району.

46 Д ж е б е д ж и б а ш и – старший офицер, (забит) джебеджи, имел помощником башкетхуда и четырех кетхуда (интенданты). Войска джебеджиев предназначались для охраны и транспортирования военного снаряжения.

47 Е н и ч е р - а г а с и – командир янычаров; начальник этого войска по рангу следовал после великого везира.

48 М у к а б е л е д ж и – секретарь, ведавший сверкой переписанных копий.

49 1136 г. х. = 1 октября 1723 г. – 19 сентября 1724 г.

50 Ч а у ш и и н и з а м ы – здесь: мелкие служки мечети, следившие за порядком.

51 1030 г. х. = 26 ноября 1620 г. – 15 ноября 1621 г. (фактически была передана молдавскому воеводе Раду в 1621 г.).

52 1125 г. х. = 28 января 1713 г. – 13 декабря 1713 г.

53 Т а л и к – тип турецкого письма персидского происхождения, используемый главным образом в судебных актах (хюджджет и т. п.).

54 С е р а с к е р – командующий турецкой действующей армией, обычно паша с двойным или тройным бунчуком.

55 Н а с у х - п а ш а – великий везир (1020–1023 / 1611–1614 гг.) албанского происхождения.

56 Л и п к а н ы – 1) литовские татары; исповедовали мусульманскую религию и носили польскую одежду, молдаване называли их *чиримуши*; 2) местное войско, составленное из хотинских татар, под командой великого постельника либо хотинского пыркалаба; 3) официальные курьеры, перевозившие депеши в Константинополь и обратно (их было до тысячи человек); 4) л и п к а – курьер, называвшийся еще *турок* или *татарин*.

57 С в а н е к, или З в а н е к – в Украинской ССР.

58 А т а к – районный центр в Молдавской ССР, расположен против Могилева, на противоположном берегу Днестра.

59 Д и в а н – 1) турецкий государственный совет, представлявший собою в то же время высшую судебную инстанцию и центральный административный орган, разрешавший наиболее важные вопросы; 2) совет при румынском государе, составленный из «диванных» бояр; 3) зал господарского дворца, в котором проводились заседания дивана и т. д.

60 В тексте т у л у м – 1) кожаный мешок, кусок меха; 2) бурдюк для подсолнечного масла; 3) определенное количество (20–30) кож либо шкур.

61 А к у б, О к о п – лагерь, крепость.

62 К и р е д ж - х а н е, киреч-хане – турец. «побеленный дом» либо известь; место обжигания извести.

63 С и г а р д о к и б а ш и, правильно: загар джи-баши – командир янычарской роты, заботившийся о полковых собаках.

64 Б а й р а к - а г а с ы, или байрак-агасы – военный титул, то же, что байрактар – знаменосец.

65 Б е н д е р ы [Bend + der] – «укрепленный проход».

- ⁶⁶ Каплан Мустафа-паша (из Марзифона) – османский государственный деятель (везир) во время царствования Мехмеда IV (1648–1687), соратник великого везира Ахмеда Кепрюлюпаши, участвовал во взятии крепости Каменица (1672 г.); потерпел большое поражение в боях между Читирином и Ромадовским на Украине, вследствие чего он был на короткое время отстранен от дел.
- ⁶⁷ Ладова – может быть, это местечко Лалова (?) на Днестре, Резинского района, Молдавской ССР.
- ⁶⁸ Левише, Леушканы (?) – в Молдавии, Романского уезда, Гречештской волости.
- ⁶⁹ Романия – молдавский город Роман, расположенный на левом берегу реки Молдовы, в 3 км от ее впадения в Сирет.
- ⁷⁰ Бакэув, Бакэу – молдавский город на правом берегу реки Бистрица в 4 км от ее впадения в Сирет.
- ⁷¹ Аджуд – 1) местечко на юге Молдавии, на линии Мэрэшешти – Бакэу, Бакэуского района; 2) небольшое селение, находится в верхнем течении Сирета.
- ⁷² Одобешти – село в Бакэуском уезде, а также городское поселение в Путнинском уезде. В настоящее время – местечко в Галацкой области.
- ⁷³ Такуш, Текуч – город, расположенный в долине реки Бырлад и ее притока – ручья Текуч; районный центр Галацкой области.
- ⁷⁴ Иснати, Сняты – город на Пруте в Украинской ССР, Станиславской области.
- ⁷⁵ По всей вероятности, после 1621 г., когда Хотин был передан молдаванам, либо после 1711 г., когда его заняли турки.
- ⁷⁶ Домнешти – сорт красноватых яблок (и поныне в большом спросе).
- ⁷⁷ Бейзаде – 1) сын бея; 2) сын господаря, принц.
- ⁷⁸ Мензил – 1) турецкая конная почта с лошадьми, приученными к быстрой езде; 2) почтовая станция; отсюда название города Мизил, Бузэуского уезда, бывшая почтовая станция.
- ⁷⁹ Кокорешти – 1) населенный пункт Ботошанского района, Сучавской области; 2) село Кокара на Пруте, Кагульского района.
- ⁸⁰ Джукенеш – 1) населенный пункт в 40 км от Прута в Молдавской ССР, Лапушнянской области; 2) село у Эпурелы.
- ⁸¹ Себус, Себруш [?] – вероятно, Добруша на Днестре, Резинского района.
- ⁸² Козу, Козия – бывшая резиденция господаря в Бохитияском лесу.
- ⁸³ Бужак – юго-восточная часть Бессарабии, где проживали до 1812 г. ногайские татары. Наименование этой местности означает «треугольник» (по ее географической форме).
- ⁸⁴ 1134 г. х. = 22 октября 1721 г. – 11 октября 1722 г.
- ⁸⁵ Оно называлось червиш. Это говяжье топленое сало, снятое с костей на бойне. В XVIII в. румынские княжества были обязаны посылать в Царьград определенное количество червиша.
- ⁸⁶ Кираджи – возница, развозящий возом.
- ⁸⁷ Хейхат – древнее татарское название причерноморских либо полонезских степей. Часто встречается у Эвлии Челеби.
- ⁸⁸ Ялы-агас, или ялы-агасы – «прибрежный ага», военачальник татарских отрядов в Буджаке; главное занятие его состояло в сборе дани.
- ⁸⁹ Мирза – татарский феодал, начальник орды в Крымском ханстве, у ногайских и других татар.
- ⁹⁰ Улема – мусульманские ученые.
- ⁹¹ Тоймлюк – грабеж, от дююм – «добыча», «награбленное», «пленники».
- ⁹² Дибалай – ведающий церемониями.
- ⁹³ Мутевелли – 1) управляющий вакфом; 2) один из начальников янычаров; 3) управитель Измаильской крепости.
- ⁹⁴ Татар-Бунар (Татарский колодец) – Татарбунары, Одесской области, Украинской ССР.
- ⁹⁵ Баязид II – турецкий султан (1481–1512).
- ⁹⁶ Балык-эмини – чиновник, ведающий рыбной ловлей.
- ⁹⁷ 889 г. х. = 30 января 1484 г. – 17 января 1485 г. По другим источникам, Килия была взята 14 июля 1484 г.
- ⁹⁸ Саади из Ширази (1184–1291) – великий персидский поэт.

- ⁹⁹ 1122 г. х. = 13 марта 1709 г. – 1 августа 1710 г.
- ¹⁰³ Девлет Гирей – крымский хан (1708–1713).
- ¹⁰¹ Балтаджи Мехмед – великий везир (1710–1711).
- ¹⁰² Шеремет-оглу – Борис Петрович Шереметьев (1652–1719).
- ¹⁰³ 1148 г. х. = 24 мая 1735 г. – 11 мая 1736 г.
- ¹⁰⁴ Килбурун, Кинбурн – крепость на Украине.
- ¹⁰⁵ 1090 г. х. = 12 февраля 1679 г. – 1 февраля 1680 г.
- ¹⁰⁶ Тоган-Хисари – 1) переправа на Днестре; 2) крепость на Днестре, вблизи Очакова. Более подробно описана Эвлией Челеби, который называет ее Гази-Кермай; ныне Берислав – центр Бериславского района, Херсонской области, УССР.
- ¹⁰⁷ Березань, античный Борисфен – остров на северо-западе Черного моря, ныне город Николаевской области, УССР.
- ¹⁰⁸ Карандашым-орманы – лес моего брата.
- ¹⁰⁹ Казак-путкалы – см.: Эвлия Челеби, Книга путешествий, стр. 254, прим. 4 (Прим. ред.).
- ¹¹⁰ 1135 г. х. = 12 октября 1722 г. – 30 сентября 1723 г. Менгли Гирей правил между 1724–1730 гг.
- ¹¹¹ Менгли Гирей II – крымский хан (1724–1730 = 1136–1143 гг. х.).
- ¹¹² 1149 г. х. = 12 мая 1736 г. – 30 апреля 1737 г.
- ¹¹³ Ор («Мокрый») – Перекоп.
- ¹¹⁴ Картал («Орел») – местность в УССР, вблизи Кагула.
- ¹¹⁵ Исаки – местечко на севере Тульчинской области (Добруджа), граничащей на севере с Дунаем, отделяющим ее от Молдавской ССР, на юге – с Бабадагом, а на западе – с Мэчином. Так как эта местность представляла собой пункт переправы турок в Молдавию и на Украину, она упоминается во многих источниках и подробно описана Эвлией Челеби.
- ¹¹⁶ Силхадар (турец.) (оруженосец) – одно из подразделений султанской кавалерии.
- ¹¹⁷ Ясно, что цифра завышена.
- ¹¹⁸ Рузи-касым – мусульманский праздник христианского происхождения, соответствует Дню св. Дмитрия (26 октября — 8 ноября); у турок считается началом зимы.
- ¹¹⁹ Гедик Ахмед-паша (ум. 1482 г.) – великий везир (87–882 / 1473–1477): взял Кафу в 1474 г.
- ¹²³ Хаджи Гирей (1420–1466) – основатель династии Гиреев в Крыму. Бейлербей – управитель провинции с тройным бунчуком. Из-за отсутствия списка кафеких бейлербеев уточнить имя не представляется возможным.
- ¹²² 1150 г. х. = 1 мая 1737 г. – 20 мая 1738 г.
- ¹²³ Каплан Гирей – крымский хан, правил с перерывами: 1) 1707–1708, (1119–1120 гг. х.); 2) 1713–1716 гг. (1125–1128 гг. х.); 3) 1730–1736 гг. (1143–1149 гг. х.).
- ¹²⁴ Джедид-Кале – то же, что и Еникале, – Новая крепость на Украине; подробно описана у Эвлии Челеби.
- ¹²⁵ Калгасултан – заместитель или наследник крымского татарского хана.
- ¹²⁶ Паланка – 1) доска; 2) деревянная, укрепленная землей крепость.
- ¹²⁷ Мухафиз – комендант турецкой крепости.
- ¹²⁸ Али-паша Чорлу – великий везир (1706–1710 / 1119–1122 гг. х.).
- ¹²⁹ Ребат, или Рибат, – крепость.
- ¹³⁰ Адчу – [Аджуев?]
- ¹³¹ 1149 г. х. = 12 мая 1736 г. – 30 апреля 1737 г.
- ¹³² Черкес-Керман – Черкесская крепость.
- ¹³³ Боза, буза – кисловатый напиток вроде браги, полученный в результате брожения; наилучшего качества называется баш-буза (первокачественная брага) и выделяется из проса.
- ¹³⁴ Софты – учащийся в школе при медресе.
- ¹³⁵ Кадаскер – войсковой судья, один из видных сановников Порты, следовавший, по положению, сейчас же после великого везира; таких было два – один для Европы (румели кадиаскер), а другой для Азии (анадолу кадиаскер). Имели право контроля над армиями.

UNE SOURCE HISTORIQUE TURQUE DE 1740 CONCERNANT LA VALACHIE, LA MOLDAVIE ET L'UKRAINE

L'auteur rappelle l'importance des sources orientales et insiste surtout sur les sources historiques d'origine turque qui traduisent les traits caractéristiques de la domination ottomane dans le Sud-Est européen et le mode de vie des peuples dominés par les Turcs.

L'œuvre présentée dans cette étude porte à la fois un caractère historique et géographique et son auteur est un scribe de Hotin qui l'a composée sous forme de mémoires. L'original du manuscrit, resté à Constantinople, n'est pas accessible, et la traduction offerte a été faite d'après une version allemande de 1862 (O. v. Schlehta) en tenant compte des traductions russe (F. K. Brun) de 1868 et roumaines de 1890 (L. Sâineanu) et de 1934 (Marcela C. Karadja).

Mais ces traductions anciennes sont assez défectueuses, incomplètes et sont particulièrement confuses en ce qui concerne la toponymie. C'est pourquoi l'auteur de cet article présente cette nouvelle version de l'œuvre avec une introduction, des notes critiques et les identifications nécessaires des noms géographiques.

Cette source historique décrit, avec une très grande richesse de détails la Valachie (Eflak), la Moldavie (Bogdan), le Budjak, la ville-forte d'Ocakov (Ozu), la Crimée, la ville de Taman, la ville d'Azov (Azak) et d'autres cités. La description de ces villes est accompagnée de l'indication de leur coordonnées géographiques, ce qui rend cette source très précieuse pour établir la position topographique de certaines localités.

Ces mémoires datent cependant de 1740, et non pas de 1742 comme l'ont affirmé quelques uns des traducteurs. Car la dernière date mentionnée est celle de 1152 H., année qui finit le 28 Mars 1740.

Dans la partie introductive de son article, l'auteur discute le riche contenu de ces mémoires qui sont variés et intéressants, et met en relief certains aspects sociaux, économiques et politiques, de même que les renseignements précieux pour la toponymie.

Pour commencer, l'auteur anonyme turc parle de la Valachie et montre la façon dont les princes sont installés, la façon dont ils sont nommés par la Porte Ottomane, il indique les frontières de la Valachie, ses villes et ses villages. Après une description assez détaillée de la ville de Bucarest, avec ses églises, ses bazars et ses maisons imposantes, l'anonyme turc affirme que «la Valachie est un pays fertile et très bien cultivé».

Il le prouve par une longue énumération de ses richesses naturelles dont les mines de sel, d'or, d'argent, de cuivre et de plomb. A ceci il faut ajouter «les puits de pétrole (pacura) qui jaillit de la terre comme de l'eau».

En décrivant la Moldavie il insiste sur le mode d'exploitation des mines de salpêtre de Han-Tepesi (près de Husi). Il faut retenir l'information suivante: «Aucun pays au monde ne produit un meilleur salpêtre que celui d'ici. La trésorerie turque l'acquiert en payant 40 akce (aspres) oka» (1 oka = environ 1,283 kg.).

Les revenus des foires, dans les Principautés roumaines, dépassaient la valeur du tribut (haraci) payé à la Porte. Les légumes et les fruits et surtout les pommes de la variété dite «princières» (domnesti) se trouvaient partout en abondance. Relative-

ment aux nombreuses obligations financières des Principautés envers la Porte nous lisons que le tribut annuel de la Valachie payé à la Porte était de 100.000 gurus et, en temps de guerre, e' le devait fournir 6.000 charrettes (haraba) et des chevaux. La Moldavie ne devait payer aux Turcs que 58.000 «gurusi», 500 chevaux et des faucons pour la chasse. A un autre endroit nous lisons que le revenu des foires de la Moldavie égalait presque «le tribut payé à la Porte».

Les pays roumains étaient très riches en bestiaux et un commerce intense de bétail se faisait non seulement avec la Russie, la Pologne et les pays voisins, mais même avec Venise et Rome.

Quant à l'exploitation des pays roumains par ses princes malhonnêtes, imposés par la Porte, et par un petit nombre de boïars, le scribe anonyme est tout à fait d'accord avec les constatations de l'historien turc M. Ali et il écrit: «Du temps du sultan Soléïman (le Magnifique) on avait recensé en Valachie, 48.000, et en Moldavie, 30.000 familles – maisons (hane). Mais par suite des oppressions exercées par les voïvodes, ce nombre a diminué de plus en plus... Dix boïares, possesseurs par droit d'héritage de toutes les terres arables, disposent de ce peuple (raia) comme de leurs esclaves». De même il est intéressant de savoir que, du temps du scribe anonyme de Hotin, vers le milieu du XVIII-ème siècle, la Moldavie avait une population de 150.000 «raia».

Puis en parlant du caractère et de l'aspect extérieur de la population, l'anonyme écrit: «Les Valaques sont méfiants et incapables d'avoir des amis, et leurs femmes sont belles et honorées par tous, mais les Valaques sont des guerriers vaillants». Relativement aux Moldaves, ceux-ci sont appelés «des chrétiens brutaux et des ghiaours (infidèles)». Cette distinction entre Valaques et Moldaves se trouve chez Paul d'Alep également. La cérémonie de l'installation des princes de Valachie et de Moldavie est décrite minutieusement et l'auteur anonyme de Hotin indique les sommes d'argent que ces princes devaient payer à la Porte lors de leur ascension au trône. Puis il précise que le prince de Valachie avait un rang supérieur à celui de Moldavie, ayant le titre de vizir, tandis que ce dernier avait un rang équivalent à celui de beylerbey.

La ville de Jassy est présentée brièvement et la ville de Galatzi (Kalas) est appelée le port principal de la Moldavie à travers lequel se réalise l'approvisionnement en bois et en sel de la Sublime Porte. La ville de Tutora (Cucora) située au Nord de la Moldavie, et confondue par tous les traducteurs avec la ville de Husi qui était le centre principal d'approvisionnement en céréales (zahere) de Hotin et des armées pendant les guerres avec les Polonais et les Russes. Cet approvisionnement se faisait en passant par Reni (Tumarova), port Danube. Pour les temps plus anciens les mémoires de l'anonyme de Hotin parlent aussi de Suceava, ancienne capitale de la Moldavie.

Parmi les villes de Moldavie la plus minutieusement décrite est Hotin avec ses revenus et les richesses, surtout en bétail, de ses alentours. À propos de cette ville-forte l'auteur exprime ses idées sur les luttes contre les Russes pour la possession de cette ville-forte, et il précise le rôle joué par Abdi Pacha. Ensuite il montre que c'est à Hotin qu'ont été apportés les 333 livres provenant de la bibliothèque du grand vésir Nasuh Pacha (1611–1612) étranglé par ordre du sultan Ahmed I pour ses méfaits.

Le Sud-Est de la Moldavie appelé Budjak (le coin, l'angle) était, selon l'anonyme turc, une contrée fertile et ses habitants, les Tatares étaient riches et possédaient beaucoup de bétail, de céréales et différents produits agricoles comme par

exemple «de la graisse de boeuf fondue» (cervis). Après avoir raconté la façon de vivre de ces Tatares, il montre que ceux-ci étaient gouvernés par un aga du littoral (yal-agasy) reconnu par le Khan de Crimée et par les nobles tatares nommés «myrzak». Leur façon de combattre, leur tactique ainsi que leurs pillages sont analysés ensuite et l'anonyme affirme qu'à la différence des Turcs, les Tatares préféraient les compagnes d'hiver pour faire la guerre aux Russes et aux Polonais. Ils s'habillaient d'une peau de mouton (cojoc) et de pantalons de cuir. De ce point de vue Evliya Celebi donne des renseignements plus amples car il cite le proverbe suivant: «La nourriture des Tatares est le millet, leurs maisons sont bâties de jonc, leur habillement est fait de peaux de mouton, quand à eux ils sont des étourdis» (Seyahatname, V, 115). Suit une description des villes du «Boudjak» c'est-à-dire des villes d'Tsmaïl, de Kiliaet d'Akkerman, et aussi un court aperçu de la ville-forte de Bender. Il faut remarquer que l'importance de cette place-forte était devenue assez considérable après que Charles XII s'y fut réfugié. Car à partir de cette époque la ville-forte se trouve sous les ordres d'un vizir.

L'anonyme donne des précisions intéressantes sur les métiers. C'est ainsi qu'en parlant de la richesse en bétail et de l'abondance du Budjak en laine qu'on vendait aussi en Pologne aux prix de 2 «para» l'oka, il écrit: «Une grande quantité de cette laine est transportée aussi à la fabrique de drap de Bucarest créée depuis peu de temps où l'on fabrique un drap bleu vendu à 30 «para» l'aune. Pour le teindre en rouge on l'envoie à Sistov». D'autre part, au commencement de ces mémoires, on peut lire qu'il s'agissait d'une fabrique de drap créée en 1679 par Serban Cantacuzino, prince de Valachie, fabrique qui d'ailleurs fonctionnait d'une façon très irrégulière. Donc à cette époque (1740) elle avait de nouveau repris son activité.

Puis l'anonyme de Hotin parle de la forteresse d'Otchakov (Ozu) et aussi de la forteresse de Kilburun située vis-à-vis de la première. Il montre les relations toujours très tendues existants entre les Cosaques et les Tatares, et fait ressortir la politique de la Russie vis-à-vis de ceux-ci. La Russie voulait affermir sa position dans la mer Noire par la conquête définitive de la forteresse d'Azov. En même temps il envisage aussi les luttes de 1149 H. (173–1737) pour la conquête d'Otchakov et de la Crimée. On lit à propos des Cosaques: «Ce sont des hommes d'une vaillance telle qu'on a peine à y croire... ils ne veulent pas avoir de femmes parmi eux et leur nombre ne décroît pas grâce à l'entrée dans leurs rangs de jeunes gens qui se sont enfuis de Russie ou de Pologne à la suite de quelques délits».

À côté de ces informations politiques et militaires, on peut lire des renseignements sur d'autres sujets. Tels les faits suivants... «Dans la steppe (heihat) on trouve de nombreux moutons sauvages, des chevaux sauvages et même des hommes qui vivent à l'état sauvage». De même que dans le Budjak, qui est un prolongement géographique de la steppe, les gens brûlent en Ukraine, par manque de bois, du fumier (tezek).

Il est impossible d'omettre certaines informations relatives aux esclaves pris par les Cosaques et par les Russes, relatives aux Tatares, ainsi que celles qui traitent du grand nombre de prisonniers enlevés par les Tatares surtout en Pologne, en Russie et en Ukraine. L'anonyme turc lui-même s'écrit indigné: «Les Tatares, lors de la vente des esclaves, manquent totalement de compassion et d'humanité».

Après avoir fait mention de l'isthme de Pérecopé (Or, Ur) l'anonyme décrit la Crimée (Kyrym) avec sa capitale Bakhtchisarai (Bagce-Sarai) et plusieurs de

ses cités comme Simferopol (Ak-Mesgid) la résidence du Kalga-sultan, l'héritier du trône, ayant 150 maisons, Eupatoria (Gôsle-ve), Balaklava, Ribat (Arbat). Les villes de Kaffa et de Ieni-Kale étaient sous l'autorité de la Porte Ottomane et elles étaient gouvernées par un «munafyz». La ville de Kaffa avait à cette époque 12 églises grecques et 32 arméniennes. C'était d'ailleurs une ville commerciale importante, car les marchands de Trébizonde et de Constantinople lui rendaient souvent visite. Près de la ville d'Eupatoria il y avait des exploitations de sel. Quant à la ville forteresse de Taman, elle possédait «de belles mosquées, des bains, des marchés». En même temps la graisse de bœuf provenant de la ville de Taman était renommée.

Des villes comme Ribat, Menkub (Kara Subazar), Koroska, KyzylTas, Djane, Hîrsova (Kherstones) sont présentées et décrites brièvement. Mais la petite ville de Temruk et la région du Kouban sont décrites avec un peu plus de détails. Après avoir parlé de la place-forte d'Azov (Azâk) l'anonyme turc affirme que c'était une cité belle et utile mais qu'elle a été cédée aux Russes en 1149 H. (1737).

À Tcherkassk (Cerkes-Kerman) qui est une île, sur le Don, il y avait «une garnison russe de 1000 hommes». Suit une description détaillée du Don, qui traverse le pays des Cosaques et leurs fortifications.

Nous pouvons apprendre certains faits isolés au sujet des Ulu-Nogai, des Tcherkesses et des Abkhazes du Caucase.

Cette relation si intéressante qui donne des informations concrètes sur la Valachie, la Moldavie et sur une bonne partie de l'Ukraine, qui, d'autre part, ne contient pas les exagérations souvent trop évidentes d'Evliya Celebi, finit par un chapitre très original sur les «coutumes, les usages et les mœurs des Tatares de Crimée». Cette partie a une certaine importance pour les recherches ethnographiques. L'anonyme fait d'abord le portrait des Tatares: «Ils ont une taille moyenne, sont larges d'épaules, leur cou est court et puissant, leur tête est grosse et leurs yeux petits et étincelants, le nez épaté, et leurs cheveux sont noirs». Puis il envisage le mode d'éducation des enfants qui prennent des bains dans de l'eau très salée afin de les habituer à résister au froid. L'anonyme montre ensuite leur costume, leurs armes (le carquois et les flèches leur épée et leur poignard) et parle de leur adresse à la guerre. Leur mets préféré est la viande de cheval, et leur breuvage, le lait de jument (koumis) ainsi que la «braga» (boisson faite avec du millet fermenté) qu'ils boivent surtout aux jours de fête (bairam).

En parlant de certaines de leurs coutumes spéciales lors de la naissance des enfants ou au mariage et aux jours de fête, l'anonyme rappelle que les femmes tatares avaient un voile sur le visage.

Si le Khan lui-même prenait part à une campagne militaire de la Porte, il partait accompagné de 80.000 Tatares. Par contre, si l'armée tatare était commandée par l'héritier du trône (Kalga Sultan) ou par le «premier conseiller» (Nur-ed-Din Sultan) elle avait dans ce cas un effectif de 40.000 hommes.

La fin de ces intéressants mémoires expose le mode d'éducation des enfants des Khans des Tatares au Caucase ou auprès de la Porte Ottomane (à Iampole).

Les filles des Khans se mariaient à des nobles (myrzak) tatares. Le résumé de cette traduction pourvue de nombreuses précisions et explications, nous permet d'avoir une idée assez précise du contenu de cette œuvre riche et intéressante

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ*

Румынское востоковедение имеет свои традиции. Ряд ценных исследований румынских ученых вошли не только в историю отечественной науки, но и в сокровищницу мировой культуры. Советскому читателю знакома статья «Румынское востоковедение»¹, в которой дается представление о румынской ориенталистике до освобождения нашей страны. Предлагаемая статья представляет собой краткий обзор состояния востоковедения в Румынской Народной Республике.

После освобождения Румынии деятельность румынских ориенталистов была направлена в первую очередь на издание неопубликованных востоковедческих материалов и создание необходимых условий для их разработки, на написание статей и исследований, основанных на неопубликованных источниках, хранящихся в румынских и заграничных архивах.

Известная исследовательница М. М. Александреску-Дерска в статье «Один из фирманов султана Мустафы III»² исследовала турецко-румынские экономические отношения середины XVIII в. Автор отмечает, что Валахия неизменно уклонялась от выполнения чрезмерных фискально-административных притязаний турецких властей. К статье приложено факсимиле султанского фирмана во французском переводе, датированного июнем 1177/1764 г. Турколог А. Дечей на материалах турецких архивов в Константинополе опубликовал статью «Мирный договор, заключенный между Мехмедом II и Штефаном Великим»³. В статье делается попытка выяснить причины увеличения с 3 до 6 тыс. золотых ежегодной дани (харадж, джизья), уплачивавшейся Молдавией. А. Дечей относит этот договор к 1479 г., а историк Н. Григораш – к времени султана Баязида (1481–1512)⁴. А. Дечей опубликовал, кроме того, в «Энциклопедии ислама»⁵ ряд статей о положении румынских княжеств под османским владычеством. Один из молодых туркологов – Никоарэ Нэдежде-Бельдичану, автор очерка «Вопрос о договорах между Молдавией и Портой в свете хроники И. Печеви»⁶, опубликовал статью «Принимали ли румыны

участие в битве при Анкаре?»⁷. Опровергая мнение А. Дечея, что валахи князя Мирчи Престарелого не участвовали в сражении при Анкаре в войсках Баязида⁸, Н. Бельдичану высказывает предположение о наличии румынских бойцов в турецких отрядах на Балканском полуострове, что, однако, маловероятно.

Проф. Джуреску, рассматривая вопрос о влиянии тюркских народов на румын, предполагает не ограничиваться исследованием истории османов, а изучить также историю ряда народностей, говоривших на тюркских языках⁹. В статье «Турецкие книги, напечатанные в Бухаресте» (1701, 1768)¹⁰ К. Джуреску высказывает предположение, что первая турецкая книга была напечатана в 1701 г. греческим шрифтом. Рассматривая содержание турецких книг, автор отмечает, что они сыграли важную роль в истории культурных связей Румынии с Ближним Востоком.

В исследовании «Ибраильская Райя»¹¹ проф. Раду Периану доказывает, что румынская крепость Браила подпала под власть турок в 1540 г., а через два года в ведение турецкой администрации перешла также прилегающая к ней территория, превращенная в военную зону.

Ряд работ в области туркологии написан автором настоящей статьи¹².

⁷ Nicoară-Nadejde Beldiceanu. Les roumains ont-ils participé à la bataille d'Ankara? «Balcania», VIII, 1945, p. 145–153.

⁸ Aurel Decei. Participat Mircea cel Bătrîn la bătălia de la Ankara // Revista Istorică Română, vol. VII, fasc. III–IV, 1937, p. 339–357.

⁹ См. «Ulus», sayı 5–6, birinci Teşrin, 1944.

¹⁰ C. C. Giurescu. Livres turcs imprimés à Bucarest (1701–1768) // Revista Istorică Română, vol. XV, fasc. III, 1945, p. 275–286.

¹¹ Radu I. Perianu. Raiua Brailei // Revista Istorică Română, vol. XV, fasc. III, 1945, p. 28–333.

¹² M. Guboglu. Sultani și mari dregători otomani (Султаны и высшие османские сановники) // Hrisovul, VII, București, 1947, p. 49–136. Исследование дает краткий обзор турецкой истории, в качестве приложений приведены хронологические таблицы султанов (1300–1922) и учреждений (начиная от основания империи и до 1877/1878 гг.); «Tabele sincronice. Datele hegirei și datele erei noastre. Cu o introducere în cronologia musulmană». București, 1955, LXII + 334+4 pl. («Синхронические даты мусульманской эры и нашей эры»). Эти таблицы, кроме сравнительных дат с 622 до 1420/2000 г., содержат в себе и второй календарь («таквим») административно-финансового характера (сене-и малие), бывший в употреблении в Турции с 1086/1676 и по 1341/1925; «Inscripția sultanului Suleiman Magnificul în urma expediției în Moldova din 945/1538». Studii..., anul. IX, № 2–3, 1956, p. 107–124 + 1 pl. («Надпись султана Сулеймана Великолепного после похода в Молдавию в 945/1538 г.»). В статье прослеживаются древние турецко-молдавские связи, отмечается важность надписи как источника для периодизации истории этих связей. Транскрипция, перевод и факсимиле надписи сопровождаются анализом лингвистических элементов; в сотрудничестве с М. Мустафой «Răscările țărănești din Imperiul otoman (1418–1420), și bedreddinizmul» // «Studii...», anul X, № 2, 1957, p. 137–158. («Крестьянские восстания в Османской империи (1418–1420) и бедреддинизм»); «Inventarul manuscriselor orientale din Biblioteca Academiei Române». «Analele Academiei Române». Mem. sect. ist. s. III, t. XXVIII, mem. 4, București, 1946, p. 16–51. «Перечень восточных рукописей, хранящихся в Библиотеке Румынской Академии». Большинство рукописей арабского, персидского и турецкого происхождения, несколько армянских и одна уйгурская; библиографическая статья «Румынское востоковедение» («Orientalistică română». «Studii și articole de istorie». Societatea de științe istorice și filologice din R. P. R., I. București, 1956, p. 314–350), содержащая обзор румынских исследований в различных областях востоковедения, начиная с середины XVII в. Вариант этой работы был опубликован в Праге на французском языке в журнале «Archiv Orientalni», XXIV, 3, 1956, p. 454–475; «Manuscritele și tipăriturile orientale din fondul «T. Cipariu» al Bibliotecii filialei din Cluj

* Впервые опубликовано в журнале: Советское востоковедение, М., 1958, № 3. С. 144–150.

¹ М. Губоглу. Румынское востоковедение // Очерки и статьи по истории, т. I. Бухарест. Общество исторических и филологических наук РНР, 1956, с. 314–349.

² М. М. Alexandrescu-Dersca. A propos d'un firman du Sultan Mustafa III // Balcania, VII, 2, Bucarest, 1944, p. 363–391.

³ Aurel Decei. Tratatul de pace – sulhnâme – încheiat între Sultanul Mehmed II și Ștefan cel Mare // Revista Istoria Română, vol. XV, fasc. III, 1945, p. 465–494.

⁴ N. Grigoraș. A existat un tratat de pace între Mehmed II și Ștefan cel Mare. Iași, 1948, 25 p. (Extras).

⁵ Aurel Decei. Boğdan // İslâm Ansiklopedisi, 19. cüz. istanbul, 1949, s. 697–705; Bucak // İslâm Ansiklopedisi, 20 cüz., 1944, s. 742–747; Demir-Kape // İslâm Ansiklopedisi, 26. cüz., 1945, s. 522–524 u. 27 cüz., s. 525–526; Dobruca // İslâm Ansiklopedisi, 28 cüz., 1946, s. 628–643; Eflak // İslâm Ansiklopedisi, 31. cüz., 1946, s. 178–189, etc.

⁶ Nicoară-Nadejde Beldiceanu. Problema tratatelor Moldovei cu Poarta în lumina cronicii lui Pecevi // Balcania. V. I. 1944, p. 393–408.

Следует также отметить исследование М. Аблай Ионеску «Одно из событий периода борьбы против османского ига, упоминаемое в некоем неизданном фирмане» (октябрь 1559)¹³. Автор уточняет ряд данных о волнениях, последовавших после-смерти князя Валахии Мирча Чобанул.

Проф. В. Мачиу подверг критической оценке сочинения прогрессивного деятеля Иона Ионеску де ла-Брад (1890)¹⁴. Некоторые из этих сочинений содержат описания Османской империи.

Из молодых туркологов можно упомянуть И. Матея, кроме ряда рецензий¹⁵ написавшего очерк «Турецкое влияние на некоторые румынские феодальные учреждения» (1957)¹⁶, а также Г. Флореску, опубликовавшего обстоятельную статью «Материалы к изучению юридической стороны хатишерифов, относящихся к румынским княжествам»¹⁷.

Несколько румынских исследователей опубликовали статьи в связи с 500-летием завоевания Константинополя турками. Так, М. Шесану принадлежит статья «Падение Константинополя и православные народы»¹⁸, Т. Попеску – очерк «500 лет со дня падения Константинополя»¹⁹. Однако оба автора не использовали турецких хроник и поэтому не смогли выявить полностью внутренние факторы, способствовавшие капитуляции византийской столицы.

Доцент Бухарестского университета Эужен Стэнеску в статье «Государственный переворот 1538 г. и его значение в порабощении Молдавии Оттоманской империей»²⁰ анализирует условия, способствовавшие потере

a Academiei RPR». «Limba și literatură, III, 1957, p. 147–166 (Societatea de științe istorice și filologice). («Восточные рукописи и книги, составляющие фонд “Т. Чипариу” в библиотеке Клужского отделения Академии Румынской Народной Республики»); «Dimitrie Cantemir și istoria Imperiului» «Studii și articole de istorie», 11, 1957, p. 279–309 («Дмитрий Кантемир и история Оттоманской империи»). В сотрудничестве с проф. К. Джуреску М. Губоглу отобраны и прокомментированы 325 восточных терминов, вошедших в «Румынский энциклопедический словарь» («Dicționar enciclopedic...»); «Orientalistică în URSS». «Comunicări și Conferințe». Anul Academic 1947–1948. București, Editura «Cartea Rusă», 1948, p. 11–4 (Institutul de Studii Româno-Sovietic. Secția de istorie-filologie).

Автору настоящей статьи принадлежит также статья «Востоковедение в СССР» и ряд рецензий на работы востоковедов Советского Союза и стран народной демократии (см «Analele româno-sovietice». București, 1948, 1949, 1950, 1951, 1952 и др. Studii și Cei cetări de istorie Medie». Ed. ARPR, 1950, 1951; «Studii. Revistă de istorie», 1954, 1955, 1956).

¹³ A. M. Ionescu. Un episod din lupta împotriva jugului otoman, după un firman inedit (Cca 31 oct. 1559) // Studii și cercetări de istorie medie, vol. I, 1950, p. 242–245.

¹⁴ V. Maciu. Ion Ionescu de la Brad, luptătorul revoluționar gînditorul progresist // Studii..., anul VII, № 7, 1954, p. 145–160.

¹⁵ См.: Analele româno-sovietice. București, 1950, № 4.

¹⁶ Studia et acta Orientalia, II. 1957.

¹⁷ G. G. Florescu. L'aspect juridic des khatt-i cherifs. Contribution à l'étude des relations de l'Empire ottoman avec les Principautés Roumaines // Studia et acta Orientalia, 1957/1958, I, p. 121–148.

¹⁸ M. Sesan-Sibiu. La chute de Constantinople et les peuples orthodoxes // Byzant noslavica, XIV. Prague, 1953, p. 271–282.

¹⁹ Popescu. Cinci sute de ani de la căderea Constantinopolului // Orthodoxis, vol. V, № 3, 1953, p. 381–437.

²⁰ Eugen Stănescu. Le coup d'état nobiliaire de 1538 et son rôle dans l'asservissement de la Moldavie par l'Empire ottoman // Nouvelles études d'histoire. Editions de l'Académie de la République populaire Roumaine. Bucarest, 1955, p. 241–264.

независимости Молдавии в результате похода Сулеймана Великолепного. Автор использовал при этом переводы из турецких хроник (летописей) того времени (Мустафа Джелал-заде, Насух Матракчи, Рустем-паша, Лютфи-паша, Мухи ад-дин аль-Джемали и А. Феридун Руксан-заде)²¹.

Среди румынских лингвистов-туркологов выделяется Вл. Дримба. Он напечатал ряд обстоятельных статей в области лингвистики и филологии, представляющих определенную ценность для изучения добруджской диалектологии, в частности: «Румынские элементы в турецком языке»; «Турецко-румынские синтаксические и фразеологические параллелизмы»; «Заметки по румынской лексикологии, турецкие элементы»; «Дискуссии вокруг алфавита татарского языка в Добрудже»; «Турецкие заимствования в румынских южнодунайских диалектах»; «Алфавит татарского языка в Румынии»; «Исследования о древнем языке Добруджи»; «Экспериментальное исследование турецкого согласного d»; «Библиография тюркской и алтайской лингвистики»²².

В связи с этим следует отметить А. Н. Джафера, И. Зийядина, С. Абдулаха Муратча, Х. Аблайя, С. Хусейна, А. Османа, М. Мустафу и других, составивших ряд учебников для национальных школ турецкого и татарского меньшинств, проживающих в Добрудже. За годы народно-демократического режима татарское национальное меньшинство в Добрудже создало свои школы и учебники на родном языке.

Проф. Эм. Виртосу, продолжая изучение старинных турецких печатей²³, среди других работ издал изображения различных печатей, принадлежавших румынским князьям Г. Д. Бибеску (1843), А. Д. Гика (1856–1858) и другим, с надписями на османском языке. Серьезное внимание уделяет восточной нумизматике исследователь К. Илиеску, опубликовавший работу «Клад, состоящий из турецких монет-аспр XVI в.»²⁴. В его статьях можно найти ценные сведения об арабских, турецких и татарских монетах, имевших хождение в румынских княжествах.

Нельзя не упомянуть очень важную статью К. Джуреску «О румыно-египетских связях и участии Румынии в постройке Суэцкого канала»²⁵.

²¹ Там же, стр. 240–250.

²² Vladimir Drimba. Elemente românești în limba turcă // Dacoromania, voi. XI. Cluj, 1948, p. 196–202; Paralele sintactice și frazeologice turco-române // там же, стр. 202–212; ego же Note de lexicologie aromîne. Elemente turcești // Studii și cercetări lingvistice, anul IV, 1953, p. 218–224; ego же. Discuția asupra problemei alfabetului limbii tătare din Dobrogea // Limba română, Anul V, 3, 1956, p. 70–77; ego же. Imprumuturi turcești în dialectele suddunărene // Studii și cercetări lingvistice, VII, 1957, 10 p.

²³ Emil Vîrtosu. Sigilii românești cu legenda în limba turcească, veacul al XVII–XIX-lea // Hrisovul, voi. II, 1942, p. 16 + 1 pl; ego же. Sigilii cu inscripția în limba otomană // Studii și cercetări de numismatică. Ed. Acad. RPR, voi. I, 1957, p. 347–352.

²⁴ Octavian Iliescu. însemnări privitoare la descoperiri monetare // Studii și cercetări de numismatică. Ed. Acad. RPR, vol. I, 1957, p. 461–466: a) Monete arabe (sec. VIII) și a le Hoardei de Aur (sec. XIII–XIV); b) tanka indiană (1352); c) altuni turcești (1520–1604); ego же. Un tezaur de monete turcești în secolul al XVI-lea // Studii și materiale de Istorie. București, 1958.

²⁵ Const. C. Giurescu. Despre relațiile româno-egiptene și construirea canalului de Suez // Studii. Revista de Istorică. anul X, № I, 1957, p. 91–109.

В сообщении «Из восточных печатных произведений в Бухаресте в XVIII в».²⁶ А. Дечей описал греко-арабский часослов, напечатанный Антимом Ивириану в 1709 г. Это третий обнаруженный до сих пор экземпляр часослова²⁷, представляющий теперь библиографическую редкость. Х. Стэнеску в статье «Мусульманские светские и духовные памятники в турецком Ибраиле (1540–1829)»²⁸ описал некоторые турецкие постройки и молитвенные здания (*mescid*), упоминаемые Н. Йоргой²⁹.

В области кавказоведения можно отметить работы д-ра Г. Ивэнеску: «Происхождение армянского языка», «Первобытное отечество», «О расселении и культуре яфетов», «Пособие для изучения сравнительной грамматики яфетических языков» и статью Д. П. Богдана о румыно-грузинских связях в XVIII в.³⁰

Немалым числом работ представлено индоведение. Известный санскритолог профессор Ясского университета Т. Сименский опубликовал статьи: «Бхагавадгита» и «Йога», а также переводы «Бхагавадгиты», «Афоризмы из Упанишад» и другие. Особого внимания заслуживает его труд «Конструкция глагола в индоевропейских языках»³¹, в котором подробно излагаются некоторые принципы синтаксиса дополнения, ранее кратко изложенные им в работе «Глагольное дополнение, которое означает “понять” у Гомера»³². Синтаксис падежей был одним из наименее разработанных разделов сравнительной индоевропейской грамматики. Большая часть приводимых в труде Т. Сименского примеров взята из «Ригведы» и у Гомера. Он исследовал, кроме того, переводы с санскрита, сделанные румынским поэтом Георгием Кошбуком (1868–1918). Результатом исследования явилась работа «Санскритская антология Кошбука»³³, устанавливающая подлинные тексты и немецкие переводы, которыми пользовался поэт. С именем Сименского связано также исследование «Хеттский язык и его роль в сравнительной грамматике»³⁴.

В развитие своей работы «Термины греческой культуры эгео-азиатского происхождения» проф. Вл. Бэнэциану опубликовал исследование «Гре-

ческие наименования эгео-азиатского происхождения, образовавшиеся при посредстве суффикса „-ано“ . Названия растений»³⁵, в котором речь идет о культурном влиянии Востока на континентальную Грецию и анализируются некоторые греческие термины эгео-азиатского происхождения, обозначающие названия растений. В статье «Относительно неясного греческого термина ἥρωζ» Вл. Бэнэциану³⁶ рассматривает различные значения и смысл слова ἥρωζ.

Один из молодых румынских индоведов – Серджиу Ал. Джеордже в очерке «Миф об атмане и происхождение идеи абсолютного в индийской философии»³⁷ исследует происхождение идеи «абсолютного» в индийской философии в связи с терминами «брахман» и «атман». Автор старается найти сходство между мифом об «атмане» и местными религиозными системами.

Изучению персидской литературы посвящены работы Отто Штарка. Он перевел ряд текстов Омара Хайяма, Саади и Хафиза³⁸, написал о них несколько очерков и подготовил к печати труд «Мировоззрение Саади в поэмах „Бустан” и „Гулистан”».

Исследованием восточного искусства занимается Глия Бэнэциану. Ею опубликованы статьи в журнале «Нор Кеанк»³⁹: «Миниатюра в средневековой Армении», «Мозаичное искусство в Армении», «Декоративная мозаика в средневековой Армении», «Проблема армянской фрески» и «Армянское влияние в школе миниатюры в Драгомирне». Ряд работ написали китаевед Золтан Франьо и японовед Ион Тимуш. Из молодых исследователей китаеведением занимается Г. И. Константин. Он, однако, интересуется также и вопросами турковедения и монголоведения. В сотрудничестве с Нелли Клежан, урожденной Чжао Цзин-пу, Г. И. Константин опубликовал на страницах румынских и китайских журналов интересные переводы, в частности отрывки из сочинений румынского писателя И. Луки Караджале, и разработал ценный метод транскрипции китайской фонетической системы. Этот метод был одобрен известным китайским лексикологом Лу Чжи-вэем и советским китаеведом проф. И. М. Ошаниным. Г. И. Константин представил также ряд сообщений на Всесоюзном совещании востоковедов, в Ташкенте и на Конференции молодых китаеведов в Марбурге.

Проф. Арам М. Френкиан опубликовал труд «Восток и происхождение субъективного идеализма в европейской философии»⁴⁰, в котором исследуется вопрос о восточных влияниях на Грецию. Вслед за Т. Гопфнером автор

²⁶ Aurel Decei. Din tipăriturile orientale la București în secolul al XVIII-lea // Revista Istorică Română, vol. XV, fasc. III, 1945, p. 365–371.

²⁷ Ion Bianu și Nerva Hodoș. Bibliografia românească veche 1508–1830, t. I. 1508–1716. București, 1903, p. 543–546.

²⁸ H. Stănescu. Monumente musulmane civile și religioase din orașul Brăila // Studii și cercetări de istoria artei, anul III, 1–2. Ed. ARPR, 1956, p. 298–318.

²⁹ N. Iorga. Moschei pe pământul românesc // Buletinul Comis. Monument. Ist. nr. 23, 1929, p. 184–187.

³⁰ P. Bogdan. Legăturile țării românești cu Georgia. Antim Ivireanul // Studii..., anul IV, nr. 4, 1950, p. 131–163.

³¹ Theofil Simenschi. Bhagavadgita // Ethos, vol. I. Iași, 1944, p. 101–106; *его же*. Yoga // Cetatea Moldovei, anul XII, № 2, 1944, p. 156–163 (Extras, 7 p.); *его же*. Bhagavadgita. Ed. «Casa Scoalelor». București, 1944, 108 p.; Aforisme din Upanișade // Ethos, vol. IV. Iași, 1947, p. 118–128; La construction de verbe dans les langues indoeuropeennes // Jassy, 1949, XI. 279 p.

³² Theofil Simenschi. Les complemente des verbes qui signifient «entendre» chez Homere. Iași, 1927.

³³ Theofil Simenschi. Antologia sanscrită a lui Gh. Cosbuc // Anale științifice Universității Al. I. Cuza, t. II, fasc. 1–2. Iași, p. 68–139.

³⁴ Theofil Simenschi. Limba hitită și rolul ei în gramatica comparată // An. Acad. Rom. Mem. secț. literare, s. III, t. XIII, 1944, 47 p. (Extras).

³⁵ Vlad Banașeanu. Noms grecs d'origine egeo-asianique, formes au suffixe – «ano». I Les noms de plantes... // Revue des etudes indoeuropeennes, anul IV, 1947, 40 p. (Extras).

³⁶ Vlad Banașeanu. A propos d'un terme grec obscur «ἥρωζ» // Revue des etudes indoeuropeennes, anul IV, fasc. 1–2, 1947, p. 220–226.

³⁷ Sergiu Al-George. Le mythe de l'atman et la genese de l'absolu dans la pensee indienne // Revue des etudes indoeuropeennes, anul IV, fasc. 1–2, 1947, p. 227–241.

³⁸ Otto Stark. Omar Khaiam, Sadi și Khafiz // Contemporanul, Flacăra și Viața Românească. București, 1948–1956.

³⁹ См.: Nor-Keank. București, 1955, 1956, 1957.

⁴⁰ Aram M. Frenkian. L'Orient et les origines de l'idealisme subiectif dans la pensee europeenne, t. I, La doctrine theologique de Memphis (L'Inscription du roi Shabaka). Paris: Geuthner, 1946.

отрицает наличие восточных влияний в Греции до III в. н. э., утверждая, что лишь начиная с Гекатайоса из Абдеры стало распространяться мнение, что греческая философия зародилась под влиянием Востока. А. М. Френкиан считает, что подробные сведения из разных областей знания греки заимствовали от восточных народов и использовали эти сведения впоследствии при создании своей философии и науки. Сравнительное изучение египетских и греческих текстов приводит автора к заключению, что в отличие от древнегреческой философии, допускавшей существование первичных элементов (веществ), превращение (или устройство) которых привело к сотворению мира, египетская философская доктрина объясняла сотворение мира божественным словоповелением. Это дает автору основание утверждать, что в области философского мировоззрения Египет не оказал никакого влияния на Грецию. Влияние Востока начинает сказываться только после завоеваний Александра (Великого), когда два античных мира – Восток и Запад приходят в более тесное соприкосновение.

А. М. Френкиан опубликовал также статьи «Эпопея Гильгамеша и поэмы Гомера»⁴¹ и «Шумеро-аккадские, египетские и греческие исследования в области математики»⁴².

В Румынской Народной Республике ведется значительная работа по переводам на румынский язык различных произведений в области истории, литературы, философии и искусства восточных народов. Так, переведены книги: Сочинения Мао Цзэ-дуна (т. I–IV), «История древнего Востока» В. Авдиева; «Золотая Орда и ее падение» Б. Грекова и А. Якубовского, «Новая и новейшая история Китая» Г. Ефимова, «Древний китайский философ Лао-цзы и его учение» Ян Хин-шуна, «Поэмы» Назыма Хикмета, «Асфальтовая дорога» Сабахатина Али, «У нас в Анатолии» Махмуда Макала, «Из китайской классической поэзии» и другие. К сожалению, переводы не всегда делаются с подлинника и поэтому несколько теряют свою ценность. Некоторые румынские произведения прогрессивного направления были переведены на восточные языки. Например, роман известного писателя Михаила Садовяну «Митря Кокор» переведен на китайский, корейский и другие восточные языки.

Несмотря на очевидные успехи румынского востоковедения, развитие его нас все же не удовлетворяет. В течение первого послевоенного десятилетия исследования велись неорганизованно, беспланово. Большинство напечатанных работ написано с устаревших позиций. Нередко обходились вопросы новой и новейшей истории. Важным этапом в истории развития румынского востоковедения явилось создание «Общества восточных исследований РНР» (4 ноября 1956 г.). Позднее Общество было реорганизовано в Отдел востоковедения Общества исторических и филологических наук. Отдел объединяет

до 50 востоковедов. Некоторые из них своими трудами уже завоевали прочное место в науке.

Отдел изучает арабский и древнееврейский (параллельно ведутся исследования в области ассириологии), санскритский, армянский, древнеперсидский, хеттский, грузинский (параллельно изучается кавказоведение), китайский и японский языки. Значительное число членов Отдела – туркологи, поэтому большое внимание уделяется изучению староосманского языка, а также современного турецкого и татарского языков. Следует подчеркнуть, что впервые в истории румынской высшей школы на филологическом факультете вводится преподавание арабского, китайского, турецкого и татарского языков.

В перспективном плане работ отдела предусматривается исследование ряда вопросов социально-экономического, юридического и культурного характера, подготовка новых работ в области лингвистики и восточной филологии (коллективных и индивидуальных).

Одной из важных задач Отдела является участие его членов и сотрудников в международных совещаниях и съездах востоковедов, усилении культурно-просветительных связей со странами Азии и Северной Африки, а также с теми странами Европы, где изучение Востока стало традицией. Благодаря поездке синоведа Г. И. Константина в Китайскую Народную Республику и участию турколога М. Губоглу в работе Всесоюзного совещания востоковедов СССР были установлены непосредственные связи румынских востоковедов с востоковедами Китая и Советского Союза.

Отдел намечает исследование востоковедческих материалов, хранящихся в библиотеках и музеях Румынской Народной Республики. В румынских архивах хранится приблизительно 220 тыс. турецких актов и документов 200 тыс. актов (тапу) касаются земельного владения в Добрудже (XIX в.) и имеют особое значение для исследования исторической топонимии. В Меджидии, около Констанцы, хранится архив младотурецкого общества «Иттихад ве тераки», оставшийся после смерти д-ра Ибрагима Темо, одного из основателей этого общества.

Результаты востоковедческих исследований Отдела в области истории, филологии, права, этнографии и искусства публикуются в сборнике «*Studia et acta orientalia*», первый том которого уже вышел в свет.

⁴¹ *Aram M. Frenkian. Epopeea lui Gilgamesh și poemele homerice // Studii și cercetări istorie veche, I, anul I, 1950, p. 265–276.*

⁴² *Aram Frenkian. Studii de matematică sumero-accadiană, egipteana și greacă. Revista Universității // C. I. Parhon, seria Științelor naturii, 3, 1953, p. 9–20.*

1933

1. Raielele bugecene (1484–1812) și colonii basarabeni (1812–1933) [Les raïas de Boudgeac (1484–1812) et les colons de Bessarabie (1812–1933)]. Licurici. Revista Liceului Ștefan cel Mare [Licurici. Revue du Lycée Etienne le Grand], Tighina, 1, 1933, 19 p.

1939

2. Tarih Isiginda Gagauzlar [Les Gagaouzes à la lumière de l'histoire], résumé de la thèse de doctorat, Türk Birliği Dergisi [Revue de l'Union turque], Bazargic-Constanta, 4 septembre, 1939, p. 3-4.

1943

3. Călătoria lui Evliya Çelebi în Dobrogea și Basarabia [Voyage d'Evliya Çelebi dans la Dobroudja et la Bessarabie], Viața Basarabiei, Chișinău, 1943–1944.

1946

4. Inventarul manuscriselor orientale [L'inventaire des manuscrits orientaux], AARMSI, IIIe série, XXVIII, Mem. 4, 1946, p. 17-50.

1947

5. Sultani și mari dregători otomani [Sultans et hauts dignitaires ottomans], Hrisovul, Bucarest, VII, 1947, p. 49-136.

1948

6. Orientalistica în URSS [Les études orientales dans l'URSS], Comunicări și conferințe aie Institutului de Studii Româno-Sovietice, Secția Istorie-Filologie, 1948 Communications et conférences de l'Institut d'Etudes Roumano-Soviétiques, Section Histoire-Philologie, 1948], Cartea Rusă, Bucarest, 1949, 8, p. 11-43.

7. c.r.: Rashid ad-Din, Sbornik letopisey [Collection des chroniques; traduction du persan par A. K. Arends, Al. Yakubovskiy], Leningrad-Moscou, 1946, 360 p., dans ARS.IF, 1, 1948.

1949

8. c.r.: A. M. Barabanov, Hronika Muhammeda Tahira al-Karahi [La chronique de Muhammed Tahir al-Karahi], Moscou-Leningrad, 1946, 311p. + 21 p., ARS.IF, XXVII, 1, 1949, p. 79-80.

* Впервые опубликовано в книге, посвящённой 95-летию М. П. Губоглу. Enjeux Politiques, Economiques et Militaires En Mer Noire (XIV–XXI siècles). Etudes a la memoire de Mihail Guboglu. Sous la direction de: Faruk Bilici, Jonel Candea, Anca Popescu. Brăila, 2007. P. 36-60.
Данные библиографические сведения подготовлены для печати М. Н. Губогло.

9. c.r.: N. A. Baskakov, Nogaysky iazyk i ego dialekty [La langue des Nogais et ses dialectes], Moscou-Leningrad, 1940, 272 p., ARS.IF, XXVII, 1, 1949, p. 85-87.
10. c.r.: A. F. Miller, Ocherki noveyshey istorii Turtsii [Etudes sur l'histoire de la Turquie contemporaine], Moscou-Leningrad, 1948, 280 p., ARS.IF, XXVII, 1, 1949, p. 80-82.

1950

11. c.r.: A. Diakonov, Izvestiya Yoanna Effesskogo iz siriyskih hronik o slavyanah VI–VII vekov [Les informations de Jean d'Effes et la chronique syriaque concernant les Slaves des VI-VIIe siècles], Vestnik drevney istorii, 1, Moscou, 1946, ARS. IF, 1, 1950, p. 77-78.
12. c.r.: Vladimir Al. Gordlevskiy, Chislitelnoe 50 v turetskih yazykah [Le numéral 50 dans les langues turques], IAN SSSR, 3-4, 1945, 280 p., ARS. IF, 3, 1950, p. 97-99.
13. c.r.: A. G. Orudzhev, Tolkovyy slovar' Azerbaydzhanskogo yazyka [Dictionnaire explicatif de la langue azerbadjanaise], IAN SSR, 4, 1949, ARS. IF, 2, 1950, p. 125.
14. c.r. T. S. Raynov, Al-Biruni Velikiy uchyenny Sredney Azii [Al-Biruni, le grand savant de l'Asie Centrale], IAN SSSR, 7, 1949, 2, p. 101-116, ARS. IF, 4, 1950, p.136-137.
15. c.r.: Sarcinile actuale ale istoricilor sovietici ai Orientului [Les tâches actuelles des historiens soviétiques], Voprosi istorii, nr. 4, 1949, ARS. 1F, 3, 1950, p. 95-97.

1951

16. c.r.: B. D. Grekov, Al. Jakobovskiy, Zolotaya Orda i eyo padenie [La Horde d'Or et sa décadence], Moscou-Leningrad, 1950, 478 p., SCIM, II, 1, 1951, p. 173-177.

1955

17. Tabele sincronice. Datele Hegirei și datele erei noastre. Cu o introducere în cronologia musulmană, [Tableaux synchrones. L'Hégire et l'ère chrétienne. Avec une introduction dans la chronologie musulmane] Bucarest, 1955, LXVIII + 330 p.
18. c.r.: Josef Kabrda, Les anciens registres turcs des cadis de Sofia et de Vidin et leur importance pour l'histoire de la Bulgarie, «Archiv Orientalni», Praha, 1951, p. 329-392, Studii, VIII, 2, 1955, p. 106-109.
19. c.r.: Sobranie vostochnyh rukopisey Akademii Nauk Uzbekskoy SSR [La collection des manuscrits orientaux de l'Académie des Sciences de RSS Uzbek], Tachkent, 1.1 (1951), t. II (1954), Studii, VIII, 5-6, 1955, p. 163-166.

20. c.r.: Franz Taeschner, Gihannuma. Die altosmanische Chronik des Mevlana Mehmed Neschri. Herausgegeben von Franz Taeschner, Leipzig, 1951, Bd. IV, Studii, VIII, 5-6, 1955, p. 166-168.

1956

21. Contributions roumaines aux études orientales, AO, 24, 3, 1956, p. 454-475.
22. Inscricția sultanului Suleiman Magnificul în unria expediției din Moldova (1538/945) [L'inscription du sultan Suleyman le Magnifique après l'expédition de Moldavie (1538/945)], Studii, 9, 2-3, 1956, p. 107-123 (avec facsimilé)
23. Orientalistica română [Les études orientales roumaines], SAI, 1956, l.p. 314-350.

1957

24. Conferința Unională a orientaliștilor de la Taşkent [La conférence de l'Union des orientalistes de Tachkent], Studii, 10, 5, 1957, p. 183-188.
25. La conférence de l'Union des Orientalistes de Tachkent, SAO, I, 1957 (1958), p. 392-397.
26. Dimitrie Cantemir și istoria imperiului otoman [Dimitrie Cantemir et l'histoire de l'Empire ottoman], SAI, 2, 1957, p. 179-208.
27. Despre manuscrisele și tipăriturile orientale din fondul T. Cipariu (al Bibliotecii filialei din Cluj a Academiei RPR) [Sur les manuscrits et les publications orientales des fonds T. Cipariu de la Bibliothèque de l'Académie Roumaine, section de Cluj], Bucarest 1957, dans Limbă și literatură română [Langue et littérature roumaine], Societatea de științe istorice și filologice, R.P. Română, vol. III, Bucarest, 1957, p. 147-166.
28. Documente turcesti din Arhivele Statului și importanța lor pentru cercetările istorice [Documents turcs aux Archives d'Etat et leur importance pour les recherches historiques], dans Arhivele Statului – 125 de ani de activitate (1831–1956) [Les Archives d'Etat – 125 ans d'activité, 1831–1956], Bucarest, 1957, p. 427-454.
29. L'inscription turque de Bender relative à l'expédition de Soliman le Magnifique en Moldavie (1538/945), SAO, 1, 1957 (1958), p. 175-187.
30. Quarante ans d'études orientales en URSS (1917–1957), SAO, 1, 1957 (1958), p. 281-316.
31. Răscoalele tărănești din Imperiul otoman (1418–1420) și bedreddinismul [Les mouvements des paysans de l'Empire ottoman (1418–1420) et le bedreddinisme], Studii, 10, 2, 1957, p. 137-138 (en collaboration avec Mehmed Mustafa).
32. c.r.: S. E. Malov, Pamiatniki drevney tyurskoy pis'mennosti. Teksty i issledovaniya» [Anciens monuments d'écriture turque. Textes et recherches], Moscou, 1951, 452 p., SAO, I, 1957 (1958), p. 370-375.

1958

33. Paleografia și diplomatica turco-osmană. Studiu și album [La paléographie et la diplomatique turco-osmane. Etudes et albums], Bucarest, Editura Academiei R.P.R., 1958, 162 p. + 203 facs. + 3 pl.
34. Un mânunchi de documente turcesti privind evenimentele din fârile românești în jurul anului 1821 [Quelques documents turcs concernant les événements des pays roumains au alentours de l'an 1821], RA, s.n., I, 1, 1958, p. 233-256 +8 facs.
35. Materialy po vostokovedeniyu hranyashchiesye v arhivah, bibliotekah i muzeyah Rumynskoy Narodnoi Respubliki [Matériaux orientaux conservés dans les archives, bibliothèques et musées de RPR], IANU SSR, 4, I, 1958, p. 67-72 (communication à la I^{er}e conférence des orientalistes à Tachkent, 4-14 janvier, 1958).
36. V rumynskih fondah vostokovedeniya [Des fonds orientaux roumains], Pravda vostoka 10 aprelea, Tashkent, 1958, p. 4.
37. Vostokovedenie v Rumynskoy Narodnoi Respublike [Les études orientales dans la République Populaire Roumaine], Sovetskoe Vostokovedenie, 3 Akad. Nauk SSSR, Moscou, 1958, p. 144-150.
38. Călătorie de studii în R. P. Bulgaria (nov. – dec. 1958) [Voyage d'études en R. P. Bulgarie, novembre-décembre 1958], Studii, 1959, 3, p. 245.
39. c.r.: B. D. Gafurov, Histoire du peuple Tadjik [en russe], Moscou, 1955, 1.1, 544 p. + 6 h», Studii, 4, 1958, p. 158-163.
40. c.r.: L. Fekete, Die Siyakat-Schrift in der türkischen Finanzverwaltung. Beitrag zur tukischen Paläographie. Budapest, 1955, 908 p., RA, s.n., 2, 1958, p. 325-331.
41. c.r.: Istoriya Uzbekskey SSR, t. I, 1 (1955), t. I, 2 (1956) [Histoire de la République soviétique Ouzbékistan], Tachkent, Studii, 5, 1958, p. 198-209.
42. c.r.: Pe marginea monografiei Mahomed II Le Conquérant et son temps (1432–1481) de F. Babinger, [En marge de la monographie Mahomed II Le Conquérant et son temps (1432–1481) de F. Babinger], Studii, XI, 2, 1958, p. 195-212.

1959

43. Despre arhiva turco-orientală din biblioteca de stat «V. Kolarov» – Sofia. Importanța ei pentru istoria României și a altor state din sud-estul Europei [Sur les archives turques-orientales de la Bibliothèque d'Etat «V. Kolarov» de Sofia. Leur importance pour l'histoire de la Roumanie et des autres Etats du sud-est de l'Europe], RA, 2, 2, 1959, p. 180-214 ; 3, 1, 1960, p. 134-182.

44. O călătorie de studii în R. P. Bulgaria (nov. – dec. 1958) [Un séjour d'études dans la République Populaire Bulgare, novembre-décembre 1958], *Studii*, XII/3, 1959, p. 249-251.
45. L'importance des matériaux documentaires orientaux existant dans les archives, dans les bibliothèques et dans les collections roumaines, *SAO*, II, 1959 (1960), p. 107-118.
46. c.r.: Ananiasz Zajaczkowski-Jan Reychman, *Zarys dyplomatyki osmansko-tureckiej (Esquisse de diplomatie turco-osmane)*, Varsovie, 1955, 168 p., *Studii*, 2, 1959, p. 226-230.
47. c.r.: *A propos de la monographie du professeur Franz Babinger: Maometto il Conquistatore e il suo tempo, traduzione di Evelina Pollaco, Torino, 1957*, 795 p. + 1 c, *SAO*, II, 1959(1960), p. 217-237.
48. c.r.: E. A. Belyaev, *Musulmanskoe sektanstvo [Les sects musulmanes]*, Moscou, 1957, 100 p., *SAO*, II, 1959 (1960), p. 296-297.
49. c.r.: Vladimir Drimba, *L'alphabet de la langue tatare parlée en Roumanie, «Mélanges linguistiques» (publiés à l'occasion du VIIIe Congrès international des linguistes d'Oslo, 5-9 août, 1957)*, Bucarest, 1957, p. 257-267, *SAO*, II, 1959 (1960), p. 298.
50. c.r.: *Gihannûma. Die altosmanische Chronik des Mevlana Mehmed Neschri. Herausgegeben von Franz Taeschner, Leipzig, 1951, Bd. I. 1955, Bd. II, SAO*, II, 1959 (1960), p. 289-295.

1960

51. *Catalogul documentelor turcesti* [Le catalogue des documents turcs], Bucarest, Editura Academiei R. P. R., vol. I (1960, XL + 683p ; vol. II (1965), XLVII + 655 p.
52. Dimitrie Cantemir – orientaliste, *SAO*, III, 1960 (1961), p. 129-160 (avec un portrait de Dimitrie Cantemir).
53. Le XXVe Congrès international des orientalistes, Moscou, 9-16 août 1960, *SAO*, III, 1960 (1961), p. 299-346.
54. Al XXV-lea Congres internațional al Orientaliștilor de la Moscova – august 1960 [Le XXVe Congrès international des orientalistes de Moscou], *RA*, 111/2, 1960, p. 288-284.
55. Importanța celui de-al XXV-lea Congres internațional al orientaliștilor (Moscou, august, 1960) pentru cercetările istorice [L'importance du XXVe Congrès international des orientalistes – Moscou, août, 1960 – pour les recherches historiques], *Studii*, XIII/6 1960, p. 161-171.
56. Despre Congresul internațional de științe istorice (Stockholm, 21-28 august, 1960 [Sur le Congrès international des sciences historiques, Stockholm, 21-28 août], *Studii*, XIII, 1960/6, p. 153-161.

57. Les documents turcs de la Section orientale de la Bibliothèque «V. Kolarov» de Sofia et leur importance pour l'histoire des pays roumains, *SAO*, 1960 (1961), III, p. 93-113+fac.
58. Pohod Suleymana Velikolepnogo v Moldaviyu 1538/945 g. v svete turetskih letopisey [La campagne de Suleyman le Magnifique en Moldavie à la lumière des chroniques turques], *Trudy 25-go Mezhdunarodnaya Kongressa Vostokovedov*, Moskva, 9-16 avgusta 1960 g., Moscou, t. II, 1963, p. 435-442.
59. c.r.: Babur-Name. *Zapiski Babura (La Chronique de Babur)*, Tachkent, 1958, 530 p., *SAO*, III, 1960 (1961), p. 251-252.
60. c.r.: Bibliogarfiya Turtsii (1917–1958) [La bibliographie de la Turquie (1917–1958)], Moscou, 1959, 190 p., *SAO*, III, 1960 (1961), p. 257-258.
61. c.r.: Budzaktan seslar [Voix de Boudgeac], Literatura, Cartea moldovenească, Kishinev, 1959, 227 p., *SAO*, III, 1960 (1961), p. 259-262.
62. c.r.: V. S. Garbûzova, *Skazanie o melike Danishmende [Une histoire du roi Danichmende]*, Moscou, 1959, 190 p., *SAO*, III, 1960 (1961), p. 245-246.
63. c.r.: Giyassaddin Ali, *Dnevnik pohoda Timura v Indiyu [Le journal de Ghias ed-Din concernant l'expédition de Tamerlan dans l'Inde]*, Moscou, 1958, 205 p., *SAO*, III, 1960 (1961), p. 247-249.
64. c.r.: Gul'badan Begim Humayun-noma [Livre impériale], Tachkent, 1959, 1120 p + 1c + 132 p., *SAO*, III, 1960 (1961), p. 255-256.
65. c.r.: A. N. Kononov, *Rodoslovnaya Turkmen. Sochinenie Abu-l-Gazi, Hana Hivinskogo, Moscou-Leningrad [La généalogie des turkmènes. L'œuvre d'Abu-l-Gazi khan de Hiva]* 1958, 192 + 94 p., *SAO*, III, 1960 (1961), p. 253-254.
66. c.r.: *Trudy Tbilisskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 73 Seriya Vostokovedeniya [Les travaux de l'Université de Tbilisi 73-série d'orientalisme]*, I, 1959, Tbilisi, 245 p., *SAO*, III, 1960 (1961), p. 249-250.
67. c.r.: V. In. Zahidov, *Zahiriddin Muhammed Babur. Tanlangan Asarlar [Œuvres choisies]* Tachkent, 1958, 211 p., *SAO*, III, 1960 (1961), p. 263-264.
68. c.r.: Zija Shkodra, *Shqipnia ne Kohën e Tanzimatit [L'Albanie pendant la période des Tanzimat]*, Tirana, 1959, 70 p., *Studii*, XIII, 1960, 1, p. 221-223.

1962

69. Arhiva insulei Ada-kale si importanța ei [Les archives de l'île Ada-Kale et leur importance], *RA*, V, 1, 1962, p. 117-147.
70. Evliya Celebi: De la situation sociale-économique des Pays Roumains vers le milieu du XVIIe siècle, *SAO*, IV, 1962 (1963), p. 153-196.
71. c.r.: *Sobranie vostochnyh rukopisey Akademii Nauk Uzbekskoy SSR [La collection des manuscrits orientaux de l'Académie des Sciences de RSS Uzbeque]*, Tachkent, t. I-V, 1952–1960, *SAO*, IV, 1962 (1963), p. 287-308.

72. c.r.: Zygmunt Abrahamowicz, Katalog documentów tureckich. Documenty do dziejów Polski i krajów osiennych w latach 1455–1672 [Catalogue des documents turcs. Documents concernant la Pologne et les pays voisins de 1455 à 1672]. Pod redakciii Ananiasza Zajaczkowskiego, t. I, Warszawa, 1959, 362 p., Studii, 1962, p. 218-228.

1963

73. c.r.: Evliya Celebi, Kniga putestsvija [Livre des voyages], Isvlečeníja iz socienija turetzkago puteststvenneka XVII veka. Perevod i komentarii. Vpusk. 1. Zemli Moldavii i Ukraini, Moscou, 1961, 338 p., SCSi, an XIV, fasc., 2, 1963, p. 288-298.

1964

74. Călătoriile lui Evliya Çelebi în Transilvania [Les voyages d'Evliya Çelebi en Transylvanie], AMA, V, 1964, p. 347-374.
75. Turetskiy istochnik 1740 g. o Valahii, Moldavii i Ukraine [Une source historique turque de 1740 concernant la Valachie, la Moldavie et l'Ukraine] dans Vostochnye istochnikilFontes orientales, Moscou, 1964, 1.1, p. 131-161.
76. c.r.: Hadiye Tunçer, Osmanli Imparatorlugunda Toprak Hukuku, Arazi Kanunlari ve Kanun Açıklamaları [Les droit foncier dans l'Empire ottoman, les lois agraires et leur explication], Ankara, 1962, 545 p., Studii, 6, 1964, p. 1449–1458 (avec de larges traductions des qânun des ports et villes de Dobroudja).

1965

77. Din călătoriile lui Evliya Çelebi în Transilvania [Voyages d'Evliya Çelebi en Transylvanie] AMA, 1965, 5, p. 347-374.
78. L'historiographie ottomane des XVe-XVIIIe siècles. Bref aperçu, RESEE, 3, 1965, 1-2, p. 81-93.
79. Şapte documente turcesti din arhivele Braşovului privind relațiile Transilvaniei cu Poarta Otomană la începutul secolului al XVII-lea (1604–1613) [Sept documents ottomans des archives de Brasov concernant les relations de la Transylvanie avec la Porte ottomane au début du XVIIe siècle (1604–1613)], RA, VIII, 1965, 1, p. 213-253+fac.
80. c.r.: Prilozi – za orijentalnu filologiju i istoriju Jugoslovenskih naroda pod Turskom vladivinom [Revue de philologie et d'histoire des peuples yougoslaves sous la domination turque], Sarajevo, 1950-1961, t. I-XT', RESEE, 111/3-4, 1965, p. 714-735.
81. c.r.: Boris Nedkov, La Bulgarie et les terres avoisinantes au XIIe siècle selon la Géographie d'al-Idrisi, Sofia, 1960, 183 p., RRH, t. 4, 5, 1965, p. 1024-1031. Perevod i komentarii. Vpusk. 1. Zemli Moldavii i Ukraini, Moscou, 1961, 338p», SCSi, an XIV, fasc., 2, 1963, p. 288-298.

1966

82. Despre materialele arhivistice otomane din Turcia si importanța lor pentru istoria țarilor române [Les documents d'archives de Turquie et leur importance pour l'histoire des pays roumains], RA, IX, 1966, 2, p. 174-194+fac.
83. Evliya Tschelebi im Süden Siebenbürgens. Beschreibung der Städte Fogarasch, Kronstadt und Hermannstadt, dans Forschungen zur Volks-und Landeskunde, Bucarest, 1966, 9, 1, p. 119-130.
84. Cronici turcesti privind țările române. Extrase. Sec. XV – mijl. sec. XVII [Chroniques turques concernant les pays roumains. Extraits. XVe siècle-milieu du XVIIe siècle], Bucarest, Editura Academiei R. S. România, 1966, 562 p. (en collaboration avec Mustafa Mehmet).
85. Rumanya Türkolojisi ve Rumen Dilinde Türk Sözlere Hakkında Bazı Araştırmalar. Memleketimizde Türk Dilinin Öğrenilmesi [La turcologie roumaine et quelques recherches sur les mots turcs dans la langue roumaine. L'enseignement du turc dans notre pays] dans XI. Türk DU Kurultayı'nda Okunan Bilimsel BUDiriler, Ankara, 8-10 Temmuz 1966, (Ankara: Tiirk Dil Kurumu, 1968)'den ayn basım, p. 265-272.

1967

86. Despre manuscrisele orientale din Biblioteca Academiei [Sur les manuscrits orientaux de la Bibliothèque de l'Académie], Studii si cercetări documentare si bibliologie, Bucarest, 1967, 2-3, p. 277-287 + 6 pl.
87. Documente despre români în arhivele de la Istanbul [Documents sur les Roumains dans les archives d'Istanbul], MI, 111, 1967, p. 59-60+fac.
88. Eflâk ve Bugdan Voyvodalannin Babiâli ile Münâsebetleri [Les relations des voïvodes de la Valachie et de la Moldavie avec la Sublime Porte], BTDD, 1, 1967, p. 61-67.
89. Evliya Çelebi: De la situation politique, administrative, militaire, culturelle et artistique dans les Pays Roumains (1651–1666), SAO, V-VI, 1967, p. 3-48.
90. L'importance pour l'histoire des Pays Roumains des manuscrits turcs décrits par Fehmi Edhem Karatay: Topkapi Sarayı Miizesi Kütüphanesi, Türkçe Yazmalar Katalogu [Le Catalogue des manuscrits turcs de la Bibliothèque du Musée de Topkapi Sarayı], Istanbul 1961, t. I, 644 p., Istanbul 1966, t. II, 527 p., SAO, V-VI, 1967, p. 365-375.
91. Le XIe Congrès de la Société de la langue turque (XI. Türk Dil Kurultayı), Ankara, 8-12 juillet, 1966, SAO, V-VI, 1967, p. 480-484.
92. c.r.: S. S. Djikia, Svedeniya Ibrahima Pechevi o Gruzii i Kavkaze [La relation d'Ibrahim Petchevi concernant la Géorgie et le Caucase], Tbilisi, 1964, 137+63 p., SAO, V-VI, 1967, p. 443-444.

93. c.r.: Boris Nedkov, *Osmano-Turska diplomatika i paleografiya* [La diplomatique et la paléographie ottomano-turque], 7, Sofia, 1966, 215 p., SAO, V-VI, 1967, p. 438-444.
94. c.r.: Filiz Ögiitmen, XII–XVIII. Yüzyilari Arasinda Minyatür Sanatindan Örnekler [Exemples de l'art de la miniature dans les XII–XVIII siècles], Istanbul, 1966, 48 p., SAO, V-VI, 1967, p. 437-438.
95. c.r.: Georgios Sphrantzes, *Memorii* [Mémoires] 1401–1477. *Cun pseudo-Phrantzes in appendice sive Macarii Melissenii Chronicon 1258–1481*, Edition critique publiée par Vasile Grecu, Bucarest, 1966, 618 p., SAO, V-VI, 1967, p. 461-466.

1968

96. Franz Babinger: *necrolog* [Franz Babinger: nécrologie], SA VII, 1968, p. 233-235.
97. *Contribuții la cunoașterea activității lui Ion Ionescu de la Brad și timpul exilului în Turcia* [Contribution sur l'activité de Ion Ione de la Brad pendant son exile en Turquie] dans Ion Ionescu d(Brad. *Aniversarea a 50 de ani de la nastere*, Bacău, 1968, p. 22-37 (en collaboration avec Amilcar Vasiliu).
98. *Les inscriptions orientales de la ville de Bucarest*, SAO, 1968, p. 249-257.
99. *Le voyage d'Evliya Celebi dans le Banat*, SAO, VII, 1968, p. 75.
100. *Yedikule – fortăreața celor 7 turnuri* [Yedikule - la forte des 7 tours], MI, II, 1968, 3, p. 18-21.

1969

101. *Dva ukaza (1801 g.) i Svyashchennyi reskript Hatt-i serif (1802 g.) s turetsko-russko-rumynskimi otnosheniyami* [Deux firmans (1801) et le hatt-i cherif de 1802 concernant les relations turco-russo-roumains], *Vostochnye istochniki/Fontes orientales*, t. II, Moscou, 1969, p. 238-274+fac.
102. *Fatih Sultan Mehmed ve Yavuz Sultan Selim'in Bogdan Voyvodalanna Yazdiklan Slavca Mektuplar* [Lettres en langue slave écrites par le sultan Mehmed le Conquérant et le sultan Selim le Terrible, adressées aux voïvodes de la Moldavie], *BTTD*, 19, 1969, p. 31-36 + fac.
103. *Osmanh Padiçahlan tarafindan Bogdan voyvodalanna iki Slavca Belge* [Deux lettres slaves des sultans ottomans adressées aux voïvodes de la Moldavie], *BTTD*, 1969, p. 61-69.
104. *Le tribut payé par les Principautés roumaines à la Porte Ottomane jusqu'au début du XVIe siècle d'après les sources turques*, *REI*, XXXVII/1, 1969, p. 49-80.
105. *Două călătorii în Turcia pentru cercetarea arhivelor Imperiului otoman* [Deux voyages en Turquie pour des recherches dans les archives de l'Empire ottoman], *RA*, XII/1, 1969, p. 221-236 + fac.

1970

106. *Călătoria lui Evliya Celebi efendi în Banat (1660)* [Le voyage d'Evliya Tchelebi efendi au Banat (1660)], dans *Studii de istorie a Banatului, Timișoara*, 1970, vol. II, p. 23-60.
107. *H. Dj. Siruni la 80 de ani* [H. Dj. Siruni à l'âge de 80 ans], *RA*, 47, 2, 1970, p. 652-655.
108. *H. Dj. Siruni – armenist și turcolog* [H. Dj. Siruni – arméniste et turcologue] dans *Nor-Kiank* [La vie nouvelle], Bucarest, 1970, p. 9.
109. *Călătorii pentru cercetarea documentelor turcesti aflate în arhivele din R. P. Bulgaria* [Voyages pour la recherche des documents turcs conservés dans les archives de la R. P. Bulgarie], *RA*, 32, 1, 1970, p. 275-284.
110. c.r.: *Ediții de izvoare turcesti pentru istoria Bulgariei* [Editions de sources turques pour l'histoire de la Bulgarie] (*Turski izvori za bulgarskata istoria. Fontes Turcici Historiae Bulgaricae*, série XV–XVI), t. I, Bistra Cvetkova, Ver a Mutafcieva éds., Sofia, 1964; t. II, Nicolai Todorov, Boris Nedkov éds., Sofia, 1966, 584 p., + 394 facs., *RA*, 32, 1, 1970, p. 320-324.

1971

111. *Cercetări în arhivele de peste hotare* [Recherches dans les archives étrangères], *RA*, 48, 1, 1971, p. 135-155.
112. *Une version turque du Règlement Organique, la première constitution roumaine (1831–1858)*, SAO, VIII, 1971, p. 209-219.
113. *Romanya Tarihine Ait iki Dilli (Türkçe-Romence) Belgeler* [Documents bilingues turco-roumains sur l'histoire de la Roumanie], dans XII. *Türk DU Kurultayında Bilimsel Bildirilerden*, Ankara, 1971.
114. *O noua călătorie de studii în Turcia* [Nouvel voyage d'études en Turquie], *RA*, XXXIIILT, 1971, p. 143-146

1972

115. *Cercetări în arhivele de peste hotare: Turcia* [Recherches dans les archives étrangères: la Turquie], *RA*, 34, 1, 1972, p. 158-169 + fac.
115. *Nicolae Iorga'nin Dogumunun Yüzüncü Ydi Dolayisiyla (A l'occasion du centième anniversaire de la naissance de Nicolae Iorga)*, *Türk Kültürü*, 113, Mart 1972, Ankara, 113, p. 318-326 (Nazmiye Togan'la birlikte [en collaboration avec Nazimiye Togan]).
116. *Romence-Türkçe iki Dilli Tarih Belgeleri: Eflak ve Bugdan'm Devleti Aliyeye arzlan 1748–1802 (1161–1217)*» [Documents historiques bilingue romano-turques. Les arz de la Valachie et de la Moldavie à la Porte (1748–1802)] / *Türk Dili Bilimsel Kurultayina Sunulan Bildiriler* [communications aux premier Congrès de la langue turque], Ankara, 27-29 Eylül [septembre], 1972, Ankara Universitesi Basimevi, 1975, p. 237-252+fac.

1973

118. Dimitriye Kantemir'in Eserinde Türk Folkloru [Le folklore turc dans l'œuvre de Dimitrie Cantemir] dans, Birinci uluslararası Türk folklor semineri [Premier Congrès international de folklore turc], Ankara, 8-14 Ekim [octobre], 1973, T. C. Basbakanlık Kültür Müstesarlığı Milli Folklor Enstitüsü Müdürüğü, Ankara, 1974, p. 383-390.
119. İlk Romen türkologu Dimitrie Kantemir [Le premier turcologue roumain – Dimitrie Cantemir], I. MTK, İstanbul, 15-20 Ekim [octobre], 1973, tb., t. III, İstanbul, İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türkiyat Enstitüsü, 1979, p. 968-981.
120. N. Iorga – istoric al Imperiului otoman și al relațiilor româno-turce [N. Iorga – historien de l'Empire ottoman et des relations roumano-turques], AUBI, 1973, XXII, 2, p. 25-48.
121. İstanbul Arşivlerindeki en Eski Mühimme Defterlerinde Romen Ülkeleri (1544–1552) [Les pays roumains dans les plus anciens «cahiers des affaires importantes» des archives d'Istanbul (1544–1552)], I. MTK, İstanbul, 15-20 Ekim [octobre], 1973, b.ö., İstanbul, 1973, p. 45.
122. Romanya Tarihine Ait Türk Kaynakları: Bunların Önemi ve Yayınlama Meşalesi [Les sources turques de l'histoire de la Roumanie. Leur importance et leur publication], VII. TT. Kongresi, 25-29 Eylül [septembre] 1970, k.s.b., TTKB, Ankara 1973, t. II, p. 493-507.
123. Osmanlı Kroniklerine Köre Dimitriye Cantemir (Kantemiroğlu) [Dimitrie Cantemir d'après les chroniques ottomanes], I. MTK, 15-20 Ekim [octobre], 1973, İstanbul, 1973.
124. Türkiye Cumhuriyeti'nin Kurucusu Atatürk ve Zamani Hakkında Romen Tarihçisi Nicolae Iorga'nın Görüşleri <fikirleri> [Les opinions de l'historien roumain Nicolae Iorga sur le fondateur de la République de Turquie], dans Atatürk Devrimleri I. Milletlerarası Simpozyumu Bildirileri [L'époque d'Atatürk. Premier Symposium international. Communications], İstanbul, 10-14 Aralık [décembre], 1973, İstanbul, İstanbul Üniversitesi Atatürk Devrimleri Araştırma Enstitüsü, 1975), p. 532-540.
125. Türk Tarih Kaynaklarında Kantemiroğlu Demetrius (Dogumunun 300. Yılı ve Ölümünün 250. Yılı Münasebetiyle) [Dimitrie Cantemir dans les sources turques à l'occasion du 300e anniversaire de sa naissance et de 250e anniversaire de sa mort], I. MTK, 15-20 Ekim [octobre], 1973, İstanbul, Edebiyat Fakültesi Basımevi, 1973, p. 43-44.

1974

126. Cronici turcești privind Țările române. Extrase. Vol. II, sec. XVII – încep. Sec. XVIII, [Chroniques turques concernant les pays roumains. Extraits. Tome IIe, XVIIe siècle – début du XVIIIe siècle], Bucarest, Editura Academiei R. S. România, 1974, 541 p. + facsimile.

127. Două manuscrise turcești de Ahmed Resim Efendi în biblioteca «V. A. Urechia» din Galați privind țările române [Deux manuscrits turcs d'Ahmed Resim Efendi dans la Bibliothèque «V. A. Urechia» de Galați concernant les pays roumains], dans Biblioteca V. A. Urechia – 100 de ani de la înființarea primei bibliotecii din județul Galați [La Bibliothèque V. A. Urechia – 100 ans de la création de la première bibliothèque de la région de Galați], Galați, 1974, p. 133-156.
128. Arhivele din İstanbul [Les archives d'Istanbul], Ramuri, 1974, Craiova, 11, nr. 10, p. 14 (I); nr. 11, p. 13 (II); nr. 12, p. 10 (III).
129. Bibliografia istorică a României [La bibliographie historique de la Roumanie]: vol. II, T. 1, vol. II, T. 5; XIXe siècle, Bucarest, 1972, 1974; vol. II, T. 1: Cadrul general. Țara și locuitorii [Le cadre général. La terre et les habitants] (Bucarest, 1972); vol. III, T. 5: Biografii [Biographies] (ouvrage collectif), (Bucarest, 1974).

1975

130. Mihai Viteazul în documente turcești [Michel le Brave dans les documents turcs], RA, 37, 1975, 2, p. 143-157.
131. Turcii. Imperiul otoman până la începutul sec. XVI [Les Turcs. L'Empire ottoman jusqu'au début du XVIe siècle], dans Istoria evului mediu [L'histoire du Moyen Age], t. II, 2e partie, 1975, p. 124-196.
132. I. Milletlerarası Türkoloji Kongresi, 15-20 Ekim [octobre], 1973, İstanbul, RA, Bucarest, 52, vol. XXXVII/2, 1975, p. 240.
133. c.r.: Ö. L. Barkan, Süleymaniye camii ve imareti inşaatı [La mosquée de Süleyman et la construction de ses dépendances], vol. I. 1550–1557, TTKB, Ankara, 1972, RA, 52, XXXVII/3, 1975, p. 361-363.
134. c.r.: Cengiz Orhonlu, Osmanlı Tarihine Aid Belgeler. Telhisler (1597–1607). [Documents concernant l'histoire ottomane. Rapports (1597–1607)]. İstanbul, Edebiyat Fakültesi Basımevi, 1970, dans Rdl, 1, 1975, p. 1119-1124.

1976

136. Oraşul medieval. Culegere de texte [La ville médiévale. Recueil de textes], Tipografia Universităţii, Bucarest, 1976 (ouvrage collectif).
137. Vlad Țepeş în lumina cronicilor turco-bizantine [Vlad Țepeş. à la lumière des chroniques turco-byzantines], RA, 38, 4, 1976, p. 381-390.
138. 1476 (881 H) Tarihli Fatih'in Bogdan Seferi. Türk, Romen ve Ecnebi Kaynakları İçinde, VIII TT. Kongresi, 2-15 Ekim [octobre], 1976, Ankara, b. ö., TTKB, p. 13.
139. Romen Ulusunun Mensei ve Eski Türk Kavimleri ile İlişkileri [L'origine du peuple roumain et ses relations avec les peuples turcs], Hayat. Tarih Mecmuası, I, no. 7, Temmuz/juillet, İstanbul, 1976, p. 56-60 (sous le pseudonyme M. Güler).

140. Fatih Sultan Mehmed'in 1462/866 H. Tarihli Eflâk Seferi – Türk ve Yabancı Kaynaklar Isigmda [L'expédition du sultan Mehmed II le Conquérant en Valachie à la lumière des sources turques et étrangères], II. MTK, Istanbul, 4-9 Ekim [octobre], 1976, t. ô., Istanbul, Istanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türkiyat Enstitüsü, 1976, p. 15-17.
141. Turcii selgiuci și statele lor [Les Turcs seldjoukides et leurs Etats], SAI, 32, 1976, p. 33-43.
142. c.r.: Muzaffer Gökman, Atatürk ve Devrimleri Tarihi Bibliyografyası [Bibliographie de l'histoire d'Atatürk et ses réformes], Istanbul, 1968, t. I (704 p.), 1974, t. II (656 p.), Rdl, 29, 1976, 4, p. 630-635.

1977

143. Crestomație turcă. Izvoare narative privind istoria Europei orientale și centrale (1263–1683) [Sources narratives concernant l'histoire de l'Europe orientale et centrale (1263–1683)], Bucarest, 1977 (sur la couverture l'année 1978), 900 p. + facs.
144. Bibliografia turcă referitoare la războiul din 1877–1878 [Bibliographie turque concernant la guerre de 1877–1878], RA, 54, 39, 3, 1977, p. 279-291.
145. Baslangıçtan XVI. Yüzyihn Ortalanına Kadar Türk-Romen Ekonomik İlişkileri Hakkında Bazı Düşünceler [Quelques réflexions sur les relations turco-roumaines jusqu'au milieu du XVIIe siècle], First International Congress on the Social and Economic History of Turkey, 1071/1920, Ankara, 1977, (abstracts of papers), Hacettepe University, 1977, p. 17-19.
146. Războieni. Cinci sute de ani de la campania din 1476. Monografie și culegere de texte [Războieni: cinq cent ans depuis la campagne de 1476. Monographie et recueil de textes]. Auteurs: Manole Neagoe, Olimpia Gutu, Mihail Guboglu, Radu Constantinescu, Constantin Vlad, DGAS, Bucarest, 1977, 352 p.

1978

147. Contribuții la paleografia și diplomatica turcă [Contributions à la paléographie et à la diplomatique turques], RA, 40, 2, 1978, p. 207-214.
148. Imperiul otoman în secolul al XVI-lea și în prima jumătate a secolului al XVII-lea [L'empire ottoman au XVIe siècle et dans la première moitié du XVIIe siècle], dans Istoria evului mediu [Histoire du Moyen Age]. Vol. III: Feudalismul ūrziu [Le Haut Moyen-Age], cours universitaire, Typographie de l'Université de Bucarest, 1978 (ouvrage collectif).

1979

149. Bibliografia turcă referitoare la primul război mondial (1914–1918) [La bibliographie turque concernant la Première Guerre mondiale (1914–1918)], RA, 56, 40, 1979, Supplément, p. 318-343.

150. Documente arabe și istoria românilor [Documents arabes et l'histoire des Roumains], RA, 56 (41) 3, 1979, p. 351-358.
151. Gûney-Dogu Avrupa'da Bazı Tiirkoloji Meseleleri ve Bunların Önemleri [Quelques problèmes turcologiques dans le sud-est de l'Europe et leur importance], IVe Congrès international des Etudes du sud-est européennes, Ankara, 13–18 août, 1979, Abrégés des communications et des co-rapports, Ankara, TTK, 1979, p. 73-81.
152. Seyyid Lokman'ın Oguznamesi (=Selcukname) Bahk Eseri Hakkında [Sur l'œuvre de Seyyid Lokman portant le titre Oguzname (Selçukname)], III. MTK, 24–29 Eylül [septembre], 1979, Programme, IUEFTE, Istanbul, p. 18.
153. Türk-Arap Basımının Asırlar boyunca Dûnya'da Tarihiçesi 1729–1979 – 250. Ydi Dolaysıyla Türk-Arap Basım [L'histoire de l'imprimerie turco-arabe durant les siècles, à l'occasion de 250 ans de l'imprimerie turco-arabe (1729–1979)], III. MTK, Istanbul, 24–29 Eylül [septembre], 1979, program, IUEFTE Istanbul, 1979, p. 18.
154. Türk-Macar Kùltür Mùnasebetleri Isigi Altında II Râkôczi Ferenc ve Macar Mùlteçileri Sempozyumu [Symposium sur Râkôczi II et les réfugiés hongrois à la lumière des relations culturelles turco-hongroises, 31 mai–3 juin, 1976], Istanbul, 1976, 239 p., Rdl, 32, 6, 1979, p. 1174-1180.
155. c.r.: Gazavât-i sultan Murâd b. Mehmed Hân. İzladı ve Varna Savaslari (1443–1444) Ūzerinde Anonim Gazavâtname [Les campagnes du sultan Murad, fils de Mehmed han. Chronique anonyme sur les batailles de Zlatitza et Varna, 1443–1444], Halil Inalcik, Mevlût Oguz éds., TTKB, Ankara, 1978, X + 120 + 129, dans Rdl, 32, 12, 1979, p. 2390-2399.

1980

156. Al IV-lea Congres internațional de studii sud-est europene [IVe Congrès international d'études sud-est européennes] Ankara, 13–18 august, 1979, RA, 57, 43, 1980, 2, p. 234-237.
157. Al III-lea Congres internațional de turcologie (III Milletlerarasi Tiirkoloji Kongresi) [IIIe Congrès international de turcologie], Istanbul, 24–29 septembrie, 1979, RA, 57, 43, 2, 1980, p. 237-239.
158. Problèmes économiques et sociales concernant les Pays Roumains d'après les sources turques (XVe siècle), communication présentée au IIème Congrès international d'histoire économique et sociale de la Turquie, Strasbourg, 1–5 juillet, 1980.
159. c.r.: M. Tayiyb Gôkbilgin, Osmanlı Muesseseleri, Teskilâtı ve Medeniyeti Marifine Genel Bakis [L'organisation des institutions des Ottomans et aperçu sur leurs histoire et civilisation], Istanbul, 1977, 194 p., Rdl, 33, 12, 1980, p. 2385-2396.

1981

160. Atilâ Çetin, TDAD, 15, 1981, p. 210-231.
161. Ankara 13–18 VIII, 1979: IVe Congrès International des études du sud-est européennes», RA, 42, 2, 1981, p. 234-237.
162. K. Atatürk'un Cumhurbaşkanlığı Devrinde Türk-Romen İlişkileri [Les relations roumano-turques pendant la Présidence de K. Ataturk (1923-1938)], communication, UAK, 9–13 Kasım [novembre], 1981, le texte dans Balkan ilişkileri [Relations balkaniques], İstanbul, 1981, p. 1-9.
163. Moustapha Kemal Atatürk (1881–1938), illustre personnalité de l'histoire turque, AUBI, 30, 1981, p. 89-110.
164. Gagauz folklorunda özellikler ve Canavar (kurt) kültü [Les particularités du folklore gagaouz et le culte du loup], MTFK, Brusa, 22–28 Haziran [juin], 1981, p. 12.
165. Gagauzlann ash hakkmda Faraziyeler ve Kendi Fikirlerim [Hypothèses et mes opinions sur l'origine des Gagaouzes], IX. TT. Kongresi, 21–25 Eylül [septembre], 1981, (genel program, TTKB, Ankara, 1981, p. 20 ; b.ô., TTKB, Ankara, 1981, p. 54-55).
166. Manifestări științifice internaționale privind istoria economică și socială a Turciei [Manifestations scientifiques internationales concernant l'histoire économique et sociale de la Turquie]: le colloque Economie et société dans l'Empire ottoman, fin du XVIIIe – début du XXe siècle et le IIe Congrès international d'histoire économique et sociale de la Turquie (1071–1921) Strasbourg 1-5 VII 1980), RA, 2, 1981, p. 233-234.
167. Romen Folklorunda Türkler ve Türk Unsurlar [Les Turcs et les éléments turcs dans le folklore roumain], II. MTFK, Brusa, 22–28 Haziran/VI, 1981, t. I, Genel Konular (Sujets généraux) Gazi Üniversitesi Basın Yayın Yüksek Okulu Basımevi, Ankara, 1981, p. 105-118.
168. Romen Ulusunun Eski Türk Kavimleri ile İlişkileri Hakkında [Les relations du peuple roumain avec les anciens peuples turcs], VIII. TT.Kongresi, Ankara, 11–15 Ekim [octobre], 1976, k.s.b., t. II, TTKB, Ankara, 1981, p. 751-782+2 pl.
169. Rumen Arşivlerinde Atatürk [Atatürk dans les archives roumaines], Yıllarboyu Tarih, İstanbul, VII, 11, Kasım, 1981, p. 21-24.
170. Romanya'da Atatürk'ün Doğumunun 100. yılın (1881–1981) Kutlama Yankılan (akısleri) [Les échos des célébrations en Roumanie du centième anniversaire de la naissance d'Atatürk], communication UAK, 9–13 Kasım [novembre], 1981, texte dans Balkan ilişkileri [Relations balkaniques], İstanbul, 1981, p. 9-13.
171. Türk-Romen ilişkilerinin Altın Yılları [Les années d'or des relations roumaino-turques], Yıllarboyu Tarih, VII, nr. 11, İstanbul, Kasım, 1981, p. 52-53.
172. Vasile Maciu, membru corespondent al Academiei R. S. România [Vasile Maciu membre correspondant de l'Académie R. S. Roumanie], MSI, 1981, 6, p. 173-175.
173. c.r.: Defter-i caba-i eyalet-i Çildir, 1694–1732, C. A. Abuladze, M. Ch. Svanidze (éds.), Tbilisi, 1979, 362 p., Rdl, 34, 12, 1981, p. 2352-2354.
174. c.r.: İgdemir Ulug, Atatürk'ün yasıami [La vie d'Atatürk], vol. I (1881–1918), Ankara, 1980, 197 p., Rdl, 34, 6, 1981, p. 1214-1220.
175. c.r.: L. Fekete, Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente Aus dem Nachlass des Verfassers, herausgegeben G Hazai, Budapest, 1977, 594 p. + 242 facs., Rdl, 34, 2, 1981, p. 363-371.
176. c.r.: Mustafa Kemal Atatürk (1881–1938) – fondatorul Republicii Turcia [Moustapha Kemal Atatürk (1881–1938) – le fondateur de la République turque]», RCNR-UNESCO, 1981, 23, p. 176-186.
177. c.r.: V. I. Shpilkova, Mladoturetskaya revolyutsya (La révolution des Jeunes Turcs) 1908-1909, Moskva, 1977, 255 p., Rdl, 34, 7, 1981, p. 1400.

1982

178. Centenar Atatürk în Turcia [Centenaire d'Atatürk en Turquie], MI, XXV2, 1982, p. 45.
179. Fatih'in Ştefan cel Mare uzerine iki Bogdan seferi (1474–1476) [Deux campagnes de Mehmed II le Conquérant contre Etienne le Grand (1474-1476)], Belleten, 1982, 46, 183, TTKB, Ankara, 1982, p. 139-194+2 images + 5 planches.
180. Izvoare turco-persane privind relațiile lui Ştefan cel Mare cu Imperiul otoman [Sources turco-persanes concernant les relations d'Etienne le Grand avec l'Empire ottoman], RA, 59, 2, 1982, p. 134-145.
181. Merhum prof. Tayyib Gökbilgin Hakkında Hatıralar ve Onun Eserlerinde Romen Ulkeleri» [Souvenirs sur le feu professeur Tayyib Gökbilgin et les pays roumains dans ses œuvres], dans le vol. Prof. Tayyib Gökbilgin Hatıra Sayısı 'ndan, Tarih Enstitüsü Dergisi, 12, İstanbul 1981–1982, p. 783-836.
182. Romen folklorunda Türkler ve Türk unsurları hakkmda [Les Turcs dans le folklore roumain et..], II. Milletlerarası Türk Folklor Kongresi Bildirileri, 1.1 (extrait), Ankara, 1982, p. 106-117.
183. c.r.: Franz Babinger, Mehmet the Conqueror and his Time, ed. William G. Hickman (traduit de l'allemand par Ralph Manheim), Princeton-New Jersey, 1978, 515p., AIIAI, 1982, p. 756-759.

1983

184. Achim Popescu, SAO, XI, 1983, p. 107-108.

185. Kemal Atatürk'ün Cumhuriyet kanlığı Döneminden II. Dünya Savaşı Kadar Türk-Romen ilişkileri (1923–1939) [Les relations turco-roumaines depuis la période de Présidence de Kemal Atatürk jusqu'à la Deuxième Guerre mondiale], *Bellekten*, 47, 188, 1983 (1984), p. 1045-1072, 1 res.
186. De la emiratul lui Osman la Imperiul otoman [De l'émirat d'Osman à l'Empire ottoman], *SAI*, 47-48, 1983, p. 35-49.
187. Fatih'in Stefan cel Mare uzerine iki Bogdan seferi (1474–1476) [Deux expéditions de Mehmed II le Conquérant en Moldavie contre Etienne le Grand (1474–1476)], *Bellekten*, 47, 185, 1983, Ankara, TTKB, 1984, p. 139+194+4 pl., 4 res. «Gheorghe Ion Constantin», *SAO*, XI, 1983, p. 106-107 (en collaboration avec Marie-Mathilde Alexandrescu-Dersca Bulgaru).
188. Romen edebiyatında Bekri Mustafa ve bekrilik [Bekri Mustafa et le bekrilisme dans la littérature roumaine], I. Uluslararası Türk Halk Edebiyatı Semineri, Eskisehir 7–9 Mayıs 1983, Yunus Emre Kültür, Sanat ve Turizm Vakfı, Eskisehir 1987, p. 317-331.
189. Le tribut payé par les Principautés roumaines à la Porte Ottomane jusqu'au début du XVIe siècle dans *Ord. Prof. Orner Lütfi Barkan 'a armağan*, İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası, cilt [t.] 41, sayı [no.] 1–4, İstanbul, 1985, p. 59-138 (résumé: XVI. Yüzyılın ilk yıllarında (1520) kadar romen ülkelerinin osmanlı yönetimine ödediği haraç, dans *ibid.*, p. 139-143).
190. IVe Congrès international de Turcologie, İstanbul, septembre, 1982, *SAO*, XI, 1983, p. 105.
191. c.r.: Un ghid util pentru cercetări în arhivele din Turcia: Çetin Atilla, Başbakanlık arşivi kütüvuzu [Un guide utile pour les recherches dans les Archives de Turquie: le guide dans les Archives ottomanes de la Présidence du Conseil de Çetin Atilla], İstanbul, 1979, 171 p., *RA*, 50. 3, 1983, p. 337-339.

1985

193. Le tribut payé par les principautés roumaines à la Porte jusqu'au début du XVIe siècle, *IFM*, 41, 1–4, 1985, p. 59-143.
194. c.r.: II. Osman Adına Yazılmış Zafer-nâme [Lettre de victoire écrite pour Osman II] Yasar Yiğit éd., Ankara, 1983, 187p., *AIIAI*, 22, 2, 1985, p. 823-827.

1986

195. Kanuni Sultan Süleyman'ın Bogdan Seferi ve Zaferi 1538 M.-1545 [L'expédition et la victoire du sultan Süleyman Kanuni en Moldavie 1538/1545], *Bellekten*, 50, 198, 1986, Ankara, TTKB, 1987, p. 727-805.
196. Pe marginea lucrării lui Franz Babinger despre istoriografia otomană [En marge d'étude de Franz Babinger sur les historiographes ottomans], *AIIAI*, 23, 2, 1986, p. 853-869.

197. Osmanlı Padişahları Tarafından Transilvanya'ya Verilen Ahidnâmeler, Kapitülasyonlar (1541–1690) [Les 'ahdname et les capitulations octroyées à la Transylvanie par les pachas ottomans (1541–1690)] X. TT. Kongresi, Ankara, 22-26 Eylül [septembre], 1986, t. IV, résumés des communications, TTKB, Ankara, 1993, p. 1725-1734.
198. Români în bătălia de la Varna (10 nov. 1444) după izvoare turco-islamice și europene [Les Roumains dans la bataille de Varna (10 Novembre 1444) d'après des sources turco-islamiques et européennes], *RA*, 62, 47, 3, 1985, p. 265-278; 63, 48, 2, 1986, p. 155-168.
199. Türk-Romen İlişkileri Hakkında «O samâ de cuvinte» (Birtakim söz)'ler Adh Efsanelerin Tarihsel Değeri [La valeur historique des légendes de «O samâ de cuvinte» à propos des relations turco-roumaines], III. MTFK, İzmir 23-28 Haziran [juin], 1986, Ankara, t. I, communications, Kültür ve Turizm Bakanlığı, 1986, p. 117-129.
200. Al V-lea Congres internațional de turcologie [Le Ve Congrès international de turcologie], *AIIAI*, XXIII/2, 1986, p. 1145-1150.
201. c.r.: Économie et sociétés dans l'empire ottoman (fin du XVIIIe – début du XXe siècle). Actes du Colloque de Strasbourg (1er–5 juillet, 1980), publiés par Jean-Louis Bacqué-Grammont et Paul Dumont, Paris, 1983, 486 p., *AIIAI*, XXIII/2, 1986, p. 987-990.
202. c.r.: M. Orhan Bayrak, Osmanlı tarihi. Yazarları (Biyografi ve Bibliografi) [Les historiographes ottomans. Biographies et bibliographies], İstanbul, 1982, 248 p., *AIIAI*, XXIII/2, 1986, p. 982-985.
203. c.r.: Pe marginea unei istorii a relațiilor româno-tătare (Alexandru Gonta, Români și Hoarda de Aur 1241–1502, München, 1983, 192 p.) [En marge d'une histoire des relations roumaino-tatares (Alexandru Gonta, Les Roumains et la Horde d'Or 1241–1502)], *AIIAI*, 23, 1, 1986, p. 438-441

1987

204. Gagauzların «Türkçe» Dili, Edebiyatı ve Tarihi Hakkında Araştırmalar: Bibliyografya/kaynakça Denemesi [Recherches concernant la langue turque des Gagauzes, leurs histoire et littérature] V. MTK, İstanbul, 23–28 Eylül [septembre] 1985, communications, t. II, İUEFTE İstanbul, 1987, p. 63-72.
205. Romen Edebiyatında Bekri Mustafa ve Bekrilik» [La littérature roumaine sur Bekri Mustafa et le «bekrilisme»], I. Uluslararası Türk Halk Edebiyatı Semineri [Premier Séminaire International de Littérature populaire turque], Eskisehir 7–9 Mayıs [mai] 1983, Yunus Emre Kültür, Sanat ve Turizm Vakfı, Eskisehir, 1987), p. 317-331.
206. Țările române și istoria otomană a lui M. Nuri Paşa [Les pays roumains et l'histoire ottomane de M. Nuri pacha], vol. RIU, t. II/1, Stela Cheptea, Vasile Chirică, Ștefan S. Gorovei, Ștefan Lemeny, Lucian Nastasă, I. Saizu (eds.), 1987, p. 699-720.

1988

207. Campania lui Siuleyman I Magnificul în Moldova (1538) într-o cronică turco-tătărească [La campagne de Siuleyman le Magnifique en Moldavie (1538) dans une chronique turco-tatare], vol. RIU, 111/3, Stefan S. Gorovei (éd.), 1988, p. 1-20.
208. Contribuții despre aianii dunăreni și instituția aianat'ului în Imperiul otoman [Contributions sur les âyân du Danube et l'institution d'âyânkh dans l'Empire ottoman], Rdl, 41, 3, 1988, p. 327-343.
209. Fabrica de postav de la Chiperești (1766) [La factorie de draps de Chiperești (1766)], MI, 1988, 22, 5, p. 19-22.
210. Gagauz Halk Edebiyatı Folklorundan iki Tarihi Efsane ve Bir Démet Tarihsel Türku [Deux histoires mythiques de la littérature du peuple Gagaouze et un bouquet de chansons historiques], I. Milletlerarası Türk Halk Edebiyatı ve Folklor Kongresi [Premier Congrès de la Littérature populaire et du folklore turcs], Konya, 11–12 Ekim/octobre 1988, communications, Selçuk Üniversitesi, Konya, 1990, p. 137-154.
211. Osmanlılarla Romen Ülkeleri Arasındaki İlk Devir ilişkileri (1368–1456) Hakkında Belirtmeler ve Doğrultmalar» [Précisions et rectifications concernant la première période des relations entre les Ottomans et les pays roumains (1368–1456)], IX. TT. Kongresi, Ankara, 21–25 Eylül [septembre], 1981, t. II, résumés des communications présentées au congrès, TTKB, Ankara, 1988, p. 829-843.
212. Sigiliul necunoscut al lui Ion Ghica [Le sceau inconnu de Ion Ghica], MI, 22, 10, 1988, p. 36-37 (en collaboration avec Radu Grecianu).

1989

213. Prof. Protoierin (Bas papaz) Mihail Ceakir (M. Çakir) (1861–1938) in Ölümunün 50. Yılı Miinasebetiyle [Le professeur et prêtre Mihail Tcheakir: à l'occasion de la 50e année de sa mort], TDA, 60, 1989, p. 59-84.

1990

(posthumes)

214. Romanya'da Türkoloji Çalışmalarının Sonuçları ve Gelişimleri (1948–1988) [Résultats des études turcologiques en Roumanie (1948–1988)], TDA, 64, 1990, p. 91-147.
215. Tuna Boyundaki Kadi Sicilien ve Bazı Defterler [Quelques registres de recensement et registres des qadi (des villes) le long du Danube], TDA, 66, 1990, p. 9-29.

РАЗДЕЛ II

ГАГАУЗЫ И ГАГАУЗОВЕДЕНИЕ: КОНТУРЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

ГЛАВА 3

ИСТОЧНИКИ

CODEX CUMANICUS

КАК ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Выбор эпохи XIII–XIV вв. для поиска следов, оставленных предками гагаузов, в настоящем исследовании сделан не случайно, однако и не без влияния нарастающего интереса к величественному памятнику этой эпохи – Codex Cumanicus. Меня, как и многих других исследователей, волнует его название, время и место создания, его текстология и функциональное предназначение, этническая идентичность тех, кто его создавал и, наконец, отражённая в нём этноязыковая ситуация и повседневная жизнь носителей тюркского языка.

Памятник, содержащий в себе лексический материал двух восточных (куманского и персидского) и двух западных (латинского и немецкого) языков, возник в переломный момент истории. В те времена кардинальным образом менялась социально-экономическая и этнокультурная ситуация на обширной территории, обрамляющей Чёрное море с четырёх сторон: с севера и юга, с востока и запада. По сути, Причерноморье совокупно представляло собой перекрёсток византийской, тюркской, романской и славянской цивилизаций. В горниле соприкосновения этих цивилизаций происходили процессы межэтнических и межрелигиозных взаимодействий, взаимовлияний и взаимообогащений культур, языков и мировоззрений.

Несколько крупномасштабных исторических событий могут служить важными хронологическими ориентирами для этой эпохи. Во-первых, создание в конце XII в. Конийского государства сельджуков в Малой Азии, ворвавшегося в состав тысячелетней Византийской империи, метафорически именуемой «мастерской мира». Более чем двухсотлетнее существование сельджукского государства оставило глубокие следы в истории представителей ряда народов и в памятниках культуры и архитектуры. Во-вторых, на характер эпохи серьёзное влияние оказало взятие Константинополя в 1204 г. горсткой крестоносцев, участниками Четвёртого крестового похода, и восстановление Византийской империи через полвека, в 1261 г. В-третьих, в эт-

нической судьбе ряда народов значительную роль сыграло поражение объединённых тюрко-славянских сил (куман и русских) на берегах Калки в мае 1223 г., в ходе татаро-монгольского продвижения на Запад, и возникновение Золотой Орды, улуса Джучи, основанного наследниками Чингис-хана на месте покорённого государства куман (половцев) – Дешт-и-Кыпчак. В-четвёртых, в это же время началось встречное движение – приход итальянских купцов на берега Чёрного моря и начало итальянской колонизации. Вслед за генуэзцами сюда стали проникать венецианцы. Столкновение с тюркским и иранским миром потребовало взаимного знания языков. Созданный в конце XIII – начале XIV вв. многоязычный итальянско-персидско-куманско-немецкий словарь Codex Cumanicus (далее СС), отвечал вызовам времени, вскипевшим потребностям в межкультурном и межцивилизационном экономическом и культурном взаимодействии. Усилившийся обмен материальными и культурными ценностями и товарами сопровождался обменом идеями. Соприкосновение культур вело к интерференции и к возникновению нового «социального капитала» (Френсис Фукуяма), новых типов культур и этнических образований.

Переломный момент в межэтнических отношениях означал начало усиленного, уплотнённого межэтнического, межконфессионального, межязыкового взаимодействия разноязыких миров: тюркского, византийского, романского. Межэтническое смешение, активизация торговли и культурного взаимодействия раздвигали горизонты с Востока на Запад и с Запада на Восток, открывали широкий взгляд на мир и людей, на отношения и обмен вещей. В это время человек, рождённый на одной земле, в лоне одной религиозной системы и культуры получал как бы второе имя, новую идентичность, порой не теряя прежней.

В соответствии с данными источников я убеждён, что процессы межэтнических контактов, межэтнического смешения и синтеза в эпоху средневековых столкновений цивилизаций происходили гораздо шире и интенсивней, чем мы себе представляем по причине недостаточно освоенной источниковой базы. Наша беда, в том числе тюркологов и гагаузоведов, проистекает из плохого или искажённого знания динамики исторической географии Причерноморья. Со студенческих лет мы привыкли мыслить географической категорией Северного Причерноморья как какого-то автономного региона Евразийского пространства, в то время как оно было связано с территориями, окружающими Чёрное море со всех сторон.

Расширение источниковой базы изучения «роковых загадок» этнической истории народов, расселённых по берегам Чёрного моря, позволяет по-новому взглянуть на Причерноморье, понимаемое в широком смысле, – как особый мир и место межэтнических соприкосновений и взаимодействий. При этом каждое источниковедческое открытие, подобно археологическим раскопкам или палеоантропологическим находкам, приносит очередное «углубление» культур и обнаружение новых следов в процессах былой межкультурной интерференции.

Тюркология обязана великому итальянскому поэту, ученому и мыслителю Франческо Петрарке (1304–1374 гг.) – сохранившему для потомков Codex Cumanicus – выдающийся памятник письменного куманского (кыпчакского) языка. Полное название рукописи: «Alfabetum Persicum, Comanicum et Latinum. Anonymi scriptum Anno 1303. Die 11 Julii».

Codex Cumanicus (СС) состоит из двух частей. В первой части, в трёх параллельных колонках, представлены слова на латинском, персидском и куманском (половецком) языках. При этом не все слова из первой (итальянской) колонки переведены на персидский и куманский языки. По подсчётам Д. А. Расовского, из 2 680 итальянских (латинских) слов без перевода остались около 200 слов [Расовский, 1929, с. 195].

В первой части СС, названной «итальянской», содержатся глаголы с образцами их спряжений, имена существительные и прилагательные, местоимения с их склонениями, а также наречия. Около 1 560 слов записаны в соответствии с латинским алфавитом, и ещё около 1 120 слов объединены по своему значению в группы, озаглавленные в соответствии с их содержанием. В неравных по количеству слов группах их содержится от 4–5 до 80–90.

Вторая часть СС, названная «немецкой», состоит из куманско-немецкого словаря, представляющего собой набор слов и фраз, не объединённых в какую-либо тематическую группу. В двух других словарях – куманско-латинском и куманско-немецком – встречаются грамматические заметки по куманскому языку.

Главное отличие второй (немецкой) части СС от первой (итальянской) заключается в том, что в ней содержатся, во-первых, священные христианские тексты на куманском (половецком) языке (в латинской транскрипции), во-вторых, двуязычные латино-куманские отрывки и, наконец, в-третьих, куманские тексты с латинским подстрочным переводом. Большую исследовательскую литературу, в частности, породили содержащиеся в «немецкой» части СС куманские (половецкие) загадки [Малов, 1930, с. 347-375; Abdulkadir, 1939, с. 122-124; Drimba, 2000, р. 11-23].

Создание СС имело, скорее, не научное, а практическое (рациональное) значение. Об этом можно судить по тому, что словарный материал из персидского и куманского (половецкого) языков не представлял для составителей самостоятельной ценности, а отвечал заранее «заданным требованиям» итальянской колонки слов [Расовский, 1929, с. 208].

Однако это никоим образом не умаляет ценности собранных куманских слов, представляющих, по словам академика К. Залемана, народный, обиходный язык без литературной обработки [Salemman, 1910, с. 951-952].

Несмотря на огромную литературу, посвящённую выяснению авторства, происхождения, содержания, текстологии, датировки, назначения этого исторического памятника, в нём содержится немало «роковых тайн» и «зияющих пробелов». До сих пор продолжает оставаться дискуссионной целостная картина памятника, в том числе его информационный потенциал в качестве этносоциологического источника.

В 1362 г. оригинал этого памятника был передан в библиотеку Собора Св. Марка Евангелиста в Венеции вместе с многочисленными книгами Франческо Петрарки. Изначальное библиографическое описание выдающегося памятника звучало так: «Эта книга содержит персидский и команский языки по алфавиту». В 1828 г. это название безуспешно пытался закрепить немецкий востоковед Юлиус Клапрот [Klaproth, 1826, p.114-117].

Однако с лёгкой руки выдающегося венгерского востоковеда Гезы Кууна памятник вошел в научный оборот под названием «Codex Cumanicus» [Kuun, 1880, 1980]. В соответствии со своей фамилией Геза Куун считал себя потомком куман. Так называли тюркоязычных куман (половцев) в Венгрии. При этом в отличие от российского академика Ю. Клапрота, первого издателя неполного текста памятника, венгерский академик Геза Куун преследовал цель прославить своих тюркоязычных предков, отразив исключительно их этноним в названии бесценного источника [Дашкевич, 1985, с. 72-73; Стоянов, 2009, т. 1, с.102].

Наряду с трехязычными латино-персидско-куманским и кумано-немецко-латинским словарями, содержащими более 2 тыс. слов, в Codex Cumanicus включены религиозные тексты, фольклорные материалы, в том числе загадки, пословицы и поговорки, бытовавшие в устном народно-поэтическом творчестве носителей куманского (кыпчакского) языка. Найденные в Венеции трехязычные тексты служат основанием для ряда христианских народов Европы считать этот выдающийся памятник средневековья частью своего культурного наследия и гордиться им как своим национальным достоянием. Стоит ли удивляться, что от европейских народов не отстают и современные народы евразийского пространства, являющиеся носителями тюркских языков. В языке памятника содержится немалая этнографическая информация.

Благодаря двум составным частям этого четырехязычного словаря, современная тюркология имеет возможность, рассеивая романтическую дымку, восстанавливать шаг за шагом полустёртые страницы социально-экономической, политической и этнокультурной жизни носителей куманского (кыпчакского) языка, которых можно считать воображаемыми или вероятными предками многих тюркских народов от Алтая до Дуная, в том числе гагаузов.

Трудно определить основные этапы изучения СС, не выделив один или несколько критериев, определяющих глубину прорыва, условия и масштабы вклада каждого исследователя.

Более или менее надёжным ориентиром может служить время издания самого памятника в той или иной форме. При таком подходе ключевыми хронологическими маяками могут выступать 1848, 1881, 1887, 1936, 2000, 2006 гг. На русском языке памятник издан в 2006 г. благодаря гранту ЮНЕСКО [Гаркавец, 2006].

Печать Парижской библиотеки свидетельствует о том, что СС по приказанию Наполеона был отвезен вместе с другими драгоценными книгами в Париж, откуда опять был возвращен в Венецию [Радлов, 1884, с. 4].

В лексическом материале Codex Cumanicus отражена жизнь тюркоязычного населения, проживавшего на рубеже XIII–XIV вв. в Крыму и на Кавказе, в районах Болгарии и Венгрии, Молдовы и Румынии [Расовский, 1929, с. 193-214].

Между тем, уникальная этнокультурная информация, содержащаяся в Codex Cumanicus, занимает важное место среди сведений других нарративных источников средневековья о куманах (половцах) и куманском (половецком) языке. Изучение этого источника с этнологической точки зрения, несмотря на изобилие филологической литературы, показывает, что освоение его лексического материала далеко еще не исчерпано.

Подобно тому, как в современном гагаузоведении слабо изучены предметы материальной и художественной культуры вероятных предков гагаузов, в том числе знаменитые каменные изваяния [Губогло, 2010, с. 72-131], точно так же белым пятном остается лексика их вероятных предков. Нелишне будет подчеркнуть, что назрела острая потребность в комплексном и всестороннем исследовании в синхронно-диахронном плане словарного состава гагаузского языка, в том числе с учётом достижений процедурных средств сопоставительно-исторической лексикологии. Монография Г. Каранфил – лишь первая ласточка в этом направлении [Каранфил, 2009].

Восточные и западные письменные источники сохранили до наших дней многочисленные этнонимы тюркских народов и отрывочные сведения об отдельных сторонах их хозяйственной и политической истории, о военных событиях, о межэтнических отношениях. Меньше всего в этих текстах освещена повседневная жизнь и бытовое обустройство кочевников. Скупая информация о духовной жизни и о вероятных предках лишь частично утоляет интерес исследователей к антропологии кочевников. До сих пор остаются слабо освещёнными практика речевого поведения и характер языковой жизни, включая речевые практики двуязычия и многоязычия.

Однако по мере введения в научный оборот новых источников, особенно продуктивно в XIX–XX вв., стало проясняться, в частности, что в домонгольский и монгольский периоды языком межэтнической коммуникации на обширном пространстве южнорусских степей и по берегам Чёрного моря служил куманский (половецкий, кыпчакский) язык. Деловой итальянский купец XIV в., очевидно, хорошо осведомлённый о характере языковой ситуации, рекомендовал своему сыну, прежде чем отправиться на Восток с караваном по Великому Шёлковому пути, «отрастить бороду, обрить голову, нанять одного слугу и двух служанок и выучить кыпчакский язык» (подчеркнуто мной – М. Г.) [Гаркавец, 1987, с. 11; http://unesco.kz/qypchaq-languages_Rus.html].

Несмотря на шаловливый характер этого напутствия, оно заслуживает серьёзного внимания, так как в нём содержится важная оценка функциональной роли куманского (кыпчакского) языка, известного в XIII–XIV вв. в Европе в качестве языка межнационального общения.

В постмонгольский период куманский язык продолжал исполнять функции языка межэтнического общения. В роли lingua franca порой его именовали «татарским» языком («tatar» tili). В самом источнике куманский язык

дважды назван татарским языком. Эта средневековая традиция имела свое продолжение едва ли не до новейшего времени. Так, например, азербайджанский и кумыкский языки, игравшие в начале XIX в. роль языков-посредников, становились известными для русских писателей и поэтов того времени, европейских исследователей под именем татарского языка.

Даже возникла аналогия: «французский язык в Европе, татарский (азербайджанский) на Северном Кавказе» [Турбин, 1985, с. 91-103; <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/isb/isb-091-htm>]. «Начал учиться по-татарски, – писал М. Ю. Лермонтов С. А. Раевскому из Тифлиса в конце 1837 г., – язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе». О «татарском языке» как средстве общения народов Кавказа напомнил в начале третьего тысячелетия Айрат Галимзянов [Галимзянов, 2002].

Социокультурная инфантильность, если не трагедия, тюркских языков и, прежде всего, куманского (половецкого) языка, в роли *lingva franca* состояла в том, что на нём не было создано сколько-нибудь значительных художественных произведений или литературных памятников. На фоне скудной обеспеченности средневековой истории и культуры тюркоязычных кочевников письменными текстами, величественным памятником выглядит Codex Cumanicus, бесценный оригинал которого хранится в библиотеке Собора св. Марка Евангелиста в Венеции – под шифром (Cod. Marc. Lat. Dxlx) [Гаркавец, 1987, с. 3 // http://www.unesco.kz/qypchaq/Qypchag-languages_Rus.htm; Golden, 1992, p. 33-63 // <http://www.turkolog.narod.ru/info/bsh/nameCrimea1.pdf>].

На протяжении многих десятилетий представители научной и творческой элиты ряда тюркских народов России и других стран с нескрываемым энтузиазмом предпринимали поиски исторических следов своего народа, чтобы обнаружить этнокультурные и мифологические параллели в далекой истории воображаемых пращуров, в том числе сохранившихся на страницах выдающихся письменных памятников средневековья [Денисов, 1969]. И вполне естественно, что при всестороннем исследовании СС им нередко улыбалась удача, так как этот памятник по праву принадлежит не только куманам (половцам), – носителям тюркского языка, но и ряду других тюркоязычных народов средневековья.

Так, например, исследование 285 фонетических, лексических, морфологических изоглосс, проведённое А. А. Чеченовым более 30 лет тому назад, позволило выявить, что «по степени близости к языку СС современные кыпчакские языки располагаются в следующем порядке: 1) караимский (139); 2) крымско-татарский (114); 3) карачаево-балкарский (112); 4) татарский (90); 5) кумыкский (69); 6) ногайский (64); казахский (53)». Окончательный вывод его исследования гласил: «Языками, наиболее близкими к СС, следует считать караимский, крымско-татарский и карачаево-балкарский» [Чеченов, 1979, с. 19].

Между тем, содержащийся в СС лексический материал даёт ответы на ряд неясных мест из истории и повседневной жизни гагаузов. Этой цели посвящены поиски и истолкование сходств (похожести, соответствия и тождественности) и различий (расхождений) между куманским (половецким, кыпчакским) языком СС и современным гагаузским языком. В его источни-

ковую базу включено немногим более 500 слов куманского (кыпчакского) языка, что составило в этностатистическом плане вполне надежную 25-процентную выборку из всех куманских слов, содержащихся в СС. Слова, укомплектованные в «тематические (лексико-семантические) гнезда», заимствованы из обширной статьи авторитетного американского востоковеда Питера Голдена, а названия «гнезд» сопоставлены со списками, приведенными в публикациях Д. А. Расовского, В. Дримбы и А. Н. Гаркавца [Golden, 1992, p. 33-63; Расовский, 1929, с. 193-241; Гаркавец, 1987, с. 3 // http://www.unesco.kz/qypchaq/Qypchag-languages_Rus.htm; <http://www.turkolog.narod.ru/info/bsh/nameCrimea1.pdf>; Drimba, 2000, p. 81-111].

Словарный материал, извлеченный из статьи Питера Голдена, сведен в соответствии с этностатистическим сравнительно-историческим замыслом в две таблицы, в одной из которых показаны различия в написании одних и тех же слов куманского (кыпчакского) языка в двух составных частях памятника – Итальянской и Немецкой, которые по установившейся традиции, принято именовать, соответственно, «Книгой переводчика» («Interpreter's Book») и «Книгой миссионеров» («Missionaries's Book») [Ligeti, 1981, p. 1-54; Стоянов, Т. 1, 2009, с. 50-51; Golden, 1992, p. 33-63 // http://vlib.ine.it/carric/texts/carrie_books/paksoy-2/cam2.html].

Привязанность этноязыковых параллелей между куманским и гагаузским языками к типологии словарного материала Питера Голдена обусловлена стремлением избежать искушения собственной перегруппировки слов, содержащихся в СС, с целью некоего субъективного обнаружения чрезмерного сходства в языке потомков и воображаемых предков или, напротив, чрезмерных различий. Вряд ли можно было бы заподозрить моих предшественников – Д. А. Расовского и П. Голдена, по следам которых я иду в данном исследовании, в предвзятом отношении к гагаузскому языку и этнической истории гагаузов, так как эти сюжеты не входили в сферу их задач и интересов, их исследовательских мотиваций. Во всяком случае, ни тот ни другой в лексикологическом анализе СС гагаузов и гагаузский язык специально не упоминали.

Более того, выясняется, что Codex Cumanicus вобрал в свой состав лексический материал из нескольких диалектов куманского (кыпчакского) языка. Это, в частности, отчетливо выявилось, когда тот же Питер Голден сопоставил написание одних и тех же слов в двух разных разделах памятника – в так называемой «Книге переводчика», составленной в Крыму итальянскими купцами, и в «Книге миссионеров», в которой кроме непосредственного лингвистического (словарного) материала содержались религиозные и фольклорные тексты и знаменитая коллекция оригинальных куманских (кыпчакских) загадок.

Воспользуемся подборкой 16 слов, избранных для анализа американским исследователем, добавим с целью сопоставления те же самые слова из гагаузского языка, взятые из Гагаузско-русско-молдавского словаря (ГРМС), изданного в 1973 г. в Москве на основе кириллицы и «Гагаузско-русско-румынского словаря» (ГРРС), изданного в Кишинёве в 2002 г. на основе латиницы.

Таблица 1

Сравнительный словарный материал диалектов средневекового куманского (кыпчакского) и современного гагаузского языка

Codex Cumanicus		Гагаузский язык		Современный язык	
«Книга переводчика»	«Книга миссионеров»	Словарь	Словарь	Русский	Английский по Питеру Голдену
		1973	2002		
kendi	kensi	кенди	kendi	сам	self
tizgi	tiz	диз	diz	колени	knee
bitik	bitiv	-	-	книга, письмо	book, writing
berkit	berk et	-	-	усиливать	to strengthen
ipek	yibek	ипек	ipek	шёлк	silk
ekki	eki	ики	iki	два	two
todaq	todaq	дудак	dudak	губа	lip
etmek	tmek	екмек	ekmek	хлеб	bread
yag	yav	йаа	уаа	жир	fat
tag	tav	байыр (даа – лес)	bayır	гора (лес)	mountain
kyeg	kyv	гювя (гүвää)	güvää	жених	bridegroom
igit	yegit	иит	iit	юноша, джигит (храбрец)	youth
sag	sav	саа	saa	здоровый, крепкий	healthy
abusga	abisga	-	-	старый, престарелый	old, aged
gadav	xadaq	-	-	гвоздь	nail
agizla	avurla	-	-	читать, почитать	to honor

Без каких-либо изысканных, высокоточных методических средств, а простым невооруженным глазом можно видеть, что из 16 приведенных в табл. 1 примеров куманских (кыпчакских) слов 11 дошли до наших дней и сохранилась в современном гагаузском языке, в том числе 8 слов в первой (итальянской) части («Книга переводчика») и еще 3 слова из (немецкой) части («Книга миссионеров»). Более того, 4 слова *totag* (губа), *yag* (жир), *kyeg* (жених), *sag* (здоровый) встречаются в обеих частях СС. Еще три слова гагаузского языка *kendi* (сам), *ipek* (шелк), *igit* (юноша, джигит) наличествуют в СС и совпадают в его первой и второй частях.

Слово *tag* (гора) в гагаузском языке означает 'лес', а понятие «гора» обозначается словом *байыр*. Еще пять слов куманского (кыпчакского) языка, в том числе *bitik* (книга), *berkit* (усиливать), *abusqa* (старый), *gadav* (гвоздь) и *agirla* (почитать) отсутствуют в гагаузском языке и обозначаются, соответственно, словами *кямт* (книга), *ихтияр* (старик), *енсер* (гвоздь), *саймак* (оказывать почтение).

Можно предположить, что слово *bitik* сохранилось в СС из древнетюркского языкового наследия. Со временем оно угасло в современном гагаузском языке, выйдя из обихода и исчезнув из разговорной речи.

В обширном словаре, приложенном к знаменитой книге С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности», встречается ряд слов из древнетюркских памятников, созвучных и корреспондирующих по смыслу с куманскими словами – *bitig* (надпись, грамота); *bitik* (буква, календарь) и *bitik ostasi* (ученый, книжник): *bitig taş* – памятник, камень с надписью; *kägdä bitig* – письмо, записка; *baş bitig* – главный документ; *boş bitig* – отпускной, свободный документ; *bitigci* – писец [Малов, 1951, с. 372; Наджип, 1989, с. 152].

Из числа других древнетюркских памятников слово *bitik* встречается в «Диване лугат ат-Тюрк», составленном в 1073 г. Махмудом Кашгарским. Оно зафиксировано, в частности, в текстах манихейского содержания и в уйгурских юридических документах [Чеченов, 1979, с. 17; Райхл, 2008, с. 37].

В кумыкском и крымско-татарском языках слово *bitik* заменено заимствованным из арабского языка словом *kitap*. В гагаузском языке «книга» обозначается словом *kitab*, в котором звонкий согласный *в* заменил глухой звук *р*. В турецком языке *betik* (*betigi*) означает 'письмо', 'официальные бумаги', 'книги' и ряд других родственных слов [Турецко-русский словарь, 2005, с. 67].

Одновременно с сохранением древнетюркского *bitik*, для обозначения понятия «книга» в турецком языке употребляются *kitap* и ряд производных слов *kitab delisi* – библиоман, *kitab meraklisi* – книголюб, *kitapci* – книгоиздатель, книготорговец, *kitab bilimi* – книговедение, *kitab evi* – книжный магазин, *kitaplik* – книжная полка и т. д. [Турецко-русский словарь, 2005, с. 352].

Попытку А. Мардковича включить слово *kitab* в словарь караимского языка К. М. Мусаев признал несостоятельной, так как «в разговорной речи караимов вместо этого слова широко употребляется, как известно, *bitik*» [Мусаев, 1975, с. 47].

Из приведённых примеров и предлагаемого ниже анализа, имеющего предварительный характер, вытекает вывод о том, что, во-первых, современ-

ные гагаузы сохранили в своем лексическом материале значительное количество слов, бытовавших в куманском языке более 7 столетий тому назад. Во-вторых, вероятные предки гагаузов на рубеже XIII–XIV вв. говорили на языке, уже впитавшем в себя лексический материал из более чем двух диалектов куманского языка. В-третьих, и это самое важное, вероятные предки гагаузов, как и предки многих других современных народов, не представляли этнически однородную массу. В то же время, из всего сказанного вытекает основание и возможность включать историю носителей куманского (кыпчакского) языка в ткань средневековой истории гагаузов. Иными словами, СС не оставляет сомнений в наличии куманских следов в этнической истории гагаузов.

Впервые на внеязыковые аспекты повседневной жизни средневековых носителей куманского языка, отраженные в самом СС, обратил специальное внимание русский ученый, волею судьбы оказавшийся в белой эмиграции, Д. А. Расовский [Расовский, 1929, с. 193-214; Стоянов, Т. 1, 2009, с. 225-229].

Материал куманского (кыпчакского) языка сгруппирован по нескольким тематическим блокам («гнездам»), включающими слова, характеризующие человека, части его тела, перечень присущих ему чувств, позитивные и отрицательные качества людей. Группа слов отражает систему жизнедеятельности средневековых тюрок, охватывающую их хозяйственные занятия, социальную и политическую структуру, систему жизнеобеспечения и сопутствующие ей элементы жизнедеятельности от одежды до продуктов питания, дары природы, времяисчисление и среду обитания, культуру и религиозную терминологию.

Цель такого сопоставления «гнезд» в первом приближении заключается в том, чтобы наряду с выявлением наличия или отсутствия лексических соответствий между языком вероятных предков и их потомков, то есть между языком куман (половцев) XIII в. и современных гагаузов, не упустить из поля зрения этнокультурные параллели, проявляющие себя в языковом материале Codex Cumanicus и в словарях современного гагаузского языка.

В известной мере предлагаемый подход корреспондирует с обычным в этнологии монографическим описанием народа (в данном случае – двух народов) и предполагает, но не обязательно включает специальный грамматический анализ имеющихся данных о глагольных формах, о склонении местоимений, о наречиях, прилагательных, причастных оборотах и о склонении личных местоимений.

Основными источниками лексики современного гагаузского языка послужили слова так называемого чадыр-лунгско-комратского диалекта, усвоенного мной с детства, положенного в основу современного литературного языка. В каждом конкретном случае гагаузские слова дополнительно сверены с уже опубликованным лексическим материалом, представленным в ряде гагаузско-русских, русско-гагаузских и других словарей. Одним из первых, в самом начале XX в., в частности, появился «Словарь бессарабских гагаузов», составленный В. А. Мошковым и изданный в серии ака-

демика В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен» [Мошков, 1904].

Он содержал около 3 000 слов и вплоть до 70-х гг. XX в. являлся основным источником по лексике гагаузского языка. Протоиерей Михаил Чакир, гагауз по происхождению, подготовил в середине 30-х гг. XX в. «Краткий гагаузско-румынский словарь» [Ciachir, 1938].

Через два года после введения письменности для гагаузов 30 июля 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета МССР увидел свет первый фольклорно-литературный сборник («Буджакские голоса») [Буджактан сесләр, 1957; рец. см.: Guboglu, 1961, № 3, p. 259-262; ГРМС, 1973, с. 5].

Вслед за указанным сборником, почти одновременно с ним, был создан и опубликован «Орфографический словарь гагаузского языка», составленный Д. Н. Танасоглу для учащихся начальной и средней школы, изучавших язык своей национальности [Танасоглу, 1959].

На основе гагаузских текстов, собранных польским востоковедом В. Зайончковским в ходе его полевых исследований среди гагаузов Болгарии, был им же составлен и опубликован «Гагаузско-французский словарь», содержащий около 3 000 гагаузских слов, употребляемых гагаузами в местах их расселения в районах Северо-Восточной Болгарии [Zaiaczkowski, 1966; Каранфил, 2009, с. 25].

Значительный вклад в развитие словарного запаса гагаузского языка внесли трёхязычные гагаузско-русско-молдавские словари, изданные сначала в 1973 г. в Москве на основе кириллицы, и в 2002 г. в Кишинёве повторно на латинице. В первом случае словарь включал 11 500 слов, во втором – 12 000 [ГРМС, 1973; ГРРС, 2002].

Публикацию своей монографии «Гагаузская лексикология» Гюллю Каранфил сопровождала «Кратким гагаузско-русско-азербайджанским словарём названий одежды, обуви, ткани и украшений» [Каранфил, 2009, с. 168-174], являющимся составной частью подготавливаемого ею «Русско-гагаузского словаря».

В лексикологический историко-сопоставительный анализ я не счёл нужным включать словарный материал из кратких орфографических словарей, изданных в Кишинёве в качестве учебных пособий [Чеботарь, 1992; Бабоглу Н. И., Бабоглу И. И., 1993; Гайдаржи, Драган, 1997; Танасоглу, 1959] и из словарей специализированных юридических и географических терминов [Баурчулу А. П., Баурчулу Л. К., 2000; Dron, 2001].

Неоценимую помощь в изучении кумано-гагаузских этнокультурных и этноязыковых параллелей оказал четырехъязычный «Русско-гагаузско-турецко-румынский» словарь-полиглот, составленный В. Геновым и М. Кырмызы. Пользуясь случаем, выражаю свою признательность за подаренный мне экземпляр.

Погружаясь в лексику куманского (кыпчакского) языка в том виде и составе, как она была представлена в СС, я не ставил перед собой задачу анализа грамматики языка и той части грамматического материала, где содержат-

ся сведения о прилагательных, а также о глаголах и формах их спряжения. Понятно, что при таком подходе возникает риск определённых потерь в исчерпывающем выявлении сходств и различий между носителями куманского (кыпчакского) языка и современными гагаузами. Этнологический подход, в отличие от лингвистического, ориентирован на выявление этнографических сведений и на анализ лексического материала, отображающего повседневную жизнь, детали и грани жизнедеятельности и культуру, в данном случае, средневековых тюрков.

Сравнительный анализ лексических единиц языков вероятных предков и реальных потомков испокон веков представляет одну из самых увлекательных и важных задач по реконструкции прошлой повседневной жизни народа, восстановления его этногенетической истории. Выводы такого анализа высвечиваются этнографическим материалом, обладающим впечатляющей объяснительной силой. Еще в середине XIX в. в предисловии к «Словарю немецкого языка» (1854 г.) Я. Гримм писал: «Я занимался всеми словами наиболее древних состояний в полной уверенности, что они представляют богатейший материал для исследования истории языка и обычаев народа» [Ментруп, 1983, с. 301].

При анализе этнокультурных и этноязыковых параллелей между словарным составом современного языка гагаузов и лексикой их вероятных предков исследователь подстерегает серьёзные опасности. Одна из них кроется в его методико-процедурном арсенале, в частности, в том, что исследовательские приёмы могут быть недостаточными или избыточными и тем самым вводить в заблуждение при обнаружении характеристик и черт, общих для сопоставляемых языков. Другая опасность связана с субъективным искушением постулировать сходства или усматривать различия там, где их на самом деле не существует [Филлмор, 1983, с. 27].

Обе опасности целесообразно преодолевать, наметив для себя рациональный предел разумной гибкости, исходя из того, что даже в материальной и духовной культуре народа и в его повседневной жизни невозможно в ряде случаев провести чёткие границы. Вместе с тем, давно установлено, что лексика представляет собой кладёз сведений о физической и социальной среде обитания, об истории народа, так как непосредственно реагирует на все изменения географических, исторических и социальных условий его жизни [Сепир, 1993, с. 275]. С появлением новых понятий и явлений возникают новые слова для их обозначения. И, напротив, с исчезновением тех или иных предметов жизнеобеспечения исчезают и слова, соответственно обозначающие реалии прошлых веков.

Итак, лингвостатистическое, этноязыковое сопоставление лексического материала куманского (кыпчакского) и гагаузского языков показало, что 46% из 526 слов, сгруппированных в 34 тематических гнезда, оказались сходными, эквивалентными в каждом из двух языков, 14% были созвучными в такой степени, что, несмотря на некоторые различия, их смысл был вполне доступен для понимания лицам, владеющим современным гагаузским языком. При этом одна часть слов, имея одинаковое звучание, означала разные явления

или понятия, и, напротив, одно и то же понятие могло выражаться синонимично несколькими словами. Об этом ниже.

По удельному весу эквивалентных слова в тематических гнездах СС и гагаузского языка весь лексический материал распределялся, по крайней мере, по 5 уровням. Наивысшая доля одинаковых (совпадающих) слов в куманском и гагаузском языке оказалась в тематической группе, в которую попали обозначения продовольственных товаров, продуктов питания, одежды, названия пяти чувств, цветообозначения и прилагательные. В данном тематическом гнезде удельный вес одинаковых слов в сопоставляемых языках колебался в диапазоне от 80 до 89%.

Во вторую группу совпадающих слов, с интервалом от 58 до 71%, попали названия животных, свойств предметов и характеристик людей, наименования частей тела и личные местоимения, обозначения явлений природы, названия строительных материалов. С учетом «созвучных» слов, то есть не совпадающих буквально, но узнаваемых без специальной подготовки носителем современного гагаузского языка, совпадение лексики куманского и гагаузского языка в этой группе составляло от 73 до 83%.

На полярной позиции, в интервале от полного несовпадения (календарь, дом) до совпадения всего лишь в 23–25% случаев, оказались слова в группах, означающих религиозные понятия, драгоценные камни, инфраструктуру парикмахерского дела, обеденный стол и сопутствующие ему предметы, в том числе то, на чём сидят сотрапезники, наименования птиц, трав, овощей, а также названия предметов, связанных с войной. Очень низким оказалось количество совпадающих слов, обозначающих названия профессий: из 25 названий, только 3 совпали и еще 2 были созвучными (см. табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная таблица совпадаемости слов куманского (кыпчакского) и гагаузского языков*

№г.	Тематические гнезда слов, извлечённых из Codex Cumanicus	Итоги сравнений					
		Всего слов в каждом из гнезд	Совпадающие слова	Созвучные слова	Совпадающие слова, в %	Созвучные слова, в %	Всего, в %
1	Продукты питания	11	8	-	89	-	89
2	Одежда	6	5	-	83	-	83
3	Пять чувств	5	4	1	80	20	100
4	Цветообозначения и прилагательные	15	12	1	80	7	87

* Таблица разработана по источнику: Golden, 1992.

Таблица 2 (продолжение)

5	Названия животных	28	20	3	71	11	82
6	Свойства предметов и людей	14	10	1	71	7	79
7	Строительство	11	7	1	64	9	73
8	Части тела и личные местоимения	40	26	5	65	12	78
9	Семья, родственники	16	9	2	56	12	69
10	Природа	24	14	6	58	25	83
11	Базар, товары	28	15	4	54	14	68
12	Деревья и плоды	17	9	5	53	29	82
13	Четыре стихии	4	2	1	50	50	75
14	Предметы одежды	17	8	-	47	-	47
15	Человеческие недостатки	22	10	1	45	5	50
16	Коммерция, торговля	61	25	5	41	8	49
17	Течение времени	13	6	-	46	-	48
18	Политические титулы, должности, сопутствующие термины	18	8	4	44	22	67
19	Хозяйство	10	4	2	40	20	60
20	Антонимы	13	5	-	38	-	38
21	Положительные качества людей	20	8	1	40	5	45
22	Черви, насекомые	6	2	-	33	-	33
23	Спальня	9	3	2	33	22	55
24	Кухня и кухонные принадлежности	12	4	2	33	17	50
25	Драгоценные камни	7	2	2	29	28	57
26	Обеденный стол и то, что на нём	8	2	-	25	-	25
27	Предметы, связанные с войной	10	2	-	20	-	20
28	Травы, овощи	6	1	2	17	33	50

Таблица 2 (окончание)

29	Цирюльничество	8	2	-	25	-	25
30	Профессии	25	3	2	12	8	20
31	Названия птиц	10	2	2	20	20	40
32	Религиозные понятия	14	4	1	29	7	36
33	Календарь	12	-	-	-	-	-
34	Дом	6	-	1	-	17	17
35		526	242	57	46	115	57

Можно предположить, что подобная скудность в гагаузском тезаурусе куманских (кыпчакских) слов объясняется, прежде всего, тем, что гагаузы перешли окончательно от кочевой к оседлой жизни. Кардинальное преобразование нашло красноречивое отражение в лексическом материале. Хотя справедливости ради надо сказать, что в гнезде слов, обозначающих строительство и строительные материалы, занявшем 7-е место в списке из 34 лексических гнезд, оказалось 64% слов гагаузского языка, обнаруженных в куманском (кыпчакском) языке. Во-первых, в ходе этногенетической истории исчезли названия предметов, характерных для жизнедеятельности в условиях степной жизни средневековья. Во-вторых, произошла смена традиционного восточного календаря на западный, в связи с окончательным принятием христианства и восприятием сначала юлианского, а затем григорианского летоисчисления.

Диахронное сравнение языка вероятных предков гагаузов представляет собой лишь первый шаг при осуществлении компаративистского экскурса. Не менее важные задачи возникают в связи с необходимостью синхронного сравнения языка СС с памятниками тюркской художественной или иной литературы XIII в., то есть современными периоду создания и употребления на практике самого СС.

Приведённые примеры лексикографического наблюдения относительно наличия генетической связи гагаузского языка с куманским (половецким) языком весьма красноречивы и не нуждаются в дополнительных комментариях. Гагаузский язык, как один из тюркских языков, традиционно включается по своему словарному составу и грамматическому строю в юго-западную (огузскую) группу тюркских языков. Наличие в его словарном составе слов куманского (кыпчакского) языка, относящегося к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков, явно свидетельствует о куманских (половецких) следах в этнической истории гагаузов. Тем не менее, тема требует дополнительных исследований как в этнографическом, так и, особенно, в лингвистическом (лексикологическом) плане. Выше уже упоминались итоги исследований А. А. Чеченова.

В 1982 г. Л. Т. Махмутова установила, что 80% слов, представленных в Codex Cumanicus, имеются в современном татарском языке. На основании

этого её последователи сделали однозначный вывод, что кыпчакский язык СС XIII в., «почти полностью соответствует нынешнему татарскому языку» [<http://lesreda.h1.ru/2001/apr/N16/bs1610/htm>].

В составленном П. Голденом словарном гнезде «Продукты» («Grains, Dairy, Products and other Comestibles») неопознанным остается слово *koptelk* (*кoptалук*), означающее «блюдо из муки и мяса («A dish of flour and meat»)). Не полагаясь на свое так называемое «языковое чутье», я проверил названия всех блюд, включенных В. А. Мошковым в «Словарь бессарабских гагаузов». Ничего близкого по написанию в нём не оказалось. «Молчит» и четырехязычный словарь «Dicţionar Poliglot» Виктора Генова и Манолы Кырмызы, содержащий 35 тысяч слов. Остаётся предположить, что речь идёт об известных гагаузам блюдах из теста и брынзы – «пирушка», или о включённом известной исследовательницей системы питания у гагаузов Д. Е. Никогло в свой глоссарий диалектном слове «*çulama*» – мясе, запечённом в тесте [Никогло, 2004, с. 192].

Не исключено, что в связи с переходом на оседлость и последовавшими изменениями в рационе питания вместо мясной начинки в тесто стали вкладывать брынзу или творог в связи с увеличением доли молочной продукции в системе жизнеобеспечения гагаузов.

Сопоставление словарного состава куманского (кыпчакского) языка с лексикой гагаузского языка позволяет определить диапазон сходств и различий и, следовательно, масштабы изменений в различных сферах жизни за истекшие 7 веков. Сущность «живучести», устойчивости лексических единиц, относящихся к отдельным тематическим гнездам, и угасания других коренится в социодинамике внеязыковой жизни его носителей. Вместе с тем, элементарная арифметика, статистика слов и отдельных словосочетаний не даёт окончательного ответа, какие именно сдвиги имели место: изменения, состоявшиеся под давлением времени и пространства, или различия, сложившиеся в доисторическом времени в практике языковой жизни не вероятных, а воображаемых предков.

АРХИВНЫЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ГАГАУЗОВ*

В настоящее время ввиду слабой изученности архивных источников в исследованиях гагаузоведов превалирует, главным образом, полевой этнографический и фольклорный материал, а также анализ содержащихся в историографии данных. Однако всестороннее изучение традиционной духовной культуры гагаузов требует использования разнообразных источников. Традиционно в исторической науке первостепенное внимание уделяется архивным источникам. Наиболее оптимально их гармоничное сочетание, так

* Доработанный и сокращённый вариант статьи: Квилинкова Е. Н. Исторические и этнографические источники по традиционной духовной культуре гагаузов // Revista de istorie a Moldovei. Chişinău, 2008. № 1. P. 53-62.

как любой источник, в том числе архивный материал, в определенной степени является субъективным, хотя бы ввиду того, что ученый отбирает и систематизирует обнаруженные им факты. В этой связи Л. Февр писал: «Сама история есть отбор, ибо игра случайности может уничтожить то или иное свидетельство, тот или иной след прошлого, то или иное собрание документов – и сохранить другие» [Февр, 1991, с. 50]. Тем не менее, учитывая тот факт, что официальная гагаузская письменность с утверждённым алфавитом появилась лишь в 1957 г., а книги (религиозные) на гагаузском языке с использованием кириллицы – в начале XX в., любые архивные материалы приобретают особое значение.

Нашей задачей является анализ обнаруженных нами документов и сведений за XIX – начало XX в., содержащихся в фондах Национального архива Республики Молдова [ф. 44, ф. 205, ф. 208, ф. 5, ф. 38, ф. 134 и др.], которые были введены в научный оборот в предыдущих наших публикациях [Квилинкова, 2004а, с. 73-81; её же, 2005а; её же, 2005г, с. 55-58; её же, 2005и, с. 51-53; её же, 2006е с. 341-363; её же, 2007а; её же, 2008к, с. 53-62]. По некоторым вопросам, чтобы представить общую картину, приводились дополнительные сведения одновременно из нескольких фондов и источников.

Важным источником по традиционной духовной культуре гагаузов является бессарабская периодическая печать, в которой журнал «Кишинёвские епархиальные ведомости» (КЕВ), издававшийся с 1867 г. до 1918 г., занимает особое место. Без него не может обойтись ни один исследователь, изучающий историю и культуру этносов, населяющих Бессарабию. В КЕВ часто публиковались материалы по народным обычаям и обрядам, собранные местными священниками в соответствии с государственной программой. В них содержатся интересные и ценные сведения о духовной культуре народов Бессарабии, в том числе гагаузов.

Данные материалы собирались в соответствии с программой по историко-статистическому описанию церкви и приходов Кишинёвской епархии, опубликованной в КЕВ в 1872 г. (№ 13). Одним из её пунктов был сбор священниками этнографических сведений по народным праздникам и обрядам в тех сёлах, в которых они работали. Включение данного пункта в официальную программу объясняется тем, что характерной чертой общественной жизни того времени было исследование различными обществами и комитетами традиционной культуры и быта народов, населяющих Российскую империю (Лукьянец, 1986). Понимая безвозвратность этого процесса, учёные и энтузиасты прилагали огромные усилия для того, чтобы как можно полнее собрать этнографический материал и сохранить его для потомков. Благодаря тому, что уже в то время учёные и исследователи забили тревогу о том, что народная культура стремительно исчезает, мы и получили столь ценный источник.

Сведения по гагаузским селам, опубликованные в КЕВ, очень немногочисленны. Они в той или иной степени отражают обрядность и религиозно-нравственное состояние прихожан всего по четырём сёлам – Чок-Мейдан, Дезгинджа, Гайдар, Кубей (Червоноармейское) и в целом носят отрывочный характер [КЕВ, 1892, № 3, с. 55-58; № 4, с. 65-76; КЕВ, 1878, № 6, с. 233-254;

КЕВ, 1875, № 22, с. 830-843; № 24, с. 908; КЕВ, 1872, № 14, с. 446-448]. В них отчётливо проявляется отношение духовенства к народной обрядности [КЕВ, 1911, № 33-34, с. 1148-1150; КЕВ, 1875, № 21, с. 770-788; № 22, с. 818-823; КЕВ, 1910, № 36, с. 1267-1280; № 37, с. 1307-1311; № 38, с. 1355-1366; № 41, с. 1463-1478; № 42, с. 1510-1516; КЕВ, 1911, № 1-2, с. 5-14; № 4, с. 142-152]. В журнале печатались также сведения о деятельности священнослужителей по вопросам просвещения прихожан, их религиозной грамотности, морально-нравственного состояния и т. п.

Иногда в опубликованных в КЕВ отчётных документах встречается описание архаичных народных обрядов более раннего периода, с которыми Церковь вела борьбу. При использовании данного вида источника необходимо критически подходить к высказываниям священников, касающихся «живучести» народных обрядов и обычаев, так как местное духовенство было заинтересовано в том, чтобы «приукрасить» свои успехи в деле борьбы с остатками язычества в селе.

Сочетание двух видов источников – рукописных и опубликованных (архивных документов и данных из КЕВ) позволяет довольно полно отобразить картину социально-исторической действительности, вопросы семейно-брачных отношений, правового положения женщины и её роли в общественной жизни, землевладения, социального развития общества, деятельности органов местного самоуправления у задунайских переселенцев (в том числе по гагаузским сёлам), вопросы образования, этнической и языковой идентификации гагаузов в XIX – начале XX вв. и др. Однако исследователям, приступающим к изучению данного вида источника, необходимо знать, что многие содержащиеся в них сведения, относятся к задунайским переселенцам в целом, без указания на этническую принадлежность лиц, фигурировавших в документах. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что использование определённого материала не только по гагаузским, но и по болгарским селам является правомерным, поскольку он демонстрирует общие процессы в области социально-экономического развития поселенцев юга Бессарабии и их религиозное состояние.

Так, в Бессарабском областном уголовном суде (фонд 44) представлены спорные исковые дела (рассматривавшиеся Кагульским и Леовским уездными судами) между нарождающейся зажиточной верхушкой и членами сельской общины по вопросам аренды, выплат фиксированного процента с урожая и т. д., а также дела о воровстве, наследстве, поджогах, потраве, убийстве, ворожбе (колдовстве) и др., относящиеся к первой половине XIX в. В документах данного фонда довольно подробно отражена общественная жизнь гагаузов (подробнее см.: Квилинкова 2004а, с. 73-81; 2007а, с. 185-223; 2006л, с. 50-55).

Одной из наиболее распространённых форм вынесения приговоров судебными органами (в том числе и по некоторым делам уголовного права) была передача виновного на поруки сельской общине («под надзор обществу») с наложением на него епитимьи. Если общество или отдельные её члены не поручались за виновного, то его ссылали в Сибирь [НА РМ, ф. 44, оп. 2, д. 194, 1089, л. 60]. Отдаче виновного на поруки, как правило, предшест-

вовало телесное наказание. Данная мера применялась по отношению к осуждённым за различные преступления, например: за неумышленное убийство, за воровство, за колдовство (женщина была приговорена к 10 ударам розгами и штрафу). При этом иногда оговаривалось, что «если будет не в состоянии внести того числа денег, то отдать её в отслугу тому, кто за высшую плату примет» или «отдать его в законные в отработок тому, кто пожелает, или при неявке желающих употребить в городских работах за установленную цену» [НА РМ, ф. 44, оп. 1, д. 248, л. 108-109; ф. 44, оп. 2, д. 185, л. 282]. Из обнаруженных документов видно, что телесное наказание в Бессарабии, как и на территориях других российских губерний, применялось и по отношению к женщинам.

Содержащиеся в документах сведения раскрывают некоторые вопросы, связанные с изучением роли обычно-правовых норм в традиционной жизни гагаузского села в исследуемый период. При рассмотрении дел общесельский совет довольно эффективно использовал методы психологического воздействия.

Интерес представляют дела за 20–30-е гг. XIX в., связанные с нарушением запрета о кровосмешении. Согласно каноническому праву, брак между родственниками по восходящей, нисходящей и боковой линиям (до седьмой, позже – четвёртой степени родства) не допускался. В официальном законодательстве, действовавшем в тот период, нарушение этого запрета, в случае родства по восходящей или нисходящей линиям, наказывалось смертью [НА РМ, ф. 44, оп. 2, д. 52, л. 3]. Как видно из документов, задунайские переселенцы Пейко Неделков и его двоюродная сестра Пейка Добрева по требованию родственников и жителей села были «из места своей оседлости удалены», то есть изгнаны из села. Судебное разбирательство, длившееся более двух лет, окончилось обвинительным приговором, по которому их брак признавался незаконным. И это несмотря на то, что супруги обвенчались на территории Добруджи и у них родилось двое детей. Леовским уездным судом было вынесено решение: подвергнуть их епитимье и сослать в Сибирь с условием их раздельного проживания. Позже дело, под предлогом несоблюдения некоторых процессуальных норм, было передано для окончательного решения в Управление задунайскими переселенцами [НА РМ, ф. 44, оп. 2, д. 52, л. 3]. Это свидетельствует о том, что вопросы, касающиеся поселенцев в Бессарабии, находились в ведении Управления задунайскими переселенцами, которое применяло наказания с учётом местных традиций.

Материалы 44 фонда демонстрируют также отношения мужа и жены внутри семьи. Так, за неумышленное убийство жены «взамен тюремного заключения» муж был лишён «некоторых по 53 статье Уложения особенных прав и преимуществ» и приговорён к 70 ударам розгами; было решено его «затем отдать под надзор обществу, к которому он принадлежит, на один год... и передать его церковному покаянию по распоряжению его духовного начальства». Здесь же оговаривался вопрос о наследовании имущества убитой супруги: «что касается имущества, оставшегося после смерти жены под-

судимого Тоти Иовчи Марии, оцененного в 7 руб. 53 коп. серебром, то таковые дать кому следует по принадлежности» [НА РМ, ф. 44, оп. 1, д. 405, л. 62-63].

Значительная часть документов ф. 44, связана с делами о краже. В качестве подозреваемых и обвиняемых обычно фигурируют молодые мужчины из так называемых новопереселенцев (переселившихся с территории Турции в Бессарабию в результате русско-турецкой войны 1828–1830 гг.). Будучи бедными и «не имея ни оседлости ни имущества» [НА РМ, ф. 44, оп. 1, д. 510, л. 9-10; ф. 44, оп. 2, д. 261, л. 19], они нанимались на определённый срок к своим соплеменникам в услужение. При возникновении судебных разбирательств последние, из чувства солидарности, поручались за них.

Встречаются дела, в которых имеется указание на то, что у колонистов Бессарабии в первой половине XIX в. сохранялась практика взимания десятины. Так, кубейские колонисты должны были выплатить купцу Хаджи Маркову десятину с урожая хлеба и сена. Для того чтобы примирить обе стороны, прибегли к помощи «третьей стороны по совести» [НА РМ, ф. 44, оп. 1, д. 343, л. 1-3].

Архивные сведения фонда 44 дают возможность исследовать социальное положение наёмных работников, условия найма и жизни у хозяина, их прежнее место жительства до переселения в Бессарабию (из каких сёл переселялись), рассмотреть случаи возврата в Турцию («побеги», причиной которых нередко являлись неурожаи или эпидемии в Бессарабии, или же желание уйти от следствия – дела за 1835–1841 гг.) и др. [НА РМ, ф. 44, оп. 1, д. 467, л. 1-5; ф. 44, оп. 1, д. 510, л. 1-5; ф. 44, оп. 1, д. 507, л. 2, 27; ф. 44, оп. 1, д. 570, л. 9; ф. 44, оп. 2, д. 92, л. 9; ф. 44, оп. 2, д. 185, л. 4; ф. 44, оп. 1, д. 602, л. 1; ф. 44, оп. 1, д. 491, л. 3; и др.].

В фонде Бессарабской губернской казенной палаты (фонд 134) содержатся так называемые «ревизские сказки» – материалы переписей (1835, 1850 гг. и др.), представляющие собой списки задунайских переселенцев [НА РМ, ф. 134, оп. 2, д. 45, л. 642 и др.; ф. 134, оп. 2, д. 247, л. 158; и др.], на основании которых можно говорить о количестве членов семьи в гагаузских сёлах, о составе семей, родственных отношениях. Такого рода данные являются важными для определения типа гагаузских семей, распространённых на территории Бессарабии.

На основании данных ревизских сказок видно, что многие имена собственные у гагаузов-переселенцев были по происхождению греческими, тюркскими или южнославянскими: Йордаки, Панайит, Йипати, Афтения, Афтина, Анаста, Занофия, Доменти; Панаитчу, Урум, Янаки, Маври, Мавроди, Саранди, Пойрас; Менекша/Меневша, Султана, Ваклица, Калица, Стойка, Рада, Тоти и др. Однако в последующих переписях уже видны происходящие в этой области изменения – ославянивание имён в соответствии с восточнославянской традицией. Данные изменения напрямую связаны с постановлением Кишинёвской Духовной Дикастерии (1826/1827 гг.), согласно которому священнослужителям запрещалось давать младенцам при крещении имена, не записанные в святцах Православной церкви [НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 5157, л. 11]. Эти меры (в том числе деятельность официальных властей)

во многом способствовали унификации имён и формы написания фамилии и отчества у гагаузов, согласно указанной традиции.

В фонде Бессарабского областного правительства (фонд 5) хранятся «переписи задунайских переселенцев болгарской нации» за 1818 г. Они представляют собой ценный источник по антропонимии гагаузов. В них также содержатся сведения о поле и возрасте каждого члена семьи, о национальной принадлежности переселенцев. Эти данные позволяют проследить некоторые тенденции разницы в возрасте у супружеских пар.

В фонде 38 представлены в целом дела по Бессарабской губернии по различным вопросам о воровстве, поджогах, нанесении побоев, убийстве, о кровосмешении, об отдаче земли в оброк и т. п. Дел такого характера, связанных с задунайскими переселенцами, довольно мало. В этих документах содержится информация о времени переселения отдельных семей, об их материальном благосостоянии, о трудностях, с которыми они сталкивались на территории Бессарабии. Интерес представляют дела о противостоянии местных обществ или отдельных лиц произволу чиновников, злоупотреблявших своим служебным положением и незаконно применявших к ним телесные наказания и арест. Поскольку крестьянам сложно было доказать свою правоту при рассмотрении дел в суде по причине волокиты и собственной неграмотности, то обычно для наказания виновных они широко использовали народные методы борьбы (поджоги сена, хозяйственных построек, поломку сельскохозяйственных орудий и т. п.).

Некоторые данные, относящиеся к вопросам завещания, имеются **в фонде Бессарабского областного гражданского суда (фонд 37)**. Однако сведения о письменных завещаниях чрезвычайно редки, так как в вопросах наследования строго соблюдались нормы обычного права.

Наиболее значимыми и в плане объёма и в плане содержания при изучении традиционной духовной культуры гагаузов являются материалы фондов **Кишинёвской Духовной Дикастерии (фонд 205)** и **Кишинёвской Духовной Консистории (фонд 208)**, а также опубликованные документы и историографические сведения из журнала «**Кишинёвские епархиальные ведомости**». В них широко представлена информация, касающаяся взаимоотношений между местным духовенством и прихожанами по религиозным, нравственным и бытовым вопросам, по образованию, а также прошения о назначении в приходы священников собственной национальности и т. д. [НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 2556, 4156, 2069, 4153; ф. 208, оп. 3, д. 5485; ф. 208, оп. 19, д. 595]. Эти источники дополняют друг друга, позволяя прочувствовать содержание и атмосферу того времени, сложившуюся в среде задунайских переселенцев, – в частности, и в гагаузском селе.

Так, все правонарушения (которые, надо сказать, были довольно редким явлением в среде задунайских переселенцев), касающиеся области семейно-брачных отношений и др., рассматривались в духовном суде. По необходимости рассмотрение дел происходило совместно с гражданскими судьями.

В материалах фонда 205 содержится дело о наложении епитимьи на жителя колонии Гайдар А. Черня за убийство своего сына Ивана. В результате

дикой ревности отец задушил собственного двенадцатилетнего сына, потому что жена ушла к свояченице помогать и осталась там ночевать. Данное дело представляет интерес в связи с фигурирующим в нём решением. Дикастерия, квалифицировав данные действия виновного как иногда повторяющееся временное сумасшествие приняла решение не судить виновного, а передать дело в *совестливый суд*, с последующим определением его в Одесский дом для сумасшедших и наложением епитимьи, по которой в течение 2,5 лет виновному не дозволялось причащаться и, кроме того, в праздничные дни он должен был совершать по 45 земных поклонов [НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 5219, л. 6, 7, 13].

Бессарабский областной уголовный суд согласился с решением Консистерии, признав, что действия были совершены виновным в «припадке сумасшествия». Из приведённых сведений видно, что довольно серьёзные правонарушения рассматривались в так называемом совестливом суде. Это свидетельствует о том, что он продолжал сохранять свою значимость в традиционной жизни села.

Епитимья, как вид духовного наказания, фигурирует почти в каждом судебном приговоре (в том числе и по уголовным делам). Как правило, епитимья была публичной и заключалась в совершении ежедневных «земных» поклонов (15, 45 и т. д. в зависимости от тяжести вины) в церкви перед иконой или в другом отведенном для этой цели месте [НА РМ, ф. 208, оп. 6, д. 79, л. 15-19, 21-28].

В фонде Кишинёвской Духовной Консистерии имеются некоторые материалы, позволяющие рассмотреть практическое применение канонического права по вопросам создания брака и допустимой степени родства. Так, за брак, на который требовалось разрешение архиерея, священники брали с прихожан немалую плату от 15 до 35 руб. (НА РМ, ф. 208, оп. 5, д. 875, л. 27). Обычно за кровнородственными связями следило само общество, которое извещало священника в случае нарушения брачующимися принятых традиционных норм. При установлении нарушения священники отказывались венчать такие пары [НА РМ, ф. 208, оп. 5, д. 875, л. 196-197]. Но тот факт, что начали постепенно распространяться браки между родственниками, состоящими в 4-й степени родства, свидетельствует об ослаблении кровнородственных связей и требований норм, связанных с браком.

В конце XIX – первой половине XX в. у гагаузов был широко распространён обычай «умыкания невест», который представлял собой одну из принятых в традиционном обществе форм брака. Сохранение обычая «умыкания невест» в известной степени связано с существовавшими «ножницами» в нормах, устанавливающих нижнюю границу брачного возраста. По общеправовой норме, допустимый брачный возраст для девушки составлял 14–15 лет, в то время как согласно каноническому праву он был установлен на уровне 18 лет. Поэтому священники нередко отказывались венчать молодых, если невесте было всего 15 лет [НА РМ, ф. 208, оп. 5, д. 3579]. Это приводило к тому, что до достижения совершеннолетия молодые жили необвенчанными. Священника, венчавшего молодых без согласия родителей, в случае непри-

мирения родственников, наказывали штрафом [НА РМ, ф. 208, оп. 5, д. 2399. (за 1902 г.)]. При этом его подвергали взысканию даже тогда, когда брачующиеся были совершеннолетними (18 лет), но при этом отсутствовало согласие родителей на брак.

Принимая во внимание тот факт, что религиозная принадлежность является одним из этнодифференцирующих признаков гагаузов, особую ценность представляют данные, отражающие состояние религиозности задунайских переселенцев, в том числе и гагаузов. **Вопросы, связанные с религиозностью гагаузов и проявлением христианско-языческого синкретизма**, довольно полно отражены в заметках местных священников, опубликованных на страницах журнала «Кишинёвские епархиальные ведомости», а также в работах исследователей конца XIX – начала XX вв. (К. Иречек, В. А. Мошков, А. Манов, Н. С. Державин и др.). Изучению состояния религиозности болгар и гагаузов посвящен специальный очерк, написанный священником Н. Стойковым [КЕВ, 1910, № 36, с. 1267–1280; № 37, с. 1307-1311; № 38, с. 1355–1366; № 41, с. 1463–1478; № 42, с. 1510–1516; КЕВ, 1911, № 1–2, с. 5–14; № 4, с. 142–152].

Представленные в историографии разнообразные и нередко противоречивые сведения были значительно расширены и уточнены архивными данными, обнаруженными нами в НА РМ, что позволило в целом рассмотреть **вопрос о состоянии религиозности гагаузов** в исследуемый период (Подробнее см.: Глава 7, параграфы «Состояние религиозности гагаузов в исторической ретроспективе (по архивным историографическим и этнографическим данным)» (с. 351-364); «Религиозность и религиозная идентичность гагаузов в настоящее время» (с. 365-378). В фондах 205 и 208, а также в КЕВ широко представлены **данные об этнической и языковой идентификации бессарабских гагаузов в XIX – начале XX вв.** Как известно, в XIX в. гагаузы фигурировали под названием «болгары, говорящие по-турецки». (Подробнее см.: Глава 7, параграф «Формирование самосознания гагаузов» (с. 337-350), а также Глава 11, параграф «Особенности идентификации своего языка у различных групп гагаузов и становление глоттонима “гагаузский язык”» (с. 551-568).

В целом можно констатировать, что материалы, содержащиеся в фондах Национального архива Республики Молдова и в журнале «Кишинёвские епархиальные ведомости», довольно полно раскрывают различные области традиционной духовной культуры гагаузов: типы семей, социальные отношения в селе, роль обычно-правовых норм в традиционной жизни села и др. Из представленных в работе архивных документов видно, что в исследуемый период довольно эффективно использовались методы психологического воздействия и телесные наказания. В делах уголовного права, относившихся к области морали и регулировавшимся каноническим правом, юридический статус Церкви был высок.

В заключение отметим, что в данной работе нами проанализирована лишь небольшая часть материала по общественной жизни и традиционной культуре гагаузов, содержащегося в фондах Национального архива Республики Молдова. Полный анализ архивных фондов по гагаузской тематике,

учитывая её особую важность, требует специального углубленного исследования. В данной коллективной монографии мы кратко охарактеризовали исследованные нами в ходе работы над указанной проблемой фонды, а также лишь обозначили те из них, которые требуют дальнейшего изучения: фонды местных органов государственного управления – волостных правлений, фонды органов юстиции, таких как Бессарабский областной суд (фонд 59), Комратский волостной суд Бендерского уезда Бессарабской губернии (фонд 605), Чадыр-Лунгский волостной суд Бендерского уезда Бессарабской губернии (фонд 833), Бендерский уездный съезд мировых судей Бессарабской губернии (фонд 881) и многие другие. Несомненно, рукописные документы и материалы, которые мы выявили, работая над изучением этнокультурных проблем бессарабских гагаузов, – это капля в море. Особо актуальным является выявление и анализ документов, хранящихся также в архивах Турции, Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, Измаила, Симферополя, Херсона, Запорожья, Бухареста, Брашова, Варны, Софии. К сожалению, они все ещё остаются недоступными для основной части молдавских гагаузоведов. Одним словом, несмотря на частичную изученность, архивы всё ещё ждут своих исследователей.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ НАЧАЛА XIX В. ПО ИСТОРИИ ГАГАУЗОВ*

Различные аспекты жизни гагаузов и болгар первой половины XIX в. достаточно хорошо изучены в рамках общей истории задунайских переселенцев. В недостаточной мере, на наш взгляд, исследованы этнические процессы этого периода. Предстоит задача выявления новых и дополнительного анализа уже известных источников, содержащих потенциальные возможности выявления элементов этнического развития и изучения его особенностей. Некоторые архивные документы, вводимые в научный оборот, позволяют всесторонне рассмотреть переход задунайских переселенцев из имений крупнейшего землевладельца юга Бессарабии Бальша на казённые земли.

Для анализа ситуации 30-х гг. XIX в. необходимо было реконструировать события более раннего периода – уход поселян, начиная с 1812 г., с помещичьей земли на казённые. С этой целью из источников была извлечена однотипная разновременная информация и проверена методом сравнительного анализа, а также методом сопоставления с известными источниками для подтверждения достоверности. События начала XIX в., которые легли в основу судебной тяжбы 30-х гг., достаточно подробно освещены в молдавской историографии [Мещеряк, 1957]. После получения переселенцами статуса колонистов Бальш мог претендовать только на возмещение понесённых им убытков. В 1831 г. Правительствующим Сенатом был дан Указ Бессарабско-

* Впервые опубликовано в сборнике: Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10. Личность и группа: векторы трансформационных изменений. Под общей редакцией М. Н. Губогло. М., 2010. С. 141-154.

му областному правлению провести тщательное расследование всех обстоятельств дела об уходе поселян с непосредственным вовлечением в следственный процесс колонистов [НА РМ, ф. 6, оп. 2, д. 610, л. 2]. Документы расследования хранятся в фонде Бессарабского областного правления [НА РМ, ф. 6, оп. 2, д. 604, 610, 672, 754, 975]. Весь объём дел о поселянах составляет около 600 документов – 2 000 листов (без учёта оборота) текстового материала. Основной массив источников охватывает период с начала 1832 г. до конца 1842 г. Нарушение хронологической последовательности, произошедшее при составлении архивных описей, затрудняет, но не исключает возможности исторической реконструкции событий дела о поселянах.

Подлинность документов не вызывает сомнений по многим своим характеристикам. Они написаны на бумаге с водяными знаками, которая не применялась после середины 40-х гг. XIX в., с соблюдением особенностей орфографии русского языка того времени, употреблением топонимов и антропонимов того периода. Не все тексты свободно читаются. Те документы, которые составлялись профессиональными писарями, извлечь информацию не составляет большого труда. Другие тексты (особенно черновики журналов областного правления), по причине неразборчивого почерка и специфики орфографии того времени, трудно поддаются расшифровке.

По содержанию документы представляют собой: 1) исходящие из Бессарабского областного правления черновики и отписки отчётов по делу в Сенат; 2) входящую переписку с конторой Колонистского управления Южного края России, Бессарабской казенной палатой, нижестоящими присутственными местами, конторами Бальша; 3) следственные материалы (протоколы показаний колонистов, предварительные и итоговые списки); 4) текущие журналы заседаний по делу о поселянах. В фонде правления хранятся также копии писем Бальша и его наследников на имя российского императора, Новороссийского и Бессарабского губернатора и другим. По форме все документы представляют собой повествовательные тексты, кроме списков в виде сводных таблиц.

Из всего комплекса имеющихся документов для рассмотрения данного вопроса наиболее значимыми являются протоколы показаний и списки колонистов (предварительные и итоговые). Другие привлекаемые нами документы позволяют проследить происхождение источников, оценить степень полноты и достоверности содержащейся в них информации о переселении из-за Дуная в Бессарабию и дальнейшем расселении на казённых землях.

Расследование дела о поселянах было возложено на Леовскую и Бендерскую комиссии, возглавляемые уездными прокурорами. В основу следствия были положены списки задунайских переселенцев, перешедших с имений помещика Бальша на казённые земли, составленные еще в 1817 г. чиновником вице-губернатора Крупенского при участии поверенного Бальша и «в присутствии жителей и попечителя их Вагикиоти» [Там же, л. 4 об.-5, 38 об.-39]. Результатом стали три именные «ведомости Крупенского», представленные в его рапорте от 5 января 1818 г. заместнику Бессарабской области Бахметьеву. Указом областного правления от 18 февраля 1832 г., сопро-

вождённым копиями списков (ведомостями), комиссиям поручалось, начав розыски в балышевских селениях, выяснить, действительно ли указанные в ведомостях люди жили у Бальша и куда они ушли. Дополнительно предписывалось собрать сведения о тех, кто поселился на землях помещика после ухода прежних поселян [Там же, д. 604, л. 125].

Следующий этап разысканий начался с указа областного правления от 5 августа 1832 г. снять показания в колониях Болгарского водворения [Там же, 610, л. 261]. Из рапортов уездных прокуроров видно, что в период с осени 1832 г. по 26 августа 1833 г. комиссии выезжали в 41 колонию. В некоторых местах, в зависимости от того, из какого селения Бальша вышли поселяне, показания брались несколько раз одной комиссией (в Кубее – у выходцев из Кождамгалии и Тартаула, в Болграде – из Мусаита, Пеленей Молдован и Гречан, в Инпуците – из Джигилбая, Алуата, Пеленей Молдован). По этой же причине в разное время в одной и той же колонии работали различные комиссии (Болград, Каракурт, Ердек-Бурну, Кубей, Тараклия, Волканешты, Сатунов) [Там же, л. 298-298 об, 307 об., там же, д. 604, л. 1-6 об, 11-36 об, 46-46 об., там же, д. 672, л. 96, 116, 125, 126, 143]. Так как большинство протоколов отсутствует, узнать, какая из комиссий проводила следствие в определённой колонии, можно по рапортам и по характерному стилю оформления информации, нашедшему отражение в итоговых списках.

Архивные документы более детально позволяют проследить предварительную работу Леовской комиссии. Нам известны данные о 18-ти показаниях, взятых этой комиссией с осени 1832 г. по январь 1833 г. В материалах дела сохранились 11 протоколов показаний в 7-ми колониях: Кубей (20.12.1832 г.), Тараклия (21.12.1832 г.), Болград (4-5.01.1833 г.), Сатунов (07.01.1833 г.), Хаджи-Абдул (08.01.1833 г.), Инпуцита (09.01.1833 г.), Курчи (10.01.1833 г.) [Там же, д. 604, л. 1-6 об, 11-36 об.]. Протоколы – это повествовательные тексты, написанные от руки, объёмом от 2-х до 7-ми листов. Запись показаний производилась на русском языке в форме третьего лица со слов «показателей», и «вместо их, неграмотных, по рукоданному прошению» была подписана сельским писарем, или «письмоводцем». Только в двух случаях колонисты колонии Сатунов и выборный колонии Курчи Дмитрий Нанишов сами расписались на «греческом диалекте» (то есть их фамилии в протоколе написаны буквами греческого алфавита) [Там же, л. 22 об, 33]. В исключительных случаях речь колонистов была записана от первого лица. Показания давались под присягой, к которой приводил, как правило, местный священник, иногда – из другого прихода, например, в Болграде – священник из Курчи.

Анализ формуляров протоколов позволяет сделать вывод, что все они однотипны и содержат следующую информацию: текст клятвенного обещания; время и место проведения показания; данные, из какого селения вышли, сколько человек («показателей») привлечены к следствию (поимённо и под номерами, с указанием возраста и вероисповедания). Показания записаны по схеме «опрошены» – «показали», но в протоколах присутствуют только ответы колонистов, записанные по пунктам, судя по которым можно восстановить задаваемые вопросы. Полагаем, что опрос сводился к следующему:

1) кого по предъявленному списку знают «показатели» и где находятся эти люди, 2) когда и откуда вышли они в Бессарабию, 3) когда ушли от Бальша и по какой причине. В некоторых случаях опрос проводился по сокращённой схеме, если целью его было подтверждение данных более ранних показаний. Например, в Кубее проверялся список поселян по сведениям из Чешмеваруиты и Бужора.

По формуляру протокол завершается подписями членов комиссии, снимающей показания, и списком присутствовавших. В состав комиссии входили уездный прокурор, заседатель земского суда, а также депутат от колонистской конторы. Функции депутатов выполняли окружные старшины: в Измаильском округе – Сатовский, в Верхне- и Нижне-Буджакском округах – братья Илашковы, в Прутском – Иван Ватикиоти и в Кагульском – Павловский [Там же, д. 610, л. 371 об.]. Бутков, занимавший должность товарища конторы колонистов Южного края России, в переписке с Бендерским прокурором писал: «...При участии с вами в сем деле колонистских старшин вы ни в чём, даже и в языке, никаких затруднений не встретите» [Там же, л. 372 об.]. О присутствии при расследовании переводчика свидетельствует протокол показаний в колонии Курчи. «Грамотный по-гречески» сельский выборный Д. Нанишов переводил «показание сие с турецкого языка, на коем „показатели“ изъяснялись по незнанию другого» [Там же, д. 604, л. 36]. Почти всегда при даче показаний присутствовал поверенный Бальша.

У «показателей», как и у чиновников, ведущих расследование, не было личной заинтересованности в результатах ведения дела. У колонистов, скорее всего, не было и представления о самом деле в целом. Они выступали как пассивные свидетели, рассказывая о прошлом, в котором им пришлось выступить в активной роли. Гарантией отсутствия какого-либо давления на «показателей» являлось присутствие на следствии депутата от колонистского управления, с одной стороны, и поверенного Бальша, с другой. Кроме поправки на такой фактор, как давность событий (кое-что могло быть забыто), нет причины сомневаться в правдивости и немотивированности показаний, о чем свидетельствуют нестереотипность ответов и наличие свободно выраженной дополнительной информации, не заданной формуляром опроса. Уникальность анализируемых источников в том, что это первое известное нам свидетельство о задунайских переселенцах, принадлежащее им самим, пусть и записанное с их слов.

Проверка старой информации по ведомостям 1817 г. осуществлялась также путём запросов, которые направлялись в городские и сельские полицейские управы для проверки сведений о единичных случаях переселения в некоторые селения и города (сохранились 3 запроса с ответами из полицейских управ г. Рени, селений Манта и Вадулуйсак) [Там же, лл. 8-8 об., 38-40, 45-45 об., 47-51]. В результате же выявления переселенцев, ушедших после 1817 г., и учёта вновь прибывших в балышевские селения появилась новая информация, необходимая для следствия.

Итогами работы Леовской комиссии стали: результаты проверки ведомостей 1817 г.; составленный отдельно список лиц, «о коих жители... при

учинении следствия отозвались незнанием...»; список поселившихся на землях Бальша впоследствии; список самовольно ушедших от него с 1818 г. по 1821 г.; список ушедших после 1821 г. [Там же, л. 128-158 об.]. Для участия в составлении и подписании списков на завершающем этапе работы комиссии был командирован депутат колониетского управления задунайских переселенцев Солодков [Там же, д. 754, л. 76 об.].

Бендерская комиссия проводила аналогичную работу в 28-ми колониях в июне-августе 1833 г., но протоколы показаний в деле отсутствуют. Большая часть проверяемых комиссией поселян по ведомости Крупенского (литера С – молдаване) оказались не только в Болгарском водворении, но и на землях государственного ведомства, а также на землях других помещиков. Местонахождение их устанавливалось по расследованиям в колониях и селениях Бендерского уезда и по запросам в Ясский, Хотинский и Оргеевский уезды. Немногочисленные случаи возвращения молдавских жителей в селения Бальша подтверждались запросами в Леовскую уездную полицейскую управу.

В 1835 г. объединённые итоги Леовской и Бендерской комиссий были переданы в Аккерманскую комиссию для дополнения разыскных данных и сведения их в итоговые списки [Там же, л. 157]. На аккерманских чиновников была возложена задача поиска не найденных при расследовании другими комиссиями поселян как в Аккерманском уезде, так и в городах – Аккермане, Рени, Измаиле, Килии и Кишинёве. Работа комиссии проводилась с 1834 г. по 1838 г. путём запросов в городские полицейские управы и градоначальства. Поиск облегчался тем, что по переписи 1835 г. учёт населения в городах вёлся по этнически-сословному признаку. Из рапортов в областное правление следует, что для дачи присяжных показаний вызывались в полицейские управы по 6 (в Аккермане) или по 12 (во 2-й, 3-й и 4-й части Кишинёва) «старожилых и добросовестных» жителей [Там же, д. 975, л. 262, 384 об.]. Судя по итоговым спискам, от них были получены достаточно подробные сведения об ушедших от Бальша задунайских переселенцах.

В связи с тем, что со стороны Бальша не были предоставлены сведения о поселянах, ушедших в Херсонскую и Новороссийскую губернии, Аккерманская комиссия к концу 1838 г. закончила свою работу. Для подведения итогов по результатам расследований трёх комиссий указом областного правления от 8 декабря 1838 г. был выделен специальный чиновник – аккерманский поселанский стряпчий [Там же, л. 414-414 об.].

Пять итоговых Именных Списков были оформлены («учинены») с 25 марта по 25 августа 1839 г. Вследствие нарушения хронологического принципа расположения документов в делах, Списки обнаружены в 672-м деле [Там же, л. 226-443 об.], датированном 1833 г., а не в 975-м, содержащем документы 1836–1842 гг. Трудности для источниковедческого анализа возникают и из-за несоответствия расположения каждого из Списков в хронологическом порядке их составления.

По внешнему виду Списки представляют собой сводные таблицы на сдвоенных листах общим объёмом 191 лист (без оборота). Каждый отдельный

список снабжен титульным листом, датирован и пронумерован, подписан аккерманским поселанским стряпчим Зворским.

На основе структуры ведомостей Крупенского составлены три Именных Списка с сохранением этнически-хронологического принципа разделения поселян: два списка болгар (А и В) и один список молдаван (С). Хронологическое разделение проявилось только в списках болгар – на старых и новых переселенцев. «Именной Список молдаванам» включает как задунайских переселенцев (все они относились к «старожилым» и переселились в колонию Болгарского водворения), так и местных молдаван, ушедших в основном на казённые земли государственного ведомства. Некоторые документы этого фонда [Там же, д. 610] были использованы в специальном исследовании по этой категории крестьян [Анцупов, 1966]. В отдельный Именной Список включены поселяне, перешедшие в селения других помещиков.

Внутренняя структура каждого из вышеупомянутых Списков определяется юридическими нюансами статуса земель Бальша во время заселения их выходцами из-за Дуная. Проанализировав, в каких бальшевских селениях работали изначально комиссии, и сопоставив результаты с данными Скальковского, можно утверждать, что в сфере деятельности Бендерской комиссии – поселяне, ушедшие с «безусловно» принадлежавших Бальшу земель (селений, приобретённых им у Мурузи, и его родословных вотчин). Леовская комиссия вела расследование об уходе крестьян с территорий, ранее принадлежавших Порте и «Константинопольской мечети» и перешедших к Бальшу после войны 1806–1812 гг. (Икисаат и Мусаит) [Скальковский, 1848, с. 14-16].

Названные четыре списка объединены однотипностью формуляра: 1) из какого селения, 2) какие люди, 3) когда ушли от Бальша – с левой стороны; настоящее местонахождение и дополнительные сведения – с правой.

В источнике есть данные, что был оформлен отдельный Список тех, кто не был выявлен в ходе расследования, аналогично создаваемым в предварительных итогах комиссий. Этот Список не был представлен в областное правление, так как наследники Бальша не вернули его после ознакомления [НА РМ ф. 6, оп. 2, д. 975, лл. 501-503 об., 506]. Наконец, по новым данным, собранным в результате работы комиссий, составлен «Список о тех выходцах, кои со времени перехода прежних поселян... водворились впоследствии...» (на землях Бальша) [Там же, д. 672, л. 390-395 об.].

Будучи по форме и содержанию комплексным источником, в зависимости от исследовательских задач Именные Списки могут быть проанализированы как целостный документ либо выделены в качестве самостоятельных источников. В этой связи важным представляется дать анализ информации, содержащейся, наряду с протоколами показаний колонистов, в двух Именных Списках:

1. Старожилым болгарам, перешедшим из имений помещика Ивана Бальша в разные места Бессарабской области на казённые земли, извлечённый из всех присяжных разысканий бывших разных комиссий, с показанием времени переселения каждого семейства и человека (учинён 10 июня 1839 г.).

2. Болгарам, вышедшим во время предпоследней с турками войны и после прокламации князя Кутузова-Смоленского, и поселившимся было в имениях помещика Бальша, а потом бежавшим в разные места Бессарабской области на казённые земли, извлечённый из всех присяжных разысканий бывших разных комиссий, с показанием времени переселения каждого семейства и человека (учинён 20 июля 1839 г.).

Считаем необходимым остановиться на возможностях источников в освещении таких вопросов, как переход задунайских переселенцев с Балкан в Бессарабию и заселение ими припрутских земель, уход от помещика и расселение в колониях. Специфика содержания протоколов и Именных Списков заключается в том, что по своему назначению они основаны на сопоставлении данных 30-х гг. XIX в. с информацией 1817 г., а также на выявлении более ранних фактов жизни переселенцев.

Сведения о том, когда и откуда прибыли выходцы с Балкан, не представляли особого интереса для расследования по делу. Важно было уточнить только то, «в которых именно месяцах перешли из-за границы в Бессарабию те из показанных по ведомости под литерою **В** людей, кои отмечены прибывшими сюда в 1811 г.» [Там же, д. 604, л. 125 об.], и этот вопрос был включен в формуляр показаний колонистов. Однако не только новые, но и старожилые переселенцы охотно вспоминали, когда и откуда они прибыли из-за Дуная. В 6-ти протоколах из 11-ти имеются более или менее конкретные данные. Колонисты Тараклии (из Алуата) «вышли из-за Дуная назад тому будет 22 года, то есть в 1810 г.» [Там же, л. 4 об.-6 об.]. Жители Болграда (из Мусаита) показали, что они «суть старожилые селения Мусаит, которые платили турецкому правительству подати» [Там же, л. 11-14]. Показатели колонии Инпуциты (из Пеленей Молдаван) «вышли из-за Дуная... еще во время турецкого правительства пред начатием позапрошедшей турецкой войны, но которого именно года, не помнят» [Там же, л. 31]. Колонисты Курчи (из Шамайлии* – прим. авт.) сообщили, что «вышли из-за Дуная в Бессарабию в 1809 г. и проживали в разных местах некоторое время, в том же году поселились в селении Шамайлы» [Там же, лл. 33-36 об.]. Эти данные, как не имеющие отношения к делу, сохранились только в протоколах и не нашли отражения в предварительных итоговых списках, составленных Леовской комиссией.

Напротив, та часть Именных Списков, которая составлена по материалам Бендерской комиссии, отличается интересными подробностями не только о времени, но и о местах жительства на Балканах. Колонисты Тараклии, проживавшие ранее в селении Бальша Кугурлуй, переселились в Бессарабию в 1808 г. из селения Ромали около Филипополя, из Бабека, Кочбирера (?), Кучук Дербента и Галаклии [Там же, д. 672, л. 244 об.-247], в 1811 г. – из Тюремала (?) и Рушука [Там же, л. 384 об.-388]. Из Бабадаевской области «около 30-ти лет тому назад», то есть в 1803 г., переселенцы прибыли в Вулканешты [Там же, л. 249 об.-250]. Несколько «показателей» колоний Кубей и Гайдар

* В данной работе названия селений приводятся как в форме, общепринятой в историографии (Шамайлия), так и в форме, зафиксированной в архивном источнике (Шамайлы).

сообщили, что до поселения в 1807 г. на помещичьих землях в Ораке и Томае, они жили «в Сюютчуке, близ Каварны» [Там же, лл. 226 об.-227, 255 об.-256].

Информация о переселении, несмотря на фрагментарность и недостаточность для изучения этого исторического процесса в целом, представляет собой самые ранние сведения из известных нам фактов подобного рода.

По вопросу о заселении земель Бессарабии (тех, что впоследствии стали собственностью Бальша) источники дают неоднозначную информацию. Наибольшей полнотой и достоверностью отличаются данные о количестве переселенцев (в Именных Списках 631 и 306 выявленных семейств болгар) и о местах их поселения (в 19 селениях). Помимо выявленных поселян, в результате расследования образовался список тех, о которых показатели ничего не знают. Сохранился только частичный список по материалам Леовской комиссии из 127 человек [Там же, д. 604, л. 149-152] и перечень неизвестных поселян в протоколах. Например, в Курчи «вовсе не знают» 28 человек [Там же, л. 34-36]. Можно предположить, что селение Шамайлия было заселено в разное время различными переселенцами, контакты между которыми вследствие различной этнической принадлежности не были особенно тесными. Так как несколько человек из этого перечня в Именных Списках оказались среди старожилых переселенцев-молдаван, а один в двух списках (**В** и **С**) одновременно [Там же, д. 672, л. 382 об.-383, 369 об.-370], можно констатировать, что в этническом разделении переселенцев на категории в исследуемых источниках имеются определённые погрешности.

Сведения о времени переселения из-за Дуная в Бессарабию в списках Крупенского зашифрованы под литерами **А** и **В**. Общепринятое деление переселенцев на 1) «из-за Дуная, во время турецкого владения вышедших и в разных местах Бессарабии обитавших» и 2) «в последнюю войну и после оной вышедших» было юридически оформлено в Указе от 29 декабря 1819 г. о предоставлении задунайским переселенцам прав иностранных колонистов [История Молдавии..., Т. II, 1957, с. 543]. Списки Крупенского формально составлялись по той же схеме: **А** – «ведомость о старожилых булгарах», **В** – «ведомость о переселенцах болгарях, вышедших во время предпоследней с турками войны». Однако сопоставительный анализ содержания этих списков – с одной стороны, с протоколами показаний и правой стороны формуляра Именных списков – с другой, раскрывает несоответствие времени прибытия показателей их месту в литерных списках. Например, внесённые в список «старожилых болгар» жители колонии Сатунов (из Пеленей Болгар) сообщили, «что все показатели вышли из-за Дуная в позапрошедшую турецкую войну, но которого именно года не знают и по переходе из-за границы переселились в Пеленей Булгар» [НА РМ, ф. 6, оп. 2, д. 604, л. 21], то есть они должны были быть отнесены к литере **В**. Внутренние противоречия содержатся между данными левой и правой сторон формуляра Именных Списков: в 1808 г. прибыли «старожилые» из селения Ромали в Кугурлуй и др. [Там же, д. 672, л. 235 об.-236, 244 об.-247, 255 об.-256]. Таким образом, под литерой **А** обозначены как действительно «старожилые», так и часть новых переселенцев из литеры **В**.

Признавая условность используемых в источниках сведений о време-

ни поселения задунайских выходцев в Бессарабии, мы всё же считаем, что хронологическую последовательность этого процесса можно восстановить. Сопоставляя Именные Списки с известными Списками задунайских переселенцев, составленными при участии Димитрия Ватикиоти в 1818 г., в которых указаны конкретные годы переселения каждого семейства (для жителей колоний), а для оставшихся на владельческих землях – ещё и год поселения на помещичьей земле, можно устранить многие неточности, присущие анализируемому источнику. К примеру, жители селения Томай, все без исключения причисленные к «старожилым», разошлись по разным колониям Болгарского водворения, и многие из них по спискам 1818 г. числились среди новых переселенцев в колониях Томай, Баурчи и др. [Там же, ф. 5, оп. 2, д. 442, л. 146 об.-155 об., 139-146 об.]. Таким образом, наряду со «старожилыми» в селении Томай проживали и новые переселенцы.

Анализируемые источники в наибольшем объёме содержат информацию о переселении с земель помещика Бальша в колонии. По документам можно проследить время и интенсивность процесса ухода, его направленность. Время ухода каждого семейства и человека, известное по спискам 1817 г., практически всегда подтверждается показаниями и неизменно переносится в итоговые Списки. Признав достоверность этих сведений, методом подсчёта можно выявить последовательность перехода поселян на казённые земли. Нам представляется, что немаловажное значение имеет фактор времени переселения в зависимости от той или иной категории переселенцев. Источники дают возможность (с учётом данных в Списках задунайских переселенцев 1818 г.) ответить на этот вопрос. Раньше всех помещичьи земли покинули недавние переселенцы из-за Дуная: в Шамайлию вселились в 1809 г. и в 1812 г. уже ушли в Курчи 20 семейств [Там же, ф. 6, оп. 2, д. 672, л. 382 об.-384]; новые переселенцы 1811 г., прибывшие в селение Кугурлуй, вместе со старыми поселянами в 1814 г. снялись с места и перешли в Тараклию в количестве 16 старых и 19 новых семейств [Там же, л. 244 об.-247, 384 об.-388], а также в Таш-Бунар – 42 семейства [Там же, л. 247-249].

Табличная форма Именных Списков задаёт предельно краткое изложение сведений об уходе от помещика. Только протоколы показаний позволяют пролить свет на драматический характер той ситуации, которая сложилась в момент ухода. В колонии Хаджи-Абдул выходцы из Казаяклии Димитрий Бербек и Киря Зуграф показывают, что «господин Бальш принуждал их жить на земле своей, ударив одного и другого два раза по щеке», «они приезжали к чиновнику Димитрию Ватикиоти, который принимал от них жалобы, и по совету его переселились» [Там же, д. 604, л. 27-28].

Определение направления переселения наряду с выявлением каждого семейства на 1832/33 гг. является важным для дальнейшего исследования данного вопроса. Проанализировав механизм сбора информации по этому делу, считаем её достаточно полной и достоверной. На левой стороне формуляра итоговых Списков представлены перечни всех колоний, куда переселились жители определённого селения по данным на 1817 г. Правая сторона отражает положение на 1832/33 гг., подтверждая местонахождение человека

в данной колонии, или указывает на его перемещение в другие колонии. Таким образом, в отличие от исходных селений, сведения о колониях не систематизированы.

Учитывая это, можно методом подсчёта и сопоставления выявить следующие факты: из каких селений переселенцы ушли в 1–2 колонии, составив там основу будущих жителей, а из каких «разошлись» по многочисленным местам. После осуществления выборки сведений по переселению в определённые колонии стало возможным перегруппировать архивный материал таким образом, чтобы в основе структуры вместо исходных селений оказались конечные колонии. Это позволяет получить наглядное представление о том, когда и откуда, какой категории, с какой интенсивностью прибывали жители в каждую колонию. К примеру, четыре селения на бесспорных помещичьих землях, населённые в основном старожилыми поселенцами (Орак, Чадыр, Томай, Минжир), составили основу населения шести будущих колоний – Чадыр-Лунги, Дезгинже, Томаля, Баурчи, Гайдара и Авдармы. Принадлежащее к этой же категории земель селение Кугурлуй переселилось практически полностью в Тараклию и Таш-Бунар. Новые переселенцы времён русско-турецкой войны 1806–1812 гг. из селения Чумай (в отличие от оставшихся там старых) переселились в Каракурт, а через пять лет – частично в Болград. В то же время из Тартаула новые переселенцы разошлись в разные места: 15 человек – через Бужор в Журжулешты и 30 человек – в Кубей. Старожилы Пеленей Молдаван также разделились: половина – в Болград, Инпуциту, Бановку, Саунов, Таш-Бунар, Каракурт; половина – в Карагач, Колибаш, Анадолку.

Следующим этапом исследовательской работы должна стать систематизация всех данных о миграционных процессах по всем колониям. Источники дают возможность проследить динамику движения населения между колониями с 1818 г. по 1832/1833 гг., концентрацию переселенцев в крупных центрах. По Именным Спискам отчётливо прослеживается тенденция передвижения колонистов между такими населёнными пунктами, как Чадыр-Лунга, Дезгинже, Томай, Гайдар, Вулканешты, Кириет, Кирсов, Бешалма, Авдарма, Чокмайдан. После ухода в 1817 г. 80 семей из старого Копчака Бендерского цыгута (уничтоженного в 1828 г.) в Комрат [Там же, ф. 205, оп. 1, д. 2164, лл. 4-6 об.] в дальнейшем происходит концентрация населения из вышеназванных колоний в этом центре. Внутренняя миграция населения происходит также по таким колониям, как Тараклия, Чишия, Кубей, Таш-Бунар, Каракурт, результатом которой явилось образование и быстрый рост нового центра – колонии Болград.

Сопоставление разновременной, однотипной информации Именных Списков с материалами ревизии 1835 г. (содержащими сведения по предыдущей ревизии 1821 г.) даёт возможность проверки и дополнения данных. Кроме того, по Ревизским сказкам можно определить, что выходцы с земель Бальша составляют около трети населения колоний.

Подводя итоги анализа представленных по данной теме источников для исследования этнической истории задунайских переселенцев (гагаузов и болгар), можно констатировать:

– по ранней истории гагаузов и болгар (задунайского периода) возмож-

ности источников ограничены, но определённую ценность представляет содержащаяся в них новая информация;

– по периоду заселения в Бессарабию и жизни на помещичьих землях объёма сведений, содержащихся в источниках, недостаточно для выявления этнических процессов; анализируемые документы можно использовать только при условии привлечения дополнительных архивных материалов;

– наиболее полно архивные данные могут быть использованы в исследовании периода расселения по колониям, когда проявляются тенденции этноязыковой консолидации переселенцев.

ИСТОЧНИКИ ПО КУЛЬТУРЕ ГАГАУЗОВ В КОЛЛЕКЦИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Российский этнографический музей (далее – РЭМ) содержит уникальные коллекции, которые характеризуют быт и культуру практически всех народов и народностей, населявших Российскую империю и Советский Союз в XIX–XX вв. Среди них достойное место занимает небольшое собрание по этнографии гагаузского народа, содержащее вещественные памятники, а также архивные, иллюстративные и фотоматериалы.

Гагаузские этнографические коллекции известны также в музеях Республики Молдова (АТО Гагауз Ери, с. Бешалма; г. Кишинёв: Исторический музей Республики Молдова, Музей этнографии и истории природы Республики Молдова) и Болгарии (этнографические музеи г. Софии, Пловдива, Тырнова, Котела). Однако именно коллекция отдела этнографии Белоруссии, Украины, Молдавии РЭМ по гагаузам-переселенцам, проживающим на юге Молдовы и в Одесской области Украины, представляется уникальной в силу ранней хронологии (впервые экспонаты поступили в фонды музея в 1905 г.), а также благодаря добротным описаниям (легендам), которыми снабжены практически все экспонаты*.

Изучение традиционной культуры гагаузов в Этнографическом отделе Русского музея Александра III (далее – ЭО) началось в 1905 г. Основная задача начального периода работы отдела заключалась в комплектовании фондов, которое осуществляли ведущие специалисты в области этнографии того времени. Следует отметить, что экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ деятельность ЭО с самого начала была научно продумана и велась по специально изданной «Программе для собирания этнографических предметов». Основное внимание в ней было уделено изучению материального быта многочисленных народов России. «Жилище, одежда, утварь, орудия труда, предметы практической и художественной производительности, являющиеся выражением культурной и экономической жизни, должны, прежде всего, стать предметом пристального внимания исследователя, – подчёркивалось в ней, – не менее,

* Названия экспонатов на гагаузском языке, приведённые автором публикации на кириллице, оставлены без изменений (не транслитерированы).

чем живая народная речь, мир преданий и верований и народно-поэтическое творчество в его целом». Вместе с тем, при наличии общего плана сборов «каждый собиратель интерпретировал и использовал её (Программу – Н. К.) в меру своих научных задач и исследовательских пристрастий».

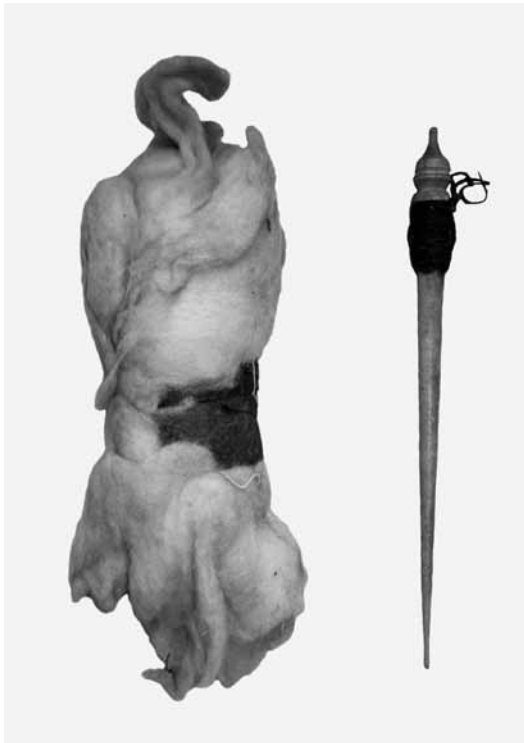
Среди фондообразователей гагаузской коллекции следует назвать научных сотрудников, работавших в разные годы существования музея: Н. М. Могилянского (1905), А. Г. Данилина (1940), Н. М. Калашникову (1979–1982, 1984, 1986), Е. Ф. Кононову и Е. Я. Тимофееву (1980), а также любителя-краеведа П. А. Шуманского (1911–1912), гагаузоведа М. В. Маруневич (Збырня), музыкального мастера Г. Г. Стоматова (1987).

География сборов охватывала Бессарабскую губ. (Бендерский и Тираспольский уезды) и МССР (Вулканештский, Комратский, Тараклийский, Чадыр-Лунгский р-ны), а также сопредельные территории Украины (Одесская обл., Болградский и Килийский р-ны).

Показательно, что первую гагаузскую коллекцию из Бессарабии привёз Николай Михайлович Могилянский – заведующий ЭО, русский этнограф-теоретик, внёсший значительный вклад в совершенствование научно-собираТЕЛЬСКОЙ работы Этнографического отдела Русского музея. Летом 1905 г. исследователь посетил такие сёла Бендерского уезда, как Чадыр-Лунга, Кирютня (Кортен), Комрат, Кирсово, Бешалма, Беш-Темин. Важным представляется мнение учёного, который считал, что «лишь всестороннее освещение фактов исторической жизни в связи с данными археологии, культурных влияний, изучения среды, явлений прогресса и медленного подчас оживления прошлого может дать современнику ясное понятие о том, что такое представляет собою какая-либо из участвующих на арене исторической жизни народностей». Именно поэтому в первой болгарско-гагаузской коллекции, собранной Н. М. Могилянским (№ 743) и насчитывающей 139 номеров, собиратель постарался зафиксировать разнообразные предметы бытовой культуры как гагаузского, так и болгарского народов, проживавших зачастую на единой территории, в одних и тех же сёлах.

Проблема правильного определения этнической принадлежности того или иного предмета, приобретённого в экспедиции, находится в прямой зависимости от чёткой фиксации информации, полученной в полевых условиях. Учёный-этнограф Н. М. Могилянский при сборе материалов пользовался специально разработанной «Программой для собирания этнографических предметов», поэтому в музейной описи коллекции № 743 имеется три варианта определения этнической принадлежности: «гагаузы», «болгары», «смешанное население».

В данном разделе нами рассматриваются только предметы, отмеченные исследователем как гагаузские. В дальнейшем предстоит большая работа по атрибуции экспонатов, имеющих характеристику «смешанное население», среди которых, несомненно, окажутся и памятники гагаузской бытовой культуры. Что же касается чётко атрибутированных Н. М. Могилянским экспонатов, то собранная им коллекция позволяет разнопланово характеризовать материальную культуру гагаузов. Это образцы сырья, орудия прядения и тка-

Кудель и веретено (*ш*).
Бендерский уезд, с. Кирсово.

чества, образцы тканей для изготовления полотенец и наволочек, предметы быта, мужская и женская одежда, украшения, пасхальные яйца. Важным является и обязательная фиксация местных терминов описываемых предметов, наименований орнаментальных композиций и технических приёмов, а также инструментария, с помощью которого производились эти вещи. Так, например, изучая тему «Прядение и ткачество», Н. М. Могиланский собрал не только образцы шёлка-сырца белого (№ 743-108) и жёлтого цвета (№ 743-109), но и *дарак** – деревянный прибор (№ 743-133) для расчёсывания шерсти с двумя рядами металлических зубьев, а также комплекс по обработке сырья (№ 743-111 а, в, с), а именно: прялку (*фурка*), пучок вычесанной неотбелённой шерсти (*каделя*) и деревянное веретено.

При сборе образцов тканей исследователь фиксировал качество нити (шёлк-сырец, х/б или шерсть), технику ткачества (например, № 743-10 – ткань

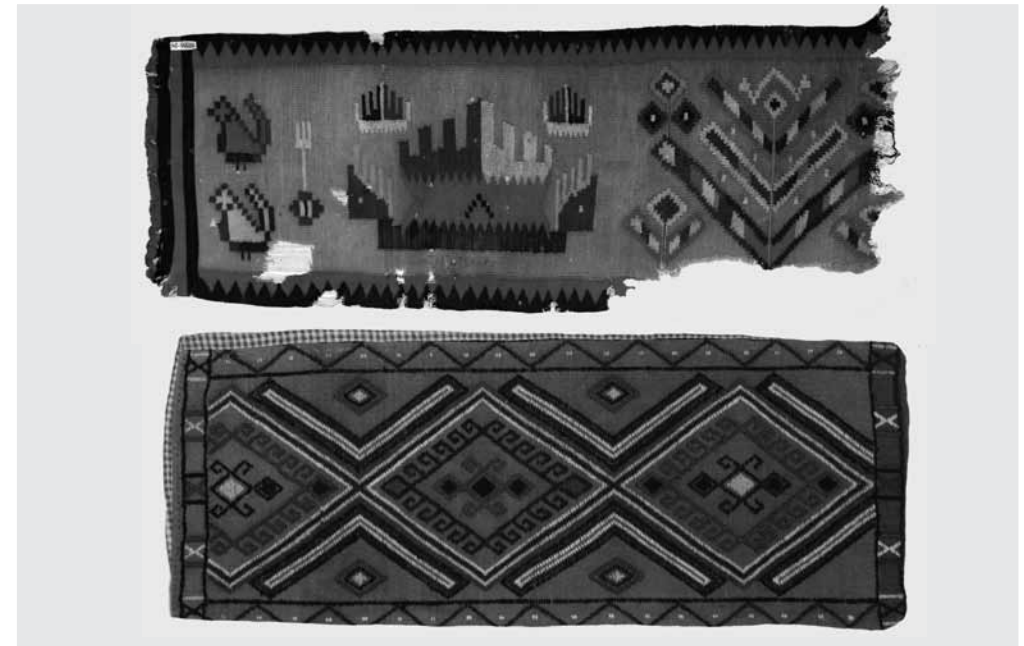
Приспособление для расчёсывания шерсти (*tarak*).

* *Тарак* (прим. ред.).

беш-гюджюя соткана в пять ниток *анахтарлы*), указывал тип орнамента (полосы, клетка) и цветовую гамму, а также назначение изделия (№ 743-6 – ткань для полотенца *пешикир*; № 743-7 – ткань для покрывала *чарчаф**).

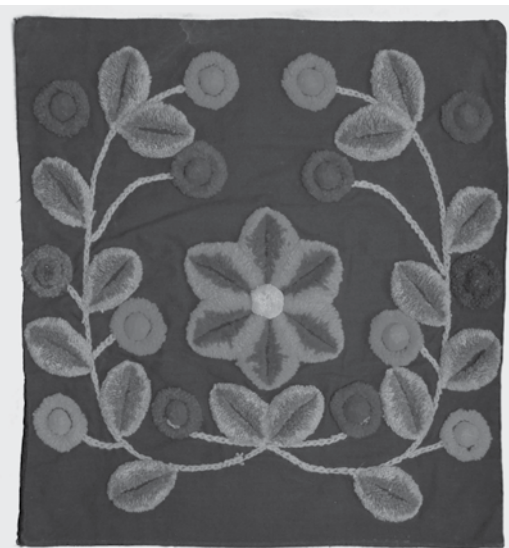
Изучая интерьер гагаузского жилища, Н. М. Могиланский уделил особое внимание такому артефакту, как подушки удлинённой формы (*ястык*, *тюллю-ястык*) – несомненное восточное влияние в культуре населения Молдовы (встречаются они и у молдаван, и у болгар). При этом в описании образцов указывается название старой шерстяной ткани *крма*** красного цвета для подушки с геометрическим узором (№ 743-16) или полушерстяной ткани красного цвета *улама* (№ 743-17) для подушки с тёмно-красной и тёмно-синей каймой. При характеристике наволочек на подушки, состоящих из верхней и нижней частей, собиратель отмечал разное качество материи: верх – из домотканины, фактурно затканной цветным гарусом, нижняя часть – ткань с геометрическим узором (№ 743-28, 29, 30). Учёным-этнографом был приобретён и фрагмент ковровой дорожки, так называемый «наддиванник» (№ 743-40; *лаичер алес* – молдавский термин) – образец безворсового двустороннего ткачества. Основа – кручёная шерстяная нить, уток – шерсть домашнего производства. Фон – тёмно-коричневый, узор в виде двойных треугольников с парными коньками на вершине, кайма из белой шерсти.

Среди приобретённых предметов быта отметим *кюкур-бакыр* – медное лужёное ведро с откидной ручкой (№ 743-126) и *паралья-сафра**** – деревянную, точёную, овальной формы крышку к столу на цилиндрической полой подставке (№ 743-132).

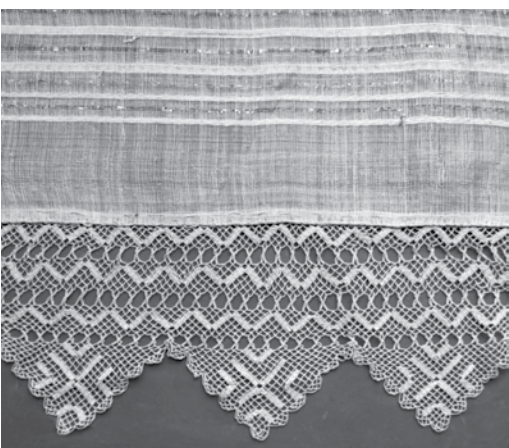

Часть ковра в технике килима. 1870-е год. г. Комрат
Ястык – наволочка на подушку для лавок. (Бендерский уезд, с. Кирсово).

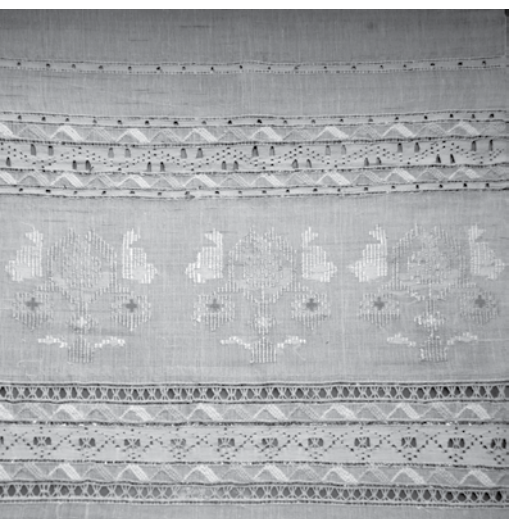
* *Чаршаф* (прим. ред.), ** *крма* (прим. ред.), *** *софра* (прим. ред.).

Наволочка на подушку, для свадьбы. 1955 г.
Вулканештский район, с. Етулия.

Года пещири — свадебное полотенце.
1910 г., г. Комрат.

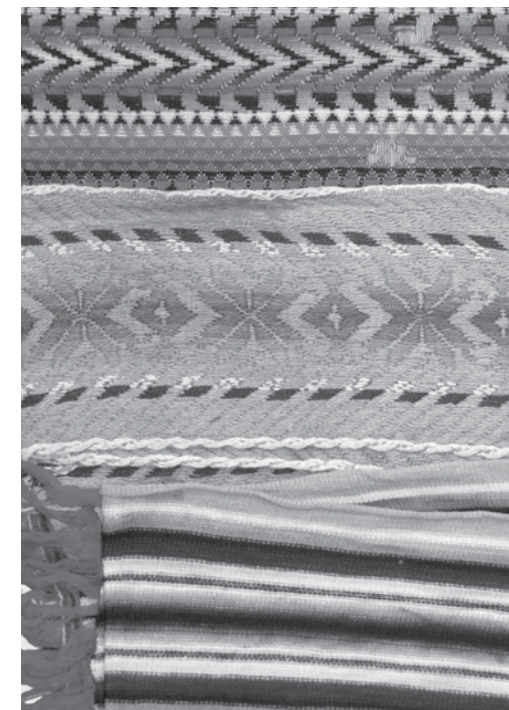

Минтан-кюркю — мужская верхняя
меховая жилетка.
Бендерский уезд, с. Чадыр-Лунга.

Еркек-гэльмя — мужская рубаша.
Бендерский уезд, с. Чадыр-Лунга.

Одним из специфических маркеров традиционной культуры каждого этноса является одежда. Н. М. Могилянский, работая в экспедиции, уделил большое внимание сбору элементов мужского и женского костюмов. Правда, ему не удалось приобрести полные комплексы, зато гагаузские названия отдельных предметов одежды фиксировались обязательно. Так, судя по составу собранной коллекции, мужской костюм гагауза включал домотканую рубашу (№ 743-50 — *еркекь-гэльмекь*), широкие штаны из толстого сукна (№ 743-72, 74 — *потуры*), а также шерстяной жилет (№ 743-68 — *минтан*) или меховую безрукавку (№ 743-67 — *минтань-кюркю*) из белого барана с карманами из черной кожи, украшенную белой опушкой и чёрной тесьмой. В качестве верхней одежды использовали куртки из сукна домашнего производства (№ 743-69 — *аба-ентери*; № 743-71 — *ентерия*) или меховой кожух (№ 743-70 — *малакь*) с длинными рукавами, карманами и боковой застёжкой на прорезные петли. Обувь носили с портянками (№ 743-92 (1, 2) — *онучи*) в виде двух кусков шерстяной неотбеленной домотканины.

Шарфы (пояса) многоцветные фабричного производства.
Бессарабская губерния,
Бендерский уезд, с. Чадыр-Лунга
(сбор П. А. Шуманского, 1911 г.).

Илек – женская кофта без рукавов.
Бендерский уезд, с. Кирсово

Комплекс женской одежды

Кары-гёльмя – рубаха,
чукман (рокшия) – платье, *фута* – передник,
колан – старинный пояс,
Бендерский уезд, с. Чадыр-Лунга;
поскюллю шалинка – платок,
Вулканештский район, с. Етулия;
махмудя – ожерелье,
конец XIX в. Чадыр-Лунгский район, с. Гайдары;
алтени – шейное украшение,
конец XIX в. Чадыр-Лунгский район, с. Копчак.

Крест на цепочке из семян
(*хаджи бонджук*).
Бендерский уезд, с. Чадыр-Лунга.

Бусы перламутровые (*седеф бонжук*).
Бендерский уезд, с. Чадыр-Лунга.

В коллекцию предметов женской одежды Н. М. Могилянский приобрел полную (не составную – Н. К.) рубашку с прямыми рукавами (№ 743-49 – *кары-гёльмек*) из белой домотканины, женское платье (№ 743-58), передник (№ 743-53 – *фута*), шерстяную кофту без рукавов (№ 743-66 – *илек*), простёганную на вате и обшитую гарусом, а также зимнюю меховую кофту на подкладке, крытую чёрным сукном и отделанную мехом выхухоли (№ 743-62 – *салта-марка*).

Особую группу составили женские шейно-нагрудные и поясные украшения. Это ожерелья из перламутра (№ 743-100, 101 – *седеф-бонджукъ*) или кораллов (№ 743-103 – *мерджанъ*) с маленьким серебряным крестиком, шейное украшение из одной австрийской монеты и двух жетонов с надписью «выбито в Константинополе» (№ 743-102 – *лефтъ*), а также старинный кожаный пояс с металлическими накладками (№ 743-84 – *колан*).

Пряжка (*нафта, колан*).
Бендерский уезд, с. Чадыр-Лунга.

Язылы йымырта – пасхальные яйца-писанки.
Бендерский уезд, с. Кирсово.

Среди ритуальных предметов, приобретенных исследователем, следует отметить писанки – пасхальные яйца (*язы-мурта**), украшенные изображением женской фигуры (№ 743-137), геометрическим (№ 743-138) или растительным орнаментом.

Таким образом, коллекция № 743, привезенная в 1905 г. из Бессарабии Н. М. Могилянским, заложила основу гагаузского собрания в Санкт-Петербурге.

Однако не только сотрудники музея занимались комплектованием фондов. Серьезную помощь в сборе гагаузских экспонатов оказал и любитель-краевед Петр Андреевич Шуманский, который приобрёл для музея две коллекции. В 1911 г. он собрал в Бессарабской губернии, Бендерском уезде, селе Чадыр-Лунга небольшую, но разнообразную коллекцию предметов материальной и духовной культуры гагаузов. Так, им были приобретены музыкальные инструменты, входившие в состав сельского оркестра: свирель из бука (№ 4097-1 – *кавал*), барабан болгарского типа (№ 4097-2/а, б, с – *добба***, или *даул*), скрипка с тремя струнами из бараньих жил (№ 4097-3/а, в – *кеменча* (*кауш*), духовой инструмент из кожаного мешка с тремя отверстиями (№ 4097-4/а, в, с, е, ф – *коза*, или *гайда*).

Окарина – глиняный музыкальный инструмент.
Мастер – Г. Стомагов, г. Комрат.

* *Язылы йымырта* (прим. ред.).

** *Доба* (прим. ред.).

Несомненный интерес представляет комплекс из 7 предметов сезонной (зимней) одежды гагауза: праздничной рубахи (№ 4097-15); штанов из овчины, сшитых шерстью внутрь (№ 4097-16 – *мешин*); меховой безрукавки, украшенной чёрной кожей (№ 4097-17 – *елек*); куртки из овчины, отороченной полосой меха белого цвета и украшенной строчкой шерстяными красными и зелёными нитями (№ 4097-18 – *кюрк*). Дополняют костюм лапти из цельного куска свиной кожи с ремешками (№ 4097-19/1, 2 – *чарык*), онучи из белого сукна (№ 4097-20/1, 2 – *саргы*) и длинный шнур из чёрного конского волоса для обвязывания онучей (№ 4097-21/1, 2 – *баа*). Кроме того, П. А. Шуманский приобрёл отдельные дополнения к костюму: многоцветные шарфы фабричного производства (№ 4097-22, 23, 24) и женский «турецкий» пояс из кожи с накладными медными (латунными) бляшками, застегнутый на крючок (№ 4097-25). Важным является указание собирателя на то, что этот пояс является необходимой принадлежностью костюма невесты.

Комплекс мужской одежды

Кайната гёльмя – мужская рубаха. (подарок к свадьбе, не завершена), Чадыр-Лунгский район, с. Копчак;
дими – мужские штаны, 1960-е гг. Вулканештский район, с. Етулия;
кеттар – безрукавка из овчины, 1950-е гг. Чадыр-Лунгский район, с. Гайдары;
меховая шапка, Комратский район, с. Томай;
чарык – обувь из цельного куска кожи, 1950-е гг. Чадыр-Лунгский район, с. Гайдары;
кушак – мужской домотканый пояс, Комратский район, с. Томай.

Обувь

Чарык – лапти из цельного куска свиной кожи, Комратский район, с. Томай;
баа – шнур (оборы) для обвязывания онучей, Бессараб. губ., Бендерский уезд, с. Чадыр-Лунга;
сарны – пара онучей из шерстяной домотканины, Вулканештский район, с. Етулия.

Особую группу составили ритуальные предметы, а именно свадебный хлеб (№ 4097-12 – *диюнь*), поминальные калачи (№ 4097-13,14 – *помана, калач*) и столь редко встречаемые детские амулеты против сглаза в виде цветных стеклянных бусин (№ 4097-5, 6), двусторонней иконки (№ 4097-7), ладанки из тряпич в виде сердца (№ 4097-9) и символы страданий Христа – железные крестик, молоток, щипцы и лестница (№ 4097-8). В описании ещё двух амулетов из стекла против сглаза лошадей имеется информация, что их надевают на челку или гриву животного (№ 4097-10, 11).

В 1912 г. П. А. Шуманский собрал для музея небольшую коллекцию пасхальных яиц в Херсонской губернии, Тираспольском уезде, селе Лунга. Писанки украшены зооморфным (№ 2616-1, 3) и орнитоморфным (птичьей головки – № 2616-2, 4, 5, 6) орнаментом.

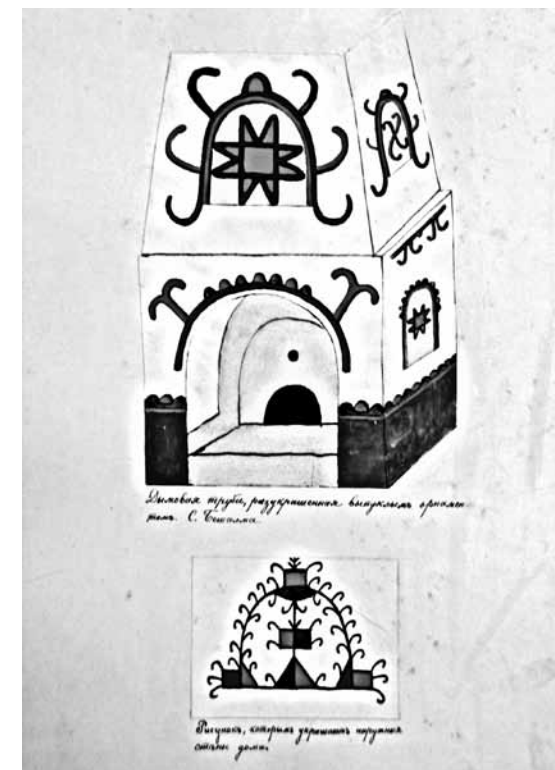
Известно, что руководство Этнографического отдела предъявляло особые требования к подлинности собираемых экспонатов, а в случае невозможности приобрести крупногабаритные предметы – к квалифицированному изготовлению по заказу моделей построек, средств передвижения, орудий труда и пр. Поэтому П. А. Шуманский в своей работе широко использовал метод непосредственного полевого наблюдения для тщательного выполнения моделей молдавской и гагаузской усадеб (к сожалению, не сохранились) или других предметов.

Таким образом, Н. М. Могиланский и П. А. Шуманский в начале XX в. собрали первые гагаузские коллекции. Затем наступил вынужденный перерыв в сборах экспонатов, лишь в 1940 г. А. Г. Данилиным был приобретен головной убор малинового цвета (№ 6431-1 – *фес*), и только в 1980–1990-е гг. Российский этнографический музей продолжил комплектование гагаузского собрания. Так, научные сотрудники РЭМ Е. Я. Тимофеева и Е. Ф. Кононова в 1980 г. в с. Старые Трояны, Килийского района, Одесской области, (Украина) собрали коллекцию деревянных орудий труда (№10203-12 – *кюрек* – лопата

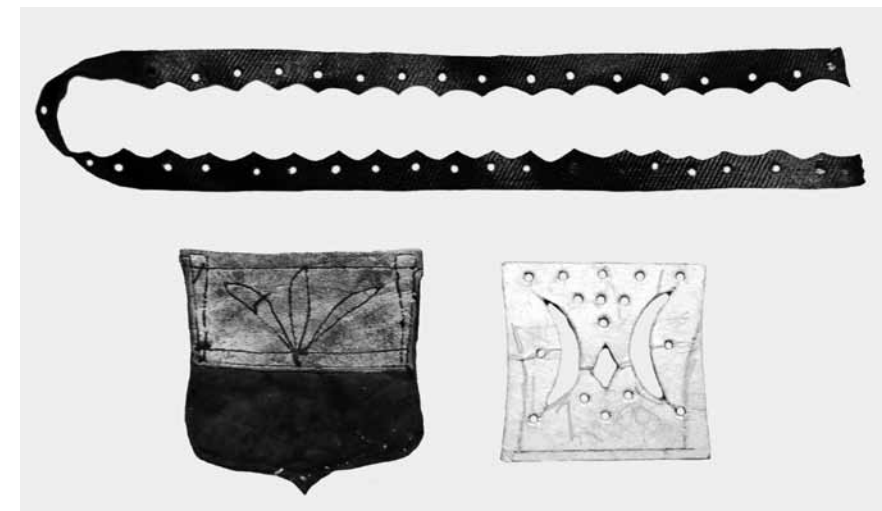

Фес – головной убор, Бессарабия.

* *Дуун коладжы* (прим. ред.).

Образцы орнаментов и узоров гагаузов
Дымовая труба, украшенная выпуклым орнаментом;
рисунок, которым украшают наружные стены дома.
Бессарабская губерния, Бендерский уезд.
Дар В. А. Мошкова. 1903 г. Л. 6138, 6139.

Заготовки для декора безрукавки.

Графарет из картона для кармана безрукавки; карман (заготовка) для безрукавки; лента орнаментированная для отделки безрукавки.
Чадыр-Лунгский район, с. Гайдары.

Ковш из декоративной тыквы.
1979–1980 гг.
Автор П. Влах. г. Комрат.

для хлеба), приспособление для прядения (№ 10203-4 – *тарак* – гребень для расчесывания шерсти), а также предметы для переноски тяжестей (№ 10203-16 – *торба* – сумка из клетчатой домотканины для ношения обеда в поле; № 10203-35 – *чанта* – сумка школьника из клетчатой ткани с ручкой, сплетенной из шерстяных ниток).

Во второй половине XX в. сотрудники отдела этнографии Украины, Белоруссии, Молдавии РЭМ поддерживали тесные научные контакты с коллегами из академических и музейных учреждений региона (Киев, Минск, Кишинёв и др.), проводя совместные этнографические экспедиции, участвуя в научных конференциях и пр. Примером такого сотрудничества может служить методическая помощь, оказанная РЭМ сельскому этнографическому музею с. Бешалма (директор Д. Кара Чабан), с одной стороны, и сбор гагаузских коллекций для музея в Петербурге одним из крупнейших специалистов в области изучения материальной культуры гагаузов Марией Васильевной Маруневич (Збырня), которая в 1981 г. в с. Этулия Вулканештского района приобрела для музея мужскую и женскую одежду, украшения, предметы убранства интерьера (среди которых – скатерти, полотенца, покрывала, наволочки, вешалка), а также работы народного мастера П. Н. Влаха.

Ценность этой коллекции не только в самих экспонатах, но и той информации, включая терминологию, которой они снабжены. Так, о мужской (№ 10299-1) и женской (№ 10299-6) рубахах исследователь сообщает, что это подарки невесты свекру и свекрови, которые их не носили, а берегли на смерть. О бусах из сушёных ягод с деревянным крестиком, являющимся знаком оберегающей силы для всей низки, с синей бусиной от сглаза сообщается, что привозили их из святых мест и вешали обычно около икон, а по религиозным праздникам надевали на шею (№ 10299-11 – *хаджи-бонжук*).

Важной была информация об использовании текстильных изделий в интерьере: так, например, на домотканую скатерть из шёлка-сырца для углового столика под образами в рождественские и новогодние дни складывали обрядовый хлеб и калачи (№ 10299-17 – *маса юзю*); домотканым полотенцем из

приданого невесты повязывали гостей, с ним танцевали на свадьбе, а затем им обрамляли окна и украшали фотографии в парадной комнате (№ 10299-18 – *пешкыр*); покрывало из шёлка-сырца, выполненное в 1918 г. к свадьбе, использовали по традиции для прикрывания одежды, висевшей на стене (*фистан чаршафы*), позже им пользовались в качестве покрывала на кровать (10299-19 – *чаршар**); наволочки удлиненной формы набивали соломой и использовали как украшение интерьера, раскладывая вдоль стен на топчанах, а ночью использовали как подголовные подушки (№ 10299-20 – *ястык юзю*).

Знакомство М. В. Маруневич с народным мастером Петром Влахом позволило приобрести в коллекцию музея комплект мебели (низкий столик и три скамейки), выполненный в 1981 г. в традиционном стиле (конструкция), но декорированный современным способом выжигания (№ 10299-25/1-4). Этому же мастеру принадлежат сосуды из декоративной тыквы, украшенные узором в технике выжигания (№ 10299-26, 27, 28).

Основные коллекции этого периода были собраны Н. М. Калашниковой (№ 10071, 10152, 10299, 10427, 10663, 10888), которая работала в Вулканештском, Комратском, Тараклийском, Чадыр-Лунгском районах МССР и Болградском районе, Одесской области УССР. Среди приобретений этого исследователя можно выделить образцы текстиля с указанием назначения: для женских платьев (№ 10663-2 – *чукмак*), для одеял (№ 10663-3 – *йорган юзю*) или для подушек удлиненной формы (*йастык юзю*), для настенных дорожек (№ 10663-4,5 – *кадрел, или палагар*). При сборе экспонатов этнограф отмечала «вторичное» использование предметов материальной культуры. Так например, покрывало для занавешивания одежды на стене (№ 10663-15 – *чакшаф**) с появлением шкафов стали использовать в качестве покрывала на кровать. В описи экспонатов зафиксировано и новое явление в области техники декора гагаузских полотенец, а именно: в начале 1950-х гг. в селе с. Димитровка Болградского р-на, Одесской обл., УССР появился мастер, который украшал набивным орнаментом старинные полотенца, имитируя вышивку. Про домотканое полотенце из шёлка-сырца (№ 10663-24 – *пешкыр*) в описи сообщается, что это подарок от бабушки на Рождество (*колаглан*), которая предварительно заказала у мастера конкретный набивной рисунок с указанием имен будущих владельцев (Елена, Петя).

О значительном количестве полотенец, приготовленных к свадьбе, в музейных описях дается полная информация по их использованию. Так, полотенце из шёлка-сырца и х/б пряжи с тканым растительным (*даллы*) и зооморфным (*беегирджик* – лошади) орнаментом было выполнено в 1920-х гг. к свадьбе для украшения лошади, на которой везли жениха и одежду невесты (*елишь, чатра*). Позднее, когда лошади стали реже использоваться, это полотенце накидывали на поднос с приданым и с танцами вносили в дом невесты (№ 10663-32 – *пешкыр*). О тесных этнических контактах гагаузов и болгар свидетельствует полотенце, полученное в подарок на болгарской свадьбе в с. Карагыч, куда владелица (гагаузка из с. Димитровка Болградского р-на, Одесской обл., УССР) была приглашена в качестве посаженной, которую

* *Чаршаф* (прим. ред.).

повязали этим полотенцем (1965 г.). Впоследствии владелица использовала его для убранства интерьера в своем доме (№ 10663-25 – *пешикир*). Еще один пример интересной информации, когда полотенце из конопли (№ 10663-26 *пешикир*) хранили в рулоне (*тон*) в сундуке и использовали для покрытия коленей гостям во время застолья. Таким образом, исследуя зафиксированную в экспедиции информацию о назначении и использовании полотенца в традиционной культуре гагаузов, можно получить многогранную картину жизни данного артефакта.

При сборе информации и материалов по одежде гагаузов несомненной удачей можно считать фиксацию и приобретение комплексов, то есть одновременно носимых элементов костюма. Так, в коллекциях присутствуют комплекты мужской (№ 10663 /38-41; 42-43) и женской (№ 10663 /50-52; 53-55; № 10888 /1-3) одежды, значительная группа женских украшений (шейно-нагрудные, поясные, украшения для рук и головы). Большой интерес представляет комплект подарков невесты родителям жениха (№ 10663 /44-47), куда входят женская и мужская рубахи, мужские штаны, салфетка для заворачивания дара (*боцалык*).

К предметам семейного ритуала могут быть отнесены и рубахи (№ 10427-1, 2), заготовленные «на смерть», а также предмет, используемый при заговорах болезней горла у детей (№ 10663-68 – челюсть свиньи).

Небольшую группу в коллекциях, собранных Н. М. Калашниковой, представляют трафареты и заготовки (№ 10663-64, 65, 66, 67), которые используют при декорировании одежды, а также орудия труда (№ 10663-1 – *грубка* – скребок), предметы быта (№ 10888-26 – весы; № 10427-6/а, б – желудок (а) овцы, который используют в качестве квасцов) и музыкальные инструменты (№ 10888-27 – *окарина* – свистковый инструмент; № 10954-1/а, б – *кауш* – смычковый инструмент).

Уникальной по качеству исполнения и по количеству (40 ед. хр.) является коллекция изделий из декоративной тыквы, выполненная гагаузским художником Петром Влахом (№ 10071/1-15; № 10299/1-25). Своеобразие творчества этого мастера состоит в умелом использовании традиций народного искусства (материал – сушёная тыква), дополненных современным способом декора – выжиганием. Разнообразны формы сосудов: декоративные сосуды, вазы для цветов, сосуды для вина и воды, сосуды для сушёных стручков перца и для соли; черпаки и воронки (лейки) для воды и вина, миски для голубцов — все они сделаны из высушенной декоративной тыквы и украшены орнаментальными композициями в технике выжигания.

В заключение следует отметить, что по своему характеру гагаузские коллекции крупнейшего этнографического музея России, собиравшиеся на протяжении столетия, достаточно разнообразны, в некоторых разделах – просто уникальны. Они достаточно полно отражают этнографию гагаузов XIX–XX вв., являются важным источником для изучения этногенеза, культуры, хозяйства и быта гагаузского народа и свидетельствуют о бережном сохранении этого культурного наследия в собрании одного из известнейших музеев Санкт-Петербурга.

I. Части костюма

1. *Минтан-кюркю* – мужская верхняя меховая жилетка. Бендерский у., с. Чадыр-Лунга
2. *Илек* – женская кофта без рукавов. Бендерский у., с. Кирсово
3. *Еркек гёльмек* – мужская рубаха. Бендерский у., с. Чадыр-Лунга
4. *Фес* – головной убор. Бессарабия

II. Предметы убранства интерьера

5. *Ястык* – наволочка на подушку для лавок. Бендерский у., с. Кирсово
6. *Ястык юзю* – верхняя часть наволочки на подушку. Комратский р-н, с. Томай
7. *Часть ковра* в технике килима. 1870-е гг., г. Комрат
8. *Образец ткани* (из приданого: для одеял или наволочек). 1930-е гг. Тараклийский р-н, с. Копчак
9. *Ястык* – верхняя часть наволочки на подушку. Бендерский у., с. Кирсово
10. *Пешикир* – полотенце свадебное, впоследствии для интерьера. 1920-е гг. Тараклийский р-н, с. Копчак
11. *Года пешикере* – свадебное полотенце. 1910 г., г. Комрат
12. *Чаршаф* – покрывало для одежды, позднее для кровати. 1930-е гг. Вулканештский р-н, с. Етулия
13. *Пешикир* – полотенце с набивным орнаментом. 1910, 1950 гг. Одесская обл., Болградский р-н, с. Димитровка
14. *Наволочка на подушку*, для свадьбы. 1955 г. Вулканештский р-н, с. Етулия
15. *Наволочка для пуховой подушки*. 1918, 1938 гг. Вулканештский р-н, с. Етулия
16. *Пешикир* – свадебное полотенце, используемое затем для интерьера. Вулканештский р-н, с. Етулия

III. Обувной комплекс

17. *Чарык* – лапти из цельного куска свиной кожи. Комратский р-н, с. Томай
Баа – шнур (оборы) для обвязывания онучей. Бессараб. губ., Бендерский уезд, с. Чадыр-Лунга
Сарны каргы – пара онучей из шерстяной домотканины. Вулканештский р-н, с. Етулия

IV. Пояса

- Бессараб. губ., Бендерский уезд, с. Чадыр-Лунга (сбор П. А. Шуманского, 1911 г.)
18. Шарф (пояс) многоцветный фабричного производства
Шарф (пояс) многоцветный фабричного производства
Шарф (пояс) многоцветный фабричного производства

V. Мужской комплекс

19. *Кайната гёльмя* – мужская рубаха. (Подарок к свадьбе, не завершена.) Чадыр-Лунгский р-н, с. Копчак

Дими – мужские штаны. 1960-е гг. Вулканештский р-н, с. Етулия
Кептар – безрукавка из овчины. 1950-е гг. Чадыр-Лунгский р-н, с. Гайдары
Меховая шапка. Комратский р-н, с. Томай.
Чарык – обувь из цельного куска кожи. 1950-е гг. Чадыр-Лунгский р-н, с. Гайдары
Кушак – мужской домотканый пояс. Комратский р-н, с. Томай

VI. Женский комплекс

- Бендерский у., с. Чадыр-Лунга
20. *Кары-гэльмек* – женская рубаха
Чукман – женское платье
Фута – женский передник
Колан – старинный женский пояс
Шалинка пюскюллю – женский платок. Вулканештский р-н, с. Етулия
Махмудя – женское ожерелье. Конец XIX в. Чадыр-Лунгский р-н, с. Гайдары
Махмудя – женское украшение. Свадебное, по наследству. Комратский р-н, с. Томай
Алтени – шейное женское украшение. Конец XIX в. Чадыр-Лунгский р-н, с. Копчак

VII. Украшения

- Бендерский у., с. Чадыр-Лунга
21. *Ожерелье*
22. *Бусы* – амулет детский
23. *Бусы* – амулет детский
24. *Иконка* – амулет против сглаза
25. *Амулет детский*
26. *Ладанка* – амулет детский в виде сердца
27. *Бусина* – амулет против сглаза лошадей
28. *Бусина* – амулет против сглаза лошадей
29. *Пряжка* – *пафта, колан*
30. *Браслет* – *блезик*
31. *Браслет* – *блезик*
32. *Браслет*
33. *Браслет*
34. *Бусы* перламутровые *седеф бонжук*
35. *Крест* на цепочке из семян (*хаджи бонжук* – бусы)
36. *Браслет*
37. *Браслет*
38. *Подвески* в виде монет

VIII. Иллюстративный фонд

39. Образцы орнаментов и узоров гагаузов
Бессарабская губ., Бендерский у. Дар В. А. Мошкова. 1903 г.
Лл. 6138, 6139

Рис. «Дымовая труба, украшенная выпуклым орнаментом»
Рисунок, которым украшают наружные стены дома.

IX. Писанки

Бендерский у., с. Кирсово
40-42. Язылы-ймырта – пасхальные яйца-писанки

X. Комплекс для прядения

- Бендерский у., с. Кирсово
43. а – *Фурка* – прялка деревянная
с – веретено,
в – кудель (куделя)
44. *Тарак* – приспособление для расчёсывания шерсти

XI. Заготовки для декора безрукавки

- Чадыр-Лунгский р-н, с. Гайдары
45. Трафарет из картона для кармана безрукавки
46. Карман (заготовка) для безрукавки
47. Лента орнаментированная для отделки безрукавки

XII. Сосуды из декоративной тыквы

- Автор – П. Влах. 1979–1980 гг., г. Комрат
48. Ковш из тыквы
49. Сосуд для соли из тыквы

XIII. Другое

50. Весы металлические, коромысловые, равноплечные; г. Комрат (бытовали до 1960-х гг.)
51. *Окарина* – глиняный музыкальный инструмент. Мастер – Г. Стоматов. г. Комрат

ГЛАВА 4

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ CODEX CUMANICUS

Сегодня вряд ли придет кому-нибудь в голову отрицать, что оба языка – и куманский (кыпчакский), зафиксированный Codex Cumanicus, и гагаузский (огузский) – входят в одну и ту же обширную группу тюркских языков. Это касается, прежде всего, той части базовой лексики, слова из которой являются тождественными для большинства тюркских языков.

Однако при более внимательном знакомстве с лексикой гагаузского языка и далее при сопоставлении её со словарным материалом Codex Cumanicus возникают новые вопросы.

Перед тем как приступить далее к конкретному анализу совпадающих (тождественных), созвучных и несходных слов внутри каждой тематической группы, имеет смысл напомнить основные вехи источниковедческого освоения Codex Cumanicus как уникального письменного памятника средневековых тюрков, несущего в себе немало этнологических сведений.

И по тому, в какой мере и насколько совпадают куманские и гагаузские слова в каждом из смысловых (лексико-семантических) гнезд, можно будет судить о том, что сохранили современные гагаузы в своей памяти и жизнедеятельности от своих предков и что из культурного достояния вероятных предков кануло в небытие. То, что осталось в «языковой копилке», и то, что утеряно, во многом определяется рядом внеязыковых факторов – конкретной средой обитания, устойчивостью основ и традиций соционормативной культуры, грамматикой языка и «грамматикой жизни».

Тюркский язык служил средством общения вероятным предкам гагаузов и реальным потомкам благодаря непрерывности развития, сравнительно медленным и спорадическим изменениям тезауруса. Базовая часть лексики предков деформировалась медленно, без катаклизмов и рывков, избегая откровенных разрывов.

Ю. Клапрот (1783–1835), Д. Блау (1828–1879)

Напомним вкратце поучительную историю и основные этапы изучения величайшего памятника и имени известных отечественных и зарубежных исследователей, внёсших конкретный вклад в издание средневекового памятника тюркского языка, в транскрибирование, декодирование, интерпретацию, выявление территории его создания, уточнение места, занимаемого куманским (половецким) языком в системе тюркских языков. В качестве ориентира в существующей литературе могут служить новейшие обзоры П. Голдена, Я. Р. Дашкевича, А. Н. Гаркавца, В. Дримбы, В. Стоянова, в которых, к сожалению, специально не выделен потенциал и достоверность Codex Cumanicus в

качестве этнологического источника с целью осмысления содержащейся в нём информации для познания практик повседневной жизни и установления этногенетических связей между средневековыми и современными тюрками в сравнительно-историческом плане [Дашкевич, 1986, с. 79-86; Golden, 1992; Drimba, 2000, с. 11-23; Стоянов, 2009; Drill, 1980, p. 138-140; Ligeti, 1981, p. 2-8].

Впервые итальянская часть Codex Cumanicus была опубликована немецким ориенталистом Генрихом-Юлиусом Клапротом (1783–1835) избранным в 1807 г. экстраординарным академиком Российской Академии наук и исключённым из ее состава в 1813 г. в связи с его непомерными претензиями и неблагоприятным поведением в связи с якобы неуплатой ему академического жалования [Кононов, 1982, с. 110-111].

Неполная копия, снятая с венецианского оригинала СС, состояла из 2 500 слов, написанных на 118 страницах тремя колонками, соответственно, на латыни, персидском и куманском языках [Klaproth, 1828, p. 113-258; Дашкевич, 1986, с. 81; Drimba, 2000, с. 12; Стоянов, 2009, с. 53].

Опираясь на свои обширные знания тюркских языков, на собственные полевые исследования в России и на лексический материал, содержащийся в Codex Cumanicus, немецкий учёный опубликовал куманскую часть Codex Cumanicus на оригинальной куманской основе, сопроводив ее французским переводом и сделал важный для того времени вывод о тюркском происхождении куман (половцев) и о том, что они куманы (половцы) говорили на языке, близком к языку печенегов. Он обратил внимание, что в XIII–XIV вв. куманы были расселены на обширных территориях к северу от Азовского и Чёрного морей, от Волги до Дуная в регионах, называемых в арабских источниках «Белой Куманией». После поражения в битве на Калке, часть куман откочевала к своим соплеменникам, проживающим в Паннонии с 1086 г. По свидетельству Валерия Стоянова, здесь они вели кочевой и полукочевой образ жизни вплоть до 1410 г. На рубеже XVIII–XIX вв., в Венгрии существовали два графства – Большая и Малая Кумания, где проживало, соответственно, 32 624 и 42 346 человек. К этому времени куманы забыли свой язык и говорили на венгерском [Стоянов, 2009, с. 54-55].

В 1770 г. скончался последний представитель из числа овенгерившихся куман, который знал несколько куманских слов.

Издание Ю. Клапрота, несмотря на многие недочёты, вызвало большой общественный интерес. Однако только через полвека известный востоковед и дипломат Отто Блау (1828–1879), опираясь на свои знания и штудии по истории и культуре тюркских народов южнорусских степей, занялся изучением лексического материала Codex Cumanicus и опубликовал статью, посвящённую языковой и этнической принадлежности носителей куманского языка [Blau, 1875, с. 556-587; Drimba, 2000, с. 12].

Высоко оценив значение Codex Cumanicus в качестве источника для изучения тюркского разговорного языка XIII в., Отто Блау сформулировал задачу нового академического издания источника.

Важный этап в изучении Codex Cumanicus связан с именем талантливого венгерского востоковеда Гёзы Кууна, избранного действительным членом Венгерской Академии наук в 29-летнем возрасте. Издавая полный текст Codex Cumanicus (транслитерация, транскрипция) в 1880 г., он сопроводил его обстоятельным введением, указателем и приложениями [Kuun, 1880, 1981].

По словам болгарского исследователя Валерия Стоянова, автора фундаментальной двухтомной «Куманологии» (2009) публикация Гёзы Кууна представляла огромный шаг вперёд по сравнению с предварительным изданием Юлиуса Клапрота и послужила основой для всестороннего изучения её содержания. «За недоступностью для меня подлинной рукописи [Codex Cumanicus – М. Г.], хранящейся в библиотеке Св. Марка в Венеции, сожалел Д. А. Расовский, автор одной из убедительных гипотез о времени и месте создания памятника, я пользовался изданиями Г. Кууна» [Расовский, 1929, с. 193].

Наряду с публикацией лексического материала, содержащегося в первой части Codex Cumanicus, Гёза Куун включил кумано-немецкие и латинские материалы из его второй части, с итальянскими стихами, религиозными текстами.

При этом впервые были чётко разграничены две составные части Codex Cumanicus, имеющие автономное происхождение, выявлены орфографические особенности текстов и дана характеристика немецкого языка, функционировавшего в XII–XIII вв. [Стоянов, т. 1, 2009, с. 107-108].

Огромный интерес научной общественности к изданию памятника куманского (половецкого) языка нашел отражение в ряде рецензий, в которых наряду с высокой оценкой труда венгерского востоковеда были сделаны критические замечания. Особенно остро прозвучала критика во второй половине XX в. на страницах журнала «Вопросы языкознания». Так, например, Я. Р. Дашкевич счёл уместным процитировать «справедливое замечание» К. Грэнбека о том, что «издание Кууна “никогда не могло считаться адекватным научному изданию”» [Grenbech, 1936, p. 8; Дашкевич, 1986, с. 81; Стоянов, т. 1, 2009, с. 230].

По мнению некоторых современных российских и украинских исследователей, издание Гёзы Кууна ввело в заблуждение некоторых авторов, в том числе академика В. В. Радлова, давшего ретроспективный анализ «куманского» языка на основании «недостовверного издания» [Radloff, 1887, p. 393; Дашкевич, 1986, с. 81].

Значительный вклад в изучение лексического материала Codex Cumanicus в сопоставлении с другими тюркскими языками внёс академик В. В. Радлов (1837–1918) – автор знаменитого 4-томного (в восьми книгах) «Опыта словаря тюркских наречий» [1893–1911; 1963], инициатор многотомного издания фольклорных текстов «Образцы народной литературы тюркских племен», в том числе «Наречия бессарабских гагаузов» [Мошков, 1904] и многих других трудов по тюркологии, составивших целую эпоху в раз-

витии российской тюркологии, в утверждении сравнительно-исторического метода. Обозревая его жизнь и творческую деятельность, А. Н. Кононов напомнил о принятой многими учёными периодизации отечественной тюркологии – дорадловской и радловской эпохи [Кононов, 1982, с. 120].

К сожалению, лексикографический материал, проанализированный В.А. Радловым, был взят им из не вполне академического издания Гёзы Кууна, что дало основание отдельным востоковедам, особенно Вилли Бангу, упрекать российского учёного в серьёзных погрешностях. Опираясь на знания лексического материала многих тюркских языков, в том числе языка казанских татар и караимов, В. В. Радлов расшифровал многие тюркские слова Codex Cumanicus и отнёс куманский язык к группе кыпчакских языков, носители которых обитали в евразийских степях, растянувшихся от Алтая до Дуная.

Для изучения истории вероятных предков гагаузов исключительно важное значение имеет вывод В. В. Радлова о том, что, во-первых, куманский язык – в том виде, в каком он был представлен в Codex Cumanicus, – со временем исчез, а во-вторых, о том, что средневековые носители куманского языка вобрали в себя множество иноэтнических элементов, а в дальнейшем ассимилировались под давлением новой волны кочевников и оседлого населения стран Юго-Восточной Европы [Radloff, 1887, т. 31, p. 547; Стоянов, т. 1, 2009, с. 114-115]. Тем не менее, одну из важнейших своих задач при анализе лингвистического материала Codex Cumanicus В. В. Радлов видел в том, чтобы «самым верным образом определить племя куманов, то есть указать, какому из нынешних племён куманское может считаться ближайшим родственником» [Радлов, 1884, с. 2].

Заслуживает внимания ещё одно важное наблюдение В. В. Радлова. Речь идёт, в частности, о том, что вплоть до XVII в. язык крымских татар содержал явные элементы говора кыпчакского языка, образованного от смешения куманского (кыпчакского) языка с языками других степных кочевников. По мнению В. В. Радлова, этот «смешанный язык» был родным языком тюркоязычных караимов и крымчаков, в среде которых хранились переводы Библии, сделанные на языке крымских татар в XVII в. [Radloff, 1887, т. 31, p. 547-548; Стоянов, т. 1, 2009, с. 115].

Несмотря на то, что Codex Cumanicus как выдающийся памятник средневековых тюрков содержит богатые этнологические и этноязыковые данные, до недавнего времени не существовало его полного факсимильного издания с сопутствующим переводом на русский язык, в том числе тюркоязычной колонки, представленной куманскими (половецкими) словами. Можно по пальцам одной руки перечислить авторов-гагаузов, хотя бы попутно упоминавших Codex Cumanicus в своих произведениях, в том числе посвящённых этнической истории и истории гагаузского языка.

Основным объектом нашего исследования выступает лексика первой – итальянской – части Codex Cumanicus, а некоторые фразы привлекаются постольку, поскольку они легко «считываются» носителем современного гагаузского языка. Такой подход связан с тем, что религиозные и остальные тексты второй части СС, в том числе написанные на кыпчакском языке, отличаю-

щаемся от куманского языка, заслуживают особого внимания в связи с изучением процессов христианизации вероятных предков гагаузов.

**К. Г. Залеман (1849–1916),
В. Банг (1869–1934)**

Российский иранист Карл Генрихович Залеман (1849–1916) посвятил Codex Cumanicus специальную работу, акцентировав внимание на анализе двух словарных колонок памятника – со словами на «куманском» и персидском языках. Резко выступил против известного немецкого учёного Вилли Банга, позволившего себе из чувства зависти несправедливую и обидную критику в адрес В. В. Радлова [Salemann, 1960, с. 943-957], которого академик В. В. Бартольд считал «лингвистом-тюркологом», приобретшим «себе славу первоклассного мирового учёного» [Бартольд, т. 9, 1977, с. 665].

Если Пётр говорит о Павле, мы больше узнаем о Петре, чем о Павле. Характеристика, данная К. Г. Залеманом итогам исследований В. В. Радлова словарного материала Codex Cumanicus, в значительной мере характеризует самого К. Г. Залемана. Позволим себе привести его отповедь Вилли Бангу в переводе с немецкого, сделанном В. В. Бартольдом: «Где бы теперь были постепенно появляющиеся тюркологи, если бы Радлов в свое время не пошел смело вперед? Неужели критик (Вилли Банг – М. Г.) думает, что отдаёт долг благодарности неугомонному изыскателю, когда, идя по следам проложившего дорогу, с насмешливым злорадством бросает ему вслед камни, о которые когда-то спотыкались нащупывавшие почву ноги? Мы все знаем, что люди, призвание которых было содействовать развитию молодой науки посредством тягостных изысканий в далёких диких странах, редко имели возможность оставаться в постоянном общении с научной жизнью у себя на родине. У них вырабатывается особый, самодержавный метод исследования, к которому нельзя подходить с той же меркой, как к работам обыкновенных смертных. Те могут спокойно сидеть дома и черпать свою мудрость из словарей, грамматик и текстов, составленных или записанных учёными первого типа» [Salemann, 1910, р. 950; Бартольд, т. 9, 1977, с. 687; Стоянов, т. 1, 2009, с. 147].

Исключительно высокие научные заслуги В. В. Радлова, в том числе в деле изучения языкового материала СС, основаны на его обширной, энциклопедической эрудиции. Он не только по праву считается основоположником новой отрасли отечественного языкознания – тюркологии, но и обогатил этнографическую науку огромным количеством материала, получившего общемировое признание [Бартольд, т. 9, 1977, с. 686].

В некрологе, посвящённом К. Г. Залеману, академик В. В. Бартольд поставил ему в заслугу корректное отношение к письменным источникам, к коллегам по исследовательскому цеху, уважение к нелёгкой, но чрезвычайно полезной полевой работе [Бартольд, т. 9, 1977, с. 617-618].

Исследования тюркского и персидского языка по материалам СС позволили К. Г. Залеману, а вслед за ним и В. В. Бартольду высоко оценить

значение «одного из важнейших памятников турецкого (тюркские языки В. В. Бартольд называл турецкими – М. Г.) языка [Бартольд, т. 9, 1977, с. 615].

В знаменитой работе «История изучения Востока в Европе и России» академик В. В. Бартольд, хотя и не уделил специального внимания Codex Cumanicus, но высоко оценил его значение для изучения половецкого и персидского языка. Он охарактеризовал его как «словарь половецкого языка, известный в науке под названием “Codex Cumanicus”», являющийся, по его же словам, «любопытным памятником практического ориентализма XIII–XIV вв.» [Бартольд, т. 9, 1977, с. 278].

**А. Н. Самойлович (1880–1938), Д. А. Расовский (1902–1941),
К. Грёнбек (1901–1957)**

Специальное исследование истории создания Codex Cumanicus позволило А. Н. Самойловичу в 1920-е гг. сделать вывод о том, что часть лексического материала в куманской колонке Codex Cumanicus была записана в последнем десятилетии XIII в. [Самойлович, 1924, с. 86-89; Стоянов, т. 1, 2009, с. 220-221].

Ранняя датировка создания памятника была неоднозначно воспринята исследователями. Она была принята, в частности, Теодором Менцелем и отвергнута Тадеушем Ковальским [Menzel, 1929, р. 233; Kowalski, 1928, р. 210-215; Kowalski T., 1930, р. 3-26; Стоянов, т. 1, 2009, с. 221].

С. Е. Малов внес уточнения в прочтение текстов Codex Cumanicus, приложил к своей публикации «Указатель половецких загадок и ответов» и список некоторых слов [Малов, 1930, с. 347-375; Стоянов, т. 1, 2009, с. 222-223] и счёл не вполне корректным объяснение значения некоторых слов, опираясь на языковой материал турецкого языка, как это предлагал до него Дюла Немет, или языка казанских татар, подобно В. В. Радлову.

Половецкие загадки, содержащиеся в Codex Cumanicus, попали в поле зрения турецкого исследователя Абдулкадира Инана [Abdülkadir, 1939, № 3, р. 122-124].

Оценивая огромный вклад Д. А. Расовского (1902–1941 гг.) в изучение средневековой истории кочевых турок, болгарский исследователь Валерий Стоянов назвал его в одной из посвящённых его творчеству глав своего двухтомного исследования «вершиной русской куманологии» («Д. Расовски – върхът на руското куманознание») [Стойанов, т. 1, 2009, с. 306-365].

Особый интерес представляет, в частности, статья Д. А. Расовского, специально посвящённая происхождению Codex Cumanicus [Расовский, 1929, с. 193-214]. Будучи историком по образованию, Д. А. Расовский одним из первых поставил перед собой этнологическую задачу выявления взаимосвязей лексем из словарного запаса Codex Cumanicus с различными сторонами жизни тех кочевых, оседлых и полуседлых куман (половцев), кто разговаривал на куманском (половецком) языке и чья лексика «попала» в Codex Cumanicus. Тщательный лексикологический анализ словарного состава на латыни позволил ему в полемике с Вилли Бангом сделать вывод о том, что встречаю-

щиеся в Codex Cumanicus ошибки, неточности, погрешности были вызваны не столько слабой языковой подготовкой составителей словаря, собиравших материал «в поле», сколько переписчиками, не вполне надёжно владеющими куманским и персидским языками [Расовский, 1929, с. 206-207].

Принимая во внимание наличие в Codex Cumanicus поздних лексических «добавлений», Д. А. Расовский предположил, во-первых, что существовал ранний оригинал Codex Cumanicus, подготовленный до 1303 г., и солидаризировался с мнением академика А. Н. Самойловича об изначальном составе раннего (чернового) варианта Codex Cumanicus, по крайней мере, в последнем десятилетии XIII в. Во-вторых, он оставил открытым вопрос об авторстве Codex Cumanicus, допустив, что его составителями могли быть как итальянские купцы, так и францисканские миссионеры.

В-третьих, Д. А. Расовский обратил особое внимание на неравномерное наполнение словами смысловых (тематических) гнезд, алогичное с точки зрения купцов и духовных лиц, противоречащее их ментальности, связанной с их профессиональным занятием [Расовский, 1929, с. 197].

Интрига, содержащаяся в словесных гнездах, заключалась в том, что обилие бытовой лексики, в том числе связанной с сексуальными отношениями, была не вполне совместимой с ментальностью и моральными нормами духовных лиц. Многообразие текстов и религиозных терминов далеко отстояло от заземлённых интересов купеческого сословия. Вместе с тем многообразие лексического материала Codex Cumanicus, охватывающего самые разные сферы жизни, от секса до религиозного сознания и до высокоразвитой системы купли-продажи, свидетельствовало о полифункциональном предназначении Словаря.

В 1936 г. датский тюрколог Кааре Грёнбек подготовил сначала факсимильное издание Codex Cumanicus, а еще через 6 лет опубликовал итоги своего исследования. Созданный им куманско-немецкий словарь («Тюркский словарь Грёнбека») является, по признанию современных специалистов, одним из лучших тюркологических исследований [Gronbech, 1936; Gronbech, 1942; Стоянов, т. 1, 2009, с. 230-231].

Казахстанский исследователь А. Н. Гаркавец высоко оценивает археографическую справку, тематический перечень важнейшей литературы и внутреннее описание факсимильного издания. В заслугу датского ориенталиста казахстанский учёный ставит академическое описание куманского словарного состава, снабжённого списком собственных имен. Впечатляют латинско-куманский и немецко-куманский глоссарии-индексы, а также постраничный указатель употреблённых куманских слов [Гаркавец, 2006 (Предисловие)].

Особой ценностью вклада К. Грёнбека в изучение тюркского языка Codex Cumanicus Владимир Дримба считает фототипическое издание памятника, что придало дополнительные импульсы его изучению [Drimba, 2000]. Болгарский исследователь Валерий Стоянов видит успех К. Грёнбека в том, что датскому учёному принадлежит открытие того, что тюркский язык Codex Cumanicus содержал различие некоторых слов: *astlan – arslan, agsa – ovsa, kendi – kensi*, что свидетельствовало о том, что памятник отражал языковой

материал различных диалектов куманского языка [Стоянов, т. 1, 2009, с. 232].

Вместе с предшествующим изданием памятника, предпринятым Гезой Кууном, труды К. Грёнбека стали настольными книгами для дальнейших филологических исследований [Drimba, 2000, p. 16].

Тексты Codex Cumanicus, изданные Гезой Кууном и Кааре Грёнбеком, послужили источником не только для тюркологических, но и для иранологических исследований. Видную роль в этом сыграли иранский востоковед Давуд Мончи-Заде и известный венгерский специалист по курдскому языку Андраш Бодролигети. Изучение материала СС персидского языка позволило, во-первых, выявить целый пласт иранизмов в куманском языке, что представляло несомненную ценность и шаг вперёд в изучении словарного состава тюркского языка, и, во-вторых, установить факт иранско-куманского двуязычия в сфере разговорной речи, бытующей по берегам Каспийского моря от Баку до Матенадарана [Monchi-Zadeh, 1969; Bodrogligeti, 1971; Гаркавец, 2006; Стоянов, т. 2, 2009, с. 144-145].

А. фон Габен (1901–1933)

Важным шагом вперёд в освоении и истолковании языкового и литературного наследия носителей куманского (половецкого) языка, зафиксированного в СС, стало творчество немецкой исследовательницы Анемари фон Габен (1901–1993). Обозревая её продуктивный вклад в куманологию, Валерий Стоянов ставит ей в заслугу ряд достижений, в том числе в опубликованных ею двух её трудах: «Язык Кодекс Куманикуса» (1959 г.) и «Куманская литература» [Фон Габен, 1959, с. 46-73; Фон Габен, 1965, с. 243-251; Стоянов, т. 2, 2009, с. 96-100].

Во-первых, она вслед за Вилли Бангом поддержала мнение о том, что составителями СС были францисканцы, во-вторых, выявила орфографические различия в тюркоязычных словах, встречающихся в «итальянской» и в «немецкой» частях памятника, в-третьих, объяснила эти различия тем, что тюркские слова были записаны из речевой практики носителей трёх разных диалектов куманского языка. Однако принадлежали ли эти различия разным диалектам одного языка или разным языкам, – вопрос остаётся не до конца решённым. Особое внимание А. фон Габен обратила на тот факт, что язык памятника обозначался куманским. На самом деле во второй части (немецкой) СС, насыщенной фольклорными и религиозными текстами, язык номинировался как «татарский» (*tatarce, tatar til*). Сама она предпочитала называть язык СС старотатарским (*alttarisch*) языком [Gabain, 1959, с. 48; Стоянов, т. 2, 2009, с. 97].

Ей удалось многое прояснить в грамматическом строе языка СС, в том числе графические особенности текста [Gabain, 1959, с. 49-50], вокальную систему языка [Gabain, 1959, с. 50-52], особенности отдельных видов и групп согласных [Gabain, 1959, с. 52-56], словообразование и словоприменение [Gabain, 1959, с. 56-61], числительные, прилагательные, местоимения и другие части речи [Gabain, 1959, с. 62-70]. Одной из первых она обратилась к

изучению литературных образов, присущих куманской литературе, испытавшей на себе заметное влияние иранской культуры. Иранское влияние проявилось вследствие того, что грамматические правила и тюркская лексика фиксировались с помощью переводчиков, знающих куманский язык.

В. Дримба (1924–2003)

Среди европейских исследователей, изучавших языковые особенности, в том числе грамматический строй языка СС, мало кто может сравниться с известным румынским филологом В. Дримбой (1924–2003) по количеству публикаций, посвящённых главным образом грамматике и этимологической расшифровке тюркского лексического материала, содержащегося в текстах СС. Не случайно в 2-томном компендиуме Валерия Стоянова «Куманология» библиографическому перечню опубликованных работ В. Дримбы отведено полторы страницы, гораздо больше, чем трудам многих других маститых исследователей [Стоянов, т. 2, 2009, с. 147, 149-150].

Дебютировав во второй половине 1960 г. двумя статьями на румынском и французском языках, посвящёнными этимологии полутора десятков куманских (половецких) слов, В. Дримба в 70–80-е гг. XX в. [Drimba, 1965, с. 201-203; Drimba, 1966, с. 481-489; Стоянов, т. 2, 2009, с. 142; Drimba, 1971, с. 61] написал и опубликовал десятки статей и книг, в том числе ряд работ по лексикографии, синтаксису куманского (кыпчакского) языка.

Серьёзный вклад в освещение языкового материала внесла серия его трудов (*Miscellanea cumanica*), посвящённых доскональному изучению словарного запаса СС, в том числе с полной транскрипцией нарративного источника, с репродукцией, максимально приближённой к оригиналу, и характеристикой его графических, орфографических особенностей, комментариями ошибок, сделанных переводчиками и переписчиками, сопоставлением лексического материала с диалектами куманского языка, а также с другими тюркскими языками [Перечень работ В. Дримбы по указанной серии см.: Стоянов, т. 2, 2009, с. 148-150; Drimba, 2000, р. 21]. Вместо общепринятого «*Cumanicus*» Владимир Дримба счёл необходимым переименовать куманский язык в «*Comanicus*».

Обобщённым итогом его энциклопедических очерков о языковом материале СС стало археографическое издание памятника под модифицированным названием «*Codex Comanicus*», снабжённое упрощённой латинской транскрипцией, подробными примечаниями и комментариями к различным словам и факсимиле [Drimba, 2000; Стоянов, т. 2, 2009, с. 150; Гаркавец, http://www.vostlit.info/Texts/Documenty/Zolotoord/XIV/1300-1320/Codex_cumanicus].

К трудам обобщённого характера относится монография В. Дримбы «Куманский синтаксис» с включёнными в неё связными текстами, переданными тюркологической транскрипцией с графическими, библиографическими и текстологическими примечаниями и комментариями, французским переводом и сдублированными латинскими текстами, представленными ори-

гиналами куманских переводов на основе более ранних изданий Вильгельма Банга и Карла Генриховича Залемана [Drimba, 1973; 2000; Гаркавец, 2006].

Важное значение для сравнительно-исторического изучения ментальности куман (половцев) как вероятных предков гагаузов и участников межэтнической коммуникации в Молдове и Венгрии, имеют сравнительно небольшие по объёму, но интересные и важные работы В. Дримбы, посвящённые пословицам и поговоркам добруджанских татар и влиянию тюркских языков на языки местного населения [Drimba, 1985, с. 25-36; Drimba, 1986; 1980].

Накопленный опыт в изучении СС, включая ряд открытий и новейших интерпретаций, актуализировал новейшие исследования. Крупнейший знаток истории и практики куманологических исследований болгарский учёный Валерий Стоянов счёл возможным сделать вывод о том, что в 80-е гг. XX в. начался новый этап углублённого изучения памятника, в том числе по уточнению датировки его происхождения. Особую роль при этом сыграли труды Д. Дрюлл, Л. Лигети и В. Дримбы [Стоянов, т. 2, 2009, с. 333].

Итоги исследований В. Дримбы, посвящённые куманскому языку и постоянно нарративного источника, которые были отражены, в частности, в его докладе на 17-й сессии постоянно действующей конференции по алтаистике, произвели сильное впечатление на научную общественность. В известном смысле они послужили началом нового этапа в освоении самого памятника. Опираясь на труды В. Дримбы, Т. Ковальского и Грэнбека, известный французский тюрколог Луи Базен выявил распространённую среди куман систему времяисчисления.

До первой половины XX в. открытым оставался вопрос о тюркских названиях месяцев в календаре СС. Одними из первых сделали попытки разобраться в названиях Т. Ковальский, К. Грэнбек, В. Дримба [Kowalski, *Monatsnamen*, 1930, 17-26; Gronbech, 1942; Drimba, 1973, с. 63].

Однако приоритет в прояснении тёмных мест в календаре СС принадлежит французскому учёному Луи Базену (род. 1920 г.), в диссертации которого, посвящённой календарям тюркских народов, отдельная глава была отведена календарю куман (половцев) [Bazin, 1974, с. 624-650; Стоянов, т. 2, 2009, с. 153-154].

Удалось, во-первых, выяснить следы влияния мусульманского календаря на названия тюркских месяцев по лунному календарю, во-вторых, установить, что наиболее близкая стыковка между месяцами юлианского календаря и месяцами по тюркскому народному календарю имела место в 1294 г. Сопоставительный анализ двух рядов названий месяцев – по тюркскому и юлианскому календарю – позволил Луи Базену предположить наличие симбиоза двух разных систем названий месяцев: названий, попавших на страницы СС, образованных от имён тюркских «лунных» месяцев, и наименований из мусульманского календаря [Самойлович, 1924, с. 86-87; Bazin, 1974, с. 624-650; Bazin, 1991; Стоянов, т. 2, 2009, с. 153-158].

Народная тюркская система времяисчисления, по Луи Базену, исходила из трёхчленного деления четырёх времён года: *yaz* – весна, *yaŭ* – лето, *kiz* – осень и *kis* – зима, в каждом из которых месяцы именовались «начальный», «средний» и «последний» месяц.

Внимательное изучение системы времяисчисления в СС привело Л. Базена к убеждению в том, что в памятнике, во-первых, имело место смешение двух типов календарей – куманского и юлианского. Симбиоз лунного календаря, основанного на движении луны, имеющего цель привести в соответствие между собой течение суток и лунного месяца, и юлианского, в котором согласовываются сутки и год, позволил сделать вывод о том, что носители того куманского языка, что был зафиксирован в СС, имели смешанное этническое происхождение, признаком которого выступала их попытка сохранить лунно-солнечный календарь, где наличествовали попытки согласовать между собой все три единицы времени: сутки, месяц и год.

Изложение длительной истории создания и совершенствования разнообразных календарей не входит в задачу данного исследования. Однако отсутствие специальных исследований об историческом аспекте и генезисе гагаузского календаря делает необходимым вкратце напомнить о том, что у гагаузов наряду с общепринятым григорианским календарём, введённым в России 24 января 1918 г., до сих пор в повседневном быту порой сохраняется практика времяисчисления по юлианскому календарю, с которым более адекватно стыкуются традиционные праздники, адаптированные православием и соотносимые с времяисчислением по юлианскому календарю [подробнее см.: Квилинкова 2002, 2005а; 2007а; Сорочяну, 2005; 2007]. По гагаузскому народному календарю год делится на зимний и летний периоды, которые начинаются, соответственно, с праздника Св. Дмитрия (8 ноября), как первого дня зимы, и с праздника Св. Георгия (6 мая), как первого дня лета.

Д. Дрюлл

Codex Cumanicus по праву считается выдающимся памятником если не куманского (половецкого) языка, то, по крайней мере, хранителем словарного состава тюркского языка. Поскольку сами куманы (половцы) были далеко не едины по этническому составу, постольку и язык памятника в известной мере напоминал лоскутное одеяло, или, говоря академическим языком, – наддиалектное явление. Однако, с лексикографической точки зрения тексты СС представляют интерес не только для тюркологов, но и для специалистов, изучающих персидский и немецкий языки XIII–XIV вв.

И подобно тому, как румынский тюрколог Владимир Дримба внёс значительный вклад в изучение куманского словарного состава, немецкая исследовательница Дагмар Дрюлл обстоятельно разобралась в немецком словарном материале СС.

Высоко оценивая палеографические векторы её исследований, Валерий Стоянов счёл нужным подчеркнуть, что её труд явился замечательным вкладом в изучение *Codex Cumanicus* в том смысле, что она раскрыла значение выда-

ющегося памятника не только как документа «исчезнувшего языка», но и как важного «исторического документа» [Drull, 1979; Стоянов, т. 2, 2009, с. 284].

Высокая оценка её труда вытекала из обстоятельного историографического обзора, предпринятого ею в ходе подготовки и защиты диссертации и публикации книги, посвящённой истории и значению СС. На основе внимательного анализа трудов многих своих предшественников, в том числе Гёзы Кууна, Хунфалви, В. В. Радлова, Константина Иречека, Теза, Салавила, Отто Банга, А. Н. Самойловича, Д. А. Расовского, С. Е. Малова, Дьорфи, А. фон Габен, Мончи-заде, А. Бодролигети, В. Дримбы, немецкая исследовательница в ряде случаев по-новому осветила происхождение, причины и место возникновения, а также авторство *Codex Cumanicus*. Обладая высокой социальной чувствительностью, Дагмар Дрюлл обнаружила в трёхязычном словаре 15 немецких слов, которые обозначали ценные человеческие качества и физические или интеллектуальные недостатки. Из анализа лексического материала следовало остроумное предположение о существовании в XIII–XIV вв. в Крыму и в степях Северного Причерноморья работоторговли [Drull, 1979, с. 124–128; Стоянов, т. 2, 2009, с. 282].

Особой ценностью в её сравнительно небольшой по объёму книге, представленной в качестве докторской диссертации, обладают кыпчакские, немецкие, персидские, латинские глоссарии и словари и обстоятельная библиография.

Лайош Лигети (1902–1987), Я. Р. Дашкевич (1926)

В 80-е гг. XX в. дальнейшее изучение СС в известной мере зашло в тупик в силу того, что прежние издания памятника Ю. Клапротом (1848), Гёзой Кууном (1880) и даже Кааре Грёнбеком (1936) стали библиографической редкостью, малодоступной для новых поколений исследователей. Ответом на вызовы времени стало переиздание СС в Венгрии в связи со 100-летним юбилеем [*Codex Cumanicus*, 1981] его первого издания.

Несколько ранее, в 60–70-е гг., в Казахстане и в Румынии появился интерес и высказывалась острая необходимость в академическом издании памятника [Кенесбаев, Курьшжанов, 1964, с. 35–45; Drimba, 1970, с. 209–221].

Во вступительной статье к юбилейному изданию памятника в Венгрии его инициатор Лайош Лигети (1902–1987) привёл краткую справку о структуре СС и свежие соображения по поводу происхождения, предназначения, места и времени его создания. Он сопроводил свои размышления ценными сведениями об экстралингвистических факторах возникновения памятника, его употребления, в том числе о торгово-политических отношениях европейских стран с Золотой Ордой.

Одновременно венгерский учёный ввёл в научный оборот двуязычные кумано-латинские документы, анализ которых позволил снять сомнения в деле признания идентичности куманского языка с языком текста СС. В отличие от своих предшественников Лайош Лигети усмотрел не 2, а 3 группы авторов, причастных к его созданию, в том числе: 1) францисканских мо-

нахов, владеющих латинским языком; 2) итальянских колонистов Северного Причерноморья; 3) духовных и светских лиц немецкого происхождения. Суммируя итоги своего исследования СС при подготовке его к изданию, Лайош Лигети предложил первую часть памятника именовать «Interpreter's Book», которая, по его мнению, создавалась в середине XIII в. анонимными энтузиастами на основе неизвестных до сих пор источников. Вторую часть памятника он определил как «Книгу миссионеров» (Missionaries Book). С его лёгкой руки эти названия закрепились за двумя частями СС, и выглядят они более предпочтительно, чем прежние и параллельно бытующие: итальянская и немецкая части [Ligeti, 1981, с. 1-54; Golden, 1992, с. 33-63; Стоянов, т. 2, 2009, с. 310]. Вместе с тем Л. Лигети считал, что тёмное покрывало не до конца снято со многих загадок СС («The Codex Cumanicus has not yet unveiled all its secrets...») [Ligeti, 1981, p. 54; Drimba, 2000, p. 23].

Немаловажную роль в этнической идентификации тюркского языка средневековых обитателей южнорусских степей и Подунавья сыграла серия статей известного украинского историка и лингвиста, академика Я. Р. Дашкевича, опубликовавшего в 80-е гг. в журнале «Вопросы языкознания» серию статей об армяно-кыпчакском языке [Дашкевич, 1981, с. 79-92; 1983, с. 91-107] и о тюркском языке Codex Cumanicus [Дашкевич, 1985, с. 72-83; 1986, с. 79-86; 1988, с. 62-74].

Ему, в частности, принадлежит ценная инициатива по изучению экстралингвистических факторов языка памятника, по пересмотру времени и авторства его создания, а также по новому осмыслению его текстологии и функционального предназначения [Дашкевич, 1981, с. 79-92].

Опираясь на успехи и учитывая промахи, допущенные в изучении СС к концу XX в., Я. Р. Дашкевич одним из первых усомнился в адекватности названия Codex Cumanicus. Он представил перечень имён (анонимных, разумеется), принявших участие в судьбе памятника.

1. Прежде всего, созданию 1-й части СС («Книги переводчика») предшествовал период полевого сбора лексического материала и некая первичная его обработка. 2. Некоторые свидетельства позволяют думать о том, что завершённый протограф («черновой оригинал») был составлен не ранее 1324 г. 3. В процессе практического использования первичный оригинал подвергался доработке в плане составления алфавитного списка и комплектования «тематических (смысловых) гнезд». В латинскую колонку было дополнительно внесено 250 отсутствовавших ранее слов, к которым не успели подобрать иранские или тюркские эквиваленты. 4. В незавершённом виде протограф (оригинал) копировался. 5. Дополнения, внесённые в СС, не всегда придерживались первоначальной транскрипции [Дашкевич, 1985, с. 71].

Что касается религиозных текстов 2-й части СС («Книги миссионеров»), вероятно, что часть из них была создана в 60-е гг. XIII в. с момента экспансии итальянцев в бассейн Чёрного моря и начала активной миссионерской деятельности в 30-е гг. Несмотря на существование различных гипотез относительно географического места и этноязыковой ситуации, где собирался «полевой материал» для СС, Я. Р. Дашкевич склонился к мысли, что он созда-

вался в Крыму, где Кафа являлась центром генуэзских поселений. Не исключено, что на формирование аргументации Львовского историка влияли такие же патриотические мотивы, как на Гёзу Кууна, давшего название памятнику в честь своих предков.

Стремление «привязать» СС к Северному Причерноморью проявляется и в общих ответах исследователя на вопрос, вынесенный в название его статьи. Итак, вклад Я. Р. Дашкевича в изучение происхождения СС заключается в том, что он, во-первых, установил, что название СС дезориентирует исследователей, переименовав глоттоним “*tatar til*” в куманский, во-вторых, показал, что кодикологическое, палеографическое и филигранологическое обследование памятника не завершено, в-третьих, засвидетельствовал, что «итальянская» часть СС представляет собой копию с оригинала или отредактированную копию, в-четвёртых, подтвердил, что оригинал СС был составлен в 1320-е гг., в-пятых, определил, что «итальянская» часть СС создавалась в одном из городов Северного Причерноморья, находившегося под генуэзским владычеством, в-шестых, указал, что функциональное предназначение «Книги переводчика» состояло в том, чтобы служить пособием для переводчиков в генуэзских колониях, в то время как «Книга миссионеров» создавалась для записи религиозных текстов, распространяемых с целью христианизации тюркского населения, и, наконец, в-седьмых, автор итальянской части СС был квалифицирован «возможно, выходцем из крымской тюрко- или ираноязычной среды» [Дашкевич, 1985, с. 82].

Вслед за изложением вопросов о происхождении СС Я. Р. Дашкевич, находясь под влиянием известной статьи Д. А. Расовского, подготовил статью об экстралингвистической и лингвистической достоверности текста, как в оригинале, так и, особенно, в последующих печатных изданиях [Дашкевич, 1986, с. 79-86].

Никто не может проверить фонетическую и лексикологическую достоверность тюркской речи, звучавшей 700 лет тому назад. Однако, критерием достоверности текста СС может служить тот факт, что он неоднократно включался в практику при разговорном межэтническом и межъязыковом общении, так как служил практическим пособием для переводческой деятельности, то есть предназначался для утилитарных целей. Иными словами, его соответствие поставленным перед ним задачам служило подтверждением его достоверности и пригодности. В рождение сомнений в лингвистической достоверности текста немалую «лепту» внесли его издатели, предложившие свои лингвистические транскрипции с целью «нормализованных» прочтений тюркских слов, слышать которые вживую, однако, никому в XIX–XX вв. не привелось.

Если первые две статьи Я. Р. Дашкевича о происхождении и о вопросах декодирования привлекли внимание исследователей, что нашло выражение в обильном цитировании и ссылках, то его «заключительная» статья с эпатажным названием «Codex Cumanicus – действительно ли cumanicus?» не нашла ни оппонентов, ни сторонников. Во-первых, трудно допустить, чтобы именные предшественники, публиковавшие текст, транскрибирующие и мощные

комментарии, захотели бы отказаться от своих прежних выводов и от признания языка СС куманским языком. Во-вторых, для идентификации языка СС, который, вне всякого сомнения, был тюркским, необходимо было обратиться к изучению языковой и этнической ситуации Северного Причерноморья XIII–XIV вв. Но об этом ниже.

П. Голден (1941)

В 1980–90-е гг. в ряды специалистов, изучающих евразийское средневековье, стремительно ворвался американский учёный Питер Бенджамин Голден. Его труды по истории, культуре и языку хазар, куман (кыпчаков) и других тюркских народов принесли ему заслуженный авторитет крупнейшего специалиста по истории кочевников южнорусских степей, Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Сибири. В. Стоянов щедро и эмоционально оценил творчество П. Голдена: («...Един от най-компетентните днешни специалисти на миналото на източноевропейските конни народи, чиито работи са своеобразен еталон за качество на научните изследвания» [Стоянов, т. 2, 2009, с. 414].

Во вводной части статьи (с. 33-38), подготовленной для специального сборника источников по истории и культуре народов Средней Азии, П. Голден представил панорамное видение этнической истории и межэтнических отношений обширной зоны южнорусских степей и связал эту картину с проблемой происхождения куман (кыпчаков). В двух последующих главах – «Время и происхождение» (II. Dating and Origin, с. 38-40) и «Языки Codex Cumanicus» (III. The Languages of the Codex Cumanicus, с. 40-43), – подготовленных с учётом итогов исследований Лайоша Лигети и Д. Дрюлл, хотя и без идей, высказанных В. Дримбой, дал панорамную характеристику памятника.

В заключительной части («Contents of the Codex Cumanicus», с. 43-63) представлен языковой материал первой части Codex Cumanicus («The Interpreter Book»), группировка которого, как было указано выше, взята нами за основу.

Перевод словаря на английский язык открыл дополнительный доступ к изучению знаменитого памятника, недоступного лицам, не владеющим латинским и персидским языками. Прежде всего речь идёт о ранних публикациях П. Голдена, посвящённых передвижениям огузов и влиянию тюркских кочевников на жизнь оседлого населения Северного Кавказа [Голден, 1979, с. 183-208; 1983, с. 45-67; 1992, включая перевод на турецкий язык; 1993–1994, с. 101-116].

Однако публикацию специальной статьи, посвящённой Codex Cumanicus, Валерий Стоянов оценил весьма скромно, пояснив, что она «носит конспективный характер и уступает по значимости трудам об этом памятнике Д. Расовского и А. фон Габен» [Golden, 1992, с. 33-63; Стоянов, т. 2, 2009, с. 464].

Сегодня без итогов интригующих и многосторонних исследований П. Голдена, способствующих распознаванию внеязыковых основ возникновения и употребления разговорного тюркского языка СС, трудно себе представить дальнейшее продвижение в раскрытии и познании тайн, скрывающихся в выдающемся памятнике.

Для выяснения этнической принадлежности вероятных предков гагаузов важное значение, в частности, имеют истории куманских (кыпчакских) племён *olperli* (елперли, олберн), *urusoba* и других, освещённых в серийном издании «Cumanica».

Особую ценность в этом отношении представляет серия его публикаций, объединённых общим названием «Куманика» и раскрывающих важные аспекты социально-экономической истории племён и родов куманского происхождения (половцев), классифицированной П. Голденом в 4 этапа: 1) «гунно-хазарский», 2) «сельджукско-кыпчакский», 3) «монгольский», 4) «османосефевидский» [Golden, Cumanica I, 1984, с. 45-87; Cumanica II, 1986 (1988), с. 5-29; Cumanica III, 1990, с. 33-46; Cumanica IV, 1995, с. 99-122].

А. Бодроглигети (1929), В. Стоянов, А. Н. Гаркавец (1947)

В лексике, фонетике, грамматике персидского языка Андраш Бодроглигети выявил и дал анализ тюркских и арабских влияний и подтвердил вслед за Д. Мончи-Заде, что персидский язык не был родным языком составителей персидской части словарного запаса СС [Bodrogligeti, 1969; Bodrogligeti, 1971; Гаркавец, 2006; Стоянов, т. 2, 2009, с. 146].

Литературным и языковым особенностям СС были посвящены влиятельные работы венгерских тюркологов Ю. Немета и Д. Дьерфи.

Трудно переоценить важный аналитико-историографический вклад в изучение истории исследования Codex Cumanicus, внесённый болгарским учёным Валерием Стояновым. Очерки по этой тематике, включённые в его двухтомную «Куманологию», будут служить маяком и путеводителем для учёных, загоревшихся исследовательской идеей по освоению ценностей, заключённых в Codex Cumanicus.

В одной из своих первых публикаций, посвящённых историческому аспекту изучения этого бесценного памятника, В. Стоянов представил подробный, обобщённый очерк о драматической судьбе памятника и о многотрудной истории его изучения не только в языковом, но и в культурно-историческом отношении [Стоянов, 1997, № 1, с. 42-91; № 2, с. 29-74].

Большое значение для формирования предметной области куманологии как особого научного направления в лоне тюркологии, в том числе развивающегося на примере куман, переселившихся из южнорусских степей на Балканы, имеет монография В. Стоянова о кумано-печенежской антропологии, бытовавшей в болгарских регионах в XV в. Анализ антропологического материала позволил выявить этноязыковые и этнокультурные параллели с личными именами средневековых куман (половцев), в частности, такими как: *Aldomir*, *Asen*, *Balik*, *Darman*, *Dusman*, *Kitan*, *Kuman*, *Kun [bek]*, *Sisman* и др. Некоторые имена отражали особенности кочевого образа жизни или наименования типичных животных: *koyan* – заяц, *koç* – баран, *malak* – буйвол, *kurt* – волк, *karaga* – серна, *barak*, *comar* – собака [Стоянов, т. 2, 2009, с. 475].

ИСТОРИОГРАФИЯ
«СЕВЕРНО-ТЮРКСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ»
(ПЕЧЕНЕГИ, УЗЫ, КУМАНЫ)

Большой заслугой В. Стоянова можно считать обнаруженную им связь между сохранившейся тюркской антропонимией и названиями предметов повседневного быта. Более того, он является одним из немногих исследователей словарного состава СС, который обратил внимание на связь имён новорождённого или с первым произнесённым им словом, или с первым предметом, увиденным роженицей. В некоторых случаях антропонимическая семантика корреспондировала с временем, местом рождения ребёнка или с другими внешними обстоятельствами. В обследованных В. Стояновым 600 личных именах одна часть имела тюркское (куманское или печенежское) происхождение, другая часть – иранское или арабское. Они красноречиво свидетельствовали о продолжительных межэтнических и межъязыковых связях между различными ономастическими системами и, следовательно, о традиции межэтнических контактов [Стоянов, т. 2, 2009, с. 476].

Этот веский аргумент в пользу предосманского вселения, расселения и проживания на Балканском полуострове тюркоязычного населения – необычный для традиционной болгарской историографии смелый вывод, призванный укрепить аргументацию сторонников северотюркского происхождения гагаузов.

Многие публикации В. Стоянова, связанные с его двадцатилетними исследованиями средневековых кочевников, по сути, открыли новый этап болгарской историографии, подобно русской дореволюционной науке, долгое время замалчивавшей или искажавшей реальные факты этнополитической истории тюркоязычных народов до- и послемонгольского времени [Стоянов, 2003, с. 405-421; Стоянов, 2006, с. 353-362; Стоянов, 2007, с. 30-36; Стоянов, 2006, 358 с.].

Последнее десятилетие XX в. и первое десятилетие XXI в. без риска ошибиться можно считать новым этапом исследования выдающегося памятника. Он связан с крупными достижениями в комплексном изучении куманского (кыпчакского) языка Codex Cumanicus и армяно-кыпчакского языка. Исходным рубежом новейшего этапа можно считать книгу выдающегося казахстанского тюрколога А. Н. Гаркавца «Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский», изданную в 1987 г. [Гаркавец, 1987].

В рамках кыпчакской группы тюркских языков в книге впервые были выделены кыпчакско-украинский и кыпчакско-греческий языки (наряду с куманским, армяно-кыпчакским).

Неоценимую услугу исследованиям кыпчакских языков А. Н. Гаркавец оказал изданием 2-томного письменного наследия [Гаркавец, т. 1, 2002; Гаркавец, т. 2] произведений античных и византийских авторов, посвящённых евразийским степям и населяющим их народам [Гаркавец, 2005; 2006]. Ему принадлежит приоритет издания куманской части СС на русском языке [Гаркавец, 2006].

Нить Ариадны

Отечественная историография взаимоотношений между оседлой славяноязычной Русью и кочевой тюркоязычной степью в IX–XIII вв. ограничивалась, за редким исключением, перечнем конфликтных столкновений и анализом ужаса военных отношений. Между тем, судя по обширному летописному и археологическому материалу, по данным арабских, а также византийских и других европейских источников, значительное место в этой системе занимали межэтнические, межхозяйственные и межрелигиозные отношения, носившие как агрессивный, так и мирный характер. Субъективной равнодействующей каждого потока этих взаимоотношений становилась взаимная адаптация народов друг к другу, объективной – межэтнический синтез.

Современное состояние науки об этнической истории и культуре гагаузов позволяет предварительно выделить два неравномерных периода в их истории: во-первых, относительно непродолжительный период так называемой письменной истории, продолжительностью не более полутора веков, когда они вступили на этноисторическую арену в качестве самостоятельного народа под собственным этническим самоназванием (этнонимом), и, во-вторых, период бесписьменной истории череды их предков, воображаемых и реальных, продолжительностью не менее двух тысячелетий в пространственно-временном потоке народов.

В свою очередь, в этом втором периоде выделяются три образа, или три модели, их предков: **воображаемые, вероятные и вероисповедные**. К сожалению, ни в одном из этих условно выделенных периодов их бесписьменной анонимной истории пока не найдены источники, в которых упоминался бы термин «гагауз» в качестве самостоятельного этнонима. Молчание источников служит основанием для бесконечных политических и идеологических спекуляций и беспочвенных фантазий.

Письменной истории гагаузов, как и многих других народов, предшествовала её устная история. И когда мы думаем о гагаузах мира и о мире гагаузов, мы должны помнить, что дописьменная история подпитывает письменную летопись живительными соками. Хранителем бесписьменной истории выступает сам народ, выражая себя в культуре, в том числе в своём устном поэтическом творчестве или в реликвиях материальной культуры.

Такова реальность. Любые публицистические попытки называть какой-либо народ древности или средневековья этнонимом современного народа, например, скифов – гагаузами, сарматов – поляками, гуннов – татарами представляют собой в лучшем случае умозрительные, не научные гипотезы или художественные выдумки, в худшем – нездоровые фантазии. К реальности и к науке такие «интеллектуальные продукты» отношения, разумеется, не имеют.

Создание некоей «единой базовой» концепции этногенеза гагаузов, показывающей последовательное восхождение предков, разделённых временем и пространством, к вершине двух столетий второго тысячелетия, затрудняется, прежде всего, разнородностью и многоязычностью недоосвоенных письменных источников, комплексное изучение которых требует, как минимум, единовременного знания арабского, греческого, китайского и некоторых других языков, а кроме того, необходимо системное освоение археологического, нарративного этнологического и филологического материала.

Сегодня, на заре третьего тысячелетия, такого специалиста-полиглота, владеющего концептуальным оснащением и инструментально-методическим аппаратом, в мире не существует. Во всяком случае, в литературе он не известен.

Иными словами, для сколько-нибудь уверенного выхода из лабиринта уравнений со многими неизвестными нужна «нить Ариадны», с помощью которой могут быть найдены выходы из тупика, то есть установлены этнокультурные параллели тюркоязычных обитателей от Алтая до Дуная, от Аральского до Чёрного морей, особенно от Уральских до Балканских и Карпатских гор.

Богатейший археологический материал, который может послужить «нитью Ариадны», сосредоточен в древностях кочевников, извлечённых учёными из более чем 2000 погребений. С помощью артефактов кочевой культуры стала возможной идентификация и определение хронологических периодов в истории степняков, а также географических ареалов их расселения. Сложнее оказались попытки персональной этнической идентификации предметов материальной культуры печенегов, узов и куманов. Порой эти попытки, как свидетельствуют сами специалисты по истории кочевой цивилизации, «не выходят за рамки более или менее остроумных предположений» [Никитин, 1984, с. 429].

Чем привлекательна «нить Ариадны»? И можно ли положиться на неё для выхода из тёмных веков бесписьменной истории?

Вначале несколько слов о самой этой «нити Ариадны». Жители Афин обязаны были каждый год отправлять на Крит семь юношей и семь девушек, которые отдавались на съедение чудовищному Минотавру, обитавшему в построенном для него лабиринте, из которого никто не мог выйти. Когда Афинский герой Тесей оказался в лабиринте и убил Минотавра, выбраться оттуда ему помогла Ариадна – дочь критского царя Миноса и Пасифии, внучка Гелиоса. Влюбившись в Тесея, она, тайно от отца, дала ему острый меч и клубок ниток. Поразив чудовище, Тесей двинулся к выходу по запутанным переходам, постепенно собирая клубок, конец которого он предварительно привязал у входа, когда его и обречённых на растерзание юношей и девушек отвели в лабиринт [Ашукин, Ашукина, 1960, с. 26-27; Мифы народов мира, 1987, с. 103].

В обширной литературе по гагаузоведению, в том числе по проблеме происхождения гагаузов, до сих пор менее всего привлекался богатейший археологический материал, летописные свидетельства и информация, содержа-

щаяся в текстах европейских, арабских, турецких и иных путешественников. Речь идёт не просто об упоминаниях о тюркоязычных народах средневековья – печенегах, узах (торках) и половцах (куманах) – на страницах тех или иных изданий, не имеющих прямого отношения к истории и культуре гагаузов, а непосредственно о своде конкретных сведений о культуре, образе жизни и повседневном укладе кочевников.

Скифы на западе были частично завоеваны и отчасти истреблены сарматами, на востоке побеждены и «отодвинуты» в южные просторы. После себя скифы оставили знаменитое «скифское золото», которое пережило своих творцов на много столетий и даже оказало влияние на своих соседей [Мелюкова, 1979]. Вероятные предки гагаузов – печенеги, узы (торки), куманы (половцы) не были обременены знаменитым скифским «звериным стилем», хотя он повлиял на Алтае на формирование стилистики древнетюркского искусства, но при этом у тюрков не достиг такого совершенства, как в предшествующую эпоху. Куманы (половцы) оставили после себя высокое искусство «каменных изваяний» и погребения в курганах, заполненных оружием, повседневной утварью и остатками конской упряжи.

Нарастающий интерес к средневековым тюркоязычным кочевникам, современным тюркоязычным народам, в том числе гагаузам, проявляется в многочисленных историографических обзорах литературы XIX–XX вв. и в высококлассных комментариях к переиздаваемым древним и средневековым источникам. Если современные исследователи метафорически называют свои обзоры: «Степь копыеносных наездников», «"Лебеди" Великой Степи», «Кочевой мир средневековой Евразии», то это означает, что их мотивация к предмету изучения имеет не только субъективно-личностный, то и более широкий социальный или социально-исторический интерес [Армарчук, 2000 с. 103-131; Никитин, 1984, с. 405-455].

Нельзя не обратить внимание на внушительный по объёму фолиант (более 1300 страниц текстов) [Великая Степь в античных и византийских источниках..., 2005], вобравший в себя свод сведений античных и византийских источников о народах Евразийской степи и их соседях с XII в. до н. э. по XV в. В хронологическом порядке в нём приведены выписки из около 500 сочинений 150 авторов н. э. – историков, географов, этнографов, писателей, филологов и государственных деятелей, писавших на греческом (115 авторов) и латинском (35 авторов) языках. Многих из тех, кто писал о Великой Степи, объединяет не только непрерывность историографической традиции и органическая преемственность изложения событий, но и то немаловажное обстоятельство, что сообщаемые ими сведения, на взгляд составителя – авторитетного востоковеда, доктора филологических наук по специальности «Тюркские языки» Александра Николаевича Гаркавца, по преимуществу убедительны и относительно неплохо коррелируют с данными археологии и этнографии. По каждому из них дана лаконичная биографическая справка с определением места источника в историографии, а также ссылки на публикации соответствующих произведений на языке оригинала и в переводе на русский и другие языки [<http://hghltd.yandex.net/yandbtm?qtreet>].

В соответствии с программным замыслом и методологическими ориентирами, предлагаемое исследование сочетает в себе элементы энциклопедически-компилятивного и содержательно-аналитического характера. Понятно, поиски не претендуют на жанр сугубо научно-исследовательского характера. Автор не проводил археологических раскопок, не расшифровал родственные связи тюрков и славян по данным древнерусских и средневековых летописей, не переводил летописные и художественные тексты с греческого и китайского языков. Авторские наблюдения, изложенные ниже, основаны на базе данных, собранных в основном предшественниками, поэтому выводы представляют, во-первых, попытку популяризации современных представлений об истории кочевых народов и, во-вторых, стремление оказать содействие читателям в поисках надежных ориентиров в бескрайнем мире мало связанных между собой источников и в могучем потоке истории мира кочевников.

Наука есть наука. Она основана не на умозрительных сочинениях, а на реальных фактах, которые всегда доступны для контрольной проверки.

Основываясь на летописных данных и ряде других источников, в том числе на топонимических сведениях, выдающийся учёный из среды белоэмигрантов Д. А. Расовский в 30-е гг. XX в. создал впечатляющую картину расселения печенегов, торков, берендеев и половцев на Руси и их передвижения на Балканы и в некоторые страны Европы.

Представленное в его трудах собрание топонимических и антропонимических данных послужило источником изучения для многих исследователей.

Успешными были «встречные» разыскания болгарского учёного, профессора П. Мутафчиева, выявившего, что в середине XX в. названия нескольких населённых мест Северо-Восточной Болгарии и соседних с нею регионов явно несли в себе следы названий широко известных в X–XI вв. городов, в том числе Плесков (современный Псков), Червен, развалины которого были обнаружены в 25 км от современного болгарского города Русе, переименованного из русского Руси.

Особого внимания заслуживает существовавший в средние века город Гюргево, Гургов или Гургов-град, название которого встречается в старых влашских грамотах. Турки именовали *Jurcua*, *Jurcova*, *Jerkökä* [Мутафчиев, 1973, с. 175-178]. Между тем Гюргевоград был одним из важнейших центров в Поросье, основание которого русская летопись приписывает Ярославу Мудрому (1016–1054 гг.).

Занимая пограничное положение, он был населён печенегами для защиты Руси от тюркоязычных кочевников. Так, например, в 1059 г. он был сожжён половцами и часть его населения перебралась в Киев. В 1103 г. был заново отстроен князем Святополком Изяславовичем, но затем повторно сгорел в 1152 г. Как военное пограничное поселение, он был заселён чёрными клобуками, которые на протяжении XII столетия неоднократно отбивали агрессивные нападения половцев [Мутафчиев, т. II, с. 180].

Имеются летописные сведения о двух епископах «гурьевских». Одного звали Марин (он упоминается в 1091 и 1095 гг.), другого – Даниил (в 1113 г.). Кроме того в 1089 г. упоминается «игумен гурьевский» – Антоний.

В последний раз летопись упоминает Гурьев в 1162 г., когда под натиском половцев Поросье было разорено, а его жители разбежались кто на Восток, а кто и на Запад [Мутафчиев, т. II, с. 180; Расовский, 1927, с. 93-109].

Наличие в районах Балканского полуострова городов с именами, совпадающими с названиями поселений в Поросье и других местностях Киевской Руси, даёт основание считать, что имели место реальные переселения вероятных кочевых предков гагаузов из пределов Киевской Руси и южнорусских степей в районы Северо-Восточной части Болгарии. И хотя задача болгарского историка не была лишена идеологического и политического целеполагания, когда он настойчиво пытался доказать наличие пришлого славянского (русского) этнического элемента в составе населения Болгарии, не может быть сомнения, что значительная часть мигрантов из южнорусских степей состояла из этнически смешанного состава, как, например, чёрные клобуки.

Ещё в середине XIX в. Смачевский, подробно изучив летописные сведения о чёрных клобуках, пришёл к заключению, что «чёрные клобуки – собирательное имя всех поросских кочевников, что все они пришли из Азии и что постепенно, на протяжении XI в., они из врагов Руси превратились в вассалов киевского князя» [цит. по: Плетнева, 1973, с. 6].

Общепризнанно, что летописные сведения являются основным источником для освещения истории, культуры и повседневного быта средневековых кочевников южнорусских степей, Бессарабии, Добруджи (это позднейшие названия и вряд ли здесь уместны; что касается повседневного быта, то летописи практически ничего не дают, здесь на первом месте – археология, включая каменных «баб») и степного пространства Балканского полуострова к северу от Балканской гряды до Дуная. Однако, черпая данные из русских летописей о тюркоязычных печенегах, узах (торках), куманам (половцам), очевидно, надо помнить, что в «Повести временных лет», как и в остальных летописях, сведения о тюрках скорее приводят минимизированные, чем преувеличенные, скорее изображают кочевой мир в чёрных красках, чем в светлых тонах, скорее акцентируют внимание на их вредном влиянии на Русь, чем на полезном.

Однако самая главная тенденциозность содержащихся в них сведений состоит в замалчивании успехов кочевой цивилизации с целью возвеличивания той или иной русской княжеской династии. Трудно допустить, чтобы академик Д. С. Лихачёв не знал про этнически разнородный состав населения г. Торческ. Тем не менее, анализируя сведения из «Повести временных лет» за 1093 г., он воспроизводит мрачную картину страданий *русского населения* (выделено мной – М. Г.), угоняемого в плен половцами: «стражающе, печальни, мучими, зимою оцепляемы, въ алчи и в жажи и в беде, опустневше лица, почерневше телеса; незнаемою страною, языкомъ испаленым, нази ходяще и боси, ноги имущее ободены терньем» [Лихачев, 1999, с. 273].

На самом же деле в источнике речь идёт о том, как половцы осаждали Торческ, а торки (не русские) «противились и крепко бились» и изнемогли люди в городе от голода, и сдались врагам. «Половцы же, – в переводе самого академика Д. С. Лихачева с древнерусского, – взяв город [Торческ – М. Г.]

запалили его огнём, и людей поделили, и много христианского народа повели в Вежи и семьям своим и сродникам своим». Укажем для ясности перевод и вышеприведённой цитаты: страждущие, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с осунувшимися лицами, почерневшими телами, в неведомой стране, с языком воспалённым, раздетые бродя и босые, с ногами, исколотыми тернием» [ПВР, 2000, с. 233].

При доскональном, неоднократно проверенном и перепроверенном учёте многочисленных упоминаний относительно печенегов, торков (узов) и половцев (куманов), в том числе при анализе военных и мирных взаимоотношений кочевой степи и оседлой Руси, а также при анализе археологического вещевого материала, на периферии внимания исследователей оказалось производство кочевого вооружения и конского снаряжения. В ходе крупномасштабных археологических раскопок и их успешной этноархеологической типологизации и идентификации были выявлены тысячи копий, удила, боевых топоров, ножей, булавы и т. п. бытовой утвари и другого военного оружия, сделанного из железа [Кирпичников, 1966, 1971, 1973; Медведев, 1966]. Однако где и как добывалось это железо? Кто и как его обрабатывал и чинил в условиях кочевого быта?

Последовавшее проникновение в Восточную Европу кочевых народов сопровождалось их смешением между собой [Армарчук, 2000, № 1-2 (6-7) с. 105]. При изучении конкретного археологического материала создаётся впечатление, что по мере продвижения кочевников в сторону Балканского полуострова «перемешанность» тюркоязычных кочевников усиливалась. На эту тенденцию указала Е. Армарчук, вслед за А. О. Добролюбским заметив, в частности, что до сих пор не удаётся разделить печенежские и торчские погребения конца IX – конца XI вв. в Днестровско-Прутском междуречье [Добролюбский, 1986, с. 53; Армарчук, 2000, с. 108].

Согласно точке зрения Г. А. Фёдорова-Давыдова, изученные им комплексы кочевнического материала, не дают оснований для признания принципиальных различий в материальной культуре печенегов и узов (торков) [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 67-68, 141-142].

Сходство погребального обряда тех и других служит индикатором их этногенетического родства. Близость и типологическое сходство инвентаря печенежских и огузских памятников смущала даже такого первоклассного знатока истории печенегов, торков и половцев, как Д. А. Расовский. Не случайно, как заметила Е. Армарчук, он предположительно идентифицировал материал из раскопанного в 1927 г. могильника на Алебастровской горе в Оренбуржье как принадлежащий печенегам или торкам [Расовский, 1936, с. 166-167; Армарчук, 2000, с. 110].

Источники, историография, методология

Историография и источниковедение истории и культуры гагаузов изобилуют белыми пятнами, что в значительной мере обусловлено двумя фундаментальными обстоятельствами: отсутствием письменных свидетельств о ранних этапах их истории и поздним, очень поздним, появлением их этни-

ма на литературных страницах и на этнополитической арене. Но это отнюдь не должно блокировать усилия и поиск новых материалов и их профессиональное осмысление. В самом деле, как отмечал недавно С. П. Карпов, «стирая следы человеческих деяний, время безжалостно разбивает и отражавшее их зеркало, умело или не очень создаваемое современниками событий. И задача историка заключается в том, чтобы из немногих сохранившихся осколков этого зеркала составить образ, наиболее точно отражающий прошлое» [Карпов, 2009, с. 18].

Этногенез и ранние этапы этнической истории гагаузов подтверждают постулат, высказанный А. В. Головневым, о том, что «напряжённые темы, как происхождение народа и государства, побуждают науку к избыточности толкований при скудости источников» [Головнев, 2009, с. 262].

Важнейшими источниками, позволяющими, подобно «нити Ариадны», искать реальные выходы, то есть этнокультурные связи между южнорусскими кочевниками средневековья, гипотетически воспринимаемыми сегодня и здесь в качестве **вероятных** предков гагаузов, и массой тюркоязычного населения северо-восточной части Балканского полуострова, где осели и формировались вероисповедные, не гипотетические, а реальные предки гагаузов, являются археологические материалы, собранные исследователями России, Молдовы, Болгарии, Румынии и Украины за более чем столетие.

Выдающееся место среди археологических данных, по признанию археологов, занимают богатейшие коллекции артефактов, поступивших в 1932 г. в Государственный Эрмитаж из Артиллерийского исторического музея. Заметим, что нарративное знание об истории и культуре гагаузов должно быть преисполнено особой благодарности двум выдающимся исследователям России – генералу Н. Е. Бранденбургу и генерал-майору В. А. Мошкову. Коллекции вещей из раскопанных под руководством Н. Е. Бранденбурга свыше 350 курганов в течение 15 лет вошли в золотой фонд отечественной кочевниковедческой археологии. Лишь через 5 лет после его смерти был опубликован «Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1903 гг.», в который были включены результаты его полевых исследований в ряде областей юга России, в том числе вещи из Приднепровья, датирующиеся концом XI–XIII вв. [Бранденбург, 1895, 1899].

Источниковедческая обработка коллекций Н. Е. Бранденбурга из «Эрмитажной коллекции», осуществлённая через полвека после его смерти (в 1903 г.), завершилась двумя кандидатскими диссертациями: Л. П. Зяблина «Археологические памятники кочевников X–XI вв.» и С. А. Плетнёвой «Кочевники южнорусских степей IX–XIII вв.», защищёнными в 1952 и 1953 гг.

В 1960-е гг. кочевнические артефакты были положены в основу докторской диссертации Г. А. Фёдорова-Давыдова и ряда его публикаций [Фёдоров-Давыдов, 1966].

Исключительная ценность археологического материала для гагаузоведческих штудий из раскопанных Бранденбургом средневековых курганов состоит в том, что сами эти курганы находились в бассейне реки Роси – в Киевском и Каневском уездах, то есть в географическом ареале, где, во-первых,

имело место интенсивное межэтническое смешение и откуда, во-вторых, произошло переселение тюркоязычных кочевников на Балканский полуостров, в том числе в Добруджу, которую во времена Анны Комниной называли «Страной ста холмов».

На промежуточный пункт проживания печенегов и куман (половцев) по пути из Руси на Балканы указывает, в частности, археологический инвентарь, извлеченный Н. Е. Бранденбургом при раскопках в 1899 г. в окрестностях Ольгопольского уезда Подольской губернии. Из 18 раскопанных здесь курганов 5 больших курганов стояли обособленно, составляя как бы отдельное кладбище, в которых были обнаружены погребения и наличие в составе погребального инвентаря удил, стремян, железных наконечников стрел, ножей, колчана и других вещей, априори принадлежащих культуре кочевников. Н. Е. Бранденбург отнес эти погребения к тюркоязычным печенегам [http://moldovamap.ru/36_arkheologicheskie_issledovaniya_v-vessaravii-v.html].

Балканский, в том числе добруджанский пейзаж с холмами был известен мигрантам из южнорусских степей и притягателен для них, так как сами кочевники в соответствии со своими традициями воздвигали или использовали готовые холмы, кочуя по обширным евразийским пространствам. Более того, такую же традицию они наблюдали на Руси. «Ольга же <...> приде къ гробу его (к могиле мужа – князя Игоря, убитого перед этим древлянами – М. Г.) и плакася по мужи своемъ. И повеле людемъ своимъ съсуги могилу велику, и яко соспоша, и повеле трызну творити» [ПВЛ, 2007, с. 28].

Новейшие археологические раскопки, проведенные в последние два десятилетия XX в. накануне и после распада Советского Союза, внесли значительный вклад в археологический арсенал вещей, благодаря которому расширяются исследовательские возможности. Наряду с южнорусскими степями и районами Южного Урала, Казахстана, Средней Азии и Сибири единство и многообразие кочевой культуры, её типологическое сходство усиливает уверенность в исторической преемственности культурного наследия кочевых народов. Открывается новая перспектива не только ставить задачи, связанные с реальными факторами, сближающими **вероятных** и **реальных** предков гагаузов, но и наводить в дальнейшем мосты между периодами их более ранней истории.

Понятно, что связь между **вероятными** (IX–XIII вв.) и более ранними (до IX в н. э.), **воображаемыми** предками гагаузов, залегает где-то в ареалах и недрах кочевнической цивилизации времён до новой эры. Иными словами, «нить Ариадны» становится востребованной в нахождении культурологических связей между печенегами, узами (торками), половцами (куманами), с одной стороны, и гуннами и огузами (тюрками, тюркитами) – с другой, начавшими движение на Запад из районов Алтая, Южной Сибири и Центральной Азии.

«Страна ста холмов», о которой, как известно, была осведомлена византийская принцесса Анна Комнина, вероятно, чем-то напоминала не только тюркоязычным степнякам, вероятным предкам гагаузов, волнообразно идущим с Востока на Запад, но и знаменитым путешественникам и прочим, слу-

чайным или неслучайным, наблюдателям панорамы и пейзажи причерноморских и буджакских степей.

Не исключено, что прибывшие на Балканский полуостров степняки продолжали традицию насыпания новых и «освоения» прежних холмов на просторах новоосваиваемых земель. По свидетельству европейского путешественника Гильома де Рубрука, оставившего описание различных обрядов у ряда современных ему средневековых обитателей степи: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к Востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу» [Плано Карпини, Рубрук Гильом де, 1997, с. 107; Никитин, 1984, с. 407; http://hghltd.yandex.net/yandetm?url].

Не случайно великому И. А. Бунину, академику Российской Академии наук по разряду изящной словесности, грезилась ностальгическая встреча с давно исчезнувшей прелестной половчанкой на холмах Чёрной Кумании. «С нагих холмов, где стелются сухие, седые травы и полынь, глядишь в простор пустынной Кумании, в морскую, вечернюю синь» [Бунин, 1988, т. 1, с. 162].

К сожалению, академик изящной словесности, кажется, несколько ошибся в хронологии, отнеся потенциально реальную, а не воображаемую встречу на более чем сто поколений в глухую глубь времён, в то время как такая воображаемая встреча могла бы состояться не через сто поколений, а не более 600–700 лет тому назад, то есть в 20–23 поколения, если отсчёт времени вглубь вести от конца XIX в.

*Всё та же ты, как в сказочные годы,
Всё те же губы, тот же взгляд,
Исполненный и рабства и свободы,
Умерший на земле уже сто раз*

[Бунин, 1988, с. 162].

Обширная эрудиция, глубокое знание истории России, в том числе её взаимоотношений с Великой Степью, а также точное художественное чутьё, не подвели великого поэта и писателя, известного знатока гендерной психологии и ценителя женской красоты. По свидетельству древних и средневековых авторов, куманские женщины (половчанки), действительно, отличались обаянием и красотой. В этом убеждает один из авторитетных современных исследователей истории евразийских степей А. Никитин, вслед за Олжасом Сулейменовым решительно выступающий за пересмотр изживших себя идеологием и стереотипов при оценке психологического, этнокультурного и военно-политического климата взаимоотношений между половцами и Русью.

Контрастом воображаемой бунинской встрече с очаровательной половчанкой выглядит «Диалог» современной гагаузки с далеким пращуром, изображенным в виде каменного изваяния на одноименной картине известного гагаузского художника, основоположника профессиональной гагаузской живописи, Д. И. Савастина. И хотя в изображении статуи, как

вероятного предка гагаузов, допущены несовместимые на первый взгляд монголоидные глаза и высокий греческо-римский нос, а кроме того сосуд изображен рядом со статуей (в отличие от канонической позиции, когда сосуд на всех каменных изваяниях придерживается двумя руками на пупке или нижней части живота), интуиция и этногенетически чуткая мысль художника направлены на выявление связи между вероятными предками гагаузов и их реальными потомками между кроной дерева и его корнями по нашей концептуальной схеме.

С ученических лет и со студенческой поры мы привыкли встречать половцев «на страницах исторических романов», в учебниках русской истории, на сценах оперных театров как злейших врагов Руси, как исчадий ада, коварных и алчных, косоглазых и поганных... Но сегодня, на заре нового тысячелетия, когда начался серьёзный пересмотр взаимоотношений между Русским и Тюркским мирами, не пора ли взглянуть на вероятных предков гагаузов новыми глазами, исходя из свежих идей.

Как тут не согласиться с А. Никитиным, непредвзятым и принципиальным аналитиком всего корпуса русских летописей в том, что «Почти два века они (половцы – М. Г.) жили бок о бок с древней Русью, иногда среди русских. Вместе с русскими воинами они участвовали в княжеских усобицах, ходили в помощь князьям на Венгрию, Польшу, Волжскую Булгарию, выдавали за них своих дочерей; вместе с русскими дружинами встали против монголов и – бежали, разбитые, чтобы потом снова возникнуть на исторической арене Восточной Европы...» [Никитин, 1984, с. 406; <http://hghltd.yandex.net/yandetm?url>].

Д. Савастин. Диалог
(Б., литография, 40 × 60). 1987 г.

В пересмотре традиционного негативного образа степняков-кочевников, в том числе вероятных предков гагаузов – тюркоязычных печенегов, узов и куман, немалую роль играет анализ сведений относительно образа жизни и даже внешнего вида тюркских народов эпохи средневековья. О красоте половцев и, в первую очередь, по словам А. Никитина, половчанок, сохранилось немало свидетельств. Так, например, дочь половецкого хана Атрака, которую звали Гурандухт, стала в своё время, не позднее 1118 г., женой грузинского царя Давида IV Спасителя и, судя по источникам, с успехом конкурировала по красоте с красотой грузинских княжон. Исключительную красоту половчанок воспевал персидский поэт Низами Ганджеми, женатый на половчанке. Общеизвестный эпитет Кончаковны, племянницы Гурандухт, «красная девка», употреблялся в «Слове о полку Игореве» по отношению ко всем половчанкам: «Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколёнка красною девицей» [Слово о полку Игореве, 1999, с. 87].

Сын Игоря Владимир, как отмечает академик Д. С. Лихачёв в комментариях к «Слову», вернулся на Русь в 1187 г. с женой (дочерью Кончака) и с ребёнком и уже здесь был обвенчан по церковному обряду [Слово о полку Игореве, 1999, с. 216].

Можно лишь сожалеть вместе с А. Никитиным, что «сохранившиеся каменные половецкие изваяния, выполненные из грубого пористого известняка, пострадавшие от времени и мусульманской нетерпимости к «идолам», дают мало материала по этой проблеме (внешней привлекательности половчанок – М. Г.), хотя в некоторых случаях можно угадать правильные черты мужских и женских лиц» [Никитин, 1984, с. 430; <http://hghltd.yandex.net/yandltn?url>].

Обладая глубокими знаниями в области истории России, поэт А. Бунин не сомневался и в том, что какая-то часть половцев, пребывая по соседству с Русью, успела принять христианскую веру ещё до переселения на Балканский полуостров.

*«Через века найду в пустой могиле
Твой крест серебряный, и вновь,
Вновь оживёт мечта о древней были,
Моя неутолённая любовь».*

[Бунин, 1988, с. 162].

Озеро Озолимна, по сведениям Анны Комниной, было расположено за «Ста холмами» в Добрудже. Озеро Озолимна – вероятно, Днестровский лиман, а первый компонент слова, «Озо», происходит от тюркского названия Днепра – *Özü*.

Степные курганы Южной Добруджи упоминает академик Л. С. Берг в статье «Вопрос об изменении климата в историческую эпоху» см. также: Берг, 1922].

В регионе, известном под именем Поросье, Н. Бранденбургом было раскрыто 117 кочевнических погребений. Сопоставив археологические ма-

териалы из них с данными миссионера, христианского епископа Бруно о местопребывании печенегов в начале XI в., Н. Бранденбург атрибутировал инвентарь этих могил как печенежский.

А. А. Спицын, внимательно изучивший артефакты погребальных обрядов, выделил погребения, принадлежащие берендеям, торкам и печенегам [Спицын, 1899]. После этого, как пишет С. А. Плетнёва, уже никто не сомневался относительно принадлежности вещей, обнаруженных на Киевщине в погребениях с конем или костями коня, чёрным клобукам [Плетнева, 1973, с. 6]. Таким образом, в предложенную И. Самчевским несколькими десятками лет ранее (1855) идентификацию чёрных клобуков на основе всех летописных сведений, была поставлена точка [Самчевский, 1855].

В связи с бурными событиями первых десятилетий XX в, в том числе с Гражданской войной, разрушением Российской империи и Октябрьской революцией, внимание к тюркоязычным кочевникам средневековья заметно снизилось.

После трудов И. Самчевского, Н. Е. Бранденбурга, А. А. Спицына, П. В. Голубовского, В. Г. Ляскоранского и некоторых других дореволюционных исследователей, интерес к южнорусским тюркоязычным кочевникам вновь вспыхнул в конце 1920-х – 1930-е гг. Наиболее продуктивным выражением этого интереса стали труды выдающегося русского историка-эмигранта Д. А. Расовского и одного из признанных классиков болгарской исторической науки П. Мутафчиева.

Интригующие, хотя и не до конца осмысленные факты извлёк из малоизвестных архивов Ф. А. Ангели, одарив читателей написанной им интересной книгой, в том числе несколькими страницами малоизвестной, но увлекательной истории гагаузского государства «Добруджа – “Огузская держава”». Согласно этим источникам, балканские гагаузы передавали из поколения в поколение ностальгические воспоминания о героической символике своей истории. Так, например, болгарский учёный гагаузского происхождения Атанас Манов, рассказывал, что в конце XIX в., после освобождения Болгарии в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. пожилые гагаузы Добруджи (напомню – обитатели «Страны ста холмов»), «в разговорах под чарочку вина нередко доставали из деревянных сундуков красные знамена с белыми петухами». И грезилось варненским гагаузам на исходе XIX в. то, что произойдёт через столетие с буджакскими гагаузами. «Верь, – поднимали тост реальные предки нынешних гагаузов, – придёт время, когда наш стяг вновь будет развеваться над холмом (выделено мной – М. Г.) Чарыкман (недалеко от болгарского города Каварна). Тогда все гагаузы, собравшись здесь, вновь создадут своё собственное государство» [Манов, 2001, с. 42-43; Ангели, 2007, с. 245].

Мечта варненских гагаузов, как показала история, сбылась, хотя и не на Варненской земле в северо-восточном углу Балканского полуострова, а между Днестром и Прутом на земле Буджака, на юге Молдовы.

Впрочем, справедливости ради, надо сказать, что творцами насыпных холмов и курганов были не только степняки-кочевники. «Могильные насыпи, – как отмечал академик Д. С. Лихачев в историко-литературном очерке, посвя-

щённом «Повести временных лет», издавна и у всех народов были связаны с историческими преданиями и свидетельствами о стремлении сохранить на многие поколения память о погребённых» [ПВЛ, 1999, с. 275]. Число холмов на территории Древней Руси было особенно велико. Их воздвигали как ранние и поздние обитатели кочевой степи, так и соседние жители славянских племён, пока не приняли христианство, положившее конец погребальным обычаям, связанным с тризнами (поминальными празднествами).

Осторожные замечания С. А. Плетнёвой о длительном перерыве исследовательских поисков в истории тюркских народов, прежде всего в истории печенегов, узов (торков) и половцев (куман), вызванном исчерпанностью усилий по собиранию археологических компонентов и их осмыслением, не даёт полного ответа на вопрос о мотивах и причинах замалчивания сведений о тюркоязычных кочевниках.

Проблематика средневековых кочевников, особенно связанная с их историей, культурой и образом жизни, сдерживала творческий порыв исследователей идеологическим наказом правящей элиты чернить историю кочевников и обязательно представлять их заклятыми врагами земли русской.

Современное гагаузоведение более или менее успешно наполняется публикациями и взростает с трудами этнологов, филологов, историков, юристов, социологов, экономистов и представителями некоторых других отраслей гуманитарного знания. Но, увы, среди учёных-гагаузов нет ни одного профессионального археолога. Следовательно, степные курганы и холмы, неоднократно воспетые поэтами, хранящие в себе обильные кочевнические древности, в том числе воображаемых и вероятных предков гагаузов, ждут своего заинтересованного, профессионального исследователя.

Летописци

Наряду с археологическими материалами в современном гагаузоведении преступно мало внимания уделено летописным свидетельствам при изучении истории и культуры вероятных предков гагаузов. Между тем, не случайно сам летописец сравнивал книги с реками: «Се бо суть реки, напалющие вселенную, се суть исходища мудрости» [ПВР, 1999, с. 66]. Приведенная метафора как нельзя более подходит к самой летописи, в том числе при восстановлении потерянных страниц истории бесписьменных предков гагаузов. В них надо искать не только течение истории, но и осмысление социокультурной и этнополитической истории народа. «Велика бо бывает полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обретаемъ и въздержанье от словесъ книжныхъ» [ПВЛ, 1999, с. 66].

Коль скоро этнокультурный синтез славянского и тюркского миров продолжался на протяжении многих веков в пределах причерноморских степей, Буджака и на степном ареале Балканского полуострова, гагаузы наряду с русским, украинским, болгарским и молдавским народами вправе считать «Повесть временных лет» своим родным произведением, неотъемлемой составной частью своего культурного наследия. Не знать, не любить и не вос-

хищаться этим наследием, означает, по крайней мере, равнодушие к истории народов, в том числе причастных к истории гагаузского народа.

Анализ летописных свидетельств о степняках через призму кочевого образа их жизни даёт основание, в частности, считать, что соблюдение хозяйственного цикла в соответствии с временами года было важнее, чем войны с соседними оседлыми народами.

Грабительские походы тюркоязычных кочевников были вызваны не их исконным воинственным характером и не их стремлением завоевывать и поработать соседние страны и народы, а выступали неотъемлемой частью их экономической жизни и хозяйственной деятельности. Не трудно понять недоумение византийского чиновника Иоанна Скилицы, автора хроники «Обозрение историй», охватывающей события с 811 по 1057 гг., давшего обстоятельное описание более чем беспечного с его точки зрения поведения печенегов, оказавшихся поблизости от Андрианополя накануне решающей битвы с регулярными войсками Византии. «Замкнувшись со своим войском внутри стен, как бы испугавшись, он (греческий военачальник Варда Склир – М. Г.) оставался там, и хотя враги (печенеги – М. Г.) не раз хотели выманить его на решающее сражение, он не поддавался, наблюдая, как неприятель (печенеги – М. Г.) грабит и уносит все, что ни попадя. Такое решение вызвало у варваров (печенегов – М. Г.) великое презрение: они полагали, что и в самом деле Склир заперся среди стен и удерживает там ромейские фаланги, боясь вступить в бой. Без страха разбрелись они кто куда, проводя ночи в возлияниях и пьянстве, в игре на флейтах и кимвалах, в варварских плясках, перестали выставлять надлежащую стражу и не заботились ни о чем необходимом» [Иоанн Скилица, с. 789-790 // см.: www.gypchag.unesco.kz].

Характеристика жизнедеятельности кочевых куман, в том числе их сезонных перекочёвок через, призму сельскохозяйственного календаря, была положена в основу этнографического описания этого народа выдающимся историком Д. Расовским, о чём находим подтверждение в трудах современных историков кочевничества [Плетнёва, 1982; Армарчук, 2000, с. 106; Никитин, 1984, с. 435].

«Сезонные перекочёвки, – пишет наш современник, снимая вину за якобы сверхагрессивность тюркоязычных степняков, – правильная смена пастбищ, предохранявшая их от отрав, соблюдение, как сказали бы сейчас, “оптимального экологического режима хозяйствования”, – пишет А. Никитин, – приводило к тому, что, участвуя в осаде какого-либо города, половцы могли за несколько дней до его неминуемой сдачи собраться и уйти». В качестве яркого примера историк приводит случай из истории Подунавья, когда куманы (половцы) помогали болгарам освободиться от ига Византии. «Не раз и не два болгарские цари вынуждены были снимать осаду с византийских крепостей лишь потому, что в заботе о своих стадах половцы (куманы) не могли задерживаться дольше конца мая» [де Виллардуэн, 1984, с.161, 190; Расовский, 1927, с. 203-211; Никитин, 1984, с. 435-436].

Совокупный образ инвентаря из позднекочевнической серии захоронений (печенегов, торков (узов) и половцев (куман) как некая субъективная

равнодействующая объективного археологического материала был недавно предложен известным археологом-кочевниковедом из Одессы А. О. Добролюбским. Этот образ «представлен почти исключительно одиночными впускными погребениями мужчин-воинов, часто сопровождаемых остатками коня. Способы уложения лошади в могилы довольно разнообразны. Это – либо “чучела” (конечности и череп в “анатомическом” порядке), либо полные остовы коней в разных положениях, которые сопровождают умершего в общей или в отдельной ямах. Основной инвентарь в могилах – это остатки конской сбруи и оружия – кольца, удила, сабли, наконечники стрел, накладки на луки и колчаны, реже – остатки кольчуг. Если лошадь не уложена, а инвентарь немногочислен, то такие погребения считаются “бедными”. Керамики нет вообще – в исключительных случаях отмечены невыразительные лепные горшки или их фрагменты. Женские погребения (определяемые по инвентарю) достоверно не выделяются. Богатые погребения (с золотом и другими признаками “исключительности”) появляются лишь к XIV в. Тогда же появляются и женские захоронения с зеркалами и ножницами. Ни в одном случае не обнаружено компактных могильников, которые можно было бы уверенно связать с печенегами, торками или половцами – равно как и памятников оседлого населения, относимых к этому хронологическому диапазону» [Добролюбский, 1986, с. 24-27, табл. 406].

Совокупными усилиями Н. Е. Бранденбурга и А. А. Спицына в 1899 г. была установлена этническая принадлежность захоронений Поросья. Погребения с конем или костями коня, по установившемуся согласию специалистов, принадлежали чёрным клобукам [Бранденбург, 1899; Спицын, 1899; Плетнёва, 1973, с. 6].

Пытаясь хотя бы «формально воссоздать печенежско-торческое и половецкое общество X–XIII вв. лишь по данным погребального обряда (то есть по общепринятым в археологии правилам реконструкции), А. О. Добролюбский обнаружил, что оно состояло исключительно лишь из воинов-всадников и не имело ни женщин, ни кочевой знати. Такая знать и немногочисленные женщины появляются лишь к XIV в. «Впрочем, можно предполагать, – подтверждал свои наблюдения одесский археолог, – что женскими являются многочисленные безынвентарные могилы (антропологических определений почти нет). Получается, что это общество – всадники, сопровождаемые нищими толпами, безостановочно передвигалось с места на место по причерноморским степям, не оставляя после себя никаких археологических следов, кроме одиночных могил. Число “бедных” захоронений очень велико, хорошо укомплектован и “средний” слой. Никакой посудой они не пользовались вообще. Таков, в общих чертах, инвариант “позднекочевнической” серии. Надо сказать, что он соответствует нашим обиходным представлениям о “диких” кочевых ордах, которые донесла до нас письменная традиция» [Добролюбский, 1986, с. 6-9; <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url>].

Гендерной принадлежности поросских погребений специальное внимание уделяла С. А. Плетнёва. Обширный археологический материал, собранный, изученный и систематизированный ею в связи с предпринятой характе-

ристикой погребальных обрядов чёрных клобуков и выявлением этнографии Поросья, позволили ей поставить под сомнение сложившуюся в археологии парадигму относительно того, «что захоронения без костей коня принадлежали женщинам». Основанием для ее критических сомнений послужили, во-первых, отсутствие антропологических исследований поросских черепов как объективных показателей того, что все похороненные без костей коня не мужчины, а женщины, во-вторых, наличие таких кочевнических могильников, в которых встречались случаи богатых женских захоронений с костями коня и, напротив, бедные погребения мужчин без костей коня [Плетнёва, 1963; 1973, с. 23].

В-третьих, вопрос о гендерной принадлежности некоторых захоронений остался открытым по той причине, что именно в Поросье далеко не все погребения без костей коня (с западной, восточной и северной ориентировками) принадлежали женщинам. Общий вывод С. А. Плетнёвой сводился к тому, что «отсутствие костей коня в погребениях являлось, видимо, таким отступлением от обычного ритуала, который допускался часто при погребениях менее влиятельных, подчинённых членов общества: бедняков, женщин, воинов – выходцев из чужих родов и семей» [Плетнёва, 1973, с. 23].

Византийские хроники

Среди неопенимых византийских памятников, в которых содержатся важные сведения о печенегах и других тюркоязычных кочевниках, особое место занимает сочинение императора Константина Багрянородного (905–959 гг.) «Об управлении империей». В нём, наряду с изложением событий политического и исторического характера, содержатся оригинальные данные о происхождении, обычаях и природных условиях обитания кочевников Причерноморских степей, Подунавья и Балканского полуострова. Едва ли можно ошибиться, сказав, что его сочинение, более чем другие источники средневековья, по праву можно считать насыщенным этнографическим материалом. Чем, например, если не определением границ предметной области этнографии, выглядит его назидательное послание к своему сыну Роману, в котором отец, исходя из политических интересов империи, настоятельно советует сыну хорошо знать, «какой иноплеменный народ и в чём может быть полезен ромеям, а в чём вреден: [какой] и с каким иноплеменным народом может успешно воевать и может быть подчинен» [Константин Багрянородный, 1991, с. 33].

С этой целью император советует своему наследнику не только вникать в систему международных и межэтнических отношений, но и знать историю и культуру народов, а также «различия меж иными народами, об (их – народов – М. Г.) происхождении, обычаях и образе жизни, о расположении и климате населённой ими земли, о внешнем виде её и протяжённости, а к сему – и о том, что случалось когда-либо меж ромеями и разными иноплеменниками» [Константин Багрянородный, 1991, с. 34-35].

Вряд ли основателю функционалистского направления в этнологии Брониславу Малиновскому (1884–1942 гг.) приходило в голову в начале XX в., что его далеким предшественником в средние века в деле изложения основ функционализма был император Византии Константин Багрянородный, составивший свой знаменитый компендиум в середине X в. (948–952) [Токарев, 1978, с. 229-238].

Вышеупомянутую сентенцию, как идеологическое послание наследнику, император повторил в 13-й главе, призывая своего сына – «[знать] опять-таки о различиях меж другими народами, об их происхождении, нравах, образе жизни, расположении и климате населённой ими земли, о её внешнем виде и протяжённости» [Константин Багрянородный, 1991, с. 65].

Хотя В. Н. Татищев, опираясь на сообщения утраченных впоследствии источников, называл более раннюю встречу с печенегами во второй половине IX в., в 867 г.: «Оскольд пошёл на печенегов и множество их побил» [Татищев, т. 2, 2005, с.13].

МОЛДАВСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГАГАУЗОВЕДЕНИЯ*

Гагаузоведение – это область научных знаний, связанная с изучением истории, культуры, языка и быта гагаузов. На разных этапах его становления и развития исследователи и учёные использовали различные методы исследования, учитывая достижения, имеющие место в той или иной научной дисциплине.

Становление и развитие гагаузоведения имеет свою историю. Нашей целью является рассмотрение основных направлений молдавской историографии по гагаузской проблематике и в связи с этим выделение этапов развития молдавского гагаузоведения, поскольку только в Республике Молдова существует специальное научное подразделение, занимающееся изучением истории, языка и культуры гагаузов – Сектор «Этнология гагаузов» в рамках Института культурного наследия Академии наук Молдовы. Выделение этих этапов является достаточно условным, так как в данной области сложно чётко обозначить хронологические рамки.

Под молдавской историографией гагаузоведения мы понимаем исследования, опубликованные в период существования МССР, в том числе появившиеся в Республике Молдова после 1991 г., а также работы более раннего периода, которые были осуществлены на территории современной Республики Молдова авторами, чья жизнь и исследовательский интерес были связаны с этой территорией и которые своими исследованиями в той или иной степени способствовали возникновению и развитию данной области научного знания в Молдове. Ввиду значительного числа опубликованных работ мы оста-

* Доработанный и расширенный вариант статьи: *Квилликова Е. Н.* О состоянии и перспективах развития гагаузоведения в Республике Молдова // Gagauz yerinin 15-ci yıldönümünä baalı «Gagauzologianın ilerlemesi: dil, kultura, istoriya, literatura» Halklararası bilim-praktika konferençiyasının. Materialları. 22.12.2009. Komrat. 2010. С. 3-31.

новимся на наиболее значимых научных исследованиях, которые, в целом, позволят хронологически и тематически проследить тенденцию развития в данной области научного знания. Рассмотреть в данной коллективной монографии точку зрения каждого автора в каждой отдельно взятой статье – просто невозможно.

Наиболее подходящей для отражения указанной проблемы является, на наш взгляд, временная периодизация, которая тесно связана с этапами развития того или иного направления в молдавском гагаузоведении и его характерными чертами. В связи с используемой нами классификацией отметим, что невозможно осветить лишь современное состояние молдавской историографии гагаузоведения, не затрагивая вопросов, связанных со становлением и развитием данной области знания. Об их важности свидетельствует тот факт, что различные аспекты, отражающие проблему развития гагаузоведения, являлись предметом исследования учёных-гагаузоведов [Маруневич, 1999а, с. 5-11; Чимпоеш, 2001б, с. 27-28; Чимпоеш, 2006а, с. 235-237; Квилинкова, 2005в, с. 227-234; Никогло, 2007в, р. 92-100; и др.].

Начальный период научного изучения истории и культуры гагаузов данного региона относится к концу XIX – началу XX вв. Он связан с именем известного русского исследователя **В. А. Мошкова**, который по праву считается основоположником гагаузоведения. Будучи профессиональным военным по специальности (в 1905 г. ему было присвоено звание генерал-майора), он бывал в разных регионах России и Европы, где имел возможность знакомиться с обычаями и традициями различных народов, к которым проявлял огромный исследовательский интерес.

Более всего В. А. Мошков стал известен благодаря работам по гагаузской тематике. Лексику гагаузского языка, а также фольклорные и этнографические данные он начал собирать в 90-е гг. XIX в. у солдат-гагаузов, служивших в Варшаве. В результате многолетней кропотливой собирательской работы, которую он продолжил на территории Бессарабии (прожив среди гагаузов определенное время), ему удалось собрать огромный эмпирический материал. В. А. Мошков первым использовал метод комплексного изучения культурного наследия гагаузского народа (материальной и духовной культуры, истории, языка, фольклора).

В монографии «Гагаузы Бендерского уезда», опубликованной в виде серии статей в нескольких номерах журнала «Этнографическое обозрение» [Мошков, 1900, № 1, с. 1-135; 1901, № 2, с. 1-44; 1901, № 4, с. 1-80; 1902, № 3, с. 1-63; 1902, № 4, с. 1-91], приводится точка зрения автора о происхождении гагаузов, довольно подробно описывается материальная и духовная культура гагаузов (семейная обрядность, народный календарь, мифологические и религиозные представления и т. д.). Несмотря на объёмный ценный полевой материал, представленный в работе В. А. Мошкова, тем не менее, отметим, что он был собран в небольшом количестве сёл (в основном в Бешалме, Этулии, Конгазе), что не всегда позволяет проследить имеющиеся региональные и локальные особенности у разных групп гагаузов, так как не во всех случаях указывались пункты, в которых был зафиксирован тот или иной обряд или термин.

Значительную ценность при сравнительно-сопоставительном изучении представляют содержащиеся в работе В. А. Мошкова примечания относительно существования аналогичных обычаев и обрядов у других народов, а также составленный им первый краткий гагаузско-русский словарь. Содержащиеся в нем лексемы позволяют исследовать генезис тех или иных терминов, употреблявшихся гагаузами.

Непреодолимой ценностью обладают собранные им фольклорные тексты на гагаузском языке, опубликованные в работе «Наречия бессарабских гагаузов» [Мошков, 1904а]. Значимость его работы заключается также в том, что тексты песен даны с фонетической транскрипцией и нотами. Это, в свою очередь, позволяет проследить процесс иноэтничного влияния и в области мелодики.

Огромный интерес для гагаузоведения представляет публикация В. А. Мошкова «Турецкие племена на Балканском полуострове» [Мошков, 1904б], к которой, к сожалению, довольно редко обращаются современные исследователи. По форме это отчет о поездке на Балканский полуостров, совершенной им в 1903 г. В нём он привел названия, некоторые языковые и культурные особенности различных этнографических групп гагаузов, проживающих на территории Болгарии (болгарские и греческие гагаузы) и Греции (македонские гагаузы), с указанием конкретных населённых пунктов (иногда и количества жителей), в которых они проживали. Здесь же дано краткое описание других тюркоязычных групп Балканского полуострова (гаджалы, герловцы, турки Тозлука, кызылбашы, юруки, караманлы).

Несмотря на то, что В. А. Мошков является русским исследователем, тем не менее, говорить о молдавской историографии гагаузоведения без его работ невозможно, поскольку он первым собрал и систематизировал этнографический и фольклорный материал по данной группе гагаузов, тем самым заложив основу гагаузоведения. Обращение современных исследователей, занимающихся вопросами гагаузской культуры, к работам известного русского этнографа В. А. Мошкова свидетельствует о том, что и ныне они не утратили своей ценности.

В начале XX в. в нескольких номерах журнала «Кишинёвские епархиальные ведомости» был опубликован объёмный очерк священника Бессарабской губернии **Н. Стойкова** «Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии со времени их основания до настоящего времени» (1910–1911). Будучи выходцем из местной среды (болгарин), он собрал ценные сведения о редко встречающихся обычаях и обрядах болгар и гагаузов, о состоянии их религиозности, о принципах устройства большой патриархальной семьи у задунайских переселенцев и др. [Стойков, 1910, № 36, с. 1267-1280; № 37, с. 1307-1311; № 38, с. 1355-1366; № 41, с. 1463-1478; № 42, с. 1510-1516; 1911, № 1-2, с. 5-14; № 4, с. 142-152]. Как представитель духовенства, он довольно подробно описывает методы борьбы церковнослужителей с прихожанами, не соблюдавшими установленные Церковью праздничные дни. По форме некоторые из этих методов можно отнести к средневековым.

Автор очерка попытался раскрыть причины живучести остатков языка у задунайских переселенцев и показать наиболее «рациональные» способы их «преодоления». Однако, как представителю духовенства, ему была свойственна субъективность в трактовке содержания некоторых из них. Отмечая значимость фактологического материала, содержащегося в работе Н. Стойкова, необходимо помнить, что они могут быть использованы исследователями-гагаузоведами с известной оговоркой, так как он, согласно точке зрения того времени, не отделял гагаузов от болгар. Кроме того, при описании обычаев и обрядов он не всегда указывал населённый пункт, в котором они были зафиксированы, что не позволяет установить этнический состав жителей села.

Огромную ценность представляет брошюра священника *Д. Чакира* «Биографический очерк рода и фамилии Чакир», в которой содержатся интересные этнографические сведения о родственных связях фамилии Чакир, а также данные о переселении и основании гагаузами колонии Чадыр-Лунга, о традиционной обрядности болгар и гагаузов, о состоянии обычаев и обрядов (в частности, в болгарском с. Исерлия, в котором он работал), о взаимоотношениях духовенства и паствы и др. [Чакир, 1899].

Особое место в молдавской историографии гагаузоведения занимают работы гагаузского религиозного деятеля и просветителя, протоиерея *М. Чакира*. Опубликованные им очерки, с одной стороны, представляют собой описание религиозных и народных обычаев и обрядов у гагаузов [Ciachir, 1934a, nr. 3. P. 21-28; Ciachir, 1936a, nr. 3-4 и др.], данное одним из ярких представителей гагаузского этноса, то есть взгляд изнутри, а с другой – отражают точку зрения представителя духовенства. Так, например, в работе «Религиозные обычаи гагаузов Бессарабии» М. Чакир раскрыл формы и содержание обряда *курбан*, древний магический смысл которого объяснял с религиозной точки зрения, но при этом делал акцент на его греческих корнях, подчеркивая связь с христианской традицией [Ciachir, 1934b, nr. 6, p. 4-8].

Деятельность М. Чакира была направлена не только на изучение традиционной культуры гагаузов и повышение их религиозности (чему способствовал перевод на гагаузский язык таких религиозных книг, как *Псалтырь*, *Молитвенник*, *Евангелие* и др.), но и на рост их национального самосознания. В работе «История гагаузов», написанной им на гагаузском языке «Gagauzlarân istorieasâ», представлена точка зрения автора относительно этногенеза гагаузов [Ciachir, 1934]. В ней автор приводит аргументы в пользу тюркского происхождения гагаузов. Характерной чертой этого периода является накопление полевого этнографического и фольклорного материала, а также акцент на проблеме этногенеза гагаузов.

С середины 50-х гг. XX в. начинаются целенаправленные научные исследования в области гагаузского языка и фольклора. Особенностью этого периода является то, что накопление и анализ источниковой базы в области гагаузской фольклористики осуществлялся как самими гагаузоведами МССР, так и учёными разных союзных республик (зачастую совместно). С учётом данного момента целесообразно, на наш взгляд, комплексно рассмат-

ривать вклад учёных постсоветского пространства в становление и развитие гагаузской фольклористики.

Этот период характеризуется началом массового сбора фольклорного материала, в котором значительная роль принадлежит гагаузским исследователям, а также появлением первых научных работ по фольклору бессарабских гагаузов. В немалой степени всплеск интереса к фольклорному наследию и сбор материала связан с началом деятельности российских и гагаузских учёных по разработке гагаузской письменности.

Со сбором материала и публикацией фольклорных сборников гагаузскими филологами *Д. Н. Танасоглу* [Буджактан сесляр, 1959] и *Н. И. Бабоглу* [Гагауз фольклору, 1969] можно говорить о начале присутствия в гагаузской фольклористике этнической составляющей самих исследователей, которые являлись представителями изучаемого ими этноса. Опубликованные ими в 50–60-е гг. XX в. фольклорные сборники часто цитируются современными исследователями. В них содержится довольно обширный материал, включающий в себя различные жанры гагаузского устного народного творчества: песни, частушки-маани, сказки, пословицы, поговорки и др. Некоторые из песен представляют особый интерес, так как в настоящее время редко встречаются. Характерной чертой этих сборников является то, что они отражают, главным образом, фольклор жителей тех сёл Молдовы, откуда родом сами собиратели (с. Кириет-Лунга, с. Копчак). Некоторые тексты, включённые в сборник «Гагауз фольклору», записаны Л. А. Покровской (всего 15).

Начиная с 60-х гг. в молдавской историографии гагаузоведения преобладают работы, посвящённые гагаузскому языку, – *Г. А. Гайдаржи* [Гайдаржи, 1965a, с. 117-119; Гайдаржи, 1965б, с. 67-76; Гайдаржи, 1965в, с. 71-73; Гайдаржи, 1966, с. 63-64; Гайдаржи, 1969, с. 12-23; Гайдаржи, 1971a, № 3, с. 43-59; Гайдаржи, 1971б, № 4, с. 50-56; Гайдаржи, 1973a, с. 160-165; Гайдаржи, 1973б; Гайдаржи, 1981], *Б. П. Тукан*, *Е. К. Колца* [Колца, 1973a; Колца, 1973б; Колца, 1999, № 1-2, с. 55-59]. Предпринимаются первые шаги по изучению диалектов гагаузского языка [Тукан, 1965].

В это время произошёл всплеск литературного творчества гагаузских поэтов и писателей, что явилось толчком к развитию гагаузской национальной литературы. Тогда же началась целенаправленная подготовка студентов из среды самих гагаузов, которые по окончании вузов занялись разработкой различных научных направлений в области гагаузоведения.

Особый вклад в разработку исторического направления был внесен известным молдавским учёным-болгаристом *И. И. Мещерюком*. В своих работах автор показал этапы заселения болгарскими и гагаузами территории Бессарабии, тем самым проводя определённые различия между двумя этническими группами задунайских переселенцев. Им было подробно исследовано социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сёл Южной Бессарабии [Мещерюк, 1950, с. 75-85; Мещерюк, 1953, с. 65-97; Мещерюк, 1957; Мещерюк, 1970]. Несмотря на собственную позицию относительно этногенеза гагаузов, важным является то, что И. И. Мещерюк, с уважени-

ем относясь к этническому самосознанию гагаузов, в своих научных трудах дифференцировал их от болгар.

Период 70-х – начала 90-х гг. XX в. характеризуется возникновением и развитием в молдавском гагаузоведении этнографического направления, родоначальниками которого являются С. С. Курогло и М. В. Маруневич. Основной упор был сделан ими на изучение материальной и духовной культуры бессарабских гагаузов (семейная обрядность, одежда, жилище и т. д.). Собранный в ходе организованных Академией наук Молдовы экспедиций богатый полевой материал по указанным областям материальной и духовной культуры этой группы гагаузов был тщательно систематизирован и, что немаловажно, издан в качестве отдельных статей и монографий.

В работах **С. С. Курогло** подробно исследована традиционная семейная обрядность гагаузов – родильная, свадебная, похоронная (Курогло, 1972б, с. 63-64; 1975; 1980 и др.) [Курогло, 1972а, с. 149-162; Курогло, 1973, № 2, с. 91-93; Курогло, 1975, № 3, с. 79-83; Курогло, 1977б, с. 180-188; Курогло, 1977а, № 1, с. 88-90; Курогло, 1980; Курогло, 2003, с. 19-21]. В них рассмотрены вопросы, связанные с различными формами брака, этапами свадебной обрядности, приданым, бытом, а также отдельные моменты, относящиеся к области наследования и др. При описании похоронно-поминальной обрядности С. С. Курогло обращался к обрядам календарного цикла: Чистый четверг, Пасха умерших, Вознесение, Троица и т. д. Семейный обрядовый фольклор (свадебный) был выделен и рассмотрен им как самостоятельный вид песен.

Вопросам изменения роли и статуса гагаузской женщины в советский период посвящен ряд работ **С. С. Курогло**, **М. Ф. Филимоновой** [Курогло, Филимонова, 1975; 1976]. В них народные обычаи и обряды рассматриваются не с учётом их функциональной значимости в традиционной культуре, а оцениваются с точки зрения современного общества как дискриминационные по отношению к женщине – унижающие её достоинство. Оценка многих элементов народной обрядности с позиций классовой идеологии в целом характерна для работ различных учёных того периода.

Анализ традиционной гагаузской семьи, её эволюция и внутрисемейные отношения представлены **И. А. Гришаевым** и **С. С. Курогло** в одном из разделов коллективной работы [Гагаузы. Исследования и материалы, 1993]. При изучении семейно-бытовой сферы жизни гагаузов акцент был сделан ими на современном состоянии демографической характеристики семьи.

Огромный вклад в изучение традиционной материальной культуры гагаузов (жилище, одежда, промыслы и др.) внесла **М. В. Маруневич**. В ее работах [Маруневич, 1980; 1988 и др.], наряду с классическим описанием традиционного жилища и одежды, приведены обычаи, обряды и поверья, связанные с временными представлениями народа, относящимися к жилищу. Отмечаются некоторые данные, указывающие на связь обрядов с годовыми календарными традициями, например, выбор благоприятного дня для начала строительства дома. Аналогичная связь характерна и для ритуальных запретов, соблюдавшихся с целью оградить дом от злых духов. Однако начальные исследования данного автора были связаны с областью духовной культуры, в

частности, с гагаузской традиционной свадебной обрядностью [Маруневич, 1972б, с. 177-186].

В 80-е гг. в рамках систематических исследований Академии наук Молдовы были проведены комплексные этнографические экспедиции по изучению других групп гагаузов (Крыма, Приазовья). К сожалению, практическая результативность столь важных и ценных для гагаузоведения экспедиций оказалась очень незначительной. По материалам экспедиций не были опубликованы даже статьи, что, вероятно, связано со сложностями в анализе иного состояния сохранности культуры, фольклора и самосознания у других групп гагаузов, проживающих в исследуемых регионах.

Если в области этнографии гагаузов шел процесс становления, то исследования в области гагаузской фольклористики, языка и терминологии вышли на новый уровень. Об этом свидетельствуют работы **Г. А. Гайдаржи**, **И. В. Дрона**, а также российского учёного Л. А. Покровской. Исходя из названий работ, видно, что этап разработки гагаузского языка перешёл в стадию, когда возникла необходимость анализа состояния его изученности и развития. При этом акцент делался на сравнительном изучении гагаузского языка и рассмотрении этноязыковых параллелей. Как можно видеть из содержания опубликованных работ, в своих исследованиях лингвисты огромное внимание уделяли выявлению особенностей гагаузского языка в сравнении с балкано-турецкими диалектами [Покровская, 1970, № 2, с. 27-32; Покровская, 1971а, с. 62-71; Гайдаржи, 1973, с. 160-165; Покровская, 1971б, с. 224-230; Покровская, 1971в, № 4, с. 37-42; Покровская, 1972, № 3, с. 67-75]. Активно разрабатывались вопросы топонимии и антропонимии – **С. С. Курогло**, **И. В. Дрон** [Дрон, 1984, № 4; Дрон, 1985, № 3, с. 8-19; Дрон, 1997а, с. 109-114; Дрон, Курогло, 1989].

Наиболее значимым успехом в данной области явилось первое научное издание Гагаузско-русско-молдавского словаря (1973) под редакцией профессора Н. А. Баскакова, в котором участвовала большая группа молдавских (гагаузских) и российских лингвистов (Г. А. Гайдаржи, Е. К. Колца, Л. А. Покровская, Б. П. Тукач). В него вошел собранный ими уникальный материал по пословицам и поговоркам.

В этот же период был издан сборник гагаузского музыковеда **М. Колсы** «*Türkölär*» / «Песни» (1989), в котором, наряду с фольклорными текстами в нотной расшифровке, представлены также песни на стихи современных гагаузских поэтов (Д. Кара Чобана, С. С. Курогло, Г. А. Гайдаржи, П. А. Чеботаря и др.).

С 90-х гг. XX в. объектом изучения исследователей стала гагаузская художественная литература – **П. А. Чеботарь** [Чеботарь, 1993], которая в значительной степени способствовала усилению процесса этнической мобилизации.

В указанный период впервые в молдавской историографии гагаузоведения была предпринята попытка освещения основных этапов истории гагаузов отдельно от болгар – **Г. Н. Топузлу**, **И. А. Анцупов** (Топузлу, Анцупов, 1993). Однако данное исследование почему-то не получило широкой известности.

С середины 90-х гг. XX в. по настоящее время идёт процесс развития и углубления различных направлений в молдавском гагаузоведении. В этот период продолжается накопление эмпирической базы. Вместе с тем, научные изыскания в области гагаузского фольклора и этнографии приобретают более углублённый и междисциплинарный характер. В указанный период гагаузские фольклористы и некоторые этнологи при изучении традиционного мировоззрения и культуры народа во многом ориентированы на выявление типологии и связей гагаузов с мифопоэтическими представлениями других тюркских народов. Это в немалой степени было сопряжено с этническими и общественными процессами, протекавшими внутри гагаузского этноса и в самой Молдове.

В области гагаузской фольклористики к концу 90-х гг. был накоплен немалый багаж, который пополнился сборниками гагаузских исследователей, нередко включавших в себя различные фольклорные жанры: частушки-мани – С. С. Курогло (1998); сказки, народные анекдоты и др. – Н. И. Бабогло (1991), К. К. Василиогло (2002), П. А. Чеботарь (1992; 1998), С. С. Булгар (1990а; 1990б). За исключением отдельных сборников, материал в них был представлен без соответствующей классификации и анализа.

Активизировалось изучение как исследованных, так и не исследованных ранее жанров гагаузского фольклора: народных песен, дастанов, сказок, заговоров, народных молитв. Издан ряд фольклорных сборников с оригинальными текстами.

Значительный вклад в сбор и изучение гагаузских народных песен внесён гагаузским фольклористом М. А. Дурбайло. Первый опубликованный ею сборник посвящён одной из наиболее распространённых у бессарабских гагаузов разновидностей народных песен – балладам [Баллада түркүлери, 1991]. В Предисловии к сборнику ею дан анализ сюжетов баллад и их классификация. При сравнительном исследовании содержания и форм гагаузских баллад М. А. Дурбайло, вслед за Л. А. Покровской, констатировала, что по сюжетам, мотивам, композиции и художественно-поэтическим приёмам они во многом схожи с песнями народов Балканского региона (в большей степени – с болгарскими). Вместе с тем, она отмечает сходство текстов гагаузских баллад с аналогичными произведениями народов Европы, а также обращает внимание на имеющиеся общие сюжеты в песенном фольклоре гагаузов и других тюркских народов [Дурбайло, 1991, с. 24-25].

Отдельная статья этого же автора посвящена изучению одного из широко распространённых в гагаузском песенном фольклоре сюжетов – баллады с образом жёлтой змеи [Дурбайло, 1990, с. 31-47]. Данные произведения, основу которых составляет родительское проклятье, широко известны у балканских народов.

Основной пик собирательской деятельности М. А. Дурбайло пришёлся на 80–90-е гг. Ей удалось записать значительное число оригинальных текстов, многие из которых были опубликованы в сборнике «Гагаузские народные песни» [Gagauz halk türkülerini, 2001]. В него вошло более 130 текстов песен различного содержания, которые, к сожалению, приведены без

соответствующей для подобного рода работ классификации. Особая ценность данного сборника заключается в том, что тексты песен даны в нотной расшифровке, сделанной болгарским музыковедом П. Стояновым. Благодаря представленным в нём нотным записям специалисты смогут провести сравнительное изучение гагаузских песен не только по сюжетам, но и по мелодике.

Статьи и специальное монографическое исследование Л. С. Чимпоеш посвящено дастанам – одному из эпических жанров гагаузского фольклора, близкого по форме и художественному изложению к народным сказкам [Чимпоеш, 1992, с. 227-234; Чимпоеш, 1997]. В них автор систематизировал знания, касающиеся традиционной эпической песни, рассмотрел вопросы о её связи с историей и бытом народа, определил их жанровые разновидности и специфику бытования. Данный жанр поэтического творчества, как подчёркивает Л. С. Чимпоеш, широко распространён у тюркоязычных народов Турции, Средней Азии, Азербайджана [Чимпоеш, 2010, с. 207]. По её мнению, создатели гагаузских дастанов прекрасно знали огузский героический эпос, «творчески от него отталкивались и творчески от него зависели, как младшие от старшего» [Чимпоеш, 1997, с. 94].

В этой связи отметим, что вопрос относительно распространённости, традиционности и происхождения дастанов у гагаузов вызывает среди гагаузоведов значительные дискуссии. Д. Е. Никогло, высказывая по этому поводу свои сомнения, склоняется всё же к турецкому происхождению дастанов у гагаузов: «На наш взгляд, даже если дастаны были заимствованы гагаузами у турок, то в любом случае они подвергались во времени и пространстве различным трансформациям» [Никогло, 2009, с. 56]. Гагаузский фольклорист В. И. Сырф более категоричен в своих выводах. Он подчёркивает, что «история собирания гагаузоведами фольклорного материала показывает, что такой вид устного творчества нетрадиционен у гагаузов и встречается, как правило, в отрывках или... в редуцированной форме в тех районах их современного проживания (Северо-Восточная Болгария, Приазовье и Крым, Северный Кавказ, Средняя Азия и Казахстан), где имелись или имеются контакты с тюркоговорящими народами, для которых свойственна дастанная традиция» [Сырф, 2010, с. 161].

Проблемам классификации сказочного эпоса в гагаузской фольклористике, вопросам, связанным с поэтико-стилевыми слагаемыми функций гагаузских народных сказок, гагаузской народной прозы и др., посвящены статьи гагаузского фольклориста В. И. Сырфа [Сырф, 1996, р. 11; 2000, с. 139–142; 2005, с. 223-229; 2006г, р. 151-159; 2007а, с. 105-107; 2007б, с. 449-460; и др. (см.: Библиография)]. Довольно подробно, в сравнении с аналогичными сюжетами, бытующими у соседних народов, изучены им сказки различного содержания. Однако некоторые попытки внутрижанровой классификации фольклора [Сырф, 2009, с. 364-377] представляются нам искусственными, затеоретизированными, нередко далёкими от понимания самими носителями языка, иногда просто ошибочными. Так, например, рождественский и новогодний обрядовый фольклор чётко дифференцируется в народе на уровне

как терминологии, так и содержания. Рождественские колядки называются «*kolada türküsü*», «*kolinda*», а новогодние поздравления – «*eni yıl türküsü*», «*hêy-hêy*». Кроме того, исполнение той или иной рождественской колядки зависело от времени суток и местонахождения колядующих, от того, кому из членов семьи она предназначалась, и т. д. Поэтому методологически неверным представляется объединение рождественского и новогоднего обрядового фольклора под общим термином «*kolada türküsü*».

В первое десятилетие XXI в. стремительно развивается гагаузская этнология. Исследуются такие ранее неизученные области традиционной культуры, как народный календарь, обычное право, религиозная и этническая идентичность гагаузов, система питания, народная медицина, демографические аспекты и т. д.

Объектом пристального внимания этнологов становится фольклор и национальная литература. Отметим, что специалисты разных дисциплин, в том числе этнологи, широко используют фольклор при изучении этнической истории народа. Данный подход отражён во многих наших работах, в которых фольклорные произведения исследуются через призму традиционной обрядности. В сборник *Moldova gagauzların halk türküleri* (2003) вошло свыше 200 текстов гагаузских народных песен, обнаруженных нами в ходе сбора полевого материала (из них более 70 произведений – это песни религиозного содержания). В последующих публикациях гагаузский песенный фольклор исследовался нами как историко-этнографический источник по духовной культуре гагаузов (элементы обычного права, терминов родства, семейной обрядности и т. д.), как одна из форм религиозной идентичности, как источник получения знаний по истории христианства [Квилинкова, 2006п, с. 84-88; 2006р, с. 142-153, 2008е, с. 122-128].

В этой связи отметим одну тенденцию, охватившую в последнее время отдельных представителей гагаузской научной и околонучной общественности. Пытаясь придать собственным исследованиям бóльшую значимость и представить себя в образе «первооткрывателей» или «самых больших знатоков гагаузского фольклора», они замалчивают факты опубликования научных статей, монографий и даже фольклорных сборников, в которых содержатся оригинальные тексты устного народного поэтического творчества гагаузов. В одной из статей последних лет «известного» гагаузского фольклориста, посвященной истории собирательской деятельности гагаузоведов в Молдове, даже не упоминается сборник «*Moldova gagauzların halk türküleri*» (2003), как и ряд других работ, в которых приводится ранее не публиковавшийся фольклорный материал и проводится его анализ. Например, при выделении духовных стихов как особого подвида гагаузских народных песен им делается ссылка на В. А. Мошкова, в работе которого приведена лишь одна песня такого содержания, в то время как в упомянутом сборнике их более 70, а в опубликованной несколько позднее монографии приложение включает более 160 текстов песен, из которых 30 – на религиозную тематику [Квилинкова, 2007а, с. 690-822]. Можно высказать только сожаление по поводу того, что научное поприще нередко используется для удовлетворения личных амбиций.

Комплексное исследование гагаузской календарной обрядности впервые было проведено **Е. Н. Квилинковой**, по которой ею опубликовано более 50 научных работ: «Гагаузский народный календарь» (2002) и др. (см. Библиографию). В них рассмотрены исторические корни гагаузских календарных обычаев и обрядов, представления народа о времени и пространстве, генезис народного календаря, определены место и роль народных обычаев и обрядов в традиционной культуре народа, раскрыты социорегулятивные функции обычаев и обрядов, а также их функциональная направленность и т. д. Гагаузская календарная обрядность исследована в сравнении с аналогичной обрядностью соседних народов (болгар, румын, молдаван, русских, украинцев), а также некоторых тюркских народов. Значительное место в этих работах занимают вопросы выявления этнической специфики гагаузской календарной обрядности [Квилинкова, 2000в, с. 97-101; 2000 г, с. 136-139; 2002д, с. 70-82 и др.]. Особое внимание уделялось изучению реликтов культа волка у гагаузов, особенностей обряда «курбан» [Квилинкова, 1997; 2005; 2006, 2007], являющегося составной частью традиционной духовной культуры, и др.

Новым в гагаузоведении стало направление по изучению региональных особенностей традиционной духовной культуры различных групп гагаузов, которое отражено в двух изданных нами монографиях «Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора)» (2005), «Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности» (2007). В данных работах на широкой эмпирической базе впервые были комплексно изучены (в историко-этнографическом аспекте – во временном и пространственном разрезе) различные области традиционной духовной культуры гагаузов, в том числе песенный фольклор [Квилинкова, 2005а, с. 266-298; Квилинкова, 2007а, с. 276-374]. Итогом изучения региональных особенностей фольклора (гагаузов Молдовы, Болгарии, Украины (Приазовья), Греции) через призму традиционной обрядности стала недавно опубликованная нами монография «Гагаузский песенный фольклор – „Грамматика жизни“» [Квилинкова, 2011а]. Анализ генезиса гагаузского песенного творчества через призму этнокультурного взаимодействия позволил сделать предварительные выводы относительно региональных особенностей и его сохранности у каждой из исследованных групп.

Совершенно неизученным гагаузскими фольклористами непесенным жанром фольклора остаются заговоры и апокрифические молитвы, представляющие собой один из древнейших видов сакрального фольклора. Данный жанр фольклора частично исследован нами в ряде статей и в недавно вышедшей монографии «Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов» [Квилинкова, 2010]. В ней представлено более 50 собранных нами оригинальных текстов заговоров и апокрифических молитв; дан анализ основных структурных элементов заговоров, записанных в основном на гагаузском языке, а также их сюжетных разновидностей; рассматривается доминантная роль вербального компонента во врачевательной магии, исследуется современный этап существования заговорной традиции и знаний народной медицины, этнокультурные параллели и т. д. Изучение данного вида сакраль-

ного фольклора через призму традиционной культуры гагаузов позволило раскрыть ряд аспектов одной из наиболее архаичных и неисследованных областей – народной медицины.

Важной областью традиционной материальной культуры гагаузов посвящены статьи и монографическое исследование **Д. Е. Никогло** «Система питания гагаузов в XIX – начале XX века» (2004б) (см. Библиографию). Автором проанализированы характерные черты повседневной и праздничной (обрядовой) пищи, рассмотрена этническая специфика системы питания гагаузов. Значительное внимание уделяется изучению этнокультурных параллелей, особенно выявлению тюркского пласта в данной области материальной культуры гагаузов. Однако далеко не всегда, на наш взгляд, научно аргументированы предлагаемые ею методы и методика исследования и высказываемые по этому поводу критические замечания [Никогло, 2009а; и др.].

Таким образом, благодаря широкому использованию гагаузоведами сравнительно-исторического метода, исследования вышли на новый теоретический уровень, позволивший рассмотреть этнокультурные влияния и выделить исторические пласты в традиционной культуре гагаузов.

С начала XXI в. основанное российским этнологом гагаузского происхождения профессором М. Н. Губогло направление по изучению современной гагаузской литературы через призму этнической идентичности [Губогло, 2006] получило развитие в публикациях ряда гагаузских этнологов и фольклористов. В плане рассматриваемой проблематики представляют интерес статьи **Д. Е. Никогло**, написанные в соавторстве с **Л. С. Чимпоеш**, в которых успешно выявляются элементы этнической идентичности в поэзии современных гагаузских писателей [Никогло, 2007г, с. 376-390; 2008б, р. 129-135; Никогло, Чимпоеш, 2006б, с. 84-92; 2006а, с. 246-263].

Что касается научных исследований в области гагаузского языка, то данная область недостаточно активно развивается, несмотря на огромную востребованность и практическую значимость. Это, по-видимому, объясняется нехваткой специалистов в данной области, хотя отдельные энтузиасты, преподаватели Комратского государственного университета, продолжают работу в этом направлении. Исследуются структурные модели терминологических единиц гагаузского языка, двуязычие гагаузов – **И. Д. Банкова** [Банкова, 2006, с. 118-122], диалектные особенности языка гагаузов Молдовы – **Д. Ф. Узун** [Узун, 1999а, с. 73-75; Узун, 1999б, с. 70-72]; делаются первые шаги по изданию отраслевых словарей – **А. П. Баурчулу**, **Л. К. Баурчулу**, **И. В. Дрон** (Баурчулу, Баурчулу, 2000; Дрон, 2001).

Исследования некоторых гагаузоведов отражают такое научное направление, как этнолингвистика. В статьях **Е. С. Сорочяну**, а также в монографическом исследовании в сравнительно-сопоставительном плане впервые исследуется гагаузская терминология по календарной обрядности (главным образом, в сравнении с болгарской), описывается содержание гагаузской календарной обрядности – [Soroşanu, 2006; Сорочяну, 2007б, р. 369-374; и др.]. В монографии **Г. И. Каранфил**, на основе сопоставительно-исторической

лексикологии, комплексно и всесторонне исследуется словарный состав гагаузского языка [Каранфил, 2009]. Ею успешно начата разработка нового направления, связанного с выявлением архаизмов в гагаузском фольклоре [Karafil, 2009, р. 85-89]. Полученные данные могут быть использованы в дальнейшем при написании учебников на гагаузском языке и словарей.

В последнее время все чаще стали затрагиваться проблемы этнической и языковой идентификации и идентичности гагаузов в разные исторические периоды (**Е. Н. Квилинкова**, **И. Ф. Грек**). Особое внимание уделяется анализу этапов формирования этнонима *гагауз* во взаимосвязи с началом употребления глоттонима *гагаузский язык* [Квилинкова, 2007а, с. 396-418; Квилинкова, 2008б, 87-98; её же, 2008в, с. 80-94; Грек, 2007а, с. 260-269; 2007б, с. 263] и др. В одной из своих последних работ, посвященных вопросам антропоники, **И. Ф. Грек** предпринял попытку дать периодизацию формирования бессарабской гагаузской идентичности. Однако делаемый им вывод о том, что «тюркоязычные жители Болгарии» называли свой язык «турецким» (тюркчя) по той причине, что «не смогли сохранить само название своему языку», не представляется убедительным [Грек, 2010, с. 337].

Говоря об историческом направлении в области гагаузоведения, можно сказать, что оно, как и прежде, связано с изучением демографических процессов у бессарабских гагаузов: миграция, расселение и т. д. В работах **О. К. Радовой** начало переселения гагаузов в Бессарабию сдвигается на более ранний этап – вторую половину XVIII в. [Радова, 2001; 2002а; 2006г, с. 269-288]. Ею впервые проведена этническая идентификация бессарабских гагаузов на основе данных антропоники и обозначены села с гагаузским населением, переселившимся из-за Дуная в конце XVIII – начале XIX в. Вместе с тем, некоторые высказанные ею выводы относительно идентификации гагаузов в тот период не являются обоснованными и убедительными. В отличие от историков 50-х – начала 90-х гг. XX века в этот период особый акцент исследователями делается на дифференциации гагаузских и болгарских переселений, на динамике демографических процессов [Захария, 1999б, с. 46-49; Кустрябова, Дарадур, 2003, с. 156-164; Кустрябова, Захария, 2007, с. 147-194, Радова (Каранастас), Капустин, 2006а].

В последние годы значительное внимание уделяется блоку вопросов, связанных с современной этнополитической историей гагаузов – **П. М. Шорников**, **С. С. Булгар** [Шорников, 2004в, с. 313-324; Шорников, 2004б, с. 399-413; Шорников, Булгар, 2004в,д, с. 364-386, 424-434]. Отдельные публикации специалистов-историков посвящены национально-освободительному движению гагаузов в годы первой русской революции – **Н. Х. Туфар** [Туфар, 2003, с. 44-47; Туфар Н. Х., Туфар Н. Н., 1999, с. 24-34].

Некоторые исторические аспекты гагаузской тематики (параллельно с болгарской) традиционно разрабатывались молдавскими учёными из Отдела болгаристики Академии наук Молдовы – **И. Ф. Греком**, **С. З. Новаковым**, **Н. Н. Червенковым**, **Е. Челак** [Грек, 1988; Грек, 1993; Новаков, 1997, с. 64-93; Новаков, 2004; Червенков, 2003]. Существенно были углублены вопросы, связанные с социально-экономическим развитием колоний задунайских пересе-

ленцев. Значительно расширился диапазон их исследований по исторической тематике: школа, церковь и т. д. [Челак, 1999; Червенков, 2005, с. 146-168].

В настоящее время можно говорить об определённом развитии исторического направления в области молдавского гагаузоведения. Однако по-прежнему остается много белых пятен в главном вопросе – этногенезе гагаузов. Это объясняется не только тем, что не ведётся работа по подбору подготовленных историков, способных заняться этой сложной проблемой, но и тем, что отсутствуют материальные возможности для финансирования их исследовательской работы в архивах за рубежом (в Болгарии, Турции, Румынии). Отсутствие документально подтвержденных фактов о более ранних этапах этнической истории не позволяет профессиональным историкам делать однозначные выводы по этногенезу гагаузов. Данный пробел, как мы уже отмечали, этнологи и фольклористы пытаются компенсировать за счёт выявления исторических пластов в традиционной культуре гагаузов и установления генетической близости с культурами и фольклором других народов, тем самым опосредованно выходя на вопросы о происхождении гагаузов.

Вместе с тем, актуальность данного вопроса и отсутствие научных исследований в этой области привели к тому, что проблема этногенеза гагаузов стала объектом изучения либо специалистов не историков, либо гагаузов-энтузиастов, не имеющих отношения к науке и не применяющих в своих работах научных методов и аргументации. Следствием этого является укореняющаяся в сознании значительной части гагаузской интеллигенции тенденция к мифологизации истории гагаузов. Это, в конечном счете, не может не сказаться негативно на дальнейшем изучении проблемы этногенеза гагаузов и на преподавании в школах и вузах учебного курса по истории и культуре гагаузов. На опасность создающихся в гагаузской среде этноисторических мифов, имеющих в большинстве своем политический подтекст и могущих привести к фальсификации истории народа, обращает внимание **Д. Е. Никогло** в одной из своих работ [Никогло, 2010в, с. 32-50; 2010ж, с. 9-15].

В современный период область исследования, которой занимаются гагаузские учёные, значительно расширилась за счет изучения вопросов, связанных с этнической, религиозной и языковой идентичностью, самосознанием гагаузов на разных этапах их этнической истории, региональными особенностями, «вероятным» и реальным двуязычием и т. д. Совершенно новыми направлениями в молдавском гагаузоведении являются этносоциологические исследования, отражающие этнополитическое развитие гагаузов в постсоветский период – **П. М. Пашалы** [Пашалы, 2005, с. 98-99; Пашалы, 2006, с. 15-36], **А. Г. Нягова** [Нягова, Федотова, 2006, с. 196-204], а также работы в области этногеографии – **Л. В. Федотова** [Федотова, 2007, с. 53-74; 2006, с. 301-304].

Радует потенциал некоторых молодых исследователей, например, **А. К. Папцовой**, которые идут по пути осмысления и теоретизации имеющихся данных по религиозной идентичности, а также по истории и культуре гагаузов на новом философском уровне (Папцова, 2004а, р. 41-44; 2004б, р. 117-119; 2005а, с. 503-510; 2005б, с. 161-170; 2007б, с. 497-516). Её работы

посвящены изучению вопросов реконструкции мифологической системы гагаузов, рассмотрению факторов и тенденций трансформации традиционного гагаузского общества, раскрытию эволюции Образа прошлого гагаузов.

Анализ молдавской историографии гагаузоведения свидетельствует о том, что в данной области научного знания накоплен значительный багаж. Вместе с тем, не может не беспокоить тот факт, что Отдел гагаузоведения, в настоящее время сектор «Этнология гагаузов» при Институте культурного наследия Академии наук Молдовы, не только не пополняется новыми молодыми кадрами, но и ощутимо сократился (в 2,5 раза) по сравнению с 90-ми гг. К сожалению, значительный успех, достигнутый в своё время усилиями заведующего Отделом гагаузоведения **С. С. Курогло** (в конце 80-х – 90-е гг.) по подбору кадров, не удалось закрепить. В результате ряд актуальных направлений не исследуется (этногенез гагаузов, кино, театр, архитектура, народные промыслы и др.).

Особо хотелось бы подчеркнуть значительный вклад в изучение истории и культуры гагаузов молдавских учёных, таких как: **В. С. Зеленчук**, **М. Ф. Филимонова** [Зеленчук, Филимонова, 1964; Зеленчук, 1979], **Н. А. Демченко** [Демченко, 2003, с. 111-114], **С. Ф. Кустрябова** [Кустрябова, 2000, р. 76-79], **И. В. Дрон** (Дрон, 1984; Дрон, 2001, р. 327-338; Дрон, 2001, р. 342-353; Дрон, 2001, р. 353-358 и др.), **Е. А. Постолаки** [Постолаки, 2003, с. 121-124], **В. А. Яровая** (Яровая, 2003, с. 119-121), **А. М. Варзарь** [Варзарь, 2008, р. 99-104; Варзарь, Спицын, Шереметьева, 2003, с. 1258-1267] и др.

Говоря о подготовке научных кадров для молдавского гагаузоведения, трудно переоценить роль и значение деятельности доктора хабилитат истории, профессора, член-корреспондента АН Молдовы **В. С. Зеленчука**, подготовившего 4 доктора истории из среды гагаузов – специалистов-этнографов. Его по праву можно считать основателем научной школы гагаузской этнологии. Два доктора истории, из числа преподавателей Комратского университета, были подготовлены усилиями доктора хабилитат, профессора **С. Ф. Кустрябовой**.

Нельзя не сказать о роли и значении для развития молдавского гагаузоведения российского тюрколога, профессора **Л. А. Покровской**, стоявшей у истоков создания гагаузской письменности (Покровская, 1953; 1958; 1960, с. 170-190; 1961а, с. 11-81; 1961б, с. 33-40; 1963, с. 69-75; 1964 и др.) и подготовившей из гагаузской среды одного кандидата филологических наук – специалиста в области лингвистики.

Особо хочется отметить деятельность нашего соотечественника, известного российского этнолога доктора исторических наук, профессора, почётного академика Академии наук Молдовы **М. Н. Губогло**, не только вносящего огромный личный вклад в изучение истории и культуры гагаузов [Губогло, 1967; 1968, с. 51-60; 1969б, с. 99-103; 1971б, с. 217-236; 1973а, с. 84-92; 1993, с. 7-20; 2004б; 2005б, с. 408-446; 2006а; 2007б, с. 258-300; 2007а, с. 11-32; и др.], но и значительно активизировавшего и систематизировавшего научную деятельность в области гагаузоведения в Республике Молдова. Под его руководством в 2006–2010 гг. в Республике Молдова прошли 7 Российско-Молдавских симпозиумов, проведённых Институтом этнологии и антропологии

РАН совместно с Институтом культурного наследия Академии наук Молдовы и Комратским государственным университетом. По материалам этих симпозиумов издано десять сборников. Благодаря предпринятым им усилиям в Москве при Институте им. Н. Миклухо-Маклая РАН прошла защита пяти кандидатских диссертаций по гагаузской тематике на соискание учёной степени кандидата исторических наук.

В заключение хотелось бы отметить, что придание Отделу гагаузоведения статуса самостоятельного научного структурного подразделения и увеличение его штата, учитывая тот факт, что в Республике Молдова гагаузы имеют единственное в мире автономное территориальное образование, будет, на наш взгляд, способствовать дальнейшему развитию гагаузоведческого направления в Республике Молдова.

УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГАГАУЗОВЕДЕНИЯ

Под украинской историографией гагаузоведения мы понимаем исследования, появившиеся в Украине после 1991 г., а также те из исследований предыдущего периода, которые были осуществлены на территории современной Украины авторами, жизнь и творчество которых были связаны с этой страной и которые основали научную традицию, продолжающуюся в современной украинской науке. Практически без оговорок это можно отнести к историографии периода существования УССР, но, как будет показано на примере Одессы, еще в Российской империи, несмотря на несомненную интеграцию науки в рамках этого государства, формировались зачатки определенных региональных научных традиций, в том числе и в гагаузоведении.

Зачинателем украинской историографии гагаузоведения по праву можно считать Аполлона Александровича Скальковского – историка-летописца Новороссийского края, статистика и археографа.

А. А. Скальковский родился в 1808 г. в Житомире. Окончив в 1827 г. Московский университет, он с 1828 г. начал работать в канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова. В 1843 г. он стал редактором, а в 1845 г. – директором Главного статистического комитета Новороссийского края. В 1860–70-е гг. он работал в Одесском статистическом комитете. До последних лет жизни (а умер А. А. Скальковский в глубокой старости, в 1898 г.) историк продолжал творческую деятельность. Он был членом многих научных обществ России и зарубежных стран, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Его еще при жизни называли «Нестором Новороссийского края». По поводу смерти А. А. Скальковского М. С. Грушевский писал, что умер «самый старый из *украинских* историков современных и прошлых» [Хмарський, 1994, с. 3-4].

Среди многочисленных трудов учёного заметное место занимают исследования истории переселения, обустройства на новых местах расселения, статистика и культура задунайских переселенцев [Скальковский, 1848; 1853

и др.]. И хотя А. А. Скальковский не выделял гагаузов в качестве самостоятельного этноса (впрочем, он одним из первых отметил «туркоязычность» части «болгар» Бессарабии) и не упоминал этого этнонима, без обращения к его работам, касающихся «болгарских переселенцев», невозможно полноценно реконструировать первые десятилетия жизни гагаузской этнической группы в Российской империи.

В осознании самостоятельного статуса гагаузского этноса исключительную роль сыграл профессор Императорского Новороссийского университета в Одессе, один из основателей отечественного славяноведения Виктор Иванович Григорович.

В. И. Григорович родился в 1815 г. в г. Балта Подольской губернии (ныне – районный центр Одесской области Украины). Учился в Балте и Умани в базилианском училище, затем завершил курс в Харьковском университете, после чего продолжил обучение в Дерптском университете, специализируясь на философии и классической филологии. В 1839–1849 гг. и 1854–1864 гг. работал на кафедре славянских наречий в Казанском университете, в 1849–1854 гг. – в Московском университете. В 1844–1847 гг. совершил научное путешествие на Балканский полуостров, результатом поездки стало известное сочинение «Путешествие по Европейской Турции...». В 1864 г. Виктор Иванович оставляет Казань и переселяется на юг. С 1865 г. он был назначен профессором основанного в этом году Императорского Новороссийского университета в Одессе и вслед за тем – первым деканом его историко-филологического факультета. 11 лет работы В. И. Григоровича в Одессе оставили по себе самые благодарные воспоминания и целую школу славистов, историков и археологов. Несмотря на относительную немногочисленность трудов, в истории науки В. И. Григорович занимает особое место, являясь одним из основателей научного славяноведения в Российской империи. В 1876 г. учёный подал в отставку и переселился в Елисаветград, откуда собирался делать экскурсии во все концы юга Российской империи, но в конце того же года внезапно скончался [Смольська, Дьомін, Самойлов, 2005, с. 349-353; Афанасьев, 1999, с. 98-102].

В сущности, В. И. Григорович впервые в мировой науке высказал суждение о неидентичности гагаузов болгарам и о существовании самостоятельного гагаузского этноса, он же первым выдвигает оригинальную гипотезу о происхождении гагаузов. Совершая в 1869 г. ревизионную поездку по учебным заведениям юго-западных районов Российской империи, в том числе по народным училищам задунайских колоний, ставя перед собой задачу, в частности, оценить возможность внедрения болгарского языка в преподавание, В. И. Григорович обнаруживает, что «... в болгарском поселении Бессарабии можно различать *несколько национальностей*, покрываемых одним именем – болгаре..., значительную часть колоний населяют так называемые гагаузы. Это суть выселенцы из Добруджи и других восточных окраин Болгарии. Гагаузы говорят турецким языком и мало понимают болгарский. По моим соображениям, гагаузы суть *потомки половцев*, поселившихся в Болгарии в XI и XII столетиях. Рано обращенные в христианство, они не усвоили себе

славянский язык» [Донесения об испытаниях..., с. 136; см. также: Взыскание господина Иванова..., с. 152-153].

Таким образом, несмотря на то, что В. И. Григоровичу принадлежит лишь несколько коротких замечаний относительно гагаузов, его по праву можно считать зачинателем научного гагаузоведческого направления не только в Украине, но и в Российской империи в целом.

Определённую роль в развитии гагаузоведческих исследований сыграл другой профессор Новороссийского университета – Филипп Карлович Брун.

Историк, археолог, исторический географ Ф. К. Брун родился в 1804 г. в г. Фридрихсгам (Хамина) в Финляндии. В 1821–1825 гг. закончил философский факультет Дерптского университета. После этого работал в Министерстве финансов, преподавателем в Витебске, Динабурге. В 1832 г. Ф. К. Брун переехал в Одессу, где его брат Генрих был профессором физики и математики в Ришельевском лицее, на базе которого впоследствии был образован Новороссийский университет. С 1832 г. Ф. К. Брун – адъюнкт, с 1836 г. – профессор истории и статистики Ришельевского лицея. В 1854 г. он вышел в отставку, но вскоре после открытия в Одессе университета, в 1866 г. поступает в него на работу, на должность доцента, а затем – профессора. На этой должности он и остаётся до самой своей смерти в 1880 г. [Хмарський, Дзиговський, 2000, с. 151-153; Борзаковский, 1999, с. 105-110]

Основные научные интересы Ф. К. Бруна лежали в области исторической географии Северного Причерноморья в античный и средневековый период. В контексте своих научных интересов, опираясь на сведения средневековых турецких источников, исследователь впервые в мировой науке в 1880 г. выдвигает гипотезу об анатолийско-сельджукском происхождении гагаузов [Мутафчиев, 1993, с. 279].

В своем исследовании по средневековой истории Добруджи он пишет, что турецкий автор XVI столетия Сеид Локман свидетельствует: «Ещё в 1263 году область, именуемая Добруджей, была уступлена Михаилом VIII прежнему султану иконийскому Иццеддину, который туда перевел из Малой Азии 12.000–15.000 туркменских семей», и далее рассуждает: «Потомками их можно считать так называемых Гагаузов, которые ныне ещё встречаются в Варне и в окрестностях этого города. Исповедуя христианскую веру, они, подобно малоазиатским Караманли, говорят по-турецки, но на письме употребляют греческие буквы. О сподвижниках Иццеддина нам известно, что те из них приняли православие, которые не могли переселиться во владения Берке-хана, освободившего султана из почетного его плена в Греции. Но так как, по Сеид-Локману, Туркмены или Огузы застали уже в Добрудже тюркских обитателей, которые легко могли смешаться с малоазиатскими их родичами, то в числе нынешних Гагаузов могут также находиться потомки вышешприведенных переселившихся тюркских племен, в особенности Половцев, так как они именно, после нашествия Монголов на южную Россию, в большом числе перебрались в Болгарию» [Брун, 1880, с. 333].

Несмотря на то, что гипотеза анатолийско-сельджукского происхождения гагаузов была впоследствии подвергнута уничтожающей критике

П. Мутафчиева [Мутафчиев, 1993, с. 199-337], тем не менее, она находит немало приверженцев и в настоящее время. Кроме того, как видим, Ф. К. Брун взвешенно отводит не исключительную роль в формировании современных гагаузов сельджукам, а допускает участие в их этногенезе и так называемых северотюркских племен, в том числе – половцев.

Следует отметить и переводческую деятельность Ф. К. Бруна. Так, им, вместе с магистрантом В. Н. Палаузовым, был подготовлен перевод «Истории болгар» К. И. Иречека, впервые переизданный на русском языке в 1878 г. в Одессе. В этой книге одного из первых исследователей гагаузов Болгарии определённое место занимает и рассмотрение некоторых вопросов, связанных с историей этого народа [Иречек, 1878].

Таким образом, несмотря на то, что в XIX в. в Одессе не вышло ни одной работы, специально посвящённой гагаузам (впрочем, в этом веке трудно найти такое исследование во всей мировой науке), тем более, речь не может идти о формировании здесь некоей школы или направления в области гагаузоведения, некоторые идеи и собранные материалы, принадлежащие учёным, работавшим в Одессе, были передовыми для того времени. Более того, первый декан историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета Виктор Иванович Григорович в 1869 г. фактически впервые «открыл» этот народ для науки и широкой общественности.

Исследования в области гагаузоведения в Украине в 1918–1944 гг. не получили развития, прежде всего, в связи с установлением в Бессарабии румынского режима. После окончательного включения южной части Бессарабии в состав Украины (1944) возникли предпосылки для возобновления гагаузоведческих исследований в этой союзной республике. Однако особенности национальной политики в СССР, также как и специфика развития инфраструктуры исследований этнических общностей страны, не позволили в послевоенные годы прийти к существенному прогрессу в сфере изучения гагаузов в украинской науке.

В период до 1991 г. отдельные темы, касающиеся истории, лингвистики, этнографии гагаузов, спорадически становились объектом научных интересов украинских, прежде всего – одесских, исследователей. Среди прочего можно отметить (правда, далеко не удачное) исследование ойконимии гагаузских и гагаузо-болгарских сел, проведённое одесским филологом Ю. А. Карпенко [Карпенко, 1977; критика: Шабашов, 1999г], работы киевского этнолога В. И. Наулко, посвящённые этнической географии и этнической демографии населения Украины, включая гагаузов [Наулко, 1965; 1966а; 1966б], исследования истории Буджака, в том числе придунайского края Украины [Бачинский, 1962; 1980; 1984 и др.], включая исследования истории некоторых гагаузских сел [Бачинский, Дихан, 1969].

Пожалуй, наиболее значимым событием в украинском гагаузоведении этого периода стали антропологические исследования киевского учёного Василия Дмитриевича Дяченко. Исследовав соматологические особенности гагаузов ряда сел Молдавской ССР и Украинской ССР, антрополог отмечает: «Антропологический тип гагаузов близок к таковому болгар и молдаван. Но

при общем, безусловно, европеоидном типе у гагаузов в сравнении с болгарскими, молдаванами и албанцами проявляется небольшая, но довольно определенная тенденция приближения к монголоидному типу. Заметим, что в некоторых гагаузских селах (например, Этулии, Чешмякье) встречаются семьи, в которых у женщин и детей комплекс монголоидных признаков выражен вполне отчетливо». В контексте исследования этногенеза этого народа В. Д. Дяченко делает следующие выводы: «Таким образом, антропологические данные подтверждают участие в этногенезе гагаузов средневековых тюркских племен, характеризовавшихся наличием монголоидных элементов (в XI–XII вв. н. э. на территории Северного Причерноморья жили тюркские племена, переходившие через Дунай на Балканы). Эти данные свидетельствуют против теории, согласно которой все гагаузы являются отуреченными болгарскими. Однако несомненно, что в состав гагаузов вошел и болгарский компонент. Он хорошо прослеживается в некоторых южнобессарабских селах, например в Комрате, Курчи, Вулканештах, Чешмякье» [Дяченко, 1952, с. 87; см. также: Дяченко, 1965; 1993].

Тем не менее, в УССР гагаузоведение не дифференцировалось в самостоятельное научное направление.

Новый этап в украинском гагаузоведении начинается после возникновения независимой Украины. Это связано с подъёмом самосознания и национального движения у этнических меньшинств, наблюдавшимся с конца 1980-х гг., размежеванием гагаузской этнической группы между двумя независимыми государствами и формированием, таким образом, обособленной этнической группы гагаузов Украины (в рамках Советского Союза разделение гагаузов между двумя союзными республиками не играло в их развитии существенной роли и не препятствовало общению между ними), развитием этнологии в Украине и, в частности, возникновением кафедры археологии и этнологии Украины в Одесском государственном (позднее – национальном) университете имени И. И. Мечникова – преемнике Императорского Новороссийского университета.

В 1990-х гг. гагаузоведение формируется как самостоятельное направление украинской этнологии. Первое исследование, специально посвящённое этнологии гагаузов (сравнительному анализу гагаузской и болгарской систем терминов родства в контексте этногенеза и этнических связей между двумя этими народами), принадлежащее перу украинского исследователя, увидело свет на страницах российского «Этнографического обозрения» в 1995 г. [Шабашов, 1995] В дальнейшем А. В. Шабашовым был подготовлен целый ряд исследований [Шабашов, 1999а; 1999г; 2002а; 2003а; 2003б; 2005; 2006а; 2006г; 2006б; 2008; Шабашов, Дыханов, 1997; Шабашов, Челак, Дыханов, 1999; Шабашов, Шабашова, 2002], в том числе монографических [Шабашов, 2002], рассматривающих терминологию и систему терминов родства гагаузов, проблему их этногенеза и этнических связей, эволюцию структуры семьи, историю отдельных поселений и др.

Впоследствии появились и другие авторы, посвятившие свои работы различным проблемам гагаузской этнологии, подавляющее большинство из

них также так или иначе были связаны с вышеупомянутой кафедрой археологии и этнологии Украины Одесского университета. Среди них – исследования календарной обрядности гагаузов [Дыханов, 1997; 1998; 1999а; 1999б; 1999в; 2000; 2001а; 2001б], этнокультурного [Бошков, 1997а; 1997б; 2000; 2006; 2008] и этнополитического [Чижев, 2007б; 2007в; 2008] развития гагаузов современной Украины, динамики их численности [Чижев, 2007а], религиозной культуры [Георгиев, 2008] и др. [Ярмоленко, 1998а; 1998б; 1999а; 1999б; 2000а; 2000б; 2001а; 2001б].

В полной мере оценить достижения современного украинского гагаузоведения можно будет только с течением определённого времени. Однако уже сейчас можно утверждать, что сформировавшееся в Украине, прежде всего в Одессе, в 1990-х гг. этнологическое гагаузоведение занимает достойное, заметное место в мировой палитре этой научной дисциплины.

БОЛГАРСКАЯ НАУКА О ГАГАУЗАХ

С точки зрения истории науки, в частности европейской, болгарская наука молода. Несмотря на то, что Болгария является страной с древними и глубокими культурными традициями, восходящими к IX–X вв., наука родилась здесь только в XIX в. Столь запоздалое её появление обусловлено полутысячелетним (1396–1878) османским владычеством в Болгарии. Длительное отсутствие болгарской государственности закономерно отразилось и на науке, повлияв на её специфику: болгарская наука постоянно пытается догнать научные школы и направления, идеи которых проникают в Болгарию из европейских научных центров. Также надо отметить зависимость болгарской науки от политической конъюнктуры, что в XIX в. выражалось в необходимости освободить болгар от турецкого ига, а до середины XX в. – в стремлении объединить всех болгар в границах одного государства. Развитие болгарской науки в кругу европейских национальных наук в большей степени сходно с развитием немецкой, особенно в области истории, фольклористики, литературоведения и языкознания.

Болгарские научные и бытовые представления о гагаузах формируются под влиянием нескольких факторов существования этой общности: употребления тюркского языка в разговорной практике, позиции гагаузов в отношении борьбы за автокефалию болгарской церкви и этнического самоопределения гагаузов. В различных ситуациях эти факторы наложили отпечаток на восприятие гагаузов в качестве либо болгар, либо отдельной народности.

В целом болгарские тексты периода до освобождения Болгарии от власти турок-осман ставят вопрос об использовании болгарского языка как первого по значимости, несмотря на то, что применение турецкого языка не осуждалось, а принималось как норма. Враг – греческий, а не турецкий язык. Впервые в 1861 г. «гагаузский» вопрос поднимает Георгий Савва Раковский – поэт, революционер, фольклорист и публицист. По его мнению, гагаузы – наследники сирот, чьи отцы сложили головы в борьбе с турками во

время завоевания последними болгар [Караиванов, 1996, с. 82]. Другой поэт и литературный деятель периода болгарского возрождения, Петко Р. Славейков, некоторое время живший в столице империи и посвятивший себя борьбе за независимость болгарской церкви, рассматривал гагаузов как наследников печенегов и куман [Славейков, 1874, с. 73].

После Освобождения Болгарии (1878) гагаузы попадают в поле зрения Константина Иречека, чеха, работавшего в Министерстве образования в Софии, где он дослужился до министра. По Иречку, гагаузы – наследники куман [Иречек, 1899; Иречек, 1974, с. 892]. Другие два чешско-болгарских археолога – братья Карел и Герман Шкорпилы, работавшие в то же время, что и Иречек, в Варне, – выдвигают гипотезу о том, что гагаузы – наследники праболгар во главе с ханом Аспарухом [Шкорпил К. и Г., 1933–1934, с. 171].

В начале XX в. профессор Любомир Милетич, занимавшийся этнографическими группами, проживавшими в Северо-Восточной Болгарии, не прошел мимо гагаузов, первым разделив их на «болгарских» и «приморских». Первые проживают во внутренней части Болгарии и «сочувствуют болгарам, женятся на болгарках и не отличаются от болгар». Второй вид гагаузов – «приморские», или хасъл, – «истинные» гагаузы, «держатся стороны греков» [Милетич, 1902, с. 15-18]. Нужно отметить, что большинство гагаузов – переселенцев из Болгарии в Бессарабию происходят из сёл «болгарских» гагаузов.

В 1917 г. Георгий Баласчев, историк и археолог, в газете «Военные известия» публикует статью «Государство огузов в Добрудже» («Държавата на огузите в Добруджа»), в которой пишет о гагаузах как о наследниках турок-сельджуков, переселённых в интересах Византии из Малой Азии в Добруджу вместе с их султаном Изеддином Кейкавузом [Баласчев, 1917]. Баласчев положил начало теории об огузском происхождении гагаузов, позже нашедшей сторонников за пределами Болгарии, одним из которых был и Михаил Чакир.

В 1933 г. болгарский историк Гаврил Занетов, уроженец бессарабского села Конгаз, публикует болгарские народные песни из своего родного села. В предисловии к этой публикации Занетов определяет своих родственников из Конгаза как болгар, забывших свой родной болгарский язык [Занетов, 1933, с. 121 и след.].

Одной из книг о гагаузах, вызвавших ожесточённые споры, стала книга Атанаса Манова «Происхождение гагаузов и их обычаи и нравы» («Потеклото на гагаузите и техните обичаи и нрави»), изданная в Варне в 1938 г. Книга вышла в двух частях, первая из которых посвящена вопросам происхождения гагаузов. Манов развивает идею Баласчева об огузском происхождении гагаузов. Вследствие того, что в это время Добруджа находилась под властью королевства Румынии, книга в Болгарии воспринималась как тенденциозная, подчёркивавшая неболгарскую основу государства деспота Добротицы и всего края. Вторая часть книги была оценена как вклад в науку своего времени и одобрена Болгарской Академией наук. Предисловие к ней написал языковед профессор Ст. Младенов. В этой части представлены обширные этнографические и фольклорные материалы, однако существуют некоторые

сомнения относительно аутентичности записанных материалов вследствие того, что они собирались не напрямую от информантов, а с помощью учителей и секретарей сборщиков налогов из гагаузских сёл [Манов, 1938, с. 5]. Эти сомнения усиливает и необычайное сходство материала с ранее вышедшими публикациями В. А. Мошкова и с книгой «Народная вера и религиозные народные обычаи» («Народна вяра и религиозни народни обичаи») Димитра Маринова.

Тогда же, в 1930-е гг., гипотеза об огузском происхождении гагаузов была оспорена профессором Петром Мутафчиевым. В отличие от Г. Баласчева и А. Манова, Мутафчиев – академический учёный, имеющий авторитет в международных научных кругах. Тщательно проанализировав исторические и лингвистические факты, он предположил, что с лингвистической точки зрения гагаузы представляют собой по большей части тюркизированных болгар, язык которых является результатом взаимодействия с севернотюркским субстратом [Мутафчиев, 1993, с. 315].

В 1950-е гг. наука в Болгарии находится под влиянием идеологических установок; интернационализм считается высшей ценностью. В эти годы гагаузского вопроса касается Крыстьо Баев, по мнению которого гагаузы являются тюркской народностью и среди них должна вестись идеологическая борьба за повышение статуса их родного языка подобно практике, существовавшей в СССР [Баев, 1953, с. 89-106].

В течение 50 лет, начиная с 1962 г. и до настоящего времени, вопрос о гагаузах поднимается в работах болгарского тюрколога Эмила Боева. По его мнению, тюркскую лексику не следует рассматривать как чуждую болгарам, поскольку болгарский этнос формировался при непосредственном участии множества тюркских народностей. В самом болгарском языке, как в лексике, так и в грамматическом строе, имеется множество явлений, общих с тюркскими языками. Э. Боев не учитывает классификацию Баскакова, который выделял язык гагаузов в качестве отдельного тюркского языка; по Боеву, этническое самоназвание гагаузов – булгар, а гагаузин – прозвище, которое целенаправленно подменяет истинную идентичность гагаузов [Боев, 1995, с. 7]. Стиль работ проф. Боева становится безапелляционно категоричным, когда автор анализирует мнения о гагаузах других исследователей, гипотезы которых отвергаются не без язвительности. В то же время цельная и аргументированная точка зрения на гагаузский вопрос в его научном творчестве скорее отсутствует. Об этом говорит и название самого популярного текста Э. Боева «Не заблуждение, а ложь о гагаузах» («Не заблудата, а лъжата за гагаузите»), изданного в виде отдельной брошюры.

В 1990-е гг. выходит книга Ивана Градешлиева «Гагаузы» («Гагаузите»), в которой представлен подробный анализ литературы о них [Градешлиев, 1994]. Книга служит своеобразным путеводителем по множеству несовместимых друг с другом теорий о происхождении гагаузов. Градешлиев не дает прямого ответа на вопрос об их происхождении, но из текста книги и Приложения явствует вывод о болгарском происхождении гагаузов.

Внимания заслуживают работы историков Страшимира Димитрова [Димитров, 1995], Георгия Атанасова [Атанасов, 2009, с. 401-434] и Пламена Павлова [Павлов, 2012]. В их работах, основанных на археологических, палеографических, лингвистических и других исследованиях, выводы делаются осторожно, и гагаузы с большой долей условности предстают как наследники не ассимилированных славянами протоболгар или куман. В каждом из упомянутых исследований не без основания отмечается, как легко распространяются сомнительные теории, ряд из которых закрепились как исторически правдивые в общественном сознании гагаузов Молдовы и Украины.

Помимо работ в области истории в последние десятилетия вклад в изучение гагаузов сделан в этнографических исследованиях Живки Стаменовой [Стаменова, 2007], Вани Матеевой [Матеева, 2006] и др. Не касаясь вопросов этногенеза гагаузов, этнографы собирают материал, затрагивающий проблемы национальной самоидентификации гагаузов. В общем виде конечный результат можно представить как утверждение, что национальная самоидентификация гагаузов в Болгарии носит черты субэтничности, формируется на основе языкового и регионального принципа и отражает скорее консервативность характера гагаузов, нежели осознание их культурных и этнографических отличий от болгар.

Чтобы быть корректными до конца, напомним, что о гагаузах в Болгарии писали ещё многие – от серьёзных исследователей до самозванных интерпретаторов и от родолюбивых и добросовестных краеведов до гонящихся за сенсациями и открытиями псевдоучёных. Серьёзным упущением болгарских учёных можно считать их отказ исследовать культурное развитие гагаузов за пределами Болгарии с целью проследить накопленный опыт существования гагаузской общности вне болгарской среды. В этом отношении исключением являются работы болгарского историка Благовеста Нягулова [Нягулов, 2007].

В заключение можно сказать, что в болгарской науке отсутствует единое мнение об этногенезе гагаузов. При этом выработано единое мнение в отношении сохранности у этой группы болгарской культуры, несмотря на отсутствие болгарского языка. Гагаузов рассматривают как неразрешимую проблему только в плане их происхождения. В Болгарии гагаузская народная культура воспринимается как равноправная с культурами остальных региональных групп Болгарии и как вариант общebolгарской этнической культуры, а гагаузский язык осмысливается как добруджанский диалект турецкого. Причин этому несколько. Первая – устойчивое самоопределение болгарских гагаузов как болгар. Гагаузская и болгарская идентичность не противопоставляются, и это подтверждает отсутствие проблем социализации гагаузов в болгарском обществе. В Болгарии никогда не существовало класса, сословия или звена власти, в которое не был бы вхож гражданин гагаузского происхождения. Причина этого лежит не в толерантности болгар, а в культурных кодах, оказывающихся одинаковыми для гагаузов и болгар. Вторая причина

кроется в многолетних центростремительных тенденциях, существующих в болгарской гуманитарной науке, которая стремится видеть в культуре региональных общностей больше сходных черт с болгарской национальной культурой и меньше отличий от нее. Имеет значение и тот факт, что гагаузский вопрос занимает маргинальную позицию как в болгарском научном дискурсе, так и в популярной литературе.

БОЛГАРИСТИКА И ГАГАУЗОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВИИ. КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ...*

Отправной точкой для раскрытия данного вопроса явилась небольшая малоизвестная современному исследователю публикация И. И. Мещерюка под названием «Новая мобильная группа за работой» во втором томе сборника «Вопросы диалектологии тюркских языков» (Баку, 1960), в которой говорилось о том, что «первого сентября 1959 г. при Институте языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР образована болгаро-гагаузская комплексная мобильная группа. Тем самым было положено начало первому научному учреждению в истории болгар и гагаузов южных районов Молдавской ССР и сопредельных районов Одесской области Украинской ССР» [Мещерюк, 1960, с. 222].

Комплексность группы заключалась в том, что она была призвана заниматься изучением проблем не только языка и устного народно-поэтического творчества, но также истории и этнографии буджакских болгар и гагаузов. Поэтому в состав группы вошли её заведующий, кандидат исторических наук И. И. Мещерюк, опубликовавший к тому времени ряд работ по истории буджакских болгар и гагаузов первой половины XIX в. [Мещерюк, 1950; Мещерюк, 1953; Мещерюк, 1957], и в должности начинающих младших научных сотрудников – филологи Е. К. Колца, Б. П. Тукан и этнограф М. Ф. Филимонова.

В процессе поиска материалов и документов для исследования темы мы обращались к трудам М. Н. Губогло [Губогло, 2004] и И. Ф. Грека [Грек, 1995; Грек, 1999], но основное внимание уделили изучению фондов Научного архива Академии наук Молдовы [НААН, фонды 18, 19] и личных фондов Б. П. Тукана и Е. К. Колца, хранящихся в Секторе *Этнология гагаузов* [СЭГ] Института культурного наследия АНМ.

Появление новых научных направлений в академической системе Молдавии имеет свою предысторию и непосредственно связано с именем И. И. Мещерюка, ведь именно он ещё во второй половине 1946 г. благодаря своей активной общественной и научно-организационной деятельности выд-

* Впервые опубликовано в: Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10. Личность и группа: векторы трансформационных изменений. М., 2010. С. 267-274.

вигает идею о гагаузоведении как о научной дисциплине, которая поддерживается впоследствии Академией наук СССР [см.: Грек, 1999, с. 21-22]. В 1947 г. под руководством видного тюрколога-гагаузоведа, члена-корреспондента АН СССР профессора Н. К. Дмитриева при Отделении литературы и языка АН СССР была создана специальная Комиссия по гагаузоведению (В. П. Арабаджи, Н. П. Арабаджи, С. Б. Бернштейн и И. И. Мещерюк), на которую была возложена теоретическая разработка вопросов оформления общенародного гагаузского языка, создания гагаузской письменности и школ на родном языке [см.: Покровская, 2001б, с. 74].

Однако на проект гагаузского алфавита на основе русской графики с дополнительными буквами ә (=ä), ө (=ö), ү (=ü), ж (=ž), составленный в 1948 г. Н. К. Дмитриевым и одобренный всеми членами комиссии, а также на принятое по представлению данной комиссии в январе 1949 г. Постановление Совета Министров СССР «О мероприятиях по организации культурно-просветительской работы среди гагаузского населения Молдавской и Украинской ССР» (в котором предусматривалось не только создание письменности и открытие национальной школы на всех уровнях, но и учреждение научно-исследовательского подразделения в Молдавском филиале АН СССР, издательской службы, научно-методического аппарата, подготовка национальных кадров и т. п.), молдавское руководство отреагировало с большим опозданием в виде Постановления Бюро ЦК Компартии (большевиков) Молдавии от 28 февраля 1950 г. «Об установлении гагаузской письменности», оставшееся, однако, лишь на бумаге [см.: Гайдаржи, 1992в, с. 4].

Наконец, 30 июля 1957 г. Президиум Верховного Совета МССР издаёт Указ «О введении письменности для гагаузского языка», ставший историческим событием в жизни гагаузов, так как создание письменности, окончательно завершённое лишь в 1968 г., «обусловило вхождение гагаузского языка в сферу общего и специального образования, расширило масштабы его научного изучения, создало предпосылки развития литературного процесса на нормированном гагаузском языке» [Гайдаржи, 1992в, с. 4].

В связи с этим событием и открылось научное подразделение, по совету видного слависта С. Б. Бернштейна, в составе Института языка и литературы при Молдавском филиале Академии наук СССР [НААН, ф. 19, оп. 1, инв. № 14, л. 156]. Правда, просуществовало оно совсем недолго, ввиду того что не удалось обеспечить филологическую и этнографическую составляющую в деле изучения болгар, а малочисленные и, на первых порах, слабо подготовленные в области тюркологии кадры лингвистов-гагаузоведов были всецело заняты как повышением своей квалификации (стажировки в Институте языкознания АН СССР), так и практической работой по редактированию учебных пособий для школ [Танасоглу, 1958; Тукан, 1958; Чакир, Славова, 1959 и др.], переводами с русского языка статей для приложения на гагаузском языке к республиканской газете «Молдова социалистэ», в которой публиковался и И. И. Мещерюк [см., например: Мещерюк, 1960а].

Следует отметить, что гагаузоведы группы привлекались для освещения проблема болгаристики и собирательской деятельности в этой области. Так, этнограф М. Ф. Филимонова, исследуя свою плановую тему, посвящённую гагаузскому национальному костюму, занималась изучением и собиранием образцов болгарской национальной одежды [НААН, ф. 18, оп. 3, инв. № 1, л. 55 об.], она же совместно с И. И. Мещерюком вела составление картотеки будущей библиографии по болгаристике и гагаузоведению. Е. К. Колца, специализирующаяся в лингвистике, приняла участие в работе одного из заседаний Президиума Верховного Совета МССР с докладом на тему «Болгарские говоры на территории Молдавской ССР» [СЭГ].

В 1959 г. начинается новый, важный этап в жизни Б. П. Тукана, определивший всю его дальнейшую деятельность: в том году по приглашению руководителя болгарско-гагаузского сектора И. И. Мещерюка он стал работать в Академии наук МССР над проблемами гагаузского языка. Специальное изучение диалектных особенностей гагаузского языка Б. П. Туканом было начато в связи с необходимостью в разработке правил орфографии и норм гагаузского литературного языка. Без учёта диалектных особенностей гагаузского языка и их соотношения между собой было бы невозможно определить диалектную базу для создания письменного языка. Поэтому при установлении орфографических правил гагаузского языка пришлось обратиться за действенной помощью в сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР.

В связи с разработкой письменных норм гагаузского языка (1957–1958) было установлено, что гагаузский язык на территории Молдавии состоит из ряда говоров, основными из которых являются близкие между собой говоры Чадыр-Лунгского и Комратского районов, с одной стороны, и Вулканештского района – с другой [Покровская, 1961, с. 37]. На основе этих говоров и были построены правила орфографии гагаузского языка, разработанные Л. А. Покровской и Д. Н. Танасоглу [Правила, 1958].

Е. К. Колца и Б. П. Тукан совместно и под руководством научного сотрудника Института языкознания АН СССР Л. А. Покровской ежегодно (1959–1961) выезжали в гагаузские села Комратского, Вулканештского, Чадыр-Лунгского районов для проведения диалектологической работы. Так, в 1960 г. в состав диалектологической экспедиции в пос. Вулканешты МССР с целью изучения местного говора были включены в должности младших коллекторов* и студенты-филологи Кишинёвского госуниверситета Г. А. Гайдаржи и М. И. Караман [НААН, ф. 19, оп. 3, инв. № 3, л. 51]. Было собрано большое количество фольклорных текстов и материалов по разговорному языку, осуществлялось изучение лексики говора. При обследовании вулканештского и других говоров был использован специальный вопросник, составленный Л. А. Покровской и охватывающий фонетический, морфологический, синтаксический и лексический аспекты

* Коллектор (от ср.-век. лат. *collector* – собиратель), здесь: лицо, которое собирает, заносит в опись и хранит какие-либо образцы (напр., произведения фольклора).

языка**», а также была использована программа по диалектологическому исследованию молдавских говоров [Кестионарул, 1960].

Собранные ими материалы позволили сделать в 1961 г. предварительные выводы о некоторых особенностях, отличающих вулканештский говор от других говоров гагаузского языка, в частности, от комратского и чадыр-лунгского [Тукан, 1961б; Тукан, 1961а]. Наряду с изучением говоров Вулканештского района продолжалась работа и по обследованию говоров Комратского и Чадыр-Лунгского районов, которая была завершена в 1961 г. Таким образом, в 1961 г. гагаузоведы вместе с научным сотрудником Л. А. Покровской уже располагали данными обо всех гагаузских говорах на территории МССР.

Тогда же окончательно были определены темы диссертационных работ для Е. К. Колца («Члены простого распространённого предложения в гагаузском языке») и Б. П. Тукана («Описание вулканештского говора гагаузского языка в сравнении с говором г. Комрат») [НААН, ф. 19, оп. 1, инв. № 21, л. 108]. В дальнейшем Е. К. Колца переключилась на другую научную тему, связанную с иноязычными заимствованиями в гагаузском языке [Колца, Тукан, 1963; Колца, 1965 и др.], а Б. П. Тукан по завершении аспирантуры при Институте языкознания АН СССР под научным руководством Л. А. Покровской в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию «Вулканештский диалект гагаузского языка» [Тукан, 1965].

М. Ф. Филимонова на протяжении всего периода своей работы в болгаро-гагаузской группе неоднократно участвовала в научных форумах [см., напр.: Филимонова, 1964, с. 56], в работе экспедиций, организованных как отделом археологии и этнографии Института истории МФ АН СССР, где она продолжала работать по старому плану исследований [НААН, ф. 18, оп. 3, инв. № 1, лл. 7, 12, 30 об.–31, 47, 55 об.], так и Институтом языка и литературы МФ АН СССР [НААН, ф. 19, оп. 3, инв. № 3, л. 43], а впоследствии опубликовала в соавторстве несколько работ, посвященных гагаузской национальной одежде [Зеленчук, Филимонова, 1964], прошлому и настоящему гагаузской женщины [Курогло, Филимонова, 1976].

Сам И. И. Мещерюк в рассматриваемый нами период (1959–1961) вёл работу над двумя историческими темами: 1) «Второе массовое переселение болгар и гагаузов в Буджак», 2) «Социально-экономическое развитие болгаро-гагаузских поселений Буджака в первой половине XIX в.» [НААН, ф. 19, оп. 1, инв. № 21, л. 158].

В адрес группы с самого начала её деятельности стала поступать научная литература по проблемам тюркологии от академиков и профессоров В. В. Решетова (Ташкент), Р. Р. Рустанова (Баку), А. С. Аманжолова (Алма-Ата) и др.

Таким образом, начиная с 1959 г. вопросы болгаристики и гагаузоведения были впервые включены в проблематику Института языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, хотя, по сути дела, данная группа являлась межинститутской (ее заведующий и один из научных сотрудников продол-

жали работать в Институте истории МФ АН СССР). Однако при подведении итогов научно-исследовательской работы Института языка и литературы за 1960 г. его директор, кандидат филологических наук И. К. Вартичан в своем заключительном слове относительно «сектора гагаузоведения» (о болгаристике вообще не шла речь!) заявил следующее: «...Ун сектор де гэгэузоложие, каре ын перспективэ се дескомпуне. Колабораторий, дупэ кум с'а спус, ей де абя акум ау девенит спечиалиштэ. Ынсэ ей тотуш требуе сэ фие ын черкул унуй колектив де лингвиштэ, унде ва путя луа мултэ експериенцэ. <...> Е жуст ачаста ши дин алт пункт де ведере. Уний кред, кэ дакэ с'ар дезволта нумай лимба ши култура гэгэузэ, атунч с'ар фаче марь прогресе. Ачаста ын карева мэсурэ е грешит. Ун народ поате креште, прогреса нумай ын легэтурэ ку алте нороаде ши, ын примул рынд, ку народул рус. Ачаста доар е перспектива вещей ноастре» [НААН, ф. 19, оп. 1, инв. № 20, л. 62] («...Сектор гагаузоведения, который в перспективе распадётся. Его сотрудники, как было сказано, только что стали специалистами. Но всё же они должны быть в кругу коллектива лингвистов, где смогут приобрести больше практического опыта. ... Это верно и с другой точки зрения. Некоторые считают, что если развивать лишь гагаузскую культуру и язык, то тогда будет большой прогресс. Это в некоторой степени ошибочно. Какой-либо один народ может расти, прогрессировать только во взаимосвязи с другими народами и, в первую очередь, с русским народом. Лишь это является перспективой нашей жизни» (*Перевод автора – В. С.*).

Формальным же поводом для упразднения болгаро-гагаузской комплексной группы стало принятое ещё в июне 1960 г. решение ЦК КПСС о создании самостоятельной Академии наук МССР, что повело за собой структурные изменения в ряде НИИ, в том числе в Институте языка и литературы. В мае 1961 г. группа была окончательно расформирована [Грек, 1999, с. 38]. При этом, однако, не было принято во внимание, что темы всех сотрудников болгаро-гагаузской группы сохранялись, с одной стороны, а в рамках Института истории продолжал и после реструктуризации действовать Сектор этнографии, в составе которого вполне могли бы продолжать работать и повышать свою научную квалификацию молодые болгаристы и гагаузоведы, с другой стороны. Дальнейшее же изучение актуальных проблем исторического и филологического характера в области молдавского гагаузоведения и молдавской болгаристики велось самостоятельно И. И. Мещерюком в рамках Института истории АН МССР [Мещерюк, 1965; Мещерюк, 1970], М. Ф. Филимоновой – в составе Сектора этнографии Института истории, Е. К. Колца – в Секторе сравнительно-исторического изучения молдавского языка, Б. П. Туканом – в Секторе диалектологии и экспериментальной фонетики, а также новым поколением болгаристов (К. А. Поглубко, С. З. Новаков, И. Д. Забунов, И. Ф. Грек, Н. Н. Червенков) и гагаузоведов (М. В. Маруневич, Г. А. Гайдаржи, С. С. Курогло, Н. Х. Туфар).

** Вопросник по исследованию гагаузских говоров, составленный Л. А. Покровской, не опубликован.

РАЗДЕЛ III

ИЗ ИСТОРИИ ВЕРОЯТНЫХ ПРЕДКОВ ГАГАУЗОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ГЛАВА 5

«СЕВЕРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ» ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ КОЧЕВНИКОВ

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ И РУСЬ

В ГОРНИЛЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Воображаемые и вероятные предки

Что означает набившая оскомину разноголосица гипотез, мнений, в том числе скандальных точек зрения о происхождении и этнической истории гагаузов и их предков?

Перефразируя крылатые слова Николая Данилевского, сказанные некогда о России, можно то же самое адресовать и нынешним гагаузам и Гагаузии, если вспомнить, чем занимались средства массовой информации Кишинёва накануне и во время крестового похода волонтеров премьер-министра Молдовы М. Друка на гагаузов, представляя последних как аномалию на молдавской земле.

«Заграничная публика, – пояснял свою мысль Н. Данилевский, – Россию не знает, или, лучше сказать, знает так, как знать хочет, – то есть как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости и презрению» [Сурков, 2008, с. 102].

Основная гипотеза предлагаемой парадигмы этнической истории вероятных предков гагаузов, родившаяся в ходе изучения истории евразийского кочевничества на примере тюркоязычных печенегов, узов (торков) и куман (половцев), сводится к идее бесконечного обновления и видоизменения их этнокультурного облика в ходе их адаптации к новым местам обитания и контактам с различными группами местного населения. Движение во времени и по степным пространствам – такова неизбежная доля и судьба носителей кочевой культуры, обобщенно выраженной в распорядке и в «грамматике» их хозяйства, обыденности и ментальности.

Между первым появлением в южнорусских степях в IX в. и первым упоминанием в летописных сводах для каждого тюркоязычного народа, в том числе для печенегов, узов (торков) и половцев (куман), и исчезновением их со страниц летописи в XIII в., можно выделить, особенно в XI в., по одной

ключевой дате, кардинально изменившей не только среду обитания кочевников, но и культурный облик как результат меняющихся и изменившихся социально-экономических отношений и условий.

Три хронологические точки отсчёта в череде событий второй половины XI в. имеют едва ли не судьбоносное значение в истории переселенческого движения средневековых тюрков в южном и юго-западном направлении из южнорусских степей на Балканы. Следовательно, при определении достоверности печенегов, торков (узов) и куман (половцев) в качестве **вероятных** предков современных гагаузов можно опираться на даты их перехода через Дунай, как на маяки в тумане этногенетического процесса. В самом деле, эти три хронологические «вешки», в том числе **1048 г.**, в котором состоялся массовый переход печенегов, **1064 г.** – переход торков (узов) и, наконец **1078 г.** – первое появление куманов (половцев) у Дуная, вместившие в себя всего три десятилетия, сыграли важную роль в судьбе каждого из трёх народов и в формировании этногенетического ядра гагаузского народа.

Подобно венгерской историографической традиции, согласно которой уход венгров под ударами печенегов в Паннонию, вытеснение живущих там славян и волохов, принято именовать «периодом обретения родины», точно так же названные даты перехода степняками Дуная можно с долей условности именовать моментами «обретения родины» вероятными предками гагаузов.

Что касается других хронологических (полярных) дат – появления и исчезновения со страниц русских летописей и византийских хроник, то фактическая история тюркоязычных кочевников не ограничивалась ни одной из них. Контакты степняков с автохтонным населением Восточной Европы имели место и до, и после письменных упоминаний о них. В одних случаях кочевники действительно растворялись в массе оседлого населения, в других сохраняли себя под иными этническими наименованиями.

Потерпев катастрофическое поражение на Балканах, печенеги, казалось бы, исчезли с лица земли. Однако этого не произошло, так как часть их осела на Балканах. Пленные печенеги после поражения в 1091 г. были расселены в Македонии в качестве наёмных военных отрядов [Иречек, 1889; Вести Гагаузии, 2005, № 154-155]. Сам факт пребывания тюркоязычных печенегов на Балканах послужил поводом для выдвижения, наряду с «огузской» и «куманской», ещё одной прямолинейной гипотезы. Так, например, Л. Н. Гумилёв, вероятно, не без влияния идей К. Иречека о гагаузах и сургуцах, считал современных гагаузов прямыми потомками печенегов [Гумилёв, 1994, с. 70].

В целом XI в. можно считать веком интенсивных контактов каждого из трёх народов – печенегов, узов (торков) и куман (половцев) с продуктами византийской и славянской (болгарской и русской) цивилизаций и предлагаемых ими ценностей. Однако, несмотря на обилие средневековых литературных источников, в них повествуется скорее о политической истории и военных столкновениях кочевников, чем о формах хозяйства, особенностях кочевого и полукочевого быта, их общественной организации и социальной структуре. Менее всего в источниках имеется сведений об этнографии и этнологии тюркоязычных кочевников. Ничтожное количество информации

содержится относительно того, как, при каких условиях, в каких местах обитания происходила «переработка» и усвоение достояний византийской и славянской цивилизаций степными тюрками.

В большинстве русских летописей, содержащих бесценные сведения о тюркоязычных кочевниках, внимание акцентировано скорее на последовательности тех взаимных походов, событий, контактов, чем на изображении причинно-следственных связей между историческими эпизодами. Совершенно очевидно, что скудость этих сведений не позволяет дать полную картину XI в. как многотрудного века культурной адаптации кочевников.

С исторической точки зрения можно считать, что различия между печенегами, узами (торками) и куманами (половцами), как вероятными предками гагаузов, были менее существенны, чем сходства и общие страницы истории, в том числе и те, что они вместе с болгарами, русскими, сербами и румынами восприняли из византийской цивилизации вместе с принятием христианства.

Как известно, русские летописи неоднократно сообщали о внутритюркских противоречиях и столкновениях, в том числе о нападениях куман (половцев) на города и поселения Поросья, где были расселены узы (торки), берендеи и печенеги.

Однако вряд ли можно думать об относительно исконной вражде и нетерпимости одних тюрков к другим. «Хотя куманы ревностно сражались со скифами (печенегами), – со знанием дела свидетельствует источник XII в., – тем не менее он (крупный предводитель печенегов – М. Г.) питал к ним (куманам – М. Г.) больше доверия, чем к ромеям» [Великая Степь..., 2004, с. 879-880].

Сама Анна Комнина, слова которой цитируются, объясняла это доверие этногенетическим родством и, в частности, тем, что печенеги и куманы «говорили на одном языке» [Великая Степь..., 2004, с. 880].

Зимой 1048 г., когда Дунай покрылся толстым слоем льда, печенеги во главе с ханом Тирахом, общей численностью до 800 тысяч человек перебрались на правый берег и вторглись в пределы Византийской Империи [Васильевский, т. 1, 1908, с. 13].

«Их набег, – с неподдельным ужасом свидетельствовал в конце XI в. крупный византийский писатель и богослов, комментатор Библии Феофилакт Болгарский, описывая печенежские набег на византийские провинции, – это – удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко – от быстроты бегства. Нападая, они всегда предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать. А главное – они опустошают чужую страну, а своей не имеют; <...> все одно, он безумно погнался бы за недостижимым. Они (печенеги – М. Г.) спрячутся в скалах, прикроются густотой леса <...>. Скифы успеют доказать, что они дети скал и дубов, будут наносить удары, сами им не подвергаясь <...>. Жизнь мирная – для них несчастье, верх благополучия – когда они имеют удобный случай для войны или когда насмеются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто ещё не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно» [Васильевский, 1908, с. 5-6].

Со времен В. Г. Васильевского известно, что в византийских источниках половцы, или куманы, наследовали в XII в. имя скифов, которое в XI в. исключительно принадлежало печенегам. Все то, что Феофилакт Болгарский говорил о скифах XI столетия, все это Евстафий Солунский мог сказать о скифах XII в. «Это народ, не имеющий прочного постоянного пребывания, не знающий оседлой жизни и потому не гражданственный. Всякую землю он стремится завладеть, но ни одной не может заселить, и посему – это народ многоблуждающий. Это летучие люди, и поэтому их нельзя поймать. Они не имеют ни городов, ни сёл, оттого за ними следует зверство. Не таковы даже коршуны, плотоядный род и всем ненавистный; таковы разве грифы, которых благодетельная природа удалила в места необитаемые, точно так, как и скифов [Васильевский, 1908, с. 5-6; <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url>].

Из летописных и иных письменных источников хорошо известна судьба печенегов на Балканах в XI–XII вв. Ярый противник печенежского хана Тираха, его соплеменник Кеген, объединив свои полки с болгарскими и византийскими военными силами, одержал победу над печенегами Тираха. Кончились грабежи и разбои первых, началось дикое уничтожение своих соплеменников вторыми. Однако подобный смертоносный для печенегов подход не был в интересах Византии, недавно обессиленной после продолжительной борьбы с Первым Болгарским царством. Характеризуя социально-экономическое и этнополитическое состояние Византии в середине и второй половине XI в., В. Г. Васильевский писал, как бы подводя неутешительные итоги перехода печенегами Дуная в 1048 г.: «Византийская казна сильно нуждалась в исправных плательщиках поземельного налога, а византийская армия – в хорошей коннице. Последняя потребность была особенно настоятельна в настоящий момент, когда турки-сельджуки уже начинали свои завоевания в восточных провинциях империи. Голоса византийских воевод взяли верх над кровожадными требованиями мстительного печенега. Кеген мог располагать судьбою только тех из своих соплеменников, которые попали в плен к нему самому. Он перерезал всех тех, которых не успел продать в рабство. Но большинство пленников, целые десятки тысяч печенегов, были поселены Василием (правителем Болгарии – М. Г.) Монахом в Болгарии, состоявшей под его управлением, главным образом около Средца (Сердики), Ниша, а также в других местах» [Васильевский, 1908, с. 15; <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url>].

В дальнейшем вплоть до предпоследнего десятилетия XI в., вторжение печенегов в пределы Фракии повторялись, как отмечает Д. Д. Оболенский со ссылкой на Иоанна Скилицу, «с пугающей регулярностью». При этом отмечены случаи, когда печенеги угрожали окраинам Константинополя. Продолжая излюбленную политику «разделяй и властвуй», византийское руководство пыталось нейтрализовать угрозы степняков с помощью разжигания вражды между предводителями печенежских объединений Тирахом и Кегеном. Так, например, император Константин IX позволил Кегену поселить своих подданных на византийской территории и передал печенегам три крепости на правом берегу Дуная. Цель этого расселения состояла в том, чтобы печенеги обороняли речные рубежи византийской империи от набегов

соплеменников-соперников, представителем которых был Тирах. Император Византии пожаловал Кегену титул патрикия и убедил принять христианство. Новых вассалов, в качестве союзников Византии окрестил монах Евфимий [Оболенский, 1998, с. 226-227].

Не менее важную роль играла система пожалований ханам и вождям степных кочевников титулов из репертуара социально-управленческой иерархии императорского двора. Так, например, когда объединённые византийско-болгарские военные силы вместе с печенегами под флагами хана Кегена одержали сокрушительную победу над печенегами хана Тираха, Византийский император Константин Мономах распорядился, чтобы Тирах и его 40 знатных печенегов, взятых в плен, были отведены в столицу империи и было отобрано у кочевников их оружие. Более того, он велел их окрестить и потом пожаловал им надлежащие чины и титулы византийской табели о рангах [Васильевский, 1908, с. 15].

В 1064 г. согласно П. В. Голубовскому, опиравшемуся на записи в **Ипатьевской летописи**, торки (узы) «являются на Дунае и переходят через него. Но старые враги – печенеги, эпидемические болезни доконали это и без того слабое и разгромленное племя. Часть его принимает подданство Византии, другая попыталась было снова осесть у русских границ, но будучи в 1080 г. разгромлена Мономахом, потеряла свою самостоятельность и в последующее время предстало как военное пограничное поселение Руси» [Голубовский, 1884, с. 78].

Они проложили себе дорогу через печенежские земли, перешли Дунай и вторглись в пределы Болгарии, Фракии, Македонии и Греции [Оболенский, 1998, с. 227].

Запись под 1060 г. «**Повести временных лет**» гласит: «Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ совокупиша вои бещислены, и поидоша на конихъ и в людьяхъ множество, на торкы. Се слышавше торци убояшася, пробегоша и до сего дне, и помроша бегаючи. Божьем гневом гонимы, ови от зимы, друзии же гладом, ини же мором и судом Божьим. Тако Богъ избави хрестьяны от поганыхъ» [ПВЛ, 1999, с. 71].

И хотя летопись в данной записи не приводит конкретных сведений о численности торков (узов), сам факт объединения усилий четырёх русских князей говорит сам за себя. Речь идёт о несомненном могуществе торков. Тем более, что, как оказалось, через 20 лет, Бог не избавил окончательно православное население Руси от торков. В 1080 г. Автор той же «Повести временных лет», несколько противореча самому себе, опять темпераментно свидетельствует о нападении «исчезнувших» 20 лет тому назад торков: «Заратишася торци переясльвьстии на Русь. Всеволодъ же посла на ня сына Володимера. Володимер же шедъ победи торкы» [ПВЛ, 1999, с. 87].

В своих комментариях записи в ПВЛ от 1080 г. академик Д. С. Лихачёв опирается на сведения о судьбе торков, приводимые в статье В. Г. Васильевского: «Разбитые в 1060 г. русскими князьями торки в 1064 г. переправились через Дунай, захватили Дунайскую равнину, опустошили Македонию и Фракию, а затем подступили к стенам Константинополя. Здесь, действуя золотом,

греки заставили торков повернуть назад. Часть торков умерла от повальных болезней, многих греки истребили и забрали в плен. Остатки были частью поселены в Македонии, частью переправились назад за Дунай и были расселены русскими по своим городам» [Василевский, 1908, с. 26-29; Лихачёв, 1999, с. 492; ПВЛ, 2000].

Однако к концу XI в. узы (торки) не исчезли с этнической карты Балкан. По сведениям Георгия Кедрена, те узы, которые выжили после истребительной чумы, были расселены на византийской территории в Македонии и как пишет Д. Д. Оболенский, ссылаясь на византийского автора того времени, «стали вассалами и союзниками империи» [Оболенский, 1998, с. 227].

Российская историография как-то легко «распрощалась» с узами (торками) как с самостоятельным и самодостаточным народом. Несколько иным было восприятие этого народа в конце XI в., когда с ним познакомились византийцы. Особый интерес в этой связи представляют итоги византологических исследований академика Д. Д. Оболенского, которому королева Елизавета II пожаловала высокое звание рыцаря (сэра) Великобритании. Глубоко вникая в смысл некоторых методических и технических терминов, употреблявшихся византийскими авторами для номинации (описания) статуса различных связанных с империей народов Восточной Европы, Д. Д. Оболенский обнаружил, в частности, что термин *symmachos* употреблялся в XI в. применительно к русским (восточным славянам) и узам [Оболенский, 1998, с. 293].

Трудно переоценить это, дошедшее до нас из глубины веков представление высокомерных и чванливых византийцев об узак (торках), находящихся в одном типологическом ряду с русскими. Приведем для сравнения несколько терминов, этимологию которых выявил Д. Оболенский. Так, например, в византийских источниках русские в 860-е гг. определялись как *hypexkooi* (подданные) или *proxenoi* (официальные друзья) Византии. В XII в. галицкие и суздальские князья описывались как *symmachoi* (союзники) [Оболенский, 1998, с. 293].

В данном случае не столь важно, как для определения статуса соотносилась численность русских и торков. Важно, что в обильных греческих источниках, глубоко освоенных выдающимся знатоком истории Византии XI в., статус торков обозначался тем же термином *symmachos* (союзник), применявшимся в XII в. к венграм, а в XIII в. – к правителю Болгарии. Речь шла о некой разновидности автономного вхождения этих народов в орбиту внешнеполитического влияния Византийского содружества наций, которое патронировало эти народы, воспринимая себя центром сообщества христианских государств, а народы Восточной Европы – второстепенной (периферийной) территорией.

Вслед за печенегами и узами (торками) в причерноморские степи и к юго-восточным пределам Руси подошли куманы (половцы), известные под именем «половцев» и «команов» в Византии, «кунов» в Венгрии, «кипчаков» – в Грузии. Сами себя в быту и в повседневной жизни они, однако, именовали «узы» [Иречек, 1974]. По мнению А. В. Шабашова, это ошибочное представление

К. Иречека, не подтверждённое источниками. В России П. В. Голубовский путём анализа русских, европейских, арабских, византийских источников обосновал идентичность куман – половцев – кыпчаков (последнее – самоназвание, фиксирующееся многократно, наряду с куманами как названием части (западной?) кыпчаков) и их разницу с узами (торками). Европейская наука освоила эту аксиому позднее.

В этой же работе «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв.» П. В. Голубовский задал себе вопрос, не потерявший своей актуальности до наших дней: «Следует ли отождествлять половцев с узами, или последние составляли отдельное племя, известное в наших летописях под именем торков?» [Голубовский, 1884, с. 41]. Сопоставив летописные свидетельства и данные византийских источников, прежде всего хроники Атталиаты, он установил, во-первых, идентичность узов и торков, и печенегов, узов (торков) и куман (половцев) как самостоятельных народов [Голубовский, 1884, с. 49].

«Повесть временных лет», в целом отрицательно настроенная против куман, первую встречу с ними зафиксировала спокойно, в нейтральном, констатирующем духе: в 1055 г. «приходи Болуш с половьцы, и створи Всеволодь мирь с ними, и возвратишася половьцы вспять, отнюду же пришли», «Приходи Блуш с половци и створи Всеволодь мир с ними и возвратишася восвоися».

Акцент летописной записи резко изменился через 6 лет, когда куманы (половцы) предприняли первую организованную попытку военного наступления на Русь.

«В лето 6309 (1061 г.) приидоша половци первое на Русьскую землю воевати; Всеволодь же изиде противу имъ, месяца февраля въ 2 день. И бившимся имъ, победиша Всеволода, и воевавшее отъидоша. Се бысть первое зло от поганых и безбоженныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искаль» [ПВР, 2007, с. 71].

Годом раньше, когда куманы (половцы) вторглись в пределы Руси с целью грабежа, они были разгромлены. Множество их воинов было убито и утоплено в реке Снови, а их предводители взяты в плен. Таким образом, первый приход куман «войною на Русьскую землю» был ответом на их предыдущее появление с целью грабежа.

Новая страница совместной истории кочевой степи, в лице третьей средневековой группировки тюркоязычных кочевников, относится, наряду с печенегами, узами (торками), к вероятным предкам гагаузов. В этом плане знаковое значение имеет первое появление куман (половцев) на берегах Дуная в 1078 г. Как и при встрече с населением Киевской Руси, приход куман (половцев) на Балканы был встречен лояльно со стороны местного населения. Более того, их появление на территории Болгарского царства вызвало поддержку местного населения, озабоченного борьбой с византийским игом. Поэтому куманы (половцы) с первого захода, проникая вглубь Византии, достигли Адрианополя.

Через 10 лет, в 1088 г., и далее в 1091 г. куманы (половцы) переправились через Дунай не отдельными отрядами, а целым войском, численностью

до 40 тысяч, представляющим собой значительную боевую силу. Разбив в ходе жестокой битвы печенегов, куманы (половцы), спасли Византийскую империю от гибели. С этого времени, вплоть до массового бегства от татаро-монгольского нашествия», куманы последовательно расселились на Балканах и в Венгрии, что даёт основание думать об их особой роли в этногенетической истории. Согласно авторитетному мнению Константина Иречека, обладавшего феноменальной памятью и щепетильным отношением к историческим источникам, наиболее значимой волной куманы переселились в пределы Болгарии в 1241 г. и стали на её территории значительной силой. Безусловно, это чрезвычайно важное свидетельство знаменитого автора «Истории Болгарии» и других его трудов, ставших классикой. Однако К. Иречку принадлежит одно из малоупотребительных и редко встречающихся в литературе и в источниках сообщение о том, что этническое наименование гагаузов обнаруживает сходство с самоназванием куман («Само име на гагаузите напomnia домашното название, с което куманите сами се наричали: *узы* или *огузы*» [Иречек, 1974, с. 892-893].

До сих пор неизвестно, какое место занимают в этнической истории вероятных предков гагаузов чёрные клобуки. Более или менее известно, что появление этого словосочетания относится к середине XII в. Едва ли не ежегодные упоминания этого термина (названия) начинаются в 1146 г. в качестве обозначения вассального подчинения киевским князьям.

Так, например, одна из летописных записей свидетельствует о том, что в 1150 г. явились чёрные клобуки к своему вассалу, киевскому князю Изяславу Мстиславовичу с изъявлением верноподданнических чувств и устремлений: «... И ту приехаша к нему черни Клобуци и все Поросье и рекоша ему: ты наш князь, а Ольгович не хотим; а поедем в Борзе, а мы с тобою» [ПСРЛ, т. 2, с. 328; Голубовский, 1884, с. 145; Плетнёва, 1990, с. 76].

Лояльность чёрных клобуков к киевскому сюзеру с особой наглядностью подчеркнута в летописной записи от 1154 г. в связи со смертью Изяслава Мстиславовича: «...И плакася по нем вся Русская земля и вси черни клобуци и яко по цари и господине своем, наипаче же яко по отци» [ПСРЛ, т. 2, с. 469; Плетнева, 1990, с. 76].

Печенеги

«Приидоша печенези первое на Русьскую землю»
(ПВЛ, 1999, с. 21)

В «Повести временных лет» дважды упоминается «первый» приход печенегов на Русь: сначала в 915 г., затем, повторно, в 968 г. За полсотни с небольшим лет, видимо, происходила адаптация кочевых печенегов к условиям южнорусских степей и к установлению нечто подобного этнополитическим взаимоотношениям с уже сложившимися к тому времени государствами: **Византией, Киевской Русью и Болгарией**. Это был период изначального, скорее мирного, чем военного познания друг друга.

Не исключено, что адаптация имела взаимный характер, так как в летописи упоминается некий отрок – киевлянин, который в момент осады Киева «бесчисленным» печенежским войском добровольно вызвался вступить с печенегами в переговоры, поскольку владел печенежским языком («Бе бо умея печенежьски, и мняхуть и своего» [ПВЛ, 1999, с. 31]), и печенеги принимали его за своего.

Переломным для характера русско-печенежских отношений стал 968 г., когда печенеги вторично «впервые» пришли на Русь, и когда назрела серьёзная конфликтная ситуация, завершившаяся «наступившим миром».

Согласно данным «Повести временных лет», в 968 г. «Приидоша печенежи на Русьску землю первое... И оступиша печенежи град (Киев – М. Г.) в силе велице, бецислено множество около града, и не бе лъзе изъ града вылести, ни вести послати; изнемогаху же людве гладом и водою... То слышав Святославъ вборзе вседе на коне съ дружиною своею, и приде Киеву... и прогна печенеги в поли, и бысть мир» [ПВЛ, 1999, с. 31].

Мирному исходу первого русско-печенежского противостояния во многом способствовало своевременное возвращение Святослава из Переяславца. Он собрал воинов, как записано в летописи, и прогнал печенегов в степь. Между тем, лишь дважды за этот относительно мирный период – в 920 и 944 гг. «Повесть временных лет» зафиксировала военизированные контакты между печенегами и русскими князьями. В первом случае глухая запись гласит: «А Игорьъ воеваши на печенежи» [ПВЛ, 1999, с. 22], во втором – «Игорь же совкупивъ вои многи, варяги, Русь, и поляны, словени, и кривичи, и тиверце, и печенеги наа»... поиде на греки въ людях и на конихъ, хотя мьсти себе». Но после того как византийский император Роман согласился дать большой выкуп Игорю и «к печенегам послал наволоки и много золота», Игорь, прислушавшись к совету своей дружины, «повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и поволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси» [ПВЛ, 1999, с. 159].

Опережая по времени половцев, печенеги уже в конце X в. принимали участие в княжеских междоусобицах. Так, например, в 980 г. князь Варяжко увидев, как был убит князь Ярополк, «бежа съ двора в печенеги, и много воева Володимера с печенеги» [ПВЛ, 1999, с. 37].

Согласно арабскому источнику, написанному в середине XI в. (1050–1053), Абу Саидом Абу ал-Хайя б. Заххака Гардизи «Украшение известий» (Зайн ал-ахбар) до переселения в южнорусские степи, в том числе до вторжения в пределы Киевской Руси и до продвижения в Подунавье, и далее на Балканы, печенеги были расселены к северу от Аральского моря. «Владения печенегов, – согласно Гардизи, – простираются на 30 дней пути. С каждой стороны к ним примыкает какой-нибудь народ; с востока – кипчаки, с юго-запада – хазары, с запада – славяне; все эти народы производят нашествия, нападают на печенегов, уводят их в плен, продают [в рабство]» [Бартольд, т. VIII, 1973, с. 56].

Византийские источники знают печенегов в степях Приаралья в IX в. Во второй половине этого столетия печенеги двинулись на запад, вытесняя

кочевавших венгров. В 889 г. печенеги оказались в степях Причерноморья, и в пределах современной Молдовы [Гумилёв, 1989, с. 694].

Турецкий историк Доган Авджиоглу, по свидетельству Ф. А. Ангели, утверждал, что через десять лет, в 899 г. печенеги вступили на земли современной Молдовы [Türklerin Tarihi, 1994, cilt. 2, s. 907; Ангели, с. 119].

«Собственно тюркский язык, – свидетельствовал академик В. В. Бартольд, – впервые был принесён в Восточную Европу к концу IX в. печенегами» [Бартольд, т. 5. 1968, с. 583]. Освоив степи Северного Причерноморья, печенеги стали играть важную роль в этнополитической истории ряда соседних государств. Ещё через полвека, в середине X в., Константин Багрянородный написал свой знаменитый трактат «Об управлении государством», в котором территории, освоенные печенегами, назвал «Печенежской степью».

«Да будет известно, – писал император-летописец, – что пачинакиты (печенеги – М. Г.) сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих, будучи соседями и хазар, и так называемых узов (торков). Однако пятьдесят лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времён так называемые узы. Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего населения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок (венгров), победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение пятидесяти пяти лет.

Да будет ведомо, что вся Пачинакия делится на восемь фем, имея столько же великих архонтов. А фемы таковы: название первой фемы Иртим, второй – Цур, третьей – Гиля, четвёртой – Кулпеи, пятой – Харавои, шестой – Талмат, седьмой – Хопон, восьмой – Цопон...

...Должно знать, что четыре рода пачинакитов, а именно: фема Куарциур, фема Сирукалпеи, фема Вороталмат и фема Вулацопон – расположены по ту сторону реки Днепра по направлению к краям [соответственно] более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих климатов. Остальные же четыре рода располагаются по сю сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям, а именно: фема Гиазихопон соседит с Булгарией, фема Нижней Гилы соседит с Туркией, фема Харавои соседит с Росией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными Росии местностями, с ульгинами, дервленинами, лензанинами и прочими славянами. Пачинакия отстает от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании – на шесть дней, от Мордии – на десять дней, от Росии – на один день, от Турции – на четыре дня, от Булгарии – на полдня, и Херсону она очень близка, а к Босфору еще ближе» [Константин Багрянородный, 1991, с. 155-157].

Печенеги в последний раз упоминаются в летописи под 1169 г. [ПВР, 1999, с. 447].

Бруно Кверфуртский в Послании германскому королю Генриху II рассказывал: «Верно, уж целый год исполнился месяцами и днями с тех пор, как

мы покинули венгров, где понапрасну провели много времени, и направились к печенегам (*Pezenegi*), жесточайшим из всех язычников. Государь Руси (*senior Ruzorum*), великий державой (*regnum*) и богатствами, в течение месяца удерживал меня против [моей] воли, как будто я по собственному почину хотел погубить себя, и постоянно убеждал меня не ходить к столь безумному народу, где, по его словам, я не обрёл бы новых душ, но одну только смерть, да и то постыднейшую. Когда же он не в силах был уже [удерживать меня долее] и уstraщён неким обо мне, недостойном, видением, то с дружиной два дня провожал меня до крайних пределов своей державы, которые из-за вражды с кочевниками со всех сторон обнес крепчайшей и длиннейшей оградой. Спрыгнув с коня на землю, он последовал за мною, шедшим впереди с товарищами, и вместе со своими боярами (*maiores*) вышел за ворота. Он стоял на одном холме, мы – на другом. Обняв крест, который нес в руках, я возгласил честной гимн: “Петре, любишь ли меня? Паси агнцы моя!”. По окончании респонсория (род церковного песнопения) государь прислал к нам [одного из] бояр с такими словами: “Я проводил тебя [до места], где кончается моя земля и начинается вражеская; именем Господа прошу тебя, не губи к моему позору своей молодой жизни (Бруно было тогда около тридцати лет), ибо знаю, что завтра до третьего часа суждено тебе без пользы, без вины вкушать горечь смерти” (это и было страшным видением Владимиру о Бруно). Я отвечал: “Пусть Господь откроет тебе [врата] Рая так же, как ты открыл нам путь к язычникам!” Что же? Два дня мы шли беспрепятственно, на третий, в пятницу, трижды – утром, в полдень и в девятом часу – все мы со склоненными выями влекомы были на казнь, но столько же раз по чудесному знамению – такова была воля Господа и водителя нашего [святого] Петра – невредимы ускользали от встречавшихся нам врагов. В воскресенье, когда мы добрались до мест, более обитаемых, нас оставили в живых до срока, пока весь народ по зову гонцов не соберется на сходку. Итак, в девятом часу следующего воскресного дня нас зовут на сходку, бичуя, словно лошадей. Сбежалась бесчисленная толпа; с налитыми кровью глазами, они подняли страшный крик, тысячи обнаженных мечей и тысячи топоров, [занесенных] над нашими головами, грозили изрубить нас в куски. До ночи терзали нас, волоча в разные стороны, пока нас не вырвали из их рук старейшины (*maiores*) [той] земли которые, будучи рассудительны, услышав наши речи, поняли, что мы с добром явились в их землю. Как то было угодно неисповедимому Господу и честнейшему Петру, пять месяцев провели мы среди этого народа, обойдя три его части, не заходя в четвёртую, из которой к нам прибыли послы от старейшин. Обратив в христианство примерно тридцать душ, мы, по мановению Божию, устроили мир (с Русью), который, по их словам, никто кроме нас не смог бы устроить. “Сей мир, – говорили они, – тобою устроен. Если он будет прочен, то все мы, как ты учишь, охотно станем христианами; если же государь Руси изменит уговору, нам придется думать только о войне, а не о христианстве”. С тем я и прибыл к государю Руси, который ради [успеха] Божьего [дела] одобрил это, отдав в заложники сына. Мы же посвятили в епископы [одного] из наших, которого затем государь вместе с сыном поместил в середине земли [печенегов]

И установился, к вящей славе Господа, Спасителя [нашего], христианский закон среди наихудших и жесточайших из всех обитающих на земле язычников» [Древняя Русь..., 2001, с. 114-315; <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url1>].

Торки (узы)

«985. <...> Иде Володимеръ на Болгоры...
а торъки берегомъ приведе на конихъ: съ Добрынею,
съ уемь своим, в лодьях».

[ПВЛ, 2007, с. 39].

В середине XI в. в южнорусских степях появились торки, позднее ставшие союзниками русских, что вызывало раздражение у половцев, которые неоднократно воевали и с торками (узами) и с печенегами.

Иногда «Повесть временных лет» называет берендеев торками, например: «Приступи торчинь, именем Берендий» [ПВЛ, 2007, с. 249].

Смутные демографические, а тем более этнодемографические сведения письменных источников не позволяют с какой-либо вероятностью судить о численности средневековых степняков. Так, например, авторы «Encyclopedia Britanica» полагают, что численность узов в первой половине XI в., когда они появились в степях Северного Причерноморья, достигала 300 тыс. человек (около 30 тыс. кибиток).

В работе турецкого историка Османа Турана «Сельджуки и исламизм» численность узов определяется в 600 тыс. человек. По его данным, именно таковым был демографический масштаб узов, когда они в 1064–1065 гг. переправлялись через Дунай с левого на правый берег [Ангели, 2007, с. 124]. Трудно не разделить сомнения Фёдора Ангели и не согласиться с ним в том, что «обе эти цифры не соответствуют действительности» [Ангели, 2007, с. 125]. Однако аргументация, с помощью которой Ф. Ангели определяет свое критическое отношение к данным источникам, не представляется вполне корректной. «Вряд ли можно предположить, – считает он, – что в тех тяжелейших социально-экономических и военных условиях за пять десятилетий численность узов могла увеличиться в два раза. Никакая высокая рождаемость, – настаивает Ф. Ангели, – не может дать таких результатов» [Ангели, 2007, с. 125].

При среднем ежегодном приросте гагаузского населения во второй половине XX в. на 2%, его численность за полстолетия удвоилась. При более высоких темпах прироста – в 3–3,5%, как это было у среднеазиатских и у большинства мусульманских народов, – удвоение населения происходило не за полвека, а, соответственно, за 33 или за 28 лет.

Ускоренные темпы динамики численности народов положительно коррелируют скорее с бедностью и малообразованностью, чем с высоким уровнем социально-экономического развития и образования.

Кратким вниманием, мимоходом, удостоил торков прекрасный знаток отношений Византии и Руси академик Д. Д. Оболенский. В биографию Вла-

димира Мономаха, в жилах которого текла кровь византийской принцессы, он включил очерк о судьбе торков. «Эти тюркские кочевники, – писал Д. Оболенский, – явившиеся, как печенеги и половцы, из Западной Азии, незадолго до того (до 1080 г. – М. Г.) опустошили византийские земли, добравшись почти до самой Фессалоники. Византийцы называли их – узы. К счастью для империи, в орде узов началась чума, и только немногие выжившие переправились через Дунай и вернулись в понтийские степи» [Оболенский, 1998, с. 470].

Между тем военный потенциал торков вместе с печенегами и берендеями высоко ценили русские князья. «Пришла ко мне весть, – говорил Василько, будучи во Владимире, – что идут ко мне берендеи, и печенеги, и торки, и сказал я себе: если у меня будут берендеи, и печенеги, и торки... на землю Польскую пойду зимою и летом, и завладею землею Польскою, и отомщу за Русскую землю. И потом хотел захватить болгар дунайских, и посадить их у себя» [ПВЛ, 2007, с. 251].

Как видно из свидетельств источника, русский князь готов был с помощью кочевников не только покорить соседнее государство, но и организовать переселение целого народа с одной территории на другую.

Куманы (половцы)

«1061. Впервые пришли половцы войною на Русьскую землю».

[ПВЛ, 2007, с. 208].

«1061. Приидоша половцы первое на Русьскую землю воевати...».

[ПВЛ, 2007, с. 71].

В «Поучении» Мономаха, инкорпорированном в текст «Повести временных лет», приводится длинный перечень его походов на половцев, в том числе, как записано в летописи: «И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами» [ПВЛ, 2007, с. 241].

Половцы (куманы) впервые появились в южнорусских степях в 30–40-х годах XI в. Первая серьёзная встреча Руси с половцами состоялась в 1054 г. В этом году «приходи Болушь с половьци, и створи Всеволод миръ с ним, и возвратишася половци вспять, отнюду же пришли» [ПВЛ, 2007, с. 70].

1093. «В это время пришли половцы на Русскую землю, услышав, что умер Всеволод, послали они послов Святополку договориться о мире. Святополк же, не посоветовавшись со старшею дружиною отцовскою и дяди своего, сотворил совет с пришедшими с ними и, схватив послов, посадил их в избу. Услышав же это, половцы начали воевать. И пришло половцев множество и окружили город Торческ. Святополк же отпустил послов половецких, хотя мира. <...> И не захотели половцы мира, и наступали половцы, воюя...» (Торческ – город на реке Торче, правом притоке верхней Роси, основанный в середине XI в., теперь село Торчица – М. Г.).

– «В год 1080. Поднялись торки переяславские на Русь, Всеволод же послал на них сына своего Владимира. Владимир же пойдя, победил торков».

– 1082. «Умер Осень, половецкий князь».

– 1092. «...И рать великая была от половцев и отовсюду: взяли три города, Песочен, Переволоку, Прилук, и много сел повоевали по обеим сторонам». (Все три города в Переяславском княжестве на р. Удае, в нынешней Полтавской области – М. Г.).

1093. «...Половцы же между тем осаждали Торческ, а **торки** противились и крепко бились из города, убивая многих врагов. Половцы же стали налегать и отвели воду, и начали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки к Святополку, говоря: “Если не пришлешь еды, сдадимся”. Святополк же послал им, но нельзя было пробраться в город из-за множества воинов неприятельских. И стояли около города 9 недель, и разделились надвое: одни стали у города, борясь с противником, а другие пошли к Киеву и напали между Киевом и **Вышгородом**. Святополк же вышел на Желань, и пошли друг против друга, и сошлись, и началась битва. И побежали наши от иноплеменников, и падали, раненые, перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя. Святополк же пришел в Киев сам-третей, а половцы возвратились к Торческу». [<http://hghltd.yandex.net/yandbmt?url>; ПВЛ, 2007, с. 231].

1093. «...Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и изнемогли люди в городе от голода, и сдались врагам. Половцы же, взяв город, запалили его огнем, и людей поделили, и много христианского народа повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; страждущие, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с осунувшимися лицами, почерневшими телами, в неведомой стране, с языком воспаленным, раздетые бродя и босые, с ногами, исколотыми тернием, со слезами...» [ПВЛ, 2007, с. 232-233].

В год 1094. «Сотворил мир Святополк с половцами и взял себе в жены дочь Тугоркана, князя половецкого. В тот же год пришел Олег с половцами из Тмутаракани и подошел к Чернигову, Владимир же затворился в городе. Олег же, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег. Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел он поганых на землю Русскую, его же грех да простит ему Бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям» [ПВЛ, 2007, с. 233].

В год 1095. «Ходили половцы на греков с Девгеневицем, воевали по Греческой земле; и цесарь захватил Девгеневица и приказал его ослепить. В тот же год пришли половцы, Итларь и Кытан, к Владимиру мириться. Пришел Итларь в город Переяславль, а Кытан стал между валами с воинами; и дал Владимир Кытану сына своего Святослава в заложники, а Итларь был в городе с лучшей дружиной. В то же время пришел Славята из Киева к Владимиру от Святополка по какому-то делу, и стала думать дружина Ратиборова

с князем Владимиром о том, чтобы погубить Итлареву чадь, а Владимир не хотел этого делать, так отвечая им: “Как могу я сделать это, дав им клятву?”. И отвечала дружина Владимиру: “Княже! Нет тебе в том греха: они ведь всегда, дав тебе клятву, губят землю Русскую и кровь христианскую проливают непрестанно”. И послушал их Владимир, и в ту ночь послал Владимир Славяту с небольшой дружиной и с торками между валов. И, выкрав сперва Святослава, убили потом Кытана и дружину его перебили. Вечер был тогда субботний, а Итларь в ту ночь спал у Ратибора на дворе с дружиною своею и не знал, что сделали с Кытаном. Наутро же в воскресенье, в час заутрени, изготовил Ратибор отроков с оружием и приказал вытопить избу. И прислал Владимир отрока своего Бяндюка за Итларевой чадью, и сказал Бяндюк Итларю: “Зовет вас князь Владимир, а сказал так: “Обувшись в теплой избе и позавтракав у Ратибора, приходите ко мне”. И сказал Итларь: “Пусть так”. И как вошли они в избу, так и заперли их. Забравшись на избу, прокопали крышу, и тогда Ольбер Ратиборич, взяв лук и наложив стрелу, попал Итларю в сердце, и дружину его всю перебили. И так страшно окончил жизнь свою Итларь, в неделю сыропустную, в часу первом дня, месяца февраля в 24-й день» [ПВЛ, 2007, с. 233-234].

«Святополк же и Владимир послали к Олегу, веля ему идти на половцев с ними. Олег же, обещав и выйдя, не пошел с ними в общий поход. Святополк же и Владимир пошли на вежи, и взяли вежи, и захватили скот и коней, верблюдов и челядь, и привели их в землю свою. И стали гнев держать на Олега, что не пошел с ними на поганых. И послали Святополк и Владимир к Олегу, говоря так: “Вот ты не пошел с нами на поганых, которые губили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича – либо убей, либо дай его нам. Он враг нам и Русской земле”. Олег же не послушал того, и была между ними вражда. В тот же год пришли половцы к Юрьеву» [http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url; ПВЛ, 2007, с. 234].

«В год 1096 <...> пришел *Боняк* с половцами к Киеву, в воскресенье вечером, и повоевал около Киева, и пожег на Берестове двор княжеский. В то же время воевал Куря с половцами у Переяславля и Устье сжег, месяца мая в 24-й день. Олег же вышел из Стародуба и пришел в Смоленск, и не приняли его смоленцы, и пошел к Рязани. Святополк же и Владимир пошли восвосяи. В тот же месяц пришел Тугоркан, тесть Святополков, к Переяславлю, месяца мая в 30-й день, и стал около города, а переяславцы затворились в городе. Святополк же и Владимир пошли на него по этой стороне Днепра, и пришли к Зарубу, и там перешли вброд, и не заметили их половцы. Бог сохранил их, и, исполнившись, пошли к городу; горожане же, увидев, рады были и вышли к ним, а половцы стояли на той стороне Трубежа, тоже исполнившись.

Святополк же и Владимир пошли вброд через рубеж к половцам, Владимир же хотел выстроить полк, они же не послушались, но поскакали на конях на врага. Увидев это, половцы побежали, а наши погнались вслед воинам, рубя врагов. И содеял Господь в тот день спасение великое: месяца июля в 19-й день побеждены были иноплеменники, и князя их убили Тугоркана, и сына его, и иных князей; и многие враги наши тут пали. Наутро же нашли

Тугоркана мертвого, и взял его Святополк как тестя своего и врага, и, привезя его к Киеву, похоронили его на Берестовом, между путем, идущим на Берестово, и другим, ведущим к монастырю. И 20-го числа того же месяца в пятницу, в первый час дня, снова пришел к Киеву Боняк безбожный, шелудивый, тайно, как хищник, внезапно, и чуть было в город не ворвались половцы, и зажгли предградье около города, и повернули к монастырю, и выжгли Стефанов монастырь, и деревни, и Германов. И пришли к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали после заутрени, и кликнули клич около монастыря, и поставили два стяга перед воротами монастырскими, а мы бежали задами монастыря, а другие взбежали на хоры. Безбожные же сыны Измаиловы вырубали врата монастырские и пошли по кельям, высекая двери, и выносили, если что находили в келье; затем выжгли дом святой владычицы нашей Богородицы, и пришли к церкви, и зажгли двери на южной стороне и вторые – на северной, и, ворвавшись в притвор у гроба Феодосиева, хватая иконы, зажигали двери и оскорбляли Бога нашего и закон наш» [ПВЛ, 2007, с. 235].

В библейской версии происхождения тюрок утверждается:

«Вышли они из пустыни Етравской между востоком и севером, вышло же их 4 колена: торкмены и печенеги, торки, половцы. Мефодий же свидетельствует о них, что 8 колен убежали, когда иссек их Гедеон, да 8 их бежало в пустыню, а 4 он иссек. Другие же говорят: сыны Амоновы, но это не так: сыны ведь Моава – хвалисы, а сыны Амона – болгары, а сарацины от Измаила, выдают себя за сыновей Сары, и называли себя сарацины, что значит: “Сарины мы”. Поэтому хвалисы и болгары происходят от дочерей Лота, зачавших от отца своего, потому и нечисто племя их. А Измаил родил 12 сыновей, от них пошли торкмены, и печенеги, и торки, и куманы, то есть половцы, которые выходят из пустыни. И после этих 8 колен, при конце мира, выйдут заклепанные в горе Александром Македонским нечистые люди» [http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url].

В отличие от библейской, ***легендарная версия происхождения, приведенная в сочинении Хивинского хана, военачальника и историка Абу-л-Гази*** «Родословная туркмен», законченного в 1660–1661 гг., гласит следующее:

«У великих государей (тех времен) был обычай: выступая в дальний поход, брать с собой жен... Один из беков Огуз-хана выступил [в поход], взяв [с собой] жену. Сам он погиб в битве; жена его спаслась и нагнала хана между [теми] двумя реками. Она была беременна; у нее начались родовые схватки; день был холодный, а жилья, в котором можно было бы укрыться, не оказалось; она родила ребенка в гнилом [дуплистом] дереве.

Когда дали знать об этом хану [Огуз-Хану – М. Г.], хан сказал: “Его отец погиб на моих глазах; у него нет заступника”. Усыновил его; он дал ему имя Кыпчак. На древнем тюркском языке дуплистое дерево называли кыпчак; так как тот ребенок родился в дупле, ему дали имя Кыпчак...

Хан вырастил этого ребенка на своих руках. После того как он стал джигитом, Урсы, Олаки, Маджары и Башкурды возмутились [против Огуз-хана]. Дав Кыпчаку много илей и нукеров [хан] послал [его] в те края, на берега Тина (Дона – М. Г.) и Итиля (Волги – М. Г.). Триста лет царствовал Кыпчак

в тех местах. Все Кыпчаки – его потомки. Со времени Огуз-хана и вплоть до времен Уингаз-хана на Тине, Итиле и Яике, на берегах этих трех рек других илей, кроме кыпчакского, не было. Они жили в тех местах в течение четырех тысяч лет. Поэтому те места и называют Дешт-и-Кыпчак – Кыпчакская степь» [Кононов, 1958, с. 43-44].

Цитируемая нами ранее ПВЛ повествует:

1103. «Владимир же, попросившись с братом своим, пошел в Переяславль, а Святополк за ним, и Давыд Святославич, и Давыд Всеславич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович. И пошли на конях и в ладьях, и пришли пониже порогов, и стали в порогах у острова Хортицы. И сели на коней, а пехотинцы, выйдя из ладей, шли по полю 4 дня и пришли на Сутень. Половцы же, услышав, что идет русь, собрались в бесчисленном множестве и стали совещаться. И сказал Урусоба: “Попросим мира у руси, так как крепко они будут биться с нами, ибо много зла сотворили мы Русской земле”. И сказали Урусобе молодые: “Ты боишься руси, но мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю их и завладеем городами их, и кто избавит их от нас?”. Русские же князья и воины все молились Богу и обеты давали Богу и матери его, кто кутьею, кто милостынею убогим, другие же жертвоприношениями в монастыри. И когда они так молились, пришли половцы и послали перед собою в сторожах Алтунопу, который славился у них мужеством. Так же и русские князья послали сторожей своих. И подстерегли русские сторожа Алтунопу, и, обступив его, убили Алтунопу и тех, кто был с ним, и ни один не спасся, но всех перебили. И пошли полки, как лес, и не окинуть их было взором, и русь пошла против них. И великий Бог вложил ужас великий в половцев, и страх напал на них и трепет перед лицом русских воинов, и оцепенели сами, и у коней их не было быстроты в ногах. Наши же с весельем на конях и пешие пошли к ним. Половцы же, увидев, как устремились на них русские, не дойдя, побежали перед русскими полками. Наши же погнались, рубя их. В день 4 апреля свершил Бог великое спасение, а на врагов наших дал нам победу великую. И убили тут в бою 20 князей: Урусобу, Кчия, Арсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочих князей их, а Белдюзя захватили. После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и стал Белдюзь предлагать за себя золото, и серебро, и коней, и скот, Святополк же послал его к Владимиру. И когда он пришел, начал спрашивать его Владимир: “Знай, это <нарушенная> клятва захватила вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки воевали Русскую землю? Почему не учил ты сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливали кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей!” / И повелел убить его, и так разрубили его на части» [http://hghltd.yandex.net/ yandbtm?url; ПВЛ, 2007, с. 256-257].

«И затем собрались братья все, и сказал Владимир: “Вот день, который даровал Господь, возрадуемся и – возвеселимся в этот день, ибо Бог избавил нас от врагов наших, и покорила врагов наших, и “сокрушил головы змеиные и передал достоинство их людям русским”. Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью, и захватили печенегов и

торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победою великою» [ПВЛ, 2007, с. 256-257].

1097. «Святополк же прибежал во Владимир, и с ним два его сына, и Ярополчича два, и Святоша, сын Давыда Святославича, и прочая дружина. Святополк же посадил во Владимире сына своего Мстислава, который был у него от наложницы, а Ярослава послал в Венгрию, приглашая венгров на Володаря, а сам пошел к Киеву. Ярослав же, сын Святополка, пришел с венграми, и король Коломан, и два епископа, и стали около Перемышля по Вагру, а Володарь затворился в городе. Ибо Давыд в то время вернулся из Польши и посадил жену свою у Володаря, а сам пошел в Половецкую землю. И встретил его Боняк, и воротился Давыд, и пошли на венгров. Когда же они шли, остановились на ночлег; и когда наступила полночь, встал Боняк, отъехал от воинов и стал выть по-волчьи, и волк ответил воем на вой его, и завыло множество волков. Боняк же, вернувшись, поведал Давыду, что “победа у нас будет над венграми завтра”. И наутро Боняк исполнил воинов своих, и было у Давыда воинов 100, а у самого 300; и разделил их на 3 полка и пошел на венгров. И пустил Алтунопу нападать с 50 людьми, а Давыда поставил под стягом, а своих воинов разделил на две части, по 50 человек на каждой стороне. Венгры же построились в несколько рядов, ибо было их 100 тысяч. Алтунопа же, подскакав к первому ряду и пустив стрелы, бежал от венгров, венгры же погнались за ним. На бегу они промчались мимо Боняка, и Боняк погнался за ними, рубя их с тыла, а Алтунопа возвратился обратно, и не пропустили венгров назад и так, во множестве избивая их, сбили их в мяч. Боняк же разделил своих на три полка, и сбили венгров в мяч, как сокол сбивает галок. И побежали венгры, и многие утонули в Багре, а другие в Сана. И бежали они вдоль Сана на гору, и спихивали друг друга, и гнались за ними два дня, рубя их. Тут же убили и епископа их Купана и из бояр многих, говорили ведь, что погибло их 40 тысяч» [http://hghltd.yandex.net/ yandbtm?url] [ПВЛ, 2007, с. 256-257].

Чёрные клобуки

Обильные упоминания о **чёрных клобуках** в древнерусских источниках дают основание сформулировать по-новому ряд задач, связанных не только с выяснением этнической и языковой принадлежности чёрных клобуков, но и с определением их религиозно-географической, этнополитической и социокультурной идентичности.

Позволит ли такая задача перекинуть мост между **вероятными** и **реальными** предками гагаузов – это, во-первых, другой вопрос, во-вторых, не автору судить об успехе или неудаче предлагаемой попытки.

Первый же вопрос: существовал ли особый черноклобуцкий язык, – может любого поставить в тупик. Ясное дело, наличие Черноклобуцкого союза племён (или неких предгосударственных объединений) предполагает, что совокупности людей, входивших в этот союз, должны были иметь какой-либо общий язык для коммуникации или хотя и разные, но взаимопонятные языки.

Черноклобуцкий военный этнополитический синтез

При современном состоянии гуманитарного знания о прошлой и сов-

ременной истории тюркского мира доказывать принадлежность печенегов, узов (торков) и половцев (куман) к тюркской языковой системе – означает ломиться в открытую дверь [Плетнёва, 1958; её же: 1973; её же: 1974; её же: 1982; её же: 1990а, б].

Тем не менее, в предметной области тюркологии, в том числе и в её неотъемлемой составной части – гагаузоведении, остаётся немало вопросов, связанных с этнической, географической, языковой и культурной идентичностью тюркоязычных народов. Одна из таких проблем связана с неординарными этническими идентичностями чёрных клобуков, сыгравших важную роль в XI–XII вв. в истории Киевского государства, в истории Северского Переяславского княжества, Болгарии, Византии и Венгрии [Расовский, 1927].

По подсчётам С. А. Плетнёвой, на страницах Ипатьевской летописи чёрные клобуки упоминаются 18 раз (1146, 1150 (три раза), 1151, 1152 (два раза), 1153 (два раза), 1162, 1174, 1177, 1180, 1183, 1187 (два раза), 1190, 1192, 1193 гг.). Согласно её данным, основанным на тщательном изучении летописных свидетельств, народы, входившие в состав Черноклобуцкого союза, подкочевали к южной границе Киевской Руси в конце XI в. и через полстолетия создали в бассейне р. Рось достаточно сильный Союз для борьбы под руководством киевских князей с половцами [Плетнёва, 1973, с. 24].

Чаще всего – 23 раза – Ипатьевская летопись фиксировала берендеев автономно или в составе чёрных клобуков, на втором месте – 14 раз – торков, и на третьем – 7 раз – печенегов. Следовательно, можно считать, что наиболее частыми участниками межэтнических отношений внутри Черноклобуцкого хозяйственно-культурного союза были берендеи, торки (узы) и печенеги. Как это ни парадоксально, в них, и прежде всего в торках (узах) видели своих противников, считая их предателями, тюркоязычные половцы, раньше других соплеменников принявшие православную веру и успевшие даже перепринять несторианство [Никитин, 1984].

Настойчивое упоминание печенегов и узов вместе с берендеями и представителями других этнических образований в тематическо-событийном единстве под общим именем чёрных клобуков наводит на мысль о наличии таких продолжительных контактов, в ходе которых формировались общие черты в материальной и духовной культуре кочевого и полуседлого населения.

В самом деле, за внешними показателями летописных сведений о совместных или этнически автономных боевых действий за или против киевских и переяславских князей, крылась, надо полагать, повседневная быденная жизнь. Кочевники хотя и проводили жизнь с мечом в руках, тем не менее, обеспечивали жизнедеятельность. Рожали и воспитывали детей, чттили предков, провожали в последний путь умерших, ковали стремяна, мечи и удила, кормили скот, чистили лошадей и обеспечивали себя боевым снаряжением.

Более того, можно согласиться с тем, что формирование внутритюркского межэтнического симбиоза, как вероятного предтечи предков гагаузов, имело место в рамках более широкомасштабного этногенетического процесса, получившего название «срастание Руси и Степи», в ходе которого, на-

пример, черняховские князья и донские половцы укрепляли дружеские и родственные связи [Никитин, 1984, с. 427].

Родовую аристократию чёрных клобуков русские летописцы называют «лепшими мужьями»: «...сдумавше лепшии мужи в черных клобуцех и приехоша к Ростиславу к Рюриковичу и почаша ему молвити: поезде княже с нами на вежи половецкыя» [ПРСЛ, т. III, с. 676].

Вместе с тем о социальной зрелости и социальном расселении черноклобуцкого сообщества свидетельствует наличие княжеской прослойки. Так, например, Г. А. Федорову-Давыдову были известны несколько имен черноклобуцких князей с явными тюркскими именами: Тудор Сатмазович, упоминаемый в 1159 и 1163 гг., Каракоз Мнюзович (1159 г.), Карас (1159 г.), Чекъман (1169 г.), Тошман (1169 г.), Моначюк Чагрович (1169 г.), Кулдюр (1190 г.), Кунтовдей (1183, 1190, 1192 гг.), Чюрнай (1190 г.) [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 226].

В том, где источники и прежние авторы усматривали «этническое» или «межэтническое» перемешивание, «большую перемешанность», на современном языке можно квалифицировать как межэтническое сближение или межэтническую интеграцию. И чем дальше в южном или юго-западном направлении двигались тюркоязычные степняки из пределов Киевского, Переяславского и Северского княжеств, тем заметнее оставались следы процессов оседания и межэтнической интеграции. Субъективная равнодействующая каждой из двух тенденций проявлялась прежде всего в формировании схожести этнокультурной и исторической судьбы печенегов, узов и куман.

Концепцию изначального (добалканского) этнически разнородного состава тюркоязычных степняков, во времена их пребывания в южнорусских степях, воспринял Ф. Ангели. Он, в частности, убеждён, что «уже в первой четверти XI в. узы, приближавшиеся к границам Руси, были настолько смешаны (подчёркнуто мной – М. Г.) с другими племенами, что выделить памятники их культуры на территории южнорусских степей археологи затрудняются» [Ангели, 2007, с. 124].

Загадочный этнополитоним «чёрные клобуки», вероятно, в чем-то имеет смутные аналоги с более древними практиками, восходящими к далекой скифской и китайской традициям, свидетелями которой, например, были далекие предки средневековых кочевников – хунну.

В самом деле, тюркоязычные хунну были не только свидетелями, но и восприимчивыми опытом создания кочевой империи «Семьи народов». Согласно источникам, китайский император Цинь Ши-хуанди при создании этой империи из враждующих между собой царств «сровнял с землей столицы прежних государств и снёс пограничные сооружения между ними, смешал этнические сообщества и разбил страну на 36 новых территориально-административных областей, ввёл единую упрощенную иероглифику, писаное законодательство и циньскую бронзовую монету, унифицировал систему мер и весов, поставил весь чиновнический аппарат под надзор императорского инспектората, запретил споры философов, а всех граждан империи без различия рангов и происхождения велел именовать одинаково – “черноголовыми” (Цяньшоу)» [Степугина, 2002, с. 25; Головнев, 2009, с. 186-187].

Обретя единую гражданскую идентичность в виде искусственно созданного этнополитонима, все «черноголовые» были выровнены между собой и перед Сыном Неба, а вскоре в Ханьскую эпоху на основе циньской идеологии единства сложился новый народ – ханьцы (хауся, китайцы) [Головнев, 2009, с. 187].

Чёрные клобуки Поросья, состоявшие из смешения печенегов, узов (торков), поставленные под знамена киевских князей, обрели единый этнополитоним и стали одним из компонентов вероятных предков гагаузов, но окончательно сложились в ядро этнической общности уже после переселения на Балканы, где слились с другими народами. Однако у них, в отличие от древних китайцев, политоним не стал этнонимом.

Оказавшись на пересечении византийского, романского и славянского миров, тюркоязычные степняки совместили в своей изначально языческой ментальности и образе жизни православие греческого толка, ориентацию на славянскую культуру с кочевой мобильностью и оседлой энергетикой.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕРОЯТНЫХ ПРЕДКОВ ГАГАУЗОВ

Предлагаемые главы, посвящённые вероятным предкам гагаузов, оставившим немало следов в средневековой истории Руси, Византии, Болгарии и некоторых других соседних стран, не претендуют на обстоятельное изложение истории, культуры и повседневной жизни кочевников южнорусских степей с IX по XIII вв. Из всего многообразия данных о прошлом этих народов, той или иной долей соотносимых с предками гагаузов, удаётся выделить лишь отдельные отрывочные сведения об их контактах с оседлым населением.

Пока еще рано говорить о репрезентативности этнокультурных параллелей (взаимной связи корней и кроны) при сопоставлении культуры повседневной жизни кочевых тюрков средневековья с оседлой жизнью современных гагаузов и их **реальных** предков на Балканах, которых письменная история уже знает перешедшими на оседлость, принявшими православие и создавшими первую государственность.

Многие тайны вероятных предков гагаузов остаются неразгаданными в силу пресловутой «вины» историков и этнологов, состоящей в «неоднозначности» и в «недоосмысленности» кочевничества – прежде всего в его обыденности и повседневности. В российской историографии затянувшимся конфузом представляется идеологическая борьба с «норманизмом». Не случайно предметное поле этнологической и исторической науки предстает минным полем для серьезных исследований или благодатным полем для графоманов и их околонучных писаний [Головнев, 2009, с. 32].

Точно так же происхождение гагаузов остается ускользающей тайной по причине замалчивания и предумышленного очернения истории и верований тюркоязычных кочевников и их взаимоотношений с оседлым населением в

той же самой российской историографии. Маска варварства, как тень, надвинутая на мир кочевников, как плотная ширма, не позволяет увидеть реальный событийный ход истории вероятных предков гагаузов.

По этой причине ранние этапы их этнической истории остаются неоткрытыми и непонятными, страницы повседневной жизни – непрочитанными, а стремление проникнуть в вековые тайны – нереализованным.

Средневековый культурный комплекс кочевых тюрков поддается некоторой расшифровке благодаря возможности счастливого соотнесения обширного археологического материала с русскими летописными сведениями и данными византийских и европейских письменных источников. В этой сфере гуманитарного знания продуктивно трудилось не одно поколение российских исследователей, начиная с середины XIX в. При совпадении выводов, вытекающих из анализа письменных источников и археологического материала, возникает реконструкция истории и культуры тюркских кочевников на фоне более широких этногенетических процессов, которые воспринимаются с долей условности, приближенной к реальности.

Следовательно, появляется дополнительная возможность перекинуть подобие этнокультурного моста между современными гагаузами и их **вероятными** предками. Понятно, что в случае удачной реконструкции этнокультурных параллелей возникает очередная возможность для перевода предков гагаузов из категории **вероятных** в **реальные**. Именно такая задача видится при попытке описания этнической истории вероятных предков гагаузов с IX по XIII вв.

Хозяйство

Исследование этнической и этнокультурной истории вероятных предков гагаузов предполагает изучение кочевого образа жизни, хозяйствования, ментальности, проявленной в обычаях гостеприимства, жертвоприношений, в семейных и общественных отношениях, мифологических представлениях о себе, соседях и мироустройстве. В отличие от вопросов политической истории и географического расселения, относительно разработанных в обширной литературе по кочевничеству, этнография (или то, что в европейской традиции именуется социальной, или культурной, антропологией), исследовано менее всего. Сведения по перечисленным вопросам приходится собирать по мельчайшим крупичкам, как будто умышленно кем-то рассеянным по различным источникам. Именно поискам и собиранию таких крупичек посвящён настоящий раздел. Его конечная цель состоит в создании информативной базы, в которой можно было бы искать отзвуки, следы и сполохи прошлой повседневной жизни гагаузов.

Задача эта далеко не из лёгких, поскольку даже хронологические рамки существования классического кочевничества как образа жизни и его многочисленных вариаций не вполне очевидны ни археологам, ни этнографам, ни историкам. В бесконечной смене исторических эпох, времён, пространств, бытования этого способа жизнедеятельности людей, в том числе вероятных предков гагаузов, более или менее прорисовывается общее направление рас-

пространения кочевничества с Востока на Запад в рамках целого тысячелетия.

При этом, чем дальше на запад передвигались массы степняков, тем более сильное влияние на их образ жизни оказывали новые социальные и культурные факторы. Предки печенегов, узов (торков) и куман (половцев) двигались на запад главным образом в поисках пастбищ и под давлением более сильных соседей. Сами же представители этих народов перемещались на Балканы через Буджакские степи, попутно осваивая новые технологии и более передовые для средневековья навыки жизни.

Зарождение кочевничества не вполне корреспондирует с временем доместикации лошади. Вероятнее всего, кочевой способ жизни просуществовал около трёх тысячелетий, если финишной чертой считать хорошо известный нам насильственный перевод кочевых казахов и некоторых других народов на оседлость в первой половине XX в.

«На протяжении десяти веков, – свидетельствуют специалисты, – несколько волн всадников выходило из Азии через широкий проход между Уралом и Каспийским морем, пересекая открытые пространства юга России, и, оседая в Венгрии, попадало в самое сердце Европы» [Макиндер, 2003, с. 16; Головнев, 2009, с. 156-157]. Расцвет кочевничества, по-видимому, датируется XIV в. [Гумилёв, 1993, с. 511].

После выхода в свет трудов С. А. Плетнёвой, Г. А. Фёдорова-Давыдова, Г. Е. Маркова, опиравшихся в явной или в имплицитной форме на материалы ранних публикаций И. Самчевского, П. В. Голубовского, В. Г. Василевского, В. А. Городцова, В. Г. Ляскоранского и некоторых других исследователей, а также на серию публикаций Д. А. Расовского, особенно специально посвящённых материальной культуре чёрных клобуков, в науке окончательно утвердилось мнение, что носителями этой культуры были тюркоязычные печенеги, узы (торки).

Сопоставление археологического инвентаря поросских погребений с причерноморскими, приднепровскими и далее с добруджанскими свидетельствует о последовательном сокращении оружейного материала и предметов конской упряжи и нарастании керамики и монет византийского происхождения. Исходя из результатов применения этого социологического, а точнее археолого-статистического методического приёма, напрашивается противоречивая, относительно спорная, но по-своему стройная схема для подтверждения генетического родства переселенцев и, следовательно, нарастания убедительности восприятия средневековых кочевников в качестве вероятных предков гагаузов и обоснования исходного этнокультурного родства современных гагаузов с их вероятными кочевыми предками.

При переходе на оседлость существенно меняются ролевые функции женщины. Из спутницы кочевника она превращается в хозяйку домашнего очага. И хотя в пору оседания на Балканах она трудится в поле, на огороде и на винограднике не меньше, чем мужчина, все же львиная доля дополнительной сверхработы дома ложится на её плечи. Преобразования гендерных взаимоотношений при переходе на оседлость приводят к новой модели по

схеме: мужская подвижность, связанная с добыванием средств к существованию, и женская оседлость, в известной степени обусловленная деторождением и заботой о домашнем очаге. Для мужчины она становится, с одной стороны, целью восхищения, возвращения, а с другой – целью порабощения и угнетения.

«История рассталась с кочевниками, так и не сумев их толком понять и описать. Оседлая культура иначе, чем кочевая, осваивает пространство, прокладывает дороги, видит мир. Даже самые масштабные движения, включая “великие переселения”, в истории передаются серией сменяющих друг друга статичных оттисков событий. Кочевник интересен историку не на просторе степей, а под стенами осаждённого города, воин не в пылу битвы, а в позе побеждённого или победителя. История-наука унаследовала от иноков-летописцев неприязнь к кочевникам, и исследователи до сих пор смакуют мгновения триумфа, когда в XVIII в. цивилизации Китая, России, Индии и Ирана положили долгожданный конец могуществу кочевого мира. Для оседлого историка крупное передвижение – эксцесс, разрыв событийной ткани, а кочевой народ – историческое антитело, бич божий» [Головнев, 2009, с. 6].

Исходя из установленного медиевистикой известного единообразия евразийского кочевничества, в данной работе наряду со специальным вниманием к сведениям о печенегах, узях (торках) и куманах (половцах) мы порой обращаемся к культурному наследию, точнее к культурным следам и другим кочевников с типологически сходными чертами кочевого образа жизни.

Изучая формы и способы ведения кочевого хозяйства, разделения труда, хозяйственную и общественную структуру, формы собственности на скот и формы пользования пастбищем у кочевников Азии, Г. Е. Марков сосредоточил внимание на монголах, казахах, туркменах и арабах, олицетворяющих «собой народы различных частей и районов Азии» [Марков, 1976, с. 6].

В исследовании, посвящённом выявлению исторических закономерностей в эволюции кочевничества в евразийских степях, С. А. Плетнёва, по ее словам, вслед за этнографами по географическому и хозяйственному признакам выделила несколько крупных регионов бытования кочевничества, в том числе североафриканский-переднеазиатский, африканский, евразийский, тибетский, североазиатский [Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 3-16; Вайнштейн, 1973; Плетнёва, 1982, с. 10].

Печенеги и узов (торков) подталкивали на Запад генетически родственные куманы (половцы), которых, в свою очередь, после поражения в битве на Калке заставили передвигаться из причерноморских степей на равнины Паннонии и на Балканы могущественные основатели Монгольской империи. Мотивами переселений было, наряду с поиском новых пастбищ, желание грабить и убивать, а также отчаянное стремление сохранить свою жизнь. Мотивированное передвижение кочевников по бескрайним степным просторам происходило под влиянием внутренних и внешних импульсов. По свидетельству восточных источников, «печенеги владеют стадами; у них много коней и баранов, а также много золотой и серебряной посуды, много оружия. Они носят серебряные пояса» [Заходер, 1967, с. 74; Толочко, 2003, с. 61].

Сполохи несостоявшейся государственности вероятных предков

Неоднократные массовые переселения тюркоязычных кочевников на Балканы и интенсивное, активное участие в политической и военной истории Болгарии и Византии, казалось бы, могли стать основой для создания собственной государственности. Однако вплоть до XIII в. этого не случилось. Перечислим наиболее заметные следы тюркских кочевников в средневековой истории народов Юго-Восточной Европы.

Для гагаузов, как и для других этнических сообществ, реальных или воображаемых, культура – это судьба. И хотя от судьбы не уйдёшь, надо понимать её истоки и использовать те шансы и преимущества, которые она даёт для распознавания образа народа. Кочевое прошлое может нравиться или не нравиться, но при этом нельзя делать вид, что его (кочевого прошлого) не существовало. Нельзя игнорировать следы культуры, её запреты и ограничения, её вольности и подвижности. Соционормативная культура народа, подпитанная прошлыми традициями, на каждом историческом этапе создает и поощряет одни модели поведения, разрушая и подавляя другие, обретает новые и отменяет устаревшие.

Если Господь благословил гагаузов быть православными и быть гагаузами, значит, так тому и должно было быть.

В одном из исторических сочинений византийского хрониста Патриарха Никифора Константинопольского «Бревнарий» («Краткая история», содержащая сведения об истории с 602 до 769 г.) содержится краткое описание вселения протоболгар в северо-восточную часть Балкан, как раз на те земли, откуда через десять столетий гагаузы переселились в Буджакскую степь.

«Переправившись через Истр (Дунай – М. Г.), – сообщил Патриарх Никифор Константинопольский о булгарах, переправившихся через Дунай под руководством Аспаруха, одного из пяти сыновей болгарского хана Коврата, – булгары располагаются у так называемой Варны, поблизости от Одисса и лежащего выше материка, увидев, что это место укреплено и защищено со всех сторон рекой и недоступностью. Они подчиняют живущие поблизости славянские племена и одним из них поручают охранять [области], прилежащие к аварам, другим – смотреть за соседними с ромеями [землями]. Укрепившись и умножившись благодаря этому, они нападают на села и города Фракии и опустошают их» [Липшиц, 1950, с. 349-387; Унгуоров, 1980, с. 145-184; Бибииков, 2009, с. 128].

В основе неспособности кочевников создать долговременную, самостоятельную государственность лежала такая идея, когда сильная личность всадника с конем и луком компенсировала дефицит доверительности и солидарности. К тому же слабый опыт коллективизма в степной жизни затруднял самоопределение, самоорганизацию и самоуправление.

Перед тем, как обосноваться в окрестностях Варны, булгары, как свидетельствовано в византийской хронике, переправились сначала через Днепр и Днестр, поселились у Истра (Дунай – М. Г.), «достигнув места, удобного для поселения, сурового и неприступного для противника, называемого на их (булгар – М. Г.) языке Онглом (?). Спереди оно было укреплено непрохо-

димыми болотами, сзади – ограждено неприступными кручами» [Бибииков, 2009, с. 127].

Для определения дальнейшей судьбы протоболгар обратимся к первоисточнику: «...Укрепившись в северо-восточной части Балкан [в окрестностях Варны – М. Г.] и возвысившись, они (протоболгары) опустошали и нападали на области и города Фракии. Императору же, видевшему это, пришлось заключить с ними договор об уплате им дани» [Великая Степь..., 2005, с. 714-715].

Византийский император попытался покорить булгар, но, не справившись с такой задачей, согласился платить дань, заключив об этом с ними договор. Сам по себе факт незначительный, но свидетельствует о том, что имперская власть вынуждена была считаться с булгарами как с серьёзным образованием. Основы горизонтальных передвижений кочевников и их этнополитики при встрече с очередным населением коренились в формировании такой этнически неоднородной «семьи народов», которая создавалась на базе подавления, усмирения и иерархии.

Сами по себе степные кочевники не в состоянии были длительное время иметь собственную государственность. Тем не менее, они принимали порой более чем активное участие в создании государственности вместе с каким-либо местным оседлым населением. Примерам несть числа... В чем дело?

Дело в том, что, по мысли Н. Н. Крадина, поддержанной А. В. Головневым, «Потребность кочевников в государственности не была внутренне необходимой. Сложная иерархическая организация власти в форме “кочевых империй” и подобных им политических образований развивалась у кочевников только в тех регионах, где они были вынуждены иметь длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами» [Крадин, 2004, с. 90; Головнев, 2009, с. 184].

Вопрос о ранних формах государственности у вероятных предков гагаузов продолжает оставаться открытым. Оказавшись в XIII в. в составе Золотой Орды, остатки печенегов, узов (торков) и кочевые массы куман (половцев) в силу большей численности по сравнению с завоевателями-монголами, сохранили себя как кочевые народности и административные деления улусной системы шли по линии традиционных границ межэтнического характера, сложившихся между массами кочевников ещё в предмонгольское время [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 248].

Однако опыт, приобретаемый тюркоязычными кочевниками в ходе их взаимоотношений с Киевской Русью и позднее в составе Золотой Орды, не пропал, а становился частью их культурного наследия. Можно указать на две типологически сходные тенденции в историческом развитии тюркоязычных степняков, с одной стороны, оставшихся на территории южнорусских степей и попавших под влияние ислама, а с другой стороны, переселившихся в Паннонию и на Балканы и окончательно утвердивших себя в христианстве.

Суть каждой из типологически сходных закономерностей состояла в том, что монгольское завоевание прервало практику племенных и предгосударственных делений, которая прикрывала развитие вероятных предков гага-

узов по пути феодализации и самостоятельного государствообразования и ставило тюркоязычное население обеих Куманий – и Белой и Чёрной – на путь восприятия улусной системы как особой формы государственности в государстве.

XV в., согласно археологическим данным и прежде всего итогам исследований Г. А. Фёдорова-Давыдова, стал веком «исчезновения курганных обрядов и погребений и всего связанного с ними культа...». Дело, очевидно, – как отмечал учёный, – в трансформации самих кочевников. «Процесс смешения кочевников Дешт-и-Кыпчака и сложения новых кочевых образований, начавшийся в XIII в., получил своё завершение в XV в. И действительно, в XV в. нет половцев-кыпчаков в старом смысле. В Большой орде кочуют “татары”, в Астраханских степях население также называется “татарами”, в восточной части Золотой Орды известны казахи, узбеки и мангыты-ногайцы» [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 248].

У части тюркоязычных кочевников, ведущих полукочевой образ жизни и оседающих ещё в предмонгольский период в пределах Киевского княжества, особенно в Поросье, в связи с начавшимся процессом классообразования и формирования зачатков государственного самоопределения, ускорились трансформационные преобразования культуры и быта.

Уменьшение доли кочевнических погребений в Поросье связывается с процессами XII в., когда теснимые куманами (половцами) полуосевшие печенеги, узы (торки), уже номинированные собирательным термином-этнонимом-политонимом-топонимом, стали переселяться на восток, в районы Поволжья, и на запад, в районы Буджака, Паннонии и Балкан.

Среди тюркоязычных кочевников, покидающих южнорусские степи в западном направлении, трансформационные процессы этничности, то есть культуры и быта, происходили в относительно ускоренном темпе. Археологические данные служат тому свидетельством и подтверждением. «Значительные массы печенегов, – утверждает Г. А. Фёдоров-Давыдов, – изолированными группами, главным образом в XI в., пересекают Дунай и кочуют в Подунавье». «Но курганных погребений этих кочевников, – авторитетно заявляет он далее, – мы не знаем. То же можно наблюдать и относительно половцев. Бежавшие в XIII в. в Паннонию от монголов, отдельные половецкие объединения сразу же утратили свой обряд погребений, в то время как в южнорусских степях в массе, несмотря на монгольское завоевание и те перемещения в степи, которые это завоевание вызвало, они сохранили все основные черты своего обряда» [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 248].

В отличие от собратьев, оказавшихся под монгольским владычеством и воспринявших в монгольское время лишь внутригосударственные (улусные) навыки государственного устройства, на западе кочевники приняли самое активное участие в образовании Болгарского государства и в формировании политического устройства Венгрии. Здесь они потеряли прежние этнонимы, перестали хоронить своих единоплеменников в курганах, но тем не менее сохранили ряд особенностей в системе жизнедеятельности и в отдельных элементах культуры.

Пища и напитки кочевников

Константин Багрянородный, хорошо осведомленный о печенегах (пачинакитах) X в. и написавший один из основных источников по их истории, более всего был озабочен накоплением сведений о кочевниках Причерноморья в связи с политическими практиками своей страны. Стратегические отношения с тюрками и сведения о военном потенциале и возможности их использования для охраны границ империи его волновали больше, чем этнографические особенности их повседневного кочечевого быта. Поучительная и дипломатическая сторона дела императора интересовала сильнее, чем одежда, пища и украшения печенегов.

Культ служения своей государственности для автора «Об управлении империей» был важнейшим принципом, определяющим деятельность политической элиты Константинополя, «царицы городов всего мира». Своему сыну он настойчиво внушал простую мысль: «Пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, и росы (русские – М. Г.), и турки (венгры – М. Г.) не могут нападать на державу ромеев... Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю» [Константин Багрянородный, 1991, с. 39].

«В научной литературе, – как пишет известная исследовательница питания и напитков в системе жизнеобеспечения гагаузов, Д. Е. Никогло, – нет никаких свидетельств об употреблении гагаузами кумыса» [Никогло, 2008, с. 319].

Что касается употребления кумыса, то, вероятно, так оно и есть. Однако до и во время депортации, в Сибири на рубеже 1940–1950-х гг. XX в. мне неоднократно приходилось слышать о существовании такого напитка, и, в частности, о том, что в представлениях гагаузов перебродившее кобылье молоко обладает целебными свойствами. Во всяком случае, кумыс считался особенно полезным для излечения от туберкулеза и прочих легочных заболеваний.

«Кобылье молоко, – уверенно свидетельствует Плато Карпини, – если оно у них (кочевников – М. Г.) есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко... Зимой у них нет даже и кобыльего молока, если они небогаты» [Плато Карпини, 1997, с. 42].

Двинувшись в 1245 г. из Лиона через Кельн и Краков в Киев, один из великих путешественников средневековья Плато Карпини имел возможность наблюдать представителей тюркоязычных кочевников, частично кочующих, частично перешедших на оседлость в пределах Киевской Руси и далее на восток, вплоть до Ургенча и Шара-Орды. И хотя представленная им картина питания средневековых кочевников явно грешит преувеличением варварского (первобытного) начала, есть в ней информативно важные моменты, весьма интересные для проведения современных этнокультурных параллелей.

О возможном употреблении кумыса варненскими гагаузами в конце XIX в. впервые упомянул знаменитый чешский историк и дипломат Константин Иречек. Во время научных экспедиций в гагаузские поселения летом 1884 г. он записал со слов местного авторитетного знатока истории Северо-Восточ-

ной Болгарии, инспектора училищ Милана Радивеева содержание «заячьей игры», входящей в репертуар свадебного обряда гагаузов.

«Во время свадьбы исполняется так называемая “заячья игра” (“таушан уюну”). Один из молодых участников этой игры наряжается в дублёнку, надетую наизнанку, привязывает символические чехлы к ушам и подпрыгивает подобно зайцу под звуки гайды. Второй участник обращается к музыканту со словами: “Пъркълдат, балам, пъркълдат!” («Играй, сынок, играй!»). Третий участник поддерживает зайца: «Джирт, балам, джирт» («Держись, сынок, держись»). Третий общается к гостям с предложением выпить вина: “Не вереем сана? Шараб истермисин?” (“Чего тебе дать? Вина хотите ли?”). Ответ гласит: “Вина не хотим, дайте мне кумыс” (“Шараб истенем, къмъс вер бана”))» [Иречек, 1974, с. 891-892].

Здесь же К. Иречек поясняет, что, во-первых, кумыс – это кислое молоко, обычный напиток татар, а, во-вторых, по ходу игры немедленно гости начинают искать «кос» и «шитлаук» (орехи и фундук). Сами варненцы, по свидетельству К. Иречека, считают эти слова не турецкими, а татарскими, и полагают при этом, что они были известны издавна, еще до недавнего переселения крымских татар в Северо-Восточную Болгарию. Более того, гагаузы связывают значения этих слов со старинным обычаем. К. Иречек допускает, что приведённые слова представляют собой следы говора той части тюркского населения, которое не подверглось турецкой ассимиляции во времена османского господства. При этом внимательный и вдумчивый чешский академик аргументирует свою гипотезу тем, что слово *бала* означает в языке среднеазиатских тюрков «дитя», а слово *читлаук* в смысле «орех» встречается в известном словаре «Codex Cumanicus», относящемся к XIII в.

Пересказывая содержание «заячьей игры» варненских гагаузов, записанное К. Иречек, болгарский учёный Атанас Манов добавляет от себя ещё один знаменательный пассаж. «Вышеописанная игра, – пишет Атанас Манов, – по сути не гагаузская, а татарская игра, – и тем самым свидетельствует о наличии в некие времена непосредственных гагаузско-татарских контактов» [Манов, 1938, с. 39; См. также: Никогло, 2008, с. 320].

Поскольку при этом предположение о наличии плотных гагаузско-татарских контактов не подтверждается ни одним аргументом, с таким же успехом можно предположить, что «заячья игра» не заимствована, а была знакома вероятным предкам гагаузов до их контактов с крымскими татарами. В этой связи гораздо более ценным представляется приводимая тут же информация Атанаса Манова о том, что среди варненских гагаузов бытовало воспоминание об имевших место в прошлом гонениях со стороны татар. Не случайно, поясняет Атанас Манов, «человеку, который спешит, гагаузы говорят: “Не алатлайорсун? Татарлар мъ ковалайор?” (“Какво бързаш? Татарите ли те гонят?”) (“Чего торопишься? Татары, за тобой гонятся, что ли?”))» [Манов, 1938, с. 39; Никогло, 2008, с. 320].

Создаётся впечатление, что Атанас Манов недооценил исторический смысл чрезвычайной информативности обнаруженного им пассажа, имеющего характер скорее полевого, чем кабинетного наблюдения. Дело в том, что

истории неизвестно, чтобы вероятные предки гагаузов или сами гагаузы когда-либо убежали под напором крымских татар, спасая свои жизни. Тем более, что, по сообщению Атанаса Манова, гагаузы имели смутное представление о Крыме: «Гагаузите иматъ смьтно понятие за Кримъ» [Манов, 1938, с. 89].

Совсем иной смысл приобретает эта крылатая фраза, если вспомнить, что все трое великих путешественников XIII в. – Плано Карпини, Гильом де Рубрук и Марко Поло [Сто великих путешественников, 2007, с. 34-47], сумевшие пересечь евразийские степи, продвигаясь по территории Золотой орды, именовали разноязычное и многоэтническое население этой кочевой империи татарами. В действительности большая часть населения была не монголо-, а скорее тюркоязычной.

Это дает основание предполагать, что варненские гагаузы вплоть до начала XX в. не только употребляли кумыс как традиционный напиток своих вероятных предков – печенегов, узов (торков) и куман (половцев), но сохранили память о бегстве от татар, то есть о спасительном продвижении на запад под давлением татаро-монгольских завоевателей.

Питательные и целебные свойства кумыса как традиционного напитка причерноморских кочевников были хорошо известны автору «Истории Российской» В. Н. Татищеву. «Лошадиное молоко, татарский кумыс, калмыцкий чиган, – объяснял он в «пояснениях» к своему тексту, – есть их лучшее питье, и подлинно сильно тучит, а особенно для горячего желудка весьма полезно, и, кто привыкнет, не противно, но холодному желудку из-за кислоты вредительно. Напротив, таким, а особенно к чахотке склонным, пресное молоко много полезно, что я довольно испытал» [Татищев, т. 1, 2005, с. 142].

Накануне вселения гагаузов в Буджак в его степях кочевали и частично оседали их генетически дальние родственники – ногайцы. Букет их вероятных предков, так же как и у гагаузов, был не менее загадочен и состоял, судя по историческим и лингвистическим данным, из уйсун, уйгуров, найманов, керейтов, кыпчаков (половцев), дурменов, катаганов, кунграгов, мангытов, кенегесов, канглы, асов, болгар и других [Народы России, 1994, с. 256].

Что касается смысловой нагрузки этнонимов *буджакские ногайцы* или *буджакские татары*, то их содержание было наполнено скорее географическим, чем этнокультурным содержанием. Ногайцы проживали в Буджаке около трёх столетий, если отсчёт времени вести от начала XVI до конца XVIII вв. [Кочекаев, 1988, с. 107; Трепавлов, 2001, с. 449-452].

Среда обитания и культурное наследие, сходные с жизнедеятельностью вероятных предков гагаузов, обуславливали совпадающие этнокультурные параллели. Турецкий чиновник, много лет состоявший секретарём арсенала и финансовой канцелярии в Хотине, в анонимной «Хронике», написанной в 1740 г., отмечал: «Любимая еда татар – конское мясо... Зажиточные татары вместо воды пьют кобылье молоко, закисленное в течение двух дней какой-то закваской. Этот напиток называется кумыс. Им нравится и буза, которая всегда подаётся на свадьбах и празднествах» [Губоглу, 1964, с. 152]. Буза, или буза, – кисловатый напиток вроде браги, полученный в результате брожения, изготавливаемый из проса [Губоглу, 1964, с. 157].

В середине XIII в., по наблюдениям Плано Карпини, татары (в источнике этнически неноминированные степные кочевники) «варили просо с водой, размельчая его настолько, что могли не есть, а пить» [Плано Карпини, 1997, с. 42].

Великий путешественник средневековья не оставил записи о названии этого полублюда или полунапитка, и не определил конкретно, кто из тюркоязычных кочевников – печенеги, узы (торки), куманы (половцы) или даже монголоязычные племена – его изготавливал. Принципиальное значение этой записи в знаменитом средневековом источнике состоит в том, что по составу и технологии изготовления оно совпадает с продуктом, хорошо известным гагаузам в XIX в. и употреблявшимся вплоть до середины XX в. [Мошков, 2004, с. 393; Берг, 1918, с. 145; Никогло, 2008б, с. 313-314; Губогло, 2008а, с. 181].

«Этот напиток, – свидетельствовал В. А. Мошков на рубеже XIX и XX столетий, – варится или из кукурузной муки, или из проса, которое нарочно для этого сеется. Приготавливается этот напиток вроде нашего кваса, то есть мука заваривается горячей водой, закисает и т. д.» [Мошков, 2004, с. 393].

Не исключено, что бозу в XVII в. готовили не только из проса. Евлия Челеби, посетивший в 1659 г. город Яссы, столицу тогдашней Молдавии, характеризуя торговые ряды и базары, состоящие из «двух тысяч шестидесяти лавок», упоминает, наряду с медовыми напитками, ароматными винами, горилкой, различными сортами водки, «овсяный и ржаной напиток». Каждый из этих безалкогольных напитков напоминает квас или бозу [Челеби, 1961, с. 181].

Приготовление бозы в средние века и в новое время получило широкое распространение на Балканах. Особую популярность этот напиток приобрёл в Османской империи, где одно время он был включён в рацион янычаров. По некоторым сведениям, в XVI в. в бозу стали добавлять опиум. Однако турецкий султан Селим II (1566–1574 гг.), известный последующим поколениям как «горький пьяница», своим указом запретил употреблять опиумную бозу, названную в народе «тартар-боза».

Несмотря на неоднократные султанские запреты, употребление бозы продолжалось. Так, например, Евлия Челеби сообщал, что в середине XVII в., только в Стамбуле насчитывалось около 300 мелких пивоварен, в которых более 1 000 человек было занято в процессе приготовления бозы. В XX в. Болгария стала претендовать на центр по промышленному производству бозы [<http://www.selenabg.com/index.php>].

Пётр Мутафчиев, вероятно, дважды ошибался, считая, во-первых, бозу «татарским изобретением», несмотря на то, что этот напиток, по свидетельству Плано Карпини, был хорошо известен средневековым тюркам еще в XIII в., а их вероятным потомкам гагаузам – в XIX в., во-вторых, он ошибочно называл его «национальным албанским напитком», а албанцев – самыми знаменитыми мастерами по изготовлению бозы среди балканских народов [Мутафчиев, 1973, с. 742].

Семья, женщина и семейные отношения

Не углубляясь а характеристику повседневного быта печенегов, Константин Багрянородный, тем не менее, неоднократно ворчит по поводу по-

дарков и украшений, выпрашиваемых печенегами в качестве дополнительных даров для своих женщин и родителей. «Эти самые пачинакиты, будучи ненасытными и крайне жадными до редких у них вещей, – сетует с раздражением византийский император, – бесстыдно требуют больших подарков: заложники домогаются одного для себя, когда Василик (посланник императора – М. Г.) вступит в их страну, они требуют, прежде всего, даров василевса и снова, когда ублажат своих людей, просят подарков для своих жён и своих родителей» [Константин Багрянородный, 1991, с. 43].

Не пытаясь брать на себя грех по проведению прямых этнокультурных параллелей между ментальностью печенегов X в. и гагаузами XX в., всё же возьму на себя смелость напомнить об особом пристрастии гагаузских женщин к украшениям и подаркам и особом почитании родителей. И то и другое неоднократно отмечалось в отечественной и зарубежной литературе.

О красоте и храбрости куманских женщин ходили легенды, в том числе передаваемые из поколения в поколение со времён скифов Геродота, хотя в новейших комментариях указывается, что у Геродота нет такого рассказа о скифянках. Это означает, что данный пассаж Евстафий Солунский, живший в 1125–1193 гг., мог услышать о «скифах» своего времени, когда по греческой традиции этот этноним относили к тюркоязычным народам на северных границах Византийской империи.

Повесть Феофилакта Болгарского подтверждает свидетельства более ранних источников об участии степных красавиц порой в боях вместе с мужчинами: «Некие скифские женщины, видя, что их мужья без оглядки бегут с поля битвы, подняли подола и сказали: “Куда вы бежите? Или хотите спрятаться туда, откуда вышли?” Вследствие этого мужья, устыдившись, ободрившись и, возобновив битву, одержали победу...» [Великая Степь..., 2005, с. 955].

Между прочим, у Геродота говорится: и у савроматов женщины, надев мужскую одежду, участвуют в войнах, более того, «вместе с мужьями и даже без них они верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами» [Геродот, 1972, с. 216].

Анна Комнина упоминая о том, как во время битвы с печенегами сын одного из сподвижников византийского императора Мигидина «стремительно набросился на печенегов, но был пойман и схвачен скифянкой (печенежкой – М. Г.), и железным серпом его затащили к скифским (печенежским) повозкам» [Великая Степь..., 2005, с. 868].

Наравне с мужчинами печенежские женщины принимали участие в военных действиях и в добывании выкупа за пленных врагов. В том же источнике говорится о том, что «император выкупил отрубленную голову его (Мигидина – М. Г.) сына».

О реальном участии женщин тюркских кочевников в войнах свидетельствуют не только византийские источники, но и памятники сохранившейся материально-художественной культуры куман. На одном из каменных изваяний, хранящемся в Николаевском историко-краеведческом музее, можно видеть сочетание изображенных на статуе женских и мужских вещей. С одной

стороны на голове у «каменной бабы» плоская шляпа, в ушах – серьги, на шее – гривны, а с другой стороны – грудь ее по-мужски подтянута и, как у мужчин, прикрыта нагрудными бляхами. На поясе справа висит колчан, а слева – сабля» [Плетнёва, 1974, с. 74, 107; табл. 70, с. 186].

Сведения средневековых источников об участии женщин тюркоязычных кочевников в военных действиях приобретают особый смысл и важное значение в понимании того, откуда в современном фольклоре их потомков – балканских гагаузов – до настоящего времени поётся о девушке Тудорке, которая, одевшись мужчиной, поступила на военную службу, спасая любимого отца.

En küçük kıızı Tudorka demiş: Tate, ne düşünüyorsun? Bân olacam bir çocuk Da gidecâm senin erina. Na, be tati, demiş – Yaarın git, pazara, Alasın bana bir beygir Ama biyaz olsun... Todur – çorbacı seslemiş Tudorkayı, Gitmiş almış bir biyaz beygir. Tudorka... Gitmiş askerâ. (?) durmuş askerdâ.	Самая младшая дочь Тудорка сказала: – Отец, о чем ты думаешь? Я стану парнем И пойду вместо тебя. Давай, отец, – сказала она, – Завтра пойди на базар, Купи мне одну лошадь, Но чтобы была белой масти... Тодур-хозяин послушал Тудорку, Пошел купил белую лошадь. Тудорка... Пошла на военную службу, (?) пробыла на военной службе.
---	---

*(Записано в Болгарии у
К. П. Великовой)*

[Квилинкова, 2007, с. 777]

(Перевод Е. Н. Квилинковой)

Сам этот фольклорный факт если не опровергает, то по крайней мере смягчает категорическое суждение о том, что «гагаузская женщина фактически находилась в бесправном положении» и «должна была беспрекословно подчиняться не только мужу, но и свекрови» [Квилинкова, 2007, с. 353-354].

Из книги в книгу кочует литературная метафора о том, что муж мог впрягать жену в плуг и пахать на ней. Между тем, по наблюдениям Е. Н. Квилинковой, после смерти дедушки главой семьи становилась бабушка, и «все домочадцы должны были беспрекословно подчиняться ей» [Квилинкова, 2007, с. 357].

Межэтнические браки

Изучение межэтнических браков, как первопричины, как фактора и одновременно как результата, последствия процессов межэтнической интеграции, занимало важное место в предметной области советской этнографии

накануне развала Советского Союза. В постсоветский период интерес к этой проблематике несколько угас, хотя и были защищены несколько диссертаций, в том числе на соискание учёной степени доктора исторических наук [Столярова, 2004].

Между тем исследование этой существенной составляющей феномена социальной и этнодемографической жизни имеет важное значение не только для современности, но и для постижения сути интеграционных процессов и межэтнических отношений средневековья, в том числе для выявления характера взаимоотношений между населением Киевской Руси и южнорусскими кочевниками, а также выяснения этнокультурного облика вероятных предков гагаузов.

Непременным атрибутом ритуальной практики в драматургии гагаузской свадьбы в XIX–XX вв. был синкретизм: сочетание языческих и православных обрядов [Мошков, 2004, с. 101-132; Губогло, 2008, с. 459-461].

Этнокультурные ассоциации и параллели легко обнаруживаются в одном из куманских (половецких) образов, проникшем в русский эпос. Добрыня Никитич, как известно, встретил «поляницу», то есть женщину-богатыря в «чистом поле». Это было вполне естественным, так как «поляницей» могла быть не русская девушка, а половчанка (куманка). Победенный ею Добрыня Никитич вынужден был согласиться жениться на ней и привезти куманчанку (половчанку) в Киев. Иными словами, как подчеркивает С. А. Плетнёва, тюркоязычная степная невеста русского богатыря «прошла обычный путь девушки-половчанки, взятой из степи замуж за русского князя или просто воина» [Плетнёва, 1990, с. 68].

Известная исследовательница истории и культуры южнорусских кочевников не без оснований предполагает, «что не только Добрыня, но и все привозившие жён из степи проходили сначала через языческий свадебный обряд, а по прибытии на родину – подтверждали его церковным браком» [Плетнёва, 1990, с. 68-69].

Согласно летописным сведениям, заключение межэтнических браков играло немалую роль в дипломатических отношениях тюркоязычных степняков с правящими кругами Руси. Так, например, мир, заключенный в 1107 г. между куманами (половцами) и русскими князьями Владимиром, Давыдом и Олегом, был дополнен заключением династических браков. Владимир Мономах женил сына Георгия (будущего Юрия Долгорукого) на дочери половецкого хана Аяны. Она приходилась внучкой известного куманского хана Асеня [ПВР, 2007, с. 120, 258]. Не исключено, что родоначальники династии Асеневицев, братья Асень и Петр, основатели Второго Болгарского царства (1187–1396 гг.) [Златарски, 1933, с. 7-48; Ср.: Николаев, 1944; Ангелов, 1946–1947, с. 374] имели какое-то родственное отношение к куманскому объединению, во главе которого 8 десятилетий ранее стал куманский хан Асень [Мутафчиев, т. 2, 1973, с. 164-165]. Одновременно Черниговский князь Олег Святославович женил своего сына на внучке другого куманского хана – Гиргина [ПВР, 2007, с. 120, 258]. Ещё через некоторое время, в 1117 г., Владимир Мо-

номах породнился с известным половецким ханом Тугорканом, взяв в жены своему сыну Андрею его внучку [ПВР, 2007, с. 268; Плетнева, 1990, с. 68-69].

Процессы межэтнического смешения менее всего были вызваны психологическими или идеологическими факторами. Они несли в себе объективный заряд, вызванный энергетикой обыденности, совместным проживанием, схожими условиями жизни, более или менее общими элементами культуры, в немалой степени связанной с кочевнической цивилизацией. Об их «натуральном», естественном протекании может, в частности, свидетельствовать тот факт, что Византийский император Константин Багрянородный в своем знаменитом трактате «Об управлении империей», выступал категорически против межэтнических смешений. «Поскольку каждый народ имеет различные обычаи, разные законы и установления, – наставлял он своего сына Романа умеренно вести дела с другими народами, – он должен держаться своих порядков и союзы для смешения жизней заключать и вторить внутри одного и того же народа. Ибо подобно тому, как любое живое существо вступает в сношения с ему однородными, так и у каждого народа стало правилом вступать в брачные сожителства не с иноплеменниками и иноязычными, а с людьми того же рода и того же языка. Именно поэтому установилось и существует единомыслие друг с другом, взаимопонимание, дружеское общение и сожителство; чуждые же нравы и отличные узаконения обыкновенно порождают враждебность, ненависть и ссоры, что помогает возникновению не дружбы и единения, а вражды и раздоров» [Константин Багрянородный, 1991, с. 63].

Идеологическая по форме и политическая по содержанию доктрина византийского императора, перенасыщенная биологизмом, отнюдь не соответствовала реальной этнокультурной ситуации, в которой полным-полно было примеров кросскультурного сближения народов, в том числе путем заключения межэтнических браков. Более того, сам Константин Багрянородный, как считают Г. Г. Литаврин и В. П. Шушарин, был женат на армянке (или, во всяком случае, на полуармянке) Елене, дочери Романа I. Иными словами, в его жилах и в жилах его детей текла толика армянской крови [Константин Багрянородный, 1991, с. 346].

Во времена Киевской Руси межэтнические браки с властительными династиями Европы служили важным фактором и показателем международного авторитета и положения государства. Так, например, супруга Ярослава Мудрого была дочерью шведского короля, один из его сыновей сочетался браком с представительницей византийского императорского двора, трёх своих дочерей он выдал за королей Норвегии, Венгрии, Франции [Оболенский, 1998, с. 461].

Пройдет много веков, и этот характерный этногенетический процесс на уровне продвинутой части гагаузского населения проявит себя во второй половине XX в. Он найдет воплощение в заключении межэтнических браков творческой, научной и административной гагаузской элиты с представителями негагаузской национальности.

Иными словами, формирование тюрко-славянского симбиоза, утвердившегося в современном менталитете гагаузов в форме устойчивых психоло-

гических установок и особого их благоволения к культурным ценностям и цивилизационному достоянию русского и других народов России, происходило, не прерываясь на протяжении целого тысячелетия. Не случайно этот наработанный веками культурный вектор через связь времён и деление эпох сказывается на рубеже второго и третьего тысячелетий на проявлении особой приверженности гагаузов к русскому языку и русскоязычной культуре.

«Певцом» тюрко-славянских межэтнических браков, заключённых во времена Киевской Руси, выступил казахский поэт Олжас Сулейменов в сильно нашумевшей книге «Аз и Я» [Сулейменов, 1975]. Он вызвал бурный огонь на себя тем, что наступил на большую мозоль российской и советской историографии, старательно замалчивающей мирные межкультурные контакты между кочевыми тюрками и оседлыми славянами.

Между тем сам феномен межэтнических браков, как одна из практик и граней межэтнического смешения, лежащего в основе этнической истории гагаузов и их этнического самосознания, скорее не исключения и не уникальные явления, а правило, и едва ли не закономерность.

Так, например, предки современных турок, после переселения в пределы Византийской империи вместе с оседлыми греками относительно легко приспособлялись к совместной жизни. По свидетельству известного знатока истории османов и Османской империи Лорда Кинросса, «смешанные браки между греками и турками стали обычным делом, что способствовало зарождению и развитию нового смешанного общества» [Лорд Кинросс, 1999, с. 35].

И хотя Лорд Кинросс (Патрик Бальфур) более известен как писатель, журналист и историк, чем этнолог, тем не менее, его текст вполне может быть принят в качестве этнологического сочинения. Резюмируя итоги адаптации кочевых тюрков к условиям жизни в Малой Азии, он, в частности, отмечал: «Вскоре стало очевидным, что османские турки не были больше простыми кочевниками, а превратились в оседлых жителей гористого северо-западного угла Малой Азии. Они менялись вместе со временем в пределах, отведенных для них их собственной пограничной цивилизацией, основывавшейся на разновидности народной культуры. Составленная из элементов азиатского и европейского происхождения, мусульманства и христианства, турок и тюрков, кочевников и оседлых жителей, она была прагматичной в своем мировоззрении и свободной от более ортодоксальных культурных и социальных ограничений феодальных турецких княжеств, лежавших к востоку. Возникшее общество стало прототипом общества, призванного наследовать Византию, и трансформировать это наследство. Именно так империя турок-сельджуков заполнила вакуум, оставленный империей арабов. Именно так в свое время Византия наследовала Риму» [Лорд Кинросс, 1999, с. 35].

По мнению академика В. Тишкова, «процесс межэтнического смешения происходил в годы советской власти и будет происходить в будущем» [Тишков, 2009, с. 26, 73-89].

Восхождение в православие

Принципиальное значение при определении ключевых моментов в этнической истории вероятных предков гагаузов имеет наблюдение Констан-

тина Иречека о том, что изначальный тюркский язык гагаузов значительно древнее, чем принятое ими христианство [Иречек, 1974, с. 892].

Относительно редкое сочетание лингвонима и профессиональности, то есть тюркоязычия и православия, в культуре гагаузов выступает еще одной нитью Ариадны, а также одной из «подсказок» для разгадки тайны их этногенетической истории. Вне всякого сомнения, корни неразгаданной истины залегают в истории их вероятных предков. Словом, возникает принципиальный вопрос о времени, месте и условиях принятия христианства каждым из компонентов, участвовавшим в составлении амальгамы, – печенегами, узами (торками) и половцами (куманами), в том числе и чёрными клобуками, в лоне которых, по всей вероятности, происходило зарождение этногенетического ядра гагаузов, включая приобщение к христианству и к русскому языку.

Со страниц византийских источников, повествующих о событиях X–XI вв., хорошо известно, что представителей кочевых народов труднее обращать в христианство, чем оседлых.

Печенеги и христианство

Едва ли не самым вызывающим доверие высказыванием о принятии христианства печенегами можно считать вывод выдающегося византиниста, иностранного члена девяти национальных академий и научных обществ, почётного доктора трёх и профессора почти десятка университетов Дмитрия Дмитриевича Оболенского, один из фундаментальных трудов которого, «Византийское содружество наций», впервые был опубликован на английском языке почти сорок лет тому назад [Ovolensky, 1971], а в переводе на русский язык вышел в 1998 г. [Оболенский, 1998].

Вряд ли на протяжении X в. – времени интенсивных печенежско-византийских и печенежско-русских этнокультурных и иных контактов имело место обращение тюркоязычных кочевников в христианство в массовом порядке. Однако отдельные случаи, вероятно, не были исключением и имели место как в пределах самой Византии, так и на территории кочевой или полукочевой жизни печенегов вдоль берегов Чёрного моря и Дуная до устья Волги.

Во-первых, будучи прекрасным знатоком византийских источников, Д. Д. Оболенский предполагал, «что среди заложников-печенегов, которых регулярно доставляли в Константинополь и размещали там под надзором чиновников министерства иностранных дел, не все оставались равнодушны к христианской имперской пропаганде, распространяемой их гостеприимцами» [Оболенский, 1998, с. 192].

Во-вторых, он был уверен в том, что когда император Византии в середине X в. отправлял своих «Василиков» – посланников по особым поручениям – «в печенежскую орду», то их непременно сопровождали миссионеры из Константинополя или Херсона. Тем не менее, Д. Д. Оболенский, проявляя осторожность и академическую корректность, считает нужным добавить, что в этот период, то есть в середине X в., ему «ничего не известно об удачных попытках Византии обратить печенегов в христианство!» [Оболенский, 1998, с. 192].

Ссылаясь на Послание епископа Бруно Кверфуртского, опубликованное в 1864 г. [Epistola Brunonis., 1864], Д. Д. Оболенский рассказывает, что за 5 месяцев, проведённых среди печенегов, выдающийся германский миссионер не добился особого результата и представил описание печенегов как «*omnium paganorum crudelissimi*» («самых жестоких из всех язычников») [Оболенский, 1998, с. 192].

Опираясь на византийские и некоторые другие источники, наиболее ранние сведения о принятии печенегами христианства греческого образца Д. Д. Оболенский относит к середине XI в. К этому времени они уже жили на Балканском полуострове, куда переселились «с разрешения византийского правительства» [Оболенский, 1998, с. 192].

В советские времена, когда была установлена единая стандартная программа изучения отечественной истории, ученики старательно запоминали официальную дату принятия христианства на Руси и его историческое и культурное значение. Между тем крещёные на Руси были по крайней мере за полстолетия до того, как по приказу Владимира Перуна столкнули в Днепр, а киевлян едва ли не принудительно согнали в Днепровскую воду.

Не исключено, что в доофициальном порядке христианство вместе с русскими принимали печенеги, и между ними первые контакты были не в 915 г., а гораздо раньше.

Вряд ли можно подозревать основоположника «Истории Российской» В. Н. Татищева в легковесном подходе к историческим источникам. Между тем, он сообщает, что в 867 г., то есть за полстолетия до того, как «приидоша печенежи первое на Русьскую землю», киевский князь Оскольд «пошёл на печенегов и множество их побил» [Татищев, т. 2, 2005, с. 13].

Накануне обновления мирного договора с Византией, «планируя предварительно идти войной на греков», князь Игорь «собрав все свои войска, славян, полян, русь, кривичей, тиверцев, к тому же нанял печенегов, и со всеми пошёл второй раз на греков» [Татищев, т. 2, 2005, с. 24].

Война не состоялась. Вместо этого, идя навстречу пожеланиям греческих дипломатов, повторно утвердили существовавший ранее договор. Из текста договора выясняется, что в 945 г. население Руси делилось на крещёных и некрещёных, и в подтверждение верности положениям договора необходимо было принести клятву как по христианскому, так и по языческому ритуалу.

«Пресветлый великий князь наш Игорь, и князи, и бояре, и их все подданные русские послали нас к Роману, Константину и Стефану, царям и великим князям грецким, сотворить любовь с самими царями и со всем синклитом и государством Греческим на все годы, до тех пор пока солнце сияет и весь мир стоит. И ежели кто помыслит от страны Русской разрушить такую любовь, то те, кто крещение принял в стране Русской, да примут месть от Бога вседержателя, осуждение на погибель в сей век и в будущий. А те из нас, кто некрещёные, да не имеют помощи от Бога, ни от Перуна не защитятся щитами своими, да посечены будут мечами своими, и от стрел, и от иного оружия своего падут, и да будут рабы в сей век и в будущий» [Татищев, т. 2, 2005, с. 25].

Указанная двуединая клятва от имени Бога христианского и Перуна языческого в известной мере была знакома и той части печенегов, которые вместе с киевскими князьями ходили на греков, на болгар, а также принимали участие в межкняжеских неурядицах.

После переселения на Балканы и во время пребывания в пределах Византийской империи одним из важнейших факторов утверждения православия стала имперская дипломатия Константинополя. Её цель состояла в обеспечении защиты северных рубежей империи путём воздвижения «живой» преграды варварским атакам, волна за волною наплывавшим с левого берега Дуная, в расширении сферы политического и культурного влияния посредством создания цепочки лояльных государств или государственных образований. В этой стратегии приобщение к христианству находилось в одном типологическом ряду с признанием верховной (имперской) власти константинопольского императора.

Согласно имперской догматике язычник, принявший христианство, теоретически переставал быть варваром. Оскорбительный термин *варвар* адресовался, как правило, племенам и народам, обитавшим за пределами Византийской империи. Образ жизни, культура и религия как объективные индикаторы негреческого населения, говорившего на незнакомых языках, выводили варваров за скобки византийской цивилизации.

Для создания привлекательного образа христианства использовались различные приемы социального, психологического и материального соблазна. Так, например, дань, которую выплачивала Византия кочевникам, становилась и магнитом и цепями, привязывающими их к ценностям империи.

Немалую роль играл и собственно психологический фактор. Д. Оболенский сообщает, что, согласно одному из византийских агиографов, писавшему около 1300 г., отец хана Аспаруха, – Коврат, принявший христианство, перестал восприниматься варваром [Оболенский, 1998, с. 291].

Конечная цель увеличения притягательной силы **православия** сводилась, во-первых, к тому, чтобы «польстить тщеславию византийских сателлитов, политически связать их с империей и, к вящему удовлетворению мыслящих категориями дипломатического протокола византийцев, определить ранг каждого правителя и его народа в рамках Содружества [Византийского содружества наций – М. Г.]. Подобным целям служили и другие методы, такие как периодически представляющиеся варварам разрешения поселиться на реально или мнимо принадлежащих империи территориях, выдача за их правителей византийских невест или пожалования им византийских знаков отличия» [Оболенский, 1998, с. 292-293].

Тактика улаживания Византией управленческих элит причерноморских кочевников X–XI вв. уже имела солидную историю, немалый исторический опыт с тех глубоких времен, когда хунну, как воображаемые предки тюркоязычных народов, кочевали вдоль северных границ Китая. Для того чтобы предохранить страну от грабительских набегов северных кочевников в ханьской дипломатической стратегии было предусмотрено проведение политики «пяти искушений» в борьбе с ними: «(1) дать кочевникам дорогие ткани и

колесницы, чтобы испортить их глаза; (2) дать им вкусную пищу, чтобы закрыть их рты; (3) усладить музыкой, чтобы закрыть их уши; (4) построить им великолепные здания, хранилища для зерна и подарить рабов, чтобы успокоить их желудки; (5) преподнести богатые дары и оказать особое внимание тем, кто примет китайский протекторат». Наряду с перечисленными «пятью искушениями» практиковалось, по свидетельству Н. Н. Крадина, и дополнительное шестое – «спаивание вином», как универсальное средство дипломатии оседлых правителей в контактах с кочевниками. Так, например, согласно источникам, китайцы поставляли ежегодно хунну до 200 тыс. литров рисового вина. Иногда хунну, как подчеркивает А. В. Головнев, «достигали в пьянстве скифских высот: в 124 г. до н. э. в стане первого сянь-вана (сянь-ван в иерархии хунну – один из высших князей-полководцев – А. Головнев) состоялась такая грандиозная попойка, что китайские войска беспрепятственно окружили и пленили 15 тыс. безмятежных воинов, захватив еще и 1 млн. голов скота» [Крадин, 2001, с. 111-115; Головнев, 2009, с. 190].

Куманы и христианство

В состав ритуала свадебной обрядности степных кочевников входило порой единоборство жениха и невесты [Липец, 1983].

Победив Добрыню Никитича, куманка (половчанка), согласно русскому эпосу, сунула его в кожаный мешок. Перед этим она, в соответствии с имеющимися у неё навыками и обычной практикой степных кочевников, «сдёрнула» русского богатыря с седла, а не ранила его. Но женился он на ней после того, как доставил девушку в Киев, где её «привели в верушку крещёную» [Плетнёва, 1990, с. 68].

Падение Тырновского (1393 г.) и Видинского (1396 г.) царств под ударами османского султана Баязида I, прозванного за быстроту перемещений его армии в Европе и в Азии «Иылдырым» (что означает в переводе с турецкого «молния» или «удар молнии»), положило конец самостоятельному существованию двух болгарских государств [Лорд Кинросс, 1999, с. 74].

К этим двум важным датам привязана аналитическая мысль К. Иречка, когда он пишет о том, что в течение 150 лет, прошедших со времени вселения куман в пределы Болгарии, христианство уже успело укорениться в менталитете кочевников. («През 150-годишния период, който изтекъл от покръстването на куманите, преселени в България, дори до завоюването на страната от османите, християнството е могло тъй силно да се вкорени в новите колонисти») [Иречек, 1974, с. 893].

Согласно К. Иречку, в конце XIX в. гагаузы проживали в поселениях вдоль Черноморского побережья, в том числе в бывших греческих городах. Учёный не сомневался в том, что православные гагаузы, говорящие на тюркском языке, были потомками куман (половцев), поселившихся в Болгарии в XIII в. и тогда же принявших православие [Иречек, 1974, с. 741].

Чешский учёный был убежден в том, что упоминавшийся в 1346 г. князь Баликас, владетель Балчика (прежняя Карбона), был потомком тюркоязычных куман, которые в XIII в. вторглись из молдавских степей час-

тично в Венгрию, частично в Болгарию и там приняли православие [Иречек, 1974, с. 882].

Чтобы определить истинное историческое значение приобщения к православию южнорусских кочевников, можно было бы поставить вопрос о том, что с ними стало бы без православия. Ответ коренится в судьбе тюркоязычных болгар. Прибыв на Балканы под знамёнами своего предводителя Аспаруха, они стали основателями Первого Болгарского царства, просуществовавшего более трёх столетий с 680 по 1018 гг.

Правящее меньшинство этого царства – тюркские болгары (протоболгары) сохраняли приверженность своим языческим верованиям, в отличие от коренного населения Балкан, испытывавшего на себе благотворное (цивилизующее) влияние христианства. Не потому ли в конечном счете развалилось Первое Болгарское государство и исчезли с этнической арены тюркоязычные болгары, что, по словам Д. Д. Оболенского, «старые болгарские тюркские кланы составляли ядро воинствующего антихристианского движения» [Оболенский, 1998, с. 297].

Займствованный Константином Багрянородным из более раннего источника отрывок о мусульманских представлениях о рае, свидетельствует о том, что идеологи византийской церкви, оппонировавшие исламу, старались представить мусульман развратниками и безнравственными людьми. «А раем он [Муамеф – Мухаммед – М. Г.] называл мясную пищу, напитки и соитие с женщинами; там, мол, текут реки вина, мёда и молока, краса жён несравненная, здесь неведомая, а иная; что соитие продолжительно, а наслаждение постоянно» [Константин Багрянородный, 1991, с. 71].

Обычай

На острове Св. Григория (о. Хортица, лежащий в нескольких километрах ниже брода Кичкас) печенег (пачинакиты), по свидетельству Константина Багрянородного, «совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие – кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми» [Константин Багрянородный, 1991, с. 49].

Несмотря на то, что в источнике имеется прямое указание на этническую принадлежность печенегов, отправлявших культ, исследование ритуала жертвоприношения петуха породило среди многочисленных комментаторов продолжительную, оживленную полемику. Стало известно, в частности, что принесение в жертву петухов практиковалось едва ли не всеми народами Европы [Фрэзер, 1928, с. 165-166; Константин Багрянородный. Автор комментария № 52 в приложении не указан, 1991, с. 329].

Чаще всего исследователи склонялись к мысли о том, что жертвоприношение петухов связано, по всей вероятности, с гаданием о предстоящем плавании, исходя из более или менее достоверных сведений о том, что воины Святослава топили петухов в Дунае, по сообщению Льва Диакона.

У гагаузов жертвоприношение петуха в Петльов день (2 февраля) совершалось не за успех предстоящего плавания и не за упокой, а, напротив, «за здоровье» (мальчиков). Смысловая нагрузка и цель жертвенного петуха в гагаузском ритуале состояла в том, «чтобы все мужчины были сильными и здоровыми» [Губогло, 2005, с. 434].

Каков важнейший итог более чем полуторавекового волнообразного исследовательского интереса к тюркоязычным кочевникам с точки зрения актуальных задач гагаузоведения XXI в.? В чём сходство и различие двух потоков историографии, один из которых посвящён взаимоотношениям Киевской Руси и южнорусских степей, а другой – выяснению происхождения и основных этапов этнической истории гагаузов?

Традиционная российская историография о кочевниках-степняках исходила из социально-психологической обиды патриотически настроенных летописцев, монахов и авторов исторических трудов на бушующую Великую Степь, на её беспокойных насельников и акцентировала внимание на агрессивности, кровожадности, алчности степняков, на безоговорочном осуждении кочевников за их грабительские набеги и походы на Русь в домонгольский период истории. Историография гагаузов исходила из неосвещённости тёмных страниц их истории и старательно замалчивала более чем пятисотлетнюю историю (IX–XIII вв.) их вероятных кочевых предков, которые с незначительными перерывами кочевали в причерноморских, буджакских и добруджанских степях. Более того, основываясь на традициях негативного отношения российской научной элиты к средневековым кочевникам, современные историки не спешили раскрывать страницы истории гагаузов в пору их более чем двухсотлетнего освоения Буджакских степей.

Не скрою, что в свои первые постаспирантские времена, в начале 1970-х гг. и я находился в плену историографической догмы и, вместе с корифеями исторической науки, испытывал неприязнь к южнорусским кочевникам, обременившим жизнь оседлого славянского населения.

В популярном молдавском журнале «Кодру», издававшемся неслыханным по нынешним временам, почти 10-тысячным тиражом, накануне тысячелетия со времени гибели русского князя Святослава, в 1971 г. я писал: «Весной 972 г. киевский князь Святослав попал в печенежское окружение. “Нападая на ня Куря, кнезь печенежский и убиша Святослава, и взяша голову его и во лбе зделаша чашу, оковавшее лоб его золотом и пьеху в нем”» [Ипатьевская летопись, 1908, с. 48]. «Так трагически, – комментировал далее я летописное свидетельство, – закончился ещё один враждебный акт бушующей кочевой степи против Киевского государства. И, наверное, с тех пор как печенежский князь выпил победный тост из черепа прославленного древнерусского полководца, многие оптом возненавидели всех кочевых тюрков – печенегов, узов (торков), куман (половцев), которые беспрерывно сменяли друг друга в южнорусских степях, наводя ужас на славянские народы своими необычными манерами, молниеносными и воинственными набегами» [Губогло, 1971, с. 125]. Однако не печенег первыми придумали этот варварский

обычай как составную часть «звериного почерка» военной стратегии кочевников: когда в IV в. до н. э. из двух враждующих народов – хунну и юечжи – первые одержали очередную победу над вторыми, вождь хунну Лаошаньшанью сделал из головы правителя юенчжи чашу для питья [Крюков, 1988, с. 237; Головнев, 2009, с. 183].

Однако обычай, которому следовал вождь хунну, был в свою очередь известен и до него (со скифских времен), и после него. Так, например, болгарский хан Крум любил пить из чаши, сделанной из черепа византийского императора Никифора I (811 г.) [Головнев, 2009, с. 261].

Обычай делать чаши из черепов поверженных врагов имел место и у других тюркоязычных народов. Они, в частности, верили, что, справляя такой обряд, они воспринимают в себя силу и мужество своих врагов. Как уже упоминалось, печенежский предводитель Куря и его жена, согласно легенде, пили из ритуальной чаши в надежде, то у них родится сын, похожий на русского князя Святослава [Бичурин, 1950, с. 147; Толочко, 2003, с. 52].

Пытаясь объяснить причину вековой неприязни оседлого населения к кочевникам, послужившей идеологической основой для отечественной историографии в её стремлении изображать картину их жизнедеятельности в исключительно чёрных красках, я писал, в той же статье, частично и имплицитно оправдывая вероятных предков современных гагаузов: «Немаловажную роль в этом сыграла далеко не лестная характеристика, данная этим кочевникам русскими летописцами, византийскими хронистами, а также скептическая оценка, содержащаяся в трудах арабских и персидских географов и в записках западноевропейских путешественников» [Губогло М.Н., 1971].

Достаточно почитать «Повесть временных лет», где при первом же упоминании половцев отмечается: «Якоже се и при насъ ныне половци закон держать отець своих: кровь проливати, а хвалящесе о сихъ, и ядуще мерьтвечину и всю нечистоту, хомеки и сусолы, и поимают мачехи своя и ятрови, и ины обычая отець своихъ. Мы же Хрестияне, ялико земля, иже веруютъ въ святую Троицу и въ едино крещенье, въ едину веру, законъ имаемъ един, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся» [ПВЛ, 1999, с. 11].

Первым завесу умолчания мирных отношений между Киевским государством и тюркоязычными кочевниками приоткрыл известный казахский поэт и общественный деятель Олжас Сулейменов в знаменитом эссе «Аз и Я», наделавшем много шума в советской исторической и филологической литературе. «Артиллерийский залп» в адрес этой книги прозвучал в защиту ортодоксального подхода к изображению тюркоязычных кочевников как врагов, в отличие от попытки показать преобладание мирных взаимоотношений со Степью.

Существенный вклад в переосмысление взаимоотношений между славянским миром и кочевниками южнорусских степей, вслед за Д. Расовским, С. А. Плетнёвой, Г. А. Фёдоровым-Давыдовым, Г. Е. Марковым и Олжасом Сулейменовым, внёс А. Никитин, усомнившийся в искренности и в справедливости писаний монахов-летописцев, не жалеющих чёрных красок для характеристики «неверных», «поганных» половцев. Предвзятость религиозных мыслителей и борцов за веру христианскую определялась во многом их борь-

бой с язычниками, а не с воинами-степняками. По наблюдениям А. Никитина, причины для появления отрицательного отношения к кочевникам залегали не столько в том, что они хотели «попленив всю землю Русскую», в чём уличал их, к примеру, академик Д. С. Лихачёв, а в веронетерпимости монахов-летописцев. Из контекста их писаний половцы предстают скорее приверженцами несторианства, то есть вероотступниками от ортодоксальной православной веры, чем «дикими язычниками».

На основании трудоёмких статистических подсчётов упоминаний в летописных сводах о количестве и мотивах соприкосновений с половцами, А. Никитин счёл возможным классифицировать причины возникновения негативного отношения к кочевникам в три группы. Первая группа причин коренилась «в некритическом использовании источников, в первую очередь летописей, рассматриваемых в качестве документа, а не литературно-художественного произведения, причём дошедшего до нас в поздней переработке. Вторая причина <...> может быть определена как научная небрежность, привычка полагаться целиком на мнение предшественников, не проверяя факты и не анализируя сделанные из них выводы». Наконец, третья причина коренится в такой предвзятости при подготовке текста и выводов, «когда факты толкуются в угоду той или иной политической или националистической концепции, и хотя всё это лежит за пределами собственно науки, оказывает на неё пагубное воздействие» [Никитин, 1984, с. 418].

Статистическое распределение летописных свидетельств о мирных и военных по характеру контактах русских князей с половцами позволило А. Никитину выделить, по крайней мере, шесть категорий межэтнических контактов. Так, например, без малого в течение полутора веков (1056–1200 гг.) в 30 случаях контакты носили мирный характер, в том числе в 15 случаях летопись фиксировала приходы половцев для заключения «вечного мира», «да ни мы начнем бояться васъ, ни вы насъ», с Киевским («Великим») князем, как представителем всея Руси. (1093, 1094, 1095, 1101, 1103, 1113, 1140, 1146, 1147, 1155, 1156, 1158, 1163, 1172, 1192 гг.), и ещё в 15 случаях речь шла о полутора десятках русско-половецких браках, так что уже и концу XII в. во всех князьях «Черниговского дома и в большинстве князей северовосточной Руси текла половецкая кровь».

Ещё три десятка случаев из серии русско-половецких контактов XI–XII вв. носили скорее мирный, даже дружественный характер, так как были связаны с призывами половцев на помощь русским князьям для «выяснения отношений» между собой (1078, 1094, 1079, 1097, 1128, 1135, 1136, 1139, 1140, 1154, 1159, 1160, 1161, 1162, 1146, 1147, 1149, 1150, 1152, 1154, 1155, 1154, 1155, 1167, 1177, 1180, 1171, 1172, 1195, 1196, 1196).

Мирные отношения между Русью и Степью нарушались в ходе воинственных походов русских князей на половцев, а также в процессе выяснения «междусобойных отношений» между различными сообществами самих тюркоязычных кочевников. Около двух десятков раз, согласно летописным сведениям, мир и покой кочевников нарушали походы русских князей (1103, 1109, 1110, 1111, 1116, 1153, 1160, 1167, 1168, 1170, 1174, 1183, 1185, 1187,

в том числе 1190, 1191, 1193); в 13 случаях были зафиксированы половецкие походы на генетически родственных тюркоязычных торков (узов) и берендеев, часть которых киевские князья расселили в бассейне р. Рось на южных границах Киевского княжества (1105, 1106, 1116, 1126, 1155, 1165, 1172, 1173, 1174, 1177, 1187, 1190, 1193) [Никитин А., 1984, с. 425].

Воинственные походы русских князей на половцев, связанные с грабежом половецких веж (поселений, оставленных без защиты воинов), пленением женщин и детей, угоном половецких стад, естественно, вызывали ответные действия степняков. По наблюдениям А. Никитина, спровоцированные, то есть ответные походы половцев на русские земли состоялись в 1092, 1093, 1095, 1096, 1107, 1110, 1109, 1110, 1153, 1160, 1167, 1185, 1187, 1190, 1193 гг. и их, по мнению исследователя, внимательно перелистывающего страницы Ипатьевской летописи, нет оснований считать «актами агрессии» [Никитин, 1984, с. 425].

Со студенческой скамьи и всю последующую творческую жизнь меня преследовала загадка упорного, настоятельного замалчивания истории, культуры, общественной и бытовой жизни гагаузов, в том числе в качестве соучастников в судьбах Республики Молдова. В последние десятилетия XX в. с особой яркостью это умолчание нашло отражение в коллективной монографии «История Молдавской ССР», изданной в г. Кишинёве в 1982 г. В тексте на нескольких сотнях страниц едва нашлась возможность для упоминания гагаузов не более, чем в 5–6 случаях. Так, например, среди 250 исторических дат, включённых в «Краткую хронологию событий», приведённых в качестве приложения к этому фолианту, всего лишь две даты оказались имеющими отношение к непосредственной истории гагаузов: речь шла о болгарском ополчении в 1877 г. и о восстании крестьян в г. Комрате в 1905 г. [История Молдавской ССР, 1982, с. 532]. Но ни в одном случае гагаузы не были упомянуты в качестве участников названных исторических событий.

Волнообразный интерес к кочевникам, то затухающий, то возгорающийся с новой силой, в России начал проявляться в середине XIX в. со знаменитой статьи Смачевского, в которой он на основе обстоятельной выборки сведений из русских летописей контурно изложил историю торков (узов) и берендеев, не вполне удачно включив в название своего произведения чёрных клобуков в одном типологическом ряду с двумя вышеуказанными этнонимами [Смачевский, 1855].

Вторая волна, как девятый вал, появилась примерно через полвека. Она была связана, прежде всего, с археологическими раскопками Н. Е. Бранденбурга, А. А. Спицына, В. А. Городцова, Д. Я. Самоквасова [Бранденбург, 1895; 1897; Спицын, 1899; Городцов, 1910; Самоквасов, 1893, 1908].

До сих пор не утратили своей актуальности исторические труды П. В. Голубовского, В. Г. Васильевского, В. Г. Ляскоранского [Голубовский, 1883; 1884; 1889; Васильевский, 1908; Ляскоранский, 1905].

Третья волна, проявившая себя в наиболее сильной и яркой форме в белоэмигрантской интеллектуальной среде, дала о себе знать после примерно двухдесятилетнего перерыва после второй, в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

и была сопряжена с именем талантливого учёного, добросовестного исследователя Д. А. Расовского. Его монография «Половцы», опубликованная в нескольких номерах «Seminarium Kondakovianum» (Прага), вместе с серией замечательных статей о печенегах, торках (узах) и берендеях, о роли чёрных клобуков в истории Древней Руси, вошла в золотой фонд отечественного кочевниковедения [Расовский Д.А., 1927; 1933; 1935; 1936].

Четвёртая волна, во второй половине XX в., связана, с одной стороны, с ультрапатриотическими историко-филологическими трудами академиков Д. С. Лихачёва и Б. А. Рыбакова и их сторонников [Лихачёв, 1947; 1999, Рыбаков, 1971; 1967; 1962; 1948], а с другой, – с умеренно-объективным изложением взаимоотношений Киевской Руси с кочевниками южнорусских степей, в трудах, написанных в основном на археологическом материале, в том числе с учётом кочевнических древностей, раскопанных ещё на рубеже XIX–XX вв. [Мец, 1948, Плетнёва, 1958; 1963; 1973, Фёдоров-Давыдов, 1966, Зяблин, 1952, Кудряшов, 1948].

Я не случайно выделил историографический поток литературы, связанный с именами выдающихся учёных, удостоенных высоких академических званий. Однако, как сегодня выясняется, на них тоже в известной мере лежит ответственность не только за очернение и замалчивание истории тюркоязычных народов средневековья, особенно в части их взаимоотношений с оседлым населением Киевской Руси и сопредельных княжеств, но и продержавшееся вплоть до развала Советского Союза унизительное замалчивание истории гагаузов и их взаимоотношений с народами Юго-Восточной Европы и Республики Молдова.

Подвергнув реальному пересмотру концепции патриархов советской исторической и филологической науки в трудах академиков Д. С. Лихачёва и Б. А. Рыбакова, которые исходили из непоколебимой идеологической установки «исконного противостояния Руси и Степи», А. Никитин предложил квалифицировать отношения с кочевниками не постоянным агрессивным противостоянием, а обычными соседскими отношениями, в ходе которых удельный вес мирных, хозяйственно-культурных контактов превалирует над конфликтами и военными действиями.

Для современного понимания тайны векового замалчивания истории гагаузов исключительное важное значение имеет логика и аргументация А. Никитина в пересмотре отношений оседлого славянского и кочевого тюркского миров.

Я хорошо помню, как на рубеже 1950–1960-х гг., в пору моих студенческих и аспирантских лет, одно только упоминание вкратце, пусть даже в дилетантской и метафоричной форме, о том, что гагаузы – остатки половцев, вызывало негативное отношение у любознательных собеседников или в аудиториях с обычно толерантными слушателями. Срабатывал стереотип замалчивания ранних этапов средневековой истории гагаузов, которое было своеобразной мстью за разорительные походы половцев на мирные города и сёла Киевской Руси. Действовала инерция исторического мышления, воспитанного на веками нарабатывавшейся (в основном на базе религиозной литературы) идее в духе неприятия кочевых народов тюркского мира.

Сегодня я могу лишь сожалеть, что при широком использовании археологических, нумизматических и богатейших топонимических данных Д. А. Расовского в своей кандидатской диссертации [Губогло, 1967] более четырёх десятилетий тому назад, мне не хватило ни профессионального чутья, ни гражданской смелости для вынесения высокой оценки исключительно важной значимости трудов Д. А. Расовского для отечественного кочевниковедения и для постижения этнической истории **вероятных** предков гагаузов в эпоху средневековья, в том числе в процессе их продолжительного по времени вселения на Балканы.

Сегодня эту задачу успешно выполнила Екатерина Армарчук с профессиональным умением и душевной щедростью, достойными уважения, в обзорной археолого-исторической статье, посвящённой становлению отечественного кочевниковедения и утверждению его как самостоятельного направления археологического знания. Мне, как и Е. Армарчук, импонирует то, что Д. А. Расовский сумел представить панораму всей половецко-кипчацкой степи XI–XIII вв. от Иртыша до Дуная, не забывая об азиатской родине половцев (куманов). И вместе с ней мне «приятно сознавать, что, несмотря на удалённость от родины, он по духу, традициям и тематике интересов, безусловно, являлся русским учёным и проявил глубокую компетентность, тщательность работы и высокую требовательность к себе, без которых и на исходе нашего века немыслима настоящая наука» [Армарчук, 2000, с. 125].

К сказанному нельзя не добавить, что в создаваемых сегодня и завтра трудах об этнической истории гагаузов, в том числе средневековой, ни один исследователь уже не сможет пройти мимо творчества Д. А. Расовского, трудам которого гагаузоведы обязаны обширным материалом о жизни тюркоязычных кочевников на Балканах.

Труды Д. А. Расовского наряду с изменившейся конъюнктурой постсоветского времени открыли зелёный свет трудам болгарских коллег, в которых на обильном местном фактологическом материале восстанавливается замалчивавшееся недавно реальное участие куман (половцев) и других южнорусских кочевников в исторической и культурной судьбе доосманских болгар и других балканских народов и нащупываются следы бесписьменной истории гагаузов [Атанасов, 1996, 2001, 2009; Павлов, 1987, 1991, 1994; Стоянов, 2006, 2009].

Историографическое замалчивание истории гагаузов досталось учёным второй половины XX в. из российской традиции представлять историю евразийских, в том числе южнорусских, буджакских, дунайских и балканских кочевников в очернительных красках и негативных оценках. Более того, этой же особенностью – умолчания, очернения или огульного непризнания самодостаточности и самоценности кочевой культуры и её носителей вкратце отличалась и европейская традиция, в том числе болгарская, венгерская и румынская.

Однако этой неуклюжей, недостойной современного гуманитарного знания традиций, похоже, приходит конец. Наиболее яркий тому пример – хлынувший, как селевой поток, интерес к средневековой и древней истории народов, входящих в понятие «Тюркский мир».

«Сейчас из анализа текстов, из глубин раскопов мы извлекаем наше прошлое, столь удивительное для нас, как если бы мы заглянули в историю совсем другого народа, – пишет А. Никитин, – и рядом с древней Русью, прочно вросшей в землю Восточной Европы фундаментами своих белокаменных храмов, башнями и стенами городов, начинает мало-помалу материализоваться образ другого народа, нашего побратима, который так и не успел пройти положенный ему исторический путь развития, рассыпав впопыхах своих детей по другим странам...» [Никитин, 1984, с. 455].

Именно здесь, в южнорусской степи, на приграничных подступах к Киевскому государству на правом берегу Днепра в его среднем течении вызревали детерминанты исторического развития вероятных предков гагаузов. Ведущей тенденцией этнополитических процессов здесь выступала межэтническая интеграция, которую не вполне корректно именовали «слиянием». Вспомним итоги археологических исследований известного специалиста-кочевниковеда С. А. Плетнёвой. Особое внимание она, в частности, уделила погребениям, относящимся примерно к середине и второй половине XII в., времени, когда, по летописным данным, происходило формирование Черноклобуцкого союза, «наиболее активного, – по ее словам, – слияния различных народов между собой» [Плетнёва, 1973, с. 22].

Принципиальное значение этого вывода состоит в том, что изменение погребального обряда у печенегов началось в это время и, как обычно, новшество коснулось, прежде всего, верхушки печенежского общества, поскольку только богачи могли позволить себе отказаться от съедения ритуального коня на тризне и принять новый обычай – захоронение всей туши в могиле умершего родственника» [Плетнёва, 1973].

Этот специфический этногенетический процесс не вполне корректно получивший название «слияния», на самом деле не имел отношения к исчезновению участников «слияния» с этнической карты Великой Степи и Добруджи. Более того, массовое волнообразное переселение южнорусских кочевников на Балканы создало благоприятные условия для продолжения традиции межэтнического смешения. Эта тенденция нашла выражение не только в активном мирном и конфликтном взаимодействии тюркоязычных кочевников с политическими элитами Византии и Болгарии, но и в проникновении элементов «смешения» в бытовую сферу, о чем свидетельствуют обильные тюрко-болгарские и тюрко-греческие межэтнические браки, а также события мирного характера, требующие специального описания и анализа [см.: Жаворонков, 2006, с. 163].

В том, что касается истории вероятных этнических предков гагаузов, мы подвинулись на более чем 4 столетия вглубь средневековья, так как едва ли можно было бы говорить об этногенетической связи между реальными предками гагаузов, осевшими на Балканах, и их вероятными предками, переселившимися на Балканы из пограничных с Киевской Русью областей, не доведя описания судьбы тюркоязычных кочевников примерно до конца IX в., когда «приидоша первые печенези на Русьскую землю».

«ЮЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ» ПЕРЕДВИЖЕНИЙ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ КОЧЕВНИКОВ

СЕЛЬДЖУКСКИЕ СЛЕДЫ

В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГАГАУЗОВ

(Штрихи жизнедеятельности Изеддина Кейкавуса II)

Контуры этнокультурной биографии

Задача приводимых ниже, увы, отрывочных сведений о жизни Изеддина Кейкавуса II – одного из трёх братьев, сельджукских султанов (1246–1266 гг.), – никоим образом не сводится к подтверждению или опровержению теории «сельджукского» происхождения гагаузов. Она в такой же степени несостоятельна, как и многие другие модели этногенеза, авторы которых с завидной настойчивостью пытаются обнаружить прямолинейную связь между каким-либо современным народом и одним единственным, хотя и родственным народом древности или средневековья [Карпат, 1994, с. 36-43; Ангели, 2007; Губогло, 2011, с. 425-426].

Согласно «Хронологической таблице Сельджукидов Рума», составленной академиком В. А. Гордлевским на основе публикаций французских и турецких ориенталистов, можно считать, что Изеддин Кейкавус II был 24-ым султаном – сельджукидом Рума [Гордлевский, 1941, с. 185-186]. В отличие от своего отца Гияседдина Кейхюсрева II, он не был особо прославившимся среди султанов знаменитой династии Хюсревов, правившей Конийским сельджукским султанатом 230 лет с 1077 по 1307 г.

Его правление выпало на третий период существования Малоазийского сельджукского султаната. Новейший анализ данных, содержащихся в уникальном источнике по истории стран и тюркских народов Передней Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также стран Юго-Восточной Европы – хронике Ибн Биби, позволил, в частности, болгарскому исследователю Ибрагиму Т. Татарлы выделить 3 этапа в истории Конийского султаната: 1) период «емисарства-бейлика» (1078–1157 гг.); 2) период султаната (1157–1243 гг.); 3) период монгольской зависимости (1243–1308 гг.) [Татарлы, 2008/2009, с. 180].

Годы зрелой социально-политической деятельности Изеддина Кейкавуса II пришлись на бурные постмонгольские времена, наполненные крутыми изломами и «перестройками» в относительно устоявшемся к началу XIII тюркском мире. Перемещения народов, вызванные татаро-монгольским движением, изрядно изменили этническую ситуацию в южнорусских степях в Крыму, в Малой Азии, в регионах Балканского полуострова и в странах Юго-Восточной Европы.

В написании имён сельджукских султанов в источниках и среди специалистов нет единообразия. Так, например, в хронике Георгия Пахимера упо-

минается Азатин, В. А. Гордлевский называет его Изз-ад-дин Кей-Кавус, В. В. Бартольд: – Изз-ад-дин Кайкавус, турецкий исследователь Кемаль Карпат – Изз-ад-дин Кей-Кавус. Примеров не счесть. И всё же наиболее предпочтительным представляется слитное написание без дефисов в соответствии с нормами русского языка: Иззеддин Кейкавус, Алаеддин Кейхюсрев, Гиясэддин Кейхюсрев и т. д. В интересах единообразия в данном тексте два важнейших источника пишутся следующим образом: раздельно – Ибн Биби и слитно – Языджиоглу.

Так, например, в современной тюркологии, в том числе в научной и художественной литературе по гагаузоведению, далеко не однозначно интерпретируются спорные страницы жизнедеятельности старшего из трёх братьев сельджукских султанов – Изеддина Кейкавуса II, а также черты его яркой и неоднозначной личности, связанные с его противоречивыми идентичностями. Так, например, маргинальность его этнической идентичности была в известной мере predetermined рождением: отец – тюрок-сельджук, потомок огузов, мать – гречанка.

Маргинальность его религиозных убеждений, а следовательно, и религиозной идентичности, также засвидетельствована историческими фактами. В то время как его земляки и старшие родственники во времена Конийского султаната были приверженцами ислама, сам он «тайно исповедовал православие». В этом тоже был свой резон. «Давнишнее мирное сожительство христианства и мусульманства..», – как отмечал академик В. А. Гордлевский, – подготовило быстрое безболезненное восприятие туземной (византийской – М. Г.) культуры пришельцами из Средней Азии» [Гордлевский, 1941, с. 134].

Известно, к примеру, что даже жена монгольского завоевателя, основателя монгольской державы в Персии, младшего брата Хенгу-хана – Хулагу-хана (1217–1265), в вассальной зависимости от которого находился, в частности, малоазийский Конийский султанат сельджуков, была христианкой и активно покровительствовала православному населению, часто, по словам академика В. В. Бартольда, «во вред мусульманскому» [Бартольд, 1971, с. 512].

В середине XV в. в Македонии жила христианская семья, выведившая себя из рода сельджуков. Это были, как отмечают П. Виттек и академик В. А. Гордлевский, потомки султана Изеддина Кейкавуса II, нашедшего временно (в 1259 г.) убежище у византийского императора Михаила Палеолога VIII [Гордлевский, 1941, с. 180].

П. Виттек не сомневался в том, что православные тюрки Караферии и Зикхны, ведущие своё происхождение от сельджукского султана Изеддина Кейкавуса II, вместе с тюрками Добруджи населяют места, в которых проживали гагаузы до переселения в Бессарабию [Wittek, 1952, p. 652–653].

В политических ориентациях Изеддин Кейкавус II, хотя и соблюдал нормы обычного права кочевников, но склонялся скорее к византизму, чем к ценностям и форме устройства Золотой Орды, от которой искал спасения в столице Византии.

Бескомпромиссная вражда за обладание тронем Конийского султаната с двумя младшими братьями – Рукнедином Кылыч Арсланом IV и Алаедди-

ном Кейкубадом II – даёт основание думать, что и генетически родственная идентичность (то есть психологическое ощущение родства с двумя младшими братьями) не отличалась особой прочностью и устойчивостью.

Наконец, на собственном опыте он представлял интересы той категории тюркоязычного населения, которая в середине XIII в., проживая в городах, всё же испытывала ностальгию по кочевому образу жизни с его привлекательным чередованием летних и зимних стоянок, что было едва ли не любимым, по крайней мере, традиционным занятием.

Романтически настроенный Изеддин Кейкавус II, страстный любитель жизни в её формальных и неформальных проявлениях, вместе с тем бывал жестоким, когда ситуация заставляла во имя справедливости принимать жёсткие решения или действовать в соответствии с нормами обычного права, унаследованными сельджуками от своих огузских предков.

В третьей части сочинения «Мусамарат ал-ахбар ва мусайарат ал-ахйар («Беседа об известиях и соперничество хороших»), написанном в 1323 г., излагается краткая история сельджукидов до времени султана Гияседдина Кейхюсрева II (1237–1248 гг.), который был сыном Алаеддина Кейкобада I (1219–1237 гг.) и отцом Изеддина Кейкавуса II (1238–1278). И хотя в одном из сюжетов этого источника речь идёт о жизни и смерти одного из высших чиновников Конийского султаната, мы узнаем важные штрихи к портрету султана Изеддина Кейкавуса II, при котором этот человек дослужился до визира. Будучи талантливым человеком и высококвалифицированным чиновником, визир умел составлять стилистически безупречные тексты и заверять их красивой султанской печатью «тугра».

Однако после посещения ставки монгольского хана, от которого сельджукский султанат находился в вассальной зависимости, Шемсаддин Тогран по прозвищу «тугран» («накладывающий тугру» – М. Г.) монополизировал в своих руках большую власть ради увеличения собственных денежных средств. Он стал задерживать выдачу денежного содержания и издавать несправедливые указы от имени султаната. Превышение полномочий стоило ему жизни. По указанию Изеддина Кейкавуса II он был казнён, а его имущество конфисковано [Бартольд, 1973(а), с. 228, 232; Гордлевский, 1941, с. 140].

Наказания за нарушение норм обычного права или за преступления были жестокими. Если кто-либо из чиновников был заподозрен в измене, следовала конфискация его имущества, а затем – смерть. Иногда с преступника, несущего угрозу государственному устройству, живьём сдирали кожу и, набив соломой, возили по городам в назидание врагам султаната. Так, в частности, поступили с неким самозванцем – Лже-Сиявушем, объявившим себя сыном Изеддина Кейкавуса II [Гордлевский, 1941, с. 146].

Даже если Изеддин Кейкавус II и не имел прямого отношения к воображаемому или вероятному предкам гагаузов, он выглядел впечатляющим брендом, символом переходной эпохи XIII в. Масштабным содержанием этого времени выступал по обе стороны Чёрного моря необратимый, поступательный переход тюркоязычных кочевников на оседлость. Документально засвидетельствовано, что, оказавшись жителем Византийской столицы и

первоначально поддавшись праздничному веселью, сельджукский султан в конце концов разочаровался в бездеятельном существовании. Уже давно стали классикой кочующие из публикации в публикацию его слова, обращённые к императору Михаилу Палеологу VIII с просьбой предоставить тюркам, его сподвижникам, земли, пригодные для кочевой жизни: «*Biz Turk tayifesiyyuz, daima shirde durimazus, disarida bize bir yir ve yurt olsa Anadoludan bize taalluk Turk ivlerin geturup anda yaylasavuz ve kislasavuz dediler*» [Yazicioglu Ali, 1391–1392; цит. по: Güngör, Argunşah, 1991, s. 11] («Мы люди тюркского рода-племени, проживание в городе нам не подходит. Если бы нам была выделена земля в Анатолии, мы поселились бы вместе с домочадцами, чтобы жить с летовками и зимовками»). По сути, эта сентенция означала такое маргинальное состояние сельджуков, когда для кочевников город представлялся скорее неудобным, чем комфортным местом проживания. Академик В. А. Гордлевский и видный болгарский историк П. Мутафчиев почти одновременно в 1941 г. завершили и издали, соответственно, свои известные труды: «Государство сельджуков Малой Азии» и «Мнимое переселение сельджукских тюрков в Добруджу в XIII в.». При этом В. А. Гордлевский ограничился краткой реферативной передачей смысла слов Изеддина Кейкавуса II, обращённых к византийскому императору Михаилу Палеологу VIII: «Мы турки и не можем жить постоянно в городе. Определи нам где-нибудь на стороне землю» [Гордлевский, 1941, с. 47].

П. Мутафчиев, ссылаясь не на первоисточники – Ибн Биби и Языджиоглу, а на предшествующие публикации своих соотечественников – М. К. Димитрова и Г. Д. Баласчева, дал более полный, хотя не вполне точный перевод слов из хроники Языджиоглу Али: «*Ние сме хора турци и не можем постоянно в град да живеем. Ако ни се определяше някъде навън място и земя, завели бихме от Анадола нашите сродни турски семейства, за да летуваме там и да зимуваме*» [Мутафчиев, т. II, 1973, с. 614].

Как видно, в каждом случае при переводе первоисточника на русский и болгарский языки исследователи не обратили специального внимания на сочетание слов в источнике «*Turk tayifesiyyuz*», которые переводятся как «Мы тюркского рода-племени», так как слово *taife*, отсутствующее в капитальном новейшем Турецко-русском словаре (М., 2005), согласно Турецко-русскому словарю, изданному в 1945 г., означает ‘племя’, как выражение этнической идентичности.

В «Летописи Кипчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак»), ценном, хотя и малоизвестном источнике по истории Крыма первой половины XVII в. (до 1635 г.), критическое издание которого было осуществлено известным польским ориенталистом А. Зайончковским [Zajaczkowsky A., 1966; Трепавлов, 2001, с. 39, 714], словосочетание ‘татар таифеси’ – переведено как «татарское племя» с заключённым в нём устоявшимся этническим смыслом [Зайончковский А., 1969, с. 23].

Таким образом можно быть уверенным, что понятие «*tayife*» из хроники Ибн Биби (конец XIII в.), из летописи Языджиоглу Али (начало XV в.) является адекватным (синонимом) «таифе» в «Летописи Кипчакской степи» Абдуллаха Ибн Ризавана (начало XVII в.).

Кроме того, в переводе В. А. Гордлевского «турки» и П. Мутафчиева «турци» акцент смещается с «тюрки» на «турки», что не соответствует истинному смыслу, содержащемуся в первоисточнике, согласно которому сельджуки не турки-османы, а тюрки.

Один из убеждённых сторонников теории сельджукского происхождения гагаузов Пауль Виттек, мимо статьи которого, посвящённой происхождению гагаузов как православного народа Добруджи, не может пройти ни один современный исследователь этнической истории гагаузов, опирался в основном на данные хроники Языджиоглу Али.

«*One day the sultan and one of his generals complain to the basileus that being Turks, they cannot endure town life forever; if they were given a dwelling in the country-side, they could summon their nomad families from Anatolia*» [Wittek, 1953, p. 648] («Однажды султан и один из его генералов пожаловались василевсу, что, будучи тюрками, они не могут навсегда остаться в городе: если бы их наделили землёй за городом, они могли бы вызвать свои кочевые семьи из Анталии»).

Михаил Палеолог VIII выделил Изеддину Кейкавусу II и его сподвижникам земли в Добрудже на западном берегу Чёрного моря для постоянного проживания. Тайком от императора сельджуки Изеддина Кейкавус II дали восточку своим соплеменникам.

Хроника Языджиоглу Али зафиксировала это следующим образом: «*Ve evliyadan Sari Saltik, Aleyhirrahme, bazi Turk obalari il Rumeli'ne gecup, Dobruca nevahisinde sakin oldu ve Dobruca'da iki uc pare Musulman sehri, otuz kirk boluk Turk obalari vardi*» [Yazicioglu Ali, 1390, Vol. 464; цит. по: Güngör, Argunşah, 1991, s. 11] («Вместе с Сары Салтыком сельджуки переселились из Румынии в Добруджу, где уже существовало два или три города и были расселены 30–40 родоплеменных подразделений»).

Среди византийских источников, содержащих политическую хронику XIII в., важное место занимают сочинения Георгия Пахимера (1242 – ок. 1310 гг.) и Никифора Григоры (1295–1359). Летописное изложение событий у первого охватывает время с 1255 по 1308 г. и посвящено главным образом периоду правления византийского императора Михаила Палеолога VIII, у второго речь идёт о времени от 1204 до 1359 г. [Острогорски, 1969, с. 393].

Приведу цитату из первоисточника – хроники Георгия Пахимера, в которой сельджукского султана Изеддина Кейкавуса II придворный византийский летописец именуется «персидским султаном Азатином», который жил в столице Византии «распутно, проводя время в разврате и пьянстве на перекрёстках; ибо так как город был ещё пуст и перекрёстки уподоблялись пустыням, то он, бесстыдно садясь там с большой толпой приближённых, предавался Дионисовым оргиям и пьянству» [Пахимер, 2004, с. 115].

В литературе Изеддину Кейкавусу II иногда неоправданно приписывают выдающиеся заслуги его отца – сельджукского султана Гияседдина Кейхюсрета II, или достижения его деда Алаеддина Кейкобада I, или даже двоюродного деда – Изеддина Кейкавуса I по расширению границ Конийского султаната и укреплению его имиджа среди других Малоазийских государств.

В основе каждой из указанных идентичностей сельджукского султана Изеддина Кейкавуса II – этнической, религиозной, политической, хозяйственно-экономической – лежали изменения XIII в., связанные с преобразованиями в характере этнической ситуации в пределах евразийских степей, Малой Азии и Балканского полуострова. Перемены были вызваны не только татаро-монгольским нашествием, но и моральным и материальным «постарением» (несоответствием) кочевого хозяйства, связанного с ростом численности населения и нехваткой пастбищ.

До сих пор участникам научных конференций в Конии и бесчисленным туристам рассказывают, как дед Изеддина Кейкавуса II овладел городом Аланией с войском, которое было в 5 раз меньше численности жителей города. Сельджукский султан приказал привязать к рогам коз горящие факелы и двинул их к крепостным стенам города. Наблюдая с городских стен передвигающееся море огней, его защитники посчитали, что численность войска близка к 100 тысячам и предпочли сдаться на милость победителей.

Наделённый маргинальными идентичностями, внешне обаятельный, но не отличающийся твёрдыми принципами и убеждениями, Изеддин Кейкавус II вместе со своими сподвижниками сыграл сложную и противоречивую роль в формировании тюркоязычной этнической и этнокультурной ситуации Добруджи и на смежных с нею территориях Северо-Восточной части Балканского полуострова, Бессарабии и Крыма.

Кстати, почти через 4 столетия на сходство элементов традиционной культуры населения Добруджи и бывшего Конийского султаната обратил внимание основатель молдавского, российского и румынского востоковедения, господарь Молдовы, сподвижник Петра I князь Дмитрий Кантемир [Кантемир Д., 1722; Guboglu, vol, III, 1960(1961), s. 129-160; Густерин, 2008; Ангели, 2010].

Сельджукско-турецко-гагаузские этнокультурные параллели до сих пор оставались за пределами внимания авторов исследований и публикаций по традиционной культуре гагаузов [Сорочяну, 2005б; Шабашов, 2002а; Квилинкова, 2005а; Квилинкова, 2007а; Стаменова, 2007, с. 196-258; Мирчева, 2007, с. 259-287; и др.].

Между тем в той или иной мере сельджукские «следы» как этнокультурные параллели проявляются в драматургии ритуальной обрядности, в этимологической нагрузке и символике двух особо почитаемых гагаузами праздников народного календаря – дня Св. Георгия (*Хедерлез* – 6 мая) и дня Св. Димитрия (*Касым* – 8 ноября).

Заглянем в классический первоисточник – монографию В. А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», широко используемую большинством современных исследователей, в том числе и теми, кто накопил ценные полевые материалы о содержании и бытовании народных праздников гагаузов на рубеже XX и XXI столетий.

Принципиальное значение имеет сообщение В. А. Мошкова о том, что указанные праздники в соответствии с традициями скотоводческого, а не земледельческого календаря, делят год на две части: на лето от Св. Георгия

до «Касыма» и на зиму – от «Касыма» до Св. Георгия [Мошков, 1902, № 3, с. 48-49] и сообщение А. Манова о том, что день Св. Георгия важнее Пасхи [Манов, 1938, с. 120, с. 64].

Сегодня даже убеждённые сторонники «болгарской» теории происхождения гагаузов, не признающие в менталитете и культурном наследии гагаузов отзвуков кочевой жизни в прошлом [Стаменова, 2007, с. 7-17], не возражают против того, что, во-первых, в недалёком прошлом в гагаузских сёлах Болгарии День Св. Георгия (Хедерлез) считался «праздником пастухов»; во-вторых, отмечали, что в дни пастушеского праздника хозяева воздерживались от выгона своих овец на пастбище [Стаменова, 2007, с. 235].

Вместе с тем скотоводческий по происхождению праздник ещё в раннем средневековье пришёлся по душе оседлым народам Балкан и дополнил свой сценарий обрядами и ритуалами весеннего обновления природы. «Основните моменти на обичая включват събиране на билки, зеленина, свежи клонки, цветя, гадания за здраве и брак; къпане и миене за здраве; гадания и предсказания за времето; обрядно-магически практики за опазване на реколтата» («Основными частями весеннего праздника выступали собиране лекарственных трав, зелени, свежих веток, цветов, гадания о состоянии здоровья и о браке; купание и мытьё во здравие; участие в магических обрядах с целью сохранения урожая») [Стаменова, 2007, с. 235].

Из сообщения известной болгарской исследовательницы Живки Стаменовой видно, что по мере адаптации среди оседлого балканского населения скотоводческий праздник «дозагружался» элементами из жизни местного оседлого населения и его земледельческого труда. В драматургии Хедерлеза возрастал удельный вес и значение компонентов растительного происхождения. В праздник собирали лекарственные травы, зелень, свежие ветки, цветы, загадывали о состоянии здоровья и семейных отношений, совершали магические обряды во имя сохранения урожая.

Яркий праздник, олицетворяющий радостное оживление природы, привлёк внимание православной церкви, служители которой постарались придать ему христианское содержание и обрамление. Более того, в 1950-е гг. социалистического строительства в Болгарии День Св. Георгия был утверждён в качестве официального праздника – «Дня животновода». Однако смещение акцента с догматики традиционного праздника, доставшегося в наследство от прошлой кочевой жизни, связанной со скотоводством, вряд ли можно считать корректным в качестве праздника животноводов.

И христианская, и социалистическая доктринальная начинка праздника Хедерлеза вносила путаницу. Она мешала восстанавливать стёртые страницы прошлой кочевой жизни гагаузского народа.

Между тем, ещё в средние века, чем дальше на запад двигались, огибая берега Чёрного моря южным и северным путём, огузы, сельджуки, печенег, куманы и другие тюркоязычные народы, тем сильнее становились межэтнические контакты и взаимодействия. Здесь на Балканах, как и чуть раньше в пределах Малой Азии, традиционные культуры кочевников и оседлого населения пришли в соприкосновение. В итоге и те, и другие стали делить год

на летний сезон от Дня Св. Георгия до начала зимнего сезона в День Св. Димитрия.

Путешествуя по Турции, академик В. А. Гордлевский не без удивления обнаруживал значимые итоги «межэтнического смешения», выразившиеся в том, что праздник Хедерлез справлялся, например, в Стамбуле «всем населением, мусульманским и христианским» [Гордлевский, 1962а, с. 61].

В своих теоретических построениях учёный не допускал возможности массового перехода тюрок в Малой Азии в христианство в эпоху сельджукидов Рума. Он полагал, что это могло иметь место раньше, когда тюркские племена служили Византии, то есть до 1071 г., до битвы при Манцикерте, с которой началось завоевание Малой Азии сельджуками. Тем не менее, он доверял народным преданиям о том, что какая-то часть тюрок была насильно обращена в христианство и стала осознавать себя греками. «Веру отдали, но язык не отдали, – говорили соседи о гагаузах, как будто раньше гагаузы исповедовали ислам» [Гордлевский, 1962а, с. 140].

Когда в Турции возникло пуристическое движение против арабских слов, в ряде случаев малопонятных и неудобных, «Касым» из народного календаря перешёл в официальный календарь, и стал обозначать в турецком языке месяц ноябрь, хотя в арабском языке слово *касым* означало «разделяющий год на две половины». В хозяйственной жизни Турции праздник Касым играл ту же роль, что и праздник Хедерлез у гагаузов. «Прежде даже войско распускалось на зимние квартиры, – писал В. А. Гордлевский, – и, если бы начальство вздумало его задерживать, оно всё-таки разошлось бы самовольно. Так было исстари, в эпоху сельджукидов, то есть в XII–XIII вв.» [Гордлевский, 1962а, с. 63].

Трудно переоценить вывод академика В. А. Гордлевского о преемственности в сфере традиционной культуры сельджукидов XIII в. и тюрок на рубеже XIX–XX вв. в свете информации, содержащейся в книге Дмитрия Кантемира «Система, или Состояние мохамеданской религии», находившейся в советские времена в спецхране. Напомню попутно, что в статье «Дмитрий Кантемир – востоковед», опубликованной М. П. Губоглу в 1961 г.: хотя исследователь и отреферировал её оглавление, он выражал сожаление в том, что она была под запретом [Guboglu, vol. III, 1960 (1961), s. 152-153].

При изучении средневековой истории вероятных предков гагаузов особенно остро ощущается дефицит документов и других нарративных источников. Поэтому любые сведения, прямо или косвенно дающие повод связать культуру и историю гагаузов с теми или иными группами тюркоязычного населения («во времени и пространстве» (В. А. Тишков), представляют непреходящий интерес. Таковым, в частности, видится развёрнутое описание гостеприимства («страноприимства») в извлечённой из небытия упомянутой книге Д. Кантемира.

«Страноприимство, – характеризует Дмитрий Кантемир гостеприимство населения двух регионов Турецкой империи – Добруджи и Кони, – по-неже есть аки сестра щедроты, по истине в турецком роде есть суть, бо зело прилежащи страноприимству, и всем мимоходящим странникам, ничтоже

рассуждая о религии, столь представляють и место ко предпочитию показуютъ. Две суть в Турецкой империи, зело пространные страны, една Европейская же называется Добруджие... другая Иконийская в Анатолии, сихъ глаголю стране жители, толикое являют человеколюбие, и страноприимство... всякими дому господин имеет во дворе своём особливую горницу для гостей странных уготованную...» [Кантемир, 1722, с. 228].

В этом бесценном сообщении прославленного молдавского мыслителя и общественного деятеля начала XVIII в., в течение 22 лет наблюдавшего жизнь населения Османской империи, его культуру и историю, догматику и практику исламской религии, видится связующее звено в истории гагаузов, прерванное временем и пространством. Обнаруженные Д. Кантемиром – классиком молдавского, российского и румынского востоковедения, этнокультурные параллели в жизнедеятельности населения Конии и Добруджи, открывают перед этнологией широкие перспективы для изучения этнической истории гагаузов путём междисциплинарных исследований в области материальной и духовной культуры, влияния религиозных и народных верований и традиций на формирование этнических групп и этнических общностей. Методологическими ориентирами в поисках забытых или утерянных звеньев в цепи этнической истории гагаузов могут служить наработки французской историографии конца XX в., показавшие эффективность создания «живой истории» (Л. Февр) путём стыковки истории с антропологией и этнологией [Соколова М. Н., 1979, с. 297-298].

«Грамматика жизни», то есть принципы, правила и философия жизни на Востоке в отличие от женской красоты, которая быстро распускается и быстро увядает, сохраняются долго и передаются из поколения в поколение.

Гостеприимство, как важную составную часть культурного наследия, как отголосок культа предков, гагаузы сохранили не только ментально и вербально, в пословицах, поговорках и поверьях, но и в понимании его в качестве неотъемлемой составной части «человечности» (*адамлык* – от слова *адам* ‘человек’) [Мошков, 1901, № 2, с. 16; Губогло, 2010, с. 249–250].

Можно думать, что гостеприимство («адамлык») как потенциальная душевная и реальная готовность современных гагаузов принимать гостей, вполне корреспондирует с вышеупомянутым сообщением Дмитрия Кантемира об ответственности в этом отношении жителей Добруджи и Конийского региона, с особым великодушием встречавших гостей на рубеже XVII–XVIII вв. [Кантемир, 1722, с. 228].

Существуют две версии относительно вступления Изеддина Кейкавуса II на этнополитическую арену Византии и, далее, защиты Добруджи, где письменная история засвидетельствовала поселения предков гагаузов в XVIII в., накануне их переселения в Бессарабию. В XIII в. эти земли нуждались в защите от внешних нападений.

Согласно одной версии, адептом и певцом которой является известный болгарский историк, крупнейший специалист по истории средневековой Болгарии Пётр Мутафчиев, появление Изеддина Кейкавуса II в районах Северо-Восточной Болгарии не сопровождалось сколько-нибудь массовым пере-

селением его соплеменников – тюркоязычных сельджуков в Добруджу и в некоторые другие районы Балканского полуострова. Его аргументация построена главным образом на сообщениях греческих хронистов, прежде всего на «Истории» Пахимера, заканчивающей изложение исторических событий 1308 г.

Подобно русским монахам-летописцам византийские хронисты тоже не проявляли какой-либо симпатии к тюркоязычным кочевникам, считая их варварами, не способными овладеть догмами и ценностями православной религии.

Согласно другой версии, подкреплённой данными из персидской хроники Ибн Биби, написанной на персидском языке в 1282 г. и переведённой в 1424 г. на тюркский, дополненной и получившей название «Огуз-наме» («Сельджук наме»), бегство Изеддина Кейкавуса II из Конийского султаната сначала в столицу Византии, а затем на Балканы и далее в Крым сопровождалось вселением тюркоговорящих сельджуков в Добруджу и их смешением с ранее осевшими там остатками тюркоязычных печенегов, узов, куман (половцев) и крымских татар.

Под напором Хулагу-хана, владевшего к середине XIII в. Туркестаном, Персией, Месопотамией и Малой Азией, предпочитавшего жить в северо-западной части Азербайджана, Изеддин Кейкавус II вынужден был искать покровительства в Византии у императора Михаила Палеолога VIII. Султан вместе со своей семьёй и свитой надеялся на серьёзную помощь в борьбе с монгольскими завоевателями. Однако его надежды не оправдались. Слабеющая Византия была не в состоянии идти на открытую конфронтацию с могущественным Хулагу.

Византийский император оказался в ситуации «буриданова осла», – между желанием использовать Изеддина Кейкавуса II и его войско в своих интересах и страхом перед Хулагу ханом потерять его доверие и лояльность. С одной стороны, он опасался нависшей над ним угрозы с Востока, с другой, сам надеялся использовать Изеддина Кейкавуса II в борьбе с наступающими с востока монголами и угрожающими с запада крестоносцами. Исходя из сложившейся геополитической ситуации, Михаил Палеолог VIII принял сельджукского беглеца с большими почестями и не лишил его иллюзий вернуть ему власть над Конийским султанатом. С этой целью он позволил Изеддину Кейкавусу II сохранить внешние атрибуты его султанского достоинства, в том числе личных телохранителей.

Однако узнав, что Изеддин Кейкавус II тайно ищет возможности для примирения с Хулагу ханом и монгольскими правителями, Михаил Палеолог VIII предусмотрительно отправил его семейство и свиту в Никею, а самому предложил поселиться в Добрудже.

В июле 1261 г. Константинополь был освобождён от крестоносцев, и Михаил Палеолог VIII пригласил в столицу Изеддина Кейкавуса II. По сведениям греческих хронистов, оказавшись отстранённым от политических дел, Изеддин Кейкавус II повёл себя недостойно, предавшись пьяным оргиям и распутству. Сам же император, убедившись, что Изеддин Кейкавус II не

представляет серьёзной угрозы, попытался урегулировать отношения с монгольской элитой. Сближение с ними было подкреплено браком незаконной дочери императора с Апагой, сыном и наследником Хулагу. По сообщению Пахимера, византийская принцесса была сосватана для самого Хулагу, но пока она находилась в пути, Хулагу умер (1265), и невеста в соответствии с монгольскими обычаями досталась его сыну и наследнику – Апаге.

Пребывая «в гостях» в византийской столице, Изеддин Кейкавус II убедился в нереальности своих ожиданий помощи от императора и, подстрекаемый своими сторонниками, решился на государственный переворот. Однако император был вовремя оповещён; он убил одного и ослепил другого руководителя сельджукской армии и помиловал лишь тех тюркских солдат, которые согласились принять православие. Изеддин Кейкавус II и два его старших сына были заключены в крепость.

Попытка Изеддина Кейкавуса II устроить государственный переворот и сместить с трона византийского императора, закончилась неудачно. «Его слуги были высечены и, в посрамление, одетые в женские платья, прогнаны с царских глаз; жена, дочь, мать и сестра султана, равно как и дети его и вся прислуга, заключены в крепкие тюрьмы; а все его сокровища, деньги серебряные и золотые, богатые покрывала, одежды и пояса, а также жемчуг и драгоценные камни – словом, все предметы персидской роскоши, как называли их, сданы в общественное казначеище» [Пахимер, 2004, с. 153-154].

Ещё накануне мятежа Изеддин Кейкавус II установил контакт с одним из своих влиятельных родственников, проживающим на севере от Чёрного моря. В письменном обращении к нему султан писал, что, во-первых, византийский император, казавшийся другом, на деле оказался «настоящим врагом», во-вторых, советовал своему родственнику *вуйча* (дяде, брату матери) вместе с болгарским царём Константином напасть на Византию, чтобы спасти султана из плена.

В отличие от византийских хроник несколько иначе выглядит версия судьбы Изеддина Кейкавуса II в «Огуз-наме», представляющем собой раннее изложение истории сельджукидов. Версия основана на переработке сочинения Ибн Биби придворным поэтом султана Мурада III (1574–1595) Сеидом Локманом.

Сообщение персидской летописи совпадает с данными византийских хронистов в той части, где говорится, что Изеддин, не выдержав угроз Хулагу хана и интриг со своим братом Рукнеддином Кылыч Арсланом IV, отправился на корабле из Анталии, что на берегу Средиземного моря, и вместе со своим семейством, слугами и сокровищами прибыл в Константинополь.

Хан Золотой Орды Берке освободил из плена Изеддина Кейкавуса II и предоставил одному из его младших братьев, Рукнеддину Кылыч Арслану IV, место для проживания в Крыму [Смирнов, 1887, с. 18 и след.].

После смерти Изеддина Кейкавуса II Сары Салтык при содействии хана Берке вернул сельджуков, оказавшихся в Крыму, обратно в Добруджу.

Противники теории «сельджукского» происхождения гагаузов, полагаясь на авторитет П. Мутафчиева, считают, что, во-первых, не существовало

реального Сары Салтыка и что, во-вторых, его культ появился в Добрудже лишь в XV–XVI вв. Но в этом случае остаётся непонятным, каким образом автор персидской хроники XIII в. Ибн Биби и османской хроники начала XV в. Языджиоглу Али знали о том, что люди Изеддина Кейкавуса II вместе с Сары Салтыком попали сначала в Добруджу, затем переселились в Крым и, наконец, часть их вернулась в Добруджу и оказалась в плотной христианской среде в незначительном количестве.

Ещё в оригинальном источнике «Мусамарат ал-ахбар ва мусайрат ал-ахйар» («Беседа об известиях и соперничестве хороших»), написанном в 1323 г., приводятся сведения «об отъезде султана Изз ад-дина, о его жизни в Константинополе, о заговоре и заключении султана в крепость, об освобождении его во время похода золотоордынского хана Беркая и о его пребывании в Крыму» [Бартольд, 1973а, с. 233].

Пауль Виттек, внимательно и беспристрастно проследивший судьбу Изеддина Кейкавуса II по некоторым персидским, византийским и тюркским источникам, подводит итог своим исследованиям, связывая судьбу сельджукского султана Изеддина Кейкавуса II и его наследников с этнической историей балканских гагаузов. Согласно его точке зрения, один из его сыновей возвращается в Малую Азию и занимает трон Конийского султаната, другой сын заканчивает жизнь как исламский святой, третий сын завершает свой жизненный путь как правоверный мусульманин среди христианского населения. Однако его потомки и сподвижники принимают православие, несмотря на то, что сражались под знамёнами оттоманского султана, главного проповедника ислама. Часть этих воинов вернулась в Анатолию и сохранила себя в исламе, в то время как другая часть осталась на Балканах и приняла православие [Wittek, 1959, s. 12-24].

Тема личности Изеддина Кейкавуса II и роли, сыгранной сельджуками в середине XIII в. в межэтнических отношениях в странах, прилегающих с юга и с севера к Чёрному морю, представляет интерес как один из ярких эпизодов этнических движений и межэтнических смешений, которыми так богата судьба тюркоязычных кочевников. Изучение этой темы позволяет видеть сюжеты, факты и события, заложившие основы этнической истории.

В «Исследованиях, замечаниях и лекциях о русской истории», изданных в 1857 г., М. Погодин высказал догадку о смешанном характере южнорусских кочевников. Анализируя этнический состав чёрных клобуков, он, в частности, отмечал: «Чёрный Клобук поставлен здесь как сумма под слагаемыми». К такому выводу его подвигло летописное сообщение под 1169 г., где было сказано, что «К Мстиславу Изяславичу пришли Берендичи все, и Торки, и Печенег, и весь Чёрный Клобук». Более того, М. Погодин предполагал, что и термины «Пиршане, Поросье, по Рси употреблялись также для означения всех этих племён» [Оболенский, 1850; Погодин, 1857, с. 196; Голубовский, 1884, с. 153, 154].

Приводными ремнями межэтнического смешения служили социально-экономические процессы, наиболее ощутимо проявившиеся в торговых центрах, расположенных в Крыму и по берегам Чёрного моря [Карпов С. П., 1990].

Причиной многих кардинальных сдвигов в этнической ситуации Причерноморских степей, Малой Азии и Балканского полуострова стала сложная обстановка, создававшаяся для тюркоязычных народов после татаро-монгольского нашествия.

Иногда процессы межэтнического смешения искусственно прерывались. Так, например, в 1779 г. крымские греки и армяне были выселены из полиэтничного Крыма и поселены в других местах: греки в Мариуполе, армяне – в Нахичевани [Тунманн, 1936, с. 82].

Межэтническое смешение – основа маргинальности личности Изеддина Кейкавуса II

Изучение повседневной жизни тюркоязычных сельджуков, стоявших по выражению В. А. Гордлевского «на перепутье между Востоком и Западом», имеет исключительно важное значение не только для восстановления истории и культуры огузов, двигавшихся на запад с просторов Сибири и Средней Азии, но и для понимания межэтнических отношений с местным населением.

Маргинальные идентичности Изеддина Кейкавуса II, подобно бренду, фокусируют в себе XIII в. как период коренных перемен в судьбе малоазийских и балканских тюрок, как время крупных трансформационных сдвигов и сложнейших межэтнических отношений, имевших место в Малой Азии и сопредельных странах Юго-Восточной Европы, включая Крым, Причерноморские степи, Бессарабию, Добруджу, районы Румынии и Венгрии [Карпов, 2000; 2007]. Не вдаваясь в подробности, перечислим вкратце элементы традиционной культуры гагаузов, связанные с православием, но имеющие аналоги в исламской культуре и прежде всего в традиционной культуре сельджуков и осман, солидаризируясь при этом с примерами, попавшими в поле зрения известного турецкого исследователя Харуна Гюнгера в его опубликованных трудах и на сайте в Интернете [Güngör, Argunşah, 1991, s. 25-47].

Знаменательные с точки зрения сопоставительной этнологии черты материальной и особенно традиционной духовной культуры современных гагаузов некоторые исследователи обоснованно усматривают в итогах интерференции православной и исламской культур, происходившей в XIII–XIV вв. с традиционной культурой сельджуков. В частности, вполне корреспондируют сохранившиеся у гагаузов до сих пор обычаи жертвоприношения, номинированные в гагаузском и турецком языках словом *курбан* [Губогло, 2010, с. 230-248] и связанные с культом предков. С культом предков также связаны популярные обычаи оказания помощи бедным и омовения умерших [Губогло, 2010, с. 263-266].

Когда отец Изеддина Кейкавуса II погиб в 1211 г. от случайного удара, приняв противника за одного из членов своей свиты, тело султана было омыто розовой водой, надушено мускусом и похоронено временно на мусульманском кладбище, а затем перевезено в Конию и погребено в гробнице его предков из знаменитой династии Хюсревов [Мелиоранский, 1894, с. 629].

В известной мере корнями, уходящими в маргинальное время XII–XIV вв., отмечены в гагаузских нарративных источниках такие представления, как

плохое отношение к попам, безгреховное убийство цыган за кражу лошадей, настороженное отношение к сглазу и связанные с этим муски, обереги и другие предохранительные приёмы. Согласно полевым наблюдениям и опубликованным фольклорным текстам, среди гагаузов существует поверье, что в первую очередь в ад попадут попы, и что утренняя встреча с попом ничего хорошего не сулит, удачи не принесёт.

Отсутствие каких-либо иллюзий относительно попов находит своё отражение в гагаузском фольклоре. Так, например, в одной из пословиц обличается жадность: «*Папаза некадар версен, доймаз*» / «Попу сколько бы не дал, всё таки не насытится» [Zajaczkowski, vol. V, 1962, p. 154].

В другой выражается недоверие к нему: «*Попазын лафларыны сесля, амма иаптылина иапма*» / «К словам попа прислушивайся, но не делай того, что он делает». Вряд ли можно судить об уважительном отношении к батюшке, судя по его легковесному авторитету: «*Баалы попаз кавга иапмаз*» / «Связанный поп скандал не учинит». Перевод В. Зайончковского звучит не вполне корректно: «Связанный поп не дерётся» [Zajaczkowski, vol. V, 1962, p. 132].

В гагаузском и турецком языке *ад* обозначается одним и тем же словом – *сendem* – в гагаузском, *sehennem* – в турецком. Более 700 лет проживая по соседству со славянскими народами, румынами и молдаванами, гагаузы тем не менее обращаются к Богу – *Allahım*, в отличие от лиц другой национальности, исповедующих православие и предпочитающих термины: *Boje, Teos, Rom, Dumnezeu*. В повседневной жизни популярны словосочетания:

Allah biler – Бог его знает,

Allah kısmet etmesin – не дай Бог,

Allah verär – Бог даст,

Allaha şükür – слава Богу,

Allahlan – с Богом,

Allah seni korusun – иди с Богом, храни тебя, Бог.

На заднем стекле микроавтобуса, на котором однажды мне довелось путешествовать по азиатской Турции, было написано «*Allah korusun*» / «Боже сохрани», что служило предупреждением, как объяснил водитель: «Не уверен, не обгоняй».

Гагауз, совершивший хадж, получал почётное звание *хаджи*. Для мусульман, совершивших хадж в Мекку для поклонения храму Каабе и в Медину к гробнице Мухаммеда, устраивался день празднеств – Хаджи-байрам [Челеби, 1961, с. 250]. Впечатляет сходство традиционных обычаев у сельджуков и гагаузов в драматургии свадебного ритуала, в котором важная роль принадлежала свату (*дүнүр, дүнүрцү*) [Гордлевский, 1912, с. 6].

В Турции до сих пор в любом магазинчике или сувенирной лавке можно увидеть голубой глаз в дорогом или простом обрамлении. Издавна среди малоазийских и балканских тюрок обереги от сглаза считаются одинаково предохраняющими от неприятностей человека, независимо от его религиозного вероисповедания.

Пристрастие гагаузов к скотоводству как реликт прежней кочевой жизни, вероятно, идёт из глубины веков, из доисламских времён. Во имя здо-

ровья домашних животных в первые 10 дней месяца марта (*Babu marta*) у гагаузов принято носить подобно браслету туго переплетённые красные и белые нитки.

Страсть к ковроткачеству до недавнего времени была одна из сильнейших в образе жизни гагаузов. Вряд ли гагаузская девушка могла рассчитывать на удачного жениха, если она не умела искусно ткать ковёр или покрывать причудливым узором полотенце, растительным орнаментом рукав рубашки или дарственный платок своему избраннику. Как тут не вспомнить всемирно знаменитые бактрийские, парфянские или известные сельджукские ковры. Неудивительно, что гагаузское ковроткачество хотя и пришло в Бессарабию из Добруджи, на самом деле уходит своими корнями в тюркское искусство ковроткачества времён сельджукидов, когда особенно славились ковры, сделанные кочевниками или бывшими кочевниками. И это мастерство несёт в себе не меньше информации, чем извлечённые из земли монеты или остатки разбитой бытовой утвари [Царева, 2004, с. 202-224; 2009, с. 135-148].

Не только в религиозных воззрениях смешивались исламские и христианские догмы и нормы поведения, но и в быту различных групп населения происходило взаимопроникновение культурных артефактов и навыков жизнедеятельности. В хронике Ибн Биби, как одном из ранних источников по истории и этнографии сельджуков, имеется красочное описание пира, устроенного византийским императором в честь улаженного спора с сельджукским султаном Изеддином Кейкавусом II. При звуках музыки на стол подавались турецкие и греческие кушанья, а вино, вопреки догмам ислама, «лилось рекой».

Какими бы противоестественными и шаткими ни выглядели аналогии, они способствуют пониманию этнокультурных и этнополитических параллелей, а, следовательно, и перипетий этнической истории, в том числе и сельджукских следов в традиционной культуре гагаузов. Однако сколь бы увлекательными эти аналогии ни были, в них всё же исчезает осязательность фактов и отсутствует убедительность нарративных источников. Погоня по следам исчезнувших культур и народов продолжается.

Многоязычие Изеддина Кейкавуса II не было чем-то оригинальным. Для Малой Азии XIII в. была характерна ситуация, благоприятная для просачивания иноэтнических и иноземных влияний. Смешение языков и народов в Малой Азии было глубоким и масштабным. В хронике Ибн Биби, например, упоминается полиглот Закария, владевший кроме тюркского и персидского ещё пятью языками [Гордлевский, 1941, с. 71].

Из хроники Ибн Биби известно, что родной дед Изеддина Кейкавуса II, сельджукский султан Алаеддин Кейкубад I, «бесподобно играл» в шахматы [Гордлевский, 1912, с. 6]. Более того, он наизусть знал и часто повторял рубаи Омара Хайама, не смущаясь тем, что они написаны на персидском языке. Автор Ибн Биби оправдывает двуязычие и иноязычие художественных увлечений сельджукского султана тем, что в то время, то есть в начале XIII в. турецкой (сельджукской) поэзии ещё не существовало [Гордлевский, 1912, с. 7].

На формирование романтических черт в характере и в поведении Изеддина Кейкавуса II, вероятно, оказал влияние его двоюродный дед Изеддин

Кейкавус I. По его повелению, в частности, было написано специальное «Введение» к сочинению Ибн-Ала с изложением в стихах народных преданий о завоевании предками сельджуков Малой Азии [Гордлевский, 1941, с. 12].

С именем Изеддина Кейкавуса II, как и с именем другого представителя султанской династии Хюсревов, связано укоренение этнической идентичности тюрок-сельджуков. Он был достойным продолжателем дела своего отца Гияседдина Кейхюсрева II (1237–1245 гг.) и дедов: родного – Алаеддина Кейкобада I и двоюродного – Изеддина Кейкавуса I (1210–1219). Именно на Изеддина Кейкавуса II историей была возложена миссия борьбы за утверждение тюркского языка в Конийском султанате. Этническое самосознание и чувство любви к своему Конийскому государству укреплялось у его обитателей в непростых условиях татаро-монгольского нашествия в пределы Малой Азии.

«Прежде понятие о родине, – как было замечено академиком В. А. Гордлевским, – было чуждо и непонятно: сплошь и рядом турок (имеется в виду – тюрок – М. Г.) бросал государство и уходил в Византию; родственник султана мол, из мести, мог предаться монголам, но так поступали и соседи – “просвещённые византийцы”. Теперь представители области Карамана, феодалы сельджукидов, взяли на себя защиту поправленных прав. Это они, беи уджей: Караман, Зейнал Хаджи, Бунсуз, захватив 30 тысяч конников, пошли на Конью и требовали, чтобы на престоле был водворён Изеддин Кейкавус II; это они повели борьбу за торжество турецкого (тюркского – М. Г.) языка» [Гордлевский, 1941, с. 38].

Торговля и государственность – катализаторы перехода от кочевой жизни к оседлости

Интерес к взаимовыгодной торговле, развивающейся по портовым городам на берегах Чёрного и Средиземного морей, возбуждал аппетиты сельджукской аристократии. Так, например, прадед Изеддина Кейкавуса II, конийский султан сельджуков Гияседдин Кейхюсрев I, озабоченный поисками выхода к Средиземному морю, в 1207 г. завоевал Анталию и заключил с венецианцами успешный торговый договор. «Огуз-пастух, – комментировал академик В. А. Гордлевский рынок полукочевых тюрок на Запад, – превращается в купца, он зовёт купца из-за моря» [Гордлевский, 1941, с. 33].

Во второй половине XI в. сельджуки окончательно освоили Малую Азию. Вместо бесконечного поиска новых пастбищ и кочевания с места на место они начали укреплять государственность. Султан Месуд водворяется в завоёванной в 1077 г. Сулейманом Конии и объявляет её столицей государства сельджукидов.

Согласно хронике Языджиоглу, дед Изеддина Кейкавуса II, конийский султан Алаеддин Кейкубад I, в часы досуга делал луки, плотничал, разрисовывал, шорничал, изготавливал ножи. Считалось, что если султан на всё способен, то и люди его не должны были уступать ему [Гордлевский, 1941, с. 101].

Сельджукские султаны унаследовали от предков – огузов страсть к лошадам. Конь как утеха наездника, совершающего набеги, высоко ценился

среди сельджуков Малой Азии [Гордлевский, 1941, с. 55]. До сих пор Каппадокию именуют в переводе с хеттского «Страной чистокровных лошадей». В соционормативной культуре гагаузов культ коня занимает видное место [Губогло, 2010, с. 316-318].

Тюркоязычные кочевники Малой Азии, как восточные люди, в XIII в. проявляли большой интерес к блестящим украшениям. В хронике Языджиоглу Али упоминаются шапки, пояса, украшенные драгоценными камнями, ювелирные изделия. Ювелирное дело процветало в Конийском султанате, в городах на побережье Средиземного моря. Понимал толк в драгоценных камнях и дед Изеддина Кейкавуса II, конийский султан Алаеддин Кейкубад I [Гордлевский, 1941, с. 104].

Жена султана Гияседдина Кейхюсрева II Гюрджи-хатун, грузинка, заплатила однажды большие деньги за предложенный ей рубин: 180 тысяч диргемов. Роскошная жизнь султана и украшения должны были укреплять его имидж и авторитет.

В одной из средневековых хроник сообщается, что «красивый невольник-христианин продавался на базаре в Кайсери за 50 акча, то есть за ту же сумму, что и корова» [Гордлевский, 1941, с. 128].

В портовых городах на малоазиатском и крымском побережье купцы из Генуи и Венеции скупали «живой товар» и сотнями, а то и тысячами развозили его по средиземноморским странам. В соответствии с торговым договором, заключённым в 1220 г., сельджукиды предоставляли купцам большие льготы и привилегии. Товары, пользующиеся повышенным спросом, как, например, серебро и золото в слитках или монетах, зерно, были освобождены от пошлин. Дед Изеддина Кейкавуса II, сельджукский султан Алаеддин Кейкубад I, продолжая политику брата и отца, допускал свободный беспошлинный ввоз в страну дорогостоящих товаров, пользующихся спросом у богатейшей сельджукской прослойки.

Гильом де Рубрук встретил в столице Конийского султаната двух итальянских купцов, генуэзца и венецианца, которым султан Изеддин Кейкавус II предоставил исключительное право на торговлю квасцами в Малой Азии [Плано Карпини, 1997, с. 187].

Даже султан, проживая в середине XIII в. в городе, тоскует по кочевой жизни. Ему не сидится на месте: из Конии он часто наезжает в Кайсери, а на зиму ездит к Средиземному морю – в Анатолию. Отзвуки кочевой жизни далёких предков сохранялись у турок, по словам академика В. А. Гордлевского, до конца XIX в. Деревни и города, расположенные на побережье Средиземного моря, летом словно вымиралы, жители забирали скот и поднимались на яйлы, ища там прохлады от душного зноя [Гордлевский, 1941, с. 47].

Дополнительный свет на жизнь тюркоязычных кочевников проливают археологические раскопки, начатые во второй половине XX в. в Буджакской степи, в Крыму и на западных границах Золотой орды, но, к сожалению, прерванные после распада Советского Союза. Анализ полученного инвентаря, особенно монет, подтвердил предположение известного российского археолога Г. А. Фёдорова-Давыдова о том, что находки джучидских монет на западе

причерноморских степей указывали на более интенсивное развитие товаро-денежных отношений степняков Приднестровья во второй половине XIII в., нежели где-либо восточнее в степях Дешт-и-Кипчака [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 216; Добролюбовский, Русев, 1985, с. 60-61].

Оживлённую торговлю с итальянскими колониями в Северном Причерноморье наладил дед Изеддина Кейкавуса II, сельджукский султан Алаеддин Кейкубад I (1219–1237). В одной из подписанных им грамот, он именовал себя: «Ала-ед-дин, великий султан Иконии и властитель всех земель, находящихся на востоке и в полночной стране, а также Великой Каппадокии («Alatinus Magnus Soldanus Iconii e Potestas omnium terrarum per Orient et Septentrionalem Plagam existentium et Magnae Cappadociae») [Гордлевский, 1941, с. 34].

Изеддин Кейкавус II был приверженцем справедливости, хотя мотивировка справедливости порой вытекала скорее из экономических, нежели из правовых или нравственных побуждений. Как и другие султаны из династии Хюсревов, он, в частности, ревниво оберегал интересы купцов. Стоило где-нибудь кому-либо обидеть купца, как сельджукский султан «предпринимал поход, чтобы наказать грабителя. Всё похищенное у купца, всё, что он потерял, восстанавливалось из военной добычи или из запасов, бывших в распоряжении наместника-феодала. Так, например, желая загладить неприятное впечатление, какое могло произвести за границей известие о небезопасности путей, султан Изеддин Кейкавус I (двоюродный дед Изеддина Кейкавуса II) освободил купцов из Хорасана и Ирана, иранцев или арабов, ограбленных в Анатолии, от уплаты торговых пошлин» [Гордлевский, 1941, с. 118].

Для создания благоприятных условий на торговых путях сельджукские султаны и их высокопоставленные чиновники строили караван-сарай («конаки»). Как тут не напомнить, что в пору развития базаров в Буджаке, жилищные гагаузы возводили большие дома с запасом «свободных» комнат для приезжающих гостей в базарный день. Такие дома назывались «конак еви». Уходила ли эта традиция своими корнями в сельджукскую торговую цивилизацию, трудно сказать. Однако современные путешественники до сих пор любуются караван-сараями, выстроенными сельджукскими султанами на стыках и перекрёстках Малоазийских дорог. Таков, в частности, караван-сарай Султанхан, построенный в 1229 г. султаном Алаеддином Кейкубадом I. Построенный на стыке дорог из Конии, Ладика и Анкары, он имел важное торговое и стратегическое значение, так как караваны и сотни верблюдов вместе со своими сопровождающими находили в нём удобный и безопасный приют. Караван-сарай был разрушен во времена монгольского нашествия, но восстановлен, судя по надписи, султаном Изеддином Кейкавусом II, внуком Алаеддина Кейкобада I [Гордлевский, 1941, с. 119].

На рубеже XIII–XIV вв. на территориях, прилегающих к Чёрному морю, процветала торговля. Носителям тюркских языков и диалектов были хорошо известны названия драгоценных камней: *yacut* – рубин, *laal* – бадахшанский рубин, *chabut-yapent* – сапфир, *smurut* – изумруд, *yalmaz* – алмаз, *ingcu* – жемчуг [Drimba, 2000, с. 97].

На рубеже XIII–XIV вв. разбогатевшая часть тюрок причерноморских степей, куман, остатков печенегов и узов, а также сельджукидов Малой Азии обладала значительными накоплениями. По свидетельству хрониста Никифора Григора (1295–1359), когда сельджуки бежали на запад, спасаясь от татаро-монгольского нашествия, «дороги запрудили этим народом, женщинами, мужчинами, молодыми людьми. Всё богатство турок (значит, оно было – М. Г.) – серебро, золото, ткани, драгоценности – всё переходило в руки римлян» [Гордлевский, 1941, с. 37].

Об оживлённой торговле по северным и остальным берегам Чёрного моря можно судить не только по данным нарративных источников, но и по археологическим данным. Особое значение при этом имеет топография монетных находок, на изучение которых в связи с проблемами этногенеза гагаузов, в частности, обратил внимание болгарский исследователь Г. Атанасов [Атанасов, 2009, с. 481].

Раскопки, проведённые одесским исследователем А. О. Добролюбским и молдавским учёным Н. Д. Руссевым, показали, в частности, что на территориях, прилегающих к Нижнему Дунаю, преобладают монеты XIII в. Так, например, клады, найденные в ходе раскопок, проведённых к западу от Днестра, – Аккерманский, Оцеленский и Узунбаирский – насчитывают сотни монет конца XIII в., и в этом отношении с ними не может сравниться ни один из известных кладов джучидских монет более позднего времени [Полевой, 1979 (табл. 13); Добролюбский, Руссев, 1985, с. 61].

Обширный вновь найденный нумизматический материал позволил предположить, что в конце XIII в. на Нижнем Дунае возник и успешно функционировал центр тюркоязычных кочевников, в котором, как в «плавильном котле», происходило смешение различных групп тюркоязычного населения [Piescu, Simon, 1964, s. 217–228; Добролюбский, Руссев, 1985, с. 61].

О наличии интенсивных межэтнических связей между тюркоязычными кочевниками Крыма, Подунавья и Добруджи можно судить по монетам болгарского царя Георгия I Тертера (1280–1292 гг.), чеканившихся после 1285 г. На них изображены полумесяц, звезда и фигурка человека. Появление этих символов красноречиво свидетельствует о наличии торговых связей между Болгарским государством и Золотой ордой, между которыми, подобно природному мосту, пролегла Добруджа, населённая к тому времени этнически смешанным населением из остатков печенегов, узов, куман и новопришельцев – турок-сельджуков, потомков среднеазиатских огузов. Ещё одним героем на этнополитической сцене Подунавья и южных пределов Буджакской степи был в конце XIII в. крымский хан Ногай с крымскими татарами. На одной из серебряных монет Узунбаирского (*Узун баир* – длинная гора – М. Г.) клада с изображением татарской тамги исследователи прочитали имя повелителя западных пределов Золотой Орды – темника Ногай. По предположению монета была отчеканена в г. Вичине в устье Дуная [Piescu, Simon, 1964, s. 226; Добролюбский, Руссев, 1985, с. 61].

Маргинальность духовных воззрений и религиозной идентичности

Двоевластие и троевластие, особенно когда на Конийском престоле оказались Изеддин Кейкавус II и двое его младших братьев, порождало соперничество, ослабляло авторитет и имидж враждующих группировок, подрывало предписания «мохамеданской религиозной системы».

По данным болгарского исследователя Валерия Стоянова*, последним потомком куман, знавшим отдельные фразы и молитву «Отче наш» на языке своих предков, был Стефан Варон. С его смертью в 1770 г. язык куман перестал быть «живым» языком [Стоянов, 1997, № 1, с. 43], хотя немало его следов (слов) сохранилось в ряде современных тюркских языков, в том числе в гагаузском.

После победы при Манцикерте в 1071 г. (Малазкиртя) Малая Азия перешла во владение сельджукам. Однако ещё за два десятилетия до этого события, византийский император Константин Мономах, в знак благодарности Великому Сельджукиду Тогрул-беку восстановил в Константинополе мечеть и обеспечил её существование [Гордлевский, 1941, с. 23].

Официальная религиозная идентификация огузов представляла, по мнению В. А. Гордлевского, лишь «внешнюю оболочку». Приверженность исламу не мешала огузам и их потомкам, сельджукам Малой Азии, долгое время сохранять одновременно со старым родовым именем, воспринимаемым как прозвище, и новое мусульманское имя. В источниках зафиксированы случаи, когда родовое имя или прозвище вытесняло более позднее имя, едва ли не насильно навязанное исламом огузам.

О маргинальности религиозной идентичности, выраженной в форме приверженности одновременно двум религиозным догмам, свидетельствуют надписи на некоторых монументальных постройках в Малой Азии. Например, отец Изеддина Кейкавуса II, прославленный сельджукский султан Гияседдин Кейхюсрев II (1237–1245) именовал себя «истребителем неверных и многобожников», «султаном Рума, Армении, Диярбекира и Сирии», «повелителем побережья» [Гордлевский, 1941, с. 34].

Не случайно академик В. А. Гордлевский вслед за В. Д. Смирновым сделал вывод «об исконном двоеверии христианского населения Малой Азии», зародившемся на почве старых культур, когда двоеверие росло и крепло на основе взаимодействия религиозных систем.

Немалую роль в налаживании социального капитала [Френсис Фукуяма] между группами населения, исповедующего ислам или христианство, сыграло сплочение в общей борьбе с наступающими крестоносцами. Выбор местного населения между сельджуками и крестоносцами способствовал складыванию межэтнической и межконфессиональной солидарности. Потерпев поражение и разочарование от мнимых спасителей Гроба Господня, Византия прибегла к сельджукам, видя в них спасение от крестоносцев.

* По просьбе участника Венецианской конференции Александра Айбабина очерк «История изучения Кодекса Куманикус» был передан Валерием Стояновым в его распоряжение и опубликован на русском языке с искажением имени автора [См.: Стоянов, 2003а].

Молитву «Отче наш», в течение столетий передававшуюся на куманском языке в устной и письменной форме, выдающийся венгерский востоковед Ю. Немет слышал у себя на родине в окрестностях г. Карцат в детстве [Немет, 1963, с. 135].

О наличии домусульманских обычаев хоронить покойного свидетельствовал Языджиоглу Али. Так, например, когда в Конию привезли тело султана двоюродного деда Изеддина Кейкавуса II, Гияседдина Кейхюсрева I (1192), павшего в битве с греками, его сын Изеддин Кейкавус I (1210–1219), во-первых, устроил богатые поминки, следуя правилам культа предков, во-вторых, поместил в усыпальнице его верховую лошадь, которую по пятницам покрывали красным туркестанским атласом [Гордлевский, 1941, с. 57].

Идеологема обычая исходила из того, что лошадь, как спутник человека на земле, была талисманом, служившим хозяину и охранявшим его после смерти [Гордлевский, 1941, с. 57].

С целью утверждения католицизма среди половцев, проживавших в начале XIII в. в Карпато-Дунайских землях, были организованы специальные епископии. Из ряда опубликованных документов, в том числе из письма папы Гонория III куманскому епископу (Episcopo cumano) от 28 августа 1217 г., послания от 7 июля 1218 г., а также из письма каноников Куманской (половецкой) епископии папе Гонорию III видно, что куманские епископии уже имели определённую организационную структуру. Их первостепенная задача состояла в последовательном обращении куман в христианскую веру, в крещении тех групп куманского населения, которые ещё не были охвачены христианизацией.

Не только этическая и конфессиональная ситуации Малой Азии были пропитаны духом смешения и плюрализма. Великолепные памятники эпохи расцвета сельджукидов сочетали в себе стили разных культур. Так, например, городские стены столицы сельджукидов сохранили вплоть до середины XIX в. обломки всяких надписей, античных и византийских. Языческие алтари, христианские надгробья, изображение святых, гелленские кресты, римский орёл «и арабский лев», надвратные барельефы – Ормузда и Аримана. По словам французских наблюдателей, восторгавшихся конийскими культурными памятниками, можно было видеть «беспорядочное смешение памятников, стилей, собранных из разных эпох» [Гордлевский, 1941, с. 131].

Постмонгольский период характеризовался процессами межэтнического смешения не только в южночерноморских, но и северночерноморских территориях, населённых, соответственно, потомками огузов и кыпчаков.

Неоднократно переселявшиеся в Венгрию куманы смешивались с венгерским населением. Процессам межэтнического смешения в немалой мере способствовали два куманских епископа, о деятельности которых известно по историческим данным за 1217–1218 и 1228–1241 гг. [Голубовский, 1889, с. 68; Князький, 1980, с. 244–245; Стоянов, 1997, с. 58].

В отличие от куман, смешивающихся с венграми, другая их часть, проживающая в Крыму, причерноморских степях, в том числе на придунайских землях и в Буджакской степи, смешивались с ногайскими татарами. При этом

межэтнические контакты были настолько интенсивными, что академик Ю. Клапрот предполагал возможность формирования некоей единой тюркоязычной «нации» [Klaproth, 1826, s. 106; Стоянов, 1997, с. 58].

Вместе с тем при добровольном переходе или насильственном переводе населения из одной в другую религиозную систему порой особой идиллии не наблюдалось. Так, например, когда войско сельджукского султана Алаеддина Кейкобада I (деда Изеддина Кейкавуса II) завоевало в Крыму город Сугдак в 1221 г. (или 1222 г., точно не установлено), было приказано «простить жителей Сугдака в преступлениях и винах, однако с условием, чтобы вместо икон и колоколов там были установлены михраб (священная молитвенная ниша в стене мечети, ориентированная на Каабу в Мекке, «ворота рая» – М. Г.), минбар (кафедра или трибуна в мечети, предназначенная для чтения Корана и проповедей – М. Г.), и шариат (свод религиозно-этических и правовых предписаний, опирающихся на Коран, сунну и мусульманское право – М. Г.)» [Якубовский, 1927, с. 58].

Отдельные «блики» демократии проявлялись, например, в том, что один из султанов династии Хюсревов Алаеддин Кейкобад I (дед Изеддина Кейкавуса II) демонстративно являлся в суд, и всякий мог предъявить к нему иск или подать ему жалобу.

Об относительной открытости этого режима можно, в частности, судить по карьере Мюбаризеддина Чавлы, бывшего одним из эмиров, достигшего высокого статуса, несмотря на своё рабское происхождение. Ему удалось занимать высокие государственные посты в периоды правления Гияседдина Хюсрева I (прапрадеда Изеддина Кейкавуса II).

Этнически смешанные браки

Переселения огузских племён в Малую Азию в XIII в. представляли собой внешнюю историю этногенетических процессов. Внутренняя история состояла из смешения традиционных огузских обычаев, сложившихся в пору кочевой жизни, с элементами иранской культуры и культуры разноэтнического местного населения. Здесь, в Малой Азии, как отмечал академик В. А. Гордлевский, «в гаремы сельджукидов вступали невольницы, наложницы и жёны из местных христианок, потомки тюркских племён, давно осевших в Малой Азии, уроженки Кавказа, представительницы различных национальностей» [Гордлевский, 1941, с. 165]. Так, например, как известно, жену султана Изеддина Кейкавуса II звали Гюрджи-хатун. Она была грузинкой. Султан Кейхюсрев II был женат на дочери Эюбида (князя Алепп). Её звали Газия-хатун [Гордлевский, 1941, с. 33].

В источниках содержится немало сведений о незаконорожденных детях, которые делали впечатляющие карьеры. Так, например, рождение одного из высших сановников Конийского султаната – Садеддина Кюпека связывали с любовным приключением отца Изеддина Кейкавуса II, сельджукского султана Гияседдина Кейхюсрева I, занимавшего трон султаната в 1192–1196 гг. и в 1205 г. [Татарлы, 2008/2009, с. 155].

Овладев городом Аланией, один из сельджуков султанов, Алаеддин Кейкобад I взял себе в жёны дочь побеждённого градоначальника. Город был населён представителями различных национальностей, но об этнической принадлежности дочери градоначальника прямых сведений нет.

Рождённые от христианок или женатые на христианках, сельджукиды, как отмечал В. А. Гордлевский, наружно исповедовали ислам, но втайне это были христиане [Гордлевский, 1941, с. 180]. Византийский хронист Никифор Григора сообщает, что «султан Азатин (Изеддин Кейкавус II – М. Г.) сын христианских родителей, был омыт святым крещением. Сделавшись султаном и вождём турок, он соблюдал обряды благочестия втайне и исполнял все обычаи христиан, а в Константинополе почитал святые иконы» [Гордлевский, 1941, с. 180]. Когда грузинская царица выдала свою дочь Тамару за сына сельджукского султана, она выговорила условия для сохранения ею христианского вероисповедания [Гордлевский, 1941, с. 32].

Многообразие форм межэтнического смешения, взаимного влияния религиозных систем отчётливо виделось блестящему знатоку восточных источников В. А. Гордлевскому. Подводя итоги своих исследований формальных и неформальных аспектов образа жизни сельджуков, он, в частности, писал: «...Султан Рукнэддин требует от Тамары, чтобы на его глазах тот, кто хочет сохранить жизнь, растоптал крест, символ христианства, а христиане клянутся, что из храмов они будут изгонять мусульман, но всё это – затверженные слова, подсказанные духовенством, а жизнь сглаживает рознь, люди тянутся друг к другу, их сближает любовь, побеждает красота, побеждают общие интересы: царевич Салтукид отрекается от веры, очарованный красотой грузинки; грузинка, невеста Сельджукида, о вере которой заботятся родные, – попав в Конию, переходит в ислам. А низы населения, конечно, легко и быстро отбрасывают религиозные сомнения» [Гордлевский, 1941, с. 177].

Характерно, что следы символического отказа от своей религиозной идентичности, бытовавшего среди сельджуков XIII в., проявили себя в добровольно-принудительной форме в первые послевоенные годы в среде гагаузов. В конце 1940-х гг., во времена энергичного внедрения колхозного строя, мобилизации гагаузской молодёжи в ФЗУ и трудовую армию, в пору активной борьбы с религиозностью и насаждения атеизма, тем, кто вступал в комсомол, предписывалось доказывать своё неверие в Бога топтанием икон. Не берусь судить, кто внедрял эту варварскую процедуру: ретивые начальники из Центра или местные радикально настроенные активисты. Или же из глубины веков от наследия воображаемых предков была извлечена и реанимирована практика надругательства над святынями религии во имя отказа от религиозной идентичности. Академик В. А. Гордлевский рассказывал, что при переходе в ислам, вероотступник «снял с себя крест и топтал его ногами» [Гордлевский, 1962в, с. 39].

В литературе существует немалая путаница по поводу этнической принадлежности родителей Изеддина Кейкавуса II и двух его братьев. Так, например, в комментариях к публикации сочинений трёх великих европейских

путешественников Плано Карпини, Гильома де Рубрука и Марко Поло говорится буквально следующее: «У султана Гиаседдина была любимая жена (вторая) по имени Тхамар, дочь грузинской царевны Русуданы. Гиаседдин умер в 1246 или в 1247 г., оставив нескольких сыновей. Ему наследовал Рокнад-Дин кулуг Арслан, его сын от дочери одного греческого священника. Кроме того, у него были сыновья Азеддин Кай Кавус и от дочери грузинской царицы – Алаеддин Кей Кобада» [Плано Карпини, 1997, с. 404].

Судя по новейшей историографии и нарастающему интересу к изучению сельджукидов Малой Азии и сопредельных территорий, актуализируется исследование социокультурного вклада в историю гагаузов и других тюркоязычных народов Балканского полуострова и стран Юго-Восточной Азии. Итогом такого интереса может стать установление места сельджукидов в истории гагаузов и снятие пелены молчания, обусловленной пристрастиями националистически настроенных историков, пытающихся обвинить кочевые народы в их наступательной энергетике, направленной на разрушение культуры народов, исповедующих православие.

Обе тенденции – актуализация интереса к истории и культуре как средневековых сельджуков, так и современных гагаузов – находят отражение в новейшей историографии Турции и в ряде европейских стран. Так, например, в недавно увидевшей свет монографии Чарльза Кинга «The Moldovans. Romania, Russia, and the Politics of Culture» высоко оцениваются сложившиеся в постсоветский период турецко-гагаузские экономические и культурные связи, в том числе оказание турецкой стороной финансовой помощи Комратскому государственному университету, открытие турецко-гагаузских лицеев и библиотек, совершенствование социокультурной инфраструктуры и далее говорится: («...Two of the most prominent Soviet and Turkish sociologists – Mikhail Guboglu and Kemal Karpat – were of Gagauz extraction, and these preexisting links made the Gagauz of some interest to Turkish intellectuals». «...Два выдающихся советских и турецких социологов – Михаил Губоглу и Кемал Карпат, гагаузы по происхождению, а также вышеназванные (турецко-гагаузские – М. Г.) связи сделали гагаузов интересными для турецких интеллектуалов») [King, 2000, p. 222].

Интервенция христианства в систему архаических культов объясняется пониманием того, что основной смысл ритуалов полуоседлого или оседлого населения связан не с доктринальными установлениями, а с практической системой жизнеобеспечения. Принципиальное значение курбана (обряда жертвоприношения) состоит не столько в том, чтобы воздать должное Богу, в стремлении обеспечить богатый урожай, приумножить приплод скота и уберечь его от потерь и других бедствий, сколько в том, чтобы не уронить своё достоинство перед всемогущим общественным мнением, чтобы никто не смог упрекнуть в жадности или в отсутствии чувства «человечности» (адамлык) и солидарности.

В середине XIII в. с приходом сельджуков на Балканы, в том числе в Добруджу, сомкнулись два потока тюркских передвижений – северный, пред-

ставленный печенегами, куманами (половцами) и узми (торками) и южный, в лице сельджуков – наследников Изеддина Кейкавуса, принявших православие и смешавшихся с ранее осевшими здесь «северными» тюрками. Чёрное море в итоге оказалось внутренним «двориком» тюркского мира.

Вызывают доверие, хотя и требуют дополнительных исследований, во-первых, вывод Пауля Виттека о том, что синтетическая тюркская общность взяла себе в качестве этнонима имя того султана, который был глубоко связан с её этнической историей. Наследники Кейкавуса стали именовать себя в соответствии с его именем – гагаузами. Во-вторых, обнаруженное Д. Кантемиром сходство в системе духовной жизни конийских и добруджанских тюрков служит триумфальным доказательством сохранившихся сельджукских следов в ментальности и в стратегиях повседневной жизни гагаузов согласно этнокультурным звеньям этнической истории: конийские сельджуки XIII в. – добруджанские тюрки на рубеже XVII–XVIII вв. – буджакские гагаузы XIX–XXI вв.

ГЛАВА 7

«БАЛКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ» В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГАГАУЗОВ ФОРМИРОВАНИЕ САМОСОЗНАНИЯ ГАГАУЗОВ*

Особенности этнической самоидентификации у различных групп гагаузов

В современный период идентификация себя только с одним этносом характерна лишь для гагаузов Молдовы и юга Украины (Одесской области), по отношению к которым в науке используется термин «бессарабские гагаузы». Для этнического самосознания гагаузов, проживающих на территориях различных государств, характерна двойная самоидентификация. Гагаузы Болгарии, Приазовья, Северного Кавказа [Субботина, 2006а, с. 245], Крыма и Казахстана официально идентифицируют себя, главным образом, с болгарскими, а гагаузы Греции – с греками (называют себя «урум», то есть греками) [Квилинкова, 2005а; 2007а; 2011а; 2011в, с. 49-57; 2011б, с. 600-601]. (О многозначности термина «урум» см.: Дрон, Курогло, 1989, с. 20; Шабашов, 2002, с. 412-415.)

В настоящее время по отношению к гагаузам Болгарии и Греции, вероятно, можно говорить о том, что в определённой степени их причисление себя к иным этническим общностям – «болгары» и «греки» – является одной из форм проявления гражданской идентичности ввиду их гражданской принадлежности. Однако данное явление не столь однозначно, как может показаться на первый взгляд. В недалёком прошлом часть гагаузов Северо-Восточной Болгарии, так называемые «причерноморские гагаузы», идентифицировала себя с греками, а не с болгарскими. Кроме того, для представителей других указанных групп гагаузов, проживающих на постсоветском пространстве, также характерен принцип двойной самоидентификации (болгары-гагаузы), который не совпадает с их гражданской принадлежностью.

Для данного способа идентификации вполне допустимо, на наш взгляд, использовать понятие «двойная этничность», под которым понимается осознание индивидом собственной принадлежности одновременно к двум этносам. Так называемые биэтноры идентифицируют себя в той или иной степени с двумя этническими группами. Это свидетельствует о том, что они либо не придают своей этнической принадлежности важного значения, либо для них существенное значение имеют обе этнические принадлежности. Отметим, что за исключением «бессарабских» гагаузов представители других групп

* Доработанный вариант статьи, впервые опубликованной в сборнике: Курсом изменяющейся Молдовы / Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого 40-летию этносоциологических исследований, г. Комрат, 25–26 сентября 2006. М., 2006. С. 264-283.

этого этноса идентифицируют себя бизтнически по собственной инициативе и, главным образом, лишь тогда, когда им задают зондирующий вопрос.

Факт «двойной этничности», имеющей место у указанных групп гагаузов, делает необходимым рассмотрение некоторых моментов, связанных с вопросом их самоидентификации в современный период и в недалёком историческом прошлом. В процессе сбора полевого материала мы обратили внимание на то, что у «бессарабских» гагаузов, с одной стороны, и гагаузов Болгарии и Греции – с другой, понятие «гагаузы» имеет определённые различия. У первых оно выступает в качестве этнонима; для вторых же оно обозначает принадлежность к данной этнокультурной группе, так как по национальной принадлежности они включают себя в более широкую этническую общность – болгары и греки. По определению С. А. Арутюнова, «этническая общность – это, прежде всего, общность, связанная определённой общей культурой в самом широком понимании этого слова» [Арутюнов, 1989, с. 51]. Этнокультурные особенности между болгарскими и гагаузскими обозначены болгарским учёным И. Градешлиевым с помощью таких понятий, как «болгарская народность» и «болгарская этнокультурная общность», граница между которыми чрезвычайно размыта [Градешлиев, 1995, с. 378].

Использование указанными группами гагаузов принципа двойной самоидентификации наглядно проявляется при анализе сведений, собранных нами в ходе полевого исследования в гагаузских селах Северо-Восточной Болгарии. При записи паспортных данных информаторов (с их слов) на вопрос «национальная принадлежность» они отвечали «гагауз». При углублённой беседе мы задавали вопросы, направленные на выявление возможных различий в традиционной обрядности гагаузов и болгар. Информаторы, как правило, не выделяли каких-либо обычаев или обрядов, которые подчёркивали бы этнические особенности их традиционной культуры. У гагаузов Болгарии, например, составной частью объяснения ими существующей этнокультурной общности с болгарскими являлся следующий способ идентификации: «Мы гагаузы, но мы также и болгары» или «Мы болгары, но одновременно мы и гагаузы» [Квилинкова, 2007а, с. 380; 2011а, с. 263-265]. Восприятие ими своей «гагаузскости» при сравнении с болгарскими связано, главным образом, с использованием языка «тюркчя», а при сравнении с турками – с принадлежностью к христианству и с культурными различиями. Таким образом, для гагаузов роль этнического маркера играет конфессиональная принадлежность (православные христиане) и языковые особенности (тюркоязычные).

По нашим наблюдениям, гагаузское самосознание более ярко проявляется у тех представителей гагаузов Болгарии, которые компактно проживают в сельской местности. При этом немалое значение имеет общая численность жителей села, удалённость его от главных путей сообщения и др. Например, в наиболее крупном по численности селе Болгарево довольно часто можно услышать родную речь гагаузов (что характерно и для с. Генерал Кантарджиево). Название современного торгового заведения, в котором фигурирует слово «гагауз» («Механа при гагауза»), находящегося в центре села Болгарево, вероятно, можно рассматривать как одну из форм проявления этни-

ческой идентичности у отдельных представителей гагаузов Болгарии. В последние годы в с. Генерал Кантарджиево, с. Кичево и др. были созданы «гагаузские музеи» (как их называют информаторы), в которых представлены экспонаты, демонстрирующие особенности традиционно-бытовой культуры жителей этих сёл.

Отдельные сведения дают основание говорить о том, что часть православного тюркоязычного населения Балканского полуострова, идентифицируя себя как «греки-гагаузы», исходила не только из языковой и конфессиональной общности, но также из определённых этнических и культурных особенностей. В этой связи приведём интересный факт, связанный с многозначностью термина *урум*: часть тюркоязычного населения Греции православного вероисповедания, переселившегося из Турции в 1922 г. и проживающего совместно с гагаузами (например, в г. Зихна), определённым образом дифференцируют себя. В то время как первые относят себя только к грекам – «*urum*», вторые используют двойную самоидентификацию – «*urum*» и «*gagauz*» [Квилинкова, 2011, с. 261-268]. Многозначность термина *урум*, который у гагаузов обозначает «греков вообще» и «греков-тюркофонов», отмечалась в работах И. В. Дрона, С. С. Курогло, А. В. Шабашова [Дрон, Курогло, 1989, с. 20; Шабашов, 2002а, с. 412-415].

Собранные нами сведения дают основание говорить о том, что у указанных групп гагаузов проявляется один из важных критериев понятия «этническая идентичность личности» – это осознание себя представителем определённого этноса, некоторая степень отождествления себя с ним и обособления от других этносов.

Об особенностях характера гагаузов

В качестве этнических различий, отличающих гагаузов от болгар, информаторы исследованных нами гагаузских сёл Болгарии отмечали язык и некоторые трудновывявляемые психические особенности: гагаузы по характеру более открыты, чем болгары, но в то же время для них характерна и несколько большая эмоциональность, а также такие черты, как темпераментность, вспыльчивость, упрямство. Таковы основные характеристики самооценки га-

с. Болгарево (Болгария), 2003 г.
Фото из архива Е. Н. Квилинковой.

гаузов. Здесь же информаторы акцентировали внимание на сохранении у гагаузов в прошлом (в некоторой степени и в настоящее время) традиции ношения при себе холодного оружия – ножа (*бычак*) [Квилинкова, 2007а, с. 382].

Данные, приведённые чешским историком К. Иречком, а также болгарскими исследователями Д. Тодоровой и В. Тоневым подтверждают результаты наших полевых материалов. К. Иречек отмечал, что в характере гагаузов на первом месте стоит упорство, упрямство (*инат*), горячность; одной из внешних отличительных черт, по его мнению, является «особый огонь в глазах» и др. Наряду с этим им отмечена и склонность к кровной мести [Иречек, 1889, с. 233-234; 1974, с. 890-891], которая в настоящее время нами не зафиксирована.

Аналогичного рода данные находим и у болгарских исследователей. По сведениям А. Манова, гагаузы – весёлые по нраву, храбрые, щедрые, гостеприимные, честлюбивые, мстительные до крайности и бесстрашные люди [Манов, 1938, с. 37]. Указание на горячность и мстительность гагаузских мужчин находим и в исследованиях современных авторов – Дианы Тодоровой, Велко Тонева. В качестве других отличительных особенностей они отмечали тот факт, что гагаузские мужчины всегда носили с собой нож, который нередко использовали при выяснении отношений [Тодорова, 1988, с. 148; Тонев, 2000, с. 325-326].

На определённые различия в характере и поведении гагаузов и болгар указывали также некоторые русские исследователи XIX – начала XX вв. [Защук, 1862, с. 520; Мошков, 2004, с. 10; и др.]. Однако высказывание В. А. Мошкова на этот счёт выглядит довольно абстрактным: «...В Бендерском и Измаильском уездах всякий прекрасно знает гагаузов и ни за что не смешает их с болгарам...».

Говоря о современном периоде, отметим, что представители этносов, проживающих в Республике Молдова, в частности, белорусы, у которых нам довелось в 2009 г. собирать полевой материал в связи с изучением процесса адаптации их в Молдове [см.: Квилинкова, 2010н, с. 135-138], следующим образом характеризовали гагаузов: открытые, сплоченные, эмоциональные, горячие. Помимо этого они отмечали некоторую агрессивность, характерную для них, и жёсткость. Таким образом, ни время, ни региональные особенности не внесли существенных различий в формирование образа национального характера гагаузов, что можно заключить исходя из историографических и этнографических данных. Целенаправленный социологический опрос, несомненно, внесет дополнительные коррективы в данный вопрос.

Историографические данные о делении гагаузов на этнографические группы

Архивные документы, а также этнографические сведения, зафиксированные местным духовенством, в определённой степени позволяют рассмотреть некоторые моменты, связанные с этническим самосознанием гагаузов в XIX в. На основании исследованных документов можно говорить о том, что **окончательное** становление этнической идентичности гагаузов происходило

на территории Бессарабии. Данная точка зрения подтверждается тем, что при переселении на территорию Бессарабии из-за Дуная (в конце XVIII – начале XIX вв.) гагаузы официально идентифицировали себя как «болгары» и «греки» [НА РМ, ф. 205, 208 и др.]. В конце XIX в. гагаузы Болгарии официально причисляли себя к иным этническим общностям – «греки» и «болгары», что видно из высказывания К. Иречека: «Дать общее число гагаузов очень трудно, так как часть из них выдают себя за греков, часть – за болгар» [Иречек, 1889, с. 233].

В качестве сведений о делении в прошлом гагаузов на разные этнографические группы выступают лексические и фонетические особенности, сохраняющиеся в качестве диалектных различий у «бессарабских гагаузов». Согласно исследованиям учёных, в языке данной группы гагаузов выделяются два основных диалекта (вулканештский и комратско-чадырский).

Ряд исследователей [К. Иречек, В. А. Мошков, Н. С. Державин, Л. А. Покровская, Т. Дичев и др.] отмечал, что по происхождению гагаузы в прошлом подразделялись на «*hasil gagauz*» – «настоящие гагаузы», или «приморские гагаузы», и «*bulgar gagauz*» – «болгарские гагаузы» [Мошков, 2005, с. 45; Покровская, 1983, с. 147-148; Покровская, 1997б, с. 32-41; Дичев, 1993, бр. 4, с. 2]. Последние, согласно приводимым Н. С. Державиным сведениям (со ссылкой на профессора Л. Милетича), сочувствовали болгарам, женились на болгарках и по домашнему быту, обрядам, песням, именам собственным и родственной терминологии ничем не отличались от болгар; первые же всегда сторонились болгар и солидаризировались с греками [Державин, 1937, с. 83-84]. По данным К. Иречека, «приморские гагаузы» (или «греческие гагаузы») отличались от «болгарских гагаузов» по языку (имеются в виду лексические и фонетические особенности) и по некоторым элементам традиционной культуры. В бытовом отношении, писал он, первые сходны с турками: мужчины у них едят отдельно от женщин; последние не показываются в комнате при посторонних и т. п. [Иречек, 1889, с. 234].

В основе отмеченных различий лежало деление на «две враждебные партии – болгарофильскую и грекофильскую». В качестве главной причины этого деления профессор К. Иречек указывает на «зависимость гагаузов от их соседей в столь важном деле, как религия и образование... В Варне и Балчике с их окрестностями водворилось греческое влияние, а в округах Провадии и Силистрии – болгарское» [Цит по: Мошков, 1900, № 1, с. 3].

И в настоящее время гагаузы с Болгарево дифференцируют себя от так называемых «курумов» (очевидно, гагаузов-греков), проживающих в г. Варне. (Подробнее см.: Квилинкова, 2007, с. 384-385.) Зафиксированный нами случай можно рассматривать как один из фактов, свидетельствующих о сохранении остатков проявления дифференциации гагаузов-болгар от гагаузов-греков, имевшей в прошлом место на территории Северо-Восточной Болгарии.

Рассмотрение сложившихся на Балканах исторических условий, в которых находились гагаузы, показывает, что использование ими двойной самоидентификации в значительной степени связано с территорией их проживания и с вопросом о греческом или болгарском влиянии в области

богослужебного и школьного языка. В известной степени данный вопрос имеет, по-видимому, отношение и к происхождению гагаузов, в этногенезе которого определённую роль сыграл как болгарский, так и греческий компонент.

Отрывочные сведения о том, что и в последней четверти XIX в. некоторая часть «бессарабских гагаузов» относилась к грекам, находим у священника с. Чок-Мейдан. В присланном в Кишинёвские епархиальные ведомости отчёте он уточнял, что «жители издревле христиане – потомки, как сами себя величают, македонян» [Малай, 1875, № 24, с. 908]. В результате выявленных языковых особенностей у гагаузов Бендерского уезда, а также на основе других имеющихся данных В. А. Мошков писал, что «бендерские гагаузы на своей родине принадлежали к грекофильской партии» [Мошков, 1900, № 1, с. 3]. Однако данный вывод нуждается в дополнительных исследованиях, так как в другой работе тот же автор отмечал, что «в Россию переселялись более болгарские, чем греческие, более восточные, чем западные гагаузы» [Мошков, 2005, с. 50].

О причинах самоидентификации гагаузов в рамках иных этнических общностей

Вопрос о причинах самоидентификации гагаузов в рамках иных этнических общностей рассматривается А. В. Шабашовым как сознательное действие со стороны всего этноса, в основе которого были вполне конкретные мотивы: «Естественно, что гагаузы, поскольку они хотели поселиться в пределах Российской империи, должны были завуалировать свою этничность и даже сами выдумывать свое болгарское происхождение, пока их правовой статус окончательно не закрепился» [Шабашов, 2002а, с. 357]. Декларируя свою идентичность, они демонстрировали лояльное отношение к Российскому государству. Быть болгарам означало быть лояльными по отношению к царю и верными Православной церкви. Вряд ли можно отрицать присутствие данного мотива при такой самоидентификации гагаузов. И всё же думается, что он не был основным.

По нашему мнению, причисление себя к более крупным народам (болгарам и грекам) являлось частью самосознания гагаузов в определённый исторический период. Формированию в психологии народа принципа двойной самоидентификации во многом способствовали существовавшие на Балканах исторические условия, в которых жили гагаузы. Противопоставляя себя туркам по религиозному, этническому и культурному признаку, они включали себя в близкие по ряду признаков иные этнические общности. Самым значимым из таких признаков являлось, прежде всего, единство религиозной принадлежности (православные христиане). Данное единство усиливалось ввиду общей исторической судьбы, значительного сходства в области традиционной культуры и проживания на общей территории. Вместе с тем отметим, что на Балканах и в Бессарабии гагаузы дифференцировали себя от болгар (прежде всего, по языковому признаку), поселяясь компактно и, по возможности, основывая мононациональные села.

В статье О. К. Радовой «Этническая идентификация задунайских переселенцев и расселение гагаузов в Буджаке (конец XVIII – начало XIX вв.)» (2006) приведен следующий общеизвестный факт, из которого следует, что основная масса гагаузов, переселившихся в XVIII–XIX вв. с Балканского полуострова в Буджак, в русских официальных источниках фиксировалась под общим названием «задунайские поселенцы», или «болгарские переселенцы». Видимо, это дало основание автору сделать однозначный вывод о том, что «впоследствии русская официальная статистика ошибочно определила гагаузов как болгар» [Радова, 2006г, с. 271].

Тот факт, что до конца XIX в. в официальных документах российская администрация не отделяла гагаузов от болгар, вряд ли правомерно рассматривать исключительно как ошибку местных властей. Этому были и объективные причины, а именно то, что в указанный период гагаузское самосознание не было окончательно сформировавшимся. При оформлении официальных бумаг они идентифицировали себя, главным образом, как «болгары» или «греки», а в быту называли себя гагаузами.

Сохранение в течение довольно длительного времени принципа двойной самоидентификации в известной степени объясняется тем, что, будучи православными и тюркоязычными, (как и в прежний период на Балканах) почти до конца XIX в. продолжали ощущать на себе давление маргинальности. Особенно это проявляется в документах, отражающих взаимоотношения местного духовенства и прихожан, которые не стеснялись использовать унижительные для гагаузов-христиан выражения: татары, турки, язычники, еретики, нечестивцы, некрещёные и др. [НА РМ, ф. 208, оп. 5, д. 2638, л. 80-87 (дело за 1905–1906 гг.)]. То есть ввиду существовавших условий гагаузы не были заинтересованы декларировать свою настоящую этническую принадлежность.

Отметим, что по языковому признаку гагаузы идентифицировали себя как тюркоязычные. Вместе с тем, из архивных материалов видно, что после переселения в Бессарабию некоторая часть гагаузов, владеющих азами грамоты, писала и читала на греческом языке. Часть писем и прошений, поданных ими на имя колониетского начальства и в суды в начале XIX в., написаны на греческом языке. Нередко встречаются документы, в которых колонисты из гагаузских сел и с характерными гагаузскими фамилиями, подписываясь, использовали буквы греческого алфавита [НА РМ, ф. 6, оп. 2, д. 604, л. 22 об, 33]. Интересно отметить, что в таких документах, составленных от имени сельского общества, фигурируют колонисты с фамилией Гагауз [НА РМ, ф. 44, оп. 1, д. 343, л. 24, 29]; в некоторых из них отмечается, что они владеют греческой грамотой [НА РМ, ф. 44, оп. 1, д. 602, л. 7].

Приведённые сведения позволяют высказать предположение о том, что часть гагаузов, которая при переселении в Бессарабию записывалась греками, при самоидентификации исходила из принадлежности в церковных вопросах к грекофильской партии, из имевшего место культурного влияния (важной частью которого было использование греческого языка) и, в определённой степени, из генетического родства с греками. Отметим, что значи-

тельное число гагаузских имен и часть фамилий (особенно непосредственно после переселения в Бессарабию) имеют греческое происхождение, например: Йордаки, Панайит, Йипати, Афгения, Афтина, Анаста, Занофия, Доменти; Панаитчу, Урум, Янаки, Маври, Мавроди, Саранди, Пойрас и др.

В связи с двойной самоидентификацией гагаузов в указанный период интерес представляют сведения, приводимые К. Шкорпиллом. Он отмечал, что после освобождения Болгарии от турок-осман при переписи населения гагаузы обозначали себя как «стари българи», а в Бессарабии они называли себя «истински българи», в отличие от славянских болгар-переселенцев [Шкорпил, 1933, с. 176]. Можно предположить, что способ самоидентификации, в основе которого лежал этноним «*българ*», основывался, в известной мере, на исторической памяти народа. Возможно, он связан с таким историческим понятием, как «протоболгары» и употреблялся с целью дифференцировать себя от «славянских болгар».

Видимо, этим можно объяснить тот факт, что в архивных документах Кишинёвской Духовной Консистории за 1858 г. напротив этнической принадлежности некоторых священников колоний задунайских переселенцев указано «из болгар»: Пантелеймон Николаев Стаматов – Волканешты, Георгий Михайлов Казанаклий – с. Ташбунар и др. [НА РМ, ф. 208, оп. 14, д. 11, л. 55-63, 75-81 (1858 г.)], в отличие от широко использовавшегося до конца XIX в. обозначения «из болгар». Кроме того, при указании количества жителей села по колонии Чишмекой за 1838 г. записано «колонистов-българ» 165 дворов; священником же в их селе был Иоанн Дмитриев Вец «из греков» [НА РМ, ф. 208, оп. 14, д. 1, л. 1-5].

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что в немалой степени основанием для фиксации российской администрацией гагаузов как болгар являлся тот факт, что значительная часть гагаузов самостоятельно, в силу целого ряда различных факторов, причисляла себя к болгарской общности.

Однако сохранению принципа двойной идентификации у гагаузов Бессарабии некоторым образом способствовало местное духовенство и официальные власти, которые в конце XIX – начале XX вв. обозначали их как «болгары-гагаузы» или «гагаузы-болгары» [Малай, 1875, № 20, с. 745; НА РМ, ф. 208, оп. 19, д. 595, л. 1; оп. 10, д. 134 (за 1909 г.)]. В качестве объяснения имеющихся языковых различий и некоторых культурных особенностей они приводили теорию об отуречивании гагаузов (об их болгарском происхождении), которая, по-видимому, была распространена среди местного населения.

Так, еще задолго до Первой Всеобщей переписи населения Российской империи переписи 1897 г., в которой гагаузы фигурировали под названием турки-гагаузы, в Кишинёвских епархиальных ведомостях за 1873 г. и позже за 1892 г. местные священники обозначали их как «гагаузы», но с обязательной оговоркой: «гагаузы – эта категория болгар, по местному сказанию, произошла от смешения болгарского племени с турецким» [КЕВ, 1873, № 18, с. 693]. При указании на национальную принадлежность жителей села Кубей (в котором вторым священником был один из представителей династии Чакиров) отмечалось, что «половина современных обывателей села «болгары», а

половина – «гагаузы»; последние тоже болгары, но говорящие на испорченном турецком языке, так как они в турецкой провинции жили среди турецкого населения, от которого и переняли язык и отчасти нравы, обычаи и дух» [Внебogosлужебные собеседования..., 1892, с. 56].

Ввиду того, что использовавшийся гагаузами в быту язык был схож с турецким, вплоть до конца XIX в. во многих официальных документах они значились как «болгары, говорящие по-турецки».

Исторические условия, способствовавшие консолидации гагаузского этноса на территории Бессарабии

Приведённые выше данные позволяют говорить о том, что довольно продолжительное время после переселения в Бессарабию для гагаузов был характерен принцип двойной самоидентификации, то есть процесс формирования у них этнического самосознания еще не был завершён. В этой связи важной является проблема историко-культурного исследования групп гагаузов, живущих в разных регионах. Изучение имеющихся региональных особенностей в области этнической и языковой идентичности, элементов материальной и духовной культуры, а также лексики и фонетики позволит выявить наиболее характерные этнографические различия, в известной степени связанные с происхождением гагаузов и особенностями формирования их самосознания ввиду разных исторических условий.

После переселения в Бессарабию гагаузы оказались в иных исторических условиях. Отпала необходимость противопоставления себя родственным по языку туркам. Именно язык явился одним из факторов, оказавшим влияние на рост их этнического самосознания. Кроме того, разделение на гагаузов-болгар и гагаузов-греков стало неактуальным, поскольку они относились к Кишинёвской епархии. Соответственно включение себя в иную этнокультурную общность (в основе чего лежал, главным образом, принцип принадлежности к болгарофильской или грекофильской партиям) утратило свою значимость. Вместе с тем, активизировался процесс консолидации гагаузского этноса.

Имеющиеся в архиве сведения указывают на начало процесса стирания этнографических различий и усиления внутриэтнической консолидации. Так, в деле за 1816 г. имеется прошение грекоболгарского общества г. Аккермана о назначении дьячка Иванова С. священником вновь выстроенной церкви, из которого видна приводившаяся ими аргументация: «При оной Свято-Дмитриевской Церкви необходимо нужно иметь нашей нации священника, который бы на нашем **грекоболгарском языке** (выделено нами – Е. К.) мог бы священнодействовать и внушать нам Заповеди Господни. Почему мы избираем и желаем иметь в показанной церкви священником...» [НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 1232, л. 1]. Однако духовное начальство формально отнеслось к данной проблеме и объявило, что «к ним уже рукоположен священник М. Дубовиченко», который, соответственно, вёл богослужение на старославянском языке.

В делах фонда Кишинёвской Духовной Консистории содержится информация, дающая возможность говорить об этнической принадлежности жителей некоторых сел юга Буджака, исходя из антропонимических данных и сведений об использовании ими «бытового» языка. Это позволяет в определённой степени конкретизировать вопрос о том, были ли гагаузы двуязычны при переселении в Бессарабию.

Рост этнического самосознания гагаузов и формы его проявления

В активизации этнического самосознания бессарабских гагаузов значительную роль сыграл язык, который выступал в качестве основного этнодифференцирующего признака. В 1897 г. в Первой Всеобщей переписи населения Российской империи впервые численность гагаузов была зафиксирована отдельно от болгар. Как видно из представленной в переписи формулировки, она отражает, в первую очередь, языковую особенность, характерную для гагаузов. (Речь идет о родном языке гагаузов, фиксируемом в официальных документах как турецкий.) Так, приводя данные переписи, академик Н. С. Державин отмечал, что «общее число «турок-гагаузов» на территории Бессарабской губернии было показано 55 790 душ», но при этом «ни сам себя этот народ, ни его соседи никогда не называли и не называют его “турками”, а всегда гагаузами, иногда булгарами» [Державин, 1937, с. 80-81].

С 1905 г., особенно с 1917–1918 г., значительно увеличивается количество прошений от сельских обществ, главным содержанием которых являлось стремление обеспечить полноценное духовное развитие за счёт назначения в их приходы «своих» священников, владеющих их языком. Отметим, что такого рода прошения подавались и раньше, сразу после переселения гагаузов в Бессарабию.

Нередко священники-гагаузы сами просились в гагаузские приходы. (Аналогичные просьбы о назначении в болгарские приходы поступали и от священников-болгар) [НА РМ, ф. 208, оп. 3, д. 4963, л. 6, 10, 13, 15, 17, 23, 24, 26, 28, 30 и др.]. Обычно в прошениях они писали о пользе, которую принесут (например, в борьбе с активно распространяющимся протестантизмом – шундизмом), учитывая знание ими языка прихожан и их обычаев. Наряду с этим они описывали сложность работы для них в молдавских приходах ввиду незнания ими молдавского языка [НА РМ, ф. 208, оп. 5, д. 2638]. Однако в таких прошениях присутствовало также и желание улучшить своё материальное положение, так как села задунайских переселенцев отличались многочисленностью жителей, и местные общества платили хорошую плату священнику (в отличие от приходов с молдавским населением). Немаловажным было то, что земельный надел, принадлежавший церкви, был очень значительным (60 десятин земли).

Процесс роста этнического самосознания в некоторой степени можно рассмотреть на примере архивных материалов, содержащих сведения о представителях гагаузского духовенства. Так, в конце XIX – начале XX вв. дядя известного гагаузского религиозного деятеля и просветителя Михаила Чакира – Димитрий Чакир, написавший брошюру «Биографический очерк рода и фамилии Чакир» (1899), причислил себя к болгарам. Он писал: «Род

фамилии Чакир, болгарской нации, славянского племени, восходит к первой половине семнадцатого века» [Чакир, 1899]. Можно предположить, что столь чёткий акцент на болгарском происхождении в известной степени является отражением официальной точки зрения по вопросу о происхождении гагаузов, характерной для русской администрации того времени, и объясняется желанием продемонстрировать свою лояльность государству. Отметим, что этническая принадлежность других представителей духовенства фамилии Чакир, как и многих священников-гагаузов, по клировым ведомостям за XIX в. указана аналогичным образом – «из болгар» [НА РМ, ф. 208, оп. 14, д. 9, л. 11 (за 1854); ф. 208, оп. 10, д. 20 (за 1863); ф. 208, оп. 10, д. 44, л. 55 (за 1873)]. Непридание значение данному явлению и нежелание объяснить его, называя подобный способ идентификации «ошибочным» («Как видим, и Димитрий Чакир говорит о гагаузах как о болгарях. Это, конечно, ошибка» [Ангели, 2007, с. 290]), только запутывает данный вопрос и вызывает новые. При этом тот же автор объективно отмечает, что до начала XIX в. этноним *гагауз* не был зафиксирован ни в письменных источниках царской России и царской Болгарии, ни в османских источниках [Ангели, 2007, с. 268-269].

В связи с содержанием понятия «этничность» нелишне отметить, что в последние десятилетия в науке получил распространение так называемый оппозиционалистский подход (*oppositional approach*). Ряд зарубежных ученых (П. ван ден Берге, Роберт Мэст и др.) утверждает, что «этничность не является постоянной», а «возрастает и ослабевает в ответ на внешние условия» и «развивается в результате конфронтации с другими и благодаря желанию отделить себя от других, которым по каким-либо причинам приписывается иная этническая идентичность» [Лурье, Двойное дно этничности; Van den Berghe, 1981, с. 251; Glazer, Moynihan, 1975, с. 145; Лурье, 1998].

Вопрос о формировании самосознания гагаузов связан с определёнными этапами их этнической истории. Период конца XIX – начала XX в. характеризуется ростом этнического самосознания гагаузов. С начала XX в. в официальных документах непродолжительное время используется двойной способ обозначения этнической принадлежности священников-гагаузов. Приведем обнаруженные нами хоть и не многочисленные архивные данные, которые всё же представляют особую ценность как документальное выражение протекавшего в данной области процесса и дополняют общую картину. Так, священник с. Авдарма (родом из Чадыр-Лунги) Василий Петров Петров записан как «**болгарин-гагаузин**», но при этом жители села уже указаны как «гагаузы» [НА РМ, ф. 208, оп. 10, д. 134, л. 3–5 (за 1909 г.)].

В прошении за 1914 г. священника с. Татар Копчак Константина Статова о переводе его в с. Код-Китай по причине материальных трудностей на бывшем месте работы («из-за двухклирного прихода»), содержатся сведения о его этнической принадлежности. В поданных им бумагах имеется следующая запись: «по нации он **гагауз-болгарин**». Последнее, возможно, было дописано для того, чтобы аргументировать просьбу о назначении в болгарский приход: «село Код-Китай населено исключительно болгарями» [НА РМ, ф. 208, оп. 3, д. 4963, л. 30]. В свою очередь добавим, что священник К. Статов,

наряду с другими лицами, «хорошо владеющими гагаузским языком», являлся с 1907 г. членом комиссии по переводу религиозных книг на гагаузский язык [КЕВ, 1908, № 36, с. 1-32].

Интересно обоснование просьбы перейти на работу в тот же приход (Код-Китай) Николая Чакира, который в то время был священником в с. Кождангалия 4 округа Измаильского уезда. Он просил епархиальное начальство перевести его «на указанный приход, который населяют болгаре – нации мне родной» [НА РМ, ф. 208, оп. 3, д. 4963, л. 23]. В свою очередь отметим, что у священников-болгар (в отличие от гагаузов) в прошениях чётко обозначена их этническая идентификация: «просимый мною приход болгарский, я сам кровный болгарин, и обычаи и язык мне прекрасно знакомы, так что никакой трудности священствовать на этом приходе мне не представлялось бы» (Г. Каймакан); «население прихода – болгаре, на языке которых я свободно говорю, как болгарин по нации, и могу с пользой послужить этому приходу» (Н. Новаков); и др. [НА РМ, ф. 208, оп. 3, д. 4963, л. 10, 26].

В прошении М. Грекова за 1918 г. о назначении его священником в с. Баурчи в качестве одной из причин приведен следующий аргумент: «я по происхождению гагауз и говорю на их языке...» [НА РМ, ф. 208, оп. 19, д. 595, л. 1]. Данные свидетельства лишь в общих чертах дают возможность проследить процесс постепенного перехода гагаузов Бессарабии от принципа двойной самоидентификации (болгары-гагаузы, гагаузы-болгары) к идентификации себя только с одним этносом (гагаузы). Логически верный вывод об этапах данного процесса, но без подкрепляющих архивных материалов по использованию разнообразных вариантов двойной этнической идентификации, был высказан И. Ф. Греком [Грек, 2010, с. 337-338].

Совершенно иные процессы в области самосознания происходили у другой группы гагаузов Украины – гагаузов Приазовья, куда они переселились с территории Бессарабии двумя большими волнами – в 1861–1862 гг. и в 1910 г. И в настоящее время они идентифицируют себя главным образом как «болгары». При этом проживающих по соседству этнических болгар они называют «туканнар», или «болгары-славяне», а их язык – «туканджя», себя же называют болгарами («булгар»), а свой родной язык – «булгарджя» (подробнее см.: Глава 11, параграф «Особенности идентификации своего языка у различных групп гагаузов и становление глоттонима „гагаузский язык“»). Местные жители ввиду использования ими тюркского языка называли их турками.

Столь однозначная идентификация, характерная для этой группы гагаузов, в немалой степени, по-видимому, связана с тем, что в период их переселения с территории Бессарабии самосознание этой группы гагаузов еще не было окончательно сформировавшимся. Очевидно, что у бессарабских гагаузов в тот период сохранялся принцип двойной самоидентификации, в котором главную роль в силу ряда факторов продолжала играть сформированная в прошлом территориально-региональная идентификация, составной частью которой являлось причисление себя к болгарской общности. После переселения с территории Бессарабии в Приазовье гагаузы продолжали стой-

ко держаться данного способа идентификации, что в немалой степени было вызвано необходимостью демонстрации уважительного, лояльного отношения к России как к своему государству.

Фактором, воспрепятствовавшим их ассимиляции и растворению в славянской среде был тюркский язык, идентифицируемый ими как «булгарджя». Можно предположить, что одной из причин сохранявшейся у них «болгарской» идентичности было то, что обозначение родного языка совпало с используемой ими формой этнической идентификации – «булгар». Ввиду того, что в Приазовье гагаузы проживали в славянском окружении (украинцы, русские, болгары), а также по причине малочисленности этой группы гагаузов и отсутствия этнокультурных и языковых условий, в которых жили их сородичи в Бессарабии, у них не произошел дальнейший рост этнического самосознания. Идентификация себя только с болгарскими позволяла не выделяться из общей массы славянского населения и способствовала их скорейшей адаптации в местную этническую среду.

Использование в официальных документах термина *гагауз* в значении этнонима

Как отмечалось выше, в XIX в. гагаузы фигурировали под названием «болгары, говорящие по-турецки»; во второй половине того же столетия иногда использовалась такая форма, как «болгаре-гагаузы» (с. Чок-Майдан) [Малай, 1875, № 20, с. 745], «гагаузы-болгаре» или просто «болгаре», для которых понятным им языком является турецкий (с. Гайдар) [Нефталимов, 1873, № 12, с. 497-498].

С конца XIX в. в различного рода документах иногда встречается употребление названия *гагаузский* в значении этнической принадлежности, но нередко с оговорками. Так, в рапорте благочинного 3 округа Бендерского уезда А. Гинкулова (за 1891 г.) указывается, что «прихожане почти все болгаре – нравственный и религиозный народ». Но, говоря о трудностях при усвоении религиозных знаний, истин веры, заповедей и молитв он уже разделяет болгар и гагаузов: «успех в этом между болгарскими и гагаузами не так прогрессивен» [НА РМ, ф. 208, оп. 4, д. 1716, л. 86-90]. В рапорте за тот же год благочинного 4 округа Аккерманского уезда Н. Влайкова отмечалось: «...Прихожане округа – грекоправославного исповедания, все нации болгарской, кроме Ташлыка (молдаване-малороссы), Александровки, Димитровки и Татар-Копчака, населённых так называемыми гагаузами, говорящими на турецком языке» [НА РМ, ф. 208, оп. 4, д. 1716, л. 76]. Отделение гагаузов от болгар присутствует и в отчётах других благочинных за этот же период [НА РМ, ф. 208, оп. 4, д. 1716, л. 93–95, 99–100]. Не лишним будет отметить, что приведённые нами факты выделения гагаузов в отдельную этническую группу относятся ко времени до Первой Всеобщей переписи населения Российской империи переписи 1897 г.

В Отчете миссионерского Комитета Кишинёвской Епархии за 1898 г., в котором приведены статистические данные по раскольникам и сектантам, «гагаузские» и «болгарские» приходы записаны раздельно [КЕВ, 1889, № 24,

с. 704-714). Конкретное указание на этническую принадлежность жителей с. Баурчи (Бендерского уезда) – «гагаузы» – имеется в бумагах, написанных местным священником Евсеем Крокосом на имя епархиального начальства (дело за 1899–1900 гг.) [НА РМ, ф. 208, оп. 4, д. 2265, л. 11].

В связи с аграрными волнениями в Комрате (1905 г.) от священников других гагаузских сёл поступали сообщения о проделанной ими работе по предупреждению беспорядков. В статье под названием «Выражение верно-подданнических чувств», опубликованной в КЕВ, приводится телеграмма от прихожан с. Баурчи (3 округа, Бендерского уезда) на имя обер-прокурора Св. Синода князя Оболенского (от 23 января 1906 г.). В ней чётко указана этническая (и религиозная) принадлежность жителей этого села: «Мы <...> православные по вере, гагаузы по нации...». Из содержащихся в статье сведений можно предположить, что телеграмма была написана не без участия уже упоминавшегося священника этого села Евсевия Крокоса. В заметке отмечается, что текст телеграммы представлен священником с. Баурчи о. Евсеем Крокосом при рапорте Преосвященному Владимиру. Население с. Баурчи под влиянием этих волнений принялось было уменьшать содержание учителям местных школ и проявлять некоторую «интенсивность к беспорядкам». Это и дало повод священнику для приглашения их на приходскую беседу, а для поднятия духа и веры в государя была составлена телеграмма. Е. Крокос «пристыдил сеятелей смуты и осветил истинным светом все те социальные вопросы, которые волновали их» [КЕВ, 1906, № 4, с. 126-128].

Более частое употребление в официальных документах слова *гагауз* в значении этнонима относится к началу XX в. (особенно с 1907 г., когда впервые начали издавать религиозные книги на гагаузском языке). Эти сведения широко представлены в документах, хранящихся в фонде Кишинёвской Духовной Консистории (ф. 208). Так, приходы, в которых жили гагаузы, обозначены как «гагаузские». В частности, имеются сведения по Измаильскому уезду (1910–1913 гг.). При указании этнической принадлежности прихожан по данному уезду, в рапорте благочинного значилось – «молдаване при 13 церквях, гагаузы при 6 церквях (подчеркнуто нами – Е. К.), болгары при 5 церквях» (1908–1910 гг.) [НА РМ, ф. 208, оп. 5, д. 3444, л. 78; оп. 5, д. 3179, л. 819].

В клировых ведомостях за 1909 г. и 1911 г. население гагаузских приходов обозначено как «гагаузы» (Баурчи, Бешалма, Авдарма, Джолтай, Конгаз и др.), но нередко встречается и двойное название – «болгаре-гагаузы» (Гайдары, Томай, Кириет-Лунга и др.) [НА РМ, ф. 208, оп. 10, д. 134; оп. 10, д. 139, л. 31]. Уточняющее дублирование при указании этнической принадлежности гагаузов в этот период в большей степени связано с отношением местного священника к данному вопросу. Так, по сёлам Ново-Кирсово и Казаяклия отдельно указано количество поселян – «гагаузов» и поселян – «болгар»; по с. Дезгинже – отдельно «гагаузов» и «молдаван». Население болгарских приходов обычно обозначалось как «болгаре», но некоторые священники, чтобы избежать путаницы (в связи с использованием названия «болгаре» для обозначения гагаузов), давали детальное пояснение, например, по с. Башкалия – «болгар-славян (тукан)» [НА РМ, ф. 208, оп. 10, д. 134, л. 26 (за 1909 г.)].

В отчетах за 1911–1914 гг. (того же фонда) приведены данные о преподавании Закона Божьего в мужских и женских училищах и в школах Бессарабской губернии. В них указана конкретная численность учащихся. Довольно часто по гагаузским сёлам фигурирует формулировка «все дети гагаузы», например, в селах: Старо-Трояны, Татар-Копчак, Бульбоки (2 окр., Изм. у.), Волканешты, Курчи, Димитровка, Чадыр-Лунга, Джолтай, Конгаз, Томай, Александровка (Саталык-Хаджи), Авдарма и др. [НА РМ, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 4723, л. 8, 54, 55, 81, 83, 343–351; ф. 208, оп. 4, ед. хр. 4056, л. 19, 21, 29, 106 и др.]. В этих же документах подчёркнуты трудности, возникшие в ходе обучения «детей-инородцев», в частности, гагаузов. По некоторым из сёл дана информация, что учебная программа успешно усвоена, но по отдельным сёлам отмечается, что «в младших отделениях программа не может быть выполнена успешно по той причине, что дети, по нации гагаузы, поступают в школу без всякого знания русского языка и с большим трудом выучиваются говорить на нём» [НА РМ, ф. 208, оп. 3, д. 4723, л. 54, 55].

Имеющиеся источники свидетельствуют о том, что в конце XIX в. и особенно в начале XX в. усилилось этническое самосознание у бессарабских гагаузов, что выразилось в переходе от использования принципа двойной самоидентификации к принципу к одинарной идентификации под этнонимом *гагаузы*. Этому способствовал ряд объективных факторов, прежде всего язык, а также активная деятельность гагаузского религиозного деятеля и просветителя М. М. Чакира (роль и значение которой в формировании этнического самосознания гагаузов ещё не получила должной оценки). Несмотря на выявленные нами архивные данные, наглядно демонстрирующие рост этнического самосознания у бессарабских гагаузов в указанный период, вопрос о факторах, повлиявших на этот процесс, требует проведения дополнительных исследований.

СОСТОЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ ГАГАУЗОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ (по архивным, историографическим и этнографическим данным)*

Ввиду того, что христианство у гагаузов является одним из основных этнодифференцирующих признаков, представляется важным изучение состояния религиозности гагаузов в различные исторические периоды. Обозначая роль христианства в складывании этнической общности гагаузского народа, М. Н. Губогло писал, что оно коренным образом повлияло не только на ход этнических процессов, но и на духовную культуру предков гагаузов, наряду с другими факторами способствуя формированию этнического самосознания гагаузов. Рассматривая разнонаправленные функции

* Данный параграф является сокращённым вариантом раздела «Религиозность гагаузов и формы проявления религиозной идентичности (по архивным, историографическим и этнографическим данным)» в кн.: *Квилинкова Е. Н.* Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинёв: Business-Elita, 2007. С. 418-440.

христианства в этнических процессах, он отмечал, что, с одной стороны, оно объединило генетически разнородные этнические компоненты в единое этническое образование, а с другой, сыграло роль в этническом размежевании гагаузов-христиан и турецкого мусульманского населения Балкан [Губогло, 1967, с. 8; Губогло, 1993, с. 15].

Вместе с тем, глубокая приверженность гагаузов христианству (наряду с другими факторами) стала основой для близости разноэтничных народов (болгар и гагаузов, греков и гагаузов). Именно религиозный фактор (деление на две враждебные партии – болгарофильскую и грекофильскую [Мошков, 1900, № 1, с. 3]) сыграл важную роль в вопросе разделения гагаузов на этнографические группы: «болгарские гагаузы», «греческие гагаузы» (подробнее см.: Глава 7, «Формирование самосознания гагаузов», с. 337-350).

В той или иной степени вопросы, связанные с религиозностью гагаузов, отражены в упоминавшихся ранее работах исследователей конца XIX – начала XX в. (К. Иречек, В. А. Мошков, А. Манов, Н. С. Державин и др.), а также в заметках местных священников, опубликованных на страницах Кишинёвских епархиальных ведомостей. Изучению состояния религиозности болгар и гагаузов посвящён специальный очерк, написанный священником Н. Стойковым [Стойков, 1910, № 36, с. 1267-1280; № 37, с. 1307-1311; № 38, с. 1355-1366; № 41, с. 1463-1478; № 42, с. 1510-1516; 1911, № 1-2, с. 5-14; № 4, с. 142-152]. Описание религиозности и религиозных обычаев гагаузов дано в небольшой статье М. Чакира [Ciachir, 1934a, nr. 3, p. 21-28]. Из современных исследователей изучением этого вопроса занимались М. Н. Губогло, Е. Н. Квилинкова, А. К. Папцова [Губогло, 2005а, с. 94; его же, 2005б, с. 408-446; Квилинкова, 2006е, с. 341-363; её же, 2006п, с. 84-88; её же, 2007а; и др.; Папцова, 2004а; её же, 2007а, с. 80-87; её же, 2007б, с. 497-516; Хатлас, 2009а-в].

В современной историографии вопрос о степени религиозности гагаузов является дискуссионным. На этот счёт имеются две противоположные точки зрения, которые в общих чертах сводятся к следующему: 1) ввиду существовавших на Балканах исторических условий у гагаузов при яркой выраженности религиозной идентичности, характерной чертой которой является акцент на народном православии, довольно слабо выражены внешние формы религиозности; 2) религиозная индифферентность, характерная для гагаузов, отражает внутреннее состояние их религиозности.

Однако вопрос о степени религиозности гагаузов содержит в себе некоторые вполне объяснимые противоречия. Они связаны, главным образом, с разными смыслами, которые вкладываются в понятие «религиозность». В словаре С. И. Ожегова слово *религиозный* приведено в широком значении – ‘верующий’. Духовенство же под религиозностью понимало так называемую «истинно-христианскую религиозность» [КЕВ, 1911, № 1–2, с. 8], включавшую в себя знание религиозных догматов и молитв, посещение церкви, соблюдение религиозных праздников (запрет на всякую работу), постов, христианской морали, отказ от ряда народных праздников и т. д. Поэтому

в различного рода литературе того периода (в отчётах священников, в религиозно-нравственных очерках, в описаниях некоторыми исследователями быта переселенцев) нередко можно встретить высказывания о недостаточно высокой степени религиозности сельского населения, продолжавшего совершать языческие по содержанию народные обряды. Известно, что последние считались несовместимыми с христианством.

По нашему мнению, нет оснований подвергать сомнению довольно многочисленные сведения, содержащиеся в научной литературе и в публикациях местного духовенства, о религиозности гагаузов и их глубокой приверженности христианству [Державин, 1914, с. 35; Берг, 1918, с. 144; Чакир, 1899, с. 6-7; Ciachir, 1934a, nr. 3, p. 21-28; и др.]. По высказыванию К. Иречка, «гагаузы твёрдые, почти фанатические христиане» [Иречек, 1889, с. 234; Мошков, 1900, № 1, с. 2]. Вывод о приверженности «бессарабских» гагаузов (и болгар) православию подтверждается, например, данными, содержащимися в Отчёте Миссионерского Комитета Кишинёвской Епархии за 1898 г. В нём отмечается: «...Что касается сектантства, то в гагаузских и болгарских колониях их нет» [КЕВ, 1889, № 24, с. 704-714].

О довольно высокой степени религиозности населения болгарских и гагаузских сел 4 округа Измаильского уезда и отсутствию среди них сектантства писал в своем рапорте за 1891 г. благочинный Н. Влайков [НА РМ, ф. 208, оп. 4, ед. хр. 1716, л. 86-90]. Аналогичного рода сведения были приведены и Н. Стойковым в 1910 г.: «...Среди болгар (читай: и гагаузов* – Е. К.) совершенно нет сект» [КЕВ, 1910, № 41, с. 1477]. Эти факты являются, на наш взгляд, одним из показателей их религиозности, так как уже в конце XIX в. Кишиневское епархиальное начальство забило тревогу о стремительном росте сектантства в Бессарабии, в связи с чем активизировало свою миссионерскую деятельность.

Имеющиеся архивные и этнографические материалы свидетельствуют о том, что, при всей своей фанатической приверженности православию, не только гагаузы, но и болгары почти не владели знаниями по истории христианства. Священник Н. Стойков, подробно исследовавший состояние болгарских и гагаузских колоний, в своей работе (1910 г.) отмечал, что в представленных местным духовенством сведениях содержится «разноречивая информация по религиозно-нравственному состоянию» болгарских колоний. Им приведены следующие примеры: «простота с дикостью неимоверны», «религиозные понятия самые дикие и сбивчивые», но при этом «умственное состояние прихожан удовлетворительно. Народ имеет верные понятия о Боге, знает начальные истины веры» и т. п. Противоречивость сведений, при примерно одинаковых условиях, в которых находились болгарские (и гага-

* Ввиду общности религии гагаузов и болгар, единых исторических условий, в которых они совместно проживали на Балканах и позже на территории Бессарабии, а также учитывая тот факт, что во многих источниках и в литературе XIX – начала XX вв. гагаузов не отделяли от болгар, при исследовании вопроса о религиозности гагаузов мы рассматриваем его не в отрыве, а в комплексе с религиозностью болгар.

узские) приходы, он справедливо объяснял национальной принадлежностью священника, дававшего сведения [КЕВ, 1910, № 36, с. 1269]. Как правило, более жёсткая оценка состояния религиозности прихожан характерна для инонациональных священников.

Отмечая положительные стороны религиозно-нравственного состояния задунайских переселенцев, Н. Стойков, вместе с тем, подчеркивал почти полное отсутствие у них знаний по религиозной догматике [КЕВ, 1910, № 38, с. 1356-1357]. Данная им характеристика довольно ярко отражает двойственность содержания их религиозности на тот исторический период: «Твёрдое сознание, что православная вера есть единственная истинная вера, непоколебимая преданность этой вере да некоторые благочестивые обычаи и навыки. В остальном же познания болгар в этой вере и в ее догматах ушли очень недалеко» [КЕВ, 1910, № 38, с. 1477-1478]. О болгарях с. Твардица местный священник П. Казанаклий так писал: «Мало здесь знающих молитвы, и можно сказать, что десятый из них едва ли знает “Отче наш.” <...> О Боге поселяне знают только, что он есть, далее же о нём они почти ничего не знают; Богородицу призывают, а прочих святых почитают безотчётно» [КЕВ, 1873, № 18, с. 695].

Сведения о том, что у гагаузов были неглубокие знания по религиозной догматике, приводятся В. А. Мошковым: «Учение церкви гагаузам во многом непонятно. О десяти заповедях, данных Моисею, гагаузы, разумеется, не имеют никакого представления...» [Мошков, 1901, № 4, с. 25, 29].

По приводимым М. Чакиром сведениям, после Первой мировой войны религиозность гагаузов начала снижаться. Он считал, что активизации этого процесса способствовало введение в 1924 г. нового календарного стиля [Ciachir, 1934a, nr. 3, p. 28]. (Думается, что аналогичные процессы имели место и у других народов, проживавших на территории Бессарабии.) Возможно, в некоторой степени данное нововведение способствовало увеличению числа приверженцев протестантизма за счёт представителей, отколовшихся от православия. Хотя данные (Отчёт епархиального миссионера-проповедника, священника Феодосия Кирики) о том, что в Измаильском уезде среди перешедших в баптизм, наряду со значительным числом молдаван, есть и болгары, относятся к более раннему времени – 1911 г. [КЕВ, 1912, № 39, с. 16].

Принадлежность к христианству позволила гагаузам на Балканах сохранить (во время османского завоевания) собственную культуру, язык, народные обычаи и обряды. В тот период огромное значение в сохранении народной обрядности играло общественное мнение. Любое несоблюдение традиционных обычаев и обрядов, которые в значительной степени были переплетены с религиозной обрядностью, рассматривалось как отход от православия. Это свидетельствует о том, что народные обычаи и обряды, без которых они не мыслили своё православие, воспринимались гагаузами как составная часть собственной религиозной идентичности.

Зачастую крестьяне даже не видели различий между религиозной и народной обрядностью. Так, например, в одном из материалов дел по с. Чияшии Измаильского уезда (за 1826 г.) прихожане жаловались епархиальному

начальству на неуважительное отношение со стороны местного священника. В качестве одной из претензий было то, что он не желает считаться с некоторыми народными обрядами. Например, отказывал им в просьбе освящать в субботу кутью; не разрешал на праздник преломлять и есть хлеб в церкви, запивая его вином, «как положено по их обычаю» и т. д. [НА РМ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 5093, л. 7].

Наличие значительного пласта языческого наследия в бытовом православии гагаузов и болгар отмечали многие местные священники и исследователи XIX – первой половины XX в. [Державин, 1914, с. 35; КЕВ, 1910, № 41, с. 1474].

Содержащиеся в архивных и в других источниках сведения позволяют довольно полно осветить вопрос, связанный с **внешними формами проявления религиозности у гагаузов и деятельность Церкви и официальных властей по повышению религиозности прихожан**. Из материалов архивных дел следует, что многие из прихожан не знали религиозных молитв. На этом основании местные священники отказывались венчать новобрачных. Нередко в подобных случаях первые требовали у брачующихся денежный залог с условием, что когда они выучат молитвы, то деньги будут возвращены им. Однако зачастую провинившиеся получали назад не всю сумму, а лишь половину [НА РМ, ф. 208, оп. 5, ед. хр. 1599 (дело за 1892–1893 гг.); ф. 208, оп. 5, ед. хр. 2405, л. 149–154 (1902–1906 гг.)].

Взимание штрафов за незнание молитв новобрачными производилось священниками официально. 28 декабря 1872 г. был издан Указ Кишинёвской Духовной Консistorии, в котором отмечалось: «Каждый приходской священник Кишинёвской Епархии обязан под распискою требовать от прихожан своих при вступлении в брак знания начальных истин веры, молитв и заповедей под опасением недопущения к бракосочетанию впредь до выучения прописанного; относительно невест также не выдавать им свидетельства на вступление в брак до изучения молитв, в знаниях коих удостоверится священник при родителях... Эта решительная мера сделает грамотность обязательною, как везде за границей, откроет почти повсеместно народные школы и послужит к материальному их обеспечению» [НА РМ, ф. 208, оп. 5, ед. хр. 875, л. 24, 44]. Такие методы не только не усиливали религиозности прихожан, но способствовали ее снижению, вызывая у них чувство внутреннего недовольства и стремление к противостоянию священникам.

Вместе с тем, приводимые нами данные нельзя рассматривать как подтверждение того, что гагаузы вообще не знали молитв. Кроме того, в начале XX в. отмечаемое священниками слабое проявление внешних форм религиозности, незнание религиозной догматики, молитв (то есть почти полное отсутствие «истинно-христианской религиозности») было характерно не только для задунайских переселенцев, но и для других народов Бессарабии [КЕВ, 1911, № 1-2, с. 8; КЕВ, 1908, № 26, с. 983-986].

Представленные М. Чакиром разнообразные данные о религиозном состоянии гагаузов вряд ли дают основание рассматривать их как его стремление продекларировать высокую степень религиозности гагаузов и их глубо-

кую приверженность православию. В его работе «Religiozitatea găgăuzilor» содержатся материалы, относящиеся к первой половине XIX в., которые демонстрируют имевшую место у гагаузов в тот исторический период определённую религиозную индифферентность [Ciachir, 1934, № 6, p. 25-28]. По его мнению, развитию религиозного чувства у гагаузов Бессарабии в значительной степени способствовали мероприятия колониальной администрации во главе с генерал-лейтенантом И. Н. Инзовым и советником Бутковым.

Приведённая М. Чакиром история раскрывает некоторые моменты, связанные с указанным вопросом. И. Н. Инзов, будучи человеком религиозным, был очень удивлён тем, что прихожане колонии Булбоки, в которой он временно пребывал, не посещали церкви. Когда же он спросил местного священника и старосту, почему прихожане не ходят в церковь, те ответили: «Жители – гагаузы из-за Дуная, где церковь давно разрушена турками, и они отучились ходить в церковь. По воскресеньям идут на базар или на рыбалку». Далее староста уточнил, что на сделанное им замечание о необходимости посещать церковь жители села ответили, что «они не имеют надобности ходить в церковь, так как священник молится за них всех. А они должны ходить в церковь, когда приносят курбан». Услышав это, И. Н. Инзов очень удивился и «преподал им военный урок по посещению церкви». Он распорядился, чтобы командир воинской части, располагавшейся в Кишинёве, немедленно отправил солдат в Южную Бессарабию и распределил их среди жителей этого села. Солдаты должны были научить их систематически посещать церковь. Вечером, когда звонил церковный колокол, они приглашали жителей под звуки военного оркестра на вечернее богослужение. Солдаты объясняли жителям села, что все христиане обязаны ходить в церковь, и если кто-то не может идти, то обязан послать в церковь жену или детей.

Далее из записей М. Чакира следует, что эта мера общественного воздействия была довольно эффективной. Через несколько недель жители этой колонии, как следует из приведенных М. Чакиром сведений, стали «более аккуратно» ходить в церковь, боясь, по-видимому, насмешек со стороны односельчан в случае использования по отношению к ним принудительных методов. В этой связи, как отмечал тот же автор, у них появилась поговорка «Почему не идёшь в церковь? Ждёшь, когда заиграет военный оркестр?» [Ciachir, 1934d, nr. 6, p. 25-28].

О том, что местные священники использовали такую меру с целью повышения посещаемости церкви, находим сведения в КЕВ: «Священник следил, кто редко или вовсе не посещал богослужений, отмечал таких и потом в один из намеченных им праздничных или воскресных дней, после утрени, отправлялся с процессией в дом к виновному и торжественно, под особым конвоем, при колокольном звоне приводил его в церковь к литургии... Расчет был верный: крайне самолюбивый болгарин старался всячески не допускать себя до такого всенародного позорища» [КЕВ, 1910, № 38, с. 1357].

Для повышения религиозности прихожан Церковь активно использовала различные методы давления. Почти в каждом судебном приговоре (в том числе и по уголовным делам) фигурирует вид духовного наказания – епитимья.

Как правило, епитимья была публичной и заключалась в совершении «земных» поклонов (15, 45 и т. д. в зависимости от тяжести вины) в церкви перед иконой или в другом отведенном для этой цели месте [НА РМ, ф. 208, оп. 6, ед. хр. 79, л. 15-19 (за 1844 г.)]. Например, из дела за 1844 г. следует, что за отсутствие на исповеди и Святом причастии житель кол. Исерлии Аккерманского уезда А. Димо был подвергнут публичной епитимье. Она заключалась в том, что виновный должен был каждый день («кроме воскресных, праздничных и высокаторжественных дней») в приходской церкви или в монастыре, стоя перед иконой Спасителя, совершать по 15 земных поклонов при пении псалмов. Далее в том же документе отмечается, что, согласно Уставу Кишинёвской Духовной Консистолии, таких прихожан необходимо «вразумлять мерами убеждения и возвращать к долгу христианскому». С данной целью духовный суд назначал им епитимью «по своему усмотрению». При этом оговаривалось, что, «если человек не вразумляется, об этом сообщается гражданскому начальству на его усмотрение» [НА РМ, ф. 208, оп. 6, ед. хр. 79, л. 17, 21-28].

Интересны сведения, приводимые Н. Стойковым из «летописей» гагаузских и болгарских приходов. Так, в воскресные и праздничные дни священник верхом на лошади в светской одежде объезжал село. И если он замечал, что кто-нибудь работал в эти дни, того приводили на церковную площадь и выставляли на «общее посмеяние». При этом он всё время должен был держать в руках или возле него должна была находиться вещь его праздничной работы, например: его привязывали к колокольне и он делал поклоны с колесом на спине. В другом случае человека «продержали на коленях чуть ли не целый день». За неблагоговейное стояние в церкви во время богослужений священник палкой выгонял из церкви провинившегося (из летописи с. Татар-Копчак) и т. п. [КЕВ, 1910, № 38, с. 1357-1358].

Суммируя все вышесказанное (слабое знание религиозной догматики, значительное сохранение элементов язычества, некоторую религиозную индифферентность) и учитывая отмеченные нами различия в понятии «религиозность» в нашем понимании и в понимании православного духовенства, необходимо дифференцировать имеющиеся в религиозной литературе сведения о «чисто внешней религиозности гагаузов». Высказывания священников о невысокой степени их религиозности следует в большей степени понимать как упрёки в недостатке «истинно христианской религиозности». При этом фактическая религиозность болгар (и гагаузов) и приверженность христианской религии не только не подвергались сомнению, но и особо подчёркивались в качестве характерных национальных черт [КЕВ, 1911, № 4, с. 152].

Из приведённых выше фактов видно, что некоторым внешним формам религиозности гагаузы не придавали большого значения. В то же время паломничество в святые места, прежде всего в Иерусалим, на Афон, в Киев (в Киево-Печерскую Лавру) являлось составной частью их религиозности [Ciachir, 1934a, p. 21; КЕВ, 1910, № 41, с. 1475]. Считалось, что человек, совершивший паломничество в эти места, получал отпущение грехов. Многие зажиточные гагаузы считали своим долгом посетить святые места и

поклониться им. Эта традиция сохранялась вплоть до 30-х гг. XX в. [ПМА, с. Бешгёз, с. Кирсово]. Паломники привозили оттуда кресты, облачения для священников, хоругви, иконы и др. Человек, совершивший паломничество, получал титул «хаджи», который передавался по наследству его детям. В селе он занимал особое социальное положение и пользовался всеобщим уважением.

Факты религиозной индифферентности гагаузов и болгар, проявлявшиеся в «неблагоговейном отношении к церкви», в «холодности к храму», в незнании необходимых молитв, в «неуважительном отношении к святине и даже к величайшему христианскому таинству евхаристии, были обычным явлением среди прихожан» [КЕВ, 1910, № 38, с. 1356] и имеют вполне конкретные объяснения. С одной стороны, на Балканах, во время османского господства, данная форма религиозности во многом была утрачена в результате недостатка действующих церквей. С другой стороны, тот факт, что «богослужение совершалось небрежно» [КЕВ, 1910, № 38, с. 1356] и на непонятном языке не вызывало у них потребности в постоянном посещении церкви. Это отмечали и сами церковные служители [НА РМ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 2556, л. 19, 108].

Архивные документы и материалы КЕВ говорят о том, что **взаимоотношения духовенства и прихожан** были непростыми. С одной стороны, из рапортов благочинных за 1891 г. следует, что болгары (и гагаузы) «нравственный и религиозный народ. <...> Благочестие почти патриархальное, не уклоняются от Святых таинств. <...> Прихожане почитают и уважают духовенство» [НА РМ, ф. 208, оп. 4, ед. хр. 1716, л. 76, 86-90]. Уважительное отношение прихожан к священнику подчёркивается в работе В. А. Мошкова [Мошков, 1901, № 4, с. 27].

Исходя из материалов дел, хранящихся в архиве, видно, что духовенство и прихожане не всегда находили взаимопонимание. Как мы ранее отмечали, некоторые священники активно боролись против всех народных обрядов, не дифференцируя их. Например, они активно выступали против обычая «умыкания невест», широко распространённого у гагаузов (и болгар), и отказывались венчать такие пары. Наиболее яростно со всеми «пережитками язычества» боролся Стефан Киранов (священник с. Чумлекиой), который считал это «своим нравственным долгом». Он выступал за запрещение танцев возле церковной ограды во время вечернего богослужения, против колядования и других народных обычаев. Довольно радикально он боролся «против обычая покрывать лицо невесты красным длинным платком поверх свадебного головного убора в знак целомудрия...», заставляя снимать «покрывало с головы» во время венчания [НА РМ, ф. 208, оп. 5, ед. хр. 875, л. 33, 43, 176 (дело за 1875–1876 гг.); КЕВ, 1875, № 21, с. 770-788; № 22, с. 818-823]. Столь жёсткий подход к «уничтожению» языческих обычаев и обрядов нередко был причиной конфронтации между прихожанами и священниками, приводившей иногда к расправе над последними (как это произошло со С. Кирановым).

Нередко возникали конфликтные ситуации ввиду несоблюдения праздничных дней, так как некоторые из религиозных праздников, отмечавшихся Православной Церковью, не считались у гагаузов значимыми (Покров и др.) или работа в эти дни не являлась, по их мнению, грехом (Рождество Иоанна

Крестителя, Рождество Богородицы и др.) [НА РМ, ф. 208, оп. 5, ед. хр. 2638, л. 80-87; КЕВ, 1892, № 3, с. 57-58].

С целью повышения «истинно-христианской религиозности» у населения на провинившихся прихожан налагали штрафы в пользу церкви: за несоблюдение праздничных дней, за «неблагоговейное стояние в церкви во время богослужения», за редкое посещение церкви и т. д. Так, под давлением местного священника жители с. Гайдар обещали вынести мирской приговор, в котором указаны «разные исправительные меры» для наказания виновных, нарушающих Божьи заповеди: штраф в пользу церкви от 1 до 3 руб. и арест от 1 до 3 дней [КЕВ, 1872, № 14, с. 448]. Зачастую провинившиеся отказывались платить штрафы, не считая себя виновными. Священнику с помощью гражданских властей приходилось силой взыскивать эти штрафы. В результате «нравственность не улучшалась», а вокруг священника нарастало недовольство прихожан, и его авторитет падал. Это прослеживается как по архивным документам, так и по приводимым самими священниками данным [КЕВ, 1910, № 38, с. 1358-1359].

Сложности во взаимоотношениях усугублялись также и тем, что народная традиция одаривания священника различного рода подношениями зачастую превращалась некоторыми представителями местного духовенства в форму принудительного обложения за совершаемые ими требы. Так называемый сбор в пользу причта состоял из калача с курицей, двух мерок пшеницы во время уборки зерновых, шерсти при стрижке овец, сала при освящении священником домов прихожан на Водокрещение, шкуры животного при жертвоприношении, денег и др. [НА РМ, ф. 208, оп. 5, ед. хр. 3444, л. 81; ф. 208, оп. 5, ед. хр. 2864, л. 11]. Прихожане пытались бороться с вымогательствами со стороны священников: отказывались платить им жалованье, писали многочисленные жалобы епархиальному начальству и прошения о назначении в их приход добропорядочного священника (дело за 1826 г. о священнике с. Чияшии М. Черноморцове [НА РМ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 5093] и др.).

В целом такие отношения не могли не оказывать влияния на проявление внешних форм религиозности прихожан и на их отношение к священникам (и наоборот). В конце XIX – начале XX вв. в результате активизации капиталистических процессов в селе увеличилось количество конфликтов между местным обществом и духовенством [НА РМ, ф. 208, оп. 5, ед. хр. 3378, л. 83; ф. 208, оп. 5, ед. хр. 2012; ф. 208, оп. 5, ед. хр. 1678; и др.]. Этому способствовало и то, что в указанный период многие священники активно включились в коммерческую деятельность: за бесценок скупали землю в сёлах с помощью купчих и векселей; занимались скупкой и перепродажей пшеницы; давали деньги под проценты, под залог, под векселя и т. д. [НА РМ, ф. 208, оп. 5, ед. хр. 1665, 3707; ф. 208, оп. 5, ед. хр. 2624 (дело за 1906 г.)]. Доходило даже до того, что общество одалживало у священника деньги под проценты на строительство церкви (дело за 1892 г.) [НА РМ, ф. 208, оп. 5, ед. хр. 1601, л. 30]. Проценты, взимаемые с одолженной суммы, были значительными – 10–12%. Занятие ростовщицеством священники оправдывали тем, что кулаки одал-

живают деньги под большой, чем они, процент [НА РМ, ф. 208, оп. 4, ед. хр. 2060 (дело за 1896–1901 гг.); ф. 208, оп. 5, ед. хр. 3858)].

В результате революционных событий 1917 г. местные общества открыто высказывались против таких священников. Интересно отметить, что в большинстве случаев прошения, подаваемые епархиальному начальству об увольнении «непорядочного» священника, высказывали по отношению к инонациональным представителям духовенства. В фонде Кишинёвской Духовной Консistorии хранится дело за 1917 г., в котором имеется жалоба общества с. Кубей на местных священников В. Скодигора и К. Важинского, по отношению к которым «враждебно настроены прихожане». Последние были недовольны тем, что священники «не ладят между собой... и этим дают плохой пример нам, гражданам», «установили разные неправильные поборы за требы: при венчании, погребении и пр., хотя получают от общества определенное жалование» и др. На основании вынесенного сельским обществом «приговора» следовало ходатайство перед епархиальным начальством об увольнении указанных священников и о назначении в приход бывшего в их «селе церковно-приходским учителем ныне священник с. Коржево Бендерского уезда отца Ильи Чакира» [НА РМ, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 5485, л. 3, 5].

Враждебные взаимоотношения между духовенством и паствой стали причиной другого судебного разбирательства: «Дело об освобождении священника церкви с. Ташбунар Измаильского уезда Иоанна Хохора от исполнения пастырских обязанностей по церкви сего села согласно его просьбе» (из-за самовольного захвата прихожанами его земли. Оказалось, что за И. Хохорой по книгам коммуны значится 122 дес. земли и 45 дес. церковной дачи. В приговоре сельского совета указывалось, что «отобранная у священника земля поступает на учет в земельный комитет, который отдает её нуждающимся солдатам» [НА РМ, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 5374]. В результате разбирательства епархиальное начальство оставило священника работать в том же приходе.

Имеющиеся архивные документы позволяют проанализировать **исторические условия и процессы, оказавшие влияние на состояние религиозности гагаузов**. Из документов Кишинёвской Духовной Дикастерии и Консistorии за 20–50 гг. XIX в. видно, что многие священники «из болгар», прибывшие из-за границы (то есть из-за Дуная) вместе со своими прихожанами, едва умели читать: священник колонии Болград Иоанн Кулинский (Куля) «в чтении малосведущ»; священник колонии Код-Китай Иоанн Рознован «в чтении и пении очень мало знает» [НА РМ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 4744. (за 1825 г.)]; священник с. Старо-Трояны Георгий Стефанов Новаков «чтение и пение посредственно, катехизис знает недостаточно» [НА РМ, ф. 208, оп. 14, ед. хр. 1, л. 75-79. (за 1838 г.)]; священник с. Табак Михаил Жеков Петров (к которому просились гагаузы из других сёл исповедоваться) «грамоту имеет, чтение и пение катехизиса знает непорядочно» (НА РМ, ф. 208, оп. 14, ед. хр. 11, л. 24. (за 1858 г.) и т. д.). Аналогичные сведения приводились потомками самих священников-переселенцев, например, П. Казанаклий писал: «духовный руководитель болгар в Турции был священник, едва умеющий читать...» [КЕВ, 1873, № 18, с. 694].

Сохранению религиозной индифферентности гагаузов на территории Бессарабии в значительной степени способствовало то, что богослужение совершалось на непонятных для них языках – церковнославянском и молдавском. Незнание же основной частью местного духовенства языка прихожан не позволяло им передавать даже элементарные религиозные знания путём чтения проповедей. Кроме того, активная борьба Церкви с остатками язычества, усилившаяся в конце XIX – начале XX вв., вместе с уничтожением народных обрядов в определённой степени способствовала снижению внешней религиозности прихожан, так как они тесно переплетены с христианской обрядностью и календарём.

Из рапортов благочинных за 1891 г. по 4 округу Аккерманского уезда (Н. Влайков) и 3 округу Бендерского уезда (А. Гинкулов) следует, что «болгары (читай: и гагаузы – Е. К.) – нравственный и религиозный народ, только нуждается в просвещении и укреплении в вере» [НА РМ, ф. 208, оп. 4, ед. хр. 1716, л. 76]; «усердно посещают службу в воскресные дни, исполняют христианские обязанности исповеди и причастия, отличаются благочестивыми обетами, путешествуют в Иерусалим, довольно усердно жертвуют на нужды своих приходских храмов и на другие благотворительные учреждения... Охотно отдают своих детей в училища для изучения главным образом Закона Божьего» [НА РМ, ф. 208, оп. 4, ед. хр. 1716, л. 86-90].

Анализ архивных документов, а также содержащегося в «Кишинёвских епархиальных ведомостях» материала дает основание говорить о том, что для гагаузов характерна высокая степень религиозности, иногда граничащая с религиозным фанатизмом, при довольно слабой выраженности внешних форм религиозности (посещение церкви, строгое соблюдение установленных церковью праздников, знание христианских догматов и церковных молитв и т. д.). Можно назвать несколько причин данного явления.

Во-первых, в период османского завоевания христианское население Балкан длительное время находилось в условиях, когда внешние формы проявления религиозности «не приветствовались». С целью собственной безопасности крестьяне переместили исполнение многих религиозно значимых ритуалов в рамки семейной обрядности, скрытой от посторонних глаз (например, освящение жертвенного животного в обряде курбан старшим в доме мужчиной, крещение новорожденного бабкой-повитухой и т. д.).

Во-вторых, некоторому усилению религиозной индифферентности на территории Бессарабии (выражавшейся в слабом посещении церкви и др.) способствовало то, что церковное богослужение совершалось на непонятных для гагаузов языках – церковнославянском и молдавском.

В-третьих, отсутствие религиозной литературы на родном языке (до начала XX в.), а также незнание основной частью местного духовенства языка прихожан вело к тому, что население в религиозном отношении оставалось совершенно безграмотным (большинство не владело элементарными религиозными знаниями).

В-четвёртых, активная борьба Церкви с остатками язычества, усилившаяся в конце XIX – начале XX вв., вместе с уничтожением народных обря-

дов в некоторой мере снижала общую религиозность прихожан, так как народные обряды и праздники тесно переплетены с христианской обрядностью и календарём.

Сравнение архивных данных со сведениями, содержащимися в других источниках, позволяет рассмотреть изменения, произошедшие в различные исторические периоды как в содержании традиционной обрядности, так и в области религиозного сознания гагаузов. Если в начале XIX в. гагаузы не считали сколько-нибудь обязательным посещение церкви, за исключением праздников, когда делали курбаны (из приведённых И. Н. Инзовым сведений [Ciachir, 1934a, nr. 3, p. 25-28], то уже в конце XIX – начале XX вв. не пойти в церковь в воскресенье и в большие праздники считалось грехом [Мошков, 1902, № 3, с. 54].

На основании имеющихся архивных данных (строительство сельскими обществами церквей, часовен; пожертвования церквям; традиция паломничества в святые места), а также учитывая собранные нами в результате исследования этнографические и фольклорные материалы (появление в первой половине XX в. значительного числа песен религиозного содержания [Moldova gagauzların.., 2003, с. 15-76], усиление влияния церкви в календарной и семейной обрядности и др.) можно вполне обоснованно говорить о **росте народной религиозности гагаузов Бессарабии** во второй половине XIX – начале XX вв.

Отметим, что религиозность гагаузов в исследуемый период была довольно высокой. Её поддержанию способствовало издание религиозной литературы на родном языке (начиная с 1908 г.). Однако было бы неправомерно рассматривать значительно увеличившееся (особенно в период между двумя революциями – 1905 и 1917 гг., когда «национальный вопрос» стал крайне актуальным в России) число требований от местных сельских обществ о назначении в приходы «своих» священников, знающих их язык, только как результат усиления религиозности населения. В известной степени этот вопрос был активизирован революционными событиями в Российской империи, которые сопровождалось движением национальных окраин. В целом же для данного периода характерно постепенное снижение религиозного фактора в традиционной жизни крестьян, что в значительной степени объясняется происходившими социально-экономическими и политическими преобразованиями.

В советское время в 50–60-е гг. во многих гагаузских селах были закрыты храмы. Действовала церковь в с. Конгаз и собор в г. Болграде. По сведениям митрофорного протоиерея отца Димитрия (Келеш Д. Ф.), в Чадыр-Лунгском районе из 10 церквей было закрыто 9 и лишь одна продолжала работать в болгарском селе Твардица, куда ходили гагаузы из близлежащих сёл; в Вулканештском районе также работала лишь одна церковь (в с. Колибаш) и т. д. [Квилинкова, 2007, с. 440]. Несмотря на это, «бессарабские гагаузы» и в настоящее время довольно набожны (особенно старшее поколение). В этой связи отметим, что вопрос о соотношении религиозной и этнической идентичности у гагаузов в XIX–XX вв. довольно подробно рассмотрен в работах молодой

Свято-Димитриевская церковь в с. Чадыр-Лунга, освящена 30 октября 1911 г. Разрушена в 1972 г. Фото из архива Е. Н. Квилинковой (предоставлено Марией Николаевной Кройтор).

Православный храм в честь Казанской иконы Божией Матери, г. Чадыр-Лунга, построен в 2008 г. Фото Е. Н. Квилинковой (апрель, 2011 г.)

Свято-Георгиевская церковь, с. Казаклия, построена в 1845 г., колокольня – в 1902 г.
Фото из архива Е. Н. Квилинковой, 1996 г.

исследовательницы по истории культуры гагаузов А. К. Папцовой. В ходе изучения динамики развития этого соотношения она пришла к выводу о том, что, несмотря на стремительно протекающий у гагаузов процесс этнической мобилизации, значение религиозной идентичности у них всё же выше, так как культурные стереотипы гагаузов основаны на их принадлежности к христианству [Папцова, 2005а, с. 510].

Интересными являются следующие сведения информаторов-болгар с. Кирсово, в котором мы собирали полевые материалы в 1996 г. Они отмечали, что гагаузы более религиозны по сравнению с болгарами. Аналогичный вывод был сделан священником местной церкви того же села, молдавской национальности. Согласно его сведениям, на тот период причащалось более 60% прихожан. Наряду с этим он подчеркнул, что далеко не во все важные религиозные праздники жители этого села соблюдают запрет на работу. Он уточнял, что они могут работать, например, на Троицу и в другие религиозные праздники, но при этом строго соблюдают «Волчьи праздники», День мыши, День червя, особо чтут Прощёное воскресенье и др. [Квилинкова, 2007, с. 440].

Состояние религиозности гагаузов в современный период, несомненно, требует тщательного исследования. Приведённые высказывания респондентов являются лишь их субъективным мнением. У нас нет оснований делать вывод о большей религиозности гагаузов по сравнению с болгарами, исходя из нескольких высказываний информаторов, поскольку в каждом селе ситу-

ация по-своему уникальна. Например, в с. Твардица, в котором церковь не прекращала своей работы и в советский период, религиозность болгар очень высока.

Тем не менее, из приведённых нами высказываний видно, что и в настоящее время «бессарабские гагаузы» довольно религиозны: посещают церковь и монастыри, исполняют религиозные обряды и т. д., но при этом у них в определённой степени сохраняется слабая выраженность внешних форм религиозности. Эта черта во многом объясняется, по-видимому, сложившимися историческими условиями на Балканах, а позже – на территории Бессарабии.

В заключение отметим, что по результатам проведённого российско-американского исследования [Губогло, 2006а, с. 190], к концу XX в. интенсивность религиозной идентичности гагаузов равнялась интенсивности этнической идентичности; ощущение же интенсивности религиозной идентичности было примерно одинаковым среди гагаузов, болгар и молдаван (около 60%).

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГАГАУЗОВ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

С характером и глубиной религиозности гагаузов, с религиозными представлениями и стратегиями религиозного поведения, местом религии в жизнедеятельности гагаузов и их предков мы имеем возможность знакомиться по историческим памятникам, документам и нарративным источникам. Так, например, в конце XIX в. о десяти заповедях Моисея гагаузы не имели никакого представления, прежде всего о первых четырёх заповедях, содержащих запреты в отношениях людей с Богом:

1. Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим.
2. Не делай себе кумира и никакого изображения Божества, не поклоняйся и не служи идолам.
3. Не произноси имени Господа Бога твоего всуе.
4. Помни священный субботний день: все дни делай свои дела, но седьмой день суббота Господу Богу твоему [Библия, Исход, гл. 20, 1989, с. 79].

Из числа остальных 6 заповедей Моисеевых, выражающих отношения между людьми, самыми большими грехами гагаузы считали воровство и убийство, то есть нарушение 6-й и 7-й заповедей – «Не укради» и «Не убий», а также связанной с ними 10-й – «Не желай дома ближнего твоего, ни жены его, ни скота его, ни того, что у него есть». Грех воровства считался особенно тяжким, если его совершал человек в пожилом возрасте, свыше 40 лет. Что касается греха убийства, то самым тяжким считалось убийство беззащитного калеки, бедного или нищего человека. Каждый из них – самый дорогой гость в доме, и грех состоит не только в том, чтобы убить его, но даже отпустить из дому без угощения.

Что касается Моисеевой заповеди: «Почитай отца и мать своих, чтобы было тебе хорошо и чтобы ты был долголетен на земле», то эту заповедь предки гагаузов соблюдали ещё до того, как на горе Синай Моисей получил заветы Бога, то есть заключил с Господом союз от имени не всего человечества, а только от имени сынов Израилевых. Краткость десяти заповедей, безусловно, свидетельствует об их древнем происхождении. Однако, культ предков у гагаузов, сохранившийся до XX в., вероятно, сложился гораздо раньше, чем они могли познакомиться с 10-ю заповедями Моисея.

Прочность семейных уз у гагаузов была тесно связана с их внешне глубокой религиозностью, хотя, вопреки 7-й заповеди Моисея «Не прелюбодействуй», гагаузы не относили прелюбодеяние к числу особо тяжких грехов. В повседневном словаре гагаузов В. А. Мошкову не удалось обнаружить отдельного слова для обозначения прелюбодеяния [Мошков, 1902, № 4, с. 26].

Противоречивость свидетельств, имеющих в нарративных источниках, не позволяет получить адекватное представление о реальной или воображаемой приверженности гагаузов. Истинную приверженность религиозной идентичности и то место, которое занимает религия в повседневной жизни гагаузов, может выявить только сама жизнь. Степень религиозности определяется внешней средой, внутренним миром человека и целой системой установленных норм, которую вполне уместно назвать «Грамматикой жизни».

Нравственность гагаузов испокон веков формировалась сначала обычным правом, затем религиозной догматикой, церковной риторикой, моральным обликом и высоким поведением священнослужителей разного ранга. На страже нравственности как человечности (*adamlık*) в гагаузском социуме стояло общественное мнение. Человек жил так, чтобы народ не осуждал (*insan maana bulmasin*).

В литературе, посвящённой гагаузам, особенно в части их приверженности православию, ещё со времени К. Иречека и В. А. Мошкова бытует расхожее мнение о том, что религия играла едва ли не этнообразующую роль в структуре их этнического самосознания. Вероятно, на определённых этапах их истории, особенно во время их пребывания в составе Османской империи, когда тюркоязычные гагаузы испытывали религиозное давление, преследующее цель обратить их в ислам, приверженность к православию имела серьёзное этнокультурное и этнопсихологическое значение*.

Однако к концу XX в., как это было выявлено в ходе известного российско-американского этносоциологического исследования (авторы программы – Д. Лейтин и М. Губогло), проведенного по репрезентативной выборке, интенсивность религиозной идентичности гагаузов, во-первых, равнялась интенсивности этнической идентичности (на «сильную» и «обычную» зна-

* В данном разделе не ставится задача анализа религиозного вокабуляра гагаузов, в составе которого наряду с терминами православной религии имеется немало таких, которые связаны с элементами мусульманской религии. См., например: Покровская Л. А. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов // СЭ, 1974, № 1. С. 139-144; Güngör N. Gagauzların Hristiyanlığı Kabulü ve İnanişlarındaki İslamı Unsurlar Meselesi (Обращение гагаузов в христианство и проблемы исламских черт в их воззрениях) // Türk Dünyası Araştırmaları. 1983. № 27. S. 248-254.

чимость религиозной принадлежности для себя указали 59,2%, а на такую же степень значимости этнической принадлежности – 58,6%), во-вторых, ощущение интенсивности религиозной идентичности было одинаковым среди гагаузов, болгар и молдаван и колебалось в узком диапазоне от 58,8% среди молдаван до 60,2% среди болгар. Среди русских юга Молдовы, проживающих в Гагаузии, аналогичная степень религиозной и этнической принадлежности была характерна, соответственно, для 55,3% и 48,7%. Из приведённых сравнительных данных не следует, что гагаузы радикально отличались от молдаван и болгар каким-то особым пристрастием к своей религиозной принадлежности.

Совпадение уровней (интенсивности) религиозной и этнической идентичности у представителей 3-х национальностей – гагаузов, болгар и молдаван, – является следствием более чем двухсотлетнего совместного проживания, в ходе которого формировались сходные представления о себе, о своей ментальности и о своих этнических соседях. Итоги религиозной и этнической взаимной «притирки» особенно ярко давали о себе знать, когда, после развала Советского Союза, перед большинством возникла необходимость смены одной гражданской идентичности на другую. Инициированный не снизу, а сверху, со стороны правящих кругов СССР и политической элиты Молдовы, процесс переидентификации своего гражданства оказался чрезвычайно болезненным для немолдавского населения Молдовы, особенно для русских. Это наглядно видно из того, что в 1998 г., после 7 лет существования Республики Молдова как независимого и самостоятельного государства более чем каждые четверо из пятерых (86,8%) русских продолжали считать себя гражданами канувшего в небытие государства. Незначительно отставали от русских представители болгар и гагаузов, среди которых инерционная приверженность к гражданству Советского Союза сохранялась, соответственно, среди 81,4% болгар и 78,0% гагаузов. Совсем иначе перестраивались социально-психологические ощущения своей гражданской идентичности среди молдаван юга республики.

Окрылённые созданием своей государственности, принятием новой (постсоветской) Конституции, в преамбуле которой было указано на «непрерывную государственность молдавского народа в историческом и этническом пространстве его национального становления» [Конституция Республики Молдова, 1997, с. 309], молдаване более ускоренно, чем гагаузы и болгары, расставались с советским гражданством и ощущением принадлежности к уже несуществующему государству*.

Лишь немногим более половины проживающих в Гагаузии молдаван (54,9%) в 1998 г. продолжали считать себя гражданами СССР. Инерция социально-психологического ощущения своей лояльности (гражданской идентичности) сильнее всего разделяла молдавское и русское население. Размах вариации между ними по данному показателю составлял 21,9%. Еще резче

* Подробнее анализ этого тезиса см. в: Андрущак В. Защитники Конституции // Конституционное развитие Республики Молдова на современном этапе. Кишинев, 2004. С. 67-74.

эта грань разделяла представителей молдаван и русских по темпам восприятия своей гражданской идентичности по отношению к новообразованной Молдове. В этом случае диапазон различия повышался до 46,2%, так как принадлежность к Республике Молдова была «очень значимой» и «значимой» для 80,4% молдавской части населения Гагаузии и только для 34,2% русских. Что касается гагаузов и болгар, среди них адаптация к новой гражданственности и, соответственно, значимость быть гражданином Республики Молдова («очень значимо» и «значимо») происходило несколько легче и быстрее, чем для русских. В 1998 г. 54,0% гагаузов и 56,0% болгар уже считали для себя «важным» и «значимым» быть гражданином Республики Молдова, демонстрируя тем самым уважительное, лояльное отношение к Молдове как к своему государству (см. табл. 1). Им несколько легче, чем русскому населению, удавалось привыкать к новому этнополитониму: *молдавский гагауз* или *молдавский болгарин*.

Между близко совпадающими уровнями религиозной и этнической идентичности у представителей трёх национальностей – гагаузов, болгар и молдаван – и несовпадающими идентичностями гражданства (СССР и Республики Молдова) располагалась имущественная идентичность. Желание «быть богатым» оказалось «сильно значимым» и «значимым» более всего для русского населения (76,4%) и менее всего для болгар (66,0%). Однако в целом по интенсивности вышеуказанной идентичности не обнаружилось сильных межэтнических различий. В сёлах гагаузов и болгар ещё со времён их поселения на буджакских землях было характерно уважительное отношение к зажиточности, а для современного русского населения уход в предпринимательство, непринятие политики (отказ от поддержки) было средством выживания (см. табл. 1).

Таблица 1

**Степень значимости идентичностей
(по итогам опроса 1998 г., в %)**

Национальность	В какой степени значимы идентичности					
	Семья	Этничность	Религиозность	Гражданство		Богатство
				СССР	Республики Молдова	
Гагаузы	85.0	59.2	58.6	78.0	53.7	73.1
Болгары	86.4	60.2	60.0	81.4	55.9	66.0
Русские	89.5	55.3	48.7	86.8	34.2	76.4
Молдаване	86.3	58.8	58.8	54.9	80.4	70.6
В среднем	85.7	58.5	57.4	78.0	54.4	72.2

При перелистывании страниц постсоветской истории гагаузов, пожалуй, нет необходимости дискутировать о траекториях секуляризации и атеизации. Тем не менее с повестки дня не снимаются вопросы о том, кому, когда, какая и зачем нужна религия, какую миссию она выполняет в деле деинфантилизации как на личностном, так и на групповом уровнях, а также в какой мере она принимает участие в преодолении конфликтных ситуаций и в утверждении на земле Молдовы и России мира, спокойствия и солидарности народов в процессах консолидации общества [см. например: Религия и общество..., 2002].

Два постсоветских десятилетия не вывели Молдову, а вместе с ней и гагаузов из маргинального состояния, характерного для очередного периода их совместной истории. Молдова никак не может самоопределиваться, понять, какое место она занимает в мире, каков характер ее режима, в каком направлении она идет экономически, политически и этатически. Правомерно ли сегодня требовать от граждан Молдовы полного адекватного ощущения и самотолкования своей идентичности? Как должны и могут самоопределяться на личностном и групповом уровнях нынешние молодые и не только молодые поколения, в том числе в пределах самоопределившейся Гагаузии?

С точки зрения национальной безопасности это далеко не праздные и не риторические вопросы. Отсутствие чёткой государственной идеологии и глубоко осмысленной идентичности у населения, вялое (индифферентное) к ней отношение обнажает отсутствие собственных интересов, стратегий адаптации и мобилизации к трансформационным процессам, отсутствие целей, смыслов и задач. Иными словами, идентификационный вакуум равносителен инфантильности со всеми возможными для человека без руля и ветрил отклонениями и девиантными акциями. Если нет целей, особенно общих, значит, нет необходимости в солидарности, если нет солидарности, значит, нет и уверенности в завтрашнем дне.

Не предпринимая поисков корней возникающих вопросов, можно предварительно заметить, что любая значимость в немалой степени предопределена внутренними, идущими от самого человека, и внешними, исходящими от окружающей среды, факторами и импульсами. Следовательно, признание значимости каждой идентичности, в том числе религиозной, может быть производным от программ и норм, заложенных в культуре. Без прочтения текстов культуры в сочетании с вызовами модернизационных процессов вряд ли стоит надеяться на эффективную политику, формирующую ту или иную идентичность или же современную траекторию деинфантилизации. Сегодня мало кто сомневается, что «культура имеет значение» в широком и узком смысле [Культура имеет значение, 2002].

Наблюдаемая в последнее время активизация и политизация религиозной идентичности населения может быть скорее деструктивным, чем конструктивным фактором, если само население не рассматривает религиозность как ценность, как часть обязательных текстов той культурной системы, по законам которой оно строит свою деятельность и повседневное поведение. Следовательно, тайны формирующейся религиозной идентичности кроются

не в политике, а в комплексе интересов, мотивов и потребностей человека, ассоциированных с содержанием культуры и с необходимостью выживания. Отсюда вытекает вывод о двояком подходе к процессам деинфантилизации, которые не могут воспроизводиться ни без резервуара накопленной человечеством культуры, ни без превращения этой культуры во внутреннее богатство личности. И этим была предопределена в своё время задача, заложенная в проект «Национальные процессы, языковые отношения и идентичность» по комплексному анализу когнитивных, коннотативных и отношенческих (аттиюдных) аспектов современной религиозности гагаузов и всего населения Молдовы в сравнении с религиозной ситуацией в некоторых республиках Российской Федерации.

Интерес к этническому и религиозному аспектам жизни социума обострился в переходный период его истории. Вряд ли какое-либо явление общественной жизни последнего десятилетия XX в. было объектом такого пристального и всестороннего внимания, как роль этничности и религии в общественной и политической жизни. Сегодня на фоне поисков идентичности в сознании людей, оказавшихся под обломками Советского Союза, и в формировании менталитета наших современников, в том числе и их представлений о религии и религиозной идентичности, произошли и происходят значительные сдвиги, которые определяются двумя тенденциями: деатеизацией взрослого населения и приобщением к религиозной вере молодёжи. Исходные позиции у взрослых и молодёжи существенно отличаются. Формирование религиозности молодёжи, то есть приобщение её к религии, начинается практически с чистого листа. Формирование же религиозности взрослого населения напоминает русскую икону или армянские хачкары, с которых был стёрт первый слой изображения, а затем, после краха атеизма, за первым слоем обнаруживается второй, более глубинный.

Одна из интригующих траекторий в религиозной жизни гагаузов проявляется в том, что современные служители православия, не ограничиваясь организацией церковной службы и ознакомления населения с религиозной догматикой, пытаются расширять сферы своего влияния путём глубокой инкорпорации в светскую жизнь. Наиболее активные из них рвутся к власти, становятся депутатами законодательных органов, принимают участие в организации воспитательной работы среди подрастающего поколения, организуют фестивали, кружки самодеятельности, конкурсы произведений молодых писателей, поэтов, художников. Словом, берут не себя те функции, которые в прежние (советские) времена выполнялись работниками идеологического фронта.

Характеризуя нынешнюю религиозную ситуацию в Гагаузии на примере религиозности гагаузов, обратим внимание на одну немаловажную деталь. Реправославизация гагаузов происходит не на базе усвоения религиозной догматики, риторики и ритуальности, а скорее складывается под крышей и лозунгами укрепления этнической идентичности. Религиозная идентичность нынешних гагаузов не столько реанимируется или заново зарождается, сколько занимает опустевшую нишу после обвала советскости.

Так, например, новый гагаузский фильм «...*Ama toprak her zaman kalêr*» («*А земля всегда остаётся...*»), презентация которого состоялась в августе 1994 г. в Кишинёве по инициативе Гагаузского национально-культурного объединения «Кардашлык» («Братство»), начинается появлением на экране отца Дмитрия. Предваряя кадры, связанные с переселенческим движением гагаузов, и выступления выдающихся деятелей культуры – Михаила Чакира, классика гагаузской литературы Дмитрия Карачобана, художника Дмитрия Савастина и композитора Михаила Колца, отец Дмитрий благословляет фильм библейским парафразом Екклесиаста: «Поколение уходит и поколение приходит, а земля вовек остаётся» [Jofcu, 1994].

Пытаясь ответить на извечные мировоззренческие вопросы бытия: в чём смысл жизни человека? что пользы человеку от всех его трудов? каким образом человек должен прожить свою жизнь на земле, чтобы быть счастливым? – Екклесиаст подчёркивает бесконечность жизни, хотя и придаёт этому пессимистическую окраску: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки. Восходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои... Все вещи в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием. Что было, то и будет: и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас» [Библия, 1989, с. 666].

Формирование идеологически востребованных идентичностей при советской власти поддерживалось, как скрепой, советской идентичностью. Советскость представляла собой субъективную равнодействующую целого ряда объективных факторов, индикаторов и частных идентичностей. Закат Советского Союза и первые постсоветские годы в Молдове, как и в России, сопровождалась яростным очернением всей советской истории, в том числе советского человека, служившего одним из кирпичиков в фундаменте надэтнической советской общности. Присущая всем гражданам Советского Союза, независимо от их национальной, религиозной, расовой, классовой, имущественной принадлежности, советскость варилась в бульоне социалистической государственности и интернациональной общности народов. Предпринятая демократами атака на социализм и его идеологию привела в конечном счете к развалу государственности и расщеплению советскости. Распад каждой из них, как основы идентификации личности, вызвал выделение энергии огромной разрушительной силы, подобно взрыву при распаде атома.

Утерянная идеология для многих бывших советских граждан стала едва ли не первопричиной маргинализации их идентификационной принадлежности, без которой, естественно, ослабела ориентация в социальном пространстве [подробнее см.: Зверев, 2004, с. 9-23], что, в свою очередь, разрушало наработанные нормы и навыки социального поведения и вело далее к криминализации, коррумпированности общества.

Однако к концу первого постсоветского десятилетия, похоже, некоторые страны СНГ прошли стадию огульного отрицания всех прежних дости-

жений, удач и успехов и, оказавшись погребёнными под обломками советскости, начали усиленно искать твёрдые идентификационные точки опоры. Сначала язык, затем этничность и религиозность, а параллельно с ними имущественная идентичность стали заполнять образовавшийся после взорванной советскости вакуум.

Маргинализация идентичности, вызванная распадом Советского Союза и «отменой» коммунистической идеологии, преодолевается, и её нынешнее содержание можно сравнить с пёстрой картиной. Советскость и ассоциированные с нею идеологически ангажированные идентичности уступают место другим идентичностям – быстрее или медленнее, словом, неравномерно по стране, как в региональном аспекте, так и в плане различий между теми или иными формами идентичности.

При этом парадокс формирования религиозной идентичности состоит в том, что религиозная догматика отрицает свободу воли, не приемлет индивидуализм, преувеличивает значение веры по сравнению со знанием и логикой и тем самым сковывает инициативу человека, тормозит развитие производительных сил, общественной мысли, а в конечном счёте – конкурентоспособность.

Возрождение религиозной идентичности в первое десятилетие постсоветской истории, спровоцированное недолговременным и противоестественным союзом демократизации и этнической мобилизации, оказалось процессом внутренне противоречивым, так как синхронная модернизация и конфессионализация выступают скорее антиподами, чем союзниками или партнерами. Более того, ущербность этого парадоксального союза, получившего широкое распространение на исходе прошлого столетия, состоит в том, что в самом этом парадоксе заключена потенциальная опасность конфликта. Речь идёт не только о личностных и групповых конфликтах и противоречиях, но и о несовместимости времён, если иметь в виду, что блокирование реформ противопоставляет настоящее вызовам будущего.

Несмотря на массивную пропаганду религиозности со стороны СМИ и на дипломатические заигрывания государственных структур и чиновников с религиозной элитой, лишь двое из троих (65,2%) взрослых жителей Гагаузии в 1998 г. считали себя верующими, в том числе 72,6% молдаван, 67,8% гагаузов, 63,5% болгар и 50,0% русских. При этом только каждый пятый, будучи верующим, соблюдал религиозные обряды, в том числе 23,2% гагаузов, 16,9% болгар, 11,8% молдаван и незначительная часть русских, менее чем каждый десятый.

Приведённые данные опроса, раскрывающие не декларативные заявления и не субъективные представления о степени своей религиозной идентичности, а фактическое следование религиозным обрядам, хотя и без указания степени знания и понимания религиозной догматики, в известной мере подтверждают сообщения XIX–XX вв. о повышенной религиозности гагаузов. Во всяком случае впечатляющий размах вариации (15,3%) между удельными весами верующих гагаузов и русских, которые соблюдают религиозные обряды, позволяет считать, что сообщения о повышенной религи-

озной идентичности гагаузов не лишены оснований. Следовательно, полагаясь на итоги того же этносоциологического опроса, четверть гагаузов и только каждого десятого русского можно отнести к глубоко верующим, так как население не только верует и в какой-то степени владеет религиозной догматикой, но и подкрепляет свои убеждения адекватным религиозным поведением, соблюдая предписанные догматикой религиозные обряды и ритуалы.

Немалый интерес с точки зрения полноты отображения религиозной идентичности и этнорелигиозной ситуации представляют маргинальные группы населения, которые, не сумев самоопределившись в своей религиозной идентичности, назвали себя «колеблющимися». Вероятно, сама эта группа состоит из колеблющихся двоякого рода: с одной стороны – это те «двоеверы», точнее, носители «двойной полуверы», которые колебались между неустойчивой принадлежностью к православию и отпавлением обрядов язычества, с другой, колебания проявлялись между верой и безверием. При этом в Гагаузии и те и другие неустойчивые религиозные ориентиры среди мужской части населения встречались чаще, чем среди женской, а у 18–25-летней молодёжи чаще, чем у лиц преклонного возраста.

Вероятно, двойное полуверие было характерно не только для тех групп людей, которые оценивали себя как «колеблющихся», но и среди тех, кто был более уверен в своей единичной религиозной принадлежности. Из «двойного полуверия» рождалась внутренне противоречивая установка на различные формы проявления собственной религиозности.

Как показал опрос, удельные веса колеблющихся у гагаузов и болгар не превышали 11,0% и были незначительно меньше, чем среди молдаван (13,7%) и русских (14,5%).

Значительное увеличение в Гагаузии, как и в Молдове в целом, в постсоветский период численности верующего населения имеет не только большое значение в общественной жизни, но и представляет собой интерес для науки. Вместе с тем, в литературе нет сколько-нибудь убедительных концепций, объясняющих всплеск религиозной идентичности. Специалисты, исследовавшие подъём религиозности, называют четыре фактора, побудивших молодёжь и взрослое население признавать себя верующими. Так, например, Р. Н. Мусина предлагает следующий концептуальный ряд факторов, благодаря которым, по её мнению, произошёл подъём религиозности в Татарстане. Во-первых, пополнение рядов верующего населения было ответной реакцией на применение и, добавим от себя, на исчезновение государственной идеологии, что привело к свободному формированию ориентированности на вероисповедание, вместо былого идеологического контроля, во-вторых, для компенсации катастрофического ухудшения жизни религия стала востребованной в качестве моральной опоры и утешительной психологической отдушины. В-третьих, немаловажную роль сыграла пропагандируемая лидерами этнических мобилизаций связь между этнической и религиозной идентичностями. Практически молодёжь и часть взрослого населения поддалась на моду: быть верующим стало означать быть порядочным. В-четвёртых, часть нерусского насе-

ления, настороженно наблюдавшая за попытками огосударствления православия, усилила свою ориентацию в сторону своих этнических религий [Мусина, 1992; см. также: Современные этнокультурные процессы..., 2000, с. 48].

Религия религии рознь. Поэтому наряду с межрегиональными и межпоколенными различиями в современной панораме религиозности проявляются и межэтнические различия, в зависимости от того, какого конкретного вероисповедания придерживается тот или иной народ. Красноречивы показатели и контуры некоторых различий. Так, например, при равной доле (весьма незначительной) атеистов среди гагаузов, болгар, молдаван и русских (в интервале от 1,6 до 4,2%), обнаружилась большая разница в долях неверующих: от 11,8% среди молдаван до 26,4% среди русских.

Несколько особенностей характеризовали реализацию религиозной идентичности гагаузов и представителей других национальностей в конце 1990-х гг. прошлого столетия. Больше всего (52,0%) церковь посещали согласно религиозным представлениям, а также по случаю семейных событий, связанных с религиозными праздниками (или по тем и другим вместе взятым). Такая «норма» религиозного поведения была характерной более всего для гагаузов (54,2%), менее всего – для молдаван (37,7%). Более частые посещения («раз в неделю») колебались от 5,3% русских до 9,3% среди болгар, («раз в месяц») – от 3,9% среди молдаван до 6,8% у болгар (см. табл. 3).

Удельный вес посещающих церковь вне связи с отправлением религиозных ритуалов практиковали от 5,3% гагаузов до 7,9% русских. И, наконец, совсем не посещали церковь от 19,6% гагаузов до 32,9% русских.

Если согласиться, что религиозные убеждения, в том числе в форме устойчивой религиозной идентичности, служат одной из основ социального порядка, то можно допустить, что религия выполняет интегративную функцию в обществе. Однако о какой интеграции можно говорить, если единоверцы не связаны густыми коммуникационными связями и контактами. По итогам того же опроса, в частности, оказалось, что даже редкие возможности для совместных отправлений религиозных обрядов («по зову души» и «по большим праздникам») характерны для 37,8% башкир, 39,0% удмуртов, 41,5% марийцев и 45,3% татар, а среди различных групп русского населения доля редких посетителей церкви колебалась в начале 2002 г. в интервале от 50,6% в Удмуртии до 58,7% в Татарстане.

Следовательно, заверения некоторых служителей культа и общественных деятелей, паразитирующих на использовании религиозных убеждений граждан для достижения своих политических целей, в едва ли не сплошной деатеизации и возрождении религиозности населения в Республике Молдова, в России и некоторых других регионах постсоветского пространства не подкреплены религиозными практиками различных групп населения.

Возрождение религиозности населения в немалой степени зависит от церковной инфраструктуры, от обеспеченности церковных приходов грамотными и высокопрофессиональными священниками, вызывающими у широких масс населения доверие и уважение.

Святой родник, построенный в г. Чадыр-Лунга перед храмом Казанской иконы Божией Матери по замыслу и инициативе Сергея Васильевича Терзи на его личные средства и на пожертвования его единомышленников.
Фото П. М. Пашалы (март 2012 г.).

Во всех городах и сёлах Гагаузии сегодня есть возможность любоваться и преклоняться перед возрождённой и возрождаемой храмовой инфраструктурой. Церкви Гагаузии не только вбирают в себя верующих гагаузов. Они позволяют верующим обращаться к Богу со своими земными делами и проблемами, очищаться от наносной грязи, случайных или неслучайных грехов. Для неверующих семантика храмов, воплощённая во всех структурных особенностях от куполов до алтаря, выступает энциклопедией, излагающей историю человечества, начиная от грехопадения Адама и Евы и вплоть до жизни святых, апостолов и далее до современности. Выражением Небесного Царства, Бога и ангелов в православии выступает венчающий церковь купол, означающий Небо.

Обозревая храмы, воздвигнутые в гагаузских сёлах и изображённые в недавно изданном альбоме (Комрат, 2011), верующие и неверующие имеют возможность наслаждаться красотой каждого из них и соотносить свои мысли в соответствии с энциклопедической семантикой, содержащейся в них. Гагаузские церкви чаще всего увенчаны двумя куполами. В православии принято считать, что один купол олицетворяет Единого Бога; три купола – Святую Троицу – Бога, Его Сына и Святого Духа; пять куполов – это Христос и четыре евангелиста (Матфей, Марк, Лука и Иоанн); семь куполов – священное число семь, семь Вселенских Соборов, семь таинств Церкви (*sacramento*) – бого-

учреждённые священные действия: крещение, миропомазание («дар Духа»), евхаристия, рукоположение («священство»), бракосочетание, исповедь, елеосвящение («соборование»); девять куполов – по числу ангельских чинов – согласно триадическому построению в убывающем порядке в первую степень (сферу) входят серафимы, херувимы и престолы, во вторую – господства, силы и власти, в третью – начала, архангелы и ангелы; тринадцать куполов – Христос и двенадцать апостолов, в том числе Пётр, Андрей, Иоанн Богослов, Иаков Заведсев, Филипп, Варфоломей, Матфей, Симон Кананит, Иуда Искариот, Матфий, а также Павел, не входящий в число двенадцати апостолов, но один из самых почитаемых апостолов христианства; тридцать три купола – по числу лет земной жизни Спасителя. У двух храмов (Преображенского и Покровского) и колокольни в храмовом ансамбле в Кижях в сумме 33 купола.

Не вполне каноническая двухкупольная традиция венчания православных храмов в Гагаузии, вероятно, корреспондирует с недостаточным знакомством верующих гагаузов с религиозной догматикой. В конце XIX в. гагаузы, разумеется, знали о трёх лицах Божества в Троице. Тем не менее для них эти лица, по свидетельству В. А. Мошкова, «представлялись отдельными и независимыми Богами» [Мошков, 1901, № 4, с. 2; Мошков, 2004, с. 200].

Не исключено, что необычное двухкупольное венчание гагаузских церквей означает два естества – Божье и человеческое, две стихии – Небесную и земную.

Форма и цвет куполов символично несут в себе важную смысловую нагрузку. Шлемовидная форма купола призвана постоянно напоминать о культуртрегерской миссии религии и о борьбе, которую церковь ведёт с силами зла и тьмы во имя торжества света и справедливости. Наиболее распространённая форма луковицы символизирует пламя свечи, напоминающей верующим слова Иисуса Христа «Вы – свет миру». Иногда пламя свечи, воспетое талантливым поэтом, входит в золотой фонд национального культурного достояния: «*Бир мум янаарды софрада, бир мум янаарды*» («Свеча горела на столе, свеча горела» – Б. Пастернак).

Художественно украшенные купола на храме Василия Блаженного свидетельствуют о красоте Небесного Иерусалима.

Семантика цветовой раскраски куполов призвана подчёркивать библейское значение Царства Небесного. Так, например, золотые купола говорят о небесной славе, синие со звёздами венчают храмы, посвящённые Богородице, купола зелёного цвета воплощают идею и цвет Святого Духа. Серебряные или зеленоватые купола свидетельствуют о том, что церкви посвящены тем или иным святым.

Между тем, как повторял преподобный Серафим Саровский в своих духовных наставлениях мирянам и инокам, «вера без дел мертва», так как «только такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может быть без дел; кто истинно верует, тот непременно имеет и дела» [Да будет воля твоя..., 2003; цит. по: Возглас, 2003, № 10, июнь]. Если верующие не посещают церковь, а ограничиваются верой в некие догмы или в некий объект, то ритуальная и

церемониальная сторона дела теряет свой смысл и отторгается на периферию религиозности.

Можно, однако, быть религиозным, но необязательно подкреплять свою религиозность посещением церкви, а ограничиваться отправлением молитв дома или в других сферах жизнедеятельности, например, перед приёмом пищи в столовой или трапезой в ресторане. Тем не менее и по этому индикатору (частота совершения молитв) опрос показал, что в 1998 г. никогда не молились 27,0% взрослого населения Гагаузии, в том числе четверть гагаузов и молдаван, а также 28,8% болгар и 39,5% русских. С различной частотой («реже, чем один раз в день», «один раз в день») совершали молитву немногим более половины (52,6%) взрослых жителей Гагаузии, в том числе 54,9% гагаузов, 54,1% болгар, 46,1% молдаван и 39,5% русских.

Не исключено, что в Гагаузии, а также в Молдове в целом религиозная идентичность теснее связана с семейной идентичностью и культом предков, чем в России. Во всяком случае впечатляют данные о том, что в 1998 г. 71,0% гагаузов и 75,0% болгар показали в ходе опроса, что хотели бы, чтобы их брак был заключен по религиозному обряду. Среди русского и молдавского населения подобная установка была распространена несколько реже, в том числе среди 55,3% русских и 58,8% молдаван. Соответственно, противников церковного брака было больше среди русских и молдаван (от 9,2 до 7,8%), чем среди гагаузов и болгар (от 5,3 до 4,2%). Самым широко распространённым безразличием к заключению брака по религиозному обряду отличались русские (28,9%), наименьшим – болгары (13,6%), (см. табл. 2).

Таблица 2
Желательность заключения брака по религиозному обряду
(по итогам опроса 1998 г., в %)

Национальность	Да	Мне это безразлично	Нет	Затруднились ответить
Гагаузы	70.9	17.8	5.3	6.1
Болгары	74.6	13.6	4.2	7.6
Русские	55.3	28.9	9.2	6.6
Молдаване	58.8	21.6	7.8	11.8
В среднем	68.3	18.7	5.9	13.3

Между желанием заключить брак по религиозному обряду и мнением о необходимости родительского согласия существует вполне определённая корреляция. Как в первом (религиозный брак), так и во втором (согласие родителей) случае наивысшими позитивными ответами отличались болгары. Среди них, в частности, 68,6% считали для себя обязательным согласие родителей на брак, на втором месте были гагаузы (61,8%), на третьем и четвёртом,

соответственно, русские и молдаване (47,4% и 35,3%). Низкий, по сравнению с другими национальностями, уровень обязательности родительского согласия среди молдаван, во-первых, компенсировался тем, что среди них был самый высокий уровень толерантности, что находило своё выражение в форме «желательности родительского согласия, но не обязательности», во-вторых, тем, что родители молдаван и «рынок невест» находились в разных регионах Республики Молдова: родители – в центре и на севере, а «рынок» – на юге Молдовы. Аналогичным образом, хотя и в менее остро выраженной форме, дело обстояло у русского населения Гагаузии. Тем не менее, вопреки несопадению удельных весов лиц, представляющих все 4 национальности и ориентированных на «обязательное» или на «желательное» согласие родителей, в целом сумма этих двух показателей была чрезвычайно близкой и составляла 88,7% у гагаузов, 87,2% у болгар, 86,3% у молдаван, и, наконец, 82,9% у русских.

В 1998 г., к моменту проведения этносоциологического опроса в Гагаузии, прошло не так много времени с того трагического события, когда по обе стороны Днестра была развязана гражданская война, вследствие чего единая Молдова раскололась надвое. Тем удивительнее оказались итоги опроса, показавшие необычный для послевоенного периода высокий уровень толерантности в межэтнических отношениях. Немногим более чем каждые четверо из пятерых жителей Гагаузии проявили позитивное отношение к этногетерогенным бракам, указав, что национальность в браке не имеет значения, в том числе в любом случае (без каких-либо оговорок) 67,5% для своего сына и 68,3% для своей дочери.

Поражает крайне низкая доля лиц (всего 1,5%), считающих брак своих детей (сына или дочери) с человеком иной национальности категорически нежелательным. Незначительное отставание удельного веса гагаузов (позитивно оценивающих межэтнические браки и считающих, что национальность в браке не имеет значения ни при каких условиях) от молдаван, болгар и русских, вероятно, несет в себе следы былой этнической замкнутости, имевшей место в XIX в.

Три принципиальных вывода, вытекающих из данных опроса (во-первых, о равномерном распределении толерантного отношения к браку своих детей с человеком другой национальности, во-вторых, об отсутствии принципиальной разницы в отношении к подобным бракам своего сына и дочери – в отличие от лиц, исповедующих ислам, и, в-третьих, межэтническое единодушие в предпочтении лиц своей национальности, не влияющее в конечном итоге на добровольный выбор, сделанный самими детьми), дают основания оптимистическим ожиданиям в плане дальнейшего накопления социального капитала, посредством перехода от толерантности к доверительности и солидарности, что так необходимо Молдове на путях её продвижения к демократическому устройству и гражданскому обществу.

РАЗДЕЛ IV

ГАГАУЗЫ И ДИАСПОРА

ГЛАВА 8

ГАГАУЗСКИЕ ДИАСПОРЫ

ДОКТРИНАЛЬНАЯ ОСНОВА ГАГАУЗСКОЙ ДИАСПОРЫ*

«Этнический материк» и этническая диаспора: траектории диалога

Среди актуальных вопросов экономического и социокультурного развития Гагаузии, выдвинувшихся на передний план в постсоветский период, немаловажное значение имеют те, которые связаны с установлением диалога между «этническим материком» как местом расселения основной массы гагаузского народа и этнической диаспорой, состоящей из расплывённых по всему миру гагаузов – выходцев из Буджакской земли или из регионов Балканского полуострова.

Трудной, но вполне преодолимой преградой на пути решения возникших задач является проблема диаспор и диаспоральности, имеющая в мировой истории едва ли не планетарное значение. Глубоко символично, что на рубеже тысячелетий 2000 г., как последний год XX в., был объявлен Годом культуры мира, а первый год XXI в. и нового тысячелетия – Годом диалога цивилизаций. Без активного участия диаспор в межцивилизационном и внутрицивилизационном взаимодействии диалог вряд ли может быть полноценным.

Ещё задолго до принятия указанных решений в некоторых странах был разработан и реализован ряд программ, мероприятий и исследований, посвящённых готовности «учиться жить вместе» как стратегической цели человечества на грядущее столетие и тысячелетие, умению преодолевать противоречия между мажоритарными и миноритарными совокупностями населения без насилия, а конфликты – без вооружённых столкновений.

За последнюю четверть XX в. многое было сделано в области защиты прав и свобод человека и национальностей. Особый прорыв в сфере расширения прав и возможностей индивидуального и группового самоопределения был совершён Государственной Думой России в первом постсоветском десятилетии, если иметь в виду, например, серию конструктивных законов:

* Сокращённый вариант статьи: *Губогло М. Н.* Сохранение и обогащение культурного наследия во взаимодействии с диаспорой // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 7. Гостеприимство и ярмарки как институты соционормативной культуры. Под общей редакцией М. Н. Губогло. М., 2009. С. 68-131.

«О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г., «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г., «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 20 июля 2000 г., а также Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации, утверждённую Указом Президента Российской Федерации 15 июня 1996 г.

В ногу со временем, отвечая на вызовы глобализации и востребованности диалога между «этническим материком» и «островами диаспоры», шагала Республика Молдова, встретившая зарю нового тысячелетия разработкой и принятием мер и нормативных актов по поддержке молдавской диаспоры в странах мира. Особое место в их ряду занимают Указ Президента Республики Молдова № 1638-II от 30.08.2000 «О поддержке и сотрудничестве с выходцами из Республики Молдова, проживающими за рубежом», Постановление Правительства Республики Молдова № 1322 от 29.12.2000 г. «О некоторых мерах по поддержке выходцев из Республики Молдова, проживающих за рубежом», Постановление Правительства Республики Молдова № 228 от 24.02.2005 г. «О Координационном Совете выходцев из Республики Молдова, проживающих за рубежом», Постановление Правительства Республики Молдова № 511 от 01.06.2005 г. «Об утверждении Положения о Координационном Совете выходцев из Республики Молдова, Постановление Правительства Республики Молдова № 809 от 10.07.2006 г. «Об утверждении Программы действий по поддержке выходцев из Республики Молдова, проживающих за рубежом (молдавской диаспоры)», Постановление Правительства Республики Молдова № 1521 от 29.12.2007 г. «Об утверждении Положения о финансовой поддержке деятельности по сохранению национально-культурной идентичности выходцев из Республики Молдова, проживающих за рубежом (молдавской диаспоры)» [см. перечисленные документы в: Официальный монитор Республики Молдова, № 115 от 07.09.2000 г.; № 1 от 11.01.2001 г.; № 36-38 от 04.03.2005 г.; № 83 от 17.06.2005 г.; № 131-133 от 18.08.2006 г.; № 11-12 от 18.01.2008 г.].

Важную роль в налаживании диалога между «этническим материком» и диаспорами играют региональные, международные и всемирные конгрессы, проведённые в ряде стран мира, в том числе в Молдове и России.

Важным событием в жизни гагаузов и в налаживании связей с гагаузской диаспорой стали первые два Всемирных конгресса гагаузов, состоявшиеся в г. Комрате. Форумы катализировали коммуникационные контакты гагаузов из различных стран мира, способствовали росту национального самосознания, выявили целый ряд авторитетных деятелей из среды гагаузов, сделавших во многих странах мира блистательную карьеру. Их жизненная стезя, талант и трудолюбие достойны служить уроком для молодёжи и быть примером для подражания. На повестку дня выдвинулись вопросы самоорганизации национально-культурных организаций, объединений, клубов, землячеств и других неправительственных структур в местах компактного проживания гагаузов.

Привлекательным и показательным образцом конструирования и «конституирования» гагаузской диаспоры может, в частности, служить богатый опыт, накопленный молдавскими соотечественниками, которые к 2008 г. в 20 странах мира создали и официально зарегистрировали более 50 общественных организаций и объединений, действующих в соответствии с законодательством страны пребывания.

Деятельность неправительственных организаций и объединений, созданных по инициативе гагаузов и других выходцев из Молдовы, ориентирована на создание приемлемых условий с целью сохранения в повседневной жизни осевших мигрантов самобытности в сферах традиционной и профессиональной культуры, а также для воспроизводства и укрепления осознания своей этнической принадлежности. Видное место в уставах, программатике и деятельности молдавских объединений занимают акции по формированию позитивного имиджа Республики Молдовы и молдаван, мероприятия по пропаганде и популяризации истории и национального достояния молдавского народа.

Развитие сходных процессов конструирования и конституирования этнокультурных объединений желательно и в многочисленных регионах Российской Федерации, где по некоторым данным проживает около 50 тыс. гагаузов. Так, например, национально-культурное общество гагаузов «Кардашлык» образовано в Моздокском районе Северной Осетии. В состав его вошли жители населённых пунктов Нижний Малгобек, Сухотское и г. Моздока. Как сообщила директор моздокского Дома дружбы Любовь Пропокова, граждане этой национальности решили объединиться для того, чтобы развивать национальные традиции, сохранить язык.

При сухотской средней школе создан музей гагаузской культуры. Местные жители буквально по крупицам собрали для него редкие экспонаты, которые свидетельствуют о богатой истории и традициях гагаузского народа. «Музыка, танцы и национальный костюм схожи с турецкими, – говорит Пропокова, – будучи историком по образованию, я всё это изучила. К несчастью, фамилии свои они не сохранили и в документах их записывали по роду их деятельности, так гагаузы стали Мельниковыми, Гончаровыми. Конечно, эти фамилии сегодня не дают представления об их родовой принадлежности. Создать общество мы решили ещё три года назад, и всё это время искали человека, который возглавил бы это дело. Нам посчастливилось, и в лице директора нижнемалгобекской школы Фаины Кирчевой нашёлся такой человек. Она взяла на себя все функции по организации общества. На её призыв откликнулись односельчане. Спустя некоторое время состоялась и учредительная конференция. Теперь очень часто члены общества собираются вместе, танцуют, поют, рассказывают друг другу семейные предания, которые сохранились от предков», – пояснила директор Дома дружбы.

Одна из важнейших задач Всемирных конгрессов гагаузов видится в создании позитивного имиджа Автономно-территориального образования Гагаузия. Привлечение потенциальных инвесторов ориентировано не только на поддержку социально-экономического развития Гагаузии, но и на обеспечение социокультурной и этнополитической безопасности ре-

гиона, а также на поддержание политической стабильности в Республике Молдова.

Эта широкомасштабная и гуманистически насыщенная задача вполне корреспондирует с теми целями и обязанностями, которые возложены Правительством Республики Молдова на недавно созданные совещательные органы по поддержке соотечественников, постоянно проживающих за рубежом. При Бюро межэтнических отношений, выступающем в качестве головного административного центра Правительства Республики Молдова в данной сфере, действуют, во-первых, *Координационный Совет по поддержке выходцев из Республики Молдова*, во-вторых, *Координационный Совет выходцев из Республики Молдова, проживающих за рубежом*.

Следовательно, в подготовке и проведении всемирных конгрессов гагаузы, как законопослушные налогоплательщики, вправе рассчитывать на реальную помощь и ощутимую поддержку как правительственных органов Республики Молдова, так и наиболее опытных общественных структур.

Мировой опыт свидетельствует о том, что многие проекты и программы, нацеленные на создание условий по защите прав и свобод национальностей, оставили вне поля зрения стратегически не менее важную проблему диаспоральности, выраженную в существовании на всех континентах и едва ли не во всех государствах мира раздробленных и разделённых народов. Эта проблема, уходящая корнями вглубь веков, вплоть до первобытности и варварства, обрела особую актуальность во второй половине XX в. в связи с достижением независимости около 50 колоний. Невиданный ранее взлёт этнической мобилизации привел в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. к кардинальному переустройству мира, неотъемлемой составной частью которого стали диаспоральные «островки», «анклавы», оказавшиеся в отрыве от своих ядерных массивов.

Вслед за этой первой волной «разделения» народов и «расщепления» идентичности появилась вторая волна, накатом которой, подобно цунами, снесло с политической арены такие многонациональные государства, как Советский Союз, Чехословакия, Югославия и, подобно гигантскому чёрному переделу, список разделённых народов резко увеличился, одновременно придав жгучую остроту проблемам диаспоральности.

Так, например, создание новых независимых государств на просторах постсоветского пространства, в границах бывшего СССР, привело к невиданной ранее в истории межгосударственной диаспоризации, 25 млн. русских за одну «беловежскую ночь» оказались оторванными от 119 млн. своих соотечественников; 557 тыс. молдаван (1,7%), 44,3 тыс. гагаузов (2,2%), проживавших, по данным переписи населения СССР 1989 г., в других союзных республиках Советского Союза, также оказались оторванными от своего «этнического материка», невольно став диаспоральными анклавами, расселёнными в постсоветский период в 14 странах ближнего зарубежья.

Начатое Президентом В. Н. Ворониным укрепление молдавской государственности стало важным шагом на пути к консолидации молдавского гражданского общества. Однако в процессах солидаризации и глубокой консолидации, в том числе на региональном уровне, не исключены крутые рифы

и глубокие впадины, если в расчёт не будет принято важнейшее измерение исторической судьбы Молдовы – ее многонациональность, ее многокультурие и многоязычие, а также сложившиеся не по воле самих народов новые круги диаспоральности.

Три круга гагаузской диаспоры, за пределами Молдовы (в том числе в регионах России), в районах самой Молдовы, а также в дальнем зарубежье, – далеко не единственный пример такого рода. Солидаризация и консолидация – понятия, ёмкие по смыслу и многомерные по составным компонентам. И не может быть полноправной консолидации, пока не будут найдены и приведены в действие коммуникационные механизмы и каналы для преодоления разобщённости народа. Мир разделённых народов без надёжных коммуникаций всегда будет чреват комплексом неполноценности, второсортности и ущербности. В связи с этим перед Молдовой, как и перед Россией, включая их регионы, стоит стратегически важная задача, имеющая долговременный характер. Суть её выражается в необходимости поиска таких технологий, с помощью которых станет возможным конвертировать слабость, проистекающую из наличия территориально разделённых народов, в её силу и устойчивость.

Этническая и гражданская диаспоральность в соответствии с этим замыслом может и должна «работать» не на расшатывание и обессиливание страны, а на укрепление как молдавской государственности, так и АТО Гагаузия, на повышение их авторитета в глазах международной общественности. Успешная реализация этого замысла зависит от того, в какой степени в законодательстве эксперты и политики сумеют совместить соблюдение основополагающих прав и свобод личности и разработку правовой основы существования этнических общностей и диаспоральных групп.

О статике и динамике диаспоральности гагаузов

Этнодемографические исследования гагаузов, проведённые в постсоветский период в Институте этнологии и антропологии РАН, позволяют выделить 3 крупные зоны (или круга) гагаузской диаспоры: внутримолдавскую (в районах и городах Республики Молдова), внемолдавскую в странах ближнего зарубежья, прежде всего в республиках и регионах Российской Федерации, и внемолдавскую гагаузскую диаспору в странах дальнего зарубежья.

В круге первом

Согласно данным переписи населения 2004 г., проведённой в Республике Молдова, в двух муниципиях (Кишинёве и Бельцах) и во всех 32 районах проживало 147,5 тыс. гагаузов, в том числе 19 665 человек (13,3%) за пределами Автономно-территориального образования Гагаузия. Наиболее крупные по численности анклавы гагаузов были сосредоточены в г. Кишинёве (6 446 чел.), Кагульском (3 665 чел.), Тараклийском (3 587 чел.) и Бессарабском (2 220 чел.) районах. В каждом из остальных 30 районов и в г. Бельцы численность гагаузов не превышала 9,5 тыс. человек, за исключением Каушанского (653 чел.) и Кантемирского (519 чел.) районов (см. табл. 1). Не случайно именно в Кишинёве были созданы и действуют Гагаузское национально-культурное общество «Кардашлык» («Братство»), Ассоциация гагаузских женщин («Gagauz karilar birlii»).

Таблица 1
Расселение гагаузов по территории
Республики Молдова (2004 г.*)

Название территории	Абс. численность (чел.)	%
АТО Гагаузия	127 835	86,7
Кишинёв	6 446	4,4
Бельцы	243	0,2
Районы: Анены	235	0,2
Бессарабка	2 220	1,5
Бричаны	59	0,0
Кагул	3 665	2,5
Кантемир	519	0,4
Калараш	54	0,0
Каушаны	653	0,4
Чимишлия	278	0,2
Криуляны	49	0,0
Дондюшаны	31	0,0
Дрокия	44	0,0
Дубоссары	45	0,0
Единцы	143	0,1
Фалешты	39	0,0
Флорешты	45	0,0
Глодяны	32	0,0
Хынчешты	99	0,1
Яловены	95	0,1
Леово	432	0,3
Ниспорены	17	0,0
Окница	79	0,1
Орхей	113	0,1
Резина	34	0,0
Рышканы	60	0,0
Сынджерей	47	0,0
Сороки	53	0,0
Страшены	70	0,0
Шолданешты	9	0,0
Штефан-Водэ	64	0,0

* Таблица разработана И. А. Субботиной по: Перепись населения 2004 г. Статистический сборник. Кишинев, 2006. Т. 1. Демографические, национальные, языковые, культурные характеристики. С. 301-326; см.: Субботина И. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация / Отв. ред. М. Н. Губогло. М., 2007. С. 49-50

Таблица 1 (окончание)

Тараклия	3587	2,4
Теленешты	16	0,0
Унгены	90	0,1
Всего на территории РМ	147 500	100,0

В круге втором

За пределами Республики Молдова, в границах которой расположен «этнический материк» гагаузов, наиболее «весомые» анклавы народа расселены на Украине и в России. По данным последней переписи СССР 1989 г., на Украине, преимущественно в Одесской области, проживало 31 967 чел., в России – 10 040 чел. гагаузской национальности. В остальных бывших союзных республиках численность гагаузов не превышала 1 тыс. человек, видимо, за исключением Казахстана, где часть их, поселившаяся в начале XX в. во времена Столыпинской реформы, сменила свою идентичность в годы насильственной коллективизации с гагаузской на болгарскую (см. табл. 2).

Таблица 2

Расселение гагаузов по областям и республикам России (1959–2002 гг.) (чел.)

*(по данным переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг.)**

Республики и области России	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
<i>Всего по РФ:</i>	<i>3012</i>	<i>3704</i>	<i>4176</i>	<i>10400</i>	<i>12210</i>
в том числе					
<i>Центральный ФО:</i>	<i>Н/св.</i>	<i>524</i>	<i>862</i>	<i>2097</i>	<i>3754</i>
Белгородская обл.	Н/св.	13	8	36	192
Брянская обл.	Н/св.	10	9	34	81
Владимирская обл.	Н/св.	5	102	142	173
Воронежская обл.	Н/св.	51	54	108	185
Ивановская обл.	Н/св.	14	27	103	104
Калужская обл.	Н/св.	98	144	184	323
Костромская обл.	Н/св.	5	45	83	103

* Таблица разработана И. А. Субботиной [См.: Субботина, 2007, с. 80-83].

Таблица 2 (продолжение)

Курская обл.	Н/св.	4	24	44	101
Липецкая обл.	Н/св.	2	11	52	68
Московская обл.	Н/св.	134	115	284	677
г. Москва	Н/св.	113	152	352	1001
Орловская обл.	Н/св.	1	3	30	32
Рязанская обл.	Н/св.	-	18	83	97
Смоленская обл.	Н/св.	1	48	250	187
Тамбовская обл.	Н/св.	5	4	24	51
Тверская обл.	Н/св.	7	35	107	125
Тульская обл.	Н/св.	54	40	80	150
Ярославская обл.	Н/св.	7	15	101	104
<i>Северо-Западный ФО:</i>	<i>Н/св.</i>	<i>797</i>	<i>628</i>	<i>1228</i>	<i>1178</i>
Республика Карелия	Н/св.	115	13	37	33
Республика Коми	Н/св.	88	126	201	155
Архангельская обл.	Н/св.	89	81	108	57
Вологодская обл.	Н/св.	270	49	68	70
Калининградская обл.	Н/св.	32	22	78	79
Ленинградская обл.	Н/св.	74	122	125	187
г. Санкт-Петербург	Н/св.	80	116	311	312
Мурманская обл.	Н/св.	31	57	150	118
Новгородская обл.	Н/св.	15	20	50	76
Псковская обл.	Н/св.	3	22	97	91
<i>Южный ФО:</i>	<i>775</i>	<i>895</i>	<i>966</i>	<i>1365</i>	<i>1305</i>
Республика Адыгея	Н/св.	13	8	14	20
Республика Дагестан	Н/св.	29	25	8	7

Таблица 2 (продолжение)

Республика Ингушетия*	134	35	67	38	-
Кабардино-Балкар- ская Республика	Н/св.	26	13	25	34
Республика Калмыкия	Н/св.	35	4	2	5
Карачаево-Черкес- ская Республика	Н/св.	18	10	7	15
Республика Северная Осетия – Алания	154	63	68	83	48
Чеченская Респуб- лика*					7
Краснодарский край	Н/св.	142	179	313	321
Ставропольский край	Н/св.	93	117	157	170
Астраханская обл.	Н/св.	13	13	26	22
Волгоградская обл.	Н/св.	100	101	200	228
Ростовская обл.	487	328	361	492	428
<i>Приволжский ФО:</i>	<i>Н/св</i>	<i>564</i>	<i>498</i>	<i>1269</i>	<i>1074</i>
Республика Башкортостан	Н/св.	43	18	51	65
Республика Марий-Эл	Н/св.	20	10	21	28
Республика Мордовия	Н/св.	5	19	188	16
Республика Татарстан	Н/св.	14	49	43	54
Удмуртская Республика	Н/св.	10	38	52	63
Чувашская Республика	Н/св.	40	4	13	19
Кировская обл.	Н/св.	17	16	55	57
Нижегородская обл.	Н/св.	65	58	168	170
Оренбургская обл.	Н/св.	23	20	95	96

* До переписи 2002 г. учитывались в составе Чечено-Ингушской Республики.

Таблица 2 (продолжение)

Пензенская обл.	Н/св.	6	13	24	24
Пермская обл.	Н/св.	262	102	227	198
Самарская обл.	Н/св.	-	72	161	108
Саратовская обл.	Н/св.	45	67	119	116
Ульяновская обл.	Н/св.	14	12	52	60
<i>Уральский ФО:</i>	<i>425</i>	<i>510</i>	<i>585</i>	<i>1813</i>	<i>2951</i>
Курганская обл.	52	17	16	28	28
Свердловская обл.	Н/св.	228	204	316	202
Тюменская обл.	Н/св.	14	125	1205	2573
Челябинская обл.	373	251	240	264	148
Сибирский ФО:	Н/св.	336	414	748	1054
Республика Алтай	Н/св.	3	8	3	3
Республика Бурятия	Н/св.	2	13	34	29
Республика Тыва	Н/св.	-	1	-	2
Республика Хакасия	Н/св.	2	5	24	31
Алтайский край	Н/св.	40	42	47	62
Красноярский край	Н/св.	41	71	197	370
Иркутская обл.	Н/св.	27	67	131	257
Кемеровская обл.	Н/св.	150	100	135	81
Новосибирская обл.	Н/св.	33	18	31	48
Омская обл.	Н/св.	23	24	17	55
Томская обл.	Н/св.	5	45	53	51

Таблица 2 (окончание)

Читинская обл.	Н/св.	10	20	76	65
<i>Дальневосточный ФО:</i>	<i>Н/св.</i>	<i>108</i>	<i>276</i>	<i>1698</i>	<i>894</i>
Республика Саха (Якутия)	Н/св.	13	65	386	297
Приморский край	Н/св.	36	58	211	116
Хабаровский край	Н/св.	23	29	626	215
Амурская обл.	Н/св.	13	58	177	129
Камчатская обл.	Н/св.	7	13	48	25
Магаданская обл.	Н/св.	6	19	71	22
Сахалинская обл.	Н/св.	4	20	52	37
Еврейская АО	Н/св.	-	5	100	42
Чукотский АО	Н/св.	1	9	27	11

Специалисты по демографическим проблемам считают, что официальная статистика далеко не точно отражает фактическую численность гагаузов. Так, например, по данным переписи 2002 г., в Москве была зарегистрирована всего 1 тыс. гагаузов, хотя на самом деле их реальная численность в городе и его пригородах в десятки раз больше.

В Севастополе зарегистрирована национально-культурная организация – городское Общество гагаузов. В настоящее время оно насчитывает всего 10 человек. «Это те севастопольцы, которые представляют малочисленный народ – гагаузов и являются носителями языка этой народности», – рассказали в национально-культурном обществе. По словам инициаторов, они решили создать национально-культурное общество с целью сохранения, изучения и популяризации культуры своего народа, возрождения национальных праздников и традиций. Гагаузы Севастополя планируют наладить связи с такими же организациями Украины и зарубежья. «В частности, мы намерены тесно сотрудничать с Всеукраинским обществом гагаузов, которое также создаётся в настоящее время», – отметили в севастопольской организации.

В Киеве и Одессе были организованы и действовали национально-культурные объединения, в том числе Всеукраинская общественная организация «Союз гагаузов Украины» (Президент – доцент кафедры тюркологии Института филологии КНУ им. Т. Шевченко Федора Ивановна Арнаут), Киевское национально-культурное общество гагаузов (Председатель – Василий

Келиогло), Одесское областное национально-культурное общество «Бирлик» («Единство»).

Первоочередная задача – сохранить и передать своим детям духовность прадедов. Сохранить в песнях, танцах свою историю. Внести свой вклад в развитие культуры гагаузского народа. По возможности помочь талантливым детям определить свой путь. Облегчить жизнь в родных сёлах. Общество было создано в 2003 г. За счёт собственных средств в селе Котловина Ренийского района Одесской области в школе был оборудован столярный цех, была закуплена оргтехника и музыкальная аппаратура, отстроена церковь.

Уже 2 года подряд, совместно с национально-культурным обществом караимов, общество гагаузов отправляет на отдых талантливых детей из многодетных семей в детские лагеря Крыма. Были отремонтированы аудитории в Киевской духовной академии и семинарии при Киево-Печерской Лавре, профинансирован выпуск учебной и научной литературы, собрана библиотека гагаузских и других авторов по истории народа. Создан коллектив народной гагаузской песни и танца «Севда гюлю». В селе Котловина Ренийского района при поддержке общества был проведен фестиваль.

Недавно в Университете имени Т. Г. Шевченко проведена научная конференция с участием татар, турок, азербайджанцев, болгар и представителей других этносов на тему «Сохранение культурных и духовных ценностей гагаузов». Также был проведён концерт при участии гагаузского ансамбля песни и танца «Кадынджа» из села Красноармейское Болградского района Одесской области. Был финансово поддержан историко-этнографический музей в Болграде. В с. Тарутино проведена сельскохозяйственная ярмарка.

За время своего существования общество провело несколько межнациональных торжественных акций, конференций, конкурсов в городе Киеве и по всей территории Украины.

На базе гагаузского сообщества планируется создать культурный и бизнес-центр в городе Киеве, где будут располагаться курсы иностранных языков и где будут учиться родному языку, народным ремёслам, будет работать коллектив художественной самодеятельности, музей, выставка картин и национальная библиотека. Также будут получать консультацию специалистов (юристов, маркетологов, аудиторов, переводчиков и др.) члены Общества, предприниматели Киева и других регионов. Сохранение народной культуры в значительной степени выражается в стремлении сохранить гагаузскую кухню. Для этого планируется открытие национального ресторана.

Гагаузское национально-культурное общество «Бирлик» (Одесса) провело в 2004 г. научно-практическую конференцию «Живи, родной язык!» по проблемам преподавания гагаузского языка в селах с компактным проживанием гагаузов Одесской и других областей Украины.

В круге третьем

Менее всего имеется статистических данных относительно численности гагаузов в странах дальнего зарубежья. В одних странах, таких как Болгария, значительную часть гагаузов включают в состав мажоритарной на-

ции, в других, например, в Греции, гагаузы добровольно регистрируют себя в официальных документах как представителей титульной национальности, в-третьих, к примеру, в Бразилии, Канаде, США, в европейских странах, этническая принадлежность не фиксируется в официальных документах. Тем не менее, на рубеже XX–XXI вв. под влиянием оживления этнических процессов предпринимаются попытки к национальному возрождению и к реанимации своей этнической идентичности.

По некоторым, к сожалению, непроверенным данным, представленным в Интернете, в Турции насчитывается около 15 тыс., Греции – 3 тыс., в Болгарии по несопадающим данным от 1,5 до 10 тыс., в Румынии – от 1,2 до 3 тыс. гагаузов. В Салониках (Греция) создано и работает Общество изучения гагаузов. Одна из первоочередных задач всемирных конгрессов гагаузов, как будет показано ниже, как раз и состоит в определении численности гагаузов в современном мире.

В контексте новой диаспоральной политики отношение к гагаузам, расселённым в каждом из трёх «диаспоральных кругов», не может быть одинаковым. Одно дело – гагаузы в Кишинёве, другое – в Киеве или Одессе, и совсем иное – в провинциях Бразилии или городах Канады.

Тяжёлое социально-экономическое положение, падение уровня жизни, снижение социально-политического статуса, вытеснение новой диаспоры из престижных социально-профессиональных ниш и сферы трудовой занятости, дискриминационные условия, возникшие в новых государствах ближнего зарубежья вследствие принятия законов о языке, гражданстве, культуре и образовании, – эти и другие объективные и субъективные факторы поставили гагаузов перед выбором одной из двух стратегий – *адапционной* или *миграционной* – в деле их последующего обустройства и идентификации. Дальнейшее самоутверждение требовало выбора между этническим изоляционизмом, этнической мобилизацией и борьбой за новые формы самоопределения или спасением своей этничности бегством, то есть сменой места проживания, в том числе возвращением на «этнический материк».

Сегодня нет точной официальной статистики относительно решения гагаузами своей судьбы путём переселения из районов прежнего проживания.

Отсутствием диаспоральной доктрины во многом объясняется глубокий раскол между экспертами и политиками относительно судьбы зарубежной диаспоры и того, какую политику по отношению к различным категориям диаспоры и мигрантам следует вести нынешней Молдове. Одни считают, что диаспоры должны оставаться там, где они проживали. С этой концепцией солидаризируются по сути и те, согласно высказываниям которых наличие сильной диаспоры является важным фактором восстановления утраченных хозяйственно-экономических, социально-культурных и этнопсихологических связей, условием преодоления дезинтеграционных процессов, несущих в себе заряд межгосударственных и межэтнических конфликтов.

Несмотря на позитивные стороны аргументации относительно того, почему и как диаспоры должны оставаться там, где они живут, сторонники данной точки зрения отстаивают адаптационную модель решения исторической

судьбы диаспоры. Конечный результат этой модели, вопреки ее гуманистической и демократической риторике, чаще всего состоит в том, что диаспора должна со временем ассимилироваться, пополнив собой ряды того народа, который стал создателем новой государственности на этнической основе.

Другая группа исследователей и общественных деятелей придерживается прямо противоположной *миграционной* модели, реализация которой требует осуществления активной переселенческой политики. Ее смысл, если рассматривать эту модель на примере русских диаспор ближнего зарубежья, состоит в том, что поддержание диаспоры представляет потенциальную угрозу для новейших государств, а, следовательно, чревато дестабилизацией нового геополитического рисунка мира, образовавшегося в конце холодной войны.

Кроме геополитических аргументов, в пользу миграционной теории обычно приводят доводы о выгодах, которые могла бы получить Республика Молдова: заселение необходимых территорий, освоение природных ресурсов, укрепление национальной безопасности, стабилизация демографической ситуации, вливание в экономику активного и квалифицированного населения.

В основе неполноценности и односторонности каждой из указанных стратегий – и *адаптационной*, и *миграционной* – лежит один и тот же порок: отсутствие доброкачественных экспертиз и специальных исследований факторов выталкивания диаспор из районов, где они подвергаются дискриминации, а также недостаток исследований факторов притяжения, выявления областей где они нужны народному хозяйству. Наличие этого раскола во взглядах сбивает с толку общественное мнение, а вместе с ним и некоторых безответственных политиков. Так появляются патерналистские подходы, авторы которых на безальтернативной основе озабочены проблемами о соотечественниках. Но поскольку материальных резервов у государства нет, бесконечные пустые разговоры усиливают в обществе социальное раздражение: как мы можем и почему должны помогать другим, если сами еле сводим концы с концами?

На самом деле эмигранты ближнего и дальнего зарубежья не должны вызывать чувство интолерантности у граждан Молдовы своим иждивенчеством. Более того, диаспора может быть весьма полезной для Молдовы, сползающей в демографическую пропасть. Сегодня Молдова с ее неумолимо стареющим населением сильно нуждается в приливе свежей силы, в широком притоке лиц трудоспособного возраста.

Концептуальные основы решения диаспоральных проблем

Современная концепция диаспоральной политики предполагает наличие программы и плана основных направлений и мероприятий по её реализации. Функциональное предназначение (смысл) концепции заключается в том, чтобы стать исходным материалом для обсуждения программатики, принципов, целей, задач и основных мероприятий по выработке и реализации диаспоральной доктрины Республики Молдова.

В современной практике диаспоральных доктрин, концепций и программ ещё не было. Зарубежный опыт, конечно, может и должен быть востребован и освоен. Однако история формирования, география и демография

зарубежной диаспоральности в известной мере далеки от молдавской действительности и от нынешних реалий в постсоветском пространстве. В связи с этим особую актуальность приобретают осознание и понимание того, что для анализа формирования и функционирования диаспор и регулирования отношений, с одной стороны, между государством и диаспорами, а с другой – между «этническим материком» и этнической диаспорой, расселённой в каждом из трёх вышеобозначенных кругов, необходимы новые подходы, позволяющие обеспечить разработку и конструирование такой доктрины, которая была бы адекватной национальным интересам Молдовы в ближайшей и дальнейшей перспективе.

Сегодня особенности молдавской диаспоральности, в том числе её диаспоральной политики, состоят в переходе от старых нормативно-правовых и культурно-ценностных установок к новым ориентациям. Сохранение старых советских подходов, в основу которых ещё во времена И. В. Сталина было положено игнорирование существования и интересов национальных меньшинств и диаспор, лишения их государственной заботы и общественного внимания по принципу: «нет меньшинств – нет проблем» серьёзно препятствует построению гражданского общества, лишая демократию её привлекательности и притягательности, блокирует путь к взаимопониманию между народами, препятствует предотвращению и преодолению конфликтов.

Основные направления, цели и задачи оптимизации диаспорального фактора состоят в совершенствовании демографической и этнополитической ситуации в регионах, в обеспечении благоприятных условий построения гражданского общества на демократических принципах, в укреплении национальной безопасности Молдовы, в формировании принципов и установок толерантности, доверительности и солидарности в межгосударственных и межэтнических отношениях, в реализации прав и свобод диаспор на социально-культурную, экономическую и политическую адаптацию в регионах проживания и одновременно на сохранение связей с соотечественниками и согражданами в стране компактного проживания «этнического материка».

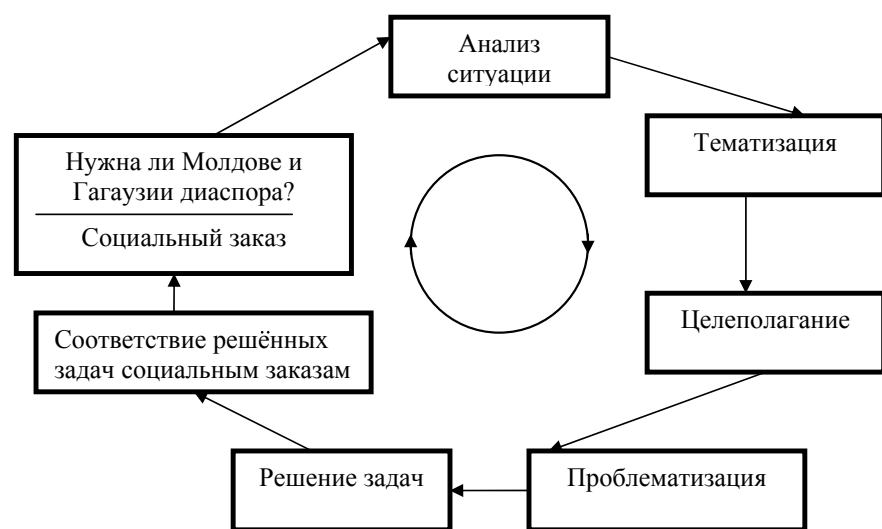
В соответствии с современным методологическим и инструментальным оснащением крупномасштабных стратегий разработке программатики диаспорологии как важного научно-практического направления предшествует процесс ее программно-тематического обеспечения, состоящий из ряда технологических операций, таких как: формулировка социального заказа, учитывающего вызовы модернизации, глобализации и связанных с ними задач социальных трансформаций; анализ исторически сложившейся ситуации, в ходе которой создается «инвентаризационный» список и типология диаспор по принципиальным критериям (масштабы, удаленность, компактность, хронология и т. п.); тематизация, представляющая собой определение объектов исследования и ожидаемой продукции; целеполагание, состоящее в таком развёртывании цели, которая ориентирована, с одной стороны, на изменение ситуации, например, на дальнейшую адаптацию диаспоры к иноэтнической среде в местах расселения или, напротив, на воссоединение с генетически родственным народом, на изменение функциональной роли диаспоры, на-

пример, превращение разделённости народа из фактора слабости в фактор силы государства, а с другой стороны, – на опредмеченные результаты при решении злободневных проблем, в том числе на создание научных трудов или практических рекомендаций. Постановка и решение задач диаспоральной политики вытекают из принципиальной цели программы, а проблематизация состоит в выявлении социальных противоречий, которые, в конечном счете, лежат в основе социального заказа.

Принципиальная схема программирования предметной области диаспорологии по оптимизации взаимоотношений по траектории *этнический «материк» – диаспора* имеет открытый характер и в ходе её реализации в неё могут вноситься дополнительные задачи или коррективы.

Схема 1

Примерная программная организация работ в предметной области диаспоральной политики

Этнодиаспоральная сфера

Расширение инвестиционных ресурсов в развитие общего образовательного, культурного и информационного пространства возможно осуществлять путём поддержки функциональной роли гагаузского и русского языков, тиражирования и распространения культурных ценностей в соответствии с задачами концепции поддержки соотечественников за рубежом на современном этапе. Молдова имеет шансы для создания условий эффективной деятельности этнических диаспор, в том числе гагаузской, расселённых за её пределами. Решение подобной задачи направлено не на расшатывание и обесценивание страны, а на укрепление молдавской государственности, в том числе по технологиям, с помощью которых энергию этнопсихологической ностальгии можно конвертировать, с одной стороны, в энергию формирования граждан-

ской лояльности (линия адаптации), а с другой – в энергию горизонтальной этнической мобилизации (линия миграции) диаспоральных групп.

Эффективное участие диаспор в процессах улучшения ухудшающейся демографической и стагнирующей экономической ситуаций позволит усилить роль и участие диаспоральных анклавов в построении гражданского общества на демократических принципах, в укреплении национальной безопасности Молдовы, в формировании принципов и установок доверительности в сферах этногосударственных отношений.

Основополагающим требованием к программе этнокультурного развития гагаузского народа и его диаспоры является учёт органического единства традиций и новаций, бережное отношение к традициям, обычаям и иным ценностям, а также к институтам, отражающим особенности культуры и общие ценности Молдавского государства. Свою роль должны сыграть и меры по поддержке различных форм местного самоуправления, созданию условий для проявления инициативы и самостоятельности всех групп населения, а также учёт их интересов и потребностей в деятельности органов местного самоуправления.

Сегодня никто не сомневается в повышении роли научных учреждений: в разработке и экспертизе проектов законов и иных нормативных правовых актов по вопросам этногосударственных и межэтнических отношений; в организации мониторинга состояния всех сфер этногосударственных отношений и кризисных ситуаций с последующей выработкой рекомендаций для соответствующих органов государственной власти; в разработке и осуществлении программ национально-культурного развития и межэтнического сотрудничества. Доктринальная стратегия диаспоральной политики Республики Молдова состоит в создании гарантий индивидуальных и коллективных прав с целью обеспечения условий и поощрения свободного развития всех народов (как этнических общностей) и их представителей в иноэтнической среде, в содействии развитию политико-интегративных процессов, в формировании единства молдавской нации как гражданской общности (согражданства) на платформе легитимной доверительности и солидарности, а также в минимизации и «снятии» социальной, межэтнической, межрегиональной и иной напряженности.

Законодательная сфера

Совершенствование диаспоральной политики, выступающей частью этнической и социальной политики государства, предполагает широкое участие экспертов, политиков и общественных деятелей в разработке и корректировке сложившейся нормативно-правовой и организационной базы по оптимизации социально-экономических и этнополитических основ жизнедеятельности диаспор, взаимоотношений между государственными органами в деле оказания помощи группам населения, оказавшимся оторванными от основных массивов расселения соотечественников и сограждан.

Разработка нормативно-правовой, методической и научно-организационной модели внутриэтнического и межэтнического диалога и диалога в сфере этногосударственных отношений предполагает внедрение таких новых

технологий, когда диалог отличается от монолога тем, что признает право диаспор и каждого народа на различие. При этом важное значение приобретает профилактика экстремизма и внедрение в общественное сознание идеи о том, что каждый имеет право на свои взгляды, мнения и позиции, но никто – ни большинство меньшинству, ни меньшинство большинству – не имеет права навязывать свои представления.

Внедрение принципов и навыков межэтнической толерантности и гражданской солидарности исключает претензии на безосновательные приоритеты и создаёт тем самым возможности для мирного и стабильного сосуществования, продуктивного взаимодействия и эффективного сотрудничества.

Совершенствование механизма учёта интересов регионов и диаспор в Молдове на общегосударственном и региональном уровнях, повышение ответственности органов государственной власти за положение дел не только в отдельном регионе, но и в стране предполагает, в свою очередь, осуществление мер политического, экономического и правового характера, обеспечивающих государственную поддержку и стимулирование этнокультурной активности как диаспор, так и регионов. Такой подход подразумевает совместную реализацию программ, учёт этнокультурных особенностей при проведении экономических реформ, необходимость межрегионального сотрудничества для обеспечения стабильности в обществе, в том числе в сфере этногосударственных и межэтнических отношений.

При создании правовой базы сферы этногосударственных отношений не менее актуальным является приведение в соответствие законодательства Республики Молдова с основополагающими международными документами, обеспечивающими гарантии соблюдения прав и свобод лиц, принадлежащих к диаспоральным меньшинствам, в том числе с такими как «Копенгагенский документ по человеческому измерению» (1990); «Парижская хартия новой Европы» (1990); «Материалы совещания по вопросам национальных меньшинств» (Женева, 1991); «Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным меньшинствам» (1992); «Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств» (1994); «Лиссабонская декларация о модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века» (1996).

Этноязыковая сфера

Совершенствование правовой базы сохранения, развития и функционирования языков диаспор и полифункционального молдавского языка как государственного языка Республики Молдова, как складывающегося языка межэтнического общения предусматривает создание равных условий и возможностей не только для удовлетворения потребностей в развитии этнической культуры и языка, продвижении по ступеням социально-профессиональной структуры, в том числе для карьеры в органах государственной власти, но и условия для более полного овладения государственным языком, без которого немислимы ни вертикальная (до центра), ни горизонтальная (за пределами своей республики) мобильность.

Важно ознакомить диаспоральную общественность с выводами исследований, в результате которых было установлено, что приобщение к государственному языку не обязательно ведёт к языковой ассимиляции, а переход на другой язык не обязательно сопряжён с утратой культурно-генетических и социопсихологических связей со своим народом. Крайне важно осознание того, что владение молдавским и русским языками в Республике Молдова является признаком силы, а не слабости овладевшего ими человека, показателем его внутренней свободы, а не признаком его ущемлённости или ущербности.

Для противодействия ущербной идеологии радикально-этнических группировок необходима система мер по пропаганде культурного плюрализма подобно той, что в советские времена велась в пользу интернационализма. Необходимо деликатное признание на официальном уровне совершённых в прошлом несправедливостей; например, голодомора и депортаций в 1940-х гг.; усиление контроля за созданием учебной литературы с целью недопущения фальсификации истории в пользу одних и в ущерб другим народам; проведение согласительных совещаний историков, филологов и этнологов с целью достижения консенсуса по наиболее спорным вопросам историографии и этнической истории народов и диаспор.

Этноэкологическая сфера

Для совершенствования правовой базы, создаваемой с целью защиты исконной среды обитания, традиционных форм хозяйственной деятельности и образа жизни, самоорганизации, прав и законных интересов гагаузского народа, необходима, прежде всего, система организационных мер, в том числе путём выделения соответствующих материальных средств и формирования консультативных структур при органах законодательной и исполнительной власти по реализации и контролю за исполнением законов.

Этносоциальная сфера

Создание оптимальных условий для эффективного развития и функционирования этносоциальных структур представляет собой систему стандартизированных действий, определяющих миролюбивый характер отношений между людьми, исполняющими по долгу или по совести те или иные роли, сформированные в ходе социализации нормативным ожиданием членов «своей» и «иной» этнической общности, воспитание норм такого правильного поведения, когда принятие или непринятие этих ожиданий влечёт за собой взаимосвязанную систему одобрений и наград или, напротив, порицаний и наказаний. При этом ожидание постоянных государственных дотаций слабым не должно вести к дискриминации сильных. Сегодня имеет смысл реализация такой кадровой политики, которая обеспечивает надёжные условия для восходящей социально-профессиональной мобильности в противовес нисходящей и для равноправного участия народов и диаспор в формировании социальной структуры, в управлении на общегосударственном, региональном и местном уровнях на основе профессиональной компетентности.

Этнодемографическая сфера

В соответствии с озабоченностью, катастрофической демографической ситуации, ведущей к депопуляции, с её негативными последствиями для экономики, обороноспособности страны и ментальности граждан, необходима эффективная демографическая и семейная политика. Она предполагает систему правовых и организационных мер по стимулированию процессов естественного прироста населения, рациональному пространственному размещению населения, в том числе с учётом этнической принадлежности граждан.

Этнокультурная сфера

Важным подспорьем в изучении диаспор выступает установление контактов с представителями организованной диаспоры для решения задач по определению степени «укоренённости» или «чуждости» диаспоры в местах компактного проживания, выявлению степени «разности», меры «комплекса неполноценности», уровня «самооценки» для разработки стратегий и механизмов внедрения в социальную практику гибких ориентаций на адаптационную или миграционную модель поведения, исключающих проявление радикализма и экстремизма в тех или иных формах.

Составной частью обеспечения условий оптимального воспроизводства профессиональной и традиционной культуры диаспор является помощь в оснащении их современными средствами, сочетающими триединую деятельность по производству культурных ценностей, их тиражированию и распространению с помощью СМИ, учреждений образовательной и культурной инфраструктуры, а также приобщение к ним («потребление культуры») народных масс традиционными методами этнической педагогики.

Этнопсихологическая сфера

В обширной психологической литературе, посвящённой теоретическим проблемам диаспорологии, как правило, исчезает из поля зрения взаимосвязанность социально-экономических и этнополитических явлений. Обвинять современную этническую мобилизацию в её волнообразной сепаративности, как делают некоторые радикальные демократы, означает отказ от понимания того, что национальные движения как разновидность социальных движений являются университетами построения гражданского общества и стимулирования демократизации путем деинфантилизации. Беда подобной недооценки демократического начала в этнических мобилизациях состоит в том, что взамен предлагается парадигма согражданства как единство, исходящее сверху от государственных структур, что воспроизводит существовавшую прежде иерархию разлада между государством и народами.

Этнополитическая сфера

Разработка и внедрение эффективных программ и механизмов противодействия дискриминационной политике там, где таковая имеет место, предполагает оказание методической, гуманитарной и интеллектуальной помощи в анализе возможностей диаспор в самоутверждении в условиях модернизации, глобализации и нациостроительстве в новейших государственных об-

разованиях. Одна из назревших задач созданного на I Всемирном конгрессе гагаузов Координационного Совета состоит в оказании методологической и методической помощи гагаузам, выходцам из Гагаузии или исконно проживающим в других странах, за пределами АТО Гагаузия, в организации неправительственных объединений этнокультурной ориентации.

Этнорелигиозная сфера

Признание социального статуса религиозных объединений, их позитивного вклада в историю и культуру народов, свободы совести и равноправия религий сочетается с мировоззренческим нейтралитетом (*арелигиозным подходом*) государства. Отсюда вытекает беспристрастное отношение органов власти и структурных институтов государства к различным религиозным объединениям, за исключением экспансии деструктивных сект и религиозных течений, разрушающих устои семейной и гражданской жизни, калечащих личность, раскалывающих общество и подрывающих целостность государства.

Мировоззренческий нейтралитет государства к религии может быть дополнен минимизированной и сбалансированной материальной поддержкой, так как правительство не может позволить себе такой роскоши, чтобы ждать от каждой религии миротворческой деятельности по её способности, а удовлетворять её желания по потребности. Компромисс с Церковью не обещает быть устойчивым, так как государственные субсидии во благо одной религии, рассматриваемые ею как естественный долг правительства, будут ревностно рассматриваться представителями любой другой религии как дискриминационная для них акция.

Замысел предлагаемой здесь теоретической схемы, состоит в выработке и осмыслении стратегии конвертирования слабости Молдовы, проистекающей из существования молдаван и гагаузов как разделённых народов, в её силу и устойчивость. Этническая диаспоральность в соответствии с этим замыслом может и должна, ещё раз повторим, «работать» не на расшатывание и обессиливание страны, а на укрепление молдавской государственности. Ещё одна линия учета этнического фактора в Диаспоральной доктрине Республики Молдова состоит в соединении этнической ностальгии диаспоры и её лидеров с идеологией этнической мобилизации, что позволит включить и оптимально адаптировать в социальный капитал Молдовы активные и мобильные группы населения в фертильном и трудоспособном возрасте.

Стратегическими целями и тактическими задачами изучения диаспор обуславливаются основные направления и формы их реализации. Функциональное предназначение важнейших форм деятельности состоит в оказании содействия социальной политике в тесном «окультуривировании» диаспор, благодаря которой будут исключены или своевременно предотвращены недопонимание, противоречия, конфликтные ситуации с иноэтнической средой, внедрены в систему межгосударственных и межэтнических отношений модели солидарности, гибкого и чувствительного отношения к окружающей среде и вызовам модернизации.

Концептуально-методическая панорама диаспорологии обусловлена необходимостью концептуальной разработки проблем диаспор, соотнесения диаспоральных групп людей с другими «осколками» типа гастарбайтеров, сезонных, спорадических и маятниковых мигрантов, беженцев и спецпереселенцев. Без концептуальной теории диаспоральности невозможна выработка научно обоснованной политики и программы по поддержанию плодотворных и взаимовыгодных связей между этническими родственными группами населения, разделёнными межгосударственными или внутригосударственными (административными) границами, а также по противодействию таким ассимиляционным процессам, которые протекают не на добровольной, а на принудительной основе.

Неотъемлемой частью диаспорологии является историография, источниковедение и освоение зарубежного опыта. Чрезмерный радикализм и безоглядный практицизм социальных преобразователей нередко приводит к недооценке концептуальной части реформ и социальной политики. «Нам не нужна философия», – повторяют некоторые люди отдельных категорий – от крупных бизнесменов и предпринимателей до мелких «челноков» и рядовых чиновников.

Не менее опасной является и недооценка инструментально-методического оснащения диаспоральной политики, без которой невозможна адекватная фиксация фактов нарушения прав диаспоральных групп и населения, выявление причин возникновения социального раздражения и межэтнического недопонимания, успешная разработка специальных профилактических приемов по снятию напряжения.

Информационно-мониторинговые аспекты исследований диаспоральности

Концептуальная основа исследования диаспор непосредственно связана с её информационной базой. Создание информационно-аналитической базы предполагает сплошную инвентаризацию и картографирование внутренних и внешних диаспор, отличающихся рядом принципиальных признаков: степенью этнической близости, глубиной социокультурной дистанции, хронологической продолжительностью пребывания в иноэтнической среде и пространственной удалённостью от основной массы своих соотечественников.

Для систематического пополнения и внесения корректив в базу данных, вероятно, имеет смысл создание специальной мониторинговой службы, призванной осуществлять экспертизу и диагностику этнополитического статуса, социально-этнополитического положения диаспор, ведущих тенденций формирования этнического самосознания гражданской лояльности в регионах и общественного мнения о диаспоральной судьбе в регионах притяжения. Наряду с информационными мониторинговая служба призвана обеспечить надёжную фиксацию доставшихся от прошлой истории и вновь появившихся противоречий.

Особого внимания требует систематическое отслеживание работы СМИ в освещении проблем диаспоральных групп в общей системе этногосударственных проблем и межгосударственных отношений, а также в освещении проблем мира и насилия, экстремизма и радикализма, мироощущения и миротворчества. Для систематической экспертизы материалов СМИ, освещающих проблемы диаспоры, связанных с этничностью, конфликтными очагами и болевыми точками социальной практики, необходимо создание специальной мониторинговой сети из подготовленных специалистов, достаточно хорошо осведомлённых о достижениях современной этнологии и конфликтологии.

Концептуально-инструментальное и понятийно-терминологическое оснащение предметной области диаспорологии предусматривает разработку и систематизацию концептуально-понятийных и инструментально-терминологических трактовок, интерпретацию и употребление таких понятий, как диаспора, диаспоральная группа, национальное меньшинство, гастарбайтеры, параллельно с понятиями толерантности, доверительности, солидарности и лояльности как важнейших компонентов демократии, свободной личности и гражданского общества; разработку принципиальных программ самосохранения и самозащиты диаспор; подготовку справочника «Диаспоры гагаузов на этнополитической карте мира»; создание учебных пособий «Диаспорология» и «Диаспоры в этнологических теориях», учебника «Введение в этническую диаспорологию», антологии научной, публицистической и художественной литературы «Диаспоры в первом постсоветском десятилетии»; организацию и проведение серии региональных семинаров по вовлечению молодых специалистов в разработку проблем диаспорологии; организацию курсов повышения квалификации государственных служащих в профильных ведомствах (культуры, образования, правоохранительных органов, миграции и национальностей); проведение семинаров для журналистов, специализирующихся на освещении диаспоральной и этнической проблематики; создание методических материалов для семинаров и тренингов, оказание посреднических услуг по проблемам диаспоральности; подготовку международной конференции «Диаспоры в диалоге цивилизаций».

Трудно переоценить значение трёх конгрессов (2004, 2006, 2008 гг.) выходцев из Республики Молдова, проживающих за рубежом и двух Всемирных конгрессов гагаузов (2006, 2009 гг.) в создании привлекательного имиджа Молдовы как общего дома молдаван, гагаузов и представителей других национальностей. «Гагаузия, – говорила представительница гагаузской диаспоры из Украины, выражая свою благодарность Молдове, – станет “Землёй обетованной” для всех гагаузов мира, теперь у них появилась своя Родина». Участников I Всемирного конгресса гагаузов Президент Республики Молдова В. Н. Воронин заверил в том, что «где бы они ни жили, гражданами каких стран бы ни являлись, Молдова была и останется» их Родиной, их домом [Первый Всемирный конгресс гагаузов, 2006, с. 6, 10].

Наиболее изученной группой гагаузов, за исключением бессарабских гагаузов, живущих в Молдове и на юге Украины, являются гагаузы Болгарии. Историография по данной группе довольно богата. Первые научные исследования истории, языка и культуры гагаузов связаны именно с этим регионом.

Как можно судить на основании представленных в историографии сведений, одно из наиболее ранних упоминаний о них, обнаруженное в молитвеннике из г. Панагюриште, относится к 1812 г. Считается, что он принадлежал участнику русско-турецких войн Петру Пондову Карапетрову [Черновежд, 1891, с. 380–381]. В сделанной в молитвеннике приписке говорится о болгаргах, говорящих на турецком языке, без упоминания наименования «гагаузы». Данная запись представляет собой краткий пересказ легенды о том, как гагаузы сохранили веру и вынуждены были принять турецкий язык. По мнению исследователя, поясняющего текст «летописца», нет сомнений, что христиане, говорящие на турецком языке, не кто иные как гагаузы [Черновежд, 1891, с. 382]. Отметим, что данная гипотеза об отуречивании гагаузов широко распространена среди болгарских учёных.

Другим историческим документом, в котором также упоминаются гагаузы без употребления самого этнонима, является письмо армянского духовника Минаса Пыжьшкяна от 22 мая 1813 г. Письмо отправлено из Шумена. В нем имеются письменные сведения о праздновании Дня болгарской письменности. В письме говорится о следующем: «Присутствующие начали танцевать в кругу болгарский танец. Но в другом кругу зала собрались турки, которые начали петь свои маани и танцевать каршыламаа». Болгарский ученый Е. Сачев предполагает, что присутствующие на празднике Кирилла и Мефодия «турки» являются гагаузами [Сачев, 1983, с. 52–63].

Одним из первых исследователей, зафиксировавших сёла с гагаузским населением, является чешский историк К. Иречек, автор известного труда «История болгар» [Варшава, 1877]. Согласно его сведениям, сёла гагаузов расположены по черноморскому побережью от Варны до устья Дуная с центром в Балчике. Во внутренней части Болгарии гагаузы живут в Провадийском округе в сёлах: Маалыч, Шадыркьой, Караач, Казылджилари, Кадикьой, встречаются около Добрича (с. Каракурт) и по берегу Дуная в Силистре, а также в с. Войводакьой (в Шуменском округе).

Более подробные сведения представлены в работе А. Манова. Он привёл современные и исторические названия населённых пунктов, в которых в первой половине XX в. или в прежние времена жили гагаузы [Манов, 1938, с. 14]. Представленные в его работе сведения, а также статистические данные из других источников были систематизированы современными болгарскими учёными [Чанков, 1956, с. 49–75; Градешлиев, 1994, с. 88; Матеева, 2006а, с. 17–18]. Согласно приводящимся в болгарской историографии сведениям, в XIX–XX вв. в те или иные временные периоды гагаузы проживали в следующих областях и населённых пунктах:

Варненская область: г. Варна, Аврен (Момино в 1935–1964), Винаца (Кестрич до 1934, Царево 1934–1947), Бозвелийско (Кады кьой до 1934), Борьяна (Чамурна до 1935), Ботево (Юшленлии до 1882, Ботьово до 1956), Брестак (Кара агач до 1934), Генерал Кантарджиево (Чауш кьой до 1942), Добрина (Джиздар кьой до 1934), Добротич (Шады кьой до 1934), Есеница (Касымлар до 1934), Житница (Тестеджи до 1934), Калоян (Юнуз бунар, Горно Юнуз бунар до 1934), Караманите (Караманлии до 1934), Кичево (Джаферли до 1934), Константиново (Дере кьой до 1889), Куманово (Ени кьой до 1934), Метличина (Хамбарлык, Житник 1934–1935), Михалич (Махалыч до 1934), Новаково (Ени махале до 1934), Орешак (Джевизли до 1934), Падина (Копусчии, Купухчии 1934), Провадия, Страхил (Коркут до 1934), Царевци (Султанлар до 1934, Султанци 1934–1987), Червенци (Кызылджилар до 1934).

Добричская область: г. Добрич, Било (Сырт кьой до 1906), Божаново (Керамет, Карамет до 1942), Божурец (Михал бей до 1942), Вратарите (Капуджи махле до 1934), Горичане до 1942 (Яалы юч орман, Ялы юч отман, Падурени/ в румынский период), Горун (Сары меше до 1942), Дебрене (Куюджук до 1942), Жегларци (Омур факи до 1942), Болгарево (Гявур Суютчук до 1942), Змеево (Иланьк; Шерпени/ в румынский период), Каварна, Камен бряг (Кая бей кьой, Кая бей до 1942), Крапец (Гарибча, Карапча до 1942), Преспа (Карлы бей кьой, Карлы бей до 1942), Приморци (Кара курт до 1940), Рилци от 1983 квартал на Добрич (Суютчук до 1942), Селце (Малкоч до 1942), Сираково (Етим ели до 1906), Стаевци (Калыкчии до 1942), Стефан Караджа – заселено в румынское время (Войнешть (рум.), Бранник 1942–1945), Тервел (Курт бунар до 1942), Топола (Тюрк Суютчук до 1942), Твырдица (Калайджи дере до 1942), Поручик-Чунчево (Языджиляр до 1942), Хаджи Димитр (Хаджи Байрям до 1942), Царевич (Каралез до 1942), Шабла.

Шуменская область: г. Шумен, Войвода, Велино (Имрихор, Доктор Стамболски 1934–1950), Единаковци (Бурханлар до 1934), Избул (Теке Козлуджа, Козлуджа теке до 1934), Лозево (Дурмуш, Митрополит Симеон 1934–1950), Стоян Михайловски (Кайкы до 1934).

Бургасская область: г. Обзор (Гьозекен, Козякград 1934–1935), г. Манастир.
Провадийская область: Брестак, Червенци, Метличина, Калоян, Изворник, Есеница, Добротич и г. Вылчи дол.

Лозенградская область: с. Ески Полос.

В других местах: г. Силистра и села Северной Добруджи: Гей-орман, Манкалия, Шерит-Ахмет.

На основе имеющихся статистических данных Ж. Чанков привёл сведения о численности гагаузов в Болгарии и количестве гагаузских сёл в начале XX в. [Чанков, 1956, с. 49–75]. Согласно этим данным, в 1905 г. их было 10 175 чел., в 1910 г. – 9 329; в 1920 г. – 3 669 чел.; в 1926 г. – 4 378 чел. [цит. по: Градешлиев, 1994, с. 88]. По Бухарестскому мирному договору (август 1913 г.) Болгария уступила Румынии Южную Добруджу – территорию в 7 500 кв. м с городами Каварна, Балчик, Силистра, Тутракан, Добрич с населением 300 тыс. человек [Градешлиев, 1994, с. 31]. По приводимым Ст. Романски цифрам, число гагаузов в Южной Добрудже составляло 4 912 человек – 1,7% населения области

[Романски, 1915, с. 33-112]. Таким образом, уменьшение численности гагаузов в Болгарии за тот период объясняется Ж. Чанковым тем, что некоторые из них при более поздних переписях не определялись как гагаузы, а также тем, что после Первой мировой войны Добруджа вместе с населением (в том числе гагаузским) отошла к Румынии. В данных переписи после 1926 г. нет отдельной графы «гагаузы», то есть они не выделяются как отдельная народность.

На начало XX в. болгарские исследователи приводят следующие села в Болгарии с гагаузским населением: Балчик, Гурково (Гявукуйосу), Гявур суютчук (Болгарево), Добрич, Каварна, Калайджидере (Твырдица), Каракурт (Приморци), Каралар (Дуранкулакская община / Нейково), Карлыбейкьой (Преспа), Каябейкьой (Камен бряг), Куюкьой (Карвуна), Кьоллюк (Иречек), Михалбей (Божурец), Омурфакя (Жегларци), Раковски, Сарыджа (Росица), Сарымеште (Горун), Сатылмыш (Езерец), Трубчулар (Орляк), Тюрк суютчук (Топола), Хамзалар (Храброво), Чаталлар (Братово), Чаушкьой (Генерал Кантарджиево), Шабла, Юзгюбенлик (Могилиште), Язиджилар (Поручик Чунчево), Ялыючорман (Горичани) с общей численностью 4 857 чел. [Романски, 1915, с. 33-112].

Современные демографические процессы наложили отпечаток на те места, которые прежде традиционно являлись территориями компактного расселения гагаузов. Это такие исторические области, как Мизия, Фракия и Македония. Как можно видеть, в историческом прошлом в указанных районах были

многочисленные гагаузские села. Изменение мест расселения гагаузов связано с русско-турецкими войнами второй половины XVIII – первой половины XIX в., с переселением части населения этих областей в Российскую империю.

В настоящее время на территории Республики Болгария гагаузы наиболее компактно населяют сёла северо-восточной части страны – главным образом, области: Варненская, Добричская (Толбухинская), Шуменская – в городах Каварна, Варна, Балчик, вдоль Добруджанского побережья и от Добрича до Силистры, в Шуменской, Провадийской, Новопазарской областях, в селах: Орешак, Куманово, Кичево, Винаца, Метличина, Червенци, Брестак, Михалич, Добротич, Есеница, Изворник, Генерал Кантарджиево, Приморци, Горичани,

Гагаузка в традиционном костюме (Болгария). Фото из архива Р. Денчевой, 1987 г.

Раковски, Болгарево, Божурец, Войвода, Трыница, Могилиште.

Небольшое число гагаузов живет в Юго-Восточной Болгарии – в Ямбольской (г. Ямбол), Елховской (г. Елхово), Бургасской, Хасковской, Старо-Загорской областях и в г. Тополовград. Они считаются беженцами из восточной Фракии (Одринской Фракии), переселение которых связывают с периодом от Балканских войн 1912–1913 гг. до 1925 г.

В конце 70-х гг. XX в. по неофициальным данным общее число гагаузов в Болгарии насчитывало около 40 тыс. чел. [Стаменова, 2000, с. 5-6].

Сложность учёта общей численности гагаузов Болгарии заключается в том, что для многих из них характерна двойная самоидентификация. В современный период они официально идентифицируют себя, главным образом, с болгарскими [Квилинкова, 2005а, с. 19; она же, 2007а, с. 378-380, она же, 2006а, с. 98-103; она же, 2006б, с. 279-290; она же, 2011а].

Принимая во внимание тот факт, что основная часть гагаузов переселилась в Бессарабию с территории Болгарии, то представляется необходимым остановиться на рассмотрении региональных особенностей в области традиционной духовной культуры данной группы гагаузов, которая продолжала проживать в тех же природно-географических условиях, в том же историко-культурном и хозяйственном регионе, сохраняя при этом прежние этнокультурные контакты с соседними народами. Их изучение позволяет исследовать вопрос об устойчивости и эволюции этнической традиции.

Для выявления имеющихся региональных особенностей мы сравнивали различные области традиционной духовной культуры гагаузов Болгарии и Молдовы, которые более 200 лет проживают изолированно друг от друга [Квилинкова, 2005а; Квилинкова, 2007а; Квилинкова, 2011а]. То, что объектом сравнительного изучения стали гагаузы Молдовы, объясняется не только тем, что эта группа гагаузов является самой многочисленной и наиболее исследованной в научном плане, у которой хорошо сохранились язык и традиционная культура, ярко выражена этническая идентичность. Важным является и то, что гагаузы Молдовы добились создания в 1994 г. Автономного территориального

Гагаузские девушки в традиционных костюмах (Болгария). Фото из архива Р. Денчевой, 1987 г.

образования *Gagauz Yeri* в составе Республики Молдова, выступающего своего рода гарантом сохранения и развития гагаузского языка и культуры.

Выявление региональных особенностей (по материалам, собранным в 2001, 2003 гг. в гагаузских сёлах Северо-Восточной Болгарии) представляет интерес не только с точки зрения изучения степени сохранности у гагаузов Болгарии различных областей традиционной культуры по сравнению с мигрировавшими группами того же этноса. Данный подход позволяет рассмотреть процесс этнокультурного взаимодействия гагаузов на протяжении различных временных периодов через призму влияния на него исторических условий и окружающей этнической среды.

Традиционная духовная культура гагаузов включает в себя различные этнокультурные компоненты: тюркский, южнославянский, восточнославянский, греческий, восточнороманский. В зависимости от региона, интенсивности и длительности межэтнических контактов, в языке и народной обрядности разных групп гагаузов преобладают те или иные компоненты. Какие-либо значительные изменения в данной области происходят в результате длительных этнокультурных контактов с соседними народами.

Сравнительно-сопоставительное исследование календарной обрядности гагаузов Болгарии и Молдовы показало, что она характеризуется единством содержания обрядов при незначительном разнообразии их форм. В основе локальных особенностей лежат различия, свойственные этнографическим группам гагаузов в прошлом. В определённой мере они объясняются этнокультурными особенностями жителей того или иного села, степенью межэтнического взаимодействия и др. Нередко различия сводятся к наличию / отсутствию какого-либо обычая, обряда или праздника. Так, ряд праздников можно отнести к региональным особенностям: у гагаузов Болгарии – колядование ряженных на Масленицу (Кукеры), в Петков день (Джамал), празднование Дня петуха с принесением жертвоприношения и др.; у гагаузов Молдовы – колядование на Новый год (*хэй-хэй*, с *плугом*, с *козой*), Пасха умерших / Малая Пасха (на 9-й день после Пасхи), Малая Богородица, Макавей, Фока и др.

Можно предположить, что распространение у гагаузов Болгарии некоторых обычаев, отнесённых нами к региональным особенностям, вероятно, произошло не ранее начала XIX в. Согласно исследованиям болгарских учёных, в этот период в результате значительной миграции населения «с фракийских мест» на территорию Северо-Восточной Болгарии ряд обычаев и обрядов, принесённых переселенцами с собой, широко распространились в данном регионе, например, День петуха и др. [Арнаулов, 1972, с. 36; Николава, 1973, с. 164]. Некоторые различия в календарной обрядности рассматриваемых групп гагаузов связаны с продолжительностью и датой празднования, например: Волчьи праздники, День мыши, Пипируда и т. д.

В терминологии и в календарном обрядовом фольклоре у гагаузов Болгарии более ярко проявляется болгарское влияние: при колядовании на Рождество, в обряде Пипируда, в обряде Сурваки и др. Исполнение гагаузами Болгарии некоторых традиционных обрядов и в настоящее время, а также довольно полные сведения о совершении этих обрядов в прошлом даёт осно-

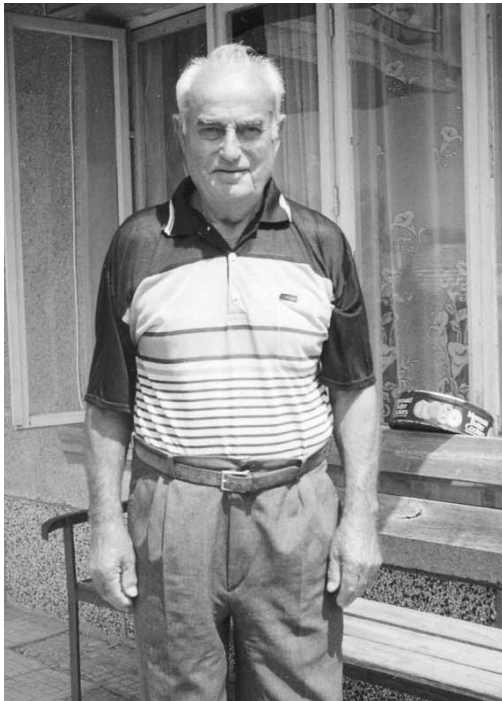
вание говорить об их довольно хорошей сохранности, чему способствовал ряд факторов.

На Балканах сложились благоприятные условия, в результате которых языческие по содержанию обычаи и обряды как бы законсервировались. Местные турецкие власти не препятствовали завоёванным ими христианским народам Балканского полуострова совершать их. Об этом свидетельствуют разнообразные данные, приводимые болгарским академиком М. Арнауловым. Так, при колядовании Кукеров мусульманский судья (кадия) благословляя колядующих, произносил: *Аллах берекет версин, ямур ясън, берекет олсун* / «Пусть Бог даст урожай, пусть пойдет дождь, пусть будет урожай!». И далее тот же автор приводит высказывание другого информатора: «Турки радовались обычаю, который совершали с целью повышения плодородия, и думали: их (то есть, местного населения – Е. К.) обычай такой, пусть делают!». Они даже одаривали Кукеров подарком [Арнаулов, 1972, с. 33]. Турки не запрещали праздновать и день Св. Трифона, во время которого «избирали царя», и другие народные праздники [Арнаулов, 1972, с. 120].

Что касается семейной обрядности, то в некоторых гагаузских селах Болгарии проявляется значительное турецкое влияние. В частности, можно выделить такие существовавшие в прошлом элементы свадебной обрядности, как обычай дарения женихом невесте предсвадебного подарка (платья) – *hamamlık / hamanlık*, с которым она в субботу отправлялась с подружками и родственниками в баню (*hamam*); ритуальное окрашивание волос невесты хной – «ночь хны» (*kına gecesi*); использование при приглашении на свадьбу обрядового хлеба (*düün kolacı, petmez*), а не вина; наличие в свадебном наряде новобрачной шаровар (*don çatal*) и др. [ПМА, с. Болгарево, г. Каварна и др.].

Сведения о ношении гагаузками Болгарии шаровар по типу турецких находим у других исследователей [Иречек, 1889, с. 233, 235; Иванова, 2004, с. 83-94]. Ношение шаровар болгарский фольклорист М. Иванова связывает с городской модой (в частности, Варны), которая предписывала зажиточным женщинам непременно иметь в своем гардеробе этот предмет туалета. По ее мнению, это – дань моде того времени, распространившаяся под турецким влиянием.

В области терминологии родства можно говорить о большей сохранности у гагаузов Болгарии дифференцированных терминов, разграничивающих мужскую и женскую линии родства по отцу и матери, в то время как у гагаузов Молдовы разделяются лишь термины, относящиеся к мужской линии родства только по отцу. Региональной особенностью в области терминологии родства является наличие у гагаузов Болгарии лексем, характерных для турецкого и греческого языков (*hala, nifi, torum, angoni, görümcä, haane / aane, cins, üveana* и др.), а также использование терминов тюркского происхождения, связанных с так называемым молочным родством (*süt ana, süt kardaşı*).

Райчев К., с. Болгарево (Болгария).
Фото из архива Е. Квлинковой.

Биязерова С., с. Болгарево (Болгария).
Фото из архива Е. Квлинковой 2003 г.

Томова С., с. Болгарево (Болгария).
Фото из архива Е. Квлинковой.

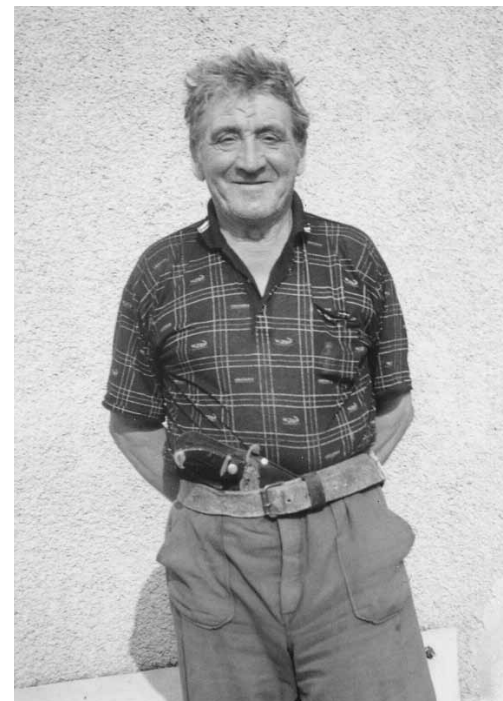
Гайдарджиева Г., с. Болгарево (Болгария).
Фото из архива Е. Квлинковой 2003 г.

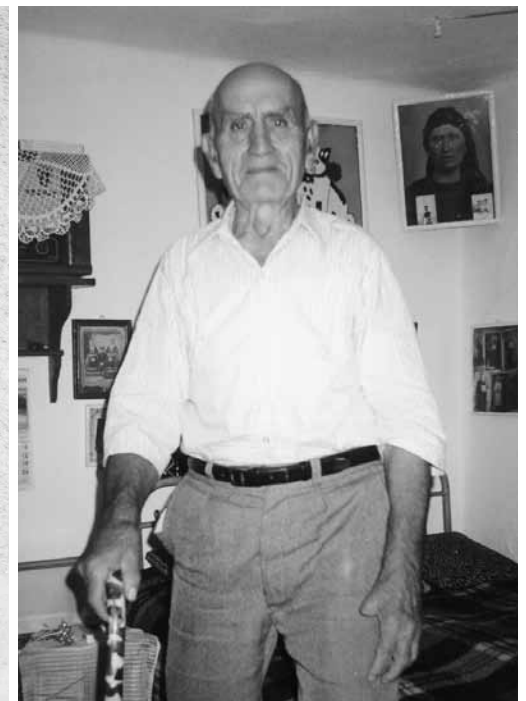
Атанасова З., с. Генерал Кантраджиево (Болгария).
Фото из архива Е. Квлинковой.

Костадинов М.—исполнитель народных песен,
с. Генерал Кантарджиево.
Фото из архива Е. Квлинковой.

Костадинов П., с. Кичево (Болгария).
Фото из архива Е. Квлинковой.

Тудоров Д., с. Кичево (Болгария).
Фото из архива Е. Квлинковой 2003 г.

Гагаузская делегация из Болгарии на I Всемирном конгрессе гагаузов (г. Комрат).
Фото из архива Е. Квилинковой, 2006 г.

Устойчивость, характерная для системы родства, объясняется замедленными темпами протекавших на Балканах социально-экономических процессов. Основная часть населения проживала в сёлах и занималась сельским хозяйством. Слабое развитие техники требовало большого количества рабо-

Певческая группа из с. Генерал Кантарджиево (Болгария).
Фото из архива Е. Квилинковой, 2006 г.

чих рук, особенно в период сельскохозяйственных работ, а также при строительстве. В этой связи тесные родственные отношения (и, соответственно, термины родства) не утрачивали своей актуальности. Кроме того, сохранению архаичной системы родства способствовал ряд факторов: патриархальный строй семьи, нормы обычного права, компактное проживание, народные обычаи и обряды, строго регламентировавшие отношения между родственниками (посещения, приуроченные к определённым праздникам, формы одаривания) и т. д.

Наиболее ярко региональные особенности выражены в области гагаузского песенного фольклора. Они проявляются как в содержании (репертуаре) народных песен, так и в ладово-интонационной и ритмической структуре песенных мелодий. Сравнительный анализ народных песен, собранных нами в начале XXI в. у гагаузов Молдовы и Болгарии, а также фольклор, собранный у гагаузов Болгарии зарубежными учеными в 30–60-е гг. XX в. [Zajaczkowski, 1966a, с. 85-86; Rodop türköleri, 1966, с. 133], показывает, что по содержанию и форме песенный фольклор у указанных групп гагаузов существенно различается.

Изучение данного вопроса позволяет констатировать, что в устном народном песенном творчестве гагаузов Болгарии проявляется значительное турецкое влияние. Многие лирические песни, исполнявшиеся ими, имеют турецкое происхождение. Из содержания песен гагаузов Болгарии и использованной в них лексики, а также из опроса информаторов становится очевидным, что многие произведения были заимствованы ими у турок в результате этнокультурных контактов. В них содержится много турецких слов (*nazyam, zahmet, okşayım, zevkilär* и др.); их характерной чертой является специфическая форма исполнения, в которой довольно ярко проявляются восточные черты. В то же время у гагаузов Болгарии мало баллад, широко распространенных у гагаузов Молдовы и у болгар, и почти нет песен религиозного содержания.

Вывод о сильном воздействии турецкого языка на язык гагаузов Болгарии, был сделан болгарским историком И. Градешлиевым. Он связывает данное явление с османским присутствием на Балканах [Градешлиев, 1994, с. 82]. На близость языка гагаузов Болгарии к местным турецким говорам указывала и Л. А. Покровская [Покровская, 1997а, с. 40; Покровская, Чернышёва, 1989, с. 5]. Как можно видеть, региональные особенности связаны с рядом факторов: природными условиями, историческими традициями, общественно-экономическим развитием региона и страны, в которой проживает этническая группа, интенсивностью этнокультурных контактов. Исходя из этого, можно утверждать, что этническая специфика, характерная в целом для всего этноса, не остаётся неизменной, а постоянно меняется, но при этом сохраняются её основополагающие элементы.

Обобщая вышесказанное, подчеркнём, что в традиционной обрядности гагаузов Болгарии лучше сохранялись реликты язычества, чему способствовали иные исторические условия и лояльное отношение болгарского духовенства и турецких властей к народным обычаям и обрядам. Это выражалось в широком распространении у них до недавнего прошлого обычая «повтор-

ного» крещения, в результате которого ребёнку меняли имя и крёстных; в участии священников в поминальной трапезе, устраивавшейся после совершения обряда вызывания дождя (Германчо); в настоящее время проявляется в праздновании у курганов межсельских праздников (*panaiyr*), составной частью которых являются массовые гуляния, ярмарки и т. д. (с. Болгарево); в использовании языческих по происхождению имён собственных и др.

Можно отметить и несколько лучшую сохранность у гагаузов Болгарии, по сравнению с бессарабскими гагаузами, обычаев и обрядов скотоводческой направленности, что объясняется сложившимися в указанной области благоприятными условиями для осуществления этого вида традиционной деятельности. Наиболее устойчивыми оказались календарные поминальные обряды, что находит своё объяснение в страхе людей перед загробной жизнью и в силе представлений о влиянии умерших на жизнь живых.

Сохранению народных обычаев и обрядов во многом способствовали также общинные начала, компактное проживание в сельской местности, традиционный уклад жизни. Обычаи и обряды, передававшиеся из поколения в поколение почти в неизменном виде, осуществляли функцию передачи культурного кода. При этом нормы обычного права и родственные отношения играли важную роль.

В известной мере на судьбу этнической традиции прямо или косвенно оказывало влияние государство через усиление системы внеэкономического принуждения и физического воздействия. Ряд традиций, относящихся к области обычного права, эволюционировали и в минимальной степени смогли сохранить архаичные черты. Значительно трансформировались те обычаи и традиции, которые были непосредственно связаны с менявшимися социально-экономическими условиями: обычай наследования, свадебная обрядность (формы заключения брака и др.), типы и структура образования семьи и т. д.

Региональной особенностью традиционной духовной культуры гагаузов Болгарии является большее болгарское влияние в календарной обрядности и в терминологии; турецкое, болгарское и греческое – в терминологии родства, а также турецкое – в песенном фольклоре. В целом можно говорить о лучшей сохранности у гагаузов Болгарии терминов родства, относящихся к тюркско-турецкой системе родства, а также лирических народных песен турецкого происхождения. Указанные особенности являются результатом более длительных и интенсивных этнокультурных контактов между гагаузами Болгарии и турками, в основе которых лежит языковая общность. Наибольшее турецкое влияние, как в языке, так и в области песенного творчества, а также в семейной обрядности проявляется у гагаузов с. Болгарево, г. Каварны, г. Варны. Это объясняется, по-видимому, постоянным многочисленным присутствием турок в прибрежных населённых пунктах. Выявленные региональные особенности, являются, с одной стороны, результатом усиления межэтнических контактов гагаузов с соседними этносами, а с другой – редукции многих обычаев и обрядов, забвения ряда терминов и народных песен. Отсутствие турецкой языковой среды у бессарабских гагаузов привело к утрате терминов и песен турецкого происхождения.

На основании проведённого исследования можно говорить о том, что этническая специфика, характерная для традиционной духовной культуры гагаузов, была сформирована в период их проживания на Балканах, где шёл процесс формирования гагаузского этноса. Несмотря на имевшие место в различные исторические периоды иноэтнические влияния, гагаузские народные обычаи, обряды и фольклор в значительной степени сохранили свою самобытность.

Анализируя общую картину состояния традиционной обрядности гагаузов Болгарии в XX – начале XXI вв., можно сказать, что, ввиду сохранения патриархального образа жизни, роли общины и общественного мнения, многие традиционные нормы морали и нравственности (в частности, ряд народных обычаев, призванных обеспечить процесс контроля местного общества за традиционной нравственностью) сохранялись у них до 50-х гг. XX в.

Вместе с тем, исторические условия, в которых жили гагаузы в период османского завоевания, постепенно вели к религиозной индифферентности, что не могло не сказаться на темпах утраты ими традиционной обрядности. В отличие от бессарабских гагаузов, у гагаузов Болгарии почти не сохранился обрядовый фольклор на родном языке; они больше знают и поют болгарские песни. Исполнение ими значительного числа песен на болгарском языке является, по словам информаторов, следствием распространения и расширения системы школьного образования.

В настоящее время можно говорить о некотором возрождении народных традиций у гагаузов Болгарии (например, с. Болгарево, с. Кичево, с. Генерал Кантарджиево). Отдельными сельскими учителями, библиотекарями, главами сёл предпринимаются попытки сохранить собственное культурное наследие. Ими проводится работа по сбору музейных экспонатов с целью включения их в фонды сельских этнографических музеев и восстановления содержания ряда народных праздников. Некоторые наиболее зрелищные гагаузские народные обряды можно увидеть на этнокультурных фестивалях, систематически проводящихся в Болгарии.

ГАГАУЗЫ В УКРАИНЕ

В 2001 г. в Украине проживало 31 923 гагауза [Перегляд..., 2001]. По численности это вторая в мире, после Республики Молдова, этническая группа гагаузов. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Украине проживало 31 967 гагаузов, это составляло 17,3% от всех гагаузов Украины и Молдавии и 16,2% от всех гагаузов СССР [Заставний, 1994, с. 174].

Большинство гагаузов Украины расселяется в крупных селах юго-западной части Одесской области* – моноэтнических: Александровка (гаг. Лисандровка, Саталык-Хаджи) (подавляющее большинство из 2341 жителей), Виноградовка (гаг. Курчу / Курчи) (71% из 4 057 жителей), Дмитровка (гаг. Димитровка) (подавляющее большинство из 4 653 жителей) Болградского

* Численность гагаузов по сёлам приводится согласно данным Всесоюзной переписи 1989 г., поскольку по Всеукраинской переписи 2001 г. национальный состав в разрезе сёл не фиксировался.

района, Старые Трояны (гаг. Эски Троян) (69% из 2583 жителей) Килийского района, Котловина (гаг. Болбока) (подавляющее большинство из 2 854 жителей) Ренийского района и биэтнических (гагаузо-болгарских): Червоноармейское (гаг. Кубей) (33% из 6 796 жителей) Болградского района и Новосёловка (гаг. Еникиой) (33% гагаузов из 1 784 жителей) Килийского района [Итоги..., 1992]. Все эти сёла были основаны в начале XIX в. и, в целом, сохраняли свой этнический состав на протяжении почти двухсот лет.

Следует отметить, что старые гагаузские сёла Украины, кроме анклава в Килийском районе и полиэтнического села Жовтнево (Каракурт), составляют единый ареал с гагаузскими поселениями Молдовы и были разделены государственной границей искусственно. Котловина граничит с землями гагаузского сёла Етулия в Молдове, Виноградовка (Курчи) – с г. Вулканешты, Червоноармейское (Кубей) – с сёлами Копчак, Александровка и Дмитровка – с г. Чадыр-Лунга.

Перепись населения 1979 г. обнаруживает присутствие гагаузов ещё в нескольких смешанных по этническому составу сёлах Болградского района – в Жовтневом (гаг. Каракурт) (2 730 жителей, из которых отмечено 50% гагаузов и столько же албанцев), а также Табаках (2 777 жителей) и Зализничном (гаг. Болгарія) (3 555 жителей), где было зафиксировано по 50% гагаузов и болгар*. Учитывая устойчивость этнодемографических процессов в рассматриваемом регионе, а также имеющиеся дополнительные сведения, можно утверждать, что в данных сёлах значительное присутствие гагаузов сохраняется до настоящего времени.

Весомая доля гагаузов имеется также в двух посёлках городского типа Тарутинского района, в прошлом населённых немцами, и в одном новооснованном селе в этом же районе: пгт. Березино – 431 гагауз (9,7% от всех жителей); пгт. Серпнёвое (ранее – Лейпциг) – 639 гагаузов (28,4%), с. Красное – 26% гагаузов из 1 429 жителей**.

Всего в Одесской области в 2001 г. проживало 27 617 гагаузов (86,5% от всей их численности на Украине и 1,1% от всего населения области). Из них в Болградском районе – 14 тыс. (18,7% от всего населения района и 50,7% от всех гагаузов области), в том числе в г. Болград – 485 человек (2,6% от всех жителей); в Ренийском – 3,2 тыс. (7,9% от всего населения района и 11,6% от всех гагаузов области); в Килийском – 2,3 тыс. (3,8% и 8,3%, соответственно); Тарутинском – 2,7 тыс. (6% и 9,8%).

В других административно-территориальных единицах области численность и доля гагаузов значительно меньше: г. Белгород-Днестровский – 0,2 тыс. (0,4% от населения города), г. Измаил – 0,8 тыс. (0,9%), г. Южный – 0,3 тыс. (1,3%), Арцизский район – 0,9 тыс. (1,8%), Березовский – 0,1 тыс. (0,3%), Ивановский – 0,2 тыс. (0,5%), Измаильский – 0,2 тыс. (0,4%), Килийский – 2,3 тыс. (3,8%), Коминтерновский – 0,2 тыс. (0,2%), Овидиопольский – 0,2 тыс.

* Вероятно, данные генерализованы.

** По сведениям Статистического комитета Тарутинского района Одесской области за 1989 г.

(0,3%), Раздельнянский – 0,1 тыс. (0,2%), Саратовский – 0,2 тыс. (0,3%), Татарбунарский – 0,1 тыс. (0,2%) и др.

Немногочисленные представители гагаузского народа отмечены также переписями населения в некоторых других южных и восточных регионах Украины – следствие, прежде всего, трудовой миграции. В 2001 г. в Николаевской области проживало 877 гагаузов (1003 – в 1989 г.), что составляло 2,7% от всего числа гагаузов Украины; в Днепропетровской – 365 гагаузов (328, или 1,1%); в Донецкой – 494 (672, или 1,5%); в Луганской – 275 (395, или 0,8%); в Крыму – 387 (546, или 1,2%), в остальных регионах Украины – ещё 6,2% гагаузов страны [Перегляд., 2001; Заставний, 1994, с. 174].

Динамика численности гагаузов Украины в 1959–2001 гг. представлена в таблице 1 [Конончук, 2006, с. 196; Заставний, 1994, с. 411-412, 415].

Таблица 1
Динамика численности гагаузов Украины (1959–2001 гг.)

	1959 г.	1970 г.	В%к 1959 г.	1979 г.	В%к 1970 г.	1989 г.	В%к 1979 г.	2001 г.	В%к 1989 г.
Всего	23530	26464	112,5	29398	111,1	31967	108,7	31923	99,9
В городских поселениях	-	4784 (18,1%)	-	6333 (21,5%)	132,4	8774 (27,4%)	138,5	8544 (26,7%)	97,4
В сельских поселениях	-	21680 (81,9%)	-	23065 (78,5%)	106,4	23193 (72,6%)	100,5	23379 (73,3%)	100,8
В Одесской области	-	24376 (92,1%)	-	26784 (91,1%)	109,9	27369 (85,6%)	102,2	27617 (86,5%)	100,9

Если для советского периода (1959–1989 гг.) для гагаузов были характерны такие качества, как рост численности, хотя и постепенно снижающимися темпами, урбанизация – увеличение доли городского и снижение доли сельского населения, миграция за пределы традиционного ареала расселения, но при этом – высокий уровень сохранения этнического самосознания, то с 1990-х гг. получили развитие иные процессы. Естественный прирост, в сравнении с большинством других народов Украины, остаётся на высоком уровне, но ещё более активизировались процессы миграции и урбанизации; вместе с тем, в городах, особенно за пределами традиционного ареала расселения, заметно усилились процессы ассимиляции, что связано с постепенной потерей связей с материнскими поселениями и межэтническими браками.

Все это процессы ярко проявляются в уменьшении численности гагаузов за пределами Одесской области (за исключением Днепропетровской области) и в городах, хотя оттока населения из них не наблюдается, а, наоборот, усиливается обратный процесс. Другое проявление данных процессов – резкое сокращение за пределами сёл Буджака количества гагаузов, считающих язык своей национальности родным.

В 2001 г. язык своей национальности считало родным 71,5% гагаузов, что почти на 20% меньше, чем в 1989 г. (89,4%) [Заставний, 1994, с. 174], 3,5% – украинский, 22,7% – русский язык [Конончук, 2006, с. 198]. Но среди городского населения только 36,2% гагаузов родным считают свой язык (56,2% – русский и 5,3% – украинский), тогда как у сельского населения доля признающих гагаузский язык родным составляет уже 84,4% (10,4% – русский и только 2,8% – украинский) [Перегляд., 2001].

Степень языковой ассимиляции гагаузов напрямую зависит от близости или удалённости места их постоянного проживания от ареала компактного расселения. Так, в Одесской области даже среди городского населения сохраняется относительно высокий процент владения родным языком – 42,1%. Сопоставимые цифры и для городского, и для сельского населения даёт только ближайшая к Одесской – Николаевская область – 44,1%. В других областях и городское, и сельское население в значительно меньшей степени владеет родным языком, и чем дальше эта область расположена от основного ареала расселения гагаузов, тем хуже обстоит дело с его сохранением. В Херсонской области 33,1% гагаузов считает своим родным гагаузский язык; в Крыму – 32,6%; в Днепропетровской области – 21,6%; в Луганской – 13,4%, в Донецкой – только 11,5% [Перегляд., 2001].

Следовательно, отражённое в литературе мнение о том, что гагаузы Украины стойко сохраняют свою культуру [Пономарев, 1994, с. 195] не полностью соответствует действительности. Сохранение гагаузского языка и этничности напрямую связано с сохранением их этнического ареала – нескольких крупных сельских поселений. Городские гагаузы достаточно быстро теряют родной язык, культуру и самосознание, принципиально не отличаясь в этих процессах от большинства других национальных меньшинств страны.

Последняя Всеукраинская перепись населения не отразила того факта, что значительный процент гагаузов находится на заработках, в том числе и за рубежом, поскольку, согласно общей методике, временно отсутствующие также подлежали переписи. Часть этого населения продолжает сохранять более или менее тесные связи с местами своего происхождения, но многие постепенно теряют их, вступая, в частности, в межэтнические браки. Дети от таких браков, как правило, ориентируются на этничность второго из своих родителей.

Учитывая экономическую несостоятельность гагаузского села в нынешних правовых и экономических условиях, низкий уровень инфраструктуры в местах компактного проживания гагаузов, а также привлекательность трудовой миграции как выхода из тяжёлой социально-экономической ситуации, сложившейся в старых гагаузских сёлах, уже в ближайшем будущем следует ожидать значительного сокращения численности представителей этого народа на Украине.

Хотя в Российской империи гагаузы впервые упоминаются ещё в 1837 г. [Положение, 1969, с. 179], как известно, статистика обнаруживает их только в Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. Тем не менее, учитывая слабую интенсивность этнических процессов среди гагаузов в XIX в., – а многие данные свидетельствуют о практическом отсутствии даже межэтнических

браков между гагаузами и болгарями, проживавшими в одном населённом пункте [Мошков, 1901, с. 34-35; Бернштейн, 1949, с. 387], – мы можем экстраполировать более поздние сведения на предшествующие периоды и оценить динамику численности гагаузов, проживающих на территории Украины, начиная со времени их появления в этом регионе. Такую методику в 1980 г. предложила М. В. Маруневич [Маруневич, 1980, с. 17], впоследствии она использовалась А. В. Шабашовым [Шабашов, 2006, с. 171-181] и Г. П. Чижевским [Чижев, 2007, с. 108-113].

Предки современных гагаузов появились на территории современной Украины позже, чем в Молдове. Их поселения, сохранившиеся до наших дней, были образованы в 10–20-х гг. XIX в. Первая перепись колонистов была осуществлена в 1818 г. [Дело о болгарях, л. 100-102]. Даты основания некоторых сёл, возникших в Буджаке до этого года, приводятся в «Статистическом описании Бессарабии», составленном в 1820-х гг. [Статистическое..., 1899], а также в работах А. А. Скальковского [Скальковский, 1847; Скальковский, 1848]. Вслед за Л. С. Бергом, более вероятными нам представляются датировки первой из названных работ [Берг, 1923, с. 33], вместе с тем, следует иметь в виду, что все эти даты не имеют документального подтверждения.

Первыми сёлами с гагаузским этническим компонентом, основанными в современной Одесской области, стали: Кубей [1809 г. – Скальковский, 1848; 1812 г. – Скальковский, 1847, л. 37], Каракурт [1811 г. – Скальковский, 1847, с. 38], Курчи [1811 г. – Скальковский, 1847, л. 38; Скальковский, 1848], Болбока [1814 г. – Скальковский, 1847, л. 39; 1815 г. – Статистическое..., 1899, с. 470], Еникиой [до 1818 г. – Дело о болгарях, л. 100 об.] и Трояны (Старые Трояны) [до 1818 г. – Дело о болгарях, л. 101 об.].

Большой процент гагаузов, судя по более поздним сведениям, имелся и в с. Табаки, основанном не позднее 1818 г., и в возникшем на его основе в 1821 г. Болграде. Определить численность гагаузов в этих поселениях не представляется возможным, в связи со сложными и неоднократными вселениями и выселениями в течение XIX в. Г. П. Чижев предполагает, что в первой половине XIX в. гагаузы составляли 1/3 от населения Болграда [Чижев, 2007, с. 109]. Во всяком случае, их доля, по нашему мнению, здесь составляла не менее 20%.

Если допустить, что процент гагаузов в этнически смешанных сёлах со времени переселения до 1907 г. существенно не менялся, в 1818 г. (когда была осуществлена первая перепись задунайских колонистов в Российской империи) на территории современной Украины проживало около 1530 гагаузов без с. Табаки, и приблизительно 1670–1770 – включая Табаки. При этом, в отличие от гагаузов современной Молдовы, среди них практически не было «старых» переселенцев, живших на молдавских владельческих землях с 1770-х гг. Подавляющее их большинство поселилось на современных местах обитания в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Старые переселенцы (47 семей), наряду с новыми (60 семей), имелись только в Еникиое [Дело о болгарях, л. 100 об.]. Вероятно, одна из данных групп в указанном биэтническом селе относилась к болгарам, другая – к гагаузам. Учитывая позднейшее

Гагаузки в традиционной одежде,
с. Александровка, Болградский р-н (1940-е гг.).
Все фото из архива А. В. Шабашова.

количественное соотношение между этими народами в селе (приблизительно 40% гагаузов и 60% болгар), можно предположить, что только здесь гагаузы были представлены «старыми» переселенцами.

В 1821–1822 гг. было основано ещё два гагаузских села в Украине: Дмитровка и Александровка (Саталык-Хаджи). Первое из них основали гагаузы, проживавшие до этого на владельческих землях [Статистическое..., 1899,

Казахстанский гагауз (сидит) в гостях у родственников
в Украине, с. Александровка, Болградский р-н (1960-е гг.).

Пожилая гагаузка с внуками (1960-е гг.),
с. Александровка, Болградский р-н.

Эпизод свадьбы,
с. Дмитровка, Болградский р-н
(2000 г.).

Эпизод свадьбы
(одаривание приглашенных),
с. Дмитровка, Болградский р-н
(2000 г.).

Эпизод свадьбы (вывод невесты
из родительского дома),
с. Александровка,
Болградский р-н (2006 г.).

с. 451], второе – переселенцы 1806–1812 гг. Саталык-Хаджи было основано до (или в) 1818 г. [Дело о болгарях, л. 100], но не на современном месте – а в лошине Копчак, южнее современного гагаузского села Копчак (Татар-Копчак) в Молдове [Статистическое..., 1899, с. 417, 458-459], и лишь в 1821 г. они перешли на современное место.

В 1827 г. численность гагаузов на территории современной Украины составила около 2690 чел. без населённых пунктов Болград и Табаки и от 3-х до 3,5 тыс. чел. – с этими поселениями. В 1847 г. – соответственно, 4401 и 5 500–6 000 чел.

В 1856 г. часть Южной Бессарабии переходит под юрисдикцию Молдавского княжества. В состав Молдавии попадают, в частности, гагаузские села Болбока, Курчи, Старые Трояны, Еникиой, а также Табаки и Болград со значительной долей гагаузского населения. Это вызывает переселение части гагаузов и болгар с молдавской территории на российскую сторону. В 1862 г. они были поселены в Северном Приазовье.

Происходит и перераспределение населения в существующих колониях. Возникает три новых сёл: Кайраклия (в современной Молдове), Кальчево и Болгария. Во всех этих сёлах имелись и представители гагаузского этноса.

Среди переселенцев в Приазовье были гагаузы из Дмитровки, Александровки, Вулканешт, создавшие в современной Запорожской области самостоятельные поселения, а также из таких населённых пунктов, как Кубей, Табаки и Болград. Однако гагаузы Приазовья в XX в. не обладали самостоятельным этническим самосознанием и проходили по переписям населения под именем болгар.

С 1860-х гг. гагаузы, помимо первичных сёл своего расселения, появляются в преимущественно болгарских поселениях Ташбунар (совр. Каменка), Голица и Дермендере (совр. Каланчак).

В 1907 г. в сельских поселениях на территории современной Украины проживало 17 356 гагаузов, в то время как общее число представителей этого народа в Бессарабской губернии насчитывало 76 266 чел. [Берг, 1923, с. 33-35].

Таким образом, XIX в. был весьма благоприятным для этнодемографического развития гагаузов на территории современной Украины. Он определялся, прежде всего, высоким ростом численности этой этнической группы, благодаря высокой рождаемости. За менее чем 100 лет за счёт естественного прироста численность гагаузов увеличилась почти в шесть раз. За последние 100 лет она выросла только вдвое. Это произошло вследствие ряда причин: снижение рождаемости, особенно с конца XX в.; ассимиляция части гагаузов в болгаро-гагаузских селах, таких как Кубей, Голица, Кальчево, Болгария, Дермендере, Ташбунар, Табаки и др. (в меньшей степени имел место и обратный процесс – ассимиляция гагаузами болгар в с. Курчи, молдаван в с. Дмитровка), в основном, в первой половине XX в.; катастрофические последствия голода 1947–1948 гг.; участие в войнах (первоначально колонисты были освобождены от воинской повинности) Российской империи и СССР; переселения в Центральную Азию и Сибирь, а оттуда – на Северный Кавказ (добровольные – по Столыпинской реформе, принудительные – в

1940-х гг.), в Латинскую Америку, на территории современных Румынии и Турции (плохо документированные), а в последние десятилетия – в города Украины, ближнего и дальнего зарубежья. Всё это вело, как правило, к утрате гагаузской идентичности.

ГАГАУЗЫ В ГРЕЦИИ*

Гагаузы Греции – это одна из самых малоисследованных групп гагаузов Балканского полуострова.

Первые сведения о гагаузах Греции, а точнее – об их предках «сургучах» (гагаузах, проживающих в окрестностях г. Адрианополя) – в конце XIX в. даёт Константин Иречек в статье «Няколко бележки върху остатъците от Печенежи, Кумани, както и върху тѣй наречените народи Гагаузи и Сургучи във днешна България». Он писал^{**}: «Уголок сургучей я знаю понаслышке. Их становище – 5–6 сёл в Одринском округе и несколько поселений в Хафсе и Баба-Ескиси, на пути из Одрина в Царьград. В Кызыл-Агаче в Восточной Румынии в низовье Тундженской долины я слышал, что их называют также Зелевци. Они, должно быть, абсолютно похожи на гагаузов; они – православные христиане, говорят по-турецки и в большинстве своём – винодельи» (Иречек, 1889).

В 1903 г. русский этнограф В. А. Мошков совершил путешествие на Балканский полуостров, в ходе которого побывал у сургучей (гагаузов) Адрианопольского вилайета. Ему удалось посетить лишь одно из гагаузских сёл под названием Кара-Касым, хотя исследователь упоминает о семнадцати «сургутских сёлах». По его подсчётам, сургучей-гагаузов в казах (волостях) Адрианополя, Демоника, Узун-Кёпрю, Баба-Эски и Лозенграда проживало 7 330 «душ обоого пола». Гагаузов-сургучей В. А. Мошков смог посетить только на короткий срок, хотя за один день пребывания в с. Кара-Касым он смог собрать «довольно порядочно материала и составил этнографическую карту ближайших окрестностей Адрианополя» (Эдирне). В этой местности гагаузы-сургучи жили в сёлах Азатлы, Кара-Касым, Олпаша, Шараплар, Аслаан, Кулели, Имам Пазар, Османлий, Карасыклий, Татаркойой. Гагаузы жили также в городе Хавса и недалеко от города Димотика в с. Инджекойой. В. А. Мошков отметил, что сургучей в Адрианополе «называют не только этим именем, но ещё и гагаузами». Относительно языка гагаузов-сургучей Мошков пишет, что он «чрезвычайно близок к наречию болгарских гагаузов» [Цит по: Градешлиев, 1998, с. 434]. Оставаясь верным себе, Мошков указывает на диалектные отличия языка сургучей. В частности, интересно, что гагаузы-сургучи, отвечая на вопрос утвердительно там, где болгарские гагаузы говорят на болгарском «да», а османы – «эввет», сургучи

* Впервые опубликовано в сборнике: Курсом развивающейся Молдовы. Т. 9. История в культуре и культура в истории. Под общей редакцией М. Н. Губогло, М., 2010. С. 152-158.

** Перевод автора – С. Булгара.

говорят, как немцы, «*йа*» или «*йо*». У гагаузов-сургучей Мошков нашёл сохранившийся культ камня. Он отметил, что гагаузы-сургучи, живущие в сёлах вокруг г. Адрианополя (Эдирне), ставят на могилу камни, на которых рисуют человеческие фигуры и знаки профессии погребённого. Если «земледелец, то рисуется плуг, запряжённый волами, если скотовод, то человек, гонящий баранов, если женщина, то веретено» [Мошков, 2004, с. 435]. К сожалению, этнография гагаузов Греции почти не изучена, тогда как они сохранили очень много интересного фольклора, песен, танцев [Bulgar, 2001, s. 2.].

Что касается термина *сургуч*, то современным гагаузам Греции, потомкам выходцев из сёл Кара-Касым, Шараплы, Олпаша и др., он неизвестен. Почему-то не ведали о нём и старые люди, с родителями которых встречался В. А. Мошков в 1903 г. Современные гагаузы Греции знают только этноним *гагауз*. Объяснение этому феномену можно найти в средневековых османских документах, где упоминается такая категория населения, как «*сюргюн*» (то есть переселенец, сосланный). Это подтверждается другими фактами. Во время русско-турецкой войны 1829–1830 гг. многие жители черноморского побережья Болгарии были переселены властями в другие регионы империи. Некоторая часть гагаузов обосновалась во Фракии. По свидетельствам старожила г. Орестиада Антониоса Каитоса, село Шараплар, откуда родом его родители, было основано в 1830 г. Таким образом, понятие «*сургуч*» («*сюргюн*», «*сюргюнч*») является социальным, а не этническим. Во времена В. А. Мошкова это социальное понятие ещё бытовало, но со временем утратилось, а этническое – «*гагауз*» – сохранилось [Османская империя..., 1990, с. 152].

Болгарский исследователь К. Младенов в 1938 г. изучал переселенцев из Турции из села Азатлы, Татаркиой, Олпаша, которые поселились в Болгарии. Именно из этих сёл часть гагаузов переселилась в Грецию. К. Младенов интересовал также вопрос, кем себя считают переселенцы из этих сёл в этническом плане. Переселенцы считали себя гагаузами. Никто из них не назвал себя сургучом [Младенов, 1938, с. 55].

Некоторое количество гагаузов из вышеуказанных населённых пунктов, например, Азатлы, Татаркиой, Инджекиой, Лозенград, в 1923 г. переселились в Болгарию, где они поселились в различных сёлах и городах. Переселенцы из сёл Азатлы, Олпаша обосновались в Елховской околии, в сёлах Голям Манастир (40 семей), Каменна река (6 семей), Синапово (5 семей), Кирилово (50 семей), городе Ямбол (100 семей). В Ямбольской околии и Крумово (5 семей), переселенцы из села Татаркиой осели в Меден Кладенец (15 семей), Ботево (10 семей), Межда (10 семей), Генерал Тошево (15 семей), несколько семей из с. Инджекиой и Лозенграда поселились в городе Хасково, и ещё ряд семей разошлись по городам Нова Загора, Стара Загора и Бургас [Младенов, 1938, с. 54].

Приведём в качестве примера основные фамилии и имена гагаузов из села Азатлы: Шополар, Джалезкоолар Танаш, Мирлиоулу Тодор, Караиованолу Миту, Карыйоланолу Добри, Караколю; из села Олпаша: Карагенчоолар, Ютебири Иван, Камбуролу Йорги, Дедеоулу Костанди, Чулиувек Желю, Бекяр Ристу, Камбос Анасташ, Питоулу Димиш, Ангел Паскалоулу, Тонулу Анас-

таш, Стянуоулу Димиш, Кукаулу Танаш, Баджук Димитро, Чапкынолу Димит [Младенов, 1938, с. 60].

В Восточной Фракии гагаузы жили до 1923 г. в 26 сёлах, к востоку от реки Эврос (Марица, Мерич) и к северу от реки Эргинис (Эргене), между городами Адрианополис (Эдирне), Саранда Эклисьес (Кыркларели), Артискос (Бабаэски) и Макра Гефира (Узункёпру).

До 1923 г. гагаузы, проживавшие в окрестностях города Адрианополя (Эдирне), а также близ города Лозенграда (Кыркларали), в период Первой балканской войны в 1911 г. и Второй балканской войны в 1913 г., во время Первой мировой войны 1914 г. и войны Турции с Грецией в 1919–1922 гг. пережили много лишений и страданий. Все гагаузские сёла неоднократно оказывались в зоне боевых действий, в результате чего жители покидали свои жилища, а их имущество было разорено и уничтожено.

В 1922 г., в соответствии с Лозаннским соглашением, гагаузы, проживавшие в Турции вместе с греческим населением, переселились в Грецию, а турецкое население из Греции – в Турцию. Переселение осуществлялось в сложных политических условиях.

Гагаузские переселенцы обосновывались, главным образом, в двух районах Греции, находящихся на значительном удалении друг от друга. Большая часть гагаузов, переселившихся из Турции, поселилась в греческой Фракии. Здесь были основаны города Неа Орестиада, Тригоно, Кипринос и сёла Ано Сагини, Като Сагини, Ано Инои, Като Инои, Лепти, Фурио, Аммовуно, Керамос, Спилео, Дилофо, Филакио, Евгенико, Амфия, Неа Каллисти, Асомати, Состис, Газарос, Месорахи, Митруси, Калохори, Периволаки, Лангадас.

Одним из 26 сёл гагаузов в Восточной Фракии было и Шараплар, называемое также Шербеттар, или Краснохори. С обменом населения прибывшие в 1923 г. в Грецию беженцы-гагаузы из села Шараплар поселились на окраине города Неа Орестиада, основав село Инои. Вскоре село разделилось на два поселения – на Като (нижний) Инои и Ано (верхний) Инои, которые в настоящее время составляют 2 из 7 прилегающих пригородов города Неа Орестиада. Название Инои является греческой калькой названий Шараплар и Краснохори старого села этих гагаузов-беженцев, которые означают «винное село».

Город Неа Орестиада также был создан в период 1923 г. гагаузами и другими беженцами из Восточной Фракии. Он расположен на северо-востоке области Эврос в Западной Фракии, в долине одноимённой реки, недалеко от её русла и является экономическим и административным центром одной из крупнейших равнин Греции. Это растущий город, численность населения которого (включая 7 пригородов) составляет около 20 тысяч человек, большая часть которых – гагаузы.

Вторая группа гагаузов – это, в основном, переселенцы из села Кара Халил (в окрестностях Лозенграда), которые основали новое село Хрисохорафа в греческой Македонии [Χρῖσοχώραφα Σερρών, 2002, с. 173-175].

Третья группа гагаузов проживает в Греции в городе Неа Зихни, но гагаузы там не являются переселенцами. Они – коренные жители этого города. Необходимо пояснить, что в десяти километрах от Неа Зихни находится

старинная крепость Зихна и развалины с. Зихна. В исторических источниках крепость Зихна упоминается с XIII в. В легендах и преданиях зихненских гагаузов рассказывается о том, что их предки жили рядом с крепостью и пережили времена османского нашествия и захват самой крепости. Гагаузы, проживающие в городе Неа Зихни, считают себя «*хасыл гагаузами*» (букв. «настоящие гагаузы») [Πραξιουτης Δασκαλος, 1998, с. 165-167].

Гагаузы также проживают (но в меньшинстве) в городах Ираклия и Салоники, а также в сёлах Канадас, Пиргос, Клисо, Залтос, Агиос Христофорос.

Признанным центром культуры гагаузов Греции является город Орестиада, где проживают около 20 тысяч жителей, большинство которых – гагаузы. В этом городе создано культурное общество «Гагаузос», руководит которым Янис Пападопулос (Попазоглу). Именно это общество установило связь с гагаузами Республики Молдова и в 1996 г. пригласило делегацию гагаузов из РМ, а также коллектив «Kadınca» для участия в фольклорном фестивале в Греции. После установления контактов делегация греческих гагаузов побывала с визитом в Молдове. Более чем за десять лет связи гагаузов Греции и Молдовы окрепли. Различные делегации, студенческие группы, фольклорные коллективы побывали у гагаузов Греции. В 2007 г. в г. Орестиада прошёл фестиваль фольклорных коллективов гагаузов Греции, куда была приглашена и делегация из Гагаузской автономии Республики Молдова.

В 1991 г. гагаузы поселения Ано Инои создали фольклорное и культурное общество «Красохори», которое назвали так в честь своего старого села в Восточной Фракии. Деятельность общества многогранна и касается, главным образом, защиты и распространения богатого культурного наследия жителей Ано Инои путём продвижения обычаев и музыкально-танцевальных традиций гагаузов. В обществе действуют танцевальные группы для детей и взрослых, которые участвуют в различных фестивалях народных танцев. При исполнении народных танцев и песен гагаузы Ано Инои одеты в гагаузские народные костюмы, бытовавшие в прошлом в этом регионе.

Общество постановило ежегодно, по случаю престольного праздника часовни Святого Фанурия в Ано Инои, 27 августа организовывать культурные мероприятия, посвящённые селу Шараплар (Красохори), незабываемой родине гагаузов в Восточной Фракии. Культурные мероприятия также организуются и во время престольного праздника центрального храма Ано Инои, который посвящён Святому Великому мученику Димитрию.

Одной из целей общества является усиление деятельности жителей Ано Инои, направленной на охрану окружающей природной среды, культуру и благоденствие, а также на сбор и продвижение их богатого фольклора. Исходя из этого, оно призывает всех, кто придерживается той же идеи, поддержать эти усилия для обеспечения лучшего и более качественного будущего для новых поколений.

Необходимо отметить, что большое влияние на рост национального самосознания гагаузов Греции оказали прошедшие в Комрате два Всемирных конгресса гагаузов (2006, 2009 гг.). На I Всемирном конгрессе гагаузов Георгиос Гонас (Греция) выступил на гагаузском языке. Он сказал: «Мы

Фольклорный фестиваль гагаузов Греции. г. Неа Орестиада (2008 г.).

Гагаузы Греции. г. Неа Орестиада (2008 г.). Все фото из архива С. С. Булгара.

Встреча гагаузов Молдовы с монахом, отцом Арсением (Саранди), уроженцем с. Авдарма (в центре). Монастырь Св. Пантелеймона, Афон, Греция (2008 г.).

приехали на Всемирный конгресс гагаузов с большим желанием и интересом. Уже несколько лет мы поддерживаем связи с гагаузами Молдовы. Наше село называется Хрисохорафа, оно расположено в греческой Македонии. К нам приезжали несколько делегаций из Гагаузии. Наконец-то мы здесь, на конгрессе. Очень нам понравилось, как организован конгресс. Города и сёла красивые и аккуратные. Желаем всего самого наилучшего гагаузам и народам Молдовы» [Первый Всемирный конгресс гагаузов, 2006, с. 58].

В настоящее время одним из очагов гагаузской культуры в Греции является с. Хрисохорафа, основанное гагаузами – переселенцами из с. Кара Халиль в 1922 г. По рассказам старожил, в с. Кара Халиль жили зажиточные крестьяне, имевшие достаточно земли, занимавшиеся также разведением крупного рогатого скота. Как память о былых традициях, в селе Хрисохорафа сохранилось единственное в Греции поголовье буйволов. По легенде, переселенцы искали место для поселения у реки или озера. Так было выбрано место у озера. Владелец фермы по разведению буйволов, Георгиос Гонас, – один из знатоков гагаузской культуры.

В 50-е гг. XX в. сотни жителей села Хрисохорафа эмигрировали в США. Большинство из иммигрантов обосновалось в пригороде Бостона, став процветающими предпринимателями. Тем не менее, они сохраняют связь со своим селом.

В селе Хрисохорафа создан фольклорный коллектив, хорошо известный в регионе. Коллектив восстановил и исполняет старинные танцы «Талим хавасы», «Калинон», «Пирпириконта», «Трит пит хавасы», «Нтохили», «Кавал», «Атбик хавасы», «Нтеми хавасы», «Топал хавасы», «Рава хавасы», «Пипери», «Тавшан хавасы» [Χρηστος, 2009, с. 263-279].

Необходимо отметить, что рост национального самосознания гагаузов Греции проявляется также в том, что из их числа появляются исследователи гагаузской истории, культуры, музыки. Примером тому является изданная в 2009 г. книга автора Христоса Казаридиса «Этногенез гагаузов».

ГАГАУЗЫ В БРАЗИЛИИ

(ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЭМИГРАЦИИ 1925–1930 гг. XX в.)

В 1925 г. гагаузы из Бессарабии вместе с болгарями, украинцами и русскими стали участниками миграции в Бразилию. Несмотря на то, что информация об эмиграции гагаузов и болгар из Бессарабии в Бразилию была известна, в 50–60-е гг. XX в. контакты с переселенцами практически были прерваны.

Начиная с 2006 г. автор данного параграфа вёл переписку по Интернету с гагаузами Бразилии. Первым, кто ответил на наши обращения, был юрист Емануил Карапунарлы из г. Уребаба. Его родители переселились в Бразилию из с. Баурчи. Следующим, кто нам написал, был молодой историк из Сан-Паулу Алан Николаев. Его прадеды переселились из с. Кириет-Лунга и с. Александровка.

В ходе переписки была установлена связь с потомками гагаузских эмигрантов, которые, в свою очередь, интересовались своими корнями, историей своих семей, сёлами, откуда переселились их деды и прадеды. В июне 2009 г. вместе с исследователем Иваном Кысса мы совершили поездку в Бразилию, где собрали ряд материалов и документов о бессарабских эмигрантах, а также сняли видеofilm о современных гагаузах, потомках эмигрантов.

С тех времён, как живёт на земле человек, существует и миграция населения. Миграция – это переселение народов или групп населения, это перемещения, связанные с войнами, стихийными бедствиями, этническими конфликтами и религиозными преследованиями, переезды людей в поисках работы. Миграция лиц разных национальностей – это и перенесение определённого языка, элементов национальной культуры и бытовых особенностей на другую этническую почву, в иную этнокультурную среду [Субботина, 2007, с. 91].

Традиции миграции гагаузов уходят своими корнями в далёкое прошлое. Можно перечислить лишь некоторые из них: переселение из Северо-Восточной Болгарии в 1768 г. (бывшей в то время частью Османской империи), переселение в Бессарабию в 1806–1812 гг. [Мещеряк, 1970, с. 3], 1828–1830 гг., 1853–1856 гг., из Бессарабии в Таврию в 1861 г., 1895 г. – из Бессарабии на Северный Кавказ, 1907–1914 гг. – переселение в Сибирь и Казахстан.

Гагаузы, как писал о них В. А. Мошков, – «это очень способный, энергичный и трудолюбивый народ, который легко, сам по себе, найдёт новый заработок даже и в том случае, если, вследствие естественного прироста населения, обеднеет в земельном отношении» [Мошков, 2004, с. 183-184].

В 1918–1940-е гг., когда территория юга Бессарабии оказалась в составе Румынии, традиция трудовой миграции у гагаузов проявилась с новой силой. В условиях низкого уровня развития производственных сил в крае, разрушения традиционных экономических и торговых связей с Россией, обезземеливания Бессарабия превратилась в рынок дешёвой рабочей силы. Обнищание сельского населения породило массовую эмиграцию в Бразилию, Уругвай, Аргентину.

По итогам Первой мировой войны 1914–1919 гг. Румыния присоединила к старому королевству Бессарабию, Трансильванию, Буковину. Но как показало время, огромные территории «оказались не по зубам» румынскому государству. Несмотря на принятие «Конституции объединения» в 1923 г., которая была призвана реорганизовать и укрепить государственную власть, социально-экономическое положение людей в провинциях оказалось очень тяжёлым и продолжало ухудшаться.

Достаточно сказать, что в Бессарабии действовали законы осадного положения. Все государственные чиновники, если они хотели остаться на своих рабочих местах, должны были принести присягу румынскому королю и в течение двух лет сдать экзамен на знание румынского языка. Что касается жизни простых людей, то слабая экономическая база румынского государства, низкие цены на сельскохозяйственную продукцию и многочисленные налоги разоряли крестьян. Если добавить к этому коррумпированную румын-

Дмитрий Дьяков. Бразилия,
г. Сан-Жозе-дус-Кампус.

Иммиграционный румынский паспорт.

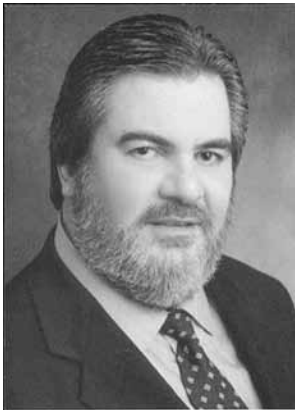
Жители колонии «Прата», 30-е гг. XX в.

Улица в г. Сан-Жозе-дус-Кампус носит имя Дмитрия Дьякова.
Все фото из архива С. С. Булгара, Бразилия, июнь 2009 г.

Семья Капаклы, 1925 г. Из фото в иммиграционном румынском паспорте.

Журналист Афанасио Язаджи.
Все фото из архива С. С. Булгара.

TODO DEPUTADO DEVERIA ORGULHAR-SE DO SEU MANDATO E MOSTRAR SEMPRE TUDO O QUE FAZ À OPINIÃO PÚBLICA.

Гагаузы Бразилии.

Гагаузы Бразилии в Музее иммиграции (г. Сан-Пауло, Бразилия).

скую бюрократию, которая наводнила Бессарабию, произвол жандармов, то становится ясно, что жизнь бессарабцев в составе «Великой Румынии» была просто невыносимой.

В период, когда происходила организованная эмиграция бессарабцев в Бразилию, у власти в Румынии находились ставленники различных партий. Королём Румынии в то время был Фердинанд I. Премьер-министрами Румынии были: Ион Брэтиану (4-й срок), 19.01.1922 г. – 30.03.1926 г., Национальная либеральная партия; Александру Авереску (3-й срок) с 30.03.1926 г. – 04.06.1927 г., Народная партия; Князь Барбу Штирбей, 4 июня – 21 июня 1927 г., беспартийный; Ион Брэтиану (5-й срок), 21 июня – 24 ноября 1927 г., Национальная либеральная партия; Винтилэ Брэтиану, 24 ноября 1927 г. – 11 ноября 1928 г., Национальная либеральная партия; Юлиу Маниу (1-й срок), 11 ноября 1928 г. – 8 июня 1930 г., Национал-цэрэнистская партия; Георге Г. Миронеску (1-й срок), 8 июня – 13 июня 1930 г., Национал-цэрэнистская партия [Поп, Болован, 2005, с. 560].

Несмотря на демократическую конституцию 1923 г. и проевропейские, демократические заявления румынского правительства, во внутренней политике Румыния начала проводить политику вытеснения национальных меньшинств. Одной из возможностей избавления от украинцев, болгар, гагаузов явилась эмиграция в Бразилию.

У каждого потомка эмигрантов в Бразилии в доме хранится папка с документами, начиная с румынского иммиграционного паспорта. По сохранившимся документам можно установить, в каких условиях происходило оформление документов желающим эмигрировать. Заинтересованной стороной в этой эмиграции была Бразилия, которая и оплачивала все расходы. В соответствии с договором, жители Бессарабии, пожелавшие эмигрировать, должны были записаться в списки эмигрантов. После этого кандидатам на эмиграцию необходимо было пройти медосмотр в уездных городах Тигина, Аккерман, Кагул и т. д. Некоторые семьи проходили медицинский осмотр в Бухаресте, там же получая паспорта и оформляя документы на транспортный проезд. Получив справку, подтверждающую состояние здоровья, семья кандидата должна была сфотографироваться. После короткого собеседования в уездном комиссариате полиции семья получала иммиграционный паспорт (*paşaport de emigrare*), куда приклеивались общая фотография семьи. Необходимо отметить, что румынские власти в паспортах эмигрантов отмечали, что они «граждане Румынии» и по национальности «румыны». Здесь скрывалась хитрость румынских властей: уезжали как раз не румыны, поскольку эмигрировать румынам из Бессарабии не позволялось. Уезжали именно национальные меньшинства – болгары, гагаузы, украинцы, русские. С главой семьи эмигрантов румынское правительство заключало договор о транспортировке (*contract de transport*), на основании которого они получали билет на поезд до порта отправки: Гамбург (Германия), Амстердам (Голландия), Триест (Италия) и др. Здесь они садились на океанский лайнер – на места самой низкой категории, располагавшиеся в трюме корабля. Как рассказывал нам Теодосио Калпакчи (в то время ему было пять лет),

женщины и дети располагались в одном помещении, а мужчины – в другом. «Каждое утро, – рассказывал Калпакчи, – я шёл в пекарню на корабле, и мне давали буханку хлеба. С этим хлебом я бежал в помещение, где находились женщины и моя мама. Там в это время раздавали молоко. Я хорошенько завтракал, лез на верхнюю палубу и разглядывал пассажиров, в основном женщин, которых укачало и которых вырывало в море всем, что они съели». Путешествие на корабле из Европы до берегов Латинской Америки длилось около месяца (АА).

В соглашении оговаривалось, что принимающая сторона берёт на себя расходы, связанные с переездом: оформляет эмиграционные паспорта, покупает билет на пароход, обеспечивает едой во время пути. За это переселенцы должны были трудиться на своих хозяев три года. Почуввав запах наживы, в сёла ринулись ушлые коммерсанты. Они ходили по домам и расписывали райскую жизнь в Южной Америке. Тут же составляли списки желающих получить заветный билет.

Приведём данные о пассажирах корабля «Belvedere», рейса Триест–Рио-де-Жанейро–Сан-Паулу:

1. Яланжи Димитри (34 года) глава семьи, Баурчи; его жена Елена (34 года), их дети: Теодора, Василиса (7 лет), Елена (5 лет), Михаил (1 год).
2. Гайдаржи Георге (46 лет), глава семьи, Баурчи; его жена Теодора (33 года), их дети: Анастасия (16 лет), Илие (14 лет), Елена (12 лет).
3. Филчев Димитри (38 лет), глава семьи, Баурчи; его жена Софья (32 года), их дети: Иоан (12 лет), Димитри (6 лет).
4. Кадан Иоанн (62 года), глава семьи, Баурчи; его жена Теодора (63 года), сын Константин (25 лет), жена сына Катерина (24 года), дочь Елена (20 лет), сын Димитру (5 лет), Харитон (5 лет), внучка Анна (5 лет).
5. Гайдаржи Николай (43 года), глава семьи, Баурчи; его жена Параскива (41 год), их дети, Василие (18 лет), Анна (14 лет), Афанасие (11 лет), Стефанида (5 лет), Мария (3 года), Теодора (4 месяца).
6. Яланжи Иоанн (37 лет), глава семьи, Баурчи; его жена Мария (37 лет); их дети: Николае (12 лет), Иоанн (7 лет), Михаил (6 лет), Елена (4 года), Варвара (2 года).
7. Гайдаржи Василе (42 года), глава семьи, Баурчи; его жена Стефанида (41 год), их дети: Софья (16 лет), Стефанида (11 лет), Василе (8 лет), Теодор (4 года), Николае (2 года – умер 02.03.1926 г.).
8. Торлак Николае (37 лет), глава семьи, Баурчи; его жена Катерина (39 лет); их дети: Иоанн (7 лет), Теодор (5 лет), Елена (3 года), Евдокия (1 год), Димитри (1 год – умер 26.02.1926 г.).
9. Михайлович Тимофей (27 лет) глава семьи, Конгаз; его жена Анна (23 года); их дети: сын (5 лет), Андрей (3 года – умер 21.02.1926 г.), Мария (1 год – умерла 01.03.1926 г.), Владимир (4 месяца – умер 28.02.1926 г.).
10. Терзинов Андрей (37 лет), глава семьи, Казаклия; его жена Анна (36 лет), сын (4 года).

11. Тиагор Георге (28 лет), глава семьи, Казаклия; его жена Меланья (29 лет), сын (3 года).

Чтобы реализовать свою мечту о собственной земле, бессарабские эмигранты, не знающие ни слова по-португальски, отправлялись на дальние кофейные плантации, в лесные штаты, где, расчистив участок, начинали заниматься сельским хозяйством.

Бессарабцы вписали свою страницу в историю Бразилии, были среди тех, кто осваивал новые земли, внёс свой вклад и в становление государства в XX в. По приезде бессарабцев в Бразилию у них начались проблемы. Из порта Сантос бессарабцев доставили в Сан-Паулу и распределили по кофейным фазендам.

Однако надежды эмигрантов не оправдались. Исследователь истории эмиграции в Бразилию Константин Парчевский писал в 1937 г.: «Организаторы этого переселения не справились со своими задачами. Крестьян соблазнили землей, – наобещали им, по приводившемуся ранее договору, и дом, и первоначальный инвентарь, привезли за тридевять земель в первобытный тропический лес и бросили на произвол судьбы и бразильской компании, которая, как всякая подобная организация, похуже самой суровой судьбы. Результат: молодёжь уже разбежалась, кто куда». Большинство оставшихся пополнили ряды рабочих, но часть приезжих всё-таки смогла осесть на этой земле. Они основали ряд общин, имевших тесные связи с Варпой. Об их жизни сообщалось следующее: «Жители колоний занимаются главным образом земледелием, шелководством, которое распространено и даёт при удаче хороший заработок. Птицеводство и скотоводство дают свой доход. Продукты – яйца, куры, масло – продаются в Сан-Паулу, где хорошо оплачиваются». О том, что гагаузы и болгары разводили кур, держали коров, рассказывал нам Карлос Дьяков из города Сан-Жозе-дус-Кампус.

Надо отметить, что в Бразилии существовали крупные общины выходцев из Прибалтики. В 1910 г. недалеко от Сан-Паулу обосновалась община латышей-баптистов, которая называлась «Новая Одесса». На первых порах они оказали новым иммигрантам существенную помощь.

Особенно хорошо дело обстояло в общине «Варпа». Исследователь К. Парчевский писал: «Латышей, приехавших сюда и положивших основание колонии, насчитывается 2 тыс. человек. Колония занимает 2 тыс. акров земли. Колонисты живут по хуторам, разбросанным друг от друга на недалёком расстоянии. За 13 лет существования колония сильно окрепла, развилась. Труд победил, кажется, невозможное. Лес пал под ударами топора и сгорел в огне, давая место полям и пастбищам. Зазеленели поля, и на сочных пастбищах появился породистый скот. Вместо первоначальных глиняных (земляных) хат и пальмовых избушек теперь поднимаются одно за другим красивые деревянные и кирпичные здания». В центре «Варпы» построили общественный центр вместимостью до 1 000 человек, в котором проходили богослужения, имелась здесь и школа. Жители «Варпы» были баптистами, поэтому действовал строгий запрет на алкоголь.

Несмотря на многочисленные трудности, с которыми столкнулись бывшие бессарабцы в Бразилии, их община продолжала неуклонно расти. «Безработных среди этих эмигрантов, – сообщала «Русская газета», – не имеется, а если и бывает иногда, то это является результатом перемены места или профессии, ибо здесь сплошь и рядом приходится брать то, что идёт в руки... Многие из эмигрантов устроились очень хорошо» [Хисамутдинов, 2005, № 9].

Многие бессарабские эмигранты стали селиться в городах. Встретившийся с ними К. Парчевский писал: «Русские, и их довольно много, больше двух тысяч, живут в Сан-Паулу, промышленном центре Бразилии, главном городе штата. Это в трёх часах пути от порта Сантоса, в котором высаживаются с Флориды русские крестьяне, направляющиеся в Парану... К климату кое-как приспособились и, в общем, чувствуют себя неплохо, все уже освоились с португальским языком и свободно читают местные газеты, дети же, как водится, забывают родной, так как учатся в португальских школах».

Приведём список эмигрантов, обосновавшихся в Бразилии, – это жители колонии «Прата» в 1934 г.:

1. Тимофей Дьяков,
2. Жозе Микитчук,
3. Стефан Дьяков,
4. Василе Патичан,
5. Костадин Дулгер,
6. Жозе Муржи,
7. Стефан Лозов,
8. Деметре Дьяков,
9. Василе Муржи,
10. Афанасе Кара Танасов,
11. Мигель Калпакчи,
12. Андре Кара Танасов,
13. Теодоро Кара Танасов,
14. Жорже Греков,
15. Семён Микитчук,
16. Деметре Дьяков,
17. Теодор Железоголо,
18. Жозе Дьяков,
19. Жозе Калан,
20. Педро Лозов,
21. Виктор Кенфелдт,
22. Мойзес Ковалюк,
23. Базил Микитчук,

24. Кобалак,
25. Жорже Греков,
26. Мигель Греков.
27. Семья Георгия Арнаут.
28. Семья Михаила Калпакчи.
29. Семья Эммануила Камбура
30. Семья Владимира Костева. *Из с. Александровка, Аккерман, Бессарабия.*
31. Семья Делик.
32. Семья Карлоса Дьякова. *Из с. Кириет-Лунга, Тигина, Бессарабия.*
33. Семья Тимофея Дьякова. *Из с. Кириет-Лунга, Тигина, Бессарабия.*
34. Семья Харлампия Драганова. *Из с. Александровка, Аккерман, Бессарабия.*
35. Семья Иоана Гайдаржи. *Из с. Баурчи, Бессарабия.*
36. Семья Теодора Железоголо. *Из с. Кириет-Лунга, Тигина, Бессарабия.*
37. Семья Константина Киорогло. *Из с. Чадыр-Лунга, Бессарабия.*
38. Семья Георгия Манастырлы. *Из с. Чадыр-Лунга, Бессарабия.*
39. Семья Иоана Николаева. *Из с. Кириет-Лунга, Тигина, Бессарабия.*
40. Семья Афанасия Рагнева. *Из с. Александровка, Аккерман, Бессарабия.*
41. Семья Педро Рагнева. *Из с. Александровка, Аккерман, Бессарабия.*
42. Семья Николая Терзи. *Из с. Старые Трояны. Бессарабия.*

Гагаузы и болгары работали на кофейных фазендах, среди которых:

1. Фазенда Оме, Локализасао (пригород Сан-Паулу).
2. Фазенда Баррейро, Сан-Симан.
3. Фазенда Батон Катле, Оуринхос (Имедиакос, пригород Ларанжа-Доче).
4. Фазенда Бела Виста, Аваре.
5. Фазенда Конкордия, Аваре.
6. Фазенда Фигуера, Рибейран Прето.
7. Фазенда Гуатарара, Гуатарара.
8. Фазенда Этау Пиментел, Салто (Имедиагоес да Кидаде де Иту).
9. Фазенда Жатаи, Сан Симан (Луиз Антонио).
10. Фазенда Пагет, Жоан Рамалхо (Имедиакос да Кидаде де Куата).
11. Фазенда Перобас, Орланда (Морро Агудо).
12. Фазенда Палмерио, Региан Могиана.
13. Фазенда Пимента, Сан-Рокуе (Имедиакос).
14. Фазенда Прата, Бродовский.
15. Фазенда Руи Барбоса, Оуринхос (Имедиакос).

16. Фазенда Санта Клара, Бенто Куирино.
17. Фазенда Санта Лиина, Куата.
18. Фазенда Санта Олимпия, Прадополис.
19. Фазенда Сан Луиз (Маримбондо), Сан-Жоадум-да-Барра (Имедиакос).
20. Фазенда Сан Мартим
21. Фазенда Соуза Куэйрос, Лемме.
22. Фазенда Санта Нелена, Сан-Симао.
23. Фазенда Вила Витория, Салто-де-Иту (Серра-де-Ботукату).

Приведём также список гагаузов, находившихся в лагере на острове *Ubatuba* и умерших от разных болезней в 1926 г.:

1. Жеан Узуногло, Аккерман.
2. Василе Топало, Бендерский.
3. Жорже Арнаут, Аккерман.
4. Николас Кристиогло, Бендерский.
5. Матрона Керогло, Илха-дос-Поркос.
6. Василий Карапанарлы, Бендерский.
7. Георги Керогло, Бендерский
8. Матрона Керогло, Тигинский.
9. Жеан Узун, Бендерский.
10. Хелена Киарогло, Бендерский.
11. Сава Топал, Аккерман.
12. Константин Арнаут, Бендерский.
13. Теодор Киорогло, Илха-дос-Поркос.
14. Прасковья Капакла, Бендерский.
15. Мария Кара, Бендерский.
16. Давид Торлак, новорождённый.
17. Мария Генова, Аккерман.
18. Димитри Генов, Бендерский.
19. Доминика Курдогло, Аккерман.
20. Иван Яланжи, Илха-дос-Поркос.
21. Димитри Яланжи, Бендерский.
22. Мария Пеева, Кагульский.
23. Андрес Дрункогло, Аккерман.

Основная масса гагаузов обосновалась в г. Сан-Паулу и его пригородах. Сан-Паулу (порт. *São Paulo*) – столица одноимённого штата в Бразилии. Расположен на юго-востоке Бразилии, в долине реки Тъете, в 70 км от побережья

Атлантического океана. Площадь города составляет 1 523,0 кв. км, а население – 11 016 703 чел., что делает его наиболее населённым городом в Южном полушарии (с пригородами, насчитывающими около 19 млн. чел.) [Энциклопедический словарь «Латинская Америка», 1980, с. 424].

Кто побывал в современном Сан-Паулу, может легко себе представить, каким был город 80 лет назад. Центр Сан-Паулу и ряд его микрорайонов застроены высотными зданиями. В то же время, большие территории города – одноэтажные, двухэтажные дома в латиноамериканском стиле, с узкими дворами, небольшими комнатами. Кроме того, бросается в глаза масса трущоб: домишки из фанеры, кусков жести, приспособленных для укрепления маленького временного жилища. Районы города Сан-Паулу, где селились 80 лет назад гагаузы вместе с болгарскими, украинцами, русскими – это Вилла Зелина, Мока, Вилла Прудента.

Сегодня, когда проезжаешь по бывшим местам поселений эмигрантов, можно видеть следы былой бедности. Тем не менее, заметно улучшение материального положения небогатых слоёв населения города. Все улицы заасфальтированы, много новых домов, украшенных небольшими садами из тропических растений.

Руководитель общины болгар и гагаузов в Сан-Паулу, Софья Димова, пригласила нас к себе в гости, чтобы мы смогли познакомиться с её отцом – Жулио Ивановичем Димовым, 1912 года рождения. Этот единственный представитель бессарабских эмигрантов, родом он из села Валя-Пержей Чадыр-Лунгского района, доживший до наших дней, который прибыл в Бразилию из Бессарабии в сознательном возрасте. Во время эмиграции Димову было четырнадцать лет.

Ветеран бессарабской эмиграции встретил нас в хорошем расположении духа, он в здравом уме и памяти, хорошо помнит в деталях, как проходила эмиграция. Он рассказывал, что в один прекрасный день по селу стала распространяться информация, что каждый, кто пожелает, может уехать в Америку. Об этом говорили все, обсуждали тему эмиграции дома, на улице, в поле. Вскоре в помещении примэрии открылся пункт, где специальный представитель по вопросам эмиграции консультировал всех желающих. Желающим уехать в Бразилию начали выдавать иммиграционные паспорта и транспортные документы. По информации бразильского историка Жоржа Кочикова, установлено, что из села Валя-Пержей Чадыр-Лунгского района в Бразилию уехали сорок восемь семей.

27 февраля 1926 г. отец и сын Димовы выехали на поезде в Бухарест, где прошли медицинскую комиссию и получили справку, а затем через Венгрию и Германию прибыли в Голландию. В порту Амстердама они сели на корабль. Юному Димову запомнился зимний вечер и большое количество эмигрантов, садившихся на корабль.

Корабль пересёк Атлантический океан и через месяц прибыл в Рио-де-Жанейро. Здесь они неделю пробыли в иммиграционном центре, а оттуда отправились в Сан-Паулу. Через несколько дней они уже работали на кофейных плантациях. Так началась жизнь эмигрантов в Бразилии. Вначале они посе-

лились в колонии Параисо, затем – в колонии Новая Одесса; в 1937 г. переехали в Сан-Паулу. В 1936 г. Жулио Димов женился на Анне Стояновой, 1916 года рождения. У них родились трое дочерей: Мария (1937), Ольга (1941), Соня (1946).

Жулио Димов никогда не ходил в школу, португальский язык выучил, общаясь со сверстниками на улице. Но смекалки и деловитости ему было не занимать. Всю жизнь он много работал, занимался коммерцией, был владельцем нескольких магазинов. В 70-е гг. XX в. приезжал в Советский Союз, чтобы навестить родственников в с. Валя-Пержей. Советские власти пытались агитировать его, показывали поля колхоза, коровники, но удивить не смогли. Ветеран иммиграции восклицает: «Уже будет скоро сто лет, как мы уехали из Бессарабии, когда же наступят перемены там!» [АА].

В Сан-Паулу живет много людей по фамилии Болгар. Все они родственники. Основателем рода Болгар в Бразилии является Димитрий Болгар из Комрата, эмигрировавший в Бразилию в 1925 г. Состав его семьи зафиксирован в эмиграционном румынском паспорте № 2701 и транспортном контракте № 36 от 30.12.1925 г. Вот этот список: Димитрий Болгар (37 лет), его жена Агафья (34 года), дети – Константин (15 лет), Илие (13 лет), Петре (11 лет), Елена (9 лет), Митра (5 лет), Николае (4 года), Парасковья (2 года), Екатерина (1 год) [АА].

В аэропорту Сан-Паулу нас встретили Мойзес да Сильва Болгар и его сын Алексей. Они предложили нам остановиться у них дома, и мы смогли поближе познакомиться с их семьей. Алексею Болгару восемнадцать лет. Он очень интересуется своей родословной. Мечтает приехать в Молдову, поступить учиться в Комратский государственный университет. Он попросил нас обратиться к просьбой руководству Гагаузии и ректору Комратского госуниверситета за содействием в осуществлении намеченного им плана. Серьезность намерений молодого человека видна в том, что он самостоятельно изучает румынский и гагаузский языки. У Алексея есть две сестры – Милена и Мартина, школьницы. Самая младшая в семье, Мартина, передала привет на гагаузском языке гагаузам Молдовы.

За время пребывания в Сан-Паулу мы познакомились со многими представителями рода Болгар. Один из них – Владимир Булгаро – является владельцем фирмы по добыче и обработке морепродуктов, которые поставляются в торговые точки и рестораны по всей Бразилии. Мы побывали в его офисе. Система управления фирмой осуществляется на основе Интернета. В кабинете по мониторам директор фирмы наблюдает, как в цеху, который расположен за две тысячи километров от Сан-Паулу, идет разделка рыбы в цеху. Владимир Булгаро – молодой человек, очень активный и деятельный. Информацию о Молдове, Гагаузии, в Комрате, о своей родословной он выслушал внимательно, но особого впечатления наш рассказ на него не произвел.

Одна из самых трогательных историй, которая происходила во время нашего пребывания в Бразилии, связана с восстановлением родственных связей Ивана Степановича Кысса с бразильскими родственниками. Его родители, родня из сёл Александровка, Димитровка, Красное всегда рассказывали,

что их родственник, Теодор Параскива с семьей в 1925 г. уехал в Бразилию. В 40-е гг. XX в. из Бразилии приходили письма, но потом связь прервалась. В 1990 г. Николай Параскива отправил своим родственникам в Александровку несколько писем на гагаузском языке, в которых были и фотографии его семьи, проживающей в Сан-Паулу. Иван Степанович нашёл эти письма и фотографии [АА].

Накануне нашего прилёта в Бразилию молодой историк из Сан-Паулу, Алан Николаев, смог найти Нейфу Параскива-Брындау, двоюродную сестру Ивана Степановича Кысса. Она встретила нас вместе с семьей Болгар в аэропорту Сан-Паулу. Нейфа работает администратором по социальным проектам в государственных структурах, а её муж – врачом.

На следующий день после приезда в Сан-Паулу мы побывали в гостях у семьи Параскива-Брындау. Родственники Ивана Степановича живут в фешенебельном высотном доме. С балкона их дома открывается панорама центра города. Дом построен по проекту, который обеспечивает повышенную безопасность его жильцов и напоминает средневековый королевский дворец. В подземном гараже отдельный лифт, поднимающий вас прямо в квартиру. Везде охрана, которая наблюдает за происходящим вокруг дома.

Специально для гостей был приготовлен ужин. Этот вечер был посвящён воспоминаниям об основателе рода Параскива, эмигрировавшем из Бессарабии, из села Александровка, в Бразилию в 1925 г. Мы просматривали альбомы с фотографиями, папку с многочисленными документами, по которым можно было проследить историю эмигрантской семьи, начинавшей жизнь с одного чемодана багажа и сумевшей достичь высокого материального благосостояния.

В тот вечер мы узнали много подробностей из жизни семьи Параскива в Бразилии. Дедушка Нейфы, Николай Параскива, после нескольких лет работы на кофейных плантациях, перевёз семью в Сан-Паулу. Здесь он окончил курсы водителей городского трамвая и с того времени до выхода на пенсию возил пассажиров по улицам Сан-Паулу. Построил дом. Когда его сын женился, для молодой семьи был выстроен отдельный дом.

Дочь семьи Параскива-Брындау, Нина (школьница), показала нам свой реферат, где она исследовала историю своей семьи. Об этом она рассказывала со знанием дела и с большим уважением к своим дедушкам и бабушкам, которых они называют «дядю» и «бабу». А то, что вообще не забывается, так это названия блюд, которые готовила баба Зина, и некоторых продуктов – «манжа», «борщ», «мамалига», «селёдка» и др.

Одна из улиц в городе Сан-Жозе-дус-Кампус названа в честь одной из самых ярких личностей в истории гагаузской эмиграции в Бразилии – Дмитрия Дьякова, 1900 года рождения.

Судьба этого человека неординарна. Он родился в царской России, хорошо знал русский язык, имел начальное образование. Уже в румынский период, с 1918 г., он усвоил румынский язык. По легенде, которую нам рассказали его дети, в 18 лет он прочитал Библию и проникся идеями баптизма. Совсем ещё молодым человеком объединил вокруг себя около пятнадцати-

двадцати семей в Кириет-Лунге и стал проповедовать баптистское учение в селе. Когда в 1925 г. стало известно, что румынское правительство открывает возможности для беспрепятственной эмиграции в Америку, Дмитрия Дьякова вдохновила эта идея, и он убедил своих сторонников эмигрировать в Америку. Тогда он толком не понимал, в какую страну американского континента они едут. Никаких географических и исторических понятий у этих людей не было. Они просто последовали за своим пастырем.

Организацией переселения занимался сам Д. Дьяков: собирал необходимые документы, хлопотал об эмиграционных паспортах. Наконец, когда всё было готово, группа в количестве двадцати семей во главе с Д. Дьяковым двинулась в путь в далёкую Америку [Сосісов, 2007, р. 335].

В 1929 г. в восьмидесяти километрах от города Сан-Паулу образовалась сельскохозяйственная колония под названием «Прата», население которой составляли, в большинстве своём, гагаузы. Это были последователи Дмитрия Дьякова, который стал лидером этой баптистской общины. Колония «Прата» была основана после того, как гагаузы проработали несколько лет на кофейных плантациях и смогли заработать деньги, которые потратили на покупку земли.

Вот список жителей колонии «Прата» в 1934 г.: Тимофей Дьяков, Жозе Микитчук, Стефан Дьяков, Василе Патичан, Костадин Дулгер, Жозе Муржи, Стефан Лозов, Деметре Дьяков, Василе Муржи, Афанасе Кара Танасов, Мигель Калпакчи, Андре Кара Танасов, Теодоро Кара Танасов, Жорже Греков, Семён Микитчук, Деметре Дьяков, Теодор Железогло, Жозе Дьяков, Жозе Калан, Педро Лозов, Виктор Кенфелдт, Мойзес Ковалюк, Базил Микитчук, Кобалак, Жорже Греков и Мигель Греков [Сосісов, 2007, р. 130].

В том, что колонисты «Праты» смогли укрепить своё экономическое положение, большую роль сыграла латышская община баптистов «Варпа». Солидарность с братьями по вере выразилась в помощи стройматериалами при обустройстве колонии, и в 1934 г. помогли построить баптистский молитвенный дом. Жители колонии «Прата» занимались выращиванием хлопка, затем очень выгодным занятием стало разведение шелкопряда. В 1938 г. сельскохозяйственная колония «Прата» стала распадаться, причиной послужило уменьшение заработков от занятия сельским хозяйством. Это было связано с общей ситуацией в сельском хозяйстве Бразилии. Другой причиной распада колонии стали особенности почвы (в основном, песчаные), из-за чего грузовой транспорт не мог подъезжать к колонии для вывоза готовой продукции. Постепенно жители «Праты» стали один за другим продавать свои земли и уезжать в Сан-Паулу, где можно было найти работу в области строительства. Там заработки были более стабильными и лучше, чем при занятии сельским хозяйством.

Таким образом, в 40-е гг. XX в. гагаузская колония «Прата» прекратила своё существование. Сам Дмитрий Дьяков переехал в город Сан-Жозе-дус-

Кампус, где и обосновался. Но его активная натура проявилась и здесь. Через несколько лет он на накопленные деньги купил участок земли недалеко от города, где построил несколько домов, развёл хозяйство. Город Сан-Жозе-дус-Кампус разросся, и сегодня эта территория находится в одном из фешенебельных районов города. Там расположен магазин и ресторан, принадлежащие детям Дмитрия Дьякова. Это красивый современный город. На автовокзале нас встретила г-жа Дерлен Калпакчи. На своей машине она возила нас по городу и знакомила с его достопримечательностями.

Город Сан-Жозе-дус-Кампус значительно отличается от города Сан-Паулу. Нам в глаза нигде не бросились районы, застроенные трущобами. Много красивых, аккуратных, ярких зданий, с просторными чистыми подъездами. Привлекли внимание улицы с двухэтажными белоснежными виллами, везде чистота и порядок, много цветов.

Дерлен Калпакчи повезла нас к своему отцу – Теодосию Калпакчи. Он живёт в отдельном доме, с прекрасными условиями для жизни. За отцом ухаживает сиделка. Когда мы приехали, отец был на прогулке. Во время обеда, на который мы были приглашены, Дерлен рассказала нам историю своей семьи.

Семья Калпакчи живёт в городе Сан-Жозе-дус-Кампус. Основатель рода Калпакчи – Теодосию Калпакчи, 1921 года рождения. Его родители – Михаил и Матрона, прибыли в Бразилию в 1925 г. из села Кириет-Лунга Чадыр-Лунгского района. У Теодосию было три сестры – Прасковья, Мария и Елена и брат Иоан.

Путь в Бразилию пролегал через Бухарест и Вену в Италию, где 21 октября 1925 г. в порту Триеста они сели на корабль. Во время плавания маленький Теодосию ходил к матери и сёстрам, гулял по кораблю, любил смотреть с верхней палубы на океан. Через месяц они прибыли в в Бразилию в порт Сантос.

Первоначально семья Калпакчи поселилась на фазенде Перабос, затем – на фазенде Палмитос. Фазенда Перабос находилась у реки, где было много комаров, и люди болели малярией. После этого родители купили землю вместе с другими гагаузами и создали колонию «Прата». Обосноваться на этом месте им помогал баптистский пастор Карлос Григорович, который жил в колонии «Варпа».

Когда Теодосию исполнилось 18 лет, он устроился работать продавцом в магазин, где продавали ткани. В 1945 г. он женился на итальянке Марии Жозе, и у них родилось двое детей: Дерлен Калпакчи (1946) и Алда Ириа (1949). Сейчас Теодосию Калпакчи под 90 лет. Он уже плохо слышит и подзабыл гагаузский язык. В разговоре на гагаузском он, незаметно для себя, переходил на португальский.

Фёдору Калпакчи было пять лет, когда его родители привезли в Бразилию. Дерлен Калпакчи рассказала нам много интересного о жизни их семьи, об эмиграции, об истории города Сан-Жозе-дус-Кампус. Она окончила философский факультет университета в городе Вале-до-Параибо, в настоящее время – сотрудница туристической фирмы. Её сестра Алда Ириа окончила

Альфонсо Рагнев.
Фото из архива С. Булгара.

экономический факультет университета и работает экономистом [Cocişov, 2007, p. 221]. Дерлен Калпакчи осознает себя бразильяночкой, но живо интересуется историей своей семьи, хочет знать о своих корнях. Однако, к сожалению, время неумолимо. Единственное, что она знает из гагаузского языка – это некоторые названия гагаузских блюд: «сарма», «туршу», «манжа», «мамалига», «плачинта».

В городе Сан-Жозе-дус-Кампус существует небольшая гагаузская община. Один из ее представителей – сын известного проповедника Дмитрия Дьякова – Карлос Дьяков, второй – полковник авиации в отставке Альфонсо Рагнев. Оба хорошо говорят по-гагаузски. Дело в том, что мать Карлоса, Александра Дьякова, всю жизнь говорила с детьми на гагаузском языке. Альфонсо Рагнев в 1990 г. был на родине своего отца, в селе Александровка Болградского района Одесской области, где частично восстановил знания гагаузского языка, на котором он говорил с родителями в детстве. Многолетняя военная служба привела к тому, что он подзабыл родной язык. Карлос и Альфонсо рассказали нам об истории своих родителей и их жизни. Из этих рассказов мы смогли получить представление о том, как протекала их жизнь в Бразилии многие десятилетия.

Сестра Карлоса Дьякова – Марта Дьякова – говорит по-гагаузски примерно так, как сегодня говорят в Кириет-Лунге. Оказывается, в 1972 г. она вместе со своим отцом, Дмитрием Дьяковым приехала в Молдавию, в Кириет-Лунгу, где они жили около трёх месяцев. Сохранилась фотография, на которой Марта запечатлена с подругами на Чадыр-Лунгском базаре. В Бразилии у нее хорошо обеспеченная жизнь – она владелица нескольких магазинов и ресторанов; в доме имеется прислуга.

Семья Рагневых.
Фото из архива С. Булгара.

Среди самых запоминающихся встреч с гагаузами Бразилии – та, которая произошла с бабой Верой Кара-Танасовой. Она живёт в пригороде Сан-Паулу, в районе Вилла Зелина, где традиционно селились гагаузы во время эмиграции. В её доме, с покрытым кафелем двориком и небольшим садом, поддерживается идеальная чистота. Несмотря на то, что бабе Вере идёт девятый десяток, она выглядит много моложе. Баба Вера прекрасно говорит на красивом гагаузском языке, который она смогла сохранить благодаря тому, что всю жизнь говорила на нём с матерью, братьями, родными, друзьями [АА].

Судьба её во многом похожа на судьбы гагаузских эмигрантов. В Бразилию она приехала вместе с родителями, будучи ребёнком. Вначале родители работали на кофейных плантациях. Уже тогда, играя с детьми других эмигрантов, она выучила португальский язык. Семья Кара-Танасовых поселилась в колонии «Прата» с самого основания и прожила там до самого распада. Там они трудились и достигли хорошего благосостояния. Когда Вера выросла, она уехала из колонии в Сан-Паулу и устроилась на работу прислугой к богатым бразильцам.

Интересным человеком, с которым мы познакомились в городе Сан-Жозе-дус-Кампус, как уже отмечалось, является бывший военный, лётчик, Альфонсо Рагнев, который собирает материалы по истории гагаузов и много лет переписывается со своими родственниками из с. Александровка. В 2000 г. он осуществил свою мечту – совершил путешествие на прародину, побывал у родственников в с. Александровка, а также в с. Копчак, откуда привёз кассеты с гагаузской народной музыкой.

Альфонсо Рагнев рассказал, что в местечке Санта Барбара, провинция Сан-Паулу, где он родился в 1937 г., не было православных церквей, и родители крестили его в католической церкви. Поэтому он по вероисповеданию – католик. В 1939 г. родился брат Педро, а в 1941 г. в колонии Новая Одесса – сестра Мария.

Его отец, Афанасий Рагнев, родился в 1907 г. в с. Александровка, а мать, Феодора Константинова, – в с. Александрень в 1906 г. Они прибыли в Бразилию в 1926 г. в порт Сантос, оттуда переехали в Сан-Паулу и поселились в пригороде Мока. Отец устроился работать сельскохозяйственным рабочим к хозяину Ребейро Пересу. С 1929 по 1935 гг. трудился в Сан-Паулу слесарем. В 1947 г. семья Рагневых переехала в местечко Вилла Прудента.

В 50-е гг. XX в. Альфонсо окончил военно-лётное училище и в качестве бортмеханика прослужил в бразильской армии тридцать лет. За доблестную службу награждён тремя медалями и различными знаками отличия. Дома у Альфонсо Рагнева прекрасная библиотека и целый архив писем, которые он аккуратно собирал всю свою жизнь. Это история жизни человека, любящего и уважающего свой народ, прародину, откуда тянутся его корни. Он считает себя настоящим гагаузом и в ближайшее время опять собирается совершить путешествие на родину своих родителей [Сосісов, 2007, р. 552].

Одним из известных людей в городе Сан-Паулу и в Бразилии является Афанасио Язаджи. Он много лет ведёт передачи на нескольких каналах радио Бразилии: «Radio Panamericana», «Radio Exulsior», «Radio Tupride», «Radio San Paulo», «Radio Globo de San Paulo», «Radio Capital de San Paulo», кроме того, является ведущим передач на телевидении – «TV Bandeirantes», «Real TV» и др. Основными темами его передач являются такие, как социально-политическая ситуация, безопасность людей, полицейская хроника в мегаполисах Бразилии. В немалой степени благодаря своей журналистской популярности, Афанасио Язаджи четырежды избирался в депутаты городского парламента Сан-Паулу (в период с 1987 г. по 2007 г.).

Родословная Афанасио Язаджи связана с с. Авдарма, Комратского района, а сам он родился в 1950 г. в городе Сан-Паулу. Детство его прошло в пригороде Мока. По окончании католического университета в Сан-Паулу он занялся журналистикой. Афанасио Язаджи – автор многочисленных статей, опубликованных в различных газетах Сан-Паулу и Бразилии. И в настоящее время он довольно популярный журналист в Бразилии.

В своём офисе Афанасио создал небольшой музей, где собрана уже устаревшая радиотехника, старые компьютеры, микрофоны. В большом шка-

фу находятся экспонаты, связанные с его политической деятельностью: десятки и сотни различных фотографий, плакатов, постеров, визиток, брошюр, книг, кассет, дисков и др. Но самым ярким экспонатом его музея является железная станина его бабушки-сапожника. Из гагаузского быта его родителем Афанасио помнит «заветные» слова: «манжа», «туршу», «борщ» и др.

Эмигранты, которые смогли скопить определённый капитал в Бразилии, обращались к агентам по продаже земли. Не видя участков, они их покупали заочно и нередко становились жертвами мошенников. В хищные лапы часто попадали и те, кто, не выдержав «радостей» заокеанской жизни, решался вернуться домой. «Агентства», прикидываясь предприятиями, связанными с румынским консулом в Сан-Паулу, заверяли клиентов, что те могут вернуться домой за полцены билета в Европу. Если у семьи не хватало и этих средств, агенты брали столько, сколько семья могла уплатить. «Хлопоты» их продолжались до тех пор, пока мошенники не обирали клиентов до нитки. А потом бесследно исчезали.

Все эти невесёлые истории наши земляки рассказывали в письмах, которые они отправляли в «Красную Бессарабию» – издававшийся в Москве журнал центрального совета Общества бессарабцев. Это издание, которое разными путями доставляли в Бразилию, осуществляло связь между переселенцами, затерявшимися на огромных просторах этой страны, с их близкими. Так, в 1935 г. в рубрике «Переключка бессарабцев» было написано, что разыскиваются односельчане из села Казаклия Бендерского уезда: Петр Николаевич Кол, Фёдор Георгиевич Дюлгер, Георгий и Дмитрий Герков и Степан Фёдорович Димин, не вернувшиеся с войны домой в Бессарабию. «Разыскиваю, – пишет в редакцию Емельян Николаевич Стойков, – своего дядю – Петра Лазаревича Стойкова и его сыновей Фёдора и Афанасия, переселившихся в 1914 г. из Аккерманского уезда в Тургайскую область. Сам я живу в Бразилии» [Стойков, 1935, № 7, с. 47].

Не менее трагично сложилась жизнь «бразильянки» – вдовы Иоаны Пысларь. Прибыв в Сан-Паулу, мать большого семейства выяснила, что землю бесплатно в Бразилии тоже не дают. Старшие сыновья 24-летний Афанасий и 22-летний Иван нанялись корчевать лес. Два года мать и ее шестеро детей, перебиваясь случайными заработками, копили деньги на обратный билет. Когда наступило время уезжать, Афанасий и Иван, несмотря на уговоры, остались в Бразилии. Они уже видели себя хозяевами земли. Мать вернулась в Тараклию с разбитым сердцем. Вскоре подросший сын Николай засобирался к братьям, которые время от времени слали бодрые письма. Но парню, не отслужившему в румынской армии, эмиграция не разрешалась. А потом пришли Советы, границу и вовсе закрыли.

За переписку с заграничными родственниками тогда легко можно было «загреть» в Сибирь. Стремясь укрыться от всевидящего ока новой власти, Иоана перебралась с детьми в маленькое село Каэт, которые ныне находится в Кантемирском районе. Но даже там вдова и её дети несколько раз оказывались в списках «врагов народа». Первый раз их спас сосед, и семейство

несколько месяцев прятались за селом в скирде соломы. А потом они сами научились выкручиваться. В 1949 г. Иоаны не стало. Умирала она в полном сознании. Дети молча сидели возле угасающей матери и каждый знал, куда обращена ее страдающая душа. Имена братьев, оставшихся в Бразилии, никто не рисковал произносить вслух уже много лет.

Отчий край один из братьев, Иван Пысларь, навестил в 1978 г. 72-летний старик застал живым младшего брата Николая, с которым не виделся полвека. «Хватались за любую работу, – вспоминал Николай свою молодость, – трудились на кофейных плантациях, рубили лес». В те годы Бразилия являлась владелицей громадных запасов природных каучуконосов – *гевей*. Дельцы разных стран ринулись добывать каучук. В погоне за прибылью они безжалостно калечили рабочих, среди которых было немало бессарабцев. Люди гибли от тяжелого труда, укусов змей, болезней... В этих условиях Иван скопил небольшой капитал, вернулся в пригород Сан-Паулу, купил 400 гектаров земли [Соловьёва, 2008].

О нелёгкой судьбе гагаузов-эмигрантов рассказывается в одной песне, которую нам удалось записать в 1987 г. в с. Димитровка, Болградского района Одесской области (Украина).

Hey, kardaşlar, kızkardaşlar...

Hey, kardaşlar, kızkardaşlar,
Amerikaya yazılalım,
Toprakları satalım,
Hey, kardaşlar, kızkardaşlar,
Amerikaya yazılalım,
Toprakları satalım,
Adukatlara verelim,
Adukatlara verelim,
Büük doftordan geçelim,
Benderä da varalım.
Büük doftordan geçelim,
Benderä da varalım.
Amerikaya gidelim.
Kimi saa buldular,
İleriyä yolladılar,
A kimi saa bulmadılar,
Pek gücenik kaldılar.
O ileri gedennär.
Boyar bildilär kendilerini,
Şliplerä da pindilär,

Эй, братья, сестры...

Эй, братья, сестры,
В Америку запишемся,
Земли продадим,
Эй, братья, сестры,
В Америку запишемся,
Земли продадим.
Адвокатам отдадим.
Адвокатам отдадим.
У большого доктора проверимся,
В Бендеры поедем.
У большого доктора проверимся,
В Бендеры поедем,
В Америку отправимся.
Кого здоровым нашли,
Вперёд послали,
А кто нездоровым оказался,
Очень сильно огорчились.
Те, кто вперёд пошли,
Себя боярами посчитали,
Сели на корабли,

Gün üstündän döndülär,
Amerikaya etiştilär,
Amerikaya etiştilär,
Sıcakta dayanmadılar,
Sıcakta dayanmadılar,
Palatkaları gerdilär,
Palatkaları gerdilär,
Suuk su içinä serptilär,
Suuk su içinä serptilär,
Hazır imäk istedilär,
Hazır imäk bulmadılar,
Pek gücenik kaldılar.
Hay, kardaşlar, kızkardaşlar,
Bırda rayı brakalım,
Besarabiyaya varalım.

Обогнули солнце (экватор),
Дошли до Америки,
До Америки дошли,
На жару не выдержали,
На жару не выдержали,
Палатки растянули,
Палатки растянули,
Холодной воды побрызгали,
Холодной воды побрызгали,
Готовой еды потребовали,
Готовой еды потребовали,
Очень сильно огорчились.
Эй, братья, сестры,
Оставим здесь рай,
В Бессарабию вернемся.
(Перевод С. С. Булгара)

Необходимо признать, что те бессарабцы, которые выдержали испытания и остались в Бразилии, смогли добиться материального благополучия. Большинство эмигрантов построили хорошие дома со всеми удобствами, накопили финансовые средства, которые приумножили их дети, купили машины, у большинства из них в домах есть домработники. Дети и внуки получили хорошее образование, стали настоящими бразильцами.

Сегодня большинство из них не знает гагаузского языка, но сохранило гагаузское самосознание. По религиозному вероисповеданию одна часть гагаузов – члены баптистской церкви, другая – католики, некоторые сохранили православную веру, и посещают русскую православную церковь [Bulgar, 2009, № 44, s. 34].

Молодёжь и школьники в последние годы начинают проявлять интерес к своим корням. В школах организуются специальные уроки по истории эмиграции, и дети участвуют в конференциях с докладами об истории своей семьи. Это приводит к сбору документов, составлению генеалогического древа семьи. Значительную роль в исследовании истории эмиграции играет Музей эмиграции в Сан-Паулу, где собран огромный историко-архивный материал по эмиграции представителей из различных стран в Бразилию в XIX–XX вв. Можно сказать, что молодёжь хорошо знает историю своих семей.

Большую научно-исследовательскую работу проводит профессор, доктор истории, Жорж Кочиков, который в 2007 г. опубликовал двухтомное издание «Болгарско-гагаузская эмиграция из Бессарабии в Бразилию и Уругвай».

РАЗДЕЛ V

ГАГАУЗЫ В СВЕТЕ ЭТНОДЕМОГРАФИИ. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ГАГАУЗОВ В ЮЖНУЮ БЕССАРАБИЮ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ)*

Ранняя история гагаузского этноса** связана с переселениями, характерными для средневековья, а также для XVIII–XIX вв. Предки гагаузов на протяжении многих веков проживали в различных регионах Азии, Европы, их соседство со славянами и восточными романцами не могло пройти бесследно. Этнические взаимосвязи непосредственно повлияли на материальную и духовную культуру гагаузов, а через них и на самосознание.

Начиная с XII в. болгарская церковь, с центром в Тырново, пыталась выйти из подчинения греческой православной церкви, с центром в Охриде [Лавров, 1905, с. 339]. Хотя обе церкви входили в состав Константинопольской православной патриархии, они вели между собой борьбу за влияние на верующих восточной части Балкан. Первоначально все гагаузы были сторонниками греческой византийской церкви и использовали греческую письменность. Эта ориентация носила традиционный характер, со времени существования Византийской империи. Предки гагаузов были язычниками и причину их приверженности к греческой церкви в некоторой степени разъясняет статья «Речь к грекам и увещевание к ним», помещённая в Кишинёвских епархиальных ведомостях, в которой, в частности, говорится: «...когда сближаешь образованность греков с их религией, то поражаешься контрастам... С одной стороны, видим государство, сравнительно далеко опередившее другие государства образованностью и учреждениями общественными, а с другой стороны, в этом же государстве встречаешь религию настолько несовершенную, насколько может быть несовершенна языческая религия» [КЕВ, 1870, № 13, с. 644]. Здесь следует отметить, что у гагаузов и после принятия ими христианства сохранились многие элементы языческой религии, которые отражались в их обычаях и обрядах. Этим можно объяснить и наиболее раннее влияние греческой культуры на гагаузов на Балканском полуострове. Позднее, под натиском болгарской церкви, некоторым гагаузским религиозным просветителям пришлось ориентироваться на «болгарскую церковь», и впоследствии для обозначения гагаузов, находившихся под влиянием болгарской церкви, был принят научный термин «болгарские гагаузы», хотя и

* Статья опубликована в: Радова (Каранастас) О. К. Переселенческое движение гагаузов с Балканского полуострова в Бессарабию и южную Россию в XVIII – первой половине XIX вв. Основные этапы и их особенности // Этнопанорама. Оренбург, 2005 г. № 1-2. С. 50-62.

** Текст публикуется в авторской редакции.

те и другие были христианами-ортодоксами. В результате этого гагаузы в Северо-Восточной Болгарии, согласно своей религиозной ориентации на ту или иную церковь, разделились на «болгарских» и «греческих» (или «приморских», «настоящих») [Радова, 1997, с. 122]. Сведения о разделении гагаузов Балканского полуострова на так называемых «болгарских» и «греческих» находим в разных источниках [Jiček, 1891, z.143; Милетич, 1902, с. 15-20; Губогло, 1967, с. 9; Каранастас-Радова, 2001, с. 21-22].

Деление на «греческих» и «болгарских» гагаузов не только означало приверженность к той или иной церкви, оно одновременно было связано и с определёнными культурными влияниями. Ориентация на греческую церковь влекла за собой и восприятие греческой культуры, которая передавалась через священников, учителей и др. С другой стороны, принадлежность к болгарской церкви сопровождалась значительным, но более поздним влиянием болгарской* культуры на гагаузов. Гагаузы из районов Фракии, Добруджи, Македонии, Анатолии были приверженцами греческой церкви, которые называли себя «хасыл гагауз» («настоящий гагауз»).

По мнению некоторых специалистов, различия между «хасыл гагаузами» и «болгарскими гагаузами» обусловлены не только разными культурными влияниями, но и различными этническими компонентами в процессе их формирования [Jiček, 1891, z. 143; Милетич, 1902, с. 224; Губогло, 1967, с. 14; Радова-Каранастас, 2000, с. 90-92]. Разделение гагаузов в зависимости от ориентации на болгарскую или греческую церковь сохранилось вплоть до XIX в. [Лавров, 1905, с. 339; КЕВ, 1870, № 8, с. 509; Каранастас-Радова, 2001, с. 22]. Это деление отразилось и на этнографических группах гагаузов на территории Бессарабии, среди которых также выделялись две группы гагаузов – «болгарские» и «греческие» [Каранастас-Радова, 2001, с. 22].

В первой половине XVIII в. полиэтничное население Болгарии, Сербии и Греции испытывало тяжёлый экономический гнёт со стороны как турецких чиновников, так и местных помещиков, эксплуатировавших крестьян. Болгары, гагаузы, греки и сербы, пытались найти выход из создавшегося положения, переселялись в более спокойные районы Болгарии, где в меньшей мере ощущались анархия и поборы. Однако существовавшая религиозная неприязнь как со стороны турецких правителей – мусульман, так и со стороны православных христиан – приверженцев болгарской церкви, а также экономическая разруха и социальная нестабильность, вынудили в начале XVIII в. группу гагаузских семей из Северо-Восточной Болгарии (приверженцев греческой церкви), покинуть пределы страны. Первоначально они решили обосноваться в Польше, но и там не остались и впоследствии перешли в Буджак [Скальковский, 1848, с. 3; Каранастас-Радова, 2001, с. 22].

Толчком к дальнейшим переселениям явилась также начавшаяся русско-турецкая война 1735–1739 гг., а затем 1768–1774 гг., 1787–1791 гг. Появление русских войск давало угнетённым народам как Болгарии и других стран Балканского полуострова надежду на избавление от многих бед. В дальнейшем

* В данном случае имеются в виду уже ославянившиеся (современные) болгары.

это выразилось в стремлении многих крестьян Болгарии и Сербии к переселению в Россию.

В 1751 г. русский посол в Вене граф Бестужев-Рюмин направил «прошение православных народов, сербских, македонских, болгарских и волошских» к императрице России с просьбой «принять их на поселение и вечное подданство России» [ПСЗРИ, т. XIII, № 9918, 1751, с. 556-557]. Он предложил пополнить гусарские полки сербами, македонцами и болгарями (в данном случае подразумеваются выходцы из стран – Сербии, Македонии и Болгарии, но не этническая принадлежность – О. Р.), так как все эти народы одного православного вероисповедания и «по своей храбрости повсюду на миру славны» [ПСЗРИ, т. XIII, № 9918, 1751, с. 555]. В том же году, на основании этого прошения, императрицей был издан указ, где впервые официально говорилось о переселении в Россию балканских народов «**греческого вероисповедания**»* [ПСЗРИ, т. XIII, № 9919, 1751, с. 552-558; № 9976, 1752, с. 638; Каранастас-Радова, 2001, с. 122-123]. Этим же указом полковнику Ивану Хорвату Оккуртичу были даны полномочия переселять в Россию болгар, а также македонцев, сербов и волохов с целью создания гусарских и пехотных полков. Впоследствии эти переселения привели к образованию в Украине военной области, получившая название «Новая Сербия».

Среди переселенцев в Украину и Бессарабию были, как указано выше, и македонцы. Следует отметить, что если в Новой Сербии расселялись этнические македонцы**, сербы и волохи, то среди «македонцев», приехавших в Бессарабию, находилась другая группа. В свое время П. Кеппен писал, что под македонцами (в данном случае имеются в виду те, которые поселились в Бессарабии – О. Р.), следует понимать так называемых «чёрных болгар», «которые употребляют письма волошские»*** [Коерпен, 1854, з. 197; Кеппен, 1864, с. 59-63], или гагаузов (О. К. Радова-Каранастас). Таким образом, в эпоху правления императрицы Елизаветы Петровны русские власти впервые издают указ о привлечении балканских народов «греческого вероисповедания» (то есть приверженцев греческой церкви – (О. К. Радова-Каранастас) и поселении их на Юге России. Эмиграционным движением в большей мере были охвачены северо-восточные районы Болгарии: Шумен, Силистра, Добрич, Варна, Балчик, Каварна. Население этих мест по преимуществу являлось гагаузским.

Анализ архивных источников и опубликованной литературы дают возможность выделить несколько этапов переселения гагаузов. В переселенческом движении гагаузов из Балканского полуострова в Бессарабию можно выделить три этапа: I. XVI – первая половина XVIII вв.; II. Вторая половина XVIII – начало XIX вв.; III. 1819–1857 гг.

- Ранний этап переселения гагаузов в Бессарабию характеризуется

* Имеются в виду балканские народы, придерживающиеся канонов греческой церкви.

** Среди них могли быть и гагаузы, так как на Балканах они были расселены и на исторической территории Македонии.

*** Под «волошскими письмами» следует понимать славянский шрифт, которым до середины XIX в. пользовались волохи (мунтяне и молдаване).

тем, что гагаузы неофициально поселялись небольшими группами в Дунайских княжествах и в Буджаке. На этом этапе в Буджак переселились гагаузы – приверженцы греческой церкви. А. А. Скальковский писал, что «когда переселились впервые странники из Болгарии, с точностью не известно, но по всем версиям переселение их началось в Бессарабию, именно в Буджакские степи» [Скальковский, 1848, с. 3]. О том, что ранние переселения гагаузов в Бессарабию относятся к XVI в., говорят как отечественные, так и зарубежные источники. Так, священник Д. Г. Чакир, описывая биографический очерк своего рода и семьи, подчеркнул, что в 1790 г., братья Чакир со своими семьями перешли и поселились на особых условиях в селении Чадыр (ныне с. Чадыр в Леовском районе* РМ). Автор указывает, что до их прихода там уже жили «болгары православного вероисповедания, известные под именем “гагаузов”» [Чакир, 1899, с. 6]. Болгарские источники указывают, что то же самое с. Чадыр было заселено в 1589 г. переселенцами из Добруджи, а с. Томай того же района (ныне с. Томай Леовского района РМ) заселено в 1694 г. переселенцами из с. Кюстендже Северной Добруджи [ЕБ, т. 5, 1986, с. 449]. Известно, что выходцы из Добруджи в основном были гагаузами. Село Томай (Леовского района Молдовы) первоначально было заселено гагаузами, которые после 1819 г. переселились в с. Томай Чадыр-Лунгского района. Следует отметить, что селение Томай Чадыр-Лунгского района уже в конце XVIII в. было заселено гагаузами, на это указывают материалы из фондов Национального архива Республики Молдова (см. ниже табл. 1). Данные о расселении гагаузов (а также их предков) в XVII в. в Бессарабии – Буджаке находим и в материалах фондов Османских архивов Республики Турция [Türkiye Başbakanlık Osmanlı Arşivleri – BOA, Name-i Hümayum Defterleri Katalog. Fon kodu: A. DVNS. NMH. d. 00005., d. 5 Hüküm Nu (4) 83, Sahife Nu 194, Hükümüm tarih: evâsıt-ı, с. 1107; Радова-Каранастас, 2009, с. 234-243].

- Этот этап переселения гагаузов в Бессарабию и южную Россию охватывает период 1750–1812 гг. Каждая русско-турецкая война усиливала поток переселенцев. Указы 1751 и 1752 гг., а также Манифест 1763 г. в определённой мере помогли переселенцам.

В середине XVIII в. официальное переселение балканских выходцев в Новороссийский край было осуществлено Хорватом, который переселил 620 семейств [Скальковский, 1848, с. 4]. Они поселялись в степях Херсонской губернии, в Новоархангельском, Синюхином броне и других военных поселениях («ротах») сербского гусарского полка, разместившихся вдоль

* В 1998 г. было произведено изменение административных границ Республики Молдова. Вместо районов были введены уезды. Было создано 9 уездов: Бельцкий, Кагульский, Кишинёвский, Единецкий, Лэпушнянский, Оргеевский, Сорокский, Тигинский, Унгенский. В качестве отдельной административной единицы выделено Автономное территориальное образование с особым статусом управления – Гагаузия (Гагауз Ери). В законе указаны населённые пункты Левобережья Днестра, которым могут быть предоставлены особые формы и условия автономии (см. «Monitorul oficial al Republicii Moldova», № 116-118 от 30 декабря 1998 г., с. 3-14). В 1999 г. был создан еще один уезд – Тараклийский.

реки Синюхи. Пользуясь правами, обозначенными в том же указе, одновременно, другая, меньшая партия задунайских переселенцев перешла в Буджак [Mincev, 1938, p. 9; Клаус, 1869, с. 295].

Гагаузские переселенцы из Болгарии в 1732 г. осели в селении Волканешты* [НА РМ, ф. 5, оп. 2, д. 563, л. 117]. Позднее, в 1806 г., из Бальчика (Болгария) в Вулканешты переселились еще 289 семей, численностью 1860 человек [ЕБ, т. 5, 1986, с. 444-449]. В то время в этих сёлах еще жили ногайцы, которые впоследствии были выселены в Крым и Приазовье. Первое выселение ногайцев из Буджака происходило в 1768–1774 гг. [Скальковский, ч. II, 1838, с. 126]. До окончательного переселения ногайцев в Крым в 1807 г. гагаузы проживали в буджакской степи по соседству с ними.

О том, что первые задунайские переселенцы поселялись вместе с ногайцами и другим местным тюркским** населением (или же образовывали новые селения), говорят как сохранившиеся архивные материалы, так и изданные литературные источники. А. А. Скальковский писал, что «здесь они жили спокойно и дружно среди туземных обитателей – ногайцев» [Скальковский, 1848, с. 15]. Доказательством того, что гагаузы при своем первоначальном расселении поселялись в ногайских селах и некоторое время жили вместе с ними, служит и тот факт, что названия большинства современных гагаузских сёл – ногайского происхождения. Впервые к этому выводу пришел М. Г. Попруженко. Ссылаясь на перепись бессарабских задунайских переселенцев***, в 1816 г. он составил ведомость о численности населения и отметил ряд ногайских (в источнике указано татарских) сёл с моноэтническим составом населения. Здесь же он отметил, какие села ранее принадлежали ногайцам (в источнике указано «татарам»****) – это селения Киосели Миниот, Чебалакчи Татар, Баймаклы, Кукуриште, Алуат, Бурчак, Чомай, Хаджикиой, Татар-Баурчи, Казаяклы, Кошдамгалы, Карбаул, Шамайлы, Сындык [Попруженко, ЗООИИД, т. XXVIII, ч. II, 1910, с. 12-14]. Село Киосели Миниот ранее называлось Ини-Сегать; село Кошдамгалы – Чомай; Карбаул – Хаджикиой; села – Баймаклы, Шамайлы и Сындык имели также название – Ини-Сегать*****. По-видимому, четыре села были названы по имени их владельца (Ини-Сегат). К этому списку можно добавить и такие сёла, как Авдарма, Буджак, Гайдар, Джолтай, Томай, Кириет[-Лунга], Комрат, Конгаз, Копчак, Чадыр[-Лунга], которые также относятся к этнонимам ногайского***** (по

* Ныне пгт. Вулканешты; по данным Всесоюзной переписи 1989 г., 66,3% населения Вулканешт составили гагаузы, 12,3% – молдаване, 9,5% – русские, 5,6% – украинцы, 4,7% – болгары.

** В источниках они зафиксированы как «татары».

*** Ведомость о числе семейств и душ мужского и женского пола составлялась из списков при переписи Бессарабских задунайских переселенцев 25 мая 1816 г. за № 1562 // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XXVIII, Ч. II. Изд. Славянская типография Е. Хрисогелос. Одесса, 1910. С. 12-14.

**** В то время термин *татары* носил обобщающий характер, как в современный период термин «тюркский». Во времена Османской империи тюркские народы подразделялись на «османлийцев» (привилегированная каста), «татар» (непривилегированные тюркские народы).

***** В ногайском языке слово *ини* означает «младший».

***** Ногайцев заселили в Буджак в XVI в. в среду местного тюркского населения – предков гагаузов.

источнику «татарского» – О. К. Радова-Каранастас) происхождения [Дрон, Курогло, 1989, с. 12].

Во времена Османской империи «татарами» называли местное тюркское население, вошедшее впоследствии в этногенез гагаузов в качестве одного из компонентов – это были тюрки, осевшие на исторической территории Бессарабии еще в скифский период (в Малой Скифии, в VI в. до н. э. – I в. н. э.), на что указывают элементы духовной культуры гагаузов Южной Бессарабии, сохранившиеся в их фольклоре, и те географические реалии, которые упоминаются в трудах Геродота [Радова-Каранастас, 2009, с. 277-288, 350-354]; тюрки-булгары (VI–VII вв. н. э.); печенеги – IX–X вв.; узы (огузы или тюркузы, тюрк-огузы, чёрные клобуки) – IX–XI вв., половцы (или куманы, кипчаки) – в XII–XIII вв.

О том, что в XVII в. среди ногайцев проживало так называемое «татарское» население, указывают и материалы, выявленные автором данной статьи, в 2007 г. в фондах Османского архива Республики Турция [Радова-Каранастас, 2009, с. 234-243].

До окончательного переселения ногайцев на Молочные воды в 1807 г. мало кто решался селиться в Буджакской степи. Молдаване, помнившие опустошительные набеги крымских ханов, не продвигались южнее Бендер [Дружинина, 1970, с. 103]. Только тюркские народы могли ужиться в той среде. Видимо, на это тогда и рассчитывала русская администрация, переселив на юг тюркских христиан – гагаузов. Гагаузы могли селиться в ногайских (а также в так называемых «татарских» селениях, то есть среди местных гагаузов*) сёлах в связи с близостью гагаузского языка к языку ногайцев, который также относится к группе тюркских языков. В официальных источниках гагаузы были зафиксированы под общим названием «задунайские переселенцы». Впоследствии статистики их ошибочно определяли как болгар, греков, румелийцев, македонцев, в зависимости от той территории, откуда прибывали гагаузские переселенцы.

На этом этапе произошли два крупных переселения гагаузов из-за Дуная: в 1787–1791 гг. и в 1806–1812 гг.

Переселения в научной литературе изучены И. И. Мещерюком. Являясь сторонником болгарского происхождения гагаузов, исследователь не ставил своей целью рассматривать болгар и гагаузов отдельно, наоборот, он их объединял в один народ [Мещерюк, 1953, с. 74-75]. Его ошибочные позиции в вопросах этногенеза гагаузов в дальнейшем отразились и на исследованиях, связанных с переселениями болгар и гагаузов, а также с их расселением.

Нельзя согласиться с мнением И. И. Мещерюка, который писал, что

* О том, что в Бессарабии – в Буджаке, а также на территориях между Буджаком и рекой Прут проживали ногайцы и другие тюркские народы (в источнике указано «татарские»), говорит документ XVII в., найденный автором данной статьи в Османском Архиве Республики Турция (более подробно см. документ в сборнике статей: Радова-Каранастас О. К. Путь к себе: Аспекты истории, культуры, демографии, этнографии, этногенеза гагаузов. Второе, дополненное издание. Кишинев, 2009. С. 234-243).

первое массовое переселение болгар и гагаузов происходило во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. [Мещерюк, 1957, с. 10], а второе крупное переселение – в 1829–1830 гг. [Мещерюк, 1967, с. 155]. В действительности, крупное переселение гагаузов имело и до 1806–1812 гг. Не отрицая значения этих переселений как крупных, следует отметить, что их следовало бы квалифицировать несколько иначе.

Первое крупное переселение гагаузов происходило с 1787 по 1791 гг. Они поселялись «в крепостях Измаил, Килия, Бендеры, Аккерман (где оставались некоторое время русские гарнизоны), в городах Кишинёве и Рени, на землях молдавских бояр и, наконец, вместе с ногайцами, в кышлах и усадьбах татарских в Буджаке» [Мошков, 1900 № 1, с. 4; Скальковский, 1848, с. 5]. Характер переселений 1806–1812 гг. и 1929–1830 гг. следует оценивать по-другому.

Переселения 1806–1812 гг. были по преимуществу не болгарскими, а гагаузскими, так как число прибывших в то время болгар было небольшим. И. И. Мещерюк по этому поводу писал, что «анализ фамилий представленного “Именного списка переселенцев с правой на левую сторону Дуная с 1809 года и живущих в Молдавии и Бессарабии” свидетельствует о решительном преобладании гагаузов, составляющих около двух третей переселившихся» [Мещерюк, 1953, № 3-4 (11-12), с. 80]. Что касается переселения 1829–1830 гг., то его следовало бы назвать первым крупным переселением болгар в Буджак (вместе с ними прибыли и гагаузы, но в значительно меньшем количестве). Это подтверждается тем, что основная масса сёл в Буджаке, где и поныне живут болгары, образованы в 1829–1830 гг. [ЕБ, 1986, с. 446].

В историографии XIX – начала XX вв. сложился определённый стереотип, согласно которому гагаузов не выделяли из общей массы «задунайских переселенцев». Многие авторы, особенно болгарские историки, считали гагаузов частью болгарского народа и переселения гагаузов рассматривали только совместно с болгарскими. В связи с этим были допущены неточности, а порой и искажения фактов давности относительно переселения гагаузов в Буджак, а тем более давности образования тех сёл, где в настоящее время они проживают. Часто, рассматривая совместные переселения болгар и гагаузов в Буджак, авторы обращали внимание только на образование болгарских сел и упускали из внимания гагаузов.

Современные исследователи болгарских переселений продолжают придерживаться этой же позиции [Хаджиниколова, 1987], хотя архивные источники, полевые материалы, а также научные публикации говорят о другом. Авторы некоторых работ стараются доказать, что гагаузские села в основном образовались в начале XIX в. Однако полученные результаты антропонимического анализа, который был сделан автором, О. К. Радовой-Каранастас на основании списков задунайских переселенцев по Бессарабской области за 1818 г., в разрезе населённых пунктов, говорят о другом (см. табл. 1) [НА РМ, ф. 5, оп. 2, д. 442, ч. I, л. 68-183].

В Национальном архиве Республики Молдова хранится перечень сёл со списком переселенцев [НА РМ, ф. 5, оп. 2, д. 442, ч. I–IV]. Эти пофа-

мильные списки задунайских переселенцев каждого селения на конец XVIII – начало XIX вв. дают возможность установить численность гагаузских переселенцев. Тюркская основа фамилий жителей этих сёл подтверждает факт первоначального поселения в них гагаузов. Компактное расселение гагаузов в Буджаке ещё в период первых переселений спасло их от ассимиляции. Анализ и сопоставление списков задунайских переселенцев на конец XVIII – начало XIX вв. и данных последующих переписей, позволяют определить ранние этапы переселения. Учитывая то, что большинство фамилий имело тюркский характер (например, такие как Алтыпармак, Ангели, Арабаджи, Арабоглу, Булгар, Бурук, Дерменджи, Кара, Карабаш, Киосе, Кируглу, Колиогулу, Комурогулу, Курт, Кюркчу, Маноглу, Русоглу, Сакалы, Стефоглу, Сыртмач, Танасоглу, Тасмалы, Фучиджи, Хаджиоглу и т. д.) и что переселенцы прибыли вместе со своим греческим духовенством, можно заключить, что это были гагаузы. В своё время П. Кеппен, описывая гагаузов, выделил большую группу «хасыл гагаузов» («настоящих»), или «истинных», гагаузов [Кеппен, 1864, с. 62-63; Берг, 1993, с. 124-125]; научные исследования автора данного параграфа позволяют характеризовать их как гагаузов греческого вероисповедания, то есть в качестве гагаузов – приверженцев греческой церкви.

Переселения гагаузов из-за Дуная в Буджак приходились на период 1765–1812 гг. За это время произошли три русско-турецкие войны: 1768–1774 гг., 1787–1791 гг. и 1806–1812 гг., которые способствовали переселению балканских народов в Россию и на те территории, которые освобождались от тюрк-осман*. Крупное переселение гагаузов из-за Дуная происходило во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. (см. табл. 1). Если учесть, что в смешанных гагаузско-болгарских селениях гагаузское население составляло в среднем около 40%, а в гагаузско-молдавских селениях – около 25%, то можно отметить, что во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. в Буджак переселилось около 1 000 семей гагаузов, численностью свыше 5 000 человек. Сюда входят и те гагаузские переселенцы, которые поселились в этих селах с 1765–1770 гг., 1775–1776 гг., 1793–1798 гг. [НА РМ, ф. 5, оп. 2, д. 442, ч. IV, л. 510-512, 521-522, 528-529]. При составлении списков задунайских переселенцев в 1818 г. администрация подразделила переселенцев на тех, которые поселились в Бессарабской области во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в Буджак переселилось свыше 1 600 гагаузских семей численностью около 9 000 человек [Каранастас-Радова, 2000, с. 84-89].

В русской документации, когда речь идёт о задунайских переселенцах первой половины XIX в., часто встречаются определения «старые» и «новые» поселенцы. Изучение этого вопроса даёт возможность заключить, что задунайские переселенцы, появившиеся в Буджаке в XVIII в., а также до

* Термин *турки* появляется в начале XX в. и связан с образованием Республики Турция.

1806 г., получили название «старых» переселенцев, а те, которые прибыли во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и после неё стали называться «новыми» переселенцами.

Русская администрация установила разные льготы для этих обеих групп переселенцев. Для старых поселенцев были предоставлены привилегии сроком на три года, а для новых – на семь лет. Данное положение было закреплено указом от 29 декабря 1819 г. [ПСЗРИ, т. XXXVI, с. 517-520].

Анализ архивных материалов показал, что в конце XVIII – начале XIX вв. гагаузское население было расселено более чем в 63 селениях Бендерского, Гречанского, Кодрского, Измаильского уездов южной Бессарабии*, 42 из которых были с абсолютным большинством гагаузского населения; в 14 проживало смешанное гагаузско-болгарское население, где гагаузы в среднем насчитывали около 40%, и в 7 – смешанное гагаузско-молдавское население, где численность гагаузов в среднем составляла около 25%.

В списках задунайских переселенцев встречаются несколько селений, носивших одно и то же название, но населённые жителями разных национальностей. Это такие селения, как Еникиой (Кодрского цынута, жители – гагаузской национальности), Еникиой (Измаильского цынута, жители – болгарской национальности); Казаклия (Бендерского цынута, было заселено гагаузами), Казаклия (Гречанского цынута, смешанное гагаузско-болгарское селение, в 1818 г. гагаузское население составило около 55% от общего числа жителей этого селения); Татар Баурчи (Гречанского цынута, жители – болгарской национальности), Баурчи (Бендерского уезда, жители – гагаузской национальности) и др. В табл. 1 не только приводится перечень сёл с абсолютным большинством гагаузского населения, смешанных гагаузско-болгарских и гагаузско-молдавских селений, но указывается также и перечень сёл задунайских переселенцев с абсолютным большинством болгарского, греко-венгерского, молдавского, русского населения.

Сравнивая два периода переселений (см. табл. 1), можно выделить определённую закономерность: в одних сёлах преобладали переселенцы 1787–1791 гг., а в других – времён войны 1806–1812 гг. В период войны 1787–1791 гг. гагаузы поселились в 49 селениях Буджака, из которых в 32 селениях гагаузское население составляло абсолютное большинство (80–100%), в 11 жило смешанное гагаузско-болгарское население и в 6 сёлах – гагаузско-молдавское.

* В данном исследовании использованы результаты антропонимического анализа только по четырём уездам юга Бессарабии: Бендерскому, Гречанскому, Кодрскому, Измаильскому, который был проведён согласно спискам задунайских переселенцев, составленных в 1817–1818 гг. Последующие исследования в этом направлении, возможно, пополнят список гагаузских поселений Бессарабии за этот период.

Таблица 1

Данные о численности задунайских переселенцев Бессарабской области в конце XVIII – начале XIX вв.*

№ пп.	Наименование населённого пункта	Поселившиеся во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и до неё				Поселившиеся во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг.			
		Число семей	Количество жителей			Число семей	Количество жителей		
			мужчин	женщин	всего		мужчин	женщин	всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Сёла с абсолютным большинством гагаузского населения</i>									
1.	Авдарма	20	67	50	117	1	3	2	5
2.	Баймаклы (Гречанского цынута)	-	-	-	-	5	15	17	32
3.	Баурчи (Бендерского цынута)	28	67	72	139	54	134	125	259
4.	Бешалма	2	5	4	9	65	216	182	398
5.	Бешгиоз	34	105	91	196	7	20	18	38
6.	Божорка	7	18	21	39	73	196	213	409
7.	Болбока	-	-	-	-	109	248	241	489
8.	Волканешть	52	150	159	309	98	266	242	508
9.	Гайдар	40	104	95	199	-	-	-	-
10.	Ганисены ноу	-	-	-	-	2	6	6	12
11.	Гана	15	36	36	72	-	-	-	-

* Наименования населённых пунктов даются без изменений, в соответствии с архивными материалами конца XVIII – начала XIX вв. Данная таблица является оригинальной и составлена (О. К. Радовой-Каранастас) на основе полученных результатов антропонимического анализа архивных источников.

Таблица 1 (продолжение)

12.	Джолтай	2	4	8	12	18	61	50	111
13.	Дизгинже	109	301	267	568	14	37	30	67
14.	Еникиой (Кодрского цынута)	44	125	116	241	6	22	18	40
15.	Итулия	-	-	-	-	66	196	192	388
16.	Казаклия (Бендерского цынута)	30	94	60	154	64	180	162	342
17.	Капаклы	6	12	17	29	-	-	-	-
18.	Карбаул	1	4	3	7	37	116	96	212
19.	Киосели Мика	6	14	16	30	27	91	77	168
20.	Кириет	71	178	154	332	4	14	5	19
21.	Кирсов (Башкиной)	38	110	99	209	26	69	69	138
22.	Кождамгали Мари	-	-	-	-	34	97	105	202
23.	Комрат	46	146	114	260	50	140	128	268
24.	Конгаз	-	-	-	-	65	183	160	343
25.	Копкуй	39	111	107	218	-	-	-	-
26.	Копчак	-	-	-	-	96	272	245	517
27.	Кубей	-	-	-	-	113	354	308	662
28.	Курчи	-	-	-	-	81	229	218	447
29.	Манжар	4	10	10	20	-	-	-	-
30.	Молдаван Баурчи (Гречанского цынута)	24	81	75	156	19	46	55	101

Таблица 1 (продолжение)

31.	Пеленей Булгар	13	31	47	78	3	10	7	17
32.	Сатылык Хаджи	6	16	13	29	32	98	85	183
33.	Сындык	10	33	17	50	1	6	2	8
34.	Таргаул от Ларги	37	113	107	220	2	5	4	9
35.	Томай (Бендерского цынута)	80	251	211	462	4	11	8	19
36.	Томай (Кодрского цынута)	6	25	14	39	-	-	-	-
37.	Хаджикиой	2	5	3	8	1	2	2	4
38.	Чеболакчи Татар	2	20	18	18	7	7	9	16
39.	Чешмекиой	3	8	6	14	108	326	321	647
40.	Чокмейдан	12	37	30	67	8	31	21	52
41.	Чукурмиса	-	-	-	-	45	118	123	241
42.	Шамайлы	7	15	17	32	2	4	7	11
	Итого	796	2296	2057	4353	1347	3829	3553	7382

Смешанные гагаузско-болгарские сёла

43.	Баймаклы (Кодрского цынута)	2	13	11	24	26	75	62	137
44.	Казаклия (Гречанского цынута)	13	41	35	76	12	38	32	70
45.	Кайракли	11	50	31	81	14	39	36	75
46.	Каракурт	57	203	173	376	93	226	220	446
47.	Киосели Мари	11	36	21	57	5	13	14	27
48.	Кият	13	38	30	68	8	20	27	47

Таблица 1 (продолжение)

49.	Кодрены	31	87	59	146	16	28	28	56
50.	Кождамгали Беженарь	-	-	-	-	5	15	16	31
51.	Пеленей Молдо- вень	4	13	7	20	1	1	-	1
52.	Табак	6	42	27	69	103	326	286	612
53.	Хаджи Абдула	2	5	6	11	91	242	249	491
54.	Чешма	-	-	-	-	79	256	230	486
55.	Чомай	-	-	-	-	29	85	61	146
56.	Шикирли Китай	39	121	94	215	36	103	92	195
	Итого:	189	649	494	1143	518	1467	1353	2820

Смешанные гагаузско-молдавские сёла

57.	Анадолка	36	99	93	192	36	88	92	180
58.	Барта	30	83	82	165	25	72	70	142
59.	Импущыта	60	200	173	373	-	-	-	-
60.	Картал	-	-	-	-	99	275	247	522
61.	Сатуноа	21	54	60	114	58	188	142	330
62.	Фрикацей	68	198	180	378	56	148	153	301
63.	Чебалакчи от Ларги	7	21	13	34	-	-	-	-
	Итого:	222	655	601	1256	274	771	704	1475

Сёла с абсолютным большинством болгарского населения

64.	Алуат	-	-	-	-	13	33	31	64
65.	Бабили	8	20	17	37	27	79	67	146
66.	Борчак	-	-	-	-	4	16	16	32

Таблица 1 (продолжение)

67.	Гасанспахи	2	7	3	10	-	-	-	-
68.	Долукиой (Измайль- ского цынута)	19	59	45	104	29	86	71	157
69.	Едибурне	-	-	-	-	13	31	36	67
70.	Еникиой (Измайль- ского цынута)	43	120	115	235	38	121	102	223
71.	Карагач	86	269	249	518	11	27	30	57
72.	Кирпаешты	-	-	-	-	2	3	4	7
73.	Китай	1	3	2	5	1	1	-	1
74.	Код Китай	-	-	-	-	45	132	111	243
75.	Лунга	105	301	272	573	2	4	3	7
76.	Мокрешты	13	35	29	64	1	1	2	3
77.	Слободзея	26	68	63	131	24	66	56	122
78.	Тараклия	3	11	4	15	147	443	419	862
79.	Татар Баурчи (Гречанского цынута)	7	19	15	34	10	33	26	59
80.	Татар Бунар	-	-	-	-	71	198	167	365
81.	Ташбунар	110	310	277	587	-	-	-	-
82.	Троень	3	9	10	19	47	112	97	209
83.	Челшие	27	78	71	149	-	-	-	-
84.	Проживающие в хуторах Измаиль- ского цынута	-	-	-	-	17	46	31	77
	Итого:	453	1309	1172	2481	502	1432	1269	2701

Сёла с абсолютным большинством молдавского населения

85.	Бринза	-	-	-	-	11	19	21	40
86.	Вадубоулуй	-	-	-	-	26	53	65	118

Таблица 1 (окончание)

87.	Журжулешты	-	-	-	-	62	172	150	322
88.	Кислица 1 (Измаильского цынута Прутского окола)	-	-	-	-	1	2	2	4
89.	Кислица 2 (Измаильского цынута Килийского окола)	1	3	2	5	-	-	-	-
90.	Колибаши	7	15	17	32	14	29	30	59
91.	Ларга	-	-	-	-	3	5	9	14
92.	Мандрешты	6	16	16	32	19	54	45	99
93.	Роши	-	-	-	-	20	51	48	99
94.	Сараень или Бобоешты	-	-	-	-	40	120	103	223
	Итого:	14	34	35	69	196	505	473	978

**Сёла с абсолютным большинством
греко-венгерского населения**

95.	Валени	-	-	-	-	6	13	15	28
-----	--------	---	---	---	---	---	----	----	----

**Сёла с абсолютным большинством
русского населения**

96.	Буджак	-	-	-	-	24	52	63	115
	ВСЕГО:	1674	4943	4359	9302	2867	8069	7430	15499

В период войны 1806–1812 гг. гагаузы поселились еще в 13 селениях, из которых в 9 гагаузское население составляло абсолютное большинство, 3 селения были смешанными гагаузско-болгарскими и одно – гагаузско-молдавским. В этот период переселенцы продолжали селиться и в вышеуказанных 49 селениях Буджака, где ранее поселились гагаузы.

Анализ архивных источников показал, что в *Бендерском цынуте* было 14 сёл с **гагаузским населением** (Авдарма, Баурчи, Бешалма, Бешгиоз, Гайдар, Джолтай, Дизгинже, Казаклия, Кириет, Кирсов, Комрат, Конгаз, Томай, Чокмайдан); в *Гречанском цынуте* – 10 сёл (Баймаклы, Карбаул, Киосели Мика, Кождамгали Мари, Молдаван Баурчи, Пеленей Булгар, Тартаул от Ларги, Хаджикиой, Чеболакчи Татар, Чукурмиса); в *Измаильском* – 9 сёл (Божор-

ка, Болбока, Волканешть, Итулия, Копчак, Кубей, Курчи, Сатылык Хаджи, Чешмекиой); в *Кодрском* – 9 сёл (Ганисены ноу, Гана, Еникиой, Капаклы, Копкуй, Манжар, Сындык, Томай, Шамайлы*).

В *Гречанском цынуте* было 6 сёл со **смешанным гагаузско-болгарским населением**: Казаклия (было две Казаклии – одно село находилось в Бендерском цынуте, другое – в Гречанском), Киосели Мари, Кият, Кождамгали Беженарь, Пеленей Молдовень, Чомай; в *Измаильском цынуте* было 6 сёл: Кайракли, Каракурт, Табак, Хаджи Абдула, Чешме, Шикирли Китай; в *Кодрском цынуте* – 2 селения: Баймаклы, Кодрены.

Со **смешанным гагаузско-молдавским населением** в *Гречанском цынуте* было одно селение – Чеболакчи от Ларги; в *Измаильском цынуте* – 6 сёл: Анадолка, Барта, Импуцыта, Карталы, Сатунов, Фрикацей.

Во вновь созданные в 1819 г. четыре округа (Прутский, Кагульский, Измаильский, Буджакский) **вошли все сёла с абсолютным большинством гагаузского населения, со смешанным гагаузско-болгарским и гагаузско-молдавским населением, которые находились в Бендерском и Измаильском цынутах. Гагаузские села, находившиеся в Гречанском и Кодрском цынутах, в состав округов не вошли** [Радова-Каранастас, 1996, № 7-8, с. 21; 1988, № 8, с. 22; 2001; 2008; 2009].

Таким образом, исследования показали, что в состав **вновь образованных четырех округов вошли только лишь 36 сёл, где было расселено гагаузское население**. Из них – 24 села были с абсолютным большинством гагаузского населения, 6 – смешанных гагаузско-болгарских и 6 – смешанных гагаузско-молдавских, которые находились в составе Бендерского и Измаильского цынутов. **Остальные 27 сёл** (из них – 18 сёл с гагаузским населением: Баймаклы (Гречанского цынута), Ганисены ноу, Гана, Капаклы, Карбаул, Киосели Мика, Кождамгали Мари, Копкуй, Манжар, Молдаван Баурчи, Пеленей Булгар, Сындык, Тартаул от Ларги, Томай (Кодрского цынута), Хаджикиой, Чеболакчи Татар, Чукурмиса, Шамайлы; 8 смешанных гагаузско-болгарских: сёл: Баймаклы (Кодрского цынута), Казаклия (Гречанского цынута), Киосели Мари, Кият, Кодрены, Кождамгали Беженарь, Пеленей Молдовень, Чомай и 1 смешанное гагаузско-молдавское село (Чеболакчи от Ларги), где также были расселены гагаузы, остались за пределами этих округов.

В результате этого часть гагаузского населения Гречанского и Кодрского цынутов переселилась во вновь созданные округа, а другая часть осталась на прежних местах проживания, и эти гагаузы, постепенно, к концу XIX – началу XX вв., ассимилировались.

В мае 1818 г. задунайские переселенцы во второй раз обратились к Александру I, во время его пребывания в Бессарабии, с просьбой об устройстве их на условиях, объявленных М. И. Кутузовым. В этом документе говорилось, что «прошло 6 лет» с тех пор, как «новые» задунайские переселенцы были приглашены в Бессарабию, однако вопрос об их устройстве оставался нерешенным. В заявлении было отмечено, что при поселении им не были от-

* Названия сёл приведены согласно первоисточнику.

ведены участки, и потому они сами заняли места, где им казалось лучше: поэтому «с тех пор живем мы рассеянно по всей Бессарабии». Переселенцы писали: «нам запрещено собираться вообще с первыми» (то есть со «старыми» переселенцами) и составлять таковое общество на царской земле*, «которую мы просим, и одновременно обещанного нам колониального права мы не видим по сей день, и все болгары, перешедшие сюда еще во время первой войны с Турцией, удерживаются на боярских землях, хотя также никогда не были обязаны и заселились без чьего-либо вспомоществования» [Устройство..., т. II, 1957, с. 505-506].

Собрав все необходимые сведения о переселенцах, Инзов составил доклад, который в марте 1819 г. был представлен Александру I. В докладе, к которому был приложен проект Указа, излагались предложения по устройству задунайских переселенцев.

В результате этого 29 декабря 1819 г. был издан императорский Указ, согласно которому болгары и гагаузы получили права и привилегии наряду со всеми иностранцами, поселившимися в губерниях Новороссии и Бессарабии [Устройство..., т. II, 1957, с. 542-547]. Согласно этому Указу переселенцы, прибывшие в Буджак до 1806 г., при переходе на отводившиеся им казённые земли освобождались от платежа податей и повинностей сроком на три года. Поселившиеся во время войны 1806–1812 гг. и после неё также получали льготы, но уже сроком на семь лет. В 5-м пункте говорилось, что «переселенцам, кои, быв прежде на казённых землях водворены, спокойно на оных жительствовавали, равно и коренным жителям, между ними обитающим, льготных лет не полагать».

На казённые земли разрешалось переходить и тем крестьянам, которые осели во владениях молдавских помещиков и в городах, поэтому при переходе на казённые земли за жителями сохранялось право продажи своей собственности или переноса её на новое место жительства.

Каждой семье отводили до 60 десятин казённой земли – хотя и не в собственность, но с правом передачи потомкам. За пользование землёй каждая семья должна была ежегодно уплачивать в казну около 15 руб. 60 коп. серебром за десятину, а за земли, взятые сверх надела, – около 3 коп. серебром ежегодно [Мещеряк, 1967, с. 151].

Как уже отмечалось, после принятия Указа 1819 г. было осуществлено административное деление «болгарских колоний» и созданы четыре округа – Прутский, Кагульский, Измаильский и Буджакский. В эти округа начали стекаться переселенцы – гагаузы и болгары со всей Бессарабии, а также стали возвращаться те, которые по вышеизложенным причинам покинули свои родные места и уехали за границу [Устройство..., т. II, 1957, с. 505-506]. У «новых задунайских переселенцев» – болгар и гагаузов – осуществилась давняя мечта: они объединились со своими соплеменниками, жившими в Буджаке с незапамятных времен. Именно по поводу этих «старых» поселенцев (гагаузов) А. А. Скальковский писал «жили они спокойно и дружно среди туземных обитателей – ногайцев» [Скальковский, 1848, с. 15].

* Имеется в виду на казённой, государственной земле.

В *Прутский округ* входили села Колибаши, Брынза, Валени, Слободзея, Бобоешты или Сараени, Кислица, Вадебоулуй, Журжулешты, Мандрешты, Анадолка, Фрикацея, Божорка, Чешмекиой, Волканешты; в *Кагульский* – села Картал, Сатунов (или Ени-Киой), Барта, Карагачь, Буджак-Некрасовцы, Итулия, Хаджи-Абдула, Курчи, Инпуцыта, Болбока; в *Измаильский* – Табак или Болград, Тараклия, Татар-Копчак, Кубей, Сатылык-Хаджи, Кайраклия, Каракурт, Чешме-Варуит, Бабель или Бабили, Долукиой, Таш-Бунар, Чишия, Эрдек-Бурну, Шикирли-Китай; в *Буджакский* – села Троян, Вале-Пержи, Код-Китай, Лунга, Гайдар, Томай, Баурчи, Казаякли, Беш-Алма, Конгаз, Чок-Мейдан, Кирсов, Беш-Гоз, Комрат, Джолтай, Авдарма, Кириет, Дизгинже, Еникиой [Скальковский, 1848, с. 24; Устройство..., т. II, 1957, с. 542-547].

В разных работах встречается двойное толкование вопроса о времени основания тех или иных сел. В списках переписи задунайских переселенцев за 1818 г. отмечено, в каком году гагаузы переселились в сёла Буджака. Так, например, в село Копкуй переселение гагаузов имело место в 1771 г., в село Капаклия – в 1771 г., с. Пеленей-Булгар – в 1795 г., с. Ларга-Тартаул – в 1791 г., с. Бешалма – в 1791 г., с. Кирсово – в 1791 г., с. Кириет – в 1790 г., с. Дезгиндже – в 1760 г., с. Томай (Чадыр-Лунгского района) – в 1790 г. [НА РМ, ф. 5, оп. 2, д. 439, л. 330] и т. д. В статистическом описании по Измаильскому цынуту за 1820 г. даны другие данные, согласно которым село Копчак образовано в 1813 г., с. Бешалма – в 1810 г., с. Кириет – в 1812 г., с. Томай – в 1813 г. [НА РМ, ф. 5, оп. 2, д. 563, л. 36-43] и т. д. Годы, указанные в этих источниках, нельзя рассматривать как годы основания сёл, а лишь как время поэтапного переселения гагаузов с Балканского полуострова. Сами сёла возникли намного раньше.

Второе крупное переселение гагаузов происходило в 1806–1812 гг. В Бессарабии переселенцев называли «беженарями». Окончательное выселение ногайцев из Буджака дало возможность и другим переселенцам заселяться в Буджак. Вместе с гагаузами стали прибывать и болгары. Однако они селились отдельно от гагаузов и редки были случаи создания смешанных болгаро-гагаузских сел. Причиной тому, видимо, были распри между последователями греческой и болгарской церкви, которые имели место на Балканах вплоть до конца XIX в. Эти отношения между прихожанами сохранились и после их переселения в Бессарабию. Ярким примером тому является с. Кирсово Бендерского цынута (ныне Комратского района). Жители этого села ещё помнят, что единственная церковь в селе была перегороджена и службу вели одновременно священнослужители как греческой, так и болгарской церковью. В начале XX столетия В. А. Мошков писал, что «гагаузы села Башкюю Комратской волости, наполовину населённого болгарами, размежевали на две половины единственную сельскую церковь и хоронят своих сородичей отдельно от болгар» [Мошков, 1904, с. 428].

Анонимный автор заметки «К вопросу о греко-болгарской церковной распри» в 1874 г. писал: «Благоразумные из греков давно осуждают раскол в православной церкви, и некоторые из их органов печати давно требуют прекращения распри, тем более что ненависть между болгарским и греческим населением в смешанных епархиях Македонии и Фракии с каждым днём всё более растёт» [КЕВ, 1874, с. 275].

АНТРОПОЛОГИЯ И СРЕДА ОБИТАНИЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК ГАГАУЗОВ

Слово «Башкюю» в переводе с гагаузского языка означает «изначальное», «головное» или «главное» село. Архивные источники подтверждают, что первичным названием селения Кирсово было Башкюю (топоним тюркского происхождения). Гагаузское население стало прибывать в с. Башкюю уже во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Тогда переселилось 38 семей, численностью 209 человек (см. табл. 1), в начале русско-турецкой войны 1806–1812 гг. добавилось еще 26 семей, численностью 138 человек [НА РМ, ф. 5, оп. 2, д. 442, ч. I, л. 105-112]. Болгарское население в с. Кирсово (Башкюю) переселилось позже – в 1830 г. из с. Хырсово, Разградского округа и из с. Жеравна, Сливенского округа (Болгария), численностью 476 человек (или 68 семейств) [ЕБ, 1986, с. 447]. Архивные материалы, а также источники, изданные в Болгарии, подтверждают, что изначальное название с. Кирсово было Башкюю. Впоследствии древнее гагаузское название с. Башкюю было заменено болгарским названием с. Хырсово, которое и легло в основу наименования современного с. Кирсово.

Третий этап переселения охватывает 1819–1857 гг. При выделении третьего этапа автор руководствуется тем фактом, что после 1819 г. вступили в силу новые условия поселения болгар и гагаузов, обусловленные законом от 29 декабря 1819 г. После окончания русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и заключения Бухарестского мирного договора с Османской империей создалась благоприятная обстановка для дальнейшего заселения Буджака. По условиям Бухарестского мира христианским подданным предоставлялось право переселяться в Россию на протяжении восемнадцати месяцев после подписания договора. В это время переселилось около 4 тысяч семей задунайских переселенцев [Клаус, 1869, с. 295].

После заключения Бухарестского мирного договора М. Кутузов был отозван с поста командующего Дунайской армией. Это обстоятельство, а также начавшаяся война с Францией задержали на несколько лет реализацию тех условий переселения и расселения гагаузов, а также других народов в Буджаке, которые были обещаны переселенцам 26 апреля 1811 г. М. Кутузовым в его специальном обращении к «переселяющимся с правой на левую сторону Дуная обывателям христианского вероисповедания». В этом документе говорилось о предоставлении «всех возможных выгод единоверцам, освобождающимся от ига турецкого и переходящим на левый берег Дуная» [Устройство..., т. II, 1957, с. 1]. Молдавские помещики воспользовались сложившейся ситуацией. Они начали захватывать казённые земли в Буджаке, объявляя их своими. В основном, они стали претендовать на земли в Гречанском и Кодрском цынутах, а селения, основанные гагаузами еще в XVIII в. и ранее в границах этих цынутов, объявили своей собственностью. Установленные новые власти и откупщики старались превратить старожилов этих селений, обосновавшихся здесь с незапамятных времен, а также вновь прибывавших «новых» переселенцев в зависимых крестьян, обязанных платить им и казне многочисленные налоги. На этой почве началась длительная борьба жителей разных селений, оказавшихся на «спорных землях», за свободный переход и устройство на казённых землях Буджака, ещё не захваченных помещиками.

Изучению данной темы посвящено совсем немного работ. Первым в этом ряду, характеризующим в том числе и гагаузов, проживающих на территории Бессарабии, было исследование Р. С. Левман, проведённое в 1946–1949 гг. Собранный ею материал, как и написанная на его основе диссертационная работа, к сожалению, были утеряны. Более того, полученные данные практически не были опубликованы: о них можно судить лишь по информации, представленной в автореферате диссертации [Левман, 1950].

В 1950-х гг. гагаузы Молдавии были исследованы в ходе Украинской антропологической экспедиции В. Д. Дяченко (1960, 1968). К настоящему времени накоплен обширный материал по распределению частот генов групп крови АВ0 среди популяций Молдавии, в том числе и гагаузов [Генофонд..., 2000, 2003], но почти полностью отсутствуют данные о частотах генетически детерминированных сывороточных и эритроцитарных систем крови.

В последние годы появилось значительное число сведений о распределении на территории Молдавии ДНК-маркеров [Варзарь, 2008; Варзарь, Спицын, Шереметьева, 2003; Спицына, Спицын, Варзарь, 1999; Спицын, Варзарь, Спицына, 1999; Spitsyn, Varzar', Spitsyna, 1999; Varsahr, Spitsin, Bychcovscaia, Kravchuk, 2001; Varsahr, Dubova, Kutuyev, 2003; Vazari, 2006; Varzari, Kharkov, Stephan, Dergachev et al., 2009; Varzari, Stephan, Stepanov et al., 2007]. Имелась также попытка проведения комплексного антрополого-генетического исследования населения этого региона [Дубова, Варзарь и др., 2004; Dubova, Varsahr et al., 2002].

Поскольку известно позднее время прихода гагаузов в степи Буджака, и при этом существует множество мнений о компонентах, сыгравших роль в их этногенезе, нет особого смысла описывать динамику антропологических типов и потоки отдельных генов на этой территории, тем более, что по данной тематике в настоящее время опубликованы специальные исследования [Великанова, 1985; Matveev, Интернет-ресурс; Vazari, 2006].

По имеющимся данным, в среднем гагаузы мало отличаются от живущих рядом молдаван, украинцев и болгар. Все эти народы в целом характеризуются средней и выше средней длиной тела, русым, тёмно-русым или тёмным цветом волос, светло-кариими или серыми глазами, сильным ростом бороды и волос на теле. Лицо – широкое или средней ширины, средней высоты, хорошо или средне выступающий нос – прямой или имеет выпуклый профиль. Голова обычно относительно короткая и широкая (брахицефальная), но встречаются и мезоцефалы.

Этот комплекс показателей может быть отнесён к средневропейской или центрально-восточноевропейской группе европеоидных популяций. Но можно проследить и некоторые отличия. Так, при том, что болгары чаще всего имеют тёмно-русые и тёмные волосы, а также довольно тёмные глаза, у них чаще, чем у молдаван и гагаузов, встречаются светлые оттенки и волос, и глаз. Среди сравниваемых трёх народов реже всего светло пигментированных индивидуумов можно встретить среди молдаван. Интересно, что в составе упомянутых трёх народов можно проследить присутствие довольно массивного, относительно широколицего антропологического компонента. Но этот вариант наименее чётко прослеживается среди молдаван. Другой антропологический вариант – также достаточно массивный, но с более высоким лицом – чаще встречается среди болгар.

Обращает на себя внимание и такая особенность гагаузов, как уплощённость верхней части лица в горизонтальной плоскости, но при сохранении высокого и средней высоты переносья. Складывается общее впечатление определённой аналогии морфологического облика гагаузов с населением некоторых групп Северного Кавказа. Все эти особенности свидетельствуют о том, что гагаузы занимают срединное положение среди трёх анализируемых народов. Без проведения специального изучения разных популяций гагаузов, к сожалению, невозможно говорить об их специфических антропологических чертах и территориальных вариациях.

Дерматоглифика гагаузов практически не изучена. В работе Т. Д. Гладковой цитируются табличные данные Абеля по пальцевым узорам и дельтовому индексу в небольшой суммарной группе мужчин и женщин [Гладкова, 1966, с. 96-131]. По полной программе Н. А. Долиновой были изучены лишь гагаузы с. Бешалма Комратского района Молдавской ССР [Долинова, 1978, с. 174-179]. Установлено, что гагаузы (по данным о мужчинах) близки по признакам кожного рельефа к молдаванам и болгарам, хотя и незначительно отличаются от них в «восточном» направлении по дельтовому индексу и добавочным трирадиусам. Эти материалы были использованы Г. Л. Хить при изучении народов СССР [Хить, 1983] и в работе по дерматоглифике тюркоязычных народов. Оказалось, что гагаузы входят в группу народов, обладающих особенностями, характерными для южных европеоидов: у них «повышены значения дельтового индекса и индекса Камминса, частота добавочных межпальцевых трирадиусов и узоров на гипотенаре, уменьшен процент проксимального трирадиуса ладони» [Хить, 1990, с. 27-51]. Небольшая сборная мужская группа гагаузов г. Комрат изучена С. П. Сегедой (1980), сведения о них же приводятся в сводке Г. Л. Хить и Н. А. Долиновой (1990) и используются этими исследователями в дальнейшем для суммарной характеристики гагаузов.

Суммарный анализ всех имеющихся дерматоглифических данных (включая полученные в 2001 г. в с. Казаклия Чадыр-Лунгского района, в с. Кириет-Лунга Чадыр-Лунгского района и с. Чишмикиой Вулканештского района [Дубова, Варзарь и др., 2004], а также неопубликованные материалы, собранные А. М. Варзарём в сёлах Конгаз, Чок-Майдан, Дезгинджа Комратского района в 1998 г.) был проведён Н. А. Долиновой и Н. В. Харламовой

(2005). Гагаузы характеризуются сочетанием близких к средним значений дельтового индекса и индекса Камминса с небольшой частотой трирадиуса t , высокой узорностью гипотенара и невысоким процентом добавочных межпальцевых трирадиусов. Различия между группами по величинам признаков, как правило, незначительны, что свидетельствует об однородности гагаузов. Исключение составляет сборная группа Комратского района, в которой значения большинства признаков выходят за пределы их вариаций в остальных группах. Европеоидно-монголоидный комплекс (*ЕМК*) у мужчин невысок – от 36,4 (сборная группа Комратского района) до 45,1 (с. Кириет-Лунга). Южный европеоидный комплекс (*ЮЕК*) варьирует – от 52,7 (с. Кириет-Лунга) до 63,1 (группа Комратского района) и отражает наличие у гагаузов южноевропейских черт. У женщин *ЕМК* также невысок (от 32,4 в группе Комратского района до 50,3 в с. Бешалма). *ЮЕК* варьирует от 52,3 с. Бешалма до 62,5 в группе Комратского района.

Таким образом, у обоих полов на общем фоне резко выделяются гагаузы Комратского района. Обобщенные дерматоглифические расстояния между территориальными группами (*ОДР*) варьируют от очень малых до средних, что свидетельствует об однородности гагаузов по комплексу признаков. Усреднённые значения показателя равны 8,4 у мужчин, 8,5 у женщин. Это намного ниже среднего территориального уровня для Восточной Европы (11,9 – у мужчин; 9,7 – у женщин).

Для сравнения, учитывая разные гипотезы происхождения гагаузов, были привлечены данные по дерматоглифике молдаван и болгар Молдавии [Долинова, 1976], суммарные группы молдаван и украинцев [Хить, Долинова, 1990], карачаевцев и балкарцев [Хить, 1990], болгар [Kavgazova, 1997] и турок [Хить, 1980, с. 80], а также русских [Долинова, 2004, с. 49-53]. По величинам *ОДР* гагаузы ближе всего к болгарам (очень малое значение для этнического уровня), далее идут турки и балкарцы, русские и молдаване, украинцы и карачаевцы. Все *ОДР* укладываются в пределы малых величин. Кластеризация на основе матрицы *ОДР* объединяет гагаузов в общий кластер с болгарскими, а также с балкарскими и карачаевскими. Данный кластер отличается от того, который включает молдаван, русских и украинцев на уровне малых *ОДР*. В женских группах картина менее чёткая, но все же гагаузы ближе всего к болгарам, украинцам, туркам и русским (на уровне очень малых *ОДР*), далее идут молдаване, балкарцы и карачаевцы (малые *ОДР*). По величинам *ЕМК* и *ЮЕК* (53,1) они также ближе к народам Восточной Европы, чем к туркам и народам Северного Кавказа. Такую же картину рисует и многомерное шкалирование.

В итоге, согласно данным дерматоглифики, предпочтительнее оказывается гипотеза происхождения гагаузов, предполагающая, что они являются потомками отуреченных болгар. Однако, учитывая отмеченное сходство гагаузов и с турками, и с северокавказскими этническими группами, более определённо можно будет судить об этом лишь по мере появления новых сведений о турках и при включении в анализ более полной информации о тюркоязычных народах Северного Кавказа.

Одонтологические данные, полученные параллельно с дерматоглифическими в 2001 г. пока, изучены Н. А. Суворовой лишь с точки зрения развития зубных патологий [Дубова, Варзарь и др., 2004]. В обобщающих сводках особенности зубной системы гагаузов не отмечаются [см. напр.: Зубов, Халдеева, 1989; Minkov, 1995 и др.].

Серологические исследования в четырёх гагаузских сёлах (Кириет-Лунга, Казаклия, Чишмекиой, Копчак), в одном молдавском (Капланы) и одном болгарском (Твардица) по группам крови систем A1A2BO, RHESUS, KELL, MN указывают на то, что популяции перечисленных населённых пунктов находятся в равновесии Харди-Вайнберга. Сопоставление этих материалов с литературными данными показало следующее. По фенотипическим и генным частотам генов системы A1A2BO южнотомолдавские популяции формально относятся к тому же типу распределения, что и большинство европейских популяций ($A > 0 > B > AB$ и $r > p > q$, соответственно). Однако в молдавской и в большинстве гагаузских (исключение – выборка из села Копчак) популяциях частота гена q (и, соответственно группы, B(III)) имеют повышенные значения, правда, не выходящие за пределы величин, свойственные большинству славянских популяций Восточной Европы. В противовес повышенным значениям q(B), во всех южнотомолдавских выборках обнаружены и высокие значения гена p(A). Относительно низкая концентрация гена p2, обнаруженная у гагаузов, болгар и молдаван, согласуется с пониженными значениями фактора A2 в некоторых восточно-румынских популяциях*, что может навести на мысль о роли восточного вклада в формирование генофонда народов Дунайско-Днестровско-Карпатского региона. В то же время, на основании только этого факта вряд ли есть серьёзные основания предполагать наличие восточного вклада, так как на современном уровне знаний полностью исключать автохтонное понижение частоты фактора A2 в этом регионе невозможно [Дубова, Варзарь и др., 2004; Varsahr et al., 2003].

В евроазиатском масштабе наибольший интерес имеет изменчивость варианта cde(r) системы RHESUS. Частоты групп крови Rh из южнотомолдавских выборок в целом укладываются в рамки европейских величин. В выборке молдаван из с. Капланы наблюдается крайне высокая концентрация варианта cde(r) и низкое значение CDe(R1), что сближает эту популяцию с некоторыми западноевропейскими группами. На фоне молдавских и общеевропейских величин в болгарской и гагаузских популяциях обнаруживается очевидный сдвиг частот упомянутых выше гаплотипов в восточном направлении. Доля гаплотипа cde(r) в болгарской и во всех гагаузских микропопуляциях понижена по сравнению с европейскими величинами: при частоте cde(r) в Восточной – 0,384, в Центральной – 0,397 и в Южной Европе – 0,364 (Walter, 1998), доля cde(r) у гагаузов варьирует от 0,206 в с. Казаклия до 0,327 в с. Копчак (а в болгарском селе Твардица она составляет 0,245). На своеобразии набора гаплотипов** системы Rh среди гагаузов указывает встречае-

* Данные О. Некрасовой с соавторами: см.: Mourat, Копес, Lomaniewska-Sobczak, 1976.

** Гаплотип – совокупность аллелей на участках одной хромосомы, обычно наследуемых вместе.

мость обычно очень редкого для Европы варианта CDe(R₂), наиболее распространённого у американоидов и австралоидов. Опять же подчеркнём, что это совсем не свидетельствует об участии данных групп в формировании изучаемых популяций [Дубова, Варзарь и др., 2004; Varsahr et al., 2003].

Данные системы MN показывают, что для популяции гагаузов характерно соотношение частот генов этой системы, укладывающееся в следующую схему, характерную для подавляющего большинства народов: MN > M > N. Для выявления этногенетических связей большее значение имеет ассоциация аллелей этой системы с локусом Ss. По частоте факторов MN гагаузы и болгары практически не отличаются от большинства европейских популяций. Повышенное значение концентрации фенотипа M в выборке молдаван сближает их с восточноевропейскими популяциями, в частности с населением Украины. Высокие значения фактора M (до 67%) отмечены в так называемой юго-восточной гематологической зоне Украины по Е. И. Даниловой (1971). Однако не исключено, что повышенная концентрация аллеля* M в молдавской выборке из Каплан является следствием эффекта основателя и/или небольшого объёма выборки. Последнее предположение подтверждается и материалами Р. И. Вайсблат и Р. Л. Лебеденко, где частота фенотипа** M в представительной выборке доноров-молдаван (956 человек) составляет 0,549, что значительно ниже определённой нами величины. В отличие от болгарской и гагаузских выборок, концентрация антигена K системы Kell в молдавской популяции существенно выше и по своим значениям даже превышает частоты, характерные для многих европейских групп [Дубова, Варзарь и др., 2004; Varsahr et al., 2003].

Таким образом, уже эти краткие данные позволяют констатировать, что гематологический тип гагаузов и, возможно, болгар сложился на основе взаимопроникновения северобалкано-карпатского и восточноевропейского гематологических типов. Этот тип, по-видимому, был частично видоизменён или в результате потока генов из восточных регионов или под влиянием микропопуляционных процессов. По локусам A1A2BO и MN популяцию гагаузов можно считать единой, а в отношении системы Rh, детерминированной большим числом локусов, генетическое единство не наблюдается. Вероятно, гагаузы как единая популяция находятся на той стадии, когда системы с единичными локусами уже гомогенны, а с большим числом – ещё нет. Дальнейшие исследования генетической структуры популяции гагаузов внесут на этот счёт необходимые уточнения.

* Аллель – различные формы одного и того же гена, расположенные на одинаковых участках парных хромосом (одна из которых досталась организму от отца, а вторая – от матери) и определяющие альтернативные варианты развития одного и того же признака.

** Фенотип – генетический термин, которым обозначается совокупность характеристик, присущих индивиду на определённой стадии развития (например, группа крови, цвет глаз, рост и проч.). Фенотип складывается на основе генотипа – то есть совокупности генов данного организма – проявление которого зависит в том числе и от факторов внешней среды.

Проверка на однородность распределения частот генов по этническому признаку выявила статистически достоверные отличия между молдаванами и гагаузами, а также молдаванами и болгарями по большинству исследованных генетических систем крови. Различия между молдаванами и гагаузами, как и в случае гагаузских микропопуляций, достоверны лишь для системы Rh. При сравнении полученных данных с частотами соответствующих генов, свойственных румынам, албанцам, грекам, русским, башкирам и туркам, подтвердил большее взаимное сходство гагаузов с болгарями и их общее единство с другими народами Балканского полуострова (греками, албанцами) и турками. Молдаване и румыны сближаются по частотам изученных групп крови с русскими и башкирами.

И наконец, уделим внимание наиболее популярным ныне молекулярно-генетическим данным, представленным и специально проанализированным в процитированных выше работах А. М. Варзаря с соавторами. На основании генотипирования восьми полиморфных инсерций Alu-элемента в локусах ACE, PLAT, FXIIIВ, APOA1 PV92, B65, D1 и A25 в образцах из двух популяционных выборок гагаузов, проживающих в сёлах Конгаз и Этулия, получено удовлетворительное соответствие эмпирического распределения генотипов распределению ожидаемому (соответствующему модели Харди-Вайнберга). Это свидетельствует об отсутствии (или незначительности) эффекта инбридинга* в исследованных популяциях.

В целом для гагаузских популяций характерен спектр аллельных частот, свойственный другим европейским популяциям. На фоне общеевропейских величин отмечены пониженные частоты инсерций в локусах TRA25, B65, D1 и A25 в выборке из Этулии. Локусы PV92, F13B и APOA1 являются наиболее подходящими маркерами для дифференциации монголоидных (азиатских) популяций от европеоидных. Особенностью азиатских популяций является относительно высокая частота Alu-инсерций в локусах PV92 и F13B и относительно низкая частота инсерции в APOA1. В исследованных нами выборках гагаузов аллельные частоты по PV92, F13B и APOA1 соотносятся с таковыми в европейских популяциях и заметно отличаются от величин, характерных для азиатских этнических групп [Варзарь, 2008; Varzari, 2006; Varzari A., Stephan W. et al., 2007].

Были изучены также 28 бинарных и 7 STR полиморфизмов Y-хромосомы. В генофонде гагаузов в общей сложности были идентифицированы 15 Y-гаплогрупп. Наиболее распространёнными оказались I-P37 (20,2%), R-M17 (19,1%), G-M201 (13,5%), R-M269 (12,4%), и E-M78 (11,1%). Современные гагаузы были сопоставлены с другими балканскими, анатолийскими и центральноазиатскими популяциями с помощью генетических расстояний, неметрического многомерного шкалирования и анализа молекуляр-

* *Инбридинг* (от англ. *in* – «внутри» и *breeding* – «разведение») – скрещивание близкородственных форм в пределах одной популяции животных. В отношении к человеку обычно под этим термином подразумевается высокая частота браков и/или половых связей между близкими родственниками.

ных вариансов. Исследования показали, что гагаузы принадлежат к балканской популяции. Это предполагает, что они сменили свой язык в Юго-Восточной Европе. Интересно, что детальное исследование микросателлитных гаплотипов показало некоторые различия между гагаузскими и турецкими линиджами*, что в известном смысле поддерживает сельджукскую гипотезу происхождения гагаузов. Другие микросателлитные локусы показали различия между двумя гагаузскими популяциями, что соответствует культурной и лингвистической разнородности гагаузов и подчеркивает важную роль социальных факторов в формировании генофонда Y-хромосомы гагаузов, а также, возможно, эффектов генетического дрейфа.

Присутствие различных генетических компонентов разного возраста в Карпато-Днестровском регионе указывает на последовательные волны перемещения из разнообразных регионов Западной Евразии. Это свидетельствует о том, что область между Карпатами и Днестром является зоной, весьма богатой контактами и взаимодействием различных западных евразийских генетических «областей», особенно из Восточной Европы и с западных Балкан. Генофонд Y-хромосомы гагаузов продемонстрировал высокую степень генетической близости географически соседнему населению. Это предполагает, что они перешли на тюркский язык, вероятно, путём распространения прежде всего в среде правящей элиты [Vazari, 2006; Varzari, Khar'kov, 2009]. Правда, эти построения встречаются и некоторую дискуссию, отражённую в Интернете (Y chromosomes of the Gagauz, Интернет-ресурс; Гагаузы – происхождение..., Интернет-ресурс).

Таким образом, вся совокупность имеющихся данных демонстрирует взаимодействие разных антропологических компонентов на территории Пруто-Днестровского междуречья на протяжении всей истории. Соответственно, различные гипотезы могут найти свои основания в результатах изучения разных систем антропологических признаков. Поэтому комплексное системное изучение антропологии современных гагаузов давно стоит на повестке дня.

* *Линидж* (англ. *lineage* – происхождение; род) в генетике – то же самое, что и гаплогруппа или филетическая линия, то есть совокупность гаплотипов, которые имеют в основе гаплотип одного основателя группы (первопредка). В гуманитарных науках – внутривидовая группа близких родственников, ведущих происхождение от памятного предка. Различаются патрилинейные – патрилиниджи и матрилинейные – матрилиниджи.

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА БУДЖАКА – СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ГАГАУЗОВ*

В степях зелёных Буджака,
Где Прут, заветная река,
Обходит русские владенья,
При бедном устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут,
Храня родительские нравы,
Питаюсь ... трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

А. С. Пушкин
(Собр. соч. в 10 тт., Т. III, с. 91)

Ешил Бужак кырларында
Тя нянда Прут, белли деря,
Аннык олду рус ерлериня,
Бир дережик бувазында
Дурэр бу кюй, таа билинмяз...
Айля-айля колонистляр
Бурда севинч-кушку йашээр,
Боба адетлерни тутэр,
Бу бююк девлет инсаннары –
Кенди, сайерлар, ватаны...

Перевод Д. Н. Танасоглу*
[см.: Танасоглу, 1985, с. 297]

В книге «История и культура гагаузов» (июль 2006 г.), говорится: «За южной частью Бессарабии, или, как она называлась в официальных документах, “собственно Бессарабия”, включавшей в себя Аккерманский уезд, [Измаильское] градоначальство, большую часть Бендерского и Кагульского уездов, ограниченную с севера условно Верхним Траяновым валом, в XIX в. закрепилось наименование “Буджак”» [История и культура гагаузов..., 2006, с. 127]. Приведённая цитата принадлежит перу выдающегося молдавского историка И. А. Анцупова.

К сожалению, утверждение маститого молдавского историка не вполне соответствует реальности. В знаменитом турецком источнике, датированном столетием ранее (1740 г.), «О Валахии, Молдавии и Украине», написанном турецким чиновником, в течение многих лет состоявшим в должности секретаря арсенала и финансовой канцелярии в Хотине в первой половине XVIII в. во время княжения молдавского господаря Михаила Раковица, читаем: «Буджак – это отдельная от Молдавии страна, раньше называлась Сераб, а теперь называется Буджак... плодородная низменность. Там живут татары, они очень зажиточны. Каждый из них имеет большие стада баранов, скота, лошадей, кобыл, называемых чялджи, и двугорбых верблюдов... Там в изобилии произрастает пшеница, ячмень и другие злаковые, которые вывозят на верблюдах в ближайшие местности – Килию, Измаил, Аккерман – на продажу... Страна

* Впервые опубликовано в сборнике: Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Адаптация культуры и культура адаптации. Под общ. ред. М. Н. Губогло. М., 2007. С. 53-74.

** Перевод Д. Н. Танасоглу данного отрывка из творчества А. С. Пушкина является вольным (прим. ред.).

Буджак представляет собой вход в великую степь Хейхат (древнее татарское название причерноморских либо полонезских степей)» [цит. по: Губогло, 1964, с. 142-143, 156].

Более того, в XVII–XVIII вв. этноним *буджаки* или *буджакские татары*, широко использовался в письменных источниках вместе с названиями других ногайских племенных объединений. Один из интересных исторических документов, «Фирман (послание – Л. Ф.) султана Мустафы о разорении Молдавии буджакскими татарами, датируемый 1759 г., начинался со слов: «Вельможному буджакскому сераскиру». Словом *сераскир* обозначался наместник крымского хана, назначавшийся из числа подвижников хана и носивший титул «султан Буджакской орды» [Гизер, http://vostlit.narod.n/rexts/DocumentaryArurk/XVIII/1740-1760/Mustafa_111/03.1759.htm].

Несколько иную картину Буджака рисовал капитан Генерального штаба Российской империи, действительный член Одесского общества истории и древностей, Общества сельского хозяйства Александр Защук в насыщенном богатейшей информацией фолианте, посвящённом описанию Бессарабии в середине XIX в.: «Пространство Буджака, где до конца прошлого века (XVIII в. – Л. Ф.) столетиями кочевали дикие орды ногайцев, и поныне представляет пустыню. Вдали от селения путник напрасно будет искать предмета, на котором бы мог остановиться его взор: нигде ни одного деревца; даже курганов, этих свидетелей давно минувшего, не видно в этих местах...

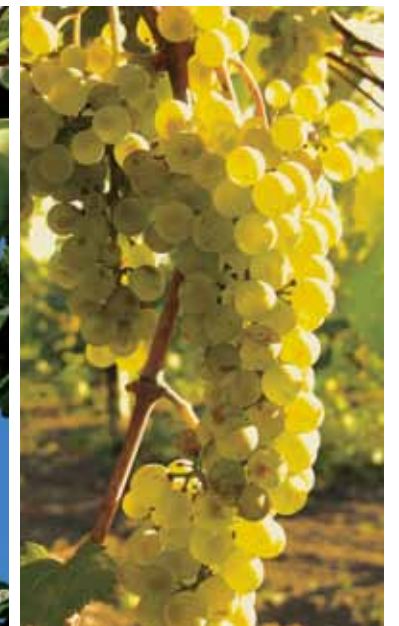
Дорога гладкая, ровная, вьётся чёрною лентою по обнажённой, выжженной солнцем степи, по которой кое-где пасутся табуны лошадей, гурты рогатого скота и большие стада овец, сторожимые дикими собаками и одичалыми пастухами-чабанами» [Материалы для географии и статистики России..., 1862, с. 529].

Прошло еще полвека, и снова появились безрадостные горькие строчки, характеризующие Буджакскую степь на заре XX в.: «Голая, выжженная солнцем, скучная степь... Одна за другой тянутся в бесконечную даль тощие десятины крестьянских посевов. Ни одной зелёной травки, ни одного деревца, на котором мог бы отдохнуть глаз, утомлённый скучным однообразием степного пространства» [Цит. по: Губогло, 1971, с. 122].

Не счесть числа как мрачным, так и светлым описаниям природно-климатических условий Буджака... В немалой мере противоречивость красок и впечатлений от края объясняется как многообразием и контрастностью природно-климатических условий, так и специфичностью времени года, которому было посвящено то или иное описание.

Сегодня значительная часть Буджакской степи, имеющая протяжённость до 200 вёрст в длину и около 150 вёрст в ширину (1 верста = 1066,8 метров), является основной средой обитания гагаузов.

Под «средой обитания» можно понимать целостную систему взаимосвязанных природных и антропогенных объектов и явлений, благодаря которым осуществляется нормальная жизнедеятельность, включая труд, бытовую жизнь и отдых людей. Соответственно, «окружающая среда», как природно-

Панорама Буджакской степи и её сочные плоды.
Фото из альбома "Буджак" (А. Г. Корниенко, 2009 г.),
а также из личного архива А. Г. Няговой (2010 г.)

климатические и экологические основы жизнедеятельности, включает в себя социально-экономические, природные и искусственно создаваемые физические и биологические факторы, то есть всё то, что имплицитно или эксплицитно оказывает воздействие на жизнь и деятельность людей [см.: Никитин, 1980, с. 5].

Около 2–2,5 вв. потребовалось гагаузам, чтобы вместе с болгарями, молдаванами, русскими и представителями других национальностей превратить отличающийся сложностью природно-климатических условий край в процветающую родину. Вместе с тем, решение одних проблем порождало новые заботы.

Так, например, несмотря на многовековые связи с другими этносами, гагаузы сохранили своеобразный тип хозяйствования, который оптимально сочетает в себе земледелие и скотоводство. Между тем, экстенсивное ведение хозяйства индустриального типа привело к тому, что накопленный опыт, приобретённый гагаузами на протяжении долгого времени, был отодвинут на задний план. Это незамедлительно сказалось и на экологической ситуации. Состояние окружающей среды на всей территории Молдовы, в том числе и в Гагауз Ери, близко к кризисному.

Как писал Ф. Сен-Марк: «История отношений Человек–Природа делится на три периода: век земледелия до конца первой половины XVIII столетия, век промышленности до конца первой половины XX столетия, век природы – настоящее время» [Сен-Марк, 1977, с. 54].

В первый период человек был зависим от законов природы и стремился выжить среди этой природы. Этот период и привёл его к тем проблемам, которые следует решать безотлагательно.

День сегодняшний расставил свои акценты, и человек должен повернуться к природе лицом. Иначе дальнейшее разрушение природы приведет и к разрушению его самого.

Homo sapiens это осознаёт, но ещё мало делает для того, чтобы остановить негативное воздействие на экосистему.

К факторам, которые пагубно влияют на окружающую среду, в частности, относятся:

- загрязнение воздуха;
- загрязнение воды;
- сокращение зелёных насаждений;
- отходы и накопление ТО (твёрдых отходов);
- шум.

Из всех перечисленных факторов долгое время внимание уделялось лишь проблеме, связанной с вырубкой лесных насаждений. В последнее время ещё одна проблема, которая выступает едва ли не глобальной для многих стран, требует решения не только на индивидуальном, но и на государственном уровне – это отходы и построение очистных сооружений.

По данным совместного российско-молдавского исследования «Электрокардиограмма (ЭКГ) выживания. Этнорегиональный опыт» (автор проекта и руководитель исследования М. Н. Губогло), в реализации которого весной 2006 г. принимали участие профессорско-преподавательский состав, студенты и аспиранты Комратского государственного университета, было обнаружено, что 76,3% взрослого населения Гагаузии не удовлетворено очистными сооружениями, 69,0% – качеством питьевой воды, в то время как только 12,1% не было удовлетворено электроснабжением и 30,8% – работой торговых предприятий. (Репрезентативный этносоциологический опрос 1 200 чел. был проведён в 3 городах и 8 сёлах Гагаузии.) Диагноз поставлен. Вывод очевиден. В современных условиях во втором постсоветском десятилетии проблема взаимодействия социума Гагаузии с природой, связанная с восстановлением, сохранением и улучшением окружающей среды, приобретает особую остроту и актуальность и требует как незамедлительных обследований, так и оперативной практической деятельности с высоким КПД.

Решение этой задачи представляется возможным только при совместной работе теоретиков и практиков, при объединении усилий специалистов, в том числе сосредоточенных в Комратском университете, а также представителей органов законодательной и исполнительной власти Гагаузии, при доброжелательном отношении и финансовой поддержке Кишинёвской политической элиты.

Климатические ресурсы

Климатические условия Гагаузии, как и всей Молдовы, под влиянием атмосферной циркуляции и рельефа местности характеризуются разнообразием и относительно большой изменчивостью. В связи с вторжением зимой северных и восточных антициклонов, западных и юго-западных циклонов, соответственно, происходят резкие снижения температуры воздуха и аномальные потепления с увеличением количества осадков. Летом на территории республики устанавливается жаркая и сухая погода.

Климат юга Молдовы, который относится к III агроклиматическому району, – умеренно-континентальный, характеризуется короткой тёплой зимой и продолжительным жарким летом. Данные исследований позволяют судить об общем климатическом фоне этого региона, о климатических условиях наиболее выровненных территорий, расположенных на той же абсолютной высоте, что и используемые показатели метеорологических станций.

Гагауз Ери располагается на территории, которая называется Южно-молдавской агроклиматической провинцией. Она имеет свои особенности: обилие света и тепла, большая продолжительность вегетационного периода, засухи, резкие перепады температур зимой и в переходные периоды.

Таблица 1
Среднегодовое количество выпавших осадков в мм и температуры воздуха в градусах С

Месяцы	Количество осадков	Температура воздуха
Сентябрь	25	15.5
Октябрь	25	10.5
Ноябрь	35	4.5
За осень	85	10.2
Декабрь	30	-1.5
Январь	20	-3.0
Февраль	25	-2.0
За зиму	75	-2.2
Март	20	3.0
Апрель	35	9.5
Май	50	16.0
За весну	105	9.7
Июнь	60	19.2
Июль	50	22.0
Август	45	20.4
За лето	155	20.5
За год	420	9.5

Годовая температура воздуха составляет от +9,8°C до +10,1°C, средняя температура воздуха самого тёплого месяца (июля) варьирует от +21,2°C до +22,4°C, абсолютный максимум +37°C – +42°C, сумма температур более +10°C – 3100–3350°C (в отдельные годы она составляет 2300–2600°C или 3550–3850°C, но вероятность таких сумм не превышает 5%) 184–189 дней. Средняя продолжительность безморозного периода равна 194–197 дням.

Среднегодовое количество осадков составляет 494–533 мм за тёплый период – 358–387 мм, испарение – 431–437 мм в год. Максимальное их количество может достигать 696 мм, минимальное значение сумм осадков за год в среднем – 276 мм.

Поскольку в этом отношении каждый последующий год в Гагаузии заметно отличается от предыдущего, в производство сельскохозяйственной продукции привносится дополнительное беспокойство и непредсказуемость.

Основными неблагоприятными агрометеорологическими факторами для сельского хозяйства являются поздние весенние и ранние осенние замо-

розки, засухи и суховеи, высокие температуры воздуха вегетационного периода, сильный ветер, низкие отрицательные температуры воздуха зимой.

Засухи в Гагаузии отмечаются 1 раз в 6–7 лет, они снижают урожай сельскохозяйственных культур до 50% и более. У многолетних насаждений засыхают и опадают плоды.

Суховеи слабой и средней интенсивности вызывают нарушение водного баланса растений, пожелтение и подсыхание листьев у «незакалённых» растений. Суховеи на территории юга составляют до 15 дней.

Высокие температуры (выше 32°C) наблюдаются в течение 9 лет из 10.

Всё это нередко висит как Дамоклов меч над трудовыми усилиями населения, занятого земледелием. К сказанному нельзя не добавить и капризы зимы.

Заморозки сокращают период вегетации, вызывают гибель всходов сельскохозяйственных культур, рассады овощных культур и табака, у многолетних насаждений (виноград, персик, яблоня и т. д.), приводят к снижению урожая, в отдельные годы повреждение культур от заморозков достигает от 50% до 100%.

Низкие отрицательные температуры воздуха (– 20°C и ниже) оказывают существенное влияние на перезимовку озимых культур, виноградников и садов. Повреждение низкими температурами озимых культур приводит к изреженности посевов до 10–30%, а один раз в 20 лет – до 50%. Гибель глазков винограда в среднем не превышает 10–20%, но в отдельные годы достигает 30–50% [Материалы рабочей встречи..., 2000, с. 120].

Земельные ресурсы

Юг Бессарабии, в том числе Буджакская степь, как отмечал авторитетный специалист в области аграрной истории И. А. Анцупов, в производственно-экономическом отношении представлял собой специфический регион, что существенно отличало его от центрального и северного регионов Республики Молдовы. При этом некоторая обособленность Буджака в значительной мере определялась не только социально-историческими обстоятельствами, связанными с пограничным положением республики, не только этнокультурными особенностями населения, но и почвенными разновидностями и растительным покровом.

Почва, как особое природное образование, обладает рядом свойств и характеристик, присущих живой и неживой природе. Особенности почвы формируются в результате длительных процессов, протекающих под совместным взаимообусловленным взаимодействием гидросферы, атмосферы и креативной деятельности человека [подробнее см.: Докучаев, 1949, с. 284].

Фундаментальным, природным ресурсом Молдовы – по занимаемому пространству, непрерывности залегания, мощному потенциалу – являются плодородные почвы. Это знали давно – еще 25 веков назад «отец истории»

Геродот свидетельствовал, что юго-запад Скифии, куда входила южная часть современной Молдовы, представляет собой «равнину с глубоким чернозёмом» В XVIII в. Дмитрий Кантемир писал: «Поля молдавские, славные по своему плодородию, далеко превосходят сокровища гор» [Крупеников, 1989, с. 39].

Василий Васильевич Докучаев в 1889 г. назвал молдавский чернозём «первоклассным» [Докучаев, 1989, с. 45]. Производительность гектара сельскохозяйственных угодий в Республике Молдова почти на треть больше, чем на Украине и в два раза больше, чем в Грузии. Пашни с такой высокой биологической продуктивностью занимают лишь 3% общей площади пахотных угодий постсоветского пространства, из них 29,1% приходится на Молдову.

Значительное плодородие почв, их генетическое разнообразие обуславливают достаточный уровень рентабельности сельскохозяйственного производства, большие возможности его интенсификации, а также широкую гамму специализации отраслей растениеводства и связанных с ним промышленных производств масложировой, винодельческой, плодоовощной и табачно-маховой отраслей.

Однако влияние человека на окружающую среду и, в частности, на почву со временем становится всё более активным, а последствия вмешательства в закономерности и ход естественных процессов – всё более пагубными.

Среди современных процессов, вызванных антропогенным воздействием, особое место принадлежит деградации почв. Недостаточно проводится работ по защите почв от водной и ветровой эрозии, от засоления земель. Кроме того, много земель используется нерационально, годами не рекультивируются площади отработанных карьеров, порою не снимается гумусный слой на строительных площадках, большие территории засоряются сточными водами животноводческих ферм и промышленных предприятий.

Всё это выдвигает проблему постоянного мониторинга, охраны и рационального использования ресурсов в число коренных проблем республики. Одни почвы республики более подвержены процессам деградации и опустынивания, другие – более устойчивы. Понятно, что, исходя из этого, возможности и способы предотвращения опустынивания и уменьшения отрицательных процессов деградации почв являются различными.

Недостаточно внимания уделяется охране почвенного плодородия и повышению продуктивности земель. Потери сельскохозяйственного фонда и земель недопустимо велики за счёт отрицательных факторов, таких как усиление эрозионных процессов, засоление.

Важную роль в деле охраны и рационального использования земельных ресурсов играет борьба с водной и ветровой эрозией, которой в Молдове подвержено 640 тыс. га, или 19% территории республики, из них около 30 тыс. гектаров бросовых (заовраженных земель) [Мероприятия по преодолению..., 1999, с. 7-8].

Состояние земельных ресурсов в Гагаузии показывает, что факторы антропогенного влияния выражаются через эродированность земель и за-

грязнение почвы отходами. Почвы, подверженные эрозии, составляют в среднем 47% территории Гагаузии. Для сравнения: по Республике Молдова этот показатель равен 33%. Для отдельных сёл Гагауз Ери он еще выше. В селах Томай, Джолтай – 70–80% эродированных земель. В составе сельскохозяйственных угодий 1118 га на юге Молдовы занимают овраги и 480 га – оползни. В населённых пунктах Башкалия, Дезгинджа, Комрат, Бешалма, Баурчи, Качулия, Чишмя овраги занимают площадь от 50 до 120 га [Там же, с. 15].

Водные ресурсы

Вода – своеобразный минерал, не менее ценный, чем многие другие полезные ископаемые, например, нефть и газ, так как обеспечивает жизнедеятельность человека и всех живых организмов на земле. Сложнейшие реакции в животных и растительных клетках не могут протекать без воды. Более того, природно-климатические условия всех регионов, в том числе Буджака, во многом зависят от наличия водных пространств и содержания водяного пара в атмосфере.

В ряду космогонических представлений и верований гагаузов вода издавна занимала особое положение, что, естественно, подпитывалось чрезвычайно важным значением воды в безводной Буджакской степи. Так, например, считалось грехом обедать во время дождя, идущего с неба, так как дождь в представлениях гагаузов – это «работа Бога» [Мошков, 2004, с. 258; Манов, 1938, с. 86].

Значительные усилия гагаузов сводились к построению сооружений по водозадержанию в системе мелких прудов. Речки и ручьи в Буджаке имели незначительную водосборную площадь, а грунтовые воды летом находились на большой глубине, поэтому на значительной части Буджакской степи водные источники были малопродуктивны и не обеспечивали необходимого для хозяйственных нужд увлажнения [Анцупов, 2006, с. 130].

Кроме земляных плотин, которые всем селом возводили для водопоев, в Буджакской степи рылись колодцы, как правило, на пересечении дорог. Строители подобных колодцев (или «фонтанов») пользовались среди односельчан большим уважением. «Тот, кто построил колодец, на том свете никогда не будет ощущать недостаток в воде» [Мошков, 2004, с. 191-192].

Молдова занимает 64-е место по качеству воды среди 200 стран мира. В 80% случаях она соответствует нормам, но проблема состоит в том, что не все граждане имеют к ней доступ, так как лишь 70% городского населения обеспечены водопроводом, а в сёлах основной источник воды – колодцы.

На будущее планируется вдвое увеличить число людей, имеющих доступ к качественной питьевой воде. Это значит, что до 2015 г. государство должно обеспечить доступ к чистой воде еще более 800 тыс. гражданам страны. Сейчас лишь 1,8 млн. граждан республики имеют доступ к качественной воде, что составляет менее половины всего населения.

На территории Молдовы находятся более 120 тыс. колодцев, вода которых в 80% случаев не соответствует экологическим и химическим требованиям. Такое же положение сложилось в отношении почти половины из 3,5 тыс. артезианских скважин. Самая неудовлетворительная ситуация с водоснабжением отмечена в районах Глодень, Фэлешть, Сынджерей, Кэлэрашь, Унгень, Ниспорень, Криулень, Басарабьяска. Ежегодно население Молдовы потребляет более 145 млн. кубометров воды. При этом некачественную питьевую воду употребляют более половины граждан, что напрямую влияет на рост заболеваемости и смертности в стране.

Основная причина загрязнения вод – отсутствие канализации во многих населённых пунктах, неправильное складирование мусора, а также отсутствие у многих граждан элементарных экологических знаний.

Президент Республики Молдова провёл специальное заседание, посвящённое мероприятиям по благоустройству, ремонту и оснащению колодцев и источников. Все меры по улучшению водоисточников были предприняты в соответствии с президентским указом «Неделя чистых вод». Это даёт возможность обеспечить население страны качественной питьевой водой, а также оздоровить окружающую среду.

Большое значение имеют в Молдове грунтовые и артезианские воды. Издавна пользовались заслуженной славой многие источники (по-местному – *чёмия, сызынты*), с прекрасной прохладной водой, иногда не только приятной на вкус, но и целебной. Всего в РМ насчитывается около 2 200 родников с хорошей питьевой водой.

Диаграмма 1

Подземные воды образуют несколько горизонтов, приуроченных к различным геологическим слоям. Для водоснабжения и частичного орошения больше всего используются воды меловых и палеогеновых отложений посредством 1 400 артезианских скважин [Федотова, 2005, с. 25].

Грунтовые воды Молдовы, как и напорные (артезианские) отличаются разнообразием химического состава. Во многих районах они являются высоко минерализованными, очень жёсткими, с большим содержанием сульфата и хлоридов. Минерализация и ионный состав грунтовых вод в пределах относительно небольших площадей, например, одного села, может варьировать в широком диапазоне.

Таблица 2

Содержание химических элементов в воде колодцев сел Гагаузии (данные за 2005 г.)

№ п/п	Химические элементы	Единицы измерения	Результаты анализа			
			с. Томай	с. Дезгинжа	с. Баурчи	с. Кирчево
1	pH		7,7	7,9	7,6	7,7
2	CO ₃ ²⁻	мг/л	отсутствует			
3	HCO ₃		585,6	585,6	622,2	732,0
4	SO ₄ ²⁻		957,6	984,7	1818,0	307,8
5	NO ₃		8,4	2,4	9,6	5,1
6	NH ₄		0,3	0,4		
7	CL		417,0	417,0	313,0	250,0
8	Ca ²⁺		100,0	100,0	100,0	140,0
9	Mg ²⁺		91,2	97,2	236,4	118,8
10	Na ⁺		700,0	720,0	750,0	500,0
11	CU		0,02	0,02	0,04	следы
12	Zn		0,02	не обнаружено		
13	Mn		не обнаружено			
14	Fe		следы			
15	Сухой остаток			2470,0	2490,0	3840,0
16	Жёсткость	мг/экв/100г	12,6	13,1	27,7	16,9

В южной степной зоне Гагаузии формируются грунтовые воды с минерализацией от 1,0 до 30,0 г/л. Большинство из них относится к сульфатно-натриевому типу. Это воды с минерализацией 20,0 г/л и более 20,0 г/л – хлоридные [Чеботарёва, с. 39].

Таблица 3

**Содержание химических элементов в питьевой воде
г. Комрате (данные за 2004 г.)**

№ п/п	Химические элементы	Единицы измерения	Результаты анализа					
			номер проб					
			1	2	3	4	5	6
1	pH		8,7	8,4	7,7	8,6	7,8	8,2
2	CO ₃ ⁻	мг/л	48,0	24,0	н/о	38,4	н/о	
3	HCO ₃ ⁻		472,6	546,6	888,2	1200,5	775,9	614,9
4	SO ₄ ²⁻		159,0	207,8	198,0	2,5	688,0	992,0
5	NO ₃ ⁻		н/о		2,4	42,2	2,4	35,2
6	NH ₄		0,4	н/о		3,8	н/о	20,7
7	CL ⁻		86,2	73,7	208,5	173,8	222,0	442,0
8	Ca ²		5,0	5,0	50,0	5,0	35,0	95,0
9	Mg ²		3,0	6,0	69,0	н/о	78,6	93,0
10	Na		330	270	365	535	620	650
11	Cu		н/о					
12	Fe	0,02	0,40	н/о	0,38	н/о	0,02	
13	Сухой остаток	790	820	1340	1270	2010	2580	

1. Артезианская скважина на ул. Лермонтова.
2. Колодец Сарач, ул. Колодезная.
3. Колодец на территории Лесхоза.
4. Университетская скважина на ул. Третьякова, 152.
5. Родник при въезде в г. Комрат (Аладов).
6. Колодец Сандиянчу И. И., ул. Лермонтова.

В верховье р. Ялпуг воды являются сульфатно-натриевыми, жесткими. Сток средней части р. Ялпуг зарегулирован тремя русловыми водохранилищами – Комратским, Конгазским и Тараклийским. В них аккумулируются высокоминерализованные, очень жёсткие сульфатно-натриевые, сульфатно-хлоридно-натриевые или хлоридно-сульфатно-натриевые воды. Наибольшая минерализация вод в водоёмах наблюдается в летне-осенний период, её снижение отмечается во время весеннего половодья и в самом начале лета.

Проведённые нами (НПО МЕМ Комрат, 2005 г.) исследования свидетельствуют, что такие показатели, как сульфаты, магний, натрий, сухой остаток и жёсткость, превышают ПДК во всех исследованных пробах воды, а хлориды – в пробах воды из колодцев с. Томай и с. Дезгинджа. Так, в селе

Баурчи Чадыр-Лунгского района показатель по сульфатам выше ПДК почти в 4 раза. Количество натрия в пробах превышает ПДК почти в 3,5 раза [Федотова, Мангул, 2006, с. 23-37].

Питьевая вода по таким показателям, как натрий, не пригодна даже для полива, так как вызывает засоление почвы.

Флора и фауна

Природные условия Молдовы сформировались под влиянием соседних регионов юго-западной части Восточно-Европейской равнины и Карпатских гор, и поэтому, несмотря на небольшую площадь, наша страна отличается многообразием природных условий.

Молдова богата разнообразной и смешанной по составу флорой и фауной. Ещё несколько столетий назад здесь преобладали естественные ландшафты, которые давали возможность развиваться многочисленным представителям растительного и животного мира. В настоящее время из-за высокой освоенности территории естественная растительность занимает небольшие площади. По этой же причине ныне животный мир значительно беднее, чем в прошлом. Земледелие наложило свой отпечаток на распространение растений и животных. Сократилась площадь лугов и степей. Дикие животные и птицы остались без естественных кормов. Некоторые растения и животные были уничтожены. Нарушилось экологическое равновесие.

Ботаники XIX и начала XX века – В. И. Липский, Н. М. Зеленецкий, И. К. Пачоский – собрали огромный материал по флоре Бессарабии [Крупников, 1982, с. 100].

Молдова располагает в трёх природных растительно-ландшафтных зонах – лесной, лесостепной и степной.

Лесная растительность Республики Молдова (по состоянию на I января 1998 г.) занимает площадь около 317 тыс. га и представлена участками лесной растительности, находящимися в ведении государственных лесных органов (295,3 тыс. га лесов), частью лесного фонда, находящегося в хозяйствовании примэрий, сельскохозяйственных предприятий и других обладателей (30,1 тыс. га), а также лесозащитными полосами и плантациями деревьев и кустарников вне лесного фонда (51,5 тыс. га).

Молдова является одной из наименее облесённых стран Европы. В этом отношении она значительно отстаёт от Российской Федерации, Беларуси, Румынии, Болгарии и Украины.

Лесу как источнику самого древнего на земле материала – древесины – принадлежит огромная роль в поддержании гидрологического режима рек, в предупреждении водной и ветровой эрозии почв, в борьбе с засухами и зимами, в регулировании кислородного баланса в атмосфере и, следовательно, в улучшении условий жизни на земле. Но именно лесов меньше всего в Буджаке. А между тем, народная мудрость гласит: «срубить дерево – пять минут, а вырастить – сто лет». Следовательно, заботу о лесонасаждениях можно считать одной из приоритетных задач по облагораживанию природно-географических и экологических условий жизни в Буджаке.

Отсутствие лесов в Буджаке, лишь частично восполненное лесонасаждением времен сталинского преобразования природы, оказывало отрицательное влияние на состояние земельных и, особенно, водных ресурсов. Вредоносные ветры и пыльные бури, вторгающиеся в Буджакскую степь с востока, разрушали верхний, самый плодородный слой почвы, а зимой продолжительные метели и снежные заносы приводили к гибели незащитного скота.

Ботаники называют степь в Гагаузии типчаково-ковыльной бедноразнотравной, а в народе она известна под названием Буджак. Этимология слова восходит к турецкому слову *bisak* (угол) – так называлась степная территория, лежавшая между турецкими крепостями Измаил, Бендеры и Аккерман. В прошлом здесь было царство ковылей. И сейчас в Молдове учитывается шесть их видов. Кроме того, росли типчак, онконог, костер безостый, представители разнотравья, такие как розовый, равнинный и паннонский клевер, жёлтая и румынская люцерна. Степи производят около 500 тонн кислорода в год, лес – вдвое больше, около 1 000 тонн.

Степная растительность сохранилась лишь на небольших участках. В прошлом она была распространена лишь в Буджакской и Бельцкой степях. Ещё в XVIII в. травяной покров этих степей был представлен сплошным ковром ковыльной и типчаково-ковыльной растительности с богатым разнотравьем высотой в человеческий рост. Уже в начале XX в. эти пространства были почти полностью освоены. На сегодняшний день лишь в местах, неудобных для освоения, остались небольшие участки степной растительности, представленной ковылём, типчаком, бородачом.

Островки девственной степи, оставшиеся в Буджаке, охраняются государством. Конечно, сохранить лишь несколько неприкосновенных территорий в окружении распаханых земель – это недостаточно, хотя и такие заповедники в несколько гектаров с неповторимым ботаническим составом являются историческими памятниками былого величия степей в Гагаузии.

В Буджакской степи немало средиземноморских растений. Одним из представителей этих растений является василек Анжелеску (*Centaurea Angelescu*), который занесен в Красную книгу Молдовы [Cartea Roşie a RM, 2000], выпущенную Академией наук Молдовы. В засоленных поймах маленьких речек, таких как Ялпуг и Ялпужень, произрастают заросли солянок, характерных для Прикаспийской низменности: тамариск, гребенщик ветвистый.

Судя по данным археологических раскопок, проведённых в разных районах Молдовы, охотники промышляли зубров, туров, оленей, косуль, диких лошадей, или торпанов, диких ослов, или куланов, медведей. Но и много позднее, в XV–XVIII вв., Молдова славилась на всю Европу богатыми охотничьими угодьями. Немало внимания этому уделил Кантемир [Кантемир, 1973].

Однако ныне из-за высокой освоенности территории современная фауна республики значительно обеднела.

За последние 200 лет с территории республики полностью исчезли 8 видов животных (медведь, зубр, лось, дикая лошадь и др.) и птиц (тетерев,

журавль-красавка, огарь и др.), а 25 видам млекопитающих и птиц угрожает полная гибель уже в ближайшее десятилетие. Так в Красную книгу РМ уже включены 116 видов: млекопитающих – 14, птиц – 39, рептилий – 8, амфибий – 14, рыб – 12 и т. д. [Cartea Roşie a RM, 2000].

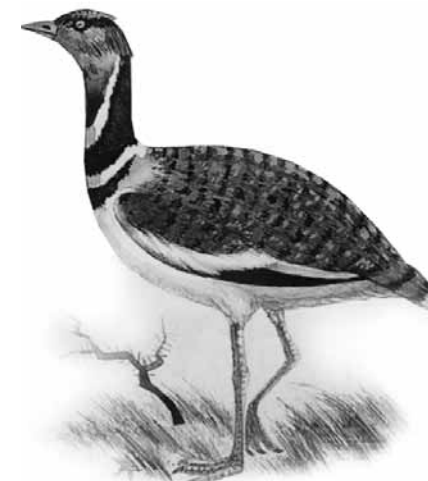
Тем не менее, фауна Молдовы в настоящее время насчитывает более 400 видов позвоночных. Преобладают виды, встречающиеся и на территории Украины и Румынии, есть также западноевропейские и балканские виды.

В лесах обитают косуля, кабан, волк, лисица, барсук, ласка, редко – белка и куница, более 70 видов птиц (жаворонок, сойка, иволга, дрозд, дятел, кукушка) и др. В степях много грызунов (суслик, хомяк, хорёк), встречаются заяц, лисица, а также барсук, степные птицы: жаворонок, полевой конёк, перепел. В водных бассейнах на заболоченных пространствах обитают выдра, норка, водяная крыса, а из птиц: серая утка, серая цапля, выпь, камышовый лунь.

Василек Анжелеску

Нарушение пищевых цепей, вызванное распашкой степи, привело к тому, что изменился и видовой состав фауны. В Буджаке уменьшилось количество таких птиц, как перепел, серая куропатка, степной жаворонок, степной орёл, дрофа. Дрофа (*Otis Tarda*) – это символ степи, занесённый в Красную книгу Республики Молдова.

Дрофа

Помочь предотвратить ухудшение окружающей среды могло бы обращение к изучению традиционного природопользования, как в Республике Молдова, так и в самом АТО Гагаузия. Это как нельзя лучше подсказало бы, что является приоритетом для сохранения, а в будущем – и для улучшения всех компонентов среды. Тщательное изучение традиционного природопользования историками и этнологами, как это было сделано, например, в Узбекистане, позволило бы специалистам-экологам оптимизировать ситуацию в Гагаузии. Традиционное использование природных ресурсов – это анализ исторического опыта приспособления человека к местной окружающей среде [Балиева, 2003, с. 120].

Такие жилища сохранялись у гагаузов до середины XX в.
Этнографическая экспедиция МГУ 1965 г.
Фото из архива М. Н. Губогло.

Ломка кукурузы, с. Кирсово.
М. Н. Губогло, 2004 г.
Фото из архива М. Н. Губогло.

- Важная роль в решении экологических проблем должна принадлежать, наряду с правительственными учреждениями, и гражданскому обществу: неправительственным организациям (НПО), местным сообществам, различным слоям населения. Так, например, Экологическое Движение Молдовы (ЭДМ) – это сеть неправительственных организаций Республики Молдова с центральным офисом в Кишинёве. Надо отметить, что правительства многих стран неохотно разрешают участие общественности в этом процессе, полагая, что она не может внести конструктивного вклада из-за недостаточной информированности. Тем не менее, в ряде стран положение об участии в этой сфере общественных организаций вводится в законодательство, а в некоторых странах также разрабатываются механизмы проведения регулярных общественных слушаний по новым законам и государственным программам, влияющим на состояние окружающей среды. Например, в Украине, Грузии, Казахстане и Узбекистане прогрессивное законодательство и практика в настоящее время разрешают участие общественности в принятии решений по вопросам охраны окружающей среды, включая политику и законодательство в этой области [Никитин, Новиков, 1980, с. 307, 318]. Между тем, около 80% неправительственных организаций Молдовы распо-

лагают существенными возможностями в области окружающей среды для экологического воспитания населения. Многие из них могут реально способствовать реализации практических действий по борьбе с негативными явлениями, особенно на местах. Среди них:

- агроэкологическое воспитание всех возрастных категорий путём организации семинаров для работников различных отраслей экономики и фермеров, тренингов и конкурсов для студенческой молодежи;
 - активизация и широкое использование местных средств массовой информации – организации курсов, круглых столов;
 - проведение мониторинга по вопросам окружающей среды;
 - создание территориальных стационарных экологических пунктов.
- Это касается, прежде всего, зон с тяжёлой экологической ситуацией.

РАЗДЕЛ VII

ЯЗЫК

ГЛАВА 9

ЯЗЫК ВООБРАЖАЕМЫХ ПРЕДКОВ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГНЁЗДА (ЛСГ) В CODEX CUMANICUS – КЛАДОВЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Первая часть Codex Cumanicus (CC) как уже говорилось, состоит из двух трёхязычных латино-персидско-куманских словарей. В одном из них, составленном по алфавиту латинского языка, содержится 1 560 слов, в другом – 1 120 слов, тематически объединённых в лексико-семантические гнёзда [далее – ЛСГ]. Каждое из них имеет своё название. Не все слова латинской колонки имеют перевод на куманский язык. Еще раз напомним, что по подсчётам Д. А. Расовского около 200 слов из 2 680 осталось без перевода [Расовский, 1929, с. 195]. Недопереведённые слова, в частности, наглядно представлены в издании CC, предпринятом в Бухаресте выдающимся румынским востоковедом-тюркологом В. Дримбой [Drimba, 2000, с. 81-109].

Предлагаемый здесь термин «лексико-семантические гнёзда» адекватен термину «лексико-семантическая группа», поэтому ниже будут использоваться оба термина как равнозначные, под единой аббревиатурой.

Никакой логики и никаких критериев в количестве и в расположении слов внутри каждого лексико-семантического гнезда, а также в порядке расположения гнёзд между собой не обнаруживается. Так, например, за словарём религиозных понятий («Nomina Rerum que Pertinent Deo et ad Serniendum Eу») следует гнездо (группа слов) с обозначениями частей тела с тем, чтобы через череду гнёзд (22 единицы) снова повториться в группе слов, именующих человека и части его тела («Nec Sunt Membra Hominum et Mulierum»). Ещё через две позиции снова следуют два гнезда слов, обозначающих, соответственно, положительные и отрицательные человеческие качества («Complementa Hominum» и «Defecta Hominum»). Два рядоположенных гнезда с названиями рыночных товаров и ассоциированных терминов («Nomina arcium et que pertinent eis») и наименованиями товаров и ремесленных изделий («Nec Continentur de Spetiario et Spetiaria») отделены от гнезда со словами, соотносящимися с базарами и рыночными товарами («Mercimonia que Pertinent ad Mercatorem») 8 позициями. Отсутствие какой-либо логики в композиции словарного материала позволило разработать 2 таблицы, в одной из которых

лексико-семантические гнезда расположены по нисходящему количеству содержащихся в них слов, а в другой – по нисходящему удельному весу кумано-гагаузских соответствий.

Этнографическая информация, которую несут в себе лексико-семантические гнезда, представлена крайне неравномерно. Во-первых, составителей Словаря скорее всего интересовали коммерческие интересы и рациональные мотивы купцов из причерноморских итальянских колоний. Меньше всего их волновали этнографические особенности повседневной жизни тюркоязычного и персоязычного населения. Во-вторых, лексико-семантические группы значительно отличались по количеству включённых в них слов. Так, например, обозначению человека и частей его тела («Hec Sunt Membra Hominum et Mulierum») было посвящено 81 слово, в то время как в лексико-семантических группах, содержащих переведённые на куманский наименования природных явлений и стихий («Hec Sunt Elementa»), а также лексемы, связанные с шитьём и одеждой («Res que Pertinent ad Vestes»), имеется, соответственно, 4 и 5 терминов (см. табл. 1).

К базовым характеристикам человека относятся слова, содержащиеся по крайней мере ещё в 5 лексико-семантических гнездах. 59 слов отражали положительные и отрицательные черты характера («Complementa Hominum» и «Defecta Hominum»). 5 слов были посвящены 5 чувствам («Sentimenta Quinque»), 4 особо выделенных слова дополнительно отражали части тела («Hec Sunt Conplessiones»). К человеку и его характеристикам относятся слова ещё в двух автономных лексико-тематических гнездах. В одно из них («De Perentata Homines») было включено 20 слов, отражающих понятия, связанные с семьёй, её составом и родственными отношениями [Карпов, 1990].

В другом, ошибочно озаглавленном «Свойства предметов» («Qualitates Rerum») и содержащем 61 термин, на самом деле речь шла не только о предметах, а в большей части о человеческих качествах. Приведу примеры – *eygiliik* – благость, *yqsi* или *eygi* – хороший, добрый, *uzun* – длинный, *qisqa* – короткий, *tiri* – живой, *öly* – мёртвый, сохранившиеся в современном гагаузском языке и соответствующие куманскому языку СС. Обилие лексики, связанной с человеком и его свойствами, имеет две особенности. С одной стороны, европейских купцов интересовали «качества» человека как товара, поскольку в середине XIII в. он был предметом купли-продажи.

О наличии работорговли свидетельствует слово *Famulus*, встречающееся в двух лексико-семантических гнездах, посвящённых «профессиям» («Scriba») и названиям товаров и ремесленных изделий («Hec Continentur de Spetiario et Spetiaria»). В издании СС, осуществлённого В. Дримбой, латинское слово *Famulus* дано в переводе на куманский язык осторожным термином *Chulucci*, что означает *servant* по Питеру Голдену: *qulluqçi* – слуга [Расовский, 1929, с. 203; Drimba, 2000, с. 94; Golden, 1992]. В гагаузском языке понятие «раб» обозначается двумя лексемами: *kola* и *kul*, а «слуга» – *izmetçi*. Куманский глагол *kullanmak* в гагаузском также означает 'пользоваться', 'применять', 'употреблять'.

В лексико-семантическом гнезде слов, обозначающих товары и ремесленные изделия («Hec Continentur de Spetiario et Spetiaria») латинское слово *Famula* (a>i) переведено на куманский словом *Oglanlar* – слуги, что в современном гагаузском языке означает оглан – парень в смысле 'мальчик на побегушках' [Drimba, 2000, с. 89; Ghenov, Cărmâzâ, 2005, с. 359].

Следовательно, представители аборигенного и пришлого населения представляли значительный интерес для составителей СС, преследующих торговые интересы итальянских купцов. Об этом можно судить по тому, что им было посвящено 23% слов, включённых в 40 лексико-семантических гнезд.

Для оптимизации торговых и гуманитарных соприкосновений и контактов с населением, проживающим в основном в городах, надо было хорошо знать не только физические данные человека, но и его антропологические черты, социальный и профессиональный состав населения. Отсюда вытекала потребность в адекватном знании наименований профессий на языках аборигенного и пришлого населения, что нашло выражение в том, что по количеству слов соответствующая лексико-семантическая группа с включёнными в неё 74 словами оказалась на втором месте после ЛГС «Человек» (см. табл. 1).

Таблица 1

Объём словарного состава в лексико-семантических гнездах Codex Cumanicus*

№	Наименование лексико-семантических гнезд (по Codex Cumanicus)	Слова	
		Абс.	%
1.	Hec Sunt Membra hominum et mulierum Человек, части тела	81	8.2
2.	Scriba Профессии	74	7.5
3.	Hec continentur de spetiario et spetiaria Названия товаров и ремесленных изделий	63	6.3
4.	Qualitates Rerum Свойства предметов	61	6.1
5.	Complementa hominum + Defecta hominum Положительные качества + дефекты людей	59	5.9
6.	Nomina rerum que Comuniter inveniuntur Предметы окружающего мира	49	4.9

* Таблица разработана по источнику: Drimba V. Codex Cumanicus. Edition Diplomatique avec Facsimiles. Bucurest, 2000. P. 81-109.

7.	Res contrarie Антонимы	48	4.8
8.	Mercimonia pertinent ad mercantorem Вещи, ассоциированные с базаром, товарами	43	4.3
9.	Hec Sunt tempora Термины, описывающие течение времени	40	4.0
10.	Nomina bestiarum Названия животных	38	3.8
11.	Nomina arborum et frue (tuum) Названия деревьев и фруктов	33	3.3
12.	Res que pertinent equo Названия предметов, связанных с коневодством	29	2.9
13.	Nomina Rerum que pertinent Deo et ad Seruindum ey Словарь религиозных понятий	22	2.2
14.	Nomina Voluerum Названия птиц	21	2.1
15.	Qualitates temporum Термины, связанные с природой	20	2.0
16.	Nobilitates hominum et mulierum Политические титулы, должности и ассоцииро- ванные термины	20	2.0
17.	De perentatu hominess Семья, родственники	20	2.0
18.	Faber et ferarius Названия профессий, имеющих отношение к ремеслу	19	1.9
19.	Peli-parius	19	1.9
20.	Resque pertinent ad ahnixium hominis Предметы одежды и дорожного снаряжения	19	1.9
21.	Colors Цветовые обозначения	18	1.8
22.	Res que pertinent ad chochinam Названия предметов, связанных с кухней	18	1.8
23.	Nomina arcium et que pertinent eis Коммерция, названия товаров	16	1.6

24.	Vitualia que Nascuntur Зерно, молочные и прочие продукты	16	1.6
25.	Res que pertinent ad domum Названия предметов, связанных со строительством	15	1.5
26.	Res que pertinent ad bellum Названия предметов, связанных с военным делом	13	1.3
27.	Nomina erbarum Названия трав и овощей	13	1.3
28.	Colegarius Сапожное дело	11	1.1
29.	Magister asie	11	1.1
30.	Nomina lapiduum preciohorum Драгоценные камни	11	1.1
31.	Res que pertinent ad letum Названия вещей, связанных со спальней	11	1.1
32.	Res oblite necessarie pro domo Названия вещей, связанных с домом	9	0.9
33.	Sartarius	8	0.8
34.	Res que pertinent admensam Названия вещей, связанных с обеденным столом	8	0.8
35.	Nomina Vermium Названия рептилий, гадов и насекомых	8	0.8
36.	Barberius Бритьё, инструменты парикмахера	7	0.7
37.	Sentimenta quinque Пять чувств	5	0.5
38.	Res que pertinent ad vestes Названия вещей, связанных с шитьём и одеждой	5	0.5
39.	Hec Sunt elementa 4 стихии	4	0.4
40.	Hec Sunt conplensiones Части тела	4	0.4
	Всего	989	100.0

На третьем месте по количеству слов оказалась лексико-семантическая группа со списком слов, недвусмысленно отражающих истинные потребности торговцев. 63 слова обозначали названия товаров и ремесленных изделий («Nec continentur de Spetiario et Spetiaria»).

К указанным двум лексико-семантическим группам примыкают ещё несколько списков слов, представляющих интерес с точки зрения купли-продажи товаров. В одном из них («Mercimonia pertinent ad mercantorem») перечисляются 43 слова о названиях вещей, ассоциированных с базаром и рыночными товарами. В другом содержатся 16 слов, обозначающих те или иные аспекты коммерции и названия товаров («Nomina arcium et que pertinent eis») (см. табл. 1).

В двух лексико-семантических гнездах («Calegarius» и «Res que pertinent ad Vestes») содержится 16 слов, называющих вещи и предметы, связанные со скорняжным, сапожным и швейным ремеслом. Важное значение составители словаря СС придавали поиску и фиксации слов, обозначающих драгоценные камни, поэтому с итальянского на куманский язык были переведены 11 слов («Nomina lapidum preciosorum»).

На рубеже XIII–XIV вв. драгоценные камни – рубины, сапфиры, изумруды, алмазы, бриллианты, жемчуга – интересовали не только богатейшую верхушку тюркоязычных кочевников, но и западных любителей и любительниц красоты. В европейских странах украшения из драгоценных камней становились частью культуры жиреющих королевских дворов и обитателей рыцарских замков, разбогатевшей феодальной знати, купцов и бюргеров, жадных до роскоши, алчных и высокомерных, одолеваемых бурными страстями, любителей роскошных празднеств и гуляний.

Средневековые авторы рыцарских романов и куртуазных походов с восхищением описывали наряды XIV–XV вв., когда любители украшений оснащали свои одежды несметным количеством драгоценных камней [Хейзинга, 1988, с. 302].

Таким образом, словарный состав нескольких лексико-семантических групп, включающих термины, посвящённые человеку, отдельным частям его тела, ремеслу и ремесленным изделиям, составляли 41,2%, то есть немногим более двух пятых слов, сгруппированных в 40 лексико-семантических групп.

Ни эта группа слов, ни остальные слова, никак не отображали этническую принадлежность тех продавцов и покупателей, носителей куманского и персидского языка, с которыми приходилось иметь дело европейским купцам и миссионерам.

Ни лирика, ни философия степных кочевников, ни специфика их жизненного уклада не представляли особого интереса для собирателей словарного состава куманского языка. Тем не менее были относительно полно (49 слов) зафиксированы наименования предметов окружающего мира («Nomina rerum que Comunitur inveniuntur»), термины, описывающие течение времени (40 единиц) («Nec Sunt tempora»), 38 названий животных («Nomina bestiarum»), обозначения предметов, связанных с коневодством (29 лексем) («Res que pertinent equo»).

Для анализа социальной и профессиональной структуры тюркоязычного населения, меняющего в XIII в., после монгольского разгрома, кочевую жизнь на оседлость, важное значение имеет обширная терминология профессий («Scriba») – в лексико-семантическом гнезде, состоящем из 74 слов, список из 20 единиц, обозначающих политические титулы, должности и ассоциированные с ними понятия и термины («Nobilitates hominum et mulierum»). В целом эта группа слов составляет без малого 10%.

Сильное впечатление производит очевидный контраст между 9 словами, обозначающими реалии, связанные с домом («Res oblite necessarie pro domo»), и 15 словами, посвящёнными строительству и строительному делу («Res que pertinent ad domum»). Но об этой «языковой интриге» – разговор особый.

Основная особенность словарного состава СС – его чрезмерно рациональный характер. Разительной несоразмерностью рационально-практической и эмоционально-духовной терминологии в первой («итальянской») части СС во многом объясняется скудная представленность в памятнике данных об этнической культуре и этнической идентичности носителей куманского языка XIII в.

СЛОВА, ИЗВЛЕЧЁННЫЕ ИЗ НЕБЫТИЯ: КУМАНО-ГАГАУЗСКИЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

С ранних лет перед человеком открывается прекрасный мир языка его этнической принадлежности. В менталитете каждого юноши или девушки на всю жизнь запечатлеваются слова, пословицы, изречения, мудрые поговорки, созданные предками. На многие трудные вопросы бытия люди находят ответы в языке, отражающем опыт многих поколений. Конечно, никакой исторический памятник, даже такой неисчерпаемый, как Codex Cumanicus, не заменит знакомства с живой разговорной речью, которая имела место в языковой жизни предков гагаузов в далёкие средние века.

Названия продуктов и блюд

Итак, анализ словарного материала, содержащегося в ЛСГ, позволяет перелистывать страницы повседневной жизни тюркоязычных кочевников и выявлять названия продуктов и блюд, обеспечивавших их жизнедеятельность и поддерживавших систему жизнеобеспечения. Наличие в тюркских языках значительной прослойки общетюркской лексики облегчает и одновременно затрудняет использование ее для историко-лексических сравнений и, соответственно, для освещения смежных этапов этнической истории различных народов. Сохраняющаяся стабильность основных значений большей части слов, а также агглютинация и сингармонизм, вместе с другими основами грамматического строя, облегчает сравнение словарного состава современных, средневековых и древних тюркских языков [Историческое развитие..., 1961, с. 5; Дмитриев, 1962].

Для выявления этноязыковых и этнокультурных связей между тюркским языком СС и гагаузским языком, отделёнными друг от друга более чем семью столетиями, потребовалось, прежде всего, определить способ их сравнения. Гипотеза в научном исследовании, безусловно, важна. Однако без надёжной методики ее проверка может оказаться затруднительной. Самый общий обзор тюркского словарного материала СС позволяет выявить несколько типов словоформ: 1) полностью совпадающих в каждом из двух языков, 2) совпадающих частично, но всё же распознаваемых с помощью лексики современного гагаузского языка, 3) совпадающих по написанию и структуре, но различных по смысловой нагрузке, 4) не совпадающих ни по форме, ни по смыслу и отсутствующих или в одном, или в другом языке.

Несмотря на серьезные успехи, достигнутые в лингвистическом изучении текстов СС, исследовании особенностей в области синтаксиса и других структурных компонентов, всё же остаются сомнения в адекватном отображении фонетики языка этого памятника. Трудно воздержаться от искушения воспользоваться гипотезой Сепира-Уорфа, согласно которой языковые формы конструируют мировосприятие человека и даже в известной мере определяют нормы мышления и поведения средневековых кочевников [Сепир, 1993; Уорф, 1960].

Для целей этнологического анализа задача в данном случае ограничивается выяснением того, в какой форме и насколько адекватно в языке СС отображаются этнографические реалии экономической, социально-профессиональной, культурной и духовной жизни носителей этого языка в XIII–XIV вв., то есть в то время, когда западные энтузиасты знакомились с их жизнью и пытались её отобразить с помощью трёхязычного словаря и комплекса текстов преимущественно религиозного содержания.

Наличие взаимосвязи позволяет с помощью языка выделить целые комплексы лексем, отражающих те или иные сферы, события и факты жизнедеятельности и жизнеобеспечения нынешних гагаузов и их вероятных предков.

Когда одна и та же лексема вызывает представление о реальном или воображаемом сходстве того или иного культурного явления в двух разных эпохах, мы получаем основание говорить о наличии «объективированного» сходства, что в дальнейшем служит весомым аргументом для обоснования наличия этногенетической связи между воображаемыми предками и современными потомками.

Устойчивость традиционной системы питания, в отличие от других элементов материальной культуры, неоднократно фиксировалась и комментировалась в этнографических исследованиях [Никогло, 2004]. Эта едва ли не аксиоматичная истина находит своё подтверждение в словарном составе гагаузского языка. Названия большинства зерновых культур, бытовавших 700 лет тому назад, в том числе *bogday* (*booday*) – пшеница, *arpa* – ячмень, *brinc* (*tuturgan*) – рис; *mercimek* – чечевица, согласно приводимым в таблице данным, сохранились почти в неизменном виде в современном гагаузском языке (см. табл. 2).

В номинации названий продуктов питания особое внимание привлекает фонетическое соответствие наиболее древнего слова в СС современному *booday* – в гагаузском языке. Наличие в СС двух вариантов этого слова указывает на маргинальный переходный период XIII в., когда узкая согласная *g* переходит в расширенное, удвоенное *o*. Для сравнения укажем, что в некоторых западнокыпчакских языках *o* перешло в *y*, как, например, в гагаузском и тракайском диалектах караимского языка, а также в карачаево-балкарском и кумыкском языках (ср. кар. *buday*, карачаево-балкарск., кумыкск. – *будай*) [Чеченов, 1979, с. 4].

Таблица 2

Куманские, гагаузские и русские слова, обозначающие продукты системы питания (Grains, Dairy Products and other comestibles)

Куманский	Гагаузский		Русский	Английский
	кириллица по словарю 1973 г.	латиница по словарю 2002 г.		
bogday, booday	бодай	booday	пшеница	wheat
arpa	арпа	arpa	ячмень	barlay
brinc tuturgan	пиринч	pirinç	рис	rice
marjimek	мержимек	mercimek	чечевица	lentils
bircag	зарзават	zarzavat	овощи, зелень	vegetables
un	ун	un	мука	flour
st	сүт	süt	молоко	sweet milk
yogurt	йуурт, ийши сүт	yuurt	кислое молоко, простокваша	soormilk
kpteluk	пирушка	-	блюдо из муки и мяса, пирожок с мясом типа пельменей	a dish of flour and meat ravioli

Такая же устойчивость и преемственность сохранилась в названиях молочных блюд, одинаково выраженных в куманском языке СС и в гагаузском языке: *st – süit* – молоко; *yogurt – yurt* – кислое молоко, простокваша, именуемое в гагаузском языке – *işi süit* (дословно: кислое молоко).

Среди 11 слов, отображающих в ЛСГ куманские названия продовольственных товаров и блюд, только два – *bircag* (овощи) и *kpteluk* (пирушка) – отсутствуют в гагаузском языке. Гагаузы называют овощи и фрукты двумя словами: *eşillik* (зелень – от прилагательного *eşil* – зелёный) и *zarzavat* (овощи).

Персидское слово *koptaluk*, означающее в куманском языке блюдо из муки и мяса, отсутствует не только в гагаузском языке, но и в современном татарском и казахском языках. Можно предположить, вслед за исследователями татарского языка, что так называлась та или иная разновидность пельменей. Вероятно, речь идет о гагаузской мандже, когда обжаренные кусочки мяса тушились в соусе из пшеничной муки.

Не исключено, что с некоторыми другими лексемами, как, например, *bitik*, слово *katlama* в караимском языке относится к древнему пласту тюркской лексики, исчезнувшей за 700 лет из словарного состава гагаузского языка.

Заслуживает внимания перевод с персидского *koptaluk* на татарский *kptelek* – блюдо из муки и мяса, подобное пельменям [<http://www.tatforum.info/forum/lofi/version/index>].

В словаре В. А. Мошкова имеется гагаузское слово *катык*, означающее пищу, прибавляемую к хлебу. Не обнаружив адекватного термина в русском и других тюркских языках, В. А. Мошков перевел его описательно.

На фоне множества сходств и лексических соответствий между куманским языком СС и гагаузским языком в обозначении продуктов питания и блюд, вызывает удивление нерасшифрованное, вероятно отсутствующее в гагаузском языке, слово – *kopteluk*, обозначающего в языке СС «блюдо из муки и мяса». Допускаю, что оно имеет древнее, домонгольское происхождение, исчезнувшее в словарном составе языка гагаузов после их переселения на Балканы. Между тем в современном караимском языке, содержащем ряд специфических слов, связанных с материальной культурой караимов, исповедующих иудаизм, имеется созвучное наименование *катлама кыбын*, означающее ‘печёный пирог с мясом’ [Мусаев, 1975, с. 49].

Названия продовольственных товаров, в том числе фруктов и овощных блюд, встречается не только в специализированном смысловом гнезде, но и в других разделах. Так, например, среди слов, входящих в ЛСГ «Коммерция, торговля, названия товаров» куманские слова: *bal* – мед, *sakar, şeker* – сахар сохранились в современном гагаузском языке.

В лексико-семантической группе «Деревья и плоды», большинство названий, имеющих едва ли не общетюркское распространение, соответствуют друг другу в куманском и гагаузском языке: *alma* – яблоко, *saftalu* (гаг. – *şefteli*) – персик, *erik* – слива, *limon* – лимон, *pistag* (гаг. *fistaşka* – фисташка, *kiras* – (*kirez*) – вишня. Обращает на себя внимание слово *govun*: сходными словами обозначается дыня в гагаузском и турецком языках (*kayn*) и арбуз – в украинском (*кавун*).

Вкусовые качества продуктов, обозначенные антонимами *tatlı* – сладкий и *acı* – горький, передаются в куманском и гагаузском языке сходными терминами. При этом второе слово в гагаузском языке имеет два значения: *acı, yakıcı* – горький в смысле ‘острый’, и *acı* – в смысле ‘невкусный’.

Одежда

Составителей СС больше всего интересовали коммерческие дела, связанные с ходовыми товарами и продуктами, пользующимися спросом на базарах Крыма и в городах прилегающих причерноморских степей. Меньше всего они заносили в «копилку» куманской лексики термины, обозначающие одежду носителей куманского языка. Мы видим, например, что в ЛСГ «Шитьё, одежда» («Things Pertaining to sewing and clothing») приведено всего 6 слов, пять из которых (83%) сохранились до настоящего времени в гагаузском языке.

Ещё в одном ЛСГ – «Предметы одежды и дорожного снаряжения» («Sundry Articles of Attire and travel gear»), как будет показано ниже, 8 слов из 17 (29,4%), в том числе рубашка (*kvlek – gölmek*), штаны (*don*), пояс (*bel*), чалма (*çalma*), (*başmak*), также относятся к одежде.

Кроме того из остальных лексико-семантических гнезд, в словах, написанных по-латыни, Д. А. Расовский привёл следующие лексемы, обозначающие одежду жителей XIII в., без тех терминов, однако, которые указаны в СС на куманском языке: суконные сапоги, чулок, голенище, сумка [Расовский, 1929, с. 204].

Скудность терминологии, обозначающей одежду, свидетельствует о глубоких изменениях в течение 7 столетий в повседневном быту носителей воображаемых предков гагаузов. Так, например, термин «*teri ton*», в куманском языке означавший «одежду из меха» и переведённый П. Голденом с латыни и куманского как «*fur clothing*», в современном гагаузском языке сузил своё значение: *deri don* (штаны из кожи).

При этом остаётся не вполне раскрытым вопрос: неправильная запись перевода термина *teri ton* средневековыми составителями СС или изменение содержания этого наименования за истекшие 700 лет, когда вместо прежнего значения ‘одежда из меха’, эти слова в гагаузском языке стали обозначать ‘штаны из кожи’, точнее ‘штаны из бараньей шкуры’. В словаре В. А. Мошкова, составленном в конце XIX в., и содержащем более 100 названий предметов одежды, наряду с лексемой *мешин* – ‘мужские зимние кожаные штаны’, имеется сопутствующий термин *kürk*, обладающий двойным значением ‘коротенький полушубок, мехом вовнутрь’, и ‘шуба’, ‘тулуп (мехом вовнутрь)’.

Точнее было бы эту форму зимней одежды, которую мне приходилось носить в середине XX в., называть *meşin* – штаны из овечьей шкуры мехом вовнутрь.

Таблица 3

Одежда
(Things Pertaining to sewing and clothing)

«Куманские»	Гагаузские		Русские	Английские
	кириллица	латиница		
aprag			одежда	clothing
	гиим	giiyom	одежда	
teri ton			одежда из меха	fur clothing
	дери	deri	кожа, шкура	skin
	дери дон	deri don	штаны	trousers
tvme/twme	дүүмә	düümä	пуговица	button
	копча	kopça	пуговица	button
yeng	ен	en	рукав	sleeve

Глаголы и отглагольные существительные
чувственного восприятия

При сравнительно-историческом изучении «куманского» языка СС и гагаузского языка особое место занимают глаголы (*verba sentiendi*) и отглагольные существительные чувственного восприятия: видеть (*cormak*) слышать (*iesitmek*), пробовать (*datmak*), облизывать (*iyalamak*), трогать (осязать) (*tutmak*) [Drimba, 2000, p. 83]. Отличительной чертой перечисленных слов, как и многих других, подобных им, является то, что они обозначают не действие, активно вызываемое субъектом, а чувственное восприятие, констатируемое субъектом.

Стопроцентному соответствию всех пяти слов, обозначающих главные формы чувственного восприятия в данном лексико-семантическом гнезде, «мешает» слово *iyalamac* (обозначающему, по мнению П. Голдена, ‘запах’), которое в гагаузском языке не имеет аналога. Куманскому слову *iyalamac* соответствуют по крайней мере два значения в гагаузском языке (*yalamak*): ‘облизывать’ и ‘смазывать’.

В каждом из языков отглагольное существительное образуется от глагольной основы путем приклеивания аффикса *-мак* или *-мек* в соответствии с законом сингармонии. Таким образом, характерная для тюркских языков особенность образования отглагольного существительного означает в куманском и гагаузском языке процесс, результат или предмет действия.

Примеры, извлеченные П. Голденом из СС и сведенные им в лексико-семантическую группу «The five Senses» переведены в форме отглагольных существительных, хотя каждый из них как в средневековом куманском, так и в современном гагаузском языке вполне может быть переведенным в инфинитивной форме:

kormek – гөрмәк – видеть;
 işitmek – ишитмек – слышать;
 tatmag – датмак – пробовать;
 tutmag – тутмак – держать.

Таблица 4

Глаголы чувственного восприятия
(The five senses)

Куманский (СС)	Гагаузские		Русские	английские
	кириллица	Латиница		
kormek	гөрмек (видеть)	görüŝ	зрение	sight
esitmek	ишитмек	iŝitmäk	слух	hearing
tatmag	датмак	datmak datmaa	вкус, проба, дегустация, пробовать	teste
iyalamag	йаламак (облизывать, смазывать)	yalamak	обоняние (запах, облизывать)	smell
tutmag	тутмак (держат)	tutmak	осязание	touch

Каждое слово «куманского» языка, как видно из табл. 4, имеет адекватное слово в гагаузском языке. При этом в гагаузском языке проявляется характерная для тюркских языков огузской юго-западной группы эволюция – фонетическое озвучение.

Не может при этом не удивлять естественно возникающий вопрос: почему в гагаузском языке, относящемся к юго-западной группе огузских языков, сохраняется морфологическая и смысловая близость с куманским языком, входящим по общепризнанным классификациям в группу кыпчакских языков? Сегодня ещё рано говорить о том, что перечисленные глаголы и отглагольные существительные отражают прямую этногенетическую преемственность между средневековыми носителями куманского языка и современными гагаузами. Приводимые примеры языковых соответствий, разумеется, требуют дополнительной лингвистической экспертизы.

Однако для решения этнолого-антропологических задач существенное значение имеет тот факт, что названия, связанные с основными органами чувств человека, в словарном составе гагаузского языка сохранились в течение 700 лет в неизменном виде.

Более того, в средневековом куманском и современном гагаузском языке сохраняются не только фонетические и морфологические признаки, но и многозначность, продуктивность глагольной основы «*gör*» – смотри, «*görmek*» – видеть.

Не случайно А. А. Юлдашев предположил, что наличие *kör* – *gör*, имеющего несомненную этнологическую связь с *köz*, *göz* – во всех современных тюркских языках, даёт основания думать, что он имеет место в словарном составе тюркского языка-основы. При этом известный лингвист ограничился детальным анализом 3 основных групп значений слова *göz* в многочисленных тюркских языках: 1) «испытать», «терпеть убытки», «пережить», «терпеть» («я испытал и хорошее и плохое», «кто много испытал, то много знает»); 2) «считать чем-либо», «принимать за что-либо», «за кого-либо», «находить таким-то» («считать врагом», «считать человеком», «видеть ногти» и др.); 3) «считать виновником», «причиной», «подозревать в причастности» [Юлдашев, 1961, с. 300-302].

В «московском» трёхязычном «Гагаузско-русско-молдавском-словаре» (1973) слов *зрение* и *видение* нет. В «бухарестском» четырёхязычном «Русско-гагаузско-турецко-румынском словаре» (2005) слово *зрение* передано лексемой «*görüş*» (от «*görmek*» – видеть) в значении ‘встреча’, ‘свидание’. Между тем словообразовательный потенциал двух гагаузских слов *göz* ‘глаз’, *görmää* ‘видеть’ чрезвычайно богат и обилен. Позволю себе привести несколько примеров слов, образованных с помощью основ *gör* и *göz*:

1) *çok kahur görmää* – испытать много горя, *çok ilik görmää birkimseydän* – испытать чью-либо доброту на себе; *görmeyim seni* – уйди с глаз, чтоб я тебя не видел, *karannık görmää* – ненавидеть, *yok gözüm görmää* – ненавижу, видеть не хочу, *çok görmää* – завидовать;

2) *göz gözää gelmää* – встретиться глазами, *göz etmää* – «строить» глазами, переглядываться; *göz koymaa* – «глаз положить», применить, *gözleri yolda kaldı* – он *göz akıtmaa* – горько оплакивать, *göz almamaa berkimseydän* – не сводить глаз с кого-нибудь, *gözdän çıkmama* – потерять доверие, *gözümdä ucer* – я сильно соскучился (досл.: предмет вожделения в глазу летает).

Глагол *eşitmek* переведённый П. Голденом как отглагольное существительное – слух (*hearing*), в гагаузском языке имеет два значения *işitää* – инфинитив ‘слышать, услышать’ и существительное ‘слух’ (‘слушание’). По свидетельству А. А. Юлдашева, это слово, во-первых, представлено не во всех тюркских языках, а во-вторых, имеет ряд дополнительных вариантов, из которых («*äşim*») является общим для значительного количества письменных памятников. Вариант данного слова вместо *u* (*esim*) непосредственно восходит к встречающемуся в древних памятниках Тоньюкука и Кюль Теги-на варианту *äsim* [Юлдашев, 1961, с. 298].

Его словообразовательный потенциал невелик. Этот глагол примечателен и заслуживает внимания тем, что взят составителями СС в качестве примера для манифестации различных форм его бытования и спряжения в куманском языке. У меня нет возможности передать все нюансы его перевода, но приведённые в оригинале примеры не оставляют сомнений в их соответствии в «куманском» и гагаузском языках, как с содержательной, так и с морфологической точки зрения (см.: табл. 5).

Таблица 5

Некоторые формы отлагательного существительного *esitmek* на куманском, гагаузском, русском и английском языках*

Куманский	Гагаузский	Русский	Английский
esitrimen	işiderim	я слышу	I hear
esiturbis	işideris	мы слышим	we hear
esituredim	işidärdim	я слушал	I was hearing
esiturlaredy	işidärdilär	они слушали	they were hearing
esitum (esitm)	işittim	я услышал	I heard
esitundusedi	işittinis	вы слышали	you had heard
esitcaymen (esitkeymen)	işidicäm	я услышу	I will hear
esitkybiz	işidiyciz	мы услышим	we will hear
esit	işit	слушай!	hear
esittim	işittim	я услышал	wear I to hear
esitmaga esitmege	işitmää, seslemää	слышать, слушать	to listen
esattan esitgen	sesleyan	он, который слышит (слушает)	

В глубокую древность уходит своими корнями номинация чувственного восприятия субъекта, обозначающая действия, как бы вызванные помимо его воли, что сильно отличает ментальность гагаузов (через грамматику гагаузского языка), например, от русских, в языке которых отражено, что то или иное действие вызвано самим субъектом, а не совершается помимо его воли.

* Таблица составлена с учётом данных, приведённых в статье П. Голдена Codex Cumanicus. P. 44.

Havezim geldi – пришло мое желание – захотел
Üfkâm çıktı – моя злость вышла – разозлился
Kusmaam geldi (kalktı) – моя тошнота пришла – меня тошнит
Fenalim geldi – плохое мое пришло – мне плохо
Tersim döndü – я заблудился, потерял ориентацию
 (букв. моя изнанка повернулась)
Tersinä yaptım – оборотную сторону сделал – я сделал наоборот
 (сделал назло)
Pişman olmaa* – раскаиваться.

Наряду со словами, включёнными непосредственно в лексико-семантическую группу «Verba Sentiendi», аналогичные имеются и в других группах. Так, например, *Tengri svmeklig* («Любовь к Богу, милосердие») находим в группе терминов, отражающих религиозные понятия, и, как правило, отсутствующих в современных тюркских языках, носители которых исповедуют ислам.

Цветообозначения и другие прилагательные

В лексико-семантической группе слов, обозначающих цвета («Colors»), 12 наименований из 15 (80,0%) (см. табл. 6), соответственно, совпадают и красноречиво свидетельствуют о преемственности между словарным составом куманского и гагаузского языков в данной сфере жизни. Анализируя латинскую словарную часть СС, Д. А. Расовский высказал предположение о том, что перечень красок составители включили в Словарь исходя из того, что знание куманской и персидской лексики необходимо было для цветовой идентификации покупаемых и продаваемых тканей и материалов [Расовский, 1929, с. 201].

Таблица 6

Некоторые цвета и прилагательные

Куманский	Гагаузский		Русский	Английский
	кириллица	латиница		
ag	ак биаз	ak biyaz	белый	white
gara	кара	kara	чёрный	black
gizil	кырмызы	kırmızı	красный	red
grimizi	коў кырмызы	kırmızı	малиновый	crimson
kk	гök	gök	синий, голубой	blue
sarı	сары	sarı	жёлтый	yellow
yasil	ешил	eşil	зелёный	green

* Слово *pişman* 'кающийся' заимствовано из персидского языка.

ipkin	замбак	zambak	фиолетовый, синий	violet
ulu	улу, бүүк	ulu büük	большой	big
kici	күчүк	küçük	маленький	little
yagsi	якши	yakşı	хороший	good
eygi	ии	iyi	хороший	good
yaman	прост	prost	плохой	bad
yugl	илин колай	ilin kolay	лёгкий	light
agir	аар	aar	тяжёлый	heavy

Подобный узкоутилитарный («заземлённый») подход, конечно, имеет право на существование. Однако с равной долей вероятности, вслед за Я. Р. Дашкевичем, можно считать, что составители СС вряд ли руководствовались только сугубо прагматическими коммерческими целями [Дашкевич, 1989, с. 82]. В словарном составе «итальянской» части СС немало слов, посвящённых явлениям природы, флоре и фауне, местам обитания степняков, родственными отношениям и религиозным представлениям. До сих пор исследователи с энтузиазмом расшифровывают около 50 куманских загадок, обнаруживая в них скрытые смыслы и этнокультурные параллели с произведениями устного народного поэтического творчества тех или иных современных тюркских народов.

Всё же есть основания предположить, что составители СС проявляли интерес не только к коммерции, но и к природе Крыма, причерноморских степей, к среде обитания кочевников. Об этом, в частности, можно судить по наличию в СС слов скорее энциклопедического, чем коммерческого предназначения. Из «латинской» колонки Д. А. Расовский, извлёк слова, встречающиеся не в связи с чем-то, а «вообще»: мир, море, гора, взгорье, долина, подъём, спуск, ров, болото, камень, дорога, пыль, мост, лес, дерево, трава, лук, поле, власть, гражданство (подданство), область, место, крепость, селение, улица, колодец, дворец, дом, сад, виноградник, хижина, гостиница, кладовая, свечка, вино, молоток, очаг, труд, сера [Расовский, 1929, с. 198].

Названия животных

Словарный состав гагаузского языка формировался в течение продолжительной этнической истории гагаузского народа. За последние более чем 700 лет со времени появления знаменитого письменного памятника СС гагаузский язык и язык их вероятных предков обогащался множеством лексических элементов, среди которых видное место занимают термины, связанные со скотоводством.

О древности лексики гагаузского языка и одновременно о ее устойчивости в веках можно судить по тому факту, что из 28 названий домашних и диких животных, бытовавших в XIII в., 21 название (75%) сохранилось в современном гагаузском языке (см. табл. 7).

Таблица 7
Названия животных
(Names of Animals)

№ п/п	Куманский	Гагаузский		Русский	Английский
		кириллица	латиница		
1.	janavar	жанавар	canavar	зверь, дикое животное	beast animal
2.	at	ат	at	конь	horse
3.	astlan	аслан	aslan	лев	lion
4.	gistrag	кысырак	kısırak	кобыла	mare
5.	gatic	кагыр	katır	мул	mule
6.	esek	ешек	eşek	осёл (ишак)	donkey
7.	tonguz	домуз	domuz	свинья	pig
8.	keyk tonguz	ăбан домузу	yaban domuzu	дикая свинья	wild boar
9.	kz sigir	öküz, сыыр	öküz, sig	вол, скотина	ox
10.	inek	инек	inek	корова	cow
11.	bizan	буза / бызаа	buzaa / bızaa	телёнок	calf
12.	tiş goy	диши коўн	dişi koyun	овца	female sheep
13.	gocgar	коч	koç	баран	ram
14.	gozi	кузу	kuzu	ягнёнок	lamb
15.	eske	кечи	keçi	козёл	goat
16.	it	iit көпек	it köpek	собака, пес	dog
17.	maci	кеди	kedî	кошка	cat
18.	pil	фил	fil	слон	elephant
19.	sazagan		dracon	дракон	dragon

20.	ayu	аи	ayî	медведь	bear
21.	goyan	тавшан	tavşan	заяц	hare
22.	br	берÿ	berü	волк	wolf
23.	sicgan	сычан	siçan	мышь	mouse
24.	boda	бува	bua	бык	bull

Автору данной главы уже приходилось неоднократно акцентировать внимание на исключительном богатстве гагаузской лексики, сопряжённой с овцеводством, скотоводством и особенно коневодством, и делать на этом основании вывод о кочевом прошлом вероятных предков гагаузов и о наличии терминологических параллелей в современных тюркских языках [Губогло, 1971, с. 217-236; Губогло, 2006, с. 56-74].

Свыше 300 названий домашних и диких животных, птиц и некоторых предметов из сферы обслуживания животных, записанных в конце XIX в. В. А. Мошковым, являются, во-первых, ярким свидетельством необычайно развитой терминологии, связанной с прежней кочевой жизнью, а во-вторых – ценным источником для лексикологических сравнений.

Известная молдавская исследовательница Д. Е. Никогло обратила внимание на творческий опыт Л. С. Чимпоеш, выявившей и давшей обстоятельный анализ лексем, содержащихся в гагаузском дастанном эпосе и обозначающих многочисленные масти коня. По мнению Д. Е. Никогло, тем самым были подтверждены сделанные ранее в литературе выводы о «существовании отдельных номинативных единиц, специальных терминов, обслуживающих эту (скотоводство – М. Г.) сферу словарного состава гагаузского языка, а также относительно того, что в этом плане гагаузская терминология гораздо более развита, чем терминология некоторых других тюркских языков» [Губогло, 1971, с. 217-236; Губогло, 2006, с. 63; Чимпоеш, 1997, с. 87; Никогло, 2009а, с. 56].

Анализ тюркской (куманской) лексики, содержащейся в словарном составе СС, проливает дополнительный свет на особенности повседневной жизни вероятных предков гагаузов, отражённые в лексике современного гагаузского языка сполохами соответствующих слов. Напомню, в частности, лексемы, извлечённые Д. А. Расовским из «латинской» колонки СС, которые ассоциируются со словом *лошадь* и производным от него – *коневодство*: лошадь, подкова, гвоздь, стойло, торба, скребница, недоуздок, уздечка, удила, кольцо недоуздка, ремень для стреноживания, повод, потник, подседельник, попона, полотняная подпруга, ременная подпруга, подхвостник, кисть, пряжка, язычок пряжки, вьючное седло, стремя, передняя и задняя лука (вероятно, седла – М. Г.) [Расовский, 1929, с. 205].

Крайняя скудность терминологии по коневодству в ЛСГ («Things Pertaining to the Horse»), насчитывающей всего 29 наименований, в том числе

9 из которых приведены в статье П. Голдена [Drimba, 2000, p. 103-104; Golden, 1992], указывает прежде всего на избирательный (если не сказать на слабый) интерес составителей СС к роли и значению коня в повседневной жизни тюркоязычных степняков. Судя по словарному составу ЛСГ о коневодстве «Res que pertinent equo» создателей латино-персидско-куманского словаря снаряжение лошадей интересовало гораздо больше, чем сама лошадь, ее характеристики, масти, возраст и т. д. В ЛСГ о коневодстве всего лишь один раз упоминается *at* – лошадь. Все остальные термины обозначают предметы, связанные с коневодством [Расовский, 1929, с. 205; Drimba, 2000, p. 103-104].

Естественно, что в практической предназначенности СС, лишённой какой-либо лирики, не находим следов об отношении кочевников к лошади. Между тем со времён Геродота известно о пламенном, едва ли не сакральном отношении кочевников к этому животному. До сих пор вызывают восхищение «летающие лошади» из коллекций скифского золота, встречающиеся позднее и в тюркском мире. «Для киргиза (казаха), – писал В. В. Радлов, – лошадь является воплощением красоты, жемчужиной животного мира. Он любит своего коня больше, чем жену, и красивая лошадь соблазняет честного человека на воровство. Кража коня считается своего рода героическим поступком, в то время как кража любого другого животного вызывает только презрение. Киргиз (казах) неохотно позволяет кому-нибудь другому ездить верхом на его коне» [см.: Райхл, 2008, с. 19-20].

Культ коня, сохранявшийся у гагаузов вплоть до середины XX в., представляет собой часть хозяйственно-культурного и одновременно ментального наследия кочевых предков [Губогло, 2010, с. 316-318].

Попытки некоторых исследователей, например, С. А. Плетнёвой использовать словарные данные СС для характеристики кочевого быта и хозяйства степных кочевников XIII в. были ограничены тем, что, как указывал Г. А. Фёдоров-Давыдов, лексический материал собирался в одном из причерноморских городов и отражал в основном повседневный быт не сельского, а этнически пёстрого городского населения [Расовский, 1929, с. 193-213; Bang, 1911, p. 13-40; Плетнёва, 1958, с. 190; Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 198].

Дом. Строительство: контрасты в кумано-гагаузских соответствиях

Для этнографического описания жилища тюркоязычных кочевников причерноморских степей важное значение имеют слова, содержащиеся в двух лексико-семантических группах, там, в которых перечисляются «Вещи, связанные с домом» («Things Pertaining to the Home») и «Вещи, связанные со строительством» («Things Pertaining to the Construction»).

Однако, как видно из данных табл. 8, ни одно из 6 куманских слов, сопряжённых с домом, не имеет соответствий ни в современном гагаузском, ни в турецком языке. В данном случае отрицательный результат, видимо, предопределён как объективными, так и субъективными обстоятельствами. В современной системе жизнеобеспечения гагаузов вещи, связанные с домашним обиходом, претерпели коренные изменения по сравнению с XIII–XIV вв.

Во время своего путешествия в 1245–1247 гг. Плано Карпини следовал из Кракова в Киев и далее к районам, прилегающим к устью Волги. Жилище кочевников, согласно его наблюдениям, представляло собой палатку, сделанную из прутьев и тонких палок. Наверху круглого жилища, сходного с монгольской юртой, имелось круглое окно, откуда падал свет и был дымоход. Стены и крыши были покрыты войлоком. Такие жилища было удобно разбирать, чинить и перевозить на вьючных животных [Плано Карпини, Гильом де Рубрук, Марко Поло, 1997, с. 34].

Неизвестно, был ли францисканец Гильом де Рубрук, прибывший в Крым 21 мая 1253 г. из Константинополя морским путем и далее проследовавший через куманские (половецкие) земли до самой Волги, одним из тех, кто записывал куманские (половецкие) слова. Во всяком случае в своих «полевых» записках, отправленных в виде «Послания Вильгельма де Рубрука Людовика IX, королю французскому», он дал более подробное описание жилища, чем его современник Плано Карпини.

«Дом, в котором они (татары, то есть куманы – М. Г.) спят, они ставят на колёсах из плетёных прутьев; брёвнами его служат прутья, сходящиеся сверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка наподобие печной трубы; его они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок извёсткой, белой землёй и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они чёрный войлок» [Плано Карпини, Гильом де Рубрук, Марко Поло, 2008, с. 19].

Войлочная юрта оказалась очень жизнеспособной. У тюркских народов она просуществовала едва ли не до настоящего времени, корреспондируя по своей конструкции с моделью, описанной Гильомом де Рубруком [Муканов, 1979; Жданко, Камалов, 1980, с. 27-57; Вайнштейн, 1976, с. 42-62; Райхл, 2008, с. 18-19].

К сожалению, ни Плано Карпини, ни Гильом де Рубрук не сопроводили свои уникальные записи и описания материальной и духовной культуры тюркоязычных кочевников, за редким исключением, терминами на куманском (половецком) языке. Это никоим образом не снижает информационной ценности их сообщений как источника для выявления этнологического облика носителей куманского языка как вероятных предков гагаузов.

Создатели СС собирали, похоже, тюркские слова, «не выезжая в поле». Поэтому не могли записать наименования предметов домашнего обихода, не видя их непосредственно. В дальнейшем, в течение 5–6 веков, вместе с исчезновением кочевых жилищ, из тюркского языка вероятных предков гагаузов исчезли и термины для обозначения тех или иных предметов обихода и составных частей кочевнического жилища.

Более того, создатели словаря, как уже упоминалось, руководствовались меркантильно-практическими соображениями. Их интересовали прежде всего предметы купли-продажи. Вряд ли кто-нибудь из итальянских купцов интересовался исконным жилищем кочевников с целью его приобретения. Как видно из данных табл. 8, в словах, связанных с домом, не обнаруживается соответствий между куманским и гагаузским языком. Современные гагаузы

называют печь двумя словами: *soba* и *firin*. Ни одно из них не созвучно куманскому слову *boxorik*. Не совпадают термины, обозначающие в гагаузском и куманском языке такие слова, как замо́к – *kilit* – вместо *yazam*, гвоздь – *enser* – *gadav*, ключ – *anatar* – *acduc*, место, где сидят – *oturmak* – *olturguc* (см. табл. 8).

Ни в одном из 6 куманских слов, включённых Питером Голденом в смысловое гнездо «Дом», не оказалось сходства с лексикой современного гагаузского. Исключение составляет лишь редко употребляемое слово «изба», очевидно, заимствованное вероятными предками (куманами, половцами) из русского языка. Не исключено, что количество русских слов в куманском языке было немалым. Валерий Стоянов, со ссылками на публикации Ю. Клапрота и О. Блау, приводит в качестве примеров слова *peş* (печь), *samola* (смола), выражение *slese lube let* (слезай, либо лети) [Стоянов, т. 1, 2009, с. 95].

В источниках немало упоминаний о тюркско-русском двуязычии соседей Киевской Руси – печенегов, узов (торков) и куман (половцев).

Таблица 8
Вещи, связанные с домом
(Things Pertaining to the home)

Куманский	Гагаузский	Турецкий	Русский	Английский
izba	ода	oda	комната	room
boxorik	соба, фырын	soba, osak	печь	oven
yazag	килит	kilit	замок	lock
gadav	енсер	çovi kafrice	гвоздь	nail
acgauc	анатар	anahtar	ключ	key
olturguc	отурмаак ери	oturacak yer	место, где сидят	seat

Диссонансом с лексикой, связанной с домом и отдельными, ассоциированными с ним предметами, выглядит набор слов в лексико-семантическом гнезде с теми словами, которые обозначают строительное дело и строительные материалы. По удельному весу гагаузских и турецких слов, едва ли не буквально адекватных словам куманского языка, эта группа приближается к таким лидирующим «гнездам», как уже указанные выше слова, обозначающие одежду, продукты питания и животных. Из 11 слов, включенных П. Голденом в группу «Constructions», 9 (81,8%) соответствуют друг другу в куманском и гагаузском языке (см. табл. 9).

При этом слово *tb*, присутствующее в тексте СС без гласных, переводится как фундамент, не имеет аналога в словаре гагаузского языка, изданном на

кириллице, но включено в более поздний словарь – на латинице. Два слова куманского языка *ganga aginguc* (лестница) не имеет аналога в гагаузском и турецком языке, где употребляется лексема *merdiven* (см. табл. 9).

Таблица 9

Вещи, связанные со строительством
(Things Pertaining to the Construction)

Куманский	Гагаузский		Турецкий	Русский	Английский
	кириллица	латиница			
tb	темел	taban, temel	temel, taban	фундамент	fundament
tas	таш	taş	taş	камень	stone
kirec	киреч	kireç	kireç	известь	limestone
gum	кум	kum	kum	песок	sand
su	су	su	su	вода	water
tagta ganga	пол, тафта	tafta, pol		пол	floor
tic agac	колонна	kolona	direk, süttn	колонна	column
kerpic	керпич*	kerpiç *		обожжённый кирпич	baked brick
aginguc	мердивен	merdiven	merdiven	лестница приставная	ladder

* *керпич* – сырец, саман

Несколько наименований вещей, связанных со строительством, вполне созвучны в каждом из языков: камень – *таш* – *taş*; известь – *киреч* – *kireç*; песок – *кум* – *gum*; вода – *су* – *su*. Слово *tagta*, обозначающее в куманском языке ‘пол’, в гагаузском в одних случаях означает ‘доска’, в других входит в словосочетание *tafta pol* – ‘дощатый пол’.

Проезжая через земли, населённые «команами» (половцами), Плано Карпини своими глазами видел, что «команы» (половцы) «не строили домов, а помещались в шатрах» [Плано Карпини, Гильом де Рубрук, Марко Поло, 1997, с. 74]

Наличие различных наименований языка текстов СС, не могут бросать тени на сообщения знаменитого Плано Карпини, недвусмысленно сообщавшего, что в середине XIII в. на земле бисерменов (хорезмийцев) «говорили и доселя еще говорят команским языком» [Плано Карпини, Гильом де Рубрук, Марко Поло, 1997, с. 74].

Гагаузский дом, сохранявшийся до середины XX в.

Наличие в куманской лексике, посвящённой строительству, слова *kerpic* говорит о его двоякой семантике: оно воспринимается в одном случае как *saman* (необожжённый кирпич), в другом – как кирпич из обожжённой глины. Изменение смысловой нагрузки куманского слова *kerpic* не только отражает прогресс строительного дела и расширение ассортимента строительных материалов, но и свидетельствует об эволюции жилища кочевников от решётчатой, покрытой войлоком кочевнической юрты сначала к круглой, а затем и к прямоугольной мазанке. Такую мазанку можно было видеть на окраинах некоторых гагаузских сел вплоть до середины XX в.

Термины, обозначающие набор строительных материалов, зафиксированные собирателями куманской лексики в XIII в., помогают проследить эволюцию жилища кочевников в постмонгольский период. Судя по лексике, имел место синтез элементов домостроения, сочетающий в себе строительные материалы и приёмы строительства нового типа жилища, характерного для оседлой жизни. Особенности инновации заключались в переходе от юртообразного переносного жилища к стационарному. В XIII в. юрта кочевников не только опускалась с кочевой повозки (арба) на землю, но и оказывалась первоначально в земле. Затем она преобразовалась в бордею, сохранявшийся, по описаниям В. А. Мошкова, до рубежа XIX–XX вв., а в редких случаях вплоть до середины XX в.

Мы видим, как отдельные слова, оставаясь в рамках тюркской семьи языков, эволюционировали в одних случаях фонетически или морфологически, представляя пищу для лингвистов, а в других – содержательно, изменяя первоначальную семантику, предоставляя этнографам и антропологам широкое поле для изучения смысловой нагрузки слова, а вместе с тем и процессы преемственности и изменчивости явлений культуры.

Названия профессий

Сопоставление слов, содержащихся в первых пяти лексико-семантических гнездах, лидирующих по части сохранения почти в неизменном виде лексики куманского языка в современном гагаузском языке, наглядно раскрывает прямолинейную этноязыковую преемственность. Историческое значение и ценность этой части словарного материала СС состоит в том, что ставит под сомнение устоявшийся взгляд на куманский язык как на бесследно исчезнувший мёртвый язык, подобно латыни, санскриту и другим действительно отжившим свой век языкам. Пустующие клетки в табл. № 10 более чем красноречиво свидетельствуют о потерях куманского языка по дороге длиною в 7 веков.

Аутсайдерами в ряду из 34 лексико-семантических групп по части соответствия слов в куманском и гагаузском языке являются названия профессий (Professions), наименования птиц, слова, обозначающие религиозные понятия, лексемы, посвящённые календарю, связанные с домом.

Таблица 10

Названия профессий (*seriba*)

№ п/п	Куманский	Гагаузский		Русский	Английский
		кириллица	латиница		
1	glic ostasi	кылыч устасы		мастер, делающий мечи	sword-maker
2	eyerci	иер устасы (седло)		мастер, делающий сёдла	saddle-maker
3	ygenci	иулар (уздечка)		мастер, делающий уздечки	bridle-maker
4	otasi			врач	medical doctor
5	xkmcı			юрист, судья	lawyer
6	sigrig		kurer	гонiec, кучер	courier
7	yalsı			лука седла, эфес сабли	pommel-maker
8	astlancı			торговый посредник	middleman
9	talal			брокер	broker
10	br(k)ci		kalpakçı	мастер головных уборов	hat-maker
11	nagslagan			художник	painter

12	gulludsi			слуга	servant
13	julaxak			ткач	weaver
14	yagci			мастер, делающий луки	bow-maker
15	gobuzci		çalgıcı	музыкант	musician
16	bitik ostasi			учёный, книжник	magister scholarum
17	etmek	екмек	ekmek	хлеб	bread
18	urlug			семя	seed
19	tb			корень	root
20	otturguclar			сиденье	seats
21	is	иш	iş	работа	work
22	kc			труд	labor

Природа и предметы окружающего мира

Среди 24 куманских слов, включенных в смысловое гнездо «Природа и предметы окружающего мира», 14 слов совпадают со словами гагаузского языка, еще 6 созвучны им, что в конечном счёте составляет 83% совпадений (см. табл. 11).

Если первые две статьи Я. Р. Дашкевича в «Вопросах языкознания» и происхождении и декорировании памятника были с интересом встречены исследователями, то третья статья с её эпатажным названием «Codex– действительно ли Sumanicus», вероятно, насторожила тюркологов – адептов куманского языка. Вряд ли кто-либо из нескольких десятков авторов, привычно считающих язык первой части СС куманским языком, захотел бы признать свое прежнее заблуждение. Отсутствие ссылок на эту статью в профильной литературе даёт основание для такого предположения. Между тем в статье было выражено сомнение в существовании особого куманского языка, и в этом надо разобраться. Дело, конечно, за филологами, но без анализа исторических, социологических и этнологических аспектов решать задачу об этнической принадлежности языка текста памятника, вряд ли возможно.

На совпадение слов в лексико-семантическом гнезде («Природа и предметы окружающего мира») следует обратить внимание, поскольку в данной группе слов перечисляются такие реалии, которые встречаются наблюдателю путнику, регистрирующему названия в чужом для него языке, в данном случае, в куманском. Для путешественника, следующего по степному пространству, интерес представляют восток и запад, облака и море, дорога и лес, деревья и фрукты, селения и дома, торговые лавки и мосты. В этой же группе лексем вызывают интерес отмеченные Д. А. Расовским слова, не по-

павшие в 25% выборку, обозначающие такие понятия, как: взгорье, долина, подъем, спуск, ров, болото, камень, трава, луг, поле, область, место, крепость, улица, колодец, дворец, сад, виноградник, хижина, гостиница, свечка, вино, молоток, очаг, трут, сера [Расовский, 1929, с. 198].

Таблица 11

Сравнительная лексика куманского и гагаузского языков в смысловом гнезде «Природа и явления окружающего мира»

№ п/п	Куманский	Гагаузский		Русский	Английский
		Словарь 1973	Словарь 2002		
1	kun towisi	гүн дуусу	gün duusu	восток	last, orient
2	kun batisi	гүн батысы	gün batisı	запад	west
3	yarix yarig	ачык (открытый)	açık, yalabık	ясный, яркий	clear, bright
4	bulud	булут	bulut	облако	cloud
5	jahan	дүннää	dünnä, evren	мир, вселенная	world
6	tengiz	дениз	deniz	море	sea
7	tag	байыр, даа, аачлык	bayır, daa, açlık, orman	гора, лес	mountain
8	yol	йол	yol	дорога	road
9	toz, tos	тоз	toz	пыль, порошок	dust, powder
10	terek	аач, фидан	aaç, fidan	дерево	tree
11	yemis	емиш, тенä, мейва	emiş, tenä, meyva	фрукт, плод ягода, изюм	fruit
12	sa(h)ar kent	кент, касаба	kent, kasaba	город	city
13	gala gala	хала		форт, крепость, крытое помещение	fort, castle

14	saray	сарай	saray, vila	дворец	palace
15	xala	кӱӱ	küü	деревня село, селение	village
16	ev, ew	ев	ev	дом	house
17	kebit, tugan	лавка альш-вер- риш	lavka, baka- liya, alış-veriş	лавка, торговля	shop
18	korpu	кӱпрӱ	köprü	мост	bridge

Наличие большого количества сходных слов в языке потомков и воображаемых предков не должно отвлекать наше внимание от несходных слов. Нет ни одного слова, обозначающего то или иное явление в жизни предков и потомков, которое не представляло бы профессионального интереса для этнолога: самые различные отклонения от названий животных и растений, от наименований частей тела и действий, от родственных отношений и элементов менталитета – всё это заслуживает внимательного анализа. Не случайно порой высказывается мнение, что «Грамматика ошибок», по словам Х. Касареса, «может оказаться более интересной для изучения психологических и социальных факторов, влияющих на развитие языка, чем обычная грамматика» [Касарес, 1958, с. 274].

При этом обращают на себя внимание несколько слов, дополнительно созвучных со словами в тексте древнеуйгурской рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже (MS Supplement Ture 1001) под названием «Сказание об Огуз Кагане», или «Книга Огузов» (Огуз-наме). В отрывке из легенды, повествующей о рождении, фантастическом детстве, героических подвигах и деяниях Огуз Кагана, приведены 6 слов, одинаковых для языка СС, «Книги Огузов» и современного гагаузского языка. «Однажды ночью, – говорится в этом памятнике, являющемся одним из наиболее древних образцов исторического текста на тюркском языке, – возвращаясь с удачной охоты, Огуз Каган встречает прекрасную девушку и влюбляется в неё с первого взгляда. Она рождает ему трёх сыновей: Кюн (Солнце), Ай (Луна) и Юлтуз (Звезда). Во время другой охоты Огуз Каган встречает другую красавицу, чары которой покоряют его. Она тоже рождает ему трёх сыновей Гёк (Небо), Таг (Гора) и Тенгиз (Море)» [Цит. по: Райхл, 2008, с. 32].

Названия птиц

Европейских купцов и миссионеров, имеющих меркантильные интересы в южнорусских степях, мало интересовали предметы и явления, не представляющие рыночного интереса (например, птицы). Превалирование

практических интересов над этнографическими не порождало глубокой потребности записывать наименования домашних и диких птиц. Большинство зафиксированных слов, обозначающих, к примеру, такие понятия, как птица, орёл, сокол, ястреб, ворона, голубь, не сохранились в современном гагаузском языке. Среди названий домашних птиц время не похоронило лишь название курицы – *tauc* (*tawug*), – которое сохранилось в неизменном виде (см. табл. 12).

Таблица 12

Названия птиц (Names of Birds)

№ п/п	Куманский	Гагаузский		Русский	Английский
		Кириллица	Латиница		
1	cırcig	куш	kuş	птица	bird
2	garagus	картал	kartal	орел	eagle
3	garciga	дуан, куш капан	duan, kuş kapan	ястреб	hawk
4	balavan	-	duan	сокол	falcon
5	girgiy	дуан, куш капан	kuş kapan	ястреб, коршун	sparrow- hawk
6	turna	турна, гарга	turna garga	журавль, ворона	crow
7	yabalag			сипуха	screech-owl
8	sigircig	гугуш	guguş	голубь	dove
9	tauc tawug	таук	tauk	курица	hen

Слово *turna*, означавшее в куманском языке ‘ворона’, сохранилось во времени, но стало обозначать в современном гагаузском языке совсем другую птицу – журавля. Куманское слово *garages* (*каракуш*) в дословном переводе «чёрная птица», обозначавшее в тексте СС орла, преобразовалось в гагаузском языке в слово *kartal* (см. табл. 12).

Предметы, связанные с военным делом

Ряд слов, связанных с военным делом, раскрывают исчезнувшие предметы, функциональное предназначение которых было связано с ведением военных действий. Таковы, в частности, слова, обозначающие следующие понятия: война, сражение, драка, оружие, стёганая верхняя одежда воина, шлем, кольчуга, кираса, латы, защищающие спину и грудь воина, меч и все виды клинков.

Судя по данным, представленным в таблице 13, лишь два слова в современном гагаузском языке сохранили значение куманских слов: *kılıç* – ‘меч’ и *bıçak* – ‘нож’ (см. табл. 13).

Таблица 13

**Предметы, связанные с военным делом
(Things pertaining to war)**

№ п/п	Куманский	Гагаузский		Русский	Английский
		кириллица	латиница		
1	ceri	ордулар	ordular silahli, kivetlär	войско войска	army
2	sancis	жѣнк, дѹуш	savaş, düüş, cenk	война драка, сражение	war
3	sagit	силах / силаф	silah / silaf	оружие, вооружение	arms
4	sirdag	палто	palto	пальто, сте- ганая верх- няя одежда	coat
5	tovulda / towulda	башлык, челик	çelik, başlık	шлем	helmet
6	kbe			кольчуга	coat of mail
7	btlk			кираса, латы, защи- щающие спину и грудь	cuirass
8	glic	кылыч	kılıç (меч, сабля)	меч (все виды клин- ков) сабля	sword
9	bicag	бычак	bıçak	нож	knife

Человек. Части тела

Резким контрастом захиревшей терминологии военного дела кочевников XIII в. выглядит словарный состав СС, отображающий человека, части его тела в мирное время в ткани повседневной жизни. При этом большинство слов в данной лексико-семантической группе «The Human Being, Parts of the Body» сохранились в гагаузском языке почти полностью в том виде, как они зафиксированы в «итальянской» части СС: *gan* – кровь, *adam* – человек (личность), *kışı* – человек, *baş* – голова, *gas* – бровь, *kirpik* – ресница, *gulag* – ухо, *kz* – глаз, *virun* – нос, *yanag* – щека, *tiş* – зуб, *til* – язык, *teri* – кожа, *sik* – пенис, *am* – вульва, *kt* – анус, *gol* – рука, *tamar* – вена, *barmag* – палец, *ayag* – нога, ступня, *tin* – душа (см. табл. 14).

Таблица 14

**Человек. Части тела
(Neo sunt membra heminum et mulierum)**

Куманский	Гагаузский		Русский	Английский
	кириллица	латиница		
gan	кан	kan	кровь	blood
balgam	сѹмѹк	sümük	слизь	phlegm
sari	шкѣмбѣ	şkembä	живот	stomach
sauda	сафра	öt, safra	желчь, желтая	gall, bile
azam		kasavet, keder	тоска, уныние	melancholy
kisi	киши, ин- сан, адам	insan, adam	человек	human being, man
epic	кары	karı, hanum	женщина	woman
bas	баш	baş	голова	head
elat	гѹлмѣжѣк	gülmäcäk, cümbüş (развлече- ние, забава)	юмор	humors
alin, manglay	анны	annı	лоб	forehead
gas	каш	kaş	бровь	eye-brow
kirpik	кирпик, гѹз капа	kirpik	ресница веко	eyelid

gulag	кулак	kulak	ухо	ear
kz	гѣз	göz	глаз	eye
kz yaruxi			блеск глаз	light of the eye
burun	бурну	burnu	нос	nose
yangag	янак	üz yanak	щека	cheek
tis	диш	diş	зуб	tooth
til	дил	dil	язык	tongue
gursag	гурсак (зоб)	tumba, şkembä	живот (желудок)	stomach
kuge			сердце	heart
icex, suncux	барсак(лар)	ürek (живот, желудок), barsak(lar)	кишка, кишки	gut, Intestine
teri	дери	deri	кожа	skin
sik	сик	sik (нет в словаре)	пенис	penis
tasag	ташак	tasak (нет в словаре)	яичко (анатомия)	testicles
am	ам	am	вульва	vulva
kt	гѣт	göt	анус	anus
gol	кол	kol	рука (вся)	arm
tamr	дамар	damar	вена	vein
gan	кан	kan	кровь	blood
el, gol	ел, кол	el, kol	кисть руки, рука	hand
barmag	пармак	parmak	палец	finger
ayag	аяк (нога), табан	taban	ступня	foot
tin	дин (вера, религия)	can ürek, ruh gönül	душа	soul

Народный календарь (Nec sunt tempora)

Две знаменательные темы в предметной области гагаузоведения – генетическое происхождение тюркоязычного народа – гагаузов, исповедующих православие, и программатика народного календаря – интересуют исследователей и интригуют читателей.

В отличие от первой группы вопросов, связанной с этногенезом, до сих пор остающейся тайной, скрытой в бесписьменной истории народа, вторая, более чем востребованная группа вопросов, в многочисленных трудах множества энтузиастов Болгарии и Молдовы разработана достаточно всеохватно. Циклам зимних, весенних, летних и осенних праздников посвящены многие десятки публикаций.

Сценарии каждого народного праздника, связанного с народным календарём, их обрядовая и трапезная стороны, многократно «расписаны» едва ли не по минутам со всеми сопутствующими сюжетами.

Из новейших исследований назову публикации молдавских авторов – Е. Н. Квилинковой и Е. С. Сорочяну, болгарских авторов – Ж. Стаменовой, Д. Тодоровой и Д. Мирчевой, в которых содержится исчерпывающая библиография и глоссарии народных терминов по календарной обрядности гагаузов [Квилинкова, 2002а, с. 149-156, с. 157-182; Квилинкова, 2005а, с. 21-91, 199-246; Квилинкова, 2007а, с. 60-184, 663-664; Сорочяну, 2009, с. 377-390; Сорочяну, 2010, с. 384-420; Тодорова, 1987, с. 177-185; Стаменова, 2007, с. 196-258; Мирчева, 2007, с. 259-287].

Наблюдается неиссякающий интерес к народным обычаям и обрядам, которые привязаны к тем или иным датам народного календаря и представляют собой важные аспекты материальной и духовной культуры народа. Знание, исполнение и отношение к народному календарю выступает важным идентификационным фактором, составной частью этнического самосознания и самоуважения человека.

Не случайно в одном из первых монографических описаний гагаузов на рубеже XIX–XX вв., в книге В. А. Мошкова целая глава была посвящена обрядовой стороне народного календаря. Она фактически и стала отправной источниковой базой для многих последующих исследований основных сюжетов этой проблематики.

И вполне естественно, что недочеты, допущенные в первоисточнике, нашли отражение в трудах последователей. Речь идёт, прежде всего, о том, что классик гагаузоведения, собрав уникальный материал едва ли не по каждому празднику, связанному, так или иначе, с циклом сельскохозяйственных работ, оставил без особого внимания терминологическую сторону дела. Серьёзным упущением, в частности, можно считать, что из народных названий 12 месяцев он назвал только три: *күчүк ай* – февраль, *баба гюню* – март и *лобут ай* – август.

Дело в том, что «относительно названий месяцев» В. А. Мошков был уверен, «что гагаузы иных не знают, кроме русских, и произносят их совершенно чисто, без всяких искажений» [Мошков, 1902, № 3, с. 30].

Через три с лишним десятилетия болгарский исследователь гагаузского происхождения Афанасий Манов опубликовал список названий гагаузского народного календаря, но оставил их без каких-либо комментариев и без сравнений с народным календарём других народов (см. табл. 15).

В новейших исследованиях болгарских коллег, посвятивших солидные публикации праздничному календарю, праздничным обрядам и обычаям, в том числе подготовленным на основе трудоёмких полевых обследований, не нашлось места для специального анализа терминологической стороны дела с целью выявления этнокультурных параллелей с тюркскими народами, в том числе с тюрками древности средневековья [Стаменова, 2007, с. 196-258; Мирчева, 2007, с. 259-287].

В связи с восприятием Григорианского календаря из речевой практики и, соответственно, из словарного багажа гагаузского языка исчезли куманские названия месяцев. Даже за сравнительно непродолжительный срок после переселения в Бессарабию возникли различия в названиях отдельных месяцев, бытовавших в период проживания на Балканах. Так, например, февраль стал называться *küçük ay* вместо принятого в балканский период жизни – *Гюджук ай*, март в Бессарабии стали называть *Sürmāk ay* вместо *Март-баба*, июнь вместо *Ай Петро* в Болгарии называли *Kirez ay* в Бессарабии, июль вместо *Ай Илие – орак ай*, август вместо *Лобут ай – Харман ай* сентябрь вместо прежнего *Иставрос ай* получил двойное название: *Baa bozumu* и *Ceviz ay* (см. табл. 14).

Кардинальная смена образа жизни, переход от кочевничества к оседлости, от язычества к первому знакомству с догматикой христианства не оставили в народном календаре гагаузов каких-либо формальных и неформальных следов от куманского народного календаря.

В источниках, содержащих информацию о повседневной жизни и летоисчислении куман (половцев) и гагаузов, нет каких-либо сведений о принятом у восточных народов двенадцатилетнем животном цикле. Глухое упоминание о якобы существовавшем в эпоху сельджукидов «года свињи», у академика В. А. Гордлевского вызывало сомнение [Гордлевский, 1962, т. 3, с. 58].

В дополнительном исследовании нуждается совпадение названий некоторых месяцев по гагаузскому и турецкому народному календарю. Так, например, февраль в каждом из них называется, соответственно, «*küçük ay*» («малый месяц»). Не лишено смысла соответствие между названием месяца марта в гагаузском языке – *sürmāk ay* («месяц пахоты») и *tohum ay* («месяц посева зерна») – в турецком. Мусульманские названия летних месяцев в турецком языке, естественно, отличаются от гагаузских тем, что гагаузы называют июнь «месяцем вишни» (*kirez ayı*), июль – «месяцем жатвы» (*orak ayı*), август – «месяцем молотбы» (*harman ayı*).

Отсюда, в частности, производные от *harman*: *harman vakıdı* – уборочная страда, *harman aktarmaa* – перелопачивать зерно, *harman düümää* – молотить.

Таблица 15

Названия месяцев по народному календарю*

Куманский	Гагаузский		Турецкий	Русский	Латинский
	Болгария	Бессарабия			
safar ay	Бююк ай	Büük ay	Zemheri	январь	Januarius
swnc ay	Гюджук ай	Küçük ay, Küçük - güçük	Cüçük	февраль	Februarius
ilyab ay	Март баба	Baba marta, Sürmāk ay	Tohum	март	Martius
to b(a) ay	Чичек ай	hederlez (XIX в.) çiçek ay	Abrel	апрель	Aprilis
songu yaz ay	Маис ай (пеперуда)	Hederlez (XX в.) pipiruda	Aylarin Gelini	май	Madius
kz ay	Ай Петро ай	Kirez ay	Hazaran	июнь	Junius
orta kz ay	Ай Илия ай (Орак ай)	Orak ay	Temmuz	июль	Julius
soing kz ay	Лобут ай Харман ай	Harman ay, Lobut ay	Ağustos	август	Augustus
gis ay	Иставрос ай	Baa bozumu, Ceviz ay	Eylül	сентябрь	September
orta gis ay	Касым	Pastırma Kasım (XIX в.)	Ekim	октябрь	October
gurban bayram ay	Джанавар йортулары	Kasım (XX в.) Canavar ayı	Koç Katım	ноябрь	November
arug ay	къръм	Kıran	Karakiş	декабрь	December

* Таблица разработана по источникам: Манов, 1938, с. 110-111; Квилинкова, 2002а, с. 172; Квилинкова, 2007а, с. 663-664; Гордлевский, 1962, т. 3, с. 58-65; Голден, 1992, с. 44-49.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ КАК ОСНОВА ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Поучительная история изучения Codex Cumanicus проникнута стремлением учёных досконально узнать фонетические и морфологические особенности каждого из языков, представленных в памятнике, их происхождение и генетические связи с другими родственными и неродственными языками. Не менее интересны и важны содержащиеся в словарном составе памятника сведения о повседневной, общественно-политической, торговой и культурной жизни и межэтнических отношениях. С помощью трёх словарных колонок в первой, так называемой «итальянской» части Codex Cumanicus, содержащих слова на латинском, персидском и куманском языках, становится возможным раскрывать масштабы, характер и содержание межэтнических связей и отношений по берегам Чёрного моря, в причерноморских степях и в Крыму.

Выдающийся памятник средневековья содержит языковые и этнокультурные данные не только для лингвистических, социально-экономических и историко-культурных исследований, но и для реконструкции этнической истории, в том числе для определения этнической и социальной идентичности носителей и потребителей «куманского» языка.

Сторонники современного радикального конструктивизма, отдающие предпочтение воображению и представлениям в ущерб реальности и артефактам, как правило, исходят из того, что в постмодернистской модели идентичности и идентичностей не следует искать такие фундаментальные категории, как чувство долга и обязательства личности перед прошлым, в том числе перед прошлой историей своего народа. В итоге возникает или Берлинская стена, или впадина вроде Гранд Каньона между проблематикой и предметной областью этногенеза и вариантами конструктивизма вместе с ассоциированными с ним научными направлениями. Последствия и стены, и Каньона несут в себе скорее разрушительный, чем созидательный потенциал. При этом речь идёт не о морально-этической стороне дела, когда несправедливо умаляются достижения российской этнологии, имеющей не менее чем трёхвековой опыт изучения конкретно-исторического опыта, практик и стратегии появления, развития и исчезновения конкретных народов. Травмируется этническое самосознание, самоуважение и ощущение самодостаточности как на личностном, так и на групповом уровне. Между тем одностороннее форсирование и педалирование прав, свобод и индивидуальных мотивов отдельно взятого человека содержит в себе скорее заряд разъединения, чем стимул объединения в обществе. Не случайно на пороге третьего постсоветского десятилетия, выступая в Уфе 11.02.2011 г., Президент Российской Федерации Д. А. Медведев, анализируя состояние межэтнических отношений в свете непрекращающегося терроризма, коррупции и межэтнических конфликтов, одним из факторов их возникновения и сохранения назвал отсутствие в практике межэтнических отношений коллектив-

ного права, востребованного в полиэтнической стране наряду с правами и свободами человека.

Освобождение себя от долга перед прошлым вольно или невольно провоцирует у исследователя отрицательное или по крайней мере индифферентное отношение к культурному наследию своего народа.

Такая позиция, порой наличествующая в концепции конструктивизма, не согласуется с незатухающим интересом современников к выдающимся ценностям прошлой истории: к египетским пирамидам, скифскому золоту, парфянским коврам, половецким изваяниям, урартской клинописи, к древнейшим письменным памятникам, таким как: «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», Кутадгу-билиг, словарь Махмуда Кашгарского и Кодекс Куманикус.

Именно в этом типологическом ряду коренится неизбывный интерес к языку своего народа, к словарному составу, сохранившемуся в текстах древних и средневековых памятников. С этой точки зрения интерес к этногенезу как постоянно формирующейся и развивающейся идентичности в прошлом и проявляющейся как на индивидуальном, так и на групповом уровне, является далеко не праздным. Он заполняет страницы художественной литературы, произведения живописи и музыки, находит выражение в общественной и повседневной жизни в проявлениях этнического самосознания.

Анализ лексико-семантических групп слов, содержащихся в письменном памятнике Codex Cumanicus, отдалённом от нас более чем семью веками, позволяет выявить не только сходства и различия между образом жизни и системой жизнеобеспечения воображаемых предков и жизнедеятельностью гагаузов, но и языком гагаузов как их культурным достоянием. В конечном счёте пронизательный «взгляд в прошлое» позволяет выявить как ни парадоксально, изменчивую, динамическую сторону этнической идентичности и льёт воду – это ещё один парадокс – скорее на мельницу конструктивизма, чем на алтарь примордиализма.

Незаслуженное приписывание примордиалистам концепции этнической идентичности как некоей биологически заданной, заостенелой субстанции оказывается несовместимым с историко-сопоставительным методом, практикуемым в лексикологии. Изменения, происходящие в словарном составе языка, особенно наглядно демонстрируют линии бесконечного воспроизводства и развития факторов и условий объединения и разъединения различных социальных и этнических групп людей в рамках того или иного сообщества.

Я отдаю себе отчёт в том, что меня не по возрасту посетил соблазн подвергнуть смысловой инвентаризации словарный состав гагаузского языка в связи с отражением его в зеркале Codex Cumanicus. Рано или поздно эту работу кто-нибудь из филологов должен начинать, если до ценнейшей информации, содержащейся в уникальном памятнике средневековья, «не дошли руки» ни основоположника гагаузского языкознания Н. К. Дмитрие-

ва, ни его талантливой ученицы Л. А. Покровской, ни целой плеяды гагаузоведов, в том числе из среды гагаузских учёных.

Между тем, составив в форме предлагаемых очерков нечто вроде проекта или конспекта такого исследования, я до сих пор не уверен, адекватно ли представляю огромный объём работы, требующей многолетних усилий исследователей различных научных направлений. Понятно, что высококвалифицированные специалисты, способные решить эту задачу, не появляются стихийно. Таланты надо искать, обучать, поддерживать и развивать их природные способности, приумножать и совершенствовать профессиональные навыки и, пожалуй, самое главное – укреплять в них мотивацию и преданность своему делу. Немаловажную часть этой стратегии в современных условиях на фоне разнузданного графоманства и дилетантства составляет разоблачение псевдонаучных «сочинений», загрязняющих Интернет и атмосферу профессиональной науки.

Первый «Гагаузско-русский словарь», содержащий около 3 500 слов, был представлен в качестве приложения к гагаузским текстам, собранным и подготовленным к изданию В. А. Мошковым [Мошков, 1904а, с. 1-114].

Результаты предварительного исследования позволяют закрепить наши представления о смешанном характере «куманского» языка СС, считать его одним из разновидностей огузско-кыпчакского языка, а его носителей – этнически смешанным населением, в котором преобладали кыпчакско-огузско-печенежские компоненты. Вместе с тем, открываются возможности для уточнения его места в системе тюркских языков.

Наличие в словарном составе СС огузских, кыпчакских и слов иного этнического происхождения позволяет представить носителей средневекового времени в виде соприкасающихся между собой колец, как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении. Та или иная часть площади круга, например огузского или кыпчакского, печенежского или греческого, может совпадать с площадью, заключённой внутри других окружностей. И чем больше в каждой окружности будет сходных слов, тем убедительнее будут выглядеть выводы о генетической близости языков и их носителей.

По мнению авторитетных тюркологов, гагаузский язык входит в состав юго-западной (огузской) группы языков [Кримський, 1930, с. 482-486; Баскаков, 1969, с. 257-261; Покровская, 1964, с. 3-11; Кононов, 1982, с. 223]. Однако по мере продвижения вероятных предков гагаузов по евразийским степям с востока на запад, на места их современного обитания, их язык подвергался воздействию болгаро-кыпчакских языков. Этногенетическая история гагаузов, насыщенная длительными контактами с носителями болгарско-кыпчакских языков, привела к тому, что гагаузский язык «приобрёл своеобразный смешанный характер» [Кононов, 1982, с. 223].

Многие поколения исследователей, в том числе зарубежных, с настойчивым упорством искали прямолинейные связи между современными гагаузами и одним (и только одним!) из средневековых народов. Лишь некоторые

из них в прямой или косвенной форме выражали уверенность в синтетическом происхождении основного этнического ядра, сцементированного из представителей печенегов, узов и куман. Между тем сегодня в ряде околонуучных публикаций с энтузиазмом, достойным более уместного применения, теория «этнического синтеза» гагаузов отвергается в категорической форме.

Гагаузский язык, на котором говорили гагаузы в XIX–XX вв. и разговаривают сегодня, сохранил немало черт куманского языка, представленного в словарях и текстах Codex Cumanicus. Согласно статистико-лингвистическим подсчётам, словарные соответствия легче всего обнаруживаются главным образом в лексических пластах (лексико-семантических гнёздах), тесно связанных с системой питания, в том числе в наименованиях продуктов и блюд, отдельных элементов или компонентов одежды, в терминах чувственного восприятия, в названиях животных. Меньше всего кумано-гагаузские соответствия сохранились в лексико-семантических гнёздах, составленных из религиозных и календарных терминов, в названиях птиц и вещей, связанных с домом и домашним бытом, за исключением обозначений строительных материалов, в названиях профессий.

Перелистывая страницы этнической истории гагаузов и их вероятных предков и наблюдая за ней через призму развития словарного состава и этноязыковых параллелей, мы вынуждены констатировать, что нельзя точно определить, когда тюркский язык Codex Cumanicus перестал быть куманским а затем окончательно преобразовался сначала в смешанный средневековый язык межэтнического общения, а в конце концов – в современный гагаузский язык. Сегодня сохраняет свою актуальность задача обозначения переходного периода, имевшего место между языком письменного памятника XIII–XIV вв. и первым гагаузским словарём, составленным и изданным В. А. Мошковым на рубеже XIX–XX вв.

Концентрация внимания на отношениях гагаузского языка с лексическим материалом Codex Cumanicus приводит к существенному смысловому сдвигу в имеющихся представлениях об этнической истории гагаузского народа и его вероятных предках в средние века. Обнаруженные этноязыковые параллели и отображаемые ими этнокультурные связи «удлиняют» этническую историю гагаузов как наследников носителей куманского языка СС по крайней мере на семь столетий. Такой вывод вытекает из понимания смешанного характера гагаузского языка, впитавшего в себя не только «смешавшийся» уже к XIII в. куманский язык, но и лексику из персидского, греческого, болгарского, румынского и русского языков.

Несколько забегаая вперёд, будучи ограниченными 25%-й выборкой куманских слов, извлечённых для анализа из статьи Питера Голдена, посвящённой Codex Cumanicus, можно думать о возможном выделении гагаузского языка в самостоятельный огузо-кыпчакский язык, не вполне укладывающийся в привычную традиционную классификацию юго-западных огузских языков, в состав которых принято включать азербайджанский, турецкий и туркменский языки.

В формировании этнического самосознания и ощущения самостоятельности любого народа как осознаваемой самостоятельной этнической единицы (общности) важное значение имеют экономические, социально-политические и экологические факторы. Немалую роль играет психологическая мотивация, обоснованная, к примеру, в трудах Бенедикта Андерсона, Эрнста Геллнера, Эрика Хобсбаума и других известных антропологов, незаслуженно скоротечно уходящих из дискурса и со страниц этнологической литературы. В случае с относительно поздним становлением гагаузов в качестве самостоятельного народа, заметно отличающегося от соседних народов по ряду значимых и малозаметных признаков, катализирующую роль сыграла та часть болгарской историографии, которая длительное время, практически с XIX в. отказывала гагаузам в том, чтобы считаться самостоятельным народом, настойчиво представляя их частью болгарского народа.

Многообразие смысловых значений слов куманского (кыпчакского) и гагаузского языков может служить исходным материалом для выделения системно-языковых, понятийно-логических и сопоставительно-типологических взаимосвязей между ними. Сходные и несходные слова в каждом из двух сопоставляемых языков неизбежно связаны со средой обитания их носителей, системой их жизнедеятельности и характером межэтнических отношений. Поэтому сопоставление языков не может осуществляться без учёта этнографических особенностей культуры их носителей. «Как только мы вырвем слово, изолируем его из предложения, в котором оно было употреблено, и положим на аналитический стол, – писал более полувека тому назад Х. Касарес, – мы убедимся, что слово утратило жизненную силу, превратившись в объект аналитического исследования, столь же инертный, как отделённый от тела орган» [Касарес, 1958, с. 64].

Предпринятый анализ сосредоточен главным образом на словарном материале с крайне ограниченным вовлечением в поле зрения фразеологизмов, имеющих место во второй части Codex Cumanicus, то есть той части, которая именуется Missionaries Book и состоит преимущественно из молитв, различных иных текстов и 47 пословиц.

Анализ словарного состава гагаузского языка даёт основание внести некоторые коррективы в отношении того места, которое он занимает в существующих классификационных схемах тюркских языков. Обнаруживаемые в Codex Cumanicus кыпчакско-гагаузские соответствия свидетельствуют о его смешанном огузско-кыпчакском (или кыпчакско-огузском) словарном составе.

Напомним, что по современному географическому расселению носителей тюркских языков выделяются следующие 5 ареалов их распространения: 1) Средняя и Юго-Восточная Азия, 2) Южная и Западная Сибирь, 3) Волго-Камье, 4) Северный Кавказ, 5) Закавказье и Причерноморье.

Приведём некоторые известные в тюркологии классификации, сконструированные на основе нескольких, чаще всего лингвогеографических или этноисторических критериев. С учётом географического фактора В. А. Богородицкий выделял 7 групп [Богородицкий, 1934; 1953]:

1. *Северо-восточную:*
 - 1.1. Якутский
 - 1.2. Карагасский
 - 1.3. Хакасский
2. *Хакасскую (абаканскую):*
 - 2.1. Сагайский
 - 2.2. Бельгирский
 - 2.3. Койбальский
 - 2.4. Качинский
 - 2.5. Кызыльский
3. *Алтайскую:*
 - 3.1. Алтайский
 - 3.2. Телеутский
 - 3.3. Черневых татар
4. *Западно-сибирскую со всеми диалектами сибирских татар*
5. *Поволжско-приуральскую:*
 - 5.1. Татарский
 - 5.2. Башкирский
6. *Среднеазиатскую:*
 - 6.1. Уйгурский
 - 6.2. Казахский
 - 6.3. Киргизский
 - 6.4. Узбекский
 - 6.5. Каракалпакский
7. *Юго-западную:*
 - 7.1. Туркменский
 - 7.2. Азербайджанский
 - 7.3. Кумыкский
 - 7.4. Гагаузский
 - 7.5. Турецкий

Академик В. В. Радлов выделял 4 группы: восточную, западную, среднеазиатскую и южную, в которую, в частности, включал туркменский, азербайджанский, турецкий, а также некоторые южнобережные говоры крымско-татарского языка. Принципиально иную схему предложил академик С. Е. Малов, положивший в основу группировки тюркских языков хронологический критерий, согласно которому все тюркские языки разделились на «старые», «новые» и «новейшие».

Карл Райхл в книге о тюркской поэзии и поэтической композиции посвятил тюркским языкам несколько страниц, отметив в качестве их характерных черт агглютинацию с её спутником – сингармонизмом и ограничился упрощённой классификацией тюркских языков, в которой нашлось место гагаузскому языку в юго-западной (огузской) группе языков, но выпали из схемы языки средневековых тюрков-печенегов, узов (торков) и куман (половцев).

Схематическая классификация тюркских языков (по К. Райхлу) [Райхл, 2008, с. 24-28]:

1. *Булгарская: чувашский язык*
2. *Юго-западная (огузская): турецкий, азербайджанский, туркменский, гагаузский*
3. *Центральная (чагатайская): узбекский, уйгурский*
4. *Северо-западная (кыпчакская):*
 - 4.1. Татарский
 - 4.2. Башкирский
 - 4.3. Караимский
 - 4.4. Крымско-татарский
 - 4.5. Карачаево-балкарский
 - 4.6. Ногайский
 - 4.7. Кыпчакско-узбекский
 - 4.8. Казахский
 - 4.9. Каракалпакский
5. *Восточная:*
 - 5.1. Якутский
 - 5.2. Алтайский
 - 5.3. Хакасский
 - 5.4. Шарский
 - 5.5. Чулымский
 - 5.6. Тафаларский
 - 5.7. Тувинский
 - 5.8. Язык жёлтых уйгуров
 - 5.9. Киргизский.

Как видно из приведённых классификаций тюркских языков, большинство тюркологов включают гагаузский язык в юго-западную группу огузских языков. И хотя в целом ряде публикаций отмечается наличие в нём ряда элементов кыпчакского происхождения, за его носителями всё же не признаются элементы кыпчакской этнической идентичности. Между

тем смешанный, синтетический характер куманского языка, выявленный по материалам СС, сближает его, с одной стороны, с карачаево-балкарским, караимским и крымско-татарским языками, а с другой – с современным гагаузским языком.

Парадигма этносинтетического происхождения языка носителей куманского языка СС или их самих не только объясняет этническую историю гагаузов, но применима для ряда других, в том числе тюркоязычных народов. Так, например, «основное тюркоязычное ядро карачаевцев и балкарцев, – согласно языковым данным М. А. Хабишева, – формировалось из тюркоязычных болгар, сабириков, хазар, печенегов, кыпчаков, куманов Кубани и Кумы... в это основное тюркоязычное ядро вливались представители абхазцев, адыгов, славян, армян, грузин, ираноязычных алан, кумыков и других дагестанских народов, мадьяр, мингрелов и сванов» [Хабишев, 1971, с. 22; Мусаев, 1975, с. 20].

Едва ли не самым убедительным доказательством теории «межэтнического синтеза» как локомотива этнической истории служит формирование словарного состава языка того или иного народа. Специалисты сходятся, к примеру, во мнении, что «карачаево-балкарский язык, как и другие западно-кыпчакские языки, имел тесные контакты с языками населения Хазарского каганата, Булгарского царства, с языками печенегов, куман, торков и т. д., что не могло не отразиться в лексике языка». Наиболее близким к карачаево-балкарскому языку, как, впрочем, и к «живому» гагаузскому языку, является язык тюркоязычного памятника Codex Cumanicus [Хабишев, 1966, т. 2, с. 213; Мусаев, 1975, с. 21].

При этом, как отмечал К. М. Мусаев, «карачаево-балкарский язык не является единственным языком, близким к языку СС. Его ближайшими родственниками являются почти в равной мере каждый из современных западнокыпчакских языков, а также восточные кыпчакские языки» [Мусаев, 1975, с. 21].

Исследование словарного состава Codex Cumanicus показало, что «наиболее близкими к кыпчакскому языку среди современных тюркских языков являются караимский и карачаево-балкарский» [Караимско-русско-польский словарь, 1974, с. 6].

Е. П. Алексеева обнаружила, что «около 70–80% слов и названий Codex Cumanicus совпадает с современным карачаево-балкарским языком». Она же со ссылкой на мнение А. Х. Согтаева сообщает, что «ещё в одном памятнике кыпчакского языка, “Судебные акты 1559 г.” (“Архив древних актов Киевского университета”), также 80% слов совпадают с современными карачаево-балкарскими» [Алексеева, 1963, с. 33].

Среди интеллектуалов многих современных народов евразийского пространства, пожалуй, лишь только учёные гагаузской национальности не пытались «приватизировать» выдающийся тюркоязычный памятник СС, относящийся к периоду расцвета и упадка Золотой Орды. Однако, в отличие от большинства тюркских народов, исповедующих ислам, право-

славные гагаузы имеют не меньше оснований искать следы своего языка и этнической культуры в словарном составе Codex Cumanicus.

Одна из первых таких попыток была предпринята полвека тому назад в моей юношеской работе, посвящённой малочисленным народам Балканского полуострова и происхождению гагаузов [Губогло, 1967]. Уже тогда мне импонировала мысль, что в списке куманских (половецких) слов, приведённых в статье академика В. В. Радлова, обнаруживаются соответствующие слова в гагаузском языке. Не случайно был сделан осторожный вывод о наличии этнокультурных связей между средневековыми куманами (половцами) и современными гагаузами. Однако, в те времена, к сожалению, я не имел возможности обратить внимание на два принципиальных момента: во-первых, на наличие в Codex Cumanicus слов из разных диалектов куманского (половецкого) языка, на синтез огузских и кыпчакских элементов, во-вторых, на роль *lingua franca*, которую играл куманский язык среди различных народов южнорусских степей.

Итак, историко-сопоставительный анализ словарного состава СС и лексики гагаузского языка позволяет думать об их гораздо более тесной генетической близости, чем считалось до сих пор. Более того, межэтнический синтез (Мутафчиев, Губогло, Губоглу), лежащий в основе межэтнического смешения, как основная линия этнической истории гагаузов может свидетельствовать в пользу теории, объясняющей межэтнический синтез в качестве магистрального пути происхождения многих народов и магистрального направления этнической истории и процессов межэтнических взаимодействий.

ЯЗЫК: СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СТРОЙ ГАГАУЗСКОГО ЯЗЫКА

Гагаузский язык – самостоятельный младописьменный язык в семье тюркских языков. По своему грамматическому строю и лексическому составу он относится к огузской группе тюркских языков, точнее к *огузо-булгарской* подгруппе, которая вместе с *огузо-сельджукской* (азербайджанский, турецкий) и *огузо-туркменской* (туркменский, тухменский) составляет *юго-западную*, или *огузскую*, ветвь семьи тюркских языков [Баскаков, 1952, с. 125]. Образование данных групп тюркских языков огузского типа отражает результат развития этноисторического, этнокультурного и глоттогонического процессов после распада огузского племенного и языкового единства Западнотюркского каганата (VII–X), приведшего к великому переселению тюркских народов в разных направлениях. Древние племена печенегов и узов, генетическим развитием которых [см.: Губогло, 1967а, с. 159-167; Губогло, 1993, с. 7-20] являются гагаузы и некоторые балканские тюрки (сургучи, читаки, гаджалы), попав в болгарскую, а затем в кыпчакскую, или половецкую, среду, приобрели признаки языка, общие с болгарскими языками, а в более позднее время также и признаки кыпчакских языков. Поэтому в гагаузском языке, являющемся огузским в своей основе, встречаются болгарские и кыпчакские черты [Иречек, 1890, с. 237-238; Иречек, 1899, с. 826; Kowalski, 1933, с. 24-27; Баскаков, 1969, с. 258-259]. Так, к протоболгарским элементам в гагаузском языке можно отнести палатализацию согласных в позиции перед гласными переднего ряда (характерную также и для чувашского языка болгарской группы) с деформацией в гагаузском *e* в *ä*, например: [ev'ä] вместо [eve] 'дому, домой', [kes'm'ä] вместо [kesme] 'не режь', [n'es't'ä] вместо [neste] 'это, это вот' и пр. [Баскаков, 1952, с. 127].

Огузские черты современного гагаузского языка, по мнению многих тюркологов, отражают языковые особенности древнетюркских памятников письменности. Это относится к словам основного словарного фонда, системе гласных и согласных фонем, закону сингармонизма и агглютинативной системе словообразования и формообразования, фонетически редуцированным формантам падежей, реликтам древней системы счета и т. п. Например, в тексте загадки: «*İki sekiz, bir ondokuz, üç irmiylän bir otuz*» – отражены древнетюркские образцы сложных форм выражения количества, известные тюркологам по памятникам рунической письменности [Гайдаржи, 1993, с. 186].

Безусловно, в формировании и развитии гагаузского языка немалую роль сыграли балканские языки, что позволило Л. А. Покровской выделить современный гагаузский язык из западноогузской подгруппы как особый «балкано-огузский» тюркский язык [Покровская, 1997, с. 9-10]. Балканские элементы, в основном, проявляются в области морфологии и синтаксиса гагаузского языка.

Гагаузский язык впервые стал известен в науке в конце XIX – начале XX вв. благодаря трудам русского этнографа В. А. Мошкова [Мошков, 1900–1902; Мошков, 1904]. Первые научные статьи о гагаузском языке появились в 30-е гг. XX в. На основе собранных им фольклорных и этнографических материалов советский тюрколог Н. К. Дмитриев дал детальное описание фонетики гагаузского языка, рассмотрел некоторые характерные черты морфологии и синтаксиса, отличающие гагаузский язык от других тюркских языков (в первую очередь от турецкого) и приближающие его к балканским языкам [Дмитриев, 1955, с. 203-207; Дмитриев, 1962, с. 202-284]. Всестороннее исследование современного гагаузского языка началось с середины прошлого века. Описаны его диалекты, проведена значительная работа по изучению лексического состава, издан первый академический словарь гагаузского языка, написана первая грамматика гагаузского языка [Покровская, 1964; Колца, 1967, с. 148-155; Тукан, 1968, с. 147-177; Сычева, 1973, с. 24-30; ГРМС, 1973].

Изучение гагаузского языка показало, что влияние иноязычной балканской среды вызвало заметные сдвиги в его фонетической и грамматической системе, значительно изменился лексический состав. Особенно ощутимы изменения в синтаксисе (образование новых структурных типов сказуемого, несвойственных тюркским языкам; сближение порядка слов в предложении с нормами порядка слов европейских языков, в первую очередь болгарского и румынского/молдавского, а затем и русского языка; появление новых морфолого-синтаксических средств для выражения подчинительных отношений в сложном предложении и т. п.). В настоящий момент, по определению известного гагаузоведа Л. А. Покровской, гагаузский язык представляет собой интересный образец тюркского языка с существенными признаками влияния славянских и романских языков [Покровская, 1964, с. 6].

В течение последних двух веков (до конца 90-х гг. XX в.) гагаузы не имели контакта с другими тюркскими народами, вследствие чего гагаузский язык все более сближался с окружающими его неродственными языками. Под влиянием контактирующих языков в нём появился ряд *морфологических* признаков, противопоставляющих его турецкому языку. К наиболее существенным можно отнести возникновение инфинитива (*yap-maa* ‘делать’, *gör-mää* ‘видеть’) из имени действия на *mak-mäk*; конъюнктива (*İstedim seni göreyim* ‘Я хотел тебя видеть’); аффикса родового коррелята *-ka // -yka* (*aşçı* ‘повар’ – *aşçıyka* ‘повариха’, *gagauz* ‘гагауз’ – *gagauzka* ‘гагаузка’), изменение интонации и структуры простого и сложного предложения и др.

Основной словарный фонд гагаузского языка является южнотюркским. Однако, кроме исконно огузской лексики, в современном гагаузском языке используется большое количество заимствований, связанных с различными периодами истории развития гагаузского языка [Колца, 1967, с. 149]. Самый значительный вклад в развитие гагаузской лексики внесли славянские и восточнороманские языки [Колца, 1966, с. 36-43; Колца, 1967, с. 148-155; Тукан, 1972, с. 55-67; Сорочяну, 2005, с. 366-378]. Совместная жизнь на Балканах и в Бессарабии не могла не отразиться на развитии и обогащении словарного состава гагаузского языка. Наиболее ранними и многочисленными являются

заимствования из болгарского языка, например: *pläva* ‘полова’, *labada* ‘щавель’, *drojdi* ‘дрожжи’, *patu* ‘гусь (в болг. утка)’, *kuçu* ‘собака’, *kloçka* ‘наседка’, *pridänka*, *sidänka* ‘посиделки’, *proşka* ‘прощение’, *dimitrița* ‘осенний цветок, расцветающий ко дню Св. Дмитрия, вид хризантем’, *survaki* ‘новогодняя колядка’, *pipiruda* ‘бабочка’, ‘народный обычай вызывания дождя’; ‘месяц май’, *İgnajdin* ‘День Св. Игнатия’, *Dragayka* ‘День Ивана Купалы’, ‘подмаренник’, *dever* ‘дружка на свадьбе’, ‘деверь’, *zilva* ‘подружка невесты на свадьбе’, *kresnița* ‘крестница’, ‘крёстная мать’, *draginku* ‘деверь’, ‘шурин’, *bodaprosti* ‘благодарение за поминальное подношение (болг. *Бог да процу!*)’ и др.

Заимствования из румынского и молдавского языков являются более поздними и относятся к бытовой и общественно-политической лексике. Например: *masa* ‘стол’, ‘скатерть’, *porta* ‘ворота’, *furkulița* ‘вилка’, *paraliya* ‘шляпа с полями’, *mamaliga* ‘кукурузная каша’, *paşşoy* ‘кукуруза’, *pilda* ‘припча’, *diveç* ‘вечный’, *dicaba* ‘зря, напрасно’, *pluguşor* ‘новогодняя поздравительная колядка’, *Moşi* ‘Троицкая задушница’, *averä* ‘богатство, имущество’, *stat* ‘государство’, *primar* ‘сельский староста’ и др.

С принятием предками гагаузов от греков Византии православного христианства [Губогло, 1967, с. 8] в их языке появляется большое количество греческих заимствований преимущественно религиозно-церковного характера. Например: *ay* ‘святой’, *ayazma* ‘святая вода’, *ayoz* ‘ангел’, ‘святой’, *vaatiz* ‘обряд крещения’, *klisä* ‘церковь’, *Panaiya* ‘Богородица’, *stavroz* ‘крест’, *steonoz/stefanoz* ‘венчание’ [Дмитриев, 1962, с. 278-279], *metani* ‘метания, поклоны, выражающие покаяние’, *nafra* ‘просфора’ и др. Многие греческие религиозные термины (например, названия двенадцатых праздников православного календаря) пришли в гагаузский через церковнославянский язык: *Blagušteni* ‘Благовещение’, *Pobrajna (Probejna)*, *Sotira* ‘Преображение Господне’, *Strateniya (Sreteniye)* ‘Сретение Господне’, *Spas / İspas* ‘Вознесение Господне’, *Troyța* ‘День Святой Троицы’ [Сорочяну, 2008, с. 115-116].

Имеются греческие заимствования и светского характера, например: *keremet* ‘черепица’, *fidan* ‘дерево’, *urum* ‘грек’, ‘румелиец’, *horulforu* ‘хоровод’, ‘воскресное народное гуляние’, *panayır* ‘базар’, ‘рынок’ *fener* ‘фонарь’ и др.

Особое место в словарном составе гагаузского языка занимают арабско-персидские заимствования. Их тематическое содержание достаточно разнообразно: *adam* ‘человек’, ‘мужчина’, *insan* ‘человек’, ‘народ’, *dünnä* ‘мир’, ‘вселенная’, *kurban* ‘жертва’, ‘жертвоприношение’, *vatan* ‘родина’, ‘отечество’, *maalä* ‘квартал’, ‘улица’, *haber* ‘известие’, *hava* ‘воздух’, ‘погода’, *maavi* ‘синий’, *avşam* ‘вечер’ и др. Предполагается, что языками-посредниками явились османско-турецкий и болгарский языки. Семантическая и фонетическая адаптация арабско-персидских заимствований не всегда идентична турецкой, например: *saabi* ‘хозяин’ (тур. *sahip*), *filcan* ‘стакан’ (тур. *fincan* ‘чашка’), *cendem* ‘ад’ (тур. *cehennem*) и др. [Сычева, 1973а, с. 44-56; Сычева, 1976, с. 212-229].

Небольшая часть арабских и персидских заимствований связана с религиозной терминологией. Будучи мусульманскими по происхождению,

эти заимствования в гагаузской христианской терминосистеме отражают в основном абстрактные религиозные понятия, не связанные с вещественными реалиями христианской религии и потому переосмысленные в соответствии с понятиями христианской религии. Доказательством тому является основное понятие *Бог*, выраженное в гагаузском языке мусульманским термином *Аллах*. Однако обозначается им не мусульманский, а христианский Бог. Это отчётливо видно из названия *Святой троицы: Allah-boba* ‘Бог-отец’, *Kosa Allah* (досл. старший Бог), *Allahin oolu İsus Ristos* ‘Бог-сын’ (досл. Сын Бога Иисус Христос), *Allahin soluu* ‘святой дух’ (досл. дыхание Бога) [Мошков, 1901, № 4, с. 2; Покровская, 1974, с. 140]. Мусульманскими терминами передаются такие отвлечённые религиозные понятия, как рай (*cennet*), дьявол, черт (*şeytan*), грех (*günah*), душа (*can*), религия, вера (*din*), молитва (*dua/duva*), пост (*oruç*) и др.

Большое количество мусульманских терминов в гагаузском языке объясняется сложившимися историческими условиями существования малых тюркоязычных народов христианского вероисповедания в эпоху владычества османских турок-мусульман на Балканах. По приказу турецких властей греческие церковные книги были переведены на турецкий язык, в греческих церквях христианская православная служба велась на турецком языке, первоначальные греческие термины в турецком переводе были заменены мусульманскими [Покровская, 1974, с. 144]. Для предков гагаузов это явилось положительным фактором, благодаря которому они начали понимать язык церковной службы и стали еще более ревностными христианами. В Бессарабии, по сведениям В. А. Мошкова, гагаузы пользовались караманлийскими христианско-религиозными книгами, напечатанными греческими буквами на турецком языке, которые также оказали определённое влияние на бытование религиозных терминов в гагаузском языке [Мошков, 1901, № 2, с. 42].

Слова мусульманского происхождения составляют треть гагаузских религиозных терминов, большинство же из них имеют греческое происхождение, в меньшем количестве используются славянские (*blagoslovit etmä* ‘благословить’, *Kolada* ‘Рождество’, *molitva* ‘молитва’, *moleben* ‘молебен’, *proorok* ‘пророк’, *rasa* ‘ряса’ и др.) и восточнороманские термины (*kruça* ‘крест’, *incer* ‘ангел’, *Krêçun* ‘Рождество’ и *Ajun* ‘канун Рождества’, *Moşa* ‘Радунница’ и др.) [Покровская, 1974, с. 142; Soroçanu, 2006, с. 218-223].

Отдельные религиозные понятия гагаузами передаются синонимами различного происхождения. Так, понятие «Бог» обозначается терминами *Allah* (араб.) и *Boje* (слав.) (*Bojiciyim* ‘мой Бог’), «святой» – *ay* (греч.), *sveti* (слав.) и *sfint* (молд.), «рай» – *cennet* (араб.), *ray* (*ray kapulari* ‘ворота рая’) (слав.), «ангел» – *melek* (араб.), *angel* (греч.) и *inger* (молд.). Для передачи понятия «крест» употребляются три различных термина, разграниченных семантически: *stavroz* (греч.) ‘крестное знамение’ *stavroz yapmaa* ‘креститься’, *kruça* (молд.), *stavro* ‘крест-памятник на могиле’, *haç* ‘крест, который делает священник лопатой по четырём сторонам могилы при погребении’. В христианской религиозной терминосистеме гагаузов греческие, арабско-персидские, славянские и восточнороманские термины занимают свои определённые

места и имеют свои сферы употребления [Мошков, 1901, с. 3; Покровская, 1974, с. 142].

В XIX–XX вв. количество арабских и персидских заимствований заметно сократилось ввиду отсутствия у буджакских гагаузов контактов с турецким языком – источником этих заимствований. В 90-е гг. XX в., когда вновь появились контакты гагаузов с турками, начался процесс активного утверждения всё большего количества арабских и персидских заимствований, например: *devlet* ‘государство’, *memleket* ‘страна’, *millet* ‘нация’, *terbiye* ‘воспитание’, *kanun* ‘закон’, *teklif* ‘предложение, приглашение’ и др.

В советский период гагаузский язык заимствовал много слов из русского языка, тогда же в него влилось большое количество интернациональных терминов. В настоящее время лексический состав гагаузского языка постоянно пополняется заимствованиями из окружающих его языков, что способствует образованию активных рядов лексических синонимов.

Смешанный характер средневековых тюркских диалектов, лёгших в основу гагаузского языка, обусловил развитие специфических особенностей его фонетической системы. Современный гагаузский язык характеризуется системой гласных *переходного*, огузо-кыпчакского типа с нечётным числом гласных. Большинство современных тюркских языков унаследовало чётную систему гласных из шести или восьми гласных фонем [Баскаков, 1969, с. 244].

В современном гагаузском языке имеется 38 фонем, из них 17 гласных и 21 согласная. Для их обозначения в гагаузском алфавите имеется 31 буква. Гласные фонемы обозначены 9 буквами: *a, ä, e, i, o, ö, u, ü*. Буквой *ê* обозначается вариант фонемы *e*, который произносится как полудолгий звук более задней артикуляции, чем *e* (ср., напр., *alêr* ‘берёт’ и *gider* ‘идёт’). Гласные фонемы различаются по своей долготе и классифицируются как обычные (недолгие) – *a, ä, e, i, o, ö, u, ü* и долгие гласные – *aa, ää, ee, u, ii, oo, uu, üü* (сравни: *aç* ‘открой’ – *aaç* ‘дерево’, *dün* ‘вчера’ – *düün* ‘свадьба’). Большинство согласных в соседстве с гласными заднего ряда (*a, aa, i, u, o, oo, u, uu*) произносятся твёрдо, а в соседстве с гласными переднего ряда (*ä, ää, e, ee, i, ii, ö, ü, üü*) – мягко, например: *uşak* [*uşak*] ‘ребёнок’, *dil* [*d'il*] ‘язык’. Звонкие (*l, m, n, r, y, b, c, d, g, j, v, z*) и глухие (*p, ç, t, k, ş, f, s, h, t*) фонемы подчиняются закону гармонии согласных. В гагаузском языке, как и в других тюркских языках, действует закон фонетического сингармонизма, а именно: нёбная (*uşak-lar-ımız-da* ‘у наших детей’, *el-ler-in-dä* ‘в его (её) руках’) и губная гармония гласных (*ool-u-muz* ‘наш сын’, *gör-ün-dü-lär* ‘они показались’), а также гармония согласных по звонкости и глухости (*alma-dan* ‘от яблока’, *ekmek-tän* ‘от хлеба’). Фонетические закономерности в составе слова обусловлены морфологическим строением гагаузского языка.

Ударение в гагаузских словах падает преимущественно на последний слог, так как в большинстве своём аффиксы являются ударными, например: *açık* ‘открытый’, *okumáa* ‘читать’, *yaptı* ‘он сделал’ и др. Если последний аффикс в слове является неударным, тогда ударение падает на предшествующий слог, например: *gagaúzça* ‘по-гагаузски’, *insánım* ‘я – человек’, *yapardı* ‘он делал’ и др. В ряде слов ударение может падать и на первый слог, напри-

мер: *tırna* ‘журавль’, *gárga* ‘ворона’, *génä* ‘опять’ и др. Заимствованные слова, как правило, сохраняют этимологическое ударение (*páyak* ‘паук’, *gréva* ‘забастовка’ и др.).

Грамматический строй гагаузского языка, как и всех тюркских языков, является агглютинативным. Слова строятся путём последовательного присоединения к неизменяемому корню морфологических показателей – аффиксов, звуковой состав которых зависит от звукового состава корня (закон фонетического сингармонизма).

Морфологические категории значимых частей речи выражаются специальными аффиксами. Некоторые из них являются общими для именных частей речи и для глаголов, например: аффикс множественности *-lar/-ler*, аффиксы сказуемости и др.

Для имён существительных характерны морфологические категории принадлежности, падежа, лица и числа. Порядок аффиксов фиксирован: основа + аффикс числа + аффикс принадлежности + падежный аффикс (например: *kiyat-lar-ım-da* ‘в моих книгах’). Форма единственного числа является немаркированной, форма множественного числа – маркированной аффиксом *-lar/-ler*. В родовом значении и при числительных употребляется форма единственного числа (*bän orada beş at gördüm* ‘я там видел пять лошадей’; *burada çok insan vardı* ‘здесь было много людей’). Отсутствие категории рода и наличие категории принадлежности являются одними из основных специфических черт тюркских языков. Принадлежность или отношение одного предмета (лица) к другому выражается при помощи личных аффиксов, указывающих на обладателя данного предмета. Аффиксы принадлежности обладают категориями лица, числа и множественности, выражающейся аффиксом *-lar/-ler*. Например, предмет (лицо) в единственном числе, принадлежащий разным лицам: *bobam* ‘мой отец’, *boban* ‘твой отец’, *(onun) bobası* ‘его, ее отец’, *bobamız* ‘наш отец’, *bobanız* ‘ваш отец’, *(onnarın) bobası* ‘их отец’; предмет (лицо) во множественном числе: *evlerim* ‘мои дома’, *evlerin* ‘твои дома’, *(onun) evleri* ‘его, её дома’, *evlerimiz* ‘наши дома’, *evleriniz* ‘ваши дома’, *(onnarın) evleri* ‘их дома’.

Склонение имён существительных производится с помощью падежных аффиксов, варианты которых зависят от основ существительных. Падежные формы выражают следующие значения: субъект действия (основной/субъектный падеж), принадлежность (родительный падеж), направление в пространстве или во времени (дательный/направительный падеж), прямой объект (винительный/объектный падеж), место предмета, явления или действия (местный падеж), исходный пункт в пространстве или во времени, предмет, от которого что-либо отделяется (исходный падеж). Например, *alma* ‘яблоко’, *almanın* ‘яблока’, *almaya* ‘яблоку’, *almayı* ‘яблоко’, *almada* ‘в яблоке’, *almadan* ‘от яблока’.

В гагаузском языке существительное в родительном падеже, как и в других тюркских языках, является определением к другому имени существительному, снабженному аффиксом принадлежности 3-го лица, например: *bobatın evi* ‘дом моего отца’. Такого рода именные словосочетания, постро-

енные на категории принадлежности, являются изафетами (от арабского *idāfatun* ‘присоединение’). Гагаузскому языку известны три типа изафета. Изафет 3-го типа является изафетом с двумя морфологическими признаками, или двухаффиксным. В нем первый компонент (определение) оформлен аффиксом родительного падежа, а второй (определяемое) – притяжательным аффиксом. Изафет этого типа выражает конкретную принадлежность, например, предмета – лицу (*dostun kiyadı* ‘книга друга’); признака – предмету (*kirecin biyazlı* ‘белизна извести’); материала – предмету, сделанному из него (*filcanın sirçası* ‘стекло стакана’); части – целому (*köpään kuuruu* ‘хвост собаки’); действия – субъекту действия (*üüredicinin okuması* ‘чтение учителя’); действия – объекту действия (*mektubun yazılması* ‘написание письма’); состояния – предмету или лицу (*uşaan(ın) uykusı* ‘сон ребенка’) и др.

Изафет 2-го типа представляет собой определительное словосочетание двух существительных, где определение стоит в основном (безаффиксном) падеже, определяемое же имеет притяжательный аффикс, поэтому он является изафетом с одним морфологическим признаком, или одноаффиксным. Определение в изафете 2-го типа выражает не индивидуальную, конкретную, а абстрактную принадлежность, относящуюся ко всему роду предметов или лиц. Им выражается отношение единичного предмета к обобщенному – *tauk yumirtası* ‘куриное яйцо’; отношение к источнику или материальной основе – *laana turşusu* ‘квашеная капуста’; отношение, в котором второй член выражает постоянный, характерный признак первого – *ana sevdası* ‘материнская любовь’; отношение, в котором первый член выражает постоянный, характерный признак второго – *bilim adamı* ‘человек науки’; отношение, определяющее связь с местом, – *küü yolu* ‘сельская дорога’; отношение, выражающее связь со временем, – *gece işi* ‘ночная работа’; отношение комплекса к составляющим его частям – *kuş sürüsü* ‘стая птиц’; отношение количества к предмету, взятому в этом количестве, – *şarap damnası* ‘капля вина’; отношение действия к орудию или средству его осуществления – *telefon lafetmesi* ‘разговор по телефону’; отношение, в котором второе является пояснением первого – *İslam dini* ‘религия ислама’; отношение предмета или признака к какой-либо национальности – *rus dili* ‘русский язык’; отношение предмета к его собственному названию – *Komrat kasabası* ‘город Комрат’ и др.

Многие термины и наименования предметов в гагаузском языке составлены по конструкции изафетов 2-го типа: *gün duusu* ‘восток’, *gün batısı* ‘запад’, *saçak kuşu* ‘воробей’, *gece yarısı* ‘полночь’, *Saman Yolu* ‘Млечный путь’ и др.

Некоторые изафеты воспринимаются как единое понятие и являются сложным словом, например: *gözyaşı* ‘слеза’, *belkemii* ‘поясница’, *ayakkabı* ‘обувь’, *pazarertesi* (>*pazertesi*) ‘понедельник’, *cumaertesi* (>*cumertesi*) ‘суббота’ и др.

Изафет 1-го типа представляет собой определительное словосочетание существительных, неоформленных по категории принадлежности, то есть он обладает нулевыми морфологическими признаками, или является безаффик-

сным. Определение здесь выражено существительным, обозначающим материал, вещество, из которого сделан предмет, например: *altın küpâ* ‘золотые серьги’, *ipek gölmek* ‘шелковая рубашка’, *taş köprü* ‘каменный мост’ и др. В современном гагаузском языке чаще употребляется изафет 2-го и 3-го типов.

Имена прилагательные обозначают статические признаки предметов, явлений и представляют собой неизменяемую часть речи. Прилагательное-определение, сочетаясь с именем существительным, не согласуется с ним ни в падеже, ни в числе, например: *uzun yol* ‘длинная дорога’, *uzun yoldan* ‘с длинной дороги’, *uzun yollar* ‘длинные дороги’. Ввиду того, что прилагательные могут обозначать и признак действия, целый ряд лексических единиц по своему значению осознается и как прилагательное, и как наречие, а иногда – и как существительное. Точное грамматическое значение такие «прилагательные-наречия-существительные» приобретают только в контексте. Например: *zoor iş* ‘трудное дело’, *zoor pinmäâ* ‘трудно подниматься’, *Ne zooru var?* ‘В чем трудность?’

Прилагательные имеют грамматические формы, выражающие ослабление или усиление качества. Эти формы образуются при помощи специальных аффиксов (*kısaca* ‘коротковатый’, *sarımsı* ‘желтоватый’, *dararak* ‘узковатый’ и т. п.). Формы усиления качества образуются путём частичного или полного повторения (редупликации) основы прилагательного, например: *kup-kuru* ‘очень сухой’, *op-olmuş* ‘перезрелый’, *kos-koca* ‘очень большой’, *mas-maavi* ‘насыщенно синий’, *düim-düz* ‘очень ровный’ и др.

Степени сравнения прилагательных и наречий образуются аналитически: при помощи наречия *taa/daa* для сравнительной степени и наречия *en* – для превосходной степени, например: *taa gözâl*, *en paalı*; *taa çok*, *en islää*.

В гагаузском языке существуют следующие разряды местоимений: личные, личные почтительного обращения, указательные, вопросительные, относительные, определительные, неопределённые, неопределённо-отрицательные, местоимение *kendi*.

Местоимения, как и другие именные части речи, выступая в функции определения при именах существительных, морфологически не изменяются. В самостоятельном употреблении (без имени-определяемого) местоимения могут принимать аффиксы множественности, принадлежности и падежей. Личные местоимения изменяются по падежам, лицам и числам. В родительном падеже личные местоимения выполняют функцию притяжательности.

Именным частям речи присуща категория сказуемости. Существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия, являясь в предложении сказуемым, оформляются аффиксами сказуемости и аффиксами, имеющими модальное (условное и соотносительно-временное) значение. Аффиксы сказуемости безударны, они добавляются к именам, образуя именованное сказуемое в настоящем, прошедшем очевидном и прошедшем неочевидном времени. Например: (*bân*) *uşak-ım* ‘я – ребенок’, *uşak-tı-m* ‘я был ребенком’, *uşak-mış-ım* ‘будто бы я был ребенком’, (*biz*) *uşak-ız* ‘мы – дети’, *uşak-tı-k* ‘мы были детьми’, *uşak-mış-ık* ‘мы будто бы были детьми’ и т. д.

Условная форма имён образуется путём прибавления к именам (чаще всего прилагательным, наречиям, модальным и предикативным словам) безударного аффикса, обозначающего условие, и личных аффиксов, например: *dooru-ysa-m* (‘если я прав’), *dooru-ysadı-m* (‘если я был прав’). Соотносительно-временная форма является безличной, она образуется посредством прибавления к именам только аффикса – (*y*)*kan*, (*y*)*kân* // (*y*)*ken* (<*iken*), имеющего значение ‘когда’: *Saalık varkan hastalık aklına gelmeer* ‘Когда есть здоровье, болезни не вспоминаются’. Этот же аффикс *-kan*, *kân* // *ken* присоединяется к основам глагольных времен, образуя деепричастия типа *alırkan*, *gidärkân*.

Отрицательная форма именных частей речи образуется с помощью отрицательной частицы *diil* (<*değil* ‘не’), ставящейся перед тем словом, к которому она относится, например: *diil lääzim*. Препозитивное положение частицы *diil* является одной из особенностей гагаузского языка, отличающей его от других тюркских языков. К отрицательной частице *diil* прибавляются личные аффиксы сказуемости настоящего и прошедшего времени, условной формы имен: *Diil-im uşak* ‘Я не ребёнок’; *Diil-iz buralı* ‘Мы не здешние’.

Глаголу свойственны такие морфологические категории, как залог, наклонение, время, модальность, лицо и число. В основной форме глаголы могут быть переходными и непереходными. Глагол имеет личные и неличные формы. К неличным (неизменяемым) формам глагола относятся инфинитив (*al-maa* ‘брать, взять’), причастие (*al-an* ‘берущий’, *alın-mış* ‘взятый’ и др.), деепричастие (*al-ıp* ‘взяв’, *al-ıncak* букв. ‘пока брал’ и др.). Несуществующая в других тюркских языках форма инфинитива образовалась из имени действия на *mak-mäk*. Его возникновение привело к дифференциации функций инфинитива и имени действия. Имя действия переосмыслилось в отглагольное существительное, синтаксическое употребление которого подобно существующему в контактирующих с ним языках (*Gelmesi için bilmedim* рус. ‘Я не знал о его приходе’, болг. ‘Аз не знаех за неговото идване’, молд. ‘N-am ştiut despre venirea lui’). Инфинитив, как и в русском языке, употребляется как основная часть составного глагольного сказуемого (*O istâdi sana umut vermää* ‘Он хотел тебе дать надежду’, *Lääzim işä tutunmaa* ‘Надо взяться за работу’).

В современном гагаузском языке имеется пять залогов: основной, взаимно-совместный, возвратный, страдательный и понудительный. Все залоговые отношения выражаются специальными аффиксами, которые могут иметь и словообразовательное значение. Примеры залоговых форм и значений: основной залог – *yaşamaa* ‘жить’, *gezmää* ‘ходить’; взаимно-совместный – *annaşmaa* ‘понять друг друга; договориться’ (ср. *anna-maa* ‘понять’), *görüşmää* ‘увидеться’ (ср. *gör-mää* ‘видеть’); возвратный – *bak-ın-maa* ‘осматриваться’, *gör-ün-mää* ‘виднеться, показываться’; страдательный – *boz-ul-maa* ‘испортиться’, *çöz-ül-mää* ‘развязаться’; понудительный – *kaz-dir-maa* ‘заставить копать’, *gül-dür-mää* ‘рассмешить’.

Различные отношения действия к реальности выражаются формами изъявительного, повелительного, сослагательного и условного наклонения. Каждое наклонение (за исключением изъявительного) имеет свой аффикс,

который присоединяется к основе глагола. Категория времени свойственна, главным образом, изъявительному наклонению и лишь частично – другим наклонениям. Изменение глагола по лицам и числам происходит с помощью личных аффиксов, присоединяющихся к основе времени или наклонения. У каждого времени свой морфологический показатель: у простых времён – один аффикс, у сложных – два аффикса. Отрицательная форма глагола образуется прибавлением непосредственно к основе глагола отрицательного аффикса *-ma, -mä // -me*, например: *al-ma-dim, al-ma-yacek, al-ma-miş, al-ma-m* и др.

Девять глагольных времён изъявительного наклонения составляют систему простых и сложных глагольных форм: настоящее время, будущее неопределённое время, будущее определённое время, прошедшее очевидное время, прошедшее неочевидное время, прошедшее неопределённое время, прошедшее время намерения, давнопрошедшее очевидное время, давнопрошедшее неочевидное время. Будущее неопределённое время обозначает естественное, обычное действие, которое происходит «вообще» и не связано с определённым временем (так называемое «широкое» время).

Простые времена образуются присоединением к основе глагола аффиксов времени и лица. Формы сложных времён образуются от форм простых времён с помощью аффикса *-dı, -dı, -du, -dü/-tı, -tı, -tu, -tü*. Образцы спряжения глагола *almaa* ‘брать, взять’ в простых и сложных временах: настоящее время (*-êr, -er, -yer*) *al-êr-ım* ‘я беру’, *âl-mê-êr-ım* ‘я не беру’, *alámê-êr-ım* ‘я не могу взять’; будущее неопределённое время (*-r, -ar, -âr, -ır, -ir, -ur, -ür*) *al-ar-ım/ al-ır-ım* ‘беру, возьму’, *âl-ma-r-ım/âl-ma-m* ‘не возьму’; будущее определённое время (*-асек, -асак, -есек*) *al-aca-m* ‘я возьму’, *âl-ma-уca-m* ‘я не возьму’; прошедшее очевидное время (*-dı, -dı, -du, -dü/-tı, -tı, -tu, -tü*) *al-dı-m* ‘я взял (а)’, *âl-ma-dı-m* ‘я не взял (а)’; прошедшее неочевидное время (*-miş, -miş, -muş, -müş*) *al-miş-ım* ‘будто бы я взял’, *âl-ma-miş-ım* ‘будто бы я не взял’; прошедшее неопределённое время (*-ar-dı// -âr-dı*) *al-ar-dı-m* ‘я брал’, *âl-ma-r-dı-m* ‘я не брал’; прошедшее время намерения (*-aceу-dı// -aceу-dı*) *al-aceу-dı-m* ‘я собирался взять/ взял бы’, *âl-ma-y(a)ceу-dı-m* ‘я бы не взял’; давнопрошедшее очевидное время (*-dı-ydı/-dı-ydı/-du-ydu//dü-ydü*) *al-dı-ydı-m* ‘я взял (давно)’, *âl-ma-dı-ydı-m* ‘я не брал (давно)’; давнопрошедшее неочевидное время (*-miş-tı// -miş-tı/-muş-tu// -müş-tü*) *al-miş-tı-m* ‘я взял (мол, тогда)’, *âl-ma-miş-tı-m* ‘я (мол, тогда) не взял’.

Повелительное наклонение имеют формы 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа: *al* ‘бери, возьми’, *ver* ‘дай’, *alın(-ız)* ‘берите, возьмите’, *verin(-iz)* ‘дайте’, *(ko) alsın* ‘пусть возьмёт’, *versin* ‘пусть даст’, *(ko) alsınнар* ‘пусть возьмут’, *versinnär* ‘пусть дадут’.

Сослагательное наклонение выражает предполагаемое, возможное, желательное действие в настоящем-будущем или в прошедшем времени. В настоящем-будущем времени основа сослагательного наклонения образуется с помощью аффикса *-(y)a, -(y)ä//-(y)e*, восходящего к аффиксу желательного наклонения. К нему присоединяются личные аффиксы 1-го и 2-го лица

единственного и множественного числа: *al-ay-ım* ‘взял бы я, взять бы мне’), *al-a-lım* ‘взяли бы мы, взять бы нам’), *al-â-sın* ‘взял бы ты, взять бы тебе’), *al-â-sınız* ‘взяли бы вы, взять бы вам’). В целевом значении «чтобы» употребляется форма 3-го лица повелительного наклонения без частицы *ko*: *al-sın, al-sın-нар* (*O dedi çöcüüm alsın* ‘Он сказал, чтобы мой сын взял’). Формы сослагательного наклонения в прошедшем времени имеют условно-предположительное значение и образуются с помощью аффикса *-(y)ay, -(y)äy//-(y)ey*, к которому добавляется аффикс прошедшего времени *-dı, -dı, -du, -dü*, например: *al-ay-dı-m* ‘если бы я взял’.

Глагольные формы сослагательного наклонения употребляются также для выражения возможности, невозможности и необходимости совершения действия. Указанные действия передаются сочетанием безлично-предикативных слов *var nicä /nasıl* ‘можно’ (букв. ‘есть как’), *yok nicä /nasıl* ‘невозможно’ (букв. ‘нет как’), *lääzim* ‘необходимо’, ‘нужно’, ‘должно’ с личными формами сослагательного наклонения, например: *var nicä alayım* ‘могу взять’ (букв. ‘можно взял бы я’), *yok nicä vereyim* ‘не могу дать’ (букв. ‘невозможно дал бы я’), *lääzim alayım* ‘я должен взять’ (букв. ‘должно взял бы я’). Прошедшее время аналитических форм сослагательного наклонения образуется с помощью показателя прошедшего времени *-dı/-tu*, которое добавляется к словам *var nicä, yok nicä, lääzim*, например: *vardı nicä (yoktu nicä, lääzimdi) alayım* ‘я мог бы (я не мог бы, я должен был бы) взять’. Безличная форма возможности, невозможности и необходимости (долженствования) выражается сочетанием слов *var nicä, yok nicä, lääzim* с инфинитивом, например: *var nicä (yok nicä, lääzim) demää* ‘можно (нельзя, надо) сказать’. Данные формы утвердились в гагаузском языке в результате длительного влияния соответствующих синтаксических конструкций болгарского и других балканских языков, а позже и русского языка.

Условное наклонение выражает условие совершения действия, образуется с помощью аффикса *-sa, -sä// -se*, прибавляемого к основе, и личных аффиксов глагола: *al-sa-m* ‘если я беру, возьму’. Форма условного наклонения относится только к настоящему и будущему времени. Для выражения условия в прошедшем времени употребляется форма сослагательного наклонения, например: *al-â-y-dı-m* ‘если бы я взял’.

Формы модальности дополняют и уточняют во времени значения глагольных форм изъявительного и условного наклонения. В гагаузском языке существуют две модальности: условная и пересказочная. Условная модальность придает временам изъявительного наклонения (будущему неопределённому – *âlar-sa-m* ‘если я возьму’, будущему определённому – *alaceу-sa-m* ‘если я возьму’ и прошедшему очевидному – *aldı-уsa-m* ‘если я взял’) значение условности действия. Пересказочная модальность придает действиям, выраженным простыми глагольными формами времён изъявительного наклонения (будущего неопределённого – *al-âr-miş-ım* ‘говорят, я беру/брал’, будущего определённого – *al-aceу-miş-ım* ‘говорят, я возьму’, прошедшего неочевидного – *al-miş-miş-ım* ‘оказывается, я взял’), значение не достоверности, неочевидности.

Особенностью синтаксиса гагаузского языка является его существенное отличие от синтаксиса других тюркских языков, прежде всего близкородственного турецкого языка, и сближение с синтаксическим строем славянских языков. Еще Н. К. Дмитриев в статье «Гагаузские этюды» отметил особые конструкции имён и глаголов, употребление винительного падежа в функции направительного и исходного для обозначения пространства, союз *da* славянского происхождения, конструкции придаточных с подчинительным союзом, совпадение прямых и косвенных вопросов, а также «славянский» порядок слов в предложении [Дмитриев, 1962, с. 258-270]. Впоследствии появилась целая серия исследований, посвящённых проблемам синтаксиса в гагаузском языке. Был выявлен ряд синтаксических особенностей гагаузского языка в образовании новых структурных типов составного сказуемого по моделям неродственных языков. Так, по образцу русского языка образовались следующие типы составного глагольного сказуемого: *isteerim almaa* ‘хочу взять’, *çekederim okumaa* ‘начинаю читать’, *var (yok) näani gitmää* ‘есть куда (некуда) идти’, *var (yok) nicä çıkmää* ‘можно (невозможно) выйти’, *läüzim beklemää* ‘надо ждать’. По болгарской же модели образованы те виды составного глагольного сказуемого, в которых обе части сказуемого выражены личными формами глагола: *isteerim gideyim* ‘я хочу идти’, *isteersin gidäsin* ‘ты хочешь идти’ (ср. болг.: *аз искам да отида, ти искаш да отидеш*) и т. д. Соответственно, наблюдается исчезновение некоторых типичных для тюркских языков синтаксических конструкций, отсутствующих в контактирующих с гагаузским неродственных языках. В настоящее время, например, вышли из употребления отглагольно-именные посессивные конструкции с формами на *-dik* и *-acak* в функции развёрнутых членов предложения [Покровская, 1978, с. 141-144]. Под влиянием соседних языков простые предложения с данными конструкциями перестроились в гагаузском языке в сложноподчинённые предложения с союзными словами (вм. тюркского *Onun geç kaldım denemedim* гагаузское построение – *Denemedim, ani o geç kaldı* ‘Я не заметил, что он опоздал’).

Одной из наиболее специфических черт синтаксического строя гагаузского языка является союзное подчинение придаточных в сложноподчинённом предложении, для их связи с главным предложением насчитывается более двадцати подчинительных союзов тюркского и нетюркского происхождения. В отличие от других тюркских языков, где подчинённые предложения находятся перед подчиняемым, в гагаузском языке наблюдается бо́льшая подвижность подчинительных предложений [Гайдаржи, 1973, с. 3; Гайдаржи, 1981, с. 6-11].

Функциональное сближение грамматических форм гагаузского языка с болгарскими, русскими и молдавскими объясняется семантическим отождествлением данных форм (в сознании двуязычных и многоязычных гагаузов) с близкими им по значению формами соседних влияющих языков, что, собственно, и определяет совершенно особое место гагаузского языка в семье тюркских языков.

Современный гагаузский язык на территории Молдовы и Одесской области Украины представляет совокупность близких друг другу говоров. Почти каждое село отличается своим говором, гагаузы легко узнают, из какого села их собеседник по его наречию. Эта особенность была отмечена ещё в начале XX в. первым исследователем гагаузов В. А. Мошковым. Вот что он писал, ознакомившись с гагаузскими говорами Бессарабии и Северо-Восточной Болгарии: «Гагаузы, хотя и представляют собой маленький народ, но у них чуть не в каждом селе есть свой особый говор...» [Мошков, 1904, с. 413]. Последующее диалектное изучение языка гагаузов Бессарабии подтвердило наблюдения русского учёного.

Разговорный язык буджакских гагаузов состоит из ряда близких между собой говоров. Преобладающими являются говоры городов Комрата и Чадыр-Лунги, а также говоры окружающих их сёл. Другая группа говоров охватывает г. Вулкэнешть и ближайшие к нему села Этулия, Гаваносы (Молдова) и Виноградовка, Котловина (Украина). Эти две группы говоров принято считать двумя диалектами гагаузского языка – *комратско-чадырским* и *вулкэнештским* (условно – *центральный* и *южный*). Говоры с. Карболия (Молдова) и Александровка (Украина) являются *переходными* от центрального диалекта к южному [Покровская, 1961, с. 34-40].

На базе центрального диалекта созданы и развиваются письменные литературные нормы современного гагаузского языка. Его особенности отражены в первой грамматике гагаузского языка [Покровская, 1964], на нём издаются художественные произведения гагаузских поэтов и писателей, сборники фольклора, научные статьи и школьные учебники, выходят газеты и журналы, работают гагаузское радио и телевидение. Говоры южного диалекта продолжают жить в разговорной речи жителей г. Вулкэнешть и близлежащих сёл, которыми до сих пор не усвоен нормированный гагаузский язык, так как он ещё не в полной мере используется как официальный язык АТО Гагаузии. Безусловно, южный диалект представляет для науки особый интерес, так как он более устойчиво сохраняет черты строя тюркских языков.

Различия между центральным и южным диалектами проявляются, главным образом, в фонетических и отчасти морфологических и лексических признаках [Покровская, 1968, с. 105-110; Тукан, 1965]:

1. Наиболее характерным фонетическим признаком различения двух диалектов является соответствие гласных *ä* и *e*. В центральном диалекте гласный *ä* закономерно выступает в конечном открытом слоге имён и глагольных форм (например: *maalä* ‘квартал’, *gecä* ‘ночь’, *hergelä* ‘табун’), а также в аффиксах под ударением после основ с гласными переднего ряда (*köklär* ‘корни’, *evdän evä* ‘из дома в дом’, *gidän* ‘уходящий’, *gidärdi* ‘он уходил’ и т. п.). В южном говоре гласному *ä* в указанных случаях соответствует гласный *e* (*maale*, *gece*, *hergele* / *kökler*, *evden eve*, *giden*, *giderdi*).

2. Гласные **ä** и **e** являются различительным признаком и в формах личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа. В центральном диалекте – *bän/sän*, в южном диалекте – *ben/sen*.

3. Употребление в центральном диалекте долгого гласного **ää** в конце глагольных форм и существительных в дат. п. и вин. п., например: *gezmää* ‘ходить’, *gülmää* ‘смеяться’, *gözçääz* ‘глазок’, *köpää* ‘собака’. В вулканештском диалекте в этой же позиции – долгий гласный **ee**: *gezmee*, *gülmee*, *gözçeez*, *köpee*.

4. Сужение и редукция гласных **a** и **e** перед среднеязычным спирантом **y** (*üom*) и аффрикатой **c** (*дже*) характерны для комратско-чадырских говоров. Гласный **a** сужается и переходит в **i** или в редуцированный звук, средний между **a** и **i** (**ê**). В вулканештском диалекте в данной позиции сохраняется гласная **a** (ср.: *burdêim* – *burdayım* ‘я здесь’, *sobiêi* – *sobayı* ‘печку’ (в. п.), *alıcek* – *alacak* ‘он возьмёт’, *gidicek* (*gicek*) – *gidecek* ‘он пойдёт’).

5. Широкое употребление в комратско-чадырском диалекте звука **ê** – гласного заднего ряда среднего подъёма (варианта фонемы **e**), который произносится как полудолгий звук более задней артикуляции, чем **e** (*yapêr* ‘делает’ и *bakêr* ‘смотрит’). Данный звук отсутствует в вулканештском диалекте. В центральном диалекте он вторичен и сходен с болгарским гласным **ъ** и румынским **ă**.

6. Выпадение конечного **r** в аффиксе множественного числа в южном говоре и сохранение его в центральном диалекте. Например, *Kızla(r) topladıla(r) çiçek da ördüle(r) fenet*. ‘Девушки собрали цветы и сплели венок’.

7. Сохранение в начале слова согласного **h**, звучащего как легкое придыхание, в комратско-чадырском диалекте и выпадение его в позиции анлаута в вулканештском диалекте, например: (*h*)*ava* ‘погода’, (*h*)*ayvan* ‘животное’, (*h*)*asta* ‘больной’ и т. п.

8. В области морфологии различия между гагаузскими говорами проявляются, главным образом, в форме настоящего времени изъявительного наклонения. В центральном диалекте употребительна форма настоящего времени на **-êr/-er**, например, *alêr* ‘берёт’, *verer* ‘даёт’, где гласный в аффиксе настоящего времени может произноситься как полудолгий или как дифтонг **-iê//ie** *alîêr*, *verîer*. В южном говоре употребляется форма настоящего времени на **-iy//iy**, например, *aliy*, *veriy*.

В южном диалекте продолжают сохраняться некоторые архаичные формы, почти вышедшие из употребления в центральном диалекте, в частности форма долженствования наклонения на **-malı**, **-meli**: *sen durmalı* ‘тебе надо стоять’, *o gitmeli* ‘ему надо уйти (уехать)’.

В целом, при сопоставлении данных южного и центрального диалектов в последнем сильнее чувствуется славянское влияние, южный же диалект представляется более архаичным, в нём более стойко сохраняются древнетюркские фонетические черты и лексические элементы.

Гагаузы, живущие в Казахстане и Средней Азии, также являются носителями центрального и южного диалектов, их предки были переселены в эти районы из Бессарабии царским правительством после столыпинской аграрной реформы [Аманжолов, 1960, с. 156-157; Бигаев, 1960, с. 60-65].

Говоры гагаузов, живущих и поныне в северо-восточных районах Болгарии, изучены мало. Язык так называемых «задунайских» гагаузов до сих пор не подвергался специальному исследованию, и только отрывочные и скудные сведения, рассеянные по разным работам, позволяют говорить о его диалектных различиях, особенностях и иноязычном влиянии [Мошков, 1904а, с. 426-436; Drimba, 1963, с. 63-89; Kowalski, 1933; Zajaczkowski, 1966].

По свидетельству историков, до переселения в Бессарабию гагаузы в течение многих веков жили отдельными сёлами среди тюркского и славянского населения в Дели-Ормане и Добрудже. В. А. Мошков, побывавший в 1903 г. в Северо-Восточной Болгарии, писал, что «задунайские гагаузы далеко не представляют собою сплошной однообразной массы. Кроме того, что они разнятся между собой своими наречиями в зависимости от окружающих их говоров турецкого народа, они разделились ещё на две половины, резко различающиеся между собой по отношению их к болгарам» [Мошков, 1904а, с. 427]. По его наблюдениям, «болгары различают между гагаузами две разновидности, из которых одну называют *Болгарскими*, а другую – *Същинскими* (настоящими), *Хасыл-гагаузами* или *Приморскими*» [Мошков, 1904а, с. 426]. Болгарский историк и филолог Любомир Милетич дал подробное описание двух указанных групп гагаузов и указал сёла, в которых они жили. По сведениям учёного, *болгарские* гагаузы, жившие в околиях, где основным населением были болгары, в значительной мере ассимилировались с ними. *Приморские* же гагаузы, живя обособленно от болгар в районе городов Варны, Балчика, Каварны и находясь под влиянием греческой церкви, смогли сохранить свою национальную самобытность в большей степени, чем *болгарские*, поэтому и называли себя *хасыл-гагаузами* [Милетич, 1902, с. 15-20]. Существующую «разницу в говорах между г. Комрадом (Комратом – прим. авт.) с его окрестностями и с. Этулия», В. А. Мошков объяснить не мог, но предполагал, «что она существовала гораздо раньше переселения гагаузов в Бессарабию из-за Дуная» [Мошков, 1904а, с. 30]. Л. А. Покровская связывала существование в современном гагаузском языке двух диалектов с указанными двумя группами гагаузов в Болгарии, различавшимися между собой как этнографическими, так и, несомненно, языковыми чертами. На V Всесоюзном диалектологическом совещании в Кишинёве в 1959 г. ею было выдвинуто предположение о том, что носители центрального диалекта, вероятно, относились к группе так называемых «болгарских» гагаузов, а носители вулканештского диалекта принадлежали к группе так называемых «настоящих», или «приморских» («греческих»), гагаузов [Покровская, 1961, с. 39]. В последующих своих работах Л. А. Покровская историческими и языковыми фактами обосновывает свою точку зрения. В качестве одного из аргументов она выдвинула следующий: центральный диалект является преобладающим, южный же имеет незначительное распространение (известно, что в Бессарабию переселились в основном «болгарские» гагаузы, «греческих» было значительно меньше [Мошков, 1904а, с. 429; Милетич, 1905, с. 256-275]. В области языка центральный диалект «более славянизирован», ярче всего это

проявляется на уровне лексики и фонетики. Так, например, в лексике южного диалекта удерживается больше тюркских слов, присутствует больше арабско-персидских заимствований, пришедших через турецкий османский язык, в то время как в центральном диалекте часть тюркской лексики вытеснена славянскими и молдавскими словами, а многие слова арабского и персидского происхождения вышли из употребления [Покровская, 1964, с. 12-14; Покровская, 1966, с. 54-58].

Вслед за М. Н. Губогло предположим, что деление гагаузов на две группы на раннем этапе их образования было обусловлено тем, что в их этногенезе участвовали различные племена или союзы племён [Губогло, 1967, с. 3]. Именно смешанный характер средневековых тюркских диалектов, лёгших в основу гагаузских говоров, обусловил развитие их специфических особенностей. Подтвердим это языковыми фактами: а) наличие первичных долгих гласных (лучше сохранены в южном диалекте; ср.: те же первичные долготы имеются только в якутском и туркменском языках) [Исхаков, 1955, с. 161]; б) стяжение двух гласных в один долгий гласный (напоминает известное стяжение гласных в языках восточной ветви); в) палатализация согласных в позиции перед гласными переднего ряда с переходом в центральном диалекте передних гласных в соответствующие задние гласные с предшествующей палатализацией согласного, например: *gesä*, *evä* (признак, характерный также для чувашского и караимского языков, что дало основание Н. Баскакову говорить о «наличии в составе этих народов общих родо-племенных групп болгарского происхождения» [Баскаков, 1969, с. 259]; г) переход сочетаний *nl* > *nn*; *ml* > *mn*, например: *onnar*<*onlar*, *kumnar*<*kumlar* (существующий переход в группе кыпчакско-ногайских языков) и др. Присутствие болгарских и кыпчакских черт в диалектах гагаузского языка, являющихся огузскими в своей основе, подчёркивает смешанный характер древнетюркских племён (может быть, двух огузских родов), лёгших в основу гагаузских диалектов.

Несмотря на длительное пребывание гагаузов в среде турок-осман, нивелировавших в значительной степени их языковое своеобразие, а затем и в среде славянского и романского населения, оказавших влияние не только на фонетику и словарь, но и на синтаксис, они смогли сохранить древние черты своего языка.

ЯЗЫК: ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ СВОЕГО ЯЗЫКА У РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП ГАГАУЗОВ И СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОТТОНИМА «ГАГАУЗСКИЙ ЯЗЫК»*

О способах идентификации своего языка различными группами гагаузов

Язык является одним из важных этнодифференцирующих признаков. Становление глоттонима «гагаузский язык» и идентификация своего языка как гагаузского шло одновременно или даже вслед за ростом и завершением процесса становления этнического самосознания. В этой связи представляется необходимым рассмотреть роли и функциональной значимости «своего» (родного) языка у разных групп гагаузов в различные исторические периоды. Данная проблема тесно связана с вопросом идентификации разными региональными группами гагаузов родного языка и началом использования названия «гагаузский язык».

В первую очередь отметим, что родной (то есть гагаузский) язык у различных групп гагаузов называется по-разному. В настоящее время бессарабские гагаузы (живущие на территории Республики Молдова и Одесской области Украины) называют его «*gagauzça*» (гагаузский), но в недалеком прошлом для его обозначения использовали название «*türkçä*», под которым понимали, по-видимому, диалект турецкого языка, так как его не смешивали с турецким.

Сведения об этом, относящиеся к концу XIX – началу XX в., содержатся в работе В. А. Мошкова. Он писал, что гагаузы Бессарабии называли свой язык «то турецким “тюрк”, то гагаузским, в некоторых случаях исключительно турецким», но при этом, как отмечал исследователь, они дифференцировали собственный язык и язык турок-осман, говорящих «по-османски» [Мошков, 2004, с. 19]. В официальных же документах язык «бессарабских гагаузов» вплоть до конца XIX в. называли «турецким» или «турецким наречием» [НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 4156; ф. 205, оп. 1, д. 4153; ф. 205, оп. 1, д. 2556, л. 19, 108; Кёппен, 1861, с. 63; Державин, 1937, с. 80].

Полевые исследования, проведённые нами в гагаузских сёлах Молдовы в начале XXI в., показали, что некоторые информаторы старшего возраста (80–90 лет) продолжали называть свой язык «*türkçä*»: *Sân nerdân türkçeyi bilersin?* / «Ты откуда знаешь по-турецки?» (спросила меня одна из пожилых информаторов с. Конгаз, когда я ей представилась).

* Сокращённый вариант данного параграфа «Идентификация своего языка различными группами гагаузов и становление названия “гагаузский язык” (по архивным, историографическим и этнографическим данным)» был опубликован в монографии: *Квицинка Е. Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности*. Кишинев: Business-Elita, 2007. С. 396-417.

Гагаузы Болгарии редко используют для своего языка название «*gagauzça*». В основном они называют его «*türkçä*», но противопоставляют турецкому языку «*aslı türkçä*» (досл. настоящий турецкий). На вопрос: «Можно ли с вами пообщаться на гагаузском?» некоторые из них отвечали, что не знают этого языка, поскольку не идентифицировали свой язык с данным названием. Когда же вопрос звучал: «Можно ли с вами пообщаться на «тюркчя»?», они охотно соглашались.

Сведения о разделении гагаузами Болгарии собственного (гагаузского) и турецкого языка приводятся также в работах болгарских учёных [Стаменова, 2000, с. 18]. Одним из обозначений собственного языка у указанной группы гагаузов было «гагаузчастьна тюркче» [Боев, 2006, с. 24]. Аналогичная картина характерна и для гагаузов Греции, которые дифференцируют свой язык и турецкий: «*gagauz türkçəsi*» и «*türkçəsinə*» (г. Неа Зихни). В основном же они называют свой язык «*türkçä*» [Квилинкова, 2006с, с.279-290; 2008б, с.87-98; 2008в, с. 80-91].

Совершенно иным является способ языковой идентификации, зафиксированный нами у гагаузов Приазовья (Украина). Для обозначения родного языка они употребляют выражение «*bizimcesinä*» / «*bizimcä*» (букв. «по-нашему»), а также называют его «*bulgarca*» (букв. «болгарский»); при общении на русском они иногда используют сложное словосочетание – «болгарский-турецкий». При этом они отделяют его от настоящего болгарского языка, по отношению к которому используют определение «*tukanca*» или «болгарский-славянский». Употребление по отношению к родному языку определения «*булгарджя*» связано, по-видимому, с тем, что гагаузы данной группы довольно чётко идентифицируют себя как «болгары», но при этом отделяют себя от славянских болгар, называя их «*туканнар*». Отметим, что опрошенные нами информаторы болгарским языком не владели, за исключением разве что отдельных слов. Согласно их высказываниям, в прошлом «в доме» они общались на «своем» (то есть гагаузском – Е. К.) языке. У данной группы гагаузов процесс забвения родного языка ввиду утраты его функциональной значимости происходит быстрыми темпами. Некоторые из тех, кому за 70 лет, иногда разговаривают между собой на гагаузском, но значительная часть 40–50-летних вовсе не знают родного языка. Друг с другом они общаются главным образом на русском языке.

В настоящее время нельзя дать однозначную оценку способу этнической и языковой идентификации, зафиксированному нами у гагаузов Приазовья. Несомненно, это связано с процессом в области этнической идентификации гагаузов, о чём мы писали в параграфе «Формирование самосознания гагаузов» (см. Глава 7). Данный вопрос нуждается в тщательном исследовании и требует проведения социологического опроса у разных групп гагаузов.

Столь разнообразные способы языковой (и этнической) идентификации связаны с различными историческими и этнокультурными условиями, в которых находились указанные группы гагаузов. В конечном итоге именно они в значительной степени повлияли на процесс самосознания гагаузов и стали причиной региональных различий в данной области.

Согласно К. Иречку, В. А. Мошкову, Л. А. Покровской, И. Градешлиеву и другим исследователям, язык причерноморских гагаузов Болгарии близок к диалектам турецкого языка тюркоязычного населения Балканского полуострова [Покровская, 1997б, с. 40; Мошков, 2005, с. 29–32; Державин, 1937, с. 83–85; Градешлиев, 1994, с. 82]. Еще большее турецкое влияние, особенно в области лексики, проявляется в языке гагаузов Греции [Квилинкова, 2006с, с. 279-290]. Однако, как мы уже отмечали, для всех групп гагаузов характерна дифференциация собственного языка и турецкого, под которым, по-видимому, понимают современный турецкий язык, используемый в Турции. В этой связи следует особо отметить, что нельзя ставить знак равенства между турецким и гагаузским языками.

Язык и религиозность (взаимоотношения прихожан и местного духовенства в связи с вопросом о языке)

Начало более широкого употребления глоттонима «гагаузский язык» связано с изданием в начале XX в. религиозных книг на гагаузском языке. Однако отсутствие литературы на родном языке и совершение богослужения на непонятном языке являлось только частью общей проблемы. Из архивных данных и сведений, содержащихся в работе В. А. Мошкова, видно, что гагаузы переселились в Бессарабию целыми сёлами вместе со своим духовенством. Однако многие из них не были допущены Кишинёвским Епархиальным начальством к совершению богослужения ввиду их несоответствия предъявляемым Дикастерией требованиям. Им разрешено было совершать лишь требы [НА РМ, ф. 208, оп. 14, д. 1, л. 133-136 (за 1838 г.)]. В результате во многие гагаузские приходы были назначены священники иной этнической принадлежности (русские, малороссы, молдаване), не владеющие языком прихожан. Они не только не могли дать элементарных религиозных знаний на понятном для прихожан языке, но даже не были в состоянии полноценно исповедовать их.

В этой связи В. А. Мошков писал: «Что касается национальности духовенства в гагаузских селах, то из-за Дуная вместе с ними пришли преимущественно священники-греки... Между новейшим бессарабским духовенством встречаются чаще всего малороссы и молдаване. Священники же из гагаузов пока еще очень редки...» [Мошков, 1901, № 4, с. 29]. Однако из архивных документов за 20–50 гг. XIX в. видно, что во многих селах священники были из местной среды (как тогда писали «из болгар» или «из греков» [НА РМ, ф. 208, оп. 14, д. 1 (за 1838 г.); оп. 14, д. 11 (за 1858 г.)]. Из этого можно предположить, что к концу XIX в. ввиду проводимой Епархиальным начальством политики данная ситуация принципиально изменилась. Клировые ведомости за 1909 г. отражают указанные изменения [НА РМ, ф. 208, оп. 10, д. 134 (за 1909 г.)]. Это, несомненно, не могло не повлиять на религиозность прихожан.

Описывая положение инонациональных священников в гагаузских селах, В. А. Мошков отмечал: «Священник, долго прослуживший в гагаузском селе, конечно, научается говорить со своей паствой на их родном языке, но вначале

или разговаривает с ними по-молдавски, где понимают этот язык, как в с. Конгаз и в Этулии, или же разговаривает только с теми из своих прихожан, которые говорят по-русски. В таких случаях, как мне рассказывал из своей практики один русский священник, бывает очень затруднительна исповедь. «Выучишь, – говорил он, – с голоса несколько вопросов по-гагаузски и задаёшь их то одному исповеднику, то другому, смотря по вдохновению. А что мне на это отвечают вопрошаемые, одному Аллаху известно» [Мошков, 1901, № 4, с. 29].

Их приведённой цитаты следует, что такой важный религиозный обряд, как исповедь, совершался формально, что, естественно, не устраивало прихожан. Поэтому уже с начала XIX в., то есть практически сразу же после переселения в Бессарабию, во многих гагаузских сёлах остро стоял вопрос о назначении в их приходы священников, знающих их язык. От жителей различных гагаузских колоний в 1810–1820-е гг. в Дикастерию были направлены прошения о назначении в их сёла священников «нашей нации» (НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 2069 (за 1818 г., с. Татар-Копчак); ф. 205, оп. 1, д. 2556 (за 1819–1820 гг.: с. Кубей, Баурчи, Бешалма); ф. 205, оп. 1, д. 4156 (за 1823–1824 гг.); ф. 205, оп. 1, д. 4153 (за 1823 г.); ф. 205, оп. 1, д. 1232, л. 1; и др.), понимающих их язык. Поступали также прошения (1826 г.) о разрешении прихожанам исповедоваться не у местного священника, а у другого духовника (Михаила Петрова), «**знающего по-турецки**» [НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 5093, л. 4]. Иногда сельские общества на основании принятого ими решения «избираем и одобряем» сами пытались назначить в свой приход «своего» священника, владеющего их языком, который, как правило, был выходцем из их же этнической среды [НА РМ, ф. 208, оп. 3, д. 5485 (за 1918 г.)]. При этом использовали различные методы борьбы за свои интересы, например, отказывались выделять плату прежнему священнику и т. д. [НА РМ, ф. 208, оп. 33, д. 5485; оп. 19, д. 595, л. 1; и др.]. Однако только в редких случаях Дикастерия соглашалась утвердить подобные решения [НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 1232, л. 1]. Несомненно, данная политика не могла не отразиться на общем состоянии религиозности населения.

Отсутствие богослужения на родном (понятном) языке не вызывало у прихожан потребности в постоянном посещении церкви и тем самым в немалой степени влияло на внешнюю религиозность гагаузов. В одном из архивных документов из фонда Кишинёвской Духовной Дикастерии отмечалось, что **жители колонии Бешалма – «болгары, говорящие по-турецки»** (выделено нами – Е. К.), при богослужении в церкви «ничего не понимают и не имеют благоповедения при слушании Слова Божьего» [НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 2556, л. 19, 108]. В этой связи, ввиду сложности в общении с прихожанами дьячок данной колонии Н. Гончаренко просил перевести его в другой приход. Однако просителю в переводе было отказано на том основании, что его вторая причина – «скудные доходы» не убедила духовное начальство в необходимости перевода.

Сведения о том, что языческие обряды сохраняются у населения ввиду незнания прихожанами других языков, на которых можно произносить поучения, отмечалось в донесении, поданном на имя архиепископа Иринарха в

1848 г.: **прихожане в Комрате** не понимают поучений, произносимых на русском, а больше понимают молдавский язык, хотя, **будучи болгарами, говорят на турецком языке** [Деятельность архиепископа Иринарха..., 1911, с. 1150].

По сути, трудность в общении между местным духовенством и прихожанами являлась одной из причин, по которой первые обращались к Епархиальному начальству с прошениями о переводе их из гагаузского села в другой приход.

Незнание священниками языка паствы, официально именуемого турецким, иногда сопровождалось их пренебрежительным отношением к иноплеменникам. Нередко первые использовали по отношению к прихожанам оскорбительные выражения, которые задевали их религиозные чувства и национальную гордость. Из многочисленных жалоб прихожан гагаузских приходов видно, что наиболее часто употребляемые по отношению к ним оскорбления были следующие: «татары», «язычники», «еретики» и др. Как зафиксировано в материалах дела (за 1905–1906 гг.), священник с. Дезгинже протоиерей Н. Лашков «ругает нас разными обидными словами: нечестивыми, язычниками, дураками», «турками», «дьяволами, нечестивцами, некрещёными» [НА РМ, ф. 208, оп. 5, д. 2638, л. 80–87 (дело за 1905–1906 гг.)]. В том же документе в качестве оправдания, высказанного священником в свою защиту, было то, что прихожане «не признают некоторых праздников (то есть работают в эти дни – Е. К.), называя их русскими» (например: Вознесение, Покрова Пресвятой Богородицы, память Св. Предтечи Иоанна Крестителя и др.).

В 1905–1906 гг. жителем с. Кубей Аккерманского уезда Георгием Колевым была написана жалоба на местного священника Скодигора за то, что он выгнал всех прихожан из церкви, назвав их татарами [НА РМ, ф. 208, оп. 5, д. 2709, л. 7–13, 17]. Аналогичного рода жалобы поступали и раньше. Так, жители с. Чиаший Измаильского уезда (за 1826 г.) требовали уволить местного священника М. Черноморцева, который называл их «татары проклятые и прочими еретиками» [НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 5093, л. 7 (дело за 1826 г.)].

В деле по обвинению священника с. Кулевчи Аккерманского уезда С. Кирсанова в грубом обращении с прихожанами и вымогательстве денег за исполнение религиозных обрядов (за 1893–1894 гг.) содержится оценка, данная им своей пастве. В материалах судебного разбирательства фигурирует его высказывание о том, что он «свой авторитет устанавливал в ходе официальной и неофициальной борьбы среди враждебных России и всего русского болгар» [НА РМ, ф. 208, оп. 5, д. 1698, л. 8].

Приведённые документы являются лишь частью общей картины взаимных претензий между духовенством и прихожанами, в основе которых язык и этническая принадлежность священника играли не последнюю роль. Вместе с тем, до начала XX в. в официально проводимой Кишинёвским епархиальным начальством политике не придавалось значения вопросу о владении священником языком паствы. Это способствовало развитию у населения Бессарабии религиозной индифферентности и вело к постепенному снижению религиозности. Имеющиеся данные позволяют говорить о том, что довольно слабое проявление внешних форм религиозности у гагаузов в немалой степени связано с вопросом о владении священником языком прихожан.

Вместе с тем отметим, что в начале XX в. проблема назначения в приход «своего» священника в известной степени была активизирована революционными событиями в Российской империи, которые сопровождалась движением национальных окраин.

Религиозная литература на гагаузском языке и употребление глоттонима «гагаузский язык»

Начало употребления глоттонима «гагаузский язык», по-видимому, относится к концу XIX в. Более активное использование термина «*gagauzça*» для обозначения родного языка связано с изданием в начале XX в. (с 1908 г.) Кишинёвским Православным религиозно-просветительным Христо-Рождественским братством религиозных книг на гагаузском языке (Молитвенник, Псалтырь, Евангелие и др.).

В качестве предыстории вопроса отметим, что кишинёвское епархиальное начальство, обеспокоенное стремительным увеличением с конца XIX в. числа раскольников и активизацией деятельности различных протестантских сект, обратило серьёзное внимание на вопрос о религиозном состоянии прихожан. В результате выяснилось, что обучение в школах «инородцев» Закону Божьему ведётся на непонятном для них языке (на русском), а у некоторых народов (в частности, гагаузов) отсутствует какая-либо религиозная литература на родном языке. С целью предупреждения сектантства и усиления религиозности населения епархиальное начальство поручило Христо-Рождественскому братству издание религиозных книг на языке народов, проживающих на данной территории.

Так, в статье священника Игната Макрицкого «Закон Божий и инородцы в Бессарабии» (1908) затрагивался вопрос о преподавании Закона Божьего на национальных языках для «инородцев» (в частности, для молдаван и гагаузов). В ней отмечалось, что дело их религиозно-нравственного развития и просвещения поставлено неудовлетворительно. Дети по-русски заучивают Закон Божий и историю Ветхого и Нового Заветов, не понимая их, а молитвы заучивать для них еще сложнее. После школы их забывают. В этой связи автор статьи задался вопросом: «Для чего это, если богослужение в церквях ведётся на молдавском языке?» Продолжая свою критику, он писал, «законоучителя решаются набивать головки детей молдаван или гагаузов (подчёркнуто нами – Е. К.) неудобоваримыми славянскими выражениями, которые непонятны даже детям коренных русских крестьян». Для разрешения вопроса, по его мнению, «в деле преподавания Закона Божьего в народных школах в местностях с инородческим населением следует ввести родной язык населения (подчёркнуто нами – Е. К.). Только на родном языке инородцев могут быть ими выучены основные положения веры и нравственности, развито религиозное чувство и молитвенное настроение. На родном языке населения можно поставить дело преподавания Закона Божьего на ту высоту, на которой по требованию программы Закон Божий должен находиться» [КЕВ, 1908, № 26, с. 983-986].

В начале XX в. довольно часто публиковались официальные и неофициальные сообщения о важности издания религиозных книг на националь-

ных языках. В одном из опубликованных в КЕВ документов – Положение о Кишинёвской Епархиальной типографии – конкретно указывалось, что её целью является «печатание книг, брошюр и листов церковного, религиозно-нравственного содержания на языках: русском, молдавском, гагаузском и болгарском» [КЕВ, 1910, № 43, с. 389–392].

Огромную роль в издании религиозной литературы на гагаузском языке сыграл религиозный деятель и просветитель протоиерей М. Чакир, который являлся членом Христо-Рождественского братства. Для печатания религиозной литературы на языке малых народов необходимо было продемонстрировать значимость данного вопроса и получить разрешение от Святейшего Синода.

В 1907 г. в неофициальном разделе КЕВ была опубликована заметка «Одна из духовных потребностей гагаузов». В ней отмечалось, что в Бендерском, Аккерманском, Измаильском уездах проживает около 70 000 гагаузов. Письменности своей не имеют, обучаются в школах на русском языке, в храмах – на славянском языке, обыденный язык – турецкий народный (подчёркнуто нами – Е. К.). Далее приводилось своего рода обоснование необходимости издания книг на понятном для гагаузов языке. От жителей сел Томай (Комратской волости Бендерского уезда) и Бешалма (3 округ Бендерского уезда) поступило обращение к епископу Кишинёвскому и Хотинскому с прошением о том, чтобы епархиальное начальство, заботящееся о просвещении молдаван через печатание книг на их языке возбудило ходатайство о разрешении печатать молитвы, Евангелие, и др. «душеспасительные книги на гагаузском языке», так как гагаузы очень нуждаются в них [КЕВ, 1907, № 27–28, с. 900-901].

Как отмечалось в той же заметке, прошение было передано Преосвященным Владимиром на рассмотрение и обсуждение Кишинёвского Христо-Рождественского братства «как вопрос, заслуживающий внимания». В результате было признано необходимым и полезным учредить переводческую комиссию под председательством протоиерея М. Чакира, знатока гагаузского языка, и поручить ей дело перевода. Преосвященный Владимир возбудил ходатайство пред Святейшем Синодом о разрешении Христо-Рождественскому братству печатать на гагаузском языке Евангелие, молитвенник, часослов, акафисты, листки, брошюры и книжки религиозно-нравственного содержания. Было принято решение, что они будут печататься кириллицей и русскими буквами [КЕВ, 1907, № 27–28, с. 900-901].

При обсуждении вопроса о необходимости издания книг на понятном для гагаузов языке в отчёте Кишинёвского Православного Христо-Рождественского братства за 1907 г. указывалось: «В южных уездах Бессарабии в настоящее время проживают до 70 тыс. гагаузов-христиан (выделено нами – Е. К.)*. Народ этот плохо владеет русским языком, а большая часть русской речи совсем не знает, молитвы они не знают и самоё богослужение, совершаемое на славянском языке, для них совсем не понятно. Давно создавалась крайняя не-

* По Первой Всеобщей переписи населения Российской империи переписи 1897 г., общая численность гагаузов на территории Бессарабской губернии составляла 55 790 душ [см.: Державин, 1937, с. 80–81]. Немногим позже в одном из материалов, опубликованных в КЕВ за 1908 г., указано иное число – 80 000 чел. [КЕВ, 1908, № 5, с. 1638-1658].

обходимость перевода богослужения на гагаузский язык» [КЕВ, 1908, № 36, с. 7]. По инициативе члена Совета братства, протоиерея М. Чакира – знатока гагаузского языка, Советом назначена была комиссия из лиц, хорошо владеющих гагаузским языком, в которую вошли: архимандрит греческой церкви в Кишинёве Софроний, протоиерей Михаил Чакир, священник Фёдор Чакир, Константин Статов.

Из приведённой нами выдержки видно, что акцент сделан на конфессиональной принадлежности гагаузов (гагаузы-христиане), в то время как при проведении Первой Всеобщей переписи населения Российской империи переписи 1897 г., они были зафиксированы как «турки-гагаузы», то есть в качестве этнодифференцирующего признака за основу был взят используемый ими язык, всё ещё обозначавшийся в то время в официальных документах как турецкий.

В указанном отчете Христо-Рождественского братства за 1907 г. отмечается, что 31 октября 1907 г. Святейшим Синодом был издан Указ:

1. Предоставить Кишинёвскому епархиальному начальству чрез посредство Кишинёвского Православного Христо-Рождественского братства печатать на гагаузском языке славянским шрифтом на первых порах Евангелие, акафисты, часослов, а молитвенник, листки, брошюры и книжки религиозно-нравственного содержания на русско-гагаузском языках (в параллельных переводах) русским текстом.

2. Учредить переводческую комиссию под председательством члена местной консистории протоиерея Михаила Чакира для перевода Евангелия, акафиста, молитв, песнопений, листков и т. д. и печатания на гагаузском языке.

3. Поручить цензурирование книг, листков, и т. д. М. Чакиру, как знатоку гагаузского языка.

4. Отмечалось, что в учреждённую переводческую комиссию журнала Совета Братства (от 22 декабря 1907 г.) вошли лица, хорошо владеющие гагаузским языком – «знатоки гагаузского языка»: член местной Духовной Консистории протоиерей Спиридон Мураневич, протоиерей Кириак Топалов, иеромонах Ново-Нямецкого монастыря Никанор [КЕВ, 1908, № 36, с. 8].

Из отчетов Христо-Рождественского братства видно, что название языка – гагаузский – дано в соответствии с уже утвердившимся в официальных документах этнонимом – гагаузы. Столь чёткая идентификация языка объясняется тем, что в комиссию входили священники-гагаузы, возглавляемые М. Чакиром, которые, по-видимому, не были лишены чувства «национального горения». Для того чтобы покончить с ситуацией, при которой ввиду языковой близости турок и гагаузов последних нередко воспринимали как турок-христиан, они чётко дифференцировали свой язык, идентифицировав его с этнической принадлежностью.

Отметим, что в других материалах, публикуемых в КЕВ за тот же период, не всегда столь чётко отражался подобный способ языковой идентификации гагаузов. Так, например, в одной из заметок опубликованной в КЕВ в 1908 г. отмечается, что «председатель комитета Епархиальной типографии протоиерей М. Чакир преподнес Высокопреосвященному архиепископу Вла-

димиру псалтырь на молдавском языке и молитвенник на гагаузском наречии (подчеркнуто нами – Е. К.)». Интересным в этой связи является дополнение, что «он (М. Чакир – Е. К.) обратил внимание на то, что “80 000 гагаузов Бессарабии, говорящих на одном из туранских наречий – древнетурецком языке, не имеют ни молитв, ни Евангелия...”» [КЕВ, 1908, № 5, с. 1638-1658]. Данное им уточнение, по-видимому, было связано с необходимостью разъяснить вводимый ими глоттоним «гагаузский язык».

В этой связи отметим, что на обложке изданного вслед за молитвенником Евангелия также дано уточняющее слово – «гагаузча тюркчя». На изданной же значительно позже Псалтыри (1936) достаточно чётко отражается проводимая М. Чакиром дифференциация языков: «găgăuzsea-(tiurcsea)», «gagauzlar için hem tiurclear için») (для гагаузов и турок/тюркских народов).

О сложностях перевода книг на гагаузский язык в связи с тем, что этот язык «не выработан», отмечалось в многочисленных отчетах переводческой комиссии, в которой цензором и председателем был М. Чакир. «Сделанные председателем комиссии переводы молитв и нескольких зачал из Евангелия были рассмотрены сельскими священниками, знающими гагаузский язык. Прочитаны были и в нескольких гагаузских приходах и одобрены, хотя и заявлено было при этом одним священником, что, при невыработанности гагаузского языка, некоторые места перевода требуют при прочтении народу пояснений. На это же указал и член переводческой комиссии протоиерей Спиридон Мураневич в своем докладе от Совета братства. Ввиду таких заявлений сделаны некоторые исправления в переводе молитв, и молитвенник в 1908 г. был издан на славянско-гагаузском языках» [КЕВ, 1909, № 37–38, с. 1499-1544]. В одном из отзывов об изданном вслед за молитвенником Евангелии на гагаузском языке отмечалось, что «перевод сделан в высшей степени удачно. Подбор слов приурочен к обиходной речи гагаузов...» [КЕВ, 1910, № 36, с. 1280-1281].

Начиная примерно с 1910 г. в различного рода отчётах, документах и заметках, опубликованных в КЕВ, активно используется термин *гагаузы* в значении этнической принадлежности [НА РМ, ф. 208, оп. 5, д. 3444, л. 78; оп. 5, д. 3179, л. 819; ф. 208, оп. 4, д. 2265, л. 11; ф. 208, оп. 3, д. 4723, л. 8, 54, 55, 81, 83, 343–351; ф. 208, оп. 4, д. 4056, л. 19, 21, 29, 106 и др.]. Единичные сведения об этом встречаются и ранее, например, за 1899 г. [НА РМ, ф. 208, оп. 4, д. 2265, л. 11]. Одновременно с утверждением этнонима на страницах Кишинёвских епархиальных ведомостей [КЕВ, 1914, № 8, с. 387-393] и в архивных документах [НА РМ, ф. 208, оп. 4, д. 4140] используется глоттоним *гагаузский язык*.

Из имеющихся материалов видно, что процесс языковой идентификации довольно активно протекал в первом десятилетии XX в. Иногда на протяжении данного периода проскальзывают факты, указывающие на сохранение в официальных кругах Кишинёвской епархии прежнего стереотипа по отношению к этнической принадлежности гагаузов, фигурировавших в течение целого столетия в официальных документах под именем «болгаре». Так, в КЕВ за 1908 г. в разделе «вакантные места» указано с. Авдарма (3 ок-

руг, Бендерского уезда). Там же приведена полная информация об условиях работы в приходе (имеется церковный дом; 1 035 душ мужского пола; 120 дес. земли; 680 руб. общественного жалования). При этом особо оговаривается, что «на это место будет определён исключительно священник-болгарин, который мог бы на своём языке исповедовать прихожан» [КЕВ, 1908, № 50, с. 239]. Несомненно, что в данном требовании речь идёт о священнике-гагаузе.

В некоторых заметках (например, за 1906 г.) чётко обозначается этническая принадлежность гагаузов, но при этом дается обтекаемая формулировка по отношению к используемому ими языку, например: «Мы <...> православные по вере, гагаузы по нации (Здесь и ниже подчёркнуто нами – Е. К. встревоженные аграрными брожениями, проявленными в соседних селах, сегодня в количестве 240 домохозяев, по приглашению нашего местного священника (Евсевия Крокоса – Е. К.) явились в здание церковно-приходской школы на приходскую беседу, и, получив от него на нашем родном языке разъяснение истинного смысла аграрных движений и смут, чинимых внутренними врагами России и уменьшение благ, дарованных последними Высочайшими манифестами, вознесли Господу Богу молитвы за сохранение жизни Николая II <...> готовность положить животы наши за его святое дело» [КЕВ, 1906, № 4, с. 126-128]. Вероятно, употребление в этой заметке не вполне конкретного названия для обозначения языка гагаузов – «наш, родной» – не случайно, так как подобный способ идентификации своего языка и в настоящее время характерен для гагаузов Приазовья (о чем мы упоминали выше).

Оценивая роль и значение такого события в жизни народа как начало издания религиозной литературы на гагаузском языке, отметим, что она не только способствовала повышению религиозной грамотности гагаузов, но значительно активизировала процесс этнического самосознания.

Издание литературы такого содержания сводилось не только к задаче повышения религиозной грамотности и удовлетворения религиозных потребностей (богослужение на родном языке) гагаузов Бессарабии. Можно предположить, что, издавая богослужебную литературу на гагаузском языке, М. Чакир (как главный переводчик и ответственный за издание) ставил перед собой и более глобальную задачу. Манифестация религиозной идентичности, официально закрепляющая языковую идентичность, должна была объединить гагаузов разных регионов, окончательно покончить с мифом об их турецком происхождении и тем самым «освободить» их от давления маргинальности. В одном из отзывов о значении изданного Кишинёвским Христо-Рождественским братством Евангелия на гагаузском языке косвенно обозначается роль и историческая значимость данного события для всего гагаузского этноса: «апостольский подвиг на благо не только 60 тысяч бессарабских гагаузов, лишённых слова Божия на их языке, но и для зарубежных гагаузов задунайских, проживающих в Румынии, Болгарии и Турции, совершенно лишённых какой-либо письменности на их языке» [КЕВ, 1910, № 36, с. 1280-1281].

Основные этапы гагаузской письменности

Известно, что на Балканах гагаузы пользовались караманлийской религиозной литературой, написанной на турецком языке греческими буквами. Согласно приводимым К. Иречком данным, турецкая письменность «неизвестна гагаузам Болгарии; собственного богослужебного языка они не имеют, а потому в их церквах служат либо по-болгарски, либо по-гречески, и только проповеди произносятся на турецком языке. Языком школьным являются также языки болгарский или греческий» [Цит. по: Мошков, 2004, с. 7].

После переселения в Бессарабию гагаузы длительное время продолжали пользоваться караманлийской литературой*. Данные об этом находим в работе В. А. Мошкова [Мошков, 1901, № 2, с. 43-48; ЭО, 1901, № 4, с. 29]. Интересными являются сведения (1905 г.), приводимые И. Халиппой о том, что Ю. Венелин, занимавшийся изучением фольклора бессарабских болгар, «первым обратил серьёзное внимание на бессарабских гагаузов, столь ныне интересующих как историков, так и филологов, особенно после того как у гагаузов (правда, у Русцукских**) открыта была своеобразная письменность с греческим алфавитом, турецким лексиконом и чисто христианским ортодоксально богословским содержанием». В заключение он в качестве задачи для Бессарабского церковного Историко-Археологического общества пишет, что «каждая из народностей, обитающих в Бессарабии, своеобразно восприняла свет христианства, его культуру и мировоззрение, и потому они имеют одинаковые права на внимание к ним науки» [КЕВ, 1905, № 7, с. 162].

В начале XX в. в результате деятельности Кишинёвского Христо-Рождественского братства и гагаузского религиозного деятеля и просветителя М. Чакира появились книги на гагаузском языке. Вначале они издавались на основе кириллицы, а в румынский период – на латинице.

И лишь полвека спустя, в 1957 г., была введена гагаузская письменность (на базе кириллицы), издан первый учебник по гагаузской грамматике (Д. Н. Танасоглу, Л. А. Покровская). Данное событие способствовало окончательному завершению процесса идентификации собственного языка как «гагаузского» и, несомненно, определённым образом повлияло на усиление этнического самосознания гагаузов. Однако, как справедливо отмечает М. Н. Губогло, введение письменности «вряд ли оказало бы сколько-нибудь заметное влияние на формирование этнической идентичности гагаузов, если бы вслед и благодаря письменности не появилась бы художественная литература, воздействующая на рост самосознания не только с помощью слова и логики, но и благодаря пробуждаемым чувствам и душевным озарениям» [Губогло, 2004а, с. 135].

В 1994 г. был принят закон о создании на легитимной основе Автономного национально-территориального образования Gagauz Yeri в составе Республики Молдова и с этого же времени официально признанным является алфавит на базе латинской графики с использованием некоторых специаль-

* Караманлийская литература – книги религиозного содержания, написанные греческими буквами на турецком языке.

** Русе (болг. Русе), или Русцук (старое имя) (тур. Rusçuk), – пятый по величине город Болгарии.

ных символов. В рамках данного образования государственными признаны молдавский, гагаузский и русский языки. Гагаузский язык в качестве предмета преподается в школах, вузах. В Комратском Государственном Университете готовят преподавателей гагаузского языка.

Гагаузы Украины и в настоящее время пользуются гагаузской письменностью на базе кириллицы, принятой в 1957 г.

Архивные и этнографические данные в связи с вопросом о билингвизме гагаузов

Вопрос о функционировании языка у гагаузов требует ответа на другой спорный вопрос: были ли они в основной своей массе двуязычны при переселении в Бессарабию? Болгарские учёные Г. Занетов, В. Матеева придерживаются точки зрения о билингвизме гагаузов [Занетов, 1933, с. 121-144; Матеева, 1999, с. 103-110]. Аналогичная мысль была высказана Л. А. Покровской: «Усвоение гагаузами турецких и болгарских песен было возможно, с одной стороны, благодаря развившемуся среди них двуязычию, то есть знанию большинством гагаузов болгарского разговорного языка, а с другой – близости гагаузских говоров в Болгарии к местным турецким говорам» [Покровская, Чернышева, 1989, с. 5]. Однако вряд ли можно согласиться с нею в том, что заимствование сюжетов песен у болгар свидетельствует о двуязычии большинства гагаузов.

Обнаруженные нами материалы, хранящиеся в Национальном Архиве РМ, не дают оснований для однозначных утверждений о гагаузско-болгарском двуязычии по отношению к гагаузам Бессарабии.

В материалах дел указанного фонда (ф. 205) имеются отказы священников работать в гагаузских селах. Одной из причин для такого отказа служило незнание ими языка прихожан. Как отмечалось выше, до конца XIX в. язык, на котором говорили «бессарабские гагаузы», в официальных документах обозначался как «турецкий» или «турецкое наречие» [НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 4156; оп. 1, д. 4153; оп. 1, д. 2556, л. 73, 13; Кёппен, 1861, с. 63; Державин, 1937, № 1, с. 80]. Архивных сведений, позволяющих говорить о том, что гагаузы какого-то села в основной своей массе одновременно владели и болгарским языком, нам зафиксировать не удалось. Так, в качестве причины для перевода из колонии Бешалма Буджакского уезда в с. Гасан-Батыр (дело за 1823–1824 гг.) священник Каневский указал на трудности в работе из-за незнания им языка, на котором говорят прихожане – **«на турецком наречии»**. Здесь же отмечается, что некоторые из них говорят по-молдавски [НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 4156, л. 1, 1 об.]. Это позволяет высказать предположение о том, что среди жителей села, возможно, были и молдаване. Вместе с тем, в результате тесных контактов с местным населением, часть гагаузов могла, в определённой степени, овладеть молдавским языком на бытовом уровне и стать двуязычной. Впрочем, думается, что их число было незначительным.

В деле за 1823–1824 гг. священника Кишинёвского Болгарского Вознесенского собора И. Батку, переведённого (согласно распоряжению Консистерии) в колонию Болград, имеется его прошение о переводе на прежнее место

работы, то есть в г. Кишинёв. В качестве причины священник назвал незнание им языка жителей, что создавало для него огромные трудности в работе: «...**Жители тамошние все имеют наречие на турецком языке, а иные вовсе болгарского языка не понимают** (выделено нами – Е. К.) <...> По причине незнания мною турецкого языка не могу быть почти между бессловесными для меня прихожанами» [НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 4153, л. 9-10]. На основании содержащихся в документе сведений можно предположить, что часть жителей соседних с Болградом колоний (например, Табаки), которые посещали, причащались и исповедовались в Болградском соборе (возможно, и определённая часть жителей самого Болграда) не владели болгарским языком. Учитывая этот факт, становится понятным, какие из прихожан не знали болгарского языка.

В деле о переводе священнослужителей и монашествующих в другие приходы Кишинёвской епархии за 1819–1820 гг. имеется прошение пономаря колонии Кубей И. Телеуцы, который просил перевести его в другое село, так как «там **болгарские переселенцы 1818 г. говорят на турецком языке** (выделено нами – Е. К.), и он лишается дневного пропитания» [НА РМ, ф. 205, оп. 1, д. 2556, л. 19, 108]. Очевидно, что в основе данного прошения лежит незнание местным духовенством языка прихожан.

В сообщении священника местной церкви с. Гайдар Бендерского уезда отмечалось, что речь Преосвященнейшего Павла, Епископа Кишинёвского и Хотинского он передавал прихожанам (болгарам) на «понятном им турецком языке» [Нефталимов, 1873, № 12, с. 497].

Интересные сведения об использовании языка и довольно чётко обозначенной этнической дифференциации (в основе которой лежал не только языковой признак) приводит священник болгарского с. Твардица П. Казанаклий, который хорошо знал болгар и гагаузов, так как сам был болгарин. В «Кишинёвских епархиальных ведомостях» в 1873 г. была опубликована его статья, в которой описаны обычаи и обряды этого села, религиозность прихожан, их этническая принадлежность и др. Он писал: «Национальность твардицкая не гагаузы, именующиеся только болгарами, а собственно болгары, говорящие на болгарском языке» [КЕВ, 1873, № 18, с. 693]. И там же он дал примечание по вопросу о разделении задунайских переселенцев: «Болгарские поселенцы Бессарабии разделяются на три категории: 1) болгары – выходцы из Македонии и Румынии, говорящие болгарским языком; 2) комермерии – выходцы из Добруджи, говорящие по-турецки; 3) гагаузы – эта категория болгар, по местному сказанию, произошла от смешения болгарского племени с турецким. По местному же сказанию, **эти последние болгары вовсе не говорят по-болгарски** (выделено нами – Е. К.)». В приведённых им сведениях относительно различий у групп задунайских переселенцев, вероятно, отражается разделение гагаузов на «греческих» и «болгарских». Таким образом, сведения, которые сообщает П. Казанаклий, являются еще одним подтверждением высказанного нами предположения об отсутствии гагаузско-болгарского билингвизма у гагаузов Бессарабии.

Несколько иную классификацию этнотерриториальных различий задунайских переселенцев, с применением специальной терминологии, находим в книге А. Зашука: «Настоящее население Бессарабских Болгарских колоний разделяется на несколько различных между собой племён. У них в употреблении два различных языка и трое разных писмен. Одни говорят языком Болгарским и называются *Чёрными Болгарами* (академик Кёппен*); это выходцы из Македонии и Румелии (они известны также под именем *калуферов* или горожан*). Первые, бывшие македоняне, прибыли в Бессарабию в 1807 и 1812 годах и пишут славянскими литерами, между тем как бывшие Румилийцы, которые переселились в 1830 году, пишут греческими буквами. Болгары, говорящие между собою по турецки, известны под названием *камермериев* или деревенцев. Это выходцы из Добруджи, переселившиеся в Бессарабию в 1807 и 1812 годах; они употребляют волошские письма. Кроме того, в некоторых колониях близ реки Ялпуха находятся Сербы и так называемые *Гагаузы*; последние наружностью, характером и жизнью резко отличаются от прочих Болгар. (По местному сказанию, это незаконные дети Турок от Болгарок) (выделено нами – Е. К.)» [Зашук, 1862, с. 168-169]. Как можно видеть, у А. Зашука также нет упоминаний о том, что гагаузы владели болгарским языком. Более того, он противопоставляет гагаузов болгарам.

Аналогичные свидетельства за более поздний период приведены в отчете (за 1891 г.) благочинного 1 округа Измаильского уезда С. Топалова. Он писал о «затруднениях, встречающихся при собеседовании» священника с. Старо-Трояны с прихожанами, «где **поселяне говорят на турецком языке** (выделено нами – Е. К.), мало понимая русский язык, и то мужчины, а женщины совсем не понимают других языков» [НА РМ, ф. 208, оп. 4, д. 1716, л. 92].

Что касается вопроса о билингвизме гагаузов (гагаузско-болгарском), то он требует специального исследования. Пока невозможно однозначно ответить на вопрос о том, были ли гагаузы до переселения в Бессарабию двуязычны или же двуязычие существовало только в смешанных гагаузско-болгарских сёлах и семьях. На основании приведённых данных, позволяющих рассмотреть ситуацию с языковым вопросом в некоторых гагаузских и смешанных гагаузско-болгарских сёлах, можно с определённой долей вероятности говорить о том, что в начале XIX в. (и позже), гагаузы Бессарабии в основной своей массе все же не владели болгарским языком.

Сведения аналогичного содержания по гагаузам Бессарабии приводятся Н. С. Державиным, а по гагаузам Болгарии – К. Иречком и А. Мановым. Так, в своей работе, опубликованной в 1937 г., Н. С. Державин отмечал, что гагаузы «поют колядки по-болгарски, не зная ни одного болгарского слова» [Державин, 2005, с. 14]. Практически то же самое о гагаузах Болгарии в конце XIX – начале XX вв. писал К. Иречек: в Варненском округе мальчики часто пели болгарские песни, не понимая их содержания [Иречек, 1974, с. 890]. Более конкретными являются сведения А. Манова, согласно которым, в начале XX в. гагаузы Северо-Восточной Болгарии твёрдо и упорно поддер-

живали свою национальность. Болгарские семьи, поселившиеся в гагаузских сёлах, «вместо да побългарят гагаузите, сами си били погагаузчени». Далее он отмечал, что болгарские учителя в гагаузских сёлах вместо того, чтобы обучать болгарскому, сами выучивались турецкому и воспринимали их нравы и обычаи [Манов, 1938, с. 35]. Впрочем, вряд ли данный процесс был столь однозначным в тот период (30-е гг. XX в.), как это показано у А. Манова.

Некоторыми болгарскими исследователями делается вывод о том, что гагаузы, в результате проводившейся турками политики языковой ассимиляции, утратили «родной» болгарский язык. В качестве обоснования реальности процесса утраты частью этноса своего родного языка приводятся примеры огагаузивания болгар, оказавшихся в гагаузской среде. Однако, по мнению И. Ф. Грека, усвоение болгарскими гагаузского языка не означало утрату ими родного языка, а стало причиной их билингвизма. Он подчеркивает, что билингвизм был характерен для болгар-переселенцев и нехарактерен для гагаузов-переселенцев, которые «в массе своей были одноязычными [Грек, 2007а, с. 263-264]. Выявленные нами архивные и историографические данные, относящиеся к началу XIX в. и к более позднему времени, также не подтверждают гипотезу о билингвизме основной части гагаузов Бессарабии.

В настоящее время у гагаузов Болгарии наиболее часто используемый для общения язык – болгарский. Соответственно, значительная часть песен также исполняется ими на болгарском языке. Это, по словам информаторов, связано главным образом с распространением и расширением системы школьного образования.

Что касается бессарабских гагаузов, то в настоящее время в смешанных гагаузско-болгарских сёлах Молдовы и юга Украины они в той или иной степени владеют болгарским языком на бытовом уровне (как и болгары гагаузским). О реальном билингвизме гагаузов Молдовы можно говорить по отношению к русскому языку, который является средством общения. С его помощью гагаузы получают знания в школах и вузах, а также происходит их приобщение к мировым культурным ценностям.

О функциональной значимости гагаузского языка

В современный период в Автономном национально-территориальном образовании Гагауз Ери с большими трудностями, но всё же идёт процесс возрождения народной культуры и языка. Гагаузский язык, история и литература преподаются в качестве самостоятельных предметов в школах и вузах. Он сохраняет свою функциональную значимость как язык общения в быту и активно используется различными поколениями.

Несколько иная картина наблюдается в гагаузских сёлах Болгарии. Там довольно сложно найти информатора, знающего песни на родном языке; многие из них забыты. Зачастую они предлагают спеть песни на болгарском языке. Гагаузский язык используется в основном лишь пожилыми людьми в тех сёлах Болгарии, где гагаузы составляют большинство населения. Поколение среднего возраста понимает родной язык, но уже не говорит на нём или же говорит с трудом.

* Эти пояснения сделаны самим автором работы – А. Зашуком.

Однако языковая ситуация не во всех сёлах одинакова. Например, в с. Генерал Кантарджиево редко, но всё же встречаются пожилые гагаузы, не владеющие / или слабо владеющие болгарским языком [Квилинкова, 2005а, с. 19; 2011а, с. 294]. В отмеченном населённом пункте гагаузский язык, народные песни сохранились несколько лучше, чем в остальных исследованных нами сёлах. У информаторов данного села более яркими являются воспоминания о народных обычаях и обрядах. Это объясняется, вероятно, особым географическим расположением указанного населённого пункта (его удалённостью от путей сообщения и даже некоторой изолированностью от соседних сёл); сложившимися историческими условиями – довольно длительным временем нахождения села в составе румынской Добруджи, во время которого болгарский язык, по сообщениям информаторов, не употреблялся. Таким образом, приведённые нами факторы в целом в немалой степени способствовали сохранению функциональной значимости родного языка и традиционной обрядности. В сёлах Болгарево и Орешак общение людей старшего возраста также нередко происходит на гагаузском языке.

Причины проявления маргинальности по отношению к собственному языку

Из приведённых выше сведений видно, что у гагаузов Болгарии, в результате происшедших объективных (и некоторых субъективных) процессов, использование родного языка ограничено кругом поколения старшего возраста. Другой причиной, оказавшей влияние на данный процесс, является негативное отношение к собственному языку как к языку турок-завоевателей, насильственно навязанному им в период османского завоевания [ПМА].

В книге болгарского общественного и культурного деятеля Балчо Нейкова «Факийско предание» приводятся известные у гагаузов рассказы, в которых описывается история их отуречивания в период османского завоевания [Нейков, 1985, с. 281-282]. Маргинальное отношение гагаузов Болгарии к родному языку имело место в предшествующий (социалистический) период. В определённой степени этому способствовала официальная точка зрения о том, что гагаузы – это отуреченные болгары. В результате часть гагаузов не желала, чтобы их дети разговаривали на этом языке, и потому не обучала их родному языку. Негативное отношение к собственному языку имеет место и у части гагаузского населения Греции [Квилинкова, 2011а, с. 295-297].

Вероятно, маргинальное отношение к собственному языку у ряда представителей гагаузского населения Болгарии и Греции объясняется тем, что ненависть к туркам-османам в определённой степени вылилась в отрицательное отношение к своему языку, который, ввиду значительной близости его к турецким балканским говорам, воспринимался как турецкий.

Подобное восприятие своего языка в настоящее время не характерно для бессарабских гагаузов, возможно потому, что после переселения в Бессарабию контакты с турками прекратились, и, соответственно, отсутствовала почва для негативного отношения к своему языку. Кроме того, этническое само-

сознание гагаузов на территории Бессарабии постепенно усиливалось, чему в значительной мере способствовал язык, роль и значение которого в религиозной и культурной жизни этноса только возрастала. Вместе с тем некоторыми гагаузскими исследователями отмечается, что в советский период в результате доминирования русского языка у гагаузов возникло чувство неполноценности по отношению к собственному языку, которое способствовало «обрусению» нескольких поколений. Однако, делая такие выводы, нельзя не учитывать тот факт, что религиозная литература на гагаузском языке появилась лишь в начале XX в., а гагаузская письменность – в 1957 г. В настоящее время продолжается процесс становления гагаузского литературного языка. В этой связи упрек в сторону русского языка не выглядит достаточно обоснованным.

Смешанные браки и языковой барьер

До середины XX в. из-за языкового барьера контакты и смешанные браки с болгарями не имели у гагаузов Болгарии особого распространения. По словам информаторов с. Кичево, родители давали сыну благословение на брак в случае, когда девушка могла изъясняться на «тюркчя» и, естественно, была единоверкой (христианкой). При этом они добавляли, что «из соседних болгарских сёл у них было не много сватов, а вот из квартала Кестрич (г. Варна) и из с. Орешак их было много. Позже, когда гагаузы овладели болгарским языком, они стали брать невест и из соседних болгарских сёл» [ПМА]. С увеличением межэтнических браков и возрастанием функциональной значимости болгарского языка в с. Кичево значительно усилился процесс утраты гагаузского языка и фольклора.

В некоторых сёлах запрет на брак распространялся и на представителей своего же этноса, проживающих по соседству. Например, в с. Болгарево в прошлом родители не давали согласия на брак сыну или дочери, если жених или невеста были не из их села [Квилинкова, 2005а]. В определённой степени это объясняется тем, что в первой половине XX в. у сельского населения во многом сохранялся традиционный образ жизни. В целом подобного рода запреты способствовали сохранению «гагаузского духа» у представителей данного села. Для жителей же с. Генерал Кантарджиево, ввиду изменившихся исторических условий (во время вхождения села в состав Румынии), соблюдение эндогамии (запрета на браки вне своего села) являлось одним из способов сохранения собственной этничности.

Аналогичные сведения о функционировании болгарского языка в гагаузских сёлах Болгарии и заключении межнациональных браков (между гагаузами и болгарями) приводятся болгарским этнографом С. Средковой [Средкова, 2000, с. 68]. На территории Бессарабии до середины XX в. межэтнические браки между гагаузами и болгарями, согласно сведениям А. В. Шабашова, также не получили широкого распространения [Шабашов, 2002а, с. 347].

Язык как один из маркеров этничности

Известно, что язык, наряду с другими важными компонентами культуры, выступает как один из маркеров этничности. Именно язык позволяет человеку

идентифицировать себя в качестве члена той или иной этнической группы, а другого – как чужого, не принадлежащего к его собственной группе.

В настоящее время для старшего поколения гагаузов, проживающего на территориях Болгарии, Греции и других государств, этническая самоидентификация связана с их языковой особенностью (использованием в быту гагаузского языка), а также в известной степени – с бытовой обрядовой сферой, духовной и материальной культурой собственной этнографической группы. Представители среднего возраста связывают свою этничность с некоторыми основополагающими элементами духовной культуры их предков (и, в первую очередь, с языковыми особенностями), служащими культурными маркерами. Они ощущают себя уже просто болгарскими или греками, однако такими, предками которых были представители определённой этнокультурной группы. Молодые люди практически не ощущают давления маргинальности, так как их родным языком является язык того этноса, к которому они себя причисляют и который составляет национальное большинство той страны, где они проживают. Язык предков для них выступает как бы в роли иностранного. Однако в последнее время восприятие молодым поколением родного языка меняется, что в немалой степени связано с усилением торгово-экономических отношений с Турцией и востребованностью партнёров, понимающих и знающих турецкий язык. Внуки с помощью бабушек пытаются овладеть языком предков, объясняя это тем, что знание языка не бывает лишним.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ (СТАБИЛЬНОСТЬ И ДИНАМИЗМ)*

Современная языковая ситуация в Гагаузии развивается под воздействием сложного набора объективных и субъективных факторов. В соответствии с исторически сложившейся традицией в официальной жизни доминирует русский язык, а в сфере домашнего общения – гагаузский.

Молдавский язык, согласно Конституции Республики Молдова, утверждён единственным государственным языком. Вместе с тем в пределах национально-территориального образования Гагауз Ери в качестве государственных утверждены три языка: молдавский, гагаузский и русский.

Соотношение объективных и субъективных факторов, определяющих развитие языковой ситуации и перевод её из одного состояния в другое, делает в этом регионе жизнь с двумя или тремя языками скорее нормой, чем исключением. Руководство региона планомерно и целенаправленно проводит языковую политику, благодаря которой двуязычие и многоязычие становятся показателем языковой жизни граждан [Балова, 2010].

* Сокращённый вариант раздела «Языковая ситуация в поликультурном пространстве Гагаузии на рубеже XX–XXI веков» // Губогло М. Н. Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической ситуации гагаузов. М., 2006. С. 297-362.

Знание языков

На базаре в Комрате на исходе XIX в. В. А. Мошкову довелось, как он писал, быть свидетелем курьёзной этноязыковой сцены. «У торговца-молдаванина, – вспоминал В. А. Мошков, – немецкий колонист с женой покупали глиняную посуду, причём продавец и покупатели разговаривали каждый на своём, родном языке, сильно жестикулируя и, разумеется, мало понимая друг друга. К ним подошёл гагауз и, обращаясь к обеим сторонам по-русски, очень скоро помог им заключить сделку» [Мошков, 1904а, с. 5].

Этносоциологический опрос, проведённый в Гагаузии в 1988 г. российскими, американскими и молдавскими учёными по совместному проекту, выявил удивительную особенность языковой ситуации этого региона. Оказалось, что 93,5% гагаузов, 94,9% болгар, а также 78,4% молдаван свободно владеют и свободно думают каждый на языке своей национальности. Одновременно эти же самые люди указали, что почти в такой же степени они владеют русским языком, в том числе 92% гагаузов и болгар, а также 94% молдаван.

Вряд ли где-нибудь ещё в других регионах на всём постсоветском пространстве найдётся аналог подобной языковой ситуации, когда уровни знания двух языков: своей и не своей национальности были бы так близки и так типологически сходны друг с другом. Это означает, что здесь, в Гагаузии, имеет место так называемое «всенародное двуязычие», которое довольно редко встречается в практике языковой жизни народов других стран.

На заре XX в., в течение пяти лет в Женевском университете Фердинанд де Соссюр читал «Курс общей лингвистики», который принёс ему неувядаемую славу. В одном из разделов книги, изданной по записям прочитанных им лекций, говорилось: «В любом человеческом коллективе непрерывно и одновременно действуют в двух разных направлениях две силы: с одной стороны, дух локальной ограниченности, так сказать, “дух родимой колокольни”, с другой стороны – сила взаимного общения, создающая связи между людьми» [Ф. де Соссюр, 1977, с. 59-61].

Долгожительство мыслей более чем вековой давности вполне подтверждается нынешней, на заре XXI в., языковой жизнью Гагаузии. Гагаузы не отменяют языка своей национальности, несмотря на поголовное владение русским языком. Более 90% болгар и гагаузов, 79% русских и 84% молдаван в 1998 г. назвали родным язык своей национальности. Особенно широко и прочно знание русского языка сочетается с сохранением в качестве родного языка своей национальности у гагаузов (соответственно – 98,6 и 96,5%).

Сфера семейно-бытовых общений

Сфера семейно-бытовой жизни служит важнейшим контекстом функционирования первого разговорного языка ребёнка, а в дальнейшем выступает важной составной частью коммуникационного пространства того или иного региона. Будучи косвенной исходной точкой социальной мобильности человека, некоторым основанием для социальной селекции и распределения

индивидов по шкале общественного положения, семья, вместе с тем, играет немаловажную роль в развитии и в функционировании языка того или иного народа или национального меньшинства.

В конце первого постсоветского десятилетия гагаузский язык считался языком дедушек и бабушек. Во всяком случае, преобладающее большинство гагаузов, отвечая на вопрос, на каком (каких) языке (языках) разговаривают (или разговаривали) со своими бабушками по линии отца и по линии матери, назвали гагаузский язык (84,8 и 80,0%).

Не менее стабильными и устойчивыми оставались позиции языка своей национальности в семейно-бытовых коммуникациях и в следующем поколении – поколении родителей. Нынешнее взрослое население гагаузов разговаривало на нём со своими родителями, соответственно, 84% – с матерью, 87,1% – с отцом.

Особый интерес вызывает опыт языковой жизни людей среднего поколения, тех, кто играет связующую этнокультурную роль между своими стареющими родителями и своими же детьми, то есть между старшим (предыдущим) и младшим (последующим) поколением.

В то же время, люди среднего возраста чаще, чем предыдущее и последующее поколения, утверждают, что хотели бы жить настоящим. Молодёжь имеет возможность смотреть вперёд и надеяться на будущее, старики – оглядываться назад и подпитывать себя воспоминаниями. Люди среднего поколения, находящиеся между двумя указанными поколениями и обременённые тройными обязательствами – за своих родителей, за своих детей и за самих себя, понимают, что могут и должны жить «здесь и сейчас». Тем самым они принимают на себя более чем ответственную роль не только хранителей семьи, как отмечается в учебниках по социальной психологии [Крайч, 2002, с. 267-290], но и трансляторов этничности. Иными словами, на поколении, находящемся на стыке старшего и младшего возрастов, лежит долг сохранения самобытности своего народа. Понятно, что от модели языковой жизни, в том числе от языкового баланса среднего поколения, во многом зависит устойчивость и развитие этничности всего народа. Эта ответственность неизмеримо велика в нынешнем поколении гагаузов. Это видно из очевидно-го примера их современного речевого поведения. Каждые четверо из пяти гагаузов разговаривали со своими родителями на гагаузском языке, каждая вторая супружеская пара, как будет показано ниже, общалась также на языке своей национальности, и, наконец, со своим старшим ребёнком на гагаузском языке разговаривали 38,8% респондентов.

Во второй половине XX в., особенно после хрущёвской оттепели, по мере развития процессов индустриализации, урбанизации и интеллектуализации молдавского общества, важные изменения происходили не только в образе жизни различных слоёв населения, но и в семейно-бытовой сфере. Традиционная семья преодолевала свою этнокультурную замкнутость и этноязыковую однородность, воспитание детей частично переместилось в детские сады, систему школьного и вузовского образования. Одноязычие начало сдавать позиции двуязычию.

Гагаузский язык, как и многие другие языки народов СССР, в семейной коммуникации утрачивал свою востребованность. В семейной сфере слабели энергия и инерция воспроизводства языковой коммуникации исключительно на языке своей национальности. Функцию языка внутрисемейных отношений наряду с гагаузским языком начинал выполнять и русский язык. Так было не только у гагаузов, но и в некоторой степени у болгар, молдаван и представителей других национальностей.

В каждой второй гагаузской семье на закате XX в. супруги разговаривали между собой на гагаузском языке. Иными словами, использование языка своей национальности во внутрисемейных коммуникациях сократилось более чем в полтора раза по сравнению с кросс- и межпоколенными.

Динамика языкового сдвига и становление нового языкового баланса в сфере семейно-бытового общения корреспондировали с этническим составом дружеских и производственных коммуникаций. Похоже, что в позднесоветский период, на закате Советского Союза, смещение речевого поведения (моделей речевого поведения национальностей Гагаузии) происходило более или менее синхронно в трёх сферах, включая семейно-бытовую, а также сферу дружеских контактов и производственной деятельности.

Принципиальное отличие общения в сфере производственной деятельности от семейно-бытовых контактов состоит в том, что общение на работе во многом зависит от национального состава трудового коллектива. Поэтому 56,5% гагаузов, 74,6% болгар, 82,4% молдаван в сфере производственной занятости употребляли русский язык.

В известном смысле «общение» с коллегами несёт в себе элемент «языкового принуждения», но «принуждения» не идеологией и не циркулярным диктатом указаний сверху, а исторически сложившейся этноязыковой ситуацией. Обозревая общую панораму речевого поведения нерусской части населения Гагаузии, по прошествии нескольких первых лет преобразований можно сказать, что гагаузское население, хотя и в меньших масштабах, чем болгары и молдаване, но тем не менее широко использовало русский язык в большинстве сфер жизнедеятельности, вплоть до семейно-бытового общения. В то время как идеологи и лидеры гагаузской этнической мобилизации под флагами и лозунгами национального возрождения бились за каждый час эфирного времени, за каждую книгу, опубликованную на гагаузском языке, за тиражи газет на языке своей национальности, народное большинство спокойно разговаривало на русском языке не только на работе, но и дома, не только с коллегами, но и с самыми близкими друзьями. Действовали их величества «Потребность» и «Комфортность» общения вместе с этнодемографическим фактором.

Несмотря на внешнее сходство траекторий проникновения инонационального языка в сферу семейно-бытового общения у гагаузов Болгарии и Республики Молдова экстраполяция болгарского опыта на молдавскую реальность, как это делается иногда в литературе, не может быть признана угрожающей сохранению этнической самобытности гагаузов Гагаузии. Ни в бывшем СССР, ни в нынешней Молдове нет ни одного примера, подобного

болгарскому опыту исчезновения целого народа или этнической группы с этнической карты путём усвоения языка большинства [Квилинкова, Никогло, 2002, 31 мая].

Подобного случая в истории России не припоминается. Да, жестокостей в ней было немало, но культурное многообразие народов не искоренялось путём полной ассимиляции народа за счёт исчезновения его с этнической карты страны [Визгин, 2004, с. 666].

Трезвомыслящие гагаузские политики, хорошо (изнутри) осведомлённые о сложившейся этноязыковой и этнополитической ситуации в нынешней Гагаузии, не разделяют опасений, что свободное владение русским языком несёт в себе угрозу этнической ассимиляции гагаузов подобно тому, как это имеет место в этнокультурной истории Болгарии. Более того, они понимают, что попытки форсированной гагаузизации сложившегося во второй половине XX в. русскоязычного коммуникативного пространства Гагаузии чревато откатом назад в деле социально-профессиональной мобильности и социокультурного роста молодых поколений гагаузов.

«Кто больше всех кричит о необходимости немедленного обучения на гагаузском языке, – делился в 2001 г. своими впечатлениями примар (мэр) второго по величине города Гагаузии Чадыр-Лунги М. М. Формузал, – как правило, имеют взрослых детей, получивших великолепное образование совсем на других языках. Нас же эти люди пытаются обречь на неизбежное в данном случае падение общеобразовательного уровня». Вывод очевиден, он ясен и руководителю администрации Чадыр-Лунги: «И не получится ли в данном случае, что мы при переходе на такое обучение законсервируемся в рамках автономии?» [Формузал, 2001, 20 июля].

Рациональное зерно и имплицитная дальновидность в рассуждениях Чадыр-Лунгского мэра состоит в том, что за сохранение и развитие гагаузского языка более целесообразно бороться с более сильных позиций, достичь которых в нынешнее время, в пору русскоязычного коммуникационного пространства Гагаузии, можно путём освоения мирового опыта с помощью русского языка. Так, как это делают наиболее дальновидные интеллектуалы Академии наук Республики Молдова, осваивая мировой научный опыт с помощью русского или английского языка.

В конце концов, английский язык на улицах Парижа, во многих университетских аудиториях Нидерландов, Скандинавских стран никоим образом не ущемляет этническое самосознание и национальное достоинство французов и голландцев, финнов и датчан. Напротив, он, как и русский язык, будучи международным языком науки, подпитывает национальное самосознание и достоинство европейских народов дополнительным интеллектуальным топливом. Голландцы или финны широко, едва ли не поголовно, владеющие английским языком, не перестают быть голландцами или финнами. Почему, по логике националистически настроенных радикалов из Комрата и Кишинёва, гагаузы, болгары или молдаване, говорящие по-русски, должны перестать быть самими собой?

Форсированный отказ от русского языка, подобно эффекту бумеранга, приведёт не к бегству от ассимиляции, а, напротив, будет загонять гагаузов и их социокультурное и этнополитическое развитие в тупик, в изоляцию от магистрального развития модернизации, на периферию от путей поступательного движения мировой цивилизации.

На рубеже первого и второго постсоветских десятилетий Исполком Гагаузии уделял особое внимание изучению гагаузского языка. В 1997 г. его изучали 31 294 человек, то есть 97% от общего количества детей школьного возраста. По сообщению башкана Гагаузии, в этот период школы были обеспечены учебниками, методическими пособиями и программами по гагаузскому языку. Наряду с аттестацией педагогических кадров и обеспечением школ 16 наименованиями учебников на латинской графике, формированию общественного мнения и интереса к изучению гагаузского языка способствовал республиканский семинар «Формы и методы урочной и внеурочной работы учителей гагаузского языка и литературы» [Сборник законодательных актов, 1998, вып. 2, с. 74].

Языки в системе образования

Язык, на котором ребёнок начинал впервые разговаривать, служит в известной степени показателем языковой жизни в сфере дошкольного развития детей. Дело в том, что на протяжении всего дошкольного периода дети, во-первых, форсированно пополняют свой лексикон, во-вторых, овладевают более сложными грамматическими конструкциями и, в-третьих, начинают осмысленно относиться к собственному речевому поведению как средству налаживания коммуникационных связей для достижения своих целей и решения своих задач.

По показаниям этносоциологического опроса 1998 г., для 80% гагаузов, болгар и русских первым разговорным языком был язык своей национальности. Несколько более низкий показатель «первого разговорного языка» среди молдаван и других национальностей, видимо, определялся влиянием относительно плотной гагаузской языковой среды. Очень рано русским языком овладевали 17,8% болгар, 20,2% гагаузов, 31,4% молдаван и 46,7% представителей других национальностей.

Русский язык в качестве первого разговорного языка позволял детям глубже узнавать и понимать окружающий мир, статус и социальные роли людей, социокультурные ценности. Понятийно-терминологически более развёрнутый русский язык по сравнению с языком их национальности не только расширял мировоззренческий кругозор детей, но и давал им возможность усваивать такие социальные уроки, которые связаны с положением человека в обществе, социокультурными нормативами и ценностями.

В советские времена в каждом населённом пункте были детские сады, содержавшиеся на колхозной дотации.

Языками дошкольного воспитания и обучения в детсадах выступали: русский язык – для 65,1% гагаузов, 67,8% болгар, 39,2% молдаван, язык своей национальности – для 14,1% гагаузов, 8,5% болгар и 45,1% молдаван. Иными

словами, сфера детсадовских коммуникаций на молдавском языке была обеспечена в 3–5 раз лучше, чем на гагаузском и болгарском языках.

Общение в семейной сфере происходило на языке своей национальности, что благоприятствовало раннему становлению билингвизма.

Между тем, как неоднократно отмечала В. И. Балова, обилие языков, которые приходится изучать в современной школе, ложится на ребят тяжёлым бременем. Так, например, в 2009/2010 учебном году сфера образования в Гагаузии состояла из 28 лицеев (среди которых 23 лицея с русским языком обучения, 2 – с молдавским, 1 русско-молдавский лицей, 2 молдавско-турецких лицея с русско-молдавско-английским языком обучения), 14 средних общеобразовательных школ, 10 гимназий, 2 начальные школы, 1 школа-интернат, 2 реабилитационных и 3 ресурсных центра для детей с ограниченными возможностями, 1 учебный комбинат с филиалами в 8 населённых пунктах Гагаузии [Balova, 2003, с. 65; Балова, 2010].

Многоязычие в нынешней Гагаузии программировалось тем, что в сети образовательных учреждений учащиеся в обязательном порядке изучали 4 языка, в том числе русский, молдавский, язык своей национальности (гагаузский или болгарский) и иностранный язык. При этом гагаузский язык, литературу, историю и культуру гагаузского народа изучали 17 769 учащихся, болгарский язык, литературу, историю и культуру болгарского народа изучал 1 401 учащийся, украинский язык, литературу, историю и культуру украинского народа – 98 учащихся [Балова, 2010].

Руководством Гагаузии вполне осознаётся исключительно важная роль системы дошкольного воспитания в приобщении детей к языку своей национальности и к иностранным языкам (русскому, молдавскому, одному из европейских языков). Однако в условиях инфантильной экономики, с трудом преодолевающей кризисные явления, не всегда удаётся найти необходимые средства для оказания поддержки системе дошкольного воспитания. В 2001 г. из 58 детсадов функционировали только 26. В итоге по всей Гагаузии лишь половина детей соответствующего возраста имеют возможность получать дошкольное воспитание в этих учреждениях.

На протяжении второй половины XX в. вопросы развития гагаузского языка и его взаимодействия с русским языком всегда оставались в центре внимания интеллектуальной элиты Гагаузии. Особую остроту они приобрели в годы этнической мобилизации, когда ростки идеи о создании Гагаузской автономии стали зримы.

Система народного образования является одним из важнейших факторов социализации подрастающего поколения, передачи ему накопленного знания, подготовки его для включения в систему жизнедеятельности общества. Вместе с тем эта система, наряду с семьёй и повседневным общением, играет немаловажную роль в освоении опыта этнической культуры, овладении языком своей национальности, в приобщении к русскому языку.

Для того чтобы от поднесённой спички возгорелось пламя национально-возрождения, надо было иметь хотя бы минимальное количество социального топлива. Между тем, инфраструктура социально-культурного развития

гагаузов, как и соседних болгар, в середине 1950-х гг. выглядела удручающе. «На Ваш запрос, – говорилось в “Справке”, подготовленной для ЦК КПСС и отправленной 14 декабря 1957 г. за подписью секретаря Одесского обкома КП Украины А. Чернявского, – сообщаем, что в Одесской области проживает 24 400 гагаузов, 79 650 молдаван и 132 800 болгар... Школ, техникумов с болгарским и гагаузским языками обучения в области нет. Гагаузской письменности вообще нет. Специальных льгот для поступления в высшие учебные заведения для молдаван, болгар и гагаузов нет. Специальных книг, брошюр на молдавском и болгарском языках в области не издаётся. Три районные газеты области дублируются с русского на болгарский язык: Татарбунарская, тиражом 380 экз.; Болградская, тиражом 425 экз.; Новоивановская, тиражом 675 экз. Областное радиовещание не ведёт передач на болгарском и молдавском языках. Специальной научной работы по экономике, литературе, языку народностей указанных районов не ведётся. Специальных театров, клубов для [людей] этих национальностей в области нет. По линии самостоятельности в ряде районов (Болградском, Ренийском, Новоивановском и др.) есть программы, посвящённые культуре, быту указанных народностей» [ЦХСД, ф. 5, оп. 31, д. 98, с. 13; Губогло, 2004].

Без сомнения, приведённые архивные материалы свидетельствуют: никаких механизмов и технологий, призванных формировать или поддерживать этническую идентификацию гагаузов, в Одесской области не было. Этничность могла воспроизводиться исключительно методом народной педагогики при полном самоотстранении государства и органов народного просвещения. Развитие национальной культуры, особенно в её профессиональных формах, языка и национального самосознания гагаузов в подобных условиях не имело серьёзных шансов и перспектив. Конечный пункт был очевиден – этническая ассимиляция.

Этнокультурная и этнополитическая ситуация в Молдавской ССР выглядела несколько иначе. К разработке мер, намеченных в двух официальных документах, в том числе в Постановлении Совета Министров СССР «О мероприятиях по организации культурно-просветительской работы среди гагаузского населения Молдавской и Украинской ССР» (январь 1949 г.) и Решении бюро ЦК КП (б) Молдавии «Об установлении гагаузской письменности» (28 февраля 1950 г.), руководство Молдавии приступило практически только через семь лет.

16 июля 1957 г. бюро ЦК КП Молдавии одобрило проект Указа Президиума Верховного Совета Молдавской ССР об утверждении алфавита гагаузской письменности на основе графики русского языка прежде всего с целью «улучшения массово-политической и научно-просветительской работы среди гагаузов» [Там же, с. 14], и лишь на втором плане значилась задача «дальнейшего развития их (гагаузов – М. Г.) национальной культуры» [Там же]. Именно пренебрежением к вопросам этнической идентичности и развитию языка можно объяснить тот факт, что исторические законодательные и соответствующие директивные документы исполнительных органов прини-

мались, как уже отмечалось в печати 1990-х гг., в спешке, без необходимого кадрового научно-методического и материально-технического обеспечения [Гайдаржи, 1990, 10 января].

В соответствии со стратегией развития национальной культуры гагаузов на длительную перспективу Указом Президиума Верховного Совета Молдавской ССР «О введении письменности для гагаузского языка» (30 июня 1957 г.) и Постановлением Совета Министров Молдавской ССР «О мерах по улучшению обучения детей гагаузской национальности» (16 ноября 1957 г.) были разработаны технологии по созданию благоприятных условий для успешного развития национальной культуры, а точнее говоря, – для совершенствования идеологической работы по воспитанию лояльности к властям и государству с помощью наглядной агитации в колхозах и предприятиях «на гагаузском и болгарском языках» [ЦХСД, ф. 5, оп. 31, д. 98, с. 16].

30 ноября 1958 г. на заседании коллегии Министерства просвещения Молдавской ССР в ходе обсуждения вопроса «О работе гагаузских школ» отмечалось, что с 1 сентября указанного года в 38 школах к занятиям на гагаузском языке приступили 14 500 учащихся гагаузской национальности [Ana Sözü, 1998, № 13/14]. При этом сразу же обнаружилось, что усвоение учебного материала на гагаузском языке в подготовительных классах происходит более успешно, чем в первых классах с преподаванием на русском языке.

Даже для частичного перевода системы школьного образования на гагаузский язык нужна была серьёзная подготовительная работа, для проведения которой тогда, в конце 1950-х гг., не было подходящих условий. Принятое Постановление «О мерах по улучшению обучения детей гагаузской национальности» предусматривало создание сектора гагаузского языка в Научно-исследовательском институте школ и в Молдавском филиале Академии наук СССР. Перед сектором, руководителем которого был назначен Д. Н. Танасоглу, ставилась задача составления программ, учебников и учебных пособий, а также изучения и обобщения методов обучения в гагаузских школах [ЦХСД, ф. 5, оп. 31, д. 98, с. 37].

По сведениям на начало 1960/61 учебного года, в 36 школах Вулканештского, Комратского, Тараклийского и Чадыр-Лунгского районов учащиеся гагаузской национальности занимались в 296 начальных классах с гагаузским языком обучения [ЦГА МССР, ф. 2991, оп. 4, д. 465, л. 2; Губогло, 1979].

Первые два года работы национальной школы с преподаванием на гагаузском языке выявили многие трудности, в том числе известное ослабление внимания учителей и органов народного образования к изучению русского языка. В результате многие учащиеся гагаузской национальности не смогли в той же мере, как прежде, овладеть русским языком. Это неизбежно вызвало обеспокоенность родителей, так как подрывало основы национально-русского двуязычия и угрожало перерасти в серьёзную помеху в дальнейшей учёбе, успешной социализации и социальной деятельности детей. Недостаточный уровень владения русским языком обнаруживался прежде всего на пороге высшей школы, при поступлении гагаузов в высшие учебные заведения.

На многочисленных родительских собраниях, состоявшихся в декабре 1960 г., в которых приняло участие свыше 6 тыс. человек и выступило около 500 ораторов, единодушно было выражено желание вернуться к обучению на русском языке, предусмотрев при этом дополнительный год обучения в подготовительном классе. Не исключено, что часть этой кампании была инспирирована чиновниками из Кишинёва [Губогло, 1979].

3 января 1961 г. последовал Приказ Министерства просвещения Молдавской ССР «О переводе школ с учащимися-гагаузами на русский язык обучения», что через 30 лет, в пору второго этапа этнической мобилизации гагаузов, вызвало резкую критику гагаузской гуманитарной интеллигенции. Так, например, крупнейший специалист по гагаузскому языку, один из авторов «Гагаузско-русско-молдавского словаря» [ГРМС, 1973] и ряда трудов по гагаузскому языкознанию, Г. А. Гайдаржи писал: «Этот приказ стал на долгие годы непреодолимым препятствием на пути развития и функционирования гагаузского языка» [Гайдаржи, 1990]. Он стал причиной последовательного свёртывания функциональной нагрузки гагаузского языка не только в сфере школьного образования, но в ряде других сфер [Чеботарь, 1993, с. 35]. Наряду со свёртыванием подготовки учительских кадров в педучилищах и вузах, прекращением выпуска газет и ведения радиовещания на гагаузском языке, было расформировано структурное подразделение АН Молдавской ССР по изучению гагаузского языка, фольклора, истории и этнографии.

После перевода со второго полугодия 1960/61 уч. года на русский язык обучения в школы южных районов Молдавской республики было направлено необходимое количество учебников на русском языке, а также, во-первых, сохранены подготовительные классы и, во-вторых, рекомендовано увеличить в поселениях с гагаузским населением количество детских садов, школ и групп продлённого дня.

Сегодня, на заре нового тысячелетия, оглядываясь в прошлое, позитивно оценивая общие итоги хрущёвской «оттепели» в деле формирования этничности и осознания этнической идентичности, нет оснований оплакивать перевод национальной школы гагаузов на русский язык обучения [Курогло, 1996, с. 47]. Наступившее после этой «оттепели» похолодание, безусловно, сказалось на форсированном расширении масштабов функционального развития гагаузского языка. Но формирование этнической идентичности не прекратилось. И чем глубже приобщались гагаузы к русскому языку, чем убеждённее делали его своим национальным достоянием, тем ощутимее становился их вес в общественной жизни республики.

Формирование этнической идентичности гагаузов на базе двух языков (своей национальности и русского языка) позволило за короткий по историческим меркам срок сформировать относительно ускоренными темпами действенный отряд работников умственного труда, в составе которого росли и укрепляли свои организаторские навыки те, кому в начале 1990-х гг. довелось обратить накопленный социальный и этнический капитал в этнополитическую силу, способную в экстремальных условиях продолжить этническую мобилизацию и сделать в 1990-е гг. то, чего не удалось сделать в 1950–1960-е гг.

На протяжении всего послевоенного периода гагаузы отставали от населения всех других национальностей Молдавской республики по числу лиц, имеющих высшее образование, в расчёте на каждые 1 000 человек данной национальности в возрасте 10 лет и старше, в том числе в 4 раза от молдаван, в 16 раз от украинцев и в 46 раз от русских. Однако за три десятилетия (1959–1989 гг.), согласно данным переписей населения СССР, доля гагаузов, получивших высшее образование, возросла в 32 раза, в то время как молдаван – в 13,5, а русских – в 3,5 раза. Это означает, что формирование корпуса лиц гагаузской национальности с высшим образованием происходило более ускоренными темпами, чем среди всех остальных национальностей Молдавской республики.

И хотя в 1989 г. накануне развала СССР гагаузы, как и три десятилетия тому назад, занимали последнее место среди всех основных по численности национальностей Молдавии по удельному весу лиц, имеющих высшее образование, динамика выглядела не безнадёжной. Отставание гагаузов во многом определялось их слабой урбанизированностью, преобладанием сельского населения, отсутствием политики аффирмативных действий, основные инвестиции которой, как и в 1920-е гг., направлялись центральной и республиканской властью на социально-культурное развитие титульного населения и его творческой интеллигенции.

Этносоциологические исследования, проведённые в советские годы и в постсоветское время среди гагаузов, показали устойчивую тенденцию, в русле которой приобщение гагаузов к русскому языку не снижало этнопсихологической ценности языка их национальности. Даже наоборот: чем выше уровень владения русским языком, тем глубже осознание своей этнической идентичности и стремление к сохранению своей этничности [Grosjean, 1982].

В 2001 г. в Гагаузии насчитывалось 58 общеобразовательных школ и лицеев, 3 профтехучилища, 2 университета, 2 колледжа. В 1993 г. в Чадыр-Лунге был открыт турецкий, а в 1999 г. в с. Конгаз – молдавско-турецкий лицей, в которых преподавание большинства предметов ведётся на английском и турецком языках.

Во время визита в Гагаузию в июле 1998 г. президент Турции Сулейман Демирель выделил на развитие Комратского государственного университета 100 тыс. долл. И заявил, что помощь будет оказываться постоянно, по мере необходимости, так как в списке высших учебных заведений Турции Комратский университет числится под номером 53 [Бугорская, 1998, 3 июля].

В 2000 г. в этом университете насчитывалось 15 кафедр, Центр информационных технологий, аспирантура, множество клубов и кружков, где, в частности, вместе со студентами проводила свой досуг молодежь региона. За 10 лет учебно-педагогической деятельности было подготовлено 1 355 специалистов для народного хозяйства. Сенат университета ежегодно изыскивал возможности для оплаты учёбы студентов из семей с низким уровнем доходов. Немало средств выделялось для проведения олимпиад, культурных

и спортивно-оздоровительных мероприятий, а также научных конференций, симпозиумов, как правило, с обсуждением вопросов этнокультурной и этнополитической истории, формирования и функционирования гагаузского языка и языковой ситуации в Гагаузии [Знамя, 2000, 8 декабря].

Выступая на торжественном митинге в главном учебном заведении Гагаузии – Комратском университете башкан Гагаузии Г. Д. Табунщик и ректор этого университета М. Ф. Кара с гордостью говорили, во-первых, о том, что на 17 кафедрах Комратского университета преподавательскую работу ведут 38 профессоров, 2 заслуженных деятеля науки Республики Молдова, во-вторых, о том, что в 2005 г. в этот университет было принято 600 первокурсников [Переход на европейские..., 2005], и, в-третьих, о том, что одним из важнейших направлений деятельности в стенах университета является формирование у студентов прочного мировоззрения, лояльного отношения к молдавской государственности и патриотизма к своему региону – Гагаузской автономии.

Языковая ситуация Гагаузии в представлениях её граждан

В советские времена языком воспитания и обучения в начальной школе для 90% гагаузов и 92,4% болгар служил русский язык. Аналогичная ситуация сохранялась и в средней школе. Это давало возможность гагаузам на пороге высшей школы конкурировать с представителями всех остальных национальностей на равной основе. Свободное владение русским языком, приобретённое в дошкольном возрасте, в средней школе, а для мужской части ещё дополнительно при прохождении службы в армии, открывало перед гагаузами двери любого вуза как Молдавии, так и всего Советского Союза. Языковой режим, внедряемый политической элитой Кишинёва в нынешнюю систему образования, оказывал сильное давление на установки граждан в отношении языковых приоритетов. При этом реалистическое понимание необходимости изучения государственного языка сильно отличалось от эмоционального желания и фактической возможности овладения этим языком. Этносоциологический опрос 1998 г. выявил поразительную картину, свидетельствующую о происходящем сдвиге в установках гагаузов, болгар и представителей других национальностей по поводу важности изучения тех или иных языков с точки зрения успешной адаптации в современную социально-экономическую и общественно-политическую жизнь Молдовы.

Три четверти представителей всех национальностей, проживающих в Гагаузии, были убеждены, что в настоящее время очень важно изучать молдавский язык. Одновременно опрос выявил едва ли не падение общественного рейтинга необходимости изучения русского языка. В качестве языкового приоритета его назвали 35,4% молдаван и до 46% русских Гагаузии. Русский язык, занимая третье место в рейтинге «важности», уступал не только молдавскому, но и английскому языку. Дело в том, что 37,3% болгар и 42,2% гагаузов считали важным изучение английского. Среди русского и молдавского населения рейтинг английского был, во-первых, выше, чем среди болгар и гагаузов, а, во-вторых, выше, чем важность изучения русского языка.

Падение рейтинга изучения русского языка в немалой мере вызвано последовательным сокращением мест, выделяемых в вузах Молдовы и России для абитуриентов Гагаузии.

Несмотря на массивную пропаганду и организационные усилия, предпринимаемые официальным Кишинёвом, на исходе первого постсоветского десятилетия на удивление низким оказался рейтинг румынского языка. Важность его изучения признали в ходе опроса лишь 6% болгар и 8% молдаван. Среди представителей остальных национальностей, в том числе среди гагаузов, русских и людей других национальностей адептов румынского языка не наблюдалось.

Коммуникационное пространство Гагаузии в конце 1990-х гг. с точки зрения языковой жизни – это пёстрая мозаика из *реальности* (фактическое владение языками и реальное речевое поведение), *необходимости* (понимание важности того или иного языка), *желательности* (языковой баланс в той или иной сфере общения) и *привлекательности* (согласие или несогласие владеть тем или иным языком). По показаниям самих опрошенных почти-тельное отношение к государственному языку и его понимание не всегда соотносится с «языковыми желаниями». Почти две трети взрослого гагаузского населения (63,4%) и немногим более половины молдаван (54,9%), проживающих в Гагаузии, считали желательным, чтобы обучение детей в школе велось на трёх языках: молдавском, русском и гагаузском. Менее всего данная модель трёхязычной школы оказалась желательной для болгар (38,1%) и русских (44,7%).

Большинство гагаузов были едины в своих предпочтениях трёхязычной модели школьного обучения. Лишь 14,5% считали желательным обучение только на русском, ещё 8,3% – на молдавском и, наконец, 7,5% – на гагаузском и русском.

По данным этносоциологического опроса 1998 г., почти никто из взрослых гагаузов (за исключением 0,6%) не согласился с тем, чтобы языком обучения детей в школе был только молдавский язык. Тем не менее «первый блин не вышел комом». В сентябре в Чадыр-Лунгской гимназии-интернате были открыты пять классов – подготовительный, два первых, второй и третий – с молдавским языком обучения. Накануне завершения первого учебного года в мае 2000 г., по словам директора гимназии-лицея, дети успешно овладевали молдавским языком, о чём свидетельствовали итоги контрольных работ и тестирования. Спустя год число желающих обучаться в классах с молдавским языком обучения возросло [Знамя, 1990, 30 июля].

Глубина и прочность залегания установки на желательность обучения подрастающего поколения на русском языке обусловлена долговременной ориентацией гагаузов, болгар и людей других национальностей Гагаузии на русский язык.

В 2001/2002 учебном году в 56 средних школах Гагаузии велось обучение на русском языке. Огромный интерес учителей, учащихся и родителей учеников к языку Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Толстого находится в поле зрения Российского Посольства в Молдове. Подтверждением этого служит,

в частности, визит в конце сентября 2001 г. в Гагаузию делегации Департамента межнациональных отношений, в составе которой были советник посольства РФ в Молдове Владимир Пошедко, генеральный директор Департамента межэтнических отношений Республики Молдова Татьяна Млечко, ректор Славянского университета Виктор Костецкий и председатель Санкт-Петербургского издательства «Златоуст» Анна Голубева [Вести Гагаузии, 2001, 2 октября].

Заостряя внимание на необходимости изучения и развития гагаузского языка (Кирович Ф.), признавая справедливой ходячую метафору «*Bizim dilimiz zengin, sade o unudulêr, neçin ki biz onu kullanmeriz*» (К сожалению, мы забываем наш богатый язык, так как мы мало им пользуемся), даже самые радикальные приверженцы гагаузского языка считают нужным одновременно признать важность русского языка, «через который мы стали грамотным и культурным народом, приблизились к кладезю мировой науки и культуры» [Вести Гагаузии, 2001, 10 апреля].

Не вполне адекватно осознаётся общественное и социокультурное значение русского языка сотрудниками местной периодической печати. Средства массовой информации с упоением сообщают, например, об открытии турецкой библиотеки в центре Комрата и о том, что в её фонде насчитывается более 500 книг на турецком языке и как будто забывают о сотнях тысяч книг на русском языке в десятках библиотек Гагаузии.

Более того, цена поступающей из Турции литературы в Чадыр-Лунгский турецкий лицей превышает порой 50–60 долл. за одну книгу, изданную на турецком или английском языке. Между тем осознанная ориентация гагаузов на изучение и использование русского языка подтверждается, в частности, тем, что немногим более половины взрослого гагаузского и молдавского населения (53%), указали на трёхязычную модель школы с обучением на молдавском, русском и гагаузском языках как наиболее желательную не только для школьного, но и для дошкольного воспитания и обучения. Второе и третье место по степени желательности, согласно представлениям взрослого гагаузского населения, заняли две другие модели, предполагавшие воспитание и обучение, соответственно, на гагаузском и русском или только на русском.

Ни гагаузы, ни болгары, ни представители других национальностей не страшились появления в языковой жизни инноваций, связанных с расширением функциональной нагрузки молдавского языка. Более того, каждые двое из троих гагаузов и каждые трое из четверых болгар были «безусловно» или «скорее» согласны с тем, чтобы молдавский язык преподавался во всех школах Молдовы в качестве обязательного предмета.

Согласие взрослого населения Гагаузии на обязательное введение в школах преподавания на русском и молдавском языках подпитывается различными источниками, в первом случае носящими традиционно-добровольный, а во втором – инновационно-вынужденный характер. В этой принципиальной разнице заложена мина противоречий в сфере не только этногосударственных, но и межэтнических отношений.

В 1998 г., судя по итогам этносоциологического опроса, в общественном мнении взрослого населения Гагаузии, хотя и намечился, но ещё не произошёл поворот от русского к молдавскому языку как к гуманитарной, а не только социокультурной и этнополитической ценности. Так, например, в шкале из восьми ценностей, достижение которых ассоциируется со знанием молдавского языка, первые пять мест в общественном мнении гагаузов по нисходящей иерархии заняли: 1) расширение возможностей общения с людьми разных национальностей (38,5%); 2) повышение уровня образования (34,5%); 3) возможность реализовать свои гражданские права (22,0%); 4) возможность повысить уровень культуры (21,2%); 5) возможность получить престижную работу (18,5%).

Коммуникационное пространство Гагаузии довольно плотно насыщено телепередачами. В городах и сельской местности жители имеют возможность смотреть телепередачи по нескольким российским и молдавским каналам. Кроме того, телевизоры во многих домах настроены на приём передач на турецком, румынском, украинском языках, транслируемых из соответствующих стран.

Идея законодательного конституирования регионального телевидения «Гагауз-ТВ» принадлежит Народному собранию Гагаузии первого созыва, в частности его председателю П. М. Пашалы, по инициативе которого в июне 1997 г. было принято постановление «О ходе создания регионального телевидения “Гагауз-ТВ” [Собрание законодательных актов, 1998, с. 58]. В соответствии с этим документом решались вопросы финансирования и обеспечения регионального телевидения помещением, главам районных администраций оказывалась помощь в организации корреспондентских пунктов на местах, а руководству «Гагауз-ТВ» – поддержка в подготовке квалифицированных кадров.

Современный многоканальный и многотелевизионный «хор» Гагаузии на уровне предложения готов удовлетворять растущие информационно-коммуникационные запросы населения, однако практически жители ограничиваются просмотром телепередач в основном на одном или двух языках [Dudoglo, 2003, с. 65]. Так, например, в 1998 г. 28,7% гагаузов «очень часто» и «часто» смотрели телепередачи на гагаузском языке. Вместе с тем почти каждый гагауз и гагаузка (95,4%) постоянно смотрели телепередачи на русском языке. С такой же интенсивностью, как и гагаузы («очень часто» и «часто»), смотрели русскоязычные телепередачи болгары, молдаване, русские и представители других национальностей.

Не ослабляя, а, напротив, укрепляя этническое самосознание, русский язык пользуется популярностью и среди нынешней гагаузской молодежи. «Странно признаться, – написала в газету “Знамя” ученица 11 класса Чадыр-Лунгской средней школы Татьяна Терзи, занявшая второе место на III Международном конкурсе “Россия и русский язык в моей жизни”, состоявшемся в 2004 г. в Алма-Ате, – но русский язык мне намного ближе, чем родной. Этот язык – неотъемлемая часть моего детства, на нём говорят мои родственники,

друзья, знакомые. На русском языке написаны мои любимые литературные произведения. Я уверена, что произведения гагаузских классиков построены на традициях именно русской литературы» [Терзи, 2004, 21 мая].

Успешное развитие гагаузского телевидения и радиовещания и заслуженный авторитет среди населения был во многом обеспечен благодаря тому, что сотрудники постоянно, заботливо и внимательно отслеживали многие аспекты жизнедеятельности гагаузов и всего населения Гагаузии, его будни и праздники, традиции и обычаи, успехи и достижения, проблемы и их решения. Наряду со сферами семейного и школьного воспитания и обучения, телевидение способствовало возрождению интереса к гагаузскому языку, музыкальному фольклору, устному народно-поэтическому творчеству, к достижениям коллективов самодеятельности и профессиональной культуры в сфере литературы, живописи, музыки, театра.

Гагаузское телевидение, преодолев кризис 1995 г., приступило к расширению зоны вещания, выпуску ежедневных экономических программ, культурологических и исторических очерков, документальных фильмов телестудий Молдовы, России, Азербайджана, Турции, Болгарии и ряда других стран.

При поддержке Народного собрания и Исполкома Гагаузии были открыты корреспондентские пункты ТВ в Чадыр-Лунге и Вулканештах, разработана техническая концепция соединения всей Гагаузии единым телевизионным пространством, ряд сотрудников получили профессиональное высшее образование. Программы начали выходить на пяти языках (гагаузском, русском, молдавском, болгарском и турецком), тематика передач стала многообразной, в том числе приобрели популярность журналистские расследования, направленные на разоблачение злоупотребления властью [Dudoglo, 2003, с. 43-44].

Популярность местных телепередач на гагаузском языке растёт, когда на голубом экране демонстрируются видеокассеты с записями сельских свадебных торжеств, которые тешат молодожёнов и родственников приятными воспоминаниями [Никульчев, 1998, с. 3]. В работе местного телевидения немало издержек, связанных с «позывами» рыночной экономики, особенно в тех случаях, когда тематически интересные передачи перегружаются «бегущей строкой» – здесь и реклама, и поздравления родственников с днями рождения и т. п.

Культурное многообразие в сфере деятельности СМИ, в том числе телевидения, подпитывается в Гагаузии мощной поддержкой общественного мнения. Каждые двое из троих болгар и гагаузов, каждый второй молдаван и почти трое из четверых русских в 1998 г. считали, что государство должно поддерживать телевизионное вещание, в том числе и на языке национальных меньшинств.

Согласно Уложению Гагаузии (Гагауз Ери), принятому 14 мая 1998 г. Народным собранием Гагаузии, «официальными языками в Гагаузии являются гагаузский, молдавский и русский языки» [Gagauz Jerin Temel Kanonu, 1998,

с. 67]. Пункт 2 ст. 16 Уложения гласит: «Гагаузский язык функционирует на основе латинской графики и является основой национального самосознания гагаузского народа. Возрождение, сохранение, развитие и расширение сферы употребления гагаузского языка являются приоритетными задачами органов публичной власти Гагаузии» [Там же, с. 67].

В местном законе «О функционировании языков на территории Гагаузии (Гагауз-Ери)», принятом более чем двумя с половиной годами ранее Уложения, языками управления, то есть рабочими языками органов государственной власти, местного публичного управления, общественных организаций были признаны «молдавский, или гагаузский, или русский языки» [Ведомости Народного собрания, вып. 2, 1995, с. 6-7].

Заседания депутатского корпуса, работа и делопроизводство аппаратов исполнительной власти и преобладающего большинства чиновников и госслужащих в Гагаузии осуществляются в основном на русском языке. В ходе визитов высоких гостей из зарубежных стран обеспечивается перевод на русский язык. Так, например, во время визита президента Турции Сулеймана Демиреля в 1998 г., президент Молдовы П. Лучинский, выступая на русском языке, высоко оценивал роль визита в установлении и развитии молдавско-гагаузско-турецких отношений [Бугорская, 1998, 3 июля].

В декабре 2004 г. экс-президент Турции Сулейман Демирель принял участие в торжествах, посвящённых 10-летию принятия закона «Об особом правовом статусе Гагаузии». И снова, как во время его предыдущих визитов ему переводили выступление кишинёвских и комратских политиков с русского языка на турецкий.

В общественном мнении гагаузов бытует твёрдое убеждение, что государственные служащие центральных органов власти Республики Молдова должны владеть или тремя (молдавским, русским, гагаузским) языками или двумя (молдавским и русским).

Ещё шире, чем в центральных органах власти, по мнению населения Гагаузии, официальное трёхязычие должно использоваться в органах власти в местах компактного проживания национальных меньшинств.

«Переписка между органами государственной власти, местного публичного управления и общественными организациями, а также между предприятиями, учреждениями, организациями, расположенными на территории Гагаузии (Гагауз-Ери), осуществляется на молдавском, или на гагаузском, или на русском языке», – гласит местный закон «О функционировании языков на территории Гагаузии (Гагауз-Ери)» [Ведомости Народного собрания, вып. 2, 1995, с. 7]. Однако официальные ведомства Кишинёва не спешили его исполнять.

Итак, языковая ситуация в коммуникативном пространстве Гагаузии в первые два постсоветских десятилетия формировалась под воздействием двух факторов, оказывающих сильное влияние как на развитие гагаузского, так и, одновременно, на распространение русского языка. Вместе с тем, с

первых дней развала Советского Союза и обретением Республикой Молдова независимости начал давать знать о себе третий фактор – необходимость приобщения гагаузов, также как и всех остальных граждан немолдавской национальности, к молдавскому языку, законодательно и конституционно закреплённому в качестве единственного государственного языка Республики Молдова.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗРОСЛЕНИЕ (ПОЛУВЕКОВОЙ ОПЫТ ГАГАУЗОВ 1948–1998)*

В 2059 г. наши внуки и правнуки будут торжественно отмечать 700-летие Молдавской государственности, 70-летие самопровозглашённой Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Молдавской ССР и 65-летие образования Гагаузского Автономно-территориального образования – Гагауз Ери.

Юбилей – это круглая дата, дающая повод придать кому-либо или чему-либо определённое общественное звучание и значение. Так, например, отмечая 645-летие Молдавского государства и 10-летие Гагаузии, мы видим совпадение разных юбилейных дат двух дружественных народов по пятилетнему циклу. Это великий дар исторической судьбы и символический образ библейской силы и мощи от «днес и во веки веков» совместно отмечать совпадающие по фазе достойные юбилеи. Концентрированное выражение толерантности, доверительности и солидарности нашло выражение в том, что история обрекла два народа – молдаван и гагаузов – на сосуществование и консолидацию в рамках единого государства.

В предназначенности жить вместе, добывать хлеб насущный и совместно справлять юбилеи проявляется великий урок более чем двухвековой истории гагаузов и молдаван и главный урок полувекового движения гагаузов к обретению своей этнополитической идентичности, наряду с восстановлением угнетённых в советский период религиозной идентичности и идентичности собственника. Эта полувековая дистанция стартовала в 1948 г., когда из Управления делами Совета Министров СССР (16 декабря) министру образования СССР тов. Кафтанову М. А. поступила директива подготовить проект Постановления Совмина СССР «Об организации культурно-просветительной работы среди гагаузов», и завершилась в 1998 г., когда Народное Собрание Гагаузии в г. Комрате приняло «Уложение Гагаузии (Основной Закон)».

Особую роль в этнополитическом взрослении гагаузов во второй половине XX в. сыграл принятый Парламентом Республики Молдова Закон «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз-Ери)». Он даёт ориентиры, основание и прекрасный повод для обзора, хотя бы с высоты птичьего полёта, полувекового опыта этнической и социокультурной мобилизации гагаузов. Этот путь завершился обретением новой для гагаузов этнополитической

* Доработанный вариант статьи М. Н. Губогло // газета Вести Гагаузии, 28.01.2005 г.

идентичности. Однако упомянутый Закон Молдавского Парламента – лишь видимая часть айсберга.

Gutta cavat lapidem non vi sed saepe cadendo – гласит латинская поговорка. Древняя мудрость ведаёт о том, что «капля точит камень не силой, а частым падением», оказывается вполне приложимой к новейшей истории гагаузов.

В самом деле, капли терпения и нетерпения точили неприступную крепость государственных и партийных структур Кишинёва и Москвы, Одессы и Киева, а этнополитическое развитие, соответственно, шло по эволюционной модели. Вместе с тем, были взлёты революционного подъёма духа, выразившиеся в движении за сохранение своей самобытности и за утверждение своей идентичности путём этнополитического и этнотерриториального самоопределения. Если судить по готовности, интенсивности и результативности этнической мобилизации гагаузов во второй половине XX в., то, коротко говоря, в их этнополитической истории можно выделить, по крайней мере, 6 периодов.

В первом периоде, длившемся с 1948 по 1962 гг. произошло «**возгорание**» этнической мобилизации, благодаря инициированным снизу и поддержанным официальными властями сверху попыткам создания, во-первых, письменности в 1948–1949 гг., и, во-вторых, государственности в 1957–1958 гг.

Судя по солидным архивным данным, надо отдать должное студентам-дипломникам Московского Института востоковедения, обратившимся в 1948 г. с рискованной затеей к И. В. Сталину с просьбой о создании письменности для гагаузов и последовавшей деятельности ряда учёных Москвы и Кишинёва по разработке и внедрению письменности в интеллектуальную и культурную жизнь гагаузов. Главный итог периода этнического «возгорания» состоялся в импульсе, приданном функциональному развитию гагаузского языка. Можно считать, что с этого времени началась его «внешняя история», прерванная перед этим более чем на полстолетия, если отсчёт вести со времени публикации корпуса произведений устного народного поэтического творчества в контексте всемирно известной серии академика В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племён» (1904).

Краткий период возгорания, прививший вкус к образованию как перво-степенной ценности в судьбе и жизнедеятельности гагаузского народа, закончился в 1962 г. в связи с отменой преподавания гагаузского языка в школах, и начался период «**тления**» (1962–1985), в котором вялотекущая социокультурная и этнопсихологическая социализация (социальное взросление) напоминала затухающий костёр. В этом костре догорала собственническая идентичность, связанная с переходом от капиталистического к колхозно-социалистическому менталитету и образу жизни, теряла свою силу и слабела религиозная идентичность, зато возрождалась, как ручейки талой воды под сугробами дискриминации, этническая идентичность и относительно форсированно, в силу законопослушности гагаузов, укреплялись гражданская и профессионально-производственная идентичности и особенно лояльность к молдавской государственности и к Советскому Союзу.

Предтечей этнополитического взросления гагаузов в 1960–1980-е гг. стало созревание социально-культурной основы, выразившееся в форсиро-

ванном повышении образовательного уровня гагаузов. Эта тенденция была поистине всенародной. За три десятилетия (1959–1989) удельный вес гагаузов, получивших высшее образование в институтах и университетах Молдавии и Советского Союза, возрос в 32 раза, в то время как среди молдаван в 13,5 раза, болгар – в 11,8 раза, украинцев – в 5,8 раза. По численности лиц, имеющих высшее образование на каждые 1 000 человек данной национальности в возрасте 10 лет и старше, гагаузы Молдовы отставали в 1959 г. в 46 раз от русских, в 16 раз от украинцев и в 4 раза от молдаван.

С характеристикой периода тления (горение без пламени) этнической мобилизации вполне созвучны аналитические размышления крупного общественного деятеля, журналиста и дипломата Ф. А. Ангели, на которого один из авторов газеты «Гласул нациуний» в сентябре 1990 г. навесил ярлык «главного подстрекателя гагаузского народа» и назвал его «самой одиозной личностью последнего времени» [Ангели, 2006, с. 29].

Вместе с Ф. А. Ангели «главными подстрекателями гагаузского народа» в той же газете назывались депутат Парламента С. С. Курогло, профессор М. Н. Губогло, старший научный сотрудник Отдела гагаузоведения АН Молдавии М. В. Маруневич [Ангели, 2006, с. 29].

Дело в том, что представители гагаузской интеллигенции одними из первых осознали главную причину дискриминации гагаузов. «Долгие годы в республике, по сути, не было гагаузской интеллигенции...», что на практике и в политике означало, что «этот народ не имел основных выразителей своих национальных интересов, какими у всех народов являются представители интеллигенции» [Ангели, 2006, с. 12].

Несколькими страницами ниже, в той же книге, характеризуя состояние и стартовые позиции этнической мобилизации гагаузов на рубеже 1980–1990-х гг., Ф. А. Ангели писал о группе гагаузских интеллигентов, выступившей «духовной наставницей своего народа», чтобы «заявить о себе» во имя самоопределения, действуя в типологически сходном ключе с интеллигенцией других народов.

Вместе с повышением уровня образования исправлялись перекосы в социально-профессиональной структуре гагаузского народа. Её уродливость, судя по хозяйственным книгам гагаузских сёл, состояла в том, что высшие слои управленческого звена – председатели колхозов, секретари партийных организаций, директора школ, заводов, фабрик были представлены преимущественно лицами негагаузской национальности. В то же время основная масса занятого населения занималась физическим трудом, не требующим высокой профессиональной квалификации.

Так, например, по данным российского этносоциолога Л. В. Остапенко, в годы тления «среди депутатов Чадыр-Лунгского Совета депутатов трудящихся тридцатого созыва гагаузы составляли около 40%. В то же время среди 55 представителей райисполкомов и горисполкомов республики был всего один гагауз, а среди 27 руководителей министерств и госкомитетов республики, среди их 80 заместителей...» не было ни одного гагауза [Остапенко, 1993, с. 127].

За период 1959–1989 гг. численность сельских гагаузов, занятых в сфере управления, сократилась с 9 до 3 человек в пересчёте на каждые 10 000 занятого населения. В то же время гагаузы заметно опережали все другие национальности по подготовке квалифицированных специалистов сельского хозяйства. За указанный период их численность увеличилась с 24 до 255 человек, то есть в 10,6 раза; молдаван – в 4,5; болгар – в 6,3 раза; украинцев – в 1,5 раза. Вполне заметными были опережающие темпы формирования квалифицированных специалистов в сфере культуры, науки и искусства, а также в сфере народного образования. В первом случае численность гагаузов возросла в 5,2 раза, молдаван – в 2,9, болгар – в 2,7, украинцев – в 1,7, во втором случае, соответственно: гагаузов – в 4,6 раза, болгар – в 4,2, молдаван – в 2,2 раза.

Профессиональная, социокультурная и политическая подготовка гвардии этнических мобилизаторов во многом состоялась благодаря русскому языку, овладев которым, талантливые и активные представители гагаузского народа стали духовными лидерами этнопсихологического самосохранения и социокультурного прогресса. Русский язык и освоенная с его помощью культура русского и других народов мира и Советского Союза, стали локомотивом и нравственной основой для формирования уважительного отношения к языку, истории и культуре своего народа, к памяти своих близких предков и дальних пращуров [Губогло, 1992; 2006].

Выдающаяся роль русского языка в подготовке этнической мобилизации гагаузского и ряда других народов, частично освещённая в концепции о его роли в этнополитической истории гагаузов, заслуживает дальнейшего изучения [Губогло, 1998; Губогло, 2004].

Вслед за короткой хрущёвской «оттепелью» и продолжительным, почти в четверть века брежневским «тлением», наступил, как и у многих других народов Советского Союза, краткий, но темпераментный период горбачёвского «томления» (1985–1989 гг.), насыщенный острыми дискуссиями и страстными поисками древних пращуров, своих этнокультурных корней, своего «Золотого века», своей «исконной территории», своих реальных и мифологизированных героев.

В 70–80-е гг. в пределах Советского Союза на разогрев и на растопку типологически сходного томления с энтузиазмом работала академическая и университетская профессура, создавали свои патриотические и этнически окрашенные произведения учёные, поэты, писатели, художники. И не случайно в ряду впечатляющих сочинений об исторической памяти народов СССР и романов, направленных против манкуртизации, таких как «Очаг» Зория Балаяна, «Память» Владимира Чивилихина, «Письма из Русского музея» Владимира Солоухина, непревзойдённая повесть «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина, роман «И дольше века длится день» Чингиза Айтматова, ностальгические произведения Иона Друцэ, «Мой Дагестан» Расула Гамзатова, появился первый исторический роман на гагаузском языке «Узун керван» Д. Н. Танасоглу, а также циклы стихов С. С. Курогло, подпитывающие этническое самосознание гагаузов. Душевный пожар, характерный для

этнических мобилизаторов в период томления, обернулся в следующем периоде – «горения» (1989–1990 гг.) пожаром в умах и в делах, на митингах и на дорогах Молдовы, в том числе в гагаузских сёлах.

Две самопровозглашённые гагаузские республики, сначала, 12 ноября 1989 г., – в составе Молдавской ССР, а затем, 19 августа 1990 г., – вне его («Декларация о свободе и независимости гагаузского народа от Республики Молдова»), а также неуклюжий поход волонтёров с севера на юг, едва не спаливший более чем двухвековую мирную, добрососедскую, дружескую жизнь двух народов – гагаузского и молдавского.

Ключевыми событиями этого короткого по времени, но важного по общественной и этнополитической значимости стали два крупных этнополитических форума. Первый из них – Объединительный съезд гагаузских общественно-политических, этномобилизующих движений «Гагауз халкы», «Бирлик», «Ватан» состоялся в мае 1989 г., преодолев некоторые идеологические и межрегиональные противоречия в доктринальных программах «трёх источников и трёх составных частей» всенародного национального движения гагаузов. Важным пунктом принятой на этом съезде программы было несогласие лидеров движения «придания только молдавскому языку статуса государственного языка» [Губогло, 2004, с. 263; Ангели, 2006, с. 34; Кендигелян, 2009, с. 36].

Второй крупномасштабный форум, Чрезвычайный съезд представителей гагаузского народа, состоялся через полгода – 12 ноября 1989 г. Осознавая себя правомочными представителями трёх регионов будущей Гагаузии, делегаты Чрезвычайного съезда приняли документы об образовании Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Молдавской ССР. И хотя решения Чрезвычайного съезда были аннулированы верховной властью республики, в начале 1990 г. в состав Молдавского парламента были избраны 12 депутатов гагаузской национальности [Ангели, 2006, с. 43].

Этническая мобилизация гагаузов продолжала в 1990 г. набирать обороты, но стало ясно, что парламентская борьба за создание автономного образования обречена на неудачу. Однако русский язык, как локомотив этнической мобилизации и борьбы за национальное достоинство, продолжал тянуть за собой паровоз федерализации во имя преодоления унитаризма и создания федеративной государственности.

Отказ кишинёвских политиков придать русскому языку статус государственного языка породил курс лидеров Приднестровья на создание независимой государственности, а лидеров гагаузов укрепил в уверенности их справедливой борьбы за автономию. За 3 месяца до принятия законов о придании молдавскому языку статуса государственного языка и закона о переходе на латиницу, представители ряда приднестровских структур обратились в Президиум Верховного Совета МССР с предложением принять закон о придании государственного статуса наряду с молдавским и русскому языку. Борьба кишинёвской художественной и политической элиты с русским языком в конечном счёте стала одной из весомых причин раскола Советской Молдавии на три составных части.

Англичане недаром говорят: «Law is always the product of politics» («Закон всегда является продуктом политики»). Выдающимся достижением пятого периода – «упоения» (1990–1994) стал, следуя английскому афоризму, Закон «Об особом правовом статусе Гагаузии» как продукт трезвомыслящих и опалённых гражданской войной на берегах Днестра молдавских и гагаузских политиков.

Сегодня, пожалуй, нигде на постсоветском пространстве нет закона, равного тому, который при содействии молдавского истеблишмента, гагаузских экспертов и этнических мобилизаторов, а также международной общественности был принят 23 декабря 1994 г. в Зале заседаний молдавского парламента.

Историческое значение этого документа состоит в том, что была создана правовая база для развития этнополитической идентичности гагаузского народа не на экстерриториальной основе, как это, например, предусмотрено Законом РФ «О национально-культурной автономии», а на территориальной основе в районах компактного проживания гагаузов.

Даже та часть радикальной гагаузской элиты, которая считала себя обделённой, недополучив искомую Гагаузскую республику, в конечном счёте утешает себя тем, что, как гласит турецкая поговорка: *Bu günkü tavuk yarınki kazdan yidir* («Сегодняшняя курица лучше завтрашнего гуся»).

В самом деле, то, что «Сегодняшняя курица лучше завтрашнего гуся», показал следующий период – «насыщения» (1994–1998), когда созданная законом правовая база стала юридическим закреплением права гагаузов, как самостоятельного народа, на этнополитическое самоопределение и одновременно показателем готовности Республики Молдова (служащим подтверждением перед лицом европейской общественности) идти путём демократических преобразований и построения гражданского общества.

Итогом соединения усилий лидеров этнических мобилизаторов и вновь созданных официальных структур и Комрата, и Кишинёва стало принятие «Уложения Гагаузии» в 1998 г.

Основанием для периодизации схематично представленной этнополитической истории гагаузов во второй половине XX в. служат доктринальные идеологемы, программы национальных движений, митинговая риторика, технологии этнической мобилизации, деятельность неправительственных организаций. Все они работали на социализацию и деинфантилизацию народа, на политико-правовое закрепление административного статуса районов в местах компактного проживания гагаузов [См. подробнее: Губогло, 2004; Ангели, 2006; Ангели, 2007, с. 514–573; Кендигелян, 2009; Формузал, 2010]. Этот продуктивный подход, в свою очередь, обеспечивает пусть пока и не безболезненное, в связи с переходом от плановой к рыночной экономике, восстановление частной собственности и, соответственно, имущественной идентичности, нормальную реанимацию и оптимальное функционирование религиозной идентичности, сохранение и укрепление этнической и гражданской идентичностей.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ГАГАУЗСКИЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ И СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ОСНОВ МОЛДАВСКОЙ ОБЩНОСТИ

История, подлинная история, – полагал Хорхе Луис Борхес, аргентинский писатель и философ, – в отличие от журналистики скромнее: нередко её важнейшие даты, глубинные процессы, а порой и очевидные реалии остаются незамеченными. В связи с этим он напомнил, что некий китайский автор высказал догадку, что носорог может сойти незамеченным в силу своей необычности. Нередко глаза видят лишь то, что привыкли видеть [Хорхе Л. Борхес, 1992, с. 108].

Молдаване, проживающие изначально с XIII в. в многонациональном восточнокарпатском пространстве до Днестра и далее, обращали главное внимание на проблемы своего сообщества, на трудности сохранения своей жизненной среды, становления своей коллективности. Эволюция других компонентов полиэтнического комплекса, своеобразие их образа жизни, запросы, казалось, меньше всего привлекали их внимание, вероятно, потому что они воспринимали «других» (русин, болгар, русских, армян, а с XIX в. и гагаузов) по языку, по одежде «своими».

Суть национальной политики Молдавского государства заключается в последовательном неукоснительном осуществлении приоритетных целей и задач по интеграции и консолидации единого поликультурного и многоязычного народа Республики Молдова путем приведения общенациональных интересов в соответствие с интересами всех этнических и языковых сообществ страны. Как отмечается в законе *О концепции национальной политики Республики Молдова*, молдавскому народу всегда были присущи «терпимость и уважение к языкам, культурам, религиям и верованиям всех этнических сообществ» [Monitorul oficial, nr.1-5/24; 1.01.2004, с. 3].

История подтверждает этот тезис, ставший общим местом в политическом дискурсе. Но в какой мере молдаване, украинцы, русские знают историю, культуру гагаузского народа? В какой мере гагаузы знают историю, язык и культуру молдаван? Кто, что и как делает в этих направлениях? Полагаю правомерным не только сформулировать, но и размышлять над этими вопросами, потому что вместе со своими верными товарищами, убежденными молдаванами В. Сеник, Ан. Попшой и др., мы последовательно выступали в 1989 г. за право гагаузов на свое национальное самоопределение, а затем, в 1994 г., – и за свое административно-территориальное управление. Я не только отстоял вместе с другими в Парламенте эти положения, но и остался единственным молдаванином, который выступил в печати, отвергая формулу Ж.-П. Сартра *l'autre c'est l'enfer* (другой – это ад), раскрывая гуманистический смысл Святого Писания о том, что перед Всевышним каждый из нас и

все мы вместе равны – люди, призванные творить добро и отвергать зло [Земля и люди, 18 декабря, 1994, с. 3]. Однако, для этого недостаточно проявлять лишь взаимотерпение и взаимоуважение. Необходимо, по-видимому, знать и историю, культуру, духовность каждой проживающей по соседству общности, чтобы знакомиться и обогащаться через достижения других. Необходимо постоянно культивировать потребность в понимании и сопереживании трудностям других, искренне радоваться достижениям рядом живущих и творящих. В средневековом писании *Деяния датчан* отмечается: «Людам из Туле (Исландия) нравится изучать и записывать истории других народов; для них не меньшая честь рассказывать о чужом превосходстве, нежели о своём» [Хорхе Л. Борхес, 1992, с. 110].

Считаем для себя непосильной задачей определить пределы или критерии такого чрезвычайно подвижного и чувствительного понятия, как «превосходство» гагаузов или молдаван, или какой-либо другой общности. С уважением относясь к известным 12 тезисам Алена Герро, признаемся, что в данном разделе вряд ли сможем удовлетворить его требования: стремиться наиболее экономным способом охватить как можно больше явлений [Guegreaux, 2003, p. 272]. Наша задача проще и скромнее: постараться охватить общим взглядом наиболее яркие и убедительные явления гагаузской науки и культуры, которые вошли в общий духовный фонд Молдовы. Мы исходим из того, что включение раздела «*Гагаузский вклад в развитие и сохранение этнических основ молдавской общности*» в исследование о становлении и консолидации молдавского этноса – не только дань уважения к духовным достижениям гагаузского народа, не только первая попытка дополнить гагаузское обществоведение молдавским взглядом на развитие гагаузской научной мысли. Наша попытка предопределена и стремлением изучать опыт **политической культуры гагаузов**, опыт их элиты на пути от раздробленности к единению, к утверждению своей самостоятельности и государственности в форме административно-территориальной автономии.

Первый мой непосредственный контакт с гагаузскими реалиями, с жизнью и укладом гагаузов состоялся в 1964 г., когда я как участник диалектологической экспедиции Академии наук Молдавской ССР несколько дней жил в гагаузской семье села Бешалма, собирая материал для Молдавского лингвистического атласа. Как многие молдаване, имея определённые, чаще бытового происхождения, представления о жителях юга Молдовы, я и мои коллеги были приятно удивлены образом жизни, устройством быта: ухоженные индивидуальные хозяйства, богатое и колоритное убранство дома, чистота. Своим трудолюбием, степенностью и основательностью местные труженики земли оставили запоминающие впечатления. Тогда же я узнал, что некоторые гагаузские слова – *бостан*, *бабанэ*, *кэуш* и др. – были заимствованы из молдавского языка.

Спустя несколько лет, являясь заведующим сектором культурно-массовой работы ЦК Комсомола Республики, я получил задание встретиться с гагаузским поэтом Дмитрием Кара-Чобаном, чтобы содействовать его поездке в Москву для встречи с московскими издателями. Так мы познакомились с

гагаузским поэтом, в скором времени ставшим известным всей стране. Он был среднего роста, с задумчивыми, печальными глазами, несколько недоверчивым и даже, казалось, издёрганным, как все истинно талантливые люди тех лет. Его неуёмность, жажда действий, беспокойство, что он не успеет из-за разных идеологических препон, жизненных неурядиц осуществить всё задуманное во имя и для своего народа, казалось, остались навсегда запечатленными в его облике, в его глазах, в его тревожных строках:

Это – не вчерашнее.

Это – что-то новое,

Горькое, тревожное мучит, как туман.

В 1806–1812 гг. русские войска не только освободили молдавские земли Пруто-Днестровского муждуречья (Буджак, Бендерскую, Хотинскую райи), не только объединили, территориально и церковно-духовно, впервые после 1484 г., Восточную Молдову, но и положили начало хозяйственному освоению южной части края – собственно Бессарабии. Это был всеобъемлющий проект, в котором совместно участвовали переселившиеся сюда гагаузы, болгары и молдаване [Stati, 2007, p. 121-164]. Необходимо отметить, что гагаузские и болгарские авторы посвятили переселению и освоению Бессарабии (ныне Буджак) десятки трудов и сотни статей. Молдавские историки относятся к этому региону (в указанный период) как к извечно сугубо молдавскому. Заявление Д. Кантемира о том, что «и сегодня (1716 г.) в Бессарабии, которая составляла третью часть Молдовы *oppida et pagi pleni sunt moldava gente* (сёла и города полны молдавским племенем) [Cantemir, 1973, p. 82, 83] – всего лишь пожелание. Тем не менее, молдавские историки этим удовлетворяются, хотя с 1484 по 1807 гг. юг Молдовы, собственно Бессарабия, был отдан османами татарам. Количество молдаван здесь было незначительным и сосредоточилось главным образом в Греченском, Хотэрничанском и Кодрском цинутах (XVIII в.), вблизи Прута.

В этом проявляется еще одно различие между исследовательским культурно-историческим опытом гагаузских и молдавских авторов. Статьи, например, Д. Драгнева, последние работы И. Киртоагэ, которого больше интересует «румынскость» данного региона, далеко не ликвидируют диспропорцию между молдавским и гагаузским подходом к изучению истории освоения и развития южных регионов Молдовы.

С первых страниц степенного, вдумчивого ознакомления с поразительно (учитывая период создания и возможности участников) богатой «разнообразной сокровищницей – **гагаузологией**», читателя сопровождают две метафоры: птица Феникс, символ возрождения из пепла, и апостольство – ревностное и беззаветное служение своему народу, его вере и надеждам.

В 1819 г. священник Захарий Чакир, подобно библейскому Моисею, повёл свой народ (часть его) на новую, оказавшуюся обетованной, землю, в собственно Бессарабию (ныне Буджак), где они основали селение Чадыр-Лунгу. Выводя свой народ из «круга выживания», Захарий Чакир направил

его на путь становления и процветания. Для этого, прежде всего, необходимо было всеми возможностями крепить силу духа, веру соплеменников в свои силы, в свою звезду. Вполне естественно, что Чакир со своими прихожанами первым делом построили на юго-восточной окраине села на возвышенном месте церковь (изначально в виде дома). Её иконостас в настоящее время находится в старой церкви села Джолтай. С той же целью прозорливый отец Захарий Чакир открыл школу, единственным учебником которой была чудом сохранившаяся *Азбука*, напечатанная в типографии, основанной киевским митрополитом, молдаванином Петру Мовилэ в Киево-Печерской Лавре. Следует отметить, что Захарий Чакир был, по всей вероятности, первым гагаузом, которого епископ Хушский (Молдавской митрополии) рукоположил во священники в селе Чадыр в начале XIX в. Предначертанный судьбой исторический вектор гагаузов продолжил священник и просветитель Димитрий Чакир, который, уходя в мир иной в 1916 г., оставил своему народу *Биографический очерк рода и фамилии Чакир*. Это фактически первая история гагаузского народа: его испытания, исход, поселение на обетованной земле. Как отмечает современный гагаузский автор, «“земля обетованная” не обманула переселенцев... Благодаря экономическим и социальным льготам (и не в последнюю очередь благожелательному отношению местного населения – В. С.) буджакские колонии достигли настоящего расцвета: паши и сей, сколько желаешь и можешь, паси свой скот вволю – нет запрета и контроля ни от кого» [Булгар, 2003, с. 15]. В своем Очерке отец Димитрий привел и сведения о хозяйстве своего деда, Захария: «...Табун, состоящий из более чем 50 лошадей, до 1000 овец, до 100 голов рогатого скота, несколько сотен пчелиных ульев... В те годы такой достаток был нормой» [Там же, с. 20].

Избегая модной ныне зауми типа «историзации исторической историографии», терминологических конструкций, избыточно насыщенных архиэлитарными англо-американизмами, синтагмами и понятиями «фикшн» и «нонфикшн», рискуя впасть в грех реактуализации якобы известной фактологии, попытаемся **включить в молдавский историографический и этнологический оборот** несомненные достижения общественной науки и культуры немногочисленного, но гордого и последовательного в осуществлении своих целей гагаузского этноса, – достижения, которые сделали бы честь многим народам. В начале XIX в. значительная часть гагаузов вынуждена была покинуть обжитые, но немилые сердцу и душе земли. В 1819 г. они основали селение Чадыр-Лунга, которое сейчас является вторым по значимости центром Гагаузии. А спустя 30–40 лет Д. Чакир уже начинает писать историю своего рода – фактически первый очерк гагаузской истории.

Духовно-культурные деяния Д. Чакира, представителя еще непризнанного тогда сообщества, были высоко оценены властными и церковными кругами тех лет. За плодотворную культурно-просветительскую деятельность среди населения Бессарабской губернии, за духовное попечительство гагаузов, наконец, – за вклад в развитие духовной культуры этого многонационального края отец Дмитрий Чакир был возведен в 1906 г. в сан протоиерея. Он

был действительным членом Кишинёвского православного миссионерского общества, Бессарабского церковного историко-археологического общества.

Общепризнанным народным наставником, подлинным светочем гагаузов стал благоговейно почитаемый протоиерей Михаил Чакир. Сила его духовного влияния, интеллектуальный горизонт, исследовательский интерес, круг его культурных деяний, гуманизм и щедрость души настолько широки и значимы, что его, по праву, можно считать не только Наставником гагаузов, но и Просветителем молдаван. Начал он свою обширную благородную просветительскую миссию в тяжёлые для прудо-днестровских молдаван времена. В 1873 г. Пруто-Днестровская Молдова («Бессарабия») была превращена в обычную Российскую губернию. «С 1878 г. Прут закрылся как путь сообщения и царский режим привёл к тому, что те, кто мог поддерживать и продолжать в Бессарабии молдавскую традицию и культивировать литературный язык, стали уходить за рубеж. Хранителем национальных – молдавских – начал и традиций остался народ» [Шишмарев, 1953, с. 115]. Период с 1880 по 1905 гг., вероятно, был самым драматичным в деле просвещения молдаван. Это было время, когда, казалось, молдавскому языку были наглухо закрыты все пути развития и сохранения: был закрыт его основной источник поддержки – епархиальная типография; молдавская речь была изгнана и из тех немногих школ, в которых звучала до этого, она была запрещена в официальных учреждениях. К тому же, часть интеллигенции, не видя возможностей самоутверждения в крае, начала его покидать, оставляя свой народ прозябать в бесправии и во тьме безграмотности.

Печально сознавать, что неоднократно часть молдавской интеллигенции и даже священников бросали свой народ (в 1812, 1940 гг.) или безразлично относились к его судьбе и правам – в 60-е гг. XX в. и особенно после 1990 г. Примечательно, что гагаузские представители науки, культуры и просвещения никогда не покидали свой народ. А если волею судеб оказывались вдали от родины, то посвящали себя и свою деятельность беззаветному служению своему сообществу – гагаузам. Убедительный тому пример – подвижнически многогранная деятельность доктора исторических наук, профессора М. Н. Губогло, ставшего заместителем директора Института этнологии и антропологии Российской Академии наук.

Ещё одним красноречивым примером является многосторонняя деятельность учёного, просветителя, общественного деятеля и протоиерея Михаила Чакира в Кишинёве на рубеже XIX–XX вв. Именно в эту, тяжелейшую для просвещения молдаван пору (последние десятилетия XIX – начало XX вв.) полностью проявились организаторские способности, воля и бесстрашие, разносторонние знания и пастырское дарование просветителя и исследователя М. Чакира. Именно тогда, но особенно в первые десятилетия XX в., он проявил себя как неустанный проповедник учения Божьего, как беззаветный наставник своего народа, как истинный интернационалист в благородном и богоугодном смысле этого слова. Эпиграфом исследовательской и педагогической деятельности, духовно-культурного служения этого велико-

го гагауза могут служить слова Святого Писания: Перед Всевышним «нет ни иудея, ни эллина» (Римляне: 10, 12).

В своем печатном прощальном слове в связи с уходом в мир иной Михаила Чакира (8.09.1938 г.) известный молдавский поэт Николай Костенко писал о своем почитаемом друге – «старшем брате бессарабских писателей»: «Этому сыну гагаузского племени было судьбой предначертано сыграть роль **Великого Апостола** для своих соотечественников. В 1881 г., в сентябре, 7 дня, начал он свои службы на общественно-культурном поприще. Его назначают преподавателем Кишинёвского духовного училища для мальчиков. С беспримерной энергией, среди безразличия и никчёмности не только тогдашней, но и всегдашней Бессарабии, он как архангел-предтеча начал раскорчёвывать путь благих творений. Его нравственный престиж, сила характера, просвещённое сознание, указывающие ему путь к братской любви и к национальному достоинству, были основными опорами, в периметре которых раскрепостилась его душевная энергия»*.

Несколько лет спустя даровитый и энергичный священнослужитель и учитель М. Чакир стал Председателем Кишинёвского уездного отделения Епархиального училищного совета, самоабвенно включаясь в решение самых разных научных, духовных, просветительских, культурных вопросов.

Поскольку он был гагаузом, естественно, ему были ближе и понятней заботы и законные требования своего народа. Но исключительные качества подлинного гуманиста М. Чакира заключаются в том, что он заботился о культурных и духовных потребностях не только гагаузов, но и молдаван.

На торжествах по случаю 50-летия пастырской деятельности М. Чакира, организованных Кишинёвским Святым Братством им. Александра Невского, его председатель, видный молдавский церковный деятель и историк Н. Лашку (Лашков), всеохватывающе определил широкий диапазон и глубинную суть ревностного просветителя гагаузов и молдаван: «Наверное, нет ни одного движения, ни одного хорошего начинания в духовной жизни нашей молдавской – духовной епархии, которое не нашло бы отклика в душе отца Михаила... Доброта и желание быть полезным обществу преобладали во всей его деятельности, стояли на первом месте» [см.: Булгар, 2003, с. 35; 2005а, с. 68-69].

Позже Николай Костенко, молдавский поэт и публицист, редактор журнала *Viața Basarabiei* с признательностью раскрыл содержание главного, что сделал М. Чакир для молдаван: «Убеждённый, что в молдавскую среду свет цивилизации не может проникнуть на крыльях слов чужих, пренебрегая тем, что, как чиновник, должен быть послушным царским властям, М. Чакир просит разрешения печатать и ввести в учебные заведения молдавские учебники для молдаван. Но для того, чтобы печатать книги, нужна была типография» [Costenco, 1938, p. 65].

* Здесь и далее мы воспроизводим пассажи из неизвестной широкой публике, да и молдавской общественности, поэтически тонко написанной, проникнутой искренней болью статьи Costenco N. Apostolul protoiereu Mihail Ciachir // *Viața Basarabiei*, 1938, nr. 10. P. 65-67; фрагменты статьи приведены в переводе автора.

Известно, что представители молдавских состоятельных сословий неоднократно ходатайствовали перед официальными властями об открытии типографии, которая печатала бы книги на молдавском языке. В 1862–1863 гг. «молдавские бояре, преданные нации», «партия молдаван, которая мечтала восстановить молдавскую нацию в Бессарабии, например, братья Александр и Карл Котруцэ, братья Кристи – Иоанн, но особенно Александр, просили у губернатора Бессарабии разрешение на издание молдавского журнала. Александр Кристи также ходатайствовал перед губернатором об открытии издательской фирмы под названием *Молдавская типография*. Губернатор Фантон де Верайон отказал им. В секретном рапорте правительству он так обосновал свое решение: «Типография, по всей видимости, предназначается издавать дешёвые буквари и брошюры на молдавском языке для народа. Это не было бы столь значимо, хотя сможет привести к замене изучения русского языка молдавским... Но, если учесть, что г-н Кристи входит в число *молдавофилов*., нельзя гарантировать, что из его типографии, наряду с полезными книгами, не выйдут и такие, которые не будут соответствовать взглядам нашего правительства относительно молдавской нации в Бессарабии» [Boltur, 1992, p. 454, 476; Stați, 2002, p. 258].

Политика официальных властей, направленная на исключение из системы образования, из культурной и духовной жизни молдаван родного – молдавского языка, привела к тому, что Кишинёвская епархиальная типография, открытая 14.05.1814 г. стараниями митрополита Г. Бэнулеску-Бодони, за весь 1882 г. не выпустила ни одной религиозной книги, учебника или брошюры на молдавском языке. В результате по ходатайству епископа Бессарабии Сергея (Лапидевского) Святой Синод Русской православной церкви 13.01.1883 г. одобрил ликвидацию типографии Бессарабской епархии [Popovschi, 2000, p. 209].

Именно в этот беспросветный период, в обстановке всеобщей апатии прозвучал мобилизующий голос мужественного гагаузского просветителя М. Чакира в защиту молдавских национальных ценностей, в защиту молдавской духовности. «С титаническим упорством, подталкивая одних, воодушевляя других, **М. Чакир добивается восстановления Типографии Молдавской Кишинёвской Епархии** [Costenco, 1938], которую, по примеру царских властей и из тех же антимолдавских интересов, румынский оккупационный режим повторно ликвидировал в 1938 г.

Разумеется, восстановление типографии, оснащение ее современной техникой, подготовка помещений потребовали упорных долгих усилий М. Чакира и его собратьев. Уже в 1905 г. Святой Синод расширил полномочия Кишинёвского Христо-Рождественского братства: ему было разрешено в ответ на ходатайство 1898 г. епископа Якова (Пятницкого), печатать церковные книги на молдавском языке славянскими буквами. По свидетельству историка Молдавской церкви Н. Поповского, «До того, как их печатать, книги должны были быть рассмотрены и одобрены местной духовной цензурой. Цензорами были назначены протоиерей Константин Попович, преподаватель

духовной семинарии и протоиерей Михаил Чакир, преподаватель духовного училища для мальчиков» [Popovschi, 2000, P. 255].

Тогда же епископ Владимир (Синаковский) предложил Христо-Рождественскому братству подготовить и отредактировать листки, брошюры на русском и молдавском языках. Эта рекомендация была подтверждена Указом Святого Синода № 1126 от 26.04.1905 г., которым разрешалось этому братству печатать части Святого Писания, церковнослужебные книги на молдавском языке славянскими буквами. Для осуществления этой программы Епархиальный съезд создал Комитет в составе протоиереев К. Поповича, М. Чакира, М. Плэмэдялэ, К. Парфентьева, Ал. Балтага, А. Евстратьева и др. с задачей составить проект типографии, определить объём её финансирования. В сравнительно короткое время все вопросы были решены, и 26.10.1906 г. типографские машины были пущены в действие. Таким образом, после 25 лет прозябания старая епархиальная типография воскресла [Popovschi, 2000, P. 274].

Одновременно с преподавательской деятельностью, с решением сложных вопросов по получению разрешения и в связи с началом действия типографской программы М. Чакир создавал, редактировал и издавал первые религиозные брошюры на гагаузском языке, первую историю становления гагаузского этноса, первые двуязычные гагаузско-русские книжки.

В очень тяжёлое, смутное для молдавского просвещения и культуры время (конец XIX – начало XX вв.) М. Чакир, может, как никто другой из плеяды мужественных книжников Восточной Молдовы той поры, многое сделал для просвещения молдаван, для развития и сохранения молдавского языка – основного идентифицирующего признака молдавского этноса.

Отец М. Чакир проявил мужество, обратившись в 1896 г. в столичное Министерство образования с просьбой, из-за которой рисковал быть удалённым из системы просвещения, – разрешить печатать книги на молдавском языке, параллельно с русским. Как сообщило кишинёвское издание *Cuvînt Moldovenesc*, М. Чакир «составлял и редактировал религиозные книги и учебники на молдавском и русском языках параллельно:

1. *Х. Букоавнэ (букварь)*.
2. *Ажурол молдовенилор кынд ынчеп а ынвэца лимба русаскэ*.
3. *Карте де читире*.
4. *Сфынта историе а Векюлуй ши Ноулуй Тестамент*.
5. *История бисеричьяскэ*.
6. *Бнчепутуриле ынвэцэтурий крештинешть ку катехизисул ын скурт*.
7. *Кувьинтелник (дикционар) русо-молдовенеск*.
8. *Скуртэ граматикэ молдовеняскэ* [Cuvînt Moldovenesc, 1932, № 9].

Соотнесение этого впечатляющего списка исследовательских и просветительских трудов с эпохой и социально-политическими условиями их создания и обнародования доказывает справедливость восклицания Степана Булгара: «Сколько изданий на молдавском и гагаузском языках было выпущено под его руководством! И какой заметный вклад, не являясь молдаванином, он, Михаил Чакир, сделал в становление культуры молдавского народа!» [Булгар, 2003а, с. 36; 2005а, с. 69].

Молдавский историк Шт. Чобану, ставший румынским академиком в марте 1918 г. после аннексии «Бессарабии» королевской Румынией, также отметил вклад М. Чакира в культурно-просветительное воспитание молдаван: «Гагаузский историк, педагог и просветитель М. Чакир написал много русско-молдавских книг. В 1907–1912 гг. он издал следующие книги:

1. *Букоавнэ русаскэ ши молдовеняскэ*.
2. *Сынгур ынвэцэторюл лимбий русаскэ ку штинцеле дин граматикэ*.
3. *Русеск ши молдовенеск кувьинтелник (ши ворбеле пе лимба русаскэ или молдовеняскэ), 478 п.*
4. *Бнчепутуриле ынвэцэтурей крештинешть*.
5. *Ажурол молдовенилор ын время ынвэцэрий лимбей русаскэ. Картя ынтыя пентру читиря пе лимба русаскэ ши молдовеняскэ. Пентру молдовень дин Басарабия, каре се силеск а ынвэца лимба русаскэ* [Ciobanu, 1992, p. 114].

Последний двуязычный разговорник выдержал три издания. Это, может быть, самая известная среди молдаван работа М. Чакира, вышедшая (первое издание) в 1900 г. в двух книжках, которые, наряду с *Русеск ши молдовенеск кувьинтелник* (Русско-молдавским словарём), вышедшим в 1907 г., являются поистине неоценимым вкладом гагаузского исследователя в развитие молдавской лексикографии. Третье издание (1914 г.) *Ажурол...* содержит отзыв профессора Новороссийского университета А. Кочубинского: «Священник из г. Кишинёва, отец Михаил Чакир, местный уроженец и опытный преподаватель <...> задался прекрасной целью – приблизить русский язык к местному молдавскому населению, облегчить его усвоение молдавским мальчикам <...>, вообще открыть доступ к русскому языку каждому охотнику. В этих целях он на свои средства в Кишинёве выпустил любопытное издание под скромным названием *Помощник молдаван при первоначальном изучении русского языка*. Этому частному кишинёвскому учебнику русского языка и языка для местной народной школы и самостоятельного изучения принадлежит первенство почина. Уже ввиду этого одного обстоятельства издание скромного учителя-священника заслуживает внимания». А. Кочубинский особо отмечает актуальность книги и обращение к молдавскому простонародному языку, который во многом отличался от румынского литературного.

Авторитетный историк Молдавской церкви Н. Поповский также высоко оценил разностороннюю плодотворную деятельность гагаузского научного и культурного деятеля. С признательностью он писал о «выпускнике Кишинёвской духовной семинарии, преподавателе Кишинёвского духовного училища, который участвовал в руководстве разных учреждений Кишинёвской епархии: хороший знаток молдавского языка и гагаузского языка, протоиерей М. Чакир плодотворно работал на культурном поприще как переводчик и составитель разных книг на этих языках. Так, он перевёл на молдавский язык *Начало христианского учения* митрополита Филарета; напечатал русско-молдавский букварь, русско-молдавский словарь, учебное пособие на молдавском языке; перевёл на гагаузский язык молитвы, акафисты, Евангелие; опубликовал на этом языке фрагменты из Ветхого и Нового Заветов, а также краткую церковную историю» [Popovschi, 2000, p. 263].

Искреннюю признательность М. Чакиру за его ревностное служение народам Молдовы выражали при жизни не только молдавские писатели, историки, церковные деятели Н. Костенко, Шт. Чобану, Н. Поповский, но и представители самых широких кругов гагаузской общественности. Обращаясь к *Учителю и Просветителю гагаузского народа* в связи с пятидесятилетием, гагаузский учитель из села Авдарма В. Касым отметил: «От всей души благодарим за доброту, которую Вы проявили и проявляете для просвещения и воспитания гагаузского народа уже 30 лет, предоставляя ему всё на родном языке. До Вашего преподобия мы, гагаузы, не имели никакой книги, написанной на нашем языке; Ваше преподобие для нас является таким же, как Кирилл и Мефодий в свое время для славян. Ваше преподобие дали нам Святое Евангелие на гагаузском языке, которое мы слушаем в церкви на нашем родном языке и которое читаем и дома в семье. Ваше преподобие перевели и дали нам, гагаузам, образ Святой Литургии, Часослов, Акафист, Историю Ветхого и Нового Заветов, молитвы и церковную историю. Преклоняемся пред Вашей неустанной, плодотворной и Богоугодной деятельностью и благодарим Бога, что дал нам **Апостола из нашей среды**, который просвещает нас уже 30 лет на нашем родном языке» [Costenco, 1938, p. 66].

Примечательно, что это благодарственное обращение полностью опубликовано в молдавском литературном и общественно-политическом журнале.

Молдавские учителя тех лет относились с не меньшим пиететом и признательностью к благотворительным акциям великого гагаузского просветителя. Николай Костенко в своем очерке, проникнутом чувством искреннего почтения к М. Чакиру за все, что он сделал для молдаван, приводит письмо молдавского дьякона Никиты Мидару, из которого узнаем, что отец Михаил построил в 1900 г. и 20 лет содержал на свои средства школу в «охваченном темнотой селе Скиноаса. <...> Из этой школы вышли сотни образованных людей, тысячи просветились. Как ученик школы в Скиноаса, помню проведенное там время, где обучение шло и на молдавском по составленному Вашим преподобием молдавскому букварю, по книге для чтения на молдавском, названной *Ажуторул молдовенилор* (Помощь молдаванам), по святой истории на молдавском языке. Учителя и ученики благодарили Ваше преподобие за книги на молдавском языке, как их автора, потому что они намного облегчали обучение» [Costenco, 1938, p. 66].

Необходимо отметить, что годы издания книг М. Чакира (и их названия) в исследованиях указаны по-разному. Мы исходили из того, что указано на обложках. Примечательно, что М. Чакир обратился в столичные инстанции за разрешением печатать книги на молдавском языке в 1896 г., а уже четыре года спустя, в 1900 г., он печатает в частной типографии *Ажуторул молдовенилор ын време челе май ынтый ынвэцэтурь а лимбий русэитъ. Пентру молдовень дин Басарабия. Партя 1, 2 ши 3*. Третья часть охватывает три книжки.

Общий обзор исключительной по своей многогранности и значимости деятельности М. Чакира по развитию культуры и просвещения гагаузов и молдаван полностью подтверждает заключение молдавского писателя Н. Костенко, друга и собрата великого гагауза:

«Если для гагаузов, народа, проживающего на юге Молдовы, Михаил Чакир – это Апостол, переводивший на их язык святыя книги, то для всех молдаван имя Михаила Чакира остается написанным в золотой книге бессарабской истории».

На фундаменте, заложенном общепризнанными духовными пастырями и просветителями – «отцами» гагаузской нации Захарием, Димитрием и Михаилом Чакирами, развились и утвердились в новых географических условиях и в новом этносоциальном контексте язык и культура гагаузов, ставшая частью общемолдавской культуры. Уместно и даже необходимо здесь отметить, что помимо своей удивительно плодотворной и разнообразной – пастырской, педагогической, издательской, просветительской деятельности, Михаил Чакир проявил себя и как исследователь истории, этнографии, гагаузской духовной культуры в целом. Он написал *Историю гагаузов Бессарабии* (1934), *Свадебные обычаи гагаузов* (1934), опубликованные на молдавском языке еще в 1936 г. О его научной творческой деятельности писали журналы *Cuvînt Moldovenesc* (1932), *Viața Basarabiei* (1938).

Михаилу Чакиру посвящена статья в энциклопедии *Литература ши Арта Молдовей* (т. 2, 1986, с. 418). В обзорной статье *Литература ши Арта гэгэузилор* из I тома той же энциклопедии М. Чакир охарактеризован как «кэртурул молдован» (молдавский книжник).

На обетованной земле, в Молдавии, которая стала местом становления и утверждения гагаузского народа, его материальная и духовная культура развивалась во взаимодействии с культурой молдаван, других совместно проживающих национальностей – украинцев, русских, болгар и др. Лишь в послевоенные годы возникли условия для реального развития культуры гагаузов. После принятия письменности (1957 г.) на гагаузском языке печатаются учебники, газеты. Уже на втором съезде писателей Молдовы (1958 г.) были отмечены как своеобразное отрадное явление в многоязыковой литературе республики произведения поэзии и прозы на гагаузском языке. Первые гагаузские стихи и очерки печатаются в приложении к газете *Молдова Сочиа-листэ*, а в 1959 г. выходит альманах *Гласурь дин Бужяк*.

В рамках данного исследования, затрагивающего вопрос о вкладе гагаузских просветителей, а также деятелей науки и культуры в развитие и сохранение основ молдавской этнической общности, характеристика несомненных достижений литературы и искусства Гагаузии может восприниматься как искусственное вкрапление. Более уместным представляется отметить здесь усилия по взаимопознанию и взаимообогащению молдавской и гагаузской культур – чрезвычайно важные для совместно проживающих народов процессы.

До 90-х гг. XX столетия гагаузские писатели Н. Танасоглу, Д. Танасоглу, Н. Бабоглу, Д. Крецу и др. перевели на гагаузский язык произведения И. Крянгэ, М. Эминеску, В. Александри, Е. Букова, А. Лупана, И. К. Чобану, Л. Деляну и др. Произведения гагаузских поэтов и прозаиков были переведены на молдавский язык Г. Георгиу, И. Крецу, А. Чокану, А. Чиботару и др., а на русский – В. Измайловым, Ал. Бродским, В. Чудиным, К. Семеновским, Б.

Е. Н. Квилинкова, М. Н. Губогло, Д. Е. Никогло,
07.11.2001, г. Чадыр-Лунга.
Фото из архива М. Н. Губогло.

Крапчаном и др. Гагаузские и молдавские писатели в своих лучших творениях воспевают красоту родного края, богатство общей родной земли, трудолюбие и благородство его жителей.

Примечательно в этом плане притягивающее буйством красок и природной красотой героинь знаменитое полотно молдавского художника М. Греку *Девушки из Чадыр-Лунги* и задумчивый образ гагаузки с одноименной картины гагаузского художника Петра Фазлы. Очевидно, что самого крупного современного молдавского живописца Михаила Греку навсегда пленил гагаузский край, о чем свидетельствует его картина *Очаг в Буджаке*.

В молдавской историографии и культурологии недоста-

точно изучается и популяризируется вклад крупных гагаузских ученых в развитие молдавской науки. А между тем, например, трудно переоценить конкретную помощь и реальную поддержку известного не только в пределах бывшего Советского Союза доктора исторических наук, профессора М. Н. Губогло в подготовке научных кадров для Молдовы. Под его непосредственным научным руководством многие историки и этнологи стали кандидатами и докторами наук.

С другой стороны, исследования представителей разных поколений гагаузских ученых, например, М. П. Губоглу, М. Н. Губогло и др. являются неотъемлемым подспорьем, без которого трудно изучать определённые периоды истории Молдовы, глубинные процессы, происходящие на многонациональной молдавской земле. Без фундаментальных трудов профессора Бухарестского университета М. П. Губоглу (1911–1989) *Каталог турецких документов* (2 т.) и особенно без *Турецких хроник по истории Румынии* (освещающих де-факто определённые периоды из истории Молдовы и Валахии), невозможно со всей полнотой исследовать события, происходившие на Карпато-Днестровских землях в период правления Стефана III Великого (1457–1504). Убедительным образцом масштабного исследования с широким привлечением сведений из работ М. П. Губоглу – монография *Razboieni* (1977 г.) о трагических событиях Молдовы лета 1476 г. и о предшествовавших им дипломатических усилиях и оборонных приготовлениях, осуществлённых великим молдавским господарём.

Доктор исторических наук, профессор М. Н. Губогло профессионально, заинтересованно и заботливо следит за состоянием этнологии в Молдове, деликатно указывает на упущения [см.: *Курсом развивающейся Молдовы*, т. 4, 2008, с. 5-18]. Его программный обзор *Гагаузы и Гагаузия в контексте российско-молдавских отношений* [*Курсом развивающейся Молдовы*, т. 3, 2007, с. 11-32], беспристрастно-ободряюще оценивает и поддерживает этнологические работы молдавских авторов (см. его размышления *Молдаване и молдавизм...* [*Курсом развивающейся Молдовы*, т. 3, 2007, с. 489-497]).

Представляется невероятным, но возобновление изучения процессов образования молдавской этнической общности, генезиса молдаван – результат многолетних

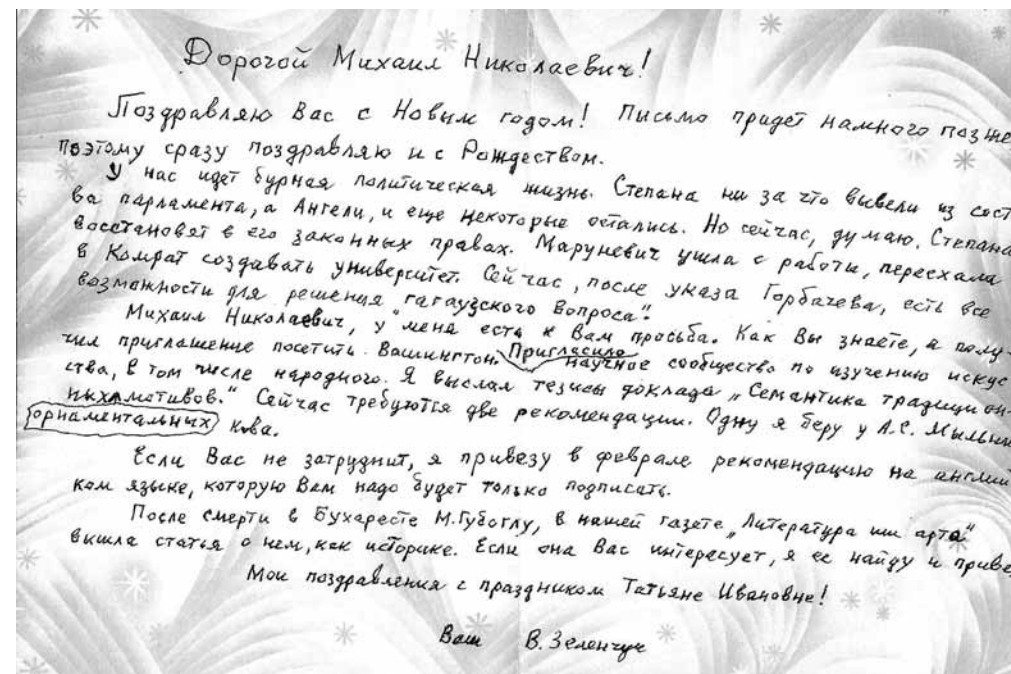
В горах на Вьетнамско-Китайской границе.
Девушки народности нунг и М. Н. Губогло.
Фото из архива М. Н. Губогло.

В джунглях Южного Вьетнама. На переднем плане Нгуен Ван Зуй,
далее В. С. Кондратьев, В. Н. Шамшуров, До Тхи Бинь, М. Н. Губогло.
Фото из архива М. Н. Губогло.

На древней земле огузов. Туркмения. У входа в Бахарденское подземное озеро.
М. Н. Губогло, М. И. Исаев, Сергей Агаджанов.
Фото из архива М. Н. Губогло.

Письмо В. С. Зеленчука. 1990 г.
Фото из архива М. Н. Губогло.

Международный конгресс по прикладной лингвистике.
Л. Б. Никольский, М. Н. Губогло, Гольди Бланкова-Скарр. Август 1984 г.
Фото из архива М. Н. Губогло.

На Всесоюзной научной сессии по итогам этнографических и антропологических исследований, г. Сухуми, 1988 г. М. Н. Губогло, В. С. Зеленчук, С. С. Курогло, В. И. Козлов, В. А. Большаков.
Фото из архива М. Н. Губогло.

упорных усилий академических центров по включению этой проблематики в научный оборот, усилий, потраченных на то, чтобы заинтересовать высшие руководящие и научные эшелоны Молдовы в необходимости постоянно оберегать национальное достоинство своего народа.

В этой неправдоподобной, но, увы, реальной ситуации, бывают курьёзы, невообразимые в истинно научной среде. В представленной для ознакомления вступительной статье к московскому академическому изданию *Молдаване* руководитель одного из молдавских научных подразделений вычеркнул информацию об официальной переписке, точнее, о неоднократных обращениях Российской Академии Наук к руководству Молдовы о согласии совместно издавать академический труд *Молдаване*, притом, что львиную долю расходов берёт на себя РАН.

Высшие круги Молдовы не соизволили ответить ни на одно обращение Российской Академии наук.

Эту документированную неллицеприятную информацию, постыдную для нынешних молдавских академических руководителей, директор института вычеркнул, не подозревая, что она была уже опубликована: «Коллектив Центра по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН) приступил к подготовке коллективной монографии “Молдаване”. Однако уже на первом этапе возникла целая серия организационных, концептуальных и методических трудностей, в том числе груды подводных камней дипломатического свойства. В ходе нашей работы директор ИЭА РАН академик В. А. Тишков **дважды обращался к президенту Республики Молдова Владимиру Николаевичу Воронину** с просьбой оказать финансовую и моральную поддержку тем молдавским учёным, которые, в силу своей профессиональной квалификации, были готовы принять участие в подготовке коллективного труда **Молдаване**» [Курсом развивающейся Молдовы, т. 4, 2008, с. 7]. **Обращения российской стороны на высоком уровне остались без ответа.**

Только благодаря поддержке руководства Гагауз Ери и заботам Комратского госуниверситета за последние годы проведены уже семь (семь!) Российско-молдавских симпозиумов по наиболее актуальным проблемам, например: *Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период.* (Комрат, 2007 г.), *Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов* (Комрат, 2008 г.) и др., на которых молдавские этнографы и культурологи имели возможность высказать и обосновать суть молдавских этнокультурных и исторических реалий.

По существу, молдавские обществоведы получили единственную широкую благоприятную международную площадку, открывающую, посредством русского языка, путь в европейский научный оборот. Материалы этих исключительно важных для молдавской общественной науки форумов опубликованы в прекрасно изданных в Москве 10-ти томах *Курсом развивающейся Молдовы*. Научными докладами и сообщениями, представленными на этих, ставших уже традиционными, научных форумах, проводимых под эгидой РАН и при поддержке руководства Гагауз Ери, интересуются исследова-

тельские центры, обществоведы других стран, но о них мало кому известно в молдавских высших академических кругах и структурах власти.

Создаётся впечатление, что в подходе молдавских руководящих кругов и оплаченных Молдавским государством академических руководителей к кардинальным проблемам молдавской этнической общности за десятилетие ничего не изменилось. Напомним, что в декабре 1951 г. на научной сессии в Кишинёве русские языковеды доказали и показали молдавским политикам очевидное: молдавский язык романского происхождения и в социолингвистическом плане он – **самостоятельный национальный язык молдавского народа** [Вопросы молдавского языкознания, 1953], как сербский в Сербии и хорватский в Хорватии, как фламандский в Бельгии и голландский в Нидерландах, как урду в Пакистане и хинди в Индии и т. п.

Как тогда, так и сегодня молдавские учёные и исследователи пытаются достучаться до разума тех, кто призван оберегать честь и достоинство своего народа. Подобного рода научные мероприятия, проводящиеся при непосредственной поддержке руководства Гагаузии, дают возможность молдавским обществоведам встречаться и обсуждать насущные проблемы со своими русскими и гагаузскими коллегами. За последние 20 лет, насколько нам известно, в Кишинёве не была проведена ни одна межакадемическая российско-молдавская научная сессия, почти не проводятся конференции, не говоря уже о симпозиумах по гуманитарным проблемам. Такие российско-молдавские научные форумы проводятся – слава Богу! – в Тирасполе и Комрате.

Важнейшие, острые и чувствительные культурно-исторические, этноязыковые аспекты существования молдавской нации, молдавской этнической общности вообще оставлены на произвол румынских и оперативно орумынившихся политиканов от науки.

Общий взгляд на материалы 10-ти томов *Курсом развивающейся Молдовы* со сказочно красивыми гроздьями винограда на обложках, символизирующими «национальное достояние и выражающими ключевой концепт народов Республики Молдова», подтверждает горькую истину: в последние десятилетия молдаван изучают, о молдаванах пишут больше и чаще только в Тирасполе, Комрате и в Соединенных Штатах Америки. Все это происходит на фоне беспрерывно звучащих лозунгов о самом ценном богатстве Молдовы: культурном разнообразии, многоязычии, многонациональности.

Для молдавского полиэтнического общества особо значим и ценен не только вклад представителей гагаузского этноса в культуру и науку Молдовы, но и опыт гагаузской политической и научной элиты по сплочению гагаузского народа, по укреплению его единства, по формированию Гагаузской идеи, которая постепенно становится всеобщим основным вектором дальнейшего развития и утверждения гагаузской нации среди народов Европы. Этот опыт становится неотъемлемой частью жизнедеятельности молдавского многонационального общества. Нам особенно понятен и близок этот опыт, потому что, как утверждает в программной статье М. Н. Губогло *Гагаузы и Гагаузия в контексте российско-молдавских отношений*: «Движение гагаузской интеллигенции вместе с политическими и этническими мобилизаторами <...>

было, по сути, борьбой за сохранение *гагаузскости*, то есть за продолжение этнокультурной самобытности гагаузского народа» [Курсом развивающейся Молдовы, т. 3, 2007, с. 24]. Этот опыт воодушевляет подлинно молдавскую интеллигенцию.

«Опыт сохранения единства страны, полученный в Гагаузии, – особо подчеркнул Башкан Гагауз Ери М. М. Формузал, – может быть положен в основу решения проблемы Приднестровья» [Курсом развивающейся Молдовы, т. 4, с. 85], потому что гагаузский опыт в национально-культурном и государственном строительстве не имеет аналогов. Как заявил Президент Республики Молдова В. Н. Воронин на конференции «10 лет АТО Гагаузии», «Гагаузская проблема стала единственной межэтнической проблемой, которая реально была решена в постсоциалистической Европе». Этот опыт, «этот путь стал либеральным в дальнейшем развитии нашего государства, он установил навсегда принципы формирования и общего жития многонационального народа Молдовы. <...> И как следствие, мы сегодня живем не только в условиях, когда одна проблема действительно перестала существовать, а в условиях, когда **Гагаузия и гагаузская культура стали составляющей нашей страны, формирующим компонентом государственности, без которой просто немислим образ современной целостной Молдовы**» [Moldova Suverană, 26.12.2004, p. 1, 3].

Нас, молдаван, этот опыт обогащает и мобилизует. В своем этнополитическом эссе *Феномен Гагаузии: истоки и горизонты развития* Башкан Гагауз Ери М. М. Формузал, образно выражаясь, удивительно тонко и точно отметил: «Гагаузия – это одно из крыльев Молдовы. Второе крыло – это Приднестровье. Лишь обретя эти два крыла, Молдавия, словно птица, сможет подняться до новых высот в своем независимом развитии. Утратив же эти крылья, Молдавия обречёт себя на роль вечного провинциального задворья, погрязшего в социальных и экономических кризисах, население которого деградирует и превращается в армию наемных чернорабочих, скитающихся по всему миру» [Курсом развивающейся Молдовы, т. 2, с. 46].

Для кардинального улучшения создавшегося и все ухудшающегося за два десятилетия положения в духовной жизни молдавского этноса, в молдавском обществоведении, для народа, давшего название Молдавскому государству есть два подспорья, две надежды: творческие элиты, научный потенциал Приднестровья и Гагаузии. Без них, если в Кишинёве ничего не изменится, а массы, при всём их постоянном унижении, будут по-прежнему безучастно безмолвствовать, молдавский этнос превратится в толпу, которую надо будет куда-то пристроить и с кем-нибудь объединить.

Как и что делают в Гагаузии, чтобы этого не случилось и с гагаузским этносом, чтобы поддержать этнические основы молдавской общности мы стремились показать, хотя бы в общих чертах.

БИБЛИОГРАФИЯ*

- Абаев В.И.* Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нартов и римлян // Памяти академика Н.Я. Марра. М., 1938. С. 317-337.
- Абакумова-Забунова Н.В.* Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинёв, 2006.
- Абрамов Ф.* Дом. М., 1979.
- Абуков К.И.* Величина крупная и неизменная. К творческому портрету академика Г.Г. Гамзатова // Горизонты современного гуманитарного знания. К 80-летию академика Г.Г. Гамзатова. М., 2008. С. 845-861.
- Абхазы / Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе. М., 2007.
- Августин А.* Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. Пер. с лат. М., 1991.
- Авдев Ст.* Българските средновековни монети. София, 2007.
- Авилова О.Б.* Пушкинская эпоха домашнего альбома // Декоративное искусство СССР. 1985. № 6.
- Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 159 с.
- Агаджанов С.Г.* Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии // ТС. 1970. М., 1970.
- Агаджанов С.Г.* Огузские племена Средней Азии IX–XIII вв. (Историко-этнографический очерк) // Страны и народы мира. Вып. X. М., 1971. С. 179-193.
- Агаджанов С.Г.* Огузская проблема и задачи ее изучения // ТС. 1973. М., 1975.
- Агаджанов С.Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М.: Наука, 1991. 304 с.
- Агамалиева С.М.* О пище таузского и казахского районов Азербайджанской ССР // Долгожительство в Азербайджане. М., 1989. С. 45-120.
- Аганин Р.А.* Турецко-русский словарь. М., 1968.
- Аганкина Т.* Обрядовое печенье дня сорока мучеников у восточных и южных славян // Хлябът в славянската култура. София, 1997. С. 48-63.
- Адрианова-Перетц В.П.* Задонщина (Кирилло-Белозерский список). Опыт реконструкции авторского текста // Труды Отд. др.-русс. лит. Т. VI. М.-Л., 1948.
- Айтабаев М.Т.* Пища киргизов XIX – начала XX вв. // Известия АН Киргизской ССР. Т. V. Вып. I. 1963. С. 13-23.
- Акиева С.И.* Традиции гостеприимства у карачаевцев и балкарцев: история и современность // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 7. М., 2009. С. 258-309.
- Аксаков С.Т.* Избранные сочинения. М., 1984.
- Аксютин Ю.В.* Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004.
- Аксянова Г.А.* 100 народов Российской Федерации. М., 2001.
- Аладжеев Ж.* Паметници на прабългарското езичество. София, 1999.

* При составлении сводной Библиографии наряду с авторскими отсылками использованы материалы из книг: Губогло М. Н. Воображаемая вероятность: новейшие размышления о происхождении гагаузов. М., 2010, С. 319-352; Квилинкова Е. Н. Библиографический указатель литературы для изучения этногенеза, истории, языка и культуры гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 9. История в культуре и культура в истории. М., 2010. С. 395-460.

При соблюдении, в целом, общепринятого способа подачи научной литературы в алфавитном порядке, для удобства читателей работы отдельных авторов приводятся в хронологическом порядке.

Александренков Э.Г. Этнографическое самосознание или этническая идентичность? // ЭО. 1996. № 3. С. 14-20.

Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука, 1976. 324 с.

Александров В.А. Обсуждение статьи М. М. Громько «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций» // СЭ. 1984а. № 6. С. 52-53.

Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. М.: Наука, 1984б.

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 444 с.

Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1968. № 2. С. 35-45.

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с.

Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.

Алексиев Й. Бележки за два епиграфски паметника // Studia protobulgarica et mediaevalia europensia. В чест на проф. Веселин Бешевлиев. София, 2003.

Алешина Т. Уездной барышни альбом // Газета «Комок». 2003. № 41.

Алпатов М.А. Художественные проблемы искусства Древней Греции. М., 1987.

Альбаум Л.И. Об этнической принадлежности некоторых «балбалов» // КСИИМК. 1960. Вып. 80.

Аманжолов А.С. О языке казахстанских гагаузов // ВЯ. № 3. Т. 9. М., 1960. С. 156-157.

Аманжолов А.С. О гагаузах в Казахстане и их языке // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань: Казанский университет, 1964. С. 258-265.

Аманжолов А.С. Семей облысында түратын гагауздардан жазылып алынган фольклор текстері // Казак диалектологиясы. Вып. I. Алма-Ата, 1965. С. 234-246.

Ана сөзү (газета на гагаузском языке, изд. г. Кишинёв).

Ангели Ф. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989–2005 гг.). Кишинёв: Universul, 2006. 260 с.

Ангели Ф. Очерки истории гагаузов – потомков Огузов (середина VIII – начало XXI вв.). Кишинёв: Tip. Centrală, 2007. 640 с.

Ангели Ф.А. Эпоха и новая трактовка родословия Кантемиров: конец XIV – первая половина XVII вв. Кишинёв, 2010. 239 с.

Ангелов Д. Българо-византийските отношения при царуването на Иван Александър. Втори период (1331–1371) // Военно-исторически сборник. 1. София, 1974.

Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1981.

Ангелов П. Българо-сръбските политически отношения при царуването на Иван Александър (1331–1371) и Стефан Душан (1331–1355) // Годишник на Софийския Университет. Исторически факултет, 72. 1878. София, 1982.

Ангелов Ст. Крепостната стена на Дуросторум-Дръстър-Силистра. (Предварително съобщение) // Археология. 1973. № 3.

Ангелов Ст. Археологическото проучване на средновековния Дръстър (Резултати и перспективи) // Дуросторум-Дръстър-Силистра. Силистра, 1988.

Ангелов Ст. Към топографията на средновековния Дръстър през XII в. // Приноси към българската археология. Т. II. София, 1993.

Ангел-хранитель приходит к нам в образе лошади // Вести Гагаузии. 2001. 16 марта.

Ангельчев С.П. Биз 197 164 ми оса? // Ана сөзү, 1990. Април 21-си.

Андреас де Палацио. Писмо за поражението при Варна, изпратено до кардинала Людовик (превод М. Мирчев) // ИВАД. 1964. М. Кн. XV.

Андреев А.И. Труды и материалы В.Н. Татищева о Сибири // СЭ. 1936. № 6.

Андреев Й. Български ханове и царе IX–XIV в. София, 1988

Андреев Й. България през втората четвърт на XIV в. Велико Търново, 1993.

Андреев Й. Няколко бележки около личността на деспотица Кераца, майка на цар Иван Александър // Българските земи през средновековието (VII–XVIII в.). Международна конференция в чест на 70-годишнината на проф. Александър Кузев. Варна, 2002.

Андреев Й., Лазарев Ив., Павлов Пл. Кой кой е в средновековна България. София, 1994, 1999.

Андреев М. Към въпроса за обичайното право в България през времето на турския феодализъм // Списание на Софийски университет, юридически факултет. Т. 47. София, 1955.

Андреев М. Изследвания върху обичайно право в средновековна българска държава // Списание на Софийски университет, юридически факултет. Т. 65-66. София, 1976.

Андреев М. Българското обичайно право. София: Наука и изкуство, 1979. 324 с.

Андреев М. Българското обичайно право // Етнография на България. Т. I. София, 1980.

Андреев М., Ангелов Д. История на българската феодална държава и право. Изд. IV. София: Наука и изкуство, 1972. 417 с.

Андреев М., Кутиков Вл. Договорът на добруджанския владетел Иванко с генуезците от 1387 г. (принос към изучаване на международните договори на средновековна България) // ГСУ, ЮФ. LI, 1960.

Андреианов Б.В., Левина Л.М. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тысячелетии н. э. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 97-98.

Андреианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. 1972. № 2.

Андреиш Е. Н. Система упражнений, обеспечивающая овладение речеведческими понятиями и формирование коммуникативных умений на родном языке учащих-ся-гагаузов // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Изд-во Комратского гос. унив-та, 1999а. С. 61-65.

Андреиш Е. Н. Этапы формирования коммуникативных умений и навыков учащих-ся-гагаузов // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Изд-во Комратского гос. унив-та, 1999б. С. 56-60.

Андронников И. А теперь об этом. М., 1981.

Андрущак В. Защитники Конституции // Конституционное развитие Республики Молдова на современном этапе. Кишинёв, 2004. С. 67-74.

Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на западе и у славян / Отделение русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. 74. СПб., 1903. 795 с.

Антонов В. Шумен и шуменска крепост. Шумен, 1995.

Антонов Г. Изваждане на костите на умрелия (след 7 год.), умиването им с вино и новото им погребване в с. Кестрич (Варненско); Пробождане на мъртвеца с нож в с. Кестрич // ИВАД. 1909. Кн. II. С. 73-74.

Антонов Г. Населението на Кестрич, Варненско, съобщава Г. Антонов // I годишен отчет на Варненско археологическо дружество за 1906–1907 г. Варна, 1910. С. 36-38.

Антонов С.Г. Гагаузка песен за обсадата на Варна в 1928 г. // ИВАД. 1914. Кн. VI. С. 72-74.

Антонович В.В. Археологическая карта Киевской губернии // Древности: Труды МАО. Т. 15. Прил. М., 1895.

Анципов И.А. Государственная деревня Бессарабии в XIX веке (1812–1870 гг.). Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1966. 262 с.

Анципов А.И. Изменения в соотношении земледелия и животноводства на юге Бессарабии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970.

Анципов А.И. Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812–1870). Кишинёв: Штиинца, 1978. 235 с.

Анципов И.А. Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в. Кишинёв, 1981.

Анципов И.А. Русское население Бессарабии и Левобережного Поднепровья в конце XVIII–XIX в. Кишинёв, 1996.

Анципов И.А. Роль И. А. Каподистрии в формировании административной автономии Бессарабской области // ЕИМИ. Т. III. 2002. С. 35-43.

Анципов И.А. Буджак как природно-географическая зона // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006а. С. 127-133.

Анципов И.А. Землепользование. Сельская община // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006б. С. 134-145.

Анципов И.А. Имущественное и социальное расслоение // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006в. С. 170-184.

Анципов И.А. Крымская война. Отторжение Подунавья // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006г. С. 153-169.

Анципов И.А. Переселенческое движение и устройство колонистов // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006д. С. 89-99.

Анципов И.А. Реформы 70-х годов // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006е. С. 185-191.

Анципов И.А., Топузлу Г.Н. Очерки истории гагаузов XIX в. Кишинёв, 1993.

Анчабадзе Ю.Д. Прекрасный обычай гостеприимства // СЭ. 1985. № 4.

Арадждиони М.А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII в. – 90-е гг. XX в.). Симферополь: ИД «Амена», 1999. 132 с.

Арборе З.К. Бессарабия. Букурещ, 1899.

Арвентьев С.А. Протоиерей Д. Г. Чакир. Некролог // КЕВ. 1916. № 50. С. 836-839.

Аристов Н. О земле половецкой (Историко-географический очерк). Киев, 1877.

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Вып. 3-4. 1896. С. 277-456.

Армарчук Е. Степь Копьеносных наездников – взгляд из XX века // Татар археологиясе. Казань. 2000. № 1–2 (6–7).

Арнаутов М. Очерци по българския фолклор. Т. I–II. София: Български писател, 1968–1969.

Арнаутов М. Студии върху българските обреди и легенди. Т. I. София: БАН, 1971. 351 с.; Т. II. София: БАН, 1972. 468 с.

Арнаут Ф. И. Жанр «маані» в гагаузскому фольклорі (зіставлення з жанрами маані й байати в турецькій та азербайджанській усній народній творчості. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук. Баку, 1999.

Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. 1974. № 3. С. 220–236.

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.

Артановский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967. 436 с.

Артановский С.Н. Некоторые проблемы теории культуры. Л.: ЛГИК, 1977. 83 с.

Артюх Л.Ф. Пища и питание украинских крестьян конца XIX – начала XX вв. (Этнографическая характеристика). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1981.

Артюх Л.Ф., Яровая В.А. Пища // Украинско-молдавские этнокультурные взаимосвязи в период социализма. Киев, 1987. С. 136-155.

Арутюнов С.А. Билингвизм и бикультурализм // СЭ. 1978. № 2. С. 3-14.

Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция // СЭ. 1981. № 2. С. 97-98.

Арутюнов С.А. Этнические процессы и язык // Расы и народы. № 15. М., 1985. С. 30-56.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 243 с.

Арутюнов С.А. Кавказское застолье как социальный регулятор // Одиссей: человек в истории. М., 1990.

Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С. В. Чешко) // ЭО. 1995. № 5. С. 7–10.

Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. М., 2004.

Арутюнов С.А. Взаимодополнительность инноваций и традиций // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Культура адаптации и адаптация культуры». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 317-350.

Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. 2. М., 1972. С. 8-30.

Археологические исследования в Бессарабии в конце XIX – начале XX вв. // <http://moldovamap.ru/36-arheologicheskie-issledovaniya-v-bessaravii-v.html>

Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1968.

Архимандрит Инокентий. Манастирът Св. Троица. Варна, 1903.

Аствацатуров Г. Очерки истории села Парканы. Бендеры, 1995.

Атанасов Г. Няколко скални манастира в Южна Добруджа // ИНМВ. № 25. 1989.

Атанасов Г. Скални монашески обители в Добруджа (IV–XVI в.). Автореферат на диссертация. София, 1990.

Атанасов Г. Етнодемографски промени в Добруджа X–XVI в. // Ипр. 1991а. № 2.

Атанасов Г. Ранновизантийски скални църкви и манастири в Южна Добруджа // Археология. № 3. София, 1991б.

Атанасов Г. Поглед към добруджанския дунавски бряг от XI до XVI в. // Ипр. 1992а. №№ 8-9.

Атанасов Г. Средновековни кръстове-енколпиони от Силистра // ИНМВ. № 28. 1992б.

Атанасов Г. Пещерные военно-стратегические сооружения ранневизантийской эпохи в Северо-Восточной Болгарии // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Атанасов Г. Кръст-енколпион на ANNA MONAXHNA от Дръстр // Добруджа. № 11. 1994.

Атанасов Г. Силистра // Материали за картата на средновековната българска държава. Плиска–Преслав. 1995а. № 7.

Атанасов Г. Тутракан // Материали за картата на средновековната българска държава. Плиска–Преслав. 1995б. № 7.

Атанасов Г. Етнодемографски и етнокултурни промени по Добруджанското Черноморие през средновековието // Ипр. 1996а. № 2.

Атанасов Г. Още веднъж за етногенезиса на гагаузите // Българите в Северното Причерноморие. Т. 5. В. Търново, 1996б. С. 221-237.

Атанасов Г. Археологически източници за потеклото на гагаузите // *Relațiile Moldo-bulgare în epoca medie și modernă*. Chișinău, 1998. С. 81-85.

Атанасов Г. Инсигниите на средновековните български владетели. Корони, скиптри, сфери, оръжия, костюми, накити. Плевен, 1999.

Атанасов Г. Откога и докога генуезците владеят Калиакра в началото на XV век // БСП. 2000а. № 7.

Атанасов Г. Клады земледельческих орудий из Южной Добруджи (X – начало XI вв.) // *Stratum plus*. 2000б. № 5. С. 183-209.

Атанасов Г. Анонимные византийские фоллисы класса «В» и нашествие печенегов на Добруджу // *Stratum plus*. 2000в. № 6. С. 111-122.

Атанасов Г. Нов поглед към демографските и етнокултурните промени в Добруджа през Средновековието. Изследвания в чест на чл.-кор. професор Страшимир Димитров // *Studia balcanica*. Sofia, 2001. № 23. С. 185-214.

Атанасов Г. Добруджанското деспотство. Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV век. Велико Търново, 2009. 496 с.

Атанасов Г., Чешмеджиев Д. Средновековният скален манастир до гр. Варна (Аладжа манастир) // ИИМВ. 1991. № 26.

Афанасьев Г.Е. Воспоминания о Викторе Ивановиче Григоровиче // Новороссийский университет в воспоминаниях современников. К 135-летию Одесского университета. Одесса, 1999.

Афанасьев-Чужбинский Н.С. Поездка в Южную Россию. СПб., 1863.

Афоризмы / Сб., библиограф. указ. и прим. сост. С.Д. Игнатъевым. Издание второе. Улан-Удэ, 1975.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.

Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI в. // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 46-53.

Ахинжанов С.М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.

Ахинжанов С.М. Кипчаки в X–XIII вв. Историографический обзор // <http://www.kyrgyz.ru/?page=51>

Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.

Ахинжанов С.М. Работы Новошуйбинской экспедиции // АО. 1981 г. М., 1983. С. 431.

Ахинжанов С.М. Этногенетические процессы на территории Казахстана в конце I тыс. н.э. (кимаки и кыпчаки) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. История и археология. М., 1990.

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981.

Аишукин Н.С., Аишукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. Изд. второе. М., 1960.

Бабий А.И. Православие в истории Молдавии: история и современность. Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1988.

Бабилунга Н.В. Барометр показывает бурю. Кишинёв, 1987а.

Бабилунга Н.В. Галацан Андрей Павлович (1875–1942) // Борцы за народное счастье. Кишинёв, 1987б.

Бабоглу Н.И. Дневник атеиста. Очерки на русском, гагаузском и молдавском языках. Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1962.

Бабоглу Н.И. Легенданын изи (След легенды). Рассказы. Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1974.

Бабоглу Н.И. Бужяк ежеллери. Кишинёв: Литература артистикэ, 1979. 212 с.

Бабоглу Н.И. Каранфилляр ачтылар енидэн (Гвоздики расцвели вновь). Повесть, рассказы. Кишинёв: Литература артистикэ, 1981. 232 с.

Бабоглу Н.И. Дунай, пожалуй в дом. Очерки на русском языке. Кишинёв: Литература артистикэ, 1984.

Бабоглу Н.И. Гвоздики расцвели вновь. Повесть, рассказы на русском языке. Кишинёв: Литература артистикэ, 1986.

Бабоглу Н.И. Сын Буджака // Кодры. 1987. № 11. С. 148-149.

Бабоглу Н.И. Тарафым пиетлери (Мелодии родного края). Кишинёв: Литература артистикэ, 1988.

Багрянородный К. Об управлении империей. М., 1991. 493 с.

Баев Кр. По въпроса за етногенезиса на гагаузите // ИВАД. Кн. IX. 1953. С. 89-104.

Баев Кр. Исторически народни песни у гагаузите // ИВАД. 1953. Кн. XV. 1964. С. 61-74.

Байпаков К.М. Город и степь в эпоху средневековья (по материалам Южного Казахстана и Семиречья) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

Байпаков К.М. Археологические исследования в Казахстане (1991–1995 гг.) // Российская археология. М., 1996. № 1.

Бак П. Земля. М., 1934.

Бакурский С. В. Социально-экономические проблемы демографического развития Молдавской ССР. Кишинёв: Штиинца, 1984.

Баласчев Г. «Огузнамето» и Изеддин // Списание на БАН. Кн. IX. Средец, 1915.

Баласчев Г. Държавата на огузите в Добруджа на султан Изеддин Гейкавуз и пр. // Военни известия. Год. XXVI. 1917. Бр. 33-36.

Балиева Р. Каракалпакский этнос и традиционное природопользование. М., 2003.

Балкански Т. Метрополиите на бесарабските, заднестровските, кримските и запорожките гагаузи // Граматика и семантика. Научни изследвания в чест на проф. дфн Станьо Георгиев по случай неговата 80-годишнина. Велико Търново, 2004. С. 293-304.

Балкански Т. Аспар Ери: Аспаз ери – старинно хазарско, печенежко и куманско име на България и Бесарабия // БСП. Т. 9. Одеса: Друк, 2006. С. 397-403.

Баллада түркүлери: Солпет топлуму / Хазырл. М. А. Дурбайло. Кишинёв: Штиинца, 1991. 190 с.

Баллас М. Виноделие в России. Часть V. Южная Россия. СПб., 1899.

Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры. М.: Наука, 1969. 294 с.

Балова В.И. Основные направления развития образования в АТО Гагаузии // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский пери-

- од», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 221-237.
- Банкова Е.С.* Детская одежда у гагаузов и болгар Молдовы: общее и особенное // ЕИМИ. 2001. Т. II. С. 96-99.
- Банкова Е.С.* Погребальные обычаи у болгар и гагаузов Молдовы: общее и особенное // ЕИМИ. 2002. Т. III. С. 100-104.
- Банкова Е.С.* Гагаузская переводная литература // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 365-375.
- Банкова И.Д.* Присубстантивный инфинитив в современном гагаузском языке // ЕИМИ. Т. II. Кишинэу, 2001. С. 147-150.
- Банкова И.Д.* Структурно-семантическая классификация сложных прилагательных в современном гагаузском языке // ЕИМИ. 2002. Т. III. С. 131-137.
- Банкова И.Д.* Двухязычие в этнокультурном облике гагаузов // VI конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы. 28 июня – 2 июля 2005 г. СПб., 2005а. С. 92.
- Банкова И.Д.* Людмила Александровна Покровская: Библиография. К 80-летию со дня рождения / Сост. и отв. ред. Банкова И. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2005б. 50 с.
- Банкова И.Д.* Структурные модели терминологических единиц гагаузского языка // ЕИМИ. 2006. Т. VI. С. 118-122.
- Банкова И.Д.* Традиционные ценности гагаузов и их роль в социализации личности // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 402-418.
- Банкова И.Д., Главчева А.Г.* Русский язык в Гагаузии // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях (Этнологические очерки). М.: Старый сад, 2005. С. 196–220.
- Баркова А.Л.* Новый год: символика современного ритуала // Человек. М., 2002. № 1. С. 56-67.
- Бартольд В.В.* Китаби Коркуд // Записки восточного отделения ИАН. Т. 8. СПб., 1894. С. 207.
- Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. // Сочинения. Т. IV. М., 1966а. С. 21-91.
- Бартольд В.В.* К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Сочинения. Т. IV. М., 1966б. С. 377–396.
- Бартольд В.В.* Новый труд о половцах // Сочинения. Т. V. М., 1968а. С. 392–408.
- Бартольд В.В.* Коркуд // Сочинения. Т. V. М., 1968б. С. 236–237.
- Бартольд В.В.* Извлечение из сочинения Гардизи Зайн Ал-Ахбар // Сочинения. М., 1973а. Т. VIII: Приложение к «Отчёту о поездке в Среднюю Азию с научной целью». 1893–1894 гг.
- Бартольд В.В.* О некоторых восточных рукописях в Константинополе и Каире // Сочинения. Т. VIII. М., 1973б. С. 220-253.
- Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 9. М., 1977.
- Бартольд В.В.* Хулагу // Сочинения. Т. VII. Работы по исторической географии и истории Ирана. М., 1971.
- Басилов В.Н.* О туркменском «пире» дождя Буркут-баба // СЭ. 1963. № 3. С. 42-52.
- Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970. 144 с.
- Басилов В.Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992. 327 с.
- Баскаков Н.А.* К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. М., 1952. С. 121-134.
- Баскаков Н.А.* Тюркские языки. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. 242 с.
- Баскаков Н.А.* Родо-племенные названия кыпчаков в топонимии Южной Молдавии // Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964.
- Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969. 383 с.
- Баскаков Н.А.* Этнографическая лексика и терминология в национально-русских словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 236-249.
- Баскаков Н.А.* Тюркизмы в русской лексике // СТ. 1979. № 6. С. 3-9
- Баскаков Н.А.* Об унификации названий древних и средневековых письменных тюркских языков // ТС. 1977. М., 1981. С. 21-26.
- Баскаков Н.А.* Микроэтнонимы узов (огузов) – Чёрных Клобуков в русских летописях // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1982. Т. XXX-VI(1–3). С. 41-42.
- Баскаков Н.А.* О тюркских лексических заимствованиях в русском языке // СТ. 1985. № 1. С. 11-19.
- Баскаков Н.А.* Огузский ареал в истории консолидации тюркских языков // СТ. 1987. № 1. С. 38.
- Батизат Г.В.* Раннехристианские и византийские источники о распространении христианства на территории современной Украины // Stratum plus. 2000 № 5. С. 477-501.
- Баторов П.П.* Белкование у аларских бурят и народные поверья // Бурятведение. 1925. № 1.
- Баурчулу Л.А.* Погляд върху историята на събирането и публикуването на гагаузкия песенен фолклор // БСП. Т. 3. Велико Търново, 1994. С. 351-356.
- Баурчулу Л.А.* Някои особености на функционирането на гагаузките припевки «маане» // БСП. Т. 4. Велико Търново, 1995. С. 423-432.
- Баурчулу Л.К.* Фольклор в творчестве гагаузских писателей // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 351-364.
- Баурчулу Л.К.* Отражение народных традиций в произведениях гагаузских писателей Н. Бабоглу и С. Куроглу // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 4. Материалы к III Российско-Молдавскому симпозиуму «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». 2008 г., Комрат. М.: Старый сад, 2008. С. 452-467.
- Баурчулу А.П., Баурчулу Л.К.* Русско-гагаузский словарь юридических терминов. Комрат: Raza de sud, 2000. 126 с.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
- Бачинская Е.* Болгарское и молдавское население в Дунайском казачьем войске (1828–1869) // Молдавско-болгарские отношения в Средние века и Новое время. Доклады международной научной конференции. Кишинёв, 21-23 октября 1996. С. 104.

- Бачинский А.Д.* В семье советской: социалистическое строительство в Придунайских землях Украинской ССР. Киев–Одесса, 1984.
- Бачинский А.Д., Дихан М.Д.* Червоноармійське // Історія міст і сіл УРСР. Київ, 1969.
- Бачинский А.Д., Добролюбовский А.О.* Буджакская орда в XVI–XVII вв. (историко-археологический очерк) // Социально-экономическая и политическая истории Молдавии периода феодализма. Кишинёв, 1988.
- Бачинський А.Д.* Возз'єднання придунайських земель з Радянською Україною і початок соціалістичних перетворень у краї // Український історичний журнал. 1980. № 7.
- Бачинський А.Д.* Центральне болгарське училище в Комраті, 1868 р.: (3 історії російсько-болгарських культурних зв'язків в другій половині XIX ст.) // 3 історії південних та західних слов'ян. Одеса, 1962.
- Бгажноков Б.Х.* Приём почётного гостя в традиционной культуре адыгейских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
- Бгажноков Б.Х.* Основание гуманистической этнологии. М., 2003.
- Безекевич-Троицкий Е.Э.* Описание свадебных обрядов у древних караимов Крымского полуострова // Архив Ленинградского музея этнографии народов СССР. ф. 2, оп. 2, д. 255, л. 2.
- Бейлекчи В.С.* Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная. Кишинёв, 1978.
- Бейлекчи В.С.* Раскопки кургана 3 у с. Копчак // Археологические исследования в Молдавии. 1985 г. Кишинёв, 1990.
- Бекмуратова А.Т.* Терминология родства у каракалпаков // Семья и семейные обряды народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 27-40.
- Беленицкий А.М.* Конь в культурах и идеологических представлениях народов евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. Вып. 154. М., 1978. С. 31-39.
- Белов В.* Гудят провода. Рассказы. М., 1978.
- Белов В.И.* Лад. Очерки о народной эстетике. М., 1982.
- Бенжамен П. Уорф.* Отношения норм мышления и поведения к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1., 1960.
- Беновска М.* Същност и естетически измерения на обрета Герман // Обреди и обреден фолклор. София, 1981. С. 235-255.
- Беновска М.* Етнически образи в българския фолклор // Връзки на съвместимост и несъвместимост. София, 1994. С. 245-247.
- Бенуа А.* Мои воспоминания. В пяти книгах. Книги первая, вторая, третья. Изд. второе, дополненное. М., 1990.
- Бенуа А.Н.* История живописи всех времён и народов. Том 1. История пейзажной живописи. СПб., 2002.
- Берг Л.С.* Климат и жизнь. М., 1922.
- Берг Л.С.* Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Пг., 1923.
- Берг Л.С.* Бессарабия. Страна, люди, хозяйство. Пг.: Огни, 1918. 241 с.; Кишинёв: Universitas, 1993. 196 с.
- Бердыев М. С.* Ислам – проводник иранизмов в тюркскую кочевую среду // Ислам и народная культура. М., 1998.
- Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л.: ЛГУ, 1951. 262 с.
- Бернштейн С.В.* Болгарская эмиграция в Россию в 1828–1829 гг. // Учёные записки Института славяноведения. М., 1949.
- Бернштейн С.В.* Балканская тюркология в СССР // Основные проблемы балканистики в СССР. М.: Наука, 1979. С. 222-231.
- Бернштейн С.В.* Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII–XIX вв. // Советское славяноведение. 1980. № 1. С. 52-53.
- Бессарабец* (газета). 22 апреля 1900 г.
- Бессарабская губерния в 1870–1875 гг.* Перечень населённых мест. Сост. А. Н. Егуннов. Кишинёв, 1876.
- Бессарабские областные ведомости* (Официальный орган Бессарабского губернского правления). 1870.
- Бессарабский вестник.* 1890. № 232.
- Бессарабское сельское хозяйство* (Журнал). Кишинёв, 1913. № 5, № 10.
- Бешевлиев В.* Религията на прабългарите // Българска историческа библиотека. Т. 2. 1930.
- Бешков Л.* България и Добруджа. Добрич: ИК «Людмил Бешков», 1992. 95 с.
- Бигаев Р.И., Данилов П.А., Умаров М.У.* Гагаузлар фольклоридан // Узбек тили ва адабиети масаллари. Ташкент, 1960а. № 4. С. 27-32.
- Бигаев Р.И., Данилов П.А., Умаров М.У.* Некоторые фонетические особенности гагаузского языка // Лимба ши литература молдовеняскэ. Кишинэу, 1960б. № 2. С. 50-56.
- Бигаев Р.И., Данилов П.А., Умаров М.У.* О гагаузах Средней Азии // Известия Академии наук УзССР. Серия общественных наук. Ташкент, 1960в. № 6. С. 60-65.
- Бигаев Р.И., Данилов П.А., Умаров М.У.* Aspects du folklore des gagaouzes de l'azie Centrale // SAO. Vol. III. Bucureşti, 1961. P. 31-45.
- Бизим дост Настрадаин* (Наш друг Настрадаин). Народные анекдоты. Сост. и перев. П. Чеботарь. Комрат, 1992.
- Бикбулатов Н.В.* Система родства у тюркоязычных народов и проблема большой семьи // Всесоюзная тюркологическая конференция 27-29 сентября 1976 г. Секция № 3. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976.
- Бикбулатов Н.В.* Скользящий счёт поколений в урало-алтайских системах родства (по данным ареальных наблюдений) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л.: Наука, 1983. С. 240-249.
- Бикова Н.* Мовна поведінка гагаузів мешканців с. Старі Трояни Одеської області // Круглий стол «Тюркомовні народи України» (мови та культури татар, гагаузів, урумів, караїмів і кримчаків) у межах конференції «Феномен А. Кримського у світовій науці (до 135-річчя від дня народження)». Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005. С. 68-73.
- Бичурин Н.Я. (о. Иакинф).* История первых четырёх ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.
- Бичурин Н.Я. (о. Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М., 1950. С. 220-221.
- Бичурин Н.Я. (о. Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.–Л., 1950.
- Благодарность Д.Г. Чакиру от Кишинёвского духовного епархиального попечительства* // КЕВ. 1912. № 43. С. 362.
- Благоев Г.* Канонични кръвни жертви в традициите на българите мюсюлмани. Ислям и народни традиции // БФ. 1996. № 3-4. С. 70-84.
- Благоева С.* Болгарские народные украшения. София, 1977.
- Блок А.* Собрание сочинений. Т. 1. М.–Л., 1960.
- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973.

- Боас Ф. Задачи антропологического исследования // СЭ. 1933. № 3-4. С. 176-189.
- Бобринский А. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т. III. СПб., 1887.
- Бобчев С. Агарлък (прид) произхождение на прикята // ПС. Год. XIV. София, 1904.
- Бобчев С. Българската челядна задруга. София, 1907.
- Бобчев С. Сборник на българските юридически обичаи. Ч. I. Гражданско право: Т. I. Семейно право. Пловдив, 1896; Т. II. Вещи, наследство, обязательства. София, 1902; Ч. II. Държавно право. София, 1915; Ч. III. Българско обичайно съдебно право. София, 1917; Ч. IV. Българско обичайно наказателно право // СбНУН. Кн. XXXVII. София: Печатница П. Глушков, 1927. 318 с.
- Бобчев С. За делиорманските турци и къзълбашите. София, 1929.
- Бобчев С. Титли и служби в областното управление на старовременска България според грамотите на българските царе // Известия на историческо дружество. Кн. XI–XIII. 1932. С. 228-248.
- Богатырёв П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971а. 544 с.
- Богатырёв П.Г. Магические действия, обряды и верования Закарпатя // Вопросы теории народного искусства. М., 1971б.
- Богдан М. Гайдукские песни гагаузов // Българи и гагаузи заедно през годините: Материали от петата и от шестата международни научни конференции на тема «Функционирането на българския и другите езици и литератури в контекста на езиковата ситуация в Република Молдова» (11 май, 2005 г. 11 май, 2006 г.). Комрат: Знак'94, 2007. С. 110-115.
- Богданов Г. Джамалски празник в с. Чаушь-Къой // ИВАД. 1909. Кн. 2. С. 75.
- Богданов П. Прабългари. София, 1976.
- Богданова Л. Мотивът за предопределената смърт в български фолклор // ИЕИМ. Кн. XVI. 1975. С. 207-264.
- Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание, Казань, 1934; 1953.
- Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 313 с.
- Боев Е. За българо-тюркските езикови връзки // Известия на Института за български език, 1962. Кн. VIII. С. 160.
- Боев Е. За предтюркското тюркско влияние в българския език / Известия на Института за български език. Кн. 1. София, 1965. С. 3-17.
- Боев Е. Гагаузите // Народна култура. Т. VIII. Бр. 27/2. София, 1970.
- Боев Е. Гагаузите и освободителната война // Бюлетин на главно политическо управление на народната армия. София, 1977. № 12. С. 44-51.
- Боев Е. За потеклото на гагаузите // Чиракман–Карвуна–Каварна. София, 1982. С. 113-117.
- Боев П. Произход на населението на Каварненската селищна система в светлината на антропологията // Каварна от древността до Освобождението. Съст. В. Василев и др. София, 1984. С. 19-29.
- Боев Е. За произхода на турските говори на българите // Богата история и революционни традиции. Из миналото на Търговищкия край. Велико Търново, 1987а. С. 158-162.
- Боев Е. Нашите сънародници гагаузите // СУ «Св. Кл. Охридски». ЦИЕК. София, 1987б.
- Боев Е. Из пътищата на Лудогорието. Разград, 1988.
- Боев Е. Тюркология, реалности и терминология. София: ЦИЕК, 1989.
- Боев Е. Не заблудата, а лъжата за гагаузите. София, 1995. 16 с.
- Боев Е. Етнокултурната ситуация в Северното и Западното Причерноморие през първата половина на XIX век // Украйна и България. Етнокултурни и етнолингвистични аспекти. София: Албатрос, 1999. С. 7-58.
- Боев Е. Междубългарски наименования, прозвища и прякори (с кратък речник). София: Тангра Тан Нак Ра ИК, 2006а. 64 с.
- Боев Е. Турските песни в сборника на Ат. Вас. Върбански «Песните на Бердянските българи» // БСП. Т. 9. Одеса: Друк, 2006б. С. 389-396.
- Боев Е. Методически и методологически проблеми при изследването на езика на гагаузите от Северното Причерноморие // Българите от Молдова и Украйна – език, литература, история, култура и образование. София, 2009. С. 35-38.
- Божилков И., Гюзелев В. История на Добруджа. Средновековие. Т. 2. Велико Търново, 2005.
- Бокова И. Личностна идентификация и фолклор // БФ. 1993а. № 1. С. 15-21.
- Бокова И. Фолклор и национална идентичност // БФ. 1993б. № 4. С. 67-71.
- Бокова И. Културна идентичност – образи на отъждествяване и оразличаване // БФ. 1998. № 1-2. С. 4-21.
- Болгары. Очерк традиционной народной культуры. М., 1984.
- Большая книга афоризмов. М., 2000.
- Бомешко Б.Г. Засуха и голод в Молдавии. 1946–1947 гг. Кишинёв.
- Бонч-Осмоловский Г.А. Брачные обряды татар горного Крыма // Известия государственного русского географического общества. Т. VIII, М.–Л., 1926.
- Боргояков М.И. Гуннско-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке) // СТ. 1976. № 3. С. 55-59.
- Борзаковский П. Филипп Карлович Брун // Новороссийский университет в воспоминаниях современников. К 135-летию Одесского университета. Одесса, 1999.
- Борисов С.Б. Эволюция жанров девичьего альбома в 1920–1990-е годы // Шадринский альманах. Вып 1. Шадринск, 1997.
- Боршевский А.П. Применение местных законов и обычного права в гражданском судопроизводстве в мировых судах Бессарабии (60–70-е гг. XIX в.) // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 4. Chișinău, 2008. P. 162-165.
- Ботезату Г.Г. Молдавский фольклор. Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1976. 208 с.
- Боцанов Р. Населението на с. Чаушкьой, Балчишко, съобщава Р. Боцанов // II годишен отчет на Варненското археологическо дружество за 1907–1908 г. Варна, 1910. С. 36-38.
- Бошков В. Буджактан лүзгәр (Ветер с Буджака). Стихи. Одесса, 1993.
- Бошков В. Айазма (Освящённая вода). Стихи. Одесса, 1995.
- Бошков В.М. Роль книгоиздания Украины в формировании духовности гагаузского народа // Научные труды молодых учёных Одесского государственного политехнического университета. Гуманитарные науки. Естественные науки. Технические науки. Одесса, 1997а.
- Бошков В.М. Роль информационного поля в формировании духовных ценностей гагаузского этноса // Современное состояние и перспективы развития гуманитарных наук (Социология, социальная психология, менеджмент). Ч. 2. Одесса, 1997б.
- Бошков В.М. «Ана тарафъ» на Одеському радіо // Фабрика радіоінформації. 70-річчю державного радіомовлення на Одещині присвячується. Одеса, 2000.
- Бошков В.М. Гагаузи у наукових дослідженнях учених Одеського (Новоросійського) університету // Записки історичного факультету. Вип. 16. Одеса, 2006.
- Бошков В.М. Гагаузская проблематика в телерадиопространстве Одесщины

(1990–2007) // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 2. Одесса: Паллада, 2008. С. 72-75.

Бранденбург Н.Е. Курганы южного Приладожья // МАР. Т. 18. СПб., 1895.

Бранденбург Н.Е. К вопросу о каменных бабах // Труды VIII Археологического съезда. Т. III. М., 1897.

Бранденбург Н.Е. Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил, в которых вместе с покойником погребены остовы убитых лошадей? // Труды ХАС. Т. I. М., 1899.

Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок. СПб., 1908.

Брентъес Б. От Шанидара до Аккада. М. 1986.

Бромлей Ю.В. Опыт типологизации этнических общностей // СЭ. 1972. № 5. С. 61-81.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.

Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. 390 с.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.

Брук С. Население мира (этнодемографический справочник). М.: Наука, 1986. 829 с.

Брун Ф.К. Некоторые исторические соображения по поводу названия Добруджи // *Брун Ф.К.* Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. 2. Одесса, 1880.

Будагов Р.А. История слов в истории общества. М., 1971.

Будаев Н. Западные тюрки в странах Востока // <http://budaev.narod.ru>

Будак И.Г. Буржуазные реформы 60–70 годов XIX в. в Бессарабии. Кишинёв, 1961. 219 с.

Буджактан сеслър: Литература йазылары / Хазырл. Д. Танасоглу. Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1959. 227 с.

Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX вв. Л.: Наука, 1988. 197 с.

Булгар С.С. Жан пазары (Ради жизни). Документальные очерки. Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1988.

Булгар С.С. Дев адамын оолу (Сын великана). Масаллар (Сказки, рассказы) Кишинёв: Литература артистикэ, 1990а. 64 с.

Булгар С.С. Жанавар йортулары. Аннатмаклар. (Волчьи праздники). Рассказы. Кишинёв: Литература артистикэ, 1990б. 317 с.

Булгар С.С. Гагаузские судьбы. Деятели культуры и науки: 200 лет истории. Кишинёв: Центр. типогр., 2003а. 192 с.

Булгар С.С. К вопросу об истории гагаузов в первой половине XX в. // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003б. С. 33-37.

Булгар С.С. Протоиерей Михаил Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Chişinău: Pontos, 2005а. С. 57-74.

Булгар С.С. Литературное наследие Михаила Михайловича Чакира // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Chişinău: Pontos, 2005б. С. 113-125.

Булгар С.С. Народное движение «Гагауз Халкы» (1989–1994) // Русин. Международный исторический журнал. № 4 (6). Кишинёв: «ELENA-VI.», 2006а. С. 163-173.

Булгар С.С. Государство в Добрудже XIV – нач. XV вв. // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006б. С. 54-60.

Булгар С.С. Добруджа в составе Османского государства в XV – начале XVII вв. // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006в. С. 61-70.

Булгар С.С. В годы Крымской войны 1853–1856 гг. // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006г. С. 146-152.

Булгар С.С. Бессарабские ополченцы, участники Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006д. С. 238-239.

Булгар С.С. Участие гагаузов в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006е. С. 270-272.

Булгар С.С. Комратское восстание 1906 года // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006ж. С. 273-285.

Булгар С.С. В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006з. С. 286-289.

Булгар С.С. Участие гагаузов в революции и гражданской войне // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006и. С. 290-297.

Булгар С.С. Гагаузы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006к. С. 325-348.

Булгар С.С. Список участников боевых действий в Демократической Республике Афганистан (25 декабря 1979 г. – 15 февраля 1989 г.), проживающих на территории АТО Гагаузия // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006л. С. 387-398.

Булгар С.С. Из истории православия у гагаузов // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006м. С. 463-476.

Булгар С.С. Из истории литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006н. С. 493-498.

Булгар С.С. История города Комрата. Кишинэу: Tipogr. «Reclama», 2008. 310 с.

Булгар С.С. Гагаузы Бразилии. История одной эмиграции 1925–1930 гг. // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия. М.: Старый сад, 2009. С. 419-443.

Булгар С.С. Гагаузы Греции // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 9. История в культуре и истории. М.: Старый сад, 2010. С. 152-158.

Булгар С.С., Дьячук И.А. Изобразительное искусство // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006. С. 558-572.

Бунин И.А. Деревня. М., 1961.

Бунин И.А. Избранное. Стихотворения. Переводы / Сост. и послесловие О. Михайлова. М., 1977.

Бурдуков А.В. Значение молочных продуктов и способы их приготовления у монголов в Джаргалантуйском и Джабхалантуйском округах МНР // СЭ. 1936. № 1. С. 121-129.

Бурмов Ал. Към въпроса за произхода на прабългарите. Избрани произведения. Т. I. София, 1968.

Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства // Русская народная поэзия. Т. I. СПб., 1861.

Бутков П.Г. Оборона летописи русской, Нестеровой от навета скептиков. СПб., 1840.

Бутков П.Г. О финских словах в русском языке // Труды РАН. Ч. V. СПб., 1842.

Българите в Румъния XVII – XX в. Документи и материали. Съст. М. Младенов, Н. Жечев, Б. Нягулов. София: ИК «БАН», 1994. 420 с.

Българския народня песни / Собр. Л. Каравеловым. М., 1905.

Български етимологичен речник. Т. I, II, III. София, 1971; Т. II. Съст. Вл. Георгиев и др. София, 1979.

- Българските алиане (Сб. етнографски материали). София: Климент Охридски, 1991. 218 с.
- Българските земи в европейската картографска традиция (III–XIX в.). София, 2008.
- Българско народно поетическо творчество. Отбор и хар-ка от М. Арнаудов. Т. I. София, 1976.
- Българско народно творчество. Обредни песни. В 12-ти тома / Отбор и ред. М. Арнаудов, Х. Вакарелски. Т. V. София: Български писател, 1962. 666 с.
- Българско-руски речник. М., 1986.
- Бырня П.П.* Сельские поселения Молдавии XV–XVII вв. Кишинёв, 1869.
- Бэешу Н. М.* Поезия популарэ молдовеняскэ а обичеюрилор де Анул Ноу. Кишинэу: Штиинца, 1972а. 236 с.
- Бэешу Н. М.* К вопросу об истории развития обряда поэтического текста традиционного «Плугушора» // Женурь ши спечий фолклориче. Кишинэу: Штиинца, 1972б. С. 88-111.
- Бэешу Н. М.* Поезия популарэ а обичеюрилор календариче / Алкэт., комент. Н. Бэешу. Кишинэу, 1975.
- Бюк А.П.* «Гагауз ТВ»: вчера, сегодня, завтра // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 253-257.
- Вайништейн С.И.* Проблемы происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых народов умеренного пояса Евразии // IX МКАЭН. Доклады советской делегации. М., 1973.
- Вайништейн С.И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 42-62.
- Вакарелски Х.* «Къносване». Обичай из българската сватба // ИЕИМ, 1927. № 1-4. С. 107-114.
- Вакарелски Х.* Бит и език на тракийските и малоазийските българи. Ч. I. Бит // Тракийски сборник. 1935. № 5.
- Вакарелски Х.* Българските празнични обичаи. София, 1943.
- Вакарелски Х.* Добруджа. София: БАН, 1964.
- Вакарелски Х.* Етнография на България. Изд. 2. София: Наука и изкуство, 1977. 671 с.
- Вакарелски Х., Иванов Д.* Български народни песни в сега и минало. София, б. г.
- Вакарелски Хр.* Български погребални обичаи (сравнително изучаване). София, 1990.
- Валиханов Ч.* Сочинения. Записки РГО по отделению этнографии. Т. XXIX. СПб., 1904.
- Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н.* Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. Киев, 1992.
- Варбан С.А., Рудик Г.А.* Целостная образовательная система на региональном уровне // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Етнография. Образование. Культура. Комрат: Изд-во Комратского Гос. унив-та, 1999. С. 12-15.
- Варзарь А.М.* К вопросу о физическом типе ранних фракийцев // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20-23 сентября. М., 2001.
- Варзарь А.М.* Этногенез гагаузов по данным аутомных ДНК-маркеров // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 4. Chișinău, 2008. P. 99-104 (а также см.: http://serin.su/publ/a_m_varzar_ehtnogenez_gagauzov_po_dannym_autosomnykh_dnk_markerov/1-1-0-41).
- Варзарь А.М., Спицын В.А., Спицына Н.Х.* Исследования генетической структуры популяции гагаузов Молдавии: предварительная оценка // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006. С. 49-53.
- Варзарь А.М., Спицын В.А., Шереметьева В.А.* Генетико-демографическое исследование популяции гагаузов Молдавии // Генетика. 2003. Т. 39. № 9. С. 1258-1267.
- Варненски общински вестник. 1933–1934. Бр. 309-310. Архивни материали. Бр. 319-320.
- Васева В.* Към проучване на обичая «помана» у българите и румънци // БЕ. 1993. № 4. С. 91-102.
- Василева М.* Сходства и отлики в българската и турската сватба в група села на Разградски окръг // ИЕИМ. 1969. Т. XII. С. 161-190.
- Василева М.* За връзките и взаимните влияния в сватбените обичаи на българското и турското население в Североизточна България // Първи конгрес на българското историческо дружество. 27-30 януари 1970 г. София, 1972. С. 263-265.
- Василева М.* Календарни празници и обичаи // Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София: БАН, 1974.
- Василева М.* Лазаруване (Български празници и обичаи). София, 1982.
- Василева М.* Календарни празници и обичаи // Етнография на България. Т. III. София, 1985а. С. 89–139.
- Василева М.* Календарни празници и обичаи // Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България (Етнографски и езикови проучвания). София: БАН, 1985б. С. 89–139.
- Василева М.* Коледа и Сурва. София: Септември, 1988. 93 с.
- Василевич Г.М.* Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XVII. М.–Л., 1957.
- Василиоглу К.К.* Гагаузский язык и проблемы гагаузской письменности // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 245-259.
- Василиоглу К., Кӱсӱ М.* Окумак – севгили занаатым 4–5 класлар ичин. Кишинёв, 1993.
- Васильева И.Н.* Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
- Васильевский В.Г.* Византия и печенеги (1048–1094) // Труды В.Г. Васильевского. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1908.
- Васюткин С.М.* О типологии погребений средневековых кочевников Северо-Западного Прикаспия // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза, 1990. С. 18-21.
- Вацуро В.Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского дома (1750–1840-е гг.) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. Л., 1979.
- Вацуро В.Э.* С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989.
- Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978. 235 с.
- Великанова М.С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975.
- Вернадский Г.* Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // СК. № 1, 1927.
- Весела З.* К вопросу о положении христианской церкви в османском государстве //

- Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990.
- Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха / Сборник отделения русского языка и словесности. Собр. соч. Т. XXXII. СПб.: Типогр. импер. АН, 1883. 461с.
- Веселовский Н.И. Мнимые «каменные бабы» // Вестник археологии и истории. Вып. XVII. СПб., 1906.
- Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXXII. Одесса, 1915.
- Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Записки Российской Академии Наук. Пг., 1922. 13. Вып. 6. С. 44-50.
- Вести Гагаузии – газета на русском языке (изд. г. Комрат, Республика Молдова).
- Взгляд в историю – взгляд в будущее: русские и советские писатели, учёные, деятели культуры о США. Состав., авт. послес. и коммент. А. Николукин. М., 1987, 720 с.
- Виллардуэн де Ж. Взятие Константинополя. М., 1984.
- Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // ЭО. 1998. № 4.
- Виноградарство Бендерского уезда. Издание 1888 г. Кишинёв, 1888.
- Виноградова Л.Н. Заклинательные формулы в календарной поэзии славян и их обрядовые истоки // Славянский и балканский фольклор. Генезис, архаика, традиции. М.: Наука, 1978. С. 7-26.
- Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян (Генезис и типология колядования). М.: Наука, 1982. 254 с.
- Витковский Э.К. Раскопки курганов и археологические находки в Васильковском уезде // Труды III Археологического съезда. Т. II. Киев, 1879.
- Внебогослужебные собеседования в приходе с. Кубей, Аккерманского уезда, в связи с кратким очерком религиозно-нравственного состояния прихожан // КЕВ. 1892. № 3. С. 55–58; № 4. С. 65–76.
- Вопросы молдавского языкознания. Москва, 1953.
- Воротников Ю.Л. Слово и время. М., 2003.
- Время и календарь в традиционной культуре / Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. СПб., 1999. 195 с.
- Всемирный конгресс гагаузов / Материалы Первого всемирного Конгресса гагаузов с международным участием. Комрат 20-21 июля 2006 г. Chişinău: Pontos, 2006. 128 с.
- Встречи с прошлым. Издание второе, исправленное. М., 1971.
- Вуич Иоаким. Путешествіе по Унгаріи, Влахіи, Молдавіи, Бесарабіи и Крыму. Белград, 1845.
- Вуич Л.Г. Черепа из кочевнического могильника возле Саркела–Белой Вежи // МИА. № 109. М., 1963.
- Върбански Ат. Песните на Бердянските българи. Ногайск, 1910.
- Гізер С.М. Ногайські племена на Південному Заході України (кінець XV – XVII ст.). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Одеса, 2002.
- Гүн-кыз хем үч ок. Дочка Сонця та її невмеруще кохання. Гагаузские народные сказки. На гагаузском и украинском языках. Київ, 2003.
- Гавилов Г.А. Скотоводческое хозяйство Азербайджана в XIX в. (Историко-этнографическое исследование) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988.
- Гагауз Д.Ф. Музыкальная культура гагаузов // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинёу: Pontos, 2006. С. 573-578.
- Гагауз Д.Ф. Подвижники гагаузской музыкальной культуры // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20–21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 451-459.
- Гагауз Д. Ф. Прошлое и настоящее музыкального искусства гагаузов // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 3. Chişinău, 2008. P. 220-226.
- Гагауз Д. Ф. Традиционные формы, функция и этика коллективного (массового) культурного развлечения у гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов» 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2009. С. 391-397.
- Гагауз Д.Ф., Пожар С.Г. Профессиональная музыкальная культура гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10. Личность и группа: векторы трансформационных изменений. С. 441-458.
- Гагауз дилиндă окумак кийады единжи класс ичин / Хазырл. Г.А. Гайдаржи, Е.К. Колца. Кишинёв, 1986.
- Гагауз фольклору / Собр. и сост. Н.И. Бабоглу. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1969. 260 с.
- Гагауз халк түркүлери хор ичин *a cappella* = Гагаузские народные песни для хора *a cappella*. Обработка и сост. М. Колца. Кишинёв, 1982.
- Гагаузите в България. Записки от терена / Сост. Ж. Стаменова. София, 2007. 287 с.
- Гагаузите – забравените чеда на България // Миналото. 28.09 – 04.10.2004.
- Гагаузские народные сказки. Сост. и переводчик П. Чеботарь. Кишинёв: Axul-Z, 1998.
- Гагаузский фольклор: Песни и сказки / пер. В. Худякова, М. Хазина // Днестр, 1960. № 3. С. 68-78.
- Гагаузский язык // Большая Советская энциклопедия. Т. 9. М., 1951. С. 608.
- Гагаузско-русско-молдавский словарь / Сост. Г.А. Гайдаржи, Е.К. Колца, Л.А. Покровская, Б.П. Тукан. Под ред. проф. Н.А. Баскакова. М.: Советская энциклопедия, 1973. 664 с.
- Гагаузско-русско-румынский словарь / Сост. П. Чеботарь, И. Дрон. Chişinău: Pontos, 2002. 740 р.
- Гагаузы – происхождение, ДНК-генеалогия // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. Т. 2. № 1. 2009 январь. Дискуссии // http://rugiland.narod2.ru/raznoe/gagauzi_-_proishozhdenie_dnk-genealogiya/
- Гагаузы. Исследования и материалы // Российский этнограф. Вып. 17. М., 1993. С. 1-217.
- Гаджанов Д. Пътуване на Евлия Челеби из балканските земи // ПС. 1909. 70. С. 639-724.
- Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов горного Дагестана. М.: Наука, 1991. 180 с.
- Гаджиева М.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики, М.-Л., 1971.
- Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков XIX – начала XX вв. Махачкала, 1960.
- Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961.
- Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1976. 227 с.

Гайдаржи Г.А. К вопросу о структуре сложных предложений с придаточными времени в гагаузском языке // *Материалы IV конференции молодых учёных Молдавии.* Сер. филологич. АН МССР. Тезисы докладов. Кишинёв, 1965а. С. 117-119.

Гайдаржи Г.А. Сложноподчинённые предложения с придаточными времени в гагаузском языке // *Учёные записки Бельцкого государственного педагогического института.* Вып. 7. Филология. Кишинёв, 1965б. С. 67-76.

Гайдаржи Г.А. О заимствованиях в гагаузском языке // *Итоговая научная конференция преподавательского состава института за 1964 г. (БГПИ): Тезисы докладов.* Бельцы, 1965в. С. 71-73.

Гайдаржи Г.А. К вопросу о придаточных дополнительных предложениях в гагаузском языке // *Итоговая научная конференция преподавательского состава института за 1965 г. (БГПИ): Тезисы докладов.* Бельцы, 1966. С. 63-64.

Гайдаржи Г.А. Функции союза *АЧАН* в гагаузском языке // *Итоговая научная конференция преподавательского состава института за 1966 г. (БГПИ): Тезисы докладов.* Бельцы, 1967. С. 101-104.

Гайдаржи Г.А. Придаточные предложения с союзом *КИ* со значением атрибута и главных членов предложения в современном гагаузском языке // *Сборник аспирантских работ (БГПИ).* Бельцы, 1969. С. 12-23.

Гайдаржи Г.А. Способы подчинения и типы придаточных предложений в гагаузском языке // *СТ.* 1971а. № 3. С. 43-59.

Гайдаржи Г.А. Сложные предложения с придаточными относительного подчинения в гагаузском языке // *СТ.* 1971б. № 4. С. 50-56.

Гайдаржи Г.А. Ана Тарафым (Родной край). Пеетләр / Стихи. Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1972. 70 с.

Гайдаржи Г.А. Об одной особенности в выражении сказуемого придаточного предложения в современном гагаузском языке // *Проблемы теории членов предложения.* Кишинёв: Штиинца, 1973а. С. 160-165.

Гайдаржи Г.А. Гагаузский синтаксис. Относительное и бессоюзное подчинение придаточных. Кишинёв: Штиинца, 1973б. 92 с.

Гайдаржи Г.А. Гагаузский синтаксис. Придаточные предложения союзного подчинения. Кишинёв: Штиинца, 1981. 133 с.

Гайдаржи Г.А. Людмила Александровна Покровская: Персоналия // *СТ.* 1985. № 2. С. 99-100.

Гайдаржи Г.А. Лингвистические основы обучения русскому языку учащихся-гагаузов // *Русский язык в молдавской школе.* 1988а. № 2. С. 54-58.

Гайдаржи Г.А. Становление гагаузской лингвистической терминологии // *Тюркология-88: Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции (Фрунзе, 7-9. IX. 1988. г.).* Фрунзе: Илим, 1988б. С. 302-305.

Гайдаржи Г.А. Национальные процессы в СССР: мнения учёных // *Общественные науки.* АН СССР, 1990. № 1. С. 151.

Гайдаржи Г.А. Гагаузский язык: К родникам истории // *Словесник Молдовы.* 1992а. № 3. С. 14-19.

Гайдаржи Г.А. Гагаузский язык: проблема самобытности // *Словесник Молдовы.* 1992б. № 4. С. 11-13; № 5. С. 11-15.

Гайдаржи Г.А. Гагаузский язык: проблема развития общественных функций // *Știința.* 1992в. Nr. 3. P. 4.

Гайдаржи Г.А. От прошлого к настоящему // *Русское слово.* 1992в. № 1. С. 9-16.

Гайдаржи Г.А. Гагаузский язык: проблема алфавита // *Словесник Молдовы.* 1993а. № 2. С. 2-5.

Гайдаржи Г.А. Гагаузский язык: проблема орфографической нормы // *Словесник Молдовы.* 1993б. № 2. С. 16-22; № 4. С. 17-21.

Гайдаржи Г.А. Гагаузский язык // *Российский этнограф.* Вып. 17. М., 1993в. С. 184-198.

Гайдаржи Г.А. Национальная школа: реалии, перспективы, проблемы: Отчет «круглого стола» // *Словесник Молдовы,* 1993г. № 1. С. 2-10.

Гайдаржи Г.А. Гагаузский язык // *Сын Буджака. Светлой памяти Гаврила Аркадьевича Гайдаржи.* Кишинэу: Elena-V.I., 2000. С. 7-32.

Гайдаржи Г.А., Бабогло И.И. Сопоставительный анализ – путь к перестройке курса русского языка для гагаузских учащихся // *Русский язык в молдавской школе.* 1989. № 5. С. 54-59.

Гайдаржи Г.А., Колца Е.К. Актуальные проблемы прикладных аспектов гагаузоведения // *Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Итоги и перспективы.* Материалы республ. конф. 8-9 авг. 1989 г. Кишинёв: Штиинца, 1990. С. 148-150.

Гайдаржи Г.А., Мотузенко Е.М. Семантические условия калькирования значений // *СТ.* 1986. № 1. С. 91-94.

Гайдаржи Г.А., Тукан Б.П. Способы выражения синтаксических отношений в гагаузском языке // *Учёные записки Бельцкого государственного педагогического института.* Вып. 8. Филология. Кишинёв, 1967. С. 49-55.

Галбен А.И. К истории преимущественного права приобретения в Молдавии // *Известия АН МССР. Сер. общ. наук.* Кишинёв, 1977. № 1.

Галбен А.И. Об институте приданого в системе обычного права у молдаван (XVII – пер. пол. XIX в.) // *Известия АН МССР. Серия общ. наук.* Кишинёв, 1979. № 3. С. 78–85. *Галбен А.И.* Об институте наследования в системе обычного права у молдаван (XV до XIX) // *Известия АН МССР. Серия общ. наук.* Кишинёв, 1980. № 3. С. 77-87.

Галбен А.И. Дин «обичеул пэмынтулуй» ал Молдовой феодале (сек. XVIII – прима жумэтата а сек. XIX). Кишинэу, 1986.

Галбен А.И. Из истории феодального государства и права Молдовы XVIII – начала XIX в. Кишинэу: Ruxanda, 1998. 384 с.

Галимзянов А. Татарский язык – средство общения народов Кавказа // *Татарские корни.* № 40 (505), 30.10.2002.

Галкин Л.Л. Памятники Северо-Восточного Прикаспия // *АО.* 1983. М., 1985.

Галкин Л.Л. Изыскания в Северо-Восточном Прикаспии // *АО.* 1985. М., 1987.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984.

Гамсахурдиа К. Давид-строитель. Пер. с грузинского М. Ананишвили. М., 1945.

Ганицкий М. Ланкастерские школы в Бессарабии // *КЕВ.* 1878. № 2. С. 46.

Ганцкая О.А. Семья: структура, функции, типы // *СЭ.* 1984. № 6. С. 16-28.

Ганцкая О.А. Семья: общие понятия, принципы типологизации // *Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы.* М.: Наука, 1987. 194 с.

Ганчев А.И. Обычное право в этнической культуре болгар Южной Бессарабии первой половины XX века // *Археология и этнография Восточной Европы: материалы и исследования.* Одесса, 1997. С. 231-236.

Ганчев А.И. Традиционные этапы социализации: на материалах болгарских сел Южной Бессарабии // *Этничность в истории и культуре. Матеріали III Міжнародної етнологічної конференції.* Одесса, 1998. С. 101-106.

- Ганчев А.И. Традиции взаимопомощи в болгарских сёлах Южной Бессарабии (первая половина XX века) // Етнічна історія народів Європи. Т. 2. Киев, 1999. С. 37-42.
- Ганчев А.И. Особенности брачных отношений у болгар Южной Бессарабии: на материалах села Евгеновка Тарутинского района Одесской области // БСП. Т. VII. Велико Търново, 2000а. С. 449-459.
- Ганчев А.И. Трансформация структуры болгарской семьи в Южной Бессарабии в XIX – начале XX века // Ethnoses and cultures on the Balkans. Vol. 2. Sofia, 2000б. С. 83-90.
- Ганчев А.И. Трансформация внутрисемейных отношений в болгарской семье юго-западных районов Одесщины второй половины XX века // Этносоциальные и профессиональные процессы в трансформирующемся обществе: Материалы международной научной конференции. Ч. 2. Гродно, 2001. С. 148-151.
- Гаргалык В. Отново за гагаузите // Алманах Родолубец. София, 2002. № 5. С. 229-235.
- Гаргалык В. Отново за гагаузите (Продължение) // Алманах Родолубец. София, 2004. № 6. С. 310-318.
- Гаргалык В. Отрицателни изречения в гагаузкия език в Молдова // Научни изследвания в чест и в памет на академик Иван Дуриданов. Велико Търново, 2006. С. 111-116.
- Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Том 1. Каталог и тексты памятников армянским письмом. Алма-Аты: Дешт-и-Кыпчак, 2002. 1084 с.
- Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Т. 3. Кыпчакский словарь. Алма-Аты, 2003–2008. 912 с.
- Гаркавец А.Н. Codex Cumanicus: Половецкие мотивы, гимны и загадки XIII–XIV веков. М., 2006.
- Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Т. 2. Памятники духовной культуры караимов, куманов-половцев и армяно-кыпчаков. Алма-Аты. КАСЕАН, 2007. 912 с.
- Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения / Сост. Н.А. Дубова; отв. ред. М.Н. Губогло. М., 2006.
- Гафаров В.Г. Система спряжения в гагаузском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1951. 15 с.
- Гафаров В.Г. К вопросу о фонетических особенностях некоторых гласных гагаузского языка // Труды Института языкознания АН Туркменской ССР. Вып. IV. Ашхабад, 1962.
- Генов В. Эммануил Кырмызы: Русско-гагаузско-турецко-румынский словарь-полиглот. Бухарест, 2005.
- Геногеографический атлас населения России и сопредельных стран. СПб., 2003.
- Генофонд и геногеография народонаселения. Т. 1. Генофонд населения России и сопредельных стран / Ред. Ю.Г. Рычков, Ю.П. Алтухов. СПб., 2000, Т. 2.
- Генчев С. Етнографско единство и регионални различия в обичаите при погребения у българите // Етногенезис и културно наследство на българския народ. София, 1971. С. 111-115.
- Генчев С. Обичаи и обреди за дъжд // Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София: БАН, 1974. С. 345-351.
- Генчев С. Очерци по българска етнография. Велико Търново: Унив. «Кирил и Методий», 1996. 400 с.
- Георгиев М.Г. Из религиозной культуры гагаузов. Село Александровка на Одесщине // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 2. Одесса: Паллада, 2008. С. 76-79.
- Георгиева Б., Данчев Г. Социалистическо преустройство на къщата и домакинство в полските села // Известия на Етнографски институт и музей. Кн. V. София, 1967.
- Георгиева И. Българска народна митология. София: Наука и изкуство, 1983. 209 с.
- Георгиева И. Нестинарството в Крим // Человек в истории и культуре. Сборник научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко. Одесса–Терновка: Друк, 2007. С. 232-253.
- Георгиева И., Москова Д., Радева Л. Опыт изучения системы кровного родства у болгар // СЭ. 1973. № 2. С. 60-68.
- Георгиева И., Москова Д., Радева Л. Терминологична система на кръвно родство у българите // ИЕИМ. 1972. Кн. XIV. С. 159-174.
- Георгиева Ив. Етнос, етносоциален организъм, етнически процеси // Векове. I. I. София, 1972. С. 44.
- Георгиева Ив. Дискусия по проблемите на етноса сред съветските учени // Ипр. XXX. № 1. 1974. С. 111.
- Георгиева Цв., Цанев Д. Христоматия по история на България, III. София, 1982.
- Гераськова Л.С. Скульптура середньовічних кочовив степів Східної Європи. Киев, 1991.
- Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
- Гешев И. Задругата в Западна България // Думи и дела, финансови и икономически студии. София, 1899.
- Гизер С.Н. Турецкий источник по истории буджакских ногайцев // <http://vostlit.narod.n/texts/DocumentaryArurk/XYIN/1740-1760/Mustafa111/03.1759.htm>
- Гиренко Н.М. Классификаторский принцип и периодизация эволюции системы родства // Труды Института этнологии АН СССР. 1980. Т. 109.
- Главчева А.Г. О технологиях построения гражданского общества в Гагаузии // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях (Этнологические очерки). М.: Старый сад, 2005а. С. 333-365.
- Главчева А.Г. Антропология неправительственных организаций. Элементы формирования гражданского общества в постсоветской Гагаузии // VI конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы. 28 июня – 2 июля 2005 г. СПб., 2005б. С. 93.
- Гладкова Т.Д. Кожные узоры кисти и стопы обезьян и человека. М., 1966.
- Говорит элита республик Российской Федерации. Сто десять интервью Леокадии Дробижевой с политиками, бизнесменами, учёными, деятелями культуры, религии, лидерами оппозиционных движений. М., 1996.
- Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1994.
- Годелье М. Загадка дара. Москва: Восточная литература, 2007. 295 с.
- Гоев А. Обредното лечение чрез баене в българската народна медицина // Етнографски проблеми на народна духовна култура. София, 1989. С. 122-150.
- Голден П. Кумано-кыпчакские племена и роды // Мысль. 1999. № 3. С. 76-79.
- Головнев А.В. Антропология движения. (Древности Северной Азии). Екатеринбург, 2009.
- Голубинский Е.И. История русской церкви. М., 1904.
- Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар // Университетские известия. Год 23-й. № 1. Киев, 1883.

Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар // История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884а.

Голубовский П.В. Об узак и торках // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1884б, июль.

Голубовский П.В. Половцы в Венгрии: исторический очерк. Киев, 1889.

Гордлевский В.А. Изъ комментариевъ къ старо-османскому переводу хроники мало-азийских сельджуков, т.-н. хроники Ибнъ-Биби // Оттиск из Древностей Восточных. Т. IV. Вып. 1. М., 1912. С. 1-17.

Гордлевский В.А. Османская свадьба // ЭО. 1914. № 3-4.

Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.-Л., 1941.

Гордлевский В.А. Что такое «босый волк»? // Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка. Т. VI. Вып. 4. М., 1947. С. 495–496.

Гордлевский В. Рождение ребёнка и его воспитание // ЭО. 1950. № 3-4.

Гордлевский В.А. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве».) // Гордлевский В.А. Избр. соч. Т. II. М., 1961а. С. 482-504.

Гордлевский В.А. Из наблюдений над турецкой песней // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. М., 1961б. Т. II. С. 224-260.

Гордлевский В.А. Народный календарь // Гордлевский В.А. Избр. соч. Т. III. М.: Восточная литература, 1962а. С. 58-65.

Гордлевский В.А. Греки в Османской империи // Гордлевский В.А. Избр. соч. Т. III. История и культура. М., 1962б. С. 137-141.

Гордлевский В.А. Двоеверы // Гордлевский В.А. Избр. соч. Т. III: История и культура. М., 1962в.

Гордлевский В.А. Османские суеверия о зверях. Материалы для османского народного календаря. Избр. соч. Т. IV. М.: Наука, 1968а. С. 88–91.

Гордлевский В.А. Элементы культуры у касимовских татар // Гордлевский В.А. Избр. соч. Т. IV. М., 1968б. С. 188-213.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии. 1901 // Труды XII Археологического съезда. Том 1. М., 1905.

Городцов В.А. Результаты Археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда. Том 1. М., 1907.

Городцов В.А. Бытовая археология. М., 1910.

Гофман А.Б., Левкович В.П. Обычай как форма социальной регуляции // СЭ. 1973. № 1. С. 15.

Градева А. О некоторых проблемах формирования османской системы управления (XIV – начало XVI вв.) // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990.

Градешиев И. Коледуването в село Българево, Толбухински окръг, в сравнение с традициите на старото местно население от Севороизточна България // БФ. 1987. Год. XIII. Кн. 1. С. 46-54.

Градешиев И. Краят на един мит и началото на една легенда // Ипр, София, 1991. Кн. 1. С. 80-89.

Градешиев И. Гагаузите в Северна Добруджа. Поселищни проучвания. Кн. 4. София, 1993.

Градешиев И. Гагаузите. Изд. 2. Добрич: Людмил Бешков, 1994. 127 с.

Градешиев И. Христианството при гагаузите // Палеобалканистика и старобългаристика. Първи есенни национални четения «Професор Иван Гълъбов». Велико Търново: ВТУ. 1995. С. 373-380.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния (по материалам исследований 1953–1960 гг.). М., 1961а.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961б.

Гребенарова С. Календарни обичаи и обреди // Странджа. Материална и духовна култура. София: БАН, 1996. С. 305-350.

Грек И.Ф. Общественное движение и классовая борьба болгар и гагаузов юга России (конец 20-х – середина 50-х гг. XIX в.). Кишинёв, 1988.

Грек И.Ф. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века. Кишинёв: Штиинца, 1993а.

Грек И.Ф. Преселването на българите от Бесарабската част на Молдовското княжество в Приазовието (края на 50-те – началото на 60-те години на XIX в.) // БСП. Т. 4. Велико-Търново: ВТУ Св. св. Кирил и Методий, 1993б. С. 433-446.

Грек И.Ф. Из архива на доцент Иван Иванович Мещерюк // БСП. Т. 4. 1995. С. 433-446.

Грек И.Ф. И. И. Мещерюк – исследователь истории и культуры болгар и гагаузов Бессарабии, их научно-общественный деятель-возрожденец середины XX столетия // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Сб. статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещерюка. Кишинёв: «S.Ş.B.», 1999. С. 20-40.

Грек И.Ф. Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в. – 1995 г. (Библиографический указатель литературы). Кишинёв: «S.Ş.B.», 2003. 664 с.

Грек И.Ф. Только вместе // По пути национальной духовности болгар Молдовы. Кишинёв, 2005. С. 59-65.

Грек И.Ф. Учебные заведения в гагаузских и болгарских поселениях (первая половина XIX в.) // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинёв: Pontos, 2006. С. 436-463.

Грек И.Ф. Этноним «гагауз» и плоттоним «гагаузский язык» (этногенез и этническая история гагаузов в XIX – начале XX вв. в условиях Бессарабии) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Культура адаптации и адаптация культуры». 20 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007а. С. 260-269.

Грек И. Ф. Этноним «гагауз» и плоттоним «гагаузский язык» (этногенезис гагаузов в XIX – начале XX в. в условиях Бессарабии) // Журнал этнологии и культурологии. Т. II. Кишинев, 2007б.

Грек И.Ф. Иван Иванович Мещерюк в жизни бессарабских гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10. Личность и группа: векторы трансформационных изменений / Составители: И.Ф. Грек, М.Н. Губогло, Л.В. Федотова. Общая редакция: М.Н. Губогло. М., 2010. С. 224-229.

Грек И. Ф. Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII – начало XIX вв.) // STRATUM plus, № 6. 2010. «Слова и вещи». Кишинев, 2010. С. 337-338.

Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще. София: Изд. къща «Христо Ботев», 1993. 296 с.

Григоров Г. «По националност съм гагаузин, макар и с чисто българско име...» // Българи и гагаузи – заедно през годините. Комрат, 2007а.

Григоров Г. Начало гагаузской литературы // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 1. Одесса: Паллада, 2007б. С. 162-173.

Григоров Г. Кирило-Методиевски традиции в гагаузкото просвещение // Българи и гагаузи – заедно през годините. Комрат, 2007в.

Григоров Г. Изборът на националност при Бесарабската фамилия Чакир // Автобиографични траектории на Балканите. Благоевград, 2008а.

Григоров Г. Представата за родина и национална принадлежност в творчеството на гагаузкия книжовник Дмитрий Чакир // Българският език в Молдова. № 8. Комрат, 2008б. С. 89-92.

Григоров Г. Българите в АТО Гагауз Ери // Българите в Северното Причерноморие. Т. 10. Одеса–Велико Търново, 2008в. С. 300-307.

Григоров Г. Славянский уклон в творчестве гагаузского фольклориста Михаила Чакира // Славянская традиционная культура и современный мир. М., 2008г.

Григоров Г. Памет и забравата за процесът на преселението сред българските общности в Бесарабия // Балканистичен форум. № 1-2. 2009а.

Григоров Г. Гагаузы в Османской империи – невидимое присутствие // Лукоморье: археология, етнология, история Північно-Західного Причорномор'я. Науковий журнал. Вып. 3. С. 236-257. Одеса, 2009в.

Григоров Г. Славяно-български традиции в гагаузкото просвещение. Принос на рода Чакир в самоопознаването на гагаузите // Българите от Молдова и Украйна – език, литература, история, култура и образование. София, 2009г. С. 104-109.

Григоров Г. Комратското тефтерче. Издателство ДТМ. София, 2010а.

Григоров Г. Гагаузките азбуки // Българският език в Молдова. № 10, Комрат, 2010б. С. 16-25.

Григорович В.И. Очерк путешествия по Европейской Турции // Ученые записки Казанского университета. Кн. III. Казань, 1848.

Григорович В.И. Как выражались отношения Константинопольской церкви к окрестным народам и преимущественно болгарам в начале XIX столетия. Одесса, 1866.

Григорович В.И. Собр. соч. Одесса, 1916.

Гриценко В. Социальный капитал и гражданское общество (Рец. на статью: Francis Fukuyama. Social Capital and Civil Society) // <http://sdc.centro.ru>

Гришаев И. А., Курогло С. С. Семейно-бытовая сфера жизни гагаузов // Российский этнограф. Вып. 17. М., 1993. С. 73-113.

Грозданова Е. Каварна и Каварненско през XV–XVIII в. // Каварна. Т. I. София, 1984.

Грозданова Е. Събиране на данък джизие в българските земи през XVII–XVIII в. // Ипр. Кн. 5. София, 1970.

Громыко М.М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5. С. 70-80.

Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян в XIX в. М., 1986. 274 с.

Громыко М.М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII–XIX вв. // Русские. Семейный и общественный быт. М., 1989. С. 7-24.

Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

Гросул Я. Крестьяне Бессарабии. Кишинёв, 1956.

Гросул Я.С., Будак И.Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1861–1905). Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1972. 603 с.

Грунин Т.И. Документы на половецком языке XVI в. М., 1967.

Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. 1950. № 12. С. 128-155.

Губогло М.Н. О происхождении каракачан (краткий обзор работ о каракачанах) // СЭ. 1966. № 4.

Губогло М.Н. Этническая принадлежность гагаузов (историография проблемы) // СЭ. 1967а. № 3. С. 159-167.

Губогло М.Н. Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова (К вопросу о происхождении гагаузов). Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1967б. 14 с.

Губогло М.Н. К вопросу о периодизации этнической истории гагаузов // Этническая история и современное национальное развитие народов мира. М., 1967в.

Губогло М.Н. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии (Материалы и исследования). Кишинёв: Штиинца, 1968. С. 51-60.

Губогло М. Н. О роли личности в этнической истории (Штрихи к жизнедеятельности Изеддина Кейкавуса II // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: К 70-летию академика В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М.: Наука, 2011б. С. 474-497.

Губоглу М.П. Два указа (1801 г.) и «Священный рескрипт» (1802 г.), связанные с турецко-русско-румынскими отношениями // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. Под. ред. А.С. Тверитиновой, М., 1969а. С. 238-274.

Губогло М.Н. Гагаузы // Наука и жизнь. М., 1969б. № 10. С. 99–103.

Губогло М.Н. Буджак, Буджак – степь и гагаузы // Кодры. Кишинёв, 1971а. № 11. С. 122.

Губогло М.Н. Гагаузская терминология по скотоводству // Тюркская лексикология и лексикография. М.: Наука, 1971б. С. 217-236.

Губогло М.Н. Этнолингвистические процессы на юге Молдавии // Этнография и искусство Молдавии. Кишинёв: Штиинца, 1972.

Губогло М.Н. Гагаузская антропонимия как этногенетический источник // СТ. 1973а. № 2. С. 84-92.

Губогло М.Н. Языковые контакты и элементы этнической идентификации. М., 1973б.

Губогло М.Н. Социально-культурное развитие гагаузов (Программа исследования и некоторые вопросы методики) // Известия АН МССР. Серия общест. наук. Кишинёв, 1977. № 5.

Губогло М.Н. Особенности распространения двуязычия и многоязычия в этноконтактной зоне // Украинско-молдавские этнокультурные взаимосвязи в период социализма. Киев, 1987.

Губогло М.Н. Экспертное заключение по вопросу о создании национальной государственности гагаузов в СССР // Знамя. Чадыр-Лунга, 1990. 7 июля.

Губогло М.Н. Энергия памяти. О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти. М., 1992. 127 с.

Губогло М.Н. К изучению гагаузов в тюркоязычном мире Юго-Восточной Европы // Российский этнограф. Вып. М., 1993. С. 7-20.

Губогло М.Н. Гагаузы // Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1998а.

Губогло М.Н. Этничность, гражданственность, идентичность. М., 1998б.

Губогло М.Н. Религиозность, этничность, государственность // Этнопанорама. 2000. № 3.

Губогло М.Н. Комрат – цитадель самоопределения гагаузов // Город – конрапункт цивилизаций: европейское, азиатское и российское измерения. Опыт миллениума. М., 2002.

Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003а. 764 с.

- Губогло М.Н. Национальные меньшинства Молдовы: генезис и типология идентичности // В лабиринтах самоопределения. Т. 1. Этническая мобилизация национальных меньшинств. М., 2003б.
- Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов (вторая половина XX века). М.: Старый сад, 2004а. 432 с.
- Губогло М.Н. Драма собственника нашего времени // Отечественная история. М., 2004б. № 1. С. 93-112.
- Губогло М.Н. Концептуально-понятийное переоснащение этнической проблематики в научных исследованиях и политической практике. М., 2004в. С. 37-38.
- Губогло М.Н. Культ волка в евразийском пространстве. Эксклюзивы и универсалии в этногенезе гагаузов // VI конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы. 28 июня – 2 июля 2005 г. СПб., 2005а. С. 94.
- Губогло М.Н. Культ волка у гагаузов. Этнокультурные параллели в тюркском мире // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях (Этнологические очерки). М.: Старый сад, 2005б. С. 408-446.
- Губогло М.Н. Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М.: Наука, 2006а. 498 с.
- Губогло М.Н. О солидарности в межэтнических отношениях // Первый Всемирный конгресс гагаузов. Кишинёв, 2006б.
- Губогло М.Н. Тропой этносоциологии // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова». Постсоветский период», посвящённого 40-летию этносоциологических исследований. 25-26 сентября 2006 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2006в. С. 12-34.
- Губогло М.Н. О религиозной (ли?) идентичности. Методологические заметки в связи с изучением ментальности гагаузов // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова». Постсоветский период», посвящённого 40-летию этносоциологических исследований. 25-26 сентября 2006 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2006г. С. 206-231.
- Губогло М.Н. Концептуально-методическая ответственность в познании этнического фактора // Русин. Международный исторический журнал. № 4 (6). Кишинёв: „ELENA-V.I.”, 2006д. С. 60-80.
- Губогло М.Н. Национально-культурная автономия // Государственная Дума Российской Федерации 1993-2006. Энциклопедия в 2-х томах. М., 2006е.
- Губогло М.Н. Адаптации: от инфантилизма к мобилизму // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007а. С. 11-23.
- Губогло М.Н. Ответственность культуры и культура ответственности в ментальности гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007б. С. 258-300.
- Губогло М.Н. Гагаузы и Гагаузия в контексте российско-молдавских отношений. Вместо предисловия // Курсом развивающейся Молдовы. Том 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г., г. Комрат. Сост.: Л.В. Федотова. Ред.: М.Н. Губогло. М.: Старый сад, 2007в. С. 11-32.
- Губогло М.Н. Этнические качели. Проблемы смещения этнической специфики с материальной в духовную сферу и обратно // Diversitatea expresiilor culturale ale habitatului tradițional din Republica Moldova. Materialele Conferinței Internaționale. Chișinău, 2-4 august, 2007. Chișinău: Cartdidact, 2007г. P. 275-283.
- Губогло М.Н. Апология труда // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007д. С. 90-148.
- Губогло М.Н. Спохохи прошлого. Автобиографические зарисовки. Кишинёв: Tipogr. Centrală, 2008а. 560 с.
- Губогло М.Н. Утомлённые оглядом на запад // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 4. Материалы к III Российско-Молдавскому симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». 2008 г., Т. 4. Комрат. М.: Старый сад, 2008б. С. 21-56.
- Губогло М.Н. Сам себе этнолог // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 4. Chișinău, 2008в. P. 76-87.
- Губогло М.Н. Драматургия принудительной адаптации спецпереселенцев. Из Курганского опыта середины XX века // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики). М.: Типограф. ООО Интер-принт, 2008г. С. 121-166.
- Губогло М.Н. Энергия и инерция соционормативной культуры. М., 2008д.
- Губогло М.Н. Сохранение и обогащение культурного наследия во взаимодействии с диаспорой. Критические размышления о Всемирных конгрессах гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 7. Гостеприимство и ярмарки как институты соционормативной культуры / Сост. М.Н. Губогло, Л.В. Федотова. М., 2009а. С. 68-131.
- Губогло М.Н. Хору («групповой танец») и панаир (ярмарка) в системе соционормативной культуры гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов» 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2009б. С. 197-225.
- Губогло М.Н. Воображаемая вероятность: новейшие размышления о происхождении гагаузов. М.: ИЭА РАН, 2010. 352 с.
- Губогло М.Н. Огузы и гагаузы: воображаемые предки и реальные потомки // Origin of Turkmen People and Development of World Culture. Ashabad, 2011а. С. 425-426.
- Губогло М.Н. О роли личности в этнической истории (Штрихи к жизнедеятельности Изеддина Кейкавуса II // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: К 70-летию академика В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М.: Наука, 2011б. С. 474-497.
- Губогло М.Н., Дубова Н.А. Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 174. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004, 29 с.
- Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001.
- Губогло М.П. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. Под. ред. А.С. Тверитиновой М., 1964. С. 131-161.

Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев, 1984.

Гумилёв Л. Н. Хунну. М., 1960. 292 с.

Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989а. 496 с.

Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989б.

Гумилёв Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку: Азернешр, 1991. 301 с.

Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967; М., 1993а.

Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993б.

Гумилёв Л. Н. От Руси к России. М., 1994. 335 с.

Гундогдыев О. Культ коня у туркмен // Народы Средней Азии: время и традиции. Ашхабад, 1993. С. 19-20.

Гундогдыев О. Прошлое туркмен. М., 1998.

Гунчева Е. Описание гагаузского говора села Раковски, Толбухинского округа // Балканско езиковедие. 1978. № 3. С. 61-81.

Гургузов Д. И. Гагаузы – потомки тюрк-огузов или славяно-болгар? Изд. 1. Кишинёв: Болгарское издательство «Родно слово», 1998. 164 с.

Гургузов Д. И. Этнографические и другие данные о происхождении гагаузов. Кишинёв: Ф.Е.-Р. «Tipografia Centrala», 2003.

Гуркин С. В. Еще раз о святилищах половецкого времени // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991. Вып. 11. Азов, 1993.

Густерин П. В. Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. М., 2008. 109 с.

Гьльбов Вж. Г. Мюсюлманско право. София, 1924.

Гюзелев В. Chronicon Mesembriae (Бележки върху историята на българското Черноморие в периода 1366–1448 г.) // ГСУ. ИФ. LXVI. Кн. 3. 1975.

Гюзелев В. Хан Аспарух и образуването на българската държава // Военно-исторически сборник. № 4. 1981а.

Гюзелев В. Българската държавност в актове и документи. София, 1981б.

Гюзелев В. Несебърската местна хроника от XIV–XV в. Като извор за историята на българското черноморско крайбрежие // Средновековна България в светлина на нови извори. София, 1981в.

Гюзелев В. Извори на средновековната история на България (VII–XV в.) в австрийските сбирки и архиви. София, 1994.

Гюзелев В. Венециански документи за история на България и българите от XIII–XIV в. София, 2001.

Да будет воля твоя. Житие и труды священикомученика Серафима (Чичагова). М., 2003. Цит. по: Возглас. 2003. № 10, июнь.

Далгат У. Б. Эпический историзм в развитии // Фольклор. Проблемы историзма. М. 1988. С. 72-99.

Даль В. Толковый словарь. М., 1882. Т. 4.

Данилов Г. Исследования върху демографията на България // Списание на БАН. Кн. XXVI. София, 1931.

Данилова Е. И. Гематологическая типология и вопросы этногенеза украинского народа. Киев, 1971.

Данин Д. Резерфорд М. М., 1967. 621 с.

Дашикевич Я. Р. Армяно-кыпчакский язык XV–XVII вв. в освещении современников. Об использовании экстралингвистических данных для истории тюркских языков // ВЯ. 1981. № 5. С. 79-92.

Дашикевич Я. Р. Армяно-кыпчакский язык: этапы истории // ВЯ. 1983. №1. С. 91-107.

Дашикевич Я. Р. Codex Cumanicus – вопросы возникновения // ВЯ. 1985. № 4.

Дашикевич Я. Р. Codex Cumanicus – вопросы декодирования // ВЯ. 1986. № 5. С. 79-86.

Дашикевич Я. Р. Codex Cumanicus – действительно ли Cumanicus // Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 62-74.

Дашикевич Я. Р., Трыярски Э. Каменные бабы причерноморских степей. Коллекция из Аскания-Нова. Варшава, 1982.

Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 1 очереди Калмыцко-Астраханской оросительной системы за 1981 г. // Архив ИА РАН. 1981. Р. № 9905, 9905а-в.

Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. 1952. № 1.

Девичий альбом XX века // Русский школьный фольклор: От «высказываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М., 1998.

Деде Коркут / Пер. академика В. В. Бартольда. Подготовили к печати Гамид Араслы, М. Г. Тахмасиаб. Баку, 1950.

Деление уездов на однородные в хозяйственном отношении местности. Кишинёв, 1912.

Демиденко Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР (На материалах колхозов Болградского района Одесской области). Киев, 1970.

Демидов С. М. О верованиях и обычаях туркмен, связанных с огнем // Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965. С. 163–190.

Демир Баба – железняк Баща. Сборник легенды и научни изследвания / Под общата ред. на проф., д.и.н. Александр Фол. София, 2005.

Демир Д. Профессор Михаил Губоглу // газета «Знамя». 20 декабря, 1990 г.

Демир С. Антропонимия греков Донецкой области Украины // Имя и этнос. М., 1996. С. 104-113.

Демократическая партия: 10 лет вместе со страной. б. м., б. г.

Демченко Н. А. Земледельческие орудия болгар и гагаузов Молдавии и Украины в XIX – начале XX вв. // Etudes Balkaniques. Sofia, 1974. № 4. Р. 161-180.

Демченко Н. А. Виноградарство и виноделие Молдавии в XIX – начале XX вв. Кишинёв: Штиинца, 1978. 143 с.

Демченко Н. А. Земледельческие орудия гагаузов и болгар юга Бессарабии и Украины в XIX в. первой половины XX в. // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003. С. 111-114.

Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1969. 175 с.

Денчев Б. Варна след Освобождението. Едно закъсняло възраждане на българщината. Изд. 1. София: Анубис, 1998. 350 с.

Денчева В. Обичаят «помана» в Северозападна България // Векове. София, 1991. Кн. 5. С. 52-57.

Денчева Р. Джадията във вярванията на гагаузите от Вълчидолско, Варненска област в края на 80-те г. на XX в. // Демоните – образи и символи в миналото и днес. Средец, 2006.

Дергачёв В. А. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Приднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы // Stratum plus. 1999. № 2. С. 169-221.

Державин Н. С. Болгарские колонии в России. Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии. София: Державна печатница, 1914. 233 с.

Державин Н.С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // СЭ. 1937. № 1. С. 80-86.

Дерменджи М.М. Село Червоноармейское (Кубей), Болградского района, Одесской области. Болград, 1989.

Дерменджи М.М. Итраф (Исповедь). Эссе. Одесса: Маяк, 1995.

Дерменджи М.М. Каршылышмаклар (Встречи). Повесть. Одесса: Маяк, 2002.

Деятельность архиепископа Иринарха в период управления им Кишинёвской епархией (1844–1858) // КЕВ. 1911. № 33–34. С. 1148-1150.

Джингов Г., Балканска А., Йосифова М. Калиакра. София: ИК «Проф. Марин Дринов», 1989. 207 с.

Дикционар диалектал ал лимбей молдовенешть. Кишинэу, 1985. Т. I–II; 1986. Т. III, IV, V.

Димитриу П. Фамильные драгоценности // Июньские ночи. М., 1952.

Димитров Б. България в средновековната морска картография. София, 1984.

Димитров Г. Княжество България в историческо, географическо и етнографическо отношение. Ч. 1, Пловдив, 1894; Част II. Пловдив: Търговска печатница, 1896. 539 с.

Димитров Г. Гагаузи (потеклото им и произхода на думата) // ИВАД. Кн. II. 1909. С. 15-32.

Димитров Д. Прабългарите и славяни във Варненския край непосредствено след създаването на българската държава // Средновековна България и Черноморието. Варна, 1980. С. 89-109.

Димитров Д. Прабългарите по северното и западното Черноморие. Варна: Георги Бакалов, 1987. 303 с.

Димитров И.К. Преселение на сельжукски турци в Добруджа около средата на XIII в. // Списание на БАН. Кн. X. Бр. 6. София, 1915. С. 23-40.

Димитров Стр. Възстанието от 1850 г. в България. София: БАН, 1972.

Димитров Стр. Управителят на Провадийската крепост по време на османското нашествие // Векове. София, 1977. № 5.

Димитров Стр. Этнически и религиозни процеси сред българската народност през XV–XVII в. // Българска етнография. VI. I. 1980. С. 16-34.

Димитров Стр. Османски извори за историята на Добруджа и Североизточна България. София: БАН, 1981. 427 с.

Димитров Стр. Към демографската история на Добруджа през XV–XVIII в. // Известия на българското историческо дружество. София, 1983. № 35. С. 27-59.

Димитров Стр. Някои проблеми на етническите и ислямизационно-асимиляционните процеси в българските земи през XV–XVII в. // Проблеми на развитието на българската народност и нация. София, БАН. 1988. С. 33-56.

Димитров Стр. Гагаузкят проблем // БСП. Т. 4. Велико-Търново: ВТУ «Св. св. Кирил и Методий», 1995. С. 147-167.

Димитров Стр. Още едно мнение за името «гагаузи» // БСП. Т. 5. Велико-Търново: ВТУ «Св. св. Кирил и Методий», 1996. С. 199-219.

Димитров Стр., Жечев Н., Тонев В. История на Добруджа. Т. 3. София, 1988. 327 с.

Димитрова Д. Етнолингвистични изследвания и теренната работа (по материали от кв. Винаца – гр. Варна) // Украйна и България. Етнокултурни и етнолингвистични аспекти. София: Албатрос, 1999. С. 87-100.

Димогло С. С. Практические аспекты становления национальных структур самоуправления Гагаузии // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003. С. 57-70.

Диневков П. Български фолклор. Първа част. Второ издание. София, 1972.

Динчев К. Българската фолклорна култура от Таврия (и от Бесарабия) в историческом контексте // БСП. Т. 3. Велико Търново: ВТУ «Св. св. Кирил и Методий», 1994. С. 341-350.

Диханов В.Я. Календарна обрядовість болгар та гагаузів Південної України. Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Киев, 2001а. 18 с.

Диханов В.Я. Свята Різдвяного поста у традиційному календарні болгар і гагаузів України // Етнічна історія народів Європи. Одеса, 2001б. Вип. 8.

Диханов В.Я., Шабашов А.В. Особливості традиційної календарної обрядовості гагаузів України // Етнонаціональний розвиток в Україні та стан української етнічності в діаспорі: сутність, реалії конфліктності, проблеми та прогнози на порозі XXI століття. Тези п'ятої Міжнародної науково-практичної конференції 22-25 травня 1997 р. Київ–Чернівці, 1997.

Дичев Т. Народните танци у «хасъл» гагаузите // Любородие. Издание на Съюза на краеведите в България. 1993а. Бр. 4. С. 2.

Дичев Т. Предания за народното деление на годината и пролетно-летните полски дейности (от с. Червенци и Караманите, Варненско) // Любородие. Издание на съюза на краеведите в България. 1993б. Бр. 4. С. 2.

Дмитриев Н.К. Материалы по османской диалектологии. Фонетика караманлицкого языка // Записки коллегии востоковедов. Л.: Изд. АН СССР, 1928. Т. III. Вып. 2. С. 417-458.

Дмитриев Н.К. Долгие гласные в гагаузском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. I. Фонетика. М.: АН СССР, 1955. С. 203-207.

Дмитриев Н.К. К вопросу о словарном составе гагаузского языка // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962а.

Дмитриев Н.К. Фонетика гагаузского языка // Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М.: Восточная литература, 1962б.

Дмитриев Н.К. Гагаузские этюды // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М.: Восточная литература, 1962в.

Дмитриева С.И. Слово и обряд в мезенских заговорах // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 36-49.

Добрева Д. Житейски разкази и идентичност (По записи от с. Радуил, Самоковско) // БФ. 1994. № 5. С. 57-69.

Добролюбовская Ю.А., Добролюбовский А.О. «Храни меня, мой талисман» // Stratum plus. 1999. № 6. С. 333–336.

Добролюбовский А.О. Этнический состав кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в золотоордынское время // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Кишинёв, 1982. С. 28-39.

Добролюбовский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986.

Добролюбовский А.О. Тайны причерноморских курганов. Одесса, Маяк, 1989.

Добролюбовский А.О., Руссев Н.Д. Новые аспекты изучения кочевнических древностей на западе Золотой Орды // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинёв, 1985. С. 60-61.

Добролюбовский А.С., Дзигевский А.М. Памятники кочевников IX–XIV вв. на западе причерноморских степей. Материалы к археологической карте // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.

Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София: БАН, 1974. 497 с.

Добруджански глас // Вестник. 28.VII.1935. С. 2; 18.IX.1935. С. 2.

Довженко В.И. Сторожевые города на юге Киевской Руси // Славяне и Русь. М., 1968.

Довнар-Запольский М.В. Исследования и статьи. Т. I. Киев, 1909.

Докторов Хр. «Заешка игра» у гагаузите в Добрич // ИВАД. 1912. Кн. V. С. 5-6.

Докучаев В.В. К вопросу о соотношении между возрастом и высотой местности с одной стороны, характером и распределением чернозёмов, лесных земель и солонцов – с другой // Докучаев В. В. Избр. соч. М., 1949.

Долинова Н.А. Материалы по кожному рельефу народов Молдавии // Полевые исследования института этнографии. 1976. М., 1978. С. 174-179.

Долинова Н.А. Новые данные по дерматоглифике русских и коми // Вестник антропологии. Вып. 11. М., 2004.

Долинова Н.А., Харламова Н.В. Дифференциация гагаузов по признакам кожного рельефа // ПИИЭА. 2003. М., 2005. С. 165-177.

Донесения об испытаниях в Тираспольском уездном училище, Кишинёвской гимназии и о болгарских народных училищах в Бессарабии, представленные попечителю округа ординарным профессором Новороссийского университета В. И. Григоровичем // Циркуляр Одесского учебного округа. Одесса, 1869. № 7. отд. II. С. 283-308.

Донич А. Краткое собрание законов, извлеченных из царских книг // Арменопуло К. Местные законы Бессарабии. Одесса: Бутковский и Стамерев, 1908. 161 с.

Дончев К. Обичайно наследственно право на българското село от Освобождението до 40-те години на XX в. (По материали от Северозападна България) // БЕ. 1996. Кн. 2. С. 65-72.

Дописки от Варна в архива на Г.С. Раковски, № 7844 от 15 юни 1861 // ИВАД. 1912. Кн. V. С. 6-8.

Дорош Е. Деревенский дневник. М., 1958.

Драганов П.Д. Bessarabiana. Ученая, литературная и художественная Бессарабия. Алфавитный библиографический указатель. Кишинёв: Типо-Литография Ф.П. Кашевского, 1911. Переиздано: Кишинёв: Universitas, 1993. 284 с.

Дражева Р.Д. Обряды, связанные с охраной здоровья в праздник летнего солнцестояния у восточных и южных славян // СЭ. 1973. № 6. С. 109-119.

Дражева Р.Д. Трудови и професионални празници и обичаи // Родопи. София, 1994.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии / Сб. ст. под ред. В. Н. Баилова. М., 1986. 205 с.

Дрига И.М. Караманлійські пам'ятки гагаузів // Східний світ. До 90-річчя Національної академії наук України. Київ, 2008. № 3. С. 190-202.

Дримба В. Исследования по фонетике гагаузского языка (I-II) // Revue de linguistique. Т. VI. 1961. № 2. Р. 239-258; Т. VII. 1962. № 1. Р. 141-169.

Дримба В. Исследования по тюркской филологии в Румынии // СТ. 1977. № 5. С. 52-69.

Дринов М. Историческо осветление в статистиката на народностите в источна част на Българското Княжество // Псп. 1884. № 7. С. 1-24; № 8. С. 68-75.

Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы совместимости // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад, 2008. С. 19-23.

Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М.: Мысль, 1996. 382 с.

Дрон И.В. Топонимия гагаузских сёл Молдавской ССР // СТ. 1982. № 4. С. 41-51.

Дрон И.В. Тюркско-восточнороманские языковые взаимосвязи (гагаузская терминология по скотоводству молдавского происхождения) // СТ. 1984. № 4.

Дрон И.В. Гагаузские этнонимы и этногидронимы ногайского происхождения // СТ. 1985. № 3. С. 8-19.

Дрон И. В. Гидронимы гагаузов Молдавской ССР // СТ. 1987а. № 2.

Дрон И.В. Современная топонимия гагаузского региона Молдавии. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1987б.

Дрон И.В. Гагаузские географические названия. Кишинёв: Штиинца, 1992. 184 с.

Дрон И.В. К вопросу об исследовании образования и перенесения топонимов задунайскими переселенцами из Болгарии в XIX в. // Вопросы истории и культуры болгар Молдовы и Украины. Кишинёв: Штиинца, 1997а. С. 109-114.

Дрон И.В. Хронологизация и происхождение наименования *Кирсова* // Вопросы истории и культуры болгар Молдовы и Украины. Кишинёв: Штиинца, 1997б. С. 115-118.

Дрон И.В. Названия гагаузских сёл Молдавской ССР // Studii și cercetări (Articole selecte) Chișinău: Pontos, 2001а. Р. 327-338.

Дрон И.В. (Дрон I.) Комрат – этнотопоним ногайского происхождения // Studii și cercetări (Articole selecte). Chișinău: Pontos, 2001б. Р. 152-158.

Дрон И.В. (Дрон I.) О географических названиях с окончанием *-лия* // Studii și cercetări (Articole selecte). Chișinău: Pontos, 2001в. Р. 277-279.

Дрон И.В. (Дрон I.) Кто такие гаджалы? (к вопросу гагаузского субэтнонима *гаджал*) // Studii și cercetări (Articole selecte). Chișinău: Pontos, 2001г. Р. 321-323.

Дрон И.В. (Дрон I.) Происхождение этнонима *читак* // Studii și cercetări (Articole selecte). Chișinău: Pontos, 2001д. Р. 324-327.

Дрон И.В. (Дрон I.) Гагаузская терминология по скотоводству молдавского происхождения // Studii și cercetări (Articole selecte). Chișinău: Pontos, 2001е. Р. 342-353.

Дрон И.В. (Дрон I.) Несколько замечаний касательно «эволюции процессов расселения гагаузов в Буджаке в конце XVIII – первой четверти XIX вв.» // Studii și cercetări (Articole selecte). Chișinău: Pontos, 2001ж. Р. 353-358.

Дрон И.В. (Дрон I.) Гагаузы: реальность или околонучный вздор // Studii și cercetări (Articole selecte). Chișinău: Pontos, 2001з. Р. 358-377.

Дрон И.В. (Дрон I.) О происхождении экзотнонима *тукан* // Studii și cercetări (Articole selecte). Chișinău: Pontos, 2001и. Р. 389-392.

Дрон И.В. (Дрон I.) Словарь гагаузских географических терминов. Chișinău: Pontos, 2001к. 244 с.

Дрон И.В. О происхождении топонима Вулкэнешть на юге Бессарабии // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвященной 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003. С. 124-131.

Дрон И.В., Курогло С.С. Современная гагаузская топонимия и антропонимия. Кишинёв: Штиинца, 1989. 216 с.

Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформы Киселёва. Т. 2. М-Л., 1958.

Друцэ И. Поле души человеческой. Рассказы. Повести. Романы. Пер. с молдавского. М., 1977.

Дубов И.В. И поклоняешься идолу каму... СПб., 1995.

Дубова Н.А., Варзарь А.М., Суворова Н.А., Рожанская Е.А. Антропологические исследования на юге Молдавии // Полевые исследования Института этнологии и антропологии 2002. М., 2004. С. 87-101.

Дуйчев Ив. Из старата българска книжнина. I. София, 1940.

Дулбаев Б. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области // Записки Оренбургского отдела РГО. Вып. 4. Оренбург, 1991.

Дунайская баллада. Кишинёв: Литература артистикэ, 1988.

Дурбайло М. А. Гагаузские народные баллады с образом жёлтой змеи // СТ. 1990. № 2. С. 31-47.

Дурбайло М.А. Сөзбашы (Предисловие) // Баллада түркүлери. Кишинёв: Штиинца, 1991. 190 с.

Дурбайло М.А. Образ растений и их функции в гагаузских народных балладах // Ştiința. Chişinău, 1992a. № 4. P. 8.

Дурбайло М.А. Поэтические особенности гагаузских традиционных куплетов-поздравлений // Ştiința. Chişinău, 1992b. № 10. P. 11.

Дыренкова Н.П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков. Авункулат // СЭ. 1937. № 4. С. 18-45.

Дыханов В.Я. Основные праздники календарного обрядового комплекса болгар и гагаузов Украины. 1. Гергьовден (Идерлес) и Димитровден (Касым): Генезис и семантика образов // Записки исторического факультета. Вып. 5. Одеса: Одесский державний университет, 1997. С. 58-64

Дыханов В.Я. Основные праздники календарного обрядового комплекса болгар и гагаузов Украины. 2. Гергьовден (Идерлес) и Димитровден (Касым): Обрядность // Записки исторического факультета. Вып. 7. Одеса: Одесский державний университет, 1998. С. 34-44.

Дыханов В.Я. Обряд жертвоприношения в традиционной духовной культуре болгар и гагаузов Украины // Украина и Болгария: вікі історичної дружби (Материали міжнародної конференції, присвяченої 120-року визволення Болгарії від османського ига). Одеса, 1999a. С. 280-286.

Дыханов В.Я. Ислам – проводник переднеазиатских компонентов в духовной культуре болгар и гагаузов // III конгресс этнографов и антропологов России. 8–11 июня 1999 г. Тезисы докладов. М., 1999b. С. 309.

Дыханов В.Я. Культ умерших в календарной обрядности болгар и гагаузов Украины // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Сб. статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещеряка. Кишинёв: SŞB, 1999v. С. 177-198.

Дыханов В.Я. Традиционные системы календарных дат болгар и гагаузов // Археология та етнологія Східної Європи: Матеріали і дослідження. Одеса, 2000.

Дьячкова В.Л. Традиционный костюм Молдовы и Гагаузии. Особенности его декоративно-композиционного решения. Учебное пособие. Кишинёв: Tipărit Totex-Lux, 2005. 176 с.

Дьячук И. Гагаузское изобразительное искусство: Очерки и литературные портреты. Комрат, 2001.

Дьячук И. Волшебник красок // газета «Вести Гагаузии». 2003, 21 октября.

Дэвлет М.А. Большая боярская писаница. М., 1976.

Дюлгер Д. Бизим халкын билгижиси // газета «Вести Гагаузии». 23 ноября, 1996г.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Пер. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1986. 240 с.

Дякович Вл. Българска Бесарабия. София, 1918.

Дяченко В.Д. Антропологическое исследование гагаузов Молдавской ССР // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 15. 1952. С. 86-89.

Дяченко В.Д. Наслідки работ Української антропологічної експедиції 1956 року // Матеріали з антропології України. Вып. 1. 1960.

Дяченко В.Д. Антропологічний склад українського народу. Порівняльне дослідження народів УССР і сусідніх територій. Київ, 1965.

Дяченко В.Д. Антропологический состав и распределение некоторых наследственных факторов у народов Украинской и Молдавской ССР (сравнительно с другими народами). Доклад на VIII Международном конгрессе этнографических и антропологических наук. Токио, 1968. М., 1968.

Дяченко В.Д. Антропологический состав гагаузского народа (в связи с его происхождением) // Российский этнограф. Вып. 17. М., 1993. С. 199-204.

Бурић Ив. Сумрак Византије. Време Јована VIII Палеолога 1392–1448. Белград, 1984.

Евангелия гагаузча тюркчя / Пер. М. Чакир. Епархиальная типография, 1908.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Современного Алтая. Труды Государственного исторического музея. М., 1941.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952. № 24.

Егунов А.Н. Местные гражданские законы Бессарабии. СПб.: Типография М. Эттингера, 1881. Изд. 2-е. 256 с.

Единая Гагаузия (газета, изд. г. Чадыр-Лунга, Молдова).

Ени бааланты (Гагауз дилиндя). (Новый завет на гагаузском языке) / Чевирижи – Стефан Байрактар. М.: Балакрон, 2006. 434 с.

Еремеев Д.Е. Язык как этногенетический источник. СЭ, 1967. № 4. С. 62-74.

Еремеев Д.Е. Юрюки (Турецкие кочевники и полукочевники). М.: Наука, 1969. 105 с.

Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М.: Наука, 1971. 274 с.

Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы (Очерки о Турции и турках). М.: Наука, 1980. 238 с.

Ермоленко Л.Н. Могли ли раскрашиваться древнетюркские изваяния? // Степи Евразии в древности и средневековье (К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова). Кн. 2. СПб., 2002a. С. 236–239.

Ермоленко Л.Н. Древнетюркские изваяния с сосудом в двух руках // Первобытная археология. Человек и искусство (К 70-летию Я.И. Шера). Новосибирск, 2002b. С. 188–192.

Ермоленко Л.Н. Средневековые изваяния казахстанских степей. Новосибирск, 2004.

Ермуратский В.Н. Дмитрий Кантемир и его «Описание Молдавии» // Дмитрий Кантемир. Описание Молдавии. Кишинёв, 1973. С. V-XXVII.

Есауленко А. С., Ройтман М. Л. В. И. Ленин хем бүүк Октябринин Молдавияда енсейиши (В.И. Ленин и победа Великого Октября в Молдавии). Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1980.

Этнография на България. Духовна култура. Т. III. София: БАН, 1985. 283 с.

Этнография на България. Традиционна социално-нормативна култура. София: БАН, 1980. Т. I. С. 282–355.

Этнографски проблеми на народната духовна култура. София: БАН, 1989.

Жаворонков П.И. Тюрки в Византии (XIII – середина XIVв.). Ч. 1: Тюркская аристократия // Византийский временник. 2006. № 90.

Жданов В. Добролюбов. М., 1961.

Ждраков З. Проблемът за отпадането на Варненската и Видинската епархия от диоцеза на Търновската патриаршия в контекста на взаимоотношенията между Византийската и Българската църква през XIV век // Медиевистични ракурси. Топос и енигма в културата на православните славяни. София, 1993. С. 138-144.

Жекова Н.Т. Функционирование и развитие гагаузско-русского двуязычия / Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.

Живков Т. Народна поезия // Българска народна култура. Наука и изкуство. София, 1981. С. 174-180.

Живков Т. Ив. Етнокултурно единство и фолклор. София, 1987.

Жигульский К. Праздник и культура. М.: Прогресс, 1985. 330 с.

Жилина А.И. Современная материальная культура сельского населения Ташкентской области Узбекской ССР // Материальная культура народа Средней Азии и Казахстана. М., 1996. С. 140-145.

Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Жорницкая М.Я. К вопросу об изучении народного хореографического искусства тюркских народов Сибири // Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. Омск. 1984.

Жуковская Н.Л. Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели питания) // СЭ. 1979. № 5. С. 64-76.

Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.

Заблоцкий А. Статистические сведения об иностранных поселениях в России // Журнал Министерства Внутренних дел. СПб., 1838. Ч. 28. № 4. С. 1-83.

Забьлин Н. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1989 (Репринт. изд.). 607 с.

Завойчинский В. Селение Ленковцы Хотинского уезда // КЕВ. 1880. № 13.

Задерацкий П.Э. Болгаре, поселенцы Новороссийского края и Бессарабии // Москвитин. 1845. № 12. Ч. 6. Отд. 1. С. 159-187.

Зайончковский А. «Летопись Кипчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак») как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II, под. ред. А.С. Тверитиновой, М., 1969. С. 10-24.

Зайончковский В. Состояние и задачи изучения гагаузов // Folia Orientalia. II. 1-2. 1960. S. 43-45.

Законы, изданные Румынским правительством в 1873–1875 гг. о наделе жителей Болградского района. Одесса, 1898. С. 1-2.

Занет Ф.И. Заманайэрсын, евим! (Здравствуй, мой дом!). Стихи. Кишинёв: Дельта, 1989а.

Занет Ф.И. Кырымжалык (Муравейник). Стихи. Кишинёв: Литература артистикэ, 1989б.

Занет Ф.И. Бөжежик (Букашка). Кишинёв, 1991.

Занет Ф.И. Литературный перевод как средство адаптации культур // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 270-277.

Занетов Г. Български народни песни от с. Конгаз, Бесарабия // Списание на БАН, Кн. XIV. София, 1933. С. 121-143.

Занетов Г. Българските колонии в Русия // Псп. 1892. Кн. XXXIX. С. 377-385.

Занетов Г. Българските колонии в Русия. 3. Колониите в Бесарабия // ПС. Кн. XLVIII. 48, София, 1895. С. 849-898.

Занетов Г. Българското население в средните векове. Русе, 1902.

Занетов Г. Едно пътувание от Цариград до Яш в Молдова // ПС. Кн. XVI. София: Державна печатница, 1905. С. 391-403.

Записка по вопросу устройства воссоединенного края Бессарабии. Кишинёв, 1881.

Записки Бессарабского Статистического комитета. Т. 1-3. Кишинёв, 1864.

Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1861.

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863; Т. 6. Одесса, 1867.

Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // ЭО. 2000. № 2. С. 3-18.

Зарубежная тюркология. Вып. 1. М.: Наука, 1986.

Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформаций. М., 2004.

Захария С.К. Эволюция судебной системы и судопроизводства в Бессарабии в первой половине XIX в. в исторической и специальной литературе // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Изд-во Комратского гос. унив-та, 1999а. С. 35-45.

Захария С.К. Ретроспектива и эволюция семейного права у колонистов Бессарабии (история и историография) // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Изд-во Комратского гос. унив-та, 1999б. С. 46-49.

Захаров А.В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. М., 2004. № 7. С. 105-115.

Захарченко-Стоянова Г. Родинный ритуал у болгар Южной Бессарабии: структурно-семантические особенности // БСП. Т. 9. Одеса: Друк, 2006. С. 275-281.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2.

Защук А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Составил капитан А. Защук. Ч. II. СПб., 1862. 552 с.

Защук А. Статистика и этнография Бессарабской области // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5. С. 491-589.

Зверев В.В. Идеологии: теория, классификация, эволюция // Модели общественного переустройства России. XX век. Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2004. С. 9-23.

Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Т. I. Вып. I. Умершие неестественной смертью. Петроград: Типогр. А.В. Орлова, 1916. 312 с.

Зеленин Д.К. Древнерусский языческий культ «заложных» покойников. Петроград: Известия Академии наук, 1917.

Зеленин Д.К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии // Сборник музея антропологии и этнографии. Ч. II. М., 1929. 166 с.

Зеленин Д.К. Истолкование пережиточных обрядов // СЭ. 1934. № 5. С. 4-16.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 507 с.

Зеленский Ю.В. Половцы в Прикубанье и Закубанье // Древности Кубани. Материалы памяти Каминского Владимира Николаевича. Краснодар, 1997.

Зеленский Ю.В. История изучения половецких древностей Прикубанья и Закубанья // Древности Кубани. Краснодар, 1998.

Зеленчук В.С. Очерки молдавской народной обрядности (XIX – начало XX вв.). Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1959. 96 с.

Зеленчук В.С. Население Молдавии (Демографические процессы и этнический состав). Кишинёв: Штиинца, 1973. 63 с.

Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. Кишинёв: Штиинца, 1979. 287 с.

Зеленчук В.С. Народные традиции и современность. Кишинёв, 1980.

- Зеленчук В. С. Молдавский национальный костюм. Кишинёв, 1985.
- Зеленчук В.С., Лоскутова Л.Д. Новые гражданские праздники, обряды, ритуалы. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1984. 110 с.
- Зеленчук В.С., Попович Ю.В. Антропоморфные образы в обрядах плодородия у восточно-романских народов (XIX – начало XX вв.) // Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976. С. 195-201.
- Зеленчук В.С., Филимонова М.Ф. Национальная гагаузская одежда и ее бытование в настоящее время (по материалам сёл Вулканештского, Чимишлийского и Чадыр-Лунгского районов) // Материалы и исследования по археологии Молдавской ССР. Кишинёв, 1964.
- Земля и люди. Газета. Кишинёв, 1994, 18 декабря.
- Земсков В. Проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях // Общественные науки и современность. М., 2000. № 5. С. 96-103.
- Земцовский И.И. Песни, исполнявшиеся во время календарных обходов дворов у русских // СЭ. 1973. № 3. С. 38–47.
- Златарски В.Н. Какъв народ се разбира у Анна Комнина под израза «genos ti skitikon» // ИБИД. Кн. XI-XII, 1931-1932. С. 71-83.
- Златарски В.Н. Потеклото на Петра и Асеня, водачите на възстанието на 1185 г. // Списание на БАН. Кн. 45 (22). Клон ист. фил. и фил. общ. София, 1933. С. 7-48.
- Златарски В.Н. История на българската държава през средните векове. Т. II. България под византийско владичество (1018–1187). София, 1934.
- Златарски В.Н. История на българската държава през средните векове. Т. III. Второ българско царство. България при Асеновци (1187–1280). 2 изд. София, 1972.
- Златарски В.Н., Кацаров Г.И. Договорът на княз Иванко, син Добротичев с генуезците от 1387 г. // ИБИД. Кн. II. 1911. С. 17-37.
- Златковская Т.Д. О происхождении некоторых элементов куцерского обряда у болгар // СЭ. 1967. № 3. С. 36–46.
- Златковская Т.Д. К проблеме взаимодействия древнебалканских и древнеславянских культур: обряд сурвакания у болгар // СЭ. 1976. № 6. С. 59-70.
- Златковская Т.Д. Rosalia – русалии? (О происхождении восточно-славянских русалий) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Загреб-Любляна, сентябрь, 1978 г. Доклады советск. делегации. М.: Наука, 1978. С. 210-226.
- Златковская Т.Д. К истории провинциальной культуры в римской империи (Розалии на Балканах и в Малой Азии) // Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «эйрене»). Ереван, 1979а. С. 94-100.
- Златковская Т.Д. Некоторые проблемы этногенеза молдаван в свете данных их весенней обрядности // Этническая история и этнография восточных романцев. М., 1979б. С. 106-126.
- Знамя (газета на русском языке, г. Чадыр-Лунга, РМ).
- Золотарев А.М. Записки военной статистики России. Т. I. СПб., 1894.
- Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена. М., 2003.
- Золя Э. Собрание сочинений в 18 томах. Том 12. М., 1957.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Молдаване и закарпатские венгры // Одونتология в современной антропологии. М., 1989.
- Зувев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. Труды ИЭ. Т. 5. М.–Л., 1947.
- Зяблин Л.П. Археологические памятники кочевников X–XIV вв. Рукопись канд. диссертации. М., 1952.
- Иванов В.А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв. н. э. Автореферат докт. дисс. М., 1990.
- Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988.
- Иванов В.В. Волк // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1987. С. 242.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 343 с.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Древние Балканы как ареал межъязыковых и межкультурных динамических взаимодействий // Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. Т. 7. М., 1982. С. 150-162.
- Иванов И.С. Краткий очерк болгарских колоний в Бессарабии // Записки Бессарабского областного статистического комитета. Т. 3. Кишинёв, 1864.
- Иванов И.С. Несколько слов о донесении г. профессора Григоровича о болгарских училищахъ въ Бесарабиі // Иванов И.С. Сборник статей о некоторых выдающихся событияхъ в современной жизни болгаръ. Изд. 2-е. Кишинёв, 1900. С. 40-50.
- Иванов Й. Българите в Македония. 2 изд. София, 1986.
- Иванов К. Българите в Бесарабия // Просвета. София, 1938–1939. № 4. С. 413-425.
- Иванов П.Г. Краткие общие сведения о турецко-татарских наречиях // Язык и литература. Сб. материалов Томского педагогического техникума. Ч. 2. Томск, 1928. С. 70-77.
- Иванов Ю.Г. Революционное движение в Молдавии (с 1895 по февраль 1917 г.). Кишинёв, 1980.
- Иванова М. Представата на гагаузите от Каварненско за Алекси човек Божи // Медиевистични ракурси: Топос и енигма в културата на православните славяни. София, 1993. С. 170-175.
- Иванова М. Екзогамно-родов кръг у българите // БЕ. София, 1998. № 3-4. С. 5-20.
- Иванова М. Екзогамно-родов кръг у българите // БЕ. София, 1999. № 1-2. С. 130-140.
- Иванова М. «Жената синор няма» // БЕ. 2001. № 2. С. 49-65.
- Иванова М. Писмени свидетелства за варненските гагаузски и техните шалвари // БФ. 2004. № 3. С. 83-94.
- Иванова Р. Знакова същност на сватбени хлябове // Хлябът в славянската култура. София, 1997. С. 27-28.
- Из отчёта Бессарабского церковного историко-археологического общества // КЕВ. 1912. № 28-29. С. 27.
- Из рапорта 2 Департамента генерал-майору Гартингу // Журнал Министерства внутренних дел 1846 года. № 13.
- Из рукописного наследия И.И. Мещерюка // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Сб. статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещерюка. Кишинёв: «S.S.B.», 1999. С. 58-122.
- Из ходатайства Попечителя Бессарабских болгарских колоний И.С. Иванова от 3 мая 1864 г. // НА РМ, ф. 2. оп. 1. д. 7804.
- Илимбетов Ф.Ф. Культ волка у башкир (к этимологизации этнонима «башкорт») // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 224-227.
- Илкйаз түркүлери (Весенняя песня) / Сост. и ред. Куроглу С.С. Стихи. Кишинёв: Литература артистикэ, 1989.
- Иловайский Д.И. Несколько соображений о памятниках Тмутараканской Руси и «Тмутараканском болване» // Древности. Т. 4. Вып. 2. М., 1874.

Ильев Ф.Б. Из прошлого цыгайского овцеводства Молдавии // Труды Кишинёвского сельскохозяйственного института им. М.В. Фрунзе. Том 47. Овцеводство.

Ильина И.В. Лечебная магия // <http://www.komi.com/Folk/komi/txt241>

Инджилъ. Инджиль яни Евангелионъ Инджиль иоанисинъ тарихи юзре. Издание на Британското и чуждестранно библейско дружество. София, 1927.

Инкулец Т. «Обычай земли» в Бессарабии. Кишинёв, 1929.

Иностранцев К. Хунну и гунны. Л., 1926. 152 с.

Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1998. 280 с.

Иречек К.И. История болгар / Пер. Ф.К. Бруна, В.Н. Палаузова. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. 800 с.

Иречек К.И. Стари пътешествия из България от XV–XVIII столетие // ПС. 1882. № 3. С. 60-84; 1883. № 4. С. 67-105; 1883. № 5, С. 1-44; 1884. № 7. С. 68-73.

Иречек К.И. Няколко бележки върху остатъците от Печенежи, Кумани, както и върху туй наречените народи Гагаузи и Сургучи във днешна България // Периодическо списание на българско книжовно дружество в Средец. Год. VII, Кн. 32-33. Средец, 1889. С. 211-241.

Иречек К.И. Етнографски промени в България от основанието на Княжество // СБНУНК. Т. 5. София, 1891. С. 500-517.

Иречек К. Княжество България. Ч. II. Пловдив, 1899.

Иречек К.И. Български дневник, 1879–1884. Т. I. София: Книгоизд. Хр. Г. Дановъ, 1930.

Иречек К.И. Пътувания из България / Превод от чешки Стоян Аргиров. / Под ред. Евлоги Бужашки и проф. Велизар Велков. София, 1899; София: Наука и изкуство, 1974. 1040 с.

Иречек К.И. История на българите. София, 1978.

Иречек К.И. Несколько заметок по поводу остатков печенегов, куманов, а также так называемых народов гагаузов и сургучей в современной Болгарии // Вести Гагаузии. №№ 154-155; 158-159; 160-161; 162-163. Комрат, 2005.

Ириоглу И. Усні історії, як джерело дослідження соціальної та тендерної історії болгар Північного Приазов'я першої половини ХХ ст. // БСП. Т. 9. Одеса: Друк, 2006. С. 321-327.

Исследование современного состояния овцеводства в России. Выпуск IV. Бессарабская губерния. СПб., 1884.

Историко-культурные аспекты этнографических исследований. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. 152 с.

Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Историческое развитие тюркских языков. М., 1961. 466 с.

История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Сборник статей к 100-летию со дня рождения И.И. Мещеряка. Под ред. И.Ф. Грека. Кишинёв: «S.Ş.V.», 1999. 276 с.

История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинёу: Pontos, 2006. 748 с. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П. Юшневского. Сост. К.П. Крыжановская, Е.М. Русев. Документы и материалы. Т. II. Кишинёв, 1957.

История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени. Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006.

История на България. Т. 1. София: Наука и изкуство, 1954; Т. 2. София: Наука и изкуство, 1955.

История на Добруджа. Т. III. София: БАН, 1988. 327 с.; 1989.

История Отечества с древнейших времен до наших дней. Энциклопедический словарь / Сост. Б.Ю. Иванов и др. М., 1999 // <http://www.univer-life.ucos.ru/load/0-0-0-8-20>.

История турецкого государства от самого основания оногo до новейших времён. Пер. с немецкого. Ч. 1-2, М., универ. типогр. 1828. Заглавие оригинала: Geschichte des Osmanishen Reichs von seiner entstehung bis auf die neuesten Zieten. Nah Kantemir. Ч. 1. 103 с.; Ч. 2. 91 с. (В одном переплётe / Сокращён. перевод с немецкого. На титул. листе автор не указан.)

Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань, 2001.

Исхаков Ф. Г. Долгие гласные в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. С. 160-174.

Исхакова С.М. Codex Cumanicus и язык сибирских татар // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983. С. 254-259.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по ССР Молдова. Статистический сборник. Т. 1. Кишинёв, 1990. С. 100-101.

Ихчиев Д. Материали за историята ни под турско робство // ИИД, 1. 1905.

Иширков А. Град Варна. Културно-географски бележки // ПС. 1904–1905. № 45. С. 191-236.

Иширков А. Бележки за пътя Русе-Варна в XVIII в. и за главня селища крайного // Софийски университет. Историко-филологичен факултет. Кн. III-IV. 1906. С. 129-152.

Иширков А. Брой и разпределение на българите в Добруджа в 1918 г. // Известия на Народния етнографски музей. Т. VIII-IX. 1929. С. 29-55.

Иширков А. Историко-етнографски преглед на населението в царство България // Известия на Народния етнографски музей. Т. X-XI. 1932.

Йорданова Л. Обичани обичаи. София, 1996.

Йотов В. О материальной культуре печенегов к югу от Дуная – листовидные ажурные амулеты XI в. // Stratum plus. 2000. № 5. С. 219-221.

К вопросу о гагаузской автономии / Сост. Юнку Р. Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1990.

Кöсă М.В. Кысмет (Счастье). Стихи. Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1973.

Кöсă М.В. Кардашлык (Братство). Стихи. Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1975.

Кöсă М.В. Топраан үрек дүүлмеси (Земли сердцебиенье). Стихи. Кишинёв: Литература артистикэ, 1983.

Кöсă М.В. Хазыр ол! (Будь готов!). Стихи. Кишинёв: Литература артистикэ, 1986.

Кöсă М.В. Умутлар (Надежда). Стихи. Кишинёв: Литература артистикэ, 1988.

Кöсă М.В. Сабанээрсын, гүн! (Здравствуй, день!). Стихи. Кишинёв: Литература артистикэ, 1990.

Кöсă М.В. Даттым öмүрдän. Вкус судьбы. Пеетлär. Кишинёв, 1991.

Кöса М.В. Гержик ерим. Кишинев, 1996а.

Кöсă М.В. Гүлүмсемäя – диил гүнаа (Улыбаться – не грех). Кишинёв, 1996б.

Кабакчиев Ст. Спомени за града Варна от времето на Кримската война (1853–1856 г.) // ИВАД. Кн. 3. 1910. С. 31-48.

Кабузан В.М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII – первая половина XIX в.). Кишинёв: Штиинца, 1974. 158 с.

Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославская и Херсонская губерния) в XVIII – первой половине XIX в. (1719–1859). М., 1976.

Кавалов А.И. Календарни празници // Българска етнология. София, 1998.

Каварна от 1878 до 1996 година. Т. II. / Съст. Ц. Генов, Д. Кисъев. София: Изд. на Отечествения фронт, 1987. 318 с.

Каварна от древността до Освобождението. София, 1984.

Кагаров Е. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913. 326 с.

Кагорев Е.Г. Этнографические мотивы в поэзии А.С. Пушкина // СЭ. 1937. № 1. С. 63-65.

Казанакли П. Приход Твардица Бендерского уезда // КЕВ. 1873. № 18. С. 664-669.

Как составлялось собрание «каменных баб» Музея Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. Т. XXXII. Одесса, 1915.

Какук Ж. Тюркологические исследования в Венгрии // СТ. № 1. С. 79-82

Калаур В.А. Каменные бабы в Аулиятинском уезде // ПТКЛА. Год III. 1898. С. 9-14.

Календарни празници и обичаи на българите. Энциклопедия. София: Проф. Марин Дринов, 2000. 98 с.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М.: Наука, 1977. 355 с.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М.: Наука, 1973. 351 с.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. 220 с.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М.: Наука, 1978. 293 с.

Календарь в культуре народов мира. Сборник статей. М., 1993.

Календарь и календарная обрядность народов Дагестана / Сб. ст. Составитель – З.Б. Разманова. Махачкала: АН СССР, 1987. 106 с.

Калужинский С. Современное состояние и ближайшие перспективы тюркологии и алтаистики в Польше // ВЯ. 1963. № 5. С. 108-114.

Калчев К. Българската етническа общност в Бесарабия (XIX–XX). Възникване, развитие, принос в общонационалните процеси. Велико Търново, 2009 (См.: «Българо-славянски» хипотези за гагаузкия етнически произход. С. 133-142; «Тюркски» модификации за гагаузкия этногенезис. С. 143-152).

Калякина-Каледина Т. Порядок слов в простом предложении в гагаузском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1955.

Каниц Ф. Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнические путевые наблюдения. 1860–1875. СПб., 1876.

Каниц Ф. Дунавска България и Балканът (прев. Т. Иванов) // Българска историческа библиотека. Т. I. София, 1932.

Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л., 1956.

Кантемир Д. Книга система или состояние мухаммеданския религии. Напечатается повелением его Величества Петра Великого императора и самодержца Всероссийского. СПб., 1722. 379 с.

Кантемир Д. Описание Молдовы. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1973. 222 с.

Кантор К.М. История против прогресса: Опыт культурно-исторической генетики. М.: Наука, 1992. 148 с.

Капало Д.А. Молитва и заклинание в религиозном фольклоре гагаузов // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинёу: Pontos, 2006. С. 477-486.

Каница О.И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание. Обзор материалов. Л., 1928.

Кара Чобан Д.Н. Илк лаф (Первое слово). Стихи. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1963.

Кара Чобан Д.Н. Алчак сачак алтында (Под низким потолком). Рассказы. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1966.

Кара Чобан Д.Н. Йанылык (Мечты). Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1968.

Кара Чобан Д.Н. Байылмак (Вдохновение). Стихи. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1969.

Кара Чобан Д.Н. Персенгелър (Вариации). Стихи. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1970.

Кара Чобан Д.Н. Таманнык (Совершенство). Кишинёв: Литература артистикэ, 1977.

Кара Чобан Д.Н. Стихлар (Стихи). Кишинёв: Литература артистикэ, 1984.

Кара Чобан Д.Н. Проза. Кишинёв: Литература артистикэ, 1986.

Кара Чобан Д.Н. Азбука открытий. Стихи (на русском языке). М., 1989.

Каравелов Л. Памятники народного быта болгар. М., 1861. 277 с.

Караиванов Н. Пруто-Днестровското Междуречие в границите на средновековна България. Болград, 1995.

Караиванов Н. Георги Раковски за нашите сънародници гагаузите // Алманах Родолюбец. София, 1996. № 2. С. 81-83.

Караимско-русско-польский словарь. Под. Ред. Н.А. Баскакова, А. Зайончковского, С.М. Шапшала, М., 1974.

Каракаш И.И. Правовой статус Гагаузии, как модельный образец межэтнических отношений в Еврорегионе Нижнего Подунавья // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003, С. 53-57.

Каракашлы К.Т. Материальная культура азербайджанцев Северо-Восточной и центральной зоны Кавказа. Баку, 1964.

Каракетов М.Д. Нормы обычного права и обычай // Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах. М., 1997.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2006.

Каранастас-Радова О. К. Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке (конец XVIII – первая четверть XIX вв.). Кишинёв–Комрат: Комратский Гос. университет, 2001. 134 с.

Каранфил Г. Гагаузская лексикология. Кн. 1. Названия одежды, обуви. Комрат, 2009. 175 с.

Кардини Франко. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

Карлов В.В. Заметки на «мосту между прошлым и будущим», или Историческое сознание этноса как феномен и объект изучения // ЭО. 2004. № 2. С. 3-20.

Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 139-190.

Кармышева Дж. Х. Земледельческая обрядность у казахов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 50-70.

Карпат К.Х. Сельджукско-анатолийское происхождение гагаузов // ЭО. 1994. № 4. С. 36-43.

Карпенко Ю.А. Топонимия болгарских сёл Одесской области. (Вопросы топонимического взаимодействия языков) // Историческая ономастика. М., 1977.

Карнов Г.И. Туркмены-огузы. (Материалы к этногенезу туркменского народа) // Известия Туркменского филиала АН СССР. Ашгабат, 1945.

Карнов С.П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: МГУ, 1990. 336 с.

Карнов С.П. Маршруты черноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 82-97.

Карнов С.П. История Трапезундской империи, СПб., 2007.

Карнов С.П. Историческая наука на современном этапе: состояние и перспективы развития (В связи с 75-летним юбилеем истфака МГУ) // Новая и новейшая история. 2009. № 5.

Карнов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

Каррыев Б.А. Эпические сказания о Кёр-оглы у тюркоязычных народов. М., 1968.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. Перевод с испанского Н.Д. Арутюновой. М., 1958, 351 с.

Кассо Л. Византийское право в Бессарабии. М.: Московский Университет, 1907. 71 с.

Кассо Л.А. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913.

Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

Кауненко И.И. Психологические особенности этнической идентичности подростков: проблемы и перспективы // Moldoscopie (probleme de analiză politică). № 1 (XXXII). Chişinău, 2006. P. 36-67.

Кауненко И.И. К проблеме этнической идентичности в ситуации социальной неопределённости (на материале Республики Молдова) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 296-312.

Кауненко И., Гашипер Л. К проблеме этнического самоопределения подростков и юношей Молдовы // Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинёв: Business-Elita, 2006. С. 247-268.

Кауфман Н. Народни песни на българите от Украинска и Молдавска ССР. София, 1982. Т. 1. 720 с.; Т. 2. 943 с.

Кауфман Н. Народните песни на бесарабските и таврийските българи // Болградската гимназия. Сборник по случай 135 години от основанието ѝ. София, 1993. С. 243-255.

Кауфман Н. Турската, българската и еврейската градска песен от средата на XX век // Турският фолклор в България. Шумен, 1999. С. 114-126.

Каховский Б.В. Дохристианский погребальный обряд чувашей как материал к этногенезу // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984.

Кацаров, Лечев, Дечев и др. Извори за най-старата история и география на Тракия и Македония. София: БАН, 1949.

Качалова Н.К. Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы. М., 1974.

Кашгари М. Дивану лугат-ит-тюрк (Словарь тюркских наречий, первый перевод на русский язык, Зифа-Алуа Ауэзова-Эрмерс). Алматы, 2006.

Кашуба М.Т., Курчатова С.И., Щербакова Т.А. Кочевники на западной границе Великой степи (По материалам кургана у с. Мокра) // Stratum plus. Chişinău, 2001–2002. С. 475-493.

Квилинкова Е.Н. Теория «культурно-национальной автономии» в контексте современных проблем этнокультурного развития народов // Етнографічна спадщина і національне відродження. Тези доповідей та повідомлень міжнародної наукової конференції. Київ, 1992. С. 52-53.

Квилинкова Е.Н. Гагаузский религиозный деятель Д. Чакир: жизнь и деятельность // Ştiinţa. Chişinău, 1995. № 12. С. 6.

Квилинкова Е.Н. Гагаузский курбан: общее и особенное // Ştiinţa, Chişinău, 1997. № 1-2. С. 15.

Квилинкова Е.Н. «Пипируда» – гагаузский обряд вызывания дождя // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Изд-во Комратского гос. унив-та, 1999. С. 99-107.

Квилинкова Е.Н. Культ волка у гагаузов // Мысль. Кишинёв, 2000а. № 2. С. 83-85.

Квилинкова Е.Н. Тодоров день – гагаузский обряд // Мысль. Кишинёв, 2000б. № 1. С. 95-96.

Квилинкова Е.Н. Специфика гагаузской новогодней обрядности // ЕИМИ. Т. I. 2000в. С. 97-101.

Квилинкова Е.Н. Гагаузско-славянско-молдавские общности в русальной обрядности // Unitatea poporului Republicii Moldova şi problema identităţii etnice: Materiale conferinţei din 4-5 mai 1999, raporturi şi comunicări. Chişinău, 2000г. P. 136-139.

Квилинкова Е.Н. Гагаузско-белорусские параллели в новогодней обрядности // Белорусы в Молдове. Материалы Междунар. научно-практ. конф. Кишинёв, 6-8 октября 2001 г. Минск: ИСПИ, 2001а. С. 116–122.

Квилинкова Е.Н. Весенние девичьи обычаи у гагаузов // Materialele conferinţei ştiinţifice anuale a profesorilor IRI «Perspectiva». Chişinău, 2000–2001б. С. 39–40.

Квилинкова Е.Н. Общее и особенное в гагаузско-славянской русальной обрядности // ВСУ. Вып. 5. Кишинёв, 2001в. С. 222–234.

Квилинкова Е.Н. Гагаузские календарные обычаи и обряды как форма регуляции хозяйственной, социальной и семейной жизни в конце XIX – начале XX века // ЕИМИ. 2001г. Т. II. С. 92–95.

Квилинкова Е.Н. Календарные праздники и обряды гагаузов // газета «Вести Гагаузии». 2001д. 16 октября.

Квилинкова Е.Н. Календарная обрядность гагаузов в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М, 2002а. 28 с.

Квилинкова Е.Н. Русали. Русалки. Пери // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. Мат-лы Межд. науч. конф., посвящённой 100-летию Российского Этнографического музея. Санкт-Петербург–Кишинёв: Nestor-Historia, 2002б. С. 294-297.

Квилинкова Е.Н. Празднование Масленицы у гагаузов // ВСУ. 2002в. Вып. 6. С. 101-106.

Квилинкова Е.Н. Роль масок, ряженья, одариваний и жертвований в гагаузской календарной обрядности // ЕИМИ. 2002г. Т. III. С. 85-90 (см. также: Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології (Збірник наукових праць). Т. 1 (19). Чернівці, 2005. С. 46-53).

Квилинкова Е.Н. Этническая специфика гагаузской календарной обрядности // ВСУ. 2002д. Вып. 7. С. 70-82.

Квилинкова Е.Н. Гагаузский народный календарь. Изд. 1. Chişinău: Pontos, 2002е. 184 с. (Изд. 2. Кишинёв: Парагон, 2002. 184 с.).

Квилинкова Е.Н. От составителя // Moldova gagauzların halk türküleri. Kişinöv: Инесса, 2003а. С. 4-14.

Квилинкова Е.Н. Общие и региональные особенности гагаузской терминологии родства // ЕИМИ. Т. IV. 2003б. С. 118-124.

Квилинкова Е.Н. Гагаузские обычаи и обряды, связанные с животноводством // ВСУ. Вып. 10. 2003в. С. 67-75.

Квилинкова Е.Н. Генезис гагаузского народного календаря // ВСУ. 2003г. Вып. 8. С. 121-130 (см. также: Археология та етнологія східної Європи: Матеріали і дослідження. Одеса: Друк, 2002. С. 310-311).

Квилинкова Е.Н. Пространственно-временные представления гагаузов // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвященной 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003д. С. 149-151.

Квилинкова Е.Н. Гагаузско-белорусские этнокультурные связи // «Беларусь – Молдова: На путях дружбы и сотрудничества». Материалы Международной научно-практической конференции г. Кишинёв, 19 ноября 2002 г. Минск–Кишинёв: ИСПИ, 2003е. С. 111-117.

Квилинкова Е.Н. Общественная жизнь гагаузского села в XIX – первой половине XX в., отражённая в источниках // Этнографический источник. Материалы III Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004а. С. 73-81.

Квилинкова Е.Н. Праздничный досуг // Беларусь – Молдова: взгляд молодежи в третьем тысячелетии. Материалы международной научно-практической конференции. 28-29 апреля 2004 г. Кишинёв: Vector, 2004б. С. 206-213.

Квилинкова Е.Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău: Pontos, 2005а. 308 с.

Квилинкова Е.Н. Усыновление и опекунство в соционормативной культуре гагаузов // ЗЖ. 2005б. № 4 (161). С. 54-56.

Квилинкова Е.Н. О новых направлениях исследований в гагаузской этнографии // Р. Ф. Кайндль. Вікно в Європейську науку. Матеріали II Міжнародного наукового семінару «Кайндлівські читання». Чернівці. 28-29 травня 2005 р. Чернівці: Прут, 2005в. С. 227-234.

Квилинкова Е.Н. Некоторые элементы обычного права гагаузов, связанные с семейно-брачными отношениями // ЗЖ. 2005г. № 8 (165). С. 55-58.

Квилинкова Е. Н. О регламентации положения женщины в обычном праве гагаузов // ЗЖ. 2005д. № 9 (166). С. 27-31.

Квилинкова Е.Н. Славянские термины родства в гагаузском языке // Славянские чтения. (Выпуск 3). Материалы науч.-теор. конф. Кишинёв: Слав. универс., 2005е. С. 42-50.

Квилинкова Е.Н. Календарная обрядность в системе жизнедеятельности и фольклоре гагаузов // VI Конгресс этнографов и антропологов России. СПб., 28 июня – 2 июля 2005 г. Тезисы. СПб., 2005ж. С. 96-97.

Квилинкова Е.Н. Роль государства в культурном развитии трансформирующихся обществ // Administrarea publică în statele aflate în tranziție în contextul proceselor de globalizare și integrare. Materiale ale conferinței internaționale teoretico-practice din 5 aprilie 2005. Chişinău: AAR, 2005з. Р. 143-150.

Квилинкова Е.Н. Формы наказания в Бессарабии в XIX в. за различные виды преступлений // ЗЖ. 2005и. № 7 (164). С. 51-53.

Квилинкова Е.Н. Отражение элементов обычного права в гагаузском фольклоре // ЗЖ. 2005к. № 11 (168). С. 48-52.

Квилинкова Е.Н. Обычаи и обряды гагаузов, связанные с сохранением потомства //

Buletin științific. Etnografie, științele naturii și muzeologie. Nr. 3 (16). Serie nouă. Chişinău, 2005л. Р. 98-104.

Квилинкова Е.Н. Некоторые вопросы идентификации и идентичности гагаузов // ЕИМИ. 2006а. Т. VI. С. 98-103.

Квилинкова Е.Н. Роль семьи и сельской общины в сохранении народных традиций // ЗЖ. 2006б. № 1 (170). С. 52-53.

Квилинкова Е.Н. Обычай наследования у гагаузов // ЗЖ. 2006в. № 6 (175). С. 54-57.

Квилинкова Е.Н. Разновидности наказаний за преступления и проступки согласно обычному праву гагаузов // ЗЖ. 2006г. № 7 (176). С. 41-43.

Квилинкова Е.Н. Цикл «Волчьих праздников» у гагаузов в сравнении с другими народами // Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинёв: Business-Elita, 2006д. С. 364-412.

Квилинкова Е.Н. Религиозность гагаузов и формы проявления религиозной идентичности (по этнографическим и архивным материалам XIX – первой половины XX в.) // Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинёв: Business-Elita, 2006е. С. 341-363.

Квилинкова Е.Н. Народные и православные календарные праздники // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006ж. С. 629-683.

Квилинкова Е.Н. О некоторых особенностях терминов родства и народных песен гагаузов Молдовы и Болгарии // Етнологията вчера, днес и утре (Изследвания, посветени на 65-годишния юбилей на доц. д-р Николай Иванов Колев). Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий». Велико Търново, 2006з. С. 413-436.

Квилинкова Е.Н. Гагаузские календарные обычаи и обряды, связанные с водой, растительностью и огнём // На перехрестях світової науки. Матеріали III Міжнародної наукової конференції «Вікно в Європейську науку», присвяченої 140-річчю від дня народження Р.Ф. Кайндля. Черновці: Прут, 2006и. С. 82-84.

Квилинкова Е.Н. Методы и методика сбора полевого материала по традиционной культуре // Anuar științific. Institutul de stat de relații internaționale din Moldova. Vol. IV. Chişinău, 2006к. Р. 91-97.

Квилинкова Е.Н. Типы семьи у гагаузов в XIX – первой половине XX в. // ЗЖ. 2006л. № 10 (179). С. 50-55.

Квилинкова Е.Н. О принципе двойной самоидентификации гагаузов в прошлом и настоящем // ЗЖ. 2006м. № 11 (180). С. 36-44 (см. также: Курсом изменяющейся Молдовы / Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого 40-летию этносоциологических исследований. 25-26 сентября 2006. г. Комрат. М., 2006н. С. 264-283).

Квилинкова Е.Н. Образ волка и волчьих праздники – символ гагаузской этничности или общебалканское явление (К вопросу о классификации элементов культа волка у гагаузов) // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: Материалы Пятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006о. С. 98-102.

Квилинкова Е.Н. Гагаузские песни религиозного содержания как источник знания по истории христианства // Етнос, культура, духовність. Матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції «Інноваційні моделі розвитку туристичної інфраструктури України. Буковинське та світове старообрядництво: історія, культура, туризм». Чернівці, 23-24 вересня 2006 р. Частина 2. Чернівці: Прут, 2006п. С. 84-88.

- Квилинкова Е.Н.* Страницы ветхозаветной истории в гагаузских народных песнях // Buletin științific. Revistă de Etnografie, Științele Naturii și Muzeologie. Vol. 5 (18). Chișinău, 2006p. P. 142-153.
- Квилинкова Е.Н.* О языковой и этнической идентификации гагаузов Греции // Revista de etnologie și culturologie. Chișinău, 2006c. P. 279-290.
- Квилинкова Е.Н.* Методы и методика сбора полевого материала по календарной обрядности // Иван Франко і Буковина. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 150-річчю від дня народження Іван Франка. Черновці: Прут, 2006г. С. 243-248.
- Квилинкова Е.Н.* Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинёв: Business-Elita, 2007a. 840 с.
- Квилинкова Е.Н.* Праздник «Hederlez» у гагаузов и обряд жертвоприношения животного (kurban) // Наука и общество. Кишинёв: Парагон, 2007б. С. 105-107.
- Квилинкова Е.Н.* Гагаузская календарная обрядность: межэтнические языковые влияния (По материалам рождественского и новогодневого фольклора) // Наука и общество. Кишинёв: Парагон, 2007в. С. 108-111.
- Квилинкова Е.Н.* Роль религиозного и языкового факторов в сохранении этничности // Человек в истории и культуре. Сборник научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко. Одесса–Терновка: Друк, 2007г. С. 327-331.
- Квилинкова Е.Н.* Обычное право гагаузов XIX – первая половина XX в. // Русин. Международный исторический журнал. Кишинёв: «ELENA-VI.», 2007д. № 1 (7). С. 51-59.
- Квилинкова Е.Н.* Общие черты и региональные особенности гагаузской календарной обрядности // Българи и гагаузи заедно през годините: Материали от петата и от шестата международни научни конференции на тема «Функционирането на българския и другите езици и литератури в контекста на езиковата ситуация в Република Молдова» (11 май 2005 г., 11 май 2006 г.) Комрат: Знак'94, 2007е. С. 85-98.
- Квилинкова Е.Н.* Этнорегиональные особенности обряда «курбан» у гагаузов // VII Конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. Саранск, 2007ё. С. 258-259.
- Квилинкова Е.Н.* Отражение этнокультурных взаимодействий в гагаузском песенном фольклоре // VII Конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. Саранск, 2007ж. С. 358-359.
- Квилинкова Е.Н.* Традиционная соционормативная культура гагаузов в XIX – первой половине XX в. // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007з. С. 341-401.
- Квилинкова Е.Н.* Гагаузский народный календарь: генезис и этнокультурные влияния // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007и. С. 419-438.
- Квилинкова Е.Н.* Социорегулятивные функции гагаузских и болгарских общесельских и межсельских праздников и их сохраняемость во времени // Diversitatea expresiilor culturale ale habitatului tradițional din Republica Moldova. Materialele Conferinței Internaționale. Chișinău, 2-4 august, 2007. Chișinău: Cartdidact, 2007к. P. 304-324.
- Квилинкова Е.Н.* Народные песни как исторический источник (по материалам гагаузского песенного фольклора) // Беларусь – Молдова: 15 лет дипломатических отношений. Международная научно-практическая конференция. Кишинёв, 16 ноября. 2007 г. Кишинёв: CEP USM, 2007л. С. 213-222.
- Квилинкова Е.Н.* Факторы, повлиявшие на процесс сохранения и/или утраты гагаузами традиционной обрядности // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20–21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007м. С. 195-212.
- Квилинкова Е.Н.* Приметы и гадания в гагаузском народном календаре // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 2. Chișinău, 2007н. P. 100-104.
- Квилинкова Е.Н.* Украинское влияние в рождественско-новогодней обрядности гагаузов Приазовья // Видатни науковци Черновицкого університету: А. Ф. Кайндль. Матеріали 5 Міжнародної наукової конференції Кайндлевские читання. 16-17 травня, 2008. Частина 1. Черновцы, 2008а. С. 69-71.
- Квилинкова Е.Н.* Идентичность гагаузов в прошлом и настоящем // Традиционная культура. № 1. М., 2008б. С. 87-98.
- Квилинкова Е.Н.* Идентификация своего языка различными группами гагаузов и становление названия «гагаузский язык» (по архивным, историографическим и этнографическим данным) // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 2. Одесса: Паллада, 2008в. С. 80-94.
- Квилинкова Е.Н.* Традиционные способы выявления и наказания виновных у гагаузов // ЗЖ. 2008г. № 10. С. 48-53.
- Квилинкова Е.Н.* Магия и колдовство у гагаузов // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад, 2008д. С. 215-227.
- Квилинкова Е.Н.* Гагаузские религиозные песни как одна из разновидностей народных молитв // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 3. Chișinău, 2008е. P. 122-128.
- Квилинкова Е.Н.* Сакральные места в жилище гагаузов, связанные с лечебной магией // Жилище и одежда как феномен этнической культуры. Материалы VII Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2008ж. С. 80-84.
- Квилинкова Е.Н.* Магия, заговоры, заклинания и обереги у гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 4. Материалы к III Российско-Молдавскому симпозиуму «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». М.: Старый сад, 2008з. С. 339-372.
- Квилинкова Е.Н.* Этнокультурные влияния в календарной обрядности и в фольклоре гагаузов // От языкового многообразия к полиэтничному и мультикультурному образованию. Материалы международной конференции, 5-6 декабря 2006 года. Кишинёу: Vector, 2008и. С. 191-201.
- Квилинкова Е.Н.* Исторические и этнографические источники по традиционной духовной культуре гагаузов // Revista de istorie a Moldovei. Chișinău, 2008к. № 1. P. 53-62.
- Квилинкова Е.Н.* Региональные особенности традиционной духовной культуры гагаузов. Автореф. дисс. ... докт. хаб. истории. Кишинёв, 2008л. 46 с.
- Квилинкова Е.Н.* Традиционная культура в условиях трансформирующегося общества: народные способы лечения у гагаузов // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики). М.: Типограф. ООО Интер-принт, 2008м. С. 406-443.

- Квилинкова Е.Н.* Южнославянское влияние в гагаузском песенном фольклоре // Българският език в Молдова. Комрат, 2008г. С. 102-108.
- Квилинкова Е.Н.* Сохранность традиционных знаний гагаузов о целебных растениях // Материалы конференции «Сохранение культурного наследия». Кишинёв, 25-26 сентября 2008 г. Chişinău, 2009a. С. 239-243.
- Квилинкова Е.Н.* Обереги в календарной обрядности и в народной медицине гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». М.: Старый сад, 2009б. С. 291-309.
- Квилинкова Е.Н.* Отражение различных аспектов соционормативной культуры гагаузов в архивных источниках // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». М.: Старый сад, 2009в. С. 347-376.
- Квилинкова Е.Н.* Видображення традиційних норм і цінностей в гагаузькому фольклорі // Тези доповідей VII Міжнародної наукової конференції «Українська культура в історичному розвитку та державотворенні», присвяченої 170-річчю від дня народження Павла Чубинського. Київ: Київський Університет, 2009г. С. 71-72.
- Квилинкова Е.Н.* О значимости изучения региональных особенностей при выявлении этнической специфики (в связи с исследованием традиционной духовной культуры гагаузов) // Полевые этнографические исследования. Материалы Восьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2009д. С. 281-285.
- Квилинкова Е.Н.* Гагаузо-славянские этнокультурные параллели в русальной обрядности // Матеріали до української етнології: Щорічник. Збірник наукових праць. Вип. 8 (11). Киев, 2009е. С. 244-251.
- Квилинкова Е.Н.* Архивные и историографические данные в связи с гипотезой о гагаузско-болгарском билингвизме гагаузов // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. Chişinău, 2009ё. № 1. С. 100-111.
- Квилинкова Е.Н.* Гагаузские заговоры и лечебная магия: векторы этнокультурных параллелей // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 6. Культурное наследие и его социальные добродетели. М.: Старый сад, 2009ж. С. 375-408.
- Квилинкова Е.Н.* Институт крестного родства у гагаузов Молдовы и Болгарии // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 7. Гостеприимство и ярмарки как институты соционормативной культуры М.: Старый сад, 2009з. С. 469-479.
- Квилинкова Е.Н.* Особенности форм усыновления в обычном праве гагаузов Молдовы и Болгарии // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Оренбург, 1-5 июля 2009 г. Оренбург, 2009и. С. 490-491.
- Квилинкова Е.Н.* Институт знахарства и сохранность знаний народной медицины у гагаузов в настоящем // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Оренбург, 1-5 июля 2009 г. Оренбург, 2009к. С. 561.
- Квилинкова Е.Н.* Традиционные знания гагаузов о целебных растениях и народные способы лечения болезней // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 3. Одесса: Паллада, 2009л. С. 82-97.
- Квилинкова Е.Н.* Традиционные формы усыновления у гагаузов в контексте обрядности балканских народов // Българска Бесарабия. Вип. 5. Ч. 1. Болград: СМІІІ, 2009. С. 89-101.
- Квилинкова Е.Н.* Віддзеркалення традиційних норм і цінностей в гагаузькому фольклорі // Литература. Фольклор. Проблеми поетики. Присвячений 170-річчю від дня народження Павла Чубинського. Київ: Київський університет, 2009м. С. 184-191.
- Квилинкова Е.Н.* Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов. Кишинёв: Elan Inc, 2010a. 390 с.
- Квилинкова Е.Н.* Гагаузские заговоры в контексте балканской традиции заговаривания в народной медицине // Материалы международной научной конференции «Пруто-Днестровский регион. Диалог культур», посвящённой 650-летию молдавской государственности и 300-летию со дня рождения Антиоха Кантемира. СПб., 2010б. С. 110-115.
- Квилинкова Е.Н.* Отражение хозяйственно-культурного типа в гагаузском народном календаре // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: материалы Девятых Санкт-Петербургских этнографических чтений, СПб., 2010в. С. 276-281.
- Квилинкова Е.Н.* Гагаузская традиционная народно-медицинская практика // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 9. История в культуре и культура в истории. М.: Старый сад, 2010г. С. 210-243.
- Квилинкова Е.Н.* Особенности обряда «курбан» у гагаузов в сравнении с балканскими и тюркскими народами // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том X. Одесса-Велико Търново: Фабер, 2010д. 419-430.
- Квилинкова Е.Н.* Библиографический указатель литературы для изучения этногенеза, истории и культуры гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 9. История в культуре и культура в истории. М.: Старый сад, 2010е. С. 395-460.
- Квилинкова Е.Н.* Обычное право гагаузов (вторая половина XIX – конец XX вв.) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10. Личность и группа: векторы трансформационных изменений. М.: Старый сад, 2010ж. С. 117-140.
- Квилинкова Е.Н.* Семья и семейная обрядность гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10. Личность и группа: векторы трансформационных изменений. М.: Старый сад, 2010з. С. 348-358.
- Квилинкова Е.Н.* Народные способы лечения детских болезней у гагаузов // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 5. Chişinău, 2010и. Р. 65-70.
- Квилинкова Е.Н.* О состоянии и перспективах развития гагаузоведения в Республике Молдова // Gagauz yerinin 15-ci yıldönümünä baalı «Gagauzologiyanın ilerlemesi: dil, kultura, istoriya, literature» Halklararası bilim-praktika konferençiyasının. Materialları. 22.12.2009. Komrat, 2010к. С. 3-31.
- Квилинкова Е.Н.* Женщины Гагаузии: история и современность // Femeile din Moldova. Conferința Republicană științifico-practică. Chişinău, 2010л. Р. 51-54.
- Квилинкова Е.Н.* Заговоры и заклинания во врачевательной магии гагаузов // Проблемы исторической регионалистики. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 2. Чебоксары, 2010м. С. 129-145.
- Квилинкова Е.Н.* Процесс адаптации белорусов Молдовы через призму гражданской идентичности // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии. Материалы Второй Международной научной конференции 26-27 мая 2010 г. Т. 2. Психология Межкультурного взаимодействия. Смоленск: Универсум, 2010н. С. 135-138.
- Квилинкова Е.Н.* Гагаузский песенный фольклор – «Грамматика жизни». Кишинёв: Elan Inc, 2011a. 570 с.
- Квилинкова Е.Н.* Гагаузский язык сквозь призму динамики этнической идентичности гагаузов // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: К 70-летию академика В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М.: Наука, 2011б. С. 600-616.

- Квилинкова Е.Н.* От болгарской общности и принципа двойной самоидентификации к этнониму «гагауз» // Болгары и гагаузы в многонациональной Молдове. Материалы международной научно-практической конференции, 25 февраля 2010 г. Варна, 2011в. С. 49-57.
- Квилинкова Е.Н.* О значимости изучения фольклора в связи с проблемой этногенеза гагаузов. Наука і освіта: крок у майбутнє. Матеріали 6 Міжнародної наукової конференції «Кайндлівські читання», присвяченої 145-річчю від дня надрукування Р.Ф. Кайндля. Чернівці, 2011г. С. 213-216.
- Квилинкова Е.Н.* Традиционная духовная культура гагаузов через призму региональных особенностей – одного из важных критериев определения ее устойчивости/изменчивости // IX конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. 4-8 июля. Петрозаводск, 2011. Петрозаводск, 2011д. С. 325.
- Квилинкова Е.Н.* Региональные особенности процесса трансформации традиционной обрядности гагаузов // Чувашская диаспора: история, современность, перспективы. Чебоксары, 2011е. С. 86-100.
- Квілінкова Є.* Ступінь збереження гагаузами Приазов'я традиційної духовної культури у зв'язку з особливостями процесу етнічної та мовної ідентифікації // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів Інституту української археології та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. Т. 22. К., 2011.
- Квилинкова Е.Н.* Варианты «эпистолий» о воскресном дне, зафиксированные в гагаузских селах юга Молдовы // Старый Боровск. Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М.: Боровск, 2011. С. 230-253, а также: <http://www.borovskold.ru>
- Квилинкова Е.Н., Никогло Д.Е.* Добруджа – историческая родина гагаузов // газета «Вести Гагаузии». 2002, 31 мая.
- Квилинкова Е.Н., Сакович В.А.* Национальная культура и глобализация // Славянские чтения. Материалы науч.-теор. конф. Вып. 3. Кишинёв, 2005. С. 61-70.
- Квилинкова Е.Н., Сакович В.А.* Диалог культур в условиях глобализации и интеграции // Беларусь – Молдова: взгляд молодежи в третье тысячелетие. Материалы междунар. науч.-практ. конф. 28–29 апреля 2004 г. Кишинёв: Vector, 2004. С. 106-119.
- Квилинкова Е.Н., Сакович В.А.* О сохранении традиционной народной обрядности в современный период (к вопросу о феномене устойчивости народной культуры) // Revista de istorie a Moldovei. Chişinău, 2007. № 3. Р. 63-67.
- Квилинкова Е.Н., Сакович В.А.* Проблема сохранения культурного своеобразия // На перехрестях світової науки. Матеріали III Міжнародної наукової конференції «Вікно в Європейську науку», присвяченої 140-річчю від дня народження Р.Ф. Кайндля. Черновці: Прут, 2006. С. 144-147.
- Кебакчиев Ст.* Спомени за града Варна от времето на Кримската война (1853–1856 гг.) // ИВАД. 1910. 3. С. 31-48.
- Келіогло В.* Роль громадської організації «Халк Бірлії» у громадському русі в Україні // Круглий стол «Тюркомовні народи України» (мови та культури татар, гагаузів, урумів, караїмів і кримчаків) у межах конференції «Феномен А. Кримського у світовій науці (до 135-річчя від дня народження)». Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005. С. 78-80.
- Келар С.П.* Скарби Буджацького краю: Дещо про гагаузькі народні казки // Відродження. 1993. № 10. 21 с.
- Келар С.П.* Роль і місце гагаузької літератури в сьогоdnішньому культурному житті гагаузів України // Круглий стол «Тюркомовні народи України» (мови та культури татар, гагаузів, урумів, караїмів і кримчаків) у межах конференції «Феномен А. Кримського у світовій науці (до 135-річчя від дня народження)». Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005. С. 85-88.
- Келеш А.К.* Религия как фактор интеграции // Вопросы философии и права. 2001. С. 91-93.
- Келеш А.К.* Некоторые архаические черты религиозности гагаузов в конце XIX – начала XX века // Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии) 21-23 декабря, 2001. Т. II. Комрат, 2003а. С. 107-115.
- Келеш А.К.* Религиозность народа Гагаузии: тенденции последнего десятилетия // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 7-й годовщине Гагауз Ери (Гагаузии) 21-23 декабря, 2001. Комрат, 2003б. Т. II. С. 102-107.
- Кельсиев А.И.* О каменных бабах. Труды V Археологического съезда. Т. 1. М., 1887.
- Кендерова Ст., Бешевлиев Б.* Балканский полуостров изображен в картите на Ал Идриси. София, 1990.
- Кендигелян М.* Гагаузская республика. Борьба гагаузов за национальное самоопределение 1989–1995 гг. Комрат, 2009.
- Кендигелян М.В.* Гагаузская Республика. Борьба гагаузов за национальное самоопределение, 1989–1995: Воспоминания, документы. Кишинёв, 2009.
- Кенесбаев С.К., Курышжанов А.К.* О новом издании «Codex Cumanicus» в Казахстане // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. 1964. Вып. 3. С. 35-45.
- Кёппен П.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб.: Изд-во АН, 1861. VI. 510 с.
- Керн А.П.* Воспоминания, дневники, переписка. М., 1974.
- Кестионарул пентру колектаря материалулуй ын ведеря алкэтуирый атласулуй лингвистик ал лимбий молдовенешть. Кишинэу, 1960.
- Кетрару Н.А.* Амулет из позднепалеолитической стоянки в гроте Брынзены I // Памятники древнего искусства на территории Молдавии. Кишинёв, 1989.
- Кинросс Лорд.* Расцвет и упадок Османской Империи / Под ред. М.С. Мейера. Пер. с англ. М. Пальникова. М., 1999.
- Киор В.* До питання збереження і розвитку мови та літератури урумів // Круглий стол «Тюркомовні народи України» (мови та культури татар, гагаузів, урумів, караїмів і кримчаків) у межах конференції «Феномен А. Кримського у світовій науці (до 135-річчя від дня народження)». Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005. С. 57-59.
- Киранов С.* Борьба приходского священника с предрассудками и суевериями прихожан-болгар // КЕВ. 1875. № 21. С. 770-788; № 22. С. 818-823.
- Киртичников А.И.* Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. 1966. Вып. ЕБ–36.
- Киртичников А.И.* Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. 1971. Вып. Е1–36.
- Киртичников А.И.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. 1973. Вып. Е1–36.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кисляков Н.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969.
- Киссе А.* Возрождение болгар Украины. Одесса: Optimum, 2006. 288 с.
- Кишбеков Д.* Кочевое общество. Алма-Ата, 1984. Кишинёвские епархиальные ведомости.

Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб.: Типограф. В.В. Нусвальта, 1869. 92 с.

Клеванов А. Летописный рассказ событий. М., 1871.

Клепикова Г.П. Славянская пастушеская терминология. М., 1974.

Климов Г.А. Вопросы методики сравнительно – генетических исследований, Л., 1971.

Климович М. Праздники и посты ислама. М.: ОГИЗ, 1941.

Клинггер В.П. Животные в античном и современном суевии. Киев, 1911.

Ключевский В.О. Русская история. М., 2006.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 214 с.

Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // *Turcologica*. 1986. К восьмидесятилетию академика А. М. Кононова. С. 153-162.

Кляшторный С.Г. Россия и тюркские народы: евразийский аспект // Тюркологический сборник. 2002 (2003). Россия и тюркский мир. С. 5-28

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей: древность и средневековье. СПб., 2000.

Кнауэр Ф.И. Раскопки в Аккерманском уезде Бессарабской губернии // Труды XI Археологического съезда. Т. II. М., 1902. С. 150-151.

Книга Большому Чертежу / Подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. М.–Л., 1950.

Книга моего деда Коркута / пер. акад. В.В. Бартольда, подг. к изд. В.М. Жирмунский, А.Н. Кононов. М.–Л., 1962.

Князький И.О. О половецких епископиях в Карпатско-Дунайских землях (Сообщение) // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы. До середины XIX в., Кишинёв, 1980. С. 244-251.

Князький И.О. Письменные источники о кочевниках в Днестровско-Карпатских землях XI–XII вв. // Проблемы источниковедения истории Молдавии периода феодализма и капитализма, Кишинёв. 1983. С. 5-23.

Князький И.О. Русь и Степь. М., 1996.

Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003.

Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч. 1. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1879. 249 с.

Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 1-2. М., 1886 г. 756 с.

Коваль Б. Смыслы жизни (мнения и сомнения). М., 2001.

Коев И. Турецкий народный весенний праздник «Идреллез» (По материалам из деревни Севар Разградского округа Болгарии) // СЭ. 1963. № 1. С. 128-130.

Коев И. Следи от бита и езика на прабългарите в нашата народна култура // Етногенезис и културно наследство на българския народ. София, 1971.

Кожухаров Г. Българската къща през пет столетия. София, 1967.

Козак И. Дезгинже, болгарский приход Бендерского уезда // КЕВ. 1878. № 6. С. 233-254.

Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и её место в теории этноса // СЭ. 1974. № 2. С. 79-92.

Козлов В.И. Между этнографией, этнологией и жизнью // ЭО. 1992. № 3. С. 3-14.

Козлов В.И. Проблематика этничности // ЭО. 1995. № 4. С. 39-54.

Козлова К.И. Этнография народов Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1964. 175 с.

Коларова Й. Из гагаузкия фолклор на с. Олпаша, Одринско (Материали) // Филология. София, 1982. № 10-11. С. 108-114.

Коларова Й. Звателната форма на личните имена в гагаузския говор на с. Олпаша, Одринско // Филология. София, 1983. № 12–13. С. 130-133.

Коларова Й. Одринските гагаузи и техният българоезичен фолклор // Украйна и България. Етнокултурни и етнолингвистични аспекти. София: Албатрос, 1999. С. 70-86.

Колев Й. К. Българите извън България 1878–1945 г. София: ТАНГРА ТанНакРа ИК, 2005.

Колев Н. Календарни празници и обичаи у българите в Бесарабия и Южна Русия // БСП. Т. 2. Велико Търново, 1993. С. 247-263.

Колев Н. Българска этнография (етнология). Учебник. Изд. VI. В. Търново, 2002.

Колева Д. Музикалният фолклор на гагаузите от с. Червенци – Варненска област // Дайджест на учителя музикант. Варна, 1998. С. 5-30.

Колева Т.А. За происхождения на пролетните момински обичаи // Проблеми на българския фолклор. София, 1972. С. 367-372.

Колева Т.А. Весенние девичьи обычаи у некоторых южнославянских народов // СЭ. 1974. № 5.

Колева Т.А. Георгиев день у южных славян (Обычаи, связанные с животноводством) // СЭ. 1978. № 2. С. 25-38.

Коледаров П. Втората българска държава в старинните карти от XII–XIV век // Списание Векове. Кн. 4. София, 1973.

Коледаров П. Средновековните карти като извор за българската история // Помощни исторически дисциплини. Т. IV. София, 1986. С. 158-159.

Колесник В.А. Личные имена и прозвания болгарских поселенцев Юга Украины // Имя и этнос. М., 1996.

Колтаков Е.М. Этнос и этничность // ЭО. 1995. № 5. С. 13-23.

Колса М.М. Музыкальный фольклор гагаузов // Советская музыка. 1981. № 1. С. 89-90.

Колса М.М. Түркүләр. Песни. Кишинёв: Литература артистикэ, 1989. 132 с.

Колца Е.К. О некоторых закономерностях лексического, фонетико-морфологического и синтаксического влияния славянских (болгарского и русского) и молдавского языков на гагаузский // Материалы IV конференции молодых учёных Молдавии, секция филол. Кишинёв, 1965. С. 114-116.

Колца Е. Образование сложных слов в гагаузском языке // Исследования по лексикографии и лексикологии. Кишинёв, 1973а.

Колца Е. Орфография гагаузского языка // Орфография тюркских литературных языков. М., 1973б.

Колца Е.К. Из предварительных наблюдений над фразеологией гагаузского языка // Лексикул ши фразеология лимбий молдовенешть контемпоране = Лексика и фразеология современного молдавского языка. Кишинёу, 1981. П. 307-317.

Колца Е. Язык гагаузов: от современного к древнему // Педагогический журнал. Кишинёв, 1999. № 1-2. С. 55-59.

Колца Е., Тукан Б. Наблюдения над лексическими заимствованиями гагаузского языка из славянских и молдавского языков // Региональное совещание по молдавско-русско-украинским языковым, литературным и фольклорным взаимосвязям. Тезисы докладов. Кишинёв, 1963. С. 36-38.

Колца Е.К., Тукан Б.П. Наблюдения над лексическими заимствованиями гагаузского языка из славянских и молдавского языков // Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения. Кишинёв, 1967. С.148-155.

Колца М.М. Музыка гагаузов. Stereo C 30-14791-94 (комплект из 2 пластинок-гигантов). Запись 1980 г. / Сост. М. Колца. М., 1980.

Колца М.М. Гагауз халк түркүлери хор ичин *a cappella* = Гагаузские народные песни для хора *a cappella* / Обработка и сост. М. Колца. Кишинёв, 1982.

Колца М.М. Музичний фольклор гагаузив і деякі його ладів риси // Українське музикознавство. 1983. № 18. С. 94-103.

Комнина А. Алексиада. Вступительная статья, перевод и комментарий Я.Н. Любарского. М.: Наука, 1965.

Коновалова И.Г. «Описание Восточной Европы» 1308 как источник по истории Карпато-Дунайских земель // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. М., 1981.

Коновалова И.Г. Сведения о связях Древней Руси и Болгарии в сочинении ал-Идриси (XII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье (ВЕДС): Проблемы источниковедения. М., 1990. С. 62-64.

Коновалова И.Г. Сведения о Кумании в сочинении ал-Идриси // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье: Междунар. научн. семинар. Донецк, 1992. С. 31-34.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. 254 с.

Коновалова И. Г. Ал Идриси. О странах и народах Восточной Европы. М., 2006.

Кононов А.Н. Опыт анализа термина турк // СЭ. 1947. № 1. С. 40-47.

Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-л-гази хана Хивинского. М.-Л., 1958.

Кононов А.Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-турк» // СТ. 1972. № 1. С. 3-10.

Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1978. С. 72-89.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. VII–IX вв. М., 1980.

Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. второе. Л., 1982.

Конский А. Простонародные праздничные обычаи в Бессарабии // КЕВ. 1870. № 23.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарии. Изд. второе, исправленное / Под ред. члена-корр. АН СССР Г.Г. Литаврина и члена-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991.

Константинов А. Преселвания на христианско население от вълчидолския район към Бесарабия и Таврия // Любородие. 1993, септември. № 4.

Конституция Республики Молдова // Новые Конституции стран СНГ и Балтии. М., 1997.

Копанский Я.М. Бессарабия сорушунун дорулуклу карара гетирилмеси ичин совет дипломатиясынын савашы. 1918–1940. (Борьба советской дипломатии за справедливое разрешение бессарабского вопроса. 1918–1940). Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1987.

Копреева Т.Н. Неизвестный литературный источник Жития Софрония Врачанского // Труды Отдела древнерусской литературы, Л., 1968. Т. XXIII. С. 261-275.

Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. 1950. Т. XIII.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.–Л., 1954.

Корлэтяну Н. Учёный, которого не должны забывать // Moldova suverană. Chişinău, 1996, 23 octombrie (см. также: Вести Гагаузии. Комрат, 1996, 23 ноября).

Кормушин И.В. Орхоно-енисейских надписей язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997.

Корниенко Н.В. Михаил Исаковский и женская лирика // Горизонты современного гуманитарного знания. К 80-летию академика Г.Г. Гамзатова. М., Наука, 2008. С. 152-168.

Корнилова А.В. Мир альбомного рисунка. Русская альбомная графика конца XVIII – первой половины XIX века. Л., 1990.

Короглы Х.Г. Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976.

Короглы Х.Г. Трансформация заимствованного сюжета // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977. С. 106-125.

Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М.: Наука, 1983а. 336 с.

Короглы Х.Г. Турецкая ашыкская поэзия // СТ. 1983б. № 3. С. 22-28.

Короглы Х. Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Рец. // СТ. 1987. № 6. С. 99-100.

Короглы Х.Г. К тюркско-венгерским фольклорным связям // СТ. 1988. № 3. С. 24-29.

Королёва Э.А. О кинетической структуре молдавских фольклорных танцев // Этнография и искусство Молдавии. Кишинёв, 1972.

Королёва Э.А. Ранние формы танца. Кишинёв, 1977.

Королёва Э. Кэлушары // СЭ. 1991. № 5. С. 27-35.

Королёва Э.А. Танец и художественная культура. От возникновения до первых великих цивилизаций, Минск. 1997.

Королёва Э. Хореография. Рукопись, 2008.

Корона на историите на Ходжа Садеддин. Превод от османотурски език, студия и коментар М. Калицин. София, 2000.

Кори Ф.Е. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // Известия отделения русского языка и словесности. Т. VIII. Кн. 4. СПб., 1903.

Кори Ф.Е. Древнейший народный стих турецких племён // Записки Вост. отд. Русского археол. общества. Т. XIX. Вып. 2-3. СПб., 1909.

Косвен М.О. Авункулат // СЭ. 1948а. № 1. С. 3-46.

Косвен М.О. Семейная община (Опыт исторической характеристики) // СЭ. 1948б. № 3. С. 3-32.

Косвен М.О. Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище // СЭ. 1950. № 2. 65-76.

Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М.: Из-во АН СССР, 1963а. 218 с.

Косвен М.О. Патронимия // Известия на Етнографски институт и музей. Кн. VI. София, 1963б.

Косвен М.О. Кто такой крёстный отец // СЭ. 1963в. № 3. С. 104-109.

Косвен М.О. Патронимия и ее роль в истории общества. М.: Наука, 1964. 10 с.

Костюков В.П. Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006

Костюков В.П. Тюркские народы России и Великой степи. М., 1979.

Котенко В.И. Сущность гармонии слова. Некоторые нерешённые проблемы фонетики и фонологии // Педагогический журнал. Кишинёв, 1999. № 1-2. С. 37-54.

Кочубинский А. Материалы для этнографии болгар // Записки Одесского общества истории древностей. 1889. Т. 15. С. 828-840.

- Крадин Н.Н. Империя хунну. 2-е изд. М., 2001.
- Крадин Н.Н. Политическая антропология. 2-е изд. М., 2004.
- Краев Г. Бабинден. Български празници и обичаи. София, 1985.
- Крамаровский М.Г. Куманские пояса в Дешт-и-Кипчаке и на Балканах в XIII–XIV вв. // ТС. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. С. 126-141.
- Краткая история Болгарии. С древнейших времён до наших дней. М.: Наука, 1987. 568 с.
- Краткий отчет о деятельности Кишинёвского отдела Императорского Российского общества плодоводства за 1912 г. Кишинёв, 1913. С. 37-40.
- Краткий славяно-гагаузский молитвенник (Кыса дуа-китабы славянджа (хем) гагаузча) / пер. М. Чакир. Кишинёв: Епархиальная типография, 1908.
- Крахтоглу Д.К. Черкезките кланета в градеца Каварна и в околните му гръцки // Каварна от древността до освобождението. Съст.: Васил Василев, Цонко Генев, Димо Кисьов. София, 1984. С. 230-252.
- Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. М.-Л.: Изд. Академии Наук СССР, 1948.
- Крейг Калхун. Национализм. М., 2006.
- Кригер В.А. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
- Кримський А.Е. Тюрки, их мови та літератури. І. Тюркські мови. Київ, 1930.
- Кримський А.Е. Твори в п'яти томах. Том четвертий. Київ, 1973. С. 447-583.
- Кристиогло И. Динамика региональных этнополитических процессов на примере Гагаузии (Гагауз Ери) // Unitatea poporului Republicii Moldova și problema identității etnice. Departamentul Relații Naționale și Funcționarea Limbilor. Chișinău, 2000. С. 216-224.
- Кройтор Д.В. Проблемы современного развития Гагаузии и роль науки в их разрешении // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003. С. 4-7.
- Круглов Е.В., Клепиков В.М. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области // ДВДС. Вып. 3. Волгоград. 1993. С. 138-151.
- Крупеников И.А. Дорогая природа Молдавии. Кишинёв. Картя Молдовеняскэ. 1982.
- Крупеников И.А. Почвенная карта Молдавской ССР. Кишинёв, 1969.
- Крънжалов Д. Влашкият княз Мирчо и Добруджа според неговите грамоти // ГСУ. ИФФ. XLII. 1946.
- Кръстанова К. За ролята на заредата в стопанския и обществения живот на българското село (по материали от втората половина на XIX в. до средата на XX в.) // ИЕИМ. 1974. Т. XVI. С. 265-282.
- Кръстанова К. Традиции на трудова взаимопомощ в българското село. София, 1986.
- Кръстева-Благодеева Е. Сватбени обичаи на гагаузите в България // БЕ. 2000. Бр. 1. С. 45-61.
- Крыжановская К. П., Руссев Е.М. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского. Сборник документов. Т. II. Кишинёв: Госиздат Молдавии, 1957.
- Крылов И. А. Масаллар (Басни). Переводчик К. Крецу. Кишинёв.
- Крысько В.Г. Словарь-справочник по социальной психологии. СПб., 2003.
- Крюков М.В. Типы систем родства и их историческое соотношение // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М.: Наука, 1968.
- Крюков М.В. Этнографические факты как источник изучения первобытности: проблема критериев стадийной глубины // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979.
- Крюков М.В. Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
- Крянгэ И. Бийаз Арап (Белый Арап). Сказки и рассказы. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1974. (Изд. 2-е. Кишинёв: Литература артистикэ, 1982 / пер. К. Крецу).
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая / Отв. ред. Е.И. Деревянко. Новосибирск, 1984.
- Кубарев В.Д. Каменные изваяния Алтая. Новосибирск–Горно-Алтайск, 1997.
- Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001.
- Кубарев В.Д., Цвэндорж. Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1. С. 76-95.
- Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948.
- Кузев Ал. Коренното население на гр. Варна от XIV до началото на IX век // ИВАД. 1963. Кн. XIV. С. 80-92.
- Кузнецова М.А., Серегин Ю.А., Воронько О.Е., Варзарь А.М., Дубова Н.А., Соловьева Д.С., Балановская Е.В. Характеристика Alu-полиморфизма (АСЕ, PV92) в трёх популяциях гагаузов Молдавии // V съезд Российского общества медицинских генетиков. Уфа, 2005. Медицинская генетика, 2005. № 5. С. 214.
- Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев, 1979.
- Кулаковский Ю.А. К вопросу о каменных бабах // АИЗ. 1898. № 7–8.
- Кулаковский Ю. История Византии. Т. 1-3. Киев, 1912–1915.
- Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван, 1983.
- Культура и быт народов зарубежной Европы. Этнографические исследования / Под ред. Токарева С. М.: Наука 1967. 256 с.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Д. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002.
- Кульчицкий С. О суевериях, обычаях и повериях жителей с. Ставучан Хотинского уезда // КЕВ. 1873. № 22. С. 813-824.
- Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
- Кумекон Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII–XIV вв. Научно-аналитический обзор. Алма-Ата, 1987.
- Кумекон Б.Е. Об этническом составе кыпчаков XI – начала XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990. Вып. 2. С. 123-124.
- Кумекон Б.Е. К кипчакско-мадьярским этническим связям // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации. Алматы, 1995. С. 71-73.
- Купер В. История розги. Харьков, 1991.
- Курбан. Ерлештирди С. Экономов // газета «Ана сөзү». 1992, 15 февраля.
- Курдинов М. Ми – гагаузи. (Запорожье. Самиздат). Тов. «Поліград», 2006. 54 с.

- Курдиновский В. Къ достопримечательному дню в жизни сельского пастыря протоіерея Димитрія Георгиевича Чакира Настоятеля Троицкой церкви с. Исерлия, Аккерманского уезда, Бессарабской губернии. Кишинёв: Епархіальная типография, 1913.
- Курдова С. Бесарабските българи в Болградско – исторически и лингвистични белажки // БСП. 1994. Т. 5.
- Курогло С.С. Свадьба и свадебный фольклор гагаузов // Женурь ши спечий фолкло-риче. Кишинэу: Штиинца, 1972а. С. 149-162.
- Курогло С.С. Изменения в гагаузской семейной обрядности // VIII конференция молодых ученых Молдавии. Тезисы докладов. Кишинёв: Штиинца, 1972б. С. 63-64.
- Курогло С.С. Гагаузские обряды, связанные с рождением ребенка (XIX – начало XX вв.) // Известия АН МССР: серия обществ. наук. Кишинёв, 1973. № 2. С. 91-93.
- Курогло С.С. Поминальные обряды и обычаи гагаузов в XIX – начале XX вв. // Известия АН МССР: серия обществ. наук. Кишинёв, 1975. № 3. С. 79-83.
- Курогло С.С. Гагаузские обычаи, обряды и верования, связанные со смертью и похоронами // Известия АН МССР: серия обществ. наук. Кишинёв, 1977а. № 1. С. 88-90.
- Курогло С.С. Личные имена у гагаузов // Историческая ономастика. М., 1977б. С. 180-188.
- Курогло С.С. Изменение духовного облика гагаузского крестьянства за годы Советской власти // Известия АН МССР: серия обществ. наук. Кишинёв, 1979. № 2. С. 86-94.
- Курогло С.С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX вв. Кишинёв: Штиинца, 1980. 138 с.
- Курогло С.С. Отражение освободительной миссии России на Балканах в гагаузском фольклоре // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинёв, 1984. С. 155-159.
- Курогло С.С. История и культура гагаузов в научном наследии профессора М. П. Губоглу // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Комрат. гос. ун-т, 1999. С. 16-23.
- Курогло С.С. Гагаузы, народ на рубеже тысячелетий // The collage. 2000. № 2. С. 82-83.
- Курогло С.С. Гагаузы Евразии в XIX–XX вв. – расселение, численность, идентичность // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003. С. 19-21.
- Курогло С.С. Обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006а. С. 589-601.
- Курогло С.С. Свадебная обрядность // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006б. С. 602-628.
- Курогло С.С., Воробьева Л.П. Детский песенно-обрядовый фольклор гагаузов // Ştiinţa. Chişinău, 1996. № 6.
- Курогло С.С., Маруневич М. В., Гайдаржи Г. А. О состоянии межнациональных отношений в Молдавской ССР и предложения по их совершенствованию в условиях перестройки: (О создании национально-территориальной автономии гагаузов и болгар) // Что делать?: В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. М., 1989. С. 231-243.
- Курогло С.С., Маруневич М.В. Социалистические преобразования в быту и культуре гагаузского населения МССР. Кишинёв, 1983.
- Курогло С.С., Никогло Д.Е. К проблеме этнокультурных взаимосвязей гагаузов с соседними народами (на материале терминологии традиционной гагаузской кухни) // Ştiinţa. Chişinău, 1995. № 1. С. 15.
- Курогло С.С., Никогло Д.Е. Традиционное гагаузское блюдо «манса»: этнокультурные параллели и эксклюзивы // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 4. Chişinău, 2008. P. 112-114.
- Курогло С.С., Филимонова М.Ф. Изменение семейного и общественного положения гагаузской женщины за годы Советской власти // IX конференция молодых учёных Молдавии. Тезисы докладов. Кишинёв, 1975.
- Курогло С.С., Филимонова М.Ф. Прошлое и настоящее гагаузской женщины. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1976. 76 с.
- Куроглу С.С. Бир кужак гүнеш (Охапка солнца). Стихи. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1969а.
- Куроглу С.С. Использование гагаузского народного творчества на уроках истории // Унеле проблеме привинд предаря историей ын шкоала медие. Кишинэу, 1969б. П. 173-188.
- Куроглу С.С. Йоллар (Дороги). Рассказы. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1970.
- Куроглу С.С. Кызгын чийлър (Горячая роса). Стихи. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1974.
- Куроглу С.С. Кауш авалары (Напевы струн). Стихи. Кишинёв: Литература артистикэ, 1977б.
- Куроглу С.С. Ёусек кушлар (Птицы поднебесья). Стихи. Кишинёв: Литература артистикэ, 1982.
- Куроглу С.С. Родословное древо. Стихи. Поэмы. Кишинёв: Литература артистикэ, 1988.
- Куроглу С.С. История и культура гагаузов в научном исследовании проф. М.П. Губоглу // Вестник Славянского ун-та. Вып. V. Кишинёв, 2001. С. 157-165.
- Курочкин А. Источники календарного праздника Николы зимнего: украинско-болгарские параллели // БСП. Т. 9. Одеса: Друк, 2006. С. 225-235.
- Курсом развивающейся Молдовы. Отв. ред. М.Н. Губогло. Т. 1-10. М., 2006-2010.
- Куртев Р. Этногенез и этапы этнической истории крымско-татарского народа // <http://www.cidst.org.ua/publications/Ocherki/3html>
- Курьлёв В.П. Хыдырэллез – пережиток древнего земледельческого культа в Малой Азии // Филология и история тюркских народов (Тезисы докладов). Л.: ЛГУ, 1967.
- Курьлёв В.П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. Новейшее время. М.: Наука. 1976. 146 с.
- Курьшижанов А. К истории изучения куманского языка // Изв. АН КазССР. Серия обществ. наук. 1972. № 6. С. 32-42.
- Курьшижанов А.К. О замечаниях редакторов на полях рукописи «Кодекс Куманикус» // СТ. 1974. № 6. С. 86-97.
- Кустрябова П.Ф. Структура миграционных потоков и этнодемографические процессы у болгар и гагаузов Бессарабии в XIX в. (История и историография) // Unitatea poporului Republicii Moldova. Problema identității etnice. Chişinău, 2000. P. 76-79.
- Кустрябова П.Ф., Дарадур Н. Ретроспектива и эволюция семьи у гагаузов Бессарабии // Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии) 21-23 декабря 2001 г. Т. I. Комрат, 2003. С. 156-164.
- Кустрябова С.Ф., Захария С.К. Правовые основы аграрных отношений у задунайских переселенцев (конец XVIII и первая половина XIX века) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», по-

- священного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 147-194.
- Кутузов в Дунайских княжествах (сборник документов). Док. № 4. Кишинёв, 1948.
- Кънчов В. Из Мала Азия // Български преглед. Год. IV. Кн. III. 1899. С. 52-102.
- Кызласов Л.Р. Рец. на книгу: Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. (М.: Изд-во вост. лит., 1961) // СА. 1964а. № 1.
- Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. 1964б. № 2.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кысса В. Тогда Комрат был селением. Найденной рукописи – 120 лет // газета «Вести Гагаузии». 2004, 20 января.
- Ключюков Х. Гагаузите – происход и култура // Любословие. Т. 2. Шумен, 1997. С. 19-25.
- Лаалелър (Тюльпаны). Стихи и песни. Одесса: Маяк, 2001.
- Лазаров И., Тютюнджиев И., Павлов Пл. Документи за политическата история на средновековна България XII–XIV в. Велико Търново, 1993.
- Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущёва: Дневник и попутное (1953–1964). М., 1991.
- Ларенок В.А. Святилище с деревянными изваяниями на реке Сал // ДВДС. Вып. 2. Волгоград, 1992.
- Ларенок В.А. Археологические памятники Нижнего Дона золотоордынского времени // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Труды VII Донской археологической конференции 22-26 ноября 1998 г. Ростов-на-Дону, 1998.
- Лебедева Н.М. Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. М., 1997.
- Левин-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937.
- Левин Ю.И. Об описании системы терминов родства // СЭ. 1970. № 4.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). М., 1996.
- Левина Л.М. К истории исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.
- Левин-Строс К. Структурная антропология. Пер. с франц. М.: Наука, 1983. 536 с.
- Левман Р.С. Антропологические типы коренного населения Молдавской ССР (к проблеме этногенеза молдаван). Автореф. дисс. ... кандидата наук. М., 1950.
- Лежан Г.М. Этнография европейской Турции // Этнографический сборник, издаваемый императорским русским географическим обществом. Вып. VI. СПб., 1864.
- Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. Стихотворения 1828–1841. М.–Л., 1961.
- Линин Ю. К вопросам формального изучения поэзии турецких народов // Изв. Вост. ф-та АзГУ. Т. I. Баку, 1926. С. 139-201.
- Липец Р.С. «Лицо волка благословенно...» (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // СЭ. 1981. № 1. С. 120-133.
- Липец Р.С. «Завоёванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе // Фольклор и историческая этнография. М., 1983.
- Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.
- Липишиц Е.А. Никифора Патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия // Византийский временник. Т. 3. 1950.
- Литература окумаклады 9–10 класслар ичин / Хазырл. Н. Бабоглу, И. Бабоглу. Кишинёв, 1988.
- Литература сабаалыклады ушак башчаларында / Уйдурду хем чевирди Н. И. Бабоглу. Кишинев, 1990.
- Лихачёв Д.С. Повесть временных лет (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 271–358.
- Ломакин В.Г. Очерк современного состояния полеводства и скотоводства в Бессарабской губернии. Кишинёв, 1900.
- Лопарев Хр. Византийский поэт Мануил Фил. К истории Болгарии в XIII–XIV веке. СПб., 1891.
- Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. Под. ред. д.и.н., М.С. Мейера. М., 1999. 696 с.
- Лоренц К. Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах // журнал «Природа». 1969. № 11.
- Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителей. Л., 1983.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре // Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб., 1995.
- Лукиянец О.С. Русские исследователи и молдавская этнографическая наука в XIX – начале XX века. Кишинёв: Штиинца, 1986. 112 с.
- Лукиянец О.С. К истории этнографических изысканий гагаузов Бессарабии // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). 21-23 декабря 2001 г. Т. I. Комрат: Комрат. гос. ун-т, 2003. С. 115-119.
- Лукиянец О.С. Коллективные представления народов Бессарабии друг о друге (первая половина XX века) // Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинёв: Business-Elita, 2006. С. 175-191.
- Лукиянец О.С. Обычай гостеприимства у молдаван // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 7. Гостеприимство и ярмарки как институты соционормативной культуры. М., 2009. С. 196-206.
- Лурье С.В. Историческая этнология. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1998. 448 с.
- Лучинский П. Молдова и молдаване. Кишинёв, 2007.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск, 1989. С. 70-71.
- Люленов П.В. Времена. Кишинёв, 2003.
- Люленова Е. Новые книги Н. Бабоглу // Вести Гагаузии. 2003, 4 ноября.
- Ляскоранский В.Г. К вопросу о переяславских торках // Журнал Министерства просвещения. 1905, апрель.
- Маанелър (Серия: «Гагауз халк йаратмаларь») / Сост. С.С. Курогло. Одесса: Маяк, 1998. 54 с.
- Мавродина Р.М. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). Л., 1983.
- Мавродинов Н. Старобългарското изкуство. Изкуството на първото Българско царство. София, 1959.
- Макаренко П.П. Очерки истории виноградарства Бессарабии и Левобережного Поднепровья. Кишинёв, Штиинца. 1988. 261 с.
- Макарова И.Н. Литература, информатика, изобразительное искусство. Взаимосвязь дисциплин на уровне ЗНАК – ЦВЕТ – СИМВОЛ // <http://www.omsknet.ru/acad/conf2/makarova.html>.
- Макиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Классики геополитики. XX век. М., 2003.

Максимов А.Н. К вопросу о тотемизме у народов Сибири // Учёные записки РАНИОН. Т. VI. М., 1928.

Малай К. Приход Чок-Мейдан Бендерского уезда // КЕВ. 1875. № 20. С. 734-746; № 22. С. 830-843; № 24. С. 908.

Маленкова М.Н. Некоторые изыскания в области терминологии системы родства у гагаузов (на материалах с. Дмитровка Одесской области Украины) // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. гос. ун-т, 2003. С. 131-137.

Малов С.Е. К истории и критике «Codex Cumanicus» // ИАН СССР. ОГН. 1930. № 5. С. 347-375.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.–Л., 1951. 452 с.

Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. М., 1952. С. 135-143.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959.

Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев. Нальчик, 2002.

Мамбетов С.Х. Материальная культура населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.

Мамин-Сибиряк Д.М. Хлеб // Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 6. М., 1981.

Мамонтов В.И. Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка II // ДВДС. Вып. 3. Волгоград, 1993. С. 151-172.

Мамонтова Н.Н. Проблемы изучения традиционных форм культуры и понятие «народное искусство» // Научные чтения памяти В.М. Василенко: Сб. статей. Вып. I. М.: Наука, 1997.

Манов А. Обычаи на гагаузите във Варна // ИВАД. 1910. № 3. С. 24-30.

Манов А. Обычаи на гагаузите във Варна // ИВАД. 1911. № 4. С. 108-111.

Мановъ А. Потеклото на гагаузите. Техните обычаи и нрави. Въ две части. Варна, 1938, 182 с.

Манолова М.Г. Правното положение на българска община през последните десетилетия на османското владичество // Известия на Института за правни науки. Т. XXI. София, 1967.

Маргос А. Данни за етнически състав на селища във Варненско, Балчишко и Хаджиоглу Пазарджишко през 1880 г. // ИНМ, 1984. Т. 20. С. 135-141.

Маринов В. Делиорман. Областно географско изучване. София, 1941.

Маринов В. Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагаузите в Североизточна България. София: БАН, 1956. 360 с.

Маринов В. Миналото на с. Девня, Провадийско, с оглед на «арнаутите» в Североизточна България // Езиковедско-этнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски. София: БАН, 1960. С. 608-611.

Маринов В. По въпроса за произхода на гагаузите в България / Сборник в чест на член кореспондент Йордан Захариев. София, 1964. С. 157-166.

Маринов В. В какво се състои различие между «български» и «приморски» гагаузи // Музеи и паметници на културата. 1966. № 4. С. 17-21.

Маринов В. За етнокултурните приноси на българското животновъдство // Етногенезис и културно наследство на българския народ. София, 1971.

Маринов В. Расселение пастухов-валахов на Балканском полуострове и за его пределами // Историкографические аспекты славяно-волошских связей. Тезисы докла-

дов сессии научного совета 1973 г. Кишинёв, 1973.

Маринов В. На гости у бесарабските българи. София: Отечество. 1988а. 112 с.

Маринов В. Произход и историческа съдба на българското население в Лудогорието XIV–XIX в. София, 1988б.

Маринов В., Димитров В., Коев Ив. Принос към изучаването бита и културата на турското население в Североизточна България // ИЕИМ. 1955. Кн. II. С. 95-212.

Маринов Д. Избрани произведения. Народна вяра и религиозни народни обичаи. Т. I. София: Наука и изкуство, 1981. 814 с.

Маринов Д. Избрани произведения. Народна вяра и религиозни народни обичаи. Т. II. София: Наука и изкуство, 1984. 937 с.

Маринов Д. Българско обичайно право. Второ издание. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 1995. 787 с.

Мариноглу Ф. Урек далгасы. Кишинёв, 1990.

Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван: АН АрмССР, 1969. 228 с.

Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2. С. 78-96.

Марков Г.Е. Материалы по этнографии гагаузов // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР (КСИЭ). Вып. XIX. М.: АН СССР, 1953.

Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

Маркова Л.В. Болгары-мусульмане (помаки) // Этнические меньшинства в современной Европе. М., 1997. С. 131-171.

Маркова Л.В. Поселения и жилища болгар-переселенцев в Бессарабии // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 24. М., 1955. С. 3-18.

Маркова Л.В. Землепользование у болгар и гагаузов в Бессарабии в XIX в. // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. LXII. М.: АН СССР, 1960а.

Маркова Л.В. Сельская община у болгар в XIX в. // Славянский этнографический сборник. Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. LXII. М.: АН СССР, 1960б. С. 6-109.

Маркова Л.В. Некоторые наблюдения над развитием календарных обрядов у болгар междуручья Прута и Днестра // ИЕИМ. 1968. Т. XI. С. 151-168.

Маркова Л.В. Типы болгарского жилища в Днестровско-Прутском междуручье // Этнография и искусство Молдавии. Кишинёв, 1972. С. 61-74.

Маркова Л.В. Трансформация южнославянской системы родства и ее соотношение с семейно-родственной структурой // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь 1973. Доклады советской делегации. М., 1973.

Маркова Л.В. О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар // СЭ. 1974. № 1.

Маркова Л.В. Типы сельского жилища в Болгарии // Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1975.

Маркова Л.В. Традиции и инновации в устройстве и использовании жилища болгар западных районов Одесской области УССР // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979.

Маркова Л.В. Болгары Советского Союза: Тенденции этнического развития // Расы и народы. Вып. 14. М., 1984. С. 94-112.

Маркова Л.В. Этносоциальные проблемы болгарской семьи // Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов Зарубежной Европы. М., 1987.

- Маркова Л.В., Маруневич М.В. Жилище народов Пруто-Днестровского междуречья // Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. М., 1997.
- Мартынова М.Ю. Особенности повседневного уклада жизни русских. М., 2009а.
- Мартынова М.Ю. Соционормативная культура: традиции и инновации // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов» 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2009б. С. 23-68.
- Маруневич М.В. К вопросу о пережиточных формах заключения брака у гагаузов // Известия АН МССР: серия обществ. наук. Кишинёв, 1965. № 1. С. 31-36.
- Маруневич М.В. Народное жилище гагаузов Чадыр-Лунгского района Молдавской ССР (на материалах сёл Баурчи, Бешалма, Башкиой, Джолтай, Казаклия) // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинёв, 1968.
- Маруневич М.В. Некоторые черты традиционной усадьбы гагаузов Бессарабии конца XIX – начала XX вв. // Тезисы докладов VIII конференции молодых учёных Молдавии. Кишинёв, 1972а.
- Маруневич М.В. Традиционная свадебная обрядность у гагаузов Молдавской ССР // Этнография и искусство Молдавии. Кишинёв: Штиинца, 1972б. С. 177-186.
- Маруневич М.В. Некоторые особенности развития народного жилища в XIX – начале XX в. // СЭ. 1975. № 3.
- Маруневич М.В. Некоторые особенности материальной культуры гагаузов Одесской области УССР // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979.
- Маруневич М.В. Поселение, жилище и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX – начале XX в. Кишинёв: Штиинца, 1980. 168 с.
- Маруневич М.В. Материальная культура гагаузов XIX – начало XX в. / Отв. ред. Ю.В. Иванова. Кишинёв: Штиинца, 1988. 188 с.
- Маруневич М.В. Правда о Гагаузском народе как о самобытном этносе и его этнической территории. Комрат: Айдынник, 1993. 15 с.
- Маруневич М.В. Гагаузоведение: становление, современное состояние, ближайшие перспективы // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Комрат. гос. ун-т, 1999а. С. 5-11.
- Маруневич М.В. К вопросу о значении этнографических параллелей в работах И. И. Мещеряка // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Кишинёв: «S.Ş.B.», 1999б. С. 48-57.
- Маруневич М.В. Актуальные проблемы этнокультурного развития гагаузского народа в свете положений международного законодательства по защите прав человека // Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств: Механизм реализации. Кишинёу: Departamentul Relații Naționale și Functionarea Limbilor al Republicii Moldova, 2000. С. 147-157.
- Маруневич М.В. Задачи, связанные с началом последовательных исследований по истории гагаузского народа на современном этапе // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. гос. ун-т, 2003а, С. 7-13.
- Маруневич М.В. Опыт периодизации истории гагаузского народа // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003б. С. 15-19.
- Маруневич М.В. Особенности одежды гагаузов // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат-Кишинёу: Pontos, 2004. С. 684-707.
- Масаллар (Сказки). / Хазырл. хем лит. ишледи Н.И. Бабоглу. Кишинёв, 1991.
- Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов // Восточнославян-ский этнографический сборник: Труды института этнографии имени Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXI. М., 1956.
- Матеева В. Поредното етнолингвистично проучване по Северното Причерноморие // БФ. 1996. № 3. С. 157-158.
- Матеева В. За билингвизма на гагаузите във всекидневната култура // БФ. 1998. № 3. С. 43-52.
- Матеева В. Поглед върху етноложките изследвания за фолклора на гагаузите // БФ. Кн. 1-2. София, 1999. С. 103-110.
- Матеева В. Образи и представи за гагаузите // БЕ. Бр. 1. 2000а. С. 26-44.
- Матеева В. Гагаузите. Още един поглед. София: Марин Дринов, 2006а.
- Матеева В. Културни измерения на двуезичието на гагаузите в България и Молдова // Етноси и култури на Балканите (Ethnoses and Cultures on the Balkans, International conference, Bulgaria, Troyan, 23–26.08.2000). Т. 2. София, 2000б. С. 34-41.
- Матеевич А. (Матвеевич А.) Религиозные мотивы в поверьях и обрядах бессарабских молдаван // КЕВ. 1911. № 13-14. С. 592-599
- Матеевич А. (Матвеевич А.) Новый год у молдаван. Очерк молдавских религиозно-бытовых традиций // КЕВ. 1913. № 16-17, 18, 20; КЕВ, 1915. № 47. С. 1325-1346.
- Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. Т. V. Словарь церковно-славянского языка. Т. I. СПб., 1858.
- Материалы рабочей встречи с администрацией АТО Гагаузии по проблемам опустынивания в Республике Молдова. Национальная Комиссия по борьбе с опустыниванием в РМ. Кишинёв, 2000.
- Материалы текущего архива Госкомстата МССР и Национального Бюро статистики РМ. Материальная культура таджиков верховьев Заревшана. Душанбе, 1973.
- Махмутова Л.Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики (Краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982. С. 68-153.
- Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. Лук и стрелы, самострел // САИ. М., 1966. Вып. Е1–36.
- Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сборник в честь Ю.В. Арутюняна / Отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Старый сад, 2004. 406 с.
- Мелиоранский П. Сельджук-намэ как источник для истории Византии в VII–VIII веках // Византийский временник. Т. 1. Вып. 3–4. СПб., 1894.
- Мелиоранский П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1899, июнь.
- Мелиоранский П.М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». Отделение русского языка и словесности. Т. VII. Кн. 2. СПб., 1902.
- Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
- Мельникова Т. Таруса – 101-й километр. М., 2007.
- Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Меметов А. О терминах родства в крымско-татарском языке // СТ. 1980. № 6. С. 70-73.
- Меметов А. Крымские татары. (Историко-лингвистический очерк). Симферополь, 1993. 54 с.
- Ментрун В. К проблеме лексикографического описания общенародного языка и профессиональных языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. С. 301-333.

- Мероприятия по преодолению экологического риска в бассейне рек Ялпуг–Дунай. Кишинёв, 1999.
- Мерперт Н.Я.* Из истории оружия племени Восточной Европы в раннем средневековье // СА. XXIII. 1955.
- Местные законы Бессарабии. Перевод Ручной книги законов или так называемого Шестикнижья, собранного отовсюду и сокращённого достопочтенным Немофилактом и Судьею в Фесалонике К. Арменопуло с приложением Соборной грамоты и господаря Маврокордата. Краткое собрание законов, извлечённых из Царских книг трудами и усердием боярина Андронакия Доница. Ч. I–II. Одесса, 1902.
- Методы сопоставительного изучения языков. М., 1988.
- Мехмед М.* Хроника. Идриса Битлиси в качестве источника по истории покорения Балканского полуострова турками // RESEE, I, 2, 1965.
- Мехмед М.* Взгляд на исследования, проводимые в Румынии, относительно гагаузов // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003, С. 21-33.
- Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.–Л., 1936 // http://www.Drevlit.ru/texts/matvey_traktat.php
- Мец Н.Д.* К вопросу о торках // КСИИМК. Вып. 22. М., 1948.
- Мецерьюк И.И.* Болгарские и гагаузские поселения Бессарабии в 20-х годах XIX столетия // Учебные записки Кишинёвского государственного университета. Т. II. Гуманитарные науки. Кишинёв, 1950. С. 75-85.
- Мецерьюк И.И.* Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX в. // Известия Молдавского филиала АН СССР. 1953. № 3-4. С. 65-97.
- Мецерьюк И.И.* Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812–1820 гг. Кишинёв, 1957.
- Мецерьюк И.И.* Достлук ичин чалышмак // газета «Молдова социалистэ». Едицие спечиаля ын лимба гэгэуэ. 1960а, 15 февраля.
- Мецерьюк И.И.* Новая мобильная группа за работой // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. II. Баку, 1960б. С. 222-223.
- Мецерьюк И.И.* Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828–1834. (Из истории развития русско-болгарских дружеских связей). Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1965.
- Мецерьюк И.И.* Переселение болгар и гагаузов в Буджак (1769–1834 гг.) // Болгария – сестра родная. Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1967.
- Мецерьюк И.И.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808–1856). Кишинёв: АН МССР, 1970. 341 с.; 1971.
- Мецерьюк И.И.* Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар в период деятельности переселенческой комиссии 1816 г. // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006. С. 100-126.
- Миглев И.* Софинден. София: Марин Дринов, 2005. 77 с.
- Миланов Е.* Динамика на идентичността на гагаузите в Бесарабия // БСП. Т. 7. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 1999. С. 595-600.
- Миланов Е.* Регионални и етнокултурни български общности зад граница // Аспекти на етнокултурната ситуация. Осем години по-късно. София: Асоциация АКСЕС-София, 2000б. 118-179.
- Милева В.Г.* Порядок слов в вопросительных предложениях // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Изд-во Комратского гос. унив-та, 1999. С. 87-88.
- Милетич Л.* Старото българско население въ Североизточна България. София: Българско книжно дружество, 1902. 224 с.
- Милетич Л.* Най-нови изследвания по етнографията на гагаузите // ПС. 1905. № 66. С. 256-274.
- Милетич Л.* Карл Шкорпил. Материали към въпроса на днешните гагаузите // Македонски преглед. Год. IX. Т. V. Кн. III-IV. 1935. С. 185-194.
- Мишиш Н.* Още един поглед върху родословието на рода на Михаил Чакир // Болградската гимназия. Сборник по случай 135 години от основаването ѝ. София: КПЦ «Васил Априлов», 1993. С. 219-227.
- Мишиш Н.* Гагаузите. Гагаузката проблематика в българската историография, София: ДИОС, 2001.
- Мишиш-Титяк Н.И.* Гагаузката проблематика в българската научна литература. Автореф. на дис. ... канд. на историч. науки. София, 1995.
- Миненко Н.А.* Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // СЭ. 1980. № 5. С. 21-33.
- Миненкова Н.Е.* К вопросу о святилищах кочевников X–XIII вв. степей юга Восточной Европы (историография проблемы) // ДАС. Вып. 9. 2001. С. 98-111.
- Мици Л.Н.* Система питания венгров (к изучению этнокультурных связей). Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1985.
- Мицес Б.* Как да се изучи България в социално-стопанско отношение // СБНУ, 1898. Т. XV.
- Мицилов С.Р.* Памятники древностей в Урянхайском крае // Записки Восточного отделения (Императорского) Русского археологического общества. Т. XXIII. СПб., 1916. С. 291–312.
- Мирбадалев А.С.* Туркменский романический эпос // Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос. М., 1971.
- Мирзоева Л.Х.* О составе бытовой лексики в современном узбекском языке // СТ. 1986. № 2. С. 60-66.
- Мирчева Д.* Календарни празници и обичаи на гагаузите в Каварненско // Живка Стаменова, Соня Средкова и др. Гагаузите в България. Записки от терена. София, 2007. С. 259-287.
- Митев М.* Гагаузите. Истини и неистини. Съвременни проблеми при изясняването на езика и етногенеза им. Критично-аналитичен обзор. 2001. 100 с.
- Митиоглу М.* Книга памяти (Ана дилимиз) // Знамя. 1998. 5 августа.
- Митрополит Иларион.* Дохристиянські вірування українського народу. Исторично-релігійна монографія. Вінніпег, 1965.
- Митяев Кр., Шкорпил К. и Х.* Материали за съдбата на прабългарите и на северите и на днешните гагаузи // Известия на българския археологически институт. Т. VIII. София, 1934–1935. С. 502-503.
- Мифологический словарь / Главн. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 671 с.; М., 1991.
- Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. Т. I. М., 1991, 671 с.; Т. II. М., 1992. 719 с. (см. также: Т. I. М., 1987; Т. 2. М., 1998).
- Михайлов Д., Кобищанов Ю.* Удивительный мир африканской музыки // Африка еще не открыта. М., 1967.
- Михайлов С.* За первоначалните поселища на Аспарух в Южна Бесарабия и Северна Добруджа // Археология. София, 1976. С. 71-73.
- Михайлова Н.* Альбом естъ памятник души // <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url>.
- Михайлова-Мръвкарлова М.* Регистър за облагане на раята на Балчишка каза с данък

- джизие за 1848 г. // Известия на Окръжния исторически музей и Българското историческо дружество, Т. 1. Толбухин, 1973. I-LXXIV (перевод с османского).
- Мичев Н.* Речник на имената и статута на населените места в България. 1878–2004. София: Петър Берон, 2005. 406 с.
- Мкртумян Ю.И.* Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнической культуры. Материалы симпозиума. Ереван: АН АрмССР, 1978. С. 42-46.
- Младенов К.* Одринските гагаузи // Архив за поселищни проучвания. Год. I. Кн. IV. София, 1938. С. 51-61.
- Младенов М.* Названия и прозвища на групи българско население (образуване по техни говорни особености) // Известия на Института за български език. София, 1965. № 12. С. 199-222.
- Младенов О.* Български празничен народен календар. София: Световит, 2006.
- Младенов Ст.* Вероятни и мними остатъци от езика на Аспаруховите българи в новобългарската реч // Годишник на Софийският университет. Историко-филологически факултет. Кн. XVII. София, 1920–1921.
- Младенов Ст.* Печенежи и узи-кумани в българската история // Българска историческа библиотека. Год. IV. Т. I. София, 1931. С. 115-136.
- Младенов Ст.* Положението на аспаруховите българи в реда на тюркския клон от арио-алтайските народи // Българска историческа библиотека. Год. I. Кн. 1. София, 1928.
- Младенов Ст.* Потекло и състав на среднобългарско «Белгоуне», прекоръ на царь Асень I // Псп. Клон историко-филологически и философско-обществен. Кн. XIV. № 22. София, 1933. С. 48-66.
- Могиланский Н.К.* Материалы для географии и статистики Бессарабии. Кишинёв, 1913.
- Модзалевский В.Л.* Рукою Пушкина. Не собранные и не опубликованные тексты. М.–Л., 1935.
- Молдаване. Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачёв. М.: Наука, 2010. 542 с.
- Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинёв: Штиинца, 1977. 458 с.
- Молдавский фольклор. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1976. 208 с.
- Молдова I. Уникальное мустьерское поселение на среднем Днестре. М., 1982.
- Моллова М.* Тюркское языкознание в Болгарии // ВЯ, 1964. № 5. С. 121-126.
- Моллова М.* Восточнородопский турецкий диалект (фонология) и его отношение к другим тюркским языкам и диалектам огузской группы. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1974.
- Молчанов С.Н.* К вопросу об использовании в законодательстве понятий «культурное наследие» и «культурное достояние» // ОАИСУ. Вып. 3. 1999. С. 235-241
- Москов М.* Към вопроса за печенежско-куманския суперстрат в български език // Известия на Института за български език. 8. София, 1962.
- Москова Д.* Обичайно право // Пирински край. София, 1980.
- Мотузенко В.Д.* О языковом взаимодействии в Буджаке (на материалах микропопуляций) // Российский этнограф. М., 1993. № 17. С. 205-223.
- Мошков В.А.* Материалы к изучению гагаузского наречия тюркского языка. Текст и перевод // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ИОАНЭКУ). Т. 13. Вып. 2. Казань, 1895а. С. 70-83.
- Мошков В.А.* Гагаузские тексты // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. Казань, 1895б. Т. XIII. Вып. 2. С. 70-83.
- Мошков В.А.* Мелодии ногайских и оренбургских татар // Известия общества Археологии, истории и этнографии. Т. XVII. Вып. 1-6. Казань, 1895в.
- Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // ЭО. 1900. № 1. С. 1-135; ЭО. 1901. № 1. С. 98-160; ЭО. 1901. № 2. С. 1-44; ЭО. 1901. № 4. С. 1-80; ЭО. 1902. № 3. С. 1-66; ЭО. 1902. № 4. С. 1-91.
- Мошков В.А.* Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племен. изд. В. Радловым. Ч. X. СПб., 1904а.
- Мошков В.А.* Турецкие племена на Балканском полуострове. Отчёт о поездке на Балканский полуостров летом 1904 г. // Известия Императорского Русского географического общества. Т. XI. Вып. 3. СПб., 1904б; (Chişinău, 2005 – перепечатка).
- Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы. (Изд. с сокращениями). Кишинёв: Tipog. Centrală, 2004. 494 с.
- Мошняга В.* Молдавия в системе международных миграций // Демоскоп Weekly (электронная версия бюллетеня «Население и общество»), № 355-356, 1-14 декабря 2008 (<http://demoscope.ru/weekly/2008/0355/index.php> – обращение 9.12.2009 г.)
- Музыченко А.* Рождение и первые годы детства у болгар // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1903. № 3.
- Муканов М.С.* Казахская юрта. Алма-Ата, 1979.
- Муродов О.* Представления о дэвах у таджиков средней части долины Зеравшана // СЭ. 1973. № 1. С. 148-155.
- Муртазалиев С.И.* К вопросу о тюркско-исламской колонизации в болгарских землях в XV–XVI вв. // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990. С. 149-158.
- Мусаев К.М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.
- Мусаев К.М.* Лексикология тюркских языков. М., 1984. 223 с.
- Мусина Р.Н.* К вопросу о месте роли религии в жизни современных татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. 1. Казань, 1992.
- Мусаев А.И.* Традиционное гостеприимство кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1990.
- Мустафин В.А.* Каменные бабы // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год III. Ташкент, 1898. С. 17-42.
- Мутаф Г.Н.* Глагольные словосочетания с дательным падежом в гагаузском языке // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Изд-во Комратского Гос. унив-та, 1999а. С. 79-84.
- Мутаф Г.Н.* Управление глаголов именами в исходном падеже // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Изд-во Комратского гос. унив-та, 1999б. С. 85-86.
- Мутафова Кр.* Теории и гипотезы за гагаузите // БСП. Т. II. Велико Търново: АСТА, 1993. С. 94-107.
- Мутафчиев П.* Мнимото преселение на селджушки турци в Добруджа през XIII век и легендите за Саръ-Салтък // Списание на БАН, 1943. № 66. С. 1-130.
- Мутафчиев П.* Добруджа. Сборник от студии. Т. 4. София, 1947.
- Мутафчиев П.* Избрани произведения. Т. II. София: Наука и изкуство, 1973. 750 с.
- Мутафчиев П.* Книга за българите. София, 1987.
- Мутафчиев П.* История на българския народ. София, 1992.
- Мутафчиев П.* Мнимото преселение на селджушки турци в Добруджа през XIII в. // Мутафчиев П. Изток и запад в европейското средновековие. Избрано. София, 1993.
- Мухаметшин Ю. Г.* Татары-кряшены. М.: Наука, 1977. 184 с.

Мухиддинов И. Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира XIX – начала XX в. Душанбе, 1989.

Мыр-Мыр Котобан: Гагауз халк масаллар / Топл. В.М. Бошков. Одеса, 1996.

Мыславский К. А. Исторический очерк гимназии императора Александра III в Болграде. Болград, 1905.

Надежин Э.Н. О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках // СТ. 1970. № 1. С. 87-92.

Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков IX–XIV вв., М., 1979а.

Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в. М., 1979б. 479 с.

Наджип Э.Н. Тюркоязычный памятник, датированный серединой XVI в., «Сираж ал-кулуб» // *Наджип Э.Н.* Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М., 1989. С. 151-224.

Накко А. Очерки гражданского управления в Бессарабии, Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны 1806–1812 года // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XI. Одесса, 1879.

Накко О. Из бессарабской старины. Очерки и рассказы. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1970.

Налчаджян А. А. Этнопсихология. Второе изд. СПб., 2004. 384 с.

Народы Восточной Европы. Т. I. М., 1964.

Народы Европейской части СССР. Т. II. М.: Наука, 1964.

Народы Зарубежной Европы. Т. I. М., 1964.

Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998.

Народы Кавказа. Т. I. М.: АН СССР, 1960. 610 с.

Народы мира: Народы европейской части СССР. Т. II. М., 1964.

Народы мира: Народы Зарубежной Европы. Т. I. М., 1964.

Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1985. 239 с.

Народы России. Болгары. СПб., 1879.

Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М.: АН СССР, 1962. 766 с.; Т. II. М.: АН СССР, 1963. 777 с.

Наследие Дмитрия Кантемира и современность. Составители Х. Корбу, Л. Чобану, Кишинёв, 1976, 230 с.

Наулко В. Етнічний склад населення Української РСР. Київ, 1965.

Наулко В. Карта сучасного етнічного складу населення Української РСР. Масштаб 1: 1,5 млн. Київ, 1966а.

Наулко В. Географічне розміщення народів в УРСР. Киев, 1966б.

Наумов Е.П. Волошская проблема в современной югославской историографии // Историкографические аспекты славяно-волошских связей. Тезисы докладов сессии научного совета 1973 г. Кишинёв, 1973.

Национальный архив Республики Молдова (НА РМ). Фонд 18. Институт истории Молдавского филиала Академии наук СССР; Фонд 19. Институт языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР.

Невелева С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса. М.: ГРВЛ, 1975. 118 с.

Недельчева-Водичар О., Хатлас Е. Старые и новые православные храмы в местах компактного проживания гагаузов Молдовы и Одесской области Украины // Pantheon. 7, Pardubice 2010. S. 78-108.

Недков Б. България и соседните ѝ земи през XII в. според «Географията» на Идриси. София, 1960.

Недялков Д.Х. Общото и различното в празничната система на мохамеданите и алианите от Герловско, Котловина. Велико Търново: ВТУ, 1973. 62 с.

Независимая Молдова (газета, изд. г. Кишинёв, Молдова).

Неизвестный (псевдоним К.Ф. Калайдовича). Опыт решения вопроса, на каком языке написана «Повесть о полку Игореве» // Труды общества любителей Российской словесности. Ч. 81. СПб., 1818.

Нейков Б. Факийско предание. Сборки от народния живот. София, 1985.

Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.

Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // ВЯ. 1963. № 6. С. 126-136.

Немет Ю. Общие проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 119-125.

Неру Джавахарлал. Открытие Индии. М., 1995.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племён Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.

Нестерова С.Л. Специфика адаптации этнорегиональных групп Республики Молдова к изменяющемуся миру // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики). М.: Типогр. ООО Интер-принт, 2008. С. 345-368.

Нестор Полочанин. Времена года в народных пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1911.

Несторовский П.А. Бессарабские русины (историко-этнографический очерк). Варшава, 1905.

Нефталимов Е. Из села Гайдар Бендерского уезда. Письмо в редакцию // КЕВ. 1872. № 14. С. 446-448.

Нефталимов Е. Посещение Его Преосвященством Преосвященнейшим Павлом, Епископом Кишинёвским и Хотинским, церкви в селении Гайдар Бендерского уезда, 25 апреля 1873 года // КЕВ. 1873. № 12. С. 495-498.

Нехризова Д. Сложно съставно изречение в гагаузкия говор на гр. Каварна // Philologia. София, 1977.

Нечаева А.М. Брак, семья, закон. М.: Наука, 1984. 144 с.

Нешири М. Огледало на света (История на османския двор). София, 1984.

Низами. Искандер-намэ. Баку, 1940.

Никитин А. «Лебеди» Великой Степи. М., 1984.

Никитин А. «Лебеди» Великой Степи // Основания русской истории: «Повесть временных лет» как исторический источник. Исследования и статьи. М., 1985.

Никитин А. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001.

Никитин Д.П., Новиков Ю.В. Окружающая среда и человек. М., 1980.

Никишенков А.А. Традиционный этикет в системе культурного наследия // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов» 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2009. С. 69-130.

Ников П. Бележки за югоизточна България през епохата на Тертеровци // Псп. Т. 70. Средец, 1909.

Ников П. Татаро-български отношения през средните векове с оглед къмъ царуването на Смилеца // Годишник на Софийския университет, Историко-филологически факултет. София, 1921а.

Ников П. Из близкото минало на Варна // ИВАД. 1921б. Кн. 7. С. 93-108.

Ников П. Българското Възраждане във Варна и Варненско. София, 1934.

Ников П. Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постиже-

- ния. София: Наука и искусство, 1971. 404 с.
- Никогло Д.Е.* Традиционная пища гагаузов (историография проблемы) // *Știința. Chișinău*, 1996. № 1. С. 11.
- Никогло Д.Е.* К вопросу о сочетании аграрных и скотоводческих элементов в обрядовой пище гагаузов // *3-lea simpozion național de istorie și retrologie agrară a Moldovei. Chișinău*, 23-24 octombrie 1998 an. Chișinău, 1998. С. 40-41.
- Никогло Д.Е.* Национально-специфические особенности традиционной пищи гагаузов // *Педагогический журнал. Кишинёв*, 1999а. № 1-2. С. 77-80.
- Никогло Д.Е.* Некоторые элементы традиционной пищи гагаузов как этногенетический источник // *Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Изд-во Комратского Гос. унив-та*, 1999б. С. 89-98.
- Никогло Д.Е.* Этническая специфика системы питания гагаузов // *ЕИМИ. Т. I. 2000. С. 94-96.*
- Никогло Д.Е.* Традиционная пища гагаузов XIX – начала XX вв. / Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2001. 28 с.
- Никогло Д.Е.* Архаичный лексико-этнографический пласт в традициях питания гагаузов // *ЕИМИ. 2002а. Т. II. С. 89-91.*
- Никогло Д.Е.* Границы общего и особенного в системе питания гагаузов // *ЕИМИ. 2002б. Т. III. С. 80-84.*
- Никогло Д.Е.* Традиционные виды трапезы у гагаузов // *Мысль. 2002в. № 6.*
- Никогло Д.Е.* Влияние природной среды и этнических традиций на систему питания гагаузов // *Мысль. Кишинёв, № 4. 2003а. С. 105-109.*
- Никогло Д.Е.* Хлеб в системе семейной обрядности гагаузов // *ЕИМИ. 2003б. Т. IV. С. 103-111.*
- Никогло Д.Е.* Элементы материальной культуры гагаузов как исторический источник (на примере исследований традиций народной пищи) // *Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). 21-23 декабря 2001 г. Т. I. Комрат: Изд. Комрат. Гос. ун-т, 2003в. С. 153-156.*
- Никогло Д.Е.* Элементы дохристианских верований в обычаях и обрядах гагаузов (на примере традиций питания) // *Мифология и религия в системе культуры этноса. Материалы вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2003г. С. 116-118.*
- Никогло Д.Е.* Этнокультурные параллели белорусов и населения юга Республики Молдова (на примере системы питания) // *Беларусь–Молдова: на путях дружбы и сотрудничества (Материалы Международной научно-практической конференции). Кишинёв, 19 ноября 2002 г.). Кишинёв, 2003д. С. 105-110.*
- Никогло Д.Е.* Отражение традиций питания гагаузов Бессарабии в источниках 19 века // *III Санкт-Петербургские этнографические чтения, 2-4 декабря 2004 г., Санкт-Петербург, 2004а. С. 296-300.*
- Никогло Д.Е.* Система питания гагаузов в XIX – начале XX века. Кишинёв: *Elena-V.I.*, 2004б. 212 с.
- Никогло Д.Е.* Гагаузско (тюркско)-украинские этнокультурные взаимовлияния в материальной культуре // *Материалы 2-го Международного научного семинара «Кайндлевские чтения», Черновцы, 28-29 мая 2005 г. Черновцы, 2005а. С. 281-287.*
- Никогло Д.Е.* Традиционные алкогольные напитки гагаузов в обычаях, обрядах и в повседневном быту // *Славянские чтения. Вып. 3. Материалы научно-теоретической конференции. Кишинёв: Славян. ун-т, 2005б. С. 35-41.*
- Никогло Д.Е.* Пища в контексте жизнедеятельности и идентичности гагаузов // *VI конгресс этнологов и антропологов России, 28 июня – 2 июля 2005. Санкт-Петербург, 2005в. С. 599.*
- Никогло Д.Е.* Выявление этнической специфики в традициях питания гагаузов // *Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинёв: Business-Elita, 2006а. С. 507-517.*
- Никогло Д.Е.* К вопросу о классификации источников и литературы по традициям питания гагаузов // *Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: Материалы Пятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2006б. С. 48-51.*
- Никогло Д.Е.* Традиции питания гагаузов (к вопросу классификации источников) // *Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: Материалы Пятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006в. С. 89-92.*
- Никогло Д.Е.* Традиционные напитки гагаузов // *Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова». Постсоветский период», посвящённого 40-летию этносоциологических исследований. 25-26 сентября 2006 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2006г. С. 284-300.*
- Никогло Д.Е.* Эволюция традиций в системе питания гагаузов XIX – нач. XX вв. // *Revista de etnologie și culturologie. Vol. 1. Chișinău, 2006д. С. 126-137.*
- Никогло Д.Е.* Традиции питания // *История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006е. С. 708-740.*
- Никогло Д.Е.* К вопросу о языковой ситуации в системе образования на территории Гагаузии // *Българският език в Молдова. Comrat, 2007а. С. 101-110.*
- Никогло Д.Е.* Рождественские обрядовые хлеба у гагаузов // *Материалы Пятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2007б. С. 48-51.*
- Никогло Д.Е.* Этническая специфика традиционной культуры гагаузов (по материалам исследований второй половины XIX – начала XXI вв. Историографический обзор) // *Revista de etnologie și culturologie. Vol. 2. Chișinău, 2007в. С. 92-100.*
- Никогло Д.Е.* Этнокультурные мотивы в поэзии С. С. Курогло // *Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007г. С. 376-390.*
- Никогло Д.Е.* Традиционные напитки гагаузов // *Хмельное и иное: напитки народов мира / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М., 2008а.*
- Никогло Д.Е.* Некоторые элементы языческо-христианского синкретизма и реликты архаичных мифологических представлений в традициях питания гагаузов (на примере мясных видов пищи) // *Revista de etnologie și culturologie. Vol. 3. Chișinău, 2008б. Р. 129-135.*
- Никогло Д.Е.* Очерки протоиерея Михаила Чакира в контексте современных исследований по гагаузоведению // *Revista de etnologie și culturologie. Vol. 4. Chișinău, 2008в. Р. 88-95.*
- Никогло Д.Е.* Отражение специфики гагаузского фольклора в научной литературе второй половины XX–XXI вв. (Историографический обзор) // *Литература. Фольклор. Проблемы поэтики. Вып. 33. Часть 1 (Гагаузья культура). Киев, 2009а. С. 47-63*

- Никогло Д.Е. Отражение специфики гагаузского языка в научной литературе // Международная конференция «Сохранение культурного наследия в странах Европы», Кишинёв, 2008 г. Кишинёв, 2009б. С. 230-234.
- Никогло Д.Е. Проявление специфики традиционной культуры гагаузов в научной литературе (историографический обзор) // Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов», 2008 г., г. Комрат. М., 2009в. Т. 8. С. 354-368.
- Никогло Д.Е. Традиционные трапезы и застольный этикет у гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов» 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2009г. С. 310-329.
- Никогло Д.Е. Влияние этнических стереотипов на межэтнические отношения в трансформационный период (на примере гагаузов РМ) // Gagauz yerinin 15-ci yildonumuna baali «Gagauzologiyenin ilerlemesi: dil, kultura, istoriya, literatura» Halklararası bilim-praktika konferentiyasının. Materialları. 22.12.2009. Komrat, 2010a. С. 133-142.
- Никогло Д.Е. Восприятие Буджака в творчестве гагаузских и болгарских поэтов // Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Личность и группа: векторы трансформационных изменений», 2010 г., Комрат. М., 2010б. С. 283-299.
- Никогло Д.Е. К вопросу о формировании мифов и символов в гагаузской этнической среде // Этносоциологические и этнопсихологические практики: методологические подходы и комментарии (Учебно-методическое пособие для высшей школы). Кишинёв, 2010в. С. 32-50.
- Никогло Д.Е. Основные виды хлеба в календарной обрядности гагаузов // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 6. Chișinău, 2010г. С. 37-41.
- Никогло Д.Е. Похоронно-поминальная обрядность гагаузов // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 8. Chișinău, 2010д. С. 111-122.
- Никогло Д.Е. Фольклорные мотивы, мифологические представления и этнографические элементы в поэзии С. С. Курогло // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 7. Chișinău, 2010е. С. 73-75.
- Никогло Д.Е. Этноисторические мифы у гагаузов // Республиканская научно-теоретическая конференция «Наука, культура образование», посвящённая 18-летию образования Комратского государственного университета. Комрат, 2010ж. С. 9-15.
- Никогло Д.Е., Курогло С.С. Краткий библиографический справочник по этнографии гагаузов. Кишинёв: Штиинца, 1992.
- Никогло Д.Е., Курогло С.С. К проблеме этнокультурных взаимосвязей гагаузов с другими народами (на материале традиционной гагаузской кухни) // Știința. 1996. № 1. С. 11
- Никогло Д.Е., Курогло С.С. Традиционное гагаузское блюдо «manca»: этнокультурные параллели и эксклюзивы // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 2. Chișinău, 2008. P. 112-114.
- Никогло Д.Е., Степанов В.П. Пути оптимизации языковой проблемы в полиэтничной Молдове (на примере гагаузского феномена) // Unitatea poporului Republicii Moldova și problema identității etnice: Materialele conferinței din 4-5 mai 1999 (raporturi și comunicări). Chișinău, 2000. P. 105-107.
- Никогло Д.Е., Сырф В.И. Гагаузская колыбельная песня. Фольклорная и литературная традиции // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 5. Chișinău, 2010. P. 64-82.
- Никогло Д.Е., Чимпоеш Л. С. Гагаузская национальная литература как этнооблизирующий фактор (к постановке проблемы) // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова». Постсоветский период», посвященного 40-летию этносоциологических исследований. 25-26 сентября 2006 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2006а. С. 246-263.
- Никогло Д.Е., Чимпоеш Л.С. Элементы этнической идентификации в гагаузской поэзии (К постановке проблемы) // ЕИМИ. Т. VI. 2006б. С. 84-92.
- Никогло Д.Е., Чимпоеш Л.С. Отражение традиций гостеприимства гагаузов в фольклоре и национальной литературе (К постановке проблемы) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия. М., 2009. С. 271-280.
- Никогло Д.Е., Яровая В.А. Молдавско-гагаузские этнокультурные взаимосвязи (на примере терминологии традиционной кухни) // ВСУ. 2000. № 4. С. 105-109.
- Николаев В. Потеклото на Асеновци и етническият характер на основаната от тях държава. София, 1944.
- Николаев П.Н. Комратская республика (Воспоминание участника) // Красная Бессарабия. 1931. № 1-2.
- Николова М. «Обичаят Петльовден» // ИНМ. 1973. Кн. IX (XXIV). С. 153-181.
- Никольский А. Земля, община и труд. Особенности крестьянского правопорядка, их происхождение и значение. СПб., 1902.
- Новаков С.З. Община и реформа П.А. Столыпина в болгарских и гагаузских поселениях Бессарабии // Вопросы истории и культуры болгар Молдовы и Украины. Кишинёв: Штиинца, 1997. С. 64-92.
- Новаков С.З. Роль задунайских переселенцев в сельскохозяйственном прогрессе юга Бессарабии // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И.И. Мещерякова). Кишинёв: «S.Ș.B.», 1999. С. 123-129.
- Новаков С.З. Контакты и взаимозаимствования в сфере крестьянского материального производства среди колонистов болгарского и немецкого водворения на юге Бессарабии в XIX – начале XX вв. // ЕИМИ. 2000. Т. I. С. 41-46.
- Новаков С.З. К истории развития шелководства в селениях болгар и гагаузов в Южной Бессарабии в конце XIX – начале XX в. // ЕИМИ. 2002. Т. III. С. 29-34.
- Новаков С.З. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сёл Южной Бессарабии (1857–1918). Кишинэу: Tipog. Centrală, 2004. 578 с.
- Новаков С.З. Развитие сельскохозяйственного производства, ремёсел, промысла и рынка в поселениях гагаузов и болгар после реформ 70-х годов XIX в. // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006а. С. 192-237.
- Новаков С.З. Столыпинская аграрная реформа и её осуществление в поселениях бывших гагаузских и болгарских колонистов // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006б. С. 240-269.
- Новаков С.З., Гургууров Н.Н. Страницы истории с. Кортен. Кишинёв, 1995.
- Новаков С.З., Гургууров Н.Н. Село Кортен. Времена и судьбы. Кишинёв, 2009. 128 с.
- Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком (1715 г.). Новосибирск, 1941. 107 с.
- Новосельцев А.П. К выходу в свет сборников «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы» / под. ред. А.С. Тверитиновой. М., 1964. Т. I; Т. II. М., 1969 // История СССР. № 4. 1971. С. 202-203.
- Нудельман А.А. Клад золотых и серебряных монет XVI – начала XVII в. из Буджака //

- Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинёв, 1985. С. 160-175
- Нягова А.Г. Роль неправительственных организаций (НПО) в возрождении и сохранении этнокультурного многообразия региона (опыт Гагаузии) // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова». Постсоветский период», посвящённого 40-летию этносоциологических исследований. 25-26 сентября 2006 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2006. С. 172-177.
- Нягова А.Г., Федотова Л.В. К изучению трансформационных процессов в Республике Молдова. О проблематике Первого Российско-Молдавского симпозиума, посвящённого 40-летию этносоциологических исследований // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова». Постсоветский период», посвящённого 40-летию этносоциологических исследований. 25-26 сентября 2006 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2006. С. 196-204.
- Нягова А.Г., Федотова Л.В. Роль НПО в освоении и в воспроизводстве элементов соционормативной культуры (Опыт Гагаузии) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов», 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2009. С. 330-344.
- Нягулов Б. Культурно-просветни проблеми на българите в Бесарабия (1917–1940) // Болградската гимназия / Сборник по случай 135 години от основаването. София: КПЦ «Васил Априлов», 1993. С. 125-128.
- Нягулов Б., Миланов Е. Българските общности зад граница // Общности и идентичности в България / Съст. Кръстева А. София: Петекстон, 1998. С. 408-438.
- О социально-экономическом развитии Бессарабского, Вулканештского, Комратского, Тараклийского, Чадыр-Лунгского районов в сравнении с другими районами Молдавской ССР. Кишинёв, 1988.
- Об открытии церковно-приходской школы в с. Исерлии, Аккерманского уезда // КЕВ. 1898. № 5. С. 146-147.
- Обзор Бессарабской губернии за 1887 г.; 1893 г.; 1895; 1897 г.; 1910 г. 1904, 1912 гг. Кишинёв, 1888, 1894, 1896, 1898, 1905, 1913. (Библиотека НА РМ).
- Нягулов Б. Политика и идентичност: Румъния, Турция и гагаузите през 30-те години на ХХ в. // Исторически преглед. 2007. № 3–4. С. 253-271.
- Оболенский М.А. Половецкие слова // Москвитянин. 1850. Кн. 1.
- Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
- Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым / Тексты собраны и переведены В. Мошковым. СПб., 1904. Ч. X: Наречия бессарабских гагаузов.
- Обреди и обреден фолклор. София, 1981.
- Обсуждение доклада В.А. Тишкова «О феномене этничности» // ЭО. 1998. № 1. С. 31-49.
- Оганян Л.Н. Общественное движение в Бессарабии в первой половине XIX в. Ч. 1. Кишинёв, 1974.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990.
- Окладников А.П. Избранные труды. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск, 2003.
- Окладников А.П. Утро искусства. Ленинград, 1967.
- Окладников А.П. Удивительные звери острова Ушканьего и периодизация петроглифов Приангарья // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976.
- Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материалы и духовная культура народов Сибири. Ленинград, 1988.
- Ольдерогге Д.А. Некоторые вопросы изучения систем родства // СЭ. 1958. № 1. С. 3-10.
- Ольдерогге Д.А. Основные черты развития систем родства // СЭ. 1960. № 5. С. 24-30.
- Ольдерогге Д.А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных общин // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975.
- Ольмесов Н.Х. Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфология. Махачкала, ДГУ, 1997.
- Ольмесов Р.Н. Названия домашних животных и птиц в кумыкском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 3. Махачкала, 2001.
- Оразаев Г. «Северокавказский тюрки» в системе тюркских региональных письменных языков XVI–XIX вв. // СТ. 1987. № 3. С. 47-52.
- Оразов А. Материальная культура прибалханских туркмен в конце XIX – начале XX века по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965. С. 48-57.
- Оранский М. Описание с. Чорешт Кишинёвского уезда // КЕВ. 1878. № 2.
- Орманджиян А. Арменски пътеписи за Балканите XVIII–XIX в. София: Наука и изкуство, 1984. 245 с.
- Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.
- Остапенко Л.В. Особенности и перспективы трудовой занятости гагаузов Молдовы // Российский этнограф. Вып. 17. М., 1993. С. 114-141.
- Остапенко Л.В. Социально-экономические позиции гагаузов накануне реформ и проблемы адаптации к условиям рыночной экономики (конец XX в.) // VI конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы. 28 июня – 2 июля. СПб., 2005. С. 98.
- Остапенко Л.В. Динамика уровня жизни населения Молдовы и перспективы трудовой миграции. Этнорегиональный подход // Гастарбайтерство. Факторы адаптации. Под общей ред. М.Н. Губогло. М., 2008а. С. 38-62.
- Остапенко Л.В. Динамика социальной структуры этнических групп Молдавии (конец XIX – начало XXI вв.) // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад, 2008б. С. 146-161.
- Острогорски Г. Историје Византије. Белград, 1969.
- Оттепель. 1953–1956. Страницы русской советской литературы / Сост., авт. вступ. статьи и хроники С.И. Чупринин. М., 1989.
- Отчёт о деятельности Аккерманского отдела Императорского Российского общества садоводов за 1891 г. Аккерман, 1892.
- Отчёт об оказании агрономической помощи в рамках землеустройства Бессарабской губернии за 1915 г. Кишинёв, 1915.
- Отчёт об оказании агрономической помощи в рамках землеустройства Бессарабской губернии за 1916 г. Кишинёв, 1916.
- Отчёты Бендерского земства за 1885 г. Бендеры, 1886.
- Отчёты и доклады Аккерманской уездной земской управы за 1904 г. Аккерман, 1905; за 1913 г. Аккерман, 1914. (библиотека НА РМ).
- Отчеты и доклады Бендерской уездной земской управы за 1888–1913 гг. Бендеры, 1888–1914 гг. (библиотека НА РМ).

- Отчёты начальника Бессарабской области за 1857–1871 гг. (микрофильмы ЦГА РФ, ф. 1281. оп. 6-7).
- Отчёты начальников (и губернаторов) Бессарабской области (с 1873 г. – губернии) на Высочайшее имя за 1850–1912 гг. (микрофильмы, хранящиеся в НА РМ, фонд 1281, оп. 6-12).
- Очерки истории и этнографии села Кирнички в Бессарабии / Отв. ред. В. Н. Станко. Одесса: Гермес, 1998. 263 с.
- Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М.: АН СССР, 1968. 480 с.
- Ошурко Л. Народные танцы Молдавии. Кишинев, 1957.
- Павлов Пл. По въпроса за заселването на кумани в България през XI–XII // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. Т. 6. Българските земи в древността. България през средновековието. София, 1987. С. 629-637.
- Павлов Пл. България, Византия и куманите (седемдесетте години на XI – началото на XIV в.). Автореферат на кандидатска дисертация. В. Търново, 1991.
- Павлов Пл. Бележки за прабългарите на Кубер, както и за присъствието на печенежки и кумански групи в днешна Македония (VII–XIII в.) // Архив за поселищни проучвания. III. № 3–4. 1994.
- Павлов Пл. Военачальници и съюзници кумани, татари и алани във Второто българско царство // <http://internet.bg/publish13/p-pavlov/bunari/voeni>.
- Павлов Пл. «Скитоки» вождие в «полета на Бългори» (XI–XII в.) // <http://hghlt.yandex.net/yandvmt?gtree=>
- Павлов П. Тюркофонията в средновековна България и произходът на гагаузите: [Интернет ресурс] http://internet.bg/publish13/p_pavlov/gagauzi.htm (20. 02. 2012).
- Паламарчук С.В. Тюрки Буджака в эпоху позднего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2001. С. 361-369.
- Паничков. Гагаузский молитвенник. Варна, 1875.
- Папцова (Келеш) А.К. Религиозная идентификация и историческая парадигма (об особенностях восприятия истории гагаузами) // Труды Молдавского филиала современного гуманитарного института. Chişinău: Business-Elita, 2004a. P. 41-44.
- Папцова (Келеш) А.К. Понятие «религиозность» в философии религии // Труды Молдавского филиала современного гуманитарного института. Chişinău: Business-Elita, 2004b. P. 117-119.
- Папцова А.К. К вопросу об эволюции соотношения религиозной, этнической и языковой идентичности гагаузов // Analele Stiinţifice ale Universităţii de Stat din Moldova. Seria «Stiinţe socioumanistice». V. 3. 2005a. С. 503-510.
- Папцова (Келеш) А.К. Религиозный плюрализм в Гагаузии: тенденция последнего десятилетия // Труды Молдавского филиала Современного Гуманитарного института. Chişinău: Business-Elita, 2005b. № 2. P. 161-170.
- Папцова А.К. Эволюция интерпретации феномена религиозности в современной христианской теологии // Труды Молдавского филиала Современного Гуманитарного института. Кишинев, 2006. Вып. 3. С. 196-204.
- Папцова А.К. Архаические черты религиозности гагаузов // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 1. Одесса: Паллада, 2007a. С. 80-87.
- Папцова А.К. Феномен религиозности гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007b. С. 497-516.
- Папцова А.К. К вопросу о мифологической системе гагаузов // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 2. Одесса: Паллада, 2008a. С. 95-103.
- Папцова А.К. К вопросу о православно-языческом синкретизме у гагаузов // Revista de etnologie şi culturologie. Vol. 3. Chişinău, 2008b. P. 108-114.
- Папцова А.К. К вопросу об эволюции соотношения религиозной (конфессиональной) и языковой идентичностей в рамках процесса становления этнического самосознания гагаузов // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Личность в межкультурном пространстве». М., 2009a. С. 292-296.
- Папцова А.К. К вопросу о роли конфессиональной принадлежности в формировании этнического самосознания гагаузов // Лукомор'я: Археология, етнологія, історія Північно-західного Причорномор'я. Одеса, 2009b. Вип. 3. С.102-111.
- Папцова А.К. К вопросу о роли православия в культуре болгарского народа // Българският език в Молдова. Материали от Деветата международна научна конференция на тема «Функционирането на българския и другите езици и литератури в контекста на езиковата ситуация в Република Молдова». 15 май 2009 г., г. Комрат. Комрат, 2009в. С. 133-143.
- Папцова А.К. Роль православия в формировании соционормативной культуры. Опыт гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 6. М.: Старый сад, 2009г. С. 165-183.
- Папцова А.К. Тенденции развития религиозности в Республике Молдова. // : Курсом развивающейся Молдовы. Т. 6. М.: Старый сад, 2009д. С. 420-425.
- Папцова А.К. Эволюция роли рынка в жизни горожан (На примере рынка г. Чадыр-Лунга) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 7. Гостеприимство и ярмарки как институты соционормативной культуры / Под общей ред. М.Н. Губогло. М., 2009е. С. 431-450.
- Папцова А.К. Гагаузское общество как традиционное и тенденции его трансформации // Gagauz yerinin 15-ci yildonumuna baali «Gagauzologiyanın ilerlemesi: dil, kultura, istoriya, literature» Halklararası bilim-praktika konferentiyasınınin. Materialları. 22.12.2009. Komrat, 2010a. С. 181-197.
- Папцова А.К. К вопросу о тенденциях в эволюции системы идентичностей гагаузов // TYRAN SAM (Stratejik Araştırmalar Merkezi). июль, 2010б. С. 114-121.
- Папцова А.К. Миграция как фактор модернизации и консервации традиционного гагаузского общества // Языковая политика и социально-правовая адаптация мигрантов: проблемы, реализация, перспективы. Материалы III Международной научно-практической конференции. 7-8 июня 2010 г. В 2-х частях. Ч. 1. Тюмень, 2010в. С. 239-242.
- Папцова А.К. Регионализация в сфере высшего образования: проблемы и перспективы (опыт Гагаузии) // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 25-26 мая 2010 г. М., 2010г. С. 116-119.
- Папцова А.К. Традиционность гагаузского и болгарского обществ – факторы консервации и трансформации // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10. М.: Старый сад, 2010д. С. 310-347.
- Пармакли С.И., Руссев Н.Д. К истории изучения античных памятников Бессарабии // Stratum plus. 1999. № 3. С. 359-368.
- Пархоменко В.А. Следы половецкого эпоса в летописях // Проблемы источниковедения. Т. III. М.–Л., 1940. С. 391–394.

Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы. 1940–1950-е гг. М., 1994.

Пассек В. Курганы и городища в Харьковском, Васильковском и Полтавском уездах // Русский исторический сборник. М., 1839. Т. III. Кн. 2.

Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан, 1982.

Пахимер Г. История о Михаиле и Андронике Палеологах... Рязань, 2004.

Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 2. СПб., 1879.

Пахутов А.Е. Традиционная пища монгольских народов как историко-этнографический источник. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1978.

Пашалы П.М. Гагаузия (Гагауз Ери) – новое явление в Европе // Тюркоязычный мир. Алма-Аты, 1997. С. 108-113.

Пашалы М. Земля – достояние всеобщее // газета «Знамя». 1998, 29 мая.

Пашалы П.М. Социально-экономические и государственно-правовые основы этнополитического развития гагаузов в постсоветском периоде // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 02 июля 2005 г., СПб., 2005. С. 98-99.

Пашалы П.М. Инновационный путь сотрудничества бизнес-структур и учреждений образования // Вестник Комратского Государственного Университета. Комрат, 2006а. № 1. С. 50-54.

Пашалы П.М. Панорама социально-экономического развития Гагаузии в первом постсоветском десятилетии // Гастарбайтерство: факторы выталкивания и притяжения. М., 2006б. С. 15-36.

Пашалы П.М. Разгосударствление бизнеса – путь в рыночную экономику и в гражданское общество // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период». 25-26 сентября 2006 г., М.: Старый сад, 2006в. С. 127-140.

Пашалы П.М. Панорама развития бизнеса в Гагаузии по данным ТПП // Материалы межвузовской конференции «Актуальные проблемы современного образования и науки». Комрат, 2007а. С. 48-55.

Пашалы П.М. О роли культуры в социально-экономических преобразованиях // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007б. С. 149-154.

Пашалы П.М. Социально-экономические и культурные основы самоутверждения Гагаузии как этнотерриториального региона Республики Молдовы // Вестник Чувашии. Чебоксары, 2008. № 3. С. 63-73.

Пауто В.В. Половецкое епископство // Ost und west in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin, 1966. С. 33-40.

Пенева-Събева Л. Къщна уредба в Панагюрско // Известия на Етнографски институт и музей. Кн. V. София, 1962.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание ЦСК МВД. Ч. III. Бессарабская губерния. СПб., 1905.

Пергамент О.А. К вопросу об имущественных отношениях супругов по древнейшему русскому праву // Журнал Министерства народного просвещения. № 11. СПб., 1894.

Пергамент О.А. Приданое по бессарабскому праву. Опыт комментария законов Ар-

менопуло и Доница. Одесса: Тип. акц. Южно-русс. общ-ва печ. дела, 1901. 154 с.

Пергамент О.А. О применении местных законов Арменопуло и Доница. СПб., 1905.

Перепись населения РМ 2004 г. Статистический сборник. Т. 1. Кишинёв, 2006.

Переселенчески селища на территорията на Украинска ССР и на Молдавска ССР // Энциклопедия. България. Т. 5. София: БАН, 1986. С. 444-449.

Переход на европейские образовательные стандарты // Вести Гагаузии. 6 сентября, 2005 г.

Перспективы социальной психологии. Второе международное издание. М., 2001.

Перишиц А.И. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропо-социогенеза. М., 1983. 432 с.

Перишиц А.И., Смирнова Я.С. Общественный быт как предмет этнографического изучения (в связи с компонентным анализом культуры) // СЭ. 1986. № 5. С. 12–22.

Петина Л.И. Структурные особенности альбома пушкинской эпохи // Проблемы типологии русской литературы. (Учёные записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 645. Труды по русской и славянской филологии). Тарту, 1985. С. 21-36.

Петкова С. «Заплагената» идентичност (по наративи от с. Галата, Тетевенско) // БФ. 1998. № 1-2. С. 68-84.

Петров П. «Звездата на Кутлеш е символ на македонския народ... българите си имат за символ конската опашка». За производство на етнически различия // БФ. 1999. № 1-2. С. 78-93.

Петров П., Гюзелев В. Христоматия по история на България. Т. 2. София, 1978.

Петров П.А. Към вопроса за наказателно запрягане у българите и у соседни тям народи // ИЕИМ. 1958. Книга трета. С. 179-23.

Петров П.А. Към проучването на обичая «помана» в Северозападна България // ИЕИМ. 1962. Кн. V. С. 277-314.

Петрова Гълъбина. Престъпленията в средновековна България. София, 1997. 202 с.

Пешева Р. Родови остатъци и семеен бит в Северозападна България // Комплексна научна експедиция в Северозападна България през 1956 г. София: БАН, 1958. С. 7-51.

Пешева Р. Семейството и семейно-родствените отношения в Средна Западна България // Експедиция в Западна България. София: БАН, 1961. С. 511-557.

Пешева Р. Структура на семейството и на рода в България в края на XIX и началото на XX в. // ИЕИМ. 1965. Кн. VIII. С. 107-114.

Пешева Р. Семейството и неговото историческо развитие и Род и родствени групи и традиции // Етнография на България. София, 1980. Т. I. С. 286-311.

Пешева Р. Семейството и Род и родови групи // Българска народна култура. София, 1981. С. 218-228.

Пимпирева Ж. Каракачаните в България. 2 прераб. изд. София, 1998. 219 с.

Пимпирева Ж. Родствени отношения при гагаузите в България // БЕ. 2000. Бр. 3. С. 75-87.

Пискарев А.И. О местонахождении каменных баб в России // Записки русского археологического общества. Т. III. СПб., 1851.

Плано Карпини. История Монголов. 3-е изд. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступительная статья, комментарий М.Б. Горнунга. М., 1997. 462 с.

Плетнёва С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. М.–Л., 1958.

Плетнёва С.А. Кочевнический могильник Саркела–Белые Вежи // МИА. № 109. 1963.

Плетнёва С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1971.

Плетнёва С.А. Древности чёрных клобуков // САИ. М., 1973. Вып. Е1–19.

Плетнёва С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. М., 1974. Вып. Е4–2.

Плетнёва С.А. Хазары. М.: Наука, 1976. 93 с.

Плетнёва С.А. Кочевники средневековья (Поиски исторических закономерностей). М.: Наука, 1982. 190 с.

Плетнёва С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела–Белой Вежи). М., 1990а.

Плетнёва С.А. Половцы. М., 1990б.

По пути национальной духовности болгар Молдовы. Кишинёв, 2005.

Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. второе исправленное и дополненное. СПб., 1999; 3-е изд. СПб, 2007.

Поворознюк О.А. Природопользование каларских эвенков: государственное регулирование и традиционная нормативная система // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М., 2003.

Погодин М. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. V. Период удельный. М., 1857. 464 с.

Подосинов А.В. Пространственные представления в архаичных культурах Евразии (ориентации по странам света). Автореф. дисс. ... доктора исторических наук, М., 1997.

Покровская Л.А. Песенное творчество гагаузов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1953. 18 с.

Покровская Л.А. Правила орфографии гагаузского языка. Кишинёв: Шкоалэ советикэ, 1958. 43 с.

Покровская Л.А. Основные черты фонетики современного гагаузского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. II. Баку, 1960. С. 170-190.

Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., Изд. АН СССР, 1961а. С. 11-81.

Покровская Л.А. О применении понятий «язык» и «диалект» к гагаузскому языку // Лимба ши литература молдовеняскэ. Кишинёв, 1961б. № 3. С. 34-40.

Покровская Л.А. О некоторых деепричастных формах в гагаузском языке // Тюркологические исследования. М.-Л., Изд. АН СССР, 1963. С. 69-75.

Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 298 с.

Покровская Л.А. Гагаузский язык // Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М.: Наука, 1966а. С. 112-138.

Покровская Л.А. Народные песни гагаузов Молдавии и Украины // Сообщение советской делегации (Первый конгресс балканских исследований. София, 26 авг. – 1 сент. 1966 г.). М., 1966б. 20 с.

Покровская Л.А. О происхождении диалектов гагаузского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 4. Баку, 1966в. С. 54-58.

Покровская Л.А. Лексический состав гагаузского языка // Филология и история тюркских народов (тезисы докладов). Тюркологическая конференция в Ленинграде. Л., 1967. С. 33-34.

Покровская Л.А. Общая характеристика диалектной системы гагаузского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Фрунзе, 1968. С. 105-110.

Покровская Л.А. Гагаузский язык // Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков. М.: Наука, 1969. С. 211-235.

Покровская Л.А. Состояние изучения и развития гагаузского языка (письменного) // СТ. 1970. № 2. С. 27-32.

Покровская Л.А. Гагаузско-турецкие фонетические параллели // Структура и история тюркских языков. М., 1971а. С. 62-71.

Покровская Л.А. Задачи сравнительного исследования синтаксиса гагаузского языка // Вопросы тюркологии. К 60-летию акад. АН АзССР М. Ш. Ширалиева. Баку, 1971б. С. 224-230.

Покровская Л.А. Особенности структуры сложноподчиненного бессоюзного предложения в гагаузском языке и балкано-турецких диалектах // СТ. 1971в. № 4. С. 37-42.

Покровская Л.А. Об одном «балканизме» в гагаузском языке и балкано-турецких диалектах // ВЯ. 1972. № 3. С. 67-75.

Покровская Л.А. Специфика развития гагаузского языка // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Ереван, 2–5 октября 1973 г.). М., 1973а. С. 125-126.

Покровская Л.А. Лингвистические критерии периодизации истории гагаузского языка // Лингвогеография. Диалектология и история языка. Кишинёв: Штиинца, 1973б. С. 181-192.

Покровская Л.А. Методика исследования синтаксических особенностей гагаузского языка и балкано-турецких диалектов // Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков. Предварительные материалы. М.: Наука, 1973в. С. 21-26.

Покровская Л.А. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов // СЭ. 1974а. № 1. С. 139-144.

Покровская Л.А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. Автореф. дисс. ... докт. филолог. наук. Л., 1974б. 40 с.

Покровская Л.А. Диалектные различия гагаузского языка в диахроническом аспекте // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Баку, 21-24 октября 1973 г.). М., 1975. С. 91-93.

Покровская Л.А. К вопросу о личных и неличных формах глагола в тюркских языках // Turcologica. К 70-летию академика А.Н. Кононова. Л.: Наука, 1976а. С. 126-132.

Покровская Л.А. Специфика развития гагаузского языка в иноязычной среде // Лингвистическая география, диалектология и история языка. Ереван, 1976б. С. 233-243.

Покровская Л.А. Инфинитив и его употребление в гагаузском языке // Тюркологические исследования. М.: Наука, 1976в. С. 168-180.

Покровская Л.А. Народные песни как источник исторической диалектологии // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (Нальчик, 21-24 сентября 1977 г.). М., 1977. С. 45-56.

Покровская Л.А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978а. 203 с.

Покровская Л.А. Об историко-этнических причинах диалектных различий современного гагаузского языка // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Краткие сообщения. Л.: Наука, 1978б. С. 101-102.

Покровская Л.А. Некоторые особенности синтаксиса гагаузского языка и балкано-

- турецких диалектов // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л.: Наука, 1979. С. 199-225.
- Покровская Л.А. Эволюция формы настоящего времени глагола в гагаузских диалектах // IX конференция по диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов и сообщений. Уфа, 1982. С. 101-102.
- Покровская Л.А. Об историко-этнических факторах формирования диалектных различий гагаузского языка // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983. С. 147-150.
- Покровская Л.А. Общетюркские начальные гласные // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М.: Наука, 1984. С. 83-106.
- Покровская Л.А. Опыт полевого обследования говоров гагаузского языка на территории Молдавской ССР // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы докладов и сообщений. Уфа, 1985а. С. 143-144.
- Покровская Л.А. Эволюция формы настоящего времени глагола в диалектах гагаузского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа, 1985б. С. 72-75.
- Покровская Л.А. Гагаузско-монгольские лексические параллели // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности (XXIX сессия РИАС. Ташкент, 1986). Лингвистика. М., 1986. С. 95-96.
- Покровская Л.А. Гагаузско-русские языковые связи // Проблемы описания контактных явлений. Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции. Л., 1991а. С. 134-140.
- Покровская Л.А. Методика исследования внутривидовых изменений, происходящих в языке под воздействием других языков (на материале гагаузского языка) // Проблемы языкового контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР. Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов. Махачкала, 1991б. С. 21-22.
- Покровская Л.А. Проблема этнонима «гагауз» // Словесник Молдовы. Кишинёв, 1993. № 5-6. С. 85-88.
- Покровская Л.А. О происхождении этнонима «гагауз» // Педагогический журнал. Кишинёв, 1994. № 2. С. 59-63.
- Покровская Л.А. Гагаузские термины родства // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 1. СПб.: РАН, 1995а. С. 260-267.
- Покровская Л.А. К вопросу об этимологии этнонима «гагауз» // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 54. № 2. М., 1995б. С. 79-80.
- Покровская Л.А. Гагаузский язык // Языки мира. Тюркские языки. М.: РАН, 1997а. С. 224-235.
- Покровская Л.А. Современный гагаузский язык (курс лекций). Комрат: Изд-во Комратского Гос. университета, 1997б. 189 с.
- Покровская Л.А. Просветительская деятельность протоиерея М. Чакира // Православное образование в Гагаузии. Материалы первых общеобразовательных чтений, посвящённых памяти просветителя Михаила Чакира. Чадыр-Лунга, 1997в. С. 9-15.
- Покровская Л.А. Гагаузский этноним Ганн-киши, восходящий к этнониму «гангакиши» // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1996–1997 гг. Краткое содержание докладов. СПб.: РАН, 1998а. С. 25-26.
- Покровская Л.А. Теоретические основы и принципы гагаузской орфографии. Методологическое пособие. Комрат: КГУ, 1998б. 10 с.
- Покровская Л.А. Синтаксис современного гагаузского языка (предложение). СПб.–Комрат, 1999. 83 с.
- Покровская Л.А. Два средневековых этнонима гагаузов // Studia linguistica et balcanica. Памяти А.В. Десницкой. СПб.: Наука, 2001а. С. 250-256.
- Покровская Л.А. Н.К. Дмитриев и исследование гагаузского языка // Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2001б. С. 72-76.
- Покровская Л.А. Историко-лингвистические корни гагаузской церковной литературы // Материалы конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения члена-корр. РАН А.В. Десницкой. СПб.: Наука, 2002а. С. 185-190.
- Покровская Л.А. Смешанный характер гагаузского языка и его этнические причины // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2000–2001 гг. Краткое содержание докладов. СПб.: РАН, 2002б. С. 31-32.
- Покровская Л.А. Черты быта гагаузов в пословицах, поговорках и устойчивых словосочетаниях // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы пятого рабочего совещания. СПб., 20 декабря 2001 г. СПб.: Наука, 2003а. С. 71-79.
- Покровская Л.А. Еще одна этимология этнонима «огуз» // Материалы конференции, посвящённой различным вопросам тюркологии, в рамках программы «Год Казахстана в России». СПб.: Наука, 2003б. С. 23-26.
- Покровская Л.А. Гагаузские пословицы, поговорки и фразеологизмы // Труды Института лингвистических исследований РАН. Том 1. Часть 3. СПб., 2003в. С. 269-288.
- Покровская Л.А. Правила употребления букв гагаузского алфавита (спецкурс). Комрат, 2003г. 15 с.
- Покровская Л.А. Гагаузский – один из региональных языков Юго-Восточной Европы // Доклады российских учёных. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08–03.09. 2004). СПб.: Наука, 2004. С. 229-244.
- Покровская Л.А. История исследования гагаузского языка // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинёу: Pontos, 2006. С. 487-492.
- Покровская Л.А. О гагаузских фамилиях с историческим компонентом -огло // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 3. Chișinău, 2008а. Р. 289-291.
- Покровская Л.А. Жанровая классификация гагаузских народных песен // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 4. Chișinău, 2008б. Р. 124-128.
- Покровская Л.А., Чернышёва М.Б. Народные песни гагаузов. М., 1989а. 80 с.
- Покровская Л.А., Чернышёва М.Б. Моно (1 пластинка-миньон с образцами полевых записей). Покровская Л. А., Чернышева М. Б. Народные песни гагаузов. 1-е изд. М., 1989б.
- Покишиевский В.В. Гагаузы юга Молдавской ССР // Памяти академика Л.С. Берга. Сборник работ по географии и биологии. М.–Л.: АН СССР, 1955. С. 383-400.
- Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XVIII–XV вв. Кишинёв, 1979.
- Полинская М.С., Чернин В.Ю. Терминология родства у крымчаков // СТ. 1988. № 3. С. 15-23.
- Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии 1812–1861 гг. Сб. документов. Кишинёв, 1969.
- Положение о стипендии, учреждаемой при Кишинёвской духовной семинарии на пожертвование священника с. Исерлии, Аккерманского уезда, Д.Г. Чакира // КЕВ. 1904. № 17. С. 320-322.
- Поляк А.Н. Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1964.
- Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
- Пономарьов А.П. Сім'я і родина обрядовість // Культура і побут населення України. Киев, 1993. С. 175-203.

- Поп И.А., Болован И. История Румынии. М., 2005.
- Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903. 410 с.
- Попов Р. Към характеристиката на българските народни вярвания свързани с периодите на преход към зимата и пролетта // Етнографски проблеми на народната духовна култура. София, 1989а. С. 52–73.
- Попов Р. Пеперуда и Герман (Български празници и обичаи). София: Септември, 1989б. 83 с.
- Попов Р. Светци демони // Етнографски проблеми на народната духовна култура. Т. 2. София: БАН, 1994. С. 78-100.
- Попов Р. Календарни празници и обичаи // Ловешки край. Материална и духовна култура. София: БАН, 1999. С. 293-320.
- Попович Ю.В. Молдавские новогодние праздники (XIX – начало XX в.). Кишинёв: Штиинца, 1974. 183 с.
- Попруженко М.Г. Из материалов по истории славянских колоний в России // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XXVIII. Ч. II. Одесса, 1910. С. 1-34.
- Попруженко М.Г. Синодик царя Борила. София, 1928.
- Постолаки Е.А. Молдавское народное ткачество. Кишинёв, 1987.
- Постолаки Е.А. Этнографические параллели в традиционно-бытовой культуре гагаузов и болгар (на материалах ткачества) // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). 21-23 декабря 2001 г. Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003. С. 121-124.
- Постолаки Е. Размышления над социальными маркерами престижности в молдавском селе // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 7. М., 2009. С. 217-230.
- Постникова Н.М. Антропологический состав населения Болгарии в эпоху средневековья. (К вопросу об этногенезе болгарского народа). Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. М., 1967.
- Постовалова У.И. Очерки по истории народного образования Зауралья. Курган, 1995.
- Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-западной Монголии. Т. IV. СПб., 1883.
- Потапов Л.П. Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 12. М.–Л., 1949. С. 54-68.
- Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.–Л., 1953.
- Потапов Л.П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // КСИЭ. Т. XXX. М., 1958.
- Потапов Л.П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Л., 1977. С. 164-178
- Потапов Л.П. Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах // СЭ. 1991. № 5. С. 79-86.
- Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865.
- Потоцкий С. Инзов Иван Никитич. Биографический очерк / сост. С. Потоцкий. Бендеры, 1904. С. 99-120.
- Потоцкий П.А. Список и краткие биографии окончивших полный курс Кишинёвской духовной семинарии за сто лет её существования (1813–1913 гг.). Кишинёв, 1913.
- Правила орфографии и пунктуации гагаузского языка (авторы – Гайдаржи Г.А., Колца Е.К., Покровская Л.А.). Комрат: Комратский гос. ун-т, 1994. 88 с.
- Православные праздники. М.: РИФ «Корона-принт», 1990. 63 с.
- Празднование памяти святого мученика Трифона в с. Исерлии, Аккерманского уезда. Корреспонденция // КЕВ. 1896. № 3. С. 98.
- Пригарин А., Тхоржевская Т., Агафонова Т., Ганчев А. Кубей и кубейци. Бит и культура на българите и гагаузите в с. Червоноармейское, Болградски район, Одесска област. Одеса: Маяк, 2002. 88 с.
- Припузов Н.Н. Животные средства лечения у якутов // ЭО. 1898. № 2.
- Проблемы восприятия пространства и пространственных представлений. М., 1961.
- Протт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
- Протт В.Я. Русские аграрные праздники. Л.: ЛГУ, 1963. 143 с.
- Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алепским. Вып. II. М., 1887.
- Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева // «Записки ИРГО по отд. этнограф». Т. X. Вып. 1. СПб., 1882.
- Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Путнев В. Болгарское народное искусство. София, 1977.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1-3. М., 1954.
- Пътуване на Евлия Челеби из българските земи през средата на XVII в. (Превод от турски Д. Г. Гаджанова) // Периодическо списание на българското книжовно дружество в София. 1909. LXX. Год. 21.
- Радлов В.В. О языке куманов. По поводу издания куманского словаря / Приложение к 48 тому записок Императорской академии наук. СПб., 1884. №4. 53 с.
- Радлов В.В. Codex Sumanicus // Записки Императорской академии наук. Т. 35. № 6. 1887.
- Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. Приложение к XXII т. Записок Императорской АН. № 2. СПб., 1893.
- Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1-4, Санкт-Петербург, 1893–1911; Переиздание: Т. 1, часть 1-2; Т. 2, часть 1-2; Т. 3, часть 1-2; Т. 4, часть 1-2. М., 1963.
- Радова О.К. К проблеме этнодемографического развития гагаузов в XIX в. // Штиинца. Кишинёв, 1995. № 11. С. 11 (см. также: газета «Гагауз сеси». №14/23 от 29.07.1995 г.).
- Радова О.К. Эволюция процессов расселения гагаузов в Буджаке в конце XVIII – первой четверти XIX вв. // Штиинца. Кишинёв, 1996. № 7–8. С. 21.
- Радова О.К. Гагаузы Бессарабии: расселение и численность в XIX в. // ЭО. 1997. № 1. С. 121-128.
- Радова О.К. Этническая идентификация задунайских переселенцев и расселение гагаузов в Буджаке в конце XVIII – первой четверти XIX вв. // Штиинца. Кишинёв, 1998. С. 22 (см. также: Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинев, 2006. С. 269-288).
- Радова О.К. Современная гагаузская культура и тенденции ее развития // Материалы конференции «Mobilizarea etnică și integrarea interetnică»: Izvoare. Factori. Orizonturi. Кишинев, 1999а. С. 44-46.

- Радова О.К. Современное развитие культуры гагаузов Молдовы // Материалы конференции «Этническая мобилизация и межэтническая интеграция». М., 1999б. С. 217-221.
- Радова О.К. Гагаузы Буджака. Этническая история и формирование этноса // ЕИМИ. 2000а. Т. 1. С. 90-93 (см. также: Этногенез и этническая история гагаузов. Исследования и материалы. Вып. I. Кишинев–Этулия, 2002. С. 131-141).
- Радова О.К. Этнодемографические данные по современному состоянию городов и сёл Гагаузии (Гагауз Ери) // Материалы конференции «Unitate poporului Republicii Moldova și problema identității etnice». Chișinău: Departamentul Relații Naționale și Funcționarea Limbilor, 2000б. Р. 128-133 (см. также: Педагогический журнал № 1–2. Кишинев, 2000. С. 81-85).
- Радова (Каранастас) О.К. Исследования в области этнодемографического развития гагаузов Бессарабии в конце XVIII–XIX вв. // ЕИМИ. Т. III. 2002а. С. 91-99.
- Радова О.К. Этнодемографическое развитие гагаузов Бессарабии в конце XVIII – XIX вв. / Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2002б. 34 с.
- Радова (Каранастас) О.К. Особый взгляд на проблему формирования гагаузского этноса и его этнической истории (в порядке постановки вопроса) // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. гос. ун-т. 2003а. С. 72-81.
- Радова О.К. Этнодемографическое развитие гагаузов Молдовы и Украины (конец XVIII – начало XXI вв.) // ЕИМИ. Т. IV. 2003б. С. 112-117.
- Радова О.К. Поликультурное образование в Гагаузии (Гагауз Ери) – фактор консолидации общества (Educația multikulturală din Găgăuzia – factor de consolidare a societății) // Мультикультурное образование как средство менеджмента разнообразия и консолидации общества. Материалы международной конференции 16-17 декабря 2004. Chișinău. Кишинев, 2004. С. 148-154.
- Радова (Каранастас) О.К. Историко-демографическое развитие гагаузов Молдовы и Украины в XVIII–XX вв. // газета «Вести Гагаузии». № 112-113 (7108-7109). 2 августа, 2005а. С. 5-6.
- Радова (Каранастас) О.К. Переселенческое движение гагаузов с Балканского полуострова в Бессарабию и южную Россию в XVIII – первой половине XIX вв. Основные этапы и их особенности // Журнал «Этнопанорама». № 1-2. Оренбург, 2005б. С. 50-62.
- Радова О.К. Реквизиты этнодемографического развития гагаузов Бессарабии в XVIII – XIX в. // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 02 июля 2005 г. СПб., 2005в. С. 99.
- Радова О.К. Влияние эпохи эллинизма и византийской цивилизации на формирование материальной и духовной культуры гагаузов // Тезисы научной конференции, посвящённой 15-летию образования общества греческой культуры «Элефтерия» в Республике Молдова. Кишинев, 2006а. С. 58-60.
- Радова О.К. Переселенческое движение в XVIII – первой половине XIX вв. Основные этапы и их особенности // История и культура гагаузов. Комрат–Кишинев, 2006б. С. 71-88.
- Радова (Каранастас) О.К. Элементы культуры эпохи эллинизма в гагаузском фольклоре, их исторические и географические реалии // Materialele conferinței științifice “Eroca Elinismului: actualitatea și contemporaneitatea” (Материалы научной конференции «Эпоха эллинизма: современность и актуальность»). Chișinău, 2006в Р. 67-77 (см. также: газета «Вести Гагаузии». № 89-90 (7284-7285) от 27 июня 2006 г. С. 6-7).
- Радова О.К. Этническая идентификация задунайских переселенцев и расселение гагаузов в Буджаке (конец XVIII – нач. XIX вв.) // Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинёв: Business-Elita, 2006г. С. 269-288.
- Радова (Каранастас) О.К. Штрихи к этнической истории гагаузов // Наука и общество. Кишинёв: Парагон, 2007. С. 98-100.
- Радова-Каранастас О.К. Путь к себе: Аспекты истории, культуры, демографии, этнографии, этногенеза гагаузов. Сборник научных статей О.К. Радовой-Каранастас. Кишинев, 2008. 297 с.; 2009. 372 с. (Второе дополненное издание).
- Радова-Каранастас О.К. Роль Гагаузской автономии в национальной безопасности Молдовы // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика–2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления». Москва, 18-22 мая 2011 г. Т. II. М., 2011. С. 84-87.
- Радова (Каранастас) О., Капустин С. О переселении народов Балканского полуострова и Центральной Европы в Буджак в XVIII – начале XIX в. // журнал «Русин». Международный исторический журнал. № 4 (6). Кишинёв: ELENA-V.I., 2006а. С. 155-162.
- Радова О.К., Капустин С.В. Трансформационные процессы в этническом самосознании населения Бессарабии в контексте переселенческого движения конца XVIII – начала XIX вв. // ЕИМИ. Т. VI. Кишинев, 2006б. С. 93-97 (см. также: Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинев, 2006. С. 316-325).
- Райхл К. Тюркский эпос. Традиции, формы, поэтическая структура. М., 2008.
- Расовский Д.А. О роли Чёрных Клобуков в истории Древней Руси // «Seminarium Kondakovianum». VI. Прага, 1927.
- Расовский Д.А. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus / Сборник статей по археологии и византиноведению. SK. Т. 3. Прага, 1929. С. 193-214.
- Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Утри // Seminarium Kondakovianum. Т. 6. Прага, 1933. С. 1-66.
- Расовский Д.А. Половцы. I. Происхождение половцев // Seminarium Kondakovianum. Vol. VII. Praha, 1935.
- Расовский Д.А. Половцы. II. Расселение половцев // Seminarium Kondakovianum. Vol. VIII. Praha, 1936.
- Расовский Д.А. Половцы. III. Пределы «поля половецкого» // Annales de ‘L’ Institut Kondakov (бывш. «Seminarium Kondakovianum»). Vol. IX. Praha, 1937.
- Расовский Д.А. Половцы. IV. Военная история половцев // Annales de ‘L’ Institut Kondakov. Vol. XI. Praha, 1938а.
- Расовский Д.А. Половцы. III. Пределы «поля половецкого» // Annales de ‘L’ Institut Kondakov. Vol. X. Praha, 1938б.
- Расовский Д.А. Роль половцев в войнах Асеней с Византийской и Латинской империями в 1186–1207 гг. // Списание на БАН. Клон историко-филологически и философско-обществен. Кн. VII. № 29. София, 1939.
- Рачинский А.В. Походные письма ополченца из Южной Бессарабии, 1855–1856. М.: Тип. Александра Семена, 1858. 76 с.
- Результати от преброяването на населението към 4.12.1992. Демографски характеристики. Т. 1. София, 1994.
- Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. Отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.–СПб., 2002.

Ремпель Л.И. Цепь времён: вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987.

Ретина А. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ, 1998. 282 с. Республика Молдова: современные тенденции развития. М., 2004.

Решетов А.М. Некоторые наблюдения над системами родства // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972. С. 228-235.

Робев Н. Тракийските гагаузи // Векове. София, 1988. № 3. С. 36-42.

Роз Г. Гагаузка народна казка: жанрова полифонія та її різновиди // Круглий стол «Тюркомовні народи України» (мови та культури татар, гагаузів, урумів, караїмів і кримчаків) у межах конференції «Феномен А. Кримського у світовій науці (до 135-річчя від дня народження)». Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005. С. 74-77.

Рогалевич М.И. Карабаирская лошадь // Конские породы Средней Азии. М., 1937.

Романова С.Я. Место истории гагаузского народа в системе образовательных учреждений АТО Гагаузии // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 238-242.

Романски Ст. Българите във Влашко и Молдова. Документи. София, 1930.

Романски Ст. Народописна карта на нова Румънска Добруджа // Списание на БАН, Клон историко-филологически и философско-обществен. Кн. XI. София, 1915. С. 33-112.

Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // ВФ. 1984. № 4. С. 78-86.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.–Л., 1962.

Румынская Бессарабия перед и после заключения Парижского трактата 1856 года. Одесса, 1870.

Руссев Н.Д. Молдавия и «Тёмные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Stratum plus. 1999. № 5. С. 379–407.

Руссев Н.Д. «Яко ту вся благая сходятся»: Антропология Дунайской традиции 968–971 гг. // Stratum plus. 2000 № 5. С. 213-225.

Руссев Н.Д. Дунайские болгары в эпоху раннего средневековья (цивилизационный аспект) // БСП. Т. 9. Одесса: Друк, 2006. С. 61-76.

Руссев Н.Д. О западных пределах Золотой Орды // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Кишинёв, 1982. С. 59-66

Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 2005.

Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825 / Составление, вступительная статья и примечания И.И. Подольской. М., 1989.

Русский народный свадебный обряд. М., 1978.

Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. (Этнологические очерки). Сост. А.Д. Коростылев. Отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Старый сад, 2005. 447 с.

Русско-азербайджанский словарь. Баку, 1940.

Русско-башкирский словарь. М., 1964.

Русско-молдавский словарь / Сост. протоиерей М. Чакир. Кишинёв: Епархиальная типография, 1907.

Русско-турецкий словарь. 47 000 слов / Составитель Э. Мустафиев. М., 1964.

Ручная книга законов. Шестикнижье К. Арменопуло. 1854.

Рыбаков Б.А. Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси // История культуры Древней Руси. Т. I. М.–Л., 1948.

Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК. Вып. XLIII. 1962.

Рыбаков Б.А. Русалии и бог Симаргл-Переплут // СА. 1967а. № 2. С. 91-116.

Рыбаков Б.А. Торческ – город Чёрных Клобуков // АО. 1966 г. М., 1967б.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 607 с.

Рыбаков Б.А., Плетнёва С.А. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 300 с.

Рыбаков С.Е. Этничность и этнос // ЭО. 2003. № 3.

Савастин Д. Станковая графика / Автор-составитель Р. И. Акулова. Кишинёв, 1985.

Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX–X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 95-104.

Савинов Д.Г. Этнокультурные связи енисейских кыргызов и кимаков в IX–X вв. // ТС. 1975. М., 1978. С. 214-219.

Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (К вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102-112.

Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтальской степи // Историческая этнография: традиции и современность (Проблемы археологии и этнографии. Вып. 2). Л., 1983. С. 155-163.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

Савоскул С.С. Этносоциальные аспекты культурной жизни // Российский этнограф. Вып. 17. М., 1993. С. 142-171.

Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев: Центрально-азиатские влияния. Новосибирск: Наука, 1984. 121 с.

Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск: Наука Сиб. отд-ние, 1991. 154 с.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии, 1990. 208 с.

Салакая Ш.Х. Обрядовый фольклор абхазов // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974. С. 19-26.

Салманович М.Я. Жилище коренного населения Молдавской ССР // СЭ. 1947. № 4. С. 209-233.

Салманович М.Я. Эволюция молдавского жилища // КСИЭ. 1960. Вып. 33. С. 12-22.

Салманович М.Я. Поселения и жилище Молдавской ССР // Народы европейской части СССР. М., 1964. Т. 2. С. 799-804.

Салмин А.К. Духи требуют жертв. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1990. 164 с.

Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1994. 339 с.

Самашев З., Галкин Л.Л. Исследования в Северо-Восточном Прикаспии // АО. 1996. М., 1997.

Самойлович А.Н. К истории и критике Codex Cumanicus // Доклады Российской академии наук. М., 1924. Серия Б. С. 86-89.

Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005. 1053 с.

Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. М., 1908.

Самчевский И. Торки, берендеи и Чёрные клобуки // АИЮС. Кн. II. Пол. I. М., 1855.

Сафаров М. Населението на градове Русе, Варна и Шумен // ПС. 1882. № 3. С. 20-59; № 4. С. 33-66.

Сафаров М. Народностите в източната част на Княжеството // ПС. 1883. № 5. С. 1-18.

Сачев Е. Гагаузите // Бюлетин на клуба за научно творчество на младежта. Исторически факултет на СУ «Климент Охридски». София, 1977. Бр. 2. С. 23-34.

Сачев Е. Български турци и гагаузи (Етногенетични проблеми) // ИНМ. 1983. Кн. 19 (34). С. 52-63.

Сачев Е. Проучване на традиционните сватбени обичаи и обреди на гагаузите и българските турци // ИНМ. 1984. Кн. 20 (35). С. 185-198.

Сачев Е. За българската принадлежност на гагаузите // Любородие. Издание на Съюза на краеведите в България. 1993, септември. № 4.

Сахаряну Е.Д., Папцова А.К. Специфика религиозности у народов Юга Молдовы (на примере гагаузов) // XXI век: диалог языков, культур, религий, цивилизаций. Материалы Международной научной конференции по проблемам теологического образования. 2-3 декабря 2008 г. М.: МГЛУ, 2008. С. 82-86.

Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. XXVII. София: БАН, 1913.

Сборник законодателных актов Гагаузии (Гагауз Ери). Комрат. 1997. № 1.

Свешникова Т.Н. Волки-оборотни у румын // Balcanica. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979. С. 208-221.

Свешникова Т.Н. К структуре одной группы румынских заговоров (заговоры от оборотней) // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 211-227.

Свешникова Т.Н. Календарь «волчьих дней» у румын // Античная балканистика. М.: Наука, 1987а. С. 105-107.

Свешникова Т.Н. Об одном фрагменте народного календаря: «волчьи дни» у румын // Исследования по структуре текста. М., 1987б.

Свешникова Т.Н. Волк в контексте румынского погребального обряда // Исследование в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.

Свешникова Л.Г. Обычай в правовой системе // Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах. М., 1997.

Свиньин П. Описание Бессарабской области // Записки Одесского общества истории древностей. 1867. Т. 6. С. 175-320 (см. также: Stratum plus. № 6. 2001–2002. С. 342-413).

Свод Законов Российской Империи. Т. XII. Ч. 2. СПб., 1857.

Сегеда С.П. Одонтологическая и дерматоглифическая характеристика украинцев Поднепровья в связи с вопросами этногенеза. Автореф. дисс... канд. наук. М., 1980.

Семевский М.И. Очерки, рассказы из русской истории XVIII в., 2-е изд. Т. 1-3. СПб., 1883–1884.

Семенов А.И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1988. № 29.

Семёнов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974. 309 с.

Семёнов Ю.И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М.: Наука, 1976. С. 7-86.

Семёнов Ю.И. Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // ЭО. 1998. № 2. С. 3-17.

Семёнов Ю.И. Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX – начала XX вв. Т. 1 / Сост. справки об авторах, глоссария, библиографического указателя и редактор Ю.И. Семенов. М., 2003а.

Семёнов Ю.И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003б.

Семёнов Ю.И. Первобытное и крестьянское обычное право: их сходство и различие // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов», 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2009. С. 131-187.

Семёнова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории). Москва, 2006.

Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978. 214 с.

Сен-Марк Ф. Социализация природы. М., 1977.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Пер. с англ., под ред. и с предисловием проф. А.Е. Кибрика. М., 1993. 655 с.

Серебрякова М.Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне. М.: Наука, 1979. 166 с.

Серебрянникова Н. Источники для изучения народной медицинской практики болгар юго-западной Украины // БСП. Т. 9. Одесса: Друк, 2006. С. 283-288.

Сигорский М.Д. К вопросу о транскрибировании имён авторов на турецких (тюркских) языках СССР // Советская библиография. Сб. 1. М., 1934, с. 98, 118-128.

Скальковский А.А. Хронологическое обозрение Новороссийского края. 1730–1823. Ч. II. Одесса, 1838.

Скальковский А. О ногайских татарах, живущих в Таврической губернии // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 1-2. СПб., 1843.

Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса: Типогр. Неймана, 1848. 156 с.

Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1-2. Одесса: типогр. Нитче, 1850–1853. Ч. 1. 1850. 366 с.; Ч. 2. 1853. 552 с.

Скальковский А. О ногайских колониях Таврической губернии // Памятная книга Таврической губернии. Вып. 1. Симферополь, 1867. С. 365-372.

Скворцова А.Ю. Русские Бессарабии: опыт жизни в диаспоре (1918–1940 гг.). Кишинёв, 2002.

Славейков П.П. Сведения за Тракия и особенно за Одринската епархия и Одрин // Напредък. Бр. 19-20. Цариград, 1874.

Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М.: Наука, 1984. 245 с.

Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М.–Л., 1965.

Слово о полку Игореве, М.–Л., 1950.

Слово о полку Игореве. Вступ. ст., редакция текста, дословный и объяснительный перевод с древ.-русского, примеч. Д.С. Лихачёва. М., 2009.

Слово о полку Игореве. Переводы и комментарии, вступительная статья, дословный и объяснительный перевод с древнерусского, с примечаниями Д.С. Лихачёва. М., 1999.

Смирнов А. Обычаи и обряды русской народной свадьбы // Юридический вестник. М., 1878. № 7.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Смольська А.К., Дьомін О. Б., Самойлов Ф.О. В. І. Григорович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Т. 2. Одеса, 2005.

Снегирев М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1990.

Соболевский А.И. К «Слову о полку Игореве» // Известия АН по русскому языку и словесности. Т. II. Кн. 1. М., 1924.

- Собрания сочинений и переводов адмирала Шишкова. Ч. VII. СПб., 1826.
- Советов П.В. К истории наследственного права феодальной Молдавии // Известия Молд. филиала АН РМ. 1959. № 2. С. 3-36.
- Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность. Казань, 2000.
- Соколов И.И., Степанов В.В. Народная медицина – наука и традиционное знание. СПб., Гидрометеиздат, 2001. 63 с. // vvs@aanr.nw.ru
- Соколова В.К. Календарные обряды и поэзия восточнославянских народов в начале XX века // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. V Международный съезд славистов. М., 1978а. С. 355-400.
- Соколова В.К. Масленица // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1978б. С. 48-70.
- Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1979. 287 с.
- Соколова В.К. Заклинания и приговоры в календарных обрядах // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. С. 11-24.
- Соколова В.К. Особенности календарных обрядовых песен восточных и южных славян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. М.: Наука, 1983. С. 224-240.
- Соколова В.К. Фольклор как историко-этнографический источник // СЭ. 1960. № 4. С. 11-16.
- Соколова З.П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972. 211 с.
- Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979. 359 с.
- Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 386 с.
- Соловьёва Т. Бессарабцев всегда манили землёй // газета «Кишинёвский обозреватель». 2008, 30 октября. № 39.
- Сорочану Е.С. Терминология болгарской календарной обрядности в сравнении с гагаузской (На материале болгарских и гагаузских говоров Бессарабии). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995а. 18 с.
- Сорочану Е.С. Зимняя календарная обрядность болгар юга Молдовы и Одесской области середины XX века // Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. Кишинёв: Штиинца, 1995б. С. 92–105.
- Сорочану Е.С. Святочно-новогодняя обрядность гагаузов // Педагогический журнал. № 1-2. Кишинёв, 1999. С. 68-73.
- Сорочану Е.С. О балканских элементах в зимней календарной обрядности болгар, гагаузов и молдаван // Ethnoses and Cultures on the Balkans. International Conference. Bulgaria, Trojan, 23–26.08.2000. Vol. 2. Sofia, 2000а. P. 48-58.
- Сорочану Е.С. Семантические процессы в гагаузской календарной обрядовой терминологии // Unitatea poporului Republicii Moldova și problema identității etnice. Materialele conferinței din 4-5 mai 1999, raporturi și comunicări. Chișinău, 2000б. P. 142-145.
- Сорочану Е.С. К вопросу о происхождении гагаузской календарной обрядовой терминологии // ЕИМИ. Т. II. 2001. С. 139-143.
- Сорочану Е.С. Български заемки в гагаузки език // Българският език в Молдова. Материали от Първата международна научна конференция на тема «Функционирането на българския и други езици и литератури в контекста на езиковата ситуация в Република Молдова». Комратский госуниверситет, кафедра болгарской филологии, 18-19 мая 2002 г. Комрат, 2002а. С. 13-18.
- Сорочану Е.С. Зимние календарные праздники гагаузов Болгарии и Молдовы // ЕИМИ. 2002б. Т. III. С. 72-76.
- Сорочану Е.С. Календарная обрядность гагаузов как этнокультурный источник // Этногенез и этническая история гагаузов. Материалы и исследования, посвященные 150-летию В.А. Мошкова. Выпуск 1. Кишинёв–Этулия, 2002в. С. 122-131.
- Сорочану Е.С. Некоторые аспекты этнической истории гагаузов Бессарабии (на примере исследований календарной обрядности) // О развитии научных исследований в области истории гагаузского народа и проблем экономического становления современной Гагаузии (Мат-лы Междунар. научно-практ. конф., посвященной 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии), 21-23 декабря 2001 г.). Т. 1. Комрат, 2003. С. 89-93.
- Сорочану Е.С. Глагольные времена в болгарском и гагаузском языках // Славянские чтения. Материалы научно-теорет. конф., 15-16 октября 2003 г. Вып. 2. Кишинёв, 2004. С. 218-224.
- Сорочану Е.С. Терминология гагаузской календарной обрядности // Материалы VI Конгресса этнографов и антропологов России. СПб., 2005а. С. 100.
- Сорочану Е.С. Терминология гагаузской календарной обрядности // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях (Этнологические очерки). М.: Старый сад, 2005б. С. 366-378.
- Сорочану Е.С. Лексика и символика гагаузской календарной обрядности // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007а. С. 278-295.
- Сорочану Е.С. Социолингвистическое изучение языковой ситуации в г. Вулканешты: цели и задачи // Probleme ale științelor socio-umane și modernizării învățământului. Conferința științifică anuală a profesorilor UPS «I. Creangă», Chișinău, 14-15 martie, 2007б. P. 369-374.
- Сорочану Е.С. Способы номинации гагаузской календарной обрядности // Revista de etnologie și culturologie. Chișinău, 2007в. Vol. 2. P. 104-108.
- Сорочану Е.С. Наименования церковных праздников и хрононимов в гагаузском народном календаре // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 3. Chișinău, 2008. P. 115-122.
- Сорочану Е.С. Народный календарь как форма социальной регуляции (этнолингвистический аспект) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2009а. С. 377-390.
- Сорочану Е.С. Сравнительный список – тезаурус терминов календарной обрядности бессарабских болгар и гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10. Личность и группа: векторы трансформационных изменений. М., 2010. С. 384-420.
- Сосюр Ф. де. Труды по языкознанию М., 1977. 695 с.
- Социально-экономические отношения и соционормативная культура / Отв. ред. А.И. Першиц, Д. Трайде. М., 1986.
- Спатару Г.И. Молдавский новогодний обрядовый фольклор // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974. С. 110-117.
- Спафарий Н.Г. Описание первых части вселенных именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство. С прочими его городами и провинциями. Казань, 1910.
- Список населённых мест по сведениям 1850 г., Ч. III, СПб., 1861.
- Спицын А.А. Курганы киевских торков и берендеев // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1–2. СПб., 1899.

Спицын В., Варзарь А., Спицына Н. Исследование особенностей генофонда гагаузов Молдавии // Генетика. 1999. Т. 35. № 8. С. 1144-1148.

Спицына Н.Х. Проблемы исторической генетики. М., 1993. 236 с.

Спицына Н.Х., Спицын В.А., Варзарь А.М. К исследованию генофонда гагаузов Молдавии // Acta Ethnographica Hungarica. 1999. Vol. 44. N. 3-4. P. 473-477.

Справочник Бессарабской губернии. Кишинёв, 1916.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001. 822 с.

Средкова С. На трапеза при гагаузите // БЕ. 2000. Бр. 1. С. 62-75.

Стаматов Д. Нижя этнонима «гагоуз» олуверилди // газета «Ана сѓзѓ». 1 января 1989 г.

Стаматоглу Г. Размышления о Гагаузской Республике «Вистер» // Материалы Международ. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003. С. 81-87.

Стаменова Ж. Календарни празници и обичаи // Пловдивски край (Етнографски и езикови проучвания). София, 1987. С. 244-283.

Стаменова Ж. Гагаузи // Общности и идентичности в България. София: Петекстон, 1998. С. 190-206.

Стаменова Ж. Гагаузите – динамика на етничността // Аспекти на етнокултурната ситуация. Осем години по-късно. София: Асоциация АКЕС-София, 2000а. С. 112-117.

Стаменова Ж. Гагаузите. Проучвания и обща характеристика // БЕ. 2000б. Бр. 1. С. 5-24.

Стаменова Ж. Празничен календар // Живка Стаменова, Соня Средкова и др. Гагаузите в България. Записки от терена. София, 2007. С. 196-258.

Стаменова Ж., Таниелян С. Народни знания и верования // Гагаузите в България. Записки от терена / Сост. Ж. Стаменова. София, 2007. С. 181-195.

Стаменова Ж. Гагаузите в България: Проучвания и обща характеристика // Гагаузите в България. Записки от терена. София, 2007а. С. 7-20.

Стамцова С.Д. Музей как хранитель культурного наследия народа // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 472-479.

Станко В., Пригарин А. Материалы по греко-болгарским переселениям из Румелии в Северное Причерноморие 1801–1806 гг. // БСП. Т. 9. Одесса: Друк, 2006. С. 209-224.

Станчу Е.С. Традиционные крестьянские промыслы в Молдавии XIX – начала XX в. Кишинёв, 1976.

Старата българска литература. Т. 4. София, 1986.

Стати В.Н. Гагаузский вклад в развитие и сохранение этнических основ молдавской общности // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2009. С. 226-247.

Стати В.Н. Молдаване. Историческое и этнополитическое исследование. Кишинёв, 2009. 486 с.

Статистические данные о движении хлебных грузов по русским непрерывно между собою связанным дорогам, составленные по губерниям. Вып. II. СПб., 1896.

Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой или Буджака, с приложением генерального плана его края, составленной при гражданской съём-

ке Бессарабии, производившей по высочайшему повелению размежевание земель оной на участки с 1822 по 1828 г. Аккерман, 1899.

Стеблева И.В. Поэтика древнерусской литературы и её трансформация в раннеклассический период. М., 1976.

Стеблева И.В. Культурные контакты тюркских народов в древности и раннем средневековье // СТ. 1987. № 3. С. 83-87.

Степанов В. Сведения о родильных и крестильных обрядах в Клинском уезде Московской Губернии // ЭО. 1907. № 3–4.

Степанов В., Петренко М. Надгробни паметници от гробището на село Кирнички, Одеска област // Българска етнография. 1998а. № 3–4.

Степанов В., Петренко М. Похоронно-поминальная обрядность // Очерки истории и этнографии с. Кирнички в Бессарабии. Одесса, 1998б.

Степанов В.П. Похоронно-поминальная обрядность села Чийшия (Огороднее) Болградского района Одесской области // Вестник Славянского университета, 2001а, Вып. 5. С. 166-203.

Степанов В.П. Труды по этнографии населения Бессарабии XIX – начала XX вв. Очерки истории этнографического изучения бессарабских украинцев. Кишинёв, 2001б. 263 с.

Степанов В.П. Похоронно-поминальная обрядность // Чийшия. Одесса, 2003. 788 с.

Степанов В.С. Очерки болгарской демонологии и народных знаний // Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинёв: Business-Elita, 2006. С. 467-507.

Степанов В.С. Дохристианские представления и народные знания украинского населения с. Мусаит в иноэтничном окружении (экспедиционные материалы) // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 3. Chişinău, 2008. P. 142-149.

Степанова Т.Л. Листая страницы альбома... (Блок, Чехов, Репин в альбоме А.С. Вознесенского) // Встреча с прошлым. Изд. второе, исправленное. М., 1971.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Степугина Т.В. Китай во второй половине I тысячелетия до христианской эры – первые века христианской веры // История Востока в 6 томах. Т. 1. Восток древности. М., 2002.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2000. 368 с.

Сто великих путешественников / Автор-сост. И.А. Муромов. М., 2007.

Стойков Е. Приходится долго ждать очереди // журнал «Красная Бессарабия». 1935. № 7. С. 47.

Стойков Н. Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии со времени их основания до настоящего времени // КЕВ. 1910. № 36. С. 1267-1280; № 37. С. 1307-1311; № 38. С. 1355-1366; № 41. С. 1463-1478; № 42. С. 1510-1516; 1911. № 1-2, С. 5-14; № 4. С. 142-152.

Стойков Р. Наименования на български селища в турски документи на Ориенталския отдел на Народна библиотека «В. Коларов» от XV, XVI, XVII и XVIII век // Известия на Народна библиотека «Васил Коларов» за 1959 г. Т. 1 (7). София, 1961.

Стойков Р. Селища и демографски облик на Североизточна България и Южна Добруджа през втората половина на XVI в. // ИВАД. Кн. XV. 1964.

Стойков Р. Хасове, зеамети и тимари в Никополския санджак // ИБИД. 13. София, 1966.

Стойнов Г.С. Кирсово в прошлом и настоящем. 180 лет Башкѓѓ. Кишинёв, 1990.

Столяр А.Д. О генезисе изобразительной деятельности и её роли в становлении сознания. (К постановке проблемы) // Ранние формы искусства. М., 1972.

Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.

- Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. Дисс. ... док. истор. наук. Казань, 2004.
- Стоянов В. Vulgaro–Turcica 3: История на изучаването на «Codex Cumanicus» // Историческо бъдеще. 1997. № 1. С. 42-91; № 2. С. 29-74.
- Стоянов В. История на изучаването на Codex Cumanicus. Кумано-печенежки антропоними в България през XV век. София, 2000.
- Стоянов В. За куманския этноним и неговата интерпретация / Турция, Балканите. Европа: история и култура. Изследвания в чест на профессор Джениз Хаков. София, 2003а. С. 405-421.
- Стоянов В.Г. Куманология. Опит за историографско-рециптивистичен анализ на проучванията върху един изчезнал народ. Автореферат на дисс. за присъжд. на научна степен «Доктор на историч. науки». София, 2003б.
- Стоянов В.Г. Codex Cumanicus: история изучения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / ред. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Вып. 10. Симферополь, 2003в.
- Стоянов В. Куманология. Опити за реконструкция. София, 2006а. 358 с.
- Стоянов В. Половци – кумани – кипчаки, или Как се съвместява несъразмерното / Научни изследвания в чест и памет на академик Иван Дуриданов (Сборник с материали от Националната конференция в чест на неговата 85-годишна на тома: «Ономастика. Лексикология. Етимология. Етнолингвистика. Социоллингвистика. София, 9-10 май 2005) Велико Търново, 2006б. С. 353-362.
- Стоянов В. Кумани и куманология – идентификационна проблема // Известия на Българска орда. Год XIII. Кн. 1 (69). София, 2007. С. 30-36.
- Стоянов В. Куманология. Историографски ескизи. Т. 2. София, 2009.
- Стоянов В. Неславянска, кумано-печенежка антропонимика в българските земи през XV век // Стоянов В. Vulgaro–Turcica. 3-4: История на изучаването на Codex Cumanicus. Кумано-печенежки антропоними в България през XV век, София, 2000. С. 179-314.
- Стоянов П. Мелодий де жокурь гэгэуз // 500 де мелодий де жокурь дин Молдова / Алкэт. П. Стоянов. Кишинэу, 1972.
- Стоянова В. Градски влияния в живота на селото от края на XIX – до първата половина на XX в. (по материали от Варна и Варненско // Българска етнография. 1991. № 2. С. 41-49.
- Стоянова В. Семейни празници и обичаи на населението във Варна от края на XIX до първата половина на XX в. // ИИМ. 1989. 25 (40). С. 116-124.
- Странджа. Материална и духовна култура. София, 1996.
- Страници истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Chişinău: Pontos, 2005. 320 p.
- Стрижев А. Мята // Наука и жизнь. 1975. № 1. С. 160-162.
- Студенецкая Е.Н. Пища и связанные с ней обычаи и обряды как показатель межнационального своеобразия и межнациональных связей // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. С. 156-166.
- Субботина И.А. Современные миграции гагаузов // Известия Академии наук Молдавской ССР. Серия история и искусствоведение. 1990. № 4.
- Субботина И.А. Динамика численности и расселения гагаузов в СССР (50–90-е годы XX в.) (Этносоциальные проблемы гагаузов. Опыт монографического описания) // Российский этнограф. Вып. 17. М., 1993. С. 27-72.
- Субботина И.А. Гагаузы: трансформация расселения и современные миграционные процессы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 185. М., 2005а. 26 с.
- Субботина И.А. Между Россией и Турцией: миграционные ориентации гагаузов Молдавии // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. М., 2005б. С. 269-300.
- Субботина И.А. Гагаузы Северного Кавказа: об истории переселения и численности. Поиски и находки // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного 40-летию этносоциологических исследований. 25-26 сентября 2006 г., г. Комрат. М., 2006а. С. 232-245.
- Субботина И.А. Новые миграционные стратегии и трансформации расселения гагаузов // Гастарбайтерство. Факторы притяжения и выталкивания. М., 2006б. С. 37-86.
- Субботина И.А. Традиции трудовой миграции у гагаузов // Курсом изменяющейся Молдовы. Мат-лы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого 40-летию этносоциологических исследований. 25-26 сентября 2006 г. г. Комрат. М.: Старый сад, 2006в. С. 72-118.
- Субботина И.А. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация. М.: ООО Интер-принт, 2007. 280 с.
- Субботина И.А. Гагаузы: динамика численности и изменения в расселении (вторая половина XX – начало XXI вв.) // ЭО. М., 2008а. № 5. С. 115-133.
- Субботина И.А. Динамика брачного и репродуктивного поведения гагаузов // Этносоциология и этносоциологи. М.: Старый сад, 2008б. С. 120-135.
- Субботина И.А. Женское лицо гастарбайтерства // Гастарбайтерство. Факторы адаптации. Под общей ред. М. Н. Губогло. М., 2008в. С. 121-152.
- Субботина И.А. Трансформация ценностей и норм демографического поведения гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 4. Мат-лы к III Российско-Молдавскому симпозиуму «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». 2008 г., Комрат. М.: Старый сад, 2008г. С. 311-338.
- Субботина И.А. Новые и старые идентичности мигрантов // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии. Материалы Междунар. научн. конф. 29-30 мая 2008 г. Смоленск, 2008д. Т. 2. С. 203-208.
- Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975 (<http://www.opentextnn.ru/man/?d=711>)
- Сумцов Н.Ф. Заговоры. Харьков, 1878.
- Сумцов Н.Ф. О славянских народных воззрениях на новорождённого ребенка // ЖМНП. СПб., 1880. Ч. ССХ.
- Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881.
- Сумцов Н.Ф. Культурные переживания. Киев, 1890.
- Сумцов Н.Ф. Дослідження з етнографії та історії культури слобідської України. Вибрані праці. Харків: Атос, 2008. 558 с.
- Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии // Вестник Российской нации. М., 2008. № 1.
- Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 1976. 216 с.
- Съботинова Д. Семейник, или Колелото на живота. Обичаи и обреди на българи, турци и цигани / рома. Силистра, 2002. 341 с.
- Сын Буджака. Светлой памяти Гаврила Аркадьевича Гайдаржи / Сост. и ред. П.А. Чеботарь. Кишинэу: «Elena-V.I.», 2000. 112 с.

Сырку П.А. (Сирков П.) Святочные обычаи и песни бессарабских молдаван на Рождество и Новый год // КЕВ. 1874. № 5. С. 207-221.

Сырку П.А. Из быта бессарабских румын // Живая старина. Петроград, 1914. № 1-2. С. 148-182.

Сырф В.И. Категория зооморфных помощников героя в гагаузской волшебной сказке // ЕИМИ. 2000а. Т. I. С. 139-142.

Сырф В.И. Библиография трудов Г. Гайдаржи и литературы о нём // Сын Буджака. Светлой памяти Гаврилы Аркадьевича Гайдаржи. Кишинэу: Elena-V.I., 2000б. С. 91-110.

Сырф В.И. Категория антропоморфных помощников главного героя в гагаузской волшебной сказке // ЕИМИ. Т. II. 2001. С. 135-138.

Сырф В.И. Видовой состав гагаузской несказочной прозы. Особенности содержания и формы // ЕИМИ. Т. III. 2002. С. 127-130.

Сырф В.И. Гагаузская мифология и ее турецко-туркменско-азербайджанские параллели // ЕИМИ. Т. IV. 2003а. С. 145-149.

Сырф В.И. Эволюция образа волка в гагаузских сказках // Мат-лы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии) «О развитии научных исследований в области истории гагаузского народа и проблем экономического становления современной Гагаузии». Т. II. Комрат, 2003б.

Сырф В.И. Сказки о животных у гагаузов: Общая характеристика // Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice al AŞM. Vol. V. Chişinău, 2004. P. 119-122.

Сырф В.И. Классификация сюжетов гагаузской народной бытовой сказки // ЕИМИ. Т. VI. 2006а. С. 123-128.

Сырф В.И. Некоторые поэтико-стилевые слагаемые и их функции в гагаузских народных сказках // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 1. Chişinău, 2006б. P. 204-206.

Сырф В.И. Проблемы классификации сказочного эпоса в гагаузской фольклористике // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: Материалы Пярых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006в. С. 117-120.

Сырф В.И. Традиционный фольклор гагаузов и современность. Синтез научного изучения и практического применения (на материале народной прозы) // Folclorul și contemporaneitatea: conservarea, revitalizarea și valorificarea culturii tradiționale. Materialele Simpoz. șt.-practic internațional. Chişinău, 2006г. С. 151-161.

Сырф В.И. Гагаузская народная сказка // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат-Кишинэу: Pontos, 2006д. С. 545-557.

Сырф В.И. Гагаузская народная проза // Наука и общество. Кишинёв: Парагон, 2007а. С. 105-107.

Сырф В.И. Сказочный эпос гагаузов: историография проблемы и видовая классификация // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Мат-лы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007б. С. 449-460.

Сырф В.И. Современная антропонимия гагаузов с. Томай (на материале фамильных имён и уличных прозвищ) // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 2. Chişinău, 2007в. P. 141-144.

Сырф В.И. Элементы традиционных верований в православном христианстве (на материалах народной прозы гагаузов Буджака) // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 3. Chişinău, 2008. P. 135-142.

Сырф В.И. Элементы соционормативной культуры гагаузов в устном народном поэтическом творчестве (на материале фольклорной прозы) // Курсом развиваю-

щейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2009. С. 443-452.

Сычева В.А. Арабские и персидские лексические заимствования в гагаузском языке // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1972.

Сычева В.А. Семантические особенности арабо-персидских заимствований в гагаузском языке // Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских языков. М., 1973а. С. 44-56.

Сычева В.А. Арабские и персидские заимствования в лексическом составе гагаузского языка // СТ. 1973б. № 4. С. 24-30.

Сычева В.А. Фонетические особенности арабских и персидских лексических заимствований в гагаузском языке // Тюркологические исследования. М., 1976.

Сычева В.А. Арабские и персидские лексические заимствования в гагаузском языке // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. II. Комрат: Комрат Гос. унив-т, 2003. С. 16-20.

Сютюр Е. Българската емигрантска интелигенция в Румъния през XIX век. София: БАН, 1982.

Сютюр Е. Българските училища в Румъния през XIX век. София: АИ Проф. Марин Дринов, 1999. 430 с.

Сютюр Е. Промени в етнодемографската структура на Бессарабия през XIX век (1794-1894) // БФ. 2005. № 1. С. 81-98.

Тадина Н.А. Система терминов родства и этикетные нормы обращения алтайцев // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 1994. Вып. 4. С. 222-236.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 567 с.

Танасоглу Д.Н. Буквалык. Кишинев, 1958.

Танасоглу Д.Н. Гагауз дилинин орфография лафлыгы. Кишинев, 1959.

Танасоглу Д.Н. Сложноподчинённое предложение в современном гагаузском языке / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1965.

Танасоглу Д.Н. Чал, түркүм! (стихлар). (Звени, моя песня). Стихи. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1966. 94 с.

Танасоглу Д.Н. Адамын ишлери (Дела человека). Стихи. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1969.

Танасоглу Д.Н. Хошлук (Счастье). Стихи. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1970.

Танасоглу Д.Н. Генчлик түркүлери: (Стихлар) / Песни молодости. (Стихи). Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1975. 108 с.

Танасоглу Д.Н. Узун керван (Долгий караван). Предисловие М.Н. Губогло. Кишинёв, 1985.

Танасоглу Д. Гагаузы // газета «Советская Молдавия». 2 октября 1988 г.

Танасоглу Д. Ана дили: Окумак хем грамматика 4-жу класс ичин. Кишинёв, 1992.

Танасоглу Д.Н. Страницы нашей истории // Педагогический журнал. Кишинёв, 1999. № 1-2. С. 60-64.

Татарлы И.Т. Ибн Биби и неговата Малоазийска история // Годишник на висшия ислямски институт. Брой първи. София, 2008/2009.

Татарско-русский словарь. М., 1966.

Татары-кряшены. М., 1977.

Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.

Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1903.

Телбизов К., Векова-Телбизова М. Традиционен бит и култура на банатските българи // Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. LI, София, 1903.

Тенишев Э.Р. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков // СТ. 1973а. № 5. С. 119-124.

Тенишев Э.Р. Тюркская историческая диалектология и Махмуд Кашгарский // СТ. 1973б. № 6. С. 54-61.

Тенишев Э.Р. Место кыпчакского (половецкого, куманского) печенежского языков среди современных тюркских языков // Издание АН Казахской ССР. Серия филологическая. 1975.

Тенишев Э.Р. Тюркоязычных письменных памятников языки // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997.

Тенишева А.Э. Празднование Невруза и Хыдыреллеза в Турции (конец XIX – середина XX вв.) // СЭ. 1991. № 6.

Терещенко А. Быт русского народа. СПб.: Типогр. Военного уч. завед., 1848. 348 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М.–Л., 1941.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории риафов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.

Титлинова Л. Вехи истории // газета «Знамя». 1989, 25 июля.

Титоров Й. Българите въ Бесарабия. София, 1905.

Тихомиров Н.С. Слово о полку Игореве. М., 1866.

Тишков В.А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // СЭ. 1989. № 1.

Тишков В.А. О феномене этничности // ЭО. 1997. № 3. С. 3-19.

Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // ЭО. 2000. № 2. С. 43-63.

Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. М., 2008.

Тишков В.А. Двадцать лет спустя: опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 200. М., 2009.

Тодоров Н. За демографското състояние на Балканския полуостров през XV–XVI в. София, 1960.

Тодорова Д. Изследвания на чужди историци и лингвисти за произхода на гагаузите // Втора национална школа на младите историци към Първи международен конгрес по българистика. Т. 2. София, 1981. С. 141-150.

Тодорова Д. Облеклото във Варна през втората половина на XIX в. // ИНМ. Кн. 21 (36). 1985а. С. 155-160.

Тодорова Д. Облеклото във Варна през втората половина на XX в. // ИНМ. 27 (42). 1985б. С. 159-167.

Тодорова Д. Календарни празници и обичаи на гагаузите във Варненско // ИНМ. 1987. Кн. 23 (38). С. 177-185.

Тодорова Д. Преживелици от обичайното право във Варненско // ИНМ. 1988. Т. 24 (39). С. 142-149.

Тойнби А. Постигание истории. Пер. с англ. М., 1991.

Токарев С.А. О системах родства у австралийцев (К вопросу о происхождении семьи) // СЭ. 1929. № 1.

Токарев С.А. Этнографические наблюдения в балканских странах // СЭ. 1946. № 2. С. 200-210.

Токарев С.А. К постановке проблемы этногенеза // СЭ. 1949. № 3. С. 12-36.

Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. М.–Л.: АН СССР, 1957. 164 с.

Токарев С.А. Гагаузы // Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во МГУ, 1958а. С. 202-204.

Токарев С.А. К вопросу о методике изучения терминологии родства // Вестник Московского университета, М., 1958б. Кн. 4.

Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1965. 623 с.

Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966. 453 с.

Токарев С.А. Народные обычаи календарного цикла в странах зарубежной Европы (Опыт структурно-исторического анализа) // СЭ. 1973. № 6. С. 15-29.

Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.

Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Политиздат, 1990. 621 с.

Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003.

Толстов С.П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

Толстов С.П. Огузы, печенеги, море Даукара // СЭ. 1950. № 4.

Толстой Н.И. Статьи о фольклоре. М.–Л., 1966.

Толстой Н.И. Из «грамматики» славянских обрядов // Труды по знаковым системам. Учёные записки. ТГУ. XV. вып. 576. Тарту, 1982. С. 57.

Толстой Н.И., Толстая С.М. Заметки по славянскому язычеству (Вызывание дождя в Полесье) // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1978. С. 95-130.

Толстые Н.И. и С.М. Заметки по славянскому язычеству. Защита от града в Драгичеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. М., 1981. С. 44-120.

Толстые Н.И. и С.М. Заметки по славянскому язычеству (Первый гром в Полесье. Защита от града в Полесье) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 49-83.

Толстые Н.И. и С.М. Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры // СЭ. 1984. № 4. С. 78-80.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). Томск, 1993. 222 с.

Тонев В. Демографски облик, стопанско развитие, просвета и национално-освободително движение през 30-те – 40-те години на XIX в. // Каварна от древността до Освобождението. София, 1984. С. 152-169.

Тонев В. Гагаузите и национално-освободителните борби през Възраждането // БСП. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2000. Т. 7. С. 319-335.

Топал В. Гагаузская свадьба // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинев, 2006.

Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 3-58.

Топузлу Г.Н., Аницупов И.А. Очерки истории гагаузов в XIX в. Кишинёв, 1993. 120 с.

Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970.

Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.

Трайков В., Жечев Н. Българската емиграция в Румъния. XIV – 1878. София, 1986.

Тракийски Д. Протоерей Димитър Чакир // Алманах «Родолубец». № 1. София, 1994. С. 166-175.

Трепавлов В.В. История ногайской орды. М., 2001.

- Трефилова О.В. Легенды, предания и мифологические рассказы из гагаузского села Болгарево // Живая старина. № 4. М., 2007. С. 44-47.
- Трефилова О.В. Гагаузская терминология народной духовной культуры в Северо-Восточной Болгарии. Семейная обрядность // Карпато-Балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. М.: ИСлРАН, 2008. С. 232-270.
- Трофимчук Н.А. Санитарный очерк обследования водоснабжения, питания, жилища и одежды жителей Казахстана // Казахи. Л., 1930. С. 177-206.
- Трыарский Э. О диалектной дифференциации армяно-кыпчакского языка // СТ. 1987. № 4. С. 23-29.
- Тукан А.А. Ана дили. Окумак киады хазырлык классы ичин. Кишинев, 1958.
- Тукан Б.П. Безударные гласные верхнего и среднего подъёма в комратском и вулканештском говорах гагаузского языка // ЛЛМ. 1961а. № 1. С. 55-57.
- Тукан Б.П. Некоторые итоги диалектологической экспедиции по исследованию гагаузских говоров // ЛЛМ. 1961б. № 2. С. 39-44.
- Тукан Б.П. Вулканештский диалект гагаузского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кишинёв, 1965.
- Тульцева Л.А. Община и аграрная обрядность рязанских крестьян на рубеже XIX–XX вв. // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1981.
- Тульцева Л.А. Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре (В связи с вопросом о культе птиц в аграрном календаре) // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. С. 163-178.
- Тунманн. Крымское ханство / Пер. с нем. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Симферополь, 1936.
- Туранли Ф. Уруми: історія, мова та культура // Круглий стол «Тюркомовні народи України» (мови та культури татар, гагаузів, урумів, караїмів і кримчаків) у межах конференції «Феномен А. Кримського у світовій науці (до 135-річчя від дня народження)». Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005. С. 53-56.
- Турбин В.Н. Ситуация двуязычия в творчестве Пушкина и Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л., Наука. 1985. С. 91-103.
- Тургенев Н.И. Россия и русские // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825. М., 1989. С. 261-328.
- Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. Пер. с французского Е.А. Самарской. М., 1998.
- Турецкие сказки / Сост., пер., вступ. ст., прим. И.В. Стеблевой. М.: Наука, 1986. 399 с.
- Турецко-русский словарь. 80 000 слов и словосочетаний. Под ред. Т.Е. Рыбальченко. М., 2005.
- Турецькі героїчні епоси. Дастани / Переклад та літературна обробка віршів з турецької мови Арнаут Ф. І. Київ: Київський університет, 2009. 168 с.
- Туфар Н.Х. Саклы женкчилар. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1988. 160 с.
- Туфар Н.Х. Комратская республика 1906 г. – этап в национально-освободительном движении гагаузского народа // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003. С. 44-47.
- Туфар Н.Х., Туфар Н.Н. Из истории национально-освободительного движения гагаузского народа в годы первой русской революции (1905–1907 гг.) // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 1999. С. 24-34.
- Тютюнджиев Ив. Българската анонимна хроника от XV в. Велико Търново, 1992.
- У Бога все живы. Православный обряд погребения. Основные ошибки при похоронах. Утешение скорбящему. Акафист, Саратов, 1996.
- Уарзиати В.С., Галлиев А.А. Символы и знаки Великой степи // Каз. АТ и СО. 2006. С. 112-195.
- Уваров А.С. Сведения о каменных бабах // Труды I Археологического съезда. Т. 1(II). М., 1871.
- Уварова П.А. К вопросу о каменных бабах // Труды XIII Археологического съезда. Т. II, М., 1908.
- Угринович Д.М. Обряды, за и против. М.: Политиздат, 1975. 176 с.
- Узун Д.Ф. Некоторые особенности говоров вулканештского диалекта // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Комрат. Гос. ун., 1999а. С. 73-75.
- Узун Д.Ф. Некоторые особенности говоров комратско-чадырского диалекта // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Комрат. Гос. ун., 1999б. С. 70-72.
- Украина и България. Етнокултурни и етнолингвистични аспекти. София, 1999.
- Улаков М.З., Чеченов А.А. Письменные памятники тюркских языков как источник истории современного карачаево-балкарского языка. Нальчик, 2001. 52 с.
- Уложение Гагаузии (Гагауз Ери). Принято 14 мая 1998 г. Комрат, 1998. 88 с.
- Умаров М.У., Бигаев Р.И., Данилов П.А. О некоторых грамматических особенностях языка гагаузов Средней Азии // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964. С. 245-257.
- Унгуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
- Унгурияну О. Спектр талантов гагаузского изобразительного искусства // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 471-478.
- Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Урманчеев Ф. По следам Белого Волка // СТ. 1978. № 6. С. 12-23.
- Урманчеев Ф. Золотая волчья голова на знамени (К вопросу о происхождении образа волка в древнетюркском эпосе) // СТ. 1987. № 3. С. 68-73.
- Успенский Г.И. Власть земли (Очерки) // Избранные сочинения. М.–Л., 1949.
- Успенский Ф. Образование Второго Болгарского царства // Записки Имперского Новороссийского университета. Т. XXVII. Одесса, 1879. С. 97-416.
- Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П. Юшневского. Сб. документов. Сост. К.П. Крыжановская, Е.М. Руссев. Ч. 2. Кишинёв: Государственное издательство Молдавии, 1957.
- Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Пер. с перс., предисловие, комментарий, примеч. и указ. Р.М. Шукуровой. Баку, 1987.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964–1973; 2-е изд. М., 1986–1987. Т. 4.
- Фахрутдинов Р. Кочевой мир средневековой Евразии (обзор археолого-исторической литературы второй половины XX в.) // ТА. Казань, 1998. № 2(3).
- Февр Л. Чувствительность и история // Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.
- Федоров М. Обыкновенные болезни в бессарабской деревне и их лечение (по ма-

- териалам в болгарском селении Задунаевке Аккерманского уезда) // КЕВ. 1877. № 9. С. 382-386.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М., 1966. 276 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Курганы, идолы, монеты. М., 1968.
- Федотов М.Р.* Б. Мункачи о тюркских элементах в венгерском языке // СТ. 1985. № 1. С. 30-37.
- Федотова Л.В.* Сравнительная характеристика смытых почв Комратского района // Сборник научных трудов. Т. 1. Экономика. Технология сельскохозяйственного производства. Комрат: Комрат. Гос. ун., 1999а. С. 152-156.
- Федотова Л.В.* Экологические проблемы почв Комратского района // Сборник научных трудов. Т. 1. Экономика. Технология сельскохозяйственного производства. Комрат: Комрат. Гос. ун., 1999б. С. 148-151.
- Федотова Л.В.* Все о воде. Комрат, 2005.
- Федотова Л.В.* Адапционные функции воды в прошлом и настоящем // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова». Постсоветский период, посвящённого 40-летию этносоциологических исследований. 25-26 сентября 2006 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2006. С. 301-304.
- Федотова Л.В.* Природно-географическая и экологическая панорама Буджака – среды обитания гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 53-74.
- Федотова Л.В., Мангул И.Д.* Качество и охрана природной среды, проблемы опустынивания (на примере Гагауз Ери). Комрат, 2006. С. 23-37.
- Фехер Г.* Ролята и културата на прабългарите. Значението на прабългарската култура в изграждането на цивилизацията на Източна Европа. София, 1997.
- Фиельструп Ф.А.* Молочные продукты турков-кочевников // Казаки. Л., 1930. С. 263-295.
- Филимонова М.Ф.* К вопросу о семейном положении гагаузской женщины (По материалам песенного фольклора досоветского периода) // Тезисы докл. Первого симпозиума по археологии и этнографии Юго-запада СССР. Кишинёв, 1964. С. 56.
- Филиоглу В.Г.* Ыыл кушаан корафлары (Узоры радуги). Стихи. Кишинев: Нурегон, 1995.
- Филиоглу В.Г., Занет Ф.И., Мариноглу Ф.И.* Айданнык. Заманнайэрсин, евим! Ёрек Далгасы (Свет. Здравствуй, мой дом! Волнение сердца). Стихи. Кишинев: Литература артистикэ, 1990.
- Филлмор Ч.Дж.* Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. Общая редакция и вступительная статья Б.Ю. Городецкого. М., 1983. С. 23-60.
- Флорец В.* Большая семья и ее жилище в западной Болгарии // СЭ. 1965. № 3.
- Фолклор дин Бужяк / Алк. Г.Г. Ботезату ши алт. Кишинэу: Картя молдовеняскэ, 1982. 430 с.*
- Фолклорни традиции на Североизточна България // Регионални проучвания на българския фолклор. Т. 3. София, 1993.*
- Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974. 274 с.*
- Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1984.*
- Формозов А.А.* Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969.
- Формузал М.М.* Феномен Гагаузии: истоки и горизонты развития. (Этнополитическое эссе) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 43-52.
- Формузал М.М.* Стабильность и мобильность – гаранты продвинутой // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 4. Материалы к III Российско-Молдавскому симпозиуму «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». 2008 г., Комрат. М.: Старый сад, 2008. С. 67-88.
- Формузал М.М.* Обращение Михаила Формузала Башкана (Главы) к жителям Гагаузии. Комрат, 2010а.
- Формузал М.М.* Гагаузский вектор развития: в Молдове между Востоком и Западом // газета «Вести Гагаузии». 25.10.2010б.
- Формузал М.М., Ашевски В. И., Кристева Н. Н.* Современное состояние и перспективы высшего образования в АТО Гагаузия // Труды Молдавского филиала Современного Гуманитарного института. Chişinău: Business-Elita, 2005. № 2. Р. 30-33.
- Франс А.* Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 8. Литературно-критические статьи, публицистика, речи, письма. Пер. с французского. М., 1960.
- Фринту Ю.* Из прошлого г. Комрат (Публикации на русском языке подготовил С.С. Булгар) // Вести Гагаузии. 2005. 6 сентября.
- Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М., 1928. Вып. 3.; М.: Политиздат, 1980. 831 с.
- Фрэзер Д.Д.* Фольклор в Ветхом завете. 2 изд. испр. М.: Политиздат, 1985. 511 с.
- Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Пер. с англ. М., 2004.
- Хабичев М.А.* Карачаево-балкарский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. II: Тюркские языки.
- Хабичев М.А.* Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.
- Хабичев М.А.* О чём говорят лексические заимствования // Тюркологический сборник, Черкесск, 1967.
- Хабичев М.А.* Памятник куманских языков // СТ. 1974. № 2. С. 66-70.
- Хабичев М.А., Мусаев К.М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. Рецензия // СТ. 1976. № 4. С. 108.
- Хаджиниколова Е.* Българските преселници в южните области на Русия. 1856–1877. София: Наука и изкуство, 1987. 177 с.
- Халаева Н.Д.* Культ волка у предков чеченцев и ингушей и его изживание // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // Политические исследования. 1994. № 1. С. 33-48; *Его же.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. 605с.
- Харбов С.* Каварненци. Разкази. Каварна, 2000. 176 с.
- Харжи И.* Спортклуб «Боз курт»: некоторые итоги // газета «Вести Гагаузии». 2001, 26 июня.
- Харузин Н.* Этнография. Вып. 4. Верования. СПб., 1905. 530 с.
- Хасимов Н.Ш.* Особенности современного этапа исследований средневековых тюркских литературных памятников // СТ. 1987. № 3. С. 110-113.
- Хатлас Е.* Из православной жизни гагаузов. Село Виноградовка (Курчи) Болградско-

- го района, Одесской области // Лукоморье: археология, этнология, история Північно-Західного Причорномор'я. Одеса 2009а. Вип. 3. S. 325-326.
- Хатлас Е.* Основные периоды существования христианства у гагаузов Буджака и их оценка с исторической точки зрения // *Turagetia. Istorie. Muzeologie, serie nouă*, vol. 3(18) 2009b. Nr 2. S. 273-282.
- Хатлас Е.* Православная вера – цементирующий элемент в жизни жителей Гагаузской автономии: правда или миф? // *Курсом развивающейся Молдовы. Том 6. Культурное наследие и его социальные добродетели.* М., 2009в. С. 416-420.
- Хатлас Е.* Кирсово – болгарско-гагаузское село в Гагауз Ери // *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали.* Т. 10. Одесса-Велико Търново: Фабер, 2010. S. 353-357.
- Хейвуд Колин.* Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556.* Казань, 2001. С. 130-146.
- Хейзинга Й.* Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988.
- Хеллер Клаус.* Золотая орда и торговля с Западом // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556.* Казань, 2001. С. 111-129.
- Хисамутдинов А. А.* Русские в Бразилии // журнал «Латинская Америка». 2005. № 9.
- Хитъ Г.Л.* Дерматоглифика народов СССР. М., 1983.
- Хитъ Г.Л.* Дерматоглифика тюркоязычных народов СССР // *Сравнительная антропология башкирского народа.* Уфа. 1990.
- Хитъ Г.Л., Долинова Н.А.* Расовая дифференциация человечества (дерматоглифические данные). М., 1990.
- Хлеб в народной культуре. Этнографические очерки / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М., 2004.
- Хмарський В.М. А. О.* Скальковський – археограф. Киев, 1994.
- Хмарський В.М., Дзиговський О.М.* Брун Пилип Карлович // *Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник.* Т. 2. Одеса, 2000.
- Хмельное и иное: напитки народов мира / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М., 2008.
- Хожение Богородицы по мукам / Подг. текста, перевод и комм. М. В. Рождественской // *Памятники литературы Древней Руси. XII век.* М., 1980. С. 166-183, 651-652.
- Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана / Сб. ст. М., 1975.
- Хорхе Л. Борхес.* Письмена Бога. М., 1992.
- Хотинец В.Ю.* О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание // *Социологическое исследование.* 1999. № 9.
- Христов П.* Родителската клетва – регулятор на социалната справедливост // *БЕ.* София, 1992. Кн. 5–6. С. 19–33.
- Христов П.* «Дуркината нива» и сватбеният дарообмен // *БЕ.* 1999. Кн. 3-4. С. 56-76.
- Христов П.* Общности и празници. Служби, слави, събори и курбани в южнославянското село през първата половина на XX век. София: КОТА ООД, 2004. 248 с.
- Худайбердыева (Аширгельды-гызы) О. А.* Антропонимия и религиозные верования ногайцев Буджакской Орды // *Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья.* Вып. 2. Одесса: Паллада, 2008. С. 119-126.
- Художники Гагаузии. Каталог. Комрат: ИПП «Типар», 1993.
- Художники юга Молдавии / Составитель Р. И. Акулова. Кишинёв, 1985.
- Худуд-ал-Алам.* Перевод и комментарии В.Ф. Минорского. Изд. 1937 г. на англ. языке // <http://dankir.ru/content/view/8854/91/>.
- Худяков Ю.С.* Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1998.
- Худяков Ю.С.* Коллекции кочевнических древностей в музеях Восточного Туркестана // *Восток.* 2002. № 1. С. 159-162.
- Хынку-Тентюк А. И.* Традиционные верования и обряды молдаван, направленные на охрану урожая // *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы.* Кишинёв: Штиинца, 1992. С. 179-193.
- Цанков К.* Българските фамилни имена в Комрат и района // *БСП.* Т. 9. Одеса, 2006. С. 405-411.
- Царева Е.Г.* Тотемные изображения на ворсовых коврах Средней Амударьи // *У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди.* М., 2004. С. 202-224.
- Царева Е.Г.* Между львом и тигром (Место и время встречи изменить нельзя) // *Курсом развивающейся Молдовы.* Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия. Под. ред. М.Н. Губогло, М., 2009. С. 135-148.
- Цветко С.* Български народни песни от Украйна и Крим. София: Марин Дринов, 2005. 178 с.
- Церов И.* Константин Тодоров Абаджиев, първи български учител във Варна // *ИВАД.* 1914. Кн. 6. С. 5-19.
- Цивьян Т.В.* К мифологической интерпретации восточнороманского колядного текста «Плугушор» // *Славянский и балканский фольклор.* М.: Наука, 1984. С. 96-116.
- Цицков Н.* Старини в Шабленско (Балчишко) // *ИВАД.* 1909. Кн. 2. С. 78-79.
- Цонева Е.* Символика на ритуалите при осиновяване на дете у българите // *Етнографски проблеми на народната духовна култура.* Т. 2. София, 1994. С. 138-169.
- Цырдя Б.* Республика Молдова: деконструкция страны и народа. Кишинёв, 2010. 670 с.
- Цявловская Т.* Рисунки Пушкина. М., 1986.
- Чагин А.И.* Русская литература на переломе эпох: основные векторы развития // *Русский язык в странах СНГ и Балтии / Под ред. академиком А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, член-корр. В.А. Тишкова.* М., 2007. С. 40-47.
- Чакир Д.Г.* Историко-статистическое описание церкви и прихода с. Исерлии, Аккерманского уезда // *КЕВ.* 1891. № 17-23.
- Чакир Д.Г.* Сказание об иконе Божьей Матери именуемой Троеручицею. Кишинёв, 1893.
- Чакир Д.Г.* Биографический очерк рода и фамилии Чакир. Кишинёв, 1899.
- Чакир И.Н., Славова Л.С.* Ана дили гагауз башланкы школаньн 1-жи классы ичин. Кишинев, 1959.
- Чакир М., протоиерей. История гагаузов Бессарабии / пер. с рум. // *Страницы истории и литературы гагаузов. XIX вв. Chişinău,* 2005. С. 80-108.
- Чакир М.М.* К предполагаемому съезду церковно-школьных деятелей // *КЕВ.* 1913. № 16–17. С. 825.
- Чакир М.М.* История гагаузов Бессарабии // *Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Chişinău: Pontos,* 2005. С. 80-108.
- Чанков Ж.* Гагаузите в България // *Известия на Българското географско дружество.* Кн. IV. 1936. С. 48-75.
- Чариков А.А.* Раннесредневековая скульптура из Верхнего Прииртышья // *СА.* 1976. № 4. С. 153–165.
- Чебаника А.* Будем помнить свое прошлое // газета «Знамя». 2004, 21 мая.

- Чеботарева А.Г.* Минерализация рек Молдавии. Штиинца. Кишинёв, 2008.
- Чеботаренко Г.Ф.* Раскопки курганов в Чадыр-Лунгском районе Молдавской ССР // Результаты полевых археологических исследований 1970–1971 годов на территории Украины. Одеса, 1972.
- Чеботаренко Г.Ф.* К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Прутско-Днестровского междуречья // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979. С. 86-105.
- Чеботаренко Г.Ф.* Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X–XII вв. / Отв. ред. д.и.н. Г.Б. Федоров. Кишинёв, 1982.
- Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.П.* Курганы Буджакской степи. Кишинёв: Штиинца, 1989. 21 с.
- Чеботарь-Гагауз П.А.* Жана йакын (Близко к сердцу). Стихи. Кишинев: Литература артистикэ, 1989.
- Чеботарь П.А.* Что воскликнул турецкий паша? Кишинёв: Штиинца, 1990.
- Чеботарь П.А.* Подвижник просвещения // И дым отечества... Кишинёв, 1991. С. 57-67.
- Чеботарь П.А.* Гагаузская художественная литература. 50–80-е гг. XX века. Очерки. Кишинёв: Штиинца, 1993. 122 с.
- Чеботарь П.А.* Происхождение гагаузских фамилий // Педагогический журнал. Кишинёв, 1994. № 2. С. 89-91.
- Чеботарь П.А.* Гагаузская художественная литература // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинёв: Pontos, 2006. С. 499-544.
- Чеканова А.* Альбомы милые преданья старины // Родина. 2001. № 12.
- Челак Е.* Краеведские проучвания върху бесарабските българи и гагаузи // БСП. Т. 7. Велико Търново, 1999а. С. 617-621.
- Челак Е.К.* Ревизские сказки колонии Твардица как историко-демографический источник // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещерюка). Кишинёв: «S.Ş.V.», 1999б. С. 219-238.
- Челак Е.* Училищното дело и културно-просветният живот на българските преселници в Бесарабия (1856–1878). София: ЛИК, 1999в. 244 с.
- Челеби Е.* Пътуване на Евлия Челеби из българските земи през средата на XVII век. (Пер. Д. Г. Гаджанова) // Периодическо списание на българското книжовно дружество в София. 1909. 70. Год. 21.
- Челеби Э.* Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. I. М., 1961.
- Челеби Ев.* Пътепис. Превод от османотурски, съставителство и редакция Стр. Димитров. София, 1972.
- Червенков Н.Н.* Болгарские подданные в Бессарабии (конец XIX в. – 1917 г.) // ЕИМИ. Т. I. 2000. С. 47-51.
- Червенков Н.Н.* Из истории Комрата периода 50–70-х гг. XIX в. // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. I. Комрат: Изд. Комрат. гос. ун-т, 2003. С. 37-44.
- Червенков Н.Н.* Создание церквей в болгарских и гагаузских колониях в Бессарабии в первой половине XIX века // Православные храмы в болгарских и гагаузских селениях юга Украины и Молдовы. Вып. I. Болград, 2005. С. 146-168.
- Черемисин Д.В.* Наскальная композиция с изображением колесницы и «танцоров» из Чаганки (Кара-Оюк), Алтай // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003, № 3 (15).
- Чернышёв В.И.* Тёмные слова в русском языке // Академику Н.Я. Мару. М. –Л., 1935.
- Чертан Е.Е.* Новые данные об установлении государственной границы России по Дунаю в 1813–1817 гг. // Вековая дружба. Кишинёв, 1961.
- Чествование прихожанами священника с. Исерлия, 4 округа, Аккерманского уезда Д.Г. Чакира, по поводу 25-летнего служения его в приходе // КЕВ. 1895. № 23. С. 891.
- Чеченов А.А.* Язык памятника «Codex Cumanicus» (XIV в.) в ареальном освещении. М., 1978. 55 с.
- Чеченов А.А.* Язык «Codex Cumanicus» и его отношение к современным западнокыпчакским языкам. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979. 19 с.
- Чешко С.В.* Человек и этничность // ЭО, 1994. № 6. С. 35-49.
- Чижов Г.П.* К проблеме изучения динамики численности гагаузов Украины // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 1. Одесса: Паллада, 2007а. С. 108-113.
- Чижов Г.П.* Проблема етнологічного і правового визначення статусу етнічних спільнот України в контексті євроінтеграції // Проблеми національно-культурної самоідентифікації українців на Півдні і Сході України в контексті етнополітики Європейського Союзу. Матеріали наукової конференції 6 червня 2007. Одеса, 2007б.
- Чижов Г.П.* Этническая структура населения Украины (на примере Одесской области) // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції (Одеса, 26 жовтня 2007 р.). Одеса, 2007в.
- Чижов Г.П.* Этнические группы Одесщины в контексте этнонациональной политики Украины // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. 2008. Вып. 2.
- Чимпоеш Л.С.* К вопросу об эпических традициях в устном народном творчестве гагаузов // Материалы исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинёв, 1992. С. 227-234.
- Чимпоеш Л.С.* Дастанный эпос гагаузов. Кишинёв: MUSEUM, 1997. 199 с.
- Чимпоеш Л.С.* Гагаузские народные гуляния // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Сб. статей к 100-летию со дня рождения И.И. Мещерюка. Кишинёв: «S.Ş.V.», 1999. С. 264-276.
- Чимпоеш Л.С.* К вопросу о гагаузском романическом дастане // ЕИМИ. 2000. Т. I. С. 131-135.
- Чимпоеш Л.С.* Географические реалии Болгарии в гагаузских дастанах // ЕИМИ. 2001а. Т. II. С. 73-75.
- Чимпоеш Л.С.* Деятельность Отдела гагаузоведения: итоги и перспективы // ЕИМИ. 2001б. Т. II. С. 27-28.
- Чимпоеш Л.С.* Образ «возлюбленной» в романических дастанах гагаузов // ЕИМИ. 2002. Т. III. С. 115-118.
- Чимпоеш Л.С.* Гагаузия: общественная и культурная жизнь. Состояние и проблемы // Круглый стол «Тюркомовні народи України» (мови та культури татар, гагаузів, урумів, караїмів і кримчаків) у межах конференції «Феномен А. Кримського у світовій науці (до 135-річчя від дня народження)». Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005. С. 60-67.
- Чимпоеш Л.С.* Развитие науки и культуры гагаузов: Сотрудничество и перспективы // Материалы Междунар. научно-теор. конф., посвященной 15-летию Комратского государственного университета. Комрат, 2006а. С. 235-237.
- Чимпоеш Л.С.* Устное народное творчество гагаузов (к вопросу о классификации) //

- Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: Материалы Пярых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006б. С. 113-117.
- Чимпоеш Л.С.* Дастан как составная часть устного народного творчества гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящённого проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 439-448.
- Чиракман-Карвуна-Каварна / Васил Василев, Митрофан Велев. София, 1982. 144 с.
- Чистов В.В.* Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986. 303 с.
- Чичеров В.И.* Русские колядки и их типы // СЭ. 1948. № 2. С. 105-129.
- Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. (Очерки по истории народных верований). М.: АН СССР, 1957. 235 с.
- Чичеров В.И.* Русское народное творчество. М., 1959. 522 с.
- Чолак А.* Нет дома без ковра... Традиционное ткачество гагаузов как феномен культуры // Педагогический журнал. Кишинёв, 1999б. № 1-2. С. 74-77.
- Чолак А.П.* Гагаузско(тюркско)-болгарские взаимослияния в терминологии ткачества // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби (матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іга). Одеса, 29-31 жовтня 1998 року. Одеса, 1999а.
- Чолов П.* Българите гагаузи. Историческа съдба и съвременни проблеми // Военно-исторически сборник. Кн. 2. София, 1993.
- Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край. Т. IV. Спб., 1877.
- Чудинов В.А.* Лик Мары Булгара и Болгарии // <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?gtree>
- Чудинов В.А.* Проблема возникновения болгарской культуры (Рецензия на книгу Газы Фехера о протоболгарах) // [html://www.trinitas.ru/rus/doc](http://www.trinitas.ru/rus/doc).
- Чык, чык, гүнеш! (Взойди, взойди солнышко!). Стихи. Кишинев: Литература артистикэ, 1981.
- Шабашов А.В.* Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства (по материалам Южной Украины) // ЭО. 1995. № 3. С. 84-92.
- Шабашов А.В.* Терминология родства болгар Украины // Записки исторического факультета. Вып. 3. Одеса, 1996. С. 70-78.
- Шабашов А.В.* Гадание по бараньей лопатке как этнокультурный феномен // Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. Сборник научных работ, посвящённый 60-летию В.Н. Станко. Одеса, 1997а. С. 344-353.
- Шабашов А.В.* Някои теоретични резултати от изследването на системата на родство у българите в Украина // БСП. Т. 6. Велико Търново, 1997б. С. 353-367.
- Шабашов А.В.* К проблеме типологизации систем терминов родства некоторых этнических общностей Северной Евразии // Алгебра родства. Вып. 4. СПб., 1999а. С. 122-129.
- Шабашов А.В.* К проблеме этногенеза гагаузов. Новые подходы // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещеряка). Кишинёв: «S.Ş.V.», 1999б. С. 154-176.
- Шабашов А.В.* Ойконимия болгарских населенных пунктов Юга Украины (Одесская, Кировоградская, Николаевская области) // Българска Бесарабия. Вип. 1. Болград, 1999в.
- Шабашов А.В.* Этнографические группы болгар Тарутинского района Одесской области // Записки исторического факультета. Вып. 9. Одеса, 1999г. С. 56-67.
- Шабашов А.В.* К вопросу о происхождении европейских гуннов // Археология та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Одеса, 2000а. С. 71-86.
- Шабашов А.В.* Методологические принципы и методика полевых этнографических исследований. Одеса: Гермес, 2000б. 80 с.
- Шабашов А.В.* Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одеса: Астропринт, 2002а. 740 с.
- Шабашов А.В.* До реконструкції типології сім'ї болгар і гагаузів Південної Бессарабії у 10-х – 60-х роках XIX ст. 1. Постановка проблеми. Загальна типологія родини // Записки исторического факультета. Вып. 12. Одеса, 2002б. С. 104-120.
- Шабашов А.В.* До реконструкції типології сім'ї болгар і гагаузів Південної Бессарабії у 10-х – 60-х роках XIX ст. 2. Типологія та еволюція сім'ї у болгар і гагаузів // Записки исторического факультета. Вып. 13. Одеса, 2003а. С. 54-67.
- Шабашов А.В.* О некоторых антропологических особенностях гагаузов в связи с проблемой их этногенеза // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). 21-23 декабря 2001 г. Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003б. С. 93-103.
- Шабашов А.В.* Мир родства древних тюрков // Науковий вісник Миколаївського державного університету. Вип. 11. Історичні науки. Збірник наукових праць. Миколаїв, 2005. С. 73-92.
- Шабашов А.В.* Динамика этнического состава Болградского района Одесской области в XIX–XX вв. Заселение района. 1810–1862 гг. // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Вып. 1. Одесса, 2006а.
- Шабашов А.В.* Племена монгольского происхождения в составе Буджакской орды // Цырендоржиевские чтения – 2006. Тибетская цивилизация и кочевые народы Евразии: кросс-культурные контакты. Сборник научных статей. Киев, 2006б. С. 373-389.
- Шабашов А.В.* Терминология родства и система терминов родства // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006в. С. 581-588.
- Шабашов А.В.* Этногенез // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2006г. С. 8-43.
- Шабашов А.В.* Хаджибей или Качибей? К вопросу о происхождении названия предшественника Одессы. // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Вып. 3. Одесса, 2007а. С. 45-56.
- Шабашов А.В.* Центральноазиатские древности Буджака (к вопросу о соотношении родоплеменного состава ногайцев Буджакской Орды и государства кочевых узбеков) // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2007б. Вып. 1. С. 114-131.
- Шабашов А.В.* Традиционная социальная организация гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2009. С. 227-284.
- Шабашов А.В., Дыханов В.Я.* Особливості традиційної календарної обрядовості гагаузів України // Етнологічний розвиток в Україні та стан української етнічності в діаспорі: сутність, реалії конфліктності, проблеми та прогнози на порозі 21 століття. Тези п'ятої Міжнародної науково-практичної конференції 22-25 травня 1997 р. Київ-Чернівці, 1997.
- Шабашов А.В., Челак Е.И., Дыханов В.Я.* Кубей и кубейцы. Одесса, 1999.
- Шабашов А.В., Червенков Н.Н.* и др. Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. Одесса: Астропринт, 2003.

Шабашов А.В., Шабашова М.Н. Гагаузско-чувашиские лингвистические параллели // Этногенез и этническая история гагаузов. Материалы и исследования, посвящённые 150-летию В. А. Мошкова. Вып. 1. Кишинёв–Етулия, 2002. С. 111-123.

Шабашов А.В., Шабашова М.Н. Этнонимия и антропонимия праболгар как источник реконструкции их ранней истории (к постановке проблемы) // Сугдейский сборник. Киев–Судак, 2004. С. 370-383.

Шабашов А.В., Шабашова М.Н. Этимология ойконима «Судак» (к постановке проблемы) // Сугдейский сборник. Вып. 2. Киев–Судак, 2005. С. 421-430.

Шабашов А.В., Шабашова Ю.О. Система на кръвното родство при българите от Южна Украйна. По материали от Одеска и Николаевска област // БФ. 1994. № 3. С. 71-78.

Шабашов А.В., Шабашова Ю.О. К проблеме генезиса антропоморфных надгробных памятников болгар Бессарабии // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби (матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іґа). Одеса, 1999.

Шаниязов К.Ш. О традиционной пище узбеков // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент, 1972.

Шаниязов К.Ш. О роли кангуйского компонента в этногенезе узбекского народа // Тюркология. Фрунзе, 1988. С. 507-508.

Шановалова Г.Г. Егорьевский цикл весенних календарных обрядов славянских народов и связанный с ним фольклор // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 125-135.

Шарифуллина Ф.Л. Традиционная пища и кухонная утварь у касимовских татар // Историческая этнография татарского народа. Казань, 1990. С. 68-79.

Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. 1979. № 1.

Шемяков Д.Е. Очерки экономической истории Бессарабии эпохи империализма. Кишинёв, 1980.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.–Л., 1966.

Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир. 1829. М.: Международные отношения, 1975. 368 с.

Шимановский М. О местных законах Бессарабии. Вып. 1. Одесса: Тип. «Одесского вестника», 1887.

Шитова С.Н., Гаделгареева Р.Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX – начале XX века // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX века. М., 1979. С. 78-125.

Шиманов Ив. Критичен поглед на въпроса за произхода на прабългарите от езиково гледище и етимологията на името българин // СБНУН. Т. XVI–XVII. 1. София, 1909.

Шиммарёв В. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР // Вопросы молдавского языкознания. М., 1953.

Шкорпил К. и Х. Североизточна България в географско и археологическо отношение. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. VII. София, 1892.

Шкорпил К. Населението на Кестрич, Варненско, съобщава Г. Антонов // I годишен отчет на Варненско археологическо дружество за 1906–1907 гг. Варна. С. 36-38.

Шкорпил К. Населението на Чаушкьой, Балчишко, съобщава Р. Боцанов // II годишен отчет на Варненско археологическо дружество за 1907–1908 гг. Варна. С. 36-38.

Шкорпил К., Шкорпил Х. Паметници на гр. Одесос, Варна (Паметници из Българско). Годишен отчет на Варненската държавна мъжка гимназия «Фердинанд I» за 1887–1888 учебна година. Варна, 1898.

Шкорпил К., Шкорпил Х. Балчик // ИВАД. 1912. Кн. V. С. 47-62.

Шкорпил К., Шкорпил Х. Материали към въпроса за «съдбата на прабългарите и на северите» и към въпроса за «произхода на днешните гагаузи» // Vizantinoslavica. T. V. Praha. 1933–1934. С. 162-182.

Шкуратов В.А. Историческая психология. Издание 2-е, переработанное. М., 1997.

Шнирельман В.А. Злоключения одной науки. Этногенетические исследования и сталинская национальная политика // ЭО. 1993. № 3. С. 52-68.

Шорников М.П. Буджакский узел: дискуссии по вопросу о создании автономии на юге Молдавии и в придунайских землях Украины. 1988–1991 гг. // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова». Постсоветский период», посвящённого 40-летию этносоциологических исследований. 25-26 сентября 2006 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2006а. С. 178-195.

Шорников П.М. Движение гагаузского народа за автономию в период кризиса СССР // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2004б. С. 399-413.

Шорников П.М. Социально-политическое положение гагаузов в 20–40-е гг. XX века // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2004в. С. 313-324.

Шорников П.М., Булгар С.С. В рядах революционно-освободительного движения Бессарабии // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2004а. С. 298-312.

Шорников П.М., Булгар С.С. Экономическое и социально-культурное переустройство гагаузского села // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2004б. С. 349-363.

Шорников П.М., Булгар С.С. Экономическое и социально-культурное развитие гагаузского этноса в 50–80-е годы XX в. // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2004в. С. 364-386.

Шорников П.М., Булгар С.С. Гагаузская Республика. От конфликта к взаимопониманию и национальному согласию 1991–1994 гг. // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2004г. С. 414-423.

Шорников П.М., Булгар С.С. Автономно-территориальное образование Гагаузия // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу: Pontos, 2004д. С. 424-434.

Шрайбер Э. Сименон и страна детства // Сименон Ж. Мегре сердится. Повести и рассказы. М., 1975.

Штенберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Ленинград, 1933.

Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 512 с.

Щеглов Д. Народные поверья относительно болезней // КЕВ. 1885. № 11. С. 272-286.

Щепкина М.В. Замечания о палеографических особенностях рукописи «Слова о полку Игореве» // Труды Отд. древ. русск. литературы. Т. IX. М.; Л., 1953.

Щербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности, М., 1959. 170 с.

Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 162–172.

Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994.

Щербак А.М. Печенежский язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997. С. 107-110.

Щербакова Т.А. Памятники типа Етулия (истоки и пути формирования) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Киев, 1991.

Эварницкий Д.И. Каменные бабы // Исторический вестник. 1890, июль. № 1

Эдиева Ф.Д. Обычное право в системе общественных отношений караевцев в XIX в. М.

Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. 312 с.

Элиот Т.С. К определению понятия культуры // Звучащие смыслы. Альманах. СПб., 2007. С. 7-60.

Элленбергер В. Трагический конец бушменов. М., 1956.

Энциклопедический словарь «Латинская Америка». Гл. редактор В.В. Вольский М., 1980.

Энциклопедия афоризмов: Россыпи мыслей. М., 2001.

Эренбург И.Г. Оттепель // газета «Знамя». 1954. № 5.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 11. М., 1984.

Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.

Этническая мобилизация и межэтническая интеграция / Сост. и отв. ред. М. Н. Губогло. М., 1999.

Этническая экология: народы и их культура / Под общ. ред. Н.А. Дубовой, Л.Т. Соловьевой. М., 2008.

Этногенез и этническая история гагаузов. Исследования и материалы / Сост. Курогло С.С. Вып. 1. Кишинёв–Етулия: Научное историко-культурное общество «Наследие гагаузов», Комратский Государственный университет, Краеведческий музей с. Етулия, 2002.

Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Сб. научных трудов. Омск, 1983.

Этнографические исследования в Республике Молдова (История и современность). Кишинёв, 2006.

Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987. 562 с.

Этнография каракалпаков. XI – начало XX вв. (Материалы и исследования). Изд. подгот. Т.А. Жданко, С.К. Камалов. Галилей, 1980.

Этнография народов СССР. Сб. ст. Л., 1971.

Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. М., 1981.

Юлдашев А.А. Глаголы чувственного восприятия (verba sentiendi) в тюркских языках // Историческое развитие тюркских языков, М., 1961. С. 294-321

Юраков А.В. Доверительность как социальный капитал трансформирующегося российского общества (По материалам этносоциологического исследования в Башкортостане, Татарстане и Удмуртии). Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2004.

Юраков А.В. Стратегия выживания населения в сёлах и городах Гагаузии: Казаклия и Вулканешты // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. М., 2006. С. 135.

Юрченко А.Г. Русские и половцы перед лицом монгольского вызова (1223). // ТС. Россия и тюркский мир. 2002. С. 385-400

Язлыев Ч. Аталычная организация у мургабских туркмен в XIX – первой четверти XX вв. // СЭ. 1989. № 5.

Яковлев П.Л. Записки москвича. М., 1828. Кн. 1–2.

Якубовский А. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. Т. XXV. Ленинград, 1927. С. 53-76.

Якубовский А.Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VIII–XI вв. // Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII–XIX вв. Ашхабад, 1954.

Якушин Е.И. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия // ЭО. 1891. № 2.

Ямсков А.Н. Методы изучения этносоциальной поляризации // Методы этноэкологической экспертизы. Отв. ред. В.В. Степанов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. С. 201-214.

Ямсков А.Н. Временные трудовые миграции за рубеж гагаузов села Чишмикиой // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. М., 2005.

Ямсков А.Н. Гастарбайтерство сельских гагаузов: масштабы и причины развития, направления выездов (по исследованиям 2005–2006 гг. в селах Кириет-Лунга и Чишмикиой) // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова». Постсоветский период», посвящённого 40-летию этносоциологических исследований. 25-26 сентября 2006 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2006. С. 141-171.

Ямсков А.Н. Социально-демографические показатели адаптированности сельского населения к постсоветским условиям жизни // Экология древних и традиционных обществ. Доклады конференции. Вып. 3. Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 302-305.

Ямсков А.Н. Гастарбайтерство в гагаузских селах Бешалма, Кириет-Лунга и Чишмикиой (по данным этнографических и статистических исследований 2005–2007 гг.) // Гастарбайтерство. Факторы адаптации. Под общей ред. М.Н. Губогло. М., 2008. С. 63-120.

Ямсков А.Н., Дубова Н.М. Свет и тени гастарбайтерства в с. Чишмикиой // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. М., 2006.

Янсон Ю. Статистические исследования о хлебной торговле в Одесском районе. СПб., 1870.

Янышев-Волошин А.И. Гагаузы. Славяно-тюркский союз – выбор истории. М.: Знание, 1993. 48 с.

Яранов Д. Преселническо движение на българи от Македония и Албания към източните български земи през XV до XIX век // Македонски преглед, 1932. Год. 7. Кн. 2-3.

Ярмоленко М.І. Етнічні функції матеріальної культури гагаузів півдня України // Етнічність в історії та культурі: матеріали і дослідження (Одеський державний університет ім. І.І. Мечнікова). Одеса, 1998а.

Ярмоленко М.І. Поселення гагаузів в Придунав'ї // Науковий вісник Ізмаїльського державного педагогічного інституту. Вип. 3. Измаил, 1998б.

Ярмоленко М.І. Гагаузи (історія і сучасність) // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень. Вип. 8. Измаил, 1999а.

Ярмоленко М.І. Общность элементов материальной и духовной культуры гагаузов и болгар, компактно проживающих на юге Украины // Наша школа. № 2-3. Измаил, 1999б.

Ярмоленко М.І. Церква і школа – провідники освіти і культури гагаузького населення Бессарабії у XIX ст. // Науковий вісник Ізмаїльського державного педагогічного інституту. 2000а. Вип. 9.

Ярмоленко М.І. Гагаузы на территории нашего края // Суворовские чтения. Вып. 1. Измаил–Одесса, 2000б.

Ярмоленко М.І. Гагаузы – один народ у двох державах // Народознавчі зошити. Львів, 2001а. № 3.

Ярмоленко М.І. Розселення та облаштування гагаузів у Бессарабії (XIX – поч. XX ст.). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів, 2001б.

Яровая В.А. Этнографические параллели в традициях народной пищи молдаван и гагаузов // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвященной 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). 21-23 декабря 2001 г. Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003. С. 119-121.

Яровая В.А. Традиции гостеприимства – визитная карточка молдаван // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 7. М., 2009. С. 207-216.

Яровой Е.В. Погребальный обряд некоторых скотоводческих племён Среднего Прута (по материалам раскопок у села Корпач) // Курганы в зоне новостроек Молдавии. Кишинёв, 1984.

Яровой Е.В. Раскрывая тайны курганов. Кишинев: Штиинца, 1992.

Яровой Е.В. К вопросу о музее археологии Буджака // Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). 21-23 декабря 2001 г. Т. I. Комрат: Комрат. Гос. ун-т, 2003. С. 47-53.

Ястребов И.С. Обычай и песни турецких сербов в Призрене, Ипеке, Мораве и Дабре. СПб., 1886. 503 с.

Ящуржинский Хр. Свадьба малорусская как религиозно-бытовая драма // Киевская старина. 1896. Т. V.

A.von Gabain. Die Sprache des Codex Cumanicus // Philological Turcical Fundamenta. I. Wiesbaden, 1959. P. 46-73.

A.von Gabain. Komanische Literatur // Philological Turcical Fundamenta. II. Wiesbaden, 1965. P. 243-251.

Abdülkadir Inan. Codex Cumanicus bilmecelelerine dair. Istanbul, 1939. N 3-4.

Agulnikov S. Necropola culturii Belozerka de la Cazaclia. Bucureşti, 1996.

Ai (aiozlu) Evanghelieasă / gecirdi gagauz dilinea protoierei M. Ciachir. Tipografia Eparhiala: Cartea Românească, 1930.

Allard C. La Bulgarie Orientale. Paris, 1864.

Ana Sözü – «Родное слово» (газета на гагаузском языке, г. Кишинев, РМ).

Anadolu selcuklu Devletinde uc kardes Dervi (1246–1266): Yuksek Lizans tezi Hazirlayan Kansu Ekici Danisman: Prof. Dr. Kemal Gode/ Isparta, 2005, 126 с. // <http://tez.sdu.edu.tr/Tezler/ts00412.pdf>

Angeli T. Çiçeklär açtii zaman. Kisinev, 2008. 352 с.

Arbore Z.K. Besarabia în secolul al XIX-lea. Bucureşti, 1899. P. 197-199.

Arbore Al.P. Informaţiuni etnografice şi mişcări de populaţiune în Basarabia sudică şi Dobrogea în veacurile al XVIII-lea şi al XIX-lea cu specială privire la coloniile bulgăreşti din aceste regiuni // Analele Dobrogei. An. X. Cernaуţi, 1929. P. 1-66.

Arbore Al. P. Noi informaţii ethnografice, istorice şi statistice asupra Dobrogei şi a regiunilor basarabene învecinate Dunarii // Analele Dobrogei. An XI. Cernaуţi, 1930. P. 1-12, 65-94

Arbore Al. P. Caracterul etnografic al Dobrogei Sudice (din epoca turcească până la 1913) // Analele Dobrogei. N 3. Cernaуţi, 1938.

Argunşah M. Gagavuz Türklerinin Kullandığı Alfabetler // Türk dili. eylül, 1994. S. 513.

Arnaut T. Gagauzlarda Fıkralar ve Nasrettin Hoca // Uluslararası Nasreddin Hoca Bilgi

Şöleni (Sempozyumu) Bildirileri. 24-26 Aralık, 1996 İzmir, Atatürk Kültür Merkezi Yayınları. Ankara, 1996. S. 227-231.

Arnaut T. Gagauz ve Kıbrıs Manileri Arasındaki Paralellikler // II Uluslararası Kıbrıs Araştırmaları Kongresi (Gazimağusa, 24-27 Kasım 1998)'nde sunulan bildiri. Kıbrıs Araştırmaları Merkezi Yayınları. Gazimağusa. Cilt IV. 1998. S. 159-163.

Arnaut T. Gagauz Folklor Türklerinde İlk yaz Yortusu // III Uluslararası Türk Dünyasında Nevruz Bilgi Şöleni (Elazığ, 20 Mart 1999)'ninde sunulan bildiri. «Ana Sözü» gazetesi (Kişinev). Sayı: 354. Mayıs 1999a. S. 1-2.

Arnaut F.İ. Gagauz folklorunda maani nevi (Türkiye ve Azerbaycan mani-bayatı örnekleriyle karşılaştırma): Filoloji ilimleri adayı sunulmuş tez çalışmasının özeti. Bakı, 1999b.

Arnaut T. Gagauz Masalları ve Kıbrıs Masalları Arasındaki Paralellikler // III. Uluslararası Kıbrıs Araştırmaları Kongresi (Gazimağusa, 13-17 Kasım 2000)'nde sunulan bildiri. Kıbrıs Araştırmaları Merkezi Yayınları, Gazimağusa, 2000, S. 127-138.

Arnaut T. Manilerin Diğer Folklor Türleriyle İlişkisi // IV Uluslararası Gagauz Kültürü Sempozyumu (Gazimağusa, 16-18 Kasım 1999)'nda sunulan bildiri. Kıbrıs Araştırmaları Merkezi Yayınları. Gazimağusa, 2001. S. 53-62.

Arnaut T. Gagauz türkü ve manilerinde deniz sembol işaretleri // Kibatek uluslararası Türk Kulturunde Deniz Sembolu ve Deniz Edebiyatı Sempozyumu Bildirileri Antalya 27 nisan – 2 mayıs 2008. S. 297-300.

Arseven V. Gagauz Halk Türküleri // Musiki Ansiklopedisi. İstanbul, 1947. Sayı: 16. S. 13; 1947. Sayı: 18. S. 14.; 1947. Sayı: 19. S. 19; 1947. Sayı: 20. S. 15; 1948. Sayı: 22. S. 7.

Arseven V. Gagauz Halk Müziği ile Anadolu Halk Müziği Hakkında Mukayeserli bir İnceleme // Türk Folkloru Araştırmaları. İstanbul, 1952. Sayı 2. S. 494-496.

Ayoglu Miti. Katalog. İstanbul, 2001.

Baboglu N.İ. Mumnar saalık için (Свечи во здравие). Пьеса. Ana sözü. Chişinău, 1999.

Baboglu N.İ. Publiştika yazılarından (Из публицистики). Chişinău, 2000.

Baboglu N.İ. Gagauzların kaderi (Судьба гагаузов). Рассказы. Chişinău: Pontos, 2003.

Baboglu N., Baboglu İ. Gagauz literaturası. Hrestomatiya VIII-ci – IX-cu klaslar için. Chişinău, 1997.

Babuşca M. Consideraţii privind originea şi evoluţia istorică găgăuzilor // Caietele Laboratorului de Studii Otomane. Bucureşti, 1993. Nr. 2.

Balard M. Gènes et l'Outre mer II. Actes de Kilia nu notare Antonio di Ponzo. Paris, 1980.

Balasseff G.D. L'empereur Michel VIII Paleologue et l'etet des oguzes aux bords de la Mer Noire. Iassy, 1940a. (Перевод на французский с греческого.)

Balasseff G.D. Imparatul Mihail VIII Paleologul si stanul oguzilor pe Tarmul Marii Negre / Editi intocmita dupa Textul Grecesc cu o introducere de g.i. Bratianu Jasi, 1940b. (Перевод на румынский с греческого.)

Bankova I.D. Sayı nişanının lafbirleşmeleri gagauz dilindä // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Изд-во Комратского Гос. Унив-та, 1999. С. 76-78.

Barkan O.L. Caractere religieuses et caractere seculier des institutions ottomanes. Contributions a l'histoire economique et sociale de l'Empire ottoman. Louvain, 1983.

Batzaria N. Originea Găgăuzilor (Traducere după originea bulgăresc. Autor: A. Manov). Bucureşti, 1940. 51 p.

Baurçulu L. Maanilər. Folklor baalantıları hem türk halkların poeziya yaratmalarında // Сборник научных трудов. Т. 2. История. Этнография. Образование. Культура. Комрат: Комратский гос. ун-т, 1999. С. 66-69.

Bazin L. Les calendriers turcs anciens et medievux. Lille, 1974. S. 624-650 (chapitre IX, Le calendrier des Coans).

Bazin L. Les systemes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest-Paris, 1991 (Biblioteca Orientalis Hungarica, XXXIV).

Bazin L. Les Gagaouzes: leur langue // Cahiers Balkaniques. N 25. «Les Oubliés des Balkans», INALKO, 1997. P. 197-201.

Benim topraam – Gagauziya = Моя земля – Гагаузия: Каталог художников. Ankara, 2000; Gagağuz Resimlari: Sergi Katalogu. Komrat, 1993.

Bercu O. Învățământul în mediul populației găgăuze din Basarabia 1918–1940 // Anuarul Institutului de cercetări interetnice. Vol. VI. Chișinău, 2006. P. 70-73.

Bigaev R.I., Danilov P.A., Umarov M.U. Aspects du Folklore des gagaouzes de l'Asie Centrale // Studia and acta Orientalia. 1960-1961. III. P. 31-45.

Bilici F., Candea J., Popescu A. Enjeux Politiques, Economiques et ilitaires en Mer Noire (XIV–XXI siecles). Etudes a' la memorie de Mihail Guboglu. Braila, 2007. 760 p.

Blau O. Veber Volksthum und Sprache der Kumanen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesell. Schaft. 29. Leipzig, 1875. P. 556-587.

blood groups and other polymorphisms. London: Oxford University Press, 1976.

Boas F. The social organization and the secret societies of the Kwakiutl Indians. Washington. 1897.

Bobulescu C. Lăutari și hori în pictura bisericilor. București. 1940.

Bodrogligeti Andreas. Preliminary notes on the Edition of the Persian Glosses of the Codex Cumanicus // AOASH. 22. 1969. C. 230-239.

Bodrogligeti Andreas. The Persian Vocabulary of the Codex Cumanicus // Biblioteca Orientalis Hungaria, 16. Budapest, 1971.

Boev E. The Scientific Problem Gagausians. Facts, Presumptions, Inventions and Pseudo Science // South East European Monitor. Vol II. № 5. Vienna, 1995. P. 60-73.

Boldur A.V. Istoria Basarabiei. Ed. a II-a. București: Victor Frunză, 1992.

Borotav P.N. Koroglu destanı. İstanbul, 1931.

Borotav P.N. Folklor ve edebiyat. I. İstanbul, 1939.

Brătescu C. Populația Dobrogei // Analele Dobrogei. Vol. IX. Cernauți, 1928.

Buletinul Demografic al României. № 3, martie. București, 1937.

Bulgar S.S. Daniil Gargalık – brazilialı bir gagauz // журнал «Sabaa Yıldızı». Comrat, 2009. № 44. S. 34.

Butură V. Cultura spirituală românească. București, 1992.

Buzilă V. Pâinea aliment și simbol. Chișinău, 1999.

Çağdaş Moldavya şiiri antolojisi (Антология современной молдавской поэзии). Hazırl. Nasrattinoğlu İ. Ü. Ankara, 1992. 113 s.

Çakir M. Gagauzlar: istoria, adettlar, dil hem din. Chișinău: Pontos, 2007. 218 p.

Călătorii pentru cercetarea Documentelor Turcești aflate în arhivele din R. P. Bulgaria // Revista arhivelor. Anul XLVII. Vol. XXII. N. 1. București, 1970. P. 275-284.

Călătorii Străini despre Țările Române. București, 1976. Vol. VI. P. 311-775.

Candea V. Kurze Geschichte Rumaniens. Bucuresti. 1977.

Cantemir D. Descrierea Moldovei (Descriptio Moldaviae), 1716. OPERE. Edit. Academiei. Vol. I. București, 1956; 1973.

Cartea Roșie a Republicii Moldova. Chișinău, 2000.

Catlin G. Illustrations of the manners, customs and condition of the // North American Indians. London, 1876.

Celebi A. Gagauzların Tarihi // Divi ve Folkloru Hakkinda. Gazi Egitim Fakultesi Dergisi. Cilt. I. Ankara, 1985. S. 1.

Celebi Ev. Seyahatnames. Istanbul, Dersaadet, 1314 // Cronici turcești privind țările romane, I (sec. XVII), Intocmit de M. A. Guboglu și M. Mehmet. București, 1966a.

Celebi Ev. Seyahatnamesi, Mehmed Zillioğlu. Üçüncü Cilt. Istanbul, 1966b.

Ciachir M. Explicația numirilor turco-tătare ale orașelor, comunelor, cătunelor și fermelor din Moldova dintre Prut și Nistru și unele tradițiuni păstrate în legătură cu aceste numiri // Revista societății istorico-arheologice bisericești din Chișinău. 1921. Vol. XIII. P. 41-55; 1922. Vol. XIV. P. 57-88; 1924. Vol. XV. P. 76-82.

Ciachir M. Religiozitatea găgăuzilor // Viața Basarabiei. Chișinău, 1934a. Nr. 3. P. 21-28.

Ciachir M. Basarabieală Gagauzların istorieasâ. Chișinău, 1934b (см. также: Çakir M. Besarabiyalı gagauzların istoriyası. II-e izdanie. Chișinov, 2005).

Ciachir M. Dreptatea Găgăuzii din Basarabia // Viața Basarabiei. Chișinău, 1934c. Nr. P. 11–14.

Ciachir M. Curbanele sau sacrificial // Viața Basarabiei. Anul III. Nr. 6. Chișinau, 1934d.

Ciachir M. Obiceiurile religioase ale găgăuzilor din Basarabia // Viața Basarabiei. Chișinău, 1934e. Nr. 6-7. P. 4–8.

Ciachir M. Obiceiurile găgăuzilor la nunți // Viața Basarabiei. Chișinău, 1936. Nr. 3-4.

Ciachir M. Dicționar gagauzo(turco)-român. Chișinău, 1938.

Çimpoeș L. Gagauz fikraları ve nükteleri (Milletlerarası türk halk edebiyatı ve folklor kongresi. Konya, 1993) // Erciyes. Kayseri, 1998. Nr. 245. S. 16-18.

Çimpoeș L. S. Duygu başçesi (Сад чувств). Стихи. Chișinău: Pontos, 2001.

Ciobanu St. Basarabia: populația, istoria, cultura. Chișinău, 1922.

Ciobanu St. Cultura românească în Basarabia sub stăpînirea rusă. Chișinău, 1992.

Cocicov J. Imigração bulgaros e gagauzos bessarabianos “Romenos”. Brazil, Uruguai. Ribeirã Preto. 2007.

Codex Cumanicus. Edited by Geza Kuun. With the Prlegomina to the Codex Cumanicus by Louis Ligeti. Budapest, 1981.

Codex Cumanicus. Ed. Kuun G. With the Problegomena to the Codex Cumanicus by Louis Ligeti. Budapest, 1981.

Cojocar N. Folclor din Moldova // Cîntece obiceiuri și tradiții populare românești. Vol. V. București, 1984.

Cojocar D. Structura nunții tradiționale în Basarabia. Teza de doctorat. Chișinău, 1998.

Conea I., Donat I. Contribution a letude de la toponimie petcheneque comane de la plaine roumaine du Bas-Danube // Contributions Onomastiques. Bucarest, 1958.

Costăchescu M. Folclor din Moldova. Texte alese din colecții inedite // Inedile editura pentru literatură. Vol. I–II. București, 1969.

Costăchescu O. Stoian I. Din datina Basarabiei. Chișinău, 1936.

Costenco N. Apostolul protoiereu Mihail Ciachir // Viața Basarabiei. 1938. Nr. 10. P. 65-67.

Cregorae N. Byzantina Historia. Ed. L. Schopen. I. Bonn, 1829 (= ГИБИ, XI. София, 1983).

Cuvînt Moldovenesc. (газета) Кишинев, 1932.

Darrouzès J. Les Régestes des actes du Patriarchat de Constantinople. I: Les actes des patriarches, Fac. 5. Les Régestes de 1310 à 1376. Paris, 1974.

Darrouzès J. Les Régestes des actes du Patriarchat de Constantinople. I: Les actes des patriarches, Fac. 6. Les Régestes de 1377 à 1410. Paris, 1979.

Darrouzès J. Notitiae eppiscopatum ecclesiae Constantinopolitaniae. Paris, 1981.

Decei A. Dobrudca // Islam Ansiklopedisi. Cilt. 3. Istanbul, 1945. S. 628-643.

Decei A. Bucak // Islâm Ansiklopedisi. Cilt. 3. Istanbul, 1949. S. 742.

Decei A. Le probleme de la colonisation des Turos Seljoukides dans la Dobrodgea au XIII-e Siekle // Tarih Araştırmaları Dergisi. Cilt. IV. Ankara, 1968. S. 81-111.

Decei A. Problema colonizării turcilor seldgiukizi în Dobrogea secolului al XIII-lea // *Re-lații Româno-Orientale*. București, 1978. P. 169-192.

Densușianu O. Graiul din Țara Hațegului. București, 1915.

Densușianu O. *Historie de la labque roumanie*. București, 1929.

Der Codex Cumanicus: Entstehung u Bedeutung / Von Dagmar Drull. Stuttgart, 1980, 143 c.

Dermenci M. M. İtraf (Исповедь). Günah çıkarma eseleri (Эссе). Safin-grup. Comrat.

Descriptio Europae orientalis – Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthrnia, Ungaria, Polonia, Bochemia anno MCCCVIII exarhata editit praefatione et adnotatibus instruxit O. Gorca. Cracoviae, 1966.

Diaconu P. *Les Petchenegues au Bas-Danube*. Bucarest, 1970. 158 p.

Diaconu P. *Les Coumans au Bas-Danube au XI-e XIII-e Siecles*. București, 1978. 158 p.

Dictionar explicativ al limbii română. București, 1975.

Dicționar gagauzo(turco)-roman pentru gagauzii din Basarabia / M. Ceachir. Chișinău. *Dictionnaire etimologique et Historique*. Paris, 1989.

Diez H.F. *Denkwürdigkeiten von Azien*. Bd. I-II. Berlin, 1811-1815.

Dobrogea. Cincizeci de ani de viața românească. București, 1928.

Documenta Romaniae historica. B. Țara Românească (1274–1500). București, 1966.

Documente privind istoriei României. B. Țara Românească (1274–1500). București, 1953.

Doerfer G. *Das Gagauzische // Philologiae turcicae. Fundamenta I*. Wiesbaden, 1959a. P. 260-271.

Doerfer G. *Die gagauzische literatur // Philologiae Turcicae fundama. T. I*. Wiesbaden, 1959b. P. 260-272.

Drâmba Vl. *Aspecte din fonetică găgăuză. Fonetică și dialectologie*. Vol. II. București, 1960. P. 121-129.

Drimba Vl. *Cercetări asupra foneticii găgăuze (I-II) // Studii și cercetări lingvistice*. Anul XII. 1961. Nr. 3. P. 399-419; Nr. 4. P. 555-575.

Drimba V. *Remarques sur les parlers gagaouzes de la Bulgarie du Nord-Est // Rocznik Orientalistyczny*. Warszawa, 1963. T. XXVI. 32. S. 63-89.

Drimba Vl. *Etudes gagaouzes (I). L'origine des mots paroxymons termines par –u, –ü et –i // Revue de linguistique*. T. IX. 1964a. № 2. P. 203-211.

Drimba Vl. *Etudes gagaouzes (II). Les derives en -ka // Revue de linguistique*. T. IX. 1964b. № 3. P. 325-331.

Drimba Vl. *La reparation des parles turcs de Dobrudja // Acta Orientalia Hungarica*. Budapest, 1970a.

Drimba V. *Problemes d'une nouvelle e'dition du Codex Cumanicus // Revue Roumaine de Linguistique*. 15. 1970b. Nr. 3. S. 209-221.

Drimba V. *Notes sur quelques gloses du „Codex Cumanicus” // Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию академика АН Азербайджанской ССР М.Ш. Ширалиева*. Баку, 1971.

Drimba Vl. *Syntaxe Comane*. București-Leiden, 1973.

Drimba Vl. *Le Gagaouze-Dialecte de la Lanque la Lanque Tuque. I Türk Dili Bilimsel Kurultayına Sunulasın Bildiriler. Bilimsel Bildiriler – 1972*. Ankara, 1975.

Drimba V. *Presupuse influente turcica in romana comuna // Studii si Cercetari Lingvistice*. 31. Bucaresti, 1980. C. 73-79.

Drimba V. *Dobruca Tatar atasozleri // Turk Folklor Arastirmalari*. Istanbul, 1985. № 1. S. 25-36

Drimba V. *Essai d'interpretation de quelques mots comans non gloses du Codex Cumanicus // WZKM*. 76. 1986. S. 81-86.

Drimba V. (Drâmba Vl.) *Codex Cumanicus. Edition diplomatique avec Facsimiles*. Editura Enciclopedică. București, 2000.

Dron I. *Tirașpol – mărturie toponimică a continuității populației băștinașe în sudul Basarabiei // Studii și cercetări. (Articole selecte)*. Chișinău: Pontos, 2001a. P. 134-137.

Dron I. *Proveniența numelui topic Vulcănești din sudul Basarabiei // Anuarul Institutului de cercetări interetnice*. Vol. II. Кишинэу, 2001b. P. 155-157.

Dron I. *Despre proveniența etnonimului găgăuz // Studii și cercetări. (Articole selecte)*. Chișinău: Pontos, 2001c. P. 317-320.

Dron I. *A ezistat oare un stat numit “Țara Uzilor”?* // *Studii și cercetări. (Articole selecte)*. Chișinău: Pontos, 2001d. P. 339-342.

Dubova N.A., Varzari A.M., Rozhanskaya A.E., Suvorova N.A. *Complex morpho-functional, odontological and genetic investigations among Gagauz population of Moldova Republic // Collegium Anthropologicum*. Vol. 26. Supplement. Zagreb, August, 2002. P. 57-58.

Duda von H. *Die Seltshukengeschichte des Ibn Bibî*. Kopenhagen, 1959.

Ekonomov S. P. *Zavali üüredici (Бедный учитель)*. Рассказы. Кишинев: Елена-VI., 2003.

Ekrem M. A. *Din istoria turcilor dobrogeni*. București: Kreterion, 1994. 225 p.

Eliade M. *Les Daces et les loups // Numen*. 1959. VI. Nr. 1. P. 15-31.

Eni Testament (Новый Завет). Çevirici – Boris Tukan (Пер. Б. Тукан). Кишинев: Парагон, 2003.

Epistola Brunonis ad Henricum regem // Monumenta Polonial Historica. I. Lwow, 1864.

Ercilasun A. B. *Gagauzlardan Yeni haberler // Türk Kültürü*. XXVII. № 316. S. 28-83.

Evseev I. *Dicționar de magie, demonologie și mitologie românească*. Timișoara. 1998.

Fehim Halil. *Dobrodcadakı Uzlar-Gagauzlar // Emel. Bazargic*, 1930. S. 26.

Fehrle E. *Feste und Volksbräuche im Jahreslauf europäischer Völker*. Kassel, 1955.

Folclor din țara fagilor / Alcătuitori N. Băieșu, G. Bostan și alt. Chișinău, 1993.

Folclor muzical din Moldova. Chișinău, 1997.

Fripru Iu. *Din trecutul orașului Comrat // Viața Basarabiei*. Chișinău. An. XI. Nr. 10-11. P. 35-44.

Gadzanow G.D. *Vozlaufiger Beriht über eine im Auftrag der Balkan-komission der kais akademie der Wiss in Wien durch Nordost-Bulgarien unternomine Raise zum Zweeko türkisher Dialektstuden*. Wien, 1911. Nr. 5. S. 28-42.

Gagauz çağdaş şiiri antolojisi (Антология современной гагаузской поэзии) / Hazırl. Osman Baymak. Ankara, 2000. 412 s.

Gagauz D. *Gagauz türklerinin halk müziği // Musiki Mecmuası*. İstanbul, 1997. Nr. 459. S. 12-15.

Gagauz D. *Trio „Oglan”*. Chișinău, 2004.

Gagauz halk müziği. Etnik müzik / Hazırlayan ve banda alan M. Kolsa. CD. Komrat, 2001.

Gagauz halk türküleri / Hazırlayan hem basım için sorumlu L. Çimpoes; toplayan hem hazırlayan M. Durbaylo. Chișinău, 2001a.

Gagauz halk türküleri. Türkücülär Beşalma küüyündän / Kasetayı hazırladılar L. Çimpoes, P. Çebotar. Kişinöv: Moldova Devlet Radio studiyası, 2001b.

Gagauz Jerin Temel Kanonu. 1998.

Gagauziya. Moldova Respublikasında gagauz avtonomiyasının 10-cu yıl dönümü. Komrat, 2006.

Gagauzlarân eardâmdjisâ taa colai iurenmeea român dilini hem taa ei laf-etmeea dei românja (moldovandja) / dizdi hem talmaciladâ prof. M. Ciachir. Chișinău.

Ganeva E. *Çiçekli dünya. Стихи*. Chișinău, 2002.

Gangloff S. Les Gagaouzes: etat des recherches at bibliographie // Turcica. 1998. T. 30. Stras-bourg. P. 13-61.

Gaydarci G.A., Kotenko V.I. Gagauz aşçıının Terimleri // 4-cü Milleflerarası Yemek Kongresi. Türkiye. 3-6 Eylül 1992. Konya: Kültür ve Turizm Vakfı Yayını. 1993. S. 171-176.

Gaydarji G.A. Minoritățile naționale prin prisma științei // Business Globe. 1992. Nr. 28-29. P. 8.

Gennep A. van. Les rites de passage. Paris, 1909.

Gheorge E. Mihail Guboglu – membru corespondent al societății turce de istorie // RA. 1981. Nr. 3. P. 377-382.

Ghinoiu I. Vîrstele timpului. Chișinău, 1994.

Ghinoiu I. Obiceiuri populare de peste an. Dicționar. București, 1997.

Glazer N., Moynihan D. Ethnicity. Theory and experience. Cambridge, Mass.: Harvard university Press, 1975.

Gökyay Orhan Şaik. Dedem Korkudun Kitabı. İstanbul, 1973.

Golden P.B. The Migration of the Oguz // Archivum Ottomanicum. 4. 1972. S. 72-80.

Golden P.B. The Oguz Turkic (Ottomanst Safavid) Elements in Georgian: Background and Patterns // The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds: The East European Pattern. New York. 1979. S. 183-208.

Golden P.B. The Turkic Peoples and Caucasia / Transcaucasia. Nationalism and Social Change. Ed. By R.G. Suny. An Arbor, 1983. S. 45-67.

Golden P.B. Cumanica I: The Oipcags in Georgia // AEMAe. 4. 1984. C. 45-87.

Golden P.B. Cumanica II: The Olberli (Olperli); The Fortunes and Misfortunes of an Inner Nomadic Clan // AEMAe. 6. 1986 (1988). S. 5-29.

Golden P.B. Cumanica III: Urusoba // Aspects of Altaic Civilization. III. Proceedings of the 30th Meeting of the PIAC. Indiana, June 19–25, 1987. Bloomington, 1990. S. 33-46.

Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Wiesbaden, 1992.

Golden P.B. Cumanica IV: The Tribes of the Cuman-Qipeags // AEMAe. 9. 1995-1997. S. 99-122.

Golden P.B. Türk Halkları Tarihine Giriş, nep. Osman Karatay. Ankara, 2002.

Gronbech K. Codex Cumanicus: Cod. Mara. Lat. DXLIX. In Asiae Maioris, Edited by K.Gronbech. Subsidia. Vol. I: Faksimile Heransgegeben mit Einleitung von Kaare Gronbech. Kopenhagen, 1936.

Gronbech K. Komanisches Wörterbuch: Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus // Monumenta Linguarum. Kopenhagen, 1942.

Grumel V. Les Régestes des actes du Patriarchat de Constantinople. I: Les actes des patriarches. Fac. 2. Les Régestes de 715 à 1043. Paris, 1965.

Grumel V. Les Régestes des actes du Patriarchat de Constantinople. I: Les actes des patriarches. Fac. 3. Les Régestes de 1043 à 1206. Paris, 1969.

Guboglu M.P. Găgăuzii în Lumina istoriei. Doctorand în litere (Рукопись). 1938.

Guboglu M.P. Gagauzii în lumina istoriei. Nr. 2. Constanța, 1939.

Guboglu M. Orientalistica romana // Studia si articola de istorie. Bucurest, 1956. № 1. P. 314-350.

Guboglu M. Dimitrie Cantemir si istoria imperiului ottoman // SAI. 2. 1957. P. 179-208.

Guboglu M. Рец.: "Pe marginea monografiei Mahomed II-le Conquerant et son temps (1432-1481) de F. Babinger // Studii. XI. 2. București, 1958a. P. 195-212.

Guboglu M. Studii et Album Orientalia, București, 1958b. 331 p.

Guboglu M.P. «Voix du Budzak», 1959, 227 c. // Studia et Acta Orientalia (SAO). V. III. București, 1961a. P. 259-262.

Guboglu M. Dimitrie Cantemir – orientaliste // SAO. III. 1960. București, 1961b. P. 129-

160. (Статья была издана отдельным оттиском: Guboglu M. Demetre Cantemir orientaliste. Extras din Studia et Acta Orientalista, București, 1962).

Guboglu M.P. L'historiographie Ottomane Des XV-XIII sie'cles // Revue des etudes sud-est europeennes. III. 1965. № 1–2. S. 81-93.

Guboglu M.P. Rumanya Turkolojisi ve rumen dilinde türk sözleri hakkında bazı araştırmalar // Memleketimizde Türk Dilinin öğrenilmesi. XI Türk Dil Kurultayın'da Okunan Bilimsel Bildirilerden Ayınbasım. Türk Tarih Kurumu Basım Evi, 1968. S. 265-272.

Guboglu M.P. Călătorii pentru cercetarea Documentelor Turcești aflate în arhivele din R.P. Bulgaria // RA. Anul XLVII. Vol. XXII. Nr. 1. București, 1970. P. 275- 284.

Guboglu M.P. Une version. Turque du reglement organique la premiere constitution Romaine (1831–1858) // Studia et acta orientalia. Bucarest, 1971. Nr. VIII. P. 209-219.

Guboglu M. Dimitrie Kantemirin Eserinde Türk Folkloru // Birinci uluslararası Türk folklore semineri. Ankara, 8–14 Ekim, 1973. T. C. Başbakanlık Kultur Mustesarligi Milli Folklor Enstitüsü Mudurlugu, Ankara, 1974. C. 383-390.

Guboglu M.P. Turcii selgiuci și statele lor // Studii și Articole de Istorie. București, 1976. XXXII. P. 33-34.

Guboglu M. İlk Romen türkologu Dimitrie Kantemir. MTK, İstanbul, 15-20 Ekim, 1973. T. III. İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türkiyat Enstitüsü, 1979a. S. 968-981.

Guboğlu M. Güney-Doğu Avrupa'da Bazı Türkoloji meseleleri ve bunların önemleri. // Quatrieme Congres International des Etudes du Sud-Est Europeen. Ankara, 1979b.

Guboglu M.P. Gagauzların Aslına Ait Faraziyeler ve kendi Fikirlerim // IX Milletlerarası Türk Tarih Kongresine Sunulan Bildiri Özetleri (21-26 Eylül 1981a). S. 54-55.

Guboglu M. Gagauzların aslı hakkında Faraziyeler ve Kendi Fikirlerim // IX Kongresi, Eylül. Ankara, 1981. S. 20; см. также: ТТКВ. Ankara, 1981b. S. 54-55.

Guboglu M.P. Romen Ulusunun Eski Türk Kaveleri ile İlişkileri Hakkında // VIII Türk Tarih Kongresi Bildirileri. Cilt 2. Ankara, 1981c. S. 755-780.

Guboglu M. Romen Folklorunda Türkler ve Türk unsurları // II Milletlerarası Türk Folklor Kongresi. 22-28 Haziran, 1981. Bursa, Ankara, 1981d. S. 12.

Guboglu M.P. Gagauz Folklorunun Özellikleri, Önemi ve Canavar (Kurt) Kültü // II Milletlerarası Türk Folklor Kongresi Programı ve Bildiri Özetleri. (Bursa, VI. 1981). Ankara, 1981e. S. 11-13.

Guboglu M.P. Gagauzların «Türkçe» Dili, Edebiyatı ve Tarihi hakkında araştırmalar. Bibliografya Kaynakça Denemesi / Beşinci Milletler Arası Türkoloji Kongresi. İstanbul, 23-28 Eylül, 1985 // Türk dili. Cilt 2. İstanbul, 1987a. S. 63-72.

Guboğlu M.P. Gagauz manileri // Renkler. București, 1987b. P. 217-219.

Guboglu M.P. Mihail Çakirin Ölümünün 50 Yılı Münasebetiyle // Türk Dünyası araştırmaları. Sayı 6. İstanbul, 1989. S. 59-84.

Guboglu M.P. Gagauz halk edebiyatı-folklorundan iki tarihi efsane ve bir demet tarihsel türkü // I Milletlerarası Türk Halk Edebiyatı ve Folklor Kongresi. 11-12 Ekim, 1988. Konya, 1990a. S. 137-153.

Guboglu M.P. Romanya'da Türkoloji çalışmalarının meseleleri sonuçları ve gelişmeleri (1948-1988) // Türk Dünyası araştırmaları. İstanbul, 1990b. Nr. 64. S. 91-147.

Guboglu M. Gagauzların "türkçä" dili, literatürası hem tarihi temasında araştırmalar // Sabaa Yıldızı. 2008. Nr. 42. S. 24-29.

Guerreau Alain. Viitorul unui trecut incert. Chișinău, 2003.

Güngör H. Gagauzların Hristiyanlığı Kabulü ve İnanişlarındaki İslamı Unsurlar Meselesi // Türk Dünyası Araştırmaları. 1983. № 27. S. 248-254.

Güngör H., Argunşah M. Dünder Bugüne Gagauzlar. Ankara, 1993. 116 s.

Güngör H., Argunşah M. Gagauz Türkleri (Tarih – Dil – Folklor ve Halk Edebiyatı). Ankara, 1991. 377 s.; Ankara, 2002, Başbakanlık Bas. XIII, 428 s.

Hacı İ.A. Şen bukvalik (Веселая азбука). Чадыр-Лунга, 2001.

Hâncu-Tentiuc A. Influențe interetnice în cadrul obiceiturilor populare tradiționale din sudul Basarabiei // Tiragetia. Anuar IX. Chișinău, 1999. Tiragetia, 2000. P. 355-361.

Hatlas J. Gagauzia i Gagauzi. Poznan: Historia oraz współczesność, Poznań, 2009a. 214 s.

Hatlas J. Dwa najważniejsze obiekty prawosławne w rejonie bołgarskim // „Nomos. Kwartalnik Religioznawczy. Nr 71/72. 2010a. S. 17-29.

Hatlas J. Zadunajscy przesiedleńcy (Gagauzi oraz Bułgarzy) // Południowej Besarabii – uwarunkowania polityczno-historyczne. Południowosłowiańskie Zeszyty Naukowe. Język, literatura, kultura. T. 7, Łódź 2010b. S. 213-224.

Hatlas J. The Gagauz People in Bessarabia // Słupskie Studia Historyczne. Nr 17, 2011. S. 191-199.

Hatlas J., Żyromski M. The Religion in a Life of Gagauzians in Budjak // Sacrum et Profanum. IV. 2009. S. 209-219.

Hoppe E.M. Das alttürkische Gagauzenvolk // Der Orient. Heft 6. Postdam, 1934.

Hoppe E.M. Die Türkischen Gagauzen Christen // Oriens Christianus. Bd. 41. Wiesbaden, 1957.

Hough J.F. How the Soviet Union is Governed. London, 1979. 679 c.

Hough J.F. Democratization and Revolution in the USSR. 1985–1991, Washington, 1997. 542 c.

Hurmozaci E. Documente privitoare la istoria romanilor. I, II. București, 1890.

Huseyin Ayan. Dostum rahmetli Mihail Guboglu / Cadir 1911 – Istanbul, 12 mayis 1989 // Литература, фольклор, проблемы поэтики. Вып. 33. Часть 1 (Гагаузька культура). Киев, 2009. С. 148-152.

Ibrig Stefan. Unsere Gagausen! Wahrnehmungen zwischen Kanon und Kontext // Schnittstellen. Festschrift für Holm Sundhaussen. München, 2007. С. 361-374.

Iliescu O., Simon G. Le grand tresor de monnaies et lingots de XIII et XIV siecles, truve, en Dobroudja septentrional. Note preliminare // Revue des etudes sud-est europeenne. 1964. Vol. II. Nr. 1-2. S. 217-228.

Inalcik Habil. Dobrudja // Encyclopedie de Islam. N. E. II, 1960. P. 625-629; ed. II. Leyde-Paris, 1965. P. 625-626.

Inan Abdülkadir. Codex Cumanicus bilmecelerine dair (О задачах в Кодексе Куманикусе). Kıpız Istanbul, 1939. Nr. 3, S. 83-84. Nr. 4. S. 122-124.

Inan Abdülkadir. Makaleler ve İncelemeler. Ankara, 1968. S. 353-358.

Iorga N. Studii istorice asupra Chiliei și Cetății Albe. București, 1899.

Iorga N. Basarabia Noastra // Vălenii de Munte. 1912.

Iorga N. Cronica lui Wavrin și României // Buletinul Comisiei istorice a României. Nr. 6. 1927.

Iosipescu S. Balica, Dobrotița, Ioancu. București, 1985.

İslam Ansiklopedisi. İslam Alemi. Tarih, Geografya, Etnografya ve Biyografya lugati. İstanbul, 4. C., Milli ectim basimevi. 1945. S. 706-707.

Jirecek C. Das Furstentum Bulgarien. Praga, Wien, Leipzig, 1881.

Jirecek C. Einige Bemerkungen über die Überreste der Petschenegen und Kumanen sowie über die Völkerschaften der sogenannten Gagauzi und Surguči in heutigen Bulgarien. (Seperatabdruck aus den Sitzungsberichten der königl. Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften). Prag, 1889.

Jofcu V. «Gagauz-film» studiyanın ilk yaratması // Ana sözü. 1994, 16 avgust.

Jula N.V., Mănăstireanu V. Tradiții și obiceiuri Românești. Editura pentru literatura (Anul nou în Moldova și Bucovina). București, 1968.

Kara Çoban D.N. Seçmä yaratmalar (Избранные произведения). Ankara, 2004.

Karpat K. Gagauzların tarihi menşei üzerine ve folklorundan parçalar // I. Uluslararası Türk Folklor Kongresi Bildirileri. Cilt I. Ankara, 1976. S. 162-177.

Kavgazova L. Cluster analysis of five basic dermato-glyphic traits in Bulgarian population // Kavgazova L., Stoev R. Scr. Sci. med. 1997. 30, Suppl. L. C. 80.

Kemal pacha Zadeh. Historie de la campagne de Mohacz. Publiée par Pavet de Courteille. Paris, 1859.

King Charles. The Moldovans. Romania, Russia and the Politics of Culture. Stanford, California, 2000, 303 c.

Klaproth J. Notice sur un dictionnaire persan, coman et latin manuscript legue par Petrarque a la Republique de Venise // Journal asiatique. 1 serie. T. 8. Paris, 1826.

Klaproth J. Vocabulaire latin, persan et coman d'après un MS écrit en 1303 et provenant de la bibliotheque de Francesco Petrarca / Memoires relatifs a l'Asie, contenant des recherches historiques et philologiques sur les peuples de l'Orient, par V.J. Klaproth. T. III. Paris, 1828, P. 113-256.

Koca S.Z. Var neyâ yaşamaa (Стоит жить). Стихи, загадки, скороговорки. Кишинев: Elena-V.I., 2004.

Koçancı A. Ana memleket (Родной край). Стихи. Chișinău: Pontos, 2001.

Koepen P. Die Bolgaren in Bessarabien // Bulletin de la classe historico-philologique de L'académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. St.-Petersbourg–Leipzig, 1854. Bd. XI. Nr. 13-14. S. 194-218.

Kolsa M. Gagauz Ezgileri ve Bazı Tonal Özellikleri // Folklor / Edebiyat. 1997. № 10. S. 46-59.

Köprülü F. Türk edebiyatı tarihi. 1-nci kısım, İstanbul, 1920.

Köprülü F. Türkiye tarihi. 1-nci kısım. İstanbul, 1923.

Köprülü F. Türk edebiyatı tarihi, 1-nci çilt. İstanbul, 1928.

Korsi A. Les normes socio-culturelles des Gagaouzes entre changements et acculturation // Cahiers Balkaniques. Nr. 25. “Les Oubliés des Balkans”, INALKO, 1997. S. 205-219.

Kowalski T. Ze studjow nad forma poezji ludów tureckich. Kraków, 1922.

Kowalski T. A proros du Codex Cumanicus, fol 69 r. 9-10 // RO. 6, 1928. P. 210-215.

Kowalski T. Zu den türkischer Monatsnamen // Arch. Or. 2, 1930. P. 3-26.

Kowalski T. Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est. Krakowie, 1933.

Kowalski T. Dobrucada Türk Ethik Unzurları. Ankara, 1942a.

Kowalski T. Kuzey-Doğu Bulgaristan türkleri ve türk dili // Dobrucada türk etnik unsurları. Ankara, 1942b.

Köçä M.B. Дүшүнмекләр (Раздумья). Комрат, 2000.

Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture: a Critical Review of Concept and Definitions // Papes of the Peabody Museum. Harvard, 1952. V. LXVI. № 1. P. 43-72.

Kuroglu S.S. Yol yıldızı (Путеводная звезда). Стихи. Chișinău: Ruxanda, 2000.

Kvilinkova E.N. Gagauzların Yeni yıl adetleri // Sabaa Yıldızı. Komrat, 2001. № 15. С. 20-25.

Kvilinkova E.N., Nikoglo D.E. Bulgariya gagauzları // Sabaa Yıldızı. Komrat, 2001. № 17. С. 2-8.

Kvilinkova E.N. Gagauzlarda halk sport // Sabaa Yıldızı. Komrat, 2002a. № 21. С. 13-17.

Kvilinkova E.N. Pipiruda – obiceiul găgăuz de invocare a ploilor // Lecturi filologice II. București. Chișinău, 2002b. P. 126-133.

Kvilinkova E.N. Gagauzların dolay zaman görünneri // Sabaa Yıldızı. Komrat, 2003. № 24. С. 44-45.

Kvilinkova E.N. Bulgariya hem Besarabiya gagauzların hısımnik terminlerin yanıştırma araştırmaları // Sabaa Yıldızı (Komrat), 2004. № 26. С. 22-26.

Kvilinkova E.N. “Oglan” – halk türkünün variantları // Sabaa Yıldızı. Komrat, 2006.

- № 34. C. 40-51.
- Kvilinkova E.N.* Gagauzların Yeni yıl adetleri hem türküleri // XIV. Kibatek Edebiyat sempozyumu (Gagauz Kültürü ve Edebiyatı). 6–10 Ekim 2007. Moldova. Hazırlayan: M. Turan, L. Cimpoș, E. Bancova. Chișinău, 2007. P. 335-338.
- Laflâc gagauzcea (tiurce) hem romândja (moldovandja) bialâ gagauzlar için / M. Ceacchir (Гагаузский (турецкий) и румынский (молдавский) разговорник / M. Чакир). Chișinău.
- Laurent V.* Les Régestes des actes du Patriarchat de Constantinople. I. Les actes des patriarches. Fac. 4. Les Régestes de 1208 à 1309. Paris, 1971.
- Leunklavius J.* Historiae musulmanae Turcorum. Francoforti, 1591.
- Liget L.* Codex Cumanicus. Budapest, 1981a.
- Liget L.* Prolegomena cu Codex Cumanicus // Acta Orientalia Hungaria. 1981b.
- Măcriș A.* Cine sunt găgăuzii? // Națiunea. An. I. Nr. 17, septembrie 1990a. P. 5.
- Măcriș A.* Găgăuzii // Țara Noastră. An. II. Nr. 3, noiembrie 1990b. P. 8.
- Măcriș A.* Găgăuzii // Națiunea. An. 2. Nr. 30 (57), august 1991. P. 6.
- Măcriș A.* Comratul poate și trebuie să devină o zonă a înțelegerii interetnice // Glasul Națiunii. An. VII. Nr. 7, aprilie 1995. P. 14.
- Măcriș A.* Găgăuzii (ediție bilingvă romano-franceză). București, 1999. 97 p.
- Măcriș A.* Găgăuzii și românii. Însemnări. București: Agerpress Typo 2000. 48 p.
- Măcriș A.* Fragmente de istorie și nu numai. București, 2001a. 91 p.
- Măcriș A.* Găgăuzii. Note despre limba găgăuză și alte însemnări. București, 2001b. 59 p.
- Măcriș A.* Găgăuzii. Opinii și însemnări. București, 2001c. 53 p.
- Măcriș A.* Note de Călătorie și Însemnări. București, 2001d. 131 p.
- Măcriș A.* Et in Cumania egol. București, 2002.
- Măcriș A.* Găgăuzii din Basarabia în trecut și în prezent. București, 2003a.
- Măcriș A.* Unele aspecte din istoria mai veche a găgăuzilor // Anuarul Institutului de cercetări interetnice. Vol. IV. Chișinău, 2003b. P. 60-70.
- Măcriș A.* Găgăuzii cred în ziua de mâine (Istoria yapraklar). București, 2004.
- Măcriș A.* Găgăuzii în diasporă și la ei acasă. București: Agerpress, 2005. 160 p.
- Măcriș A.* Găgăuzii în literatura și publicistica română. București: Paco, 2007a. 128 p.
- Măcriș A.* Găgăuzii. București: Paco, 2007b. 204 p.
- Mahmut E.* Gagauz Türkleri // Türk Kültürü Araştırmaları. Sayı 335. Ankara, 1991a. S. 147-154.
- Mahmut E.* Gagauz Türkleri // Türk Kurultu. Mart, 1991. Ankara, 1991b. S. 335.
- Manov A.* Gagauzlar. Ankara, 2001.
- Marian S.* Sărbătorile la români. Vol. I. București, 1898. Vol. II. București, 1899. Vol. III. București, 1901.
- Marian S.* Legendele Maicii Domnului // Studiu Folcloric. București: Ed. Academiei Române, 1904. P. 107.
- Marian S.* Fl. În mormântarea la români. București, 1995.
- Marinoglu T.İ.* Tatlı düşlär. Annatmalar, masallar, şiirlär. Kagul: Raza de Sud, 1997. 156 s.
- Matveev S.* Studii paleoantropologice // Procese etno-culturale în spațiul Carpato-Nistorean în secolele II-XIV p. Chr. în istoriografia sovietică. S. 107-113 // http://www.cnaa.md/files/theses/2007/6861/sergiu_matveev_thesis.pdf
- Mehmet M. A.* Aspecte din istoria Dobrogei sub dominația onomană în veacurile XIV–XVII (Mărturiile călătorului Evliya Celebi) // Studii Revista de istorie. București, 1965. Nr. 6.
- Mikloschich E., Müller J.* Actaet diplomata graeca medii aevi. I. Vindobonae, 1860.
- Mincev D. N.* Bulgarii din Basarabia de sud // Revista “Din trecutul nostru”. Ianuarie. Sofia, 1938. P. 9.
- Minkov B. Ts.* Comparative anthropological-odontologic study of the Balkan Peninsula’s population // Winkler’s Perspectives in Anthropology of past and present populations. 29 September – 3 October 1995. Xanthi-Greece. Xanthi, 1995.
- Moldova gagauzların halk türküleri / Toplayan hem hazırlayan E. Kvilinkova (Народные песни гагаузов Молдовы / Собиранье и составитель Е. Квилинкова). Кишинёв, 2003.
- Moldova Suverană* (gazeta na moldavskom yazyke, g. Kișinev, PM).
- Monitorul oficial (официальное правительственное издание, г. Кишинев, PM).
- Mourat A.E., Kopec A. C., Lomaniewska-Sobczak K.* The distribution of the human *Mutaftchiev P.* Dobrotic-Dobrotica et la Dobrudja // Retsi VII. Revue des Etudes Slave. 1927. 1-2. P. 27-41.
- Nasrattinoğlu İ. Ü.* Romanya yazıları. Türkiye. Denizli. 2006. 247 s.
- Necrasov O. C.* Le probleme de l’origine des Gagauzes et la structure antropologique // Institutul de arte grafice “Bravo”. Iasi, 1940.
- Neșculescu C.* Năvălirea uzilor prin Țările Române în Imperiul Vizantin // Revistă Istorică Română. București, 1939. Vol. IX. (Extras – 140) P. 185-207.
- Nikoglo D.* Gagauzların duğün yemekleri // Bilig. 1997. № 4. S. 146-148.
- Nikoglo D.* Aspectele simbolice ale mesei nupțiale găgăuzești din sec. de XIX-lea – începutul sec. al XX-lea // Tiragetia. Chișinău, 1998. P. 189-192.
- Nikoglo D.* Gagauzların adetlerindâ hem sıralında etin funktüialı // Sabaa yıldızı. Кишинев, 2000. № 18. C. 20-26.
- Nistor I.* Istoria Basarabiei. (Ed II. Humanitas, 1991) Cernaui, 1923.
- Nistor I. I.* Așezările bulgare și găgăuze din Basarabia // Anal. Acad. Rom. Mem. Secț. Istorice. Seria III. T. XXVI. 1944ф. P. 355-393.
- Nistor I. I.* Localizarea numelui Basarabia în Moldova Transpruteana // Anal. Acad. Rom. Mem. Secț. Istorice. Seria III. T. XXVI. 1944b. P. 1-27.
- Ögel B.* Doğu göktürkleri hakkında vesikalar ve notlar // Türk tarih Kurumu Belleteni. Nr. 81. Ankara, 1957.
- Ögel B.* Türk kültür Tarihine giriş. Türklerde yemek kültürü. Göktürklerde osmanlılara. Ankara, 1991.
- Oișteanu A.* Găgăuzii, origine, etnogeneză, istorie // Revista „22”. An. 1. Nr. 50. 28 decembrie 1990. P. 14-15.
- Onal M.N.* Din folclorul turcilor Dobrogei. București, 1997.
- Orkun H.N.* Ankarada Oğuz boyları // Ülkü. 1946. № 108.
- Ortekin Hasan D.A.* Rasovskiy. Codex Cumanicus’un menşese meselesi hakkında (Sem. Kond, III, 1929, 193-214) / Türkiyat Mecmuasi. 5. Istanbul, 1936. S. 351-352.
- Özkan Nevzat.* Gagavuz Türkçesi Grameri. Ankara: TDK Yayınları, 1996.
- Pamfile T.* Sărbătorile de vară la Români. București, 1910.
- Pamfile T.* Sărbătorile la români. Sărbătorile de toamnă și postul Crăciunului. București, 1914.
- Pamfile T.* Sărbătorile la români. Studiu etnografic. București, 1997.
- Papazoglu I.* Revenirea acasă: Urmind semnele providenței. Ed. pregătită și îngrijită de scriitoarea C. Partole. Chișinău, 2001.
- Pașova A.K.* Gagauzların etnogenezi için (K вопросу об этногенезе гагаузов) // Sabaa yıldızı. 2007. № 39. S. 32-36.
- Peez C.* Christliche Türken oder türkische Christen? Studien aus Ostbulgarien. Oesterrei-

- chische Monatsschrift für den Orient. Wien, 1894. Bd. 20. Nr. 6–7.
- Petrencu A.* Gagauz: Historiographic aspects of their history and culture (theses) // *Historiography and politics to Eastern and Western areas of the Romanian space*. Chisinau, 2007. P. 88-93.
- Pittard Eugene.* Les peuples des Balkan. Recherches antropologiques dans la peninsula des Balkans specialement dans la Dobrudja. 1912. S. 407-408.
- Pokrovskaya L.* Gagauz dilinin ve Balcan türk ağızlarının başı sentaks özellikleri // *Bilimsel bildiriler*. 1972. Ankara, 1975.
- Popa V.G.* Folclor din Moldova. Țară de sus. Vol. IV. București, 1983.
- Popovschi N.* Istoria Bisericii din Basarabia în veacul al XIX-lea sub ruși. Chișinău, 2000.
- Psaltir gâgăuzcea-(tiurceea), gagauzlar için hem tiurclear için / *Checirdi gagauz dilinea* prof. M. Seachir (Гагаузский (турецкий) Псалтырь, для гагаузов и всех тюрков / Перевел проф. М. Чакир). Chișinău: Tiparul Moldovenesc, 1936.
- Radloff W.W.* Das türkische Sprachmaterial des “Codex Cumanicus”. Manuscript der bibliothek der Marcus-Kirche in Venedik. Nach der Aesgabe des Grafen Kuun. (Budapest). 1880 / *Memoires de L’Akademie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg*. VII-e serie. T. 35. № 6. 1887. P. 1-132.
- Radloff W.W.* Zur Sprache der Komanen / *Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft*. Leipzig, I. 1884. S. 377-382. II. 1885. S. 13-42.
- Radova O.* The Problem of Gagauz Ethno-Demographic Development in the 19 th Century // *Журнал “Südost-Forschungen” – Internationale Zeitschrift für Geschichte, Kultur und Landeskunde*. Südosteuropas Begründet von Fritz Valjavec. Band 54. München, 1995. Z. 263-270 (см.также: *Zeitschrift für Turkeystudien (ZfTS)*, 8. Jahrgang 1995, Heft 1, Z. 67-74).
- Radova O.* 19. Yüzyılda gagauzların etno-demografik gelişmeleri problemine dair // *Журнал «Türk kültürü»*. Eylül, № 389. Ankara, 1995. S. 556-565.
- Radova O.K.* Gagauz literaturanın gelişmesi («Развитие гагаузской литературы») // *Журнал “BİR” Türk Dünyası incelemeleri dergisi*. № 8, İstanbul, 1997, S. 93-98 (см. также: журнал «Sabaa yıldızı». № 4. Komrat, 1997).
- Radova O.* Ethnik identificatsion of Transdanubian Migrands and The Gagauz Settling in Budjak (The Late 19 th Centuries) // *Журнал “Eurasien Studies”*. № 13, mart. Ankara, 1998. S. 54-69.
- Radova O.* Bujaktaki Tranftuna göçmenlerin ve gagauzların etnik kimliği (XVIII yüzyılın sonu – XIX yüzyılın başlantisi) // *Журнал “Avrasiya Etüdləri”*. № 1, Mart. Ankara, 1998. S. 57-72.
- Radova (Karanastas) O.* Bucak gagauzların etnogenezisi hem etnik istoriyası // gazeta “Gagauz sesi”. № 132, noyabrınin 22, 2004 yıl.
- Radova O. K.* Canımın sesi (Голос души). Стихи. Кишинев: Elena-V.I., 2003.
- Karanastas-Radova O.K.* Tuna ötesi göçmenleri ve gagavuzlar (19 yüzyıl sonları – 20 yüzyıl başları). Ankara, 2004. 149 s.
- Radova Karanastas O.* Moldova Milli Arşiv Kaynaklarına Göre XVIII.Yüzyıl sonu – XIX. Yüzyıl Başında Besarabya Gagavuzlarının Etnik Tarihi ve Demografik Gelişimi // *ULUSLARARASI TÜRK ARŞİVLERİ SEMPOZYUMU 17–19 Kasım 2005*. İstanbul–Ankara, 2006. S. 71-77.
- Radova (Karanastas) O.* Gagauz manilerin şekil açısından değerlendirilmesi // *IV. Uluslararası Türk Madeniyetlerinde Sözlü Kültür Geleneği «Türk Dünyasında Maniler» sempozyumu*. 6-8 Kasım 2006. Fethiye/türkiye. 2007, S. 112-115.
- Radova-Karanastas O.* Gagauz manilerin şekil açısından değerlendirilmesi. IV. Uluslararası Türk Madeniyetlerinde Sözlü Kültür Geleneği «Türk Dünyasında Maniler» sempozyumu. 6-8 Kasım 2006. FETHİYE/TÜRKİYE. 2007. S. 93-95.
- Radova-Karanastas O.* Güneydoğu Avrupa gagauzların tarihini ve kültürünü korumak – etnosun gelişmesinde bir şart temeldir // *38.ICANAS 10-15/09/2007/*. Bildiri özetlerin Kitabı ABSTRACTS. Ankara, 2007. S. 829-830.
- Rodova-Karanastas O.* Gagauzların Tarihi, Yerleşim Yerleri ve Kültürü // журнал «Sabaa Yıldızı». № 40. Komrat, 2008. S. 49-57.
- Radova (Karanastas) O.* Minority rights in moldova and the gagauzes («Moldova’daki etnik azınlıkları ve gagauzlar». – «Этнические меньшинства Молдовы и гагаузы») // *Proceeding of the International Conference on Minority Issues in the Balkans and the EU/ May 16th 2007, Istanbul*. Foundation for Middle East and Balkan Studies (OBIV)/ Y.T.U. Departament of Political Science and International Relations. Joint Conference Series No. 7. Ankara, 2008. S. 51-59.
- Radova-Karanastas O.* Heritage of Ottoman’s Pease Which Remains Within City Walls: Gagauzia Graves in Balıklı Ortodox Graveyard // *3rd İnternational symposium on the historical peninsula the book of notifications. The heart of İstanbul the European capital of culture 2010*. İstoriical Penisula (*Science Board*: Prof. Dr. Halil İnalçık, Prof. Dr. İlber Ortaylı, Prof. Dr. Michel Bozdemir – France – Inalco, Prof. Dr. Jean – Louis Bacque-Grammont / CNRS France, Prof. Dr. Suphi Saatçı / Mimar Sinan University, Dr. Aras Nefiçi / Archimedes Proect Advisor, Dr. Coşkun Yılmaz). İstanbul, 2008. S. 119-124.
- Radova-Karanastas O.* Osmanlı Barışının Surlarda Kalan Gagauz Mirası: Topkapı Balıklı Ortodoks Mezarlığı // İstanbul 2010 Avrupa kültür başkentin kalbi... TARİHİ YARIMADA. 3. Uluslararası Tarihi Yarımada Sempozyumu tebliğler kitabı (Bilim kurulu: Prof. Dr. Halil İnalçık, Prof. Dr. İlber Ortaylı, Prof. Dr. Michel Bozdemir – France – Inalco, Prof. Dr. Jean – Louis Bacque-Grammont / CNRS France, Prof. Dr. Suphi Saatçı / Mimar Sinan University, Dr. Aras Nefiçi / Archimedes Proect Advisor, Dr. Coşkun Yılmaz). 1. Baskı. Eylül, İstanbul, 2008. S. 145-150.
- Radova-Karanastas O.* İstoriya bakımından Gagauzların hem onların dedelerinin ortodox dinini kabul etmeleri // Gagauz Yerinin 15-ci yıldönümünə baalı “Gagauzologiyanın ilerlemesi: dil, kultura, istoriya, literatura” halklararası bilim-praktika konferençiyanın materialları, 12.12.2009. Gagauz Yeri Genel Ürenmāk Müdürlüü, Bilim Araştırmaları hem Metodika İşleri Merkezi. Komrat, 2010. S. 143-152.
- Raftis Alkis.* The world of Greek dance. Athens, 1987.
- Rasonyi L.* Tuna havzasında Kumanlar // *Belleten*. Cilt III. S. 11/12. Ankara, 1939.
- Recensămınıul popularei* (Перепись населения. Статистический сборник). Vol. 1. Chișinău, 2004; Vol. 2. Chișinău, 2006.
- Rezachevici C.* Găgăuzii // *Magazin Istoric*. București, 1997. Nr. 5-6.
- Rezachevici C.* Găgăuzii – Originealor // *Cugetul. Revistă de Istorie și Cultură*. Chișinău, 2001. Nr. 1.
- Rodop türküleri / Съст. E. Boyev, H. Süleymanova.* София, 1966.
- Sachs C.* World History of the Dance. London, 1937.
- Șăineanu L.* Influența orientală asupra limbii și culturii română. București, 1900.
- Salemann G.* Zur Kritik des Codex Cumanicus. I. Türkisches, II. Persisches // *Известия Императорской Академии Наук. Серия 6. Т. IV. СПб., 1910. С. 943-957*.
- Sămoetru M.* Uzii și Găgăuzii // *Cugetul. Revistă de Istorie și Cultură*. Chișinău, 1991. Nr. 3.
- Sârf V.* Povestea fantastică găgăuză / Autoref. tezei de doctor în filologie. Chișinău, 2001.
- Savaşan M.* Gagauz ressam Mete Savaşan (Dimitri Savastin). Ankara, 2000.
- Şimşir B. N.* Rumeliden Türk Göçleri. Cilt I (1877–1878). Ankara, 1968. 819 s.; Cilt II

- (1879). Ankara, 1970. 832 s.
- Sîrf V.* Mitologismul poveștii magice găgăuze // *Știința*. 1996. Nr. 12. P. 11.
- Sîrf V.Î.* Gagauz büülü masalında pelivan-personajların süretleri // *Sabaa yıldızı*. Komrat, 1999. № 10. S. 20-23.
- Soroçanu E.* Gagavuzların İlkbahar Bayramı // *Материалы Международной научной конференции “Nevruz”, Анкара, 21-23 марта 2001 г. Türk Dünyasında NEVRUZ. Dördüncü uluslararası bilgi şöleni bildirileri*. Sivas, S.131-139.
- Soroçanu E.* Gagauzların yıllık törenlerinde kadının yeri ve rolü // *Материалы Первого международного съезда женщин тюркского мира, Анкара, 12-14 октября 2001 г. Türk dünyası kadınları dostluk ve dayanışma kurultayı. Konuşmalar – Bildiriler*. Ankara, 2002. S. 115-120.
- Soroçanu E.* Gagavuzların halk takvimi / Prof. Dr. Abdurrahman Güzel'e Armağan. Ankara, 2004. S. 357-370.
- Soroçanu E.* Gagauzların kalendar adetleri (etnolingvistik araştırması) («Гагаузская календарная обрядность (этнолингвистическое исследование)»). Chișinău: Gunivas, 2006. 256 p.
- Spinei V.* The Romanians and the Turkie Nomads North of the Danube Delta from the tenth to the Mid-Thirteenth Century. 2009. Leiden: The Netherlands, Ligeti Louis. Prolegomena to the Codex Cumanicus // *Acta Orientalia Hungarica*. 35. 1. 1981. P. 1-54.
- Spinei V.* Moldova în secolele XI–XIV. București, 1982.
- Spinei V.* Realității etnice și politice în Moldova Meridională în secolele X–XIII: Român și Turanici. Iași, 1985. 238 p.
- Spinei V.* Populațiile nomade turce în regiunile românești în secolele X–XIV. Suceava, 1986–1987. (Extras din Anuarul Muzeului Județean Suceava, XIII–XIV. 1986–1987. 128 p.).
- Spinei V.* Marile migrații în estul și sud-estul Europei în sec. IX–XIII. Institutul European. Iași, 1999.
- Spitsyn V.A., Varzar' A.M., Spitsyna N.K.* Characteristics of the Gene Pool of the Gagauz Population of Moldova // *Russian Journal of Genetics*. Vol. 35. 8. 1999. P. 984-987.
- Stamatoglu G.* Gagauzların altın kitabı. Gagauzların tarihi hem etnogenezi (Золотая книга гагаузов. История и этногенез гагаузов). Comrat, 2000.
- Stati V.* Istoria Moldovei. Chișinău, 2002.
- Stati V.* Moldovenii din Ucraina. Chișinău, 2007. P. 121-164.
- Stow G.W.* The native races of South Africa. London, 1905.
- Stratou Dora.* The Greek Dances our living link with antiquity. Athens, 1966.
- Tanasoglu D.* Gagauz istoriası. Curs universitar. Comrat, 1994.
- Tarih I.* Tarihtenevelki zamanlar ve eski zamanlar. Istanbul, 1932.
- Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic // *The Hague*. Bloomington, 1968.
- Thumann J.* Untersuchungen uber die geschichte der ostlichen europaischen Volker. Theil, Leipzig, 1774.
- Türk Dili Kurumu Divani Zugat-it-türk tercümesü. Çilt 1.* Ankara, 1939.
- Türk Folklor Araştırmaları, İstanbul, 1949 // Македонски фольклорни списания на институтот за фолклор. Скопје, 18. IX. 1976.*
- Ulküsal M.* Dobrudca ve Türkler. Ankara. 1966. (ve 1987).
- Văduva O.* Pași spre sacru (din etnologia alimentăției românești). București, 1997.
- Vambéry H.* Die primitive Cultur des turko-tatariscen Volkes. Zeipzig, 1879.
- Van den Berghe P.L.* The Ethnic Phenomenon. New York, Oxford: Elsevier, 1981.
- Varsahr A.M., Dubova N.A., Kutuyev I.A.* Serological researches in the south of Moldavia in connection with the problem of the ethnogeny of the Gagauzes, the Moldavians and the Bulgarians // *Anthropologischer Anzeiger*. Jg. 61. Stuttgart, 2003. N 4.
- Varsahr A.M., Spitsyn V.A., Bychovscaya L.S. Kravchuk O.I.* To the research of the gene pool of the Gagauz population of Moldavia // *Anthropologischer Anzeiger*. 2001. Jh. 59. P. 11-17.
- Varzari A., Stephan W., Stepanov V., Raicu F., Cojocaru R., Roschin Yu., Glavce C., Dergachev V., Spiridonova M., Schmidt H.D., Weiss E.H.* Population history of the Dniester–Carpathians: evidence from *Alu* markers // *Journal of Human Genetics*. 2007. Vol. 52. P. 308-316.
- Varzari A., Kharkov V., Stephan W., Dergachev V., Puzyrev V., Weiss E.H., Stepanov V.* Searching for the origin of Gagauzes: Inferences from Y-chromosome analysis // *American Journal of Human Biology*. 2009. Vol. 21. N 3. P. 326-336.
- Vasilioglu K.K.* Sevgili şiirlär (Любимые стихи). Chișinău, 1998a.
- Vasilioglu K.K.* Sevgilim (Моя любимая). Стихи. Chișinău: Știința, 1998b.
- Vasilioglu K.K.* Masallar. Uygun sözlär. Bilmeyselär (Сказки. Крылатые выражения. Загадки). Chișinău: Știința, 2002. 112 p.
- Vasilioglu K.K.* Vatanım – Bucak (Моя Родина – Буджак). Стихи. Chișinău: Știința, 2003.
- Vasilioglu K.K.* Çadır // газета «Вести Гагаузии». 2004. 26 ноября.
- Vazari A.* Population History of the Dniester-Carpathians evidence from *Alu* Insertion and Y-Chromosome Polimorphism. München, 2006.
- Vesela-Prenoailcva Z.* A propos de la protection exercee par le gouvernement ottoman sur le monastere de Ste Catherine au Sinai. *Arxiv orientalm*, T. 37. 1969. S. 336.
- Vlah P.N.* Susak taa dünnää kurulmasından (Сусак с сотворения мира). Кишинев: Централ. типогр., 2003. 176 с.
- Volontir Î.* Hacımançunun çöşmesi (Родник Хаджыманчу). Роман. Кишинёв, 1995.
- Voyages d'Ibn Batutah. Text arabe accompagné d'une traduction par B. Defrémery et B. Sanguinetti.* Paris, 1877.
- Vulcănescu R.* Mitologie română. București, 1987.
- Vulpe R., Bănea I.* Din istoria Dobrogei // *Analele Dobrogei*. Cernauți, 1928.
- Walter H.* Populationsgenetik der Blutgruppensysteme des Menschen. Stuttgart, 1998.
- Wingert P.S.* Primitive Art. Its traditions and styles. N.Y. Oxford, 1962.
- Wittek P.* Yazicioglu Ali on the Christian Turks of Dobruja // *Bulleten of the School of Oriental and African Studies*. Vol. XIV. London, 1952. P. 652-653.
- Wittek Paul.* Les Gagaozes – les gens de Kaykaus // *RO. T. XVII (1951–1952)*. Krakow, 1953a. S. 12-24.
- Wittek P.* Yazijioghli' Ali on the Christian Turks of the Dobruja // *British School of the Oriental and African Studies*. XIV. Nr. 3. 1953b. S. 639-668.
- Xenopol A. D.* Războaile dintre ruși și turce. Iași, 1880 (și București, 1997, ed. de Apostol STAN).
- Y chromosomes of the Gagauz // *Dienekes' Anthropology Blog*; <http://dienekes.blogspot.com/2008/12/y-chromosomes-of-gagauz.html>
- Zajaczkowski W.* Terminologia zwierzat domowych u gagauzow // *RO*. 1953. XVII.
- Zajaczkowski W.* Przyczynki do etnografii Gagauzow // *RO*. XX. 1956.
- Zajaczkowski Wl.* Zbadan nad iezikiem i folkloriem gagauzow w Bulgarii // *Odbitka ze Sprawozdan z pozedzen Komisii odzialu PAN w Krakowie*. Krakow, 1958.
- Zajaczkowski Wl.* Gagauzkie teksty folklorijstyczne // *Езиковско-этнографически изследования в памет на академик Стоян Романски*. София, 1960. С. 855-886.
- Zajaczkowski Wl.* Пословицы и поговорки гагаузов из Балгарии // *Folia otientalia* Vol. V. Krakow, 1962. P. 127-164.

- Zajaczkowski Wl. Gagavuz folkloru (Gagauze folklore) // Proceedings of the First international Congress for Turkish folklore. Ankara, 1976.
- Zajaczkowski Wl. Język i folklor gagauzow z Bulgarii. Polska Akademia nauk. Nr. 5. Krakowie, 1966a. S. 65-91.
- Zajaczkowsky A. La chronique des steppes Kipchak. Ed. crit. avec la trad. française du XVIII-e siècle. Warszawa, 1966b. 180 s.
- Zajaczkowski Wl. Vocabulaire gagauze-français // Folia Orientalia. Vol. VII. Krakow, 1965–1966c.
- Zamfirescu I. Contribuții la cercetarea unei gospodării țărănești din satul Cornova // Patrimoniul (revista de lectura istorica). București, 1993. № 2. P. 153-203.
- Zanet T. Akar yıldız (Текущая звезда). Стихи. Chișinău, 1998.
- Zavrak P. Gagauzlar arasında kullanılan halk ilaçları // Halk bilgisi haberleri. Sekizinci cilt. S. 85-96. İstanbul, 1939. Перепечатано в журнале: Sabaa Yıldızı. Nr. 41. Komrat, 2008. S. 26-28.
- Zelenciuc V. Obiceiul agrar Drăgaica – Sânzienele // Revistă de etnologie. Chișinău, 1997. Nr. 1(2). P. 24–34.
- Zur Sprache der Komanen // Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. Leipzig. Vol. I, 1884. S. 377-382; Vol. II, 1885. S. 13-42.
- Żyromski M., Hatlas J. Power administration and ethnic minorities. The case study of gagauzian autonomy. Poznan: Adam Mickiewicz University, 2008. 114 s.

ΑΡΓΥΡΙΑΔΗΣ ΓΕΩΡΓΙΟΣ ΔΑΣΚΑΛΟΣ. ΚΑΡΑ ΧΑΛΗΝ Η ΧΑΜΕΝΗ ΠΑΤΡΙΔΑ.
Χρυσόχωρα Σερρών 2002.
Πραξιούτης Δασκαλός Ι. Γ. Η ζιχνη δια μέσου των αιώνων. 2η έκδοση. Νέα Ζιχνη, 1998.
Χρηστός Στ. Κοζαριδής. Εμείς οι Γκαγκαβουζήδες (Ταυτότητες – Ιστορικές πηγές και η πορεία μας μέσα στο χρόνο). ΠΑΡΑΤΗΡΗΤΗΣ. Κομοτηνή 2009.

www.Regnum.ru/news/676944.htm
<http://www.ctp-sorbent.ru/idu.htm>
ru.wikipedia.org/wiki/Печенег
en.allexperts.com/e/p/pa/patriarch_theophylactos_of_constantinopole.htm
en.wikipedia.org/wiki/Horos

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- АА – Архив автора
- АИАЭ – Архив Института археологии и этнографии АН РМ
- Архив ГМЭ – Архив Государственного музея этнографии народов СССР, Л. (совр. РЭМ)
- АНМБ – Архив Национального историко-этнографического музея им. Д. Кара Чобана, с. Бешалма (Комратский район, РМ)
- АЭМОГ – Архив этнографических материалов Отдела гагаузоведения АНМ
- АНМ – Архив этнографических материалов Отдела гагаузоведения АНМ
- ВОА – Türkiye Başbakanlık Osmanlı Arşivleri (Османский архив Республики Турция)
- НА РМ – Национальный архив Республики Молдова
- НА АНМ – Научный архив Академии наук Молдовы
- ПМА – Полевые материалы автора
- РГАЭ – Российский государственный архив экономики
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Российской Федерации)
- ЦГА МССР – Центральный Государственный архив МССР (совр. НА РМ)
- ЦГИА – Центральный Государственный исторический архив (Российской Федерации)
- ЦГАНХ – Центральный Государственный архив народного хозяйства СССР (совр. РГАЭ)
- ЦХСД – Центр хранения современной документации (РФ)
- Ф. ВУА – Фонд «Военно-учётный архив» в РГВИА.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АИЗ – Археологические известия и заметки. Киев.
- АИФ – Аргументы и факты. М.
- АИЮС – Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н.В. Калачевым. М.
- АНМ – Академия наук Республики Молдова
- АС ГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
- АТО – Автономно-территориальное образование
- АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
- АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа.
- БАН – Българска академия на науките. София.
- БЕ – Българска етнология. София.

БГПИ	– Бельцкий Государственный педагогический институт.	ИНМ, ИНМВ	– Известия на Народния музей. Варна.
БСП	– Българите в Северното Причерноморие: Изследвания и материали. Велико търново (до 2005 г.), Одеса (с 2006 г.).	ИОАНЭКУ	– Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
БФ	– Български фолклор. София.	ИОРЯС	– Известия Отделения русского языка и словесности. СПб.
ВАИ	– Вестник археологии и истории. СПб.	Ипр	– Исторически преглед. София.
ВЕДС	– Восточная Европа в древности и средневековье. М.	ИРГО	– Известия Императорского Русского географического общества. СПб.
ВВ	– Византийский временник. М.–Л.	ИРИО	– Известия Русского исторического общества. СПб.
ВСУ	– Вестник Славянского университета. Кишинев.	КЕВ	– Кишиневские епархиальные ведомости.
ВТУ	– Велико търновски университет «Св. св. Кирилл и Методий».	КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
ВФ	– Вопросы философии. М.	КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.–Л.
ВЯ	– Вопросы языкознания. М.	КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
ГМЭ	– Государственный музей этнографии народов СССР. Л. (совр. РЭМ)	ЛГУ	– Ленинградский Государственный университет.
ГРМС	– Гагаузско-русско-молдавский словарь. М. 1973.	ЛЛМ	– Лимба ши литература молдовеняскэ. Кишинев.
ГРМС	– Гагаузско-русско-румынский словарь. Chişinău, 2002.	МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
ГСУ ИФФ	– Софийски университет. Историко-филологичен факултет.	МАР	– Материалы по археологии России, изданные Археологической комиссией. СПб.
ГСУ ЮФ	– Софийски университет. Юридически факултет.	МАУЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
ДАС	– Донецкий археологический сборник. Донецк.	МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.
ДВДС	– Древности Волго-Донских степей. Волгоград.	МКАЭН	– Международный конгресс этнографических и антропологических наук. М.
ДИ	– Декоративное искусство СССР. М.	МССР	– Молдавская Советская Социалистическая Республика.
ЕБ	– Энциклопедия: България. София.	МЭЭ	– Молдавская этнографическая экспедиция
ЕИМИ	– Ежегодник Института межэтнических исследований Академии наук Республики Молдова. Кишинэу.	ОАИСУ	– Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург.
ЖМВД	– Журнал Министерства внутренних дел. СПб.	ОГН	– Отделение гуманитарных наук.
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения. СПб.	ОРЯС	– Отделение русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб.
ЗВО	– Записки Восточного отделения Российского Императорского Археологического общества. СПб.	ИОРЯС	– Известия отделения русского языка и словесности. СПб.
ЗЖ	– Закон и жизнь. Кишинэу.	ПВЛ	– Повесть временных лет
ЗООИД	– Записки Одесского Общества истории и древностей. Одеса.	ПМР	– Приднестровская Молдавская Республика
ЗРАО	– Записки Императорского Русского археологического общества. СПб.	ПС	– Периодическо списание. София.
ЗРГО	– Записки Императорского Русского географического общества. СПб.	ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи. СПб.
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук.	ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей. СПб.
ИАН СССР	– Известия Академии наук ССР	Прг.	– Петергоф.
ИБИД	– Известия на Българското историческо дружество в София.	ПТКЛА	– Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.
ИВ	– Исторический вестник. М.	РА	– Российская археология. М.
ИВАД	– Известия на Варненското археологическото дружество. Варна.		
ИЕИМ	– Известия на Етнографския институт с музей. София.		

РАН	– Российская Академия наук.
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО	– Императорское Русское географическое общество
РМ	– Республика Молдова
РФ	– Российская Федерация
РЭ	– Российский этнограф. М.
РЭМ	– Российский этнографический музей. СПб.
СА	– Советская археология. М.–Л.
САИ	– Свод археологических источников. М.–Л.
СБ	– Советская библиография. М.
СБНУН	– Сборник на народни умотворения и народопис, издава Българската Академия на науките в София.
СМАЭ	– Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.
СС	– Советское славяноведение. М.
СТ	– Советская тюркология. Баку.
СУ	– Софийски университет.
СЭ	– Советская этнография. М.
ТА	– Татарская археология. Казань.
ТД	– Тезисы докладов
ТИЭ	– Труды Института этнографии АН СССР. М.– Л.
ТОДРЛ	– Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. М.–Л.
ТОЛРС	– Труды общества любителей Российской словесности. СПб.
Тр. ГИМ	– Труды Государственного исторического музея. М.
Тр. МАО	– Труды Императорского Московского Археологического Общества. М.
ТС	– Тюркологический сборник. М.
УЗ	– Учёные записки
УЗ КГУ	– Учебные записки Кишиневского Государственного университета.
УССР	– Украинская Советская Социалистическая республика.
ФО	– Федеральный округ
ЦИЕК	– Центр за източни езици и култури. София.
ЭО	– Этнографический отдел Русского музея им. императора Александра III; Этнографическое обозрение. СПб.–М.
аз.	– азербайджанский язык
алт.	– алтайский язык

араб.	– арабский язык
Бен. цын.	– Бендерский цынут
букв.	– буквально
венг.	– венгерский язык
вост.-мар.	– восточно-марийский диалект
гаг.	– гагаузский язык
гаг. Болг.	– диалекты гагаузов Болгарии
Греч. цын.	– Гречанский цынут
диал.	– диалектная лексема
Изм. цын.	– Измаильский цынут
Кодр. цын.	– Кодрский цынут
калм.	– калмыцкий язык
караим.	– караимский язык
ктат.	– крымскотатарский язык
ктат.-кыпч.	– кыпчакизированный диалект крымско-татарского языка
мар.	– марийский язык
мн.	– множественное число
монг.	– монгольские языки
морд.-м.	– мордовско-мокшанский язык
морд.-э.	– мордовско-эрзянский язык
муж.	– мужской род
ног.	– ногайский язык
перс.	– персидский язык
пратюрк.	– пратюркский язык
рус.	– русский язык
саам.	– саамский язык
ст.-калм.	– старокалмыцкий язык
тат.	– татарский язык
тур.	– турецкий язык
туркм.	– туркменский язык
тюрк.	– тюркские языки
тюрк.-болг.	– тюрко-болгарский язык
тюрк.-кыпч.	– тюркские языки кыпчакской группы
удм.	– удмуртский язык
узб.	– узбекский язык
устар.	– устаревшая лексема
фин.-угор.	– финно-угорские языки

ханты-ю.	– юганский диалект хантыйского языка
чагат.	– чагатайский язык
чув.	– чувашский язык
чув.-н.	– низовой диалект чувашского языка
эвен.	– эвенкский язык
эст.	– эстонский язык
юр.	– юрукский язык

AEMAe	– Assotiation des etudians mauritaniens a letranger.
AOASH	– Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
AŞM	– Academia de Ştiinţe a Moldovei.
RA	– Revista arhivelor. Bucureşti.
RO	– Rocznik Orientalistyczny. Krakow.
RESEE	– Revue des etudes sud-est Europeus.
SAO	– Studia et Acta orientalia. Bucureşti.
SAI	– Studii şi articole de istorie. Bucureşti.
SK	– Seminarinm Kondakovianum. Praha.
TDA	– Türk Dunyası araştırmaları.
TTKB	– Türk Tarih Kurum Belletini.
WZKM	– Wiener Zeitschrift fur die Kunde des Morgenlandes.

